Весь

ГАРРИСОН

ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ НАВСЕГДА!

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

FOUNDATION

Звезды и полосы навсегда! : фантастические произведения

Гарри Гаррисон

Аннотация
Весь. ГАРРИСОН. ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ НАВСЕГДА!
Кольца анаконды
Враг у порога
В логове льва
Пролог. АВРААМ ЛИНКОЛЬН,. ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
Книга I. ПОКУШЕНИЕ
Книга II. ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ
Книга III. РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ

Аннотация

Введите сюда краткую аннотацию

Весь
ГАРРИСОН
ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ НАВСЕГДА!

Кольца анаконды

А ведь могло быть и так...

В самом центре Лондона блистает классическим великолепием мраморная статуя — сидящий человек в тоге. Это принц Альберт, супруг королевы Виктории. Он был добрым человеком, и королева страстно любила его, ибо он подарил ей настоящее счастье. Но свершил ли этот саксонский князек, так и не сумевший избавиться от германского акцента, хоть что-нибудь значительное, разумеется, кроме того, что был отцом будущего короля?

Несомненно. Он предотвратил войну с Соединенными Штатами.

В 1861 году Американская гражданская война была в самом разгаре; шел первый год смертоубийственной сечи. К ужасу Севера, Британия и Франция собирались признать Юг самостоятельным государством. Именно тогда британский паровой пакетбот «Трент» повез в Англию двух новоиспеченных посланников Конфедерации — Уильяма М. Мейсона и Джона Слайделла, уполномоченных представлять президента

Джефферсона Дэвиса.

8 ноября 1861 года «Трент» был остановлен в море военным кораблем Соединенных Штатов «Сан-Хасинто». Когда его командиру капитану Уилксу стало известно, что оба мятежника находятся на борту «Трента», он тотчас же приказал взять их под стражу и снять с британского корабля.

Англия всколыхнулась, вне себя от гнева. Еще свежа была в памяти война 1812 года между Британией и только что учрежденными Соединенными Штатами Америки. Флот северян перекрыл все подступы к портам Конфедерации, хлопок с Юга почти не поступал, и над ткацкими фабриками Мидленда нависла угроза банкротства. Премьер-министр лорд Пальмерстон счел захват британского судна и арест пассажиров намеренным оскорблением британскому суверенитету. Министр иностранных дел лорд Джон Рассел выразил общественное мнение, подготовив проект ноты президенту Линкольну, предписывающей осво

бодить пленников незамедлительно — или пенять на себя. В Канаду были отправлены британские полки и тысячи винтовок и к границе Соединенных Штатов подтянуты войска.

Вот тут-то на сцену и выступает миролюбивый принц Альберт, уже смертельно больной брюшным тифом, подхваченным из-за дурного водоснабжения и скверного состояния канализации в Виндзорском замке. Переписав послание заново, он смягчил выражения, чем дал Линкольну возможность пойти на попятный, не роняя достоинства. Королева Виктория одобрила поправки, и депеша отправилась в Вашингтон.

26 декабря президент Линкольн приказал отпустить обоих посланцев Конфедерации.

Как ни печально, принц Альберт так и не узнал, что сумел предотвратить противостояние, которое могло бы повлечь за собой настоящую трагедию. Он скончался четырнадцатого числа того же месяца.

Но давайте на минутку представим, что случилось бы, не измени он роковое послание.

Что, если бы крепкие выражения вынудили Линкольна отвергнуть ультиматум?

Если бы британское вторжение в Соединенные Штаты все-таки состоялось?

Если бы началась война?

8 ноября 1861 года

Корабль морского флота США «Сан-Хасинто» тихонько покачивался на ласковых волнах Южной Атлантики, между голубыми водами моря и голубыми небесами. Огонь в топке был притушен, из высокой трубы поднималась лишь тоненькая струйка дыма. В этом месте, близ маяка Парадор-дель-Гранде, Багамский пролив сужается до каких-то пятнадцати миль, превращаясь в эдакое бутылочное горлышко, пропускающее через себя все корабли, крейсирующие между островами. Капитан Чарльз Д. Уилкс стоял на мостике американского военного корабля, сцепив руки за спиной и устремив мрачный взгляд на запад.

— Вижу дым! — выкрикнул вахтенный матрос. — Восток-юго-восток!

Капитан даже не шелохнулся, когда лейтенант Фэрфакс повторил доклад впередсмотрящего. Ожидаемый корабль должен прийти с запада, и довольно скоро, если расчеты капитана верны. По донесениям агентов северян на Кубе, разыскиваемые находятся на борту этого корабля. Пока что погоня по всему Ка-рибскому морю была безрезультатной; преследуемые на шаг опережали «Сан-Хасинто» с тех самых пор, как он покинул

Флориду. Это последний шанс перехватить их. Если же капитан ошибся и «Трент» пошел не по этому пути между островами, то он уже преспокойно плывет в Англию, а вместе с ним и эта парочка.

Решение расположить судно здесь, в Старом Багамском проливе, основывалось на сплошных домыслах. Если эти двое действительно находятся на борту «Трента», да если пакетбот отчалил из Гаваны по графику, да если он взял курс на остров Сент-Томас — что ж, тогда он будет здесь к полудню. Капитан потянулся было за часами, но одернул себя, не желая выказывать свое нетерпение перед экипажем. Вместо этого он с прищуром взглянул на солнце — наверняка уже близится к меридиану. И только крепче сцепил руки за спиной, еще угрюмее сдвинул брови.

Прошло минут пять — с равным успехом они могли бы оказаться часами, — прежде чем впередсмотрящий крикнул снова:

— Вижу корабль! Чуть влево по носу!

— Поднять пары! — приказал капитан, стукнув кулаком по планширу. — Это «Трент», я знаю, что это «Трент»! Свистать всех наверх!

Лейтенант Фэрфакс повторил команды. В машинном отделении дверца котла с лязгом рас-

пахнулась, и кочегары принялись бросать уголь в топку лопата за лопатой. Палуба загрохотала от топота бегущих ног. Заметив на губах капитана улыбку, Фэрфакс чуточку расслабился. Служба под началом Уилкса не сахар при любых обстоятельствах. Человек крутого, вспыльчивого нрава из-за того, что его часто обходили по службе, капитан дожил до шестидесяти двух лет и был бы обречен до скончания дней просиживать штаны в роли председателя совета маяка, не выручи его война. Получив распоряжение следовать на Фернандо-По, чтобы отвести этот старый деревянный пароход на Филадельфийскую военно-морскую верфь, он нарушил приказ, как только добрался до Флориды и услышал, что объявлен розыск. Ему бы даже в голову не пришло вести судно на верфь, пока двое предателей на свободе. И он вовсе не нуждался в приказах, чтобы задержать их, как не нуждался в приказах вышестоящих в давно минувшие дни, когда исследовал и картографировал ледяную антарктическую пустыню. Не очень-то доверяя чиновникам, он всегда предпочитал действовать в одиночку.

Винт заработал, перед носом судна вздыбился бурун, палуба завибрировала. Фэрфакс направил подзорную трубу на приближающийся корабль,

медля с ответом, пока не проникся абсолютной уверенностью.

— Это «Трент», сэр, я прекрасно знаю его обводы. Как вы и сказали, одиннадцать сорок, почти полдень, — в голосе его прозвучало благоговение.

Уилкс кивнул:

— Наши английские родственнички доки по части пунктуальности, лейтенант. А больше ни на что не годны.

Он был четырнадцатилетним юнгой, когда британец «Шеннон» расстрелял, почти потопив, «Чесапик» — самый первый корабль, на котором ходил Уилкс. Смертельно раненный мушкетной пулей капитан Лоуренс умер у него на руках. Последние слова умирающего навсегда врезались в память Уилкса: «Не сдавайте корабль». И все же, несмотря на приказ капитана, флаг был спущен, корабль сдан, а Уилкс и оставшиеся в живых члены экипажа угодили в вонючую британскую тюрьму. С тех пор он и возненавидел британцев.

— Поднять флаг, — скомандовал капитан. — Как только они будут в пределах видимости, просемафорьте, чтобы остановили двигатель и приготовились принять нас на борт.

Рулевой плавно развернул судно и повел его параллельно курсу пакетбота.

— Судно не сбавляет ход, сэр, — доложил Фэрфакс.

— Добрый выстрел поперек дороги заставит его капитана предпринять надлежащие действия.

Через считаные мгновения прогрохотал пушечный выстрел; на «Тренте» его заметили, но предпочли проигнорировать.

— Отлично, — бросил капитан Уилкс. — Стреляйте из турельной пушки.

Заряженная в пушку бомба разорвалась в опасной близости от носа британского пакетбота. Как только белый дым рассеялся, двигатель «Трента» застопорили, и судно остановилось. Капитан Уилкс мрачным кивком выразил одобрение.

— Спустить шлюпку, лейтенант Фэрфакс. Возьмете с собой отделение морских пехотинцев, с мушкетами и штыками. Пускайте оружие в ход, если понадобится. Вам известно, кого мы ищем.

— Так точно, сэр.

Моряки налегли на весла, и шлюпка быстро заскользила по морю к другому кораблю. Уилкс молча проводил ее взглядом, ничем не выдавая раздирающих душу чувств. Нарушенный приказ, отчаянная погоня, догадки и решения ушли в прошлое, и поправить уже ничего нельзя. Но все это окупится, если разыскиваемые на корабле.

Если же нет... Капитан предпочел не думать о последствиях.

Как только сбросили штормтрап, Фэрфакс поднялся на борт «Трента». Уилкс отчетливо видел, как лейтенант говорил с тамошним офицером. Потом обернулся к американскому военному кораблю, вытащил из рукава белый платок и подал условный сигнал, махнув платком от подбородка к поясу и обратно.

Они на борту!

Протолкнувшись в дверь, Юстин захлопнул ее за собой.

— Что случилось? — спросила мадам Слайделл. В ответ он лишь тряхнул головой, чуть ли не бегом пересек каюту и ворвался в соседнее помещение.

— ... За нами янки! — запинаясь, выпалил он.

— Они упоминали наши имена?

— Да, сэр, сказали, что прибыли за Джоном Слайделлом и Уильямом Мюрреем Мейсоном. Ни меня, ни Макферленда не поминали, но офицер, он говорил о ваших помощниках, так что они знают, что мы на борту судна.

Слайделлу эта новость не понравилась. Он сердито потер свой крупный красный нос, широкими шагами забегал по каюте из угла в угол.

— Да кто им позволил?! Остановить в море британский корабль, подняться на борт... подобное поведение... Нельзя же так!

— Легко сказать, Джон, — отозвался Мейсон. — Но все-таки это случилось, клянусь душой и телом. Теперь нам следует подумать о бумагах, которые мы везем, о наших верительных грамотах... о письмах Джефферсона Дэвиса. Обо всех письмах английским и шотландским верфям насчет каперов, что они для нас строят. Не забывай, что мы везем еще и личные письма королеве и Луи Наполеону. Они не должны попасть в чужие руки!

— Бросьте их за борт! — предложил Слайделл.

— Слишком поздно — весьма велика вероятность, что они не утонут и будут обнаружены. Нужен план получше. И у меня он есть. — Первоначальный страх схлынул, Мейсон снова стал собой, прежнее высокомерие вернулось к нему. Он провел ладонью по своим седым кустистым бровям привычным жестом, так знакомым коллегам-сенаторам в Вашингтоне.

— Джон, оставайся здесь, со своей семьей, выиграй время... Задержи их, насколько сможешь.

— Зачем?

— Затем, что я знаю, как быть с бумагами.

Немедленно отдай свои Юстину. Макферленд, ступайте в мою каюту и все соберите. Встретимся в почтовой каюте. Скорее!

Они вышли. Мейсон последовал за ними не сразу, помедлив на пороге, пока Слайделл лихорадочно швырял документы на кровать.

— Придумай что-нибудь, потяни время... Ты же политик, так что игра словами, проволочки и обструкция должны получаться у тебя сами собой. И запри за мной дверь. Я хорошо знаком с почтмейстером и в курсе, что он флотский офицер в отставке. Настоящий морской волк. Мы много беседовали за виски с сигарами, и я выслушал немало морских баек. Он недолюбливает янки так же сильно, как и мы. Не сомневаюсь, он поможет нам.

И последовал за Юстином, нагруженным документами. Позади тотчас же клацнул в замке повернувшийся ключ. Юстин споткнулся, и связка писем упала на трап.

— Спокойнее, — сказал ему Мейсон. — Нет, оставьте, я подниму. Ступайте вперед.

Бледный, сам не свой от страха Макферленд дожидался их у дверей почтовой каюты.

— Тут заперто!

— Да постучитесь же, идиот! — Сунув прине-

сенные бумаги помощнику, Мейсон заколотил в дверь кулаком и отступил назад, когда та отворилась.

— Что, мистер Мейсон... В чем дело? — осведомился открывший дверь старик с абсолютно седыми бакенбардами и лицом, загорелым и обветренным за годы службы на флоте.

— Янки, сэр. Стреляли в корабль и остановили его.

— Но... зачем?

— Ими высказано желание сделать нас своими пленниками, захватить нас против воли, заковать в кандалы и швырнуть в какой-нибудь грязный каземат. А то и похуже. Но вы можете нам помочь.

Лицо почтмейстера окаменело от гневной решимости.

— Конечно. Чем могу служить? Если вы спрячетесь...

— Это было бы проявлением трусости. К тому же нас все равно найдут. — Схватив стопку конвертов, Мейсон протянул ее перед собой. — Нашу участь переменить нельзя. Но тут наши верительные грамоты, наши документы, наши секреты. Будет просто катастрофой, если они попадут в руки янки. Не сбережете ли их для нас?

— Конечно. Вносите. — Старик подвел их к массивному сейфу в дальнем конце каюты, вынул из кармана ключ и отпер дверцу. — Положите их сюда, к правительственной почте и валюте.

Как только бумаги оказались в сейфе, он захлопнул дверцу, запер ее и убрал ключ.

— Джентльмены, хоть я ныне и в отставке, я никогда не уклонялся от своего долга в качестве офицера флота. Ныне я бульдог, стоящий у вас на страже, — он похлопал себя по карману. — Я буду держать ключ при себе и не выну его, пока судно не будет стоять в безопасной английской гавани. Они войдут в эту каюту только через мой труп. Ваши бумаги сберегаются так же надежно, как и королевская почта.

— Благодарю вас, сэр. Вы настоящий офицер и джентльмен.

— Я всего лишь выполняю свой долг... — Тут на палубе послышались какие-то сдавленные вопли и топот тяжелых сапог. — Я должен запереть дверь.

— Поторопитесь же, — отозвался Мейсон. — А мы должны поспеть вернуться в каюту до прихода синепузых.

— Я вынужден выразить протест против подобных действий, самый решительный протест,

— заявил капитан Джеймс Муар. — Вы стреляли по британскому кораблю, под угрозой расстрела остановили его в море, пиратскими...

— Это не пиратство, капитан, — оборвал его Фэрфакс. — Моя страна воюет, и я лишь преданно служу ей, сэр. Вы уведомили меня о том, что на борту этого судна находятся двое предателей — Мейсон и Слайделл. Вы видите, что я безоружен. Я лишь хочу убедиться в их присутствии лично.

— А затем?

Американец не отозвался, прекрасно понимая, что каждым словом лишь распаляет гнев английского капитана. Ситуация чересчур деликатна, чересчур чревата международными осложнениями, чтобы позволить себе право на ошибки. Пусть капитан сам догадается.

— Юнга! — рявкнул капитан, неучтиво повернувшись к лейтенанту спиной. — Сопроводи эту особу вниз. Покажи каюту его соотечественников.

Фэрфакс сдержал собственный гнев на столь неучтивое поведение и последовал за юнгой на нижнюю палубу просторного, комфортабельного пакетбота. В обшитом деревянными панелями, сверкающем бронзовыми украшениями коридоре юнга указал на ближайшую дверь.

— Здесь, сэр. Американский джентльмен по фамилии Слайделл, он и его семья.

— Семья?

— Жена, сэр, и сын. И три дочери.

Фэрфакс колебался лишь мгновение. Присутствие семьи Слайделла ровным счетом ничего не меняет; обратного пути нет. Лейтенант громко постучал.

— Джон Слайделл, вы здесь?

За дверью послышался шепот и шорох. Фэрфакс подергал за ручку. Заперто.

— Еще раз спрашиваю, сэр. Я лейтенант военно-морских сил Соединенных Штатов Фэрфакс. Прошу вас немедленно открыть дверь.

Единственным ответом послужило молчание. Лейтенант заколотил в дверь так, что она затряслась. Но не открылась, и ответа по-прежнему не последовало.

— Ответственность лежит на вас, Слайделл. Я офицер, выполняющий свой долг. Мне даны приказания, которым я должен следовать, и я им последую.

Так и не дождавшись ответа, Фэрфакс развернулся и сердито затопал прочь. Юнга торопливо юркнул вперед. На верхней палубе уже собралась группа пассажиров, не сводивших глаз с

лейтенанта, подошедшего к планширу, чтобы прокричать приказ людям в шлюпке.

— Сержант, я хочу, чтобы ваши подчиненные поднялись на борт! Все до единого.

— Протестую! — вскрикнул капитан Муар.

— Протест принят к сведению, — бросил Фэрфакс, поворачиваясь к нему спиной, чтобы отплатить капитану его же монетой.

По палубе затопали тяжелые ботинки облаченных в синюю форму морских пехотинцев, вскарабкавшихся на борт судна.

— На пле... чо! — рявкнул сержант, и мушкеты с лязгом заняли свое положение.

— Сержант, велите примкнуть штыки, — распорядился Фэрфакс, желая с самого начала продемонстрировать силу, дабы избежать нежелательных инцидентов. Сержант выкрикнул команду, и на солнце блеснула сталь. При виде штыков британские матросы попятились; умолк даже капитан. Чувства теперь выражали только пассажиры-южане, вышедшие на верхнюю палубу.

— Пираты! — кричал один, потрясая кулаком. — Кровожадные ублюдки янки!

Остальные подхватили его слова, двинувшись вперед.

— Стоять на месте! — приказал лейтенант Фэрфакс. — Сержант, велите подразделению приготовиться открыть огонь, если эти люди подойдут ближе.

Эта угроза остудила пыл южан. С недовольным ворчанием они медленно попятились от шеренги, ощетинившейся штыками. Фэрфакс кивнул:

— Вот так и стойте. Сержант, я возьму с собой капрала и еще двоих.

Прогрохотав по трапу, ботинки пехотинцев затопали в коридоре. Фэрфакс указал им нужную дверь.

— Капрал, пускайте в ход приклад мушкета, но пока не ломайте дверь. Я хочу, чтобы они чертовски отчетливо поняли, что мы здесь.

Приклад грохнул по тонким доскам двери — раз, другой, третий. Жестом остановив капрала, Фэрфакс громко произнес:

— Со мной вооруженные морские пехотинцы, и если эта дверь сию же минуту не откроется, они выполнят свой долг. Как я понимаю, там находятся женщины, и потому не хочу прибегать к крайностям. Но если вы сейчас же не отопрете, мне придется ворваться в каюту силой. Выбор за вами.

Напряженную тишину нарушало только тяже-

лое дыхание солдат. Фэрфакс почувствовал, что больше не в силах ждать, и уже открыл было рот, когда дверь задребезжала, приоткрылась на долю дюйма, и все.

— Приготовить оружие, — приказал Фэрфакс. — Пускайте его в ход только в случае оказания сопротивления. Следуйте за мной. — Распахнув дверь, он переступил порог и тут же оцепенел, услышав пронзительный визг.

— Стойте, где стоите! — выкрикнула разъяренная дама, прижимая к своей пышной груди трех девочек. Сбоку к ней льнул мальчишка, дрожащий от страха.

— Я не причиню вам вреда, — промолвил Фэрфакс. Визг стих до горестных всхлипов. — Вы миссис Слайделл? — Получив в ответ короткий, сердитый кивок, лейтенант оглядел роскошную каюту, заметил в глубине еще одну дверь и указал на нее. — Я хочу переговорить с вашим мужем. Он там?

Джон Слайделл стоял, прижавшись ухом к двери. Тут с противоположной стороны послышался негромкий стук в дверь, выходящую в коридор. На цыпочках перебежав к ней, Слайделл хрипло шепнул:

— Да?

— Это мы, Джон, отпирай скорее.

Первым в дверь протиснулся Мейсон, за ним торопливо последовали Юстин и Макферленд.

— Что происходит? — поинтересовался Мейсон.

— Они уже в каюте, с моей семьей — офицер флота и вооруженные морские пехотинцы. Мы задерживали их, сколько могли. Бумаги?..

— В надежных руках. Ваш отвлекающий маневр был решающим фактором нашей маленькой победы в этом морском бою. Почтмейстер, как я вам уже говорил, принял бумаги под личную опеку. Запер их в сейф, сказав, что ключа никто не получит, пока он не увидит английские берега. Сказал даже, что его не поколеблет и угроза смерти. Наши бумаги в таких же надежных руках, как и королевская почта.

— Хорошо. Теперь давайте выйдем. Моя семья и так уже натерпелась оскорблений.

Как только дверь смежной каюты открылась, всхлипывания прекратились. Один солдат шагнул вперед, выставив штык, но лейтенант жестом велел ему сдать назад.

— Не надо насилия — пока предатели подчиняются приказам.

Фэрфакс холодно смотрел на входящих. Муж-

чина, переступивший порог первым, тотчас же обратился к сгрудившимся женщинам:

— L'st ce que tout vas bien?

— Oui, sa va[1].

— Вы Джон Слайделл? — осведомился Фэрфакс. Тот сдержанно кивнул. — Мистер Слайделл, как я понимаю, вы посланы особым уполномоченным мятежников во Францию...

— Ваши речи оскорбительны, молодой человек. На самом деле я член правительства Конфедерации.

Не обращая внимания на протесты, лейтенант повернулся ко второму политику:

— А вы, полагаю, Уильям Мюррей Мейсон, посланный с такой же миссией в Соединенное Королевство. Вы оба отправитесь со мной, а также ваши помощники...

— Вы не имеете права! — взревел Мейсон.

— Имею полное право. И вам, как бывшему члену американского правительства, прекрасно об этом известно. Вы восстали против своего знамени и своей страны. Все вы предатели, и все арестованы. Отправитесь со мной.

Но сделать это оказалось не так-то просто.

---

[1] Примечания: 1

— Все ли у вас хорошо?

— Да, более-менее *(фр.). — Здесь и далее прим. перев.*

Слайделл вел бесконечные, страстные разговоры по-французски с женой, французской креолкой из Луизианы, в которые то и дело встревали заливающиеся слезами дочери. Их бледный, трепещущий сын в полуобмороке привалился к стене. Мейсон громовым голосом изрыгал протесты, на которые никто не обращал внимания. Так все и тянулось добрый час, и конца-краю было не видать. В конце концов, не в силах более сдерживать нарастающий гнев, Фэрфакс рявкнул, заставив всех замолчать:

— Я не позволю превращать столь серьезное дело в балаган! Теперь все будут следовать моим приказам. Капрал, пусть ваши подчиненные проводят вот этих двоих, Юстина и Макферленда, в их каюты. Там каждый должен собрать себе по одному чемодану одежды и личного имущества, после чего их следует тотчас же препроводить на верхнюю палубу. Переправьте их на «Сан-Хасинто». Когда шлюпка вернется, на палубе будут ждать двое других пленных.

Дело стронулось с мертвой точки, но покончить с челночными переправами удалось лишь под вечер. Мейсона и Слайделла сопроводили на верхнюю палубу, но они отказывались покинуть корабль, пока все их личное имущество не

было упаковано и доставлено к ним. Вдобавок к одежде они потребовали взять тысячу сигар, приобретенных ими на Кубе. Пока переправляли сигары, капитан Муар настоял, чтобы они взяли несколько десятков бутылок шерри, кувшины и тазы для умывания, а также прочие туалетные принадлежности, наверняка отсутствующие на борту военного корабля.

Так что пленные и их пожитки были доставлены на «Сан-Хасинто» лишь в пятом часу пополудни. Военный корабль тотчас же развел пары и повернул на запад, к побережью Америки.

Дождавшись, когда оставшиеся пассажиры «Трента» разойдутся по каютам, капитан Муар поднялся на мостик и отдал приказ следовать дальше. Американский военный корабль уже превратился в темную точку на горизонте, и капитан с трудом удержался, чтобы не погрозить ему кулаком вослед.

— Не в добрый час они это затеяли, — сказал капитан старшему помощнику. — Англия не потерпит унижения со стороны этой мятежной колонии. Здесь заварилась такая каша, что скоро не расхлебаешь.

Он даже не догадывался, насколько пророческими окажутся его слова.

Особняк администрации, Вашингтон, 15 ноября 1861 года

Косой дождь неустанно барабанил в окно кабинета, сквозняки разгуливали по всему древнему зданию. Джон Хей, секретарь Авраама Линкольна, подбросил в огонь еще совок угля и ворошил его, пока пламя не разгорелось как следует. Подняв взгляд от заваленного бумагами стола, президент одобрительно кивнул.

— Холодновато, Джон, хотя сегодня даже вполовину не так холодно, как вчера вечером в доме генерала Макклеллана.

— Этот человек, сэр!.. Надо что-то делать!.. — от гнева Хей захлебывался слюной.

— Мне как-то не приходит в голову ничего подходящего. За неучтивость не принято расстреливать даже генералов.

— Это не просто неучтивость, это явное оскорбление! Пока мы сидели в гостиной, ожидая его прихода, он зашел через другую дверь и направился прямиком наверх! Отказавшись увидеться с вами, президентом!

— Да, я и в самом деле президент, но пока еще не абсолютный монарх. И даже не абсолютный президент, поскольку, как вы помните, я избран

меньшинством голосов народа, о чем демократические политики неустанно мне напоминают. Порой мне кажется, что в Конгрессе у меня больше противников, чем в Ричмонде. Иметь дело со сварливым Сенатом и Палатой — чуть ли не поденный труд. — Линкольн пятерней пригладил густую копну волос, мрачно глядя на ливень за окном. — Вам следует помнить, что дело прежде всего, а наипервейшее дело для нас — этот ужасный конфликт, в котором мы увязли так глубоко. Чтобы выиграть эту несчастную войну, я должен полагаться на солдат и генералов. Текущий момент требует немалого терпения и просто-таки грандиозной мудрости и осмотрительности, особенно в отношениях с молодым Макклелланом; он ведь не только главнокомандующий, но еще и командующий армией на Потомаке, стоящей между этим городом и вражескими войсками.

— «Стоящая» — самое подходящее слово. Армия, которая только и делает, что занимается муштрой без конца и краю, все наращивает численность — и не трогается с места, как гвоздем прибитая.

— Истинная правда. Прошло уже шесть месяцев с тех пор, когда мятежники захватили форт Самтер и начались военные действия. С той поры радость мне доставляет только успех эскадр,

ведущих блокаду. Нынешний год начался с вражды и мрачных предчувствий. Мы сколачиваем армию, а отступники делают то же самое. Со времени битв при Булл-Ране и Боллс-Блаф никаких действий, кроме мелких стычек. И все же напряженность нарастает. Выйти из этой войны будет не так-то просто, и я боюсь ужасающих грядущих битв, которых наверняка не миновать. — Президент устремил взгляд на отворившуюся дверь кабинета.

— Господин президент, извините, что мешаю, — сказал его второй секретарь, Джон Николай, — но к вам пришел министр военного флота.

Авраам Линкольн устал, невероятно устал. Бумаги на его столе и в ячейках бюро с каждым днем множились. На месте одной решенной проблемы тут же вырастали две новые. Положив ладонь на темя, он небрежно взъерошил волосы своими длинными пальцами, радуясь возможности отвлечься.

— Ничего, вы ничуть не помешали, Джон. Пусть войдет.

— А вот еще доклады, о которых вы спрашивали, а также письма вам на подпись.

Линкольн со вздохом указал на забитые бумагами ячейки бюро.

— Суньте к остальным, Нико, я уделю им внимание, обещаю.

Встав, он устало потянулся и прошаркал мимо портрета сурового Эндрю Джексона к мраморному камину. Приподняв фалды фрака, он грелся перед огнем, когда Хей удалился, и вошел министр Уэллс.

— Полагаю, в этой депеше, — президент указал на принесенный им документ, — содержится нечто важное.

Чрезмерно пышные бакенбарды и экзотический парик придавали министру военного флота Гидеону Уэллсу простоватый вид, но за этим фасадом таился острый, проницательный ум.

— Военный телеграф только что принес кое-какие волнующие и любопытные новости из Хэмптона, — он хотел было передать листок, но Линкольн загородился ладонью.

— Тогда, пожалуйста, расскажите мне о них, поберегите мои усталые глаза.

— Это довольно просто, господин президент. Винтовой шлюп «Сан-Хасинто» остановился в Хэмптоне, чтобы пополнить запасы топлива, и капитан послал эту телеграмму. Мейсон и Слайделл у него на борту.

— Ну вот и вправду добрые вести, столь редкост-

ные в наши времена! — Линкольн сел в старое кленовое кресло, скрипнувшее под его весом, и сложил пальцы домиком. — Полагаю, теперь все мы будем спать крепче, зная, что это двое не затевают заговоры по всей Европе, всячески злоумышляя против нас.

— Боюсь, ситуация не так проста. Как вам известно, поскольку они бежали с Юга и прорвались сквозь блокаду на «Гордоне», они всю дорогу на шаг опережали нас. Сначала на Багамах, затем на Кубе. Мы разослали на их поиски целую флотилию.

— И теперь она добилась успеха.

— Это действительно так, однако не обошлось и без осложнений. Мятежники арестованы не на земле и даже не на конфедератском судне. При нынешнем военном положении подобный арест был бы вполне законным. Однако получилось так, что их захватили на британском почтовом пакетботе «Трент», каковой был остановлен в море.

Линкольн глубоко задумался над этой вестью, потом вздохнул. Беды плодятся, как драконовы зубы.

— Надо послать за Сьюардом. Государственному секретарю стоит узнать об этом незамедлитель-

но. Но как подобное могло случиться? Разве не было приказано не трогать в море нейтральные суда?

— Было. Но капитан «Сан-Хасинто» не получил этих приказов — более того, как выяснилось, ему был отдан вообще совершенно иной приказ. Он был в море довольно долго и должен был вернуться из Фернандо-По, доставив корабль на верфь, ничего более. Должно быть, услыхал о розыске, когда вернулся за топливом. С того момента он действовал на свой страх и риск.

— Это демонстрирует независимость его духа, хотя и несколько неуместную.

— Да. Мне дали понять, что капитан Уилкс — натура весьма независимая. Правду говоря, кое-кто в военно-морском ведомстве называет это открытым неповиновением и скверным характером.

Тут открылась дверь, и вошел Сьюард.

— Прочтите это, Уильям, — попросил президент. — Потом решим, как следует поступить.

Госсекретарь быстро пробежал депешу глазами, по мере чтения все сильнее хмуря брови. Затем, будучи человеком осторожным и не склонным к опрометчивым решениям, перечитал ее еще раз, уже помедленнее. И постучал по бумаге

указательным пальцем.

— Мне в голову приходят сразу две вещи. Прежде всего, предателей надо держать за семью замками. Теперь они у нас в руках, и упускать их не стоит. Предлагаю, Гидеон, телеграфировать на «Сан-Хасинто», чтобы после пополнения запаса топлива он сразу же направился в Нью-Йорк. Дальнейшие инструкции будут ждать его там.

— Согласен, — кивнул Линкольн. — Пока он будет совершать переход, мы можем всерьез поразмыслить, как нам теперь следует поступить с этими людьми, раз уж они у нас в руках.

— Я тоже согласен, — промолвил Уэллс и поспешил отдать приказы.

Вдруг из-под президентского стола раздался громкий лай, и Уэллс испуганно вздрогнул.

— Не бойтесь, этот пес не кусается, — улыбнулся Линкольн, когда из укрытия выскочил мальчонка, ухмыляясь во весь рот, и обнял длинные ноги отца.

— Наш Вилли — великий искатель приключений, — сказал президент, когда радостный мальчик выбежал из комнаты. — Когда-нибудь он станет великим человеком, нутром чую. — Его улыбка померкла. — Но тем же нутром я чую тревогу из-за этого происшествия с «Трентом».

— Первоначальное удовольствие, доставленное президенту этими новостями, сменилось дурными предчувствиями. — Догадываюсь, какие соображения приходят вам в голову. Каких последствий следует ждать, когда эта весть дойдет до Лондона? Наши друзья британцы и без того обеспокоены войной с мятежниками-южанами, о чем то и дело напоминают нам.

— Именно об этом я и подумал. Но проблемы надо решать по мере возникновения. По крайней мере, смутьяны теперь у нас.

— В самом деле. Два зайца одним выстрелом. Полагаю, дипломатические протесты и прения будут, как всегда, тащиться черепашьим шагом. Протесты пойдут через Атлантику на корабле, да еще ответы пойдут обратно еще более тихим ходом. Дипломатия всегда требует времени. Быть может, если пройдет достаточно времени между вопросами, ответами и откликами, есть шанс, что дело забудется.

— Дай Бог, чтобы вы оказались правы, господин президент. Но, как вам наверняка известно, текущий конфликт уже сейчас вызвал у британцев волнение. Они поддерживают мятежные штаты, горько сетуя на перебои в поставках хлопка, вызванные нашей блокадой. Поступают сообщения

о том, что в Ланкашире закрылась часть ткацких фабрик. Боюсь, наша страна в последнее время не пользуется особой популярностью в Британии, да и на материке тоже.

— На свете есть вещи похуже, чем отсутствие популярности. Скажем, как в той байке про кролика. Рассердившись на гончую, он созвал кроликов, чтобы вместе задать собаке изрядную взбучку. Нельзя сказать, чтобы собака была в претензии — она впервые за многие годы наелась до отвала.

— Англичане не кролики, мистер Линкольн.

— Разумеется, не кролики. Но эта старая гончая будет беспокоиться, когда придет беда, и не раньше. Зато из нашей шкуры вытащили две занозы, причинявшие немалую боль. Теперь надо найти надежный сосуд для них, запечатать его крепче, убрать с глаз долой и уповать, что тогда все о них позабудут. Быть может, эта гроза минует и тоже забудется.

— Разрази и прокляни Господь этих гнилых янки!

Премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон протопал через весь кабинет и обратно, схватил лежавшую на столе депешу из Саутгемптона и снова перечитал ее; его крупные ноздри

раздувались, уподобившись пушечным жерлам. Его лордство не отличался благодушием даже в лучшие времена, а уж теперь кипел вовсю. Лорд Джон Рассел сидел тише воды ниже травы, желая оставаться совсем незаметным. Увы, чаяниям его не суждено было сбыться.

Скомкав листок, лорд Пальмерстон отшвырнул его и повернулся к Расселу, уставив на него трясущийся от гнева указующий перст:

— Вы министр иностранных дел, откуда следует, что это по вашей части. Итак, сэр, что же вы намерены предпринять?

— Послать протест, разумеется. Мой секретарь уже готовит черновик. Затем я проконсультируюсь с вами...

— Этого мало, разрази меня гром! Дайте этим мятежным янки палец, так они всю руку отхватят. На самом деле надо схватить их за шкирку и задать добрую трепку, как терьер крысе! На этот постыдный акт следует отреагировать незамедлительно, с предельной решимостью и категоричностью! Я освобождаю вас от ответственности, и сам позабочусь обо всем. Я твердо намерен послать депешу, которая заставит этих янки взлететь вверх тормашками.

— Я уверен, что имеются прецеденты, сэр.

Затем мы обязаны проконсультироваться с королевой...

— К черту прецеденты, и... да, конечно, мы несомненно обязаны представить это дело вниманию королевы. Хотя меня повергает в трепет необходимость столь скоро встретиться с ней вновь. Во время своего последнего визита в Букингемский дворец я как раз застал ее в самый разгар очередного приступа истерики. Надеюсь, что эти скверные новости все-таки привлекут ее внимание. Я ничуть не сомневаюсь, что она будет возмущена даже более нашего, эти американцы ей совсем не по душе.

— Если мы поведем себя более деликатно, нужды встречаться с королевой не возникнет. Быть может, не так уж разумно палить по янки сразу из всех орудий? Мы можем доказать свою правоту, прибегнув к соответствующим средствам. Начнем с протеста, затем последует ответ. Если они и тогда не согласятся на наши вежливые требования, мы забудем о снисхождении и доводах рассудка. Мы больше не станем их просить. Мы будем диктовать им, как следует поступать.

— Быть может, быть может, — проворчал Пальмерстон. — Я приму это к сведению, когда будет созван кабинет. Срочный созыв кабинета стано-

вится настоятельной необходимостью.

Легонько постучав, вошел секретарь.

— Адмирал Милн, сэр. Интересуется, можете ли вы его принять.

— Конечно, проводите его ко мне.

Встав навстречу вошедшему адмиралу, лорд Пальмерстон пожал ему руку.

— Как я догадываюсь, адмирал, это отнюдь не визит вежливости?

— Никоим образом, сэр. Позвольте присесть?

— Конечно. Ваша рана?..

— Отлично зажила, но я еще не так крепок, как следовало бы. — Сев, адмирал перешел прямо к делу: — Я чересчур засиделся на суше, джентльмены. Сей внезапный оборот событий настоятельно напоминает мне об этом факте.

— «Трент»? — осведомился Рассел.

— «Трент», что ж еще! Корабль, ходящий под британским флагом... остановлен в море чужим боевым кораблем... не нахожу слов.

— Как и я, сэр, как и я! — Гнев Пальмерстона вспыхнул с новой силой. — Я вижу это злодеяние вашими глазами и разделяю ваш пыл. Вы с честью бились за родную страну, были ранены на службе отечеству в Китае. Вы адмирал самого могучего военно-морского флота на свете. А тут

такое! Я знаю, что вы должны чувствовать...

Теперь Милн нашел слова и прямо затрясся от ярости, выплевывая их.

— Унижение, сэр! Унижение и бешенство! Этим колонистам следует преподать урок! Видит Бог, они не смеют стрелять по британскому судну — по королевскому почтовому пакетботу! — и не испытать на себе последствий столь кощунственных действий!

— Каковы же должны быть эти последствия, по вашему мнению? — полюбопытствовал Пальмерстон.

— Не мне об этом судить. Это по вашей части, джентльмены, решать, какого курса придерживаться в подобных вопросах. Но я хочу, чтобы вы знали, что весь флот Ее Величества до последнего человека поддержит вас от начала и до конца!

— Вы считаете, что они разделяют наше возмущение?

— Да не считаю, а знаю\ Все, от младшего канонира на орудийной палубе до высочайших чинов в адмиралтействе, испытывают ярость и омерзение. И острейшее желание следовать туда, куда вы их направите.

Пальмерстон медленно склонил голову.

— Спасибо за откровенность, адмирал. Вы укре-

пили нашу решимость. Кабинет будет созван тотчас же. Уверяю вас, меры будут приняты сегодня же. И не сомневаюсь, что ваше возвращение на боевую службу будет оценено по достоинству, а ваше прошение — принято.

— Здесь офицер с «Трента», сэр, — доложил секретарь, проводив адмирала. — Хочет получить инструкции, как распорядиться документами, оказавшимися у него на руках.

— Какими еще документами?

— Похоже, он принял под свою ответственность документы, которые господа Мейсон и Слайделл хотели утаить от американского правительства. А теперь он желает получить инструкции касательно того, как ими распорядиться.

— Превосходно! Пусть несет их, и мы посмотрим, почему янки так спешили изловить этих господ.

Как только «Сан-Хасинто» на всех парах пошел на север, в сторону Нью-Йорка, погода испортилась. Дождь вовсю хлестал по плащу капитана Уилкса, стоявшего на полубаке. Море разгулялось, пошел снег с дождем. На полубак поднялся лейтенант Фэрфакс, и капитан обернулся к нему.

— Механик докладывает, что мы принимаем на борт воду, сэр. Швы подтекают в таком бурном

море.

— Помпы справляются?

— Отлично справляются, капитан. Но он хочет сбавить обороты, чтобы снизить нагрузку на обшивку. Корабль порядком послужил на своем веку.

— Да уж, действительно. Ладно, восемьдесят оборотов, но ни одним меньше. Полученные приказы весьма недвусмысленны.

На более тихом ходу течь прекратилась, так что откачку даже пришлось на несколько минут приостановить, чтобы уровень воды в помповом колодце поднялся повыше. Дела пошли намного лучше. Но ветер все крепчал, качка усиливалась. Плавание выдалось не из приятных. Ко времени прибытия в Нью-Йорк снег валил вовсю, теперь вперемешку с хлестким градом, и видимость упала почти до нуля. Однако прибытия «Сан-Хасинто» ждали, и в проливе у Стейтн-Айленда его встретил буксир.

Уткнув нос в воротник бушлата, капитан Уилкс с мостика смотрел, как бросают трос и крепят буксир к борту. По штормтрапу не без труда вскарабкались двое людей в мундирах; остановившись на палубе, они ждали, пока поднимут их кожаные саквояжи. Лейтенант Фэрфакс явился

на мостик с докладом.

— Это федеральные исполнители, капитан. Им приказано явиться к вам, сэр.

— Хорошо. Позаботьтесь, чтобы их проводили в мою каюту. Как там наши пленники?

— Активно возмущаются погодой и условиями содержания.

— Это несущественно. Они под замком?

— Так точно, сэр. А у дверей круглосуточно несут вахту часовые.

— Позаботьтесь, чтобы так было и дальше. — С этими словами капитан направился в собственную каюту, чтобы подождать федеральных исполнителей.

Новоприбывшие, оба рослые и крепко сложенные, с громким топотом вошли в каюту. В тепле каюты снег, облепивший их тяжелые шинели, начал понемногу таять.

— У вас имеются новые приказы для меня?

Старший из исполнителей передал ему кожаный бювар. Вынув бумаги, Уилкс пробежал их глазами.

— Вам известно содержание приказов?

— Да, капитан. Мы должны остаться на борту и не спускать глаз с ваших заключенных. Далее корабль должен проследовать прямо в форт Уор-

рен в Бостонской гавани. Департамент военного флота беспокоило только одно: чтобы у вас хватило угля.

— Бункеры почти полны. Выходим тотчас же.

Как только судно вышло из гавани, шторм обрушился на него в полную силу. Волны перехлестывали через палубу, в шпигатах бурлила вода. «Сан-Хасинто» так швыряло и мотало, что винт то и дело оказывался на воздухе, когда волны прокатывались под кормой. Та ночь далась нелегко даже бывалым морякам, а уж для сухопутных жителей обратилась в сущую пытку. Морская болезнь довела всех четверых заключенных до полнейшего изнеможения, как и федеральных исполнителей. Слайделл громко стенал, молясь о том, чтобы судно либо прибыло в спокойную гавань, либо затонуло — что угодно, только бы избавиться от мучений.

Лишь на второй день после полудня потрепанный штормом «Сан-Хасинто» вошел в более тихие воды Бостонской гавани и пришвартовался к причалу форта Уоррен. Отделение вооруженных солдат увело измученных пленников прочь, а федеральные исполнители на заплетающихся ногах побрели следом. Лейтенант Фэрфакс проследил за выгрузкой их багажа и припасов, взятых с

«Трента». Форт Уоррен, своими стенами опоясывающий весь крохотный островок, — тюрьма весьма надежная. Вернувшись на корабль, Фэрфакс принес капитану в каюту свежие газеты.

— Сэр, вся страна ликует. Вас приветствуют как спасителя нации.

Уилкс ничем не выказал, что новость эта доставила ему удовольствие. Он всего лишь исполнял свой долг, как сам его понимал, хотя кое-кто из флотского начальства может воспринимать это дело несколько иначе. Но успех окупает все. Капитан едва не улыбнулся, услышав добрые новости. В свете народного ликования командованию будет трудновато порицать его действия. Он прочел заголовки, испытывая угрюмое удовлетворение.

— Очевидно, лейтенант Фэрфакс, в этой стране наших пленников не так уж и любят. Поглядите-ка, Мейсона называют мошенником, трусом и задирой... ну и ну! И даже более того — помпезным снобом, а также тщеславным пустозвоном и предателем.

Фэрфакс тоже читал газеты.

— В «Глоуб» точно так же обходятся со Слайделлом. Его рисуют бездушным, хитрым, себялюбивым, кровожадным и развращенным.

— А мы-то думали, что захватили всего лишь

парочку политических ренегатов. Любопытно, английские газеты смотрят на эту проблему с той же точки зрения?

— Весьма в этом сомневаюсь, капитан.

В ожидании, пока Кабинет соберется, лорд Пальмерстон читал лондонские газеты, угрюмо кивая в знак согласия с напыщенными гневными разглагольствованиями.

— Поддерживаю каждое слово, джентльмены, буквально каждое, — он помахал над столом пачкой газет. — Страна за нас, публика просто вне себя. Мы должны действовать быстро, иначе этим мятежным колонистам вздумается, будто их наглость останется незамеченной. Итак, все ли из вас получили возможность ознакомиться с документами с «Трента»?

— Я изучил их весьма внимательно, — сообщил Уильям Гладстон. — Помимо, разумеется, писем, адресованных лично королеве и французскому императору.

— Они будут отосланы адресатам, — кивнул Пальмерстон.

— Что же до предписаний верфям и прочих документов, они вполне подтверждают полную легитимность обоих послов. Не знаю, как отреагирует Франция, но лично я поражен действиями

янки, отважившихся пойти на перехват посреди моря.

— Вполне разделяю ваши чувства, — поддержал Пальмерстон.

— Итак, что вы порекомендуете, милорд? — осведомился Рассел.

— По тщательном размышлении и учитывая общественное мнение, я полагаю, что следует прибегнуть к самым решительным мерам. Передо мной лежит набросок ноты, — Пальмерстон постучал по листку, лежащему на столе. — Поначалу я считал, что было бы довольно отправить протест по обычным дипломатическим каналам, потому-то и созвал вас вместе. Однако с той поры я проникся убеждением, что всеобщее волеизъявление нельзя оставить без внимания. Мы должны от лица всей страны высказать янки справедливое негодование. Я подготовил эпистолу американскому правительству, прибегнув к самым сильным выражениям. Я отдал распоряжение, чтобы в Саутгемптоне стоял под парами почтовый пароход, дожидаясь прибытия этого послания. Королева увидит его сегодня же и, несомненно, согласится с каждым словом. Как только ее одобрение будет получено — депеша тотчас же отправится в путь.

— Сэр!

— Да, мистер Гладстон? — улыбнулся Пальмерстон. На канцлера казначейства Уильяма Гладстона всегда можно было опереться в годину испытаний.

— Я с радостью извещаю вас, что нынче вечером мы с женой обедаем в обществе королевы и принца Альберта. Пожалуй, я мог бы подать депешу ей на рассмотрение, сделав особый акцент на единодушии правительства в данном вопросе.

— Великолепно! — Пальмерстон испытал немалое облегчение и готов был чуть ли не хлопнуть Гладстона по спине, радуясь, что удалось избежать встречи с королевой. — Мы все в долгу перед вами за то, что вы берете эту обязанность на себя. Меморандум в полном вашем распоряжении.

Хотя собрание Кабинета министров Гладстон покинул в наилучшем настроении, горя желанием помочь своей партии и послужить родной стране, он порядком подрастерял свой энтузиазм, ознакомившись с документом, который так охотно вызвался представлять. Позже вечером, когда колеса кареты уже затарахтели по булыжной мостовой перед въездом в Букингемский дворец, жена с беспокойством заметила, как сурово сжаты его губы.

— Что-нибудь стряслось, Уильям? Я не видела тебя таким мрачным с тех пор, когда мы были в этом ужасном Неапольском королевстве.

— Должен просить у тебя прощения. Я крайне сожалею, что не смог оставить свои беды в стороне. — Он ласково пожал руку жены, затянутую в перчатку. — Как и в Неаполе, меня весьма тревожат дела государственной важности. Но давай не позволим им портить нынешний вечер. Я ведь знаю, с каким нетерпением ты ждала этого обеда в обществе Ее Величества.

— Ты прав, — голос ее чуточку надломился. Поколебавшись, она спросила: — Искренне надеюсь, что королева вполне здорова? Поговаривают — конечно, я не верю — о ее... ну, состоянии рассудка. В конце концов, она ведь внучка Георга Безумного[2].

— Дорогая, тебе не должно быть никакого дела до праздных сплетен, распространяемых отбросами общества. Она ведь, в конце концов, королева.

Их проводили в гостиную, где Гладстон поклонился, а его жена сделала реверанс королеве Виктории.

---

[2] Примечания: 2

То есть короля Георга III, в 1811 году признанного душевнобольным.

— Альберт подойдет через минутку, мистер Гладстон. Сейчас он отдыхает. Боюсь, мой дорогой муж сильно перетрудился.

— Прискорбно слышать, мэм. Но я не сомневаюсь, что ему обеспечен наилучший уход.

— Конечно! Сэр Джеймс Кларк осматривает его ежедневно. Сегодня он прописал эфир и капли Гофмана. Но угощайтесь же, на буфете есть шерри, если желаете.

— Спасибо, мэм. — Гладстону, сидевшему как на иголках, и в самом деле хотелось выпить. Непроизвольно похлопав себя по груди, где во внутреннем кармане покоился принесенный документ, он как раз наливал себе шерри, когда вошел принц Альберт.

— Мистер Гладстон, добрейшего вам вечера.

— И вам, сэр. Здоровья и счастья.

Принц — обожаемый супруг, отец большого семейства — счастьем обделен не был, а вот здоровья ему явно не помешало бы, ибо выглядел он, бесспорно, больным. Годы не пожалели его. Элегантный, грациозный юноша стал рыхлым, лысеющим, до срока постаревшим мужчиной с бледной, землистой кожей и темными кругами у глаз. Опускаясь в кресло, он вынужден был вцепиться дрожащими руками в подлокотники.

Королева с тревогой поглядела на него, но принц лишь отмахнулся:

— Обычный бронхит, как пришел, так и уйдет. После доброго обеда мне станет куда лучше. Пожалуйста, не беспокойся.

Утешившись, королева обратилась к прочим делам.

— Мистер Гладстон, мой секретарь уведомил меня, что вы хотите обратиться к нам по вопросам государственной важности.

— Это касательно ноты, которую премьер-министр намерен послать американцам, мэм, по поводу «Трента». С вашего одобрения, разумеется. Впрочем, она может обождать, пока мы не отобедаем.

— Вероятно. Тем не менее мы взглянем на нее сейчас. Это дело весьма тревожит меня, даже не тревожит, а, следует признаться, шокирует. Мы весьма серьезно озабочены тем фактом, что британский корабль был не просто остановлен в море, но и подвергся захвату.

Как только Гладстон достал письмо, королева указала на принца-консорта:

— Пусть Альберт прочтет. Мне и в голову не придет написать письмо, не посоветовавшись с ним. Он оказывает мне величайшую помощь и в

этом, и во многих прочих делах.

Будучи прекрасно осведомленным, как и все вокруг, что королева даже не оденется, не посоветовавшись с супругом, лорд Рассел поклонился в знак согласия и передал конверт принцу Альберту.

Развернув листок, принц поднес его к свету, а затем вслух зачитал:

«Касательно вопроса о насильственном изъятии четырех пассажиров с британского судна в открытом море. Правительство Ее Величества даже мысли не допускает, что правительство Соединенных Штатов не проявит рвения по собственной воле всяческим образом загладить столь вопиющий проступок. Министры Ее Величества ожидают следующего. Первое. Освобождения всех четырех джентльменов, захваченных силой, и передачи их лорду Лайонсу, британскому послу в Вашингтоне. Второе. Извинения за оскорбление, нанесенное британскому флагу. Третье...» — Он утробно кашлянул. — Прошу прощения. Весьма крепкие выражения и, боюсь, далее последуют подобные же. Крайне сильные выражения.

— Как и должно быть, — отозвалась королева с нескрываемым негодованием. — Я не в восторге

от американцев — и презираю этого мистера Сьюарда, отпустившего такое множество лживых замечаний в адрес нашей страны. И все же, если ты считаешь, что необходимо внести поправки, liebchen...[3]

Когда принц Альберт услышал ласковое немецкое слово, его изможденное лицо озарилось мимолетной улыбкой. Он искренне верил, что его жена — vortrefflicheste[4], несравненная женщина, мать и королева. Разве что склонная к резким переменам настроений — то кричит на него, то ластится. Но всегда остро нуждается в его советах. Лишь его скверное здоровье мешает ему стать великой подмогой в ее неустанных трудах, лежащих на плечах правящей монархини. А теперь еще и это. Пальмерстон изложил требования в самой воинственной и угрожающей манере. Эта манера, равно как и само послание, оскорбит любого главу государства.

— Да не то чтобы поправки, — сказал он, — ибо премьер-министр высказывает совершенно справедливые требования. Совершено международное преступление, в том нет ни малейших

---

[3] Примечания: 3
Любимый *(нем.)*.

[4] Примечания: 4
Превосходнейшая *(нем.)*.

сомнений. Но, может статься, вина за сей инцидент целиком лежит на капитане американского судна. Прежде чем сыпать угрозами, мы должны в точности выяснить, что же именно там случилось и почему. Ни в коем случае нельзя позволять этому делу идти самотеком. Посему, полагаю, необходимо внести кое-какие изменения. Не столько в содержание, сколько в тон. Суверенной державе нельзя приказывать, как своенравному ребенку. — Он не без труда встал на трясущиеся ноги. — Пожалуй, мне не помешало бы сейчас немного поупражняться в письме. В настоящее время я не голоден. Если позволите, поем попозже.

— Тебе нехорошо? — спросила королева, приподнявшись из кресла.

— Легкое недомогание, пустяки. Пожалуйста, не стоит прерывать обед из-за меня.

Попытавшись улыбнуться, принц Альберт двинулся вперед, но вдруг будто споткнулся. Колени у него подломились, и принц-консорт рухнул, крепко ударившись головой о пол.

— Альберт! — вскрикнула королева.

Тотчас же бросившись к принцу, Гладстон перевернул его и потрогал бледную кожу.

— Он без сознания, мэм, но дышит довольно

ровно. Может, врача...

Королева не нуждалась в подсказках, чтобы призвать людей на помощь своему дорогому Альберту. Тотчас же появилось огромное множество слуг, бросились разыскивать одеяло, укрыли ему ноги, под голову подложили подушку, нашли носилки, послали гонца за сэром Джеймсом. Королева ломала руки, лишившись дара речи. Поглядев на бесчувственного Альберта, Гладстон впервые заметил, что принц по-прежнему держит послание в конвульсивно стиснутом кулаке.

— Если позволите, мэм, — шепнул канцлер, преклонив колени и бережно освободив бумагу. Он колебался, понимая, что сейчас не время и не место, но все-таки чувствуя, что обязан упомянуть об этом. — Может, отложим ноту до завтра?

— Нет! Заберите ее. Посмотрите, что она натворила! Это ужасная бумага так подействовала на дорогого Альберта. Она взволновала его, вы же видели. При его хрупком здоровье подобное было уж чересчур. Снова эти американцы, это они во всем виноваты. Бедняжка, он так встревожился... Заберите ее с глаз моих долой! Делайте с ней что хотите. Доктор, наконец-то!

О трапезе никто больше и не вспомнил. Королева ушла вместе с принцем. Когда дверь за ней

закрылась, Гладстон распорядился, чтобы им принесли пальто и вызвали карету.

Вечер выдался недобрый.

Послание уйдет, как написано.

Жребий брошен.

Оружие

Когда президентский поезд остановился в Джерси, чтобы заполнить цистерны паровоза, доставили последние рапорты и донесения; личный секретарь президента сам принес их. Авраам Линкольн, вдали от Белого дома на время избавившись от постоянного напряжения и тягот управления государством, любовался сквозь заиндевевшее окно зимней красотой реки Гудзон. Пышущая жаром угольная печурка гнала холод прочь. На сиденье напротив безмятежно дремал военный министр Эдвин М. Стэнтон. После Белого дома, поминутно осаждаемого искателями президентской благосклонности, поезд казался приютом мира и покоя. Президента не смог потревожить даже вид кипы принесенных бумаг.

— Я вижу, война по-прежнему преследует меня повсюду, Николай.

— Война с отщепенцами и с Конгрессом. Порой мне кажется, что последний куда хуже. Конгресс-

мены в...

— Избавьте меня от политиков хоть на минутку. Свинец и порох кажутся куда милосерднее.

Кивнув в знак согласия, Джон Николай зашелестел свежими рапортами, переданными ему Хеем.

— А вот этот доставит вам удовольствие. Высадка на острове Тиби в реке Саванна прошла весьма успешно. Командир докладывает, что далее будет атакован форт Пуласки. Как только с ним будет покончено, Саванна наверняка падет. Далее, наш тайный агент в Норфолке сообщает, что прибыла новая партия брони для «Мерримака». А также пушки. Они переименовали его в корабль военного флота Конфедерации «Виргиния».

— Давайте пока не будем тревожиться о нем. Но позаботьтесь, чтобы копия рапорта дошла до команды «Монитора». Это заставит их трудиться круглые сутки.

Президент перелистал газеты. В последнее время пресса будто сговорилась против него и его администрации. Аболиционисты снова единодушно накинулись на него — их послушать, так надо перебить всех южан поголовно и освободить всех рабов до единого, а о меньшем даже говорить не стоит. Одна из заметок привлекла

его внимание, и Линкольн улыбнулся, читая ее, а потом скомкал газету в кулаке.

— Вот это настоящая журналистика, Николай. Наши защитники порядка и права одержали грандиозную победу на пароходе в Балтиморе. Послушайте: «Их подозрения пробудила дама, чересчур нервничавшая и старательно уклонявшаяся от встречи с ними. Когда ее ридикюль обыскали, там обнаружилось множество перчаток, чулок и писем, предназначавшихся для Юга. Также выяснилось, что малолетний мальчик вез изрядное количество хинина. Обоим было позволено следовать дальше после того, как их груз подвергся конфискации». Наши защитники не смежают век ни на минуту.

К тому времени, когда они покончили с бумагами, поезд подошел к станции Уэст-Пойнт, и паровой свисток локомотива провозгласил о прибытии. Линкольн надел пальто и шарф, потом нахлобучил цилиндр, прежде чем сойти на перрон, к встречающим его армейским офицерам и служащим литейного завода. Стэнтон и его секретари последовали за президентом. Все вместе они взошли на паром, чтобы переправиться через реку Колд-Спринг. Было довольно холодно, но переправа прошла быстро, а у пристани уже

ждали крытые экипажи. Лошади топтались на месте, и пар их дыхания клубился в недвижном морозном воздухе. У первого экипажа стоял серьезный мужчина в сюртуке.

— Господин президент, — сказал Стэнтон, — позвольте представить мистера Роберта Паркера Пэррота, изобретателя и оружейника, хозяина металлургических мастерских Вест-Пойнт.

Линкольн кивнул, а Пэррот тряхнул руку сперва ему, а потом Стэнтону.

— Весьма польщен, мистер Линкольн, что вы посетили мой завод и собственными глазами увидите, что мы тут делаем.

— Не мог отказаться от такой возможности, мистер Пэррот. Мои командиры криком кричат, что им нужны пушки, больше пушек, а их желания следует уважать.

— Мы здесь стараемся изо всех сил, чтобы удовлетворить их запросы. Я подготовил к испытанию только что законченную трехсотфунтовку. Если вы не против, первым делом мы отправимся на полигон, а уж затем в пушечные мастерские. Уверяю вас, эта пушка — самая впечатляющая и мощная из всех, какие я когда-либо производил.

Так оно и оказалось. Черное орудие, надежно закрепленное на массивной испытательной

платформе, выглядело весьма зловеще. Линкольн одобрительно кивнул, прошагав вдоль пушки, и, несмотря на свой немалый рост, не без труда дотянулся до жерла, чтобы взглянуть на желобки нарезки в стволе.

— Заряжена, господин президент, — сообщил Пэррот. — Если вы удалитесь на некоторое расстояние, то сможете увидеть, на что способна эта пушка.

Когда гости отошли, прозвучала команда, и спусковой механизм был приведен в действие.

От силы взрыва содрогнулась земля, и, хотя зрители крепко зажали уши ладонями, грохот оглушил их. Жерло орудия изрыгнуло грандиозный сноп пламени, и Линкольн, стоявший позади пушки, увидел, как черный снаряд, смахивающий на огрызок карандаша, понесся за реку и мгновение спустя разорвался среди деревьев полигона на другом берегу. К небу взмыл столб черного дыма, во все стороны полетели ветви и щепки, а через несколько секунд до слуха докатился грохот взрыва.

— Впечатляющее зрелище, мистер Пэррот, — заметил Линкольн, — мне никогда его не забыть. А теперь расскажите о своей работе более досконально, но только в тепле литейного цеха,

если позволите.

После короткой поездки с полигона они торопливо устремились навстречу манящему теплу, разливающемуся от ревущих горнов. Там их ждал лейтенант армии, при их приближении отдавший честь.

— Генерал Рипли послал меня вперед, господин президент.

Он сожалеет, что обязанности в Вест-Пойнте помешали ему присоединиться к вам раньше. Однако он уже выехал.

Линкольн кивнул. Бригадный генерал Джеймс У. Рипли, возглавляющий департамент материального снабжения, отвечал не только за производство орудий, но и за разработку новых конструкций. По настоянию президента он неохотно согласился покинуть свою бумажную работу и принять участие в посещении производства.

Под предводительством Пэррота инспекционная комиссия обошла завод. Работа не останавливалась ни на минуту; литейщики, имеющие дело с расплавленным железом, не могли терять время даже на то, чтобы взглянуть на своих сановных гостей. Два десятка зданий были заполнены орудиями всех калибров, находившимися на

различных стадиях производства — от черновой отливки до окончательной сборки. На каждом из них стояло клеймо с инициалами «МУП» и «РПП» — «Мастерские Вест-Пойнт» и «Роберт Паркер Пэррот». Линкольн шлепнул ладонью по казенной части тридцатифунтовой пушки.

— Мои инженеры докладывают, что своими успехами ваши пушки обязаны бандажам казенной части. Это правда?

— В каком-то смысле да, но это чисто технический аспект, господин президент.

— Не стесняйтесь посвятить меня в детали, мистер Пэррот. Вам следует помнить, что, перед тем как податься в политику, я был землемером и весьма силен в математике. Как я понимаю, источником нынешних проблем служит нарезка орудийного ствола.

— Вы совершенно правы, сэр. Гладкоствольные пушки ушли в прошлое. Винтовая нарезка закручивает снаряд во время его движения в стволе, обеспечивая большую точность и дальность стрельбы. Но она же порождает проблемы. Благодаря нарезке снаряд сдерживает напор пороховых газов куда эффективнее, что и обеспечивает увеличение дальности полета. Увы, это же более высокое давление приводит к раз-

рыву орудия. Потому-то и делаются бандажи на казенной части, чтобы погасить возросшее давление. Использование для этого колец отнюдь не в новинку. Однако мое изобретение заключается в создании более прочного кольца, как я вам сейчас продемонстрирую. Будьте любезны, сэр, вот сюда.

Только что выкованный, нарезанный ствол двадцатифунтовой пушки покоился на металлических валах, с выставленной в сторону казенной частью. По сигналу Пэррота двое дюжих кузнецов взялись за клещи, вытащили из ревущего горна раскаленный добела железный бандаж и с привычной сноровкой насадили его на казенник ожидающего орудия. Бандаж оказался лишь самую малость больше пушки, так что они кряхтели от напряжения, натягивая его и молотами вгоняя на место.

— Готово, начинайте вертеть!

Едва заново опоясанная бандажом пушка начала вращаться, как в ствол сунули трубу и начали закачивать в нее воду, чтобы охладить ствол изнутри.

— При нагревании металл расширяется, — пояснил Пэр-рот, — и сейчас диаметр бандажа больше, чем перед нагреванием. Как видите,

вода охлаждает казенник, а за ним и бандаж. Как только бандаж остынет, он равномерно сократится, плотно охватив ствол по всей окружности. Прежние способы обвязки пушек бандажами не обеспечивали подобной крепости и надежности. Ствол обжимался неравномерно, всего в нескольких местах. Стволы, изготовленные подобным способом, могли выдержать гораздо меньший заряд, иначе их разрывало.

— Впечатляет. И сколько же этих новых пушек вы производите в настоящее время?

— На сегодня мы делаем десять тяжелых орудий еженедельно. А также две тысячи снарядов для них.

— В своем письме вы писали, что можете увеличить производительность?

— Могу. И увеличу. С новыми горнами и токарными станками я за три месяца смогу так расшириться, что буду еженедельно выпускать не менее двадцати пяти пушек и семи тысяч снарядов. — Он мгновение помялся, словно что-то его тревожило. — Все детально разработано и ждет вашей инспекции. Однако нельзя ли... переговорить с вами с глазу на глаз?

— Мистер Стэнтон и мои секретари пользуются моим всемерным доверием.

Пэррот уже взмок, но отнюдь не из-за жары в цеху.

— Ничуть не сомневаюсь. Но это вопрос величайшей секретности, люди... — Голос его совсем стих и пресекся, изобретатель уставился в пол, пытаясь собраться с духом.

Задумчиво погладив бороду, Линкольн повернулся к Стэнтону и секретарям:

— С вашего позволения, джентльмены, мы удалимся на пару минут.

Испытавший громадное облегчение Пэррот провел президента в свой кабинет, плотно закрыв за собой дверь. Пройдя в другой конец комнаты, Линкольн остановился перед оправленной в рамку картиной на стене.

— Мистер Пэррот, минуточку, если позволите. Что это за распроклятая машина?

— Это копия с рисунка, сопровождавшего одну заявку на патент. Я взял за правило просматривать все патентные заявки, имеющие касательство к моей работе. Эту я обнаружил во время своего визита в Лондон несколько лет назад. В 1855 году два джентльмена, Коуэн и Свитлонг, если память мне не изменяет, попытались запатентовать этот бронированный боевой экипаж.

— Он так ощетинился пушками и шипами, что

выглядит довольно внушительно.

— Но крайне непрактичен, господин президент. При таком количестве пушек, да учитывая вес брони, для приведения его в движение понадобится паровой двигатель больше самого экипажа. Я пытался пересмотреть конструкцию, с единственной пушкой и более легкой броней, но все равно он слишком непрактичен.

— Благодарение Господу за это. Война и сейчас чересчур адская штука без дьявольских конструкций, подобных этой, которые усугубят ее еще более. Хотя если бы на поле боя появилось нечто эдакое, это могло бы привести к прекращению всех войн. Но вы сказали, что построить такой экипаж невозможно?

— В настоящее время — да. Но паровые двигатели становятся все миниатюрнее и в то же самое время мощнее, а еще я читал об успешных испытаниях керосиновых двигателей. Так что я бы не стал исключать возможность, что когда-нибудь бронеэкипаж наподобие этого будет построен.

— Да не настанет сей черный и пагубный день никогда. Но ведь вы пригласили меня не для того, чтобы обсуждать это диковинное сооружение?

На лице Пэррота снова появилось тревожное выражение. Как только оба уселись, он загово-

рил:

— Позвольте поинтересоваться, мистер Линкольн, знакомы ли вы с офицером флота Российской империи по фамилии Шварц?

— Странный вопрос. Почти столь же странный, вынужден заметить, как и не очень русская фамилия капитана.

Пэррот мучительно старался подобрать слова. Сняв свои очки в металлической оправе, он протер их и снова надел.

— Я человек чести, господин президент, и, хотя радуюсь своим успехам, я вовсе не желаю приписывать себе чужие заслуги.

— Не объяснитесь ли?

— Разумеется. В прошлом году этот господин посетил мой завод и спросил, не сделаю ли я пушку для русского правительства. Согласившись, я осведомился, каковы его требования. Он высказался крайне конкретно. Хотел, чтобы я воспроизвел британскую нарезную пушку системы Армстронга. Я счел эту просьбу весьма необычной, о чем и поведал ему. Сказал также, что не имею доступа к секретным планам бриттов. Ничуть этим не смутившись, он лишь кивнул в знак согласия — и передал мне полный комплект чертежей пушки Армстронга.

— И вы сконструировали эту пушку?

— Да. Это уникальное стофунтовое орудие с зарядкой через казенник, что делает его исключительно эффективным в морском бою.

— Почему бы это?

— Если вы рассмотрите разницу между сухопутными и морскими пушками, то поймете. На суше после выстрела канониры просто выходят вперед, чистят ствол и перезаряжают орудие. Но на корабле пушка стреляет через орудийный порт — отверстие в обшивке. Так что после каждого выстрела ее приходится откатывать — а это тонны металла, учтите, чтобы почистить и перезарядить, затем, с громадным усилием, на талях снова выкатывать вперед, на боевую позицию.

— Начинаю понимать.

— В точности. Если же пушка заряжается с казенной части, на корабле ее не надо катать взад-вперед ради каждого выстрела. В теории все это хорошо, но казенник данного типа пушек закрывается плохо, дает утечку пороховых газов, да и ненадежен. Взглянув на эти чертежи, вы поймете почему.

Заряжать орудие крайне несподручно. Первым делом надо ослабить вот этот винт казенника, чтобы снизить давление в запальном канале. Вот

эта мощная металлическая плита перекрывает казенник. Она весьма тяжела, и требуется сила двух дюжих мужчин, чтобы взяться за рукоятки и поднять ее на опорные салазки. Когда канал ствола продраят банником, а запальный канал очистят и вставят новый фитиль, снаряд заряжают в открытую камору. Позади него ставят картуз с черным порохом. Далее затвор опускают на место и затягивают винт казенника. Пушка готова к выстрелу.

— Сложно, согласен, но такой способ наверняка дает массу преимуществ по сравнению с практикой откатывания пушки и выкатывания ее на позицию снова.

— Согласен, сэр, но вскоре возникают трудности. Всего через несколько выстрелов пушка нагревается, и детали расширяются. Скапливается сгоревший порох, затвор заклинивается и начинает пропускать пороховые газы. Несколько выстрелов — и пушка становится неработоспособной. Испытав это орудие перед доставкой его русским, я вынужден был прийти к выводу, что таким способом орудие, заряжающееся с казенника, не создашь. Однако внимание мое привлекло другое усовершенствование в этой пушке. В чертежах имелись подробные наставления о том,

как делается подобный бандаж.

Пэррот привстал, но одумался и снова сел. Положив сцепленные руки на стол и ломая пальцы, он мучительно подбирал слова.

— Это... пару недель спустя я сам взял патент на первую пушку Пэррота.

Линкольн подался вперед, мягко положив ладонь на запястье взволнованного оружейника.

— Вам не за что себя винить. Вы поступили разумно и правильно. Существует множество способов послужить собственному правительству. Особенно в военную пору.

— Значит... вы знали?

— Скажем так: капитан Шварц известен соответствующим людям. Так что, полагаю, нам лучше оставить эту тему, если вы не против.

— Но...

— Вы хорошо служите родной стране, мистер Пэррот. Если это служение оборачивается для вас прибылью — что ж, тем лучше. И, быть может, вам будет небезынтересно узнать, что британцы сняли пушку Армстронга с вооружения как раз в силу только что упомянутых вами причин.

— Ничуть не сомневаюсь. Однако я занимался усовершенствованием запорного механизма затвора при помощи разорванной сцепки, как я

ее назвал. Первые эксперименты прошли весьма успешно.

— Вы обошлись без запального канала?

— Да. Вы только представьте, насколько надежным стал бы затвор, если бы он ввинчивался в казенник. Бороздки резьбы в затворе и казеннике плотно прилегали бы друг к другу на большом протяжении, удерживая и давление, и газы.

— По-моему, чрезвычайно действенно. Но ведь для завинчивания и вывинчивания такой большой металлической детали потребуется грандиозное усилие?

— Вы абсолютно правы! Потому-то я и разработал то, что назвал разорванной сцепкой. И в казеннике, и в затворе проделаны взаимно соответствующие проточки. Так что в деле затвор просто вдвигается на место, а затем доворачивается, запирая канал ствола.

— И это устройство работает?

— Уверен, будет работать, но подгонка — дело трудное, и разработка пока находится в начальной стадии.

— Ни в коем случае не оставляйте своих стараний. И держите меня в курсе всех будущих достижений. А теперь давайте вернемся к остальным. Мне говорили, что вы совершенствуете

запалы для своих разрывных снарядов, чтобы обеспечить более высокую точность...

Инспекционный обход едва-едва возобновился, когда торопливо приблизившийся к группе офицер отвел Николая в сторону. Пэррот как раз объяснял принцип действия нового запала, но секретарь Линкольна перебил его:

— Извините, сэр, но произошел несчастный случай. С генералом Рипли, господин президент. Подробностей этот офицер не знает, но он докладывает, что в военном госпитале требуется ваше присутствие.

— Разумеется. Отправляемся тотчас же. Спасибо за все, мистер Пэррот. За все.

Паром не трогался с места, дожидаясь их появления. На пристани стояло два экипажа. В первом сидел командир гарнизона Вест-Пойнта генерал-лейтенант Уинфилд Скотт, приехавший, чтобы проводить их в госпиталь. Стэнтон со своими секретарями уселся во вторую карету. Когда президент неуклюже забирался в карету Скотта, для обоих наступил неловкий момент.

— Как поживаете, Уинфилд?

— Как и следует ожидать в моем возрасте, мистер Линкольн.

Бывший главнокомандующий армией Сою-

за, смещенный более молодым и энергичным Макклелланом, не сумел скрыть нотки горечи, сумрачно взирая на человека, отдавшего приказ об этой замене. Героический седовласый генерал на славу служил родной стране на протяжении многих десятков лет и множества войн. Уходу в отставку он предпочел командование Вест-Пойнтом, но при том прекрасно понимал, что служба его фактически закончилась. И падение это подстроил высокий, нескладный человек, усевшийся в карете напротив него.

— Так что же с Рипли? — спросил Линкольн, как только карета тронулась.

— Трагический несчастный случай, лишенный причины и смысла. Он верхом ехал к парому, чтобы присоединиться к вам — во всяком случае, так он мне сказал. Избранная им дорога пересекает железнодорожный путь неподалеку от станции. Очевидно, поезд должен был вот-вот тронуться, и, когда он подъезжал, машинист дал гудок. Лошадь генерала испугалась и вскинулась на дыбы, выбросив его из седла. Упав на пути, он жестоко пострадал. Я не медик, как вам прекрасно известно, так что подробности пусть вам объясняет главный хирург. Он ждет вас в госпитале. — Скотт устремил на Линкольна пронзительный взгляд.

— Как идет война? Полагаю, ваши генералы все крепче сжимают кольца моей анаконды[5] вокруг мятежников?

— Искренне надеюсь. Хотя, конечно, война — штука сложная.

— Что дает нашему наполеончику очередной повод для медлительности и колебаний, — проговорил генерал с нескрываемой желчностью и гневом. С той поры, когда Макклеллан занял его место во главе армии на Потомаке, всякое поступательное движение прекратилось, наступление с черепашьего шага замедлилось до полной остановки. В каждом жесте и слове Скотта сквозило, что, будь армия под его началом, сейчас она уже стояла бы в Ричмонде. Но Линкольн отнюдь не собирался пускаться в домыслы на сей счет.

— Зима — скверная пора для армейской службы. А-а, вот и госпиталь наконец!

— Мой адъютант проводит вас.

Скотт был настолько толст, что потребовались совместные усилия трех человек, чтобы усадить его в карету; вскарабкаться же по лестнице госпиталя он чувствовал себя просто не в состоянии.

---

[5] Примечания: 5

Речь идет о плане «Анаконда», согласно которому наступление на войска южан должно было вестись одновременно с запада, севера и юга в сочетании с морской блокадой Южных штатов.

— Рад был повидаться, Уинфилд.

Генерал промолчал. Выбравшись из кареты, президент подошел к остальным, и все вместе отправились в госпиталь вслед за ожидавшим их офицером. Хирург оказался пожилым человеком с длинной седой бородой, за которую он себя рассеянно дергал во время разговора.

— Травматический удар по позвоночнику, вот здесь, — протянув руку поверх плеча, врач постучал пальцами между лопатками. — Видимо, генерал спиной упал на рельсы. По моей оценке, удар был очень силен, все равно что удар кувалдой по хребту. Сломано как минимум два позвонка, но причина нынешнего состояния генерала в другом. Поврежден спинной мозг, разорваны нервные волокна. Это повлекло за собой прекрасно знакомый нам паралич. — Он вздохнул. — Тело парализовано, конечности обездвижены, и дышит он с большим трудом. Хотя в подобном состоянии пациенты обычно могут есть, для поддержания жизнедеятельности этого недостаточно… Пожалуй, просто счастье, что пациенты с подобными травмами неминуемо умирают.

Визит в Вест-Пойнт, начинавшийся так замечательно, завершился несчастьем. В вагоне поезда,

отъезжающего от станции, царило удрученное молчание. Стэнтон сидел спиной к паровозу, глядя на пролетающие мимо снежные поля. Напротив него Линкольн тоже смотрел в окно, но мысленно видел только бесчисленные проблемы военного времени, осаждающие его со всех сторон. Сидевшие через проход от них секретари разбирали стопку документов, взятых на оружейном заводе.

— Генерал Рипли был не из тех, с кем так уж легко поладить, — заметил Линкольн спустя долгих десять минут после отъезда со станции. Стэнтон молча кивнул в знак согласия. — Но он нес грандиозную ответственность и справлялся с ней весьма профессионально. Он мне говорил, что должен снабжать снарядами и патронами более шестидесяти типов вооружения. Тем, что мы сражаемся — и, хочется верить, победим, — во многом мы обязаны именно его трудам. Что же теперь будет?

— Его заместителем довольно долго был генерал Рамси, — сообщил военный министр. Линкольн кивнул.

— Я как-то раз с ним встречался. Ответственный офицер. Но достаточно ли он квалифицирован для подобного поста?

— Более чем, — ответил Стэнтон. — Встречаясь с ним в министерстве, я просматривал все его рапорты и передавал их вам, когда они имели отношение к делу. Пожалуйста, не сочтите за дерзость, — или что я дурно говорю о мертвом, — но Рамси талантливый офицер современной школы.

— В то время как Рипли был крайне консервативен, как всем нам известно.

— Более чем консервативен. Ко всякому новому оружию или изобретению он относился с крайней подозрительностью. Он знал, каким было оружие и как его использовали. Знал, какие войны были выиграны таким оружием, и был этим вполне доволен. По-моему, он не одобрял вообще никаких нововведений.

Но прежде чем принять решение, вам следует встретиться с генералом Рамси, мистер Линкольн. Тогда и определитесь. Думаю, его подход покажется вам более чем интересным.

— Тогда переговорите с моим секретарем и организуйте встречу. Завтра же. Этот важный пост не может оставаться вакантным ни секундой дольше, чем требуется.

— Миссис Линкольн сказала, что вчера вечером вы, почитай, и не обедали, и теперь должны явиться завтракать.

Кекли давно переросла роль чернокожей служанки; в ее словах президент отчетливо услышал эхо голоса жены. Поначалу Мэри наняла ее в качестве швеи, но со временем взаимоотношения изменились, так что Кекли заняла в семье неопределенное, но важное место.

— Всего одну минуточку, сейчас спущусь...

— Она сказала, что вы всенепременно так и скажете и чтоб я не верила.

Кекли продолжала стоять в дверях немым укором, и Линкольн со вздохом поднялся.

— Ступай вперед. Надеюсь, ты веришь президенту на слово, что я пойду за тобой по пятам.

Холл, как всегда, был забит просителями, желающими получить работу в правительстве. Линкольн прокладывал себе дорогу среди них, как корабль в бурном море. Если обратишься хотя бы к одному, придется говорить со всеми. Уже не в первый раз Линкольна поразила давно устоявшаяся практика, открывающая всем и каждому беспрепятственный доступ в президент-

ский особняк. Ну конечно, Америка — общество равных возможностей. Но Линкольн начал понемногу склоняться к мнению, что у полнейшей открытости есть свои минусы. С тяжким вздохом отворив дверь столовой, он удовлетворенно с шумом захлопнул ее за собой.

Стол был уже накрыт — булочки на пахте с медом, любимое семейное кушанье.

— Начни с них, отец, — сказала Мэри. Тут в комнату с громким топотом ворвались мальчики.

— Хвать-похвать! — крикнул Тэд, бросаясь к отцу и обнимая его за ногу. Вилли, всегда более сдержанный, присел к столу.

— Тэд, прекрати! — приказала Мэри, но мальчонка пропустил ее слова мимо ушей, взбираясь на отца, как на дерево, попутно сминая и без того мятые брюки и пиджак. И не останавливался, пока с видом триумфатора не взгромоздился отцу на плечо. Линкольн дважды обошел вокруг стола, а Тэд визжал от восторга, пока отец не опустил его на стул. Вилли уже полил свои булочки медом и старательно пережевывал огромный кусок.

Кекли и Мэри принесли другие блюда, а также свежезава-ренный горячий кофе. Линкольн наполнил свою чашку и понемногу потягивал кофе, пока стол заполнялся все новыми и новыми

аппетитными блюдами. Под бдительным надзором Мэри президент подцепил вилкой пряную виргинскую колбаску, взял немного кукурузной каши и полил все это каким-то жгучим соусом. Ел медленно, мысленно пребывая за сто миль от уютной семейной сцены. Все эта война, бесконечная, омерзительная война. Ясно увидев это в его глазах, Мэри молча пожала плечо мужа и тоже села за стол. Она-то питается хорошо, даже чересчур, если теснота платья что-нибудь значит.

Потом пошла принести мальчиками еще молока, а когда вернулась, его уже не было, еда на тарелке почти не тронута. Он слишком много трудится и слишком мало ест. И все время тощает. Эта война пожирает его. Наверное, уже сидит в своем кабинете, а свидеться с ним, быть может, до завтра уже не удастся.

— Джон, — сказал Линкольн. — Я хочу продиктовать вам письмо.

Для записи под диктовку Хей разработал собственную систему стенографирования. Последовал очередной меморандум генералу Макклеллану, в котором президент ставил ребром вопросы о возможности продвижения вперед армии на Потомаке. Под конец в голосе Линкольна звучало нескрываемое раздражение.

— Долго ли вам требуется собираться, чтобы перейти к действиям? У вас есть армия, у вас есть новобранцы, и все они хорошо обучены, если верить рапортам. Но чтобы выиграть войну, армию надо использовать в бою. Ричмонд должен быть взят. На этом заканчивайте и телеграфируйте немедленно. А теперь развеселите меня, Джон. Поведайте какие-нибудь добрые вести, принесенные утренними докладами.

— Добрые вести и в самом деле есть, сэр. Мы уже заняли Шип-Айленд, сопротивление полностью подавлено. Устье Миссисипи довольно близко к этому острову, так что тамошняя часть флота, ведущего блокаду, теперь хорошо обеспечивается. Новые вести с моря. Военный корабль США «Сантьяго-де-Куба» остановил британскую шхуну «Эжени Смит» близ устья реки Рио-Гранде.

— Причины приводятся?

— Разумеется. Капитан Дэниел Риджли объясняет, что британское судно останавливалось в техасском порту. Его подозрения подтвердились, когда на борту судна был обнаружен хорошо известный торговый агент конфедератов — Дж. У. Захари, купец из Нового Орлеана. Его сняли со шхуны, после чего позволили ей следовать дальше.

— Это лишь подольет масла в огонь, разгоревшийся из-за «Трента», — утомленно покачал головой Линкольн. — Это все?

— Нет, сэр. Мятежники настолько уверены в скором падении Саванны, что жгут весь хлопок на пристанях и в полях. На море канонерская лодка «Пингвин» перехватила контрабандное судно, пытавшееся проскочить в Чарльстон. Груз весьма богатый. В декларации упоминаются ручное оружие, боеприпасы, соль, провизия всякого рода. Не только модная мануфактура из Франции, но и седла, упряжь и кавалерийское снаряжение на сумму около ста тысяч долларов.

— Превосходно. Они потеряли, мы нашли. Министр юстиции еще не пришел?

— Сейчас схожу поглядеть.

Как только Эдуард Бэйтс вошел, Линкольн поднял глаза от разложенных на столе бумаг и сказал:

— Я хочу занять минутку вашего времени. Завтра я должен выступить перед Конгрессом с отчетом о состоянии дел Союза. О том, что Союз в опасности, им должно быть известно, но я должен посулить им какую-то надежду на будущее. Вы позволите зачитать вам выдержки из намеченной речи и выслушать ваше мнение?

— С удовольствием приму на себя эту обязанность.

Слегка откашлявшись, президент начал:

— Союз должен быть сохранен, и посему в ход должны идти все необходимые средства. Но не следует поспешно решать, что столь уж необходимыми являются радикальные и крайние меры, каковые могут обрушиться и на лояльных, и на вероломных. Сбор средств для продолжения войны и победы в ней настолько же неизбежен, насколько необходим. — Линкольн поднял глаза, и Бэйтс кивнул:

— Согласен. Полагаю, речь о налогах. Для финансирования боевых действий они вновь должны быть повышены. И нужно объявить новый набор в армию. Вы обязаны идти вперед, невзирая на призывные бунты среди ирландских иммигрантов в Нью-Йорке.

— Ценю вашу поддержку. Мне придется также остановиться на общественных установлениях, ибо мы поминутно должны осознавать, ради чего ведем эту войну. — Президент перешел к следующей странице. — Труд предшествует капиталу и не зависит от него. Капитал — лишь продукт труда, и никогда не возник бы, если бы прежде не возник труд. Но капитал обладает своими

правами, ничуть не менее достойными защиты, чем всякие другие.

Бэйтс, и сам проницательный политик, прекрасно понимал, что умиротворить надо все заинтересованные стороны. Рабочие, отдающие свой труд и свои силы во имя войны, несомненно, заслужили признание своего радения. Но в то же время и фабриканты не должны считать, будто они в одиночку несут налоговое бремя военного времени. Но когда Линкольн зачитал отрывок о проблеме негров, Бэйтс отрицательно затряс головой, перебив президента:

— Вам же известно мое мнение на сей счет, господин президент. Я считаю колонии свободных негров весьма отдаленной перспективой.

— А не следовало бы. Место можно найти — скажем, в одной из Америк, где-нибудь южнее, где можно основать независимую колонию. Если негров убрать из уравнения, повод для продолжения войны просто-напросто исчезнет.

— Но я беседовал со свободными неграми здесь, на Севере, и они считают подобный подход опрометчивым. Они считают себя такими же американцами, как и мы, и отнюдь не питают желания отправляться за тридевять земель. Насколько я понимаю, когда вы примете делегацию

свободных негров, они скажут вам то же самое.

Не успел Линкольн ответить, как раздался стук в дверь и вошел Николай.

— Извините, что помешал, но прибыл генерал Рамси. Вы хотели встретиться с ним как можно раньше. Он ждет за дверью.

— Отлично. Пусть войдет, как только мы закончим. — Президент повернулся к министру юстиции: — Позже обсудим это более детально. Я тверд в своем убеждении, что это настоящее решение наших проблем.

— Мне трудно такое говорить, господин президент, но мне кажется, что в этом вопросе вы окажетесь в полнейшем одиночестве. Быть может, идея отыскать подобные колонии мудра — но кто в них отправится? Добровольно негры не согласятся, тут царит почти полное единодушие. Но можем ли мы отправить их туда в кандалах? Прежде всего такое ничуть не лучше, если не хуже, чем работорговля, из-за которой они оказались здесь. С глубочайшим уважением я прошу вас пересмотреть это решение, приняв к сведению все привходящие аспекты.

Как только Бэйтс удалился, в кабинет пригласили Рамси — рослого, одетого в простой синий мундир, лишенный аксельбантов и прочих укра-

шений, столь обожаемых остальными штабными офицерами. Инженер по складу ума, он явно уделял технике — и войне — гораздо больше внимания, чем блистательному мундиру. Войдя, он вытянулся в струнку и сел лишь после того, как Линкольн указал на стул.

— Этот несчастный случай с Рипли — событие трагическое, весьма трагическое.

Кивнув, Рамси на миг задумался, прежде чем заговорить, будучи человеком решений твердых, но отнюдь не поспешных.

— Он был хорошим офицером, господин президент, и отважным воином. Совсем не так хотелось ему уйти.

— Ничуть не сомневаюсь. Нет ли новостей о его состоянии?

— Только те, что он слабеет и дышит с большим трудом. Доктора считают, что долго ему не продержаться.

— Весьма сожалею. И все же, несмотря на потери, война идет дальше. А жизненно важная работа генерала Рипли должна продолжаться. Вы ведь были некоторое время его помощником?

— Был.

— Значит, не мне рассказывать вам о важности материального снабжения, о том, как оно жиз-

ненно важно для нашей страны?

— Совершенно согласен, господин президент. Нам обоим известно, что войну не выиграть без постоянного притока оружия и боеприпасов. Мы всегда снабжались лучше противника и не должны отступать от этого правила, если хотим победить.

— Да будет так всегда, — торжественно кивнул Линкольн. — Я как раз консультировался со своим Кабинетом по этому вопросу. Военный министр Камерон весьма высокого мнения о вас. Он полагает, что вы идеальная кандидатура на пост главы бюро материального снабжения. Что вы думаете по этому поводу?

— Я знаю, что работа мне по плечу, сэр. Но прежде чем будет одобрено какое-либо назначение, полагаю, вам следует знать, что мы с генералом Рипли не находили общего языка по целому ряду вопросов. Но что более существенно, наши воззрения на один весьма весомый предмет расходились диаметрально. Когда я был его подчиненным, честь налагала на мои уста печать молчания касательно этого, но теперь, по-моему, я обязан открыться. Мной движет не злоба и не зависть. Я убежден, что был хорошим и лояльным помощником генерала Рипли. Когда

он был жив, мне даже в голову не приходило вслух высказаться о наших разногласиях. Но теперь все переменилось. Если я займу этот пост, то не смогу не внести перемен, которые считаю необходимыми.

— Я восхищен честностью, побудившей вас открыться. Что являлось яблоком раздора?

Офицер вдруг смешался, и потянулись долгие секунды, пока он пытался взять себя в руки. Сперва потупился, потом устремил взгляд за окно. Наконец сел еще прямей, будто аршин проглотил, и собрался с духом.

— Генерал твердо верил в достоинства стандартных ружей, заряжаемых с дула. Они хорошо зарекомендовали себя, надежны и при соответствующей выучке обеспечивают неплохую скорострельность.

— А вы с этим не согласны?

— Конечно, согласен, господин президент. Но мы живем в век прогресса. Я вижу новые изобретения чуть ли не каждый день. Я убежден, что их надо проверять и проверять, но я также убежден в достоинствах винтовок, заряжаемых с казенной части. Мы подвергли испытаниям несметное количество образцов, и, откровенно говоря, большинство из них просто никчемны.

Их заклинивает, они взрываются, очень часто ломаются, а ухаживать за ними очень трудно. Но были и две винтовки нового типа, которые мы исследовали и обстреливали весьма долго, два ружья, стоящие особняком от остальной массы. Винтовка системы Спенсера и снайперская. Я хотел заказать изрядные партии и той и другой, но генерал Рипли решительно воспротивился. Посему не было сделано ничего.

— А он не объяснил, почему воспротивился?

Рамси замялся с ответом. Так и не дождавшись от него ни слова, Линкольн сам нарушил молчание:

— Я ценю вашу лояльность по отношению к своему непосредственному армейскому начальству. Но, говоря честно и откровенно, ему вы не повредите — и сделаете громадный вклад в общее дело. Если это поможет, то я, будучи вашим главнокомандующим, могу приказать вам доложить все, что вам известно.

— Это не понадобится, сэр, — с трудом выдавил Рамси. — Гут дело в... ну, вопрос спорный. Генерал считал, что зарядка ружья с казенника будет поощрять солдат на растрату боеприпасов попусту. Я же не считаю подобные затраты пустыми, ибо роль солдата — стрелять по врагу.

— Согласен, Рамси, согласен. Вы должны организовать демонстрацию своих замечательных винтовок при первой же возможности. Это будет вашим первым поручением в новом качестве начальника департамента материального снабжения. Больше вы мне ни о чем не хотите поведать?

— Ну-у, о полковнике Бердане[6] и его снайперском полке. Вы слыхали о нем?

— Докладная записка лежит где-то у меня на столе. Это ведь он снарядил полк за свой счет, да? И каждый из его подчиненных бьет без промаха.

— Так точно. Но и здесь я опять-таки не виню генерала Рипли за твердые убеждения. Но люди Бердана обременены револьверной винтовкой Кольта — подобием револьвера, только с длинным стволом. Они дают осечки и... ну, в общем, ничего хорошего о них не скажешь. Выбор откровенно неудачный. На самом деле им нужны снайперские винтовки, заряжающиеся с казенной части. Такая винтовка в руках меткого стрелка — инструмент точный.

— Позаботьтесь, чтобы они их получили.

---

[6] Примечания: 6

Любопытно отметить, что впоследствии полковник Бердан участвовал в разработке российской винтовки, принятой на вооружение в русских войсках. Отсюда и ее название — «берданка».

Отдав честь, генерал удалился. Отличный человек, великолепно справится с работой. Линкольну вдруг пришло в голову, что трагический случай с генералом Рипли мог быть благословением свыше — вмешательством Вседержителя, подмогой в этой войне. Смерть одного человека во спасение бесчисленного множества других. Но Линкольн отбросил эту недобрую мысль. Что ж, если Всевышний и в самом деле на их стороне, лично он отнюдь не против. Быть президентом Соединенных Штатов — значит нести на себе груз бесчисленных обязанностей, и отнюдь не последнюю скрипку тут играет великая война, начавшаяся, как только он был избран. Победа в войне имеет наивысший приоритет, и всякая помощь — особенно помощь Всемогущего — будет принята с благодарностью.

А всего в каких-то шестидесяти милях от Белого дома, в городе Ричмонд, штат Виргиния, президент Конфедерации бился с бременем таких же непреодолимых проблем и приоритетов, как и президент Соединенных Штатов. Но Джефферсон Дэвис, лишенный силы и выносливости Линкольна, находился в куда менее выгодном положении. Для президента Конфедерации, вечно хворого из-за перенесенного много лет назад сильнейше-

го воспаления легких, да вдобавок страдающего куриной слепотой, каждый день являл собой битву против неутихающей боли. Ни одна живая душа ни разу не слыхала от него и слова жалобы. Джентльмен не унижается ни перед кем. Сегодня ему мешало сосредоточиться воспаление среднего уха, и он изо всех сил бился, чтобы не показать, как донимает его мучительная боль.

Юг болел, как и его президент. Зима выдалась холодная, абсолютно все запасы подходили к концу. А список погибших в боях все удлинялся, что южане старались не замечать, тщились не терять надежды, поддерживать боевой дух на высшем уровне. Песни и собрания вроде бы помогали, но блокада взимала тяжелую дань, да и начала сказываться нехватка всего подряд, всего — кроме доблести.

На днях Дэвис назначил нового военного министра, искренне надеясь, что тот поможет ему справиться с бесчисленными трудностями в снабжении войск. Джефферсон Дэвис постучал пальцем по толстой стопке бумаги, высившейся перед ним на столе:

— Иуда, вы знаете, почему я вас назначил на место Лероя Уокера?

Сочтя вопрос риторическим, Иуда П. Бенджа-

мин улыбнулся в ответ. Его скрещенные руки уютно покоились на обширном животе.

— Лерой отличный человек и настоящий работяга. Но у него слишком много врагов в правительстве. По-моему, ему приходилось больше времени тратить на сражения с ними, чем с янки. Вот. — Дэвис подвинул бумаги через стол. — Ознакомьтесь с этим и подумайте, не найдет ли новый военный министр каких-либо новых решений. Вот почему вы получили эту должность. Вы — мирный человек, Иуда, убеленный сединами государственный муж, имеющий много друзей. Вы можете положить конец грызне и позаботиться о том, чтобы вся упряжка тянула в одну сторону. Ознакомившись с этими рапортами, вы увидите, что нам не хватает буквально всего, но главным образом пушек и пороха. Не будь мы сельскохозяйственной нацией, мы оказались

бы в ужасающих тисках. При нынешнем же положении дел каждый доброволец, вступая в наши ряды, приносит свое оружие. Но нам нужны не одни только мушкеты. Чтобы выиграть эту войну, надо отыскать пушки и порох.

— Как я понимаю, господин президент, в битве у Боллс-Блаф было захвачено изрядное количество боеприпасов.

— Это и в самом деле так. То была великая победа, и синепузые так спешили отступить, что бросали оружие. Наша первая победа со времени Булл-Рана. Это помогло, но не надолго. Также поступают донесения о захвате фуражиров янки. Все это хорошо, но все-таки недостаточно хорошо. Нельзя же рассчитывать, что единственным поставщиком для нас будет Север. На фронтах сейчас царит затишье, и мы должны воспользоваться преимуществами этой передышки. Армии северян Макклеллана пока что прикованы к месту, но мы можем с уверенностью ожидать каких-либо боевых действий на полуострове по весне. Но больнее, мучительнее всего ранит нас морская блокада. Вот почему мы бросаем все имеющиеся ресурсы, чтобы снарядить броненосную «Виргинию» для битвы. Когда она выйдет в море, в ней воплотятся все наши упования, что она разорвет кольцо блокады и потопит флот северян. После этого мы сможем доставлять грузы целыми кораблями. В Британии ждут не дождутся нашего хлопка, и на прибыли от него мы сможем купить и порох, и пушки, и припасы, в которых так отчаянно нуждаемся.

Пока президент говорил, Бенджамин неторопливо перелистывал бумаги. Джефферсон Дэвис

извлек ворох газетных вырезок:

— С Севера. Они там распустили хвосты, как павлины, раздувшись от гордости по поводу пленения Мейсона и Слайделла. Пусть себе бахвалятся. Я начинаю подозревать, что тут украдкой вмешалось само провидение, и провозглашаю, что, сидя в темнице янки, эти двое джентльменов делают для Конфедерации куда больше, чем могли бы сделать в Европе. Британцы прямо вне себя из-за столь вопиющего вторжения на их территорию. Полагаю, в данный момент все тамошние верфи до единой строят для нас либо контрабандные суда, либо рейдеры. А самое восхитительное здесь то, что янки сами накликали на себя беду. Как бы ни старались мы сами, нам не удалось бы так поспособствовать успеху.

— Согласен, господин президент, решительно согласен. Наши послы в Бостоне отлично справляются со своим делом. Давайте же возблагодарим Господа и помолимся, дабы они оставались в темнице, пока британцы будут распаляться все более и более. Их следует восславить за прозорливость, побудившую отдаться в руки янки.

Лорд Пальмерстон сидел в глубоком кресле перед камином, наслаждаясь теплом рдеющих углей. Его вытянутая правая нога покоилась

на груде подушек, вокруг закрытых глаз залегли морщинки боли. Услышав, как дворецкий объявил о приходе лорда Джона Рассела, Пальмерстон открыл глаза.

— А, Джон, входите! Налейте себе портвейна — и мне тоже, пожалуйста. Будьте так добры, большой бокал. — Пригубив вина, он почмокал губами, потом поморщился и указал на вытянутую ногу: — Подагра. Досаждает адски, прямо-таки смертно. Терзает, как пламя адово. Наши шарлатаны-лекари просто бессильны. Я пью все их гадкие снадобья, но это ни капельки не помогает. Они пытаются взвалить всю вину на портвейн, вот ведь чушь какая. А на самом деле портвейн — единственное, что помогает хотя бы капельку. Впрочем, довольно об этом. Перейдем к вещам более важным. Вы должны мне все поведать. Как прошло во дворце?

— Отлично. Ее Величество согласилась, что мы должны принять все меры для усиления нажима на американцев, даже прежде того, как им представится возможность ответить на наш ультиматум. С прискорбием сообщаю, что дела принца Альберта весьма плохи. Теперь врачи уверены, что его бронхит куда более опасен, нежели они ранее полагали. Считают, что у него

налицо все симптомы тифозной горячки.

— Скажите пожалуйста! Но ведь он не был на юге, даже Лондон не покидал.

— В том не было нужды. Вам же ведомо, как смердит канализация в Виндзорском замке. Клоака! В ее недрах может таиться что угодно. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы улучшить тамошние клозеты и стоки. Из старой канализации возносятся пагубные испарения; из-за смрада выгребных ям иные части замка почти непригодны для обитания. Я удивлен, что эти миазмы не свалили с ног больше никого.

— Несчастный Альберт, бедный человек!

— Если от его болезни и есть какой-то прок, то это монарший гнев. Королева считает, что силы его были и без того подорваны, и не следовало ему браться за наш ультиматум. Она однозначно уверена, что он отдал свои силы за нашу страну, боится, что может — о, ужасная мысль! — даже отдать свою жизнь.

И во всем, во всем она винит американцев. К каким бы мерам мы ни прибегли, она не сочтет их чересчур жесткими.

— Какая чудесная женщина — и настоящий дракон, восставший на защиту Святого Георгия. Что же мы предпримем первым делом?

— Первым делом продемонстрируем янки непреклонность воли.

— Непреклоннее каковой не сыскать.

— Пересмотрим свое решение соблюдать нейтралитет в отношении снабжения боеприпасами обеих воюющих сторон. Можем объявить эмбарго на поставки Северу селитры — одного из главных ингредиентов пороха.

— Замечательное начало. А если мы хотим сделать все должным образом, то запретим еще и поставки боеприпасов и прочего военного снаряжения. Надо ударить их по больному месту.

— А заодно приготовиться побряцать перед ними сталью. Прямо сегодня в Канаду отплыли два военных транспортных корабля. Мне говорили, зрелище было весьма воодушевляющее, оркестры играли сперва «Британские гренадеры», а затем «Дикси»[7]. Но возникла и небольшая заминка. Как вы помните, мы отрядили для отправки в Канаду еще один полк и артиллерийскую батарею.

— Помню, — нахмурился Пальмерстон. — Но я полагал, что в настоящее время они в море или

---

[7] Примечания: 7

Так могла называться любая из нескольких популярных песен Конфедерации — скорее всего, песня Дэниела Д. Эммета «Край Дикси». Так называют регион на юго-востоке Соединенных Штатов, обычно отождествляемый со штатами, вошедшими в Конфедерацию.

уже прибыли в упомянутую провинцию.

— Они все еще в казармах. Канадцы заявляют, будто не располагают ни квартирами, ни палатками для них...

— Чушь! Это закаленные войска, способные жить и сражаться в самой неблагоприятной обстановке. Издайте приказ об их немедленной отправке. Кроме того, я предлагаю не дожидаться военного флота с их транспортом. Я буквально наяву слышу их аргументацию в пользу отсрочки. Наймите кюнардовский[8] ппароход. Какова численность наших регулярных войск в Канаде?

— Боюсь, в настоящий момент там расквартировано всего пять тысяч человек.

— Так дальше нельзя. Видит Бог, надо было покончить с этими колонистами еще в тысяча восемьсот четырнадцатом. У нас были силы для этого. Мы ведь сожгли их города Буффало и Вашингтон, не так ли? Мы бы победили, если б не французы. Что ж, после драки кулаками и всякое такое... Каково наше нынешнее положение на море? Как обстоят дела с флотом, находящимся у берегов Северной Америки?

---

[8] Примечания: 8

В те годы английская пароходная компания, основанная Сэмюэлем Кюнардом, практически захватила монополию по части гражданских трансатлантических перевозок.

— Вполне адекватно, значительно более тридцати судов. Три линкора, а также фрегаты и корветы.

— Хорошо, но недостаточно. Американцы должны узреть, что мы никоим образом не шутим. Оба южных посланника должны быть отпущены, извинения должны быть принесены. В своих требованиях мы непреклонны. Сейчас, когда за нашей спиной стоит вся страна, мы не можем выказать ни слабости, ни робости. Какое сегодня число?

— Двадцать первое декабря.

— Как раз сегодня лорд Лайонс должен предъявить наш ультиматум американцам. Событие, несомненно, исключительно достопамятное. А сейчас еще немного портвейна, будьте любезны.

...Лорд Лайонс ненавидел вашингтонскую погоду — тропическая жара и влажность летом, арктический мороз зимой. Карета скользила по снежной слякоти, то и дело подскакивая и встряхивая его, как горошину в стручке. В конце концов доехав до дома, он выбрался из кареты, поспешно протопал через мокрый снег и вошел в холл, с шумом захлопнув дверь за собой. Приняв у него выбеленное снегом пальто, слуга распахнул дверь в кабинет, где в камине уютно потрескивал

огонь.

— Уильям! — позвал Лайонс, согрев руки перед огнем. В комнату беззвучно скользнул секретарь. — Возьми бумагу и чернила. Я встречался с американцами и должен незамедлительно написать отчет лорду Пальмерстону. Утро было просто ужасным. Этот Сьюард хладнокровен прямо-таки как рыба. Прочел нашу ноту и даже бровью не повел при виде требований и приказаний, содержащихся в ней. Ухитрился даже напустить на себя скучающий вид, когда я сказал ему, что мы должны получить ответ в течение недели. Я уверил его, что если наши требования не будут удовлетворены, я изыму свой паспорт и вернусь в Британию. В ответ он улыбнулся, будто эта идея его восхитила!

Секретарь лишь понимающе кивнул, зная, что он всего лишь свидетель, а не участник беседы.

Лайонс — невысокий, полный, наделенный вкрадчивыми манерами, характерными для человека себе на уме, — расхаживал взад-вперед перед камином, тщательно подыскивая слова. Уильям молча занес гусиное перо над бумагой.

— Обычные выражения почтения, сами знаете. Далее: ваши требования об освобождении эмиссаров Конфедерации, господ Мейсона и

Слайделла, вручены мной сегодня государственному секретарю Сьюарду. Я убежден, что если мы воздержимся и на сей раз, не преподав нашим здешним друзьям доброго урока, то в ближайшее время столкнемся с тем же самым затруднением. Как только они прочтут упомянутый ультиматум, неправедность их действий станет для них очевидной. Необходимость либо сдаться, либо вступить в войну подействует на них весьма благотворно. Хотя, вынужден отметить, встречены наши требования были весьма холодно.

Тишину в комнате нарушали потрескивание дров в камине да негромкий скрип пера по бумаге. Внезапно Лайонса пробрал мороз, и он снова поднес руки к теплу. Неужели будет война? Неужели в конце концов дойдет и до этого?

Эта мысль вселила в его душу восторг, хотя и подействовала весьма удручающе. Одно дело война против аборигенов, а против вооруженного, опасного врага — совсем другое. Но страна расколота надвое, и Север уже бьется не на жизнь, а на смерть. Зато Британия пребывает в мире с остальной планетой, и если дело дойдет до схватки, сможет черпать силы из неиссякаемого источника величайшей империи в мире. Богатейшей империи всех времен. Америка ухитрилась

ускользнуть из британской хватки, но это можно поправить. Этот материк — сущий рог изобилия, с ним слава империи воссияет еще ярче.

Быть может, война все-таки не такая уж скверная идея.

Над пропастью

Доктор Дженнер закрыл дверь спальни принца Альберта с предельной осторожностью, потихоньку отпуская ручку, чтобы не допустить даже тишайшего лязга металла о металл. Королева Виктория смотрела на него широко распахнутыми глазами, в которых застыли испуг и дурные предчувствия; пламя свечи в ее дрожащей руке плясало и коптило.

— Скажите... — почти бездыханно произнесла она.

— Спит, — сообщил доктор. — Очень добрый знак.

— Ну конечно, добрый! — Виктория чуточку воспрянула духом. — Прошло уж я не знаю сколько дней с тех пор, когда он смежал веки хоть на минутку, если вообще ложился.

— Как и вы, если на то пошло.

Она лишь пренебрежительно махнула маленькой пухлой ручкой.

— Я не больна, это о нем вы с сэром Джеймсом должны тревожиться. Я спала на раскладной кровати у него в гардеробной. А вот он все ходит и ходит, и не ложится, а ведь он так исхудал! По-моему, иными ночами он вообще не спит. И не ест! У меня прямо сердце разрывается, когда я вижу его таким.

— Развитие его желудочной лихорадки идет своим чередом, так что храните терпение. Вы можете оказать грандиозную помощь, взяв на себя то, чего не сделать больше никому. Вы должны позаботиться, чтобы он каждый день кушал хоть что-нибудь. Пусть даже жидкую кашку, ведь чтобы одолеть болезнь, его организму нужно подкреплять свои силы. — Дженнер взял свечу из ее дрожащих рук и поставил на стол рядом с кушеткой. — Вам лучше присесть, мэм.

Виктория села, как велено, раскинув юбки. Попыталась спокойно сложить руки на коленях, но вместо этого принялась неустанно сплетать и расплетать пальцы.

— Я сегодня виделся с лордом Пальмерстоном, — продолжал Дженнер. — Он весьма озабочен состоянием здоровья принца и внес предложение, каковое я полагаю чрезвычайно ценным. Конечно, я весьма квалифицирован, но не вижу

причины, почему бы другим медикам...

— Со мной он тоже беседовал. Можете не продолжать.

— Но его предложение весьма разумно. Я не буду ничуть уязвлен, если для консультации будет приглашен другой врач или даже созван консилиум.

— Нет. Вмешательство Пальмерстона мне не по душе. Доктор моего дорогого муженька — вы, вы же им и останетесь. Эта стремительная горячечная инфлюэнца и расстройство желудка скоро пройдут, как бывало прежде. По крайней мере сейчас он отдыхает. Пусть поспит.

— В его состоянии это лучшее лекарство на свете...

Будто в опровержение его слов пламя свечи вдруг заколебалось от сквозняка, потянувшего из распахнувшейся двери спальни. На пороге стоял принц Альберт, придерживая на груди распахивающийся халат; его бледная кожа обтягивала скулы, как пергамент.

— Я проснулся... — сказал он слабым голосом и хрипло закашлялся, содрогаясь всем своим хрупким телом.

Дженнер подскочил с места.

— Крайне настоятельно рекомендую вам

немедленно вернуться в постель! Довольно одного лишь ночного холода!

— Почему? — с глубочайшей безысходностью в голосе спросил Альберт. — Я знаю, насколько серьезно болен. Мне знакома эта лихорадка, мой старый враг, и, зная ее, я понимаю, что никогда не оправлюсь.

— Что ты, что ты! — воскликнула королева. — Пойдем, дорогой, ляг в постель. Я тебе почитаю, чтобы ты уснул.

От слабости не в силах даже протестовать, Альберт лишь покачал головой с тевтонской безысходностью и, опираясь на руку жены, шаркающими шажками двинулся через комнату. Своих шлепанцев он не надел, но к длинной ночной сорочке, которую он предпочитал, были пришиты подошвы из ткани, обеспечивая хоть какую-то защиту от холода. Пока Виктория укладывала мужа в постель, доктор Дженнер зажег ночник на прикроватном столике, после чего, тихонько отступив, поклонился и вышел.

— Теперь поспи, — промолвила королева.

— Не могу.

— Тогда я тебе почитаю. Твою любимую, Вальтера Скотта.

— Как-нибудь в другой раз. Скажи-ка... о войне

с Америкой все еще говорят?

— Тебе не следует беспокоиться из-за политики. Теперь пусть у других голова болит о государственных делах.

— Я должен был сделать больше. Этот ультиматум не следовало отсылать.

— Тсс, дражайший мой. Если Скотт не годится — почему бы не взять фон Энзе? Ты ведь всегда обожал его труды.

Альберт кивнул в знак согласия, и она сняла книгу с полки. Альберт и в самом деле больше всех прочих книг чтил мемуары Фарнхагена фон Энзе, знаменитого воина и дипломата. А услышав немецкую речь, полившуюся из уст супруги, принц вроде бы немного утешился. Через какое-то время он задышал ровнее, и королева увидела, что Альберт спит. Погасив лампу, она при мерцающем свете углей в камине его спальни отыскала дорогу к двери гардеробной и к своей импровизированной постели.

Назавтра настало одиннадцатое декабря — самый холодный день самого холодного месяца. Леденящие морозы вцепились в Англию и Лондон мертвой хваткой. Здесь же, в каменных стенах замка, среди промозглой сырости выстуженных коридоров, стало даже холоднее, чем на улице,

если только такое возможно. Слуги растопили все камины, но холод не отступал.

В полдень Альберт все еще находился в постели и даже не просыпался. Когда доктор Дженнер пришел осмотреть пациента, дочь Виктории Алиса дежурила у постели вместе с матерью.

— Он спит хорошо, ведь правда? — не без опаски поинтересовалась королева. — Это перемена к лучшему?

Доктор кивнул, но не отозвался ни словом. А прежде чем проверить пульс пациента, пощупал его лоб. И наконец неумышленно сумрачно проронил:

— Это переломный момент. Но не следует забывать, что он крайне слаб...

— Что вы такое говорите? Вы что, потеряли всякую надежду?

Молчание доктора было красноречивее слов.

Больше Виктория против консилиума не возражала. Теперь за принцем ухаживали и другие доктора. Дженнеру помогали пять специалистов, переговариваясь между собой приглушенным шепотом, так что королева не могла разобрать ни слова. Когда она совсем расстроилась, Алиса ласково увела ее из комнаты и послала прислугу за чаем.

Два дня принц лежал очень тихо, лицо его приобрело землистый оттенок, дыхание давалось ему с большим трудом. Виктория не отходила от постели мужа, держа его бледную руку и чувствуя, как ослабевает в ней биение пульса. Под вечер второго дня тучи разошлись, и золотые лучи солнца озарили комнату, чуточку подрумянив его лицо. Открыв глаза, Альберт поглядел на супругу.

— Дело «Трента»... — прошептал он, но продолжать не мог. Виктория беззвучно плакала, сжимая его холодную, вялую руку.

На закате детей привели повидаться с отцом. Беатрис была еще слишком мала, чтобы ей позволили лицезреть столь гнетущую сцену, но все остальные — Ленхен, Луиза и Артур — были здесь. Даже Берти приехал поездом из Кембриджа, чтобы навестить отца в последний раз. К несчастью, Альфи и Леопольд путешествовали за границей, и связаться с ними не было никакой возможности. Викки снова была на сносях и не могла проделать изнурительное путешествие из Берлина. И все-таки четверо их детей находились в комнате больного, крепко держась за руки и пытаясь постичь, что же происходит с их отцом. Притих даже Берти, раньше никогда не ладив-

ший с отцом.

На следующее утро — при ярком свете солнца, под едва слышную издали музыку военного оркестра — Альберт впал в предсмертную кому. Виктория по-прежнему не отходила от его постели. Теперь глаза его были распахнуты, но он не шевелился, не говорил ни слова. Ее бдение затянулось с утра до самой ночи.

Незадолго до одиннадцати вечера Альберт с трудом сделал несколько последних, тягостных вздохов. Виктория все еще цеплялась за его руку, когда дыхание Альберта прервалось.

— О! О, дорогой мой, милый! — громко воскликнула она, в безмерном отчаянии падая на колени. — Мой ангел ушел, дабы найти покой среди других ангелов!

Склонилась, чтобы поцеловать напоследок его холодный лоб, и его последние слова вдруг вспыхнули в ее памяти, язвя, как желчь.

— Дело «Трента»... Все из-за этих американцев! Они убили моего любимого!

Она испустила вопль, разрывая на себе одежды, за ним другой, и еще один, и еще, и еще...

По ту сторону Атлантики зима стояла такая же суровая, как и в Англии. По реке плавали толстые льдины. Нос парома расталкивал их в стороны,

и они с грохотом и скрежетом бились о борта. Плавание с острова Манхэттен длилось ужасно долго. Когда судно наконец пришвартовалось к бруклинскому берегу Ист-Ривер, двое сошедших с парома мужчин поспешили к веренице экипажей, дожидающихся пассажиров, и сели в первый же из них.

— Знаете, где находятся «Континентальные металлургические мастерские»? — спросил Корнелиус Бушнелл.

— Да, ваша честь, если это и вправду те, что на реке в Грин-Пойнте.

— Наверняка. Отвезите нас туда.

Густав Фокс открыл дверцу, пропустив старшего спутника вперед.

В разившей лошадьми карете было сыро и холодно, но оба пассажира оделись тепло, потому что зима выдалась воистину холодная.

— Вам уже приходилось встречаться с Джоном Эрикссоном? — поинтересовался Бушнелл. Они сошлись только на пароме и до этой минуты не имели случая переговорить с глазу на глаз.

— Только однажды, когда его вызывал министр военного флота. Но мы лишь обменялись рукопожатием; мне пришлось пропустить эту встречу из-за другого неотложного свидания.

Даже будучи председателем военно-морского комитета, финансирующего строительство броненосца, Бушнелл не стал расспрашивать об этом свидании, понимая, что не его ума это дело. Фокс не просто заместитель министра военного флота, у него есть и другие обязанности, в связи с которыми он довольно часто посещает президентский особняк.

— Он гений по части механики... но... — Бушнелл замялся, словно не желая продолжать. — Но порой поладить с ним довольно трудно.

— К сожалению, эти сведения отнюдь не новы. Мне уже доводилось слышать о нем подобное мнение.

— Но нам нужен его гений. Когда он впервые представил свою модель комитету военного флота, я понял, что этот человек может решить проблему, не дающую покоя всем нам.

— Вы, конечно, имеете в виду броненосец, который южане строят из остатков корпуса «Мерримака»?

— Совершенно верно. Когда конфедераты закончат строительство и спустят судно на воду, нам грозит катастрофа. Весь наш блокадный флот подвергнется жесточайшей опасности. Этот корабль может даже атаковать Вашингтон и

обстрелять город!

— Это вряд ли. К тому же они закончат постройку не так уж скоро. Мне из достоверных источников известно, что наблюдается острейшая нехватка брони для его обшивки, хотя корпус и двигатель уже перестроены в сухом доке. Железа на Юге нет, южане доведены до отчаяния. Плавят ограды и решетки, в ход идут даже железнодорожные рельсы. Но для одного только этого корабля нужно шестьсот тонн брони, а раздобыть столько стали подобным образом не так-то просто. У меня есть свои люди в «Сталелитейных мастерских Тредегар» в Ричмонде, единственном производстве на Юге, где катают броневые листы. Сказывается не только нехватка железа, но и нехватка транспорта. Готовые листы ржавеют на заводе в ожидании, когда организуют доставку по железной дороге.

— Весьма отрадно слышать. Мы должны закончить собственное судно первыми, чтобы оно встало крепостью между их броненосцем и нашим уязвимым флотом.

Остановив экипаж, извозчик спустился с козел, чтобы распахнуть перед пассажирами дверцу.

— Вот они, мастерские.

Клерк проводил их в контору, где дожидался

Томас Фитч Роланд, владелец «Континентальных мастерских».

— Мистер Роланд, — начал Бушнелл, — позвольте представить мистера Густава Фокса, заместителя министра военного флота.

— Добро пожаловать, мистер Фокс. Полагаю, вы прибыли поинтересоваться, как продвигается постройка плавучей батареи капитана Эрикссона?

— Меня это и в самом деле весьма интересует.

— Работа идет согласно плану. Плиты для киля уже прошли прокатный стан. Но вы должны понимать, что судов подобного типа еще ни разу не строили. И хотя мы уже начали сборку корабля, мистер Эрикссон все еще трудится над чертежами. Потому-то я и просил комитет мистера Бушнелла о небольшой отсрочке.

— Не вижу особых трудностей, — ответил Бушнелл. — Я всегда полагал, что три месяца от замысла до воплощения — срок весьма краткий. Вы уверены, что дополнительных десяти дней будет достаточно?

— Эрикссон утверждает, что корабль будет спущен на воду через сто дней, а на моем веку он еще ни разу не ошибался.

— Вот уж воистину добрая весть. А теперь — не позволите ли нам взглянуть на это замечатель-

ное судно?

— С этим возникают небольшие сложности. Корпус все еще строится, и в настоящий момент увидеть можно очень немногое. Я полагаю, что если вы взглянете на чертежи, то немножко лучше постигнете суть этого выдающегося изобретения. — Он разложил на столе большие листы. — Дно сделано из броневых листов и достигает ста двадцати четырех футов в длину и восемнадцати в ширину. Оно укреплено стальными уголками и деревянными шпангоутами, поддерживающими настил палубы, каковая намного обширнее — полные сто семьдесят два фута длины и сорок один фут ширины. И бронирована, тяжело бронирована сверху и по бокам, броня опускается ниже ватерлинии. Расположенные в трюме двигатели приводят судно в движение посредством винта. Все это служит одной-единственной цели — доставить эту орудийную башню к месту боя.

— Ничуть не сомневаюсь, — сказал Фокс, вертя чертеж так и эдак. — Но, должен признаться, моих технических познаний маловато, чтобы оценить мастерство конструктора. Очевидно, корабль сделан из стали и усилен деревом. Но разве сталь не тяжелее воды? Неужели он не утонет, когда будет спущен?

— На сей счет не опасайтесь. Сейчас на плаву целый ряд железных кораблей, в том числе и боевых. У французов есть такой и у британцев — тоже. Корпус наверняка выдержит огромную огневую мощь батареи, а новые машины доставят ее к месту битвы.

— Тогда мы должны увидеть саму батарею и человека, который ее сконструировал.

По всему огромному зданию эхом перекатывался лязг металла о металл. Над головами покачивались тали, доставляющие броневые листы к месту сборки растущего корпуса корабля. Следуя за Роландом, они прошли в глубину цеха, где мало-помалу обретала форму круглая орудийная башня. Высокий седовласый мужчина с обширными бакенбардами надзирал за сборкой небольшого парового двигателя. Хотя Эрикссону уже исполнилось без малого семьдесят, сила этого человека оставалась феноменальной; он легко поднял и поставил на место коромысло, весившее более девяноста фунтов. Кивнув гостям, он вытер ветошью испачканные смазкой руки.

— Итак, Бушнелл, вы пришли поглядеть, на что тратите флотские двести семьдесят пять тысяч долларов? — Хотя Эрикссон стал американским гражданином много-много лет назад, он до сих

пор не утратил явного шведского акцента.

— Совершенно верно, Джон. Вы уже знакомы с мистером Фоксом?

— Встречался. В приемной министра военного флота. И он тот самый человек, которого я хочу видеть. Я хочу свои деньги!

— Боюсь, ассигнования не входят в мою компетенцию, мистер Эрикссон.

— Так велите кому-нибудь заплатить! Мой добрый друг Корнелиус не получал ничего, хотя строит мой корабль! Он платил за броню из собственного кармана. Это ситуация, которая быть не должна. Военный флот заказывает эту батарею, значит, военный флот должен платить.

— Обещаю поговорить со своим начальством и сделать все, что в моих силах, чтобы загладить эту ситуацию. — Хотя это вряд ли даст какой-либо толк, подумал Фокс про себя. Военно-морское ведомство весьма прижимисто и ненавидит платить долги, если можно уклониться. — Но в данный момент мне страстно хочется узнать, как будет работать эта восхитительная башня.

— Она будет работать просто невиданно, уверяю вас. — Эрикссон любовно похлопал по вороненой стали, на время забыв о финансовых проблемах. — Убийственно и несокрушимо. Эта

броня восемь дюймов толщиной, и ни одна из пушек, сделанных доныне, не сможет пробить своим снарядом такую толщу стали. Подойдите вот сюда... видите эти отверстия? Через них будут стрелять две одиннадцатидюймовые пушки Далгрена. Помните: это судно сконструировано для действий в береговых водах Юга, для проникновения вверх по тесным рекам в поисках своей жертвы. Поворачивать весь корабль, чтобы стрелять из пушек, как строят военные корабли сейчас, больше не потребуется. Таков плод моего гениального замысла, ибо вся эта стодвадцатитонная башня крутится!

Наклонившись, он провел ладонью по броневому брюху башни.

— Выровнено машиной, как видите. В море она будет покоиться на гладком бронзовом кольце в палубе, и ее большой вес обеспечит водонепроницаемость. Во время боевых действий башня будет приподыматься, опираясь вот на эти колеса. Внизу находится паровой движок, каковой будет крутить сей зубчатый венец, расположенный прямо под палубой и, конечно, управляемый рукояткой из башни. Ей потребуется меньше минуты, дабы совершить полный оборот.

— Это великая идея, мистер Эрикссон, — одобри-

тельно кивнул Фокс. — Ваш броненосец изменит ход войны.

— Не броненосец. Он не носит броню. Он есть броня, — сердито возразил Эрикссон. — Вот чего вы, идиоты из военно-морского ведомства, не понимаете. Сие есть машина, творение инженера, движимое сталью и паром боевое судно. Рукотворный стальной корпус заполнен сложной машинерией, никоим образом не находящей подобий среди деревянных парусников прошлого. И однако же в спецификации, что прислана вашими людьми... минуточку... она у меня с собой. — Он вытащил из кармана помятый, сложенный несколько раз листок и вслух зачитал: — Они хотят, чтобы я... вот: «поставил мачты, реи, паруса и такелаж достаточных размеров, чтобы двигать судно со скоростью шести узлов в час при умеренном бризе». Невозможно! Движущей силой является пар, и только пар, как я многократно твердил в прошлом. Никаких мачт, никаких парусов, никаких веревок. Пар! А кретин, написавший это, демонстрирует свое полнейшее невежество по части мореходства словами «узлов в час»!

Как вам известно, один узел означает, что судно покрывает расстояние в одну морскую милю за один час.

— Совершенно верно, — подтвердил Фокс и поспешил сменить тему: — Вы уже подобрали имя своей плавучей батарее?

— Я посвятил этому немало раздумий, учитывая, что несокрушимый и агрессивный характер данной конструкции убедит предводителей южных повстанцев, что их береговые батареи на реках более не являются барьером для проникновения наших войск. Сей бронированный пришелец, таким образом, преподаст им урок, станет для этих предводителей суровым ментором. Но есть и прочие предводители, каковые будут также устрашены и наставлены на путь истинный грохотом орудий сей несокрушимой железной башни. Даунинг-стрит вряд ли сможет безучастно взирать на сей последний довод янки, на сего ментора. По оной и многим сходным причинам я предлагаю назвать новую батарею «Монитор»[9].

— Блестящий довод, — отметил Бушнелл. — Я рекомендую его своему комитету.

— Поддерживаю, — подхватил Фокс. — Я также доложу об этом министру военного флота. А теперь прошу меня простить, джентльмены,

---

[9] Примечания: 9

Среди прочих значений английское слово «monitor» означает «ментор, наставник».

мне необходимо удалиться на минуту-другую, чтобы обменяться парой слов о морских делах с мистером Роландом.

В кабинете владельца металлургических мастерских Фокс без отлагательств перешел к делу.

— Мне было указано, что вдобавок к тому, что вы предприниматель, вы также опытный инженер не только в кораблестроении, но также в постройке судовых паровых двигателей.

— Совершенно верно. В прошлом я передавал свои разработки вашему ведомству. — Роланд указал на деревянную модель, стоящую на столе: — Это одна из них. Двухвинтовой броненосец с двумя поворотными башнями.

— Конструкцию не приняли?

— Нет! Мне было сказано, что она лишена плавучести и остойчивости.

— Но так ли это?

— Конечно, нет. Я обсуждал ее с Джоном Эрикссоном, прибегшим к математическим уравнениям для анализа конструкции. Он доказал, что вес двигателей в трюме будет уравновешивать вес палубных башен. Он также предложил кое-какие конструктивные изменения корпуса ради обеспечения быстроходности. — Он открыл ящик стола и вытащил стопку чертежей. — Через неделю

после нашего разговора Джон передал мне вот это. Он разработал новый тип парового котла, который называет поверхностным конденсатором, где пар конденсируется в теплообменнике, состоящем из горизонтальных бронзовых труб. По прикидкам Джона с двигателем его конструкции судно должно делать до пятнадцати узлов.

— Но это будет более крупный корабль, чем «Монитор», более пригодный для морского судоходства?

— Совершенно верно. Этот корабль рассчитан на глубокие воды. Он должен оставаться в море для защиты наших берегов. — Роланд с любопытством поглядел на Фокса. — А что, эти вопросы заданы не без умысла, сэр?

— Вы правы. Прежде чем «Монитор» будет завершен, мы хотели бы получить детальное описание вашего корабля. На сей раз гарантирую, что он будет одобрен. — Подавшись вперед, Фокс прикоснулся к модели. — Затем, как только «Монитор» будет спущен на воду, мы желаем, чтобы вы приступили к постройке этого корабля.

— Он будет куда крупнее, чем «Монитор», так что построить его в этом здании невозможно. Но к тому времени уже придет весна, и я смогу воспользоваться стапелями под открытым небом.

— Так даже лучше. Военно-морское ведомство желает также, чтобы вы начали строить здесь второй корабль класса «Монитора», как только первый будет спущен на воду. Первый из множества, если я добьюсь своего.

Сползание к войне

Члены Кабинета министров яростно спорили и были так поглощены перепалкой, что даже не заметили, как дверь открылась и вошел президент. Авраам Линкольн с минуту молча смотрел на них, слыша возбужденные голоса и видя яростно сжатые кулаки. Сев у дверей, он внимательно выслушивал аргументы и контраргументы, но сам не говорил ни слова. Прошла не одна минута, прежде чем его присутствие заметили. Встав, он подошел к столу, а когда спор разгорелся снова, сказал:

— Сегодня Рождество, господа, Рождество. Желаю всем счастья, — достаточно громко, чтобы заставить собрание смолкнуть.

Министры забормотали слова благодарности, а он занял тем временем свое законное место во главе стола, спокойно выждал, когда внимание присутствующих обратится на него, и заговорил снова:

— Я знаю, что сегодня все вы хотите быть со своими семьями, как и я со своей. Тем не менее я созвал вас сюда, потому что сегодняшний день является решающим. Завтра утром лорду Лайонсу будет отправлено послание касательно дела «Трента». Сейчас мы собрались как раз для того, чтобы решить, что будет содержаться в этом послании. Мистер Камерон, вид у вас встревоженный.

— Я и вправду встревожен, господин президент. Будучи военным министром, я обязан заботиться об обороне страны и покорении врага. Как вам хорошо известно, у нас имелись и свои успехи, и свои неудачи. Если мы хотим победить, то должны приготовиться пожертвовать очень многим. Нам придется нелегко. Для победы в борьбе нам понадобится поставить под ружье всех, кого удастся найти. Каждый должен работать с предельной отдачей. Посему полагаю, что будет невероятно рискованной глупостью, если посреди войны против определенного врага мы будем настолько неблагоразумны, чтобы позволить втянуть себя еще и во вторую войну.

— Да нет никакого риска! — выкрикнул министр юстиции Бэйтс. — Даже пустоголовые британцы не так глупы, чтобы затеять войну по

столь ничтожному поводу. Им не причинили никакого ущерба, они не понесли никаких потерь. Тут замешано всего лишь их уязвленное самолюбие. В 1812 году мы вступили в войну, потому что правда была на нашей стороне. Они останавливали наши корабли и силой вербовали наших моряков в свой флот. И хотя мы были горько удручены, все равно не рвались разжечь войну, а, наоборот, старались уклониться от нее. Мы терпеливо сносили унижения снова и снова и не объявляли войну, пока не осталось иной альтернативы, иного выбора. Теперь же мы имеем дело с куда менее значительным инцидентом — остановлен всего лишь один корабль, захвачено два врага нашей страны, а корабль отпущен. Это буря в стакане воды, со временем она утихнет, как утихает любой шторм, каким бы неистовым он ни был. Просто не может быть, чтобы подобный инцидент повлек войну с Британией. Сие невозможно!

— Совершенно с вами согласен, — подхватил Гидеон Уэллс. — Как министр военного флота, я был обязан захватить этих предателей, прежде чем они нанесут урон нашей стране. Действуя согласно лучшим традициям нашего флота, капитан Уилкс именно так и поступил. Американский

народ считает его героем и венчает его славой. Неужели мы повергнем их ликование в пучину, обратим во прах по приказанию иноземной державы? Неужели мы уступим под напором угроз и команд, отдаваемых нашему суверенному государству посторонними? Неужели мы предадим труды этого великого моряка, свершенные им во имя родной страны? Общественность и газеты не допустят такого. Я заявляю, что мы не должны, не можем и не будем!

— Я бы пошел даже дальше, — вставил Сьюард. — Как госсекретарь, я давно поговаривал о возможности отвлекающей войны с иноземной державой, войны с внешним противником во имя воссоединения расколотой нации. А сейчас подобная война сама идет к нам в руки, и будет неумно упускать такую возможность.

— Как вам известно, я никогда не разделял вашего мнения на сей счет, — тряхнул головой Линкольн. — Даже рассмотрев подобную возможность, я нахожу, что вступление в войну с мелкой центральноамериканской страной весьма и весьма отличается от войны, навязанной могущественной державой, за спиной которой стоит империя, подмявшая под себя весь мир. Мы должны найти более основательные доводы,

чем этот, если хотим остановить разгорающееся пламя ненависти.

Гневный ропот министров вознесся до крика, зато Линкольн погрузился в молчание, выслушивая все сказанное, пока не постиг аргументы обеих сторон в мельчайших подробностях, и лишь потом заговорил:

— Джентльмены, с сожалением извещаю, что мы застряли в мертвой точке. Если сейчас поставить вопрос на голосование, то, по моим наблюдениям, голоса разделятся примерно поровну. Однако мы должны быть в своем решении едины. Посему я предлагаю компромисс. Мы пошлем письмо британцам о том, что не поддаемся на угрозы. Мы заявим, что понимаем их позицию и уважаем ее. Быть может, мы освободим этих людей, позволив им продолжить путешествие, но лишь в том случае, если угрозы и приказания будут изъяты. Мы предложим, чтобы лорд Пальмерстон встретился с Чарльзом Адамсом, нашим многоуважаемым посланником в Лондоне, дабы постараться совместно прийти к соглашению на словах. Поступив подобным образом, мы не уроним лица и продемонстрируем свое миролюбие. Что вы скажете на это предложение?

Снова поднялся шум, и Камерон поспешил вы-

сказаться, пока его не заглушили:

— Лично я — «за». Копия нашего послания как можно скорее должна быть отправлена Адамсу вместе с различными наметками и предложениями, которые мы тут выработаем. Война будет предотвращена, а честь спасена. Давайте единогласно примем это предложение, а затем вернемся к нашим близким, чтобы провести с ними священнейший из семейных праздников.

Один за другим сомневающиеся поддались на убеждения, придя к взаимоприемлемому соглашению.

— На сегодня работа закончена, — Линкольн улыбнулся впервые за день. — Хей и Николай напишут все документы и завтра утром представят нам для одобрения. Не сомневаюсь, что этот компромисс удовлетворит все заинтересованные стороны.

Лорд Лайонс, британский посланник в американской столице, испепелял послание взглядом, не чувствуя ни малейшего удовлетворения. Он стоял у окна, в гневе взирая на промороженный, отвратительный пейзаж, укрытый снегом, все сыплющимся и сыплющимся с небес. Разве это ответ?! Ни рыба ни мясо. Ультиматум не принят и не отвергнут. Вместо этого предлагается третий,

весьма сомнительный путь. Однако изъять свой паспорт, как приказано, Лайонс не может, поскольку требования не отвергнуты с ходу. Вопрос все еще далек от окончательного разрешения. Придется передать этот ответ лорду Пальмерстону; Лайонс заранее догадывался, в какой гнев тот впадет. Лайонс звонком вызвал слугу.

— Соберите мои вещи для морского путешествия.

— Если помните, сэр, вы уже просили меня сделать это несколько дней назад.

— Разве? Клянусь Юпитером, пожалуй, вы правы. А не просил ли я вас заодно проследить за рейсами кораблей?

— Совершенно верно, сэр. Имеется бельгийский барк «Мария Челеста», сейчас принимающий груз в Балтиморском порту. Отбывает в Брюгге через два дня.

— Отлично. Утром же выезжаю в Балтимор. Организуйте поездку.

Надо вернуться в Лондон незамедлительно, другого выбора нет. Зато утешает тот факт, что можно вырваться из этой захолустной столицы и хотя бы недолго пожить в безмятежном городе, в сердце самой могучей империи на земле. В городе, чей крутой нрав придется испытать на

себе этим дикарям, если они будут упорствовать в своей непокорности.

Лорд Лайонс был прав по крайней мере по поводу погоды в Британии. В этот самый декабрьский день над Лондоном безмятежно сияло солнышко, пусть тускло и водянисто, но все-таки сияло. Чарльз Фрэнсис Адамс, посол Соединенных Штатов при дворе святого Якова, радовался возможности выйти из дома, прочь от бесконечной бумажной работы и дымных каминов. Должно быть, прислуга обитателей Мэйфера встала ни свет ни заря, чтобы подмести и вымыть тротуары, так что шагать было одно удовольствие. Свернув с Брук-стрит на Гросвенор-сквер, Адамс взошел по знакомой лестнице на крыльцо дома номер два и легонько постучал в дверь рукояткой тросточки. Открывший ему слуга ввел Адамса в великолепно обставленную гостиную, где его уже дожидался друг.

— Чарльз, как любезно было с твоей стороны принять приглашение!

— Приглашение отобедать с тобой, Эмори, для меня было как луч света с пасмурных небес.

Они были близкими друзьями, являя собой маленькую частичку американской общины в Лондоне. Эмори Кэбот — бостонский купец,

сделавший свое состояние на торговле с Англией. В этот город он приехал еще юношей, чтобы представлять семейное дело, и это временное положение стало постоянным, когда он женился здесь на девушке из семейства видных бирмингемских фабрикантов. Ныне, увы, жена его скончалась, дети разлетелись из родимого гнезда. Но Лондон стал для Кэбота родиной, а Бостон превратился в дальний уголок мира. Теперь, когда ему перевалило за восемьдесят, Эмори приглядывал за делом лишь вполглаза, предоставляя тяжелую работу другим. А сам изрядную часть внимания уделял висту и прочим цивильным развлечениям.

Пока друзья праздно болтали, слуги принесли трубки и подогретый эль. И лишь когда дверь за ними закрылась, лицо Кэбота омрачилось тревогой.

— Нет ли новостей о кризисе?

— Никаких. Мне ведомо, что на родине газеты и общественное мнение по-прежнему весьма непреклонны на сей счет. Предатели находятся в наших руках и должны в них оставаться. Освобождение их просто немыслимо. Вашингтон пока ни словом не отозвался на меморандум касательно «Трента». Мои руки связаны, я ничего не могу

предпринять по собственной воле, а инструкции мне не предоставили. И все-таки этот кризис следует предотвратить.

— Целиком и полностью согласен, — вздохнул Кэбот. — Но удастся ли? Наши соплеменники пылают негодованием, но, как вам прекрасно известно, в Лондоне дела обстоят ничуть не лучше. Люди, с которыми я дружил много лет, отказывают мне в приеме, а при встрече напускают на себя непроницаемый вид. Знаете, что я вам скажу? Ситуация такова, будто война 1812 года разыгрывается сызнова. Я и тогда был здесь, но держался тише воды ниже травы и переждал. Но даже тогда большинство моих друзей и коллег не повернулись ко мне спинами, как сейчас. Они полагали, что война навязана им силой, и вступили в нее крайне неохотно. Да чего там, некоторые, самые либеральные из них, даже сочувствовали нашей борьбе и считали войну исключительно безрассудной, вызванной не обстоятельствами, а высокомерием и глупостью, каковых всегда хватает в избытке. Но сейчас все обстоит абсолютно иначе. Сейчас гнев и ненависть достигли высочайшего накала. А газеты?! Вы читали, что пишет «Таймс»?

— Разумеется, читал. Эти так называемые

«Городские вести». Там напрямую сказано, что Линкольн и Сьюард пытаются замаскировать свою вопиющую внутреннюю распрю, затеяв войну с иноземной державой. Вздор несусветный!

— Совершенно верно. А «Дейли ньюс» и того почище. Там пишут, что все англичане считают, будто Сьюард каким-то неведомым способом самолично организовал весь этот инцидент с «Трентом».

Трубка Адамса погасла, и он встал, чтобы поджечь лучинку от камина. Раскурив трубку снова, он выдохнул облако ароматного дыма от виргинского табака и продолжал:

— Политики беспокоят меня куда больше, чем газеты. Косная элита вигов — вроде нашего общего знакомого графа Кларендона — люто ненавидит демократию. Им кажется, будто демократия угрожает их классовой системе и их могуществу. Для них Соединенные Штаты воплощают собой оплот дьявола, заразу, которую надо искоренить, пока она не поразила здешние низы общества. Войну против нашей страны они встретят с восторгом.

— Королева тоже, — мрачно заметил Кэбот, делая долгий глоток из кружки, словно стремясь избавиться от дурного привкуса во рту. — Она

одобряет все. Более того, предрекает неминуемое поражение янки. Хоть это и кажется полнейшей нелепостью, но в смерти принца Альберта она винит именно нас.

— Одними угрозами здесь не кончается. В рождественский день я прогуливался вдоль Темзы, и даже в праздник у самого Тауэра вовсю кипела работа — грузили оружие. В одно лишь это утро я насчитал восемь барж.

— Неужели ничего нельзя сделать? Неужели мы должны сидеть, беспомощно сложа руки, пока Соединенные Штаты и Великобритания катятся навстречу войне? Разве не могут вмешаться иноземные державы?

— Если бы, — вздохнул Адамс. — Император Луи Наполеон совершенно обаял королеву Викторию. А он согласен с ней, что Америку надо поставить на колени. По крайней мере, в этом французы его поддерживают. Они считают Британию своим извечным врагом и будут только рады ее бедам. Далее, конечно, имеется Пруссия и прочие германские государства. Все они так или иначе связаны с королевой. Они не будут ничего предпринимать. Россия после Крымской войны не питает любви к британцам, но царь не станет вмешиваться, чтобы пособить Америке. Да и все

равно он слишком глуп. Нет, боюсь, мы одни перед целым миром и не можем рассчитывать на помощь со стороны. Затевается нечто ужасное, и никто не находит способа предотвратить это.

Небо затянули черные тучи, заслонившие солнце, и в комнате стало темно. Так же пасмурно было и на душе у сидевших в ней людей, так что они окончательно погрузились в молчание. Чем же это кончится, чем кончится?

А неподалеку, в нескольких минутах быстрой ходьбы от этого дома на Гросвенор-сквер до Парк-лейн, находится самый знаменитый дом в Лондоне — Эпсли-хаус, номер один, Лондон. В это самое время перед ним остановилась карета из Уайт-холла, и лакей поспешил распахнуть дверцу. Кряхтя от усилия, морщась от боли в подагрической ноге, лорд Пальмерстон спустился на землю и заковылял к дому. В доме слуга принял у него пальто, а дворецкий распахнул дверь и ввел пред очи хозяина дома, лорда Уэлсли, герцога Веллингтона, чуть ли не самого знаменитого человека в Англии и уж наверняка самого знаменитого из живущих генералов.

— Входите же, Генри, входите, — донесся голос Веллингтона, сидевшего перед огнем в кресле с высокой спинкой, голос тонкий, скрипучий от

старости, но все еще не утративший отзвуков былой зычности.

— Спасибо, Артур, давненько мы не виделись. — Лорд Пальмерстон со вздохом опустился в кресло. — Выглядите вы на славу.

Веллингтон издал скрипучий смешок.

— Когда человеку девяносто два, уже неважно, как он выглядит. Первостепенную роль тут играет то, что он вообще может как-то выглядеть.

Да, герцог исхудал, пергаментно-тонкая кожа обтянула череп, еще более подчеркнув пропорции огромного носа Веллингтона. «Носяра», как любовно звали его солдаты. Ныне все они почили, все лежат в могилах — тысячи, сотни тысяч воинов. Перевалив за девятый десяток, человек обнаруживает, что ровесников можно счесть по пальцам одной руки.

Раздался негромкий стук: безмолвный слуга поставил бокал на стол у локтя Пальмерстона.

— Последняя бутылка из последнего ящика портвейна двадцать восьмого года, — пояснил Веллингтон. — Берег для вас. Знал, что вы заглянете как-нибудь на днях.

Отхлебнув, Пальмерстон испустил вздох.

— Ну и ну, музыка, музыка небес, а не напиток! За ваше неизменное доброе здравие.

— Да сбудется ваш тост! Тысяча восемьсот двадцать восьмой... Помните тот год?

— Его трудно забыть. Вы были премьер-министром, а я — неоперившимся юнцом в Кабинете. Боюсь, тогда я был не так покладист, как следовало бы...

— Было и быльем поросло. Когда потихоньку близишься к вековой отметке, очень многие вещи, прежде казавшиеся важными, теряют свое значение. Со времени болезни в пятьдесят втором мне кажется, что я живу в долг, и я намерен насладиться этим подарком.

— Для нас то было время великих тревог...

— Для меня тоже, уверяю вас. Я стоял на пороге смерти, но сии ужасные врата так и не распахнулись. А теперь перейдем к делу. Вас ведь привело ко мне не желание насладиться портвейном или предаться воспоминаниям. В вашей записке говорилось, что речь идет о делах великой важности.

— Так и есть. Как я понимаю, вы читаете газеты?

— Отнюдь. Но секретарь зачитывает мне выдержки из большинства. Полагаю, речь идет об этом инциденте с американцами?

— Совершенно верно.

— Тогда зачем же вы здесь?

— Меня просили прийти. Сама королева.

— Ах-х... — Веллингтон поерзал в кресле и костлявыми руками подтянул сползший плед. — Дорогая моя Виктория. Она была весьма привлекательным ребенком, знаете ли, — круглолицая, румяная, прямо-таки пышущая энергией. Частенько приходила ко мне за советом, даже после замужества и коронации. Не подавая особых надежд, пережив столь странное детство, она превзошла себя на голову. Полагаю, она стала королевой не только по титулу, но и по деяниям своим. Чего же она ждет от меня теперь?

— Думаю, мудрого совета. Ее донимают со всех сторон противоречивыми мнениями касательно того, как следует поступить с американцами. Сама же она считает, что в смерти Альберта повинны именно они. Но притом опасается, что чувства ее возобладают над рассудком.

— В этом она одинока, — с теплом в голосе отозвался Веллингтон. — Вокруг этого дела раздута слишком большая истерия. Слишком много истерических чувств и ни малейших попыток мыслить логично. Народ, пресса, политики — все шумно требуют войны. Во время своей военной карьеры я всегда считал, что политики служат только себе и более верны своей партии, нежели

родной стране. Когда же я начал свою политическую карьеру, то обнаружил, что был прав куда более, нежели мог вообразить. Теперь же они криком кричат о безрассудной, ненужной войне.

— А вы нет? Виконт Веллингтон, барон Дюоро?

— Баронство Дюоро пожаловано мне после Талаверы[10]. Титулы даруют только победителям. Вы умышленно выбрали именно эти титулы, дабы напомнить о моей военной карьере?

— Да.

— Рассматривая проблему, поставленную передо мной ныне, я предпочел бы помнить о своей политической карьере. В вопросах внешней политики я всегда выступал за невмешательство, и вам это известно. Начать войну легко, но прекратить ее ужасно трудно. Мы не подверглись агрессии, никто из наших соотечественников не пострадал, наши владения не претерпели ни малейшего урона.

— Английский корабль был остановлен в открытом море. Но более вопиющий противоправный акт — на нем захвачены двое иностранных подданных.

---

[10] Примечания: 10

Талавера-де-ла-Рейна — городок в центральной Испании юго-западнее Мадрида, где в 1809 году британские и испанские войска одержали победу над французами.

— Согласен, акт вопиюще противоправный. По международным законам пакетбот должны были отвести в нейтральный порт. Далее была бы определена надлежащая процедура. Обе заинтересованные державы затеяли бы тяжбу в суде. Буде таковое прошло бы подобающим образом и буде обоих отдали бы в руки американцев, у вас не было бы к ним никаких претензий. Так почему бы вам не привлечь юристов, раз уж речь зашла о нарушении закона? Нехватки в последних не наблюдается, и они с радостью возьмутся за подобное дело.

— Что я должен передать королеве?

Откинувшись на спинку кресла, Веллингтон тихонько вздохнул.

— И в самом деле, что? Со всех сторон — что добрые и великие, что низкие и глупые — криком кричат о войне. Ей трудно будет идти против течения, тем более что она и сама склоняется к тому же самому. Да вдобавок, вы говорите, в смерти супруга она винит американцев и инцидент с «Трентом».

— Именно так.

— У нее всегда был дар к иностранным языкам. Но в остальных отношениях дарованиями она не блистала. Частенько ударялась в слезы и была

склонна к истерикам. Скажите ей, чтобы спросила совета у собственного сердца, поразмыслив о несметных тысячах людей, живущих ныне, каковым суждено умереть, если грянет война. Скажите, чтобы отдавала разуму предпочтение перед чувством. Хотя она вряд ли прислушается. Скажите, пусть ищет мира, не теряя чести, если сумеет.

— Это будет нелегко.

— Ни в воинском искусстве, ни в политике не бывает легких дел, лорд Пальмерстон. Вы должны сказать Ее Величеству, что ей следует весьма серьезно подумать о последствиях, подумать, позволять ли и дальше этому делу катиться, как прежде. Я видел чересчур много битв и смертей, чтобы наслаждаться ими. Прошу вас, выпейте еще вина перед уходом. Больше вам на своем веку уже не отведать подобного.

Веки старика опустились, он задышал ровнее и чуточку громче. Пальмерстон допил остатки портвейна и вздохнул об окончившемся удовольствии. Затем поднялся, стараясь не издать ни шороха, и удалился.

Победа в битве

Пробудившись, как всегда, на рассвете, генерал Уильям Ти-камси Шерман полюбовался, как разгорается заря за окном гостиницы. Элен крепко спала, и ее ровное дыхание чуть-чуть не переходило в легкое похрапывание. Тихонько встав, он оделся и вышел. В вестибюле царило совершенное запустение, не считая ночного портье, дремавшего в кресле. Заслышав чеканный звук шагов по мраморному полу, портье вскочил на ноги.

— Доброе утро, генерал! Намечается хороший денек. — Распахнув дверь, он вскинул руку в крайне цивильном приветствии. Шерман не обратил на него внимания. Президентский особняк расположен почти напротив «Уильямс-отеля», так что генерал направился в сторону Белого дома. При его приближении двое солдат в синих мундирах, стоящие у въезда в особняк, вытянулись в струнку, и Шерман козырнул в ответ на приветствие.

Денек намечается хороший. Если говорить о погоде. Насколько удачным он окажется для генерала, зависит от хозяина Белого дома. Шерман зашагал быстрей, будто стремился убежать

от собственных мыслей. Потом остановился на минутку, чтобы понаблюдать за стаей ворон, круживших над недостроенным памятником Вашингтону, стараясь занять свои мысли чем угодно, только бы не думать о предстоящей встрече с президентом. Зная себя, он понимал, как легко может впасть в могильную мрачность, превращающую жизнь в пытку. Только бы не сейчас. Не сегодня. Резко развернувшись, он зашагал обратно, по-военному четко печатая шаг, глядя прямо перед собой и стараясь держать мысли в узде.

Учуяв на подходе к гостинице аромат кофе, он направился прямиком в буфет и немного поболтал с официантом. Минута мрачности миновала; кофе оказался превосходным, и Шерман заказал вторую чашку.

Когда он вернулся в номер, Элен причесывала свои длинные черные волосы перед зеркалом, установленным на туалетном столике.

— Ты сегодня на ногах с раннего утра, Камп, — заметила она.

— Как только я проснулся и начал думать...

— То начал тревожиться и изводить себя попусту, вот что ты сделал. Но сегодня тебе не о чем тревожиться.

— Но сегодня такой важный день...

— Теперь важен каждый день. Тебе следует забыть о случившемся в Кентукки. С той поры ты проделал работу, которой генерал Халлек просто гордится. Он поддерживает тебя, как и твой друг Грант.

— Однажды я его подвел и забыть этого не могу.

Обернувшись, она взяла его за руки и крепко сжала их между своими ладонями, словно хотела поддержать еще и физически. Шерман пытался улыбнуться, но не сумел. Встав, Элен прижалась к нему своим худеньким телом.

— Мне ли не знать тебя лучше других? Мы познакомились, когда мне было всего десять лет. С той поры много воды утекло, мы давным-давно женаты, а ты ни разу не подвел ни меня, ни детей.

— Я потерпел крах с банком в Калифорнии, да вдобавок с армией в Кентукки.

— Халлек вовсе так не считает, иначе не поставил бы тебя командовать снова. И в Сан-Франциско ты выплатил все свои долги, хотя отнюдь не был обязан.

— Нет, обязан. Лопнул банк не по моей вине. Но это я подбил товарищей-офицеров вкладывать

деньги в этот банк. Когда же они лишились денег, долг чести требовал, чтобы я уплатил им. Все до цента.

— Да, ты сделал это, и я горжусь тобой. Но цена оказалась немалой. Жить так долго, так далеко друг от друга! Жизнь была нелегка, я первая же признаю это, и мы пробыли порознь слишком долго. Мне было очень одиноко.

— Мне тоже, — мягко отстранившись, он присел на край кровати. — Я не делился этим ни с кем, но не раз и не два... мне так хотелось... покончить с собой. Но ради тебя и детей... Только видя Минни, Лиззи и Вилли, думая о них... если б не это, я мог бы броситься в Миссисипи.

Элен знала, что, когда на мужа находит сумрачное расположение духа, урезонивать его бесполезно. Она глянула на часики, приколотые к платью.

— Сегодня слишком важный день, чтобы ты позволил себе нервничать. Во сколько вы встречаетесь с Джоном?

— Он сказал, что в девять будет ждать меня в вестибюле при входе.

— Значит, времени более чем достаточно, чтобы ты успел сменить сорочку. А пока ты будешь переодеваться, я хорошенько вычищу твой

мундир.

Тяжело вздохнув, Шерман встал и потянулся.

— Конечно, ты права. Идет война, а я солдат и не боюсь сражений. Правду говоря, я рвусь в бой. И первое сражение я должен выдержать с этими черными мыслями, отбросить их и думать только о предстоящей встрече. От ее успеха зависит мое будущее.

Конгрессмен Джон Шерман только-только закурил свою первую за день сигару, когда увидел пару, спускающуюся по лестнице. Загасив сигару, он поспешил через вестибюль, чтобы по-отечески поцеловать невестку в щеку. Потом с довольной улыбкой повернулся к брату.

— Ты выглядишь как нельзя лучше, Камп. Готов к встрече с дровосеком?

Шерман улыбнулся, но взгляд его остался холоден как лед. Сегодняшняя встреча чересчур важна, чтобы подшучивать над ней.

— Неужто эти претенденты на должности не могут подождать? Неужели всякий, кто претендует на государственный пост, должен являться лично ко мне? — спросил президент, приподнимая толстую кипу непрочитанных документов, неподписанных писем, неразрешенных проблем, неотложных дел.

— Тех, у кого дело не горит, я вынуждаю ждать — иных неделями — и разубеждаю самых неприемлемых или отказываю им в приеме, — ответил Николай. — Однако вы самолично назначили нынешнюю встречу с конгрессменом Джоном Шерманом. А он хочет, чтобы вы повидались с его братом генералом Шерманом.

Тяжко вздохнув, Линкольн уронил бумаги на стол.

— Что ж, эту войну приводит в движение политика, так займемся же политикой. Пригласите их.

С виду пришедшие не очень-то располагали к себе. Несмотря на молодость, сенатор уже начал лысеть. Генерал, щеголяющий остроконечной рыжей бородкой, оказался невысоким и коренастым, зато держался по-военному прямо; безупречная вы правка выдавала в нем вест-пойнтского выпускника. Взор его был холоден и бесстрастен, как взгляд хищной птицы. Сидел он молча, устремив взгляд за окно, на реку Потомак и далекие вспаханные поля Виргинии по ту сторону, не раскрывая рта, если только к нему не обращались напрямую. Очевидно, политика его совершенно не интересовала. Линкольн следил за ним краешком глаза, упорно пытаясь разбу-

дить воспоминание, затаившееся где-то у самой поверхности сознания. Ну конечно!

— Что ж, конгрессмен, — перебил президент тираду, мало-помалу переходившую в слишком уж знакомую аболиционистскую речь, — все сказанное вами весьма резонно. В ответ на это я могу лишь повторить слова, которые проговорила девушка, натягивая чулок: «Сдается мне, в этом что-то есть». Я приму ваши мысли к сведению. А сейчас мне бы хотелось перекинуться словцом-другим с вашим братом. — Он развернулся в кресле, чтобы оказаться лицом к Шерману. — Генерал, поправьте меня, если я заблуждаюсь, но не встречались ли мы хотя бы однажды?

— Встречались, мистер Линкольн, — кивнул Шерман. — Вскоре после битвы при Булл-Ране.

— И конечно, по поводу небольшого дисциплинарного вопроса в одном из ваших ирландских полков, насколько припоминаю.

— Можно сказать и так. Насколько помнится мне, это произошло перед самым вашим визитом. Один капитан, адвокатиш-ка, простите за выражение, пришел ко мне для беседы, когда нас могло слышать множество его солдат, находившихся неподалеку. Он вполне недвусмысленно заявил, что его трехмесячный срок завершен и он

отправляется домой. Я не мог стерпеть подобного на глазах у его подчиненных. — Лицо Шермана, переживающего прошедшее заново, окаменело от гнева. — Подобные поползновения надобно пресекать в корне. Особенно перед лицом людей, однажды уже бежавших с поля боя. Так что я сунул руку за борт шинели, сказав: «Попытка покинуть полк без приказа считается мятежом, и я пристрелю вас, как собаку». На этом вопрос был закрыт.

— Не совсем, — Линкольн улыбнулся при этом воспоминании. — Должно быть, чуть позже в тот же день, когда мы с государственным секретарем Сьюардом верхом объезжали лагерь, этот самый капитан приблизился к нам и, указывая на вас, сказал: «Господин президент, у меня жалоба. Сегодня утром я разговаривал с полковником Шерманом, и он грозился застрелить меня».

Как всегда, смакуя добрую байку, Линкольн выдержал мелодраматическую паузу, прежде чем продолжать:

— Я чуточку выждал, потом наклонился к нему и прошептал, что называется, театральным шепотом. Что ж, будь я на вашем месте, сказал я, и он грозил бы меня застрелить, я бы ему доверял, поскольку он и вправду на такое способен!

Все трое рассмеялись хорошему, умело поданному анекдоту.

— Конечно, — добавил Линкольн, — суть дела я узнал, когда ее изложил мне полковник Шерман, ибо тогда вы были в этом звании. Поскольку я ничего толком не знал, то решил довериться вашему суждению, чувствуя, что вы знаете свое дело.

— После поражения при Булл-Ране войска были деморализованы, и подобные разговоры следовало пресекать тотчас же.

— На лад Вест-Пойнта.

— Так точно.

— А ведь покинув Вест-Пойнт, вы одно время были начальником Луизианской государственной военной академии? Это правда?

— Мне действительно выпала такая честь.

— Камп чересчур скромничает, — встрял Джон. — Он основал эту академию, чуть ли не построил ее собственными руками. Начал в голом поле, возвел здания, организовал учебное заведение, и через два месяца оно уже открылось.

Президент кивнул.

— Должно быть, у вас было на Юге много друзей, когда вы занимали такой ответственный пост?

— Было. Пожалуй, и сейчас еще есть. За время службы я хорошо познакомился с южанами. У

меня были друзья, человеческими качествами которых я восторгался. Но вот их отношения к порабощенным неграм я отнюдь не одобряю. Они встречают человека не по одежке, не по уму и даже не по воспитанию. В их глазах человек обретает вес, только если за ним следует раб, угождающий его прихотям. Один человек порабощает другого — и гордится этим до беспамятства. Во всех остальных отношениях они чудесные, благородные люди. После учебы становятся отличными солдатами. Это военный народ, с крепкими воинскими традициями.

— К несчастью, — кивнул Линкольн. — Слишком многие из ваших однокашников по Вест-Пойнту воюют на их стороне.

— Южане — отличные бойцы. Но порой они не внимают простейшей логике. Я знаю, ибо пытался взывать к их разуму. Однажды я пытался предупредить офицеров, преподававших в академии, об их неминуемой участи, о переменах, которые сулит им будущее. Боюсь, они даже не услышали, ибо крайне негибки в своих воззрениях.

— Вы меня озадачили, генерал, — с недоумением взглянул на него Линкольн. — О чем вы хотели их предупредить?

— Разговор состоялся, когда южные штаты уже начали откалываться. То было время великих тревог. Все преподаватели академии состояли на действительной службе в армии Соединенных Штатов. Они разрывались между верностью своему правительству и верностью своим штатам. Я пытался урезонить их. Поведать о неизбежности гибельной войны, господин президент. Пытался растолковать, сколь они безрассудны, ибо мысленным взором видел, что прольются реки крови, если они не сойдут с дороги, ведущей к гражданской войне. Реки их собственной крови. Мне не удалось убедить их, что миролюбивые северяне пойдут в бой, если придется. Пойдут в бой и победят.

— Вы говорите весьма убежденно. Вы догадывались, что боевой дух Севера со временем возобладает?

— Не совсем. Южане всегда отличались воинственностью, потому-то многие из них и пошли в Вест-Пойнт. Ибо считают, что во многом на голову превосходят остальных. Но все мы американцы — и северяне, и южане — и реагируем на конфликт одинаково. Однако нынешнюю войну выиграет отнюдь не боевой дух. В конечном итоге верх возьмет военная техника. Юг не

в состоянии построить, скажем, локомотив или железнодорожный вагон, вообще произвести что бы то ни было потребное для ведения войны и окончательной победы. Они выигрывают сражения, ибо они отважный народ, но не располагают ресурсами для победы. Когда же я говорил об этом, они улыбались мне, как слабоумному. — Шерман помолчал, устремив свой холодный, пустой взор за окно, в сторону раскинувшейся за рекой вражеской земли. Видел дела минувшие... а быть может, и грядущие. — После этого мне не оставалось ничего другого, как покинуть Юг и выступить за дело Союза. Конечно, мои слова пропустили мимо ушей и скоро забыли, и мы стремительно покатились навстречу войне. Но эти люди — мои добрые друзья, и по сей день я не могу воспринимать их как мятежников или предателей. Они восстали на защиту своей родины, своих очагов и семей — против чужаков, вторгшихся на их землю, каковыми они нас считают.

Его слова произвели на Линкольна неизгладимое впечатление: оказывается, этот человек не только воин, но и мыслитель. Слишком уж многие генералы думают только о схватках и почти ни о чем более. А у иных нету даже боевого духа. Генерал Макклеллан потратил целых пять

месяцев совершенно впустую. Те

перь он угодил с лихорадкой в госпиталь, и президент принял командование на себя. На западе Халлек застрял и ни с места. Солдаты гибнут, но больше ничего не происходит. Только морская блокада идет успешно. Контрабандные суда перехватываются почти ежедневно, все запасы у южан на исходе. И все равно, ситуация сложилась патовая. Нельзя же выиграть войну, если сидеть сложа руки и надеяться, что мятежники перемрут голодной смертью. Будь во главе войск генерал Шерман, он сумел бы повлиять на ситуацию. Конечно, не прямо сейчас, но надо иметь его в виду.

— Вы далеко пойдете, генерал. Хотелось бы мне иметь хотя бы дюжину таких, как вы. Тогда с войной было бы покончено уже к весне. Насколько я понимаю, вы хотите служить под командованием генерала Халлека?

— Так точно. Он хочет, чтобы я принял дивизию под началом генерала Гранта.

— Тогда по рукам! Приказ будет отдан. Желаю вам всяческих успехов.

Николай, с безупречным чутьем секретаря появившийся именно в этот момент, проводил гостей. И заговорил лишь тогда, когда закрыл за

ними дверь.

— Миссис Линкольн спрашивает, не можете ли вы зайти к ней в комнату Вилли.

Смуглое лицо Линкольна приобрело землистый оттенок.

— Никаких перемен?

— Не знаю, больше она ничего не сказала.

Линкольн поспешил прочь из кабинета. Мэри стояла у двери, глядя на кровать. Ощутив его прикосновение к локтю, обернулась.

— Он такой холодный!

Один из друзей Вилли сидел у большой кровати, выпрямившись с мрачной серьезностью. Глаза Вилли были закрыты.

— Он ничего не говорил? — спросил Линкольн у мальчика.

— Нет, сэр, сегодня нет. Но он наверняка знает, что я здесь, потому что пожимает мне руку.

Поставив стулья, они в молчании присели рядом с парнишкой. Тут уж ничего не скажешь, ничего не поделаешь. Пришел доктор, поглядел на безмолвного ребенка, потрогал его лоб — и покачал головой, сказав этим больше, чем под силу выразить словам.

Только через час Линкольн вернулся к письменному столу и устало опустился в кресло. И

обернулся, услышав голос:

— Ему это удалось, мистер Линкольн, Гранту это снова удалось!

Военный министр вбежал в комнату, размахивая депешей, как боевым стягом. В своем восторженном задоре он даже не заметил, как осунулось лицо президента, не разглядел беспросветного отчаяния, застывшего во взоре Линкольна. Повернувшись к висящей на стене карте Соединенных Штатов, Камерон постучал пальцем по штату Теннесси.

— Форт Донелсон пал, и это воистину великая победа! — И зачитал с принесенного листка: — Шестнадцатого февраля... армия конфедератов сдалась... пятнадцать тысяч пленных. Вот оно, самое великолепное доказательство, что в Гранте мы нашли великого полководца. Знаете, что сказал Грант, когда генерал Бакнер спросил его об условиях сдачи? — Отыскав на листке нужное место, Камерон назидательно поднял палец: — «Никаких условий, кроме безусловной и немедленной сдачи. Предлагаю вам немедленно перейти к делу». — Министр ликовал. — Полагаю, если позволите, надо немедленно произвести Гранта в генерал-майоры.

Линкольн утвердительно склонил голову. Ка-

мерон снова обернулся к карте.

— Сперва пал форт Генри, теперь очередь форта Донелсон, сущая катастрофа для противника! Камберленд и Теннесси — две важнейшие реки юго-запада — в наших руках. Штат Теннесси теперь принадлежит нам, а Кентукки распахнут перед нами. Южанам остается лишь горько сетовать. Они окружены и подвергаются непрерывным атакам. — Он ткнул пальцем в карту: — Наши армии находятся вот здесь, в Виргинии близ Вашингтона, и здесь, у Харпере-Ферри. А также на полуострове, у форта Монро, и готовы нанести удар по Ричмонду и Норфолку. Стальное кольцо, вот как это называется! Наши войска у Порт-Ройяла нацелены на Саванну и Чарльстон. Далее по побережью Мексиканского залива мы готовы постучаться в ворота Мобила и Нового Орлеана. А здесь, на Миссисипи, устремлены на Камберленд и Теннесси. — Утомленный восторгом Камерон плюхнулся в кресло. — Блокада вдоль всего мятежного побережья уже не просто докука Джонни Бунтарю, а полновесная угроза. Я не удивлюсь, если война закончится еще до конца года. Тысяча восемьсот шестьдесят второй станет нашим annus mirabilis, победным годом.

— Дай Бог, чтобы это было так, Камерон. Я

молюсь, чтобы неисчислимым смертям и разрушениям пришел конец и наша многострадальная страна вновь стала единой. Но раненый зверь

бросается на обидчика, а Юг ранен, и ранен жестоко. Мы не должны терять бдительности ни на миг. И важнее всего для нас блокада. Ее следует поддерживать и укреплять. Надо отрезать противника от всех каналов поставок извне. Без оружия, боеприпасов и снаряжения Югу долго не продержаться. В конце концов их войска будут разбиты.

Слова были полны оптимизма, но в голосе Линкольна прозвучал беспросветный мрак. И столько в нем было горечи, что Камерон вдруг заметил явное страдание, написанное на лице президента.

— Сэр, вам нездоровится?

— Нет, не мне. Тому, кто мне дорог. Моему сыну, Вилли. Ему ведь всего двенадцать. Доктора говорят, смертельно болен. Тиф. Сомневаются, что доживет до вечера.

Пораженный горем и болью президента, Камерон даже не нашел слов для ответа. Встал, скорбно покачивая головой, и медленно вышел.

Река Джемс пересекает всю Виргинию, сердце Конфедерации. Покинув Ричмонд, ее столицу,

Джемс неспешно несет свои воды через щедрые земли этого края к морю. У самого впадения в широкий залив, известный под именем Хэмптон-Роудс, в нее вливается река Элизабет.

В это мартовское утро над рекой Элизабет курился туман, и первые лучи рассвета с трудом пробивались сквозь него, смутно очерчивая голые деревья, выстроившиеся по берегам реки. На ветке, нависающей над водой, сойка распевала свою хриплую песнь — и вдруг смолкла. Потом сорвалась в воздух и унеслась прочь, испугавшись темной громады, замаячившей в тумане. Птичье пение сменило пыхтение, напоминающее тяжкие вздохи какого-то речного чудовища. Вскоре из тумана выползло и само чудовище, пыхтя паровым двигателем и изрыгая черный дым из единственной высокой трубы.

Облаченный в броню, пузатый, медленный и неказистый корабль двигался едва-едва, почти не тревожа рябью зеркальную гладь реки. Но, проплывая мимо, продемонстрировал серые борта с орудийными портами, пока что плотно закрытыми, и чудовищный таран, укрепленный на носу. На баке, прямиком над четырехфутовым стальным бивнем, находилась бронированная рубка, а в рубке — командир корабля, адмирал

Франклин Бьюкенен, стоявший позади рулевого.

Но восторга адмирал отнюдь не испытывал. Не корабль, а скопище компромиссов. Деревянный корпус сделан из обугленной обшивки «Мерримака», сожженного янки при отступлении из Норфолка. И этой сырой обшивке уготована роль спасителя Конфедерации. Сгоревшие шпангоуты и обшивку срезали, оставив лишь прочное дерево. На остатках днища возвели бронированную надстройку из сосны и дуба, покрытых броневыми листами ради защиты установленного здесь десятка больших пушек. И вот теперь «Мерримак», переименованный в корабль военного флота Конфедерации «Виргиния», идет на войну в самый первый раз. Да притом мучительно медленно. Одноцилиндровый двигатель, и без того хлипкий и слабосильный, долго пробыл под водой, прежде чем его подняли и привели в порядок. Древний двигатель с самого начала не получал должного обслуживания, а уж пребывание в соленой воде ничуть не пошло ему на пользу. И тащить тяжелую посудину быстрее пяти узлов в час хилый двигатель оказался просто не в состоянии.

Зато, по крайней мере, судно наконец спущено на воду и скоро отведает вкус битвы. Оно пошло

бы в бой и раньше, но суровые весенние шторма хлестали побережье много дней подряд, по заливу катились огромные валы, горами обрушиваясь на берег. Имеющая малую осадку «Виргиния» просто затонула бы. Теперь шторм стих, волны за ночь улеглись — и броненосец наконец-то будет испытан в деле.

Повернувшись, адмирал Бьюкенен спустился по трапу в машинное отделение, где громко крикнул, стараясь перекрыть лязг металла и шипение пара:

— Слишком медленно, лейтенант Джонс, слишком уж медленно идем! Нельзя ли развести пары посильнее?

— Нет, сэр! — крикнул в ответ перепачканный смазкой офицер. — Больше нам не выжать. Давление и так чересчур высокое, еще чуток — и что-нибудь взорвется.

Бьюкенен вернулся на свой пост. Когда «Виргиния» дотащилась до реки Джемс, к ней присоединились четыре деревянные колесные канонерские лодки. Самая крупная — «Патрик-Генри» — с целыми шестью пушками, а самый крохотный — «Тизер» — вооружен только одной.

Вот и вся флотилия, собранная против могучего военного флота Соединенных Штатов.

Туман уже разошелся, и пыхтящие пароходы медленно вышли в широкие воды Хэмптон-Роудс. За Норфолком они окажутся в открытом море.

И столкнутся с блокадным флотом, ибо именно там начинается удушающий барьер блокады. Эти подступы к сердцу Конфедерации так важны, что здесь встала на якоре целая флотилия кораблей Союза. Бьюкенен ни разу не видел ее, но ежедневно получал рапорты о ее численности и состоянии.

Прежде всего сорокапушечные паровые фрегаты «Роанок» и «Миннесота». Их сопровождают парусные фрегаты: пятидесятипушечный «Конгресс» и «Камберленд» с двадцатью четырьмя орудиями. В общей сложности вход в реку Чарльз контролирует свыше ста пятидесяти пушек. Чтобы одолеть их, нужен целый флот. А флота у Юга нет.

Только один-единственный неказистый, наспех слаженный и не опробованный броненосец. Да еще четыре крохотных пароходика, лишенных брони.

Ни разу не испытанная в бою, нелепая, громыхающая «Виргиния» лениво близилась к блокадной флотилии.

— Открыть порты! — прокричал Бьюкенен.

— Приготовиться к бою!

Вахтенный на корабле Соединенных Штатов «Маунт-Вернон», стоявшем к берегу ближе других, заметил дым над мысом Сьюэлл и подумал, что там разожгли огонь. Он уже собирался доложить, когда вдали показался темный силуэт. Корабль, но какой? Силуэт укоротился: корабль повернулся носом, и вахтенный забил тревогу. Пусть он ни разу не видел подобных кораблей, зато прекрасно узнал флаг Конфедерации, развевающийся на корме. Судно вполне может оказаться давно ожидавшимся броненосцем, который якобы должен принести Югу победу.

«Маунт-Вернон» поднял сигнальный флаг, чтобы предупредить флотилию. Сигнал остался незамеченным. Капитан приказал выстрелить в приближающийся броненосец. Этот выстрел и стал первым в битве на Хэмптон-Роудс.

Пыхтя, «Виргиния» лениво приближалась к стоящим на якоре судам, смехотворная с виду и ничуть не грозная — пока не открылись орудийные порты, и оттуда не выглянули черные жерла пушек. Мишенью первой атаки Бьюкенен наметил «Камберленд». «Виргиния» открыла огонь шрапнелью из носовой пушки уже с разделяющего их расстояния в целую милю, выведя из строя

весь расчет турельной пушки — кого раненым, а кого и убитым.

На фрегате северян забили тревогу. Но атака была настолько стремительной и нежданной, что с такелажа даже не успели снять сушившееся белье. Матросы старались как могли. Экипаж бросился на ванты, чтобы поставить паруса, а канониры взялись за тали. Через считаные минуты «Камберленд» громогласно ответил первым бортовым залпом. Нападающие уже приблизились, и снаряды обрушились на броню «Виргинии» — четыре дюйма крепкой стали, подстрахованной двумя футами сосны и дуба.

Снаряды угодили в цель — и срикошетили, не пробив брони и даже не замедлив неуклонного, тягостного приближения.

— Так держать, — приказал Бьюкенен рулевому, — так держать. — Обшивка броненосца зазвенела, как циклопический колокол, от удара ядра, с воем унесшегося прочь. — Я хочу протаранить его посередине.

Не успели на фрегате зарядить пушки вновь, как таран с чудовищным грохотом врезался в «Камберленд», пронзив его деревянный корпус насквозь. Вода хлынула в громадную пробоину, и судно начало погружаться, грозя увлечь броне-

носец за собой.

— Полный назад!

Угроза была отнюдь не шуточной: передняя часть палубы «Виргинии» уже скрылась под водой. По стали неустанно барабанил свинцовый град — это стрелки «Камберленда» палили по врагу в упор. Но мушкеты оказались ничуть не действеннее пушек.

Казалось, «Виргиния» сама обрекла себя на гибель. Слабосильный двигатель не мог развить необходимую тягу, чтобы освободить ее от тонущего фрегата. Вода затопила уже всю палубу, хлынув сквозь шпигаты. Надежда Юга погибала в первом же бою.

Но нагрузка на таран оказалась непосильной, он обломился — и броненосец освободился. «Виргиния» сдала назад, обратила внимание на остальные суда флотилии.

Но «Камберленд» не сдался и не прекратил огня. Поэтому «Виргиния» осталась рядом с ним, непрерывно обстреливая фрегат, несмотря на лязг ядер по броне, бессильных причинить какой-либо ущерб. Тонущий корабль янки запылал, но оставшиеся в живых орудийные расчеты не покидали постов, продолжая вести огонь. Потом грохот железа о сталь прозвучал в самый послед-

ний раз — и фрегат скрылся под водой.

А броненосец вторгся в ряды кораблей противника. Во время его поединка с «Камберлендом» «Конгресс» поднял паруса и не без помощи буксирного судна «Зуав» налетел на мель. Оказавшись в ловушке, он подвергся обстрелу канонерских лодок Конфедерации. Теперь к нападающим подключилась и «Виргиния». Зайдя к фрегату с кормы, она обрушивала на хрупкий деревянный корабль один залп за другим, пока тот не запылал от носа до кормы.

Взмокший, усталый, перепачканный экипаж броненосца испустил рев победного ликования, когда броненосец нацелил нос на остатки блокадной флотилии.

«Миннесота» на паровом ходу без труда могла бы ускользнуть от медлительного, тяжеловесного противника, но ее капитан и экипаж смотрели на это совершенно иначе. Пользуясь своей высокой маневренностью, она принялась кружить вокруг «Виргинии», стремясь развить любое преимущество. Но преимуществ не нашлось. Ни единого. Ядра «Миннесоты» не причиняли броненосцу ни малейшего вреда, зато ее деревянная обшивка получала пробоину за пробоиной. Под вечер она сильно пострадала и налетела на мель. Спас ее

только отлив. Чтобы тоже не оказаться на мели, «Виргиния» вынуждена была держаться в глубоких водах.

— Выйти из боя, — приказал Бьюкенен, глядя на заходящее солнце и отступающее море. — Проложите курс обратно в реку.

С наступлением сумерек паровой броненосец Конфедерации с пыхтением вошел в гавань. В бою судно почти не получило повреждений, а личный состав не понес потерь, не считая нескольких ранений. Бьюкенен и матросы ликовали, с нетерпением дожидаясь утра, когда можно будет вывести броненосец в море, чтобы добить застрявшую на берегу «Миннесоту» и все остальные деревянные корабли военного флота Союза. Флот будет уничтожен, блокада снята, Юг спасен.

Железо восторжествовало над деревом. Паруса уступили место пару. И это послание миру не прошло незамеченным, ибо битвы ждали уже давно, существование «Виргинии» было секретом Полишинеля. На рейде стояли французские и британские корабли, весь день пристально наблюдавшие за происходящим. Они сочли, что утром блокадная флотилия будет разбита окончательно.

Родился совершенно новый тип морского боя. Солнце закатилось, алой зарей провожая день победы южан.

Северная сталь

Тот же самый шторм, который не выпускал «Виргинию» из порта, не позволил «Монитору» покинуть Бруклинскую военно-морскую верфь. После спуска судна на воду в середине февраля последовали мучительные дни отсрочки, затянувшейся на целые недели. Эрикссон создал изумительную конструкцию, а построй

ка судна от киля до спуска на воду за сто один день являла собой чудо механики. Конструктор не учел только человеческий фактор.

В движение металлическое судно должен был приводить двухцилиндровый двигатель, тоже конструкции Эрикссона, крутивший единственный винт. Инженеры, делавшие винт, допустили одну, но весьма существенную ошибку. Они предполагали, что вал двигателя будет вращаться совершенно в противоположном направлении, чем на самом деле. Так что когда капитан судна лейтенант Джон Уорден на первых же испытаниях мореходных качеств скомандовал «малый вперед», оно задрожало, подало назад и врезалось

в причал.

— В чем дело?! — крикнул Уорден старшему механику Альбану Штимерсу. К счастью, прозвучавшая в ответ непристойность потонула в лязге механизмов. Когда машина остановилась, Штимерс поднялся в рубку и доложил капитану:

— Похоже, никто не поинтересовался, будет ли винт вращаться по часовой стрелке или против. Вместо того чтобы идти вперед, судно пятится задом.

— Нельзя ли приладить новый винт?

— Нет. Этот был сконструирован и изготовлен по спецзаказу. Не знаю, сколько именно времени займет изготовление нового, но абсолютно уверен, что немало. Кроме того, для его замены судно придется вернуть в сухой док, а это займет еще больше времени.

— Проклятье! А нельзя ли в таком случае запустить двигатель в обратную сторону? Тогда корабль наверняка пойдет вперед.

Штимерс мрачно покачал головой, вытирая чумазое лицо ветошью, но только размазал машинное масло.

— Вообще-то можно. Но тогда нам не выжать больше двух-трех узлов, а судно рассчитано на семь.

Уорден спустился из бронированной рубки.

— Почему? Что-то я не понимаю.

— Ну, чтобы вникнуть, надо немного разбираться в двигателях. Видите ли, каждый золотниковый клапан приводится в движение эксцентриком, который частично проворачивается вокруг оси, чтобы заставить машину крутить вал в другую сторону. Это дает отличные результаты в одном положении, но только в одном.

— Тогда как же быть?

— Надо разобрать всю машину и переставить эксцентрики.

Уорден знал, что на счету каждый день. Все газеты — и северные, и южные — трубили, что броненосец южан будет вот-вот спущен на воду. Кроме того, Уорден располагал более специфическими донесениями разведки, что остались считаные недели, а то и дни до того момента, когда вражеский корабль возьмется за блокадный флот. Но винт должен стоять как положено. Негоже идти в первый бой кормой вперед!

— Приступайте сейчас же.

Но только к девятнадцатому февраля были собраны крепкие моряки и офицеры, и «Монитор» наконец-то проделал на буксире короткое плавание от Грин-Пойнта до Бруклинской воен-

но-морской верфи, где установили на место пару чудовищных орудий — одиннадцатидюймовых гладкоствольных пушек Дальгре-на, способных стрелять ядрами весом в сто шестьдесят шесть фунтов. Заодно судно приняло на борт провизию, а также порох, ядра, картечь и шрапнель. Стальной корабль собрался в боевой поход.

Хотя лишь после новой отсрочки.

За пробные стрельбы отвечал механик Штимерс, хотя ему ни разу не доводилось иметь дела с подобными противооткатными механизмами. После выстрела пушка скользила назад по стальным рельсам, а инерцию отдачи гасили тормозные башмаки, крепко притянутые к рельсам. Но Штимерс повернул маховик противооткатного устройства не в ту сторону, ослабив зажимы, вместо того чтобы затянуть их.

После пробного выстрела первая пушка на большой скорости отлетела назад и была остановлена только ударом шишака казенника о стену орудийной башни. Удар срезал несколько болтов, крепивших подшипники люльки к лафету. Добраться до них было трудновато, масса времени ушла на высверливание их и замену новыми.

Снова человеческий фактор. Этот инцидент

так расстроил Штимерса, что он повторил ту же ошибку и со второй пушкой. И чинить ее пришлось тем же способом. Эрикссон самолично присматривал за ремонтом, испепеляя взором пристыженного механика и злобно ворча по-шведски, пока не был удовлетворен итогом трудов.

Ремонтные работы завершились лишь к двадцать шестому февраля. Следующее утро выдалось холодным и беспросветным, но ровно в семь часов «Монитор» под яростное завывание ветра двинулся навстречу снеговой круговерти, держа курс к Хэмптон-Роудс и блокадному флоту Союза. Портовые рабочие поспешили укрыться от непогоды, и на причале остались только Джон Эрикссон и Томас Фитч Роланд, владелец металлургического завода, построившего корабль.

— Наконец-то, — выговорил Роланд. — Теперь батарея Эрикссона покажет, на что она способна. Вы изобрели удивительную машину, и я безмерно горд, что мы воплотили ее в металле ко всеобщему удовлетворению.

— Она покажет все, для чего была сконструирована. Даю вам слово, — отозвался изобретатель. И вдруг охнул. — Но... Что стряслось?!

«Монитор» внезапно повернулся носом к берегу

тесного, бурного пролива. Столкновение казалось неминуемым, но в последний момент нос судна повернуло в противоположном направлении — к другому берегу. Стальной корабль шел все медленнее и медленнее, рыская из стороны в сторону, пока наконец не врезался в хлипкий причал, едва не сокрушив его, и остановился.

Эрикссон чуть ли не подскакивал от ярости.

— Возьмите буксир, — процедил он сквозь зубы. — Отведите судно обратно в док.

— Я не мог его удержать, — оправдывался сконфуженный рулевой. — Стоило мне повернуть штурвал в одну сторону, и поворот в другую давался с огромным трудом. Даже вдвоем с лейтенантом Уорденом мы справлялись едва-едва. Потом стоило перевалить через середку, как все начиналось сызнова.

Эрикссон настоял на том, что должен изучить ситуацию лично, осмотрев румпельные тяги и коромысла. Матросы передавали от него команды рулевому, чтобы тот поворачивал руль то в одну сторону, то в другую. Прошло больше часа, прежде чем конструктор выбрался из трюма, напрочь промочив брюки, перепачкавшись в грязи и смазке, но не замечая подобных пустяков.

— Руль разбалансирован. Надо увеличить ры-

чаг коромысла. Удвоить, если понадобится.

На это ушло меньше суток. Однако и трое суток спустя «Монитор» все еще стоял на приколе. Экипаж от беспокойства не находил себе места, понимая, что их судно построено для поединка с «Виргинией», которая вот-вот сойдет со стапелей, если верить сводкам, регулярно появляющимся в газетах. А поделать ничего нельзя. У побережья бушует сильнейший шторм, на берег обрушиваются исполинские волны, а «Монитор» рассчитан на судоходство по мелководью и рекам. Его низкие борта и мелкая осадка не позволяют выходить в море даже при умеренном волнении.

Шестого марта небо прояснилось, ветер стих, и море успокоилось. Было принято решение, что «Монитор» будет доставлен к месту назначения на буксире, поскольку его крейсерская скорость составляет всего семь узлов. Прицепленный толстым канатом к буксиру «Сет-Лоу», сопровождаемому паровыми канонерками «Карритук» и «Сэйчем», «Монитор» наконец-то вышел в море.

День прошел довольно легко, и экипаж начал привыкать к новой обстановке. На обед подали отварную говядину с картошкой, а после все свободные от вахты спокойно отошли ко сну. Но поспать им почти не пришлось. Ветер окреп, море

разгулялось, и к утру погода испортилась окончательно. Плавание превратилось в кошмар.

Зеленые волны захлестывали крохотное суденышко, водопадом рушась на палубу, перекатываясь через рубку и врываясь сквозь узкие смотровые щели с такой силой, что сшибали рулевого с ног, отбрасывая от штурвала.

Но куда опасней были волны, накрывавшие трубы воздухозаборников, возвышающиеся над палубой достаточно высоко, чтобы при спокойном море снабжать воздухом паровую машину в трюме. Вода затопила вентиляторы, намочила их кожаные приводные ремни и вывела их из строя. Без воздуха огонь в топках угас; без вентиляторов машинное отделение заполнилось ядовитым угарным газом, едва не убившим находившихся там людей.

Отвага экипажа не вызывала ни малейшего сомнения. Добровольцы с риском для жизни пробрались в машинное отделение, вынесли потерявших сознание людей и уложили дышать свежим воздухом на куполе орудийной башни. Через некоторое время те очнулись, но корабль по-прежнему подвергался великой опасности. Огонь в топках угас, без пара остановились трюмные помпы. Буксир по-прежнему исправно тянул

судно по бурному морю, но оно понемногу заполнялось водой. Пытались пустить в ход ручные насосы, но все тщетно. Люди ликвидировали течь за течью, но вода все поднималась. Да еще, пробивая носом очередную волну, корабль черпал воду через клюзы.

Ужасная ночь, ночь изнурительных трудов и морской болезни. Очень немногим достало сил вскарабкаться на верх башни, чтобы извергнуть рвоту за борт. А на нижних палубах тусклый свет масляных ламп высвечивал только плещущуюся грязную воду, плавающий хлам и людей, занятых нескончаемыми трудами по спасению корабля.

Только перед самым рассветом шторм выдохся и волны улеглись. За ночь ядовитый газ выветрился, так что теперь стало возможно выгрести из топок сырую золу и снова разжечь огонь. Как только давление пара немного поднялось, завертелись вентиляторы. По всему кораблю прокатилось громогласное «Ура!», когда за борт выплеснулись первые порции трюмной воды.

Никто так и не спал. Приготовить горячую пищу было невозможно, и тем, кто был в состоянии есть, пришлось обойтись сыром с крекерами и опресненной водой.

Второй день был немногим лучше первого, но

усталые, вымокшие до нитки люди не заметили разницы. Но зато они приблизились к цели. К четырем часам вечера впереди показалась крепость Монро, форт Союза, сторожащий вход в Хэмптон-Роудс.

А еще густые клубы дыма. Стало видно, как черные штрихи мелькающих в воздухе ядер расцветают белыми облака дыма. Чтобы лучше видеть, лейтенант Уорден вскарабкался на башню.

— Может, корабль конфедератов пытается прорваться сквозь блокаду, — предположил один из моряков, но почти без надежды в голосе. Уорден молча отрицательно покачал головой.

— Слишком уж ожесточенная, слишком уж яростная перестрелка. Должно быть, «Виргиния» вышла в море и схлестнулась с нашим флотом. Сталь против дерева... У наших нет ни малейшего шанса.

— Разобраться с ней — наша работа! — выкрикнул кто-то. — Вот что мы должны сделать!

— Нам не добраться туда до сумерек, — возразил другой, поглядев в небо, а потом на горизонт.

— Тогда мы будем там утром, — мрачно проронил лейтенант Уорден. — Если этот броненосец и переживет сегодняшний день, то наверняка

вернется утром. Но когда рассветет и покажется «Виргиния», мы будем поджидать ее. На сей раз сталь натолкнется на сталь. И тогда эти мятежники поймут, что пора принимать бой.

Стоявшие на рейде напротив устья Хэмптона французские и британские наблюдатели даже не догадывались, что у крепости Монро, бастиона северян по ту сторону залива, в сумерках бросило якорь маленькое, черное, неказистое суденышко. Виденное днем, когда «Виргиния» атаковала флотилию Севера, больше смахивало на избиение, нежели на бой, и утром они ожидали увидеть примерно то же самое.

Но, может статься, так и получится, когда неопробованный «Монитор» встретится один на один с «Виргинией», показавшей себя в бою?

Ночью «Монитор» снялся с якоря и вошел в Хэмптон-Роудс.

Теплую весеннюю ночь озарял свет лунного серпика, но куда ярче было зарево пылающего «Конгресса». Корпус его содрогался от взрывов — пламя добралось до крюйт-камер. Экипажу «Монитора» поведали о дневных бедствиях; действительность оказалась куда ужаснее слов. К десяти часам судно заняло позицию между тяжко израненной «Миннесотой» и берегом.

Не смыкая глаз, ее экипаж ждал, пока паровые буксиры пытались освободить засевший на банке линкор. Застрявшая на мели, уязвимая при свете дня «Миннесота» все-таки не отказалась от борьбы, ночью приняв на борт новые запасы ядер и пороха.

В два часа линкор снова был на плаву, но вскоре снова сел на мель. Приблизившись к нему, «Монитор» бросил якорь. Уорден послал лейтенанта Грина переговорить с командиром «Миннесоты».

— Слава Богу, вы прибыли! — вымолвил капитан Ванбрант, указывая на продолжающий пылать «Конгресс». — То же самое будет с нами утром, если мы не выберемся с мелководья. Наши пушки не оставили на адской посудине даже вмятины, хотя мы очень старались.

— Быть может, наши смогут. В любом случае мы расположимся между вами и вражеским кораблем. Чтобы добраться до вас, ему придется обойти нас, а это будет не так-то просто.

На следующее утро, вскоре после девяти часов, настал исторический миг, навсегда изменивший облик морских баталий. Наступила эра современного морского боя. Когда «Виргиния» неспешно приблизилась к застрявшему кораблю северян,

«Монитор» решительно преградил броненосцу дорогу к намеченной жертве.

— В чем там дело?! — крикнул лейтенант Джонс, не в силах толком разглядеть происходящее сквозь узкую смотровую щель.

Юнга Литглпейдж вскарабкался на броню, чтобы лучше видеть.

— Буксиры уходят. Но рядом какой-то плот. На нем что-то стоит... Вроде бы хотят отвезти котел и машину на берег.

— Чушь! Не сейчас же! — Подтянувшись наверх, чтобы тоже поглядеть, Джонс гневно скривился. — Проклятье! Это не плот, а на нем чудовищная орудийная башня. Должно быть, это батарея Эрикссона.

В самый неподходящий момент! План добить «Миннесоту», а затем рассеять остатки блокадной флотилии под угрозой.

Твердо вознамерившись прикончить раненый корабль, «Виргиния» выстрелила в сидящий на мели фрегат с расстояния в милю, и часть ядер угодила в цель. Но больше игнорировать крохотный кораблик было нельзя. Выдыхая облачка дыма, он двигался прямиком к огромному противнику, пока не зашел к нему с борта.

— Стоп машина! — приказал Уорден. — От-

крыть огонь!

Первый орудийный расчет поднял поворотный щит с орудийного порта, выкатил пушку, и Грин дернул за спусковой шнур. Пушка рявкнула, оглушив артиллеристов, наделав больше вреда в башне, чем противнику. Ударившись о броню, ядро просто отскочило.

«Виргиния» дала бортовой залп. Сталь схлестнулась со сталью.

«Монитор» сидел настолько низко, что его палуба находилась вровень с водой, и, кроме крохотной бронированной рубки, над морем высилась только чудовищная орудийная башня. Попасть в эти мишени было почти невозможно, а несколько ядер, все-таки угодившие в цель, просто отлетели рикошетом.

И каждые три минуты собственный паровой движок поворачивал 120-тонную махину, чтобы расположенные в ней две исполинские пушки могли прицелиться. Не попасть в громадную мишень было невозможно. Юркий, идеально слушающийся руля кораблик вертелся вокруг неуклюжего, почти неуправляемого броненосного увальня южан.

Два часа корабли обстреливали друг друга монолитными ядрами, почти соприкасаясь

жерлами пушек. «Виргинию» чуть не постигла катастрофа, когда ее нос увяз в илистой банке. В течение четверти часа ее чахлый двигатель силился стащить судно с мели, а «Монитор» тем временем кружил рядом, непрерывно обстреливая противника. Вскоре ядра так изрешетили трубу большого корабля, что она почти не давала тяги для машины. Ядро снесло жерла двух пушек «Виргинии». Стрелять из них по-прежнему было можно, но после первого же выстрела вырвавшееся из них пламя подожгло деревянную внутреннюю обшивку.

Однако и на «Мониторе» была одна жертва. Его капитан выглядывал сквозь смотровую щель рубки, когда ядро попало прямо в нее. Осколки краски и металла полетели ему в глаза, лейтенант закричал от боли. Его унесли вниз, и судовой врач постарался сделать все, что мог. Один глаз спасти удалось, но второй Уорден потерял.

Битва не затихала до тех пор, пока не начался отлив. Малоподвижная «Виргиния» вышла из боя и медленно зашлепала к устью реки, а ее непобедимый противник остался на посту между ней и ее жертвой.

«Виргиния» вернулась в гавань, а «Монитор» поджидал ее на месте, будто сторожевой бульдог

у крыльца.

Но броненосец южан так и не вернулся. Высокая труба зияла дырами, некоторые броневые плиты держались на честном слове. Неисправный двигатель ремонту уже не поддавался, вес судна был чересчур велик, так что глубокая осадка не позволяла ему вести боевые действия нигде, кроме спокойных вод Хэмптон-Роудс.

Боевому кораблю, навеки изменившему облик морских битв, больше не суждено было вступить в бой.

Кольцо блокады снова сомкнулось. Петля вокруг Юга начала затягиваться.

Оптимисты на Севере потирали руки, считая войну чуть ли не выигранной.

Шайло

Конфедератский генерал Альберт Сидни Джонстон был, конечно, джентльменом, а также не лишенным доброты человеком. Но в ту минуту ему хотелось не быть джентльменом, чтобы уклониться от свидания с Матильдой Мейсон. В конце концов, ведь надо еще и воевать. Нет, это пустая отговорка. Все приказы уже отданы, войска отправлены, так что ему и в самом деле нечем заняться, пока не начнется наступле-

ние. Она прождала уже два дня, и откладывать встречу больше нельзя, потому что благовидных предлогов для этого уже не осталось. Никуда не денешься, она и в самом деле близкий друг семьи, и если разойдется весть, что он отказался ее увидеть...

— Сержант, проводите леди сюда. Затем принесите кофе.

Входной полог шатра откинулся, и Джонстон поднялся, чтобы подать ей руку.

— Давненько мы не виделись, Матти.

— Намного дольше, чем следовало, Сидни. — Она все еще не утратила привлекательности, хотя волосы уже засеребрились сединой. Засопев, она устало рухнула на брезентовый стул. — Извини, мне не следовало такого говорить. Видит Бог, тебе надо вести войну, у тебя масса важных дел, тебе не до того, чтобы видеться со старой сплетницей.

— Но к тебе это наверняка не относится!

— Да где уж там! Видишь ли, я страшно тревожусь о Джоне, закованном в кандалы в темнице на Севере. Мы в таком отчаянии! Ты знаешь нужных людей, ты генерал и все такое прочее, так что наверняка можешь чем-нибудь помочь.

Джонстон не стал говорить вслух, но в душе не испытывал сочувствия к сидящему в тюрьме

Джону Мейсону. Сообщали, что тот живет с удобствами, получает превосходнейшую пищу, а уж сигары у него наверняка никогда не кончаются.

— Я ничего не могу поделать, пока политики не придут к каким-то соглашениям. Но взгляни на это с другой стороны, Матти. Идет война, и все мы должны так или иначе служить родине. И вот именно сейчас, в этой тюрьме янки, Джон и Слайделл стоят дивизии, воюющей во имя Юга, а то и побольше. Британцы все еще неистовствуют из-за этого инцидента и испускают воинствующие кличи. Как ты понимаешь, все, что плохо для Севера, хорошо для нас. Война идет не так гладко, как хотелось бы.

— От меня ты не услышишь ни слова жалобы, равно как и от других, если уж на то пошло. Мы знаем, что вы воюете, не щадя себя. Дома все мы тоже помогаем фронту, чем можем. В нашем городе не осталось ни одной железной ограды, все ушло в переплавку для броненосца. И если мы самую малость недоедаем, это никакая не жертва в свете того, что делаете вы, люди в серых мундирах. Я ведь не жалуюсь. Я верю, что все мы исполняем свой долг.

— Ты не представляешь, с каким восторгом я слушаю эти слова, Матти. Я тебе скажу: вовсе не

секрет, что Юг окружен. Что я хотел бы сделать сейчас — это прорвать кольцо армий янки, удушающее нас. Я заставлял армию маршировать день за днем, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу. И наступление начнется завтра. Но вот это как раз секрет...

— Я никому не скажу!

— Знаю, иначе не стал бы тебе говорить. Я сделал это для того, чтобы ты поняла, что Джон, живущий сейчас в комфорте, делает во имя войны гораздо больше на своем месте, чем мог бы сделать где-нибудь еще, так что, пожалуйста, не тревожься...

Он поднял глаза на адъютанта, откинувшего входной полог и отдавшего честь.

— Срочные депеши, генерал.

— Несите. Матти, вынужден просить прощения.

Она молча ушла, гордо вскинутым подбородком демонстрируя, что думает об этой внезапной помехе разговору, наверняка подстроенной заранее. Правду говоря, помеха была непреднамеренной, но Джонстон все равно обрадовался ей. Отхлебнув кофе, он открыл кожаную папку.

Как и остальные генералы Конфедерации, Джонстон искал способ разорвать петлю, стя-

гивающуюся вокруг Юга. Изучая обступившие Конфедерацию армии, они искали хоть крохотную лазейку. Джонстон не слишком восторгался Улиссом С. Грантом и тем не менее понимал, что имеет дело с противником волевым и целеустремленным. Победы Гранта в форте Генри и форте Донелсон усугубили катастрофу. Теперь Грант расположился лагерем с мощной армией на Питсбургском плацдарме в Теннесси. Конфедератская разведка обнаружила, что к нему на подмогу идет подкрепление. Когда подкрепление прибудет, Грант наверняка ударит в южном направлении вдоль Миссисипи в попытке разделить Юг надвое. Надо его остановить, пока не поздно. И Сидни Джонстон как раз тот, кому это по плечу.

Наступление начнется позже, чем запланировано, но в остальном все идет строго по замыслу. За зиму он собрал армию даже более многочисленную, чем армия Гранта, численность каковой кавалерийская разведка оценила в тридцать пять с лишним тысяч человек. Джонстон принял решение ударить первым, пока тридцать тысяч человек Дона Карлоса Бьюлла не прибыли Гранту на подмогу. Три дня подряд его новобранцы маршировали по грязным тропам и проселкам

Миссисипи, и маршруты их усталых колонн сходились на плацдарме у Питсбурга. Теперь настало время в последний раз собрать офицеров.

Они потянулись в палатку один за другим, пододвигали себе стулья и наливали кофе, когда Джонстон указывал на кофейник, жестом приглашая угоститься. Он дождался, когда соберутся все, и лишь тогда заговорил:

— Больше задержек не будет. Атакуем завтра, воскресным утром, как только рассветет.

Его заместитель генерал П. Дж. Т. Борегар не испытывал подобной уверенности.

— Захватить их врасплох уже не удастся. Они окопались по уши. А наши люди всего лишь необстрелянные новобранцы и в большинстве своем даже не слышали грохота канонады.

— Нам об этом известно, но еще нам известно, что, несмотря на изнурительные тяготы марша, люди не растеряли своего задора. Я сражусь с врагом, даже будь против меня миллион. Атака состоится.

— Томас, не знаешь ли, который час? А то мои часы остановились, — сказал генерал Шерман.

Его ординарец Томас Д. Холлидэй лишь с улыбкой покачал головой.

— Часы мне не по карману, генерал. Спрошу у

кого-нибудь из офицеров.

Бригадный генерал Уильям Т. Шерман и его штаб объезжали позиции войск, стоящих лагерем близ церкви Шайло на берегах реки Теннесси. Утренний туман еще не рассеялся, под деревьями и изгородями лежала непроглядная темень. Но дождь ночью перестал, день сулил быть ясным. Шерман тревожился: решение Гранта, что окапываться войскам не следует, отнюдь не порадовало его.

— Камп, их боевой дух на высоте, — растолковал Грант, — и я хочу, чтобы таким он и оставался. Если они выроют эти ямы и спрячутся в них, то начнут тревожиться. Лучше их не трогать.

Шерману это пришлось не по душе. Рапорты о перемещениях противника впереди ничуть не обеспокоили Гранта, но все-таки Шерман вывел свой штаб на рассвете, чтобы выяснить, нет ли правды в докладах пикетов о слышанном ночью шуме, якобы свидетельствующем о передвижении войск.

Повернув лошадь, Холлидэй рысцой вернулся к генералу.

— Только что пробило семь, — сказал он. И погиб. Невидимые конфедератские пикеты внезапно дали залп, и пуля угодила в Холлидэя, сбив

его с лошади и прикончив на месте.

— За мной! — крикнул Шерман, разворачивая лошадь и галопом устремляясь к собственным позициям.

Выскочивший на опушку пикет кричал:

— Генерал, мятежников там больше, чем блох на дворняге!

Именно так. Они шли тремя цепями, атакуя вдоль всего фронта. С нарастающим победным криком мятежники врезались в неподготовленные позиции северян, вынудив их отступить перед жидким ружейным огнем. Захваченные врасплох солдаты заколебались, предпочитая сдать назад, чем встретить град пуль. И тут появился генерал Шерман, скакавший верхом между вражескими цепями и собственными позициями. Не обращая внимания на пули, засвистевшие вокруг него, он привстал в стременах и взмахнул саблей.

— Солдаты, в цепь, ко мне! Пли, заряжай и пли! Не отступать! Заряжай и пли!

Пыл генерала оказался заразительным: его крики вдохновили солдат, еще мгновение назад готовых к бегству. Они остались на позициях, открыв огонь по атакующим. Заряжай и пли, заряжай и пли.

Положение сложилось отчаянно трудное. Здесь был самый открытый фланг армии Союза, и он-то подвергся наиболее массированной атаке. Вначале у Шермана было восемь тысяч человек, но под напором конфедератов их число неизменно убывало. И все-таки северяне держали рубежи. Полки Шермана приняли на себя главный удар, но не отступили. А генерал держался в самой гуще боя, все время разъезжая перед фронтом и не обращая внимания на град пуль.

Когда лошадь под ним убили, он продолжал сражаться пешком, пока ему не отыскали и не подвели другую лошадь.

Через считаные минуты убили и эту лошадь, когда генерал возглавил контратаку, а еще позже застрелили и третью.

Схватка была жаркой, трудной, грязной и смертельной. Необстрелянные конфедераты, сумевшие пережить кровавую увертюру сражения, мало-помалу учились воевать, снова и снова собирались с силами и бросались в атаку, тесня ряды северян. Те мало-помалу отступали, сражаясь за каждый фут земли, неся большие потери, но продолжая держаться. И Шерман всегда был в гуще боя, подбадривая обороняющихся. Солдаты гибли один за другим, но дивизия держала свои

позиции.

Да и сам генерал Шерман вовсе не был неуязвим для пуль; позже в тот же день пуля ранила его в руку, но генерал перевязал рану носовым платком и продолжал командовать.

Осколком снаряда ему срезало часть полей шляпы. Несмотря на это, несмотря на потери, он оставался во главе войск и сумел стабилизировать положение. Через три часа после начала боя Шерман потерял более половины своих людей. Четыре тысячи убитых. Но позиции держались. Пороха и пуль было так мало, что приходилось брать боеприпасы у павших. Те из раненых, кто не уполз или не был унесен в тыл, заряжали оружие для боеспособных. Затем, во время передышки, пока враг перегруппировывался, Шерман услышал, как кто-то окликает его по имени. Капитан на взмыленном коне небрежно отсалютовал ему.

— Приказ генерала Гранта, сэр! Отойти к Ривер-роуд.

— Я не отступлю.

— Это не отступление, сэр. Мы окопались на Ривер-роуд, те рубежи удержать легче.

— Я оставлю здесь отряды прикрытия. Пусть стреляют, сколько смогут. В дыму они смогут за-

держать следующую волну атакующих. Скажите генералу, что я отхожу.

Но отходить пришлось с боем. Выйти из соприкосновения с решительно настроенным врагом ничуть не легче, чем удержать его на месте. Люди падали, но почти все оставшиеся в живых добрались до Ривер-роуд сквозь стелющуюся по земле пелену дыма, навстречу грохоту орудий.

— Это наши пушки, генерал! — крикнул один из солдат.

— Так точно, — отозвался Шерман. — Так точно.

То был первый день битвы при Шайло. Ужасающая бойня. Несмотря на растущие потери, конфедераты продолжали наступать, медленно и неумолимо. Только к половине шестого вечера им удалось прорвать позиции северян, но к тому времени было уже слишком поздно. Генерал Грант ухитрился организовать линию обороны, ощетинившуюся пушками, у самого Питсбурга. При помощи артиллерийского огня канонерских лодок, стоящих на якоре у плацдарма, остатки атакующих сил Конфедерации были отброшены. Когда это случилось, на подмогу обороняющимся войскам Гранта подоспели свежие войска Дона Карлоса Бьюлла, вышедшие на другой берег

реки.

Обескровленные, обессиленные войска конфедератов уже не могли сравниться в силе с окрепшими северными дивизиями.

Контратаку начали на следующий день на рассвете, и к полудню все утраченные позиции были отбиты.

Если в этой бойне кто-то и победил, то северяне. Получили подкрепление и вернулись на свои исходные рубежи. Но ценой ужасных потерь. У конфедератов погибло десять тысяч семьсот человек, в том числе их командир генерал Джонстон, раненный пулей и истекший кровью, потому что доктор, который мог бы спасти его, в это время занимался ранеными северянами. У северян погибло тринадцать тысяч человек. Несмотря на отвагу, несмотря на жертвы и потери, Юг оказался неспособным прорвать стальное кольцо, сомкнувшееся вокруг него.

Грант и Шерман стали героями дня. Шерман, удержавший позиции, несмотря на собственную рану и ужасающие потери в личном составе.

— Его следует наградить за отвагу, — сказал Линкольн, прочитав последние донесения с поля боя. — Джон, приготовьте письмо в военное министерство и напишите, что я настоятельно

рекомендую, чтобы Шерман был произведен в генерал-майоры в награду за доблесть и мастерство полководца. Подобными талантами нельзя пренебрегать. И пусть приказ о производстве будет датирован седьмым апреля, тем самым днем, когда состоялась битва.

— Хорошо, сэр. Сделаю немедленно. Сможете ли вы сейчас повидаться с Густавом Фоксом?

— Несомненно. Пусть войдет.

Заместитель министра военного флота Густав Фокс был человеком весьма одаренным. Предлогом для его визитов в Белый дом служила якобы дружба с секретарями Линкольна, живущими через коридор от кабинета президента. Эти приятельские отношения обеспечивали идеальное прикрытие, ибо Густав Фокс располагал властью и был наделен полномочиями, о которых знали только люди, принадлежащие к высшим эшелонам администрации.

— Доброе утро, Гус. Хотите сообщить мне что-нибудь интересное? — спросил президент.

— Весьма многое со времени нашей последней встречи. Мои агенты в Канаде и Британской Вест-Индии проявили немалое усердие.

— Не является ли одним из них капитан Шульц из военного флота русских?

Улыбка Линкольна отразилась и на лице Фокса.

— Не на сей раз, господин президент, он занят в другом месте. Но прежде чем я донесу о британцах, должен вам сказать, что моя поездка в Бруклин увенчалась немалым успехом. После победы «Монитора» у Хэмптона и согласия флота вложить деньги в железные корабли, мистер Эрикссон проявил грандиозное рвение. Строительство второго броненосца класса «Монитор» идет, как запланировано. Фактически говоря, чрезвычайно гладко, потому что рабочие уже приобрели опыт в постройке подобных кораблей. Эрикссон теперь тратит свое время на улучшение конструкций более крупного железного корабля с двумя орудийными башнями, обладающего более приличными мореходными качествами и большим радиусом действия. Этот человек за работой просто демон. В тот же день был начат монтаж киля военного корабля «Тор».

— Сомневаюсь, что моряки примут в свой флот языческое божество.

— Не примут. Они задержали первый платеж до тех пор, пока Тор не отправится обратно в Вальгаллу, а на его месте не появится «Мститель».

Вынув из внутреннего кармана листок, Фокс

развернул его. Его секретные агенты и в самом деле не сидели сложа руки. Здесь были приведены названия и численность британских полков, только что прибывших в Канаду, а также число пушек, выгруженных на причалах Монреаля.

Лицо президента омрачилось.

— Что-то они посылают сюда чрезвычайно мощное воинство.

— Больше армейского корпуса. И, согласно некоторым донесениям, сюда переправляются новые войска. Однако эти донесения пока не подтверждены. Британский военный флот тоже проявляет активность.

Он зачитал список военных кораблей, базирующихся в Британской Вест-Индии, а также привел численность новоприбывших подразделений морских пехотинцев, расквартированных там. Президент никогда не спрашивал, что за люди присылают эти донесения, а Фокс не стремился добровольно раскрыть источники информации. Если донесение не вызывало доверия или даже могло оказаться лживым, Фокс так и говорил. Остальная информация всегда оказывалась правильной.

— Вы — мои глаза и уши, — заметил Линкольн. — Хотелось бы мне, чтобы вы нашли способ убе-

дить мистера Пинкертона, что ваши сведения куда более надежны, чем те, какими снабжают его южные агенты.

— Я пытался неоднократно, окольными путями, но он весьма упрямый человек.

— Генерал Макклеллан верит в него.

— Генерал Макклеллан также верит в раздутые цифры численности южных войск, которые ему подсовывает Пинкертон. Настоящая численность на треть, а то и наполовину меньше его цифр.

— Но Макклеллан пребывает в уверенности, что цифры верны, и в очередной раз находит отговорку, чтобы воздержаться от боевых действий. Но это уже в сфере моих обязанностей, а не ваших. Итак, скажите же мне, какие выводы вы делаете из этих фактов о британцах, которые только что предоставили?

Фокс тщательно продумал ответ, прежде чем раскрыть рот и выложить свои умозаключения.

— Страна готовится к войне в Северной Америке. У Британии есть люди, оружие, боеприпасы и корабли, необходимые для победы в большой войне на нашем континенте. Важнее всего тот факт, что абсолютно никто не пытается противиться этому. Газеты призывают к войне, чтобы преподать нам урок. Виги и тори в Парламенте

объединились и требуют нашей крови. Да вдобавок королева не питает и тени сомнения, что мы убили принца Альберта.

— Это же полнейший абсурд!

— Для нас — пожалуй. Но у меня есть сведения из надежных источников, что состояние ее душевного здоровья внушает опасения. У нее бывают внезапные приступы кровожадности, которые она не в силах контролировать.

— Неужели в этом хоре не звучит ни один здравый голос?

— Идти против течения неблагоразумно. Один баронет в Палате лордов был настолько недалек, что заговорил о возможности мирных переговоров. Он был не только зашикан, но и подвергся побоям.

— Трудно поверить, но, наверное, придется. Неужели они решатся на подобное? Сделают последний шаг?

— Вы можете ответить на этот вопрос куда лучше меня, господин президент. Вы посвящены в суть переговоров касательно их ультиматума, а я — нет.

— Мне почти нечего открыть вам из того, что вы еще не знаете. Мы хотим вступить в переговоры, но я боюсь, что они не захотят выслушать, а

еще начинаю подозревать, что выбора у нас уже не осталось. И наши, и их газеты мечут громы и молнии. Их министры непреклонны. Лорд Лайонс сдал свой паспорт и покинул наши берега. Наш посланник Чарльз Адамс из кожи вон лезет, чтобы убедить Лондон изменить формулировки послания, но те ни в какую не соглашаются. Теперь лорд Пальмерстон даже на порог его не пускает, хотя Адамс снова и снова стучится в дверь этого господина. Отговоркой этому лорду служит подагра. В подагру я верю, но повод вижу в ином.

Фокс закивал в знак согласия.

— Тем временем причина всего этого, Мейсон и Слайделл, в своих тюремных камерах катаются как сыр в масле. Заказывают лучшую пищу и вино из Бостона и одну за другой курят гаванские сигары из своих бездонных запасов.

— Несмотря на роскошь, это все-таки тюрьма, а пока они в заточении, бритты будут неизменно осуждать нашу страну. Найдите мне выход из этого тупика, мистер Фокс, и я не постою за высочайшими наградами.

— Как бы я хотел найти этот выход, сэр. Как бы я хотел...

У военной черты

Хотя уже наступил первый день мая, в северных холмах Вермонта погода больше смахивала на зимнюю. Холодный дождь хлестал сосны. Лошади еле тащились по раскисшей тропе, устало понурив головы, и приходилось постоянно тянуть за поводья. Люди устали ничуть не меньше лошадей, но даже не помышляли о поездке верхом. Это означало бы, что утомленным животным придется тащить двойной груз. Им просто не сдюжить. Причина этого долгого, изнурительного путешествия таилась в бочонках, навьюченных на лошадей.

Жак с прищуром поглядел на небо, затем отер с лица воду тыльной стороной ладони. Часы по карману только богатеям, а он весьма далек от этого. Но по неуклонно темнеющему небосводу понял, что скоро закат.

— Скоро, Филипп, скоро! — крикнул он по-французски с канадским акцентом. — Остановимся перед перевалом. Потом будем идти дотемна.

Его брат ответил что-то, но слова потонули в резком раскате грома. Братья захлюпали дальше, потом свернули с колеи, чтобы поискать укрытие под ветвями древней дубравы. Лошади

отыскали кустики молодой травы и принялись пощипывать ее, а люди привалились спинами к толстым стволам. Жак вытащил пробку из своей фляги, сделал порядочный глоток, облизнул губы и снова ее закрыл. Внутри находилась крепкая смесь виски с водой. Увидевший это Филипп нахмурился.

Заметив его выражение, Жак громко рассмеялся, открыв взору сломанные, почерневшие зубы.

— Ты не одобряешь, что я пью, младший братец. Тебе бы в священники податься. Тогда ты мог бы толковать другим, чего делать, а чего не делать. Выпивка избавляет от усталости и греет кости.

— А заодно уничтожает внутренние органы и тело.

— И это тоже, как пить дать. Но надо наслаждаться жизнью, как умеешь.

Филипп выжал воду из своей черной бороды и поглядел на коренастого, крепко сложенного старшего брата. Вылитый отец. А он удался в мать, как все говорят. Матери он никогда не знал, она умерла при его родах.

— Я больше не хочу этим заниматься, — промолвил Филипп. — Это опасно, и когда-нибудь нас поймают.

— Ни за что! Никто не знает эти холмы, как я.

Наш добрый батюшка, да упокоится его душа среди ангелов, до самой своей смерти возделывал камни нашей фермы. Я уверен, что эти неустанные бесконечные труды угробили его. Как и прочих фермеров. Но у нас-то есть выбор, разве нет? Мы можем заниматься этим замечательным делом, чтоб помочь нашим соседям. Не за

бывай, ежели б ты этим не занимался, так чем бы ты занялся? Ты, как и я, как и все мы, темный, неученый квебекос. Я с трудом могу нацарапать собственное имя, а уж читать и писать и вовсе не умею.

— Но я-то умею! Ты бросил школу, а ведь она давала шанс.

— Может, тебе. Лично мне терпежу не хватало высиживать по классам. И ежели помнишь, наш батюшка тогда болел. А кто-то должен был обрабатывать землю. Так что ты остался в школе и получил образование. И что же? Никто тебя в городе не наймет, ничегошеньки ты не умеешь и даже не говоришь на этом вонючем английском языке.

— Английский мне вовсе не нужен. С тех пор как был принят акт о присоединении Нижней Канады, язык у нас французский...

— А свободы у нас нуль без палочки. Мы ан-

глийская колония, и правит нами английский губернатор. Наши выборные, может, и сидят в Монреале, но вся власть у королевы. Так что можешь читать, дорогой братец, и писать. Только где такого возьмешь, чтобы нанял тебя за эти умения? Так уж тебе на роду написано, что ты должен торчать в Котикоке, где ничего нет, окромя фермы с выдохшейся землей, да потягивать крепкое виски, чтоб заглушить муку существования. Пусть остальные держатся за землепашество, а мы позаботимся, чтобы снабжать других.

Поглядев на четыре бочонка, нагруженные на лошадей, он усмехнулся своей щербатой усмешкой. Доброе виски янки, беспошлинное и купленное за золото. Когда оно окажется в Канаде, цена его удвоится, уж такие жадины эти англичане со своими бесконечными поборами. О да, таможенники Ее Величества довольно прытки и неуемны, но им нипочем не узнать лес настолько, чтоб изловить Дюмгара, который всю свою жизнь провел среди этих холмов. Прижав ладонь к большому накладному карману своего кожаного пальто, он ощутил приятную выпуклость пистолета.

— Филипп, — окликнул он, — ты порох не подмочил?

— Да нет, конечно. Ружье завернуто в брезент, но мне это не по нраву...

— Да оно и не требуется, чтоб оно было тебе по нраву, — огрызнулся Жак. — От этого виски зависит наша жизнь, и отдавать его нельзя. Потому-то нам и нужно оружие. Да и меня взять они не должны. Я лучше помру здесь в лесу, чем сгнию в какой-нибудь английской тюряге. Мы не просили о такой жизни или чтоб родиться в этой жалкой деревушке. Выбора у нас не было, так что надобно выкручиваться как можешь.

После этого они замолкли. Сумерки сгущались, и пасмурный день мало-помалу перешел в ночь. Дождь все еще шел, но уже немного поутих.

— Пора, — сказал Жак, неуклюже подымаясь на одеревеневшие ноги. — Еще час, и мы будем уже за границей в хижине. Уютной и сухой. Пошли.

Взяв лошадь под уздцы, он двинулся первым. Филипп повел вторую лошадь, ориентируясь на силуэт лошади брата, едва маячивший в темноте.

Здесь, среди холмов, не было никакой физической границы между Канадой и Соединенными Штатами — ни изгороди, ни разметки. При свете дня можно было бы найти межевые столбы, но не без труда. Этой тропой пользовались только

животные, по большей части олени. Да контрабандисты.

Перевалив через низкий гребень, они начали медленно спускаться с другой стороны. Граница проходит где-то здесь, только никто толком не знает, где именно. Жак вдруг остановился и склонил голову к плечу. Подошедший Филипп остановился рядом.

— В чем дело?

— Тихо, — хрипло прошептал брат. — Там кто-то есть, я слышал шум.

— Олень.

— Олени не бренчат, кретин. Вот, опять лязгает.

Филипп тоже услышал звук, но прежде чем успел открыть рот, впереди замаячили высокие темные всадники.

— Merde! Таможенники... Патруль!

Чертыхнувшись под нос, Жак выудил револьвер из кармана — свой драгоценный Лефоше сорок первого калибра. Нацелил его на группу впереди и нажал на курок.

Потом еще и еще.

Вспышки огня во тьме. Один, два, три, четыре выстрела, и неизбежная осечка. Вогнав пистолет в карман, Жак повернулся и побежал, увлекая

лошадь за собой.

— Да не стой же, идиот! Назад, возвращаемся! Они не смогут последовать за нами через границу. Даже если и последуют, мы от них ускользнем. А потом обойдем их по другой тропе. Путь длиннее, но придем куда надобно.

Оскальзываясь, таща за собой лошадей, они спустились по склону холма и бесследно скрылись в лесу.

Выехавшие в патруль кавалеристы запаниковали. Ни один из них еще не бывал в этих горных краях, а тропа была размечена очень скверно. Пригнув головы от дождя, они даже не заметили, когда капрал прозевал поворот. К тому времени стемнело, и они поняли, что заблудились. Когда же они остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, Жан-Луи подошел к капралу, командующему патрулем.

— Марсель, мы заблудились?

— Капрал Дюран, это вы должны были сказать.

— Марсель, я знаю тебя с тех пор, когда ты по ночам мочился под себя. Где мы?

Дюран развел руками, но собеседник не заметил его жеста во тьме.

— Не знаю.

— Тогда мы должны вернуться прежней доро-

гой. Если мы и дальше так пойдем, кто ведает, куда нас занесет.

После шумной перебранки, прозвищ и оскорблений, ведь все они были родом из одной деревни, решение было принято.

— Если никто не знает лучшей дороги, возвращаемся, — заявил капрал Дюран. — По коням!

Они кружили, натыкаясь во мраке друг на друга, когда началась стрельба. Увидев внезапные вспышки во тьме, ополченцы переполошились окончательно. Кто-то закричал, и паника усугубилась. Они завернули ружья в тряпки, чтобы уберечь от дождя, а доставать их было не время.

— Засада!

— Я ранен! Матерь Божья! Меня подстрелили!

Это было уж чересчур. Они бросились удирать вверх по склону, прочь от выстрелов. Капрал Дюран не мог задержать подчиненных и собрать воедино, пока лошади не начали спотыкаться от усталости и не остановились сами. Наконец ему удалось собрать большинство ополченцев, громкими криками в темноте призывая отбившихся в сторону.

— Кого подстрелили?

— В Пьера угодило.

— Пьер, где ты?

— Здесь. Нога. Прям огнем печет.

— Надо перевязать да отвести тебя к доктору.

Дождь кончился, и сквозь облака смутно просвечивала луна. Все они были деревенскими жителями, и этого единственного указателя было вполне достаточно, чтобы они нашли дорогу обратно в лагерь. Усталые и напуганные ополченцы съехали с холмов. И всю дорогу их подгоняли душераздирающие стоны Пьера.

— Лейтенант, проснитесь, сэр! Извините, но вы должны проснуться.

Лейтенант Саксби Ательстан не любил, когда его беспокоят. Спал он всегда крепко, и разбудить его было трудновато даже в лучшие времена. А уж в худшие, после вечерней пьянки, стронуть с места почти невозможно. Но придется. Сержант Слит прямо не знал, что делать. Повернув офицера в сидячее положение — одеяло упало на землю, — сержант поднатужился и подвинул лейтенанта так, что ступни его опустились на холодную землю.

— Что... Что такое? — невнятно пролепетал Ательстан, передернулся, проснулся и понял, что произошло. — Убери от меня свои лапы!

Доведенный до отчаяния Слит отступил назад, и слова горохом посыпались из его рта:

— Это они, сэр, патруль канадского ополчения, они вернулись...

— Что ты городишь? Да какое мне, в Гадес они провались, дело до того в подобный час ночи?!

— В них стреляли, лейтенант, стреляли янки. Один ранен.

Теперь Ательстан проснулся окончательно. Натянув сапоги и схватив китель, он выбрался из палатки под хлесткий ливень. В палатке-столовой, сейчас забитой людьми, горел фонарь и стоял неясный гомон. Очень немногие добровольные ополченцы могут изъясняться на ломаном английском, остальные не знают по-английски ни слова. Темные крестьяне, толку от них практически никакого. Протолкнувшись между ними, лейтенант оказался у стола. Один из этого горе-воинства лежал на столе, нога его была обвязана грязной тряпкой.

— Может быть, кто-нибудь будет добр объяснить мне, что случилось?! — рявкнул Ательстан.

Капрал Дюран выступил вперед и неуклюже отдал честь.

— То был мой патруль, сир, который вы приказали, чтоб мы разведали вдоль границы янки. Мы ехали, как вы нам сказали, но очень долго. Погода была очень плохая.

— Меня не интересует ваша биография. Просто расскажите, что нашли.

— Мы были на границе, когда это случилось, много янки, они атаковали внезапно, стреляли в нас. Пьер вот ранен. Мы дали отпор, стреляли в них и прогнали их прочь. Они ускакали, мы вернулись сюда.

— Вы говорите, были на границе, вы уверены?

— Sans doute![11] Мои люди хорошо знают край. Мы были очень близко от границы, когда атака началась.

— В пределах Канады?

— Oui.

— И вы не сомневаетесь, что треклятые янки вторглись в страну?

— Ни капельки, сир.

Подойдя к раненому, лейтенант Ательстан сорвал тряпку с его ноги. Тот хрипло застонал. На бедре оказалась поверхностная рваная рана длиной дюйма три.

— Нечего себя жалеть! — рявкнул Ательстан. — Я, когда бреюсь, хуже себя раню. Сержант, пусть кто-нибудь промоет ему рану и как следует ее перевяжет. Затем пришлите капрала ко мне в

---

[11] Примечания: 11
Несомненно *(фр.).*

палатку. Попытаемся выудить из его слов какой-то смысл. Рапорт полковнику я доставлю сам.

Лейтенант Ательстан не удержался от улыбки. Будет прямо-таки чудесно вырваться от этих лягушатников хоть ненадолго, повидаться с друзьями. Вот это дело достойное. Не для того он вступал на военную службу при своей наследственности, чтобы гнить до скончания веков в лесу. Он напишет подробнейший рапорт о событиях нынешней ночи, чтобы добиться внимания полковника и получить одобрение. Вторжение Соединенных Штатов. Трусливая атака исподтишка. Несокрушимый отпор. Рапорт получится просто отменный. Ательстан им покажет, на какую работу годится. Да, действительно. Он уже мысленно потирал руки от нетерпения.

— На словечко, сэр, если позволите, — попросил Харви Престон.

Чарльз Фрэнсис Адамс раздраженно поднял голову от разложенных на столе бумаг. Нежданная реплика прервала нить его размышлений.

— Не сейчас, Престон, вы же видите, я работаю.

— Это касательно слуг, сэр.

— Что ж, тогда конечно. Лучше закройте дверь.

Когда госсекретарь Сьюард добился для Адамса

поста посланника в Великобритании, Авраам Линкольн лично пришел поздравить его. Адамс для Администрации человек не чужой — как ни крути, отец его был президентом, да и дед тоже. Но на самом деле этот визит был весьма специфичен. Линкольн познакомил его с заместителем министра военного флота, неким Густавом Фоксом. Для военного моряка Фокс проявлял излишний интерес к вопросам безопасности. Английские слуги, важные бумаги, государственные секреты и все такое прочее. Рекомендовал назначить Престона, «отставного военного», в качестве домоправителя. Или дворецкого, или мажордома. Конкретная его роль осталась неясна. Да, он действительно управляет домом Адамса, присматривая за кухней и нанимая слуг.

Но делает он на самом деле куда больше. Он знает куда больше о состоянии дел в Лондоне, дворцовых сплетнях и даже делах военных, чем сам Адамс. Его информация всегда оказывается точной. Не прошло и двух месяцев, как Адамс начал полагаться на собранные Престоном факты и использовать некоторые из них в качестве основы для донесений в Вашингтон. Упоминание о слугах означало, что тот располагает какой-то информацией.

— В Уайт-холле происходит что-то очень важное, — сообщил Престон, как только дверь закрылась.

— А что?

— Пока не знаю. Мой информатор, младший клерк в одном из департаментов, не скажет, пока я не уплачу ему некоторую сумму.

— Но вы ведь и так обычно платите за информацию?

— Конечно, но обычно всего пару шиллингов. На сей раз дело обстоит иначе. Он хочет двадцать гиней, а подобной суммой я не располагаю.

— Но это большие деньги!

— Согласен. Но он ни разу меня не подводил.

— Что вы предлагаете?

— Заплатить ему. Надо попытать судьбу.

Поразмыслив пару секунд, Адамс кивнул.

— Я достану их из сейфа. Как вы с ним встречаетесь?

— Он приходит в каретный сарай в заранее оговоренное время.

— Я должен быть там, — твердо заявил Адамс.

— Он не должен вас видеть, — Престон задумчиво пожевал нижнюю губу. — Это можно уладить. Придите туда заранее и сидите в карете в тени. Я задержу его у дверей.

— Так и сделаем.

Адамс ждал в карете, все больше и больше сомневаясь в правильности принятого решения. Информатор запаздывает; все это предприятие может быть коварным планом, чтобы поставить его в неловкое положение. Он совершенно не знает, как держаться в подобных случаях. У него уже голова шла кругом, так что он чуть не подскочил, когда вдруг раздался громкий стук в дверь. Адамс прижался к спинке сиденья, стараясь подобраться как можно ближе, не попавшись на глаза. Послышался скрип ржавых петель.

— Они у вас? — прошептал голос с акцентом кокни.

— Да, но сведения должны того стоить.

— Стоят, сэр. Клянусь матушкиной душой. Но позвольте мне сперва на них взглянуть.

Послышалось приглушенное звяканье золотых монет в ладони информатора.

— Ага, совершенно верно. Вы должны сказать своему хозяину, что в Парламенте жуткий хай, все от военных. Я слыхал, могут даже пойти к королеве.

— По какому поводу?

— Нам-то знать не полагается, но клерки толкуют меж собой: сдается, что американская армия

вторглась в Канаду и перестреляла там каких-то солдат. Поговаривают даже о войне.

— Имена, места?

— Узнаю, сэр. Завтра в это же время.

— Тогда вот вам половина. Остальное получите, когда будут подробности.

Дверь захлопнулась, и Адамс выбрался из кареты.

— Он говорит правду?

— Несомненно.

Адамс оказался в полнейшем тупике.

— Этого не могло произойти. Армия ни за что бы не пошла на подобное.

— Британцы верят, что это случилось. Вот и все, что нам следует знать.

Адамс зашагал было к дому, но затем вернулся.

— Выясните, когда отплывает следующий почтовый пакетбот. Мы должны отправить полный отчет об этом в госдепартамент, и как можно скорее.

Экстренное заседание британского Кабинета министров затянулось почти до вечера. Были непрерывные хождения туда-сюда между Даунинг-стрит и Палатой общин — главным образом высших офицеров, генералов и адмиралов. Когда решение было наконец достигнуто, приказ отдан,

карета лорда Пальмер

стона затарахтела по булыжной мостовой, направляясь к главному входу в Палату общин. Четверо сильных слуг вынесли Пальмерстона из здания и осторожно подняли к двери кареты. Видно, не слишком осторожно, потому что он вскрикнул от боли, когда его перевязанная нога ударилась о раму двери, и выругал своих носильщиков. Лорд Джон Рассел вскарабкался следом, чтобы составить ему компанию во время короткой поездки в Уайт-холл, затем вдоль по Пэлл-Мэлл в Букингемский дворец. Об этом важном визите было доложено заранее, и когда обоих ввели в аудиенц-залу, королева уже ждала их. Одета она была во все черное, все еще оплакивала Альберта, и траур этот грозил продлиться всю ее жизнь.

Лорд Пальмерстон осторожно опустился в кресло. Боль явственно читалась на его лице, но он совладал с ней и заговорил:

— Ваше Величество. Ваш Кабинет в течение всего сегодняшнего дня вел весьма серьезные дебаты. Мы проконсультировались с командованием вооруженных сил, прежде чем прийти к своему решению. Вы, конечно, ознакомились с депешей из Канады?

— Донесение? — рассеянно переспросила она, глаза ее затуманились и покраснели от слез. Со времени смерти Альберта она почти ничего не могла делать. Порой пыталась, но большую часть времени отказывалась выходить из личных апартаментов. Сегодня, сделав над собой грандиозное усилие, она вышла, чтобы встретиться с Пальмерстоном. — Да, по-моему, читала. Очень путаное.

— Примите извинения, мэм. Конечно же, оно написано в пылу битвы. Позвольте пролить свет. Наша кавалерия весьма разрежена вдоль всей канадской границы. Численность войск там ограничена, так что для пристального и непрерывного наблюдения, насколько я понимаю, были использованы силы местного ополчения. Конечно, под командованием британских офицеров. Именно один из подобных патрулей, расквартированных близ квебекской деревни Котикук, и подвергся атаке.

— Мои солдаты атакованы?! — наконец-то происходящее завладело вниманием королевы. Голос ее возвысился до пронзительного визга. — Это ужасно! Дело сугубо серьезное, лорд Пальмерстон. О, ужас!

— Совершенно верно, сугубо серьезное, мэм.

Похоже, границу пересекает какая-то дорога, ведущая в Дерби в американском штате Вермонт. Лорд Рассел, не позволите ли карту?

Рассел раскрыл карту на краю стола, а слуги поднесли и подожили ее перед королевой. Она огляделась невидящим взором, а потом наклонилась, когда Пальмерстон постучал по карте пальцем.

— Граница между Канадой и Соединенными Штатами плохо размечена и проходит по весьма пересеченной местности, как мне было доложено. Очевидно, отряд американской кавалерии пересек границу вот здесь и был встречен нашим патрулем. Захваченные врасплох во время перехода границы американцы открыли огонь самым трусливым образом, совершенно без предупреждения. Ополченцы, хотя это всего лишь колонисты, отважно дали им отпор и смогли предотвратить вторжение, хотя не без потерь. Отважный воин, раненный в перестрелке, сейчас стоит на пороге смерти.

— Это возмутительно, возмутительно!

Вышедшая из себя королева Виктория обмахивала раскрасневшееся лицо носовым платком. Потом жестом подозвала свою фрейлину и переговорила с ней. Леди Кэтлин Шил поспешила

прочь и вернулась с бокалом пива, из которого королева сделала изрядный глоток. Это явственно говорило о том, как расстроила ее новость, поскольку хоть королева и любит пиво, но редко пьет его в присутствии посторонних. Немного освежившись, она отхлебнула еще глоток и ощутила, как в душе вздымается волна гнева.

— Вы извещаете меня, что моя провинция подверглась вторжению и один из наших подданных убит американцами?! — прокричала она.

— Да, вторжение действительно было и огнестрельное ранение, но...

— Я этого не потерплю! — распалившись, разгневанная королева пребывала уже на грани истерики. — Мы должны дать ответ на это преступление! Что-то надо делать! Вы сказали, что дискутировали весь день. Слишком много болтовни. Надо предпринять какие-то действия!

— Действия будут, мэм.

— И какие же? Что решил мой Кабинет?

— С вашего позволения, мэм, мы хотим послать американцам ультиматум...

— Довольно с нас ультиматумов. Мы пишем и пишем, а они делают все, что им вздумается.

— Но не на сей раз. Им будет дано для ответа семь дней. В ответ они должны незамедлительно

освободить обоих посланников

Конфедерации и их помощников. Мы также требуем, чтобы нам были принесены официальные извинения за это вторжение на суверенную территорию Вашего Величества, а также за покушение на убийство одного из подданных Вашего Величества. Лорд Лайонс лично доставит это послание в Вашингтон и останется там на неделю, но не дольше. В этом намерении мы крайне тверды. В конце вышеозначенного периода он покинет Соединенные Штаты с ответом или без оного и вернется тем же пакетботом, который доставил его туда. Когда он вернется в Саутгемптон, ответ будет телеграфирован в Уайт-холл.

Эти твердые речи немного утихомирили королеву. Ее губы зашевелились, когда она беззвучно заговорила сама с собой. Наконец она одобрительно кивнула и утерла мокрое лицо своим черным платком.

— Это чересчур мягкосердечно — куда более, чем чересчур, учитывая, насколько вопиющим было содеянное. Они заслуживают худшего. А что, если ответ будет отрицательным? Если они откажутся ответить и не освободят пленников? Что мои смелые министры сделают тогда?

Лорд Пальмерстон пытался не обращать вни-

мания на ее чрезмерное возбуждение. Тон его был мрачен, но весьма решителен.

— Если американцы не согласятся на эти разумные требования, вся ответственность будет лежать на них. Тогда будет объявлено, что Соединенные Штаты Америки и Соединенное королевство Великобритании и Ирландии находятся в состоянии войны.

В комнате воцарилось молчание, более красноречиво говорившее о чувствах собравшихся, чем любой крик или слова, произнесенные вслух. Все присутствующие слышали сказанное, все присутствующие поняли, насколько серьезное и историческое решение должно быть принято. В глубочайшем молчании все ждали ответа королевы. Она оцепенела в кресле, положив руки на черный шелк платья, потом приподняла бокал, и леди Шил с шелестом юбок поспешила вперед, чтобы принять его. С громадным усилием королева взяла себя в руки, заставив сосредоточиться на стоящих перед ней вопросах. Положив ладони на подлокотники, села поровнее и заговорила:

— Лорд Пальмерстон, мои министры возлагают на меня серьезнейшую ответственность за чрезвычайно важные решения. Но мы не можем уклониться от истины, как не можем мы

уклониться от выводов, каковые должны быть сделаны. — Она рассеянно помолчала. — Нас не радует то, как американцы надругались над нашей честью и нашей особой. Они должны быть наказаны. Шлите ультиматум.

Дорога к войне

Губернатор штата Луизиана Томас О. Мур был крайне встревожен. Высшим властям не следовало бы напоминать ему о подобном. Он послал за генералом Мэнфилдом Лоуэллом, как только получил письмо, и, когда генерал вошел, помахал листком в воздухе.

— Лоуэлл, сам Джефферсон Дэвис обеспокоен нашим положением. Он выражает серьезную озабоченность по поводу города Нового Орлеана и угрозы означенному городу с двух направлений. Вот послушайте... «Деревянные суда снизу, стальные катера сверху; первые должны быть уничтожены береговыми укреплениями, буде они попытаются подняться. «Луизиана» может стать неоценимым барьером на пути спускающихся стальных судов. Целью является оборона города и долины; остается лишь вопрос, как наилучшим образом распорядиться упомянутым объектом».

— А президент не высказывает никаких предложений касательно этого наилучшего образа? — басом осведомился генерал, по-луизиански растягивая гласные, отчего голос его напоминал отдаленный пароходный гудок.

— Нет, ни слова! Равно и не посылает никакой помощи, войск, оружия или боеприпасов, хотя у нас нехватка всего подряд. Как продвигаются работы над «Луизианой»?

— Медленно, сэр, чрезвычайно медленно. Постройку задерживает отчаянная нехватка броневой стали. Но как только «Луизиана» будет достроена, она уж задаст жару этим броненосным недомеркам янки.

— Если только она будет достроена. — Открыв стоящий на столе керамический контейнер, Мур извлек сигару, понюхал ее, откусил кончик. И лишь тогда, спохватившись, угостил Лоуэлла. — Да если синепузые не нападут раньше. Мне весьма достопамятна речь старого генерала Уинфилда Скотта об анаконде. Дескать, Союз обовьется вокруг Юга, как чудовищная анаконда, обовьется, стиснет кольца и задушит. Что ж, Томас, откроюсь вам, сейчас чувствую себя малость придушенным, когда эти канонерки выше по реке только и ждут случая, чтобы налететь на

нас. Федералы сосредоточили свои войска на Шип-Айленде в устье реки, рыскают по реке и притокам ниже форта Джексон и форта Святого Филиппа. Ниже Нового Орлеана по течению стоит целый флот военных кораблей янки вкупе с весьма немалым числом транспортов, забитых войсками.

— Мимо фортов им не пройти, губернатор.

— И все же они прикладывают к этому массу сил. Сколько уж дней? Дней пять, не меньше, как они обстреливают форты из своих мортир.

— И все-таки ничего не добились. Может, и не добьются. А ведь дальше есть еще и барьер.

— Скопище старых лодок да путаница цепей поперек реки. Как-то слабо в него верится. Янки вверх по реке, янки вниз по реке, а старина Джефф Дэвис толкует, что мы должны постоять за себя, но только без его помощи. Может, мне и доводилось переживать более черные дни, вот только не припомню, когда.

Они пыхтели своими сигарами до тех пор, пока над столом не повисла туча синеватого дыма. И молчали, ибо что ж тут еще скажешь?

Адмирал Дэвид Глазго Фаррагут тоже не очень-то верил в барьер. Но ему было не по душе, что барьер преграждает путь вниз по Миссисипи. Ко-

рабли Портера обстреливали форты целых пять дней, не добившись видимых успехов. Фаррагут, не отличавшийся долготерпением даже в лучшие дни, сидел как на иголках. Он давал Портеру шесть дней на подавление фортов, и срок почти истек. А форты на месте. Да вдобавок барьер.

Ну хоть с барьером можно кое-что сделать, и то ладно. Полночь пробило давным-давно; Фаррагут знал, что следовало бы поспать, но понимал, что все равно не сможет. В это самое время отважные люди в ночи рискуют своими жизнями. Адмирал прошагал вдоль всего борта военного корабля США «Хартфорд» до самой кормы. Потом развернулся лицом к носу — и в этот миг небеса выше по реке озарились внезапной вспышкой. А через несколько секунд до слуха докатился и грохот взрыва.

— Клянусь Господом, им удалось! — грохнул Фаррагут кулаком по планширу.

Он подразумевал добровольцев с «Айтаски» и «Пинолы», проскользнувших вверх по реке с запасом взрывчатки, но без оружия, полагая, что темнота и тишина защитят их. Обернув весла тряпками, чтобы не выдать себя береговой охране плеском воды, они должны были приблизиться к барьеру, закрепить заряды на обшивке пере-

гораживающих реку посудин, поджечь запалы и убираться оттуда. Очевидно, запалы сделали свое дело; остается лишь уповать, что лодки отплыли достаточно далеко, прежде чем порох взорвался. Внезапно у Фаррагута перед глазами встало видение: все эти отважные юноши мертвы, все до одного. Конечно, они добровольцы и с радостью отправились на задание. Но план-то принадлежал Фаррагуту, а значит, и ужасающий груз ответственности лежит на нем.

Потянулись минуты, каждая из которых казалась Фаррагуту вечностью, прежде чем послышался скрип уключин и в темноте обрисовался силуэт шлюпки. Шлюпка с «Пинолы» подгребла к трапу, и на палубу поспешно поднялся офицер.

— Успех, сэр! Заряды удалось установить, не обнаружив своего присутствия. Зажгли запалы, и все лодки успели отойти задолго до взрыва.

— Потери?

— Никаких. Безупречная операция.

— В самом деле, отличная работа. Передайте всем мои поздравления.

К несчастью, когда взошло солнце, барьер оказался на прежнем месте.

— Но он определенно ослаблен, сэр. На рассвете одна из наших шлюпок подошла к нему доволь-

но близко, так что удалось разглядеть большие прорехи, оставленные взрывом. Если ударить покрепче, сразу разлетится.

— Только и уповаю на то, что вы правы, лейтенант.

Фаррагут вошел в кают-компанию, где дожидались его Портер и Батлер.

— Сегодня шестой день, Портер, а ваши мортиры с работой не справились. Форты все еще стоят, а их пушки перекрывают подступы к Новому Орлеану водным путем.

— Еще бы немного времени, сэр...

— Времени больше нет. Я сказал, что у вас будет шесть дней, и они у вас были. Мы должны попасть в город иным путем. Генерал Батлер, вы посылали разведчиков по обоим берегам реки. Что они докладывают?

Признаться в поражении генералу Бенджамину Ф. Батлеру было не так-то легко. Насупившись, он сердито закусил и без того изжеванную сигару. Потом сумрачно покачал головой.

— Дороги туда просто нет. Повсюду вода, местность низменная и болотистая. Потом, когда уже начинает казаться, что вот-вот выйдешь на ровную дорогу, путь перерезает водная преграда, и переправиться никакой возможности. Зверье,

насекомые, змеи, аллигаторы — словом, что угодно. Они там благоденствуют, но вот мои солдаты — нет. Уж простите.

— В том не ваша вина, так что извиняться вам не за что. Вам тоже, Портер. Ваши громадные мортиры недостаточно велики. Как же нам выйти из этого тупика? У кого есть какие-либо предложения, джентльмены?

— Можно продолжить артиллерийский обстрел фортов...

— Как выяснилось, это не выход. Генерал Батлер?

— Я бы послал разведчиков приглядеться к этим фортам поближе. Они — ключ обороны. Хорошо бы вызнать их сильные стороны, а заодно и слабинки — ведь не со всех же сторон они так надежно обороняются? Далее мои войска могли бы под покровом ночи высадиться на берег с малых судов, захватив форты врасплох.

Фаррагут лишь медленно покачал головой.

— Не сочтите за неуважение к вам, генерал, но, по-моему, у вас нет ни малейшего опыта по части высадки десанта. В противном случае вы бы увидели, насколько безрассудно подобное предприятие. Высадка солдат с малого судна, даже в безопасном месте да при свете дня, процедура

весьма затяжная и чреватая трудностями. Я даже не осмеливаюсь вообразить последствия ночной высадки на подступах к обороняемой крепости. Нет ли иных предложений? В таком случае нам придется попасть в Новый Орлеан единственным оставшимся путем. Нынче же вечером мы поведем флотилию мимо фортов.

— Деревянные корабли против железных пушек! — охнул Портер.

— Пробьемся.

— Но реку преграждает баррикада, — тряхнул головой Батлер.

— Прорвемся. Отплываем в два часа утра. Будем следовать двумя дивизионами. «Хартфорд» пойдет последним во втором дивизионе. Сигнал к выступлению — два красных фонаря на бизань-мачте. Вот штатное расписание кораблей по дивизионам.

Офицеры переглянулись, но не обмолвились ни словом. Долг зовет. Попытка предстоит отчаянная, требующая немалой отваги, — кое-кто мог бы назвать ее безрассудной, — но командует здесь Фаррагут, и его приказам следует подчиняться.

К двум часам утра все корабли стояли под парами, ожидая лишь приказа к выступлению. Все подзорные трубы были направлены на «Харт-

форд», и, как только вспыхнули два красных фонаря, атака началась.

Когда корабли первого дивизиона двинулись вверх по реке, из-за обложной облачности царила кромешная тьма. Не зажигая огней, они шли самым малым ходом, чтобы машины издавали как можно меньше шума. Чем дольше удастся не открывать своего присутствия, тем меньше времени флотилия будет подвергаться обстрелу.

Не без трепета приближались они к барьеру, смутно белевшему на фоне темной реки. Первая канонерка врезалась в него носом и потащила вперед, понемногу замедляясь.

А затем цепи порвались, и течение медленно понесло прочь сцепленные посудины.

Сквозь барьер они прорвались, но враг по-прежнему поджидал их во всеоружии. Впереди темными громадами замаячили на фоне ночного неба два форта.

Тишину нарушало лишь тихое журчание воды вдоль бортов да неспешное биение пульса паровых машин. Один за другим корабли первого дивизиона проскальзывали мимо темных, безмолвных фортов, направляясь к Новому Орлеану.

Не услышав ни единого выстрела.

Второму дивизиону повезло куда меньше. Он только-только приблизился к фортам, когда в три сорок взошла луна. Как ни притупилась к этому времени бдительность часовых, не увидеть корабли при ярком свете луны они не могли. Сухо треснул выстрел, за ним второй, и поднялась тревога.

— Полный вперед! — скомандовал Фаррагут. — Передайте сигнал всем кораблям.

Оба форта вдруг расцвели огнями, в реку полетели ядра. Некоторые попали в цель, но большинство заскакало по воде во тьму. Корабли открыли ответный огонь, и ночь озарилась вспышками выстрелов. Теперь в шумный хор влили свой громовой рев мортиры северян, пуская над самой водой густые тучи дыма. Замешательство усилилось, когда конфедераты пустили зажигательные плоты на деревянные корабли северян.

И все же в конце концов все корабли прорвались мимо фортов в тихие воды по ту сторону барьера. Кое-какой урон флотилия понесла, и три мелких судна были почти выведены из строя. Зато «Хартфорд» уцелел. Без попаданий не обошлось, но на боеспособности судна они не сказались. Фаррагут с громадным удовлетворением наблюдал, как позади стихает артиллерийская

стрельба. Он пошел на риск — и победил.

— Передайте всем кораблям: добрая работа. И пусть рапортуют о повреждениях, как только бросим якорь.

В ту ночь губернатор Мур спал скверно. Беспокойство за судьбу города вынудило его несколько перебрать кукурузного виски. А когда он наконец забылся, его вдруг разбудил гром. Направившись к окну, чтобы закрыть его, Мур не обнаружил никаких признаков дождя. Гром доносился с юга: должно быть, гроза там. А вдруг палят пушки? Он постарался выбросить подобную возможность из головы.

Пробудился он с первыми лучами солнца. По улице катили повозки, кто-то кричал. Звонил церковный колокол, хотя день был будний. Подойдя к окну, губернатор уставился на корабли, стоящие у берегов Миссисипи.

И устремил взгляд мимо их мачт и рей, в ужасе взирая на флот северян, идущий по реке.

А за этим последовал последний удар, последняя капля, переполнившая чашу отчаяния. Мур вдруг осознал, что стоящие у ворот Нового Орлеана корабли янки еще полбеды, ибо «Луизиана», броненосец, строившийся ради победы над этими самыми кораблями, уже никогда не выполнит

свою жизненно важную задачу. Он стал бы не в меру роскошным трофеем, если бы попал в руки северян. Допускать подобное было просто нельзя.

Вместо того чтобы прийти Новому Орлеану на подмогу, охваченная неистовым пожаром «Луизиана» плыла мимо города вниз по течению. Ей уже не суждено вступить в бой, не суждено сыграть свою спасительную роль. Столько усилий, столько работы — и все напрасно.

Скоро она затонет, исходя паром и булькая, ляжет на дно той реки, которую должна была защитить.

Анаконда Скотта чуть сильнее сжала свои кольца.

— Вот уж воистину восхитительные новости, господин президент, — с улыбкой сказал Хей, пока Линкольн читал телеграмму.

Президент чуть заметно улыбнулся, но промолчал. После смерти Вилли он будто лишился частички души. Ужасная усталость навалилась на него, и любое дело давалось с куда большим трудом, нежели раньше. Усилием воли стряхнув апатию, он вынудил себя еще раз перечитать телеграмму, вникнув в содержание.

— Согласен всей душой, Джон. Восхитительные

новости. — Произнес он это довольно гладко, но без искреннего чувства. — Захват Нового Орлеана — удар в самое сердце Конфедерации. Теперь река Миссисипи наша от истоков до самого моря. Я почти готов искушать судьбу заявлением, что мы на пути к победе. Я был бы счастливейшим из обитателей Белого дома, если бы не наши британские братья со своим упрямством.

Линкольн утомленно покачал головой и погладил свою темную бородку, как всегда, когда о чем-то тревожился. Хей выскользнул из комнаты. Покойный сын президента все время незримо сопровождает его в душе.

Теплый, безмятежный майский вечер почти не напоминал о душном, жарком лете, идущем вослед. Выйдя через открытую дверь на балкон, Линкольн положил ладонь на перила, озирая город. Потом обернулся, услышав оклик жены.

— Я здесь.

Вышедшая к нему Мэри Тодд Линкольн впилась пальцами в руку мужа, увидев собравшуюся на улице толпу, озаренную светом факелов. После смерти Вилли она замкнулась и почти не покидала своей комнаты. Порой ее поведение выходило за рамки простой меланхолии — она разговаривала сама с собой и принималась обирать свою

одежду. Доктора высказывались о ее состоянии крайне сдержанно, и Линкольн начал опасаться за ее душевное здоровье, хотя не упоминал об этом ни одной живой душе. Вот и сейчас обнял ее одной рукой за плечи, но не проронил ни слова. Боль утраты по-прежнему оставалась так велика, что они не могли о ней говорить. Собравшаяся внизу толпа пришла в движение — кто-то ушел, кто-то пришел, возбужденные голоса порой вздымались до крика.

— Ты знаешь, что они говорят? — спросила Мэри.

— Наверное, то же самое, о чем вопят уже не первый день. Не сдаваться. Помните Революцию и тысяча восемьсот двенадцатый год. Если англичане хотят войны — они ее получат. И тому подобное.

— Отец... что же будет?

— Мы молимся о мире. И готовимся к войне.

— Нет ли способа остановить это?

— Не знаю, мать. Происходящее подобно лавине, устремляющейся под гору — все быстрее и быстрее. Попробуй встать на ее пути, задержать ее — и она тебя сокрушит. Прикажи я отпустить Мейсона и Слайделла сейчас — и меня могут обвинить в государственной измене, а то и

просто-напросто линчевать. Таков уж общий настрой. Пока что газеты ежедневно подливают масла в огонь, а каждый конгрессмен считает своим долгом провозгласить речь о международных отношениях. Твердят, что войну против Юга можно считать почти выигранной, что мы можем дать бой и им, и всякому, кто будет напрашиваться на неприятности.

— Но как же англичане, неужели они и вправду отважатся на такое страшное дело?

— Ты же читала их ультиматум, весь мир его читал, когда газеты опубликовали его от слова до слова. Мы связаны по рукам и ногам. Я отправил с Лайонсом предложение мира, но они отвергли его с ходу. Нам придется согласиться на их условия, и никак не менее. Согласившись на требования британцев, когда Конгресс и народ так и бурлят, я с равным успехом могу затянуть петлю на своей шее собственными руками.

А их газеты даже похуже наших. Они практически вышвырнули из страны нашего посланника Адамса. Сказали, чтобы без согласия на их условия не возвращался. Он привез кипу лондонских газет, каковые не высказывают ни тени сомнений. Тамошние игроки заключают пари о том, когда начнется война и сколько понадобится

времени, чтобы побить нас.

— А Юг?..

— Ликует. Южане ждут не дождутся этой войны и взирают на Мейсона и Слайделла, как на великомучеников. Британия уже признала Конфедерацию свободной и суверенной державой. Обе стороны уже поговаривают о военной помощи.

Толпа вдруг разразилась громкими криками, вспыхнули новые факелы, озарившие цепь солдат, охраняющих Белый дом. На Потомаке светились огоньки сторожевых судов, а еще дальше — огоньки других кораблей и лодок.

— Пойду в дом, — промолвила Мэри. — Понимаю, это глупо, вечер такой теплый, но я вся дрожу.

— К несчастью, у нас гораздо больше поводов, чтобы дрожать.

В доме дожидался министр военного флота Уэллс, поправляя парик перед зеркалом. Мэри безмолвно проскользнула мимо него.

— Как я понимаю, военный флот, как всегда, на высоте, — сказал Линкольн.

— Как всегда. Кольцо блокады на своем месте и стягивается все туже. До меня только что дошла весть, что бывший военный министр сел на

корабль, чтобы пуститься в дальнее плавание до Москвы.

— Я решил, что из него выйдет отличный представитель нашего правительства при русском дворе.

— Уверен, скоро он примется продавать царю разводненный акционерный капитал, если будет выступать в своем амплуа, — громко рассмеялся Уэллс. — Любопытно, что они подумают о криводушнейшем из политиков Соединенных Штатов?

— Я удостоил его этой награды не без колебаний. На это звание претендовала невероятная уйма других.

Тут в комнату заглянул Джон Николай.

— У дверей дожидается военный министр, сэр. Интересуется, нельзя ли ему повидаться с вами на пару минут?

— Разумеется. — Линкольн повернулся к Мэри. С улыбкой пожав ему руку, она удалилась. Слушать разговоры о войне сегодня было выше ее сил.

— Вы не принесли мне дурных вестей, мистер Стэнтон? — осведомился Линкольн у нового члена своего кабинета министров. Они со Стэнтоном редко виделись с глазу на глаз, но после своего

некомпетентного предшественника Камерона Стэнтон являл собой прямо-таки образчик результативности.

— К счастью, нет. Я только что закончил совещание со своим персоналом и полагал, что надобно вас известить об итогах. Мы ничего не можем поделать, пока планы англичан не прояснятся. Поскольку мы в настоящее время уже пребываем в состоянии войны, то, полагаю, готовы, насколько это возможно. Однако предпринимаем и специальные меры на севере. Линия границы там весьма протяженна и плохо защищена. Мобилизованы ополченцы, до сих пор находившиеся в резерве, и приведены в состояние боеготовности. Ситуация на море лучше известна Уэллсу.

— Как и вы, мы приведены в состояние полной боеготовности. Единственный факт, утешающий меня в эту черную годину, что после Крымской войны англичане подзапустили свой флот.

— От генерала Халлека никаких вестей? — поинтересовался президент.

— Есть вести. Он телеграфировал, что занял свой новый пост во главе Северного округа в Нью-Йорке. Как и было согласовано, генерал Грант занял его место в округе Миссисипи. Шерман на-

ходится при нем, и совместно их армии образуют надежный барьер против любых поползновений мятежников.

— И теперь нам остается только ждать.

— Совершенно верно...

В коридоре послышался топот бегущих ног, а затем Джон Хей ввалился в двери, даже не постучав.

— Господин президент, депеша из... из Платсберга, штат Нью-Йорк. Задержалась, телеграфные провода к югу от этого города перерезаны.

— И что там сказано?

Хей принялся читать принесенную бумагу, поперхнулся словами, но в конце концов выдавил:

— А... атакован британскими войсками. Полковник Янделл, Платсбергское добровольческое ополчение.

Вторжение!

Должно быть, войска шли всю ночь. Потому что на рассвете они уже шагали по полю, подошвами сапог попирая всходы пшеницы. Часовой вызвал полковника, и тот вышел, растирая лицо и заспанные глаза.

— Красномундирники! — Он захлопнул рот, осознав, что таращится на них, как юная ба-

рышня.

Они медленно маршировали через поле к американским позициям, построившись в две цепи, затем по команде остановились. Их пикеты находились впереди, прячась среди деревьев и складок местности. На обоих флангах располагались кавалерийские отряды, а в тылу — приближающиеся по дороге полевые орудия. Стряхнув с себя оцепенение, полковник Янделл крикнул:

— Сержант, подымайте роту! Я хочу передать сообщение для...

— Не могу, сэр, — сумрачно отозвался сержант. — Попытался телеграфировать, как только их увидал, но провод, наверно, порван. Очень много кавалерии. Они легко могли обойти нас ночью и перерезать провода.

— Что-то надо делать. Вашингтон должен знать, что здесь происходит. Возьмите кого-нибудь, возьмите Андерсона, он знает здешние края. Воспользуйтесь моим конем. Это наш лучший скакун.

Полковник быстро нацарапал в блокноте записку, вырвал листок и отдал его солдату.

— Доставьте это на железнодорожную станцию в Киссвилле, на тамошний телеграф. Пошлите в

Вашингтон. Скажите, чтобы известили всех, что мы подверглись нападению.

Полковник Янделл мрачно оглядел своих солдат. Необстрелянные добровольцы, молодые и напуганные. При одном лишь виде стоящей перед ними армии почти потеряли рассудок от страха. Некоторые уже понемногу начали пятиться назад; один рядовой заряжал свой мушкет, хотя он уже зарядил его двумя зарядами. Отрывистые приказания Янделла встретили ошеломленное, неохотное повиновение.

— Полковник, сэр, смахивает на то, что сюда кто-то приближается.

Поглядев через ближайшую бойницу, полковник увидел офицера, верхом неторопливо приближающегося к укреплениям и выглядевшего весьма живописно в своей красной форме с золотым шитьем. Рядом с ним шагал сержант, держа поднятую пику с наколотым на нее белым флагом. Вскарабкавшись на верх стены, Янделл молча следил за их медленным приближением.

— Вы зашли достаточно далеко! — крикнул он, когда они достигли основания склона перед укреплениями. — Чего вы хотите?

— Вы здесь командир?

— Я. Полковник Янделл.

— Капитан Картледж, Сифортские горцы. У меня послание от генерала Питера Чэмпиона, нашего командира. Он извещает вас, что в полночь британское правительство объявило войну. Моя страна сейчас находится в состоянии войны с вашей. Он приказывает вам сложить оружие. Если вы подчинитесь его приказаниям, он дает слово чести, что никому из вас не будет причинен ни малейший вред.

Офицер цедил слова с ленивым высокомерием, положив одну руку на бедро, а вторую — на рукоять сабли. Мундир его сверкал золотым шитьем, по кителю сверху донизу шли ряды золотых пуговиц. Янделл вдруг мучительно устыдился своего пыльного синего мундира, своих домотканых брюк с громадной заплатой сзади и ощутил всколыхнувшийся в душе гнев.

— Скажите своему генералу, что он может ступать прямиком в пекло. Мы американцы и не подчиняемся приказам таких, как вы. Пшел прочь!

Он повернулся к ближайшему ополченцу — безбородому юноше, обеими руками вцепившемуся в мушкет, который был старше владельца.

— Сайлас, хватит таращиться, бери ружье, стреляй поверх их голов. В них не цель. Я только хочу

увидеть, как они улепетывают.

Раздался одинокий выстрел, и рассветный ветерок понес над стеной маленькое облачко дыма. Сержант побежал, а офицер натянул поводья и, пришпорив, погнал лошадь к британским позициям.

То был первый выстрел в битве при Платсберге.

Так было положено начало новой войне.

Британцы времени понапрасну не теряли. Как только офицер подскакал к боевым линиям, громко и ясно пропела труба. Ее звук тотчас же потонул в грохоте пушек, стоявших позади войск чуть ли не ступица к ступице.

Первые снаряды разорвались на берегу, ниже укреплений. Другие, направленные слишком высоко, с визгом пронеслись над головами. Затем артиллеристы взяли укрепление в вилку, ядра начали взрываться на позициях американцев, и обороняющиеся прильнули к земле.

Когда обстрел внезапно прекратился, наступила такая тишина, что находившиеся в укреплениях люди четко слышали, как командиры британцев выкрикивают приказы. Затем единым движением, с безупречной синхронностью обе цепи пехоты двинулись вперед. Держа мушкеты

наперевес, солдаты печатали шаг под барабанный бой. И вдруг воздух разорвал унылый вой. Эти нью-йоркские фермеры ни разу не слыхали ничего подобного, ни разу не слышали безумного причитания волынок.

Атакующие одолели половину поля, прежде чем оцепеневшие американцы осознали это и вскочили на ноги, чтобы занять боевые посты в полуразрушенных позициях.

Первая линия пехоты почти дошла до них. Сифортские горцы — великаны из вересковых горных долин в развевающихся вокруг ног килтах. Они маршировали с холодной точностью механизмов, надвигаясь все ближе и ближе.

— Без приказа не стрелять! — крикнул полковник Янделл, когда напуганные ополченцы открыли огонь по атакующим. — Подождите, пока подойдут поближе. Не тратьте боеприпасы. Заряжай!

Все ближе и ближе подходил враг, пока не оказался почти у подножия поросшего травой склона, ведущего к укреплениям.

— Огонь!

Залп получился нестройный, но все-таки залп. Многие пули ушли слишком высоко, просвистев над головами противника, идущего сомкнутым

строем. Но эти мальчики были охотниками, и порой единственным их мясом был кролик или белка. Свинец нашел свои цели, и великаны рухнули лицом в траву, оставляя прорехи в стройных рядах.

Ответ на американский залп был моментальным и сокрушительным. Шедшие впереди все, как один, припали на колено — и выстрелили.

Второй ряд выстрелил мгновение спустя, и по укреплениям словно пролетел ангел смерти. Люди с криками умирали, а оставшиеся в живых, оцепенев, смотрели, как облаченные в красное солдаты ураганом устремляются вперед с примкнутыми штыками. Второй ряд перезарядил ружья и теперь стрелял в каждого, кто пытался отстреливаться.

Затем ряды разомкнулись, и сквозь них пробежали штурмовые отряды, прислонившие свои длинные лестницы к полуразрушенным стенам. А затем горцы с ревом ринулись в атаку, вперед и вверх, на позиции, где засела горстка обороняющихся.

Полковник Янделл только-только сформировал вторую линию для охраны установленных там немногочисленных пушек, и ему оставалось лишь смотреть в ужасе, как налетевший на его

людей противник избивает их.

— Не стрелять, — приказал он. — Вы только убьете своих собственных ребят, подождите, пока они перестроятся для атаки. А затем стреляйте без промаха. Ты, Калеб, беги назад и вели артиллеристам поступать так же. Пусть не стреляют, пока не прицелятся наверняка.

Смотреть на это ужасное зрелище было непереносимо. Очень немногие американцы пережили эту атаку, чтобы присоединиться к обороняющимся во второй линии. Снова забили барабаны, и великаны в диковинных мундирах построились в безупречные шеренги. И двинулись вперед. После выстрела американцев строй их поредел. Поредел — но не остановился, перестроившись снова, а место павших заняли другие.

Полковник Янделл расстрелял из своего пистолета все патроны в атакующих и поспешно перезаряжал его, когда услышал, что к нему обращаются:

— Полковник Янделл, не по-джентльменски стрелять в офицера под белым флагом.

Подняв глаза, Янделл увидел стоящего перед собой капитана Картледжа. Мундир его почернел от дыма, как и лицо. Шагнув вперед, капитан поднял свою длинную шпагу в издевательском

приветствии.

Полковник Янделл направил на него пистолет и спустил курок. Увидел, как пуля попала противнику в руку. Отшатнувшись от удара, английский офицер перехватил шпагу левой рукой и шагнул вперед.

Янделл щелкал курком снова и снова, но он успел зарядить только один патрон.

Шпага вонзилась ему в грудь, и полковник рухнул.

Еще один погибший американец, еще одна жертва этой новой войны.

Полковой плотник выстругал доску, затем парой гвоздей прикрепил к ней лист белой бумаги. Получился неуклюжий, но приемлемый планшет. А обугленный ивовый прутик сгодился за карандаш. Сидя возле палатки, Шерман с головой ушел в рисование, изображая береговой плацдарм и пароходы за ним. Услышав приближающиеся шаги, он обернулся.

— Не знал, что ты умеешь рисовать, Камп, — заметил Грант.

— Как-то оно само собой у меня получилось, и я со временем полюбил это занятие. Пришлось много чертить в Пойнте и как-то незаметно прикипел душой к этому занятию. Оно помогает мне

успокоиться.

— Мне бы такое тоже не помешало, — Грант взял из палатки походный стул и опустился на него. Потом вытянул из кармана кителя длинную черную сигару и закурил. — Никогда не любил ждать. Джонни Бунтарь затих, а британцы! Ума не приложу, за что на нас такая напасть. Мне бы сейчас навалиться на кувшинчик кукурузного...

Шерман стремительно обернулся от своего рисунка, лицо его вдруг перекосилось. Грант усмехнулся.

— Да не стану я, ты учти, это все позади, с тех пор как началась война. По-моему, дела не заладились ни у тебя, ни у меня, когда мы ушли из армии. Ну, ты хоть был президентом банка в Калифорнии, а я-то возил лес с упряжкой мулов и каждую ночь до ушей надирался до забытья.

— Но банк лопнул, — угрюмо сказал Шерман. — Я потерял все — дом, землю, все, что добыл тяжким трудом за все эти годы. — Поколебавшись, он продолжал едва слышно: — А порой мне казалось, что утратил и рассудок.

— Но ты вырвался, Камп, точно так же, как я отделался от бутылки. Пожалуй, война для нас с тобой — единственное пристойное занятие.

— И ты хорош в ней, Улисс. Я ничуть не кривил

душой, когда писал то письмо. Я верю в тебя. Я в полном твоем распоряжении.

Грант почувствовал себя немного не в своей тарелке.

— Да тут не только я. Халлек сказал, что ты должен служить под моим началом. И подчинился я с неописуемой радостью. У тебя есть добрые друзья в этой армии, вот как обернулось.

— Генерал Грант, сэр! — окликнули сзади. Обернувшись, они увидели сержанта на высоком берегу. — Телеграмма с востока. Телеграфист говорит: насчет британцев.

— Вот оно! — воскликнул Грант, подскакивая на ноги.

— Я тебя догоню, только уберу вот это.

Военный телеграф все еще выстукивал сообщение, когда генерал Грант вошел в палатку. Остановившись позади телеграфиста, Грант через его плечо читал, что тот пишет. И как только телеграфист поставил точку, генерал выхватил бумагу, крепко закусил свою длинную сигару, выдохнул облако дыма над головой телеграфиста. Потом окликнул:

— Стюард! — В палатку вбежал адъютант. — Собери штаб. Встреча в моей палатке через полчаса. Если офицеры пожелают знать, в чем дело, про-

сто скажи, что на нас свалилась вторая война.

— Британцы?

— Чертовски верно.

Грант медленно вернулся в свою палатку, жуя сигару и в уме прикидывая, что делать дальше. Шерман уже находился там, выхаживая из угла в угол. Зайдя в палатку, Грант уже знал, какие приказы надо отдать, какие действия предпринять.

Налив из узкогорлого кувшина виски в стакан, Грант передал его Шерману. Поглядел на кувшин, мрачно усмехнулся и вогнал пробку из кукурузного початка обратно в горлышко.

— Они на это пошли, Камп. На самом деле пошли на это. Мы воюем с англичанами. На сей раз почти без повода. Ума не приложу, как задержка одного корабля и захват пары человек могли привести к подобному.

— По-моему, большинство войн начиналось совершенно без повода. С тех пор, как Виктория села на трон, где-нибудь в мире британцы затевают войны постоянно.

— Мелкие, а эта наверняка перерастет в большую. — Подойдя к стоящему на козлах столу, Грант постучал указательным пальцем по расстеленной на нем карте. — Они вторглись в штат Нью-Йорк вот здесь и атаковали укрепления в

Платсберге.

Шерман поглядел на подвергшийся атаке участок чуть южнее озера Шамплейн, недоверчиво покачал головой и отхлебнул виски.

— Кто бы мог подумать. Не успеют британцы закончить одну войну, как начинается новая.

— А то и раньше. Поправь меня, если я не прав, но разве генерал Бергойн не шел этой дорогой в тысяча семьсот семьдесят седьмом году?

— Несомненно. И это не все. Словно для того, чтобы доказать, что британцы никогда ничему не учатся на ошибках, генерал Провост в тысяча восемьсот четырнадцатом повторил в точности то же самое и атаковал точно тем же способом. Однако получил хорошую взбучку и лишился всего провианта. Может быть, это удастся повторить.

— Боюсь, не в этот раз, — мрачно покачал головой Грант, откинулся на спинку складного стула и пыхтел сигарой, пока ее кончик не зардел жаром. Затем указал сигарой в сторону своего коллеги-генерала и близкого друга. — На сей раз будет не так просто, как прежде. Сейчас с нашей стороны им противостоит лишь горстка ополченцев да пара старых пушек. Британские полевые орудия и регулярные войска мигом подомнут под себя бедных мальчиков. В моем представлении

дело тут не в нехватке боевого духа: просто долго им не продержаться.

Шерман провел пальцем по карте.

— Как только Платсберг останется позади, путь захватнической армии в долину Гудзона будет открыт. Если их не остановить, они пройдут прямиком через Олбани и Вест-Пойнт, и не успеем мы оглянуться, как они постучатся в ворота Нью-Йорка.

— Но только будет это не так легко, — покачал головой Грант. — Халлек уже погрузил свои войска в вагоны на Нью-Йоркском центральном вокзале и уже направляется на север. Насколько можно судить, враг еще не проник южнее Платсберга. Многое зависит от того, сколько продержится ополчение. Халлек надеется остановить их к северу от Олбани. Если это ему удастся, я присоединюсь к нему там. Он хочет, чтобы я снял отсюда все полки, какие удастся, и отправил на подмогу ему.

— И сколько полков мы возьмем?

— Не мы, Камп. В мое отсутствие он оставит во главе здешних войск тебя. Сколько людей тебе понадобится в том случае, если Борегар попытается снова атаковать Питтсбург?

Шерман надолго задумался, прежде чем от-

ветить.

— Для обороны у меня имеются пушки на канонерских лодках, все еще стоящих на якорях у берега. Так что я могу отойти до берега и стоять нам. Если можешь оставить мне четыре батареи и минимум два полка, я бы сказал, удержимся. Мы всегда можем переправиться обратно через реку, если придется. Борегар мимо нас не пройдет. После Шайло мы не отдадим ни дюйма земли.

— Я думаю, что тебе лучше взять три полка. Бунтари все еще располагают ощутимой армией.

— Меня это вполне устроит. Ну что, грядут трудные времена, Улисс?

Грант крепко затянулся сигарой.

— Не могу тебе врать и скажу, что дела пойдут нелегко. Джонни Бунтарь попритих, но наверняка не угомонился. Мятежники с радостью увидят, как раковые шейки дадут нам пинка под зад. Но я не думаю, что в ближайшее время мятежники что-нибудь предпримут. С какой им стати?

— Ты абсолютно прав, — мрачно кивнул Шерман. — Они позволят британцам биться вместо них. А их разведчики тем временем будут следить за передвижениями наших войск, так что у них будет масса времени, чтобы перегруппироваться. Затем, когда мы будем связаны по рукам

и ногам на новых фронтах, им останется только выбрать самую уязвимую точку и ударить там всеми силами. Врать я не могу. Наша война с конфедератниками не то что почти выиграна, а, наоборот, оборачивается крайне скверно.

— Боюсь, ты прав. Их шпионы повсюду, как и наши. Они узнают, где мы ослабили позиции, и будут знать в точности, что делают их друзья-британцы. Затем, как только мы на минутку зазеваемся — бах! — и грянул бой. — Грант помолчал минутку, взвешивая в уме грядущие проблемы. — Кемп, у нас у обоих были проблемы в прошлом — и в армии, и вне ее. По большей части вне.

На лице Шермана застыло мрачное выражение.

— За что я ни брался после армии, все казалось каким-то несущественным. Пока не начались бои, я был полон страхов и сомнений. Видел проблемы там, где их не существовало. Теперь все обстоит наоборот. Но самое курьезное, что теперь все обстоит гораздо проще. Война наделена какой-то ясностью, в битве есть законченность. Я чувствую, что наконец-то оказался на своем месте.

Встав, Грант сжал руку друга.

— Ты даже не представляешь, как ты прав. Я должен сказать тебе это. Перед лицом битвы некоторые люди цепенеют и теряют волю. Зато другие собираются и мобилизуют все свои способности. Такие редки, и ты один из них. Ты держал мой правый фланг в Шайло и ни разу не дрогнул. Под тобой пало много добрых коней, но ты не поколебался ни на миг. Теперь тебе придется повторить это снова. Держи фронт здесь, Камп. Я знаю, что тебе это по плечу, как никому на свете.

Смерть на юге

Адмирал британского военного флота Александр Милн был отважным и несгибаемым бойцом, когда наставал час проявлять отвагу и несгибаемость. Он был тяжко ранен в сражении во имя родной страны. Когда американцы остановили британский корабль и захватили на нем пленников, Милн отправился прямиком к министру и потребовал перевода на действительную службу.

Но при том он был и осторожен, когда требовалось проявить осторожность. И теперь, когда эскадра рассекала морские воды под теплыми звездными небесами, настало самое время для осторожности. Они держались вдали от суши с

тех самых пор, как флотилия отплыла с Багамских островов в сумерках две недели назад и легла на северный курс. Острова кишмя кишат шпионами, и отплытие наверняка не прошло незамеченным, о чем и было доложено американцам. Лишь с наступлением ночи, когда земля скрылась за горизонтом, эскадра повернула к югу.

С той поры она шла только по приборам, не видя земли со времени острова Андрос, к которому подошли в сумерках, чтобы уточнить свое местоположение. Хорошая навигационная практика для офицеров. Они плыли на юг почти до тропика Рака, прежде чем легли на западный курс, чтобы двигаться вдали от маршрутов прибрежного судоходства. За все время плавания не видели ни одного другого судна, из чего заключили, что американцы их не ждут.

Только когда наблюдения полуденного солнца, согласованные с судовым хронометром, подтвердили, что флотилия достигла восемьдесят восьмого градуса западной долготы, они изменили курс в последний раз. Плыли строго на север к побережью Соединенных Штатов в районе Мексиканского залива.

Адмирал Милн избрал своим флагманом броненосец «Воитель» и сейчас стоял на мостике рядом

с капитаном Роландом, командиром корабля.

— Сколько узлов, капитан? — поинтересовался он.

— По-прежнему шесть узлов, сэр.

— Хорошо. Если расчеты верны, мы должны приблизиться к берегу на рассвете.

Взобравшись на спардек позади мостика, он оглянулся на корабли, держащиеся в кильватере. Первыми шли два линейных корабля — «Каледония» и «Роял Оук». За ними следовали транспорты, на фоне ночных небес казавшиеся лишь неясными размытыми рисками. А дальше, невидимые во тьме, двигались остальные линейные корабли, фрегаты и корветы. Самый большой британский флот, вышедший в море со времени 1817 года.

И все-таки адмирал был недоволен. Просто унизительно, что подобная армада вынуждена украдкой шнырять вдали от земли, а потом тайком подходить к суше ночью, словно контрабандисты. Британия правила морями не один век и выиграла все свои морские войны. Но американцы поставили на охрану этого берега большой флот, избежать встречи с которым надо любой ценой. Не из страха перед битвой, а из необходимости держать свое присутствие в этих

водах в секрете.

Поднявшись к нему, капитан Николас Роланд доложил:

— Впереди облачность, сэр. Поздновато для сезона дождей, но вдоль этих берегов погода может испортиться в любую пору года.

Они постояли в молчании, каждый погрузившись в собственные мысли, и тишину нарушало только мерное, как биение метронома, «тук-тук-тук» корабельной машины. Сияющие впереди звезды одна за другой исчезали в надвигающейся тьме по мере того, как оттуда надвигалась туча. Здесь, где их не могут слышать вахтенный офицер и рулевой, пожалуй, единственное место на людном корабле, где можно переговорить, не опасаясь чужих ушей.

Роланд был женат на племяннице адмирала. Их дома в Со-лташе стояли довольно близко, и они частенько виделись друг с другом, когда адмирал оправлялся от раны, полученной в Китае, в сражении на реке Мейо. Он и Роланд быстро сблизились, несмотря на разницу в возрасте.

— Что-то мне не нравится, Николас, какой оборот приняло развитие военного искусства на море. Мы всегда чуточку запаздывали с техническими усовершенствованиями, были чересчур

склонны позволять другим опережать нас.

— Не могу согласиться, сэр. Мы сейчас стоим на мостике самого современного военного корабля на свете. Построенного из железа, ходящего на пару, вооруженного двадцатью шестью 68-фунтовыми пушками, не говоря уж о десяти стофунтовках. Сорокапушечного корабля с орудиями величайшего калибра, непобедимого и непотопляемого. Мы же понимаем, что старший род войск[12] должен быть консервативен, сэр. Но как только мы вцепимся зубами во что-нибудь, мы уж не упустим своего, как бульдог.

— Согласен. Но слишком уж часто мы норовим действовать в современных войнах, опираясь на опыт прошлого. По-моему, груз традиций и склонность относиться к любым новшествам с подозрением обходится нам дорогой ценой.

— Возможно, это правда, сэр, но я стою слишком низко на служебной лестнице, чтобы иметь собственное мнение на сей счет. Но вы, конечно же, преувеличиваете. Только посмотрите на этот корабль. Как только военно-морское ведомство обнаружило, что французы строят «Ля Глуар», железный боевой корабль, то секретариатом

---

[12] Примечания: 12

В Британской империи старшим, главным родом войск считался военно-морской флот.

Адмиралтейства было принято решение немедленно строить облаченный в железо фрегат. Фактически говоря, даже два, чтобы обогнать французов на один. Как и наш близнец «Черный Принц», мы воплощаем самые современные достижения морской науки. У нас имеется не только паровая машина, но и парус, чтобы держаться в море как можно дольше. Я беспредельно горд командовать таким кораблем.

— Как и положено. Но ты помнишь, что я сказал, когда до нас дошла весть о битве между «Виргинией» и «Монитором»?

— Мне никогда не забыть ваши слова. Мы только что отобедали, и вы угощали нас портвейном. Дежурным офицером был Робинсон. Он пришел с рапортом и зачитал его вслух для всех нас. Кое-кто из офицеров назвал это колониальным дурачеством, но вы этого мнения не разделяли. Вы заставили их протрезветь довольно быстро. Джентльмены, сказали вы, мы только что вступили в новую эру. Нынче утром, когда я проснулся, в британском военном флоте было сто сорок два корабля. Но когда я нынче отойду ко сну, их будет всего лишь два — «Воитель» и «Черный Принц».

— Все сказанное мной не утратило своей правдивости и по сей день. Как паровая машина

положила конец парусу, так и броненосцы изгонят деревянные корабли из военных флотов всего мира. Вот почему мы входим в бой через заднюю дверь, так сказать. Блокадный флот янки прекрасно изолирует береговую линию от любого проникновения с моря. Сейчас я намерен прорваться через эту блокаду и желаю встретиться с блокадным флотом только на своих условиях. Нам просто не повезло, что «Черный Принц» до сих пор не отремонтировал свои котлы. Будь он с нами, я бы чувствовал себя намного спокойнее.

Роланд крепко топнул каблуком по железному настилу спардека.

— Вот железный корабль, который может нести величайшие пушки из созданных. На нем ничего не страшно.

— Согласен, чудесный корабль. Но я хотел бы, чтобы его конструкторы не проявляли такой снисходительности к старой гвардии Адмиралтейства. Я бы сказал — или парус, или пар. Или одно, или другое, но ни в коем случае не мешанина из обоих. С мачтами и парусом нам приходится нести громадный экипаж, чтобы заниматься ими. Чтобы поднять вручную парус или винт, нужно двести пар рук, хотя с этой работой вполне справилась бы паровая лебедка.

Капитан Роланд вежливо кашлянул, затем собрался с духом, чтобы задать вопрос, беспокоивший его с тех самых пор, когда его назначили командовать этим кораблем.

— Сэр, быть может, мой вопрос неуместен, но должен признаться, меня он всегда тревожил. В конце концов торговые корабли ведь используют паровые лебедки... — Он осекся и залился румянцем, невидимым во тьме, совершенно уверившись, что ляпнул лишнее.

Адмирал понял это, но смилостивился.

— Мы были друзьями, мой мальчик, и довольно долго. И я могу прекрасно понять твое беспокойство за вверенный корабль. Я знаю, что у тебя достаточно трезвая голова, чтобы нигде не повторять мои слова, сказанные в конфиденциальной обстановке.

— Разумеется, сэр! Конечно.

— Я входил в комитет, одобривший «Воитель» и его близнеца. Хоть я и протестовал, мой голос оказался в меньшинстве. Я сказал, что подобное решение — оглядка на прошлое, а не стремление в будущее. Мои предложения были отвергнуты. Все остальные полагали, что моряки испортятся и разленятся, если работу за них будут делать машины. Кроме того, все считали, что благодаря

физической работе матросы будут здоровей!

Капитан Роланд только рот разинул. И едва не пожалел о том, что затеял этот разговор. Рында пробила смену вахты. Капитан спустился на верхнюю палубу в пуленепробиваемую ходовую рубку.

А палубой ниже Джордж Уильям Фредерик Чарльз, герцог Кембриджский, поворачивался на койке с боку на бок, а услышав колокол, проснулся окончательно и начал сыпать проклятиями. Когда же закрыл глаза, то вместо того, чтобы погрузиться в благословенную тьму и Лету сна, увидел пехотные дивизии, артиллерийские батареи, военные обозы, планы — словом, все причиндалы войны, занимавшие его рассудок неделями, месяцами. Тесная клетушка каюты душила его. Ему было наплевать и на командующего флотом, ради него съехавшего из этой каюты и теперь делившего даже более тесную каютку с капитаном судна, и на сотни рядовых, покачивавшихся в гамаках в даже более темных, тесных и шумных кубриках. Ранг обязывает, а он здесь самый главный. Герцог Кембриджский, главнокомандующий британской армией, двоюродный брат королевы не привык к дискомфорту где бы то ни было — на зимних квартирах или

даже на поле боя.

Сев, он стукнулся головой о канделябр над кроватью и громко выругался. Потом приоткрыл дверь каюты достаточно широко, чтобы упавший из коридора свет позволил ему отыскать свою одежду. Натянув китель и брюки, вышел из каюты, свернул направо и пошел в рабочий кабинет капитана — просторное помещение, ярко освещенное люстрой с керосиновыми лампами и полное свежего воздуха благодаря люку в потолке. На буфете все еще стояла бутылка превосходного бренди, отведанного после обеда, и герцог налил себе изрядную порцию. Но только-только опустился в кожаное кресло, когда дверь распахнулась, и в нее заглянул Буллерс.

— Извините, сэр, я не хотел вас побеспокоить. — Генерал хотел было уйти, но герцог окликнул его:

— Входите, Буллере, входите же. Не спится?

— Совершенно верно. Солдат в море такая же обуза, как титьки у хряка.

— Славно сказано. Войдите, отведайте бренди. Это чудесное средство.

Генерал-майор Буллерс командует пехотой и по рангу стоит следующим после герцога. Оба повоевали на своем веку — служили в Ирландии,

затем в Крыму.

— Чертовски жарко, — заметил Буллере.

— Выпейте, вот и перестанете замечать. — Герцог отхлебнул из своего бокала. — Чэмпион, наверное, уже на подступах к Нью-Йорку.

— Должно быть. Американцам просто не выстоять против его дивизий и пушек.

— Да будет так. Видит Бог, мы потратили довольно времени на планирование и снабжение всей экспедиции.

— Ею следовало командовать вам, дабы обеспечить верный успех.

— Спасибо на добром слове, Буллерс, но способностей генерала Чэмпиона с лихвой хватит, чтобы провести лобовую атаку, подобную канадской. А вот для нынешней атаки нужны совершенно иные умения.

Как по команде, оба обратили глаза к картам, разбросанным на столе красного дерева. Хотя планы наступления обсуждались бессчетное число раз, карты притягивали их, как магнит. Встав, офицеры двинулись через комнату, прихватив бокалы.

— Мексиканский залив, — указал герцог Кембриджский. — Военно-морские базы янки здесь, здесь и здесь. Флот в море охраняет каждую га-

вань и залив. Не сомневаюсь, что вот здесь, в районе Хэмптона, «Монитор» и приданные ему линейные корабли все еще охраняют убежище, где залегла «Виргиния». Адмирал Милн настаивал, что мы должны избегать этого участка побережья, как чумы, в чем я с ним целиком и полностью согласен. Этот флот менее чем в шестистах милях отсюда. И я хочу, чтобы так было и дальше. Конечно, имеется и небольшая флотилия, блокирующая залив Мобил, в каких-то пятидесяти милях от нас. Но они не представляют угрозы нашим превосходящим силам, — он легонько постучал по карте кончиком пальца. — Но вот здесь находится ахиллесова пята противника. Остров Дир невдалеке от побережья штата Миссисипи. Северяне вторглись сюда, захватили остров и сделали его базой для своего блокадного флота. Вот этот остров и является целью нашего путешествия. На рассвете мы атакуем и уничтожим их бомбардировкой с моря. Затем ваши полки и морские пехотинцы высадятся и захватят фортификационные сооружения. Блокада будет сорвана. Военный флот встанет здесь на якоре, защищенный береговыми батареями, дабы гарантировать, что блокада не будет восстановлена. Как только наша высадка завершится

успехом, я возьму кавалерийское войско, пробьюсь к конфедератам и Джефферсону Дэвису в Ричмонде. Королева лично шлет ему послание, и я не сомневаюсь, что нас ждет самый теплый прием. После этого наш торговый флот примет здесь хлопок, а в обмен доставит военные грузы. Силы Юга возрастут, и очень скоро он победит. Наши армии неустанно атакуют на Севере, так что янки будут вынуждены разделить свои силы, если попытаются выбить нас с этой базы. Разделить и потерпеть поражение. Между нашими свежими войсками и возрожденной армией южан долго им не продержаться. Сила возобладает.

Буллерс вполне разделял его энтузиазм.

— Даст Бог, все закончится к зиме. Соединенные Штаты Америки прекратят свое существование, их сменят Конфедеративные Штаты Америки.

— Достойная цель и счастливый итог, — промолвил герцог. — Мне нет дела до того, что политики сделают с добычей. Я только знаю, что победоносная армия покажет всему миру могущество Британии. Затем наши военно-морские силы смогут увеличить свой флот броненосцев, и господство в Мировом океане снова будет нашим.

На рассвете, как и было запланировано, коман-

диры десанта на шлюпках подошли к «Воителю». Их лодки внезапно вынырнули из тумана, и офицеры очень осторожно поднялись на борт, поскольку все веревки, деревянные ступени и палубный настил были скользкими от росы и упасть тут было проще простого.

Впереди уже наметилась береговая линия — плоская, лишенная каких-либо примет и едва заметная за пеленой дождя.

— Тут же все одинаковое, — сказал герцог Кембриджский. — Я не могу разглядеть ни единого ориентира.

— Хороший выход к берегу, — ответил адмирал. — Должен сказать, что для плавания исключительно по приборам в течение столь длительного периода, не видя земли, навигация безупречная. Фрегаты ведут разведку к востоку и западу, и скоро остров будет обнаружен.

Но был уже полдень, когда «Клэм» на всех парах примчался с поисков. Туман все еще не рассеялся, моросил дождь и разобрать сигналы фрегата издали было трудно.

— Остров Дир обнаружен, на якоре никаких судов, — наконец доложил сигнальщик.

— Отлично, — одобрил герцог Кембриджский, чувствуя, как напряжение понемногу улету-

чивается, потому что операция переходит в финальную фазу. — Капитан третьего ранга Тредегар, ваши морские пехотинцы должны захватить плацдармы. Как только вы будете на берегу, генерал Буллере начнет высадку своих

людей. Победа здесь, джентльмены, станет первой совместной операцией военного флота и армии, которая неминуемо повлечет окончательное поражение врага.

Когда корабли приблизились к серой береговой линии, укрепления стали видны гораздо отчетливее. Адмирал Милн направил на них свою подзорную трубу. Изображение было размыто неустанно сеющимся дождем, настолько размыто, что он даже опустил ее и вытер объектив носовым платком. А когда заглянул в окуляр снова, то испустил резкий смешок.

— Клянусь святым Георгом, вон они, сэр! Янки, их флаг.

Герцог Кембриджский поглядел в свою трубу на звездно-полосатый флаг, развевающийся над крепостными стенами. Три цвета — красный, белый и синий.

— Разошлите приказ открыть огонь, как только укрепления будут на расстоянии выстрела. Надо прикрыть шлюпки десанта огнем.

Но высадка потребовала времени, слишком долгого времени. Опытные морские пехотинцы Тредегара времени зря не теряли, быстро высадились и преодолели пляж. Но солдаты регулярных войск, ни разу не принимавшие участие в морском десанте, едва ворочались. Когда морские пехотинцы перешли в атаку, среди сухопутной пехоты царил сущий хаос. Перегруженные шлюпки натыкались одна на другую, одна шлюпка перевернулась, и людей с нее пришлось спасать и вылавливать из моря. Уже наступали сумерки, когда остатки пехоты высадились на берег, и сержанты криками и колотушками кое-как водворили среди них порядок и повели в атаку.

Дело оказалось отчаянно трудным. Сумерки все сгущались, а морская пехота все не могла прорваться за земляные брустверы, и тела павших в атаке усеивали мокрую землю.

Эту работу предоставили Шестьдесят седьмому Саут-Гемпширскому. Полк был расквартирован на острове Тринидад достаточно долго, чтобы люди научились работать и сражаться в липкой жаре. Сержанты построили их в две шеренги, с заряженными мушкетами и примкнутыми штыками.

— Гемпширские тигры, за мной! — крикнул

генерал Буллере, взмахнув шпагой, и бросился вперед.

Испустив хриплый рев, солдаты обогнали генерала, ринувшись навстречу свинцовому ливню.

Знаменосец, бежавший прямо перед генералом, отлетел назад от удара разрывной пули, попавшей ему в живот и согнувшей вдвое. Не успел труп повалиться на землю, как генерал уже подхватил знамя полка, не позволив ему упасть в кровавую грязь. Держа флаг в одной руке, а шпагу в другой, он криками подбадривал солдат, пока какой-то капрал не принял у него знамя и не бросился вперед.

Защитники укреплений держались стойко, хотя англичане имели невероятное численное превосходство. Две полевые пушки зарядили и вывели на позиции. Под их безжалостным огнем наконец-то удалось ворваться на крепостные стены. Но еще много добрых людей пало в последовавшем штурме. Пролилось немало крови, и в конце концов дошло до рукопашной.

Захватить крепость удалось только поздно ночью — и ужасной ценой. Изодранные тела солдат Буллерса и Пятьдесят шестого Вест-Эссекского полка мешались с трупами защитников крепости. Зажгли фонарь, чтобы собрать оставшихся в

живых. Но таких оказалось крайне мало. Кровь и грязь перекрасили все мундиры, и все равно было заметно, как пестро и бедно обмундированы янки — не только в синее, но и в одежды самых разнообразных цветов и качества. Однако биться они умели. И если бежали, то недалеко. Должно быть, они организовали второй рубеж обороны, потому что затрещали ружейные выстрелы и в воздухе засвистели пули. Фонарь поспешно погасили.

— Они еще об этом пожалеют, — процедил Буллерс сквозь стиснутые зубы, пока его офицеры и сержанты строили солдат в боевые порядки.

Одни раненые сидели, другие лежали, устремив пустые взоры в пространство, а ходячие сами ковыляли в тыл.

— Стреляйте только наверняка, а затем переходите в штыковой бой. Вперед!

Люди умирали в ночи, в яростной рукопашной схватке. Янки не отступали, и каждый ярд приходилось завоевывать с боем. Поединки кипели в грязи, в заполненных водой траншеях. В конце концов неумолимый натиск англичан оказался непомерным для горстки уцелевших защитников, и они вынуждены были отойти. Но не сдались. Отступая, они продолжали стрелять и не бросили свои пушки.

Пришлось выставить патрули. Несмотря на невероятную усталость, генерал сам обходил посты вместе со старшиной, чтобы убедиться в их бдительности. Усталые солдаты подкрепляли свои силы жалкими крохами пищи, имевшимися в их ранцах, и утоляли жажду водой из фляг. И засыпали под теплым дождем, прижимая мушкеты к груди.

Перед самым рассветом крики часовых и внезапный треск ружейных выстрелов провозгласили о начале контратаки. Англичане сомкнули ряды и снова вступили в схватку не на жизнь, а на смерть.

Атака быстро захлебнулась — последняя, жалкая попытка обороняющихся отвоевать позиции. Но удержать английских солдат — много дней подряд болтавшихся в море, всю ночь бившихся почти без воды и сна и терявших товарищей, — было невозможно. Гнев вытеснил усталость, и они ринулись вдогонку за удирающими врагами при сером свете занимающегося утра. Кололи их штыками в спину. Вбегали за ними в здания.

И нашли там выпивку. Большие керамические сосуды с крепким спиртом, продиравшим горло, как наждак, и огнем пылавшим во внутренностях. Но еще там были бочонки с пивом,

гасившим этот огонь. И даже лучше.

Женщины. Прятавшиеся, убегавшие, визжавшие. Дисциплинированные британские войска редко выходят из повиновения. Но сейчас это случилось, как и во время Индийского мятежа, и последствия оказались ужасными и отвратительными. Разгоряченные выпивкой и усталостью, разъяренные гибелью соратников, солдаты потеряли голову. Зверь был выпущен на свободу. С женщин срывали одежду, швыряли их в грязь и насиловали с неистовой яростью. И остановить этих солдат, распаленных вожделением и спиртом, было нелегко. Один сержант, попытавшийся вмешаться, получил удар штыком; пьяные солдаты гоготали, глядя, как он в агонии извивается на земле.

Генерал Буллере не стал придавать этому особого значения. Приказал офицерам не вмешиваться, чтобы не подвергать опасности собственную жизнь. Пьяные и так скоро свалятся с ног, забывшись тяжелым сном. Такое уже случалось прежде. Простых британских солдат нельзя подпускать к выпивке. Теперь они упьются до бесчувствия. Утром сержанты и немногочисленные трезвенники полка стащат их под крышу, дав время прийти в себя и принять наказание,

которое будет на них наложено. На поле боя замелькал свет — это инвалидная команда отправилась искать раненых.

Генерал покачал головой, внезапно осознав, что тоже упадет от усталости. Прямо перед ним из сарая, покачиваясь, вышел рядовой Саут-Гемпшире кого полка, остановился и хлебнул спирта из найденного там кувшина. И рухнул без чувств, когда Буллере обрушил мощный удар кулака ему на загривок. Подняв кувшин из грязи, генерал сделал изрядный глоток и передернулся. Да, это вам не доброе виски с Шотландских островов. Зато это пойло, несомненно, обладает крепостью, в которой генерал сейчас так нуждается. Покачнувшись, Буллере вдруг плюхнулся задом на полуразрушенный крепостной вал, отпихнув в сторону труп. С каждым глотком спирт становился все лучше и лучше на вкус.

Мертвый солдат лежал на флаге, сжимая его скрюченными пальцами — наверное, стремился спасти знамя в этой бойне. Вытащив флаг, генерал Буллере отер с него грязь и при свете фонаря проходившего мимо солдата увидел цвета — красный, белый и синий. Хмыкнув, генерал бросил флаг обратно на труп. Красный, белый и синий — цвета флага Соединенных Штатов Аме-

рики. Но какие-то не такие. Что?! Взяв его снова, Буллере расправил знамя на крепостном валу.

Да, цвета те самые. Но расположены иначе. Это не те звездно-полосатые флаги, которые он видел развевающимися на кораблях янки в гавани Кингстона. На этом всего несколько звезд на синем поле и всего несколько жирных горизонтальных полос.

Генерал вдруг вздрогнул, едва не выронив флаг: глаза покойника распахнулись. Видимо, он смертельно ранен, но еще жив.

— Этот флаг, что это? — спросил Буллере. Глаза раненого заволокло туманом, и генералу пришлось безжалостно тряхнуть его. — Говори же! Этот флаг, это звездно-полосатый?

Умирающий солдат силился выдавить слова, и Буллерсу пришлось наклониться к самым губам, чтобы расслышать их.

— Нет... Треклятый флаг янки. Это... это звездно-полосатый... флаг Юга. — И с этими словами умер.

Генерал Буллере оцепенел. В одно ужасное мгновение он поверил умершему, поверил, что это флаг Конфедерации.

Неужели он атаковал не тех? Не может быть! Он видел флаг Конфедерации — перекрещенные

синие полосы с белыми звездами на красном поле. Он видел его на флагштоках блокадных контрабандистов в Лондонском порту. А этот флаг явно не такой.

И ни одна страна, даже эти ничтожные колонисты, не может иметь два флага. Или может? Нет! Погибший лгал, его умирающие уста потратили остатки дыхания на ложь. Да гори он в Гадесе за это. Держа флаг в руках, генерал вертел его так и этак, а потом швырнул в грязную лужу и придавил каблуком.

Да какая разница, черт возьми, хоть так, хоть эдак? Север ли, Юг ли — все они вонючая деревенщина. Сыновья и внуки колониальных революционеров, которым хватило наглости воевать с добрыми англичанами и убивать их, включая и его батюшку генерал-лейтенанта Буллерса, павшего в битве при Новом Орлеане.

Порядком отпив из фляги, Буллере принялся втирать флаг каблуком в грязь, пока тот не исчез окончательно.

Затем генерал вздохнул и вытащил его снова. Кому бы этот флаг ни принадлежал, что бы тут ни произошло, герцог Кембриджский должен об этом знать.

Главнокомандующий разместил свой штаб

в каменном блокгаузе неподалеку от пляжа, принадлежавшем береговой батарее. Герцог как раз перелистывал обгорелые донесения, когда Буллере пришел к нему с флагом.

— Престранно, — промолвил герцог. — Эти донесения направлены в КША, а не в США. Что за дьявольщина здесь творится?!

Буллере протянул ему измызганный флаг.

— По-моему, ваша милость, по-моему, мы совершили ужасную ошибку. Здесь не янки. Почему-то, не знаю почему, но мы сражались с южанами и убивали их.

— Боже милостивый! — Руки герцога разжались, и бумаги посыпались на пол. — Неужели правда? Вы уверены?

Наклонившись, Буллерс собрал бумаги и перелистал их.

— Они адресованы гарнизону Билокси, прибрежного города Миссисипи.

— Гром и молния, — изумление герцога сменил бурный гнев. — Вот вам и военной флот с их хваленым умением прокладывать путь. Они не способны найти даже правильное место для атаки. И куда же мы плюхнулись, Буллерс?! В лужу со всего маху. Их ошибка — наша вина. — Он начал расхаживать взад и вперед по комнате. — И что

же нам делать? Отступить и принести извинения. Это не в моем обычае, генерал, совершенно не в моем обычае уползать с поджатым хвостом.

— Но альтернатива...

— Двигаться дальше. У нас есть люди и решимость. Вместо того чтобы помогать этой тошнотворной рабократии, мы должны поразить ее, ударить на север, к Канаде, сметая все на своем пути. Положить на лопатки эту расколотую, слабую страну... две страны, и вернуть их в Империю, где им самое место. Ударить, и ударить крепко, Буллере, — вот наше единственное спасение.

Общий враг

Год боев на фронтах Гражданской войны научил обе конфликтующие стороны, насколько важно уметь окапываться, и окапываться быстро. Стоять плечом к плечу, стреляя на континентальный лад — самый верный способ самоубийства. Если существовал хоть минимальный риск подвергнуться атаке, обороняющиеся окапывались. Лопатами, если таковые имелись в наличии, штыками, ложками — чем угодно, если лопат не было. И добились в этом немалого мастерства. За считаные минуты солдаты откапывали траншеи полного профиля, возводя из выброшенной

земли брустверы, надежно защищающие от пуль и заставляющие ядра отскакивать рикошетом дальше.

Кровавая битва при Шайло все еще не изгладилась из памяти, и все пережившие ее окапывались, не сетуя. Пятьдесят третий Огайский полк окопался на вершине высокого холма над Питсбургским плацдармом. Обломки ветвей и стволов, разбитых артиллерийским огнем во время прежних боев, пошли на укрепление бруствера.

Понимая, насколько малочисленным стало войско после того, как генерал Грант забрал часть армии на восток, против английских захватчиков, генерал Шерман старался укрепить оборону, как мог. Установил все орудия на передовых позициях, чтобы они могли рассеять любую атаку шрапнелью — жестянками с крупной дробью, взрывающимися в воздухе над врагом. Эти позиции можно будет удержать против намного превосходящих сил конфедератов. Интересно, когда они откроют, что войско его убыло? Конечно же, довольно скоро.

Зато можно положиться на канонерки, стоящие на якоре у плацдарма. Шерман и его офицеры связи потратили не один час, обсуждая с капита-

нами судов, как лучше всего обеспечить быстрый и точный огонь прикрытия. Пожалуй, больше в данной ситуации уже ничего не сделаешь.

Теперь, когда весенние паводки кончились, уровень реки Теннесси опустился и обнажились песчаные пляжи и луга близ плацдарма. Шерман поставил свои палатки у реки и перенес свой штаб туда. Посыльный застал его в палатке.

— Полковник велел позвать вас тотчас, генерал. Чего-то случилось там, где бунтари стали биваком.

Вскарабкавшись на высокий берег, Шерман застал там дожидавшегося полковника Эйплера.

— К нам какое-то посольство, генерал. Трое верховых конфедератов. Один дует в горн, а другой размахивает белым флагом. А у третьего масса золотых куриных потрохов на рукаве — наверняка старший офицер.

Шерман вскарабкался на бруствер, чтобы посмотреть своими глазами. Три всадника остановились в сотне шагов от позиций северян. Горн пропел снова. Горнист и сержант с флагом восседали на тощих клячах, но под офицером был чудесный гнедой.

— Дайте-ка мне подзорную трубу, — Шерман не глядя взял трубу и поднес к глазу. — Боже мой,

это же генерал Борегар собственной персоной! Он навещал колледж, когда я был там. Странно, что он тут делает под белым флагом?

— Должно быть, хочет переговорить, — предположил Эйплер. — Хотите, чтобы я поразнюхал, что он там хочет сказать?

— Нет. Если один генерал может там разъезжать, то, пожалуй, могут и двое. Приведите мне коня.

Шерман вскарабкался в седло, взялся за поводья и пришпорил лошадь. Она осторожно выбирала дорогу по опасному, неровному полю боя. Увидев приближающегося Шермана, горнист опустил трубу. Борегар взмахом руки отослал своих людей и пришпорил лошадь, спеша навстречу второму всаднику. Встретившись, они остановились. Козырнув, Борегар заговорил:

— Спасибо, что согласились на переговоры. Я...

— Я прекрасно знаю, кто вы, генерал Борегар. Однажды вы навещали меня, когда я возглавлял Луизианский государственный военный колледж.

— Генерал Шерман, конечно, вы должны извинить меня. События были... — Борегар чуточку ссутулился, но тут же поймал себя на этом, резко выпрямился и сообщил: — Я получил телеграфное

донесение, а также определенные приказания. Прежде чем ответить, я хотел бы проконсультироваться с командиром вашего здешнего войска.

— В настоящее время я командую им, генерал, — Шерман не стал вдаваться в детали, почему, поскольку не хотел подымать вопрос о том, что генерал Грант убыл и позиции ослаблены. — Можете обращаться ко мне.

— Это касательно британской армии. Насколько я понимаю, англичане вторглись в Соединенные Штаты, что они атаковали и наступают в южном направлении на штат Нью-Йорк из Канады.

— Совершенно верно. Я уверен, что об этом сообщалось в газетах. Конечно, дальнейшее развитие военной ситуации обсуждать я не могу.

Борегар поднял затянутую в перчатку ладонь.

— Извините меня, сэр, но я вовсе не собирался вызывать вас на откровенность. Я только хотел увериться, что вам ведомо об этом вторжении, дабы вы лучше поняли то, что я должен вам открыть. Я хочу довести до вашего сведения, что имеется второе вторжение.

Шерман попытался не выдать, как его огорчили эти новости. Дополнительное вторжение еще более осложнит оборону страны. Но, не располагая

сведениями о новом войске, он не хотел выдать свою неосведомленность.

— Пожалуйста, продолжайте, генерал.

Борегар вдруг утратил спокойствие и вежливость, столь характерные для всякого южного офицера. Сжав кулаки, он цедил слова сквозь стиснутые зубы:

— Вторжение, убийства и хуже того — вот что случилось. И замешательство. Поступили донесения из Билокси, Миссисипи, что береговые оборонительные сооружения обстреливаются флотом Союза. Спешно были собраны все войска, какие имелись под рукой, и брошены туда, чтобы остановить вторжение. Ночь была дождливая, бой продолжался до самого утра, и ни одна из сторон не отступала. В конце концов мы проиграли, но не северянам!

— Боюсь, я что-то не понял, — озадаченно покачал головой Шерман.

— Это были они, британцы! Они высадили войска, чтобы атаковать береговые укрепления в порту Билокси. Их узнали лишь утром, когда стали видны их флаги и форма. К тому времени битва была уже закончена. Они не удовольствовались просто истреблением военного гарнизона, они атаковали местных жителей, разрушили и

сожгли пол города. А уж что они сделали с женщинами... Согласно последним донесениям, сейчас они наступают в глубь материка из Билокси.

Потрясенный Шерман не находил слов для ответа, лишь пробормотал что-то вполголоса. Борегар почти не замечал его присутствия, устремив взгляд вдаль и мысленно взирая на истребление южного города.

— Они не солдаты. Они убийцы и насильники. Их надо остановить. Извести под корень. И мои войска — единственные, кто способен сделать это. Я верю, что вы человек чести, генерал, и я могу открыть вам, что мне было приказано преградить путь этим агрессорам, дабы мои солдаты грудью заслонили народ Миссисипи. Вот почему я просил об этой встрече.

— Так чего же вы хотите, генерал?

Борегар мрачно посмотрел на коллегу-офицера, с которым так недавно бился не на жизнь, а на смерть, и очень тщательно обдумал свои слова, прежде чем заговорить:

— Генерал Шерман, я знаю, что вы человек слова. Перед этой войной вы основали одно из наших крупнейших южных военных учебных заведений и руководили им. Вы порядком пожили на Юге и, должно быть, завели немало друзей.

Вы бы так не поступили, если бы принадлежали к числу этих очумелых аболиционистов. Я вовсе не намерен оскорбить ничьи чувства, сэр, ведь это ваши искренние убеждения. Просто я хочу говорить с вами откровенно и знаю, что вы поймете, насколько серьезно обстоят дела. Вам также известно, что я никоим образом не могу солгать вам, равно как вы не злоупотребите услышанным. — Борегар напряженно выпрямился. Несмотря на мягкие, тягучие южные интонации, в его словах металлом зазвенел гнев. — Я спрошу вас напрямую. Не согласитесь ли вы рассмотреть вопрос о временном прекращении военных действий против меня? Я хочу только защитить людей этого штата и обещаю не предпринимать никаких внезапных военных действий против федеральной армии. В ответ я прошу, чтобы вы не атаковали оставленные мной позиции. Я прошу этого, потому что намерен атаковать нашего общего врага. Если вы согласитесь, можете предъявить любые условия, какие пожелаете, и я подпишусь под ними. Как собрат по оружию, я с искренним уважением прошу вашей помощи.

Эта встреча, вторжение англичан и эта просьба настолько выходили за рамки обыденного, что Шерман просто не находил слов. Но в то

же самое время чувствовал душевный подъем. Пойти на перемирие довольно легко, более того, он согласится с большим удовольствием. Ему поставлена задача удержать занятый плацдарм. И выполнить эту задачу куда легче, согласившись на прекращение боевых действий, чем в кровавом бою.

Но несравненно важнее выражение, употребленное генералом Борегаром.

«Общий враг», вот как он сказал — и сказал абсолютно искренне. И когда Шерман заговорил, в уголке его сознания уже ютилась совершенно нелепая, несообразная идея.

— Я понимаю ваши чувства. Будь я на вашем месте, я поступил бы точно так же. Но, конечно, я не могу согласиться на подобное, не проконсультировавшись со своим прямым командиром генералом Халлеком, — помолчав, промолвил он.

— Конечно.

— Однако, если уж мы об этом заговорили, позвольте добавить, что я понимаю ваше положение и всем сердцем сопереживаю вам. Дайте мне один час, после чего мы встретимся здесь снова. Мне надо первоначально объяснить, что произошло и что вы предлагаете. Уверяю вас, я употреблю все

силы, дабы подкрепить ваши аргументы.

— Благодарю вас, генерал Шерман, — с отзвуком теплого чувства проговорил Борегар, отдавая честь.

Шерман козырнул в ответ, развернул коня и поскакал прочь.

Полковник Эйплер собственноручно взял коня под уздцы, когда Шерман спешился.

— Генерал, в чем там дело, что стряслось?

Шерман посмотрел на него рассеянным взглядом, мысленно пребывая где-то далеко.

— Да, Эйплер, это дело исключительной важности, иначе генерал не приехал бы собственной персоной, как сейчас. Я должен доложить. Как только с этим будет покончено, я поговорю с вами и остальными старшими офицерами. Пожалуйста, попросите их собраться в моей палатке через тридцать минут.

Он спустился по склону к лагерю, но, вопреки собственным словам, даже не думал заходить к телеграфистам. Вместо этого он направился прямиком в собственную палатку. И обратился к часовому:

— Никто не должен меня беспокоить, пока мои офицеры не соберутся здесь. Велите им подождать у входа. Никому не позволительно

видеться со мной. Вообще никому, ясно?

— Так точно, сэр.

Рухнув на походный стул, Шерман устремил невидящий взгляд вдаль, рассеянно теребя свою жидкую бороду. Нынешняя ситуация предоставляет возможность, за которую надо хвататься обеими руками, пока она не ускользнула, и ни в коем случае не выпускать. Несмотря на собственное заявление, Шерман решил покамест не связываться с Халлеком. Ему просто нужно было время, чтобы обдумать внезапно возникшую идею без лишних помех. Пришедший ему в голову курс действий слишком уж нестандартен, слишком иррационален, чтобы его могли постичь другие.

Конечно, долг повелевает ему немедленно телеграфировать о том, что случилось в Билокси, испросив приказаний. Когда генералы и политики поймут, что натворили англичане, то наверняка согласятся на перемирие. Общий враг. Уж пусть лучше армия южан бьется с англичанами, чем угрожает нападением на Север.

Но сколько времени понадобится политиканам, чтобы принять решение?

Слишком много, это и ребенку ясно. Никто не захочет принять на себя ответственность за

радикальные действия, о которых просит Борегар. Командиры будут трепетать, передавая ответственность вверх по команде. Туда-сюда полетят телеграфные депеши, пока в конце концов вся проблема не плюхнется на плечи Эйбу Линкольну.

И сколько же времени это займет? В лучшем случае — несколько часов, в худшем — не один день. А решение надо принять сию же минуту. Как ни трудно, придется взять ответственность на себя. Надо идти ва-банк, пусть даже на кону вся карьера. Если упустить подобную возможность, она уже никогда не повторится. Надо принять решение самостоятельно и действовать на основании этого решения.

И Шерман знал, какое примет решение. Он рассмотрел все возможности и все равно склонялся к одному-единственному. Когда офицеры собрались, он изложил им задуманное, аккуратно, взвешенно подбирая слова:

— Джентльмены, как и Север, вторжению британской армии ныне подвергся Юг. — Он выдержал паузу, выжидая, когда эта весть дойдет до сознания офицеров. Затем продолжал: — Я переговорил с генералом Борегаром, просившим меня о перемирии ради позволения ему отвести

войска на юг для битвы с врагом. Он назвал агрессоров «нашим общим врагом». И это истинная правда. В данный момент перемирие придется как нельзя кстати. К тому же оно, несомненно, нам на руку. — Он оглядел офицеров, согласно закивавших головами. Но согласятся ли они с ним после сказанного далее? — Я хочу предоставить это перемирие. Что вы скажете на это?

— Правильно, генерал, от начала и до конца!

— Вы просто должны так поступить, иного выбора нет.

— Чем больше красномундирников они шлепнут, тем меньше у нас будет болеть голова.

Их энтузиазм совершенно натурален, ненатужен и непреувеличен, но насколько далеко согласятся они зайти?

— Я рад, что все мы в этом едины. — Шерман окинул взглядом взволнованных офицеров и заговорил, с предельной тщательностью выбирая слова: — Предлагаю оказать нашему общему делу даже более обширную помощь. Если вы со мной согласитесь, я намерен взять пехотный полк и присоединиться к генералу Борегару в атаке на англичан.

Воцарилось длительное молчание: собравшимся требовалось время, чтобы обмозговать

предложение Шермана так и эдак. Последствия зайдут весьма далеко, речь идет не о единственном случае совместного участия в конфликте. Конечно, может статься, что из этого решения не воспоследует ничего, кроме одного-единственного боя, или оно может повлечь дальнейшие события, которые почти невозможно предугадать. Первым подал голос полковник Эйплер:

— Генерал, вы весьма мужественный человек, если решились предложить подобное, не согласовав это по команде. Я уверен, что вы учли это и учли все возможные последствия своих действий. Что ж, я тоже. Я бы хотел, чтобы с собой вы взяли Пятьдесят третий Огайский. Президент всегда стремился любыми средствами укоротить эту войну, заключить мир с Конфедерацией. И я целиком и полностью с этим согласен. Давайте поможем остановить это вторжение. Берите нас с собой.

Эта единственная искра воспламенила энтузиазмом всех офицеров. Капитан Мунк одобрительно вскричал:

— Пушки, вам нужны пушки! Моя Первая Миннесотская батарея тоже пойдет с вами!

— А люди поддержат это решение? — поинтересовался Шерман.

— Уверен, поддержат, генерал. Они наверняка разделяют наши чувства. Надо гнать захватчиков из нашей страны!

Пока офицеры раздавали приказания, Шерман вернулся в свою палатку и написал рапорт, подробно изложив свои действия и доводы в их пользу. Сложив и запечатав рапорт, он послал за генералом Лью Уоллесом, командиром Двадцать третьего Индианского полка.

— А ты-то согласен с подобными действиями, Лью?

— Как нельзя более, Камп. Есть шанс, что удастся как-то повлиять на эту войну. Хотя я и не совсем представляю, что из этого может выйти. После Шайло и всех этих смертей, пожалуй, я начал видеть войну совершенно иными глазами. Мне кажется, что ты предлагаешь весьма достойную вещь. Негоже американцам биться с американцами, хоть нас к этому и вынудили. Теперь у нас есть шанс как-то поправить положение, и к тому же вместе.

— Хорошо. Тогда прими командование до моего возвращения. И возьми вот это. Это полный рапорт обо всем, что здесь сегодня произошло. Когда мы уйдем, пожалуйста, телеграфируй это генералу Халлеку.

Приняв сложенный листок, Уоллес улыбнулся.

— У меня тут будет масса дел какое-то время. Подымется настоящий тарарам, когда эта новость дойдет по назначению. Боюсь, пройдет добрый час, прежде чем я смогу вырваться, чтобы отправить рапорт.

— Ты весьма рассудительный офицер, Уоллес. Действуй по своему усмотрению.

Орудия уже приготовили к маршу, лошадей впрягли в постромки. В оборонительных позициях образовали разрыв, чтобы они могли проехать. Бойцов Пятьдесят третьего Огайского уже известили о намерениях Шермана, и ему было очень важно узнать, как они к этому отнеслись. Когда он подъезжал, они вытянулись во фрунт, а затем по шеренгам прокатилось неистовое «Ура!». Солдаты приветствовали генерала, медленно ехавшего вдоль строя, размахивая в воздухе фуражками, поднятыми на кончиках штыков. Боевой дух взмыл до небес, и, похоже, никто ни в малейшей степени не усомнился в важности и правильности его решения. Но разделят ли подобное отношение конфедераты? Шерман посмотрел на циферблат: час истек.

Отправляясь вместе с полковником Эйплером на встречу с ожидавшим генералом Борегаром,

Шерман чувствовал, что на них устремлены глаза всей армии.

Он выбирал слова очень аккуратно, боясь малейших недоразумений.

— Решение было трудным и чрезвычайно важным, генерал Борегар, и, хочу уверить вас, единодушным. Я сообщил своим офицерам о нападении англичан, и мы были в своем мнении едины. Я говорил войскам о том, что намерен предпринять, и, уверяю, все люди в моих полках до последнего человека согласны со мной. Сейчас у Севера и Юга в самом деле один общий враг.

— Я ценю это решение, — угрюмо кивнул Борегар. — Значит, вы согласны на перемирие?

— И даже более того. Это полковник Эйплер, командир Пятьдесят третьего Огайского полка. Он и все люди его полка согласны с моим решением касательно того, что следует предпринять.

— Благодарю вас, полковник.

Шерман заколебался. Разумно ли так поступать и как отнесется к этому Борегар? Но пути назад уже нет.

— Мы пойдем куда дальше простого перемирия. Мы отправляемся с вами, генерал. Этот полк поможет вам атаковать английских захватчиков.

Реакция генерала на решение Шермана не

оставила места ни для каких сомнений. На мгновение он оцепенел, не зная, как быть, а потом с громким восклицанием подался вперед, сжав руку Шермана, и неистово встряхнул ее, потом обернулся и повторил то же самое с полковником Эйплером.

— Генерал Шерман, вы не только обладаете отвагой и благородством южного джентльмена. Но, клянусь Всевышним, вы настоящий южный джентльмен! Ваши годы в Луизиане прошли не зря, мой призыв о помощи получил такой отклик, на который я, даже в самых смелых упованиях, рассчитывать не мог. Ведите своих людей. Ведите своих людей! Мы выступим в защиту общего дела.

Генерал Борегар галопом поскакал к своим позициям, чтобы известить войска. Он ни на миг не усомнился в том, как они примут эту весть, — и оказался прав. Они возликовали, когда он сообщил о решении Шермана. Они радостно кричали, все громче и громче, подбрасывая в воздух фуражки и шляпы.

Они были построены, как на параде, и стояли навытяжку, когда к ним со своих позиций шагала колонна облаченных в синие мундиры солдат янки с Шерманом во главе. Шедший впереди

барабанщик отбивал такт, а флейты наигрывали жизнерадостную мелодию.

Удастся ли подобное? Смогут ли люди, сражавшиеся и убивавшие друг друга, теперь шагать бок о бок? Да, генералы Борегар и Шерман пришли к соглашению, но солдаты, как быть с солдатами? Как они воспримут столь тесную близость? Заранее не угадаешь.

Рокот барабана, визг флейт, шарканье маршрующих ног. Нарастающее напряжение пришлось Шерману не по вкусу, и он решил повлиять на события. Пришпорив коня, подскакал к флейтистам, тут же прекратившим играть, наклонился и переговорил с ними. Переглянувшись, они кивнули головами, одновременно поднесли свои инструменты к губам и в унисон заиграли.

Вечерний воздух всколыхнула жгучая мелодия «Дикси».

И началось столпотворение. Крики, вопли, пронзительный свист. Конфедераты без приказа нарушили строй — как и северяне. Они со смехом пожимали друг другу руки и хлопали один другого по плечам. Подобно своим войскам, оба генерала снова обменялись рукопожатием, на сей раз наслаждаясь обоюдным триумфом.

Боже милостивый, подумал Шерман, это может удаться, в конце концов это все-таки может сработать!

Барабаны пробили «равняйсь», и солдаты медленно восстановили строй. Как один, сделали поворот направо и зашагали по пыльной дороге.

На марше

Адмирал Александр Милн отошел ко сну счастливым. Бомбардировка береговых укреплений с моря определенно способствовала захвату последних. Американцы оказали ожесточенное

сопротивление, но в конце концов их уничтожили. Благодаря пологому берегу и утихшему прибою выгрузка припасов и артиллерии прошла на диво слаженно. К полуночи шлюпки вернулись с ранеными, вдобавок донесшими весть о победе.

Его обязанности в этой фазе операции исчерпались; развитие достигнутого успеха перешло в другие руки. Герцог Кембриджский — превосходнейший воин, находчивый и опытный полководец. Благодаря успеху десанта и атаки он сможет удержать позицию. А закрепившись на плацдарме, расширит брешь в обороне американцев. Блокада прорвана, и хлопок снова

потечет в Англию — в уплату за оружие, импортировать которое Югу станет по средствам. Изрядная часть работы адмирала тут завершена. Усталость истекших будней, напряжение и нехватка сна сказались. Китайская рана снова дала о себе знать, напоминая, что он взвалил на плечи непосильную ношу. Сказав вахтенным, что хочет быть на мостике при первых лучах рассвета, адмирал удалился на отдых.

Казалось, он едва-едва смежил веки, когда слуга тихонько позвал его. Сев в постели, Милн понемногу прихлебывал кофе, не делая усилий встать, пока чашка не опустеет, и чувствуя непомерную усталость. Только допив кофе, он побрился, оделся и поднялся на верхнюю палубу. Темный свод небес был усыпан звездами, и лишь восток едва заметно посерел. Капитан Роланд, находившийся на мостике, встретил его официальным приветствием.

— За ночь шторм стих, сэр. Предстоит чудесный день.

— С берега дальнейших рапортов не поступало?

— Была контратака, но ее отбили. Генерал Буллерс доносит, что одержана окончательная победа.

— Что полевые пушки и провизия?

— На берегу, сэр. Как только рассветет, их доставят на укрепления.

— Весьма удовлетворительный бой, воистину удовлетворительный.

Однако вскоре адмиралу пришлось глубоко раскаяться в собственных словах. Как только утренняя дымка рассеялась, его охватил ужас, нараставший с каждой минутой. Берег, где проходила высадка, открытый морю справа, оказался куда обширнее, чем казалось вчера, во время дождя и тумана. Фактически говоря, слева береговая линия не обрывалась, а изгибалась обратно, к гавани. Милн поднес подзорную трубу к глазу и при разгорающемся свете зари увидел, что за мысом блестит лагуна. Охнув, капитан Роланд вслух высказал опасения, в справедливости которых адмирал уже не сомневался.

— Это не остров Дир... И вообще не остров. Это берег! Неужто мы допустили ошибку?..

До их слуха докатился отдаленный рокот артиллерийской стрельбы, и оба направили подзорные трубы в ту сторону. К ним приближался корабль — шлюп, стоявший на восточном фланге, сейчас несся к флагману на всех парусах.

А следом, изрыгая клубящиеся облака дыма,

мчался корабль преследователей.

— Бить полный сбор! — приказал капитан. — Поднять пары! Мне нужен полный ход.

«Воитель» изготовил пушки, поднял паруса и только-только тронулся с места, когда шлюп обогнул его с кормы и спустил паруса, оказавшись под защитой броненосца. Преследователь тоже замедлил ход и сделал поворот оверштаг, по вполне очевидным причинам не желая сталкиваться с неуязвимым «Воителем» и его пушками. Как только корабль повернулся кормой, ветер подхватил и расправил флаг. Настолько близко, что даже подзорная труба не понадобилась.

Звезды и полосы. Американский флаг.

— Передайте на «Яву» и «Саутгемптон», — распорядился адмирал. — Вижу противника. Преследовать и захватить. Или уничтожить.

Капитан английского шлюпа при первой же возможности спустил лодку и лично прибыл доложить обстановку. Поднявшись на палубу, он отсалютовал.

— Докладывайте, — сухо бросил адмирал, заранее страшась ответа.

— На рассвете, сэр, мы увидели остров и корабль на якоре невдалеке от берега. Подошли достаточно близко, чтобы разглядеть там укреп-

ленные позиции. Янки открыли огонь, как только разглядели наш флаг. Затем военный корабль поднял якорь и погнался за нами. Я сверился с картой, сэр, и, по-моему... — Голос его стих до шепота и оборвался. Капитан кашлянул, будто поперхнувшись словами.

— Выкладывайте, — буркнул адмирал.

Мертвенно-бледный, несмотря на загар, офицер с большим трудом проговорил:

— Полагаю, что... этот остров... остров Дир. Когда я обнаружил это, то снова посмотрел на карту. Если вы взглянете, сэр, вот там на берегу, где мы атаковали. Видите, имеется небольшой порт, а прямо за портом вон те здания, близ места высадки. Я просмотрел все свои карты, и мне кажется... я думаю... что это город Билокси. Билокси, штат Миссисипи, каковой, как вам известно, входит в Конфедерацию.

Неопровержимая уверенность поразила адмирала, будто удар молнии; отшатнувшись, он уцепился за стальные перила.

Они атаковали не ту крепость, вторглись не на ту территорию, истребили жизни и дома граждан не той из воюющих стран. И повинен в ошибке он один, более никто. Он должен был предотвратить атаку, но было уже слишком поздно. Надо

попытаться как-нибудь это поправить, сделать что-нибудь. Но поделать уже ничего нельзя. Жребий брошен, мосты сожжены. Будущее не сулит ни малейшего проблеска, карьера разбита вдребезги, это яснее ясного, да и на самой жизни можно ставить крест.

— Что-то мне нехорошо, — он повернулся и шаркающей походкой двинулся прочь с мостика. — Сойду вниз.

— Но, адмирал... что нам делать? Какие будут приказания?

Он промолчал. Но выстрел, раздавшийся минуты две-три спустя, послужил самым красноречивым ответом.

Едва вскарабкавшись по штормтрапу на палубу «Воителя», герцог Кембриджский поспешил к капитану Роланду. Закрыв дверь, пепельно-бледный капитан обернулся к нему, хрипло пробормотав:

— Катастрофа...

— Вы чертовски правы. Вы знаете, что мы атаковали не тот треклятый пункт? Очевидно, знаете. Милн заплатит за это, дорого заплатит.

— Уже. Адмирал наложил на себя руки.

— Ну, а я не приму на себя вину за его фиаско! — Герцог так грохнул кулаком о стол, что бутылки

подскочили и зазвенели. — Армия продвигается, как приказано. Я должен позаботиться, чтобы у нее было подкрепление. Надо известить наступающих из Канады. Я выжму победу из этой смрадной каши, что вы заварили. Что это за корабль там рядом?

— «Ява».

— Я беру его. Вы здесь старший по званию. Остаетесь командовать до прибытия подкрепления. И чтобы у меня все было как следует, иначе я вас разжалую, в отставку отправлю. Посмотрим, может ли флот хоть что-то сделать как полагается в этой напасти.

Детишки бежали рядом с марширующей колонной, радуясь и махая руками. Взрослые тоже вышли навстречу войскам, но в отличие от детей чувствовали себя не в своей тарелке. Вперед специально выслали верховых, чтобы те известили людей, что к чему. Синие мундиры и знамя Союза встречали удивленно поднятыми бровями, но, когда выяснялось, в чем дело, всеобщий энтузиазм только возрастал.

— Задайте им жару, ребята! — крикнул старик с крыльца придорожного дома.

— Янки и Джонни Бунтарь — ну, будь я неладен! — выдохнул встречный всадник, размахивая

шляпой. — Всыпьте этим англичанским! Слыхал я, что они наделали. В аду им самое место!

Двое генералов, ехавшие во главе колонны, махали в ответ.

— Чудесный прием, — заметил Шерман. — Сознаюсь, поначалу я немного тревожился.

— А я нет. Как только люди узнают, почему вы с нами и куда мы идем, вы найдете здесь самый теплый прием. Впрочем, маршировать нам осталось недолго. Мы приближаемся к конечной станции железнодорожной компании «Мобил и Огайо» в Коринфе, — сообщил генерал Борегар. — Я телеграфировал вперед, чтобы собрали все паровозы и вагоны. В том числе платформы для артиллерии и товарные вагоны для лошадей.

— Есть ли донесения о передвижениях противника?

— В последний раз они были замечены на подступах к Хэндсборо. Теперь вам следует вникнуть в географию побережья Мексиканского залива этого штата. Билокси находится на оконечности длинного полуострова, далеко вдающегося в океан, с лагуной позади. Хэндсборо же расположено у основания полуострова со стороны суши. Если англичане намерены оттуда двинуться на север, то лучшего и желать нечего. Подальше от

побережья встречаются по большей части только заболоченные сосняки и заросли сахарного тростника. Перед смертью телеграфист из Билокси успел передать сообщение. Поблизости нет никаких войск, но в Лорейне наличествует кавалерийский отряд. Он развернется перед фронтом предполагаемого пути следования врага. Людей известили, чтобы они освободили дорогу. Перед англичанами нет ни одной нашей воинской части, и это замечательно. Я хочу, чтобы они продолжали продвижение.

Шерман поразмыслил над сказанным, и губы его медленно сложились в усмешку.

— Конечно. Меньше всего на свете нам бы хотелось ветретиться с ними нос к носу, чтобы биться на их условиях. Вы хотите, чтобы они продвинулись вперед, а мы могли зайти к ним с тылу. Отрезав их от Билокси и линий снабжения. Заманить их в глубь враждебной территории, а затем стереть с лица земли.

— Точно так. Наша сила во внезапности. А мы обойдем их стороной по железной дороге. У Геттисберга имеется железнодорожный узел, где пересекаются две линии. Там мы пересядем в вагоны железнодорожной компании «Галф энд Шип Айленд». Затем прямиком на юг до Гал-

фпорта. Таким путем мы зайдем к ним с тылу и отрежем их. Если повезет, изолируем от кораблей и поставок припасов. Затянем петлю вокруг них — и уничтожим. Вот как мы поступим.

— Блестящий план, — кивнул Шерман. — Воистину блестящий.

Входя в предместья Коринфа, они услышали пронзительный паровозный гудок со стороны железнодорожного депо. Солдаты, чувствовавшие душевный подъем, разразились на ходу ликующими криками. Из конической трубы паровоза, разводившего пары, валил густой дым. Еще один локомотив стоял наготове на запасном пути, чтобы прицепиться ко второму составу, как только отойдет первый.

— Я бы не хотел делить наш личный состав, — сказал Борегар.

— Мудрая предосторожность, — согласился Шерман. — Полагаю, моим синим мундирам было бы неблагоразумно маршировать через Миссисипи без вашего сопровождения. Предлагаю погрузить на первый поезд один из ваших полков и мой Пятьдесят третий Огайский. Остальные солдаты, пушки и припасы пойдут следом. А в Галфпорте сформируемся заново.

Телеграфные аппараты неустанно стучали по

всему штату Миссисипи. Все нормальное железнодорожное движение было прекращено или направлено обходными путями, чтобы пропустить воинские эшелоны. Поезда катили на юг весь жаркий день до вечера. В Геттисберге, во время пересадки на другую линию, не обошлось без замешательства и суматохи. Но солдаты трудились вместе по доброй воле; к ночи погрузка закончилась, и начался последний этап путешествия. Большой керосиновый прожектор паровоза выхватывал из тьмы сосны, растущие вдоль дороги. Солдаты, притихшие после утомительного дня, дремали на сиденьях и в проходах.

Галфпорт. Конец железнодорожной ветки, конец железнодорожной поездки. Спустившихся из вагона генералов встречали конфедератские кавалеристы, отдавшие честь обоим.

— Капитан Кулпеппер послал меня сюда дожидаться вас всех. Велел сказать вам, что эти английские солдаты остановились на ночлег, не дальше пары миль от Хэндсборо.

— Далеко ли до Хэндсборо? — осведомился Борегар.

— Считай, прогулка, генерал. Не больше десяти-двенадцати миль.

— Они в наших руках, — заключил Шерман.

— Совершенно верно. Выступаем немедленно. Вклинимся ночью между ними и Билокси. А там поглядим, что принесет нам утро.

Корабль военного флота США «Род-Айленд» не пытался обогнать британские военные корабли, да, пожалуй, и не мог. Вместо этого он пришвартовался у верфи острова Дир, под защитой тридцатифунтовых пушек береговой батареи, приготовив свои пушки в ожидании противника. Английские корабли подошли поближе, но быстро сыграли отбой, когда батареи дали залп, фонтанами поднявший воду вокруг них. Как только британские корабли присоединились к флоту, не выказывая желания вернуться, «Род-Айленд» отдал швартовы и на всех парах устремился на восток.

Прежде чем «Род-Айленд» был насильно завербован в военный флот и отправился на подмогу блокадной флотилии, он был морским паромом. Несмотря на почтенный возраст, машины его оставались вполне надежными. Под хорошими парами, да при затянутом предохранительном клапане, он мог делать верных семь узлов. И делал, взбивая пену своими большими колесами и устремляясь вдоль берега на восток на предельной скорости.

— Ты видел их так же ясно, как я, Ларри, верно ведь? — в который раз поинтересовался капитан Бейли.

— Верное дело, капитан, разве такой большущий флот прозеваешь? — ответил старший помощник.

— А с каким бесстыдством этот шлюп пошел прямо на нас, подумать только! А на маковке мачты развевается британский флаг. Мы воюем, а тут он мчится прямиком под огонь батареи. Комендору следовало подержать его под огнем чуток подольше.

— По-моему, мы попали в него пару раз.

— Может статься. Ну по крайней мере, он дал деру и вывел нас прямиком к остальным.

— Ни разу не видал железнобокого вроде этого англичанина. — Капитан окинул взглядом берег Миссисипи, потихоньку ползущий назад. — Как по-твоему, до залива Мобил еще часа два?

— Около того.

— Бьюсь об заклад, адмирал страшно заинтересуется нашим докладом.

— Любой блокадный корабль будет более чем заинтересован. Разве «Монитор» не должен был уже подключиться к ним?

— Должен. Я читал приказы. Должен был

присоединиться к блокаде, как только новый железный корабль класса «Монитора», «Мститель», подоспеет в Хэмптон, чтобы занять его место.

— Держу пари, ребята на «Мониторе» окажутся погорячее всех других. Должно быть, жутко устали торчать пробкой в бутылке, поджидая, когда «Мерримак» покажется сызнова. Слыхал я, на нем новый капитан?

— Лейтенант Уильям Джефферс, славный человек. Бедолага Уорден ранен в глаз. Ядро угодило в смотровую щель, осколки полетели ему прямиком в глаза. На один глаз он окривел, а второй видит тоже не ахти как. Джефферса наш рапорт заинтересует.

— Всех заинтересует, как только весть об этом долетит до Вашингтона.

Гибель армии

Стояла тихая и жаркая ночь. И очень душная. Рядовой Эльфинг из Третьего Миддлсекского вгляделся в предрассветную тьму, затем расстегнул воротник, чувствуя страшную усталость. Вторую ночь подряд на часах, и только потому, что напился вместе с остальными. А ведь к женщинам он даже близко не подходил, был чересчур пьян для таких дел. Во тьме мерцают светлячки

— диковинные насекомые, светящиеся в ночи. А ночь очень мирная; легкий ветерок доносит ароматы жимолости, роз и жасмина.

Кажется, что-то двигалось? Небо на востоке посветлело, так что, выглянув из-за дерева, он ясно разглядел темный силуэт человека, затаившегося в подлеске. Да, Господи Боже, это один, а там и другие! Эльфинг выстрелил из мушкета, не давая себе труда прицелиться. Но не успел даже возвысить голос, чтобы поднять тревогу, когда рухнул, сраженный сразу дюжиной винтовочных пуль. И был мертв еще до того, как тело его упало на землю.

Пропели горны. Сбросив одеяла, британские солдаты схватились за ружья, чтобы ответить на огонь, шквалом обрушившийся на них из-за кустов и деревьев возле лагеря.

Выскочив из своей палатки, генерал Буллерс по интенсивности стрельбы отчетливо понял, что до полного истребления остались считанные минуты. Вспышки ружейного огня и плывущие по ветру облака дыма указывали, что атакует весьма значительное войско. Да еще с пушками, понял он, когда взрывы первых ядер проредили шеренги обороняющихся. Да еще с тыла — нападающие преградили армии путь к месту высадки.

— Трубить отход! — крикнул Буллере подбежавшим офицерам. Мгновение спустя шум боя перекрыл чистый голос трубы.

Солдаты не бросились врассыпную, ибо все были ветеранами, видавшими не один поход. Дав залп в надвигающегося противника, они отходили, сохраняя боевые порядки, не срываясь на бег. Вспыхнувшая в небе заря осветила остатки дивизии — отстреливающиеся, пятящиеся неровной цепью. Но каждый шаг уводил их дальше от берега, прочь от надежды на спасение. Небольшими группами они продвигались в задние ряды, где останавливались, чтобы перезарядить мушкеты и выстрелить снова, когда их товарищи пройдут мимо. Времени на перегруппировку просто нет. Остается только сражаться. И найти место, где можно закрепиться.

Сержант Гриффин из Шестьдесят седьмого Саут-Гемпширского почувствовал, как пуля вонзилась в приклад мушкета с такой силой, что его крутнуло вокруг оси. Цепь атакующих почти настигла его. Вскинув мушкет, Гриффин выстрелил в солдата в синем мундире, поднявшегося прямо перед ним. Пуля попала в руку, и солдат, выронив ружье, зажал рану. Боец, шагавший рядом, с пронзительным воплем ринулся вперед, занося

штык по длинной дуге и вонзив в грудь сержанта, когда тот только-только вскинул свое оружие. Провернувшись, штык вырвался из груди, и кровь потоком хлынула из ужасной раны. Сержант попытался поднять свой мушкет, не смог, выронил и сам повалился следом, в последний миг своей жизни с недоумением гадая, почему на убийце серый мундир. Другой был в синем...

Атакующие не мешкали и не колебались. Британских солдат, пытавшихся закрепиться на позициях, уничтожали. Бежавших расстреливали или добивали штыками в спину.

Первое укрытие, где можно было остановиться, дать отпор и предотвратить разгром, генерал Буллере увидел в заросшей вьющимися растениями, покосившейся деревянной изгороди.

— Ко мне! — крикнул он, взмахнув шпагой. — Сорок пятая, ко мне!

Бегущие люди, некоторые из которых были настолько изможденны, что не смогли бы идти дальше, заковыляли к нему, падая на землю под ненадежной защитой изгороди. К ним присоединились остальные, и вскоре британская цепь уже вела непрерывный огонь, впервые за утро.

Наступающие устали ничуть не меньше, но их влекло вперед исступление боя. Борегар быстро

развернул войско в цепь перед изгородью, положив бойцов в высокую траву.

— Найди укрытие, заряжай и пли, ребята! Продержитесь, пока не отдышитесь, до подхода подкрепления. Оно вот-вот подоспеет.

Увидев, как поступил Борегар, Шерман собирал солдат рядом с собой, пока не скопилось изрядное войско. Полевые пушки были уже на подходе, готовясь занять новый огневой рубеж, но ждать их готовности было нельзя, потому что Борегар оказался в опасном положении. Когда Шерман скомандовал наступление, знаменосец Пятьдесят третьего Огайского находился поблизости. Увидев надвигающуюся цепь, англичане сосредоточили огонь на новой угрозе. Пули засвистели вокруг наступающих, выстригая клочья травы.

Услышав крик боли, Шерман обернулся и увидел, что раненый знаменосец падает. Осторожно опустив его на землю, генерал принял из ослабевших рук древко, несущее звездно-полосатое полотнище, поднял флаг высоко над головой и приказал атаковать.

Бегом одолев последние ярды, солдаты Союза бросились на землю среди конфедератов, прикованных к месту плотным огнем. Шерман, по-прежнему сжимая в руке флаг, присоединился

к Борегару, нашедшему укрытие в небольшой рощице, вместе со своими офицерами и группой солдат.

— Пушки на подходе, — сообщил Шерман. — Пусть немного забросают англичан ядрами, прежде чем мы атакуем снова. Как у вас с боеприпасами?

— Отлично. Похоже, перестрелке ребята сегодня предпочитают штыковую.

Шерман оглядел солдат. Выбившиеся из сил, изможденные, с закопченными пороховым дымом лицами и мундирами, они по-прежнему выглядели грозной силой, готовой сокрушить любого врага. Знаменосец конфедератов устало оперся на древко флага. Шерман хотел перезарядить пистолет к следующей атаке, но вдруг обнаружил, что руки его заняты знаменем. Мысли его тоже были заняты, но сражением, так что, даже не подумав, Шерман протянул флаг солдату Конфедерации.

— Держи, парень. Тебе что один нести, что два — труд невелик.

Усталый солдат с улыбкой кивнул, взял второй флаг и связал оба древка вместе.

Никто не обратил на это внимания — все готовились к атаке.

В ту минуту, в пылу боя, звездно-полосатый и

флаг Конфедерации объединились.

И затрепетали на ветру как один, когда прозвучал приказ и солдаты устремились вперед.

Королевские военно-морские пехотинцы встали лагерем на берегу у Билокси, охраняя пушки и склады. Долетевшая с запада орудийная канонада послужила сигналом тревоги, и они уже готовились к выступлению, когда в лагерь приковыляли первые из солдат, ускользнувшие от нападающих. Майор Дэшвуд решительно подошел к спотыкающемуся от усталости пехотинцу и притянул к себе, ухватив за грудки.

— Что там случилось?! Говори!

— Атака... на рассвете. Врасплох. Много ружей, сэр. Солдаты, тоже множество. Генерал приказал отступать...

— Бросать оружие он вам не приказывал. — Отшвырнув солдата на землю, майор зашагал вдоль берега. — Пусть люди займут позиции на укреплениях. Пустите в ход ящики и тюки, пусть они тоже послужат прикрытием. Разверните пушки. Проследите, чтобы люди трудились быстро и на совесть. Лейтенант, до моего возвращения остаетесь за командира. Я отправляюсь туда, чтобы выяснить, что к чему.

Косоглазая лошадь, захваченная после штурма,

отличалась пугливым нравом даже в лучшие времена. Будучи не слишком опытным наездником, майор прибег к помощи двух морских пехотинцев, чтобы взобраться в седло. И галопом, не умея сдержать лошадь, поскакал на шум перестрелки. Довольно быстро отыскав место боя, он сумел остановить лошадь, сильно натянув поводья.

С первого же взгляда стало ясно: битва проиграна. Трупы англичан буквально устилали землю. Они взяли с собой немало врагов, но все-таки недостаточно много. Уцелевшие оказались в окружении и вырваться не могли. В кольце превосходящих сил.

Конечно, можно было бы контратаковать силами морских пехотинцев. Но они тоже окажутся в численном меньшинстве и наверняка не успеют подойти вовремя, чтобы повлиять на исход сражения. Интенсивность огня уже начала понемногу убывать по мере того, как тесный кружок обороняющихся становился все теснее. Песок у ног лошади взметнулся от удара пули, и майор понял, что обнаружен. Неохотно развернул лошадь и галопом поскакал обратно к берегу.

Увидев, что люди уже заняли оборонительные рубежи, укрепив позиции, насколько это возможно, майор приказал морякам спустить на воду

одну из шлюпок и сесть на весла. И направился к «Воителю».

Навстречу полнейшей неразберихе. Шлюпки с других кораблей сбились у трапа, и майору пришлось ждать, пока выйдут старшие офицеры. Когда он наконец поднялся на палубу, там метались матросы, натыкаясь друг на друга, зависнув на вантах, они сворачивали парус, чтобы его не закоптило дымом, валящим из трубы. Младший помощник, с которым Дэшвуд во время плавания делил каюту, надзирал за опусканием телескопического кормового дымохода, и майор направился прямо к нему.

— Дес, что происходит? Мы что, отплываем?

— Да... и нет. — Дес обернулся, чтобы рявкнуть на матроса: — Эй, ты! Смотри, что делаешь! Налегай на шкот! — Знаком отозвав Дэшвуда в сторонку, он продолжал: — Адмирал мертв, очевидно, покончил с собой.

— Кажется, я знаю, почему.

— Видишь вон тот остров, едва виднеющийся на горизонте? Вот это как раз и есть Дир.

Дэшвуд поглядел на остров и перевел взгляд в сторону берега.

— И как же наши замечательные военные моряки совершили этот промах? Ошибочка в

расчеты закралась? — При виде замешательства младшего помощника Дэшвуд холодно усмехнулся. — Мы обнаружили это утром. Сейчас генерал Буллерс развивает наступление. Я должен был последовать за ним, как только будут выгружены остатки припасов. А теперь... мне надо доложить герцогу...

— Уплыл на «Яве».

— А кто же командует?

— Кто знает? Капитан созвал в своей каюте экстренное совещание командного состава.

— У меня для них найдутся свежие дурные вести. — Склонившись к уху приятеля, майор зашептал: — Буллере атакован и разбит. — Развернулся и сбежал по трапу на нижнюю палубу.

У дверей каюты стояли на посту двое его подчиненных, при виде командира вытянувшихся во фрунт.

— Приказ капитана, сэр. Не входить...

— Отойди, Дунбар, или я удавлю тебя твоими же кишками.

Занятые спором капитаны смолкли и устремили взгляды на вошедшего офицера.

— Проклятье, Дэшвуд, я же приказал...

— Так точно, сэр. — Майор закрыл за собой дверь, прежде чем заговорить. — У меня для вас

сквернейшие новости. Генерал Буллерс и вся его армия подверглись нападению. К текущему моменту все либо погибли, либо захвачены в плен.

— Не может быть!

— Уверяю вас. Я отправился туда лично и видел случившееся. Один из солдат, вырвавшихся оттуда, может подтвердить мой доклад.

— Возьмите своих людей и ступайте к ним на подмогу! — выкрикнул капитан «Роял Оука».

— Разве вы здесь командуете, капитан? — холодно осведомился майор Дэшвуд. — Насколько я понимаю, после смерти адмирала моим подразделением командует капитан моего корабля.

— Все погибли? — переспросил капитан Роланд, ошеломленный вестями.

— Или погибли, или попали в плен уж наверняка. Какие будут приказания, сэр?

— Приказания?

— Да, сэр. — Нерешительность капитана вывела Дэшвуда из себя, но он ничем не выдал своих чувств. — Я приказал людям окопаться на берегу. С пушками они смогут сдержать атакующих, но победить им не удастся.

— Что вы предлагаете?

— Немедленное отступление. Бесспорно, наши сухопутные силы со своей задачей не справи-

лись. Предлагаю сократить потери, немедленно выведя войска.

— А вы абсолютно уверены, что наши войска на суше уничтожены? Или будут уничтожены в ближайшее время? — уточнил один из капитанов.

— Даю вам слово, сэр. Если же у вас имеются сомнения, я с радостью отведу вас на поле боя.

— А провизия на берегу, пушки? Как быть с ними?

— Предлагаю забрать, что удастся, уничтожить остальное, пушки разбить. Мы ничего не добьемся, задержавшись хоть на минуту дольше, чем надобно. А теперь прошу простить, мне необходимо вернуться к своему отряду.

Несмотря на безотлагательность решения, командование судило и рядило целый день. Дэшвуд выслал разведчиков, и те донесли, что битва действительно закончилась. Видели, как небольшую группу пленных повели прочь. А вражеские дивизии переформировываются. Стрелки уже выступают и более чем очевидно, что случится дальше. Майор расхаживал взад-вперед по ту сторону укреплений, а в душе его кипела черная злоба против нерешительных моряков. Неужели его морские пехотинцы тоже должны пойти на заклание?

Только под вечер решение было наконец принято. Уничтожить провизию, разбить пушки, посадить морскую пехоту на корабли. Шлюпки только-только успели доставить первую партию людей к транспортному судну, когда марсовый «Воителя» доложил, что на восточном горизонте виден дым.

Не прошло и минуты, как все подзорные трубы во флоте были устремлены в том направлении. Облако дыма разрослось, распавшись на отдельные столбы.

— Насчитываю четыре-пять кораблей, возможно, больше. Идут на форсированной тяге. — Голос капитана Роланда хранил бесстрастность и равнодушие, хотя в душе его росла тревога. — Нет ли блокадного флота в заливе Мобил?

— Согласно последним донесениям, весьма немалый, сэр.

— Да. Я так и думал.

Головные корабли уже полностью вышли из-за горизонта, белея парусами. И остановились на расстоянии много больше пушечного выстрела; большой линкор в центре строя начал разворачиваться.

— Что они еще там затевают? — недоумевал капитан. — Окликните марсового.

— Есть, сэр.

— Убрали трос, сэр. Буксировали какое-то судно.

— Какое именно?

— Не могу толком сказать. Ни разу не видал такого.

Черное судно сидело в воде так низко, что разобрать детали было весьма трудно. Опередив остальные корабли, суденышко медленно двинулось к британской флотилии. Никому так и не удалось опознать его тип, даже когда оно подошло ближе.

Черное, сидящее настолько глубоко, что палубу омывает вода. А посредине — круглое сооружение.

— Будто сырная коробка на плоту, — прокомментировал кто-то из офицеров.

Капитана Роланда охватил неописуемый холод. Именно эти слова он читал в газетах.

— Так что ж это такое? — вслух гадал кто-то.

— Немезида, — едва слышно проронил капитан.

Паровые деревянные фрегаты американцев развернулись полукругом, готовясь вступить в бой с британскими судами, старательно удерживаясь на приличном расстоянии от грозного

стального корабля. И только «Монитор» неуклонно продвигался вперед.

Американцы были уже наготове — пушки заряжены и выкачены. В бронированной рубке на борту «Монитора» лейтенант Уильям Джефферс направил подзорную трубу в сторону стоящих на якоре судов.

— Атакуем броненосец, пока он не тронулся. Это либо «Воитель», либо «Черный принц». Насколько мне известно, других железных кораблей в британском флоте нет. Наши агенты сообщили все подробности их конструкции и устройства.

«Воитель» выбирал якорь и разводил пары. Корма корабля была обращена к атакующему «Монитору», и первый помощник охнул, увидев ее.

— Корма, сэр... да она же не бронирована! Там какая-то машина, лебедка, что ли, станина какая-то.

— Верно, — подтвердил Джефферс. — Я читал описание в рапортах. Когда корабль идет под парусом, винт для снижения сопротивления поднимают из воды. Так что корма не покрыта броней. Равно как и нос.

— Да мы потопим его в два счета!

— Это будет не так-то просто. В донесениях раз-

ведки приводятся мельчайшие подробности его конструкции. Корпус сделан из стали дюймовой толщины, но это корабль внутри корабля. Все основные батареи находятся в цитадели — бронированном коробе внутри судна. Их тридцать две — двадцать шесть шестидесятивосьмифунтовых и шесть стофунтовок. Он превосходит нас по числу пушек, но не по калибру. С нашими Дальгренами нельзя не считаться. Но цитадель эта сделана из четырехдюймовых сварных стальных плит, подкрепленных двенадцатью дюймами тикового дерева. Взять его не так-то просто.

— Однако попытаться можно?

— Несомненно. Наши ядра отлетали от «Мерримака», потому что у того были выпуклые борта. Мне хочется поглядеть, как сработает ядро одиннадцатидюймового орудия системы Дальгре-на против этой цитадели с ее вертикальными бортами.

Словно комар напал на слона. Вовсю дымя короткими толстыми трубами, крохотный стальной «Монитор» устремился к длинной черной громаде «Воителя», угрюмой и грозной. Пуленепробиваемые заслонки орудийных портов отъехали кверху, и жерла больших пушек выдвинулись наружу. Загодя заряженные пушки

выстрелили как одна, изрыгнув широкую полосу огня, и стальные ядра с воем устремились через разделяющую корабли дистанцию.

Без какого-либо видимого результата. Башню развернули, чтобы орудия обратились прочь от британского броненосца. Ответный залп тоже ничего не дал. Большинство ядер пронеслось мимо крохотной мишени, а два-три, попавших по восьмидюймовой броне башни, отскочили, не причинив ни малейшего вреда. «Монитор» с пыхтением двигался вперед на своей предельной скорости почти в пять узлов. Когда он приблизился к черному кораблю, под башней зашипел пар, проворачивая шестерню, сцепленную с зубчатым колесом под основанием башни. Под лязг громадных шестерен башня развернулась, так что жерла обеих пушек оказались в считанных футах от высокого борта «Воителя».

И выстрелили. Ядра пробили броню, сея хаос и разрушение на орудийной палубе. Отдача швырнула пушки назад, они заскользили по рельсам под визг тормозных башмаков — металл о металл — и остановились.

— Заряжай!

Коленчатые банники с шипением прошлись по стволам пушек. Затем на место забили заряды,

за которыми последовали ядра, поднятые железными клешнями при помощи цепных лебедок. Через две минуты пушки были готовы к выстрелу, и потные, чумазые канониры налегли на лямки, выкатывая орудия на огневую позицию.

К тому времени «Монитор» зашел к стальному кораблю с кормы, едва не касаясь высокого руля. Несмотря на огневую мощь английского броненосца, на корме у него была одна-единствен-ная турельная пушчонка, и ее выстрел не дал ничего.

Обе пушки «Монитора» рявкнули в один голос, вогнав ядро в корму и пробив дюймовую сталь корпуса. Там «Монитор» и лег в дрейф, дожидаясь, пока орудия будут перезаряжены. Прошли две минуты. Морские пехотинцы выстроились вдоль планширa, безрезультатно паля из мушкетов по стальному суденышку. Из труб «Воителя», разводившего пары, клубами валил дым. Якорь уже подняли, и черная громада начала разворачиваться, чтобы направить орудия на крохотного неприятеля.

Затем «Монитор» выстрелил снова. Висевшая на корме шлюпка разлетелась в щепки, а вместе с ней и массивное перо руля.

Винт «Воителя» уже начал вращаться, и тяже-

лый корабль двинулся прочь. Развернуться без руля он уже не мог, но зато мог ускользнуть от сокрушительной атаки.

В тишине между выстрелами экипаж «Монитора» отчетливо слышал цокот пуль по обшивке; перевешиваясь через фальшборт, пехотинцы продолжали тщетный обстрел из мушкетов. Но когда игрушечный корабль северян вышел из-за кормы и двинулся вдоль борта, он опять натолкнулся на более существенную угрозу шестидесятивосьми- и стофунтовых орудий. Как только он оказался на прицеле, канониры британца открыли беглый огонь, даже не выкатывая пушки вперед. Железные ядра обрушились на железный кораблик, как множество молотов на наковальню, с лязгом и грохотом осыпая башню и корпус ударами.

Без видимых результатов. Круглому ядру не под силу пробить подобную сталь, как обнаружил «Мерримак». Но «Мерримак» был неуязвим для ответного огня. А вот британец — нет. «Монитор» удерживал свою позицию у борта броненосца, отвернув башню для перезарядки. Перезарядка и залп, каждые две минуты. В конце концов «Воителю» пришлось остановить машину, потому что он шел прямо на берег. «Монитор» двигался

за ним как приклеенный, повторяя каждый маневр, ведя непрерывный обстрел, круша броню цитадели, уничтожая пушки и разлетающимися обломками стали и дерева кося канониров.

А вокруг двух сцепившихся в схватке кораблей неистовствовал морской бой. Схватка шла не на жизнь, а на смерть, деревянные корабли против деревянных кораблей. Однако все американские корабли ходили на пару, что давало им неоценимое преимущество против британских парусников. Пушки изрыгали пламя и сталь; безоружные транспорты держались в море, стремясь избежать бойни.

Теперь, когда большинство пушек британского броненосца было выведено из строя, лишенные брони американские суда подошли, чтобы включиться в битву против «Воителя». Их мелкокалиберные пушки не могли пробить броню, но зато сметали всех и вся на палубах. Три исполинские мачты и реи броненосца были сделаны из дерева. Шквал американских ядер сперва подкосил грот-мачту, с оглушительным треском рухнувшую на палубу, парусами и реями давя оказавшихся под ней. Далее последовала бизань, сея свою долю смертей и разрушений. Парусина и рангоут, свисающие вдоль бортов, заслонили

орудийные порты, так что огонь совершенно прекратился.

«Монитор» сдал назад. Капитан Джефферс кивком одобрил сокрушительный результат.

— Славная работа. Оставим ему последнюю мачту, потому что теперь он не скоро отправится в плавание.

— Если вообще отправится! — воскликнул старший помощник, указывая на броненосец. — «Наррагансетт» зацепился за нос и берет его на абордаж!

— Отлично сработано. Теперь, когда стальной корабль вышел из боя, нам пора подумать о деревянных. Надо помочь нашим. Освободить часть кораблей, чтобы они переключились на транспорты. Надо подбить как можно больше судов, пока они не удрали. Если не сдадутся, пустим их на дно. — В улыбке его стыл лед, в душе кипел гнев. — Мы славно утерли нос этому кичливому британскому военному флоту, так что они надолго запомнят.

Знаменательное событие

— Может, видал я и худшие дни, Джон, но что-то не припомню когда.

Президент сидел в своем стареньком кресле,

устремив остановившийся взгляд на телеграмму, врученную ему Николаем. Он сильно сдал и похудел настолько, что его потрепанный черный костюм висел на нем как на вешалке. Со времени смерти Вилли Линкольн почти не ел, почти не спал. Его смуглая кожа приобрела желтушный оттенок, под глазами залегли черные круги. Новая война пошла весьма скверно. По кабинету с сердитым жужжанием кружил слепень, снова и снова колотясь головой в стекло полуоткрытого окна. В комнате рядом с кабинетом Линкольна затарахтел недавно установленный телеграфный аппарат, отбивая только что полученное сообщение.

— Скверные новости теперь доходят до меня намного быстрей, с тех пор как у нас под рукой эта адская машинка, — заметил Линкольн. — Видел ли телеграмму военный министр?

— Да, сэр.

— Тогда, мне кажется, он скоро будет здесь. Бедные мальчики в Платсберге. Ужасная жертва.

— Они задержали англичан, господин президент.

— Но ненадолго. Порт Генри захвачен и пылает, а от генерала Халлека все еще ни слова.

— В его последних донесениях сказано, что

он формирует оборонительный рубеж в форте Тайкондерога.

— Неужели мы обречены на неустанное повторение истории? Помнится, мы бежали от британцев точно там же?

— Это было стратегическое отступление, к несчастью начавшееся Четвертого июля.

— Я уповаю, что Халлек не станет повторять именно этот маневр.

— Сейчас к нему уже должны были подоспеть дивизии Гранта. Вместе они являют собой грозную силу.

— Но пока они еще не вместе. Англичане съедят нас с потрохами. А что это за таинственная телеграмма от генерала Шермана? Разъяснения не поступали?

— Пока что не удалось выяснить. Часть телеграфных линий оборвана, и, как мне сказали, послания пытаются направить обходным путем. Пока же у нас имеется только обрывочное, искаженное донесение — что-то о движении на юг и какое-то упоминание о генерале Борегаре.

— Продолжайте выяснять, загадок я не терплю. В любое время, а уж тем паче в военное. И отмените все посещения на сегодня. Я уже не могу видеть этих претендентов на должности,

воплощающих пагубную угрозу моему здоровью.

— А собралась довольно большая толпа. Некоторые ждут с рассвета.

— Я не испытываю к ним сочувствия. Известите их, что дела государственные имеют первостепенную важность. Хотя бы на сей раз.

— Не сделаете ли вы единственное исключение, сэр? Здесь находится английский джентльмен, только что прибывший на борту французского судна. У него имеются рекомендательные письма от виднейших людей Франции.

— Англичанин, говорите? Вот так загадка, причем весьма интригующая! Как его зовут?

— Мистер Милл, Джон Стюарт Милл. В своей сопроводительной записке он пишет, что располагает сведениями, которые помогут нам в этой войне за свободу Америки.

— Если он английский шпион, то Фокс наверняка с радостью повидается с ним.

— Я сомневаюсь, что он шпион. Рекомендательные письма говорят о нем как о весьма видном натурфилософе.

Линкольн откинулся на спинку скрипнувшего кресла и вытянул свои длинные ноги.

— Его я приму. В наши дни, полные отчаяния, приходится хвататься за каждую соломинку.

Быть может, за разговором мне удастся отвлечься и на время забыть об осаждающих нас бедах. Не ведомо ли хотя бы намеком, каким образом его сведения могут помочь нам?

— Боюсь, нет. Загадка.

— Что ж, давайте разгадаем эту загадку. Пригласите этого джентльмена.

Милл оказался мужчиной среднего возраста, лысеющим и розовощеким, аккуратно одетым и весьма любезным. Представившись, он слегка поклонился и пожал президенту руку. Затем положил две принесенные с собой книги на стол и сел, откинув фалды фрака.

— Мистер Линкольн, — произнес он торжественным, взволнованным голосом. — Я восхищался американским экспериментом много лет. Я с пристальным интересом следил за вашей избирательной системой, за действиями нижней палаты и Сената, за судебной системой и полицией. Конечно, они далеки от идеала, и тем не менее я полагаю, что во многих отношениях у вас единственная свободная страна в мире — единственное демократическое государство. Считаю, что мир видел довольно королей и тиранов и должен ныне отыскать путь к демократии. Теперь же ваше благородное дело оказалось под угрозой,

исходящей от моей собственной страны; хотя я не приложил руки к сему прискорбному деянию, но считаю своим долгом все равно попросить прощения. Однако эта трагедия побудила меня к неожиданным действиям, потому-то я и здесь. По смерти моей дорогой супруги мы с дочерью уехали во Францию, ибо я решил удалиться от мира, дабы написать свои книги и ждать часа, когда смогу воссоединиться с ней. Но этому не суждено было сбыться. Необходимость изгнала меня из тишины кабинета обратно на мировую арену. Я здесь, дабы, если позволите, помочь вашей юной демократии и, снова-таки если позволите, помочь направить ее на тропу грядущего процветания.

— Как и вы, я полагаю, что американский эксперимент — последняя, светлая надежда человечества, — кивнул президент. — Вы в самом деле производите впечатление человека вдохновенного, мистер Милл. Но, никоим образом не желая вас обидеть, я все-таки вынужден сказать, что ныне мы больше нуждаемся в людях, умеющих сражаться, нежели в людях мыслящих. Однако прошу вас, не чувствуйте стеснения и расскажите, как вы намерены к этому подойти.

Подавшись вперед, Милл постучал указатель-

ным пальцем по книгам.

— Если вы внимательно поищете, то найдете ответ на свой вопрос здесь, в моих «Принципах политической экономии». Небольшой подарок для вас.

— Вы очень добры, — Линкольн подтащил к себе книги через стол и открыл первый том, с улыбкой глядя на страницы, заполненные убористым шрифтом. — Я всегда запоем читал литературу по натурфилософии. Я весьма восхищен теориями Фрэнсиса Вейланда[13], чьи работы вам наверняка известны. Мистер Вейланд полагает, что труд является источником удовлетворения всех человеческих нужд, труд превыше капитала, капитал возникает как результат труда. Впрочем, я уклонился в сторону. Я с нетерпением жду возможности прочитать ваши книги. Насколько позволит бремя забот военного времени.

Милл с улыбкой приподнял открытую ладонь.

— Первым делом война, господин президент. Отложите их в сторону до более спокойных времен. Вы обнаружите, что мы с Фрэнсисом Вейландом сходимся во мнениях по очень многим

---

[13] Примечания: 13

Фрэнсис Вейланд (1796 — 1865) — американский священник и просветитель. Написал множество трудов на разные темы. В 1837 году опубликовал книгу «Начала политической экономии».

вопросам. Если позволите, я вкратце изложу для вас свои чувства и теории в упрощенной форме. Прежде всего, я поддерживаю вашу позицию в данной войне, поскольку воспринимаю ее как борьбу против рабства. Но, как англичанин, я держался в стороне от конфликта, полагая, что лично к нему не причастен. Теперь же я считаю, что моя позиция была ошибочной. Я более не могу быть безмолвным зрителем. Агрессия моей страны против вашей является актом исключительно безнравственным, каковому нет прощения.

— Уверяю вас, никто не станет оспаривать вашего мнения.

В дверь быстро постучали, и на пороге появился озабоченный Джон Хей с телеграммой в руках.

— Могу ли я поговорить с вами о... по весьма щепетильному вопросу, господин президент?

— Я подожду за дверью, — сказал Милл, подымаясь. — Можем ли мы продолжить нашу беседу?

— Конечно.

Подождав, пока дверь закроется, Хей передал телеграмму Линкольну.

— Не знаю, что все это значит, сэр, но если это правда, то эти вести гораздо лучше, чем новости из штата Нью-Йорк.

Взяв телеграмму, Линкольн вслух зачитал:

— «Группа офицеров Конфедерации миновала наши позиции согласно условиям перемирия в Йорктауне. Ныне под конвоем направляются в Вашингтон. Делегацию возглавляет генерал Роберт Э. Ли».

Президент опустил листок, и Хей понял, что еще ни разу в жизни не видел на его лице столь безмерного изумления. Будучи адвокатом, Линкольн научился держать свои эмоции при себе. Люди всегда видели на его лице то выражение, которое он хотел им показать. Всегда — но не на этот раз.

— Вы имеете хотя бы самое смутное представление, что к чему? Да нет, вряд ли. Если выражению вашего лица можно доверять, то вы так же озадачены, как и я. Телеграфируйте тому, кто это послал, и попросите разъяснений. А заодно созовите Кабинет для внеочередного заседания. Это... экстраординарно. А я пока закончу беседу с мистером Миллом. Ступайте и позовите меня, когда Кабинет соберется.

Из этой телеграммы ничего не поймешь. Что происходит? И что это за таинственное послание от генерала Шермана? Нет ли тут какой-то связи? Линкольн погрузился в такие глубокие раздумья, что даже не заметил возвращения Милла,

пока тот не привлек его внимания деликатным покашливанием. Усевшись снова, Милл быстро перешел к делу:

— Выходя, я думал о словах, сказанных вами. О том, что вам нужны люди, умеющие сражаться, а не мыслители...

— Прошу прощения, если мои слова смутили вас, поскольку я вовсе не намеревался вас оскорбить.

— Никоим образом, сэр, правду говоря, как раз напротив, но вы все-таки нуждаетесь в мыслителях, способных проложить курс к благополучному будущему. Я хочу напомнить вам о другом англичанине — фактически говоря, о другом философе. О Томасе Пейне, писавшем, рассуждавшем и споривше о причинах вашей Американской революции. Он знал, что причины, по которым люди вступают в войны, не менее важны, чем сама борьба. Говорят, что маленькие люди продвигают человечество вперед, стоя на плечах великанов. Пейн и ваши отцы-основатели были воистину гигантами, и возможно, стоя на их плечах, эта страна сможет провести Вторую Американскую революцию, которая построит новое будущее. Эта война не может длиться вечно, но Америка должна выстоять, выжить и расцвести.

И, быть может, вы должны стать той направляющей дланью, которая обеспечит ее благополучие. Положение, которое негры занимают в вашем обществе ныне, весьма противоречиво. Эту ситуацию следует переменить. И я знаю, как этого добиться...

Линкольн слушал с таким пристальным вниманием, что вздрогнул, когда секретарь постучал в дверь.

— Мистер Милл, настоятельная необходимость вынуждает меня провести это исключительно важное заседание Кабинета незамедлительно. Но вы обязательно должны вернуться и развить свои идеи. Я всем сердцем согласен с вашими воззрениями и питаю надежду, что, может быть, вы окажете мне неоценимую помощь в разрешении моих наиболее трудных политических проблем.

Совещание Кабинета министров было весьма кратким.

— Не располагая дальнейшей информацией, — сказал Чейз, — мы не можем принять никаких решений по этому вопросу.

— Может, они хотят поговорить об условиях сдачи? — с надеждой в голосе предположил Сьюард.

— Вряд ли, — возразил Линкольн. — У нас со-

вершенно нет оснований полагать, что они хотят конца этой войны. Во всяком случае, в столь внезапной и нехарактерной для себя манере. Поразмыслив над этим, вы должны осознать, что в данный момент южане находятся в более выгодном положении, чем когда-либо с начала войны. Вдумайтесь, они могут сидеть сложа руки, позволив англичанам выиграть эту войну вместо них. А затем нанести удар, когда решат, что мы ослаблены до предела. Предложение сдачи — наименее вероятная причина для подобной встречи. Мы должны выяснить их намерения. Мы встретимся с ними, и я предлагаю, чтобы наши военные советники тоже присутствовали на этой встрече, поскольку их посольство состоит только из армейских офицеров, во всяком случае, так меня информировали.

Было решено, что помещение Кабинета министров чересчур мало для подобной встречи, если на ней будет присутствовать еще и генералитет армии и военного флота. Так что все собрались в недавно отремонтированной Голубой комнате, где Мэри Линкольн подала им чай, чтобы скрасить ожидание. Хей тихонько подошел к президенту сбоку.

— Единственное, что нам удалось выяснить,

это то, что генерал Ли настаивал на разговоре с вами лично.

— Ну, я приклоню к нему слух, это уж определенно.

Уже сгущались сумерки, когда кавалеристы и экипажи под цокот копыт и тарахтение колес подъехали к парадному крыльцу Белого дома. Ожидавшие военные вытянулись чуть ли не во фрунт, а сидевшие члены Кабинета встали. Дверь распахнулась, и в комнату широкими шагами вошел генерал Роберт Э. Ли, главнокомандующий армией Конфедерации — по-военному осанистый, седобородый и угрюмый, выше шести футов ростом, почти такой же высокий, как президент. За ним следовала небольшая группа мрачных офицеров в серых мундирах. Сняв шляпу, Ли шагнул вперед, оказавшись лицом к лицу с Авраамом Линкольном.

— Господин президент, я доставил вам послание от мистера Джефферсона Дэвиса, президента Конфедерации.

Теперь Линкольн уже снова владел своим лицом и лишь кивнул, чуточку поджав губы в знак молчаливого внимания, когда Ли продолжал. Хоть Линкольн и не признал законности титула Джефферсона Дэвиса, упоминать об этом счел

неуместным.

— Если позволите, мистер Линкольн, в силу конфиденциальной природы моего послания я бы хотел передать его вам с глазу на глаз.

Среди слушателей прокатился тревожный ропот, и Линкольн поднял руку, выжидая, когда в комнате снова воцарится молчание.

— Джентльмены, — сказал он строго, — я намерен удовлетворить эту просьбу. Я уверен, что главнокомандующий армией Конфедерации — человек чести и не причинит мне вреда.

— Совершенно верно, мистер Линкольн. В знак доброй воли я оставлю свою шпагу у подчиненных.

Ли тотчас же выполнил свое обещание, сняв шпагу с портупеи вместе с ножнами и передав ее ближайшему офицеру-южанину.

Присутствующие не знали, как быть, но, когда Линкольн повернулся к двери, расступились, уступая дорогу высокому президенту и суровому, подтянутому генералу. Оба медленно вышли из комнаты и поднялись по широкой лестнице — пусть не рука об руку, но хотя бы плечом к плечу. Миновав стол клерка, глядевшего на них широко распахнутыми глазами, вошли в кабинет Линкольна. Закрыв дверь, Линкольн заговорил:

— Будьте любезны, присядьте, генерал Ли. Уверен, поездка была весьма утомительной.

— Спасибо, сэр.

Если поездка и была утомительной, Ли этого ничем не выказал. Сняв свою серую полевую шляпу, он положил ее на край стола, потом присел на краешек стула, выпрямившись, будто аршин проглотил. Линкольн опустился в свое кресло.

— Будьте любезны, изложите ваше послание, генерал Ли.

— Позвольте сперва спросить, сэр, дошли ли до вас вести о недавних событиях в Билокси, штат Миссисипи?

— Практически никаких.

— Простите, мистер Линкольн, я не намерен выпытывать ваши военные секреты, но этот вопрос находится в крайне тесной связи с ситуацией в Билокси. В отношении этого, простите за вопрос, не получали ли вы каких-либо известий от вашего генерала Шермана?

Линкольн задумался. Надо ли выдавать военные дела Севера этому компетентнейшему из генералов Юга? Конечно, подобный вопрос абсолютно несущественен по сравнению с присутствием Ли в Белом доме. Настал час для откровенности.

— Искаженное и неполное, так что понять мы его не смогли. Вам что-нибудь об этом известно?

— Так точно, сэр, потому-то я и здесь. Позвольте ввести вас в курс дела. Ваша страна была атакована британцами по суше с севера, и в то же самое время Конфедерация подверглась агрессии с моря на юге.

— Подверглась чему?..

— Агрессии британцев, мистер Линкольн, внезапной, жестокой и безо всякого предупреждения. Они уничтожили батарею и береговые укрепления перед Билокси. Наши люди бились отважно, но были в численном меньшинстве, и погибли очень многие. Но особо ужасен, сэр, тот факт, что враг преследовал солдат до самого города Билокси, каковой впоследствии был сожжен и разрушен. Не удовлетворившись этой оргией уничтожения, звери — иначе описать тварей, подобных этим солдатам, я не могу — также совершили неописуемое насилие над женским населением упомянутого города.

Президенту с трудом удавалось скрыть свое недоумение по поводу нового оборота событий. Ему оставалось только слушать.

— Известно ли вам, по... по какой причине они совершили подобное?

— Мы не знаем, почему они так поступили, но знаем, что это совершилось. Без объявления войны они вторглись на нашу землю, убивая, насилуя и грабя. Прежде чем город был сожжен, защитники успели телеграфировать о случившемся. Президент Дэвис связался с генералом Борегаром, находившимся на севере

Миссисипи, ибо его войска пребывали ближе всех к агрессорам. Борегару было приказано немедленно следовать в южном направлении, чтобы встретить британских захватчиков. Насколько я понимаю, генерал Борегар попросил генерала Шермана о перемирии, дабы вступить в битву с тем, кого он назвал естественным врагом обеих наших стран.

— Так вот о чем было послание от Шермана! Должно быть, он пошел на перемирие.

— Так точно, и даже более того, мистер Линкольн. — Ли мгновение поколебался, понимая важность слов, которые скажет дальше. — Должно быть, он считал, что это вторжение является вторжением в нашу страну, и неважно, на Север или на Юг. Ибо он совершил весьма благородное и отважное деяние. Он не только пошел на перемирие, но также направился на юг с дивизией Борегара, взяв с собой полк своих северных войск.

По железной дороге они сумели обойти войска захватчиков с фланга. В последнем донесении говорилось, что они атаковали и разбили англичан. Бились рука об руку. Джонни Бунтарь и Янки — бок о бок.

Линкольн лихорадочно соображал, пытаясь охватить рассудком все последствия разом. Генерал Шерман принял смелое решение и отважился. Он сделал это на свой страх и риск, не совещаясь с командованием. А дал бы он свое согласие, если бы Шерман попросил? Или долго медлил бы, прежде чем принять столь отчаянное решение, которое может завести очень далеко? Линкольн просто не знал. Быть может, отнюдь не случайно телеграмма была так искажена. Решаясь перейти к действиям, Шерман наверняка понимал, что обратной дороги не будет. Ну, теперь былого не воротишь. Но какие выводы можно сделать из этого эпохального решения и важнейшей победы? Решать пока слишком рано, надо побольше узнать о сложившейся ситуации. Линкольн пристально посмотрел на конфедератского генерала.

— Я заключаю, что эти сведения не являются посланием от мистера Дэвиса, а просто вводными фактами, которые мне необходимо знать, чтобы

вникнуть в суть послания, которое он передал.

— Совершенно верно, сэр. Президент Дэвис приказал мне сперва рассказать вам о совместной битве против нашего британского врага, затем передать его чистосердечную благодарность за эту неоценимую помощь. Он официально спрашивает вас, не согласитесь ли вы объявить перемирие на всех фронтах, и как можно скорее. Когда перемирие будет достигнуто, оно предоставит возможность президенту Дэвису и вам встретиться, чтобы обсудить, что последует за этим знаменательным событием.

Откинувшись на спинку кресла, Линкольн испустил долгий вздох, только сейчас осознав, что непроизвольно сдерживал дыхание. Когда важность сказанного дошла до рассудка, его охватило ликование, равного которому он не испытывал ни разу в жизни. Не в силах усидеть, президент подскочил и начал выхаживать взад-вперед по комнате, потом повернулся и схватился за лацканы фрака, чтобы скрыть, как трясутся руки. И с трудом совладал с голосом, чтобы тот не дрожал.

— Генерал Ли, не могу выразить, насколько сильные чувства владеют мной сейчас, когда в душе вновь вспыхнула надежда, что хотя бы на время эта кровопролитная братоубийственная

война может быть остановлена. Я говорил несчетное число раз, на людях и в частных беседах, что пойду на все, отправлюсь куда угодно, решусь на любые действия, которые могут помочь остановить эту войну. Передайте мистеру Дэвису мои слова о том, что перемирие начинается незамедлительно, как только все наши войска будут оповещены.

— Президент предлагает, чтобы перемирие началось сегодня в полночь, поскольку наши войска также следует уведомить.

— Согласен, генерал, согласен всем сердцем. Тогда перейдем к столь же существенным практическим вопросам. Нет ли у мистера Дэвиса каких-либо предложений касательно того, где может произойти наша встреча?

Генерал Улисс С. Грант ненавидел всякие проволочки, какими бы короткими они ни были. Но резервуар локомотива почти опустел, да и уголь требовалось загрузить. Состав с лязгом проехал через стрелку на запасной путь в южных предместьях города Тайкондерога, штат Нью-Йорк. Сам город застилало чудовищное облако; вдали рокотала канонада. Спустившись на землю из своего вагона, прицепленного прямо за паровозом, Грант закурил сигару. Он был бы не прочь

заодно пропустить глоточек виски, но знал, что позволить этого себе не может.

— Пошлите гонца на станционный телеграф, — велел он адъютанту. — Может быть, пришло новое послание от генерала Халлека. Можете отпустить солдат размять ноги, но велите им дальше пятидесяти ярдов от поезда не отходить.

Пролетело уже полдня с тех пор, как с севера пришла весть о вражеском вторжении. Разбив защитников Платсберга, британская армия двинулась на юг, в долину Гудзона. Задержавшись ровно настолько, чтобы сжечь Порт-Генри, она продолжила свой марш на юг. Халлек телеграфировал, что его ополчение и добровольческие полки намерены закрепиться у форта Тайкон-дерога. Больше от него вестей не поступало. За этим поездом с часовым отставанием следуют еще два с войсками с запада; хочется надеяться, будут и еще. Грант понимал, что должен доставить подкрепление Халлеку без малейшего промедления.

С северной стороны донесся паровозный гудок, и минуту спустя показался пыхтящий паровоз с одним-единственным товарным вагоном. Приблизившись к воинскому эшелону, он замедлил ход, и Грант разглядел в кабине человека в офицерском мундире. Паровоз со скрипом затор-

мозил, и офицер спрыгнул на землю — довольно неуклюже, потому что забинтованная правая рука висела у него на перевязи. Когда он поспешил к группе офицеров, Грант заметил сквозь открытую дверь товарного вагона, что тот полон ранеными солдатами. Остановившись перед Грантом, перевязанный лейтенант — грязный, окровавленный, с застывшим в глазах безумным выражением — поднял подрагивающую левую руку в подобии воинского салюта.

— Генерал... — начал он, но не договорил.

— Из какого вы подразделения, лейтенант? — негромко, ласково спросил Грант.

— Четырнадцатый Нью-йоркский полк, сэр.

— Вы из войск генерала Халлека? — Раненый тупо кивнул. — Расскажите мне, как идет бой.

Офицер сумел взять себя в руки, и застывший в его взгляде страх понемногу пошел на убыль.

— Есть, сэр. Мы занимали оборонительные позиции в центре форта Тайкондерога. Разведчики донесли, что вражеские войска приближаются. Они нанесли удар по нам, как только мы окопались. Ядро попало мне прямо в руку. Сначала шел артиллерийский обстрел, настоящий огневой вал. После этого они двинулись на нас цепями, стреляя на ходу. Очень их много, очень много. Не

знаю, долго ли мы держались, сам-то я не видел. Он... то есть майор Грин велел мне погрузить раненых в поезд. Он погиб. Затем все как-то сразу пошло наперекосяк — солдаты бегут, красномундирники гонятся за ними и убивают... — Он покачнулся, потом снова взял себя в руки. — Мы загрузили часть раненых, времени не было, железнодорожники успели прицепить только один вагон. Они разбили нас, сказал майор. Солдаты бежали во все стороны. Я видел их. — Он прикрыл глаза и едва не рухнул. Бросившись вперед, адъютант Гранта поддержал падающего лейтенанта. Глаза раненого открылись, и он заговорил шепотом, почти не видя стоящей перед ним группы офицеров: — Майор Грин сказал мне. Генерал, генерал Халлек. Он видел, как тот погиб в атаке... Потом майор тоже погиб.

— По вагонам, — приказал Грант. — Если при раненых в этом товарном вагоне нет доктора, позаботьтесь, чтобы он был. С медикаментами. Поехали.

Пока остальные рассаживались по вагонам, Грант уже изучал карту. Оглядев собравшихся офицеров, он толстым пальцем постучал по карте.

— Вот, вот где мы займем позиции и остановим

их. Мы уже останавливали их там прежде. В Саратоге. Весьма неприступная местность, но нам придется преградить им путь и удерживать их только теми силами, которые имеются в нашем распоряжении. Подкрепление уже в пути, но нам неизвестно, когда оно прибудет. — Он яростно затянулся сигарой. — Мы должны выстоять, понимаете вы это? Сейчас мы отступаем, потому что у нас нет выбора. Но это в последний раз. Мы должны выстоять. А после этого не отступать ни на дюйм.

Раздался гудок, и все покачнулись — паровоз дернулся, по составу пробежал лязг сцепок, а потом поезд пришел в движение и начал набирать скорость.

Назад. Задним ходом. Гранту это было не по душе, он ненавидел отступать, однако выбора не было.

Но это в последний раз.

С ног на голову

— Пожалуй, столько кавалерии нам теперь не понадобится, — заметил Линкольн, глядя из окна вниз, на всадников, под цоканье копыт подъезжающих по дороге к Белому дому, обрисовываясь темными силуэтами на фоне разгорающейся

зари. — Теперь, в свете изумительных последних подвижек.

— Я сказал почти те же слова майору, который ими командует, — отозвался Хей, укладывая свои гроссбухи в саквояж. — Ответил он весьма твердо: пока не поступит иной приказ, сказал он, за порогом этого здания вы всегда должны быть окружены его кавалеристами. Тот убийца подобрался к вам настолько близко, что прострелил шляпу, когда вы прогуливались в одиночестве. Пока что людей, затаивших злобу на старину Эйба, у нас хватает.

— Что ж, наверное, вы правы. Не удалось ли вам связаться с генералом Шерманом?

— Удалось. С тех пор как мы подключили свои линии к телеграфной сети конфедератов в Йорктауне, перед нами распахнулся целый мир. Генерал Шерман уже поднялся на борт корабля ВМФ США «Айтаска» в Билокси и направляется нам навстречу. Поначалу, при подходе нашего корабля к гавани, высказывались опасения, особенно когда там выстрелили из пушки. Но то был всего лишь салют, поскольку там первыми узнали, что наши войска помогли отплатить за их разорение. Фактически говоря, им лишь через несколько часов удалось вырваться с приема в

честь Шермана.

— Рад слышать. Значит, перемирие не просто передышка в боях. Что ж, давайте тронемся в путь, пока Камерон или Сьюард не прослышали о нашем раннем отправлении.

— Быть может, государственному секретарю... — нерешительно начал Николай, но президент не дал ему договорить:

— Я все для себя решил, Нико, и вам об этом известно. Если мы с Джефферсоном Дэвисом не сможем прийти к соглашению, никакая свора политиков ничем нам не поможет. Вы понимаете, какая возможность сама идет к нам в руки?

— Я ни о чем другом и думать не могу, сэр, всю ночь ни на миг глаз не сомкнул.

— Как и я, мой мальчик, как и я. Нет ли каких-либо вестей о перемирии?

— Введено с полуночи. Были единичные перестрелки с обеих сторон, но лишь в тех частях, до которых вести еще не дошли. Но теперь уже все стихло.

— Отлично. Вот и поглядим, не освежит ли нас небольшая прогулка на яхте.

Президент вышел из кабинета первым, а тяжело нагруженные секретари — следом. Белый дом замер в совершеннейшем безмолвии: спали

все, кроме часовых. Линкольн сел верхом, а его секретари погрузили багаж в коляску. На самом деле высоким ростом — шесть футов и четыре дюйма — президент был обязан в основном своим длинным ногам, так что, сидя верхом в гуще кавалеристов, он особо не выделялся. Они припустили неспешным аллюром вдоль Пенсильвания-авеню, мимо благоухающего свежестью канала и выехали к Потомаку.

Поднявшись на борт «Ривер Квин», президент почувствовал себя намного лучше. С ногами сев на лавку у перил, он охватил колени руками, глядя, как отдают швартовы. Двигатель мерно затарахтел, и зеленые холмы Виргинии медленно заскользили мимо.

— Возле железнодорожной станции Вест-Пойнт будут ждать конфедератские войска, — пробормотал Николай, дергая себя за жидкую бородку.

— Еще бы им там не быть, Нико, раз уж их армия размещается там. Не сомневаюсь, что они с огромным энтузиазмом будут приветствовать Джеффа Дэвиса, когда тот прибудет поездом из Ричмонда. Это ведь я решил встретиться на территории Юга, раз они оказались настолько любезны, что послали Ли и его людей на нашу. Генерал Шерман присоединился к ним без коле-

баний и двинулся маршем через весь Юг, так что пойти на меньшее я никак не могу. Если конфедераты и представляют какую-то угрозу, то горстка кавалеристов и пушки этого корабля ничего не решат. Нет, вместо этого нам следует положиться на дух доброй воли, посеянный генералом Шерманом. Ведь именно он пошел на величайший риск, и мы должны преклоняться перед его отвагой и мужеством. Он встретил опасность грудью, исполнил свой долг так, как воспринимал его, — и сделал эту встречу возможной.

— Почему они пошли на такое?

Линкольн понял, о ком речь, потому что тот же вопрос не выходил из головы у всех и каждого.

— Пока не знаем. Захваченные в плен британские солдаты, как и солдаты всякой армии, просто следовали приказам. Я слышал, в плен попал и офицер, но он тяжело ранен. Впрочем, в чем бы ни состояла причина нападения англичан на Юг, мы должны просто принять этот факт и выжать из него как можно больше. Подобная возможность уже не повторится. Молюсь лишь, чтобы Джефф Дэвис разделял мнение большинства из нас.

Над берегом дрожало жаркое летнее марево, но над заливом Чесапик веял прохладный морской бриз, так что путешествие доставляло

настоящее удовольствие. Жара вернулась, только когда пароходик свернул в реку Йорк. Она была судоходной и сужалась лишь после пристани у станции Вест-Пойнт. Остановив машину, судно медленно заскользило по воде к причалу. Бросили швартовы, но вместо матросов или грузчиков их приняли солдаты в серых мундирах. Завидев их, Хей поежился; ему вдруг пришло в голову, что все это — отчаянная попытка обманом зама

нить и убить президента. Впрочем, нет, он же видел генерала Ли собственными глазами.

Должно быть, как только пароход заметили на реке, весть тут же передали дальше, потому что к пристани тотчас же подъехала коляска. Солдаты-южане, одетые в пестрые, залатанные мундиры, подтянулись и взяли на караул. Остановившись у планширa, президент нахлобучил свой видавший виды цилиндр.

Вряд ли может быть на свете более судьбоносный исторический момент. Посреди ужасной войны внезапно настал мир. Пушки умолкли, бои прекратились. Теперь главы обеих воюющих сторон, менее суток назад бившихся насмерть, готовы к мирной встрече.

Коляска подкатила к причалу, и выбравшийся оттуда элегантно одетый человек в цилиндре

не мог быть не кем иным, как Джефферсоном Э. Дэвисом, избранным президентом мятежных штатов. Кратко переговорив с одним из ожидавших его офицеров, он в одиночестве зашагал к только что спущенным с корабля сходням. Но перед ними на миг замешкался.

Президент Линкольн, ожидавший его на другом конце, без колебаний двинулся навстречу. Впервые после начала войны ступил он на землю Юга. И заговорил, оборвав затянувшееся молчание:

— Мистер Дэвис, вы проявили отвагу и мужество, устроив эту встречу. Благодарю вас.

— А я благодарю вас, мистер Линкольн, за немедленный отклик и отвагу, позволившую вам явиться в самое сердце Виргинии.

Его слова заставили Линкольна улыбнуться.

— Я вовсе не чужак в этих краях. Мой дед Авраам, в честь которого меня и назвали, родом из Виргинии. Так что я чувствую, что вернулся на родину.

— Знаю, сэр, ибо тоже родился здесь. Полагаю, мы родились не далее ста миль друг от друга. Вообще-то я человек не суеверный, но в данном случае не могу не усмотреть в этом десницу судьбы.

Оба погрузились в молчание, испытывая неко-

торую нерешительность. Уж слишком многое их разделяло. Линкольн — человек, навлекший на Юг войну и гибель. Дэвис — рабовладелец и угнетатель. Но дальше так продолжаться не должно — дальше так продолжаться просто не может.

Оба одновременно шагнули вперед. Одновременно протянули друг другу руки для пожатия, в один и тот же миг приняв одинаковые решения. У Николая вдруг сперло дыхание, он видел происходящее и не верил собственным глазам.

— Поднимайтесь на судно, сэр, — пригласил Линкольн. — Уйдем с солнца.

Николай шагнул в сторону, уступая дорогу двум президентам, поднявшимся по сходням на пароход.

— Мы будем в главном салоне. Прошу нас не беспокоить, — распорядился Линкольн. Оба секретаря молча кивнули. — То есть до прибытия генерала Шермана и его встречи с генералом Ли. Затем будьте добры пригласить их к нам.

Бережно, по-дружески поддерживая Дэвиса под локоть, Линкольн проводил его в салон — с низким потолком, но комфортабельный — и закрыл за собой дверь.

— Эх, быть бы мухой, чтобы пробраться туда хоть через щелочку! — сказал Николай, в ис-

креннем отчаянии заламывая руки. Хей кивнул, соглашаясь.

— В свое время все услышим. А теперь давай поищем укрытие от неистового виргинского солнца.

Несмотря на жару, иллюминаторы были закрыты, чтобы ни одно слово не достигло чужих ушей. Сбросив фрак, Линкольн опустился в удобное кресло, привинченное к палубе. Дэвис поколебался, начал расстегивать фрак, но затем снова застегнулся. Быть может, церемонии можно на время забыть, как и многое другое, благодаря чему эта встреча стала возможной, но, будучи строгим блюстителем приличий, он не мог запросто отмахнуться от привычек, ставших второй натурой. И остался во фраке. Снова поколебался, потом достал из кармана фрака очки с сильно затемненными стеклами и надел, чтобы защитить воспаленные глаза. Потом поинтересовался:

— Как война на севере, сэр? Нет ли новостей?

— Никаких, кроме той, что там сейчас идут отчаянные бои. Прежде чем вступить в схватку с врагом, генерал Грант телеграфировал мне, что отходит на заранее подготовленные позиции. Добавил, что больше не отступит и не допустит поражения.

— Вы уж ему поверьте. Мы в Шайло не верили. Нам пришлось заплатить десятью тысячами убитых за доказательство его правоты.

— И к тому же двенадцатью тысячами наших. — Вспомнив об этом, Линкольн сорвался на ноги, неловко пересек тесный салон и вернулся обратно. — Душа моя полна изумлением и надеждой. Мы вместе столкнулись с общим врагом...

— Ради поражения и уничтожения которого должны объединиться.

— Поддерживаю всем сердцем. Мы обязаны ухватиться за это перемирие и каким-то образом обратить его в мирный союз, который позволит нам одолеть нашего совокупного врага. Пойдут ли ваши южные войска на подобный договор?

— С радостью. Прежде всего, несмотря на ужасы и гибель, обрушенную на штаты этой междуусобицей, до сей поры то была война солдата против солдата. Теперь ситуация разительно переменилась. Чужеземная держава не только вторглась на нашу землю, но и надругалась над нашими женщинами. Они должны быть отомщены.

— Так и будет. Чему было положено отличное начало, когда наши объединенные войска атаковали и уничтожили захватчиков.

— Но не всех. Многие ускользнули морем. Пока

ваш броненосец и ваши суда были заняты боем, изрядная часть вражеского флота рассеялась. Таким образом, захватчики ускользнули во второй раз. Эти войска британцы наверняка пустят в ход, чтобы усилить полки, ведущие наступление на штат Нью-Йорк.

— Присоединитесь ли вы к нам, чтобы дать им отпор? — Еще не договорив, Линкольн осознал, насколько чреват последствиями этот вопрос, насколько веским и судьбоносным может стать ответ.

— Конечно же, мистер Линкольн, — не задумываясь, ответил Дэвис. — Отказ лег бы на честь Юга несмываемым пятном. Достойные мужи Севера под командованием генерала Шермана пали в битве при Билокси, и мы обязаны почтить их память. Мы не просим, чтобы другие бились за нас, но с радостью поможем соотечественникам одолеть врага, вторгшегося в наши общие пределы.

Линкольн опустился в свое кресло, внезапно ощутив усталость, будто нарубил вязанку дров.

— Вы понимаете, насколько важно только что сказанное вами?

— Да.

— Вместо того, чтобы убивать друг друга, мы станем рука об руку убивать тех, кто вторгся в

нашу страну.

— Именно так я это и вижу. А поскольку наши армии ныне слились воедино, мы обязаны подумать о военнопленных, захваченных обеими сторонами.

— Ну конечно! Наш первый совместный приказ провозгласит об открытии тюрем, чтобы пленные могли вернуться по домам. Это будет не только практичным, но и гуманным поступком. А также символом перемены в наших отношениях. До тех пор, пока мы доверяем друг другу, нас ждет успех.

Авраам Линкольн пятерней прочесал свои всклокоченные волосы, будто хотел привести в порядок несущиеся галопом мысли.

— Джефферсон, после того что мы сказали друг другу, я просто вынужден открыть вам сокровеннейшие мысли, потаеннейшие чаяния. Я бы хотел снова видеть Союз единым, но говорить об этом сейчас не буду. Куда важнее, что мне хотелось бы окончательно положить конец братоубийственной войне. Уверен, когда она началась, никто из нас и не воображал, какие ужасы грядут. Теперь внезапно наступил мир и единство, которые продержатся, пока мы воюем с общим врагом. Врагом, которого одолеем. И тогда?..

Поджатые губы Дэвиса вытянулись в ниточку.

— И тогда аболиционисты снова перейдут к нападкам и угрозам. Повод, повлекший войну, отнюдь не исчез. Мы готовы лишиться жизни, но не чести. На Севере есть люди, которые этого не допустят. Как только наш общий враг будет разбит, они снова набросятся на нас. Однажды они уже оттолкнули нас от Союза и наверняка не остановятся перед этим в другой раз.

— А ваши плантаторы пообещают положить собственные жизни и жизни многих других во имя дарованного Богом права порабощать других людей.

— Правда. Наш стиль жизни и дело Юга есть скала, на которой мы стоим.

— Вы по-прежнему беретесь утверждать подобное после того, как под Шайло полегли двадцать две тысячи человек? Неужели брат и дальше должен убивать брата, пока наша земля не захлебнется кровью?

Сняв темные очки, Дэвис промокнул платком слезящиеся глаза.

— В данный момент они не убивают друг друга.

— Так должно быть и впредь. Давайте на время забудем о том, что нас разделяет, и вспомним о

том, что нас связывает. Мы бьемся рука об руку и должны отыскать способ уберечь единство. Лично я пойду на все, лишь бы помешать недавней войне разгореться снова. Она не должна повториться! Я сажал редакторов в тюрьмы, — некоторые не вышли на свободу по сей день, — чтобы утихомирить голоса, выступающие против моей политики. С равным успехом я могу бросить за решетку воинствующих аболиционистов, если таковые будут угрожать нашему возрожденному единству. Можете ли вы поступить подобным образом?

— Тюрьмы есть и у меня, мистер Линкольн, и я тоже заполню их теми, кто будет грозить упомянутому единству. Но вопрос остается на повестке дня. Как быть с рабами? Я рабовладелец, но, полагаю, хороший человек. Добрый хозяин. Я забочусь о них, потому что сами они о себе позаботиться не могут.

Линкольн медленно покачал головой.

— Мы должны попытаться, хотя бы попытаться. Мы нашли способ временно прекратить войну между штатами. Должна же быть дорога к миру. Мы обязаны найти эту дорогу и пойти по ней. Мы должны проявить непреклонную решимость в отыскании этого пути. В то же самое время нам

известно, что следует предпринять — заткнуть рот оппозиции, заткнуть рот тем, кто может поколебать возрожденное единство, а уж затем, возможно, удастся отыскать путь, мы просто обязаны отыскать путь раз и навсегда положить конец кровопролитной войне. Но мне кажется... нет, я знаю, что сказанное не должно покинуть стены этой комнаты. Да, о военном союзе ради отпора захватчикам следует трубить во весь голос. Это война патриотическая и благородная, и никто не станет оспаривать нашего постановления. Что же до остальных решений, каковые мы на данный момент должны назвать поисками пути к будущему миру, то о них не следует упоминать ни полусловом.

— В этом я с вами целиком и полностью согласен. Общее дело объединит нас и обрадует тех, кому предстоит идти в бой. А о том, что мы ломаем голову о путях достижения иных целей, надо молчать, или мы поставим наши народы под удар.

Они обменялись рукопожатием, чувствуя душевный подъем, проникнувшись обоюдной уверенностью, что существует возможность, пусть покамест и крохотная, что когда-нибудь в будущем новый союз будет воздвигнут на руинах

старого.

Подойдя к стенному буфету, где стоял графин с холодной водой, Линкольн наполнил два стакана. Сделал большой глоток из своего стакана и вдруг поспешно поставил его.

— Я знаю, кто может помочь нам в общем деле — англичанин, натурфилософ по имени Джон Стюарт Милл. Думаю, он послан нам сострадательным провидением в час нужды. Это человек, пользующийся широким международным признанием и написавший книгу о том, что называет политической экономией. Сей великий мыслитель может оказаться тем самым проводником, кто поведет нас по тропе к нашей обоюдной цели.

— Английский изменник?

— Вообще-то нет, он просто лояльный представитель человечества. Он выступает за нашу свободу, как его соотечественник Томас Пейн выступал за нашу свободу во время революции. Он остановился вместе с дочерью в Вашингтоне. Он твердо верит, что американская система достойна всяческого восхищения и подражания. Он начал разговор о недавней войне и о том, как положить ей конец. Он не шарлатан, а джентльмен, наделенный живой энергией и ярким умом.

Надеюсь, он сумеет нам помочь.

— Разделяю ваши упования, если сказанное вами — истина.

— Мы должны при первой же возможности тщательнейшим образом изучить его рекомендации...

Тут раздался деликатный стук в дверь.

— Нас должны были побеспокоить только по прибытии генералов, — сообщил Линкольн, осушил стакан и направился открывать дверь.

— Они здесь, — доложил Николай.

— Уже видим. И пусть откроют иллюминаторы, пока мы тут не сварились в собственном соку.

Хрупкий Уильям Тикамси Шерман, одетый в помятый, испачканный в боях мундир, разительно контрастировал с элегантным, подтянутым главнокомандующим армией Конфедерации. Как только офицеры вошли в салон, Джефферсон Дэвис вскочил с кресла, стремительно подошел к генералу северян и схватил его за руку. Дэвис не вымолвил ни слова, но сила обуревавших его чувств была очевидна. Линкольн высказался от имени обоих:

— Разделяю чувства мистера Дэвиса, генерал Шерман. Все мы их разделяем. И благодарим вас за все.

— Я лишь выполнял долг, — негромко отозвался Шерман. — Перед своей страной и всеми ее гражданами. А теперь, простите, о Гранте ничего не слышно?

— Пока новостей не было, не считая того, что он ведет бой под Саратогой. Он сказал, что не отступит ни на шаг.

— Так оно и будет, — кивнул Шерман. — Посланы ли свежие войска ему в помощь?

— Я отослал все, какие были под рукой. Как только разработаем новые оперативные планы, будет выслано дополнительное подкрепление, — Линкольн обернулся к Дэвису, и тот кивнул.

— Мы с мистером Линкольном сошлись на том, что перемирие следует продлить, дабы позволить обеим нашим армиям объединиться в битве против британских захватчиков.

— Позвольте внести предложение? — подал голос генерал Ли.

— Конечно, — подтвердил Джефферсон Дэвис.

Ли сложил ладони на эфесе шпаги и проговорил, медленно, тщательно подбирая слова, прекрасно осознавая огромную их важность:

— Для успеха операции командование должно быть единым. Добиться этого будет нелегко. Я уверен, что мои люди крайне неохотно станут

служить под командованием генерала Гранта, убивавшего их тысячами. И также уверен, что, если войска северян попросить служить под началом кого-то из генералов Юга, произойдет то же самое. Итак, очевидно, что различные полки и дивизии должны остаться под началом своих нынешних командиров. Я с удовольствием останусь во главе войск Юга, как сейчас. Но главнокомандующего должны уважать солдаты обеих армий, чтобы следовать его приказам без малейших колебаний. Я побеседовал об этом с генералом Борегаром, и мы пришли к полнейшему взаимопониманию. По мнению офицеров Конфедерации, командование может принять только один-единствен-ный офицер.

— Согласен, — подхватил Джефферсон Дэвис. — Главнокомандующим должен быть генерал Шерман.

— Польщен подобной честью, — поднял руку Шерман, — и благодарю вас. Однако генерал Ли стоит по чину несравненно выше меня...

— Чин определяется умением побеждать, — возразил Ли. — В сражении под Шайло вы удержали позиции и, насколько я понимаю, получили повышение. Теперь ради помощи нам вы рискнули жизнью, карьерой, всем на свете. Не думаю, что

войска северян примут в качестве высшего командира южанина. Но вас они примут, как и мы.

— Вы абсолютно правы, генерал Ли, — поддержал Линкольн. — После смерти генерала Халлека генерал Грант встал во главе войск, ныне противостоящих англичанам. Как вы, вероятно, слышали, генерал Макклеллан в больнице с горячкой. Я освободил его от поста во главе армий и принял командование на себя. Теперь же с огромным удовольствием уступаю эту обязанность генералу Шерману. И даже более того, поскольку он будет стоять во главе двух армий, его ранг должен отражать этот факт. Я бы рекомендовал, чтобы, кроме главнокомандующего, он именовался также верховным командующим Объединенных войск.

— Поддерживаю, сэр, — одобрил Дэвис. — Уместное и заслуженное звание.

Обернувшись к офицеру Севера, генерал Ли отдал честь:

— Я в вашем распоряжении, генерал Шерман.

Шерман ответил на его салют:

— Я принимаю этот пост во имя наших сплоченных армий и во имя дела, за которое они бьются. Итак, давайте наметим план, как нам перехватить инициативу у захватчиков. Разбить

их и вышвырнуть из нашей страны. Если они хотят войны, то хлебнут ее с лихвой.

Снайперы!

— Западный фланг, генерал, они прорвались через стену!

Мундир генерала Гранта испачкался и изорвался, лицо почернело от копоти. Он покачивался в седле от усталости, только-только вернувшись с другого участка, где отражал атаку британцев. Ему пришлось обеими руками опереться о луку кавалерийского седла, чтобы выпрямиться.

— Пусть каждый второй из этой цепи следует за мной, — приказал он. — Пошли, парни! Сегодня они мрут один за другим и долго не продержатся.

Выхватив саблю, он поехал первым; изможденная лошадь, истерзанная жарой и дымом, с трудом ковыляла по неровной почве. Вот они, солдаты в темно-зеленых мундирах с черными пуговицами, брошенный в атаку свежий полк. Взмахнув саблей, генерал Грант испустил крик ободрения и возглавил контратаку.

Увернувшись от штыка, он отбил его в сторону шпорой, подался вперед и наотмашь рубанул нападающего по лицу. Споткнувшийся конь

рухнул, и Грант выбрался из-под него. Завязалась рукопашная, исход боя колебался на грани. Не приведи генерал подкрепление, батарея и редуты пали бы, оставив дыру в рубеже, оборонять который стоит такого труда.

Когда последний из солдат в зеленой форме сложил голову, а его труп бесцеремонно сбросили со стены, американские войска все еще держались на прежних позициях. Потрепанные, изнуренные, невероятно грязные, насчитывающие больше убитых, чем живых, и все-таки держались.

И так весь день. Враг, не менее измученный, чем они, раз за разом бросался на штурм вверх по склону, будто машина войны, медленно перемалывающая людей. И отбить его удавалась только ценой величайших усилий. Грант сказал, что рубеж выстоит — и выстоял.

Но страшной ценой.

Раненые, получив первую помощь, возвращались на позиции. Бились штыками лежа, если от изнеможения не могли стоять. То был день героизма. Гибельный день. Только когда начали сгущаться сумерки, обороняющиеся поняли, что этот адский день остался позади. И что они остались в живых — немногие, очень немногие, но

все-таки их еще довольно, чтобы дать бой.

В сумерках перестрелки прекратились. Сгущающаяся тьма скрыла от взора поле боя, и без того застланное тяжелыми облаками дыма. Британцы отхлынули после последней, отчаянной атаки, оставив на склоне груды трупов в красных мундирах. Но оставшиеся в живых американцы пока не могли отдохнуть. Отложив мушкеты, они взялись за лопаты, чтобы восстановить земляные укрепления, в которых английские ядра оставили громадные прорехи. Вкатили и установили на места тяжелые валуны. Лишь далеко за полночь Грант удовлетворился результатами земляных работ. Солдаты уснули, где повалились, прижимая к себе оружие, спеша хоть немного отдохнуть до рассвета, когда англичане снова пойдут на приступ.

Но генерал Грант не отдыхал, не мог отдыхать. В сопровождении спотыкающегося адъютанта прошел он укрепления из конца в конец, проверяя, готовы ли боеприпасы для нескольких уцелевших пушек, доставлены ли из тыла вода и провизия. Заглянул в морг полевого госпиталя, рядом с которым высились груды ампутированных конечностей. Лишь покончив со всеми делами, позволил он себе рухнуть на стул перед

палаткой. Взяв чашку кофе, отхлебнул глоток.

— День выдался очень долгий, — промолвил, и капитан Крейг лишь покачал головой над таким преуменьшением.

— Не просто долгий, генерал, жуткий. Эти британцы умеют штурмовать.

— А наши ребята умеют сражаться, Боб, не забывай об этом. Сражаться и умирать. Наши потери слишком велики. Еще такой же штурм, как последний, и они прорвутся.

— Значит, утром?..

Не ответив на вопрос, Грант допил кофе и вскинул голову, заслышав гудок паровоза вдали.

— Путь все еще свободен?

— Был свободен пару часов назад. Я отправил дрезину, чтобы проверили. Но телеграф все еще не работает. То ли бритты не заслали кавалерию к нам в тыл, то ли не представляют тактической ценности железнодорожного сообщения.

— Хорошо бы им и дальше пребывать в неведении!

Послышалось шарканье заплетающихся ног, и выбежавший к свету костра солдат вяло вскинул усталую руку в приветствии.

— Генерал, на запасной путь пришел поезд. Капитан сказал, что вы верным делом захотите

прознать про это.

— Верным делом. Войска.

— Так точно, сэр.

— Самое время. Капитан Крейг, ступайте с ним. Найдите командира и приведите ко мне, пока идет высадка.

Не в силах уснуть, несмотря на усталость, Грант взял еще чашку кофе, подумал о кувшине с виски, оставленном в палатке, — и тут же забыл. Дни, когда он топил беды в вине, давно остались позади; теперь он в силах глядеть им в лицо. Заметив на востоке проблеск зари, он нахмурился, но тут же расслабился, осознав, что просто-напросто восходит луна. До рассвета еще несколько часов.

Во тьме послышались шаги, потом шум падения и гортанные проклятия — один из идущих споткнулся. Затем у костра появился капитан Крейг в сопровождении высокого блондина, слегка прихрамывающего и отряхивающего мундир. Среди чумазых воинов в измызганных мундирах новоприбывший казался просто щеголем, сошедшим с обложки модного журнала — стильный зеленый китель, голубые брюки. В руках он нес винтовку замысловатой конструкции, с очень длинным стволом. Увидев Гранта, остановился и отдал честь.

— Подполковник Трепп, генерал! Первый снайперский полк Соединенных Штатов, — доложил он с ярко выраженным немецким акцентом. Кашлянув, Грант сплюнул в костер. Ему доводилось слышать об этих Зеленых кителях, но ни один под его началом еще не служил.

— Какие еще полки с вами прибыли?

— Насколько я знаю, больше никакие, генерал. Только мой. Но имеется другой поезд, что идет несколько минут позади нас.

— Один полк?! Это и все, что я должен противопоставить всей британской армии?! Карнавальные солдатики с диковинными ружьями. — Он устремил взгляд на винтовку в руках офицера. Тот с трудом сдержал негодование.

— Это есть снайперское ружье, заряжаемое с казенной части, генерал. С нарезным стволом, двойным спуском и телескопическим прицелом...

— Все это яйца выеденного не стоит против противника с пушками.

Гнев Треппа остыл так же быстро, как и вспыхнул.

— В этом вы ошибаетесь, сэр, — спокойно произнес он. — Вы смотрите утром, что мы делаем против ихний пушки. Только показываете мне,

где они, и не беспокоитесь. Я профессиональный солдат много лет, сперва в Швейцарии, после здесь. Мои люди тоже профессиональные и не знают промаха.

— Я поставлю их в первые ряды. Поглядим, на что они способны.

— Вы будете очень-очень довольный, генерал, в этом можете быть уверены.

Выныривая из тьмы, снайперы пробирались на позиции. Только когда они ушли, ожидавший в сторонке солдат подошел к Гранту. Лишь вблизи Грант разглядел по мундиру, что тот офицер пехоты.

— Капитан Лэмсон, — молодцевато козырнул новоприбывший. — Третий полк ЦВ США. Высадка вот-вот начнется; нам пришлось ждать, когда передний поезд уйдет. Я отправился вперед, чтобы доложить вам о нашем прибытии.

Грант отсалютовал в ответ.

— Очень рад. Вы и ваши люди как нельзя более кстати, капитан Лэмсон. Как вы сказали, называется ваш полк?

— Сержант Делани, шаг вперед, пожалуйста, — позвал Лэмсон. В круг света вошел дюжий солдат с нашивками старшего сержанта на рукавах и отдал честь с четкостью и вежливостью, пола-

гающимися по званию.

Грант механически ответил на приветствие — и замер, задержав ладонь у полей шляпы.

Сержант оказался негром.

— Второй полк ЦВ США для несения службы прибыл, — отрапортовал он, демонстрируя отличную выучку. — Второй полк Цветных войск Соединенных Штатов Америки.

Медленно опустив руку, Грант обернулся к белому офицеру:

— Не потрудитесь ли объяснить?

— Да, генерал. Полк организован в Нью-Йорке. Все они свободные люди, все добровольцы. Мы проходили выучку несколько недель, но получили приказ следовать сюда как ближайшие подразделения, имеющиеся в распоряжении.

— А они могут сражаться? — поинтересовался Грант.

— Они умеют стрелять и прошли обучение.

— Я спрашивал не об этом, капитан.

Капитан Лэмсон замялся, чуточку склонив голову, так что отблески костра заиграли на металлической оправе его очков. Сержант Делани нарушил молчание первым:

— Мы можем сражаться, генерал. И умереть, если придется.

Просто поставьте нас на позиции и дайте встретиться с врагом лицом к лицу.

В голосе его прозвучала спокойная уверенность, тронувшая Гранта. Если остальные подобны ему, то его словам можно верить.

— Надеюсь, вы правы. У них будет возможность показать, чего они стоят. Утром мы это наверняка выясним. Можете идти.

Грант осознал, что ничуть не кривил душой. Сейчас он бы без сомнений бросил в бой против англичан хоть полк краснокожих индейцев — да чего там, даже красноро́жих чертей.

Противник ночью тоже получил подкрепление. Пикеты донесли, что слышали ржание лошадей и лязг цепей. При первых лучах зари Грант, уснувший на стуле, заворочался и пробудился. Сладко зевнув, плеснул в лицо холодной воды, потом взобрался на бруствер и направил полевой бинокль в сторону вражеских позиций. На правом фланге виднелась туча пыли: скачущие галопом лошади везли артиллерийские орудия. Девятифунтовые, судя по виду. Опустив бинокль, Грант нахмурился. Самые слабые участки фронта он усилил Первым полком ЦВ США. Подполковник Трепп расположил своих людей через равные интервалы вдоль всего рубежа, и теперь стоял

неподалеку, ожидая приказаний. Грант указал на виднеющуюся вдали батарею.

— Вы все еще считаете, что можете что-то противопоставить подобному оружию?

Приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы приглядеться, Трепп кивнул.

— Это не есть проблема, генерал. Невозможно, конечно, без правильной выучки и правильного оружия. Для меня, я говорю вам не преувеличивая, это легкая мишень. Я заключаю, это есть двести тридцать ярдов. — Распластавшись на земле, он прижал приклад винтовки к плечу и с прищуром посмотрел сквозь телескопический прицел. — Еще темно, и мы должны быть терпеливы. — Он раздвинул ноги пошире, укладываясь поудобнее, затем снова заглянул в прицел. — О да, теперь света достаточно.

Он медленно потянул за длинный крючок, взводя миниатюрный спуск бойка. Тщательно прицелился и легонько нажал на спуск. Винтовка оглушительно грохнула, с силой ударив Треп-па в плечо.

Грант поднес к глазам бинокль и увидел, что командир батареи попятился, схватившись за грудь — и рухнул.

— Снайперы! Стрелять без приказа! — скоман-

довал подполковник.

Вдоль всей длины укреплений неспешно прокатилась волна выстрелов. Лежа за брустверами, снайперы стреляли, открывали затворы винтовок, чтобы заложить в них пули и зашитые в полотно заряды, закрывали казенники и снова стреляли.

Британские артиллеристы торопливо отпрягали лошадей и разворачивали орудия, выводя их на позиции. И умирали один за другим. Не прошло и трех минут, как все они были убиты. Затем настала очередь возничих, пытавшихся скрыться с лошадьми. И, наконец, одна за другой сложили головы спокойные артиллерийские лошади. Подобной бойни, восхитительнейшей бойни Гранту видеть еще не доводилось. Затем рявкнула английская пушка, и над самыми головами обороняющихся с воем пронеслось ядро. Грант указал в сторону орудия.

— Конечно, когда они на открытом месте, дело идет легко. А как насчет вот этого? Орудие на закрытой позиции, за редутом. Кроме жерла, ничего не видно.

Встав с земли, Трепп принялся выбивать пыль из мундира.

— Больше нам ничего не надо видеть. Вот та

пушка, — приказал он своим подчиненным, — уберите ее.

Грант в бинокль видел, как перезаряженную пушку посредине британских позиций снова выкатили на огневой рубеж. Пули снайперов впивались в мешки вокруг черного жерла, почти скрывшегося за фонтанчиками песка; затем пушка выстрелила. Когда ее перезарядили и выкатили на позиции, пули снова забарабанили в песок возле жерла.

На сей раз пушка при выстреле взорвалась. Грант отчетливо увидел дымящиеся обломки и погибших артиллеристов.

— Я сам разработал эту технику, — с гордостью сообщил Трепп. — Мы стреляем крайне точно очень тяжелой пулей. Очень скоро в дуле есть столько песка, что ядро застревает, не успев вылететь. Скоро, когда начнется атака, мы покажем, как разделываемся с ней тоже.

— Правду говоря, подполковник Трепп, я жду не дождусь возможности посмотреть, что вы затеете в следующий раз.

Видимо, уничтожение батареи сильно подействовало на вражеского командира, и он все мешкал с ожидаемой атакой. Затем вдали на левом фланге вдруг обнаружилась оживленная

деятельность — на позиции выводили еще одну батарею. Однако Трепп разместил снайперов небольшими группами вдоль всего рубежа обороны. Не прошло и пяти минут, как вторую батарею постигла та же участь, что и первую.

Солнце стояло уже высоко, когда противник отважился на долгожданный шаг. Позади вражеских позиций на опушку дальней рощицы выехала верхом группа офицеров. До них было добрых пятьсот, а то и шестьсот ярдов. На американских позициях затрещали выстрелы, и Грант сердито крикнул:

— Прекратить огонь! Поберегите боеприпасы. Они слишком далеко.

Трепп переговорил со своими снайперами по-немецки, и те весело рассмеялись. Тщательно прицелившись, подполковник тихонько осведомился:

— Fertig machen?[14] — Услышав в ответ утвердительное бормотание, он взвел длинный курок. — Feuer[15]. — И все винтовки выстрелили как одна.

Словно порыв ветра смел группу всадников,

---

[14] Примечания: 14
Готовы? *(нем.)*

[15] Примечания: 15
Огонь (нем.).

одновременно сбросив их на землю. Они распростерлись без движения, а испугавшиеся было кони быстро успокоились и принялись щипать травку.

Один офицер в красном мундире, расшитом золотой тесьмой, попытался приподняться. Винтовка Треппа громыхнула, и офицер рухнул среди остальных.

— Я всегда беру командира, — поведал Трепп, — потому что я лучший стрелок. Остальные выбирают слева направо, как пожелают, и стреляют разом. Хорошо, ja?

— Хорошо, ja, мой друг. А что, все ли снайперы — швейцарцы?

— Один, может, два. Пруссаки, австрияки, все со Старого света. Охотники там чертовски хорошие. Американцев взяли много, тоже охотников. Но эти ребята лучшие, они есть мои друзья. Теперь смотрите, когда будет атака. Мы сперва стреляем офицеров и сержантов, потом людей, что несут маленькие флаги, потом тех, кто останавливается поднять флаги. Потом стреляем людей, кто останавливается стрелять в нас. Все это прежде чем их мушкеты достаточно близко, чтобы попасть в нас. Весьма забавно, вы увидите.

Но даже лишившись изрядной части офице-

ров, британцы все-таки довели атаку до конца, с громовым ревом одолев последние ярды пути. Большинство солдат с обеих сторон выстрелили в последний раз и схлестнулись в штыковом бою. Грант, не спускавший глаз с чернокожих новобранцев, видел, что они держат позиции, сражаясь, как тигры, и даже ринулись в погоню за красными мундирами, когда атака захлебнулась. Сражаются и умирают, как и говорил их сержант.

Быть может, баталия еще не проиграна, подумал Грант.

Пароходик «Ривер Квин», казавшийся таким пустым по пути из Вашингтона, на обратной дороге был набит битком, будто возвращался с воскресной прогулки. Джефферсон Дэвис, Роберт Э. Ли и их помощники расположились в салоне. В воздухе плавали тучи сигарного дыма и звенели возбужденные голоса, и не последнюю роль тут сыграл бочонок виски, невесть как оказавшийся в алькове салона. Авраам Линкольн удалился в свою каюту вместе с секретарями и генералом Шерманом, чтобы написать первый из множества предстоящих приказов. Генерала Ли призвали для участия в совещании, и вскоре атмосфера стала такой тяжкой, что Линкольн

вышел на палубу подышать свежим воздухом. На подходе к гавани Йорктауна, где ждал генерал Поп со своим штабом, судно сбавило ход. Вскоре их синие мундиры смешались с серыми мундирами офицеров штаба Ли. Когда-то эти люди служили вместе и прекрасно знали друг друга. Теперь война осталась позади. Разделенные междоусобицей люди вспомнили давнее товарищество. Заметив, что президент стоит в одиночестве, генерал Джон Поп покинул остальных и подошел к нему.

— Превосходнейшие новости, господин президент. Телеграфная связь с Грантом наконец-то восстановлена. Они выстояли!

— В самом деле долгожданные вести, Джон.

— Но они выстояли ужасной ценой. Он доносит, что убитых не менее шестнадцати тысяч, раненых еще больше. Подкрепления поступают — сначала снайперский полк, потом Третий Нью-Йоркский. На подходе еще. Как только перемирие с конфедератами вступило в силу, почти все войска, защищавшие Вашингтон, отозваны и направлены на север. Первые эшелоны должны поспеть к Гранту сегодня же под вечер. В пути еще одна дивизия. Мы выводим массу войск к узловым станциям, так что с ними у нас трудностей

не будет. Поезда — дело другое. Их просто не хватает для переброски необходимого числа людей.

— Продолжайте в том же духе. Если возникнут трудности с железными дорогами, дайте знать мне. Поглядим, как можно будет надавить на них. Грант должен получить все имеющиеся подкрепления, чтобы продержаться, пока наши объединенные силы не придут ему на смену.

— Генерал Грант послал вам персональный рапорт о ходе боев. Сделав приписку для войск. Хочет иметь в распоряжении побольше полков наподобие Третьего Нью-Йоркского.

— В самом деле? Тогда поведайте мне, что в нем уж такого особенного?

— Это негры, господин президент. У нас проходят выучку и другие негритянские полки, но этот вступил в бой первым.

— И как они ведут себя под огнем?

— Согласно отзыву Гранта — образцово.

— Похоже, война против захватчиков меняет мир во многих отношениях, причем весьма необычным образом.

Качка усилилась: пароход покинул реку Йорк, направляясь через залив Чеспик на северо-восток, к устью реки Потомак. Место бойкое, неподалеку виднелось еще два корабля. А над

самым восточным горизонтом — на фоне голубых небес белые паруса и черные мазки дыма еще целого ряда кораблей. Линкольн указал в их сторону:

— Полагаю, снята еще одна блокадная флотилия.

— Наши приказы вряд ли уже дошли до них, — заметил генерал Поп. — По телеграфу можно было связаться разве что со стоявшими в порту. — Дал знак адъютанту принести подзорную трубу и поднес ее к глазам. — Проклятье! Это не американские корабли. Британские флаги, я вижу британские флаги! Это британский флот!

— Куда они направляются? — спросил Линкольн, преисполнившись ужасных предчувствий. — Пошлите за капитаном.

Тут с мостика сбежал старший помощник, козырнув Линкольну.

— Капитан шлет поклон, господин президент, но ему надо знать, как быть. Это британские военные корабли.

— Мы поняли, но не знаем, в какую сторону они идут.

— Туда же, куда и мы, к устью реки Потомак. К Вашингтону. Все, кроме одного. А один изменил курс и направляется к нам.

Президенты в опасности

Как только в Уайт-холле ознакомились с депешами, доставленными пакетботом из Канады в Саутгемптон, напряжение не только пошло на убыль, но даже сменилось радостным умиротворением.

— Вот так-так! — воскликнул лорд Пальмерстон, размахивая листком в воздухе. — Генерал Чэмпион доносит, что янки оказывают крайне вялое сопротивление. Платсберг взят, войска идут вперед, неуклонно развивая наступление. Чрезвычайно славно! — Да и подагра отпустила; мир стал куда более солнечным и уютным.

— А вот из Адмиралтейства, — сообщил лорд Рассел. — Флот, ведущий атаку на побережье Мексиканского залива, должно быть, уже выполнил свою задачу. В ближайшее время ожидаются победные рапорты. То же относится и к атаке на Вашингтон. Тут военно-морское ведомство продемонстрировало незаурядную проницательность. Должен признать, у Адмиралтейства больше воображения и тактических способностей, нежели я подозревал. Время рассчитано безупречно. Выждали, пока поступят донесения, что войска с обороны столицы сняты. Затем, пока

американские солдаты мчатся защищать свои рубежи, ударить в самое сердце их родины. Скоро мы прижмем их к ногтю.

— Согласен, — радостно кивнул Пальмерстон. — Я знаю, что могу вам открыться, Джон, порой я впадал в тревогу. Одно дело говорить о войне — и совсем другое сделать первый шаг и развязать бой. Я склонен считать себя миролюбивым человеком. Но при том я англичанин и не стану сносить оскорбления молча. А сия святая держава претерпела оскорбления — тяжкие, тяжкие. Опять же, тот факт, что Веллингтон был решительно против вступления в войну. Это тревожило меня. И все же мы не отступили. Но теперь, оглядывая прошлое, я вижу, что война была делом праведным и законным, почти предрешенным.

— Правду говоря, вынужден согласиться. С нетерпением и высочайшим упованием жду дальнейших рапортов.

— Как и я, старый друг, как и я. А теперь я должен отправиться в Виндзор, дабы принести эти добрые вести королеве. Знаю, что она разделит нашу радость. Предрешено, предрешено.

Капитан Ричард Далтон из Первого Кавалерийского полка США не виделся с семьей больше года.

Не будь он ранен в битве при Боллс-Блаф, вряд ли ему довелось бы свидеться с семьей раньше, чем вообще война закончится. Осколок шрапнели, застрявший в правом плече, причинял немалую боль, только усилившуюся, когда хирург удалил его. Далтон по-прежнему прекрасно держался в седле, но поднять саблю или выстрелить из ружья не мог. Командир решил дать ему отпуск для поправки здоровья, так что, несмотря на почти не утихающую боль, Далтон считал себя счастливчиком. Поездка от столицы на юг была совсем легкой, а прием, встретивший его дома, искупил всю испытанную боль, а заодно и всю грядущую. А нынче солнце пригревало, клев был на славу, и они с семилетним сынишкой вдвоем за пару часов наловили почти полную корзину рыбы.

— Папа, смотри, наши корабли! Вот здоровенные!

Далтон, клевавший носом на солнцепеке, поднял взгляд ко входу в залив, где Потомак встречается с морем.

— Да уж, Энди, здоровенные.

Линейные корабли шли на всех парусах и на всех парах вверх по течению. Белые паруса надуты ветром, из труб валит черный дым. Воистину величественное зрелище.

И тут порыв ветра подхватил флаг на корме третьего судна, развернув на миг, прежде чем снова обвить вокруг флагштока.

Два креста один поверх другого.

— Британский флаг! Греби к берегу, Энди, изо всех сил греби. Это не наши корабли.

Далтон выпрыгнул на берег, как только днище лодки заскрежетало по песку, и наклонился, чтобы одной рукой привязать ее.

— Беги вперед, Энди. Рыбу я принесу, а ты беги и оседлай Джунипера.

Мальчонка стрелой припустил по тропе, ведущей к их дому в Пини-Пойнт. Привязав лодку, Далтон подхватил рыбу и направился следом. Встревоженная Марианна ждала его у заднего крыльца.

— Энди прокричал что-то о кораблях и убежал на конюшню.

— Я должен поехать в Лексингтон-парк на станцию, там есть телеграфная контора. Надо предупредить в столице. Мы их видели. Британские боевые корабли, ужасно много, направляются вверх по реке к Вашингтону. Надо предупредить.

Мальчик вывел во двор рослого серого коня. Проверив, затянута ли подпруга, Далтон улыбнулся и взъерошил парнишке волосы. Ухватился

левой рукой за луку и вскочил в седло.

— Постараюсь вернуться поскорее.

Мэри Тодд Линкольн громко смеялась от радости, разливая чай. Двоюродная сестра Лиззи, впервые навестившая Вашингтон, осталась не в восторге от местных дам и очень смешно то расхаживала по комнате с важным видом, то шарахалась туда-сюда в воображаемой суматохе.

— Ну, скажу я вам, я просто в толк не возьму. Они напрочь лишены манер. Ни в Спрингфилде, ни в Лексингтоне вы не увидите, чтобы дамы ходили подобным образом — или разговаривали в подобном тоне.

— Сомневаюсь я, что здесь настоящий южный город, — вставила миссис Эдвардс, сестра Мэри. — Сомневаюсь, что город знает, что это значит, когда тут кишмя кишат янки и политики. — Она приняла чашку у Мэри. — И, конечно, среди них нету Тоддов.

Сестры — родные, двоюродные и троюродные — согласно закивали. Они всегда крепко держались за родню, и Мэри была очень рада их визиту. Разговоры о войне отошли на второй план, уступив место сплетням.

— Я так боюсь за мистера Линкольна и его загадочную встречу, о которой никто не хочет нам

говорить, — заметила кузина Аманда. — Аболиционист отправился в самое сердце Юга!

— Не надо верить всему, что читаешь в кровожадной прессе, — твердо возразила Мэри. — Если хотите знать правду, она всегда преследовала меня за сочувствие Югу и рабовладельцам. Конечно, наша семья держала рабов, но мы никогда не продавали и не покупали их. Вам известны мои чувства. Впервые, когда я увидела аукцион рабов, увидела, как их хлещут плетью, — что ж, я сама стала такой же аболиционисткой, как проповедник Мейн. Я всегда так думала. Но считать мистера Линкольна аболиционистом — полнейшая нелепость. По-моему, он ровным счетом ничего не знал о рабстве, пока не навестил меня дома. У него возникла престранная мысль о рабах. Думает, что можно решить проблему, собрав их разом и отправив в Южную Америку. Он хороший человек, но негров не знает. Зато он хочет поступать по совести. А верит... в Союз, конечно. И в справедливость.

— И Бога, — подсказала кузина Лиззи с озорными искорками в глазах. — По-моему, за все время, что я в гостях, он ни разу не был в церкви.

— Он занятой человек. В Бога можно верить и не ходя в церковь. И наоборот, должна сказать.

Хотите еще чаю? Хотя кое-кто может с этим не согласиться. — Мэри улыбнулась, отхлебнув чаю, и устроилась поудобнее. — Ну, вы его еще не знали, когда он впервые избирался в Конгресс, потому что это было много лет назад. Человек, выступавший против него, был методистским священником, призывавшим геенну огненную и серу на головы безбожников, считавший мистера Линкольна атеистом. И вот однажды, проповедуя в церкви, он вдруг увидел шанс отличиться, когда мистер Линкольн вошел и сел в задних рядах. Зная, что надо сделать, проповедник возгласил: «Все, кто считает, что отправится на небеса, встаньте!» Поднялась суета, изрядная часть конгрегации встала. Мистер Линкольн не шелохнулся. Затем проповедник попросил встать всех, кто полагает отправиться в ад. Мистер Линкольн не встал. Упустить подобный шанс проповедник не мог. «Итак, мистер Линкольн, а вы-то куда собираетесь отправиться?» Только тут мистер Линкольн встал и сказал: «Ну, я собираюсь отправиться в Конгресс». И ушел.

Большинство родственниц уже слышали эту историю, но все равно рассмеялись все до единой. Чай чудесный, пирожные сладкие, сплетни еще слаще.

Но вдруг в Зеленую комнату постучали, и дверь распахнулась.

— Мама, я должен тебе сказать...

— Роберт, подобная спешка не в твоем духе. — Сын, ненадолго вернувшийся из Гарварда. Уже не мальчик, подумала Мэри. За год отсутствия он заметно окреп.

Дамы захихикали, и он покраснел.

— Мама, леди, извините, что врываюсь подобным образом. Но вы должны сию же минуту оставить президентский особняк.

— Что ты этим хочешь сказать? — осведомилась Мэри.

— Британцы... уже близко, вот-вот нападут на город.

Мэри не выронила чайник, а заставила себя спокойно поставить его на стол. В распахнутую дверь вбежал лейтенант:

— Миссис Линкольн, леди, пришла телеграмма, их видели на реке, они приближаются! Британцы! Флотилия идет вверх по Потомаку.

Воцарилось молчание. Сообщение вполне понятное, но вот что оно означает? Британские корабли идут вверх по Потомаку, направляясь к столице. В коридоре послышались поспешные шаги, и в дверь протолкнулся военный министр

Стэнтон, должно быть бегом примчавшийся из Военного департамента, расположенного через дорогу.

— Вы же слышали, миссис Линкольн. Англичане приближаются. Это я виноват, надо было раньше сообразить. После атаки на севере мы должны были понять, что история повторяется. Нам следовало понять, больше думать о тысяча восемьсот двенадцатом: они ведут войну весьма предсказуемым образом.

И вдруг до Мэри дошло, о чем он толкует.

— Тогда они напали на Вашингтон, сожгли Белый дом!

— Совершенно верно, и не сомневаюсь, что они намерены и теперь повторить те же предосудительные деяния. Вы должны сейчас же позвать сюда сына. У нас еще есть немного времени, чтобы уложить небольшие чемоданы...

— Я приведу брата, — сказал Роберт, — а ты собери дам.

Мэри чересчур встревожилась, чтобы мыслить связно.

— Вы хотите, чтобы мы бежали? Почему? Мистер Линкольн неоднократно уверял меня, что город хорошо защищен от нападения.

— Был защищен, как это ни прискорбно. Как

только было объявлено перемирие, мы решили, что войска с его обороны можно снять, чтобы направить в помощь генералу Гранту. Я виноват, мне первому из всех должно было прийти в голову, каковы могут быть последствия, таков мой долг. Но, как и остальные, я думал только об участи Гранта и его войск. Почти весь вашингтонский гарнизон сейчас направляется на север. Даже форты Потомака недоукомплектованы.

— Отзовите их!

— Конечно. Будет сделано. Но это требует времени, а британцы уже на подходе. Соберите свои вещи, леди, умоляю. Я позабочусь об экипажах.

Стэнтон торопливо вышел мимо ожидавшего офицера, а тот снова обратился к миссис Линкольн:

— Я пошлю солдат вам в помощь, если вы не против.

— Пошли, Мэри, у нас много дел, — подала голос кузина Лиззи.

Мэри Линкольн не шелохнулась. Все это так внезапно, так ошеломительно. А еще она ощутила, что вот-вот нахлынет очередная мучительная мигрень, из тех, что повергают ее на постель в полутемной комнате. Только бы не сейчас, так не вовремя.

— Побудь здесь минутку, — сказала миссис Эдвардс, покровительственно обняв сестру за плечи. — Я возьму Кекли, Роберт приведет Тэда. Попрошу ее принести чемоданы прямо сюда. Потом подумаем, что надо взять. Лейтенант, сколько времени у нас в запасе?

— Час, от силы два, прежде чем они будут здесь. Никто толком не знает. Думаю, лучше ехать прямо сейчас.

Роберт ввел Тэда в комнату, мальчик подбежал к матери и прижался к ней. Мэри обняла его и почувствовала себя немного лучше. Кекли — негритянка, нанятая в белошвейки и малопомалу ставшая подругой, — выглядела весьма озабоченной.

— У нас есть немного времени, — промолвила Мэри, — чтобы уехать из Белого дома до прихода англичан. Помоги дамам собрать вещи на несколько дней.

— Да куда ж нам податься, миссис Линкольн?

— Дай мне минуточку, чтобы сообразить. Чемоданы, пожалуйста.

Похоже, весть о приближении врага уже разлетелась по Вашингтону, и в городе началась паника. Церкви трезвонили во все колокола, по улицам сломя голову скакали всадники, угрожая

жизни пешеходов. Прямо перед Белым домом лошади, обезумевшие от нахлестывания, понесли, разбив повозку вместе с седоком о железную ограду. Теперь он сидел на мостовой, со стонами держась за окровавленную голову. В любой другой день прохожие и охрана поспешили бы ему на помощь; сегодня никому не было до него дела. Паника распространялась.

Военный министр не принадлежал к числу людей, которые легко теряют голову. Позаботившись об эвакуации миссис Линкольн и поставив во главе операции надежного офицера, он перестал об этом думать. Прежде всего — оборона города. Жадно взявшись за дело, он стоял за столом, даже без стула, отдавая приказы об организации обороны города.

— От президента вестей не было? — поинтересовался госсекретарь Уильям Сьюард, торопливо протолкнувшийся вперед через толпу офицеров.

— Ничего нового, — ответил Стэнтон. — Вам известно в точности то же, что и мне, поскольку обоим он оставил одно и то же послание. Он ускользнул отсюда на рассвете ради встречи с Джеффом Дэвисом, взял паровую яхту. После пришла телеграмма, что они вместе возвращаются на борту «Ривер Квин». Поскольку вице-прези-

дент Ганнибал Хэмлин находится в Нью-Йорке, всеми делами распоряжается Кабинет, пока мы не получим иных указаний. Может, президенту повезло, что он в отлучке.

— А может, не повезло, и он наткнулся на эти британские суда. В таком случае для страны настал черный день.

Сьюард покривил душой. На самом деле он считал, что должен по праву занять президентское кресло. Этому помешали только внутренние распри Республиканской партии. Захват англичанами Линкольна лишь восстановил бы справедливость. Тогда не пришлось бы ждать следующих выборов, чтобы взять бразды правления в свои руки. Он более чем квалифицирован для столь важной работы.

Стэнтон поспешил на совещание с офицерами, а Сьюард принялся мерить кабинет шагами, думая о радужных перспективах, которые сулит война.

В отличие от гражданского населения, военные панике не поддались и делали свое дело. Оборонительные рубежи были подготовлены, резервы для их усиления подтянуты. С воинскими эшелонами связались, остановили и приказали следовать обратно.

— Не поспеют ко времени, — резюмировал Стэнтон. — Британцы успеют уплыть до их возвращения. Придется обходиться тем, что имеется. Я послал людей собрать документы в Белом доме и принести их сюда. Это надежное здание, и мы будем оборонять его, если враг сюда доберется. Их планы нам неизвестны, но догадаться нетрудно, если знаешь историю.

— То был год тысяча восемьсот четырнадцатый, — указал Сьюард. — Тогда они поднялись по реке Петаксент и атаковали по суше. Разве сейчас они так поступают?

— Нет, о высадке донесений не поступало. Похоже, на сей раз они ограничились исключительно вторжением с моря через Потомак. В 1814 году все бежали из города, и захватчики вошли без труда. А перед уходом сожгли Капитолий и Белый дом. Но в этот раз им придется потруднее. Генералы утверждают, что если нам удастся удержать несколько опорных пунктов, то мы продержимся до подхода войск. Гражданское население прекрасно эвакуируется самостоятельно, так что с этим у нас проблем не будет.

А меньше чем через час первые батареи открыли огонь по приближающимся кораблям.

Нацелив на них нос, будто гончий пес, британ-

ский корабль устремился к пароходу.

— Возвращайтесь в Йорктаун, — распорядился Линкольн. — Там есть войска и орудия.

— По-моему, не следует, господин президент, — возразил капитан, не отрываясь от подзорной трубы. Потом крикнул: — Право на борт!

Пароход накренился, выполняя крутой поворот, и президент ухватился за перила.

— Быстрое судно, — указал капитан на преследователя с наполненными ветром парусами да вдобавок чадящего черным дымом, — куда быстрее, чем наша старушка. Если повернем, он нас настигнет. Ему придется идти под углом, так что он захватит нас задолго до того, как мы приблизимся к Йорктауну. А сейчас он идет вослед за нами, и гнаться ему придется гораздо дольше.

— Куда же мы направимся?

— В крепость Монро. Прямо по курсу. Британцы не сунутся за нами под огонь ее больших пушек.

Глубоко в трюме кочегары, обливаясь потом, бросали в топку уголь лопата за лопатой. Подняв давление пара до предела, судно пенило винтом зеленые воды залива. Впереди уже показалась оконечность полуострова Йорктаун, все приближаясь и приближаясь.

Приближался и преследователь. Внезапно на

нем вспухло и быстро рассеялось облачко белого дыма, однако обнаружить место падения ядра не удалось.

— Пристрелочный, — сказал генерал Ли. — Или предупредительный.

— Вряд ли им известно, кто у нас на борту, — заметил Шерман. — Иначе за нами гнался бы весь флот в полном составе.

— Мы можем спрятаться внизу, — клацая зубами от страха, проговорил Хей, никогда не рвавшийся к воинской славе.

— Мы с тобой можем, Джон, — отозвался Николай. — Но к чему утруждаться? Сомневаюсь, что даже британцы расстреливают штатских пленников. В любом случае, если они нас и остановят, мы для них явно не будем представлять интереса.

— И в самом деле, — Хей указал на окруживших президента военных, — они просто не поверят собственной удаче. Не только Линкольн, но и весь его генералитет. Этого не может быть! Не может же все вот так и закончиться. Теперь, когда заключено перемирие, составлены планы, новая война, новый мир... — Гнев вытеснил страх. Но что же тут поделаешь?

Очень немногое, согласились все. Офицеры

выхаживали по палубе, проверяя, хорошо ли выходят сабли из ножен, хватаясь за пистолеты. На корабле имелся небольшой запас оружия, и его принесли наверх. Но что проку от ружей против пушек военного корабля? Осталось только бегство. На предельной скорости, уповая, что котел выдержит давление, что никакая важная деталь не сломается.

Офицеры метались, как львы в клетке, бормоча проклятия, горя желанием атаковать и уничтожить преследователя. Но им оставалось лишь беспомощно следить за неуклонным приближением вражеского корабля. Линкольн оставил их, найдя более спокойное убежище на мостике. Рулевой у штурвала воплощал неколебимую уверенность, устраняя малейшее уклонение в сторону, направляя судно прямо к мысу. За ним убежище, за ним крепость Монро. Капитан бормотал что-то в переговорную трубу, консультируясь с главным механиком. Поднявшись на спардек и поглядев назад, Линкольн с ужасом увидел, насколько приблизился линкор за пару минут.

У носа кипели белые буруны. Внезапно, повинуясь какой-то неслышной команде, на обоих бортах показались черные силуэты.

— Выкатывают пушки, — сообщил капитан,

поднявшийся к президенту.

— С виду он очень близко, — заметил Линкольн, поглаживая бороду.

— Он и есть очень близко, господин президент. Не хочется говорить, но придется. Он гораздо быстрей нас. Нам не уйти, сэр.

— Но шанс-то наверняка есть.

Капитан указал на оконечность полуострова, где волны лениво лизали песчаный берег.

— Мыс-то мы обогнем, уж будьте покойны. Но до форта еще миль восемь вдоль берега. Фрегат нагонит нас еще на полпути. Увы, сэр. Мы сделали, что могли... и это старое суденышко тоже. Больше ничего поделать нельзя. Давление пара на пределе, чуть ли не за пределом. Еще малость, и котел взорвется. Больше нам не выжать.

Так близко, так близко! Линкольн грохнул кулаком о стену будки. Да не может так быть! Не может война кончиться вот так — унижением и бесчестьем. Слишком много поставлено на карту, слишком много солдат сложили свои головы. Теперь, когда появилась возможность положить конец войне между штатами, — такое дурацкое столкновение, даже поверить трудно. Но все на самом деле. Британский корабль все надвигается и надвигается, конец недалек.

Рулевой переложил штурвал, и пароход накренился, огибая мыс, настолько близко от заболоченного берега, что волны от кормы почти докатились до него. Пароход немного оторвался от преследования, потому что британскому фрегату пришлось уйти дальше в море, чтобы оставить побольше воды под килем.

Но подобного отрыва явно недостаточно. Опыт речного судоходства подсказывал Линкольну, что прорваться под защиту пушек форта не удастся. Фрегат настигнет их задолго до того. На мгновение вдруг показалось, что британец решил отстать, но тот лишь показал борт, ощетинившийся пушками. Потом снова развернулся носом, быстро настигая крохотный пароходик.

Линкольн не мог смотреть на неуклонное приближение рока и устремил взгляд прямо по курсу, когда впереди уже открылся восточный берег. С черной полоской форта Монро в конце.

— Боже мой! — охнул вдруг капитан.

— И вправду, Боже мой, — согласился Линкольн, разжимая руки, отчаянно вцепившиеся в перила.

Ибо там, не далее мили впереди, дымил трубой броненосец, направляясь в их сторону.

Но настоящей отрадой для глаз был флаг, раз-

вевающийся на мачте — звездно-полосатый.

Атака на Вашингтон

Во главе флотилии шел «Роял Оук», шестидесятипушечный линкор. А в кильватере за ним — еще два больших корабля. «Принц-регент», тоже шестидесятипушечный, а следом — «Отпор» с пятьюдесятью девятью пушками. Они медленно выплыли из-за излучины реки, и город Вашингтон открылся перед ними как на ладони. Военные корабли двинулись к северному берегу реки, а военные транспорты отошли к виргинскому. Как только британские суда оказались на расстоянии выстрела американской полевой артиллерии, расположенной на берегу, и пушек форта Кэррол, те открыли огонь. Гром стрельбы эхом прокатился по пустым улицам города; в жарком воздухе поплыл едкий дым. Артиллеристы радостно закричали, увидев, что их ядра попали в высокие дубовые борта боевых кораблей.

Но их голоса потонули в громе ответного залпа. Тридцать пушек выпалили как одна, и отдача качнула «Роял Оук». Береговая батарея прекратила свое существование. Недоукомплектованный людьми форт замолк под градом ядер.

Теперь стреляли другие береговые батареи,

но почти ничем не могли повредить толстым дубовым корпусам британских кораблей. Те подплыли ближе к берегу, развернувшись так, чтобы канониры могли прицельно стрелять по отдельным батареям и орудиям. Тех и с самого начала было не так уж много, а с каждой минутой становилось все меньше. Не прошло и четверти часа, как все они были разбиты.

Их встретила оружейная пальба американских солдат, в ответ британские орудия открыли огонь шрапнелью. Морские пехотинцы-спайперы на вантах внесли свою лепту в избиение обороняющихся. Поднялись сигнальные флаги, и большие военные транспорты подняли паруса и пересекли реку. Матросы съехали по веревкам на берег, чтобы привязать суда, и тотчас же были спущены сходни.

Ко времени, когда первые войска сошли на сушу, очаг сопротивления был почти подавлен. Подбадриваемые криками сержантов, две колонны быстро построились и зашагали вперед. Одна в направлении Капитолия, а другая — прямо к Белому дому. История мести, повторенная сызнова.

Министр Стэнтон поглядел из высокого окна Военного департамента на войска, наступающие по Пенсильвания-авеню. В коридоре у него за спи-

ной послышались крики и топот бегущих ног.

— Сэр! — окликнули сзади. Обернувшись, Стэнтон увидел раскрасневшегося, вспотевшего капитана Докерти. — Мы доставили президентскую родню в безопасное место, и я со своими людьми изо всех сил поспешил сюда.

— Куда вы их отвезли?

— Миссис Линкольн сказала, что они будут в безопасности в доме миссис Морган в Джорджтауне. Это место ничуть не хуже всякого другого. Они заперлись и закрыли все окна ставнями. Но я все-таки оставил с ними капрала и еще двух человек, просто на всякий случай.

— Как обстановка на улицах?

— Улицы по большей части пусты. Дома все заперты. Но на улицы выходит все больше людей с ружьями.

— В каком это смысле?

— Горожане. Отвезли своих женщин и детей от греха подальше, а потом, наверно, осерчали. Может, тут и столица страны, но этот город всегда был южным. Здешние жители не потерпят вторжения, особливо от британцев.

— Нельзя ли их сформировать? — поинтересовался генерал Смит, отворачиваясь от окна. С улиц донеслась оружейная пальба.

— Невозможно, но они и так недурно справляются, насколько я видел. Большинство отстреливают красномундирников по одному, как индюшек. Поднимаются, выпускают пулю, а после отходят, не знаю, насколько хороши они против регулярных войск, но видел, как красные мундиры падают.

Солдаты уже открыли стрельбу из окон по англичанам, двигающимся по улице. Ответный залп выбил стекла из окна, и Стэнтон отошел в дальний конец комнаты, подальше от зоны обстрела.

— Что вы видите, генерал?

Не обращая внимания на случайные пули, залетающие в комнату, генерал даже высунулся из окна, чтобы видеть получше.

— Войска из Кентукки, что расположены в Белом доме, дают недурной отпор. Не подпускают раковых шеек даже близко — клянусь муками ада, добрая стрельба!

— Что там?

— Англичане предприняли вылазку — отделение с горящими факелами, но их перебили до того, как они успели добежать до портика. Но так долго продолжаться не может, у них слишком большое численное преимущество.

Теперь, когда огонь сосредоточился на Белом доме, Стэнтон осмелился подойти к окну. На улицах кишмя кишели вражеские солдаты. Окружив Белый дом, они медленно надвигались. Катастрофа неминуема. Неужели они сожгут и Капитолий?

Корабль ВМФ США «Мститель» — паровой, с железным корпусом и машинами достаточно мощными, чтобы развивать в море скорость до пятнадцати узлов — только-только сошел со стапелей. Защищенный мощной броней, с четырьмя четырехсотфунтовыми орудиями Пэррота, смонтированными в двух башнях, в море он буквально воплощал собой акулу. Командор Голдсборо лично находился в рубке, когда впереди показался маленький пароходик, выскочивший из-за оконечности полуострова Йорктаун менее чем в миле впереди. Старший помощник направил бинокль в его сторону.

— Я знаю этот корабль, командор. «Ривер Квин», приписан к сухопутным войскам, несет почтовую службу...

Голос его пресекся, когда вслед за маленьким пароходиком в поле зрения вошел большой боевой корабль. Военный корабль, идущий на всех парусах, ощетинившийся пушками и изрыгаю-

щий столб черного дыма.

— Британцы, — сказал командор, разглядев флаг. — Свистать всех наверх! Приготовиться к бою. Открыть орудийные порты и выкатить пушки!

— Болванками, сэр?

— Нет, новыми разрывными снарядами. Он нас заметил и разворачивается, но ускользнуть ему не удастся.

Однако британский корабль вовсе не отступал. Уже выкатив пушки, он был готов к бою. И, прекратив преследование «Ривер

Квин», он развернулся, чтобы вступить в бой с новым врагом, внезапно появившимся прямо по курсу.

Оба корабля подняли давление в котлах почти до предела и сближались на скорости почти тридцать пять миль в час. Не прошло и двух минут, как разделявшая их миля сократилась до сотни ярдов. Через смотровые щели в бронированной рубке американские офицеры без труда разглядели на вражеском корабле канониров и офицеров на мостике, устремивших взгляды в их сторону.

— Руль на штирборт, — приказал Голдсборо. — Рулевой, влево пять, оставить его по левому борту. Так держать.

Когда огромный боевой корабль развернулся и пронесся мимо, капитан «Ривер Квин» уменьшил давление в котле натруженной машины и повел пароход следом за вражеским кораблем. В салоне послышались смех радости и облегчения, выкрики восторга.

Офицеры высыпали на палубу, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Через окно мостика президенту Линкольну открывался идеальный обзор поля предстоящего боя.

— Ничего подобного вы больше никогда не увидите! — воскликнул капитан. — Никогда!

Мгновение казалось, что боевые корабли столкнутся нос к носу. Однако они разминулись на какие-то несколько ярдов. И пока шли борт к борту, орудия британского фрегата рявкали одно за другим, стреляя в упор.

Абсолютно безрезультатно. Ударившись о стальные башни, ядра как мячики заскакали прочь. Пламя выстрелов протянулось между кораблями, как мостки, воздух застлал дым.

А затем выстрелил «Мститель». Всего четыре выстрела, один за другим, прямой наводкой, оглушительно, будто гром летней грозы.

Затем корабли разошлись, на краткие мгновения схлестнувшись в бою, на том и закончившем-

ся. «Мститель» развернулся по широкой дуге. К тому времени, когда он лег на обратный курс, он был уже готов к бою, перезарядив орудия, одно за другим выкаченные обратно на позиции. На броне виднелись подпалины, копоть и выбоины в тех местах, где в нее ударились и взорвались ядра. Но корабль ничуть не пострадал.

Деревянный же британский фрегат был изрешечен и теперь пылал от носа до кормы. Англичанам едва хватило времени, чтобы спустить шлюпки, когда пламя охватило такелаж и паруса. Перепуганные матросы бросались в океан, чтобы не сгореть заживо. Трупы и опрокинутые пушки были разбросаны по палубе. Из трюма донесся приглушенный взрыв, и пар, бьющий из взорвавшегося котла, усугубил положение.

«Мститель» сбавил ход и подошел к врагу, направив пушки на него и не теряя бдительности. Понапрасну: тот не сделал ни выстрела. Отказавшись от сопротивления, вражеский корабль застыл в море, почти скрытый пламенем и дымом, с ревом вырывающимся из его недр.

— Спустите шлюпки, чтобы принять уцелевших, — удовлетворенно кивнул Голдсборо.

Пароходик подошел поближе к крейсеру, и сигнальщик принялся передавать сообщение

Линкольна. Как только важность этого сообщения дошла до командора Голдсборо, тотчас же был отдан приказ, и одна лодка, сверкая веслами, устремилась к пароходу. Линкольн устало спустился с мостика, чтобы переговорить с собравшимися офицерами.

— Джентльмены, полагаю, мы сегодня стали свидетелями чуда.

— Аминь, брат, — отозвался один из офицеров генерала Ли, до военной службы бывший проповедником.

— Времени терять нельзя. Мы все видели флот, ныне направляющийся на Вашингтон. И мы знаем, как беззащитен город в настоящий момент. Провидение послало нам это замечательное судно, которое может положить конец вторжению. Мы с генералом Шерманом поднимемся на борт «Мстителя» и отправимся с ним. Вы следуйте за нами на этом пароходе. Встретимся в Вашингтоне. — Он поглядел на шлюпку, поднявшую весла и привязанную к их борту.

— Но ведь это опасно, господин президент. Я солдат, и мой долг идти в бой. Но вы глава страны, ваша жизнь куда ценней, чем моя, — запротестовал генерал Шерман.

Линкольн покачал головой.

— У меня складывается впечатление, генерал, что по крайней мере сегодня провидение на нашей стороне. Пойдемте. — Приблизившись к трапу, он спустился, и один из матросов помог ему спрыгнуть в шлюпку. Шерману оставалось лишь последовать за ним.

Как только они поднялись на борт, командор Голдсборо вышел на усеянную осколками палубу, чтобы поприветствовать их. Старый, седовласый и тучный, он по-прежнему не лишился боевого духа.

— Спасибо за своевременное прибытие, — сказал Линкольн, бросил взгляд на пылающий остов и тряхнул головой. — Подумать только, один-единственный залп...

— Мы воспользовались разрывными снарядами, господин президент. Кормовая батарея была заряжена новыми зажигательными снарядами, мы их испытывали в море. Они наполнены легковоспламеняющимся веществом, каковое, говорят, горит в течение получаса и не может быть никоим образом погашено. Мне бы хотелось иметь побольше таких снарядов, ибо они зарекомендовали себя великолепно. Впрочем, что ж это я, добро пожаловать, сэр. Приветствую вас на борту судна. Вас также, генерал Шерман.

— Отвернувшись, он принялся выкрикивать команды зычным голосом, способным перекрыть рев даже самой неистовой бури; в трюме зарокотала машина. Кашлянув, командор прочистил горло и продолжил разговор, но уже куда более легким тоном. — Я пристал в форте Монро меньше двух часов назад, чтобы взять запас угля. Затем начали приходить телеграфные донесения о появлении вражеского флота в Потомаке. Насколько мне известно, мой корабль в этих водах — единственный нужного класса. Так что я отдал швартовы и... ну, дальше вы все сами видели. Должен поблагодарить вас, что завлекли этого британца мне навстречу.

— Это мы должны поблагодарить вас, командор, за ваше своевременное прибытие и весьма убедительное обхождение с нашим преследователем. А теперь на Вашингтон.

— На Вашингтон, господин президент. Полный вперед!

Военный департамент не подвергся непосредственному нападению, и генерал Роуз выслал разведчиков, чтобы те выскользнули из задних окон и разведали обстановку. Надо непременно выяснить, что происходит. Разведчик, вернувшийся первым, был направлен с докладом прямо

к министру Стэнтону.

— Что происходит в городе, капрал?

— Довольно тихо, никто не шевелится, не считая англичан. По-моему, Капитолий горит и обстреливается. Но подобраться поближе, чтобы увериться, я не мог. Потом я выслал разведку к реке. Все наши орудия уничтожены, и многие из солдат убиты. Красномундирники все еще высаживаются, разворачиваются в боевые порядки, но многих перебили.

— Как это?

— Местные не очень-то их жалуют. Смахивает на то, что все фермеры, кто мог приехать верхом хоть на осле, направились

прямиком в город, когда эти корабли вошли в Потомак. Они образовали цепь и все время стреляют, и новые подходят к ним с каждой минутой.

— Их достаточно, чтобы остановить британцев?

— Я так не думаю, сэр. Те войска регулярные, и их ужасно много.

— Мистер Стэнтон, похоже, они вот-вот ворвутся в Белый дом!

Конец был неотвратим. Обороняющиеся прекратили огонь, поскольку, когда вражеские

солдаты начали ломать забаррикадированную центральную дверь, попытки обороняющихся стрелять через закрытые ставнями окна ничего не дали.

Вдруг, перекрывая нерегулярный треск выстрелов, ясно пропела труба. Повторяя все тот же сигнал снова и снова.

— Что они протрубили? Что это значит? — встревожился Стэнтон.

— Боюсь, не знаю, сэр, — покачал головой генерал. — В армии Соединенных Штатов такой сигнал не используется.

— Я знаю, сэр, — вмешался капрал. Взгляды всех присутствующих устремились на него. — Я в подразделении связи, мы знаем и все британские сигналы. Это «отбой», сэр. Вот что они трубят. Отбой.

— Но почему? — недоумевал Стэнтон. — Они же побеждают. Наши войска рассеяны и находятся под непрерывным огнем...

— Не войска! — воскликнул генерал Роуз. — Поглядите, вон там, на Потомаке!

И в самом деле, на серебряной полоске реки, едва виднеющейся за верандами Белого дома, появился грозный темный силуэт. Пушки наготове, а на флагштоке развевается звездно-полосатый

флаг.

Американский броненосец — спасение города.

— Какие будут приказания, господин президент? — спросил командор.

Линкольн наклонился и выглянул через прорезь в броне, покрывающей мостик. В рубке было жарко и тесно. Каково же тут будет, когда начнется орудийная пальба и по ней забарабанят снаряды, он даже воображать не хотел. Очень может быть, что в ближайшие минуты ему предстоит выяснить это на опыте.

— А что предлагаете вы, командор?

— Это ж дерево, сэр, сплошное дерево и никакого железа ни на одном корабле. А вы видели, что случается, когда дерево сражается со сталью.

— Действительно, видел. Можете ли вы предложить им сдаться?

— Мог бы, но сомневаюсь, что они согласятся. Эти корабли пришли сюда сражаться и будут сражаться. Видите, они уже разворачиваются, чтобы нацелить на нас пушки.

— А корабли с войсками, их вы не тронете?

— Конечно, если только они не откажутся сдаться и попытаются бежать. Но я думаю, что они будут достаточно рассудительными, когда увидят, что станет с остальными.

Пушки «Принца-регента» окутались дымом, и по всему броненосцу раскатился лязг металла о металл.

— Ответный огонь, — приказал Голдсборо.

Так началась битва на реке Потомак.

Британцы волей-неволей вынуждены были прибегнуть к оборонительной тактике, удерживая свои боевые корабли между вражеским броненосцем и беззащитными транспортами, стоящими вдоль берега. Отступающие войска торопились с посадкой, как могли, но этот процесс требовал времени. Времени, за которое люди должны были заплатить своей жизнью.

Они вереницей двинулись на единственного врага, разворачиваясь перед целью, как Нельсон поступил в Трафальгаре. Так корабли могли один за другим по очереди обрушивать огонь на единую мишень. Но успех в Трафальгарском сражении был достигнут деревянными кораблями против деревянных. Теперь же дерево натолкнулось на сталь.

«Принц-регент» шел первым. Пока он двигался вдоль броненосца, одна пушка за другой стреляли в упор, но ядра лишь отскакивали от брони: бомбы не пробивали ее. Американский корабль не отвечал огнем, пока задняя башня «Мстителя» не

поравнялась со шкафутом британского корабля. Оба четырехсотфунтовых орудия выстрелили, и массивные стальные болванки, сокрушив дубовую обшивку, пронеслись через забитую людьми орудийную палубу.

Следующим шел «Роял Оук», принявший на себя огонь второй башни; его постигла та же участь, что и его близнеца. Пушки раскатывались, люди с криками умирали, спутанные паруса и оснастка падали на палубу.

На перезарядку больших орудий уходило по две минуты. Каждую минуту одна из башен давала залп, обрушивая смерть на британскую эскадру. Корабли сражались и гибли один за другим, ужасающей ценой добиваясь ничтожной победы. Но первые транспорты уже отдали швартовы и двинулись вниз по течению. По берегу с ликующими криками носились люди, время от времени постреливая в отступающие корабли. У одного британского корабля снесло руль, и он беспомощно плыл по течению. Зрители еще громче закричали «Ура!».

Пушки дрейфующего корабля все еще стреляли вверх по течению, когда он медленно скрывался из виду. Маленькие пушчонки, стрелявшие через неравномерные интервалы. И каждые две

минуты — оглушительный грохот четырехсотфунтовых орудий.

— Мы побеждаем, мистер Линкольн, — доложил Голдсборо. — Нет никаких сомнений.

— Получил ли корабль какие-либо повреждения?

— Ни малейших, сэр, если не считать, что флагшток отстрелили. Они сбили звездно-полосатый флаг и заплатят за это жестокой ценой.

Вкус победы

Битва при Саратоге вступила в свой третий кровопролитный день. Войска, жидким ручейком сочившиеся на подмогу американцам, прямо с поезда шли в бой. И они держались, едва-едва, но все-таки держались. Битва шла врукопашную, артиллеристы не могли стрелять из-за страха попасть по собственным войскам. Затем, в полдень, британские войска дрогнули. Они не струсили, бились изо всех сил, но все впустую. И они заколебались. Генерал Грант заметил это и понял, что надо делать.

— Контратакуем. В бой идут самые свежие войска. Отбросьте британцев, нанесите им удар по больному месту.

С ревом восторга американские войска впер-

вые перешли в атаку. И британцы бежали.

Усталый офицер в запыленной форме козырнул, подойдя к генералу Гранту.

— Разведчики доносят об активном движении на левом фланге, генерал. Кавалерия, может, даже пушки. Смахивает на то, что они пытаются обойти нас с фланга и атаковать с тылу.

— Что ж, на их месте именно так я бы и поступил. Я только недоумеваю, почему им понадобилось столько времени, чтобы додуматься до этого. — Грант обернулся к офицерам штаба: — Как дела с едой и питьем?

— Когда последние подкрепления прибыли, мы поставили их на позиции и оттянули кое-кого из ветеранов. Дали им поесть и затем разнести еду остальным. Все прошло отлично. Вдобавок у нас еще масса боеприпасов.

— Искренне надеюсь. Враг так легко не сдастся.

— А еще я там встретился с офицером, генерал. С кавалеристом. Он хочет видеть вас.

— Кавалерист, говорите? Я тоже хочу с ним поговорить.

Приехавший верхом всадник только-только спрыгнул на землю, когда Грант подошел к нему и вдруг застыл на месте, как громом поражен-

ный. Он читал телеграфные донесения о втором британском вторжении и сражении на Миссисипи, но в пылу смертельного боя общий смысл этой ситуации как-то не дошел до его сознания. А теперь он видел прямо перед собой серый мундир и золотой кушак конфедератского офицера. Высокий бородатый конфедерат обернулся к нему, и лицо его озарилось улыбкой.

— Улисс С. Грант, клянусь жизнью и душой!

— Рад тебя видеть, Джеб, очень рад.

Они пожали руки друг другу, смеясь от удовольствия. В последний раз они встречались в Вест-Пойнте, с той поры пути их разошлись. Грант стал генералом армии Соединенных Штатов, а Дж. Э. Б. Стюарт — первым кавалеристом Конфедерации.

— Мы ехали на север поездом, сколько смогли, а затем срезали угол по местности. Кое-кто из фермеров затеял стрелять в нас дробью, но ни в кого не попали. Наверно, подумали, что мы британцы. Слыхал я, что Камп сделал ради нас в Билокси. Вот и решил, что могу сделать ответную любезность старому другу.

— Ты не представляешь, как я рад. Мои разведчики доносят об активности врага на нашем левом фланге.

— Что ж, вполне справедливо. Сейчас мои ребята напоят лошадей и дадут им немного передохнуть. Как только с этим будет покончено, пожалуй, мы можем немножко поразнюхать обстановку и посмотреть, что можно сделать. Ты такие еще не видел? — Он вытащил из длинной седельной кобуры карабин и протянул Гранту. — Когда мы проезжали через узловую в Филадельфии, нас разыскал один интендант, сказал, что доставляет это оружие войскам, а поскольку мы ближайшие, то первыми его и увидим. Это было весьма дружелюбно с его стороны, и мы с благодарностью приняли его предложение. Эта спенсеровская винтовка, заряжающаяся с казенника, просто изумительна. По-гляди-ка. — Стюарт вытащил из деревянного приклада винтовки и продемонстрировал металлический цилиндрик. — Тут целых двадцать патронов, все металлические с ударным колпачком в торце. Их можно выпустить один за другим с такой скоростью, с какой будешь успевать дергать за рычаг взвода и нажимать на курок. Бронза просто вылетает, а следующий патрон входит в патронник. Выпускай пулю и делай то же самое. Я безумно рад, что мы их заполучили. Хотя вряд ли я им так обрадовался бы всего несколько дней назад, ведь

тогда бы нам пришлось видеть их не со стороны приклада, а со стороны дула.

Грант с восторгом поворачивал винтовку в руках так и эдак, но в конце концов вернул ее владельцу.

— Я слышал, что их начали выпускать, но еще ни разу ни одной не видел. Здесь бы мне пригодилась пара-тройка тысяч таких.

— Идеальное оружие для кавалериста. Мои мальчики прямо-таки рвутся в бой, чтобы испытать их в деле.

— Удачи.

Стюарт поскакал обратно к своим войскам, а Грант вернулся к угрюмому делу обороны своих позиций. И истребления англичан.

Рядовой Пул из Шестнадцатого Бедфордского и Хертфорд-ширского полка чувствовал себя совсем несчастным. Два года его полк стоял в Квебеке, в Канаде, дичайшей из диких стран. Летом поджариваешься, зимой отмораживаешь себе задницу. А потом эта война. Сперва долгий марш до пристаней, затем на барках по озерам. Все это было довольно просто, но последний марш на юг в жару — дело совершенно другое. После этого было приятно немного передохнуть, прежде чем убивать янки. Первую шайку подмяли под себя,

не останавливаясь. Да и со второй было ненамного больше возни. Но эти легкие победы остались позади. Завязалась яростная борьба, и британцы начали нести тяжелые потери. Не один и не два приятеля Пула отправились на тот свет. Но что хуже, в последнем бою его мушкет взорвался и обжег ему полголовы. Непременно надо в лазарет, уж наверняка. Но сержант так не считал. Велел ему натереть ожог жиром и встать в строй. Дал ему мушкет убитого. Бесполезная вещь, Бурая Бесс, то самое ружье, которым перебили войска Наполеона. Но то было давным-давно. Пулу не хватало его нарезного энфилдовского мушкета.

— Колонна, стой! Примкнуть штыки! Нале-во!

Сержант прошел позади строя, осматривая ранцы и оружие своими крохотными холодными глазками.

— Сейчас мы пойдем в атаку, — сказал он. — Пойдем шеренгой, будем наступать вместе, и я шкуру спущу с того, кто отстанет.

Пул мрачно подумал, что с сержанта станется, и пожалел о том дне, когда послушался вербовщика, зайдя выпить в «Лошадь и собаки». Тот покупал выпивку на всех, нахваливал чудесную жизнь в армии. Дескать, королевский шиллинг и новая жизнь в «Старых утках», как, по его словам,

любовно называли полк. Теперь любви почти не осталось.

— Вперед...

Не успела команда отзвучать, как солдаты услышали топот копыт мчащихся галопом лошадей, донесшийся из жиденького леска, вытянувшегося вдоль дороги. Все громче и громче.

А затем послышались крики. Безумное, высокое улюлюканье, от которого мурашки бежали по спине. Сержант рявкнул приказ, и они только-только повернулись лицом к врагу, когда кавалеристы налетели на них.

Кавалеристы в серых мундирах с криком и улюлюканьем ринулись в атаку. Стреляя на полном скаку опять и опять, ураганом пронеслись они через ряды британской пехоты и развернулись, чтобы атаковать снова. Все еще стреляя. И вроде бы даже не перезаряжая ружей, а только неустанно осыпая ряды англичан пулями.

Ряды англичан таяли на глазах под непрекращающимся свинцовым градом. Кое-кто из пехотинцев стрелял в ответ, но очень немногие. Всадники оставались на месте, все стреляя и стреляя. Не останавливаясь, они все сыпали и сыпали ураган пуль на стоящих перед ними людей.

Когда они ехали через британские ряды об-

ратно, стрелять было уже не в кого. Если среди павших солдат обнаруживалось малейшее движение, оно пресекалось кавалерийской саблей. И когда кавалеристы на рысях возвращались под прикрытие леса, позади царило полнейшее безмолвие.

Так и не выстрелив ни разу, рядовой Пул получил пулю в руку и упал на свой мушкет. Он выжидал много-много долгих минут, прежде чем окончательно уверился, что кавалеристы ускакали, затем столкнул тяжелый труп сержанта со своей спины. С трудом поднялся на ноги и в ужасе огляделся. И заковылял на дорогу, чтобы уйти подальше от этой бойни.

Единственный оставшийся в живых.

А по ту сторону Атлантики над Англией бушевала летняя гроза. Дождь лил как из ведра, реки вздувались и выходили из берегов. Молнии вспыхивали за резными башнями Виндзорского замка, грохотал гром. Два человека, неохотно выбравшиеся из кареты, мгновение помялись, а затем поспешили найти укрытие в арке дверей. Ливрейный слуга помог лорду Пальмерстону спуститься на землю и чуть ли не понес его ко входу, где уже ждали остальные. Подагра чуточку отпустила, но наступать на ногу было все еще

больно.

Двери перед ними распахнулись, и они вошли в замок, в последний зал, где должны были встретиться. Герцог Кембриджский, только что вернувшийся из Америки и выглядевший весьма внушительно в парадном мундире, обернулся к вошедшим.

— Грандиозно, как раз те господа, которых я хотел видеть. Входите обсушитесь, хлебните вот этого, — он махнул своим бокалом в сторону буфета. — То самое, что надо в эту гнилую погоду.

Ни словом, ни делом, ни жестом не упомянул он о сокрушительном поражении войск в Мексиканском заливе. И никто не осмелился спросить его об этом. С тех самых пор, как американские газеты начали каркать о восхитительной победе, герцог оставался в уединении. Когда же он снова вышел на люди и снова возглавил армии, никто не набрался смелости помянуть ему об этом. Дело прошлое, ему предстоит блестящее будущее.

Пришедшие забормотали приветствия весьма вежливо, поскольку герцог не только двоюродный брат королевы, но и главнокомандующий британскими армиями. Потом с интересом посмотрели на стройного офицера, стоявшего рядом с герцогом и казавшегося чуть ли не истощенным

по сравнению с тучным главнокомандующим. Вместо банта или галстука шея офицера была обмотана бинтами, так что он не мог вертеть головой. Герцог кивнул в его сторону.

— Вы случаем не знакомы с полковником Дюпуем из Пятьдесят шестого Вест-Эссекского? Он прибыл домой на поправку и доставил информацию о колонистах. Отзывается хорошо об их оружии и весьма презрительно — о нашем. Хочет потратить деньги, изрядное количество денег, осмелюсь сказать. Вот, полковник, с этим пареньком вы и хотите поговорить. Зовут Гладстон, советник казначейства.

— Рад познакомиться, полковник. Надеюсь, ваше выздоровление идет хорошо.

— Отлично, спасибо, сэр, — хриплым шепотом ответил тот.

— А на что вы хотите потратить золото нашей нации?

— На оружие, сэр. Современные винтовки, и притом заряжающиеся с казенника. — Он притронулся к своей шее. — Вроде той, что сделала это. С расстояния в сотни ярдов.

— Вы, сэр, — вспылил Пальмерстон, — вы считаете, что страна не смогла хорошо обеспечить свои войска?!

— Нет, сэр, я вовсе не подразумеваю этого. Я хочу сказать, что войска, в том числе и я, довольствовались статус-кво и слишком мало думали о модернизации. Вам известно, что кое-кто из моих людей до сих пор пользуется тауэровскими мушкетами?

— Бурая Бесс выиграла не одну войну, — заметил герцог.

— Выиграла, сэр, в прошлом, сэр. Пятьдесят-сто лет назад. Один из моих офицеров с презрением отозвался об этом оружии и зашел настолько далеко, что сказал — конечно, в шутку, — что предпочитает добрый английский лук. Куда более хорошее, более точное оружие, чем мушкет. И скорострельность в четыре раза выше. И не выпускает дыма, который выдает местоположение солдата.

— Изумительная шутка, — бросил Пальмерстон, рассерженный подобным легкомыслием. — И что, всегда ваши офицеры столь дерзки?

— Редко. Этот уже не повторит свою дерзость. Он погиб в сражении под Платсбергом.

— Вы упомянули только об оружии, — сказал лорд Рассел. — Не хотите ли заодно возложить вину на нашу мораль, на нашу организацию, на нашу способность сражаться?

— Поймите меня правильно, сэр. Я профессиональный солдат профессиональнейшей армии мира — и горжусь этим. Но, проще говоря, сражение выигрывают пули. Если враг выпустит в меня десять пуль за то время, которое требуется мне, чтобы выпустить одну, тогда он стоит десяти солдат. Откуда следует, что в бою речь о равенстве уже не идет. Сто против ста означает, что моя сотня против их тысячи. Таким образом бой не выиграешь.

— Выучка — вот что главное, — возразил герцог. — Выучка и мораль. У нас есть мораль, выучка и решимость сражаться и победить в любом уголке мира. Нерешительные люди не смогли бы построить эту Империю. Мы никогда не проигрывали и всегда будем выигрывать в будущем. Эту маленькую заминку мы преодолеем. Враг будет побит, и мы одержим победу. Нам доводилось проигрывать сражения, но мы никогда не проигрывали войны. Временная заминка ведет к будущей победе. Если враг будет молить о мире, мы можем снизойти к нему. Но только с тем, чтобы в будущем вернуться еще большими силами. В конце концов нас ждет триумф.

Он сердито огляделся, ожидая, когда кто-нибудь возразит.

Воцарилось тягостное молчание, и все с радостью восприняли объявление о прибытии Ее Величества. Обернувшись, они поклонились, когда она прошла к своему трону. Королева Виктория оделась во все черное, с черными перчатками и черной вуалеткой: она оплакивает и будет вечно оплакивать своего любимого Альберта. С момента его смерти она все более и более опускается. Одутловатое лицо покрылось пигментными пятнами, она еще больше располнела. Придворные уже начали беспокоиться о ее рассудке. Королева кивнула герцогу Кембриджскому.

— Как я понимаю, это вы созвали данную встречу?

— Совершенно верно. Надо обсудить вопросы политики, и притом серьезные. Но сперва, если позволите, я бы хотел, чтобы вы лично услышали донесение о ходе этой войны, подействовавшее на меня, как не смогла бы подействовать никакая депеша или письменный приказ. Устный доклад человека, сражавшегося в этой войне. Полковника Дюпуя.

— Что ж, тогда говорите. Как идет война, полковник?

— Сожалею, мэм, но я принес только дурные вести.

— Я не сомневалась! — пронзительным голосом вскинулась она. — Последнее время чересчур много дурных вестей, чересчур много.

— Глубоко сожалею, что должен усугубить ваше огорчение. Уверяю вас, солдаты и матросы Вашего Величества сражались весьма доблестно. Но на суше у противника было превосходство в артиллерии, а в море невероятное превосходство в технике. Уверяю Ваше Величество, что отважные люди приложили все силы, храбрости у них хватало, но суть войны заключается...

Голос полковника охрип еще сильнее, и он прикоснулся к шее кончиками пальцев, будто хотел утихомирить боль. Королева подняла руку.

— Довольно! Этот человек ранен, ему нужна медицинская помощь, а не аудиенция королевы. Пусть полковнику помогут, позаботьтесь, чтобы он отдохнул. Нам больно видеть, что отважный человек, пострадавший за свою страну, находится в столь затруднительном положении.

Она молчала, пока полковник на дрожащих ногах пятился из комнаты, затем обрушилась на герцога:

— Вы имбецил! Вы привели этого человека сюда, чтобы смутить нас, чтобы доказать какую-то смутную, непонятную точку зрения, которая

совершенно не ясна мне! Да будет вам известно, мы отнюдь не находим это забавным.

Ее гнев никоим образом не смутил герцога Кембриджского.

— Не смутную, дорогая кузина, а мучительно ясную. В этой войне мы зашли в тупик и несем большие потери на Северном фронте. Я хочу, чтобы ваш премьер-министр и его Кабинет очень хорошо усвоили этот факт. А у меня есть даже более дурные новости. Похоже, эта колониальная война распространяется. У нас имеются донесения о том, что полки Конфедерации присоединились к Союзу в нападении на наши войска.

— Этого не может быть! — воскликнула королева Виктория с исказившимся от гнева лицом.

— Это правда.

— Не могут же они быть так двуличны! Эта война разразилась из-за двух несчастных дипломатов, все еще находящихся в руках врага. А когда мы встали на их защиту, они повели себя коварно, как янки. Вы говорите, что они объединились, чтобы воспротивиться нашей воле?

— Объединились. Быть может, это из-за отвлекающей атаки, которую мы провели на юге страны. Теперь нам этого не узнать.

За этим несообразным заявлением последова-

ло молчание: никто не осмеливался раскрыть рта. Историю пишут сильные мира сего. Герцог заговорил снова, спокойно и вежливо:

— Итак, познакомившись со всеми фактами, мы можем определить курс дальнейших действий.

— Терпению моему приходит конец, — взвизгнула королева. — Скажите мне, что происходит!

— Надо принять решение. Решение очень простое. Мир — или в противном случае — более кровопролитная война.

Королева никогда не отличалась терпением, а сейчас оно и вовсе подошло к концу, и она заверещала:

— Вы говорите о мире после унижения, которое мы претерпели? Вы говорите о мире с этими колониальными тварями, которые убили моего дорогого Альберта?! Неужели мы, величайшая империя всех времен, должны унизиться перед этими захолустными повстанцами, этими свиньями?!

— Нам вовсе нет нужды унижаться, но мы должны поразмыслить о мирных переговорах.

— Никогда! А вы, джентльмены Кабинета, вы слышали, что я сказала.

Лорд Пальмерстон помешкал, прежде чем ответить.

— Полагаю, я выражу общее мнение, когда скажу, что герцог высказал ряд сильных доводов...

— Да неужто?! — вскричала королева пронзительным голосом, побагровев от гнева. — Но как быть со страной, как быть с людьми и их желанием преподать этим выскочкам незабываемый урок? Я выражаю мнение народа, когда говорю, что о сдаче не может быть и речи! Надо ведь принять во внимание и такую вещь, как гордость.

Герцог Кембриджский склонил голову в знак подчинения ее воле.

— Конечно, мы не сдадимся. Но одной лишь гордостью подобную войну не выиграешь. Если мы не идем на мир, то должны укрепиться для новых усилий. На море нам нужны броненосные корабли, а на суше — современное оружие. Следует воззвать к Империи о помощи, о людях, о деньгах, которые нам нужны для создания вооруженных сил, без каковых нам не одержать окончательной победы.

Лорд Джон Рассел заставил себя заговорить:

— Ваше Величество, если позволите. Настал момент величайшего решения, и следует взвесить все факты, спокойно и хладнокровно. Я твердо убежден, что между правительством Вашего Величества и этими Соединенными Штатами не

должно быть затяжного конфликта. Мы происходим от общего корня, говорим на одном языке. Несомненно, надо подумать и о мире, а не только о войне. — Поклонившись, он отступил назад.

Гладстон представлял, какого порядка суммы нужны для продолжения войны, а также знал, насколько истощена казна. Здесь он не посмел об этом заговорить, но бросил умоляющий взгляд на Пальмерстона. Премьер-министр мрачно кивнул.

— Ваше Величество, мы должны принять во внимание сказанное лордом Расселом. Мы также должны подумать о финансовых затратах на то, о чем говорим. А они превосходят пределы разумного. Полагаю, что мы должны рассмотреть все открывающиеся возможности. Можно начать переговоры о справедливом мире, подразумевая, что, может быть, придется принести извинения...

Пока остальные говорили, гнев королевы немного поостыл. Более того, голос ее прозвучал почти бесстрастно, словно в ее теле поселилась другая личность.

— Слишком поздно. Мы не считаем мир возможным на данном этапе. А возможности проигрыша просто не существует. Если американцам следует

преподать урок, то это должен быть наглядный урок. Переговорите с моими министрами и подготовьте предложения касательно этой механической войны, которую ведет наш враг. То, что могут сделать они, мы, британцы, наверняка можем сделать лучше. Ибо разве не у нас очаг науки и техники? Куда идет Британия, мир должен следовать волей-неволей. Преклонив колени перед этой дикой страной, населенной оборванцами, мы заслужим от коронованных особ Европы лишь презрение. Мы не должны поддаваться. Этот опыт только укрепит Британию и Империю. В течение столетий мы правили морями, и так должно оставаться в обозримом будущем. — Она решительно скрестила руки на коленях. Потом с угрюмой решимостью, поджав губы, оглядела собравшихся, словно провоцируя их на спор или несогласие. Молчание затягивалось. Никто так и не раскрыл рта. — Что ж, тогда вы свободны.

Вторая американская революция

Президент Конфедерации и президент Соединенных Штатов взяли за правило встречаться каждое утро. Началось это случайно, когда они хотели приготовить общую повестку дня перед совместным заседанием Кабинетов: Джефферсон

Дэвис приезжал в коляске из «Вилардс-отеля», расположенного чуть дальше по Пенсильвания-авеню, в доме четырнадцать, входил в Белый дом и поднимался по лестнице в кабинет Авраама Линкольна. Николай подавал им кофе, затем закрывал дверь и выставлял часового у дверей кабинета, чтобы их уединение никто не нарушил.

Как обычно, отпив немного кофе, Дэвис заговорил:

— Мне пришло весьма приятное послание от Уильяма Мейсона. Он просит меня поблагодарить вас самым сердечным образом за специальный приказ об их освобождении. Он вернулся в лоно семьи, как и Джон Слайделл. К письму прилагается коробка чудесных гаванских сигар.

— Вы должны поблагодарить капитана Уилкса, офицера, захватившего их в плен, потому что это он напомнил мне об их тюремном заключении. Посреди войны, разыгравшейся якобы из-за их захвата, никто, кроме Уилкса, и не вспомнил о них. — Линкольн пододвинул Джефферсону стопку телеграмм через стол: — Прибыли несколько минут назад. Контратака наших сил началась. Хотя еще слишком рано узнавать подробности, думаю, что могу без всякого зазрения совести сказать, что итог предрешен. Наши свежие войска против их

усталых, да к тому же у нас невероятное численное превосходство. Они должны отступить — или остаться на месте и сложить головы.

— Или и то и другое сразу. — Дэвис подул на кофе, чтобы остудить его. — Пожалуй, я испытываю жалость к обычным солдатам, которые служат под началом таких безжалостных господ. Но недостаточно сильную, чтобы пожелать иного исхода. Вероломному Альбиону надо нанести фатальный удар, который заставит его полететь кувырком и не оставит иного выбора, кроме поисков мира.

— Но только не чересчур рано, — Линкольн вскинул руки, будто хотел придержать этот исход. — Мы оба согласны, что, пока идут бои, эта страна едина. Так что мы должны учитывать, что может случиться, как только пушки смолкнут. Тут кое-кто дожидается в соседней комнате, и я хочу вас познакомить. Это весьма мудрый человек, о котором я уже вам рассказывал. Человек, принесший мне новые идеи, новые направления, которые, полагаю, повлияют на наш общий план действий. Он тот самый натурфилософ, который исповедует тайное искусство экономической теории.

— Мне о ней ничего не известно.

— Мне было тоже неизвестно, пока он не растолковал. С его помощью, полагаю, мы сможем найти способ уладить наши противоречия, перевязать раны и повести эту страну навстречу гордому единому будущему.

— Если он может сделать это, то я провозглашу его чудотворцем!

— Может, он и есть чудотворец. Но определенно он ставит свободу выше страны, ибо, помимо прочего, он еще и англичанин.

Дэвис не знал, что сказать, ибо загадочные материи финансов и экономики всегда были свыше его понимания. Он солдат, по нужде занявшийся политикой и испытывающий только одно желание — оказаться на поле боя во главе войск. Он лишь заерзал и поднялся, когда в комнату вошел седовласый философ. Линкольн представил его Джефферсону Дэвису, и они вежливо беседовали, пока Николай не вышел и не закрыл дверь. Только тогда президент вернулся к проблемам, стоящим перед ними.

— Вы знаете, мистер Милл, что ваша страна вторглась не только на Север, но и на Юг?

— Знаю. Не могу этого понять или объяснить. Могу лишь молиться, чтобы ваши объединенные войска смогли противостоять этому нападению.

— Мы тоже, сэр, — начал Линкольн и замялся, ломая длинные пальцы и ломая голову о том, что же можно открыть. Все, наконец решил он. Чтобы Милл мог помочь, ему следует открыть все мысли, каждое решение. — Воюющие стороны в нашей гражданской войне пришли к обоюдному соглашению о заключении перемирия, чтобы дать отпор общему врагу. Страна снова едина, но мы боимся, что вражда возобновится, как только бои закончатся. Однако я должен быть с вами откровенным и поведать все наши страхи и надежды на будущее, попросив ни с кем не делиться тем, что вы сегодня здесь услышите.

— Даю вам слово, господин президент.

— Мысли наши просты. Когда эта война, хочется надеяться, против захватчиков будет выиграна, сможем ли мы и дальше наслаждаться миром, ныне воцарившимся между недавно воевавшими штатами? И сможем ли мы каким-либо образом найти способ положить конец ужасной войне между штатами, ныне приостановленной?

— Конечно, можете, — спокойно и уверенно сказал Милл с откровенным удовлетворением и уверенностью. — Если вы сильны в своей решимости, я могу указать вам дорогу, каковая сделает этот мир возможным. Я воздержусь от попыток

читать вам лекцию, джентльмены, но имеются определенные факты, которые следует тщательнейшим образом учесть. Нам следует помнить уроки прошлого, дабы не повторять их. Я прибыл из Европы, скованный своим прошлым, а ваша страна свободна от него. Вы, конечно, помните, что всего несколько лет назад в Европе были опасные политические волнения. Она стара, и идеи ее стары.

Говоря, он расхаживал по комнате, время от времени назидательно подымая указательный палец, чтобы подчеркнуть какую-либо мысль.

— На сей раз французское правительство показало себя совершенно косным, действующим исключительно из самых низменных и эгоистических побуждений. Французский народ хотел перемен и готов был встать на баррикады, чтобы умирать за лучшее будущее. И что же случилось? Режим жирного короля средних классов Луи Филиппа не мог справиться с этим кризисом. Король бежал в Англию, а рабочий люд Парижа восстал как один и поднял красный флаг над отелем «Де Виль». И каков же был ответ? Парижские толпы были усмирены национальной гвардией ценой десяти тысяч убитых. Затем Луи Наполеон положил конец Второй республике и основал

Вторую империю.

В Бельгии напуганный король хотел отречься от престола. В конце концов правительство позволило ему остаться, и он в благодарность запретил собрания. В Германии были возведены баррикады. Затем были призваны войска, и мятежных граждан расстреляли. В Пруссии по-прежнему нет ни парламента, ни свободы речи, ни права собраний, ни свободы слова или суда присяжных, ни терпимости к идеям, отклоняющимся хотя бы на волосок от архаичного представления о священном праве королей.

— Вы Высказываете весьма сильные мнения в своих наблюдениях, — заметил Линкольн.

— Действительно, и я совершенно прав. Поглядите на другие страны. Народ восставал и в Италии, каковая была и по сей день остается не более как пестрой смесью анахроничных принципалов. А Россия, управляемая царями, является краеугольным камнем деспотии в Европе. И Прага, и Вена тоже пережили народные восстания, как и Париж, и толпы захватывали контроль над городами. И их расстреливали войска.

По сравнению со всем этим условия в Англии, несомненно, идиллические. Но теперь Британия вступила в эту глупую войну, сделала ужасную

ставку, решилась сместить избранное народом правительство, растоптать единственную значительную демократию в мире. Крохотная Швейцария не может воплощать в себе благородное будущее человечества. Но возрожденные Соединенные Штаты Америки могут.

Оба президента молча переглянулись, мысленно оценивая важность сказанного.

— Лично я никогда не рассматривал это в подобном свете, — промолвил Дэвис. — Полагаю, мы принимали нашу страну как данность и принимали эти достоинства как нечто само собой разумеющееся.

— Очень многое из того, что мы считаем естественным, может измениться, — ответил Милл. — Естественное правление Британии над американскими колониями было отменено этими же самыми восставшими колонистами. Я не уклоняюсь в сторону, когда говорю с вами о законах экономики. Если вы последуете за мной туда, куда я хочу вас повести, то дойдете до самой сути проблемы, с которой столкнулись.

Вы должны понимать, что истинной епархией экономической науки является производство, а не распределение, как считают многие. Этот факт имеет фундаментальную значимость. Экономи-

ческая наука о производстве связана с природой. Нет ничего произвольного в том, будет ли труд более производительным в этой отрасли или в той, ничего капризного или случайного в снижении плодородия почвы. Скудость и закоснелость в природе — реальные факты. Экономические правила поведения, открывающие нам, как довести до максимума плоды нашего труда, так же безличны и абсолютны, как законы, правящие химическим взаимодействием.

— Эти материи свыше моего понимания, — с недоумением посмотрел на него Джефферсон Дэвис.

— Уверяю вас, отнюдь. Просто пока следуйте за мной туда, куда я вас направлю. Законы экономики не имеют ничего общего с распределением. Как только мы произвели богатство, мы может делать с ним, что хотим. Мы можем разместить его, как нам заблагорассудится. Это уж общество решает, как следует его распределить, а общества бывают различными. Вы на Севере доказываете этот закон, потому что знаете, что нет «естественного» закона, решающего, как человек должен относиться к человеку. Это означает, что производственные отношения могут быть изменены, рабство может быть запрещено, а производство

все равно будет продолжаться.

— Позвольте с вами не согласиться, — яростно тряхнул головой Дэвис. — Экономика Юга основана на институте рабства, и мы не можем существовать без него.

— Можете и, несомненно, будете. Принцип частной собственности еще не подвергался настоящему испытанию. Сейчас он находится в остром противоречии, из-за которого вы и воюете, с истинным определением собственности. Я заявляю вам, что человеческие существа не могут быть собственностью. Законы и установления Европы все еще отражают ее кровопролитное феодальное прошлое, а не дух реформ. Только в Америке может быть проведен этот жизненно важный эксперимент. Я полагаю, что социальное поведение может быть изменено, и вы должны непременно верить в это, иначе не воевали бы за свободу.

— Свобода для Юга совсем не то же самое, что свобода для Севера, — возразил Линкольн.

— Ах, как раз напротив! Вы, конечно, говорите о рабстве. Но мы должны взглянуть на экономические показатели. Рабство — это общественный институт, пошедший на спад с 1860 года, а рабство и хлопок могут процветать, когда земля дешева и

плодородна. Цены на хлопок снижаются, и земля понемногу истощается. Разве это не так, мистер Дэвис?

— К несчастью, так. Перед войной цены на рабов упали, и многие мои знакомые плантаторы обнаружили, что держать много рабов — обуза.

— Сие есть слова, начертанные на стене невидимой рукой. Несмотря на весь этот фурор, никогда не было ни малейшей возможности, что рабство распространится на запад: земля там не подходит для этого. Рабство — обременительная и дорогая система и может давать доходы только до тех пор, пока имеется масса богатой, плодородной земли, и мир дает хорошую цену за продукты грубого труда. Полагаю, эта возможность исчерпалась. С тех пор как началась блокада южных берегов, мир искал иные источники хлопка в таких странах, как Египет и Индия.

— Но рабство не прекратится от того, что мы скажем ему об этом, — вставил Линкольн.

— Тогда мы должны создать ситуацию, когда оно более не понадобится. Вы сейчас вступили в войну против империи. Скоро она перерастет в экономическую, и вы должны взглянуть на свои ресурсы. Эта страна благословенна всеми натуральными ресурсами, которые вам нужны,

и их надо пускать в ход. Юг должен стать таким же индустриальным, как и Север, чтобы производить материалы для мира и войны.

— А рабы? — поинтересовался Дэвис.

— Рабов больше быть не должно, — твердо ответил Милл. — Но плантаторам следует заплатить за освобожденных рабов. Это небольшие затраты по сравнению с затратами на продолжение сражений, менее чем половина стоимости дня войны полностью окупит освобождение рабов в Делаваре. Стоимость восьмидесяти семи дней войны освободит всех рабов в пограничных штатах и округе Колумбия. Рабство не исчезнет за одну ночь, но первые шаги все-таки следует предпринять. И одним из этих шагов должен быть закон о том, что более никто не может рождаться рабом.

— Что-то я не понял, — встрепенулся Линкольн; Дэвис тоже выглядел озадаченным.

— Именно так. Вы, джентльмены, должны позаботиться о принятии закона, согласно которому дети, рожденные от рабов, свободны. Таким образом, в течение одного поколения институт рабства прекратит свое существование. Первым делом должен быть распространен билль, объявляющий об этой перемене и приказывающий

принять ее до тех пор, пока не будут приняты поправки к Конституции.

— Не нравится мне это, мистер Милл, — покачал головой Дэвис. — Ни в малейшей степени. Сделать это будет нелегко, а люди на Юге на такое не пойдут. И, откровенно говоря, я и сам это не очень-то одобряю. Вы просите людей Юга все переменить, изменить образ жизни и все, во что они верят. Это несправедливо и неприемлемо. Но какие жертвы понесет Север?

— Жертвы, — Линкольн устало покачал головой. — Мы принесли кровавые жертвы, как и ваш народ. Десятки тысяч убитых, земля этого края напоена кровью. И если бы был иной путь, я бы с радостью устремился по нему. Но иного пути не было. Мы должны говорить не о том образе жизни, который утрачиваем, а о том, который обретаем. Страна снова объединена. Богатая, трудолюбивая страна, где в рабстве не будет нужды. Джефферсон, я вас молю. Не позволяйте этой возможности ускользнуть из-за вашей потребности держать других людей в качестве собственности.

— Президент говорит правду, — подхватил Милл. — Я понимаю, что вам будет трудно, но вы должны. Вам это по силам, и вы это сделаете.

Причесав волосы пятерней, Линкольн кивнул.

— Как сказала одна дама, когда взялась съесть целый арбуз: «Не знаю, по силам ли мне это, но я уж постараюсь».

Дэвис поколебался, затем мрачно кивнул в знак согласия.

— Ради всех нас я попытаюсь. Когда мистер Милл объясняет, все это начинает обретать какой-то смысл, но останется ли это таким же очевидным, когда я вернусь на свою плантацию? Где я найду слова, чтобы объяснить, что будет дальше, когда буду толковать с остальными плантаторами?

— Я дам вам эти слова, мистер Дэвис, — промолвил Милл. — Здесь есть прозрачная ясность построения, и, как только она будет постигнута, ему поверят.

— Уповаю, что вы сможете сделать это, — подытожил Линкольн. — Мы последуем этим курсом и в то же самое время не будем забывать, что должны при этом еще и выиграть войну.

Некоторые из американских полков маршировали на север вдоль долины Гудзона, а их обозы тащились по пыльным дорогам следом. Другие ехали воинскими эшелонами с дальнего юга и дальнего запада. Кавалеристы держались вдоль флангов, их измученные изнурительным пу-

тешествием лошади трусили рысцой, повесив головы. И они все продвигались вперед — река синих мундиров, поток серых. Угрюмо целенаправленные, непоколебимые в своей решимости. Захватчики должны быть отброшены, изгнаны из пределов Соединенных Штатов.

В тени дубравы установили козлы, на которые уложили доски и расстелили карты. Генерал армии, верховный главнокомандующий, генерал Уильям Тикамси Шерман оглядел собравшихся офицеров и кивнул в знак приветствия.

— Я чувствую, что снова нахожусь в кругу друзей, и искренне надеюсь, что все вы разделяете это чувство.

В ответ все закивали и заулыбались.

— Словно мы опять вернулись в Вест-Пойнт, — заметил генерал Роберт Э. Ли.

— Я согласен, — подхватил генерал Улисс С. Грант. — И мне очень приятно сознавать, что мои однокашники-кадеты сражаются на моей стороне, а не против меня.

— Именно ради сражения мы и собрались. Чтобы сразиться и победить. — Шерман коснулся указательным пальцем карты, и офицеры склонились над ней. — Генерал Грант, вы продолжаете удерживать этот рубеж, как до сих пор.

Когда прибудут ваши подкрепления?

— Самое позднее — к рассвету. Как только свежие полки займут позиции, я отведу ветеранов в тыл. Они понесли тяжелые потери.

— Отлично, с подкреплениями вы сохраните прежние силы. Вы не должны столкнуться с какими-либо трудностями при отражении любой атаки. Но пока что вы будете удерживать позиции, не продвигаясь вперед. Вступительная атака за вами, генерал Ли. Ваши войска обойдут их с левого фланга, вот здесь, и углубятся в тыл, чтобы нанести врагу самый могучий удар, какой вам удастся. Теперь у нас достаточно орудий, чтобы накрыть их артиллерийским огнем. Когда обстрел прекратится, выйдете на арену вы. Британцы будут вынуждены принять удар вашей армии с запада. Армия Гранта окопалась вот здесь, к северу от них, а к востоку река. С этой стороны им мира не найти, потому что нынче ночью прибудет флотилия броненосцев. Их орудия будут участвовать в артобстреле. Когда вы нанесете удар, англичане будут вынуждены отойти или будут разбиты. И в ту же минуту, когда они начнут отступление, войска генерала Гранта тоже перейдут в атаку.

Роберт Э. Ли мрачно усмехнулся, взмахнув ла-

донью над картой.

— Итак, мы ударим их здесь, здесь и здесь. Если они будут стоять, то будут уничтожены. Если отступят на север, как им следует, наши кавалеристы будут там, чтобы обеспечить им теплый прием. Простой план, сэр, и я его одобряю всем сердцем. После того как войска сегодня ночку передохнут, они вновь соберутся с силами и будут более чем готовы для атаки.

Улисс С. Грант угрюмо кивнул в знак согласия.

— Мы слишком долго простояли в обороне, джентльмены, и она становится ужасно утомительной. Я с восторгом наконец перейду к решительным действиям. — Он откусил кончик длинной черной сигары, чиркнул спичкой, прикурил и выдохнул облако дыма в сторону дубовой листвы над головой. — Мы выкурим их и атакуем, а затем атакуем еще раз. Очень немногие сумеют вернуться в Канаду, если мы сделаем это правильно.

— Так оно и будет, — кивнул Шерман. — Я никогда не возглавлял офицеров, столь преданных делу, и не командовал людьми, испытывающими столь могучую решимость. Завтра мы подвергнем эту преданность и решимость испытанию огнем. Сражение не знает справедливости, война не од-

нозначна. Но мы полностью готовы к бою. Утром, я думаю, я знаю, что в бой ринется вся армия до последнего человека — и выиграет этот бой.

Во время следующей встречи президент Линкольн принес Джефферсону Дэвису несколько радостных вестей.

— Я подготовил послание Конгрессу, простое соглашение, которого мы достигли. Я обсуждал его сегодня со своим Кабинетом и зачитаю Конгрессу нынче после полудня.

— Буду ждать результата, — кивнул Дэвис. — Затем вернусь в Ричмонд, чтобы решить ту же задачу с Конгрессом Конфедерации. Мы должны покончить с нашими дискуссиями, пока бушует война. Прийти к окончательному соглашению, пока нация переживает высочайший духовный взлет.

Вытащив из кармашка часы, Линкольн поглядел на циферблат.

— Именно это я и имел в виду, когда попросил Густава Фокса присоединиться к нам через пару минут. Он заместитель военно-морского министра, хотя на самом деле играет в правительстве куда более важную роль. Мистер Фокс много путешествует, бывает во многих местах, где встречается со своими многочисленными друзья-

ми. Он заботится о том, чтобы мы знали о врагах Америки куда больше, чем они знают о нас.

Отхлебнув кофе, Дэвис криво усмехнулся.

— А я думал, что вашу секретную службу возглавляет безупречный мистер Пинкертон.

— Будь это так, она бы уже не была секретной, — улыбнулся в ответ Линкольн. — Да и не могла бы сослужить никакой службы. Полагаю, ваши люди убедили его агентов, что силы, противостоящие генералу Макклеллану, вдвое больше, чем на самом деле.

— Не вдвое, Авраам, а втрое.

— Неудивительно, что наполеончик отнюдь не рвался в бой. Нет, Фокс собирает информацию и оценивает ее, и пока что она всегда оказывалась правильной. Входите! — крикнул он, когда раздался ожидаемый стук в дверь.

Вошедший Фокс слегка поклонился обоим президентам.

— Мистер Линкольн, мистер Дэвис, я очень рад, что наконец-то могу с вами встретиться. С вашего позволения, джентльмены, я предоставлю вам некоторую подробную информацию касательно нашего врага. — Он извлек из кармана фрака сложенный листок бумаги и начал зачитывать: — В Англии, Шотландии и Ирландии заложены

девять больших броненосцев. Новой конструкции, калькированной с французской «Ля Глуар». Это броненосный деревянный корабль, который может оставаться в море в течение месяца, крейсируя со скоростью восемь узлов. Максимальная скорость тринадцать узлов, и он вооружен двадцатью шестью пушками, шестидесятивосьмифунтовыми. Серьезный боевой корабль, как и его будущие британские копии.

— Сколько у нас времени в запасе до их спуска на воду? — осведомился Линкольн.

— Делать точные прогнозы преждевременно, поскольку строительные приемы новы, и верфи еще не набрались опыта в подобных работах. На постройку «Воителя» ушло двадцать месяцев. Так что, полагаю, от шести до девяти месяцев минимум. Британцы также готовят броню для своих самых крупных линейных кораблей, заменяя верхние две палубы из четырех стальной обшивкой. Теперь касательно малого вооружения. Они наконец обнаружили важность винтовок, заряжающихся с казенника. Отрабатывают конструкцию своих собственных моделей, модифицируя нарезную винтовку конструкции Энфилда 1853 года в заряжающуюся с казенника, под названием «Снайдер». — Он выбрал другой

листок. — Из-за значительного удаления часть информации пока что неполна. Однако об Индии мне известно. Ряд британских воинских подразделений находится в морских портах, ожидая транспорта. Среди них также имеются индийские полки — Гутра, Допра и Сепаи. Некоторые из них прежде ни разу не покидали Индию, и их боевые качества внушают подозрения. Остальные участвовали в британских имперских войнах, и не считаться с ними нельзя. После мятежа почти все потенциальные инакомыслящие были изгнаны из армии. Так что мы должны рассматривать индийские войска как вполне реальную угрозу.

Описав все остальные приготовления к обширной войне, он извлек вырезки из британской прессы.

— В этом общественность поддерживает правительство вплоть до самого конца, если верить газетам. Мои люди уверяют, что все именно так и обстоит, без каких-либо преувеличений. Никто не поднял голоса в пользу мира, ни одна из газет не осмелилась даже употребить это слово. Созываются новые полки, йоменов ставят под ружье. Кроме того, повышены налоги, вплоть до трех пенсов с фунта. Уверяю вас, джентльмены, Британия весьма серьезно подходит к этой войне.

— Мы тоже, — с твердой решимостью отозвался Дэвис. — В этом мы едины.

— Если так, позвольте мне со всей прямотой предложить вам принять джентльмена, дожидающегося внизу. Его зовут Луи Жозеф Папино.

— Имя кажется мне знакомым, — заметил Линкольн.

— Вы поймете почему, когда я расскажу о нем немного подробнее. Но сперва я должен спросить вас, господа, как вы собираетесь поступить с нашими британскими врагами?

— Разбить их, конечно, — ответил Линкольн. Дэвис кивнул в знак согласия.

— Тогда позвольте вкратце описать, что сулит нам будущее, — промолвил Фокс. — Мы одолеем их на море, где их деревянные корабли не могут сравниться с нашими стальными. Затем на суше. Наши массированные удары погонят их обратно в Канаду, откуда они вторглись в нашу страну. Затем, господа? Что произойдет дальше? Будем ли мы безмятежно сидеть лицом к лицу с вооруженным противником на нашей северной границе, пока он будет набираться сил? Эта армия может быть усилена и подкреплена всем могуществом Британской империи. Неужели мы будем спокойно смотреть, как они наращивают мощь своей

армии, чтобы снова ринуться на нашу страну, если не будет мирного договора?

— Вы предрекаете беспокойное будущее, мистер Фокс, заставляя всерьез поразмыслить над ним, — произнес Линкольн, кончиками пальцев поглаживая бороду.

— Вы могли бы принять одно решение, встретившись с джентльменом, дожидающимся снаружи. Мистер Папино, французский канадец...

— Ну, конечно! — Линкольн вдруг резко выпрямился. — Это он возглавлял восстание в Квебеке в 1837 году. Британцы подавили восстание, и он бежал.

— Тогда вы должны помнить, что он хотел установить Французскую республику на реке Святого Лаврентия. Канада вовсе не такая уж безмятежная провинция, радующаяся управлению британцев, как пытаются внушить нам англичане. В том же году Уильям Лайон Маккензи возглавил аналогичный мятеж в Верхней Канаде против нынешнего режима правления. Стремление к свободе и независимости все еще сильно, несмотря на акт объединения Верхней и Нижней Канады. Французские канадцы не без оснований считают, что акт был направлен на подавление и приручение их. Мистер Папино был в Канаде,

беседовал со своими соотечественниками. Он уверяет меня, что французские канадцы горят желанием завоевать свободу. Если им помочь...

— Вы действительно искушенный человек, мистер Фокс, — проронил Дэвис. — Вы ничего не сказали напрямую, но заставили нас задуматься о будущем не только этой страны, но и всего континента. Это серьезный вопрос. Не думаю, что добрые американцы будут спокойно спать по ночам, когда в Канаде яблоку негде упасть от вооруженных англичан, готовых в любой момент снова вторгнуться в наши пределы.

— Чтобы не испытывать этих бессонных ночей, наши соотечественники могут очень благосклонно посмотреть на альтернативу, — подхватил Линкольн. — Каковой является демократическая Канада, связанная братскими узами с республикой на юге от нее. Об этом действительно стоит задуматься. Пусть войдет ваш мсье Папино, чтобы мы могли выслушать, что он скажет от себя.

Слова, способные перевернуть мир

В тот день солдаты в синих мундирах бились что есть сил. Теперь им стало недостаточно просто удерживать позиции, они охотно бросились в атаку, когда пение трубы послало их вперед. Ла-

виной устремились с разгромленных укреплений Саратоги, налетели на отступающих англичан, и без того потрепанных атакой конфедератской армии. Но победить в этом сражении было нелегко, потому что захватчики, профессиональные солдаты, не поддались панике, не обратились в бегство. Они держали позиции и не прекращали огонь. Отступали с боем лишь тогда, когда позиции оказывались под непосредственной угрозой. Атакующие тоже не могли позволить себе такую роскошь, как ошибки. Англичане не упускали возможности воспользоваться любым огрехом в их обороне, они могли внезапно ринуться на атакующих, как раненые звери.

Хотя исход боев был очевиден, соперничество затевалось жестокое и смертоносное. Схватки бушевали в полях и лесах штата Нью-Йорк — не только большие, но и малые, даже более беспощадные. Солнце уже клонилось к закату, когда солдаты Нью-Йоркского Шестьдесят девятого залегли в тени под стеной, наслаждаясь передышкой. Свежий полк стрелков из Мейна прошел мимо, на время освободив их. Однако это не значит, что можно идти вразброд — линия фронта слишком уж подвижна. Вокруг еще хватает британских подразделений, хотя новые полки все

прибывают.

Рядовой П. Дж. О'Мэхони попал в число дозорных, выставленных по периметру для охраны. Услышав цокот копыт на дороге по ту сторону стены, он взвел курок; звякнула упряжь — всадник осадил коня. Медленно приподнявшись, О'Мэхони выглянул через щель в стене, потом аккуратно, чтобы не выстрелить, спустил курок, встал и помахал фуражкой всаднику в сером мундире.

— Привет, Бунтарь!

Придержав лошадь, тот осклабил щербатые зубы.

— Привет и тебе, янки. — Спешившись, он устало потянулся. — Порвал вот флягу, как пробирался по кустам. Буду ужасно благодарен, если поделишься глоточком-другим водицы.

— Поделюсь, еще бы. Ты приехал куда надо. В порыве щедрости признаюсь, что у меня целых две фляги.

— Не может быть!

— Может. В одной вода, а в другой пойчин.

— Вообще-то ни разу не слыхал ни про какой почин.

— Это национальный напиток всех ирландцев за океаном, в далеком зеленом краю. Хоть я и

считаю, что он получше ваших обычных напитков, суди сам. Слыхал, он смахивает на питье, которое тебе, наверно, знакомо, под названием муншайн...

— Будь я проклят, да ты вправду отличный парень! Выкинь из головы, что я тут плел про воду, и давай сразу вторую фляжку, как добрый солдат.

Сделав изрядный глоток, кавалерист вздохнул и радостно рыгнул.

— Ну, сладчайший самогон из тех, что я пробовал, верное дело. А ведь у моего папочки лучший перегонный куб во всем Теннесси.

— Это потому как ирландский, парнище, никак иначе, — гордо улыбнулся рядовой О'Мэхони. — Секрет его изготовления принесли в Новый свет со старой земли. А уж мы-то знаем толк! Потому как этот гордый полк, что ты тут видишь, Шестьдесят девятый Нью-Йоркский, и каждая живая душа в нем — ирландская.

— Ирландцы, говоришь? Слыхал. Ни разу там не бывал. Дьявол, да я из Теннесси никуда носу не казал, покамест не началась эта война. Но, помнится, мой дедуля с материной стороны, говорят, приехал сюда с Ирландии. Пожалуй, мы с тобой чего-то вроде родни.

— Наверняка.

— Будешь шомпольный хлеб? — поинтересовался кавалерист, доставая из седельной сумки темный ломоть и протягивая новому знакомому. — Это просто доброе старое кукурузное тесто, наверченное на шомпол и поджаренное над костром.

О'Мэхони счастливо улыбнулся с набитым ртом.

— Иисусе, да ежели б ты полжизни не едал ничего, кроме вареной картошки да соленой воды, ты б такого не спрашивал. Старушка Ирландия — край бедный, а ублюдки англичане, что его заполонили, разорили его еще более. Так что теперь мы с громадным нашим удовольствием намылим им шею.

— Очень даже согласный. Может, еще глоточек, лады? Спасибо от всей души. Наверно, ты знаешь про британцев побольше моего, раз бывал там и все такое. Но Вилли Джо, он умеет читать будь здоров, так он нам читал с газеты. Насчет того, что эти самые британцы наделали в Миссисипи. Прям кровь в жилах закипает, как услышишь. Я очень даже радый, что мы их сегодня нагнали. Зашли во фланг и врезали им по-нашему.

— У вас отличный отряд, правда, и лошади что надо...

— По коням! — донесся приказ командира, остановившегося дальше по дороге.

— Питье было сильно хорошее, — воскликнул кавалерист, вскакивая в седло, — никогда его не забуду! А ты уж закинь словцо своему сержанту, что в долине мы напоролись на пару-тройку рот стрелков. Идут на юг, вроде как подкрепление. Свежие и коварные, как гремучие змеи. Так что побереги себя, слыхал?

Рядовой О'Мэхон и добросовестно передал весть сержанту, а тот, в свою очередь, капитану Мигеру.

— Еще красномундирники. Сам Господь их послал. Давайте найдем этих ублюдков и прикончим их.

Мигер ни капельки не кривил душой. В Ирландии он был фением — революционером, боровшимся за освобождение Ирландии. С англичанами он воевал непрерывно с тех самых пор, когда у него начали пробиваться усы. Всю жизнь в бегах, всю жизнь опасаясь шпиков. В конце концов его поймали, потому что цена за его голову так подскочила, что искушение для жителей его обнищавшей страны стало просто непреодолимым. Как только он угодил за решетку, обвинения начали взваливать на него

одно за другим в таком множестве, что судья без малейших зазрений совести вынес самый суровый приговор, какой только мог. В году 1842 от Рождества Христова, в начале правления королевы Виктории, его присудили к повешению. Но этим дело не кончалось. Не дав петле удушить жертву, его должны были снять с виселицы и четвертовать, пока он еще жив. Однако более снисходительный кассационный суд возмутился этим средневековым приговором и приговорил Мигера к пожизненной каторге на Тасмании. Почти двадцать лет трудился он в кандалах в том далеком краю, пока не ухитрился сбежать в Америку. Нетрудно понять, что войну с англичанами он приветствовал от всей души.

— Поднимайте парней, сержант, — приказал он. — Пока что эта полоска леса свободна от англичан. Поглядим, не удастся ли нам присоединиться к остальным частям дивизии до наступления сумерек...

Внезапно в дальнем конце цепи затрещали выстрелы, послышались крики, еще стрельба, и дозорная застава выбежала из-за деревьев.

— Сэр, красномундирники, опупенная толпа!

— За стену, мальчики мои! Укрывайтесь за камнями и покажите им, как умеют сражаться

ирландцы!

Враги уже выходили из-за деревьев, один за другим, все больше и больше. Рядовой О'Мэхони прицелился и выпустил пулю из новехонькой спенсеровской винтовки прямо в ближайшего.

— Вот так! — радостно выкрикнул капитан Мигер, стреляя снова и снова. — Подходите, английские ублюдки, подходите, чтобы встретиться с Творцом!

Услышавший эти крики с явным ирландским акцентом английский офицер недобро усмехнулся. До сих пор военное счастье улыбалось лейтенанту Саксби Ательстану. Назначение командиром нерегулярной канадской кавалерийской части, которую он ненавидел лютой ненавистью, оказалось даром Господним. Его рапорт о подлой и жестокой ночной вылазке американцев пошел по команде до самого верха, к самому главнокомандующему герцогу Кембриджскому. Лейтенанта вызвали в штаб, чтобы выпытать подробности вторжения, и он с радостью изложил их. Его отвага в бою с превосходящими силами противника была отмечена, и сам генерал приказал произвести Ательстана в капитаны.

С повышением пришло и назначение в новый

полк, на смену офицеру, свалившемуся в горячке. Пятьдесят шестой Вест-Эссекский полк, только что прибывший с Бермуд для усиления наступающей армии. Несмотря на прозвище Помпадуры, они оказались крепкими, закаленными воинами, и вести их в бой — сплошное удовольствие.

Сложив ладони рупором у рта, он прокричал в ответ:

— Да никак я слышу голос фения? Тебе надо было оставаться на старушке родине, пэдди[16], а не отправляться искать погибели в Новом Свете.

Темные фигурки скользили вперед, плотность огня увеличилась.

Бой шел неравный, на каждого ирландца приходилось по три врага, но зато у них были винтовки, сила духа и ненависть. Каждый унес с собой в могилу хотя бы одного англичанина. Ни один ирландец не пытался бежать, ни один не сдался. Оставшись в конце концов без боеприпасов, они сражались штыками. Когда же английский капитан пробился через ряды сражающихся солдат, чтобы напасть на него со шпагой, Мигер захохотал от удовольствия. С ловкостью бывалого бойца сделал выпад левой ногой впе-

[16] Примечания: 16

Пренебрежительное прозвище ирландца, уменьшительное от имени Патрик (так же русских зовут Иванами, а немцев — фрицами).

ред, метя ниже шпаги нападающего, и одним ударом вонзил штык изумленному англичанину прямо в сердце.

Как только офицер упал, Мигер выдернул штык и обернулся к атакующим. И заглянул прямо в дуло мушкета, изрыгнувшего огонь ему в лицо. Пламя закоптило и обуглило кожу, пуля врезалась в череп, швырнув потерявшего сознание, ослепшего от собственной крови Мигера на землю. В тот же миг английский солдат прикладом раскроил череп П. Дж. О'Мэхони, убившего его сержанта.

Когда кавалеристы в серых мундирах наконец примчались по дороге, стреляя на скаку, в живых осталась лишь горстка ирландцев. Уцелевшие англичане поспешили скрыться в лесу.

Вернувшееся сознание принесло неистовую боль в ушибленной голове, и капитан Мигер застонал. Стер кровь, застлавшую взор. Огляделся. Окинул взглядом поле сечи, мертвых ирландских солдат. В живых остались считаные одиночки. Раненых среди них не было, ибо раненых враг добивал на месте. Со слезами на глазах взирал капитан на картину гибели.

— Вы сражались как мужчины и умерли как мужчины, — молвил он. — День этот не будет

забыт.

При обычных обстоятельствах Линкольн писал свое обращение Конгрессу, затем вручал одному из секретарей, тот доставлял обращение в Капитолий, где письмоводитель зачитывал его во всеуслышание. Президент хотел было поступить так же, но понял, что на сей раз нужен особый подход. На сей раз нужно, чтобы конгрессмены постигли глубину его переживаний, чтобы прониклись ответным чувством. Еще ни разу за краткий срок пребывания на посту президента Линкольн не чувствовал, что отдельная речь может иметь такое грандиозное значение. Понимал, что Милл раскрыл им глаза, указал путь к светлому будущему. Президент Дэвис целиком и полностью поддерживает его, и они составили свои планы совместно. И вот речь готова.

— Сьюард сказал свое слово, — проронил президент, неторопливо просматривая листок за листком. — Даже Уэллс и Стэнтон читали речь. Я рассмотрел их мнения и внес поправки там, где таковые понадобились. Теперь работа закончена. — Положив свернутую речь в цилиндр, нахлобучил его на голову и встал. — Пойдемте, Николай, прогуляйтесь со мной до Конгресса.

— Сэр, не разумнее ли взять экипаж? Не так

утомительно, а gravitas[17] ситуации, несомненно, требует более официального появления.

— Мне всегда не по себе, когда кто-нибудь употребляет эти иностранные слова, будто чурается старого доброго английского, на котором говорят простые дровосеки. Ну, чего там требует от меня этот гравитас?

— Я хотел сказать, господин президент, что вы самый значимый человек в Вашингтоне и ваше поведение должно отражать этот факт.

— Я возьму экипаж, Николай, — вздохнул Линкольн, — но в первую голову потому, что подустал. На мою долю перепадает маловато отдыха.

И маловато пищи, подумал секретарь. Донимаемый запорами президент потребляет больше слабительного, чем пропитания. Порой берет на обед одно-единственное яйцо, и то просто гоняет кругами по тарелке. Николай вышел первым, чтобы привести экипаж.

Их сопровождал взвод кавалеристов, так что прибытие в Конгресс оказалось довольно впечатляющим. Двери здания обуглились и закоптились в тех местах, где британцы пытались поджечь их перед отступлением. Линкольн прошел среди

---

[17] Примечания: 17
Серьезность, значимость *(исп.)*.

конгрессменов, перекинулся несколькими словами со старыми друзьями, даже остановился поболтать с заклятыми врагами. Стены следует отремонтировать; надо получить твердую и решительную поддержку Конгресса. И народа.

Разложив конспект перед собой, Линкольн заговорил тонким, неровным голосом. Но мало-помалу голос его окреп, зазвучал ниже, в своей цельности обретая убедительность.

— Как я вам уже говорил, ныне американцы сражаются и умирают, отстаивая свободу нашей страны. Иноземная держава вторглась в наши суверенные пределы, и мы должны ставить перед собой только одну цель: силами войск отбросить захватчиков прочь. Ради этого две воюющие стороны согласились на перемирие в войне между штатами. Теперь же я прошу вашей помощи. Мы должны узаконить перемирие и даже более того — отыскать способ положить конец ужасной внутренней войне, еще недавно раздиравшей страну надвое. Ради этого мы должны взглянуть на такой аспект нашей истории, как существование рабства, послуживший поводом к войне. И усилению, распространению и углублению конфликта способствовало то, что мятежники не останавливались перед расколом

Союза даже ценой войны, хотя правительство требовало всего-навсего ограничить территориальные пределы его распространения. А ведь обе стороны читали одну и ту же Библию и молились одному и тому же Богу, и каждый призывал Его помочь в борьбе с другим. Быть может, кажется странным, что человек может просить Господа, дабы Он помог добыть хлеб насущный в поте лица другого человека. Но не будем судить, да не судимы будем.

Ныне настал час припомнить, что все американские граждане — собратья, живущие в одной стране, под одним небом, и высочайшей целью наших стремлений должно быть совместное существование, скрепленное узами братства. От истории нам не уйти. Хотим мы того или нет, но членов нынешнего Конгресса и нынешней Администрации будут помнить. Мы знаем, как спасти Союз. Миру ведомо, что мы знаем, как спасти его. Давая свободу рабам мы приносим свободу даром — проявляя благородство и в том, что даем, и в том, что сберегаем. Или мы благородно сохраним последнюю, лучшую надежду на свете, или подло утратим ее. Посему призываю Конгресс принять совместное решение, провозглашающее, что Соединенные Штаты должны сотрудничать с

любым штатом, который пойдет на постепенное упразднение рабства, оказывать каждому штату материальную помощь, каковая должна употребляться штатом по собственному усмотрению для погашения неудобств, причиняемых подобной сменой системы и обществу, и отдельным личностям. Далее, мы должны постановить, что всякий штат, согласившийся с упомянутыми требованиями, провозглашается штатом Союза, чем уполномочивается направлять своих представителей в Конгресс.

Каждый штат сохраняет полнейшую независимость в управлении собственными делами, свободу в выборе и применении средств защиты собственности и сохранения мира и правопорядка, как под началом любой другой администрации.

Вдобавок число рабов в нашей стране более не будет возрастать. Импорт рабов из-за рубежа полностью прекращается. И здесь не родится более ни один раб. Отныне и впредь всякий ребенок, рожденный от раба, будет свободным человеком. За одно-един-ственное поколение рабство в нашей стране будет упразднено.

Давайте же возьмемся за окончание работы, за которую взялись — не злоумышляя ни против

кого, с милосердием для каждого, неуклонно отстаивая правду, дарованную нам Господом, — уврачуем раны нации, сделаем все, дабы водворить и взлелеять справедливый и прочный мир, сперва между собой, а затем и со всеми остальными нациями.

Признаюсь, выступление я заканчиваю неохотно. Вспомните, что в сражении при Шайло полегло более двадцати тысяч американцев. Американец более никогда не должен убивать американца. Мы не враги, но друзья. Мы более не должны быть врагами. Мистические струны воспоминаний, протянувшиеся от каждого поля боя и от могилы каждого патриота к каждому живому сердцу и каждому очагу по всей нашей широкой стране, еще сольются в едином хоре Союза, когда к ним прикоснутся — а это непременно свершится — лучшие ангелы наших душ.

Союз снова должен стать единым.

Как только президент закончил, трепетную тишину, в которой слушали его конгрессмены, нарушила оглушительная овация. Даже самые несгибаемые аболиционисты, давно жаждавшие наказать рабовладельцев и мятежников, поддались единому порыву аудитории.

Предложение подготовить билль приняли

единогласно.

Поражение — и новое будущее

Сражение в долине Гудзона подходило к концу. Изнуренные британские войска стояли на грани краха. Английские, шотландские, валлийские и ирландские солдаты теперь смешались в единое войско. Они оставались по-своему сплоченными, они подчинялись своим офицерам, потому что знали, что все стремятся к одному. Бежать. Но это было нелегко, потому что численность американских войск возросла, а британских становилась все меньше. Британцам, преследуемым по пятам армиями Гранта и Ли, оставалось только бежать на север. Но и там спасения не было. Американская кавалерия донимала их с флангов, отрезала обозы. Ко времени, когда они добрались до Глен-Фоллз, они потеряли половину войска ранеными, убитыми и сдавшимися в плен. Последнее стало для простого солдата единственным выходом, когда офицеры и сержанты убиты, а боеприпасы израсходованы. Нет никакого бесчестья в том, чтобы изнуренный человек бросил свое оружие и поднял руки к небу. Верный отдых, быть может, еда и питье. И уж наверняка — конец пути.

Кое-какие из подкреплений все еще сражались.

Шестьдесят второй пехотный полк вступил в эту войну поздно. Вернувшись из Индии на переформирование, он тут же был послан через другой океан в бой. В нем служили крепкие профессиональные солдаты, воевавшие в Афганистане и других воинственных странах на крайних рубежах Британской империи. Они привыкли к нападениям неорганизованных всадников, так что хорошо противостояли и кавалерии. Они сражались при отступлении, как и при наступлении. А поскольку ни разу не сталкивались с основными силами преследующих армий, то и понесли относительно малые потери.

Их командир полковник Оливер Фиппс-Хорнби гордился своими солдатами и стремился найти им наилучшее применение. Озеро Джордж сулило помощь. Барки, доставившие их сюда из Канады, должны были вернуть их тем же путем. Но разъезды, высланные вперед, вернулись с самыми неутешительными новостями.

— Ушли, сэр, — доложил лейтенант Хардинг. — Ни одной барки ни в районе высадки, ни вдоль берега.

— Вы уверены?

— Определенно, полковник. На плацдарме есть раненые и хирург, они были эвакуированы в тыл

несколько дней назад. Один из раненых, сержант, сказал мне, что барки были там, дожидались нас, но их отогнала вражеская артиллерия. Должно быть, подобрались под покровом ночи, потому что огонь открыли на рассвете. Некоторые барки были потоплены, остальные бежали на север. Сержант сказал, что вражеская артиллерия после этого была перестроена в походные порядки и двинулась на север следом за барками. При них также была пехота, видимо, всего лишь полк.

— Не понимаю, как это могло случиться? Враг к югу от нас и окружает нас с флангов. Как же они могли оказаться еще и в тылу? — Озадаченный полковник утер свои длинные усы, пытаясь как-то усвоить эти ужасные новости. Развернув пропыленную карту, лейтенант указал пальцем.

— Вот здесь, сэр. Думаю, вот как это произошло. Вы должны помнить, что это большая страна с очень малым числом мощеных дорог, в отличие от Британии. Что на самом деле связывает различные штаты — это сеть железных дорог. Поглядите сюда. Видите, как она рассеяна и широко распространена. Дорога вот здесь и здесь, и еще одна здесь. А вот теперь взгляните на Платсберг, через который мы пробились на прошлой неделе. Видите этот железнодорожный путь, начинаю-

щийся здесь и уходящий на юго-запад через штат Нью-Йорк в Пенсильванию. Вполне возможно, что американские войска и полевые батареи были отправлены поездом, чтобы обойти нас стороной.

— Но наши войска все еще занимают Платсберг!

— Это неважно. Враг мог высадиться с поезда где угодно в этом районе и двинуться на юг позади нас, и они могли добраться до озера Шамплейн вот здесь. Как только они оказались на позициях, то открыли огонь, чтобы отогнать наши барки. Затем они последовали за ними вдоль озера, чтобы помешать им вернуться.

— Эти поезда — ужасная докука. Хотя должен признать, что колонисты нашли им очень недурное военное применение.

— Какие будут приказания, полковник?

Эти негромкие слова вернули Фиппса-Хорнби к действительности. Усилившаяся канонада на юге означала, что началась атака. Самым деликатным образом лейтенант Хардинг указал, что полк по-прежнему в опасности.

— Крайние колонны, пли и отойти. Отступаем на последние оборонительные рубежи на том гребне. Передайте приказ.

Трубы пропели «пли» и «отойти». С наработанным мастерством солдаты Шестьдесят второго полка оторвались от противника и отошли через следующую шеренгу обороняющихся. Шеренга за шеренгой повторяла этот маневр, пока они не оказались на подготовленных рубежах.

Озеро Джордж теперь находилось у них за спиной, и, очевидно, вся американская армия — перед их фронтом. Солдаты в синем и в сером занимали позиции в поле, которое британцы только что пересекли. Все больше и больше подразделений заходило с флангов. А тем временем колонна за колонной британских военнопленных маршировала в тыл к врагу.

На вершине холма, позади вражеских позиций, показалась группа офицеров, едущих верхом. По-прежнему под двумя флагами, но во всем остальном уже единых. Не в первый раз полковник начал ломать голову, как подобное могло случиться. Простое вторжение в ослабленную, раздираемую войной страну в конце концов обернулось бойней.

Пуля пропорола рукав его мундира, сорвав эполет, и полковник тут же упал на землю. Слишком много офицеров заплатили своей жизнью за то, что выставляли себя на обозрение вражеским

снайперам. А те с расстояния в тысячу ярдов все еще взимали свою кровавую дань.

Генерал Шерман направил бинокль на врага, озирая его позиции. Увидел офицера, делавшего то же самое, но вдруг рухнувшего на землю и пропавшего из виду. Корпус снайперов Соединенных Штатов сеял хаос в рядах вражеской верхушки, ни на минуту не забывая о своей убийственной работе. Они держались позади первой шеренги наступающих и наступали вместе с ними. Как только враг вгрызался в землю и фронт останавливался, они выступали вперед, чтобы попрактиковаться в своем убийственном ремесле.

Позади окопавшегося врага виднелась голубая полоска озера Джордж, цель отступающих войск и верный конец сражения. Шерман понимал, что начатое должно быть доведено до конца. Враг должен быть разбит, и час окончательной победы недалек. Внезапно на него навалилась ужасная усталость; ему надоело убивать. Опустив бинокль, Шерман обернулся к своим генералам, собравшимся вместе впервые за время с начала сражения.

— Джентльмены, эта война — сущий ад, лично я сыт ею по горло. Их раненые разбросаны

вдоль всего берега озера, а этот полк на гребне — единственный из уцелевших и сохранивший боеспособность. Ступайте под мирным флагом к его командиру и попробуйте организовать сдачу, пока не пало еще много добрых парней. Я ничуть не забочусь о спасении врага, но глубоко сожалею о возможных потерях, которые могут понести американцы. Люди заслужили вознаграждение за изумительное сражение, которое они выдержали.

— Согласен, — поддержал генерал Ли.

— И я, — откликнулся Грант. — Я также хотел бы хорошенько потолковать с их командиром. Со времени начала наступления я еще не видел живым ни одного из них чином старше лейтенанта.

Просматривая газеты, Линкольн горестно покачивал головой.

— Наша страна погружена во мрак, Николай. Посреди радости побед вдруг столь печальная весть. Нью-Йоркский полк перебит почти до последнего человека. Очевидно, потому, что они были ирландцами. Может ли такое быть?

— Не только может, но и весьма вероятно, господин президент. Определенно ирландцы в Нью-Йорке считают, что именно так и случилось, а уж им ли не знать. Почти все они были рождены

на старой родине. Если и есть что-то хорошее в этой резне — то, что она положит конец стихийным мятежам. Ирландцы не только прекратили восставать, но вдобавок в огромных количествах идут добровольцами. Это крепкие и рассерженные люди...

— Ему это удалось! — крикнул Хей, распахивая двери и размахивая листком бумаги. — Шерман истребил захватчиков и захватил многие тысячи пленных! Сражение завершилось. Вторжению положен конец.

— Воистину замечательные новости, — Линкольн выпустил газеты, позволив им упасть на пол, и протянул руку за телеграммой. — Это весьма важная и своевременная новость. Пошлите ее Джеффу Дэвису тотчас же. Он испытает такую же безмерную радость, как и мы. Он отчаянно нуждается в любой поддержке.

Телеграмма, полученная Джефферсоном Дэвисом, не только наполнила его безмерным счастьем и облегчением, но и открыла перед ним грандиозные возможности.

— Более удачного момента для ее прихода быть не могло, — заявил он, хлопнув ладонью по листу бумаги. Его экипаж стоял у дверей, чтобы отвезти президента на заседание Кабинета, созванное

им в зале Совета в Ричмонде. Он собирался детально проработать свою речь, подготовленную для Конгресса Конфедерации, и соглашение, каковое собирался предложить вниманию конгрессменов. Сделать это будет нелегко. Но теперь, поведав об этой великой победе, будет гораздо легче привлечь их на свою сторону. Сражение в долине Гудзона завершилось, последние захватчики сдались. И к поражению врага южные войска приложили не меньше сил, чем северные. Билокси отомщен. Следует напомнить им об этом и уповать на то, что удастся провести новое предложение на волне успеха. Вот-вот начнутся новые и более решительные политические баталии. Ему потребуется вся поддержка, которую удастся получить у Кабинета министров, если вести баталии тем способом, который желателен ему и Линкольну.

Один раб помог надеть ему пальто, второй распахнул дверь и подал руку, чтобы президент мог подняться в экипаж. Рабы, подумал он, когда кучер щелкнул кнутом, и лошади весело затрусили вперед.

Реши вопрос о рабстве, и Союз спасен.

Но сделать это не так-то просто.

Изрядная часть Кабинета уже собралась, когда

он прибыл. Тучный и коренастый госсекретарь Иуда П. Бенджамин беседовал с военным министром Джеймсом А. Седоном. Седон — высокий, поджарый, одетый в черное, в черной шапочке, видом куда больше напоминал иудея, чем Бенджамин, хотя и был виргинским аристократом. Дэвис взглядом попросил у них поддержки: именно Седон некогда выступал за вооружение негров, отваживаясь задумываться о немыслимом. Он достаточно разумный человек, чтобы мыслить позитивно и, может быть, даже преодолеть враждебные предрассудки.

Седон должен помочь ему, но вот насчет Кристофера Дж. Меннингера из Южной Каролины Дэвис отнюдь не был так уверен. Министр финансов отличается скверным характером. Как и министр военного флота Стивен Мэллори, сын коннектикутских янки, помогавший матери держать постоялый двор для моряков в Кей-Вест. Дело это, несомненно, нелегкое, но Мэллори скор на кулачную расправу.

Дверь отворилась, и вошел министр почт Джон Г. Реган в компании министра юстиции Томаса Брэгга.

— Я вижу, все члены Кабинета собрались, — начал Джефферсон Дэвис, усаживаясь в конце

длинного стола. Вытащил

сложенный конспект речи из кармана фрака, хотел положить на стол, но раздумал. Он и так знает речь наизусть и желает видеть реакцию министров на свои предложения. Открыв ящик стола, он положил речь рядом с револьвером, который всегда держал там.

— Джентльмены, нет ли у кого из вас неотложных вопросов, которые мы должны разрешить до того, как перейдем к повестке дня?

— Казна нуждается в деньгах, — сказал Меннингер, и все вполголоса рассмеялись. Казне всегда не хватает средств.

— У кого-нибудь еще есть вопросы? — поинтересовался Дэвис. Но остальные члены Кабинета покачали головами. — Хорошо, тогда перейдем к предлагаемому биллю. Север дал нам однозначные заверения, которые мы должны весьма серьезно обсудить, прежде чем подумать о заверениях, каковые дадим в ответ. Надо положить конец всем аболиционистским нападкам и пропаганде. Это необходимо.

— Не просто необходимо, а жизненно необходимо, — уточнил Брэгг. — Особенно когда будем пытаться убедить плантаторов продать рабов.

— Согласен...

Дэвис осекся — ведущая в коридор дверь распахнулась с такой силой, что грохнула о стену. В комнату ураганом ворвался Лерой П. Уокер, бывший военный министр. Исключив этого долговязого уроженца Алабамы из своего Кабинета, Дэвис нажил непримиримого врага.

— Это частная встреча, и вас не приглашали, — произнес Дэвис.

— Конечно, частная, потому как вы с другими предателями пытаетесь запродать Юг с потрохами, как старую негритянку.

— А откуда вам известно, чем мы тут заняты? — осведомился Дэвис, в холодном гневе поджав губы.

— Я знаю, потому что по крайней мере один из ваших не предатель и сказал мне, что вы затеваете.

— Уокер, вы более не член данного собрания, и ваше присутствие здесь нежелательно! — крикнул Мэллори, вставая из-за стола и шагая вперед.

— Может, и не член, да только вы сперва выслушаете, что я скажу. А теперь не подходить! — Уокер стремительно шагнул в сторону, прижавшись спиной к стене. — А теперь слушайте, что я скажу, и слушайте хорошенько.

Он выхватил из внутреннего кармана сюртука

длинный кавалерийский пистолет, направив его на собравшихся.

— Оставьте это, Лерой, — медленно, спокойно, с ярким виргинским акцентом проговорил Седдон. — Это зал Совета Конфедерации, а не салун для белых подонков.

— Заткнитесь и слушайте меня...

— Нет! — крикнул Мэллори, бросаясь вперед и хватая его за руки.

Завязалась схватка, они боролись с проклятиями, затем пистолет приглушенно грохнул.

— Попал в меня... — слабым голосом выдохнул Мэллори и рухнул на пол.

Джефферсон Дэвис выдвинул ящик стола и выхватил свой пистолет. Уокер заметил движение, обернулся, выстрелил — в тот самый момент, когда Дэвис нажал на спусковой крючок собственного револьвера.

После выстрелов воцарилось ошеломленное молчание; пороховой дым плыл по залу. Мертвый Уокер лежал на полу с пулевым отверстием прямо посреди лба.

Министры бросились к Дэвису, уложили его на пол. Глаза его были закрыты, фрак напитался кровью. Реган открыл громадный складной нож и вспорол его рубашку и фрак. Пуля вошла в грудь

чуть ниже ключицы, и в ране пузырилась кровь.

— Воспользуйтесь вот этим, — Седон извлек из кармана фрака большой белый платок, и Реган прижал его к ране.

— Кто-нибудь, позовите врача!

Дэвис вздохнул и открыл глаза, оглядел сгрудившихся вокруг людей.

— Уокер?.. — слабым голосом спросил он.

— Мертв, — сообщил Иуда Бенджамин, преклоняя колени рядом с ним. — Меннингер отправился за доктором.

Джефферсон Дэвис оглядел встревоженных министров. Им придется продолжать самим, закончить работу, которую начал он. Все они хорошие люди, соратники и друзья. Некоторые не блещут умом, некоторые чересчур фанатичны. На кого же можно положиться? Его взгляд остановился на полной фигуре и озабоченном лице Иуды П. Бенджамина. У него самая светлая голова из собравшихся. Миротворец. Кто же другой сможет восстановить мир во всей стране?

— Позаботьтесь обо всем, Иуда, — проговорил Дэвис, пытаясь сесть. — Вы один способны уладить разногласия, и вы здесь самый мозговитый. Постарайтесь, чтоб эта война закончилась и был заключен мир. — Он чуточку возвысил голос.

— Все вы меня слышали? Вы со мной согласны? — Один за другим они молча кивали, по мере того как он озирал круг. — Значит, вопрос решен. Я верю в Иуду Бенджамина, и вы тоже должны... — Веки его смежились, и он упал на пол.

— Он... мертв? — спросил кто-то полушепотом. Бенджамин склонил голову ко рту Дэвиса.

— Еще дышит. Да где же доктор?!

Два дня спустя Иуда П. Бенджамин поднялся на кафедру, чтобы обратиться с речью к собравшемуся Конгрессу Конфедерации. Изучив речь Джефферсона Дэвиса, он поправил ее, где мог, и позаботился, чтобы все предложения были изложены с максимумом подробностей. Теперь он должен зачитать речь с величайшей искренностью. Конгрессмены должны проникнуться ее идеями.

— Всем вам известно, что случилось на том роковом совещании Кабинета. Двое убитых. Джефферсон Дэвис ранен, быть может, даже смертельно. Его последние сознательные слова были обращены ко мне. Он просил меня говорить от его имени, что я сейчас и делаю. Он просил меня зачитать эту речь и сделать все, что в моих силах, дабы убедить всех вас, что это самый мудрый, самый здравый путь, по которому нам следует идти.

Как известно всем здесь собравшимся, Конгресс Соединенных Штатов согласился объединить эту страну на условиях, которые удовлетворят всех и не отпугнут никого. Все вы читали этот билль и раздумывали над его значимостью. Если мы здесь, в этом многоуважаемом собрании, признаем его достоинства, то по сути провозгласим, что война между штатами закончена. Брат более не будет убивать брата.

И посреди всей этой пагубной борьбы хочется с прискорбием отметить, что настоящие трудности возникают скорее из эгоистических страстей отдельных личностей, нежели из реальной необходимости. В пограничных штатах рабство и без того угасает от естественных причин. Если бы только необузданная и слишком часто беспринципная аболиционистская предвыборная агитация на эту тему на севере прекратилась, рабство в пограничных штатах исчезло бы за пять лет. Президент Соединенных Штатов уверил меня в этом.

Обычно причинами войны стремятся представить некие великие идеи. Вовсе нет. Люди вступают в войну по множеству причин, ряда из которых даже не осознают. Тут и фанатизм — с обеих сторон, и недопонимание, и искажение

действительности, и даже политика.

Посему я прошу вас последовать предложению Конгресса Соединенных Штатов. Я прошу вас заглянуть в собственные сердца и найти в них согласие. Принятое вами решение скажется на тысячах живущих ныне, на миллионах еще не родившихся. Ваше решение практически положит конец этому Конгрессу Конфедерации, но при том оно обеспечит возрождение раненой страны. Мы будем сидеть бок о бок с нашими братьями с Севера и спасем Соединенные Штаты от величайшей угрозы. Не забывайте, что в час нашей беды они пришли к нам на помощь. Их не просили об этом, они вызвались добровольно. И с их помощью, ценой жизни их солдат был подписан кровный пакт, что Билокси должен быть отомщен. И это свершилось. Давайте охватим умом этот факт, запомним его и не станем цепляться за войну, отложенную в силу перемирия. Давайте заглянем в собственные души и найдем достойный путь продлить перемирие и оставить войну в прошлом. Прежде всего я прошу вас всех проголосовать и принять предложение, выдвинутое Конгрессом Соединенных Штатов.

Он договорил. Поначалу аудитория с виду никак не отреагировала. По рядам пронесся ропот

приглушенных голосов — конгрессмены обменивались мнениями, а затем один голос перекрыл остальные:

— Иуда Бенджамин, ты чертов Иуда, как другой еврей, предавший нашего Спасителя, продаешь свою родину, своих друзей и семью, свою страну за чертовы посулы янки! — Лоуренс М. Кейтт, изрыгающий пламя конгрессмен из Южной Каролины, рабовладелец, очень богатый и очень уверенный в правоте своего дела.

— Я не продаю ничего, конгрессмен Кейтт, но я возмущен вашим тоном и отвергаю ваши расистские оскорбления. Если бы мы не сражались с британскими захватчиками, я бы бросил вам вызов, чтобы отстоять свою честь. Но мы все видели, как пагубно смешивать стрельбу с политикой. То, что я не бросаю вызов в ответ на ваши грязные инсинуации, означает, что я должен быть сильным и не поддаваться на провокации — как и все вы тоже. Мы должны на время забыть о личных амбициях — ради того, чтобы воссоединить нашу страну.

Это разозлило Кейтта еще больше.

— А я возмущен вашим тоном и вашими аргументами. Мои рабы — это моя собственность, и никто не отберет их у меня. Что же до моей

чести, сэр, я ценю ее ничуть не меньше, чем вы. Я с радостью встречусь с вами у барьера сейчас или в любое другое время.

— Вы угрожаете мне, мистер Кейтт?

— Скорее обещаю, чем угрожаю. — Но высокомерие его тона опровергало его слова. Он вытащил пистолет из кармана фрака. Бенджамин указал на него:

— Вы еще и принесли пистолет в Конгресс, чтобы подкрепить свои угрозы? Вы сделали это после того, что случилось с Джефферсоном Дэвисом?

— Джентльмен не ходит безоружным...

— Сержант! — крикнул Бенджамин. — Арестуйте этого человека за угрожающее поведение.

Он заранее предусмотрел это, и отделение солдат стояло наготове. Все ветераны боев, все вернувшиеся домой на поправку после ранений. Все полны мрачной решимости положить конец войне. Кейтт яростно завопил и поднял пистолет, но был быстро разоружен и выдворен из зала.

Конгрессмены криками принялись выражать свое негодование и несогласие с подобными действиями, но Бенджамин не позволил раздору воцариться в зале.

— Остановитесь, подумайте о погибших. Неужели вы действительно хотите снова развязать

войну, которую с такой честью завершили? Неужели мы должны снова взяться за ружья, которые мирно отложили в сторону, и снова убивать друг друга? Неужели нас ничему не научила смерть наших близких? Право решения принадлежит вам, и грядущие поколения никогда не забудут, какое решение было принято здесь сегодня.

Он завоевывал сердца сенаторов одного за другим. Уже ближе к полуночи было проведено окончательное голосование, и условия Конгресса были приняты.

Решение прошло минимальным большинством.

В один-единственный голос. Но его было достаточно.

Война и раскол наконец-то закончились.

Неравная война

Фрегат «Спидфаст» был не первым британским кораблем, вступившим в бой с «Мстителем» во время короткого и сокрушительного сражения на Потомаке. Два других корабля уже полностью испытали на себе мощь его залпов. Фрегат спасло лишь то обстоятельство, что пушки американского броненосца в это время перезаряжались и

к выстрелу готова была только одна. Единственный четырехсотфунтовый снаряд пронесся через «Спидфаст». «Мститель» ринулся на остатки флотилии, бросив фрегат с убитым экипажем, разбитыми орудиями, со штурвалом, напрочь снесенным вместе с рулевым. Капитан Гаффни был опыт

ным и решительным офицером. Пока корабль беспомощно дрейфовал вниз по течению, оставшиеся в живых члены экипажа, повинуясь приказам капитана, отпилили сломанные мачты и соорудили временные обходные тяги руля. Румпель вышел неуклюжий, но зато делал свое дело. Капитан на мостике выкрикивал приказы, их передавали в трюм, и матросы под палубой тянули за веревки, поворачивая руль. Маневры шли медленно и с затруднениями, но все-таки удавались. Бой, разыгрывающийся выше по течению, остался далеко позади к тому времени, когда «Спидфаст» снова поднял пары, и капитан взял его под контроль. Как бы ни хотелось вернуться в бой, Гаффни понимал, что снова вступать в эту одностороннюю битву было бы чистым самоубийством. «Спидфасту» оставалось только одно: повернуть нос по течению, следом за сумевшими ускользнуть транспортами, и неуклюже

ковылять обратно в море, в порт приписки при Кингстоне, Ямайка.

Следственная комиссия полностью сняла с капитана Гаффни обвинения в недостойном поведении за уход с театра военных действий. Несмотря на это, он чувствовал себя униженным исходом поединка. Теперь отремонтированный и укомплектованный «Спидфаст» снова вышел в море. И миссия его, по мнению Гаффни, выглядела крайне просто.

Месть.

Постучав, лейтенант Уэдж, командир приписанного к судну подразделения морской пехоты, вошел в капитанскую каюту.

— Мы нанесем ответный удар, — сообщил капитан Гаффни. В душе его пылал гнев. Гнев на врага, повредившего его корабль и убившего его людей. Капитан прекрасно осознавал, что Британию постиг грандиозный военный крах, но чувства свои держал в узде. Он охотно вступит в сражение и сделает все, на что способен сам, его люди и его корабль. А об ином и речи быть не может. Но сейчас, в этой миссии, он с громадным удовольствием свершит личную месть стране, которая пыталась уничтожить лично его.

— Вот наши приказы, — Гаффни поднял един-

ственный лист бумаги. — Они весьма лаконичны и деловиты, и я уверен, что все последуют им с огромным удовольствием. — И зачитал: — «Вам приказано следовать с величайшей спешностью к побережью Соединенных Штатов. Там вам надлежит провести карательную акцию по уничтожению и опустошению городов и округов побережья, каковые сочтете доступными». — Он положил лист на стол перед собой. — Вам ясно, лейтенант?

— Ясно, сэр. И личный состав подчинится приказам с величайшим наслаждением!

Волосы Уэджа были всклокочены, лицо побагровело то ли от выпивки, то ли от гнева или от того и другого сразу. Его слишком часто обходили в званиях, и он так и не дослужился до более высокого чина. Подчиненные ненавидели его, но отлично сражались под его командованием, поскольку врага ненавидели даже больше. Он всегда был отличным бойцом, а эта битва как раз для него.

— У вас есть какие-нибудь участки на примете, капитан?

— Да. Вот. — Они склонились над картой. — На побережье Северной Каролины небольшой городок под названием Миртл-Бич. Я однажды

заходил туда за водой. Там имеются рыбачьи суда и железнодорожная станция в конце линии, уходящей в глубь суши. Строения, насколько я припоминаю, по большей части деревянные.

— Они будут отлично гореть. Когда атакуем?

— Сейчас мы идем со скоростью шести узлов, и земля должна показаться на рассвете. Переходим к действиям, как только цель будет опознана.

Почтмейстер Миртл-Бич только-только поднимал флаг, когда со стороны гавани донесся грохот, который невозможно спутать ни с чем. Пушки. К тому времени, когда он торопливо добежал до угла, чтобы поглядеть вдоль дороги в сторону берега, над крышами уже клубились черные облака дыма. Послышались крики, люди бросились бежать. Рыбачьи шхуны, стоящие на привязи в маленькой гавани, пылали. К берегу причаливали шлюпки, битком набитые солдатами в красных мундирах. Позади них темный силуэт боевого корабля внезапно озарился вспышками артиллерийских выстрелов. А мгновение спустя рухнул фасад Первого банка Южной Каролины.

Почтмейстер бросился бежать обратно, хрустя подошвами по битому стеклу на перроне станции. Распахнул дверь в телеграфную контору.

— Передай немедленно! Здесь англичане, сжи-

гают все подряд. Стреляют из пушек, высаживают солдат. Война пришла сюда...

Залп мушкетного огня отшвырнул почтмейстера на телеграфиста, и оба мертвыми рухнули на пол.

Лейтенант Уэдж и его морские пехотинцы протопали через здание в своих тяжелых сапогах и вошли на пустую станцию. На путях стоял черный локомотив; бригада бежала. Из трубы сочилась струйка дыма, пар с негромким шипением пробивался из клапана.

— Как раз то, что я и надеялся найти. Приведите мистера Макклауда.

Капитан тотчас же согласился на предложение лейтенанта морских пехотинцев, чтобы механик корабля сопровождал их при высадке. Как только механик подошел, Уэдж указал на локомотив.

— Вы можете о нем позаботиться? Взорвите его. Вам понадобится черный порох?

— Вовсе нет, сэр. Паровой двигатель есть паровой двигатель, они ничуть не отличаются друг от друга, будь то на море или на суше. Мне всего лишь нужно довести его до белого каления, закрыть выходные клапаны и затянуть предохранительный. После этого котел сам все сделает.

В городе неистовствовал пожар. Рыбачьи

шхуны сгорели до самых ватерлиний. Трупы жителей, не успевших сбежать, были раскиданы по улицам. Недурная работа, подумал лейтенант Уэдж, карабкаясь обратно на палубу «Спидфаста». Потом обернулся, чтобы еще раз окинуть взором горящие здания. Как раз в это время раздался мощный взрыв, и над черными облаками дыма взмыло белое облако пара.

— Что это? — спросил капитан Гаффни. — Пороховой склад?

— Нет, сэр. Паровоз отправился в мир иной.

— Отличная работа. Не забудьте упомянуть об этом в рапорте.

— Еще один город сожжен, господин президент, — доложил Николай. — Миртл-Бич. Небольшое местечко на побережье Северной Каролины. И не менее семи американских торговых кораблей было атаковано и захвачено в море. Но, хуже того, были предприняты еще два вооруженных набега из-за канадской границы. Наиболее жестокий в Вермонте. Люди там пребывают в панике, бросают дома и бегут на юг.

— Крайне прискорбно слышать, Джон. Просто ужасно. Одно дело, когда солдаты сражаются с солдатами, но британцы объявили войну против всего населения. Ступайте в Конгресс тотчас же.

Доложите о происходящем тамошнему письмоводителю. Конгрессмены должны сегодня голосовать по поводу предложений. Быть может, эти страшные события подольют масла в огонь их решимости.

Николай бежал почти всю дорогу до Капитолия и, входя туда, тяжело дышал и отдувался. Передал депеши главному письмоводителю и рухнул в кресло. Конгрессмен Уэйд, огнедышащий аболиционист, уже стоял на кафедре, пребывая на пике своей ораторской формы.

— Никогда, повторяю, никогда не поставлю я свое имя под этим предложением, которое ослабит нашу решимость покончить с пагубным институтом рабства как можно скорее. Ради этого принципа умирали люди, вершились сражения. Мало просто освободить рабов. А то, что их хозяевам следует заплатить за освобождение, — просто-таки оскорбление. Бог требует от нас наказания для этих злых людей. Их следует сбросить, свергнуть с их высот и заставить страдать так же, как беспомощные негры страдали от их рук. Мы совершим предательство, если позволим им уйти от Господнего правосудия...

— И вы осмеливаетесь говорить о предательстве?! — крикнул конгрессмен Трамбулл,

подскочив на ноги и размахивая кулаками, от гнева побагровев до синевы. — Это вы предаете свою страну и всех молодых людей, и Севера и Юга, которые отдали свои жизни за то, чтобы избавить нашу землю от британского нашествия. Теперь мы надеемся уврачевать раны войны и объединиться против общего врага, а вы хотите этому помешать! Я бы сказал, что тот, кто говорит подобные вещи, настоящий предатель страны. Будь в моей власти, я бы повесил вас за подобные предательские речи!

Заседание Конгресса, шумное и скандальное, затянулось далеко за полночь. Только безмерная усталость заставила конгрессменов в конце концов мало-помалу стихнуть и прекратить дискуссии. С тем чтобы возобновить споры назавтра. Было решено продолжать заседание до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение того или иного рода.

А вдали от Вашингтона, в самой северной части штата Нью-Йорк, воинская колонна стремительно двигалась сквозь ночь. Таким маленьким и таким диковинным формированием генерал Джозеф Э. Джонстон не командовал уже много лет. Пехотные полки — Второй и Тринадцатый Луизианские — уже служили под его началом

в прошлом. Их составляли главным образом выходцы из Нового Орлеана и его окрестностей — поджарые и крепкие, несгибаемые бойцы. Четыре артиллерийские батареи присоединились к ним в Пенсильвании. Тоже добрые и хорошо обученные солдаты. Но генерал до сих пор не привык командовать янки.

А тут еще обоз. Не только воинский, но и еще пять повозок, которыми правят миссурийские погонщики мулов. Молчаливые люди, непрерывно жующие табак и сплевывающие жвачку с убийственной точностью.

Если бы генерал Роберт Э. Ли самолично не встретился с Джонстоном, чтобы в подробностях рассказать, что необходимо сделать, Джонстон начал бы думать, что вся эта операция — чистейшее безумие. Но как только генерал Ли растолковал общую концепцию, Джонстон тотчас же согласился принять командование. В течение двадцати четырех часов после встречи войска, орудия, фургоны и лошади были сосредоточены на сборном пункте. Было уже за полночь, когда они погрузились в ожидающие поезда, лило как из ведра, дождевые капли с шипением испарялись на металлических колпаках керосиновых ламп. Фургоны затолкнули на платформы,

лошадей уговорами и силой затащили в товарные вагоны, усталые солдаты более чем охотно забрались в пассажирские. После этого эшелоны останавливались только для погрузки угля и забора воды по пути на север. В Мэлон, штат Нью-Йорк, к узловой станции, где пересекается две ветки — в опасной близости от занятого врагом Платсберга.

— Мне нужны дозоры со всех сторон, — приказал генерал Джонстон. — И кавалерийские разъезды на дорогах, по которым мы пойдем.

— У нас тут доброволец, — сообщил один кавалерист. — Подъехал, когда увидел, кто мы такие.

Из темноты на свет фонаря выехал дюжий мужчина на крупном коне.

— Зовут меня Уорнер, джентльмены, шериф Уорнер, вот и значок мой.

Поглядев на значок, генерал кивнул.

— Давно здесь живете, шериф Уорнер?

— Рожден тут, пространствовал малость, послужил в кавалерии во время войн с индейцами, генерал. Был тогда сыт армией по горло и вернулся сюда. Тут особо нечем заняться, кроме фермерства, а к нему у меня душа как-то не лежит. Шериф помер от сифилиса, вот я и получил его работу. Ежели я чем-нибудь смогу вам подсо-

бить, так чего ж, тогда я к вашим услугам.

— Вы знакомы с местными дорогами?

— Да я их знаю лучше, чем свои пять пальцев. Могу найти дорогу куда угодно в темноте с закрытыми глазами.

— Но мы бы предпочли, чтобы вы делали это с открытыми глазами. Можете отправиться с этими людьми. — Генерал Джонстон отвел лейтенанта в сторонку, когда тот хотел последовать за своими подчиненными. — Присматривайте за ним. Лишняя осторожность никогда не помешает.

Но шериф оказался человеком слова. Они обошли спящий Платсберг и расположенные там британские подразделения, ничем себя не выдав.

К утру подразделения двигались ровным маршем вдоль берегов озера Шамплейн, чтобы устроить засаду для барок.

Все прошло точно по плану. Рассветный артобстрел, уничтожение части судов и бегство остальных на север. Затем колонна построилась и последовала за барками на север. Но с запада дул крепкий ветер, скоро барки набрали ход и скрылись из виду. Замечательно, просто замечательно. Когда колонна вернулась обратно в

Мэлон, поезда уже ждали. И усталые люди, и лошади с радостью погрузились снова. Гражданские фургоны, оставленные на месте, по-прежнему стояли на платформе, а погонщики мулов оставались такими же угрюмыми и молчаливыми, как всегда.

Генерал Джонстон собрал офицеров в штабном вагоне.

— Славная работа, джентльмены. Ночная переброска смешанных войск всегда представляет трудности. Должен похвалить вас за то, как все было проделано.

— Мы прошли чертовски долгий путь, генерал, если вы не против, чтоб я выложил все напрямую, — сказал полковник Янси, наливая себе большой стакан кукурузного виски. — И все только для того, чтобы разбить пару утлых лодчонок, а затем развернуться и маршировать обратно.

— Я бы согласился с вами, полковник, если бы это было единственной целью данной операции, — отозвался Джонстон, поднимая стопку телеграмм. — Эти депеши ожидали меня в Мэло-не. Наши войска разбили врага вдоль всего Гудзонского фронта. Британцы бегут. И всякий из них, кто доберется до места высадки у озера, обнаружит, что его транспорт пропал. Скоро они

все окажутся в котле. Мы сделали в точности то, ради чего были отправлены — отрезали им путь к отступлению. Сделанное нами весьма важно, на самом деле это часть более обширного плана, согласно которому мы очень скоро вступим в бой. Самые серьезные события ждут нас впереди.

В вагоне внезапно воцарилось молчание. Генерал улыбнулся. Намеренно неторопливо налил виски в свой стакан и пригубил. А его аудитория была само внимание.

— Я воздержался от сообщения вам об этом ранее, потому что об истинной цели нашей миссии нельзя было сказать даже намеком. Я поклялся генералу Ли молчать — и теперь прошу вас о том же самом.

— Позвольте перебить, сэр, — подал голос капитан Дюбуа, а затем продолжал, когда генерал одобрительно кивнул: — Не было ли в телеграммах других новостей? Больше ничего не известно о состоянии Джеффа Дэвиса?

— Действительно, в последней стопке такие сведения есть. Жив и поправляется, но очень слаб. Воистину добрые вести. Итак, вернемся к войне. Операция проведена чудесно, джентльмены, поздравляю вас. Янси абсолютно прав. Мы прошли долгий путь, чтобы разнести в щепу пару утлых

лодчонок. Это сделано. Это было идеальным прикрытием для акции, которую мы предпримем сейчас. Сейчас мы находимся на поезде, который определенно не вернется в Пенсильванию. — Вагон загромыхал и закачался на стыках, будто подтверждая его заявление. — Мы находимся на другом пути и направляемся к нашей конечной цели — к городу Огденсбургу. Если кто-то не очень знаком с географией янки, я могу сообщить, что Огденсбург находится на берегу могучей реки Святого Лаврентия. И, конечно, все вы знаете, что лежит по другую сторону этой реки...

— Канада! — воскликнул капитан Дюбуа, вскакивая на ноги. — Канада с salaud[18] англичанами, роящимися там, как блохи на старой дворняге. Мы тут не случайно! Это так, генерал? Мы тут, чтобы сильно попортить кровь англичанам?

— Да, джентльмены, именно так.

Канада

Оглядев членов Кабинета, Линкольн недоверчиво тряхнул головой. Поджал свои костлявые ноги, уперся каблуками в край кресла и охватил колени руками.

---

[18] Примечания: 18
Здесь: мерзавцами *(фр.)*.

— Ну и ну, не видел столько вытянутых лиц со времени последнего визита в конюшню. Нам бы следовало праздновать победу, джентльмены, а не глядеть с таким видом, будто мы потерпели сокрушительный разгром.

— Война зашла в тупик, — сказал военный министр Стэнтон. — Шерман остановился у канадской границы. Британцы топят наши торговые суда в море, а затем высаживаются на сушу и разоряют наши берега, как им заблагорассудится. Они оправдывают эти действия, утверждая, что наши страны по-прежнему находятся в состоянии войны. Чушь. Это они вторглись к нам. Конгресс объявил, что состояние войны началось только после их вторжения. А теперь, когда их вышвырнули с нашей земли, разбили на море, какую же теперь они выставляют причину для этих непрерывных варварских набегов на наших граждан?

— Ни малейшей, учитывая, что они согласились на мирные переговоры, — не менее угрюмо отозвался Сьюард. — И, несмотря на это соглашение, прусские переговоры застряли и ни с места. Адамс представил наши условия, в самом полном смысле разумные, но ни Пальмерстону, ни его холуям ничем не угодишь. Британские пред-

ставители в Берлине по-прежнему выдвигают невозможные требования репараций, извинений и всего что только в голову придет, лишь бы не заниматься серьезными переговорами о мире. Я чувствую, что правительство тори решилось продолжать эту войну и согласилось на переговоры только для того, чтобы утихомирить оппозиционные партии в Парламенте.

— Тогда давайте поговорим о хороших новостях, — промолвил президент. — Билль о реконструкции прошел нижнюю палату и будет наверняка одобрен Сенатом. Когда я подпишу его, билль станет законом. Хочется надеяться, мы увидим начало конца нашей внутренней войны. Что касается более широкого конфликта, уверяю вас, генералы не стоят на месте. Если британцы не хотят мира, то хлебнут войны по самое горло. У меня есть отчетливое ощущение, что они будут изумлены куда больше нас переменами, грядущими в ближайшем будущем.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился Сьюард. — Как государственный секретарь, я должен быть в курсе всех военных планов.

— Должны, — ответил президент, — но бывают времена, когда надо играть в покер, держа карты, так сказать, поближе к орденам. Вашингтон

наводнен иностранными шпионами, прямо-таки рвущимися отыскать любую кроху сведений и продать их. Но вы должны знать хотя бы то, что затеваются определенные операции. Приказы разосланы и доставляются гонцами, потому что мы обнаружили бесчисленные каналы утечки на телеграфных линиях. Лично я не знаю деталей этих предприятий, так что никому из членов Кабинета не следует чувствовать себя обойденным. Зато я могу вам сказать, что британцев в Канаде в ближайшем будущем ждут весьма любопытные переживания.

Когда президент покидал заседание кабинета, на его губах играла загадочная, чуть ли не озорная улыбка. Быть может, было бы вполне безопасно открыть им, что затевается, но Чейз — великий сплетник, а Сьюард, несомненно, расскажет своей дочери.

Хей ждал президента в коридоре.

— Здесь делегация негров. Я впустил их в ваш кабинет, чтобы подождали. Сказал им, что вы будете, как только заседание Кабинета закончится.

— Я увижусь с ними сейчас же. Вы имеете хотя бы смутное представление о том, что у них на уме?

— Ни малейшего, хотя пытался выяснить, как

вы меня просили.

— Тогда посмотрим, тогда посмотрим. — Линкольн повернул ручку двери и вошел.

Увидев его, собравшиеся встали. Хорошо одетые негры отнеслись к этой встрече весьма серьезно и с громадным интересом воззрились на человека, оказавшего на их жизнь самое разительное влияние.

— По-моему, я встречался кое с кем из вас прежде, во время предыдущего совещания.

— Встречались, господин президент, — подтвердил их предводитель Э. М. Томас. — У нас состоялась весьма любопытная дискуссия с вами в этой самой комнате.

— Совершенно верно. Насколько припоминаю, ваша группа отнюдь не питала восторгов по поводу одобрения Конгрессом плана поселения негров в Южной Америке. — Линкольн произнес это без малейшей досады, хотя идея переселения была его любимым детищем. Тут он заметил, что незнакомый ему дюжий чернокожий мужчина с густой копной волос и остроконечной бородкой, сдвинув брови к переносице, что-то сосредоточенно обдумывал. Линкольн взглянул на него, и тот, протиснувшись мимо остальных, протянул свою мускулистую руку.

— Я Фредерик Дуглас, господин президент.

Ладонь его оказалась твердой, как доска.

— Конечно, я много о вас слыхал. Пора уж нам познакомиться.

— Действительно, пора. Билль о реконструкции, представленный вами Конгрессу, важностью не уступает самой Конституции. Сие первый шаг по дороге, что ведет к освобождению моего народа. В глазах негров — и Севера, и Юга — вы владеете положением, какого не достичь ни одному другому человеку. Дядюшка Линкам, кличут вас негры, возносят вас на вершину Сиона. Каждого второго мальчика нарекают Авраамом в честь вас.

— В самом деле... — начал президент и осекся, не находя слов. Пришедшие одобрительно загудели, подтверждая слова Дугласа.

— Вот почему вы должны сделать более того, — изрек Дуглас с угрюмой настоятельностью; остальные заохали, ужаснувшись. — Единожды ступив на дорогу свободы, вы должны пройти ее до конца. До самого конца, где мой народ должен получить те же права, что и ваш. Стать вольным во всем, вольным владеть землей и вольным голосовать на свободных выборах.

Слушатели примолкли, шокированные столь решительным заявлением в лицо руководителю

страны. Один из них потянул Дугласа за рукав, но тот стряхнул руку. Линкольн с бесстрастным выражением лица тянул себя за бороду.

— Вы изложили свою точку зрения весьма ясно, — в конце концов промолвил он. — Теперь предлагаю всем сесть и поглядеть, куда может завести нас столь откровенная дискуссия. Я читал некоторые из ваших речей и отметил, что вы весьма невысокого мнения о стране, в которую намереваетесь влиться.

— Покамест, но мое мнение может и перемениться.

— Искренне надеюсь. Не представляю, как человек, ненавидящий Четвертое июля, может быть истинным американцем.

Будь такое возможно, Дуглас насупился бы еще сильнее.

— Я сказал, что сей праздник для черных американцев лишен смысла. Так оно и есть. Рабство клеймит ваш республиканский дух позором. Ваш гуманизм — лишь притворство, ваше христианское милосердие — ложь.

— В рабовладельческих штатах сказанное вами соответствует истине. Но скоро рабству придет конец.

— Всей душой хочу дожить до того дня. Но

боюсь, что глубоко предубежденные рабовладельцы и плантаторы так просто своих рабов не отдадут. Вот отчего мы пришли нынче повидаться с вами. Дабы оказать вам помощь. Вы должны заручиться поддержкой бывших рабов в достижении собственной свободы. Черные церкви на Юге объединены, и вам следует склонить их к сотрудничеству. Другие черные организации тоже сулят надежду.

— Непременно, — кивнул Линкольн. — Я также занимаюсь организацией комитета по надзору за ходом освобождения.

— Я искренне на это надеялся. Сколько негров войдет в комитет?

— Я как-то не думал...

— Так подумайте теперь! — Дуглас рубанул рукой воздух. — Ежели равноправия нет в комитете по введению равноправия, то вы проиграли, даже не начав. Посему прошу вас назначить в этот комитет меня. Что скажете, сэр?

— Скажу, — медленно протянул Линкольн, — скажу, что характер у вас весьма решительный, мистер Дуглас, и весьма сильный. Кое-кто мог бы сказать, что ваше безрассудство граничит с дерзостью, но я не настолько самоуверен, чтобы заявить подобное. Не ведаю, каковы ваши

карьерные амбиции, но сказал бы, что из вас получился бы хороший разъездной адвокат. — Шутка разрядила напряжение, кое-кто в группе даже улыбнулся. Дуглас слегка кивнул — скорее признавая достойного оппонента, чем в знак согласия. Не успел он рта раскрыть, как президент продолжал: — Я передам ваши слова комитету, когда он будет формироваться, и сообщу о своем согласии с вашей позицией.

На этой примирительной ноте встреча и закончилась. Линкольн, профессиональный политик всегда и во всем, не пошел на попятный и не дал обещаний, которые не сможет сдержать. Хотя и верил, что предложения Дугласа пойдут во благо. Сотрудничество освобожденных рабов просто необходимо.

Плоские поля по берегам реки Святого Лаврентия — идеальное место для лагеря. Жатва уже закончилась, и пшеничная стерня похрустывала под ногами. Тусклое солнце немного согрело воздух, но в бороздах еще лежал снег, наметенный ночной поземкой. Зима не за горами. Солдаты быстро поставили палатки, разбив лагерь.

Рядовой Дюкрок вел лошадь полковника в поводу; по пути к воде встретился с коноводами из артиллерийской батареи. Чудесный край, очень

похожий на Миссисипи близ Батон-Руж, если бы не холод. Даже плоскодонка в реке смахивает на лодки, что ходят по илистым водам Матери рек; только там вместо весел пользуются шестами. Дюкрок с любопытством поглядел на гребцов, когда те повернули лодку к берегу, вскоре причалив совсем рядом с пришедшими на водопой лошадьми. Солидный седовласый мужчина, стоявший на носу, осторожно ступил на берег. Потом, оглянувшись на лошадей и солдат, радостно кивнул.

— C'est l"arnee Americaine, n'est-ce pas?

— Oui, certainment. Etes-vous Fransais? — отозвался Дюкрок.

— Certainment pas, mon vieux! Je suis Fransais Canadien. Je suis ici pour parlera votre oficlier superieur, le General Johnston[19].

Дюкрок указал в сторону стоящих в поле офицерских палаток. Папино поблагодарил его и двинулся вверх по берегу. Поглядев ему вслед, солдат подивился странному совпадению: надо же, встретить человека, говорящего по-французски, здесь, на холодном севере, так далеко от

---

[19] Примечания: 19

— Это американская армия, не так ли?

— Да, определенно. Вы француз?

— Несомненно, мой друг! Я французский канадец. Я хочу поговорить с вашим командиром генералом Джонстоном *(фр.)*.

дома. И тут же громко рассмеялся.

Даже простой мальчишка из заводей знает, что на войне подобные совпадения невероятно редки. Канада прямо за рекой, а на этом берегу два полка франкоговорящих американских солдат. А еще артиллерия и тяжело нагруженные повозки. Затевается что-то чрезвычайно интересное.

— Винтовки, — сообщил генерал Джонстон, указывая на открытый ящик. — Новейшие, заряжающиеся с казенной части, магазинные винтовки системы Спенсера. Перезаряжать приходится только после десяти выстрелов. Конечно, они отличаются от винтовок, заряжающихся с дула. Но освоить их нетрудно. Наши солдаты недавно испытали их в деле и с радостью покажут вашим людям, как ими пользоваться с чрезвычайной результативностью.

— На это уйдет какое-то время, генерал. К сожалению, большинство моих верных последователей родом из маленьких городков и деревушек и говорят только по-французски.

— Полагаю, вам доставит удовольствие весть, что это не создаст никаких трудностей. Канада — не единственное место в Северной Америке, где говорят по-французски.

— Конечно! Луизианская покупка![20] У вас войска из того района, из-под Нового Орлеана.

— Да.

— Я должен был догадаться об этом, когда один из ваших солдат ответил мне по-французски. Благодарю вас за ружья и за ваших добровольных инструкторов.

— Мне также было приказано помочь вам всем, что в моих силах. План боя и атака, конечно, за вами. Но вы будете сражаться с регулярными войсками, и, уверяю вас, вам понадобятся пушки для полной уверенности в победе.

Вдали послышался паровой гудок, потом другой. Вытащив из кармана часы, Джонстон поглядел на циферблат.

— Минута в минуту. Хотелось бы мне, чтобы все военные операции проводились настолько четко.

Они вышли из палатки в тот самый момент, когда из-за излучины реки выплыл военный корабль, за ним еще два.

— Грузовые суда с озера Онтарио. В Рочестере их обшили броней и установили пушки. Первоначально реконструировались, чтобы встать

---

[20] Примечания: 20

В 1803 году Наполеон I продал США Луизиану, первоначально принадлежавшую Франции.

преградой вторжению британцев водным путем, через озера. Но, думаю, ничуть не хуже зарекомендуют себя при штурме укреплений.

Папино не находил слов от восторга; непременно обнял бы и расцеловал Джонстона, если бы тот не сделал поспешный шаг назад.

— Я ошеломлен, mon general. Прежде, когда мы подняли восстание, у меня были только люди, — собственно говоря, мальчишки, — да и то вооруженные отцовскими охотничьими ружьями. Вот мы и проиграли. А теперь у нас привезенное вами чудесное оружие. И ваши солдаты, и большие пушки — да теперь еще и это. Монреаль свалится с одного удара, скажу я вам, потому что в городе всего пара-тройка сотен английских солдат. А у меня уже там агенты, толкуют с местными канадскими ополченцами, не питающими любви к Anglais. Они восстанут, перейдут на нашу сторону, все до последнего.

— Да вдобавок будут усилены моими войсками. Поскольку англичане совершают набеги на юг от Канады, я без каких-либо угрызений совести вторгнусь в вашу страну.

— Это не вторжение. Вас примут с распростертыми объятьями. Я воспринимаю ваши действия как братскую помощь.

— Нам придется переправиться через реку. Где вы предлагаете нам высадиться?

Джонстон расстелил на столе карту. Папино внимательно рассмотрел ее и указал место.

— Здесь. Тут плоские луга и старая деревянная пристань, вот тут вот, так что высадиться с кораблей будет совсем легко. Вдобавок вот этот лесок заслоняет место высадки от города, он за этой излучиной реки. Путешествие не очень дальнее, а мои люди знают все тропы и дороги. Марш можно провести ночью, чтобы к рассвету выйти на исходный рубеж атаки.

— Согласен. Именно так мы и поступим.

Раздался гудок — это броненосцы повернули к берегу; солдаты громко закричали «ура» и бросились к воде, приветствовать матросов. Взор Папино затуманился, будто перед ним разворачивались невероятные события будущего.

— Сперва Монреаль, за ним Квебек. Нас ждет успех, иначе и быть не может. Канада снова станет французской.

Генерал Джонстон кивнул, будто в знак согласия. Правду говоря, особого дела до Канады ему не было, будь она французская или чья угодно. Он вступил в эту войну, чтобы поколотить британцев. Если восстание французской Канады

поможет уничтожить врага, что ж, он всей душой за. На войне все подручные средства хороши. В этом он целиком и полностью согласен с новым командующим генералом Шерманом. Войны ведут, чтобы побеждать.

А далеко на юге, в куда более теплом климате, подходил к концу краткий, но яростный бой. В Вест-Индии укрепленные позиции у британцев имелись лишь на Ямайке, Барбадосе и Сент-Люсии. Оба мелких острова, стратегически важные пункты погрузки угля, скоро сдались американским кораблям, и те двинулись походом на Ямайку. Штаб Имперской Вест-Индской базы всегда считался неприступным для атаки с моря. Вход в Кингстонскую гавань охраняли бастионы, и тяжелые пушки разбили бы в щепу всякий вражеский корабль, попытавшийся войти в порт.

Вернее, всякий деревянный корабль. Генерал Улисс С. Грант уже набрался опыта в уничтожении береговых батарей с броненосных канонерок в фортах Генри и Донелсон. Теперь же в его распоряжении был «Мститель» с двумя орудийными башнями, каждая из которых несла пару четырехсотфунтовых орудий Пэр-рота, куда более мощных, чем генералу доводилось использовать прежде. Стоя на палубе парового фрегата «Ро-

анок», он следил, как огневые позиции англичан подвергаются бомбардировке и подавляются одна за другой. Некоторые были защищены каменными стенами, хорошо противостоявшими ударам цельнометаллических ядер. Против них «Мститель» пускал в ход фугасные снаряды, проделывавшие в стенах громадные бреши и уничтожавшие орудия. Обороняющиеся стреляли до последнего, но все ядра лишь безобидно отскакивали от брони стального корабля.

Как только броненосец заставил смолкнуть последнее орудие, в гавань вошла флотилия транспортов с деревянным «Роаноком» во главе. Как и ожидали, сопротивление оказалось незначительным. Лазутчики выяснили, что гарнизон Ньюкасла состоит всего из четырех рот Вест-Индского полка. Остальные полки — пехотный, Королевский инженерный и Королевский артиллерийский — были отправлены для участия в Американской кампании. Оставшийся полк был рассеян по всему острову и не успел собраться ко времени, чтобы помешать высадке американцев. Как только был захвачен порт и взята губернаторская резиденция, Грант дописал рапорт об операции и лично доставил его командору Голдсборо на «Мститель».

— Отличная работа, командор, отличная работа!

— Спасибо, генерал. Мне ведомо, что у вас имеется опыт совместных боевых действий сухопутных войск и флота, но для меня эта операция стала поучительным уроком. Это рапорт президенту?

— Да.

— Превосходно. Я отправлю его телеграфом, как только остановлюсь во Флориде, чтобы пополнить запас угля. В Балтиморе приму на борт снаряды и порох и далее последую на север. На всех парах. В благостном климате этих островов как-то и не верится, что пришла зима.

— Нам предстоит еще много сделать, пока не начались снегопады и не замерзли озера. Генерал Шерман уже вывел войска на позиции и ждет только вести, что вы в пути.

— Отправляюсь, сэр, отправляюсь — курсом на победу!

Битва за Квебек

В воздухе висел гул от стрекота телеграфных аппаратов и шороха перьев телеграфистов, переводивших на человеческий язык загадочные, одним только им доступные щелчки. Подхватив

очередной исписанный лист, Николай поспешил к президенту.

— Монреаль захватили неожиданно легко. Броненосцы подвергли бомбардировке Королевскую батарею под городом и Цитадель над ним. Батарея была уничтожена, а Цитадель так пострадала, что люди Папино захватили его в результате первого же штурма.

— А как насчет этих башен Мартелло, так беспокоивших генерала Джонстона?

— Об этом позаботились агенты Папино. Башни были укомплектованы артиллеристами местного добровольческого полка — сплошь франко-канадцы, кроме офицеров. Как только сражение началось, они выбросили офицеров из орудийных портов и обратили пушки против британцев. Через час после первого выстрела все обороняющиеся либо сдались, либо обратились в бегство. Теперь там распоряжаются канадцы.

— Чудесно, просто чудесно! Дверь в Канаду открыта, а Грант и Голдсборо тем временем очищают от врага Вест-Индию. Надеюсь, я не слишком искушаю судьбу, сказав, что конец близок. Быть может, еще несколько военных неудач, и британцы пересмотрят свою стратегию проволочек в Берлине. Они наверняка должны

уразуметь, что их гибельное предприятие рано или поздно должно подойти к концу.

— В их газетах определенно не отыщешь ни малейшего намека на эту тему. Вы видели газеты, доставленные вчера французским судном?

— Разумеется. Особенно меня пленило мое весьма точное подобие с заостренными рогами и хвостом. Мои враги в Конгрессе наверняка оправили его в рамку и повесили на стену.

Встав, президент подошел к окну, чтобы полюбоваться унылым зимним пейзажем. Но вместо того видел залитые солнцем острова Карибского моря, более не принадлежащие Британии, более не являющиеся базой для набегов на Американский материк. Теперь взят еще и Монреаль. Будто сжимающиеся стальные тиски, военная мощь объединившихся Соединенных Штатов очищает континент от захватчиков.

— Так и будет, — с мрачной решимостью проронил президент. — Генерал Шерман на позициях?

— Выступил, как только получил от генерала Гранта известие, что Ямайка пала и «Мститель» на всех парах идет на север.

— Жребий брошен, Николай, и конец грядет, как говорят проповедники. Мы предлагали мир, а они его отвергли. Так что теперь мы завершим

войну на собственных условиях.

— Будем надеяться...

— Оставьте это. У нас есть право — и сила. Наше будущее вверено в руки компетентнейшего генерала Шермана. Наши объединенные армии тверды в своей решимости избавить от британцев нашу страну, если не наш континент. Пожалуй, в каком-то смысле нам даже следует испытывать благодарность к ним. Не нападай они на нас, мы и по сей день воевали бы с южными штатами. К счастью, кровопролитная война теперь осталась в прошлом. Быть может, всякая вражда скоро закончится, и мы снова сможем подумать о мирной земле.

Висящая на растяжке палатки керосиновая лампа освещала карты, разложенные между двумя генералами. Подавшись вперед, Шерман покачал головой.

— Генерал Ли, мое место должны занимать вы, и никак иначе. Ваш план, ошеломительный в своей простоте, даст великолепный результат, когда мы ударим по врагу.

— Если помните, мы разрабатывали его вместе.

— Я собирал войска, но тактика сражения предложена вами.

— Скажем так: я просто накопил более обширный опыт в этой области, причем почти все время обороняясь против превосходящих сил противника. В подобных обстоятельствах становишься мудрее. И вы кое о чем забываете, Камп. Ни я, ни какой-либо другой генерал не может занять ваше место во главе объединенных войск. Ни один другой генерал Союза не может командовать одновременно и войсками Юга, и войсками Севера. То, что вы совершили в Миссисипи, будут помнить всегда.

— Я сделал лишь то, что должно.

— Никто другой этого не сделал, — твердо возразил Ли. — Ни один другой человек не мог так поступить. Теперь же война между штатами с Божьей помощью закончилась, и скоро о ней останутся лишь горькие воспоминания.

— Да сбудутся ваши слова, — кивнул Шерман. — Но я знаю Юг почти так же хорошо, как и вы. Неужели Акт об освобождении негров будет принят без горечи?

Ли с мрачным видом откинулся на спинку походного стула, задумчиво погладил седеющую бороду. И наконец промолвил:

— Это будет нелегко. Но довольно просто для солдата, подчиняющегося приказам. Так что у

нас на стороне правосудия войска, блюстители нового закона. А благодаря деньгам все перемены будут приняты безболезненно, поскольку война разорила большинство плантаторов. Деньги, полученные за рабов, помогут им встать на ноги.

— И что тогда? — не унимался Шерман. — Кто будет собирать хлопок? Свободные люди — или свободные рабы?

— Над этим предстоит всерьез поразмыслить; газеты наверняка ни о чем другом и не пишут. Но это должно быть сделано. Или все жертвы, все лишения были напрасны.

— Это и будет сделано, — с искренним чувством проговорил Шерман. — Поглядите, как наши люди бьются бок о бок. Если уж люди, недавно пытавшиеся убить друг друга, могут сражаться плечом к плечу, то уж наверняка не видевшие войны могут поступить точно так же.

— Отнюдь не все разделяли подобные чувства, когда Конгресс Конфедерации собирался в последний раз.

— Горячие головы! Как же я их презираю. Бедный Джефф Дэвис. До сих пор под присмотром докторов. Рана у него заживает не очень хорошо.

Несколько долгих минут Ли сидел молча, а потом тряхнул головой.

— Мы все обсудили, и я уверен, что дело пойдет как надо. Деньги для плантаторов. Работа для возвращающихся солдат, когда Юг начнет возрождаться. Думаю, все эти осязаемые материи сделают свое дело, и с рабством в нашей стране будет покончено раз и навсегда. Тревожат меня как раз материи неосязаемые.

— Я что-то не улавливаю.

— Я говорю о подразумеваемом верховенстве белой расы. Как бы ни был южанин беден, к каким бы отбросам общества ни принадлежал, он даже не думает, а знает, что он выше негра только благодаря цвету кожи. Как только все уладится и люди вернутся по домам, они увидят свободных чернокожих, разгуливающих по улицам, и это придется им весьма не по вкусу. Беды не миновать, определенно не миновать.

Шерман даже не знал, что ответить. Он прожил на Юге достаточно долго, чтобы понимать, насколько Ли прав. Они еще немного посидели в молчании, каждый погрузился в собственные раздумья. Затем Ли достал часы, со щелчком откинул крышку.

— Рассвет не за горами, пора мне вернуться к войскам, — и поднялся. Шерман тоже встал и, повинуясь внезапному порыву, протянул руку.

Пожав ее, Ли улыбнулся в ответ.

— За утреннюю победу. За разгром врага.

После ухода генерала Роберта Ли генерал Уильям Шерман опять склонился над картами, чтобы еще раз проработать детали атаки. Его адъютант полковник Робертс присоединился к нему.

На южном берегу реки высился город Квебек, четко обрисовываясь на фоне утреннего небосвода. Опустив подзорную трубу, Шерман снова поглядел на карту.

— Прошло всего чуть более ста лет с тех пор, как Вольф взял город. Похоже, с тех пор мало что изменилось.

— Разве что укрепления стали мощнее, — полковник Робертс указал на оконечность мыса Даймонд. — С тех пор выстроены стены и береговые батареи. Я бы сказал, что в лобовой атаке их не сокрушить.

— О лобовой атаке никто и не думал.

— Знаю, но вчера ночью река была покрыта льдом.

— Тоненькой корочкой. Река Святого Лаврентия редко замерзает до середины декабря, у нас в запасе почти две недели. А мы должны все закончить сегодня.

— По крайней мере, нам не придется высаживать людей в бухте Вольфа и заставлять их карабкаться на равнины Авраама, как Вольф.

Шерман не улыбнулся, не видя в войне ничего смешного.

— Мы не должны отклоняться от намеченного плана операции, если только не возникнут веские основания для обратного. Броненосцы на местах?

— Пришли ночью. Береговые наблюдатели доносят, что они бросили якоря в предписанных точках.

— Как дела дивизии генерала Ли?

— Очистила британские позиции на острове Орлеан над городом. Сейчас его войска заняли позиции там и со стороны озера Святого Карла от города.

— Хорошо. Уже достаточно светло. Начинайте атаку на артиллерийские позиции на мысе Леви. Доложите, когда они будут захвачены и наши пушки переведены.

Шерман снова поднес к глазам подзорную трубу, пока телеграф клацал, передавая приказ. Мгновение спустя с юга долетел басовитый грохот орудий, смешивающийся с треском ружей.

Британцы ожидали атаки с севера, через рав-

нины Авраама, являющие собой самые ровные и простые подступы к Квебеку. Их разведка донесла о наступлении дивизии генерала Уоллеса с той стороны. Пока что все идет по плану. Армии к северу и к югу от города, броненосцы на реке, все орудия на позициях.

В поле за палаткой телеграфа послышались крики, потом тарахтение и дребезг повозок, съехавших с дороги и трясущихся на ухабах. Не успели они остановиться, как вышколенные солдаты уже спрыгнули, вытащили и начали расстилать на земле смятое желтое полотнище. Вскоре в утреннем воздухе разнесся едкий запах серной кислоты, наливаемой в контейнеры с железными опилками. Крышки контейнеров захлопнули, и через считаные минуты порожденный химической реакцией водород устремился по брезентовому шлангу. По мере того как шар все более и более раздувался, люди хватались за веревки; потребовалось тридцать человек, чтобы не дать ему вырваться. Как только был протянут провод, наблюдатель и телеграфист забрались в корзину. Наблюдательный воздушный шар поднялся в небеса, и провод — все восемьсот футов — протянулся к земле.

Генерал Шерман одобрительно кивнул. Теперь

он может обозреть битву с высоты птичьего полета; полководцы столетиями мечтали о подобной возможности. Железный рычаг телеграфа в фургоне принялся выстукивать первые донесения небесного наблюдателя.

Похоже, все идет гладко и строго по плану.

Уже через час американские — и захваченные британские — орудия начали обстрел осажденного города.

— Неужели ничего нельзя поделать с этой чертовой штукенцией?! — бросил генерал Харкурт, отступая в сторону от ядра, ударившего в парапет неподалеку, разбросав во все стороны осколки камня. Желтый наблюдательный шар завис в недвижном воздухе, обозревая осажденный город.

— Увы, сэр, — отозвался адъютант. — Ружья не добивают, а попасть в него из пушки просто невозможно.

— Но этот наглец смотрит прямиком на наши позиции! Им видно падение каждого снаряда...

Подбежавший курьер остановился и козырнул:

— Капитан Граттон, сэр. На севере обнаружены пушки и войска. Батарея полевых орудий уже открыла огонь.

— Знаю! Равнины Авраама. Они тоже читают учебники истории. Но я им не Монткам. Мы никогда не покидаем оборонительных позиций, чтобы напороться на пулю. Пойду сам погляжу. — Генерал Харкурт вскочил в седло и поскакал по улицам города, а штаб следовал за ним по пятам.

Теперь артиллерия окружила Квебек со всех сторон. Районы, недоступные для обстрела с противоположного берега реки, подверглись бомбардировке с броненосцев. Некоторые из них, вооруженные мортирами, швыряли в воздух пятисотфунтовые ядра, и те лениво взмывали по параболе высоко над крепостными стенами, чтобы с сокрушительной мощью обрушиться на укрывшиеся за ними войска. Убежища от бомбардировки тяжелыми орудиями нельзя было отыскать ни в каком уголке крепости.

Броненосцы все время пребывали в движении, все время отыскивали новые мишени. Три из них — защищенные самой мощной броней — сошлись вместе ровно в одиннадцать часов, покинули реку Святого Лаврентия и вошли в реку Сент-Джеймс, протекающую к востоку от города. В ту же самую минуту из-под прикрытия деревьев взмыла желтая громада второго воздушного шара, воспарив позади кораблей.

Артобстрел усилился, осколочные гранаты с ужасной точностью сыпались на укрепления с флангов. Телеграфные сообщения с наблюдательного шара передавали на корабли семафором.

В момент самой яростной бомбардировки, когда защитники стен ослепли от застлавшей укрепления пелены дыма, войска генерала Роберта Э. Ли пошли на приступ. Они высадились у города со стороны реки под покровом тьмы и оставались в укрытии среди деревьев. Рассветная бомбардировка не давала британцам высунуть носа, и присутствие войск обнаружено не было. Войска южан добрались до разрушенных укреплений в ту самую минуту, когда британскому генералу Харкурту, находившемуся в противоположном конце города, доложили о новой атаке. Он даже не успел выслать подкрепления, когда атакующие стрелки вгрызлись в землю среди развалин, стреляя во всякого британского солдата, попадавшегося на глаза.

Через их ряды хлынула вперед вторая волна солдат в серых мундирах, за ней еще. Воинственный клич мятежников раскатился в стенах Квебека. В обороне англичан зияла огромная брешь, сквозь которую вливались все новые и новые подкрепления, разворачиваясь в боевые

порядки и развивая успех.

Остановить их было невозможно. К тому времени, когда генерал Шерман поднялся на борт броненосца, чтобы тот переправил его через реку, сомнений в исходе битвы не осталось.

Вся дивизия южан уже проникла в стены города, разворачиваясь и наступая. Английскому генералу пришлось снять часть людей с обороны западных укреплений. В дивизии генерала Лью Уоллеса имелась саперная рота — углекопы из Пенсильвании. Под ворота подвели мину и заложили заряды черного пороха. Угодившим в тиски между двумя наступающими армиями, оказавшимся в безнадежном положении британцам оставалось выбирать одно из двух: или сдаться, или умереть.

Через час был выброшен белый флаг.

Квебек пал. Последний британский оплот в Северной Америке перешел в руки американцев.

Сладость победы

Совещание Кабинета было намечено на десять часов. Назначенный час давно прошел, а президент все не показывался. Взбудораженные министры почти не замечали его отсутствия, громко перекликаясь друг с другом. Когда же

вошел военно-морской министр Уэллс, все взоры обратились к нему, зазвучали вопросы о новостях с моря.

— Победные, только победные. Враг усмирен и подавлен могуществом нашего оружия, сокрушен и разбит. Острова, некогда называвшиеся Британской Вест-Индией, ныне у нас в руках.

— Как же тогда мы будем их называть? — поинтересовался военный министр Эдвин Стэнтон. — Американской Ост-Индией?

— Грандиозная идея, — отозвался Уильям Сьюард. — Властью государственного секретаря нарекаю их.

Раздался дружный взрыв смеха. Даже суровый Уэллс позволил себе чуточку усмехнуться, загибая пальцы.

— Во-первых, британцы лишились единственных опорных пунктов близ наших берегов. У них нет ни порта, где можно разместить корабли, какие у них еще остались, ни угля, дабы снабдить топки их машин, буде они отважатся на новые нападения из-за океана. Теперь варварские набеги на наши прибрежные города прекратятся.

— Но они по-прежнему могут устраивать вылазки из Канады, — заметил министр юстиции Бэйтс, всегда ухитрявшийся видеть во всем худ-

шую сторону.

— Если замените «по-прежнему могут» на «раньше могли», вы окажетесь куда ближе к истине, — возразил Стэнтон. — Успех восстания французских националистов лишил их базы в Монреале. Враг бежит перед победоносным наступлением войск генерала Шермана. В эту самую минуту Шерман сжимает кольцо вокруг Квебека. Когда кольцо сомкнется, британцы обречены. Их войскам останется только бежать на северо-восток, на Новую Шотландию, где у них осталась последняя военно-морская база в Галифаксе...

Он оборвал фразу на полуслове, когда дверь зала распахнулась и вошел президент Линкольн. За ним по пятам следовал Иуда П. Бенджамин.

— Джентльмены, — провозгласил Линкольн, усаживаясь во главе стола. — Все вы знакомы с мистером Бенджамином. Теперь прошу любить и жаловать его как нового члена Кабинета министров — министра по делам южных штатов.

Собравшиеся забормотали поздравления. Бенджамин легонько склонил голову, пожал руку, великодушно протянутую госсекретарем, и занял указанное место.

— На предыдущих совещаниях, — начал

Линкольн, — мы обсуждали необходимость представителя Юга. А несколько дней назад мистер Бенджамин вступил в роль избранного главы Конфедерации, когда в последний раз был созван Конгресс Конфедерации. Он расскажет вам обо всем.

Воцарилось напряженное молчание, когда Иуда П. Бенджамин по-луизиански врастяжку заговорил тоном глубочайшего уныния:

— Не стану лгать вам, заявляя, что все прошло тихо и гладко. Самых трезвых джентльменов Юга в Конгрессе уже не было, некоторые из них ныне пребывают в Вашингтоне, в палате представителей. Я не стану заходить настолько далеко, чтобы заявлять, будто остались одни горячие головы и закоснелые ретрограды, но желчных нападок все-таки хватало. Некоторым кажется, будто поругана честь Юга. Вносили разнообразные предложения, страсти бушевали вовсю. С прискорбием сообщаю, что еще двое конгрессменов арестованы за угрозу насилия. В конце концов мне пришлось вызвать войска. Повидав кровавое пекло войны, они никому не позволили бы встать

на пути мира. Их командир генерал Джексон[21] стоял перед раскольниками каменной стеной, недосягаемый для просьб и проклятий, твердый в своей решимости, он заботился лишь о том, чтобы последнее заседание Конгресса Конфедерации закончилось мирно.

Он немного помолчал, видя что-то, доступное только его взору. Страну, которой служил, ныне ушедшую навсегда. Быть может, видел Юг скорого будущего, изменившийся до неузнаваемости. Нахмурившись, он тряхнул головой.

— Не думайте, что я оплакиваю павшую Конфедерацию. Я не оплакиваю, но могу лишь надеяться, молиться, что мы сумеем оставить рознь в прошлом. Я закрыл собрание, велел выгнать тех, кто пытался остаться, и провозгласил, что Конгресс Конфедерации прекратил свое существование. А затем здание заперли на замок. Думаю, я сыграл свою роль в процессе исцеления. Теперь же призываю вас, джентльмены, и Конгресс Соединенных Штатов, сыграть свою. Сдержать данные вами обещания. Позаботиться о честном и справедливом мире. Если же вы

[21] Примечания: 21

Здесь косвенно обыгрывается прозвище генерала Джексона — Твердокаменный, полученное после сражения при Булл-Ране, где его бригада стояла «как каменная стена».

этого не сделаете — что ж, тогда я участвовал в величайшем предательстве за всю историю человечества.

— Приложим все старания, не пожалеем сил, — заверил президент. — Теперь, когда штаты Юга посылают своих представителей в Конгресс, раны недавней войны должны исцелиться. Но попутно возникают и проблемы, и отрицать их существование было бы откровенно глупо. В последние недели мы работали с Иудой П. Бенджамином в таком тесном сотрудничестве, что между нами возникли определенные узы. Мы сходимся во мнениях по целому ряду вопросов и верим в одно и то же будущее.

И чтобы это будущее настало, мы должны говорить в один голос. Наш кабинет должен быть тверд в своей решимости. Воссоединить страну и уврачевать ее раны будет нелегко. Уже теперь из южных штатов поступают доклады о трениях из-за приобретения рабов. Мы должны обеспечить, чтобы возникающие проблемы разрешались через посредство мистера Бенджамина, не только весьма осведомленного в этих вопросах, но также весьма уважаемого и пользующегося доверием во всех уголках бывшей Конфедерации.

— Горячие головы и недовольные будут всегда,

— отметил Бенджамин. — Особенно на Юге, где честь ставят превыше всего, а кровь у людей горяча. Беспорядки, упомянутые президентом, происходят в Миссисипи, я уже получил корреспонденцию на данную тему. Проще говоря, дело в Акте о реконструкции. Хотя процедура выкупа рабов разработана весьма подробно, цены весьма туманны, что и влечет беспорядки. Я намерен отправиться в Миссисипи при первой же возможности, чтобы проработать детали на месте. Мы должны проводить политику, приемлемую и удобную для всех. Если мне удастся подготовить рабочее соглашение с плантаторами штата Миссисипи, то остальные владельцы плантаций по всему Югу будут твердо придерживаться правил, которые мы выработаем, это я знаю определенно.

— Отлично, — одобрил Линкольн. — Это краеугольный камень нашего соглашения, а оно должно работать, и работать хорошо. — Он бессознательно сложил руки ладонями перед грудью, будто в молитве. — Со временем наши проблемы будут множиться. В прошлом мы думали только о том, как выжить, как выиграть войну. С прекращением военных действий мы смогли направить все силы на борьбу с внешним врагом. Но и в этой

борьбе перед нами лежал один-единственный путь. Мы должны были уничтожить противника, изгнать его с нашей земли. И, с Божьей помощью, осуществили это. Но что нас ждет в будущем? — Он устало прикрыл глаза, потом, открыв глаза, выпрямился. — Теперь наш путь утратил однозначность. Впереди нас ждут развилки и перекрестки, ведущие в самые разные стороны. Могучий поезд Союза должен отыскать путь сквозь все преграды к триумфальному будущему.

— И каким же в точности оно будет? — поинтересовался Уильям Сьюард, чьи претензии на президентское кресло в преддверии выборов ни для кого не были тайной.

— В точности не знаем, мистер Сьюард, — ответил Линкольн. — Мы вынуждены просить руководства по этому вопросу. Но на сей раз не у Господа, а у человека, отличающегося великой мудростью. Он поделился своими познаниями со мной и мистером Дэвисом, а недавно и с мистером Бенджамином, и оказал нам неоценимую помощь при подготовке Билля об освобождении. Я просил его сегодня поговорить со всеми вами, дабы ответить на серьезные вопросы наподобие последнего. Сейчас мы за ним пошлем. — Он

кивнул секретарю, и тот тихонько выскользнул из комнаты.

— Слыхали мы о вашем советнике. Он ведь англичанин? — в голосе министра юстиции прозвучала угрюмая подозрительность.

— Да, — твердо сказал Линкольн. — Как другой великий политический советник нашей нации, Том Пейн. И, по-моему, как и отцы-основатели нашей Республики. То есть те из них, которые не были шотландцами или ирландцами. Или валлийцами.

Раздался смех, и Бэйтс нахмурился, но промолчал, оставшись при своем мнении.

— Мистер Джон Стюарт Милл, джентльмены, — провозгласил Линкольн, когда Хей ввел философа в комнату.

— Вы можете прорицать будущее? — осведомился министр юстиции. — Можете предсказывать, какие события произойдут, а какие нет?

— Разумеется, нет, мистер Бэйтс. Но я могу указать западни, поджидающие вас на дороге к будущему, а также указать достижимые цели. — Он невозмутимо огляделся, прекрасно владея собой и своей речью. — Мне бы хотелось узнать всех вас как можно лучше. Ведь это вы, господа, формируете будущее, ведь это вы и президент

— путеводные светочи сей державы. Так что я в общих чертах опишу цели, каковые достижимы на самом деле, а затем с радостью отвечу на конкретные вопросы касательно ваших чаяний и стремлений.

Я поговорю с вами о важности представительского правления, о необходимости свободы дискуссий. Я противник непросвещенной демократии, как, несомненно, и все вы. Таковы понятия, забывать о которых не следует, цели, к которым надо стремиться. Но вашей первоочередной задачей должна стать экономическая мощь. В ратной войне вы победите. Но вы откроете, что куда труднее победить в мире, в грядущей экономической войне.

— Вы говорите загадками, — наморщил лоб Стэнтон.

— Вовсе нет. Воюя с британцами, вы также воевали и с Британской империей. Вы когда-нибудь видели эту Империю на карте, где составляющие ее страны раскрашены розовым? Розовый цвет раскинулся по всей карте, джентльмены, розовый цвет опоясывает планету. На протяжении двадцати пяти тысяч миль по всему миру развевается британский флаг. Розовый цвет покрывает одну пятую земной поверхности, и

королева Виктория правит четвертью населения планеты. Империя сильна, значит, вы должны быть сильнее. Я знаю своих соотечественников и знаю, что они не потерпят поражения, каковое вы им нанесли. Не знаю, какие действия они предпримут, но на этом они не остановятся. Так что вы должны подготовиться. Легкая жизнь на Юге пришла к концу — хоть я и понимаю, что это всего лишь миф о Юге, что его народ на самом деле умеет много и хорошо трудиться. Ваша страна богата, а ваш народ — и на Севере, и на Юге — знает толк в работе. Но Юг должен стать таким же индустриальным, как и Север. Натуральное хозяйство не приведет к изобилию. Для увеличения национальных богатств Юг должен производить не только хлопок. Если у вас есть воля, то у вас есть и средства. Земля — это богатство, способное прокормить всех жителей этой страны. Богатство, заключающееся еще и в железе, меди, золоте.

Вы должны взять это богатство и построить сильную Америку. Вам по силам подобное, ибо вы наделены волей. Воспользуйтесь возможностью и увлеките своим примером весь мир. Народы угнетенных стран увидят в вас пример представительского правления. И, как указывали моя

дорогая жена и дочь, половина граждан планеты — женщины. Я обязан им очень многим. Кто бы ни задумался о моем труде ныне или впредь, не должен забывать, что это продукт не одного разума и души, но трех. Посему вы когда-нибудь должны подумать о введении всеобщего избирательного права.

— Не потрудитесь ли растолковать? — проворчал Сэмон Чейз. — Я не понял, что вы имеете в виду.

— Тогда я пролью свет. Все здесь присутствующие наверняка верят в узы, связывающие мужчину и женщину. Брак — установление, равным образом соединяющее оба пола. Ибо один не может существовать без другого. Женщина может не уступать своим интеллектом своему партнеру. Оба равны перед законом. Могут владеть собственностью. Но в одном они все-таки неравны. Женщины не могут голосовать.

— И никогда не будут! — вскинулся Эдуард Бэйтс.

— Позвольте спросить, почему? — спокойно осведомился Милл.

— Причины прекрасно известны. Их слабость. Их нервы, их непоследовательность.

Доводы ничуть не тронули Милла.

— Вижу, вы их недооцениваете, сэр. Но спорить сейчас не хочу. Просто скажу, что в один прекрасный день придется подумать о всеобщем избирательном праве, если эта страна намерена стать истинной демократией, представляющей всех своих граждан. Не прямо сейчас, но рано или поздно вам не миновать этого решения.

— На Юге мы относимся к женщинам с большим почтением, — промолвил Иуда П. Бенджамин. — Не решусь утверждать, что предоставление им права голоса скажется на почтении в негативном плане. Но если проследить вашу логику до самого конца... ведь дальше вы думаете о предоставлении права голоса неграм?

— Да. В конечном итоге надо мыслить об идеальном всеобщем праве голоса. Чтобы стать истинно свободным, человек должен быть уверен, что остальные люди свободны тоже. Когда же другие являются движимым имуществом — будь то женщины, негры или любые прочие, — свобода будет неполной. Истинная демократия распространяет свободу на всех своих членов.

Милл смолк, чтобы перевести дыхание, и притронулся платком к губам. Но не успел снова раскрыть рта, как раздался стук в дверь и вошел секретарь Хей.

— Президент Линкольн, уважаемые члены Кабинета, прошу простить меня за вторжение. Однако я уверен, что вы охотно выслушаете содержание этой телеграммы. — Он поднял листок и зачитал: — Квебек взят, враг разбит наголову. Подпись: генерал Шерман.

В последовавшей тишине негромкие слова президента были отчетливо слышны всем присутствующим:

— Значит, все. Война выиграна.

Триумф

О, сладостная весть! О, упоение!

Взрослые кричали, дети верещали, церковные колокола трезвонили со всех сторон. Люди ликовали до хрипоты, срывая голоса, и даже не замечали этого от счастья.

О победе кричали во всеуслышание, вопили во всеуслышание, пели во всеуслышание. С падением Квебека пала и власть британцев. Заслышав радостную весть, люди высыпали на улицы. Победа! День, такой пасмурный и холодный с утра, согрелся теплом победы, озарился солнцем успеха.

Возле Белого дома собралась толпа, криками призывавшая президента.

— Я должен выйти и поговорить с ними, Мэри, — промолвил Линкольн.

— Но не в этом же старом, помятом костюме в день такого праздника!

Она стояла на своем, пока президент не отказался хотя бы на денек от своего потрепанного, лоснящегося черного костюма ради нового черного фрака из тончайшего сукна, белой крахмальной полотняной сорочки и фуляра из превосходнейшего французского шелка.

— Я так горжусь тобой, отец, — с улыбкой всплеснула руками Мэри. Он ответил радостной улыбкой, потому что после смерти Вилли Мэри улыбалась очень редко. Она тоже отказалась от своего черного платья, хотя бы на день, надев белое бальное платье, украшенное сотнями черных цветочков.

Рука об руку вышли они на балкон, и толпа радостно взревела. Линкольн не мог сказать ровным счетом ничего, и даже если бы попытался, его бы никто не расслышал. Они просто с улыбками махали руками, пока не замерзли. К тому же, когда они возвращались в дом, к подъезду уже подкатывали первые коляски.

Члены Кабинета собрались в Зеленой комнате, где к ним присоединилось воинство старших

сенаторов с Капитолийского холма. В тесных стенах перекатывалось эхо восторгов и веселого смеха. Протолкнувшись через собрание, Хей привлек внимание президента.

— Тут русский посланник.

— Барон с непроизносимой фамилией?

— Да, сэр. Барон Штокль. Хочет поздравить.

— Еще бы ему не хотеть после того, что британцы сделали с русскими в Крыму.

Пышно одетый барон с золотой звездой на шее размером с суповую тарелку схватил Линкольна за руку и принялся встряхивать ее, будто рукоятку помпы, с такой энергией, что его парик грозил сползти на глаза.

— Позвольте сердечнейшим образом, господин президент, поздравить вас с победой на поле боя. — Отступив в сторону, он указал на военного в элегантном мундире: — Позвольте представить вам адмирала Нахимова, пришедшего сюда на флагманском корабле с визитом, по случайному совпадению, весьма своевременно.

У адмирала оказались мозолистые ладони, крепкое пожатие и на удивление хороший английский.

— Я знаю, как трудно топить английские корабли, и восхищен тем, как это делают ваши моряки,

— сказал он.

Линкольн кивнул в знак согласия.

— Мы и в самом деле потопили множество кораблей.

Тут к его локтю прикоснулись, отзывая в сторону.

— Миссис Линкольн хочет, чтобы вы вместе с ней встречали гостей, — проговорил Николай.

По мере того как в Белый дом набивалось все больше и больше доброхотов, выстроилась своеобразная очередь на прием. Линкольн обменивался с каждым гостем парой слов и рукопожатием. Мэри, отнюдь не жаждавшая прикасаться к такому количеству чужих рук, держала букет, кивая и улыбаясь.

Собрались по большей части политики и их дамы, хотя было и несколько генералов, да еще русский адмирал; большинство офицеров еще не вернулись с моря и полей сражений. Конечно, присутствовали и зарубежные сановники, и послы, а также местная знать.

— Какой величественный день! — сказала мисс Бетти Дюваль.

— Несомненно, — отозвалась Мэри Тодд Линкольн. Голос ее обрел интонации южных Тоддов, а не янки Линкольнов. — Хорошо ли вы пожи-

вали?

Мягкость ее слов противоречила резкости их смысла. Сперва подвергнувшись домашнему аресту в Вашингтоне за откровенно конфедератские воззрения, мисс Дюваль была выслана на Юг вместе с вдовой Гринхау, стоявшей теперь рядом с ней. К последнему средству прибегли, когда выяснилось, что они сочувствуют южанам не только на словах, но и активно шпионят в пользу Юга. О заключении под стражу женщин их положения и преклонных лет не могло быть и речи. Ссылка на обнищавший военный Юг сама по себе послужила немалым наказанием.

— Весьма недурно. Наши мальчики справились, не правда ли?

— Несомненно. Солдаты Севера и Юга бились плечом к плечу, чтобы вышвырнуть иноземных захватчиков. Восхитительный день.

Все они улыбнулись, забыв о прошлом хоть на минуту. Нынче вечер победы, а не сведения счетов.

Скоро в комнате скопилась такая толпа, что у Мэри от духоты заболела голова. Шепнув об этом мужу, она выскользнула за дверь. Линкольн прилежно пожимал протянутые руки, но почти не смотрел на посетителей.

— Нынче день победы американского оружия, — сказал офицер. Линкольн взглянул сверху вниз на коренастого военного, тряхнул его руку и тут же выпустил.

— Искренне надеюсь, что вы оправились от горячки, генерал Макклеллан.

— Целиком и полностью, — решительно заявил Наполеончик. — И снова готов послужить своей стране на поле брани. — В голосе его не прозвучало ни намека ни на медлительность и уклонение от битвы, ни на потери, понесенные, когда он в конце концов неохотно вступил в борьбу.

— Ничуть не сомневаюсь. Но я уже сдал пост главнокомандующего, принятый мной из-за вашей болезни. Ныне это звание носит куда более доблестный и опытный воин, нежели я. — Тон президента едва уловимо подразумевал, что генерал Шерман куда талантливее и самого Макклеллана. — Вам следует обратиться с этим к нашему победоноснейшему командиру, когда он вернется с фронта.

В этот вечер все стремились переговорить с президентом, даже бывший лейтенант военного флота Густав Фокс, ради торжественного случая на время забывший о разведывательной деятельности и надевший морской мундир. Взяв под

локоть невысокого человека в темных одеяниях с эбеновой тросточкой в руках и напускным равнодушием в манерах, он сделал знак Линкольну.

— Господин президент, позвольте представить вам нового французского посланника герцога де Валансьена.

Герцог с высокомерным видом слегка поклонился в талии. Линкольн энергично тряхнул его вялую руку, прежде чем француз успел ее выдернуть.

— Герцог как раз объяснял мне, — с улыбкой сообщил Фокс, — почему его страна на днях высадила еще тридцать тысяч солдат в мексиканском порту Веракрус.

Валансьен отмахнулся от такого пустяка небрежным движением ладони.

— Всего лишь деловой вопрос. Мексиканское правительство не выполнило своих обязательств и не погасило кое-каких долгов Франции.

— У вас весьма впечатляющий подход к погашению векселей, — заметил Линкольн.

— Ваши войска высадились в Веракрусе четырнадцатого декабря прошлого года, не так ли? — спросил Фокс.

Этот вопрос тоже был отвергнут взмахом ладони.

— Дела, все дела. Нам помогали испанцы, требовавшие уплаты по тем же векселям. А также, по-моему, человек семьсот британцев. Тоже за уплатой.

— Кое-что припоминаю, — кивнул Линкольн. — Но британцы тогда причинили нам массу неприятностей из-за своего корабля «Трент», и мое внимание несколько рассеялось. Но теперь я весь внимание. По-моему, в Мексике новая конституция, основанная на американской, не правда ли, мистер Фокс?

— Совершенно верно. Принята в 1857 году.

— Полагаю, это делает Мексику нашей сестрой-республикой. Тридцать тысяч человек — это ужасно много кредиторов в гостях у нашей сестры. Полагаю, доктрина Монро охватывает вопросы подобного рода. Мистер Фокс, нельзя ли мне получить полный доклад об этом?

— Разумеется.

— Примите мои поздравления по поводу ваших военных побед, — изрек Валансьен, внезапно проникнувшись желанием сменить тему. — Нельзя ли мне повидаться с миссис Линкольн, дабы передать поздравления и ей?

— По-моему, она удалилась на отдых, но я непременно передам ей ваши слова.

Фокс увел француза, и Линкольн улыбнулся. Пока его внимание было занято другими делами, беда пришла через заднее крыльцо. Что ж, теперь он смотрит в нужную сторону.

Давно пробило полночь, но всеобщее оживление и не думало идти на убыль. Пробравшись через толпу доброжелателей, Линкольн поднялся по лестнице, и там его привлек стрекот телеграфа в комнате рядом с его кабинетом. Николай занимался там сортировкой толстой кипы бумаг.

— По большей части поздравления, сэр. А также предложения, как нам следует поступить с поверженным врагом, некоторые весьма поучительные. А также традиционные просьбы о назначениях.

Линкольн со вздохом опустился в кресло.

— А что с пленными? Сколько тысяч человек мы захватили?

— Итоги пока не подведены, но после падения Квебека наверняка будет еще больше. Пленные ирландцы приветствовали нашу фермерскую программу и останутся у нас. Считают, что устроятся куда лучше, обрабатывая землю здесь, нежели на своей обнищавшей родине. Хотя некоторые из них чересчур юны, чтобы заниматься тяжелым трудом, я уверен, что все они придутся

ко двору. Среди ирландских солдат попадаются восьми- и десятилетние мальчики. Утверждают, что пошли в британскую армию добровольцами. Иначе им пришлось бы голодать. Касательно пленных англичан решение пока не принято.

— Что вы хотите этим сказать?

— Предложение фермерской работы и возможность получить надел предназначалось только для ирландцев. Но теперь объявились и английские добровольцы, предпочитающие возвращению домой возможность остаться здесь.

— Я бы сказал, пусть остаются. Одни ничуть не хуже других. Ну, пойду лягу, Нико. Денек выдался исключительный.

— Несомненно.

Но о постели думать было рановато. В кабинете его дожидался Гидеон Уэллс, глядя в окно и поглаживая свою окладистую бороду. Как только Линкольн вошел, он обернулся.

— Этот день останется в истории навечно. — В прошлом журналист, Уэллс порой высказывался газетными заголовками.

— Наверняка. Давненько британцы не получали такой основательной трепки.

— По-моему, вообще в первый раз. В последний раз захватчики вторглись в Англию в 1066 году. С

той поры она не проиграла ни одной войны, хотя вела их во множестве. Поглотила Уэльс, Корнуолл, Шотландию и Ирландию и стала Великой Британией. Не удовлетворившись этим, принялась мародерствовать по всему миру и таким образом основала Британскую империю. Я боюсь за наш флот, господин президент.

— Вам по должности положено. Но что конкретно вас тревожит?

— Меня тревожит мир. Мы только что заложили еще восемь броненосцев. Найдутся ли теперь деньги на их постройку?

— Должны найтись. Мы вступим в мир легкой походкой, но не станем ходить безоружными. Сильный флот и сильная армия станут гарантией нашей безопасности.

— Народ будет сетовать на налоги, а Конгресс прислушается к нему.

— Конгресс прислушается еще и ко мне. Ни один член Кабинета не питает ни малейших сомнений касательно наших экономических нужд на будущее, каковые указал нам мистер Милл.

— Вдали уже звучит ропот недовольства.

— Пока он останется там, пусть себе. Но никто не смеет вставать на дороге могучего крейсера по имени Америка, отплывающего в светлое бу-

дущее. А те, кто находится на его борту, должны говорить в один голос, стремиться к одной цели.

— Они должны плыть по ветру — или прыгать за борт.

— Вот именно. В прошлом в Кабинете были перестановки — вряд ли вы забыли своего предшественника Саймона Камерона.

— Как не забыл и постигшей его участи — посол в России, — рассмеялся Стэнтон.

— Весьма заслуженной участи, как вам известно, поскольку именно вам пришлось разгребать кавардак, в который он превратил военный флот. Но давайте отложим эти материи до утра — и насладимся ночью победы. Завтра, когда Кабинет соберется, у нас будет в достатке времени, чтобы обсудить свое мирное будущее.

День победы

Крейсер «Мститель» прибыл всего на два дня раньше генерала Шермана. Подошел к побережью Новой Шотландии у мыса Сейбл, затем на всех парах пошел на север. Его появление вызвало переполох в гавани Галифакс. Два британских фрегата, стоявших в порту, подняли пары и направились в море, как только американский крейсер был опознан. Будь хоть небольшой

ветерок, им удалось бы скрыться, прибегнув к совместной тяге винтов и парусов. Но в тот холодный декабрьский день царил штиль, и паруса висели, как тряпки. Машины только что сошедшего со стапелей «Мстителя» невероятно превосходили их двигатели. Снова сталь схлестнулась с деревом, и «Кастелян» был разбит и обездвижен после единственного залпа двух орудийных башен крейсера. Капитан британского фрегата не сдал корабль, хотя сражение не сулило ему ничего хорошего. «Мститель» даже не потрудился предложить ему сдаться и воздержался от продолжения боя, чтобы ринуться вдогонку за близнецом фрегата. Капитан «Отважного» оказался более осмотрительным, или практичным, или просто понял, что неравный бой не даст ему ровным счетом ничего. Он спустил флаг, как только прогремел первый выстрел. Высланный абордажный отряд принял командование над судном и привел фрегат в порт, из которого тот так недавно бежал. Нацелив на него заряженные пушки, «Мститель» наблюдал, как захваченный в плен корабль подходит к изувеченному «Кастеляну», бросает буксир и ведет его в порт. Подчиняясь приказу, «Отважный» остановил машины, как только вышел на рейд гавани, и

бросил якорь. «Мститель» миновал сцепленные фрегаты и медленно двинулся к берегу. Как только он оказался в зоне обстрела, береговые батареи открыли огонь.

Пушечные ядра фонтанами вздымали воду вокруг американского броненосца — и отскакивали от его восьмидюймовой брони. Не обращая внимания и не отвечая на огонь, «Мститель» обошел акваторию. Не стал стрелять ни в торговые, ни в транспортные суда, стоявшие у причалов. Просто вышел в центр гавани и бросил якорь.

Ближайшая береговая батарея выпалила снова. На сей раз ответ последовал. Залп одной башни четырехсотфунтовыми ядрами в одно мгновение превратил батарею в руины. Остальные батареи огня не открывали.

— Какого дьявола эта штуковина вытворяет?! — вопросил герцог Кембридж, но ответить не вызвался никто. Укутанный от мороза в меха герцог стоял на балконе губернаторской резиденции. Прибыл сюда всего за несколько дней до того, чтобы возглавить Американскую кампанию, поддавшись на уговоры двоюродной сестры-королевы. Может, присутствие главнокомандующего подняло боевой дух и ободрило войска, но никоим образом не сказалось на ходе войны в целом.

А новости сплошь дурные.

— Сперва это катастрофическое приключение на американском Юге. Разгром флота на Потомаке. Генерал Чэмпион убит в бою. Наши Вест-Индские базы взяты, Квебек пал. А теперь еще и это. Ну, Клайв, вы у нас вроде бы башковитый. Можете растолковать?

Бригадный генерал Клайв Соммервиль замялся. Ответ казался и без того очевидным.

— Ну же, давайте, — поторопил герцог.

— Что ж, сэр, полагаю, этот корабль — пробка в бутылке. Согласно последним донесениям, броненосцы янки в реке Святого Лаврентия направляются к морю.

— Лед их остановит.

— Он недостаточно толст и недостаточно крепок, чтобы помешать железному пароходу. Ничуть не сомневаюсь, что за ними по пятам маршируют вражеские войска.

— Говорите, пробка в бутылке?

— Да, сэр. Этот бронированный линкор мог бы обстрелять город и выгнать нас, если бы хотел. Полагаю, они хотят, чтобы мы оставались здесь.

Снова поглядев на темный абрис корабля, герцог поежился.

— Чертовски тут холодно. Пойдемте к огню.

Кто-нибудь, найдите мне большой бокал бренди. — И вошел первым.

На следующее утро вскоре после рассвета из тумана выплыла небольшая флотилия броненосцев. Они встали на якорь рядом с «Мстителем», тотчас же спустившим шлюпку. Тучный человек в шинели медленно спустился в нее и был доставлен на головной броненосец. Затем шлюпка направилась к берегу. Стоявший на носу солдат держал белый флаг.

— Пошлите туда кого-нибудь, — распорядился герцог и потянулся за своим бокалом бренди. В ожидании офицеры его штаба с беспокойством переговаривались между собой. Герцог все еще сидел, когда посланный вернулся в сопровождении офицера в безупречно выглаженном сером мундире, сверкающих сапогах, золотом кушаке и шляпе с пером. Остановившись перед герцогом, он козырнул:

— Генерал Роберт Э. Ли. Армия Соединенных Штатов.

— Кого надо? — буркнул герцог.

Ли холодно поглядел сверху вниз на развалившегося в кресле человека. И с немалой толикой презрения в голосе ответил:

— Я хочу поговорить с тем, кто здесь командует.

Кто вы такой?

— Последите за своим тоном, или я вас заколю!

— Это герцог Кембриджский, — спокойно поведал бригадный генерал Соммервиль, — главнокомандующий.

— Что ж, и вправду годится за командира. Я доставил послание от генерала Шермана, главнокомандующего наших войск. Он хочет встретиться с вами для обсуждения условий сдачи.

— Прежде я увижу его в аду! — вскричал герцог, осушая стакан и швыряя его в камин. Эта вспышка ничуть не тронула Ли; его мягкий южный говор звучал все так же безмятежно.

— Если вы откажетесь от упомянутой встречи, все корабли в этой гавани — и военные, и гражданские — будут потоплены. Город будет сожжен. Наша армия, находящаяся в неполном дне пути отсюда, захватит в плен всех оставшихся в живых, и мы отправим их в кандалах в Соединенные Штаты. Должен указать вам, что в данном вопросе выбора у вас нет.

И снова выход из тупика подсказал бригадный генерал Соммервиль.

— Герцог примет генерала Шермана здесь...

— Нет, — отрезал Ли. Теплые интонации исчезли напрочь. — Встреча состоится на берегу ровно

через полчаса. Герцогу велено взять с собой не более трех офицеров.

Теперь Ли не стал козырять. Просто развернулся на пятке и решительно зашагал из комнаты. В наступившей тишине треск лопнувшего уголька в камине прозвучал как выстрел.

На мостике «Мстителя» командор Голдсборо бросил взгляд на судовой хронометр и снова поднес подзорную трубу к глазам.

— А, наконец-то! Толстый офицер в шубе, с ним еще трое.

— Пора! — угрюмо проронил Шерман.

Две шлюпки стремительно пошли к берегу. Возникла небольшая заминка, когда матросы помогали командору Голдсборо выбраться из шлюпки, чуть ли вынеся его на руках. Затем на причал вышло больше дюжины офицеров, прежде чем показался генерал Шерман. Они расступились, пропуская его вперед, затем двинулись следом за генералом, зашагавшим по холодным камням к ожидавшей группе англичан. Вокруг их ног мела поземка.

— Я генерал Уильям Тикамси Шерман, главнокомандующий Объединенными войсками Соединенных Штатов. Как я понимаю, вы герцог Кембриджский, главнокомандующий британ-

ской армией.

Мороз немного остудил воинственный пыл герцога. Он резко кивнул.

— Хорошо. У вас есть лишь один выход — безусловная сдача. Если вы подчинитесь, даю вам слово, что всем вашим рядовым и офицерам будет дозволено погрузиться на транспорты и вернуться в Англию. Вы и ваш штаб останетесь. Вам надлежит следовать со мной в Вашингтон для обсуждения с американским правительством вопроса о репарациях. В качестве частичной компенсации за ущерб, нанесенный вами американским городам, а также за беспричинное истребление их граждан придется уплатить золотом.

— Прежде я увижу вас в аду!

— Нет, не увидите. — Шерман едва сдерживал гнев, его ясный взор был холоден, как смерть. — Вы принесли войну на наши берега и заплатите за свои вопиющие деяния. Ваши полевые войска разбиты или взяты в плен, ваши военно-морские базы захвачены. Война окончена.

Герцог уже кипел от ярости.

— Война никогда не окончится, насколько это зависит от меня! Слышишь меня, презренный выскочка-янки, это вам не подмять какую-нибудь

ничтожную крошечную страну. Вы оскорбили величайшую державу на свете, величайшую Империю! Вы дерзнули свершить подобное себе на беду.

— Себе на беду? Разве вам не было указано, что вы проиграли войну? Как уже однажды проиграли на этом континенте. Если вы хоть чуточку знакомы с историей, вам следует знать, что некогда Америка была британской колонией. Вас силой изгнали с наших берегов. Вы забыли этот урок в тысяча восемьсот двенадцатом году. И снова забыли его теперь. Мы вели революционную войну под множеством разных флагов и знамен. Теперь флаг у нас один, ибо ныне мы едины, как никогда прежде. Однако должен напомнить вам об одном революционном боевом стяге. На нем была изображена змея с девизом «Не наступай на меня». Запомните его на будущее. Вы двинулись в наступление — и были разбиты. Ради спасения Америки мы обратили оружие против захватчиков и отшвырнули вас. Если нам будут угрожать, ради спасения Америки мы сделаем это снова.

Генерал Шерман отступил в сторону, оказавшись лицом к лицу с тремя другими офицерами.

— Даю вам час на раздумья. Один час. Затем начинаю бомбардировку. Больше дискуссий на

эту тему не будет. Вы должны сдаться безоговорочно. — Начал было поворачиваться, но тут же оглянулся. — Лично я предпочел бы второе. Во имя родной страны я с радостью стер бы вас с лица земли, вплоть до последнего корабля, до последнего солдата, до последнего офицера, а затем стер бы с лица земли ваших политиканов и вашу королеву. Выбор за вами, джентльмены.

Снег повалил гуще, пасмурные небеса потемнели, студеный ветер окреп. Американские офицеры вернулись на корабль, оставив примолкших британских офицеров на берегу.

Закат

Герцог Кембриджский не выходил из каюты с тех самых пор, когда кюнардовский пароход отбыл из Вашингтона. Сидел в томительной духоте, вперив невидящий взор в пространство, заполненное пляшущими тенями от света парафиновой лампы, раскачивающейся под потолком. Только когда качание лампы стало более ровным, когда корабль начал размеренно переваливаться с боку на бок, герцог мало-помалу начал осознавать происходящее. Это мерная поступь громадных валов Атлантики; должно быть, пароход оставил реку позади и выходит

в море. Герцог поднялся, застегнул воротник и, натянув сюртук, вышел на палубу.

Теплый воздух был напоен солеными ароматами моря; упоительный июньский день, жить бы да радоваться. Стоявший у планширa бригадный генерал Соммервиль обернулся и отдал честь, когда герцог вышел на палубу. Прислонившись к планширу, они в молчании смотрели на исчезающий вдали американский берег. Герцог отвернулся с недовольной гримасой, предпочитая видеть паруса и хлопочущих матросов, а не землю Соединенных Штатов.

— Пусть эстафету принимает политическая братия, — проворчал он. — Я свое дело сделал. Слишком уж долго я тут болтал языком.

— Вы действительно сделали свое дело, ваша милость. Вытащили из них куда лучшие условия, чем они предлагали поначалу.

— Порой это было все равно что тащить зуб, и так же болезненно. Но не стоит преуменьшать свой вклад, Соммервиль. Я сидел с ними за столом переговоров. Но верх взяли ваши слова и аргументы.

— Рад служить, сэр, — Соммервиль слегка поклонился и поспешил сменить тему. Британские правящие классы смотрят на мозговитых свы-

сока и недолюбливают тех, кто афиширует свой разум. — Армия дома, в безопасности, пленных скоро отпустят, с грязным делом покончено. Как вы и сказали, теперь политики могут расставить точки над «и». Вопрос закрыт окончательно.

— Разве? — Герцог откашлялся и сплюнул в океан. — С военной точки зрения произошла катастрофа. Наша армия вторжения отброшена. Катастрофа на море. Канада практически утрачена...

— Английская Канада сохранила лояльность. Они не присоединятся к французам в их новой республике.

— Для этого придется порядком надавить на них. А если они отколются — что нам останется от целого континента? Промороженная колония на Ньюфаундленде, вот что. Такое подавляющим присутствием в Новом свете не назовешь.

— Но мы добились мира, разве этого не достаточно?

— Мир? Мы воевали с тех самых пор, когда моя кузина взошла на трон. Я слыхал, это называли маленькими войнами королевы Виктории. Войны по необходимости, ради распространения Британской империи на всю планету. Мы выиграли все их до единой. Время от времени

проигрывали сражения, но войны — никогда. А тут такое. От подобного остается мерзкий привкус во рту.

— Мы должны дорожить миром...

— Разве?! — герцог Кембриджский набросился на Соммервиля, гневно играя желваками. — Если вы верите в подобное, сэр, то вы в чертовском меньшинстве, сэр! Американские газеты каркают о победе, а простой люд раздувается от гордости, как петух на навозной куче. Зато на родине не смолкает ропот недовольства. Да, нам навязали перемирие и окаянный мир. Но это не означает, что грандиозная битва за место Великобритании под солнцем окончена. Наша страна не пострадала, наша Империя изобильна и процветает. Нас оскорбили, всех нас оскорбили!

— Но теперь ничего не поделаешь. Война окончена, солдаты вернулись, репарации должны быть уплачены...

— Она никогда не будет окончена, пока клеймо поражения лежит на нас. В эту самую минуту на верфях закладываются броненосные крейсера. В Вулвиче полыхают горны, отливают пушки и прочее оружие. А наш народ недоволен, весьма недоволен.

— Так что же вы предлагаете, сэр? — негромко,

бесстрастно, стараясь не выдать своего мнения на сей счет, проговорил бригадный генерал Соммервиль. — Мы перевооружимся, и это уже делается сию минуту. Армии будут собраны, вооружены и подготовлены. Но что дальше? У нас нет повода, чтобы начать следующую войну.

— Нет повода?! Вы же лицезрели наше унижение! Надо что-то делать. Что — не знаю. Но это мы обсудим, да, обсудим. Этот жалкий генерал, как бишь его? Шерман. Набрался чертовской наглости грозить царственной особе. Дерьмовая змея, не наступай и всякое такое. Что ж, я раздавил каблуком немало змей и без страха проделаю это снова.

Обернувшись, герцог воззрился на Америку, скрывшуюся в дымке на горизонте. При воспоминании о поражениях и унижениях кровь бросилась ему в лицо. Подобное свыше всяких сил! В душе его вскипел гнев, и герцог погрозил кулаком в сторону этой мерзкой страны.

— Что-то надо делать, что-нибудь будет сделано. Вопрос еще не исчерпан. Клянусь душой и телом. Это еще не конец!

Послесловие

Это правдивая книга.

Описанные события происходили на самом деле. У президента Линкольна действительно имелась весьма засекреченная служба, и возглавлял ее заместитель министра военного флота Густав Вейза Фокс.

Капитан Шульц, якобы офицер русского флота, на самом деле передал чертежи британской пушки Армстронга, заряжавшейся с казенной части, оружейнику Роберту Паркеру Пэрроту.

Дело «Трента» действительно распалило британское правительство, газеты и общественность. Правительство на самом деле отправило войска и пушки в Канаду и всерьез подумывало о вторжении в Соединенные Штаты.

Все приведенные здесь речи, а также газетные материалы имеются в архивах. Угрожающие заголовки и напыщенные статьи, опубликованные в период кризиса, процитированы здесь дословно.

Фений капитан Мигер действительно был приговорен британским правительством к повешению, снятию с виселицы и четвертованию. Впоследствии приговор был смягчен и заменен ссылкой в Австралию. Мигер находился на

каторжных работах в Тасмании, но бежал в Америку, где служил в армии Соединенных Штатов.

Во время войны 1812 года британцы действительно издали приказ, дословно приведенный здесь, о высадке с целью уничтожения имущества и истребления мирных американских жителей.

Снайперский корпус Соединенных Штатов состоял из великолепных стрелков. Они действительно уничтожали пушки изложенным здесь способом.

Письмо Джефферсона Дэвиса губернатору Луизианы имеется в архивах.

В сражении при Шайло сложило голову свыше двадцати двух тысяч солдат.

Битва между «Монитором» и «Виргинией» была первой в истории человечества схваткой стальных кораблей.

Слова Линкольна о рабстве соответствуют истине и взяты из архивов. Воззрения Джона Стюарта Милла на свободу, американскую демократию и упадок Европы позаимствованы из его трудов.

Гражданская война в Америке была первой современной войной. Скорострельные пушки и винтовки, заряжающиеся с казенной части, были поставлены на вооружение в самом начале

военных действий.

Через неделю после сражения между «Виргинией» и «Монитором» Север начал постройку еще двенадцати броненосцев класса «Монитор». Они снабжались зажигательными снарядами, наполненными «легковоспламеняющимся веществом, каковое после взрыва снаряда горит в течение тридцати минут и никоим образом не может быть потушено».

Наблюдательные воздушные шары использовали электрический телеграф для передачи сообщений о передвижениях войск,

а железные дороги играли жизненно важную роль в переброске личного состава и снабжении армии.

По окончании Гражданской войны армии Севера и Юга состояли из сотен тысяч опытных бойцов. Подобные объединенные войска могли не только отразить британское нашествие, но, вне всякого сомнения, и выиграть битву против объединенных армий Европы — даже разбивая их не одну за другой, а сразу все, будь те слиты воедино.

Современное военное искусство родилось в боях Гражданской войны, хотя остальной мир осознал это лишь много лет спустя.

События, изображенные в этой книге, могли бы разыграться именно так, как здесь описано.

Реальные исторические лица, действующие в романе

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов

Ганнибал Хэмлин, вице-президент

Уильям Г. Сьюард, государственный секретарь

Эдвин М. Стэнтон, военный министр

Гидеон Уэллс, министр военного флота

Сэмон П. Чейз, министр финансов

Густав Фокс, заместитель министра военного флота

Эдуард Бэйтс, министр юстиции

Джон Николаи, первый секретарь президента Линкольна

Джон Хей, секретарь президента Линкольна

Роберт Паркер Пэррот, оружейник

Чарльз Фрэнсис Адамс, посол США в Великобритании

Джон Эрикссон, конструктор корабля ВМФ США «Монитор» Капитан Уорден, капитан корабля ВМФ США «Монитор»

АРМИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Генерал Уильям Тикамси Шерман

Генерал Улисс С. Грант

Генерал Генри В. Халлек

Генерал Джордж Б. Макклеллан, командующий Потомакской армией

Генерал Рамси, глава департамента материального снабжения

Генерал-лейтенант Уинфилд Скотт, начальник гарнизона Вест-Пойнт

Полковник Бердан, командир Снайперского полка США

Генерал Бенджамин Ф. Батлер

Полковник Эйплер, командир 53-го полка Огайо

Генерал Джон Поп, Потомакская армия

ВОЕННЫЙ ФЛОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Командор Голдсборо

Чарльз Д. Уилкс, капитан корабля ВМФ США «Сан-Хасинто»

Лейтенант Фэрфакс, старший помощник корабля ВМФ США «Сан-Хасинто»

Дэвид Глазго Фаррагут, командир флотилии Миссисипи

Лейтенант Джон Уорден, капитан корабля ВМФ США «Монитор»

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Виктория Регина, королева Великобритании и Ирландии

Принц Альберт, принц-консорт, ее муж

Лорд Пальмерстон, премьер-министр

Лорд Джон Рассел, министр иностранных дел

Уильям Гладстон, канцлер казначейства

Лорд Лайонс, британский посол в Соединенных Штатах

Лорд Уэлсли, герцог Веллингтон

Леди Кэтлин Шил, фрейлина королевы

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ

Герцог Кембриджский, главнокомандующий

Генерал Питер Чэмпион, командующий Британскими войсками вторжения

Генерал-майор Буллерс, командир инфантерии

Полковник Оливер Фиппс-Хорнби, кавалерийский офицер

Генерал Харкурт, начальник Квебекского гарнизона

БРИТАНСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

Адмирал Александр Милн

Капитан Николас Роланд, капитан корабля Ее Величества «Воитель»

Капитан третьего ранга Сидни Тредегар, командир королевских морских пехотинцев

КОНФЕДЕРАТИВНЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Джефферсон Дэвис, президент

Иуда П. Бенджамин, государственный секретарь

Томас Брэгг, министр юстиции

Джеймс А. Седон, военный министр

Кристофер Дж. Меннингер, министр финансов

Ситвен Мэллори, министр военного флота

Джон Г. Реган, министр юстиции и министр почт

Ситвен Мюррей, министр военного флота

Джон Слайделл, посол Конфедерации во Франции

Уильям Мюррей Мейсон, посол Конфедерации в Великобритании

АРМИЯ КОНФЕДЕРАЦИИ

Генерал Роберт Э. Ли, главнокомандующий
Генерал П. Дж. Т. Борегар
Генерал Альберт Сидни Джонстон

ВОЕННЫЙ ФЛОТ КОНФЕДЕРАЦИИ

Адмирал Франклин Бьюкенен, командир корабля ВМФ КША «Виргиния»

Враг у порога

Пролог

ГЕНЕРАЛ УИЛЬЯМ ТИКАМСИ ШЕРМАН

Война — моя жизнь. В юности я и не догадывался об этом специфическом обстоятельстве. Я не осознавал своей диковинной склонности перед поступлением в Вест-Пойнт, да и после оного. Можно сказать, что мои таланты еще лежали под спудом, даже когда я покинул стены училища и служил в действующей армии во время Индейских войн, а затем во время Мексиканской войны. Ни одна из этих войн не задела меня за живое, не бросила мне вызова: в обеих больше приходилось выжидать, нежели сражаться. Я ни разу не ощутил, что они испытывают меня, ни разу не почувствовал, что бой — мое призвание. Быть может, познай я это упоение битвой раньше, я бы нипочем не стал пробовать силы в банковском деле — и не совершил бы величайшей ошибки в жизни. Поначалу дело пошло неплохо, и в результате я оказался совершенно не готов к краху и банкротству. Собственная жизнь

показалась мне такой же несостоятельной, как и мой банк. Вереница черных лет, последовавших за этой катастрофой, почти не отпечаталась в моей памяти.

И лишь когда вспыхнула Гражданская война, я вдруг нашел собственное призвание. Я обрел себя в смертельном чаду битвы при Шайло. Подо мной убили не одного коня, сам я был ранен, но все же не терял спокойствия и полнейшего самообладания. Я чувствовал, что в силах выиграть бой. Да еще оказался способен вселить уверенность и силу в свои войска, противостоявшие более многочисленному противнику, — и мы выстояли, отразив все удары, обрушившиеся на нас. Мы удержали линию фронта в первый день битвы, дав врагу отпор и разгромив его на второй день.

За два дня этой схватки сложили головы более двадцати двух тысяч отважных воинов... Такова страшная цена победы. Мой давний друг генерал Улисс Грант был тогда моим командиром, и мне нипочем не забыть слова, которые он сказал, когда мы одержали победу: «Перед лицом битвы некоторые люди цепенеют и теряют волю. Зато другие собираются и мобилизуют все свои способности. Такие редки, и ты один из них».

Во время той войны — краткой, но взявшей

ужасающую дань — я заботился лишь о благополучии своих людей и уничтожении врага. У меня почти не было времени на чтение газет и раздумья о прочих событиях, назревавших в то самое время. О деле «Трента» я узнал лишь тогда, когда оно дошло до кровавой развязки.

Оказывается, британцы очень трепетно относятся к своим кораблям в открытом море, хотя с прочими державами вовсе не церемонятся. Их ничуть не волновало, когда британский флот брал американские корабли на абордаж и запугивал американских моряков, тем самым спровоцировав войну 1812 года. А в деле «Трента» роли переменились, и это пришлось им весьма не по нраву. Когда один из их пакетботов остановили в открытом море и сняли с него двух конфедератских сановников, британское правительство обуял безмерный гнев. Чувствуя презрение к тем, кого считали ниже себя, гордясь могуществом Британской империи, они ухитрились раздуть этот ничтожный конфликт до международного масштаба. Когда же президент Авраам Линкольн отказался выдать двух предателей, то ли гордыня, то ли тупость заставила их очертя голову ринуться в безрассудства.

В конце концов дошло до того, что Британия

объявила Соединенным Штатам самую настоящую войну. Пока моя страна старалась совладать с мятежными конфедератами, британцы вероломно напали из Канады на севере и высадились на побережье Мексиканского залива на юге.

По законам военного искусства они должны были выиграть. Но по законам человеческой глупости они допустили промашку при десанте на Миссисипи, изменившую ход войны. Вместо того чтобы атаковать нашу базу, они захватили и разрушили морской порт южан Билокси. Убийства мирных граждан и надругательство над женщинами городка воспламенили Юг. Впервые я услышал об этом инциденте, когда генерал Борегар из армии Конфедерации обратился ко мне как командиру войск, окопавшихся на Питтсбургском плацдарме в штате Миссисипи. Он пришел ко мне под белым флагом парламентера. Рассказал о случившемся на побережье Мексиканского залива и попросил о приостановке боевых действий между Севером и Югом. Попросил о перемирии, чтобы бросить войска против британских агрессоров.

Шанс переменить ход войны выпадает человеку воистину редко. Но в тот миг я понял, что судьба предлагает мне именно такую возмож-

ность. Слова Борегара убедили меня, что можно по крайней мере попытаться. Он назвал британцев «нашим общим врагом», ни на йоту не погрешив против истины. Надо было принимать решение — и помочь мне в этом не мог никто. Заблуждался ли я, могла рассудить лишь история. Быть может, я ставил крест на собственной карьере. Меня могли выдворить из армии, а то и расстрелять как предателя. И все же я осознавал, что выбора у меня нет. И я не только согласился на перемирие, я пошел куда дальше. Я объединил его войско конфедератов со своим войском северян — для атаки на общего врага.

Решение оказалось верным. Совместно мы одолели британцев на юге. Благодаря этой победе янки и конфедераты объединились, чтобы дать захватчикам бой и на севере. Наша гражданская война завершилась, Север и Юг воссоединились во имя общего дела.

Честь и привилегия встать во главе воссоединенной армии Соединенных Штатов, выступившей на разгром британских захватчиков, досталась мне. Немало добрых воинов сложили головы, пока мы не выдворили британцев с нашей земли. Погнали на север через свободную Канаду — а та тоже вышвырнула их прочь.

С преогромным удовольствием принял я капитуляцию у их главнокомандующего герцога Кембриджского.

Тем вроде бы все и закончилось. Но человек предполагает, а жизнь располагает. Англичане — гордая и чрезвычайно настырная нация. Они проиграли немало кровавых сражений, но зато чертовски хорошо умеют выигрывать войны. За ними нужен глаз да глаз, потому что они никогда не мирятся с поражением. И посему предупреждаю вас, соотечественники, будьте бдительны. И не выпускайте оружие из рук. Не позволяйте своей армии в мирное время рассеяться во прах. Мы живем в мире вражды.

Лишь неусыпное бдение оградит свободу земли сей.

Салина-Крус, Мексика 1863

Сидя за столиком на веранде, двое британских офицеров усердно пилили ножами лежащие на тарелках жесткие бифштексы. Их лоснящиеся от пота, багровые лица цветом почти не уступали красным кителям. Бифштексы в столь влажном тропическом климате — трапеза совершенно неподходящая, но ни о какой другой они бы и слушать не стали. Им и дела не было, что столбик

термометра уже перевалил за девяносто и можно заказать куда более легкие, да к тому же холодные блюда. Красное мясо, отварной картофель и разваренные овощи — иная пища англичанину не пристала. Оба упорно вгрызались в жилистую говядину, приостанавливаясь лишь затем, чтобы большущими платками промокнуть пот со лба, когда тот начинал заливать глаза.

— А ведь еще только апрель, — проворчал офицер с капитанскими петлицами, запил глоток нежующегося мяса жидким красным вином, поперхнулся и кашлянул. Потом без удовольствия откусил кусок маисовой лепешки; даже хлеба приличного, и того нет. — Пища дрянь, а погода и того хуже. По-моему, хуже, чем в Индии. Каково же тут летом?

— Жарко, старина, чертовски жарко. Мы ведь в тропиках, понимаешь ли, — отозвался майор, глядя на бурлящие толпы, заполонившие крохотную рыбачью деревушку Салина-Крус, расположенную на тихоокеанском берегу Мексики. Прибытие транспортных кораблей, теперь стоявших на якоре неподалеку от берега, изменило здешнюю жизнь до неузнаваемости. Поля вытоптали, чтобы расставить палатки. Местные жители в белых одеждах и широкополых шляпах

совершенно затерялись среди массы английских солдат в разнообразнейших мундирах. Многих выгнали из домов, чтобы офицеры могли устроиться с удобствами. Лишившиеся крова индейцы построили тростниковые хижины на берегу, с невозмутимым спокойствием дожидаясь ухода рослых чужестранцев, а до той поры зарабатывая столь нужные деньги продажей свежей рыбы захватчикам.

— Мадрасские саперы и минеры, — указал майор вилкой, — должны работать в этом климате куда лучше, чем шервудские егеря и гвардейские драгуны.

— Жара... — кивнул в знак согласия капитан. — И болезни, нигде от них не скроешься. Под этим солнцем люди выдыхаются, едва приступив к работе. И хиреют. Что ни день, кто-нибудь да подхватит лихорадку и помрет. Надо думать, постройка этой дороги обходится нам в десяток человек на каждую милю.

— Я бы сказал, ближе к двадцати. Погляди-ка на новое кладбище на берегу.

— Чересчур гнетущее зрелище. Итак, скажем, от Тихого океана по прибрежной равнине до Атлантического миль сто. Такими темпами мы положим на это целый полк.

— Да еще столько же до Веракруса, если не больше.

— Да, но там местность ровная, как стол. Как только дорога дойдет до равнины, нужно будет лишь ровнять уже проложенную там ослиную тропу.

— Дай бог, чтобы ты оказался прав. Англия чересчур далеко от этой вонючей дыры. Боюсь я, что тоже помру здесь и меня похоронят в этой заплесневелой земле. Я уже отчаялся когда-нибудь узреть благословенно прохладные, окутанные туманом родные берега снова.

Сидевший за соседним столиком смуглолицый мужчина вроде бы и не замечал их. Его тонкая рубашка куда больше подходила для подобного климата, чем их суконные мундиры, а трапеза из *guacamole*[22] и *juevos rancheros*[23] не в пример легче и приятнее для желудка. Собрав остатки блюда с тарелки половинкой свежей тортильи, он запил трапезу черным кофе, перевел дух и негромко отрыгнул. Стоило ему вальяжно поманить рукой, как трактирщик ринулся к нему.

---

[22] Примечания: 22

Пюре из авокадо, зачастую сдобренное помидорами, перцем и прочими приправами, обычно подаваемое в качестве соуса.

[23] Примечания: 23

Омлет по-сельски. Обычно готовится с добавлением свежих овощей.

— *A sus o 'rdenes, Don Ambrosio.*

— *Un puro.*

— *Ahorititita*[24].

Толстый владелец *cantina*[25] поспешил прочь, чтобы через секунду вернуться с открытой коробкой длинных сигар, представив их для осмотра. Дон Амбросио, не торопясь, выбрал одну, затем поднес к уху и покатал между пальцами, проверяя, хорошо ли она свернута. Потом открыл большой складной нож и осторожно отрезал кончик черной орисавской[26] сигары. Трактирщик Чучо чиркнул серной спичкой и дал посетителю прикурить.

— Эй ты, еще вина! — крикнул капитан. Чучо даже бровью не повел, пока сигара не разгорелась как следует. Лишь после этого он неторопливо сходил в кладовую, чтобы минуты через три вернуться с глиняным кувшином.

— Обслуживают тут только местных, а? — капитан устремил хмурый взгляд на смуглолицего,

---

[24] Примечания: 24

— К вашим услугам, дон Амбросио.
— Сигару.
— Всенепременно.

[25] Примечания: 25

Трактир *(исп.).*

[26] Примечания: 26

Орисава — город в центральной Мексике к западу от Веракруса.

неспешно испускавшего в воздух клубы густого ароматного дыма.

— Наверное, это оттого, что он говорит на местном наречии.

Чучо небрежно поставил кувшин, вино плеснулось, немного пролилось на стол, и трактирщик лениво вытер лужицу своим грязным фартуком. Отхлебнув вина, майор Чалмерс с праздным любопытством поглядел на мужчину за соседним столиком, теперь тем же складным ножом точившего карандаш. Отложив нож, тот раскрыл небольшую книжечку в кожаном переплете и принялся что-то записывать. Увидев это, охваченный подозрениями майор сурово сдвинул брови.

— Послушай-ка... это что за олух?

— *Monde?*[27]

— Вон тот человек, который пишет. Кто таков?

— А... Это дон Амбросио. Большой плантатор из Санто-Доминго-Теуантепек[28]. Много земля, много деревья с фрукты.

— Ближайший городишко вдоль по дороге, — проворчал капитан. — Чего он там строчит в

---

[27] Примечания: 27

Чего изволите? *(исп.)*

[28] Примечания: 28

Теуантепек — перешеек на юге Мексики между заливами Кампече и Теуантепек.

этой дерьмовой книжонке? Он что, подслушивал нас? Мне это совершенно не по душе.

— Как и мне, — угрюмо поддержал подозрительный Чалмерс. — Если он говорит по-английски, то мог без труда подслушать наш разговор. Понимает ли он по-английски?

Пожав плечами, трактирщик почтительно обратился к благородному посетителю:

— *Mil perdones, Don Ambrosio. Habla listed ingles?*[29]

— *Solamente espanol, Chucho*.[30]

— Он говорит, что только испанский. Ни один не говорит тут английский, кроме меня, потому что я работай с гринго на *norte*[31]. Большинство не говорит даже испанский, имеет свой собственный язык...

— Мне на это глубоко наплевать. Единственное, что я хочу знать, что он пишет в своей дьявольской книжонке?

Чучо возвел очи к небесам, будто искал там поддержки и вдохновения.

---

[29] Примечания: 29
Тысяча извинений, дон Амбросио. Говорите ли вы по-английски?

[30] Примечания: 30
Только по-испански, Чучо *(исп.).*

[31] Примечания: 31
На севере *(исп.).*

— Дон Амбросио очень великий человек, он также великий, как это вы говорите, он poeta.

Услышав свое имя, дон с улыбкой обернулся к офицерам.

— *Poesia, six*.[32] — Перелистав книжечку, он отыскал нужную страницу и принялся читать с пылом истинного южанина:

> *— Mas si osare un extrano enemigo*
> *profanar con su planta tu suelo,*
> *pensa, oh Patna querida!, que el cielo*
> *un soldado en cada hijo te dio.*
>
> *Mexicanos al grita de guerra*
> *el acero aprestad y el bridon,*
> *y retiemble en sus centres la Tierra*

[32] Примечания: 32
Поэт, да *(исп.).*

al sonoro rugir del canon[33].

Заслышав стихи, заскучавшие офицеры снова сосредоточили внимание на своих жестких бифштексах. Чучо выслушал декламацию стоя, широко распахнув глаза от восторга, и неохотно повернулся лишь после того, как офицеры громогласно потребовали счет. Как всегда, при виде цифр они принялись костерить его, обзывая ворюгой. Он скрепя сердце уступил и все равно содрал с них втридорога.

Лишь когда англичане расплатились и ушли, дон снова перелистал страницы книжки, чтобы проверить свою память. Совершенно верно, гвардейские драгуны и бенгальская кавалерия. А еще бомбейская пехота. И сколько человек умирает ежедневно. Просматривая исписанные страницы, он довольно кивал. Хорошо, весьма и весьма

---

[33] Примечания: 33

Мексиканцы, вставайте, настала пора!
Чужеземец глумится над святою землей,
И Отчизна сынов призывает на бой,
Эту нечисть прогнать со двора.

Пусть от грохота пушек дрожит небосвод
И вздымается пламя стеной,
Коль на праведный бой выступает народ,
Нет преграды ему под луной!

Франсиско Гонсалес Боканегра, 1824 — 1861.

хорошо. Более чем достаточно. Пребывание в этой деревне подходит к концу.

— А ты быстро соображаешь, Чучо, — заметил он, когда трактирщик подошел, чтобы забрать грязную тарелку. — Мне следовало бы вести себя осмотрительнее, но хотелось записать все эти заморские названия, пока не забыл. Ни разу не видал ни одного из мест, что они поминали, но уверен, найдутся и такие, кто там бывал. Твоя идея сказать им, что я поэт, просто гениальна. Ты заслужил все обещанные песо до последнего — и даже сверх того. — Он двинул через стол звякнувший кошель, мгновенно скрывшийся под фартуком Чучо.

— Ну, ваша книжка смахивала на книжку со стихами. К тому же я оказался прав, это прекраснейшее стихотворение о сражениях нашей страны...

— И написанное прекраснейшим поэтом, но, увы, не мной. Не смею приписать себе чужие заслуги. Его написал Франсиско Гонсалес Боканегра, величайший поэт Мексики. Он отдал жизнь за родную страну всего два года назад. Ладно, свяжись-ка с Мигелем и сообщи, что мы уходим на рассвете.

* * *

Едва забрезжил рассвет, как дон Амбросио уже дожидался перед полуразвалившейся хижиной, служившей ему пристанищем в последнее время. Индианка из соседнего дома, готовившая пищу и обстирывавшая его, была более чем благодарна за несколько монет, полученных от дона. Мигель ухаживал за его лошадью на одной из окрестных ферм. Увидев хозяина, она заржала, и дон любовно потрепал кобылу, от избытка любви к классике названную им Росинантой в честь коня великого идальго.

— Выглядит она чудесно.

— Там добрая трава. Она паслась вместе с ослами.

Ослик Мигеля был так мал, что ноги седока едва не волочились по пыльной тропе. Следом шагал еще один ослик, навьюченный их пожитками, а дон Амбросио на великолепной гнедой замыкал процессию. Едва они покинули тесные улочки деревни, как вставшее солнце засияло во всю свою мощь. Дон тотчас же надел свое широкополое, изящно изукрашенное сомбреро, до той поры висевшее на тесьме у него за спиной.

Вскоре деревушка осталась далеко позади, и уз-

кая тропа запетляла по джунглям. Царившая под деревьями тень отнюдь не спасала от удушливой, сырой жары. Какое-то время тропа шла параллельно новой дороге, просекой протянувшейся через лес. Проезжая время от времени какую-нибудь прогалину, путники видели солдат, старательно прорубавших путь через джунгли и ровнявших землю. Законченная дорога протянется от Салина-Крус на тихоокеанском берегу через весь узкий перешеек Теуантепек к Веракрусу на берегу Атлантики. Так утверждали офицеры, и дон слышал это собственными ушами не раз и не два. Стоит им выпить, и у них развязываются языки; они плетут все подряд, даже не помышляя, что их болтовню могут подслушать. Все офицеры единодушно сходятся в том, что проект воистину грандиозен. С ними трудно не согласиться. Тем более что подобный проект весьма необычен для бедной, захолустной страны, — потому что по завершении этот тракт будет единственным во всей Мексике. Британцы — первые захватчики, давшие себе труд выстроить дорогу. Уж во всяком случае, испанцам за много веков оккупации подобное даже не пришло в голову. Еще одни недавние оккупанты — французы и австрияки — следовали примеру предшественников. Они

были чересчур заняты разграблением страны, и на то, чтобы принести на эти берега цивилизацию, у них просто-напросто недоставало времени. В краях, где письма и товары возят только на мулах, почта тащится черепашьим шагом, а торговля пребывает в зачаточном состоянии.

Притронувшись к карману сюртука, где покоилась книжечка в кожаном переплете, дон Амбросио улыбнулся. Время в деревне проведено с пользой. Он проследил за прибытием парусников и высадкой солдат на берег. Пересчитал людей и аккуратно записал цифры. Учел пушки и кавалерию и оценил темпы продвижения строительства дороги. И, главное, записал от слова и до слова все, что было сказано в его присутствии. Но если же не удастся в ближайшие дни добраться вместе с книжкой в Веракрус, все его усилия пропадут даром.

Извивающаяся тропа взбиралась на перевал Мариас-Ромеро, после чего полого сбегала к заливу Кампече. Добравшись до верхней точки пути, путники остановились, чтобы дать передохнуть утомленным животным.

— Скажи-ка, Мигель, поспеем ли мы в город до сумерек?

— Обещать не могу. Но как только выберемся

из предгорий, ехать будет куда легче, потому как земля у берега совсем ровнехонькая.

— Весьма надеюсь. Я не привык к джунглям, и, боюсь, мне они совсем не по душе.

— Джунгли щедры и милостивы к тому, кто умеет жить с ними в ладу.

— От всей души желаю им успеха, но мне куда уютнее в городе.

— А ведомо ли вам, сеньор, зачем рослые гринго пришли сюда строить эту дорогу?

— Они говорят друг другу, для того, чтобы она пересекала Мексику от одного океана до другого.

— А когда с этим будет покончено, что они с ней будут делать?

— Должен признаться, я и сам ломаю голову над этой загадкой. Но сна из-за нее не лишился. Может, ответ известен более проницательным умам. Ну, как по-твоему, не пора ли нам трогаться?

— Животные отдохнули. Теперь поедем поскорее.

В волглом жарком воздухе звенели насекомые, птицы громко перекликались в кронах деревьев. Усталый дон Амбросио поймал себя на том, что клюет носом в седле. И вдруг, вздрогнув, пробудился, когда Мигель шепотом выдохнул

предостережение, одновременно осадив ослика и вскинув ладонь в воздух, чтобы указать на троицу мужчин, вынырнувших из-за деревьев в дальнем конце поляны, которую как раз пересекали путники. Двое незнакомцев были вооружены длинными острыми мачете, а третий держал архаичный мушкет. Пришпорив лошадь, дон Амбросио обогнал замерших осликов и натянул вожжи, чтобы остановить ее. И негромко проронил:

— Мы пришли с миром.

Отхаркнувшись, обладатель ружья сплюнул, приподнял оружие и хрипло поинтересовался:

— Золото есть?

— Только свинец, — невозмутимо отозвался дон Амбросио, берясь левой рукой за карабин в притороченной к седлу кобуре, но даже не шелохнув правой, покоившейся на луке. В ответ бандит вскинул ружье.

Молниеносным, неуловимым движением выхватив из-за пояса «кольт» сорок четвертого калибра, дон выпустил три пули одну за другой.

Вооруженный бандит рухнул, за ним второй. Третий, раненный, пошатнулся и ринулся бежать, но четвертый выстрел уложил его рядом с товарищами.

— Теперь надобно побыстрее убираться, — Мигель пришпорил своего осла. — Если поблизости есть другие, они непременно услыхали выстрелы.

— Кто они такие? Вернее, пожалуй, кто это был?

— Не важно. В этих бедных краях шагу не ступишь, чтобы не

наткнуться на голодных людей с ружьями. Мы пережили чересчур много революций и бунтов, чересчур много кровопролитий. А теперь, пожалуйста, поедемте.

— Возьми-ка, — вытащив карабин, дон Амбросио развернулся в седле и бросил оружие спутнику. — Я поеду вперед. — Он на ходу перезарядил пистолет. — Я буду следить за тропой впереди, а ты присматривай за джунглями по бокам.

Но если другие бандиты и скрывались в подлеске, то были достаточно благоразумны, чтобы не высовываться. А мили через две-три лес наконец кончился, и тропа потянулась вдоль кукурузных полей крохотной деревушки. Дон Амбросио убрал пистолет, и Мигель снова возглавил процессию. Но карабин из рук не выпустил. Годы войн, революций и вторжений наводнили страну

бандитами. А теперь пришли и другие, куда более опасные, чем бандиты. Дон Амбросио с высоты лошади видел гораздо дальше, чем его спутник.

— Пыль! — окликнул он. — Тучи пыли впереди.

Натянув поводья, путники принялись озираться в поисках укрытия. Но спрятаться на прибрежной равнине было попросту негде.

— Возвращаться нельзя — значит, придется ехать вперед. Вон к тем деревьям, — дон Амбросио указал на небольшую рощицу сбоку от тропы. — Надо успеть туда прежде них.

И галопом припустил вперед. Ослы последовали за ним, громкими криками выражая протест, когда Мигель принялся грубо охаживать их палкой, чтобы они прибавили ходу. Издали уже отчетливо доносился топот марширующего войска, продиравшегося через кусты между деревьями. Едва путники успели укрыться, как показались первые шеренги солдат в голубых мундирах.

Пыльные, потные и усталые, они все-таки продолжали упорно шагать вперед. Во главе колонны ехал офицер на коне. Мушкеты на плечах, тяжелые ранцы за плечами. Захватчики. Французы.

Спрятавшись за деревьями, двое путников

смотрели, как длинная колонна тянется мимо. Но даже когда войско прошло, они не покинули убежища на случай, если будут отставшие от основных сил. И такие действительно обнаружились — ковыляющая команда, понукаемая охрипшим сержантом. Лишь когда тропа освободилась окончательно, путники выбрались из зарослей и продолжили свой путь.

* * *

Уже смеркалось, когда копыта животных наконец зацокали по булыжным мостовым Веракруса. Теперь процессию возглавил дон Амбросио, выбиравший окольный путь по глухим переулкам, избегая широких улиц и людных площадей. Единственные встретившиеся им французы — несколько подгулявших солдат, пьянствовавших перед *pulqueria*, — были настолько пьяны, что даже не разглядели их. Миновали оживленный, запруженный толпами рынок, над которым витали насыщенные ароматы только что смолотых специй и перца-чили. Большинство лавок уже закрывалось на ночь, хотя некоторые индианки все еще сидели рядком вдоль стен, выставив на

продажу пригоршни свежих лаймов[34]. Когда же путники выбрались из переулков в район порта, уже совсем стемнело. Но при ярком свете полной луны дон Амбросио как-то ухитрился отыскать путь во двор, заваленный сетями и разнообразными снастями. Стоявший на лестнице толстяк как раз тянулся к фонарю, чтобы зажечь его, кряхтя от натуги и шатко балансируя на деревянном протезе. В конце концов фитиль занялся, толстяк задул спичку и обернулся на приветственный оклик дона.

— Добрый вечер, Паблосито. Мы одолели долгий путь и очень устали.

— Дон Амбросио! — Спустившись с лестницы, Пабло протопал через двор и по-медвежьи сжал его в объятиях, потому что оба издавна дружили. — Заходите же, выпьем малость мескаля, самого наилучшего из города Текила. Оставьте своих животных тут, мои люди о них позаботятся.

— Я останусь при них, — отозвался Мигель.

— Хорошенько пекись о Росинанте, пока меня не будет, — сказал дон Амбросио, отвязывая от седла свою скатанную постель.

— Как всегда. Вам известно, когда вы верне-

---

[34] Примечания: 34

Пояснение для тех, кто еще не познакомился с этим фруктом: мелкие зеленоватые лимончики.

тесь?

— Пока нет. Если смогу, дам знать Пабло, и он найдет способ переслать весточку к тебе в деревню.

Взяв у дона скатку, Пабло направился к дому первым.

В ярко освещенной кухне он открыл шкафчик, извлек оттуда бутылку, со стуком поставил на стол, пододвинул гостю нарезанные лаймы и миску с солью. Кивнув в радостном предвкушении, дон Амбросио взялся за стаканчик. Насыпал соли на перепонку между большим и указательным пальцем, затем лизнул соль и одним глотком осушил стаканчик мескаля. Впился зубами в лайм, высасывая сок, чтобы все три ингредиента образовали во рту восхитительную смесь. *Derechox*[35]. Только так и не иначе можно пить огненный спирт *maguey*[36].

Смачно облизнув губы, дон Амбросио утер их тыльной стороной ладони.

— Восхитительно. А теперь скажи самое главное: корабль уже пришел?

— Не только пришел, но и дожидается уже три

---

[35] Примечания: 35
Как положено *(исп.)*.

[36] Примечания: 36
Агава *(исп.)*.

дня. Я толковал с ними, но они и слушать не хотят. Говорят, что торчать в порту больше не могут. Капитан хочет уйти на рассвете.

Дон Амбросио подскочил, непроизвольно схватившись за карман с книжкой, чтобы убедиться, на месте ли она.

— Тогда мне надо идти сию же минуту.

— А вы разве не покушаете перед уходом?

— Ты уверен, что они не отплывут до рассвета?

— Капитан дал мне слово.

— Тогда я принимаю твое любезное предложение. По пути мы перекусили только холодными тортильями.

— Мы покушаем *came asada*[37]. Это вас подкрепит. Вы можете оставить свою лошадь у меня, коли хотите.

— Спасибо за любезное предложение. Но Мигель возьмет ее с собой в деревню. Ему уже доводилось это делать. Он верный человек.

Кивнув, Пабло вогнал пробку в горлышко бутылки с мескалем и передал ее дону:

— Возьмите и вот это. Там, куда вы едете, ее тепло вам пригодится.

Они быстро поели. Покончив с едой, вышли, и

---

[37] Примечания: 37
Жаркое *(исп.)*.

Пабло, заперев за собой дверь, повел дона вдоль причалов. У последней пристани стоял закопченный пароходик с гребными колесами по бокам. Быстро распрощавшись с Пабло, дон Амбросио вскарабкался по сходням на пустынную палубу. Но она только казалась пустой; через пару секунд он разглядел рдеющий во мраке ходовой рубки кончик сигары. Выйдя оттуда, человек в мундире подозрительно оглядел пришельца.

— Что вы делаете на корабле? Говорите. *Habla listed ingle's?*[38]

— Совершенно верно, сэр, я и вправду говорю по-английски. А теперь не будете ли вы любезны поведать мне, не с благородным ли капитаном сего замечательного судна я имею честь говорить?

— Так точно.

— Тогда я тот человек, какого вы ожидали.

— Мистер О'Хиггинс?

— Собственной персоной. Благодарю, что ждали меня столь долго, но теперь ваше ожидание окончилось. Если у вас нет иных оснований пребывать в этом порту, позвольте мне порекомендовать вам отчалить при первой же возможности. Я располагаю сведениями величайшей важности.

---

[38] Примечания: 38
Говорите ли вы по-английски? *(исп.)*

Не успел дон Амбросио О'Хиггинс договорить, как капитан уже принялся рявкать команды. В машинном отделении кочегары щедрой рукой подкинули угля в теплившиеся топки. Матрос спрыгнул на берег, чтобы отдать швартовы, и тотчас же метнулся на корабль, медленно отваливший от причала. Большущие гребные колеса медленно провернулись, потом быстрей, еще быстрей — и забили воду, увлекая пароход из гавани. Как только корабль вышел в открытое море и удалился от земли, на корме подняли флаг.

Полная луна бросила ясный свет на звездно-полосатое полотнище, гордо заполоскавшееся на ветру.

Угроза с юга

От Белого дома до военного министерства было рукой подать, и Авраам Линкольн решил прогуляться пешком, чтобы хоть на пару минут забыть о бремени на его плечах. В Вашингтоне стояли считаные благоуханные дни, отделяющие снега зимы от летней духоты, когда в воздухе веяло весной — вперемешку с неизменным зловонием конюшен. Проходя мимо зацветающего кизилового дерева, Линкольн остановился, чтобы полюбоваться, но не мог предаться наслаждению

всей душой, потому что тень заботы омрачала даже самые светлые мысли, многочисленные проблемы застилали красоту цветов дымной пеленой. Он никак не мог позабыть о проблемах Юга, как и об участи бывших рабов. Попыткам сделать негров полноправными членами общества противостоят изрядные силы. Опять же британцы, куда от них денешься, вечно эти британцы! Все никак не смирятся с поражением. Останавливают американские корабли в открытом море и досматривают, пробуждая отголоски войны 1812 года[39]. А теперь, видимо, пришли вести и похуже. В коротенькой докладной записке из военного министерства сквозил намек на более серьезную угрозу хрупкому миру и звучало весьма настойчивое предложение прийти незамедлительно.

Линкольн со вздохом зашагал дальше. При его приближении двое солдат, охранявших вход в министерство, вытянулись в струнку и взяли «на караул». Эта демонстрация выправки была малость подпорчена младшим из них — должно быть, новобранцем.

— Чудесное утро, господин президент.

---

[39] Примечания: 39

Имеется в виду война между Великобританией и только что учрежденными США.

— Несомненно, мой мальчик, несомненно.

Когда Линкольн, поднявшись по лестнице, приблизился к двери комнаты номер 313, его взору была явлена более безупречная демонстрация военной выручки. Двое ветеранов — капрал и сержант — вытянулись по стойке «смирно», но не отступили от двери.

— Минуточку, сэр, — проговорил сержант и постучал в дверь. Она приоткрылась лишь самую малость, и сержант вполголоса сказал что-то человеку в комнате. Дверь тут же распахнулась пошире, и вышедший оттуда майор, совершенно незнакомый Линкольну, отдал честь.

— Заходите, пожалуйста, господин президент.

Воспользовавшись приглашением, Линкольн вошел в тесную комнатушку с голыми стенами, единственную обстановку которой составлял письменный стол со стулом. Затем майор запер наружную дверь и лишь после этого пересек комнату, чтобы отпереть дверь в дальнем ее конце. Линкольн, посетивший комнату 313 впервые, нашел все это весьма интригующим. Переступив порог последней двери, он оказался в довольно просторном помещении. Навстречу ему поспешил облаченный в мундир военного моряка Густав Фокс, по-воински отдав президенту честь,

после чего принял его протянутую для пожатия руку.

— Со времени нашей последней встречи вы переделали массу дел, Гус, — заметил Линкольн. — Пора бы вам рассказать мне обо всем.

— Давным-давно пора, мистер Линкольн. Но со времени окончания войны дела не давали нам передышки ни на секунду. Теперь, когда война не подхлестывает нас, мы смогли взглянуть попристальнее на то, чем занимаемся, и поняли, что давным-давно пора рационализировать свою работу. Все мы новички в этой игре и как бы создавали правила прямо по ходу. Это привело к чудовищному дублированию функций. Я по-прежнему заместитель министра военного флота, но это лишь моя официальная ипостась. Вам, конечно, известно, в чем состоит моя работа на самом деле. Нам приходится расширяться, подключать новых людей. Первым делом мы должны слить РЛШС и КВИ в единое оперативное подразделение...

— Тпру, молодой человек. Как я уже говорил в прошлом, не торопитесь и хорошенько обдумывайте свои слова. Вы никуда не опоздаете и не потеряете ничего важного, если не будете торопиться. Так что попридержите коней, прошу

вас, чтобы растолковать мне, что означают сии буквы.

— Извините, сэр. Вы правы. Мы лишь сбережем время, если не будем торопиться. Разумеется, РЛШС — разведчики, лазутчики, шпионы и сыщики. Их дела вела канцелярия генерального шерифа военной полиции. У них собрана вся корреспонденция, личные дела, донесения и сопроводительные сведения по всем военным разведчикам и лазутчикам. Кроме того, имеется масса донесений от шпионов и сыщиков. Огромная масса бумаг, позвольте признаться. Когда же мы принялись разбирать бумаги, то выяснилось, что во многих случаях донесения либо попросту так и не попали к нам в руки, либо из-за отсутствия единого контроля и управления одна и та же работа была проделана дважды. Вот почему мы организовали КВИ — канцелярию военной информации. Мы намерены объединить все разведывательные службы под одной крышей. Все донесения любого рода в конечном счете должны поступать в комнату 313. Здесь ежевечерне на их основе будет готовиться единая сводка, и один экземпляр этой сводки каждое утро будет ложиться к вам на стол.

— Претенциозная и преоригинальная мысль.

По-вашему, подобное вам по силам? Что-то я не припоминаю в армии ни единого человека, которому пришлось бы по душе, чтобы за ним подглядывали через плечо.

— Разумеется, вы правы, добиться подобного нелегко — слишком много народу в войсках привыкло приберегать сведения для себя, особенно генералитет. Простите за откровенность, но это напыщенная шайка, чересчур привыкшая принимать решения без чьего-либо ведома. Но мы создаем могущественное оружие, способное убедить их в собственной неправоте.

— В самом деле?

— Вдобавок мы сделаем на основе ежедневных сводок краткие резюме, каковые в зашифрованном виде будем ежедневно рассылать по телеграфу офицерам разведки их штабов. И когда они увидят сведения, имеющие непосредственную ценность для их собственных войск, они позволят, чтобы донесения поступали и в другие ведомства.

— Могу лишь пожелать вам всяческих успехов, мой мальчик. Но, как вы сами сказали, они лишь напыщенная шайка.

— Спасибо. Во всяком случае, попытаться-то можно. В настоящее время о нашем существо-

вании известно лишь военачальникам самого верхнего эшелона, и мы намерены постараться, чтобы существующее положение сохранялось и дальше. Для всех остальных мы... ну, просто комната 313.

Фокс проводил Линкольна к креслу напротив кожаного дивана. Вытянувшись в кресле, долговязый, угловатый президент оглядел комнату. Изрядную часть стены между исполинскими картотечными шкафами занимали карты. Окна были задернуты тюлевыми шторами, так что с улицы ни одна живая душа не разглядела бы, что творится внутри. В дальней стене виднелось две двери, и одна из них распахнулась, впустив в комнату стук телеграфных ключей. Вышедший оттуда солдат протянул Густаву Фоксу листок бумаги, не проронив ни слова. Пробежав телеграмму взглядом, тот отложил ее в сторону и произнес:

— В настоящее время более всего нас тревожит Мексика.

— Меня тоже. Общеизвестно, что мексиканское правительство позаимствовало у Британии и Франции миллионы долларов и то ли не хочет, то ли не может вернуть долг. Вообще-то мне бы следовало считать, что у нас и без того забот

полон рот, чтобы тратить время на тревоги о наших южных соседях. Но мне совершенно не по душе, что император Наполеон и английская королева тысячными армиями посылают военных сборщиков налогов, готовых наложить лапу на мексиканскую казну.

— Вы совершенно правы, господин президент. Они пришли в роли мытарей — но остались в роли оккупационных армий. Французы даже умудрились провести марионеточные выборы, требующие, чтобы императорский трон занял эрцгерцог Максимилиан Австрийский. И хотя всему свету ведомо, что результаты

голосования подтасованы от начала и до конца, Максимилиан ухитрился убедить себя вопреки всем свидетельствам, что народ взывает к нему. Он уже прибыл вместе с женой, бельгийской принцессой Карлоттой, и при поддержке французской армии правит от ее имени. Но это еще не самое страшное.

Поставив согнутые в коленях ноги на стул перед собой и охватив их руками, Линкольн покачал головой.

— И теперь, боюсь, вы собираетесь поведать мне дурные вести.

— Не я, а человек, знающий о событиях в Мек-

сике из первых рук. Имя Амбросио О'Хиггинс вам что-нибудь говорит?

— Что-то смутное брезжит в памяти. Ах да, был такой политик! Если мне не изменяет память — чилийский губернатор?

— Совершенно верно. Ирландец, выдвинувшийся в Новом Свете. Его сын Бернардо О'Хиггинс помог вышвырнуть испанцев из Чили, после чего тоже правил страной. Семейство О'Хиггинс оставило в южноамериканской истории неизгладимый след. Теперь названный в честь первого О'Хиггинса Амбросио О'Хиггинс идет по стопам отца и деда, но только на сей раз он делает политическую карьеру в Мексике, а не в Чили. Я хочу, чтобы вы познакомились с этим человеком, — с этими словами Фокс нажал на кнопку, укрепленную на столе возле его локтя; мгновение спустя приоткрылась вторая дверь, и оттуда выглянул клерк.

— Пригласите Лобо, — распорядился Фокс. И, как только дверь закрылась, добавил: — Мы стараемся называть агентов только кодовыми именами, чтобы сохранять их личность в тайне.

— Мудрая предосторожность. А эта пуговица у вас на столе, наверное, волшебная, — заметил Линкольн.

— Вообще-то нет. Она работает от электричества, как телеграф. Когда я нажимаю на нее, в другой комнате звенит звонок.

— Пожалуй, надо бы и мне завести такую же. Я могу давить на нее день-деньской, чтобы мои секретари скакали, как кузнечики, а не сидели сложа руки.

Тут оба встали навстречу вошедшему О'Хиггинсу — молодому брюнету лет двадцати с небольшим. Его загорелая кожа была такой же смуглой, как у всякого латиноамериканца, но ни одному из них не дано быть обладателем таких пронзительно-голубых кельтских глаз.

— Президент Линкольн, — с чисто ирландской разговорчивостью первым начал он, — я ни капельки не погрешу против истины, сказав, что встреча с вами знаменует один из памятнейших моментов в моей жизни. Сражаясь за свободу народа, я взираю на вас, вождя величайшей в мире демократической державы, как на светоч во тьме, указующий путь всем, кто сражается за справедливость и демократию в собственных странах. — Приняв протянутую Линкольном руку, он крепко пожал ее, глядя президенту прямо в глаза.

— Если вы изъясняетесь по-испански ничуть

не хуже, — улыбнулся Линкольн, — что ж, молодой человек, вам уготовано великое будущее на политическом поприще.

— Быть может, когда-нибудь, когда народ сбросит иго. Да, тогда вполне может статься, что я попробую свои силы на ниве служения обществу. Ибо если уроки истории верны, то прискорбная истина заключается в том, что многие мятежи обречены на поражение после победы. Судя по всему, полководцы редко становятся хорошими политиками. Однако в данный момент моя задача — позаботиться, чтобы черная орда захватчиков была разбита и изгнана за пределы страны. Лишь когда сия цель будет достигнута и состоятся свободные выборы, тогда и только тогда я буду волен поразмыслить, стоит ли мне пробовать силы на политическом поприще.

— Цель ваша вполне понятна. Но в данный момент вы...

— Шпион, тайный агент — назовите как вам угодно. Мистер Фокс дал мне кодовое имя Лобо, сиречь одинокий волк[40], разнюхивающий для него обстановку.

— И вы только что вернулись из Мексики?

---

[40] Примечания: 40

«Лобо» (Lobo) по-испански — волк, и в то же самое время Фокс (fox) по-английски — «лиса». Весьма любопытный альянс, не правда ли?

— Да, вчера ночью. Вам следует понять, что это не сиюминутная идея. Я отправился туда по велению присутствующего здесь мистера Фокса, джентльмена, которому я с радостью оказывал услуги и в прошлом. Я ни разу не бывал в Мексике, пока он не направил меня туда. Теперь же я могу с чистым сердцем заявить, что проникся огромной привязанностью к терпящим уничижения и притеснения мексиканцам. И я должен поблагодарить мистера Фокса за то, что он дал мне возможность познакомиться с этим угнетенным народом и постичь его душу. Я научился понимать его и преклоняться перед ним. Но в данный момент я лишь ничтожный слуга мистера Фокса.

— Ну, не такой уж и ничтожный, — возразил Фокс. — Лингвистические таланты мистера О'Хигтинса в сочетании с природным даром к подобной работе сделали его одним из надежнейших наших агентов. К нам уже довольно давно начали поступать донесения о передвижениях иностранных войск в Мексике. Вести довольно тревожные, и нам нужно было разузнать об этом как можно больше. Тогда-то я и попросил его покинуть Испанию, где он приносил немалую пользу, и отправиться в Мексику, чтобы выяс-

нить, что там творится. Извольте взглянуть...

Слушатели последовали за Фоксом через комнату к большим картам.

— Мексика, — он постучал пальцем по зеленому участку суши, напоминающему треугольник вершиной книзу. — В прошлом году французы произвели массированный десант вот здесь, в порту Веракрус на побережье Мексиканского залива. В прошлом же году они потерпели крупное поражение пятого мая в битве при Пуэбле. Погибло свыше тысячи их солдат. Но к тому времени император Наполеон был уже чересчур одержим идеей завоевания Мексики и отправил туда свежее войско численностью в тридцать тысяч под командованием генерала Форе, полководца более даровитого, нежели его предшественник. По прибытии он сумел разбить все мексиканские армии, которые ему удалось вовлечь в бой под предлогом «освобождения» Мексики — от своей же собственной армии! Вдобавок он знает толк в политике. Поставив своих солдат на часах у избирательных урн, провел пародию на выборы. Это чистейшей воды жульничество, но Форе воспользовался результатами выборов, чтобы убедить французское правительство, равно как эрцгерцога Максимилиана Австрийского, что тот

и в самом деле народный избранник. И вот теперь император Максимилиан правит из своего дворца в Чапультепеке.

— И все это вам донес этот молодой человек?

— Частично. Мы начали проявлять пристальное внимание к французам уже давно, еще до конца войны. Поскольку агенты в Мексике у нас уже были, Лобо отправили расследовать совершенно другой вопрос. Весьма тихую агрессию вот здесь, на перешейке Теуантепек. Тут разыгрываются события посерьезнее.

Линкольн подался вперед, а Густав Фокс провел пальцем по карте, постучав по узкой перемычке, соединяющей Мексику с Центральной Америкой.

— Весьма знакомое название, — проронил Линкольн. — Ах да, помню, это было как раз перед последними выборами. Запрос на пару миллионов долларов, насколько припоминаю. Он почти прошел через конгресс.

— Почти. Договор Маклейна — Окампо 1859 года. Эта страна хотела открыть торговый путь в Калифорнию. Два миллиона долларов дали бы Соединенным Штатам постоянное право пересекать перешеек. К сожалению, договор так и не был заключен, хотя уже казалось, что все в по-

рядке. Судя по всему, кто-то другой тоже изучает уроки истории и пришел к тем же выводам. Как вы видите, на юге Мексика сильно сужается, так что Атлантический океан от Тихого отделяет узенькая полоска земли, едва ли более сотни миль шириной. Здесь, на тихоокеанском побережье, наблюдается необычайно оживленная деятельность. Предыдущие донесения были весьма путаными и невразумительными. Вот почему я отправил туда О'Хиггинса, чтобы он выяснил что удастся. Он доставил крайне детальный и точный рапорт. Здесь наблюдается скопление войск, весьма массовое скопление, целые полки. И это вовсе не французы или австрияки.

Линкольн вздрогнул.

— Британцы, — угрюмо закончил Фокс. — Похоже, наш недавний враг снова подумывает о войне и вторжении.

— Дорога, — подхватил О'Хиггинс. — Поверите ли, они вторглись в Мексику вот здесь и теперь заняты постройкой тракта через перешеек от одного океана до другого. Я наблюдал, как они усердно прорубают просеку через джунгли, до сей поры считавшиеся непролазными. И все это в удушающий зной, им не позавидуешь. Этот неблагодарный труд подрывает здоровье и от-

нимает жизнь у многих из них. Но транспорты с войсками пересекают Тихий океан то и дело, и численность их растет. Я доложил все это мистеру Фоксу, а также названия и номера прибывших полков.

— Все это войска из самых разных доминионов Британской империи, — продолжал Фокс. — По большей части индийские, но частью и английские полки из дальних уголков империи. Полагаю, их замысел виден невооруженным взором, хотя однозначными доказательствами на сей счет я не располагаю. Не сомневаюсь, что когда прибудут донесения от наших агентов в Британии, они подтвердят мнение, до сих пор остающееся лишь гипотезой.

— То есть? — осведомился Линкольн.

— Вторжение, — подойдя к карте Соединенных Штатов, Фокс постучал по линии берега Мексиканского залива близ Нового Орлеана. — В самом уязвимом месте нашей страны. Они могут выбрать плацдарм на любом участке от Техаса до Флориды и высадить десант. Побережье вытянулось здесь на тысячи миль, и просто невозможно оборонять его сразу на всей протяженности.

Войсковые транспорты могут покинуть Англию и стремительно пересечь Атлантику под

защитой военных кораблей. Не зная заранее их курс, местонахождение и силу, мы почти ничем не можем им помешать. И как только они доберутся до Мексики, то смогут принять на борт солдат на востоке, прямо в порту Веракрус на Атлантическом побережье. А новая дорога идет прямо в этот порт.

— Вы уверены? — уточнил Линкольн.

— Я слышал собственными ушами, — подал голос О'Хиггинс, — как двое их офицеров в беседе назвали этот город конечном пунктом дороги. Мне доводилось и прежде слышать, как об этом упоминают вскользь, но эти двое были совершенно уверены в своих словах. Конечно, они не догадывались, что я понимаю их речь.

— Вот уж воистину скверные новости, — покачал головой президент. — Я надеялся, что поражение образумит наших родственничков из Британии, но выходит, что оно только распалило их еще более.

Фокс сумрачно кивнул, соглашаясь.

— План их хорош. Они могут скопить в Веракрусе чудовищную группировку, доставить транспорты — и нанести молниеносный удар! Как только солдаты погрузятся и выйдут в море под защитой броненосцев, то смогут атаковать

в любой момент — и в любом месте по собственному выбору. Если они сумеют нанести удар достаточно быстро, прежде чем к нам поступят донесения, то уж тогда мы не сможем помешать им высадиться.

— Ужасно. Это просто катастрофа, — произнес Линкольн. — Что же тогда делать?

— Ответ весьма прост. Но постичь его, быть может, крайне нелегко.

— Пожалуйста, просветите меня, — озадаченно приподнял брови Линкольн.

Фокс снова притронулся к карте Мексики. Нет, не притронулся, а припечатал ее кулаком.

— Мы остановим их здесь. Мы остановим постройку дороги. Мы будем изводить их войска, мы попросту не позволим им дотянуть дорогу до Атлантического океана. А без этих войск не будет и вторжения.

— Задача не из легких, молодой человек, — подойдя к карте, Линкольн ткнул пальцем в Техас, после чего провел через Мексику к перешейку. — Это чудовищно далекий марш для наших людей. И чудовищно трудно будет сладить с французами, вооруженными пушками, засевшими на всем этом пути.

— Это вовсе не обязательно, — возразил О'Хиг-

гинс. — В испанском языке есть слово, для которого нет аналога в английском. Это слово *guerrillero*[41]. Оно означает тех, кто ведет _guerrilla_ — малую войну.

— Я по-прежнему блуждаю во мраке, мистер О'Хиггинс. Будьте добры, просветите меня. Осмелюсь поинтересоваться, каким образом те, кто ведет малую войну, могут помочь выиграть большую?

— Дабы найти ответ на этот вопрос, вам следует рассмотреть историю войны первого императора Наполеона с Испанией. Его мощная военная машина, покорившая всю Европу, без труда одолела и разбила испанскую и португальскую армии. Но одолеть испанский и португальский народ, населяющий Иберийский полуостров, ей так и не удалось. Перед его нападением люди бежали в горы и вели малую войну из своих неприступных твердынь, укрытых среди скал. Они совершали набеги на пути снабжения, жизненно необходимые для любой оккупационной армии. Они наносили удары в уязвимые места, снова скрываясь в горах до того, как противник успевал

[41] Примечания: 41

К сожалению, при дублировании американских кинофильмов это слово зачастую переводят как «горилла», хотя, как видите, эти слова не имеют между собой ничего общего.

опомниться. Мексиканцы тоже прекрасно умеют вести подобную войну. Здесь, в Оахаке, Гверьеро и даже в долине Мехико скрываются *guerrillero*. К и не покорившиеся оккупантам и продолжающие боевые действия. Это благородная традиция сего народа. А здесь, в джунглях Юкатана, нашел убежище народ майя, не покоренный никем — ни испанскими конкистадорами, ни кем-либо другим. Они по сей день говорят на языке майя, отказываясь учить испанский. Если подобные люди будут на нашей стороне, англичанам нипочем не построить сей тракт. Следовательно, им нипочем не вторгнуться в Соединенные Штаты, по крайней мере этим путем.

— Осуществимо ли подобное? — обернулся Линкольн к Густаву Фоксу.

— Почему бы и нет? Эти партизанские армии уже сражаются против французов, хотя снабжаются весьма и весьма скверно. Если нам удастся обеспечить их современным оружием, помочь им провизией и боеприпасами — тогда, пожалуй, подобное вполне осуществимо.

— Дайте мне знать, что именно вам понадобится, и сообщите военному министерству в точности то же самое. Если у вас с ним возникнут проблемы — что ж, отправьте их с этим ко мне.

С точки зрения стратегии все это предприятие весьма разумно. — Он было направился к двери, но на полпути обернулся, задумчиво потирая подбородок. — Если нам удастся таким образом наподдать англичанам, так почему бы нашим союзникам — солдатам малой войны не поступить точно так же с французами?

— Вполне возможно, — подтвердил Фокс. — Дельное замечание, господин президент. Мы уже осуществляем планы именно такого рода. Мексиканцы, сражающиеся против захватчиков, вооружены очень скверно. Одалживая деньги Мексике впервые, французы удержали изрядную часть займа в счет поставок оружия для мексиканской армии. А будучи грандиозными скупердяями на латинский лад, сэкономили, поставив чуть ли не одни мушкеты, многие из которых использовались еще в битве при Ватерлоо! Так что когда _guerrillero_ захватили трофейное оружие, оно им практически ничем не помогло. Теперь мы изменим ситуацию. Наша армия оставила тайники с современным оружием и боеприпасами поблизости от мексиканской границы. Сведения об этом передали партизанским отрядам. Скоро французам придется так жарко, что им недосуг будет даже помыслить о помощи

своим союзникам-англичанам.

— Но будут ли мексиканцы сражаться против французов, мистер Фокс?

— Они и не прекращали сражаться, господин президент. Хотя их президенту Бенито Хуаресу пришлось ради спасения бежать в Соединенные Штаты. Перед возвращением в нашу страну, а вернее, сразу по прибытии в Новый Орлеан О'Хиггинс отправил мне шифрованную телеграмму. Едва получив ее, я связался с мексиканским послом в Вашингтоне. Он телеграфировал Хуаресу в Техас. Если поезд придет вовремя, президент Хуарес прибудет сюда нынче пополудни.

Вскочив на ноги, Линкольн врезал кулаком по ладони.

— Грандиозно! Теперь мы должны согласовать наши действия. — Он принялся вышагивать из угла в угол. — Во-первых, встречать его следует отправить солдат — почетный караул. Под предводительством генерала, который официально поприветствует президента. После чего пусть его везут сюда, в военное министерство. Генерал Шерман здесь?

— У него кабинет на этом этаже, — отозвался Фокс, стремительно делая пометки в блокноте.

— Позаботьтесь, чтобы он присоединился к

нам, а также военный министр Стэнтон. Так, а что у нас слышно насчет генералов Гранта и Ли?

— Боюсь, оба в войсках.

— Их мудрые оценки очень нам пригодились бы. К сожалению, придется обойтись без них. Кого я еще забыл?

— Поскольку предполагаемое вторжение должно произойти по морю, пожалуй, было бы разумно пригласить для совещания и министра военного флота.

— Прекрасно. Позаботьтесь, чтобы Уэллс присоединился к нам. Дайте мне знать, когда все соберутся. А до того у меня еще масса работы.

* * *

Хей просунул голову в дверь, и Линкольн поднял взгляд от груды бумаг.

— Вы хотели, чтоб вас уведомили, как только прибудет мексиканская делегация.

— Совершенно верно, — Линкольн с радостью отодвинул бумаги. — Что ж, пойдем.

Когда президент вошел в украшенный флагами зал совещаний, все остальные уже дожидались его. Министр Стэнтон представил собравшихся, первым делом послу Матиасу Ромеро — худому, смуглому, темноволосому мужчине с седыми

висками.

— Президент Хуарес, к сожалению, по-английски не говорит. Если позволите, я буду его переводчиком.

Ромеро поднял руку, и Бенито Хуарес выступил вперед, оказавшись мелким невзрачным человечком в черном костюме с черным галстуком, очень темнокожим, с характерными широкими скулами и квадратным носом индейца-сапотека из Оахаки. Словом, облик самый заурядный, но этот человек во время последних выборов привел либералов к победе, объединив всю Мексику.

— Рад приветствовать вас, — сказал Линкольн, — как предводителя нашей южной сестры-республики. Буду рад также помочь вам, буде таковое возможно, в вашей неутихающей схватке с узурпаторами, оккупировавшими вашу страну.

— Я, все мы благодарны за вашу помощь, — перевел Ромеро ответные слова Хуареса. — Этот так называемый император, этот иностранный принц, силком навязанный нам французскими войсками, покушается на исконные права других людей. Он захватил наше добро, отнимает жизни сынов нации, защищающих ее независимость, он называет их доблесть и добродетель преступлением, а свои пороки — добродетелями. Но одна

вещь недоступна для подобных посягательств — непогрешимый суд истории.

— Отлично сказано, господин президент, — утвердительно кивнул Линкольн. — Но я бы хотел протянуть истории руку помощи, если только подобное в человеческих силах. — Он огляделся. — Ну как, у кого-нибудь есть идеи, как это лучше сделать?

— Перед вашим приходом мы обсуждали этот вопрос довольно основательно, — отозвался Стэнтон. — Полагаю, генерал Шерман наиболее сведущ в подобных материях.

Шерман вглядывался в карту Мексики, подвешенную на штативе, своим холодным орлиным взором прозревая грядущее. Видел передвижения людей и орудий. Видел смерть.

— Все эти крупные города оккупированы французскими, бельгийскими и австрийскими войсками. Здесь, здесь и здесь. Как и все города поменьше, имеющие хоть какое-то стратегическое значение. И хотя мексиканская армия разбита окончательно, отряды гверильеро по-прежнему ведут боевые действия в горах и джунглях. Эти люди прекрасно знают местность и умеют с выгодой использовать особенности ландшафта при ведении боевых действий. Я предлагаю снабдить

их современными винтовками и боеприпасами, а также всеми пушками, какие нам удастся переправить к ним через Техас. Вооружившись, они двинутся на юг. Не вижу причины для сомнений, что они сумеют одолеть французов в открытом бою. Если враг закрепится в городах, лежащих на их пути, пушки помогут выжать его на открытую местность. По мере продвижения на юг новая армия будет набираться сил за счет присоединения все новых отрядов гверильеро. Так что для нее ситуация в точности противоположна той, что складывается для обычной наступающей армии — по мере продвижения вперед она не только не ослабевает из-за истощения материальных и людских ресурсов, но и становится могущественнее.

Хуарес что-то сказал Ромеро, тот кивнул и сказал:

— Президент говорит, что напишет письма ряду командиров, встреченных им по пути, чтобы они знали, что сражаются и за его дело, и за свободу Мексики. Он также говорит, что люди в горах бедны — они голодают. Если они получат не только оружие, но и какие-нибудь деньги, то смогут повести войну с врагом.

— Это, несомненно, осуществимо, — согласился

Линкольн. — Но как быть с британскими войсками на юге? Как нам добраться до них?

— Я беседовал с мистером О'Хиггинсом, — ответил Шерман. — Он заверяет меня, что о них смогут позаботиться люди в Оахакских горах. Он добровольно вызвался связаться с их предводителем Порфирио Диасом. Я от всей души надеюсь, что он сумеет осуществить эту миссию.

— Диас справится, — подтвердил Хуарес. — Если это по силам хоть одному человеку на свете, то именно ему.

— Хорошо, — одобрил Линкольн. — Но чем будет занята наша армия, пока будут идти эти сражения? Несомненно, наши старания по снабжению мексиканцев на севере страны помогут им изгнать французов. Но как быть с югом, в Оахаке? Мне кажется, это смахивает на то, что мы хотим загребать жар руками этих бойцов. Полагаю, это британское вторжение в настоящее время не причиняет им особого ущерба. А когда британцы уйдут — или будут изгнаны, — они оставят после себя отличную дорогу. Наша армия наверняка может каким-либо образом поспособствовать отражению агрессии.

— Несомненно, господин президент, — отозвался генерал Шерман. — Я порядком поразмыслил

об этом. Как только текущая операция будет организована и приведена в исполнение, я передам соответствующий план в ваши собственные руки.

— С нетерпением буду ждать возможности ознакомиться с ним, генерал. Но покамест все силы должны быть брошены на организацию помощи мексиканским бойцам. И начало выдворения оккупантов.

Стальной завоеватель

Недвижность блеклых небес Белфаста нарушали лишь два-три кудрявых облачка. Воздух все еще дышал зимой, но был чрезвычайно легок, и солнце уже начало пригревать. Чайки кружили над трубами, домами и верфями Харланда и Вулфа. Изрядная толпа, собравшаяся у слипа, казалась сборищем лилипутов рядом с циклопическим судном, готовым к спуску на воду. На платформе между толпой и новым кораблем стоял кораблестроитель Эдуард Харланд в безупречном костюме черного сукна и высоком сверкающем шелковом цилиндре.

— И в заключение... — произнес он, и это замечание встретили вздохом облегчения, потому что говорил он уже добрых полчаса. — В за-

ключение я хотел бы поблагодарить всех здесь присутствующих, построивших сего левиафана глубин. Именно благодаря вашим трудам и вашему мастерству узрели мы это могучее судно, каковое весьма скоро войдет в Королевский военно-морской флот. И те, кому суждено ходить на нем, благословят вас за мастерство и стойкость. Ибо вы, трудившиеся над созданием сего стража Британии, гордости нашего флота, самого могучего военного корабля, какой видел свет, вы должны испытывать безмерную гордость, глядя на дело рук своих. Ни один другой корабль не обладает столь крепкой броней, столь грозными орудиями или столь могучими машинами, чтобы тягаться с ним. Это не просто корабль, не просто бесстрастное изделие из железа. Это гордость и могущество Великобритании и империи. Этот корабль будет стоять на страже наших бастионов. Корабль, который продемонстрирует наш флаг в самых отдаленных уголках мира. Вы создали не просто судно. Вы создали историю. Гордитесь плодами трудов своих, ибо трудились усердно и славно. — Он перевел дух и поклонился в сторону королевской ложи. — И ныне вверяю сей корабль в искусные, благородные руки Ее Величества королевы.

При окончании речи по толпе прокатился ропот голосов, со стороны трибуны, где сидела знать в шелковых цилиндрах и капорах, донеслись жидкие аплодисменты. С обеих сторон от трибуны раскинулась толпа рабочих в кепках, выстроивших этого исполина. К перилам шагнула миниатюрная женщина в черном облачении, и аплодисменты стали громче, послышались одобрительные возгласы.

Поглядев на чудовищный стальной нос корабля, королева Виктория одобрительно кивнула. Рядом с ней встал главнокомандующий британской армии герцог Кембриджский, блистательный в своем мундире с увешанной медалями грудью, в великолепной треуголке, украшенной страусовыми перьями. Один из адъютантов передал ему бутыль шампанского, крепко привязанную к гюйс-штоку высящегося над ними носа судна. Тут же послышался перестук киянок, выбивающих первые стопорные балки, удерживающие корабль на слипе.

— Пора, — проговорил герцог, передавая шампанское королеве. Взяв ее в свои крохотные ладони, затянутые в перчатки, королева подняла бутылку над головой, и ее тонкий голосок пронзил внезапно воцарившееся молчание.

— Нарекаю тебя «Завоевателем». Господь, благослови сей корабль и всех, кто будет ходить на нем!

— Давайте же! — поспешно шепнул герцог. Королева приходилась ему двоюродной сестрой, так что он не утруждал себя излишними церемониями и поиском выражений поделикатнее. Последние упоры с тарахтением вылетели, циклопический стальной корабль содрогнулся, тронулся и заскользил по слипу, набирая скорость.

Виктория толкнула бутылку. Пролетев по плавной дуге, та ударилась о нос.

И отскочила, не разбившись. Зрители охнули в один голос.

Такое случалось и прежде, и меры на случай подобного инцидента были приняты: к веревке, на которой висела бутылка, была привязана тонкая бечева, чтобы вернуть ее обратно. Один из директоров кораблестроительной фирмы торопливо вытянул ее обратно, когда «Завоеватель» уже ехал по смазанным рельсам. С громовым лязгом потащилась за кораблем грандиозная масса цепей, прикрепленных к носу, чтобы замедлить его величественное продвижение.

Чертыхнувшись под нос, герцог Кембриджский

схватился за бутылку сам и метнул ее изо всех сил, размахнувшись из-за головы — в тот самый миг, когда ее вырвало из его рук. На сей раз она разлетелась вдребезги, и вино пенными струями хлынуло по стали. Толпа единодушно одобрительно взревела, а «Завоеватель» скользнул в спокойные воды канала Виктория, вспенив их, и величественно закачался среди мутных бурунов.

Королева Виктория отвернулась задолго до того, как судно покинуло слип.

— Мы озябли, — проговорила она. Стоявшие позади сановники поспешно расступались, освобождая ей дорогу. Герцог Кембриджский шагал рядом, затем вместе с ней забрался в дожидавшуюся карету.

— Дело сделано на славу, — сказал он, как только дверца захлопнулась, ни словом не упомянув о едва не окончившейся фиаско эпопее с бутылкой; совершенно ни к чему провоцировать очередную вспышку гнева со стороны королевы. — И это лишь первый из множества. Идет постройка еще шести кораблей, хотя ни один из них с этим не сравнится. В Ливерпуле и Глазго уже сейчас оснащают эти корабли для нового военного флота. Наша сила все растет и растет...

— Подтяните-ка эту полость. Нам холодно.

— Крохотные ручки Ее Величества, унизанные перстнями, ухватились за край теплой полости, подтянув ее до подбородка. — А что это за вторжение, о котором вы все твердите нам? Что это за удар в самое сердце янки, который поставит их на колени? — капризно пропищала королева.

— Рим не сразу строился, дорогая кузина. Мы собираем армию, а на это нужно время. Наш десант на тихоокеанском побережье Мексики не встретил сопротивления и прошел успешно. Войска высадились, армия формируется. Прямо сию секунду в тамошних непролазных джунглях прокладывают дорогу. Нам следует проявлять терпение. Чтобы подготовить все, что нужно для войны, требуется время, знаете ли. А в краю девственном и диком на это потребно даже больше времени. Но вам следует понимать, что это лишь начало. Собирается и боевой флот, и транспортный, производится разнообразное военное имущество. Да вдобавок нам приходится проявлять осмотрительность и аккуратно планировать все перемещения войск. Забирая из Индии и с Востока местные войска, мы вынуждены одновременно присылать им на смену английских йоменов. Конечно, вы признаете необходимость подобной меры. Кабинет министров согласился

по самым очевидным причинам, что со времени Индийского мятежа определенный контингент британских войск должен находиться там неотлучно. Отправив индийские войска в Мексику, мы можем немного ослабить бдительность, пожалуй, сократить контингент наших собственных войск, но все равно мы постоянно должны быть начеку. Итак, учитывая все это, я могу искренне сказать, что сделано все возможное.

— Нам не по душе ожидание, — капризно, с нотками недовольства проговорила королева. — Вы утверждали, что ни одна страна не смеет насмехаться над Британской империей — и не сумеет выстоять перед ее мощью. Мы хотим, чтобы так и было, слышите?! У нас возникает впечатление, что мой дражайший Альберт никогда не успокоится с миром, доколе это не свершится. — Она комкала свой черный платок, даже не замечая, как скручивает и раскручивает его, устремив невидящий взор куда-то вдаль, еще сильнее сдвинув нахмуренные брови. — Он снится мне, почитай, каждую ночь. Выглядит в точности как раньше... как много лет назад. Как красив и статен он был! Но в снах он меня будто не замечает. Это так ужасно. Я пытаюсь заговорить с ним, но не нахожу слов. Он выглядит таким несчастным:

взор потуплен, с лица не сходит сумрачная бледность. Это все американцы, я знаю! Они убили его, а теперь потешаются над нами. — Ее голос возвысился до злобного визга: — Они смеются, мня, что могут одолеть могущество Британской империи. Надо что-то сделать, чтобы поставить их на колени!

Ответа не последовало. Пробормотав какие-то любезности, герцог отвернулся к окну. И в этот миг услышал, как в нагрудном кармане что-то зашуршало. Ах да, верно, вспомнил он, перед самой церемонией адъютант дал ему депешу. Выудив послание, герцог быстро пробежал его глазами. И, не сдержавшись, буркнул:

— Три тысячи чертей!

— Что там? — нахмурилась Виктория, питавшая антипатию к сильным выражениям.

— Да этот клерк из министерства внутренних дел, которого арестовали, — помахал герцог бумагой, — у которого ни с того ни с сего вдруг завелись деньги. По фамилии Уикс.

— И что он?

— Заговорил. Сознался. Полагаю, пришлось применить меры убеждения, каковые, несомненно, он с лихвой заслужил. Оказывается, он в самом деле предатель, шпион чертов, прода-

вал самые сокровенные секреты Британии этим янки. Одному богу ведомо, что он им наговорил. Предатель. И ведь даже не ирландец. Такому я бы еще поверил, право.

— Англичанин? Нам прямо не верится. И что с ним сделают? Будет суд?

— Ни к чему вытаскивать грязное белье на всеобщее обозрение. Правду говоря, с ним уже покончили. Сознавшегося шпиона ждет скорый суд. Обвинительное заключение. Повешение за измену. Погребение в Тауэре. А следовало бы сперва выпустить ему кишки и четвертовать. — Скомкав листок, герцог швырнул его на пол.

Улицы были запружены толпами желающих увидеть проезжающую королеву, поскольку Ирландию она посещала нечасто. Сорванцы, бежавшие рядом с каретой, бурно ликовали, как и зрители.

Карета вместе с эскадроном караула свернула за угол, на более убогие, тесные улочки. Разбитую мостовую здесь усеивал мусор, забивший сточные канавы. Здесь не слышны были приветственные возгласы, а некоторые из кутающихся в платки женщин даже поворачивались спиной и шагали прочь от кареты и эскорта. Королева была чересчур переполнена скорбью о почившем

Альберте, чтобы обращать внимание на такие пустяки, в отличие от герцога, не выносившего Ирландию и ее народ, как и многие представители его класса.

— Католики вонючие, — проворчал он под нос, надвинув на лоб свою шляпу и сердито воззрившись на спину кучера.

* * *

По ту сторону просторов Атлантического океана находился Вашингтон, снова ставший столицей страны, где воцарился мир — по крайней мере, на время. Тучи уже сгущались на горизонте, и будущее представлялось не радужным, отнюдь не радужным.

— Вид у вас весьма горестный, — заметил Авраам Линкольн, когда в его кабинет проводили Иуду П. Бенджамина. Дородный южанин молча кивнул, колыхнув своими брылястыми щеками, и тяжело опустился в кресло, но не раскрыл рта, пока секретарь Линкольна Джон Николай не удалился, закрыв за собой дверь.

— Беды осаждают меня со всех сторон, сэр, горести ложатся на мои плечи тяжким бременем. Кажется, стоит мне справиться с одной из них, и на ее месте вырастают две новые. Изменить все

общество и образ его мышления — дело не из легких. Этот процесс перемен... как бы его назвать?

— Перестройка? — предложил Линкольн.

— Не совсем, потому что мы ничего не разбираем, чтобы отстроить заново. По-моему, «реформация» будет точнее. Мы реформируем все общество, и никому-то это не по душе. Фрид-меновское бюро — по-прежнему мыльный пузырь, набитый доброхотами, желающими всяческого блага бывшим рабам. Освобожденные рабы недовольны, потому что свобода вроде бы и не изменила их положения. Но на всякого, кто желает им добра, находится дюжина желающих всячески сдерживать прогресс. Плантаторы Миссисипи все еще стремятся получить щедрую компенсацию за освобождение рабов. А когда освобожденные рабы пытаются получить работу на плантациях, то им предлагают нищенское жалованье, которого едва хватает, чтобы они не протянули ноги от голода. Единственный лучик надежды во всем этом предприятии — трудящиеся классы. Солдаты, вернувшиеся с войны, находят работу на восстановлении железных дорог, а также на новых предприятиях создаваемой нами промышленности. Им платят за труд звонкой монетой, что весьма помогает становлению экономики.

Но даже тут мы сталкиваемся с раздорами. Когда освобожденные негры стремятся получить работу на этих заводах и фабриках, белые рабочие зачастую отказываются работать бок о бок с ними. Плантаторы недовольны всем подряд и противятся всему, что мы ни предпринимаем. Даже мелкие фермеры приходят в ярость, когда узнают, что земля приобретена для освобожденных рабов... Я не решаюсь продолжать.

— Неужели ни единого лучика света в этом непроглядном мраке?

— Да нет, конечно, кое-что брезжит. Я отвлек часть средств Фридменовского бюро на финансирование негритянских церквей и обществ взаимного согласия. Они — наше спасение. Они уже завоевали уважение негритянских общин и оказывают реальную помощь нуждающимся. Но при том, что все эти организации помогают нам, я вижу, как собираются и темные силы. Нам ни на миг не следует забывать, что рабство всегда было основой южной жизни. Оно одновременно являло собой и систему труда, и форму расовых взаимоотношений, и основание для формирования местного правящего класса. Люди, считающие себя столпами общества, полагают, что их положение пошатнулось. Считают, что

на новом Юге они оказались в изоляции — и совершенно правы. По мере того как деньги перетекают из сельского хозяйства в промышленность, формируется новая элита. А плантаторам это не по вкусу. Посему неудивительно, что появляются сторонники насилия, противящиеся любым переменам на Юге. А также и другие, обвиняющие нас в том, что мы отдаем черным предпочтение перед белыми. Великий страх поселился в моей душе.

— Крепитесь, Иуда. Всем нам надо найти в себе силы. Но вам прежде всех, ибо вы несете чудовищное бремя. Еще никто на свете не осуществлял ничего подобного, ни одно общество не прикладывало таких трудов, чтобы изменить свой уклад. И нельзя позволить, чтобы мы отреклись от своего долга из-за клеветнических обвинений, угроз свержения правительства или заточения нас в темницы. Давайте верить, что правое дело восторжествует, и эта вера позволит нам пренебречь опасностью и исполнить наш долг по своему разумению.

— Мне остается лишь молиться, чтобы найти в себе силы, господин президент, ибо порой я чувствую ужасную усталость. И более всего ранит меня ненависть собратьев-южан — людей,

которых я знаю не один год и которые за глаза называют меня предателем.

Тут уж Линкольну возразить было нечего. Он просмотрел документы, принесенные Бенджамином, и на бумаге прогресс выглядел весьма гладко. Рабы получают свободу, выплаты ведутся — и бывшим рабовладельцам, и демобилизованным солдатам.

— Вы справляетесь недурно, весьма недурно, — сказал Линкольн, укладывая бумаги аккуратной стопкой. Послышался негромкий стук в дверь, и вошел Николай.

— Господин президент, вы хотели знать, когда прибудет мистер Милл. Он уже здесь, и вместе с ним его дочь.

— Что ж, еще лучше. Он много о ней рассказывал. Пригласите. — Линкольн обернулся к Бенджамину. — Я чрезвычайно рад, что вы здесь. В минуту душевной невзгоды Милл способен поддержать пошатнувшуюся решимость.

Оба встали навстречу вошедшим Джону Стюарту Миллу с дочерью.

— Президент Линкольн и мистер Бенджамин, позвольте представить вам мою дочь Элен.

Элен оказалась симпатичной девушкой с такими же сверкающими живым умом глазами, как и

у отца. Она с теплой улыбкой сделала реверанс.

— Отец описывал вас в самых восторженных выражениях, — заметил Линкольн. — И как музу, и как помощницу в работе.

— Отец чересчур добр ко мне, господин президент. В нашей семье гений — он.

— Которому нипочем бы не дотянуть до гения, — запротестовал Милл, — если бы не неустанная поддержка — твоя и твоей дорогой матушки.

— Должен поблагодарить вас обоих, — произнес Бенджамин, — за помощь и совет в час, когда наша страна в них остро нуждается. Если следовать вашему плану, мы получим совершенно новую страну — и особенно новый Юг, которому суждено взрасти на останках старого.

— Это не мой план, мистер Бенджамин. Я лишь указал и растолковал кое-какие экономические реалии. Наука развивается вместе с человечеством. Мы должны опираться на прошлое. Рикардо был великими человеком, и его экономические теории вывели философов, в том числе и меня, на тропу более глубокого познания.

— Отец чересчур скромен, — подала голос Элен. — Последователи Рикардо догматизировали его объективные выводы, превратив их в смирительную рубашку для общества. Написав свою

знаменитую книгу «Принципы политической экономии и налогообложения», он сформулировал определенные правила, которые его последователи чтут почти как святые заповеди. Они не подвергают ни малейшим сомнениям сформулированные им законы, управляющие распределением, отношениями между классами землевладельцев, капиталистов и рабочих, объемом промышленного производства. Мой отец один из немногих, кто не считает законы Рикардо святым писанием. Сказанное моим отцом понятно любому, но лишь после того, как это сказано. Он сказал, что совершенно не важно, что называют естественным поведением общества — снижение уровня зарплаты, уравнивание доходов или даже повышение ренты. Оно естественно только тогда, когда люди верят, что оно естественно.

— Боюсь, что моя дочь, как всегда, зрит в самый корень проблемы, — с улыбкой кивнул Милл в знак согласия. — Хотя я выгляжу не столь уж значительным в тени этого великого человека. Без Рикардо в качестве фундамента я ни за что не увидел бы верный путь, по которому сейчас иду. Если обществу не по душе «естественные» результаты его деятельности, ему остается толь-

ко измениться. На самом деле общество может делать все, что пожелает, — облагать налогами и субсидировать, а может отдать все свои богатства президенту, чтобы тот тратил их по собственному разумению. Или устроить грандиозную благотворительную акцию. Но как бы оно ни поступило, распределение не будет надлежащим, по крайней мере не на всех ярусах экономики. Вот как раз это и происходит на Юге. Почти полностью аграрное общество превращается в современное индустриальное. Железные дороги нуждаются в заводах, нуждающихся в угле и железе, — и все они нуждаются в рабочих. Эти рабочие получают плату, которую, в свою очередь, отдают за продукты, за счет чего экономика и процветает. В том, как развивается общество, нет ничего обязательного или неизбежного. Смена моральных ценностей может привести общество к новым успехам.

Криво усмехнувшись, Иуда П. Бенджамин покачал головой.

— Вот тут-то, как сказал Шекспир, и есть камень преткновения. Слишком многие на Юге не хотят менять свои моральные ценности и вожделеют старых незамысловатых ценностей, когда правят избранные единицы, а негры находятся у самого дна, бесправные и беспомощные.

— Вы совершенно правы, сэр, — со вздохом кивнул Милл. — Но по мере смены физических ценностей вы обнаружите, что с ними меняются и ценности моральные. Человек, освобожденный от рабства, будет сражаться, чтобы сохранить эту свободу. Человек, получающий приличную зарплату, не вернется к нищенскому существованию без боя. Сейчас у вас переходный период, и я не завидую вашим трудам, равно как и трудам Фридменовского бюро. Ваша реформация для некоторых — процесс болезненный. Но по мере того, как большинство получающих от нее выгоды будет разрастаться, вы убедитесь, что меньшинству волей-неволей придется присоединиться к остальным.

— Молюсь, чтобы вы оказались правы, сэр. Возношу молитвы Господу, чтобы наша страна пережила распри и перемены, выйдя из них победоносной, сильной и единой.

— И все мы вторим вашей молитве, — звучно, убежденно произнес Линкольн.

Вскоре Милл, принеся извинения, удалился вместе с дочерью. Бенджамин встал и собрал свои бумаги.

— Я отнял у вас чересчур много времени.

— Как раз напротив, — возразил Линкольн.

— Мы участвуем в этой битве единым фронтом и должны держаться вместе. Но скажите-ка мне, как там Джефферсон Дэвис?

— Пулевая рана почти затянулась, доктор говорит, что худшее уже позади. Конечно, он сильно похудел и очень слаб. Но доктор уверен, что он поправляется с каждым днем. Теперь он уже самостоятельно переходит из спальни в гостиную, где просиживает часть дня. Да и духом он весьма воспрял. Надеется, что, когда погода станет получше, он снова сможет совершать прогулки верхом. Дэвис всегда был страстным поклонником верховой езды и очень скучает по этому занятию.

— Великолепнейшие новости! Когда свидитесь с ним, передайте ему мой сердечнейший поклон и искреннюю надежду на его скорое выздоровление.

— Непременно, сэр, непременно.

— Вдобавок расскажите ему, как хорошо идет ваша работа. Что вы творите новый Юг, и что все мы рады расширению и успехам новых Соединенных Штатов, ради созидания которых он не жалел ни сил, ни здоровья.

Немного приободренный похвалой президента, Иуда П. Бенджамин прошагал несколько кварталов, отделявших его от дома, арендованного на

время пребывания в Вашингтоне. Смеркалось, уже начали зажигать первые фонари. Свернув за угол, на свою улицу, он увидел небольшую толпу — причем собравшуюся вроде бы перед его домом. Один из них держал то ли мерцающий факел, то ли что-то похожее. Протолкнувшись сквозь толпу зевак, Бенджамин остановился. Никакой это не факел.

В газоне перед воротами торчал деревянный крест — наверное, сперва пропитанный керосином, потому что полыхал он во всю мощь.

Горящий крест? Что бы это могло означать?

* * *

Генерал Уильям Тикамси Шерман явился в свой кабинет в военном министерстве, едва рассвело. Еще стояли предрассветные сумерки, когда изумленный часовой поспешил за дежурным офицером, чтобы тот отпер парадную дверь. Последние дни вы

дались очень хлопотливыми — сперва надо было организовать сбор ружей и боеприпасов, затем их доставку на запад. В то же самое время надо было позаботиться о сборе всех полевых орудий, какие удастся, чтобы те отправились вслед за ружьями. Батареи Севера и Юга начали объ-

единять; ни та ни другая сторона не жаловались, работая вместе душа в душу. Пока Шерман занимался всем этим, остальные его дела в качестве командующего армии лежали в небрежении. В результате на столе скопилась невероятная уйма бумаг, каждая из которых требовала его внимания, и все усилия немного поубавить эту груду были тщетны.

В семь часов, весело насвистывая, в дверь ввалился адъютант Шермана полковник Робертс. Увидев, что начальник уже трудится, он застыл как вкопанный.

— Извините, сэр. Я не знал, что вы здесь.

— Это я должен извиниться перед вами, Сэм. Проснулся посреди ночи, думая о списке приобретений, который мы отправили комитету Конгресса, и никак не мог уснуть. Вот и решил, что лучше поработаю здесь, чем ворочаться с боку на бок. И о пушках думал. Я изымаю из нашей артиллерии все гладкоствольные, ненарезные орудия, какие только найдутся. Они будут отправлены в Мексику, где на славу послужат в армии, не обученной управляться с более современными нарезными пушками. Да и боеприпасами их снабжать легче. Но и мы не можем остаться безоружными. Пэррот и остальные должны на-

растить производство. Пусть хоть круглые сутки работают, мне плевать. Нам нужны пушки.

— Займусь этим вопросом незамедлительно. Но сперва не принести ли кофе, генерал?

— Если не принесете, я отдам вас под трибунал. А если принесете, разжалую в подполковники.

— Лечу, сэр!

Вытянув ноги, Шерман с наслаждением отхлебнул горячего кофе и подвинул адъютанту через стол лист бумаги.

— Теряем еще полк. Четырнадцатый Нью-йоркский добровольческий вот-вот будет распущен. Такими темпами скоро от армии не останется почти ничего.

— Чего нам не хватает, так это еще одной доброй войны.

— Не исключено, что мы ее получим. Вы читали рапорт комнаты 313?

— Нет. А следовало?

— Неофициально, но я хочу, чтобы моим подчиненным было известно то же, что и мне. Пока еще не совсем ясно, однако дело идет к тому. Британские войска высадились в Мексике, но вроде бы никуда не трогаются. Хотя и гнут спины, прокладывая дорогу сквозь джунгли. Однако есть и кое-что сверх того. Вопрос о мексиканских нере-

гулярных формированиях. Секретный рапорт о наших с Хуаресом планах позволить его войскам в горах Оахаки позаботиться о британцах самостоятельно.

— Такого я не видел, — признался Робертс.

— И не должны были: имелся только один экземпляр, адресованный лично мне, только для моего сведения. Так что пока никому об этом не говорите. Деятельность комнаты 313 окружена жуткой секретностью, и я уверен, что не без причины. Но я хочу, чтобы моему штабу было известно то же, что и мне, как бы ни относилась к этому комната 313. Если мне придется утаивать от вас важнейшие факты, то о результативной работе не может быть и речи.

Раздался стук в дверь. Робертс открыл, принял у сержанта депешу и принес ее генералу.

— По-моему, этого вы и ждали, генерал. Весточка с нашего стрельбища в Сьютланде. Сегодня там проводят испытание пулемета и спрашивают, не желаете ли вы присутствовать.

— Еще бы, черт возьми! Вдобавок я с огромным удовольствием удеру на время от бумажной работы. — Отодвинув кресло, Шерман поднялся. — Велите седлать лошадей. На дворе весна, и сегодня самый подходящий денек, чтобы выбраться

из кабинета.

Они проехали на рысях по Пенсильвания-авеню, залитой ярким светом утреннего солнца. Генерал Шерман отсалютовал в ответ на приветствие встречного кавалерийского отряда. Весна выдалась славная, и он чувствовал себя почти счастливым.

Но поездка до артиллерийского полигона в Сьютланде оказалась чересчур короткой. Часовые у ворот взяли «на караул», пропуская их. Генерал Рамси, должно быть дожидавшийся их, вышел из конторы и встретил подъехавших у коновязи.

— Надеюсь, у вас хорошие новости, — сказал Шерман.

— Лучше и быть не может, сами увидите. Полагаю, вы помните те демонстрации пулемета Гатлинга?

— Так точно. Но у меня сложилось впечатление, что его час еще не пробил. Всем нам пришлось бы по душе оружие, стреляющее непрерывно и в приличном темпе. Но насколько я помню, этот пулемет то и дело заклинивало. Стрелки больше времени тратили на выковыривание дефективных патронов, чем на саму стрельбу.

— Совершенно верно. Но артиллерийское

управление взяло пулемет Гатлинга образца 1862 года пятьдесят восьмого калибра и невероятно усовершенствовало его.

— Каким образом?

— Во-первых, пулемет был чересчур тяжел и неповоротлив, а темп стрельбы был чересчур низок. И не только это, а еще и, как вы сказали, бумажные патроны то и дело заклинивало в стальных стволах. Отказавшись от такого подхода, конструкторы радикально пересмотрели устройство пулемета. Теперь в нем используются патроны с медной гильзой и смещенным капсюлем. Они легко входят в патронники и без труда выбрасываются, так что заклинивает пулемет весьма редко. Еще одним недостатком было то, что каналы стволов исходного образца были коническими. Из-за этого стволы и патронники не всегда совмещались точно, что вызывало осечки, выстрелы при открытом барабане и всяческие другие неприятности. Снижение производственных допусков сняло эту проблему. Вот, сэр, поглядите сами.

Они подошли к огневому рубежу, присоединившись к группке уже собравшихся там офицеров. Шерман почти не заметил их, потому что и его, и их внимание было целиком поглощено установ-

ленным там оружием, грозным даже с виду.

Пулемет Гатлинга образца 1863 года являл собой впечатляющее зрелище — от сверкающего медного барабана до шести длинных вороненых стволов. Рамси указал на воронкообразный контейнер в верхней части пулемета.

— Патроны загружаются в этот бункер и поступают вниз под собственным весом. Когда рукоятка поворачивается, патроны заряжаются в патронники по одному за раз. Шесть кулачковых затворов поочередно закрывают стволы, стреляют и опускают патронники для выброса отработанных гильз.

— А темп стрельбы?

— Его определяет скорость, с которой крутится рукоятка и патроны поступают в бункер. Скажем, пять патронов в секунду, триста в минуту.

Кивнув, Шерман оглядел пулемет со всех сторон, любуясь им.

— Чрезвычайно хорошие цифры. Насколько он мобилен?

— Эта модель весит вдвое меньше первой. Его может везти одна лошадь, без труда поспевая за пехотой. Добавьте сюда еще двух лошадей для боеприпасов, и это замечательное оружие при вас.

— Давайте посмотрим его в действии.

Ожидавший стрелковый расчет по команде сержанта бросился вперед. Бункер заполнили, рукоятку взвода закрепили в рабочем положении, и на этом с подготовкой было покончено.

— Огонь! — гаркнул сержант.

Раздался оглушительный грохот. Стрелок медленно повел пулемет из стороны в сторону, а его заряжающий яростно дергал за рукоятку. От ряда бумажных мишеней на деревянных рамах в двухстах ярдах от пулемета полетели лохмотья бумаги и щепки. Будь на их месте вражеские солдаты, в живых не остался бы ни один.

— Прекратить огонь!

Дым понемногу рассеивался. Громовой рев пулемета сменился звенящей тишиной. Клочья бумаги изодранных мишеней трепетали на ветру. Оглядев разрушения, причиной которых послужил единственный пулемет, Шерман кивнул.

— Весьма впечатляет. Весьма и весьма. Я уже вижу их на поле боя. Окопайте их, и никакое войско — ни пехота, ни кавалерия — не сможет взять охраняемые ими позиции. Это изменит нашу тактику до неузнаваемости, уж поверьте мне на слово. Сейчас же запускайте их в производство, чтобы, когда пулеметы понадобятся, они были под рукой. Я хочу как можно раньше увидеть

тысячу пулеметов, готовых к применению.

Генерал Шерман уже поворачивался, когда его взгляд упал на группу офицеров, пришедших посмотреть испытания пулемета Гатлинга. Один из них показался ему знакомым, чрезвычайно знакомым. Откуда?.. Ну конечно!

— Капитан Мигер из Шестидесятого Нью-йоркского. — Поглядев на плечи офицера, он улыбнулся. — Вернее, следует сказать, полковник Мигер. Как ваша рана?

— Я здоров! Не родился еще англичанин, способный прикончить этого ирландца, генерал.

— Это воистину хорошо, — Шерман нахмурился, вспомнив сражение, когда чудовищно превосходящие силы британцев перебили почти весь ирландский полк. — Они уничтожили ваш полк, не так ли?

— Попытались, генерал, определенно попытались. Но убить ирландца — это вроде как в той древней греческой байке, когда один человек порублен на мелкие кусочки и на его месте вырастает сотня.

— Это верно, теперь у вас Ирландская бригада...

— Служить в которой для меня — истинное счастье. Ежели хотите увидеть профессиональных

солдат, вам следует поглядеть на нас на параде! Почти вся бригада — ветераны, доблестные воины, переведенные к нам чуть не из каждого полка в армии, и из северных, и из южных. Вдобавок у нас масса юных добровольцев, и все они горят желанием быть вместе с остальными ирландцами. А мы учили их на совесть, так что, думаю, новобранцы теперь ничуть не уступят ветеранам. Эта чудная компания только и ждет, чтоб добраться до англичан. И расквартированы мы рядышком, теперь мы входим в Потомакскую армию. Вам бы наведаться как-нибудь на днях к нам в столовую да выпить доброго ирландского виски. Все мы сыны Эрина[42], но теперь все до единого — добрые американцы.

— Пожалуй, что и можно, полковник Мигер, пожалуй, что и можно. — Шерман пошел было прочь, но тут же обернулся. — Вы видели рапорты — ну, насчет проблем с британцами?

— Видел ли я их, сэр?! Да я их выучил наизусть! Когда снова пробьет час палить в англичан, вам нипочем не следует забывать, что в вашем распоряжении целая бригада добровольцев, готовых идти под вашим началом хоть на край света.

---

[42] Примечания: 42

Э р и н — поэтическое наименование Ирландии.

— Весьма похвально, полковник, — улыбнулся Шерман. — Этого я не забуду, даю слово.

Не забудем

— Так ты идешь, Том? А то я помираю от невыносимой жажды.

Слова были прекрасно слышны сквозь тонкий брезент армейской палатки. Закончив натягивать сапоги, полковник Томас Фрэнсис Мигер откликнулся:

— Иду, Пэдди, можешь не сомневаться!

Он вышел и вместе с приятелем зашагал к офицерской столовой. Капитан П. Ф. Клуни, как и многие офицеры Ирландской бригады, был закаленным в боях ветераном еще до того, как вступил в американскую армию. Служил в бывшем ирландском подразделении, Ирландской бригаде святого Патрика, сражавшейся против Гарибальди на стороне папистов. Когда же боевые действия завершились, Клуни, разрывавшийся между верностью папскому правительству и сочувствием призыву Гарибальди к свободе, повернулся спиной и к тем и к другим и эмигрировал в Соединенные Штаты, где и вступил в американскую армию.

Офицерская столовая разместилась в приземи-

стом здании фермы, находившейся на том месте, где сейчас раскинула свои шатры Ирландская бригада. Переступив через порог столовой, Мигер и Клуни обнаружили, что собрание офицеров уже идет полным ходом. Утро первого воскресенья каждого месяца отводилось под общий сбор членов офицерского кружка фениев, местного представительства тайного революционного общества, поддерживающего движение фениев в Ирландии — людей, посвятивших свою жизнь освобождению Ирландии от британского ига. Но сегодня у них нашлась для обсуждения другая тема. Едва новоприбывшие вошли, как их окликнул капитан О'Рили:

— Скажи-ка, Фрэнсис, правдивы ли слухи, что у нас вводят новую форму?

— Это не слухи, а факты, сынок, — ответил Мигер. — Можете полюбоваться на новобранцев. Во время войны мы были полком северян и с гордостью носили синие мундиры нашей страны. Но теперь война позади, и мы уже не просто полк, а разрослись до бригады. К нам пришло множество добрых вояк из бывшей армии южан, и разнобой в обмундировании резал глаз. Военное министерство в своей безграничной мудрости давненько подумывало о смене формы. При боевых действи-

ях нового толка, из-за новых, более метких ружей давно пора найти какой-нибудь цвет понейтральнее. Все мы знаем, что красные английские мундиры — мишени лучше не придумаешь!

Аудитория разразилась возгласами «Верно, верно!» и оглушительным свистом. Мигер поднял руки, призывая слушателей к молчанию.

— Выбрали хаки, эдакий серо-коричневый. Конечно, смахивает на грязь, но это очень даже недурно, когда в ней валяешься. Лично я — за. Что угодно пойдет, лишь бы солдат не выделялся на фоне поля боя. Разумеется, парадные мундиры для церемоний, танцев и всякого такого у нас останутся.

— А когда нам дадут грязные лохмотья? — крикнул кто-то.

— Через недельку-другую. Нас известят.

Тут дверь с грохотом распахнулась. Лицо появившегося на пороге капитана Джона Госсена было темнее тучи. Он в сердцах швырнул шинель на стул и буркнул:

— Предательство! — озирая собравшихся. Во взгляде его пылал праведный гнев.

Обычного благодушия и дружелюбия как не бывало.

— Что стряслось? — осведомился Мигер.

— Смерть и предательство, — с горечью бросил капитан Джон Госсен. Этого жизнерадостного человека будто подменили. Прежде он служил в Австрии, в лихом Седьмом полку венгерских гусар. — Этот ничтожный учителишка Нэйгл на содержании у британцев. Луби, О'Лири и Росса арестованы. «Ирландский народ» запрещен. — Он говорил о фениях, оставшихся в Ирландии, и их официальной газете.

— Не смеют! — не сдержавшись, воскликнул Мигер.

— Посмели, — угрюмо возразил У. Л. Д. ОТрэйди. — Я и сам слыхал то же самое, но не мог поверить. Насчет англичан я поверю чему угодно. Знаю я этих ублюдков. Проведут пародию на суд — и расстреляют их. — Он знал англичан, потому что раньше служил в Королевской морской пехоте.

— Неужели мы ничего не можем поделать? — поинтересовался Клуни.

— Очень немногое, — проронил Мигер, раздумывая над скверными новостями. — Послать им денег: если будет суд, деньги понадобятся на адвокатов. И придется отыскать способ реорганизоваться снизу доверху. Наша газета под запретом; полагаю, все до единого арестованы — или в бегах. Если в организацию затесался один

доносчик, то наверняка есть и другие. В воздухе пахнет предательством.

— Так точно, и даже прямо здесь, в Америке, в Нью-Йорке, — подхватил ОТрэйди. — Рыжий Джим Макдермот, тот, с огненной бородой. Есть веские основания считать его тоже доносчиком. А Джон О'Махони, заправляющий организацией, и слушать о нем не хочет. Но я получил письмо от надежного человека, и тот пишет, что видел его выходящим из британского консульства.

— Верю, — отозвался Мигер, — но О'Махони этого не втолкуешь. Откуда следует, что до тех пор, пока организацией фениев в Нью-Йорке управляет он, британцам будет известно все, что мы делаем. Отсюда, в свою очередь, следует, что мы должны найти другой способ послужить правому делу. И в качестве первой предосторожности следует изолировать наш офицерский кружок фениев от общества в Ирландии. Иного пути нет. Теперь, когда все вожди схвачены, у нас есть обезглавленное тело. Мне кажется, мы опять должны начать с чистого листа. Забыть о них напрочь. Организуем сбор средств в ирландско-американской диаспоре. В Ирландии больше никого вербовать не будем, потому что, судя по всему, мы завербовали ничуть не меньше

доносчиков, чем преданных ирландцев.

— А что потом? — поинтересовался Клуни.

— Потом придется пошевелить мозгами, — ответил Мигер. — И подыскать какой-нибудь иной способ. Впрочем, довольно об этом! А сейчас давайте утопим свои печали. Готов ли молочный пунш?

— Еще бы!

Отложив серьезные дела на потом, они обратили взоры к своему смертоносному напитку. Фенийский молочный пунш готовят из виски и сгущенного молока, приправляя его мускатным орехом и лимоном, а затем добавляя капельку горячей воды. Как только они подняли свои стаканы и кружки, бард бригады — военврач Фрэнсис Рейнольдс — возгласил приветственный гимн.

Посмотри, кто средь вереска гордо идет,

Горный ветер полощет зелень знамен.

Головы выше! Гляди вперед!

Дорогу бравым фенийским бойцам!

Его приняли с таким восторгом, что военврач Рейнольдс пустил в ход все остальные стихи, воспевающие славу доблестных фениев. Посреди

разгула этого веселья никто вроде бы поначалу и не заметил двух человек, вошедших в столовую и безмолвно замерших у порога, слушая пение. Лишь отправившись к пуншевой чаше за добавкой, Мигер заметил новоприбывших и радостно вскричал:

— Да никак это Гус Фокс собственной персоной явился принять участие в нашей пирушке?! Пожалуйте, милости прошу! Господа члены кружка фениев, позвольте представить достопочтенного Густава Фокса, заместителя министра военного флота.

Он прибег к этому титулу, а не к какому-либо другому, способному объяснить, что же их связывает. Правду говоря, благодаря своим связям в кругах фениев и прочих ирландцев Мигер давным-давно стал членом разведывательной организации Фокса.

— Ну-ка, стаканчик пунша, живо, это наш человек. Нет, давайте два, для Гуса и его друга.

Они приняли стаканы, но прежде чем выпить, Фокс поднял руку, призывая к тишине, после чего извлек из кармана какой-то казенный конверт.

— Я сюда прямиком из военного министерства, где, как всем вам наверняка известно, сложа руки не сидят и даже не спят.

Публика засвистела и со смехом заулюлюкала. Фокс подождал, пока воцарится тишина, после чего протянул конверт.

— Полковнику Мигеру. Поскольку я и без того направлялся сюда, то добровольно вызвался сыграть роль курьера. Прошу вас, сэр.

Без спешки прочитав письмо, Мигер поднялся во весь рост и призвал офицеров к тишине.

— Ребята, я хочу, чтобы это услышали все. Вам известно, что я командовал вами в ожидании, пока генерал Джеймс Шилдс прибудет, чтобы принять командование над всей бригадой. В его жилах течет ирландская кровь, он отличный офицер — во всяком случае, так мне говорили. К несчастью для нас, генерал отказался командовать Ирландской бригадой. Вот уж прискорбное известие. — Правда, выражение лица Мигера говорило как раз об обратном, ибо он ухмылялся во весь рот. — А теперь вас ждет еще более скверная весть. Этот никудышный пустомеля и лоботряс полковник Мигер произведен в бригадные генералы и приступает к командованию безотлагательно.

Новость вызвала бурю ликования, река молочного пунша излилась в алчущие рты, и Мигера пронесли на плечах по всей комнате. Когда шум

немного поутих, Фокс принес поздравления, после чего увлек Мигера в сторонку, к молодому человеку, безмолвно дожидавшемуся у дверей со стаканом в руках.

— Том, хочу познакомить вас с моим коллегой, только что вернувшимся из разведывательной вылазки в Мексику. Томас Фрэнсис Мигер — Амбросио О'Хиггинс.

— Чертовски странное имя для доброго ирландского парня. Добро пожаловать, Амбросио, милости прошу в кружок фениев.

— Рад познакомиться со столь прославленным офицером, — произнес О'Хиггинс.

Они обменялись рукопожатием. Мигер поглядел прямо в светлые ирландские глаза, резко контрастирующие с загорелым лицом молодого человека, но воздержался от каких-либо вопросов. Остальные офицеры, заинтригованные этим таинственным незнакомцем, притихли. Молчание нарушил Фокс — да таким манером, что мгновенно завоевал их внимание:

— Помимо всего прочего, О'Хиггинс недавно выяснил тот факт, что английские захватчики снова вступили на американскую землю.

Воцарилась мертвая тишина, улыбки на лицах воинов угасли, сменившись весьма недвусмыс-

ленным выражением.

— Я был на юге Мексики, — поведал О'Хиггинс. — В мексиканских штатах Веракрус и Оахака. И на месте выяснил, что на тихоокеанском берегу высадилось множество британских дивизий, якобы призванных в страну императором Максимилианом, каковой сам по себе — узурпатор, опирающийся на силу войск французских захватчиков, изгнавших законное правительство Бенито Хуареса и вынудивших его даже бежать из страны.

— Но... что там делают британские войска? — высказал Мигер вопрос, волновавший всех присутствующих.

Первым ответил Фокс:

— Говорят, что строят дорогу через джунгли, ничего более. О'Хиггинс расскажет вам о ней.

— Это чудовищная работа. Для нее привлекли войска множества племен и народов. Там есть индийские полки с престранными названиями. Догра, и сипаи, и лилипуты из Непала по прозванию гуркхи — свирепейшие воины на свете; по меньшей мере, так мне сказывали. И все они, да вдобавок кое-какие из английских войск, гнут спины в джунглях на строительстве дороги от океана до океана — от Тихого до Атлан-

тического.

Сделав изрядный глоток пунша, Мигер озадаченно тряхнул головой.

— Господи, с какой это нежданной радости им понадобилась дорога через Мексику?

О'Хиггинс развел руками совершенно по-латиноамерикански:

— Говорят, чтобы помочь французам собрать деньги, которые им задолжали мексиканцы.

— Заливай больше! — крикнул кто-то из слушателей, и все хором его поддержали. О'Хиггинс поглядел на них с недоумением.

— Англичане заливают, втирают вам очки, — растолковал Мигер. — То бишь врут про эту дорогу напропалую.

— В этом вы абсолютно правы, — согласился Фокс. — Мы знаем, что эта дорога строится, потому что присутствующий здесь О'Хиггинс побывал в Мексике и видел это собственными глазами. Здесь, в Вашингтоне, мы считаем, что строительство затеяли вовсе не за тем. Все свидетельства наводят на мысль, что британцы готовятся к очередному вторжению в нашу страну.

Эта весть исторгла из глоток собрания рев ярости, за которым последовал ряд проклятий и на английском, и на ирландском. «Энди» О'Хиггинса

— произнести столь заковыристое иноземное имя, как Амбросио, у них язык не поворачивался в самом буквальном смысле — ринулись снова угощать пуншем, умоляя о подробностях. О'Хиггинс рассказал о виденном и слышанном, а Фокс оживил факты своими выводами о предназначении тракта.

— Я открыл вам совершенно секретные сведения, за стенами этой комнаты известные весьма немногим. Я доверился вам потому, что вы хорошие солдаты, хорошие американцы — да притом ирландцы, а это крайне важно. Мы, военные, знаем, что вы по-прежнему поддерживаете контакты с Ирландией и Англией, потому-то нам и нужна ваша помощь. Сейчас ведется строительство военных кораблей — в Ирландии, Англии и Шотландии. Если я не ошибаюсь, скоро будет собрана великая армада. Я прошу вашей помощи в раскрытии планов британцев...

— Можете рассчитывать на нас на всех до последнего! — воскликнул Мигер, и остальные утвердительно взревели, поддержав его.

— Хорошо. Мы совместно обдумаем, что следует сделать и как к этому подойти. А еще я прошу вас торжественно поклясться, что ничего из услышанного здесь вы не вынесете за порог этой

комнаты.

— Даю вам слово и наше ручательство, — ответил Мигер за всех, и аудитория нестройным хором присоединилась к нему. — С прискорбием вынужден сообщить, что в ряды фениев затесались доносчики — и здесь, и за рубежом. Перед вашим приходом, Гус, мы как раз подумывали о новых путях организации нашего движения сопротивления, хотели составить план, как отплатить всем, кто готов запродать родину за британское золото. Думаю, вы можете направить нас на путь истинный в наших исканиях.

— Определенно. Полагаю, мы с вами обсудим детали сразу после вашего собрания.

Потом последовало немало пылких речей, к пуншевой чаше был совершен не один поход. Когда же пунш кончился и офицеры собрались уходить, военврач Рейнольдс призвал собрание к тишине.

— Я написал стихотворение в честь матушки-Ирландии и собирался посвятить его движению фениев. Но вместо этого посвящаю его нашему новому командиру и нашему новому товарищу Энди О'Хиггинсу.

В наступившей тишине он извлек из кармана лист бумаги, развернул его и зачитал:

О, Эрина сыны, не прячьте в ножны меч,

Когда союз окрепнет и сплотится

И мир благой повсюду воцарится,

Вам надлежит союз и мир беречь.

На эти слова отозвались криками, угрюмо кивая в знак одобрения. Пусть война с Югом окончена. Но для этих самоотверженных офицеров война с Британией не окончится до тех пор, пока Ирландия не станет суверенной и независимой. Наконец все разошлись, и Мигер, Фокс и О'Хиггинс остались одни. Как только все ушли, Мигер запер дверь.

— На мой вкус, этот пунш чересчур сладок, — заметил он. — Надо чуток тяпнуть чего-нибудь более стоящего. — Он отпер буфет и извлек оттуда каменный кувшин. — Ирландское. Я не могу открыть, каким образом оно попало в мои руки, но клянусь честью офицера и джентльмена, а ныне еще и генерала, что этот напиток самый что ни на есть настоящий.

Наполнив две жестяные кружки, он подвинул их Фоксу и О'Хиггинсу, осторожно понюхавшим почти неразбавленный спирт.

— _Slainte!_[43] — Мигер отработанным жестом поставил кувшин в сгиб локтя и надолго припал к нему. Наконец оторвавшись, он испустил блаженный вздох. — Дивное питье!

Двое других его мнения, похоже, не разделяли. Выпив, О'Хиггинс вытаращил глаза и осторожно поставил кружку на стол. Фокс закашлялся и не мог остановиться, пока Мигер не хлопнул его между лопаток.

— К нему надо малость попривыкнуть, — заметил он. — Ну, Гус, чем наш фенийский кружок может вам помочь?

— Сведениями, как я уже сказал. Это плоть и кровь военной разведки. Насколько я понимаю, многие ирландцы работают в Англии и Шотландии?

— Се печальная истина, — покивал Мигер. — Край наш беден, и правители разоряют его еще больше. Ирландцы всегда пересекали воды, дабы заработать на хлеб, — и отправляли деньги своим семьям, вынужденным оставаться дома. В сороковых, когда пришел голод, было еще хуже. О, мучительная голодная смерть унесла тысячи! У кого были средства — те уехали за рубеж. Мно-

---

[43] Примечания: 43
Ваше здоровье *(ирл.)*.

гие двинулись сюда, в страну свободы, но еще больше прибыло в Англию да там и осталось. Среди чернорабочих ирландцы попадаются на каждом шагу. Поначалу они перерыли Англию каналами вдоль и поперек, а ныне трудятся на железных дорогах, на строительствах и верфях — словом, повсюду, где человек может заработать несколько монет в поте лица своего.

— И они по-прежнему поддерживают связь со своими семьями? — поинтересовался О'Хиггинс.

— Боюсь, после того, как мой дед отправился в Южную Америку, мы утратили связь с Ирландией.

— Вы пересекли грандиозную водную гладь, так что это вполне можно понять. Но ирландцы в Англии и Шотландии — да, они поддерживают связь с родиной. Когда молодые парни пересекают воды в поисках счастья, их ждет теплый прием со стороны тех, кто уже обосновался там.

— Значит, кто-то постоянно прибывает и убывает? — уточнил Фокс.

— Воистину так.

— Тогда мы должны воспользоваться этими отношениями к своей выгоде. Мы должны завербовать людей в Ирландии на службу делу фениев. Но не наобум и не на открытых политических

митингах. В прошлом подобный подход уже привел к провалам. В будущем всю работу следует строить на основе сугубо личных контактов. Если кто-нибудь из ваших офицеров рискнет отправиться в Ирландию, мы смеем довериться только членам его семьи. Они, в свою очередь, свяжутся с членами семьи, работающими в Англии. Если потребуется, средства на путешествие будут предоставлены. Таким образом мы сможем разузнать о кораблестроении...

— А также о всех передвижениях войск и транспорта, — с энтузиазмом подхватил Мигер. — Ибо даже у смиренного чернорабочего есть глаза и разум, и он видит, что творится вокруг. Вы выдвинули грандиозный план, Гус Фокс, и все мы до последнего на вашей стороне. Мы будем вашими глазами и ушами, и я жду не дождусь возможности послужить этим Америке, нашей новой родине.

Когда они вышли и уже Мигер запирал дверь, Фокс как бы между прочим поинтересовался:

— А что это за офицер с седыми волосами и шрамом на правой щеке?

— А, вы о лейтенанте Рили! Добрый вояка.

— Отлично. Вас не затруднит привести его ко мне завтра утром?

— Несомненно. Обязательно.

Он хотел спросить у Фокса, с чего это вдруг ему понадобился Рили, но военный моряк уже повернулся и зашагал прочь. Ну и ладно. Завтра утром все и выяснится.

Ньюпорт-Ньюс, штат Виргиния

Заглянув в циклопических размеров сухой док, Джон Эрикссон одобрительно закивал. Массивные ворота шлюза были закрыты, отрезав док от гавани, и насосы уже откачивали остатки воды. Бригада негров по колено в жидкой грязи под руководством

белого бригадира устанавливала массивные бревна, подпирая ими киль нового броненосца «Виргиния» на время постройки. Название пришлось Эрикссону не по душе. Но ни военное министерство, ни флот не поддержали его куда более остроумные предложения наподобие «Ас»[44] или «Разрушитель». Власти настаивали, что новый крейсер надо назвать в честь штата, в котором он строится.

---

[44] Примечания: 44

Асы — в скандинавской мифологии основная группа богов, возглавляемая Одином. Иногда — обозначение богов вообще.

— *Allt gar I alia fall mycket, mycket bra,*[45] — пробормотал инженер под нос по-шведски, поскольку, не считая истории с названием корабля, был доволен тем, что исхитрился провернуть такую уйму дел за столь короткий срок. Да, эта верфь воистину весьма и весьма хороша. Впрочем, иначе и быть не могло, ведь он проектировал ее самолично. Он никогда не сомневался, что он гений, а теперь это начал понимать и весь мир. Разве не он изобрел первый гребной винт, теперь повсюду вытесняющий неуклюжие колеса? А затем разве не он сконструировал и построил «Монитор» за сто дней? И тут же перешел к постройке «Мстителя», разгромившего британцев, когда те напали на Вашингтон. А теперь построит даже более могущественную «Виргинию», названную просто-напросто в честь штата, где она строится. Он возражал, что так же назывался броненосец конфедератов, еще не списанный с флота. Это наводит на тревожное предположение, что северяне никогда не признают такое название, данное конфедератскими властями. В военно-морском реестре судно по-прежнему числится как «Мерримак» — затопленный корпус феде-

[45] Примечания: 45
В общем, все идет весьма и весьма недурно *(шведск.).*

рального корабля, который южане переделали в броненосец. В ответ власти сняли с судна слабосильную машину и списали его — и на Севере, и на Юге. И все равно, «Виргиния» — чересчур ходульное название для корабля, которому суждено неузнаваемо преобразить искусство морского боя. Эрикссон твердо пообещал себе, что будет биться за название следующего корабля, пусть будет «Асом» — боевым кораблем богов.

— Мистер Эрикссон, — окликнули его сзади. Оглянувшись, он увидел, что по лестнице взбирается Гаррет Дэвис. Управляющий верфи утирал потное лицо большим платком, хотя воздух был еще напоен утренней прохладой. — Мы получили ответ из «Сталелитейных мастерских Тредегар». Они начинают отгрузку проката сегодня.

— Уж пусть постараются, а не то... — зловещим тоном буркнул Эрикссон, не уточняя, что произойдет в противном случае. — Очень скоро мы сможем обходиться и без них.

Оглядевшись, он едва не расплылся в довольной улыбке. Пришлось выдержать целую череду баталий с министерством военного флота, но в конце концов он своего добился. Они сетовали на цену, но в конце концов уступили. Теперь он окончательно завершил постройку верфи, каж-

дый цех которой спроектировал лично. От этого огромного сухого дока с каменными стенами до литейных, прокатных и механических цехов, паровых молотов, сверлильных станков и паровых машин. Словом, все оборудование, необходимое для работы с огромной массой железа, нужного для постройки этого нового левиафана.

Само собой разумеется, радикально новой конструкции. Вдвое больше «Мстителя», с двумя башнями, в каждой по два 12-дюймовых орудия, — одна на носу, одна на корме. Броня опоясывает судно вдоль ватерлинии, бронированные палубы прикрывают машины, котлы и артиллерийские склады. Основания башен тоже окружены броней. А кроме двух главных батарей еще ряд орудий помельче вдоль обоих бортов. Этот океанский корабль сможет ходить дозором по морям всей планеты, не боясь никаких военных кораблей. Особенно британских. В сейфе Эрикссона лежало донесение, присланное министерством военного флота. И хотя он даже не догадывался, каким образом эти сведения добыты, но не подвергал их достоверность сомнению. В донесении приводились подробности касательно строительства трех новых британских броненосцев. Все то же самое, сплошные компромиссы, все основано

на модифицированной конструкции «Воителя». Они и в подметки не годятся его «Виргинии», тут он не сомневался. Он также получил сведения о корабле, уже спущенном на воду, — судне Королевского флота «Завоеватель». Этот будет получше прочих, но все едино недостаточно хорош. Стоит ему схлестнуться с «Виргинией», и исход поединка предрешен.

— Это еще не все, — подал голос Дэвис. — В конторе двое джентльменов. Они хотят вас видеть.

— Я чересчур занят.

— Они из правительства, сэр. Говорят, это важно.

Недовольно ворча, что ему мешают работать, Эрикссон спустился в контору. Одного из пришедших он признал, да и как не признать, когда знакомы даже чересчур хорошо. Литвак его фамилия, представитель казначейства. Через него Эрикссон и получал фонды на свои работы. Каждая их встреча превращалась в настоящее сражение из-за денег.

— Мистер Эрикссон, — начал Литвак, выступая вперед, — это мистер Фредерик Дуглас из Фридменовского бюро.

Эрикссон небрежно кивнул высокому негру — человеку впечатляющей наружности, с длинной

бородой и высокой копной волос. Обменялся с ним кратким рукопожатием, поскольку не питал расовых предрассудков; если он и испытывал ненависть к кому-то или чему-то, то лишь к глупости людей, с которыми ему приходилось иметь дело. И снова обернулся к Литваку.

— Что на сей раз? Снова насчет финансирования?

— Нет, на сей раз нет. Это у мистера Дугласа из Фридменовского бюро есть к вам вопросы.

— Я ничего не знаю об этом бюро. Я инженер...

— Тогда самое время узнать, — раздраженно рыкнул Дуглас. Эрикссон сердито развернулся к нему, но Дуглас заговорил первым.

— Фридменовское бюро основано для надзора за тем, чтобы законы, принятые Конгрессом, выполнялись. Одно дело освободить рабов, и совсем другое — позаботиться, чтобы они получили после освобождения полноценную работу. Сколько именно негров занято в вашей программе ремесленного обучения?

— О чем таком этот человек толкует?! — возмущенно крикнул Эрикссон. — Меня работа ждет! Я не разбираюсь в политике, мне нет до нее дела.

— Уверяю вас, здесь не тот случай. — Дуглас возвысил голос еще больше, заглушив разъярен-

ного шведа. — Одна война закончилась — война между штатами. Но новая война только-только начинается. По закону рабов следовало освободить. Это сделано. Рабовладельцы получили компенсацию за то, что столь недостойно считали собственностью. Но это лишь первый шаг на пути к свободе. Если бывшие рабы смогут трудиться только на хлопковых плантациях, как в прошлом, они не получат экономической свободы, гарантированной им как свободным людям. Они нуждаются в образовании, в обучении ремеслам, до которых их не допускали так долго. Юг ныне претерпевает индустриальную революцию. Сейчас на Юге строят механические мастерские, заводы и верфи, а также паровозные депо. Югу они сулят процветание, а своим работникам — независимость. Негр, еженедельно приносящий домой жалованье, не зависит от других людей. Это правильно, это справедливо. Освобожденные негры должны принять участие в этом процессе. Таков закон! Федеральное правительство вложило средства, необходимые для постройки этой новой верфи. Она здесь не только для того, чтобы строить военные корабли, но и для воплощения новой политики промышленного развития Юга. Опытные машинисты и сборщики прибыли сюда

с верфей Севера, чтобы передать свое искусство подмастерьям. Известно ли вам, сколько этих подмастерьев занято в вашей программе?

Раздосадованный до крайности Эрикссон вскинул руки над головой:

— Да говорю же, ко мне это не имеет никакого отношения! Я инженер, мое дело строить машины. Я ни разу не слыхал об этих новых законах, и мне нет до них ни малейшего дела. — Он обернулся к управляющему: — Дэвис, вам что-нибудь известно об этом?

— Да, сэр. Цифры у меня с собой. — Он вытащил из кармана замусоленный листочек. — Покамест к этой программе присоединилось только сорок три человека. Но когда вербовка закончится, будет в общей сложности сто восемьдесят человек.

— А сколько из них будут неграми? — прогрохотал вопрос во внезапно наступившей тишине. Дэвис утер залитое потом лицо и беспомощно огляделся. — Говорите! — настаивал Дуглас.

Управляющий верфи снова поглядел на листочек, потом смял его в потной ладони. И наконец чуть ли не шепотом вымолвил:

— Полагаю... в настоящее время ни одного. Хотя чернорабочие...

— Так я и думал! — громом раскатились по

конторе слова Дугласа. — Когда эта верфь согласилась принять федеральные средства, она заодно согласилась, что четверть всех подмастерьев будет негритянской расы. Это означает, что вы должны тотчас же принять подмастерьями сорок пять негров. — Вынув из внутреннего кармана сюртука пухлый конверт, он передал его злополучному управляющему. — Перед приходом сюда я принял меры, заглянув в местное представительство Фридменовского бюро. Его адрес на конверте. Внутри список пригодных и даровитых людей, имеющихся в наличии и горящих желанием получить работу. Проведите с ними собеседование. У вас неделя, чтобы предоставить список этих сорока пяти человек присутствующему здесь мистеру Литваку. Если к тому времени список не будет лежать у него на столе, всякое финансирование верфи будет при

остановлено до той поры, пока нужные сведения не будут предоставлены.

— Он может так поступить?! — рявкнул Эриксон на трепещущего Дэвиса.

— Д-да...

— Тогда не вижу проблем. Приступайте сию секунду. Моя программа строительства не должна останавливаться ни на миг.

— Но, мистер Эрикссон, проблемы... есть.

— Проблемы?! Мне не нужны никакие проблемы. Наймите этих людей, как было уговорено.

— Но, сэр, есть ведь и другие подмастерья. Они отказываются работать бок о бок с черномазыми.

— Это не проблема, — отрезал Эрикссон. — Пусть тогда все подмастерья будут чернокожими. Слесаря с Севера наверняка с радостью научат их всему, что умеют сами.

— Я посмотрю... что смогу сделать.

— Неделя, — угрожающим тоном повторил Дуглас. Затем его суровые черты озарились мимолетной улыбкой. — Мне нравится ваш стиль, мистер Эрикссон. Вы необычайно здравомыслящий человек.

— Прежде всего я кораблестроитель, мистер Дуглас. Я никогда не понимал, с какой стати американцы придают цвету кожи такое значение. Если рабочий делает свое дело, мне наплевать, даже если он... — Он замялся, подыскивая уместное сравнение. — Даже если он норвежец — я все равно приму его на работу. — Тут его прервал рев паровозного гудка. — О-о, прошу простить!

Он развернулся и стремительно вышел, поспешив навстречу пыхтящему локомотиву. В

свое время он настоял, чтобы от линии Чесапик — Огайо сделали ответвление, доходящее прямо до верфи. Оно уже доказало свою полезность — стальной лист подвозят прямо к воротам дока.

Но на сей раз прибыл не обычный груз проката. Поезд состоял из единственного пассажирского вагона, прицепленного к паровозу, и замыкавшей цепочку тяжело груженной платформы. Когда Эрикссон подошел, оттуда спустился коренастый человек в сюртуке и высоченном черном цилиндре.

— Вы, случаем, не мистер Эрикссон? — осведомился он, протягивая руку. — Моя фамилия Пэррот, Уильям Паркер Пэр-рот.

— Оружейник! Чрезвычайно рад. Я и сам конструировал оружие, так что знаю, о чем толкую. А это 12-дюймовое орудие, о котором вы писали?

— Верно.

— Какое красивое, — Эрикссон отошел подальше, чтобы полюбоваться громадиной длинного вороненого орудия, ибо эта затаившаяся черная машина смерти радовала взор совершенством пропорций. — Где этот ваш затвор, вот его я должен осмотреть сию же минуту.

Оба вскарабкались на платформу, перепачкавшись сажей и даже не заметив этого.

— Газовый затвор, — пояснил Пэррот, — сердце орудия, заряжающегося с казенной части. Я тщательно изучил британскую пушку Армстронга, даже изготовил одну сам. Затвор у нее сложный, а когда начинается стрельба, он вскоре становится непригодным для исполнения своей функции. Отодвигающаяся стальная плита фиксируется на месте большими запорными болтами. Но она запирает камору не до конца. После нескольких выстрелов нагретый металл расширяется, начинается утечка пороховых газов, что просто-таки угрожает жизни орудийного расчета, ежели камору разорвет, — что случалось отнюдь не единожды. Но я, полагаю, нашел решение этой проблемы.

— Вы должны рассказать, нет, показать мне!

— Всенепременно. Принцип прост. Вообразите, пожалуйста, массивную нарезную камору, в которую ввинчивают нарезной затвор.

— Тогда выход газов полностью перекрыт. Но это ж дьявольский труд, да вдобавок долгий, выворачивать и заворачивать болт после каждого выстрела!

— Разумеется. Так позвольте же мне показать...

Подойдя к казеннику пушки, Пэррот изо всех сил налег на длинный рычаг. Он и дотянулся-то

до рычага с трудом, а уж потянуть его к низу так и не смог. Более рослый швед, несмотря на преклонный возраст сохранивший невероятную силу, протянул руку над головой у коротышки-оружейника и опустил рычаг могучим рывком. Затворный механизм провернулся — и откинулся на большой шарнирной петле. Эрикссон провел кончиками пальцев по резьбе на затворе и в каморе.

— Это разорванная сцепка, — гордо провозгласил Пэррот. — Идея проста, но добиться правильной машинной обработки было очень трудно. Как видите, после того как резьба в каморе и на затворе нарезана, и там, и там делаются продольные проточки. Теперь затвор можно просто вдвинуть на место. А с поворотом он фиксируется. Идеально запирая газ благодаря резьбе. После выстрела процесс повторяется в обратном порядке.

— Вы и вправду гений, — промолвил Эрикссон, поглаживая кончиками пальцев крупную резьбу. Пожалуй, он впервые в жизни похвалил коллегу.

— Если вы будете любезны показать мне корабль, на котором оно будет установлено...

— Трудновато, — Эрикссон с улыбкой постучал себя пальцем по лбу. — Изрядная его часть вот

тут, внутри. Но я могу показать вам свои чертежи. Прошу ко мне в кабинет.

Проектируя свое рабочее место, Эрикссон не скупился на правительственные деньги — уж больно много ему пришлось проработать на своем веку в продуваемых всеми сквозняками комнатах, порой скудно освещенных лишь чадящими лампами. Теперь на его элегантную чертежную доску с бордюром из красного дерева свет лился через широкие окна, в том числе и потолочные. На стеллаже у стены стояли модели построенных им разнообразных кораблей и прочих изобретений. А к доске был прикреплен чертеж «Виргинии». Эрикссон горделиво постучал по нему пальцем.

— Башня будет здесь, на носу, а на корме вторая. И в каждой по два ваших орудия.

Пэррот ловил каждое слово шведского инженера, гордо демонстрировавшего новшества своей последней конструкции. Но помимо воли оружейник то и дело обращал взгляд к массивному металлическому устройству, стоявшему на полу, утыканному трубами и с торчавшим сбоку валом. В конце концов, не в силах больше сдерживать любопытство, он попытался вставить слово, но Эрикссон только-только разошелся.

— Башни будут намного меньше, чем те, что я строил раньше, потому что теперь после выстрела нет нужды откатывать пушку, чтобы зарядить ее через жерло. А будучи меньше, башня будет и легче, сиречь и повернуть ее будет не в пример проще. А еще без нужды катать пушки туда-сюда после каждого выстрела темп стрельбы возрастет. — Рассмеявшись, он хлопнул гостя по спине, отчего тот пошатнулся. — Итого две башни, четыре орудия. А я построю быстроходнейший броненосец в мире, который понесет их в бой. Ни одному кораблю на свете не выстоять против него!

Он отступил на шаг, с улыбкой разглядывая чертеж, и Пэр-роту наконец выпал шанс вклиниться с репликой.

— Великолепно, просто великолепно. Как только вернусь, приступлю к изготовлению остальных трех без малейшего промедления. Но, простите за любопытство, не могли бы вы сказать мне, что это за машина? — похлопал он по вороненой поверхности, и Эрикссон обернулся.

— Этот прототип все еще дорабатывается. — Он снова указал на чертеж стального судна. — Новый корабль будет огромный, а с размером приходят и проблемы. Вот, поглядите.

Взяв модель «Монитора» в разрезе, он указал

на паровой котел.

— Единственный источник пара вот здесь, этого более чем достаточно для корабля такого размера. Башня, как видите, почти прямо над котлом. Так что было достаточно просто протянуть паропровод к небольшой машине, вращающей башню. А теперь поглядите-ка на чертеж «Виргинии». Ее машина стоит на самой нижней палубе, а башни намного выше и дальше, одна впереди, другая сзади. Отсюда следует, что мне понадобились бы теплоизолированные паропроводы, тянущиеся через весь корабль. Но даже изолированные, они будут очень горячие. А еще есть опасность, что труба разорвется — либо сама по себе, либо от вражеского огня. В перегретый пар лучше не соваться. Мне что, ставить отдельный котел под каждой башней? Не очень-то практично. Всерьез поразмыслив на эту тему, я в конце концов решил пойти таким путем.

— А об электрических моторах вы не думали?

— Думал. Но достаточно больших, чтобы повернуть башню, не существует. Да и генераторы велики, нескладны и неэффективны. Так что мне пришел в голову механический ответ. — Он оглянулся на коллегу. — Вы слыхали о цикле Карно?

— Конечно. Это приложение второго закона

термодинамики.

— Совершенно верно. Идеальный цикл из четырех обратимых изменений в физическом состоянии вещества. Паровой двигатель работает по циклу Карно, но поскольку источник энергии находится вовне, то и цикл не идеальный. В своем двигателе Карно я пытаюсь добиться полного цикла в одной машине. Поначалу я применял в качестве топлива угольную пыль, подаваемую в цилиндр достаточно быстро, чтобы происходило изотермическое расширение, когда она загорается.

— И каков же результат? — с энтузиазмом поинтересовался Пэррот.

— Увы, в лучшем случае сомнительный. Трудно было поддерживать достаточно высокую температуру цилиндра, чтобы шло самовозгорание. Опять же характер самого топлива. Ежели не измолоть его в тончайший порошок, а процесс сей как минимум утомительный и дорогостоящий, оно слипается в комья и забивает трубки. Дабы обойти эту проблему, я сейчас работаю с керосином и прочими легковоспламеняющимися жидкостями, что сулит более успешный результат.

— Замечательно! Значит, под каждой башней у

вас будет отдельный двигатель. Вы не могли бы сообщать мне, как продвигается дело?

— Разумеется.

Пэррот думал о патенте на самоходную сухопутную батарею, висящем на стене его кабинета уже много лет. Весьма практичная идея. Недоставало только достаточно компактного двигателя, способного привести ее в движение.

Не сгодится ли на эту роль машина Эрикссона?

* * *

Когда двое ирландских офицеров вошли в кабинет, Густав Фокс, сидя за столом, подписывал какие-то бумаги. Он жестом пригласил пришедших сесть в приготовленные кресла, покончил с бумагами и отложил перо в сторону.

— Генерал Мигер, вы позволите задать лейтенанту Рили пару вопросов?

— Спрашивайте, ваша честь.

— Спасибо. Лейтенант, я заметил шрам у вас на правой щеке.

— Сэр? — встревожившийся Рили хотел было потрогать шрам, но тут же одернул себя.

— Не мог ли этот шрам быть некогда... буквой «Д»?

— Да, сэр, но... — запинаясь, пролепетал Рили, а

его бледное лицо налилось пунцовым румянцем.

— Вы из числа San Patricio?

Жалкий Рили медленно кивнул, совсем съежившись в кресле.

— Мистер Фокс, — встрепенулся Мигер. — Вы не могли бы мне растолковать, о чем речь?

— Непременно. Это случилось в не столь отдаленном прошлом, когда наша страна воевала с Мексикой. Сорок лет назад. Ирландские солдаты были в американской армии даже тогда. Добрые, преданные воины. Не считая тех, кто дезертировал и вступил в мексиканскую армию, чтобы биться на стороне мексиканцев.

— Как?! — вскричал Мигер, вскакивая и сжимая кулаки.

— Я не дезертировал, генерал, честное слово. Позвольте мне объяснить...

— Да уж будьте любезны, и побыстрей, парниша!

— Это была рота святого Патрика, вот нас и прозвали San Patricio по-испански. Изрядную часть роты составляли дезертиры из американской армии. Но я не дезертировал, сэр! Я только-только приехал из Ирландии и прибыл в Техас с караваном переселенцев. Я вовсе не служил в американской армии, а в мексиканскую

поступил из-за денег и прочего. Затем, когда мы попали в плен, генерал Уинфилд Скотт хотел всех перевешать. Некоторых и повесили, а остальные отделались поркой и тавром «Д» на щеке — то бишь «дезертир». Я клялся, что никогда не служил в армии, и они не смогли отыскать в архивах вообще никаких записей обо мне. Мне поверили, поэтому я отделался легко, без причитающихся пятидесяти ударов кнутом. Но сказали, что я все равно воевал против этой страны, поэтому меня заклеймили и отпустили. Я разъярял клеймо, разодрал струп и все такое, так что буква теперь не видна, — подняв голову, Рили выпрямился, не вставая из кресла. — Вот и все, генерал Мигер. Присягаю на Святой Библии. Я был простым парнишкой из Керри, только-только сошедшим с корабля на берег, и совершил ошибку. С тех пор не прошло и дня, чтобы я не раскаивался в содеянном. Я вступил в эту армию и бился за эту страну. И только об этом и мечтал всю жизнь.

Мигер задумчиво наморщил лоб, а Фокс прервал воцарившееся молчание:

— Ваше мнение, генерал? Вы ему верите? Предоставляю решение вам.

Мигер кивнул. Лейтенант Рили, бледный как смерть, вытянулся в струнку. Наконец, несколько

бесконечных секунд спустя, Мигер заговорил:

— Я верю ему, мистер Фокс. Он добрый солдат, у него отличный послужной список, и, по-моему, он с лихвой отплатил за то, что совершил в давнем прошлом. Я оставлю его, если вы не против.

— Конечно. Полагаю, теперь, когда прошлое открылось, лейтенант будет сражаться еще лучше. Быть может, он наконец-то сумеет избавиться от горьких воспоминаний.

* * *

Проехав мимо Уайтхолла, кеб свернул на Даунинг-стрит и остановился перед домом номер 10. Возница спустился с козел и распахнул дверцу. Ему пришлось поддержать выбравшегося из кеба изможденного офицера с явными симптомами перенесенной лихорадки — ввалившимися глазами и изжелта-бледным

лицом. Отправляя его домой в отпуск по болезни, ему вверили последние рапорты. И хотя путешествие верхом на муле до Веракруса едва не прикончило его, теперь он уже понемногу оправлялся. Дрожа и щурясь на негреющем блеклом весеннем солнце, он сунул пачку бумаг под мышку и поспешил войти в дом, как только дверь открылась.

— Это майор Чалмерс, — сообщил лорд Пальмерстон, когда офицера ввели в зал заседаний кабинета министров. — Кресло для него, будьте любезны. А-а, да, рапорты, я возьму их, если позволите. Джентльмены, несмотря на свое явное нездоровье, майор был достаточно великодушен, чтобы предстать сегодня перед нами и лично рапортовать о продвижении строительства дороги. Правильно я говорю, сэр?

— Так точно. Должен со всей откровенностью признаться, что на первых порах дело продвигалось туго, поскольку вначале у нас было слишком мало индийских полков. Первые изыскания я проводил лично. Самой тяжелой частью строительства были прибрежные болота. В конце концов нам пришлось проложить дорогу по дамбе на голландский манер, с дренажными трубами под ней, чтобы воды прилива могли сливаться обратно в море...

Глухо, мокротно закашлявшись, Чалмерс вынул из-за обшлага платок, чтобы утереть лицо. Лорд Рассел, видя его явное недомогание, налил воды и принес стакан офицеру. Вяло улыбнувшись, майор кивнул в знак благодарности и продолжал:

— После болот мы снова углубились в джунгли.

Вдобавок вдоль перешейка Теуантепек, который надлежит пересечь, проходит гряда невысоких холмов. Там никаких серьезных трудностей, хотя и придется построить несколько мостов. Леса там не занимать, так что проблем с этим не предвидится. Затем, как только мы перевалим через холмы, перед нами раскинется атлантическая прибрежная равнина, не в пример более пологая.

— Полагаю, у вас имеется график работ, — произнес лорд Пальмерстон.

— Так точно, и я считаю, что мы пойдем с опережением графика. Прибывают все новые и новые полки, и все они с ходу подключаются к работе. Теперь у нас довольно людей, так что на самых тяжелых работах солдаты теперь трудятся посменно. Я могу твердо обещать вам, джентльмены, что когда дорога понадобится вам, она будет готова.

— Браво! — воскликнул лорд Рассел. — Вот это истинно британский дух! Мы все желаем вам скорейшего выздоровления и искренне надеемся, что вы сможете от души насладиться побывкой в Лондоне.

Опасное путешествие

Дон Амбросио О'Хиггинс покинул колесный пароход в сумерках. С борта ему передали небольшой саквояж и длинный промасленный брезентовый сверток. Закинув сверток за спину и взяв саквояж, О'Хиггинс двинулся было вперед — но тут же снова отступил в тень. На берег вышел французский патруль, освещая себе дорогу фонарями. Солдаты продвигались вперед осторожно, держа мушкеты наготове и поглядывая во все стороны, слишком уж хорошо им было известно, что в этой треклятой Мексике против них настроены все поголовно. Присев на корточки за бочками, О'Хиггинс не выходил, пока патруль не прошел, и лишь после этого пересек пустынный порт и нырнул под защиту уже знакомых улочек Веракруса. Город патрулировало еще немало французских солдат, но они не совались в эти темные, опасные закоулки. Слишком уж много патрулей попало в засады, слишком много солдат не вернулось, а их оружие теперь обратилось против самих захватчиков. О'Хиггинс осторожно огляделся, ибо эти мрачные переулки опасны не только для французов. И, не удержавшись, испустил негромкий вздох облегчения, наконец

добравшись до трактира, в этот поздний час запертого и безмолвного. На ощупь пробравшись к заднему крыльцу, О'Хиггинс тихонько постучал. Потом погромче, пока изнутри брюзгливо не отозвались:

— Ступайте прочь, у нас закрыто!

— Холодно же ты встречаешь старого друга, Паблосито. Я ранен в самое сердце.

— Дон Амбросио! Неужто вы?!

Лязгнул отодвигаемый засов. Комнату озаряла единственная свеча; Пабло снова запер дверь, после чего сходил за бутылкой особого мескаля из города Текила. Провозгласив тост, они выпили.

— Не было ли интересных новостей из Салина-Крус со времени моего отъезда? — осведомился О'Хиггинс.

— Все то же самое. Просачиваются вести, что английские войска прибывают по-прежнему. Строительство дороги идет медленно — но все-таки продвигается вперед. Когда этих захватчиков — дай-то бог! — вышвырнут, нам после них хотя бы останется дорога. Все остальное они разворовали. Но дорогу им не утащить! — Пабло легонько пнул брезентовый сверток. — Очередное задание?

О'Хиггинс утвердительно склонил голову.

— Как и ты, я сражаюсь за свободу Мексики. И, как и ты, я не распространяюсь о том, что делаю.

Пабло понимающе покивал и осушил стакан.

— До прихода французов мексиканцы завсегда были готовы сразиться с мексиканцами. Когда французов погонят прочь, они наверняка снова будут биться друг с другом. Кое-кто, оставшись не у дел, лишь выжидает своего часа, когда французы уйдут.

— С прискорбием признаю, что бурное прошлое Мексики мне почти неведомо.

— Подходящее слово. До прихода конкистадоров различные индейские племена воевали между собой. Потом воевали с испанцами. Потерпев поражение, они были обращены в рабство. Должен вам сказать, что я хожу к мессе и весьма набожен. Но Мексика не освободится, пока власть церкви не будет сломлена.

— Она настолько сильна?

— Да. По-моему, у нас более шести тысяч священников и больше восьми тысяч членов религиозных орденов. Все они недосягаемы для закона благодаря fuero — своим собственным синедрионам, — если это так называется. Они владеют обширнейшими землями, где братия купается в роскоши, в то время как бедняки

голодают. Епископы Пуэблы, Вальядолида и Гвадалахары — миллионеры.

— Неужели ничего нельзя поделать?

— Делается помаленьку. В 1814 году мы провели избирательную реформу, где голосовать могли все, выбрали конгресс, все было замечательно. Потом пришли французы. Впрочем, довольно о прошлом. Теперь мы должны сражаться. По крайней мере, мы оба на стороне либералов и правительства Бенито Хуареса. Я слыхал, он бежал на север, когда французы перешли в наступление.

— Насколько я понимаю, сейчас он в Техасе, только и ждет, когда будет можно вернуться, — кивнул О'Хиггинс.

— Да придет сей день поскорей! Не послать ли за Мигелем?

— Утром. Как там ослы?

— Жирели на его пастбищах, когда я по пути заглядывал к нему в гости. Я даже прокатился на вашей Росинанте пару раз. Она бьет копытами от желания тронуться в путь.

— Спасибо. А ослы быстро порастрясут жирок, не бойся.

Они засиделись, беседуя, пока свеча не догорела, а бутылка не опустела. Встав, Пабло широко

зевнул.

— Будете спать в доме? Я велю постелить вам.

— Спасибо, но вынужден отказаться. Обойдусь своим одеялом в клети. Чем меньше людей будет знать, что я здесь, тем лучше.

Мигель явился на рассвете. Утром они собрали скудные припасы, в полдень вместе с Пабло поели фасоли и тортильи и вскоре тронулись в путь. Французы охотно переняли мексиканский обычай сиесты, так что в жаркие часы улицы пустели. О'Хиггинс направился через город к тропам, петляющим по джунглям на восток.

— Мы возвращаемся в Салина-Крус? — спросил Мигель.

— Не в этот раз. По тропе дойдем только до Сан-Лукас-Охитлана. Затем свернем на юг, в горы Оахака. Тебе известны эти тропы?

Мигель кивнул, после чего горестно тряхнул головой.

— Знать-то знаю, да только там опасно, если только вы не дружите с Порфирио Диасом. В горах правят он да его последователи.

— Я ни разу не встречался с этим добрым генералом, но не сомневаюсь, что он будет рад встрече со мной. Как нам его отыскать?

— Это не проблема. Он сам нас найдет, — с

угрюмой обреченностью проронил Мигель.

Они продолжали путь под палящими лучами послеполуденного солнца, задержавшись лишь затем, чтобы напоить животных. Французские войска им на сей раз не встречались. Ближе к вечеру ветер пригнал с моря тучи, стало немного прохладнее. Заморосил дождик, но путники не обратили на него никакого внимания.

У подножия гор Оахака плоская как стол прибрежная равнина Теуантепека внезапно окончилась. По мере восхождения в горы деревни встречались все реже и реже, поскольку отыскать среди скал местечко, пригодное для земледелия, становилось все сложнее. Да и полвека революций, сменявших одна другую, тоже оставили свой след. Путники миновали безымянную деревню, от которой осталось лишь пепелище да обугленная земля. Тропа вела все выше, неспешно петляя среди деревьев. На этой высоте стало прохладнее, равнинные кусты уступили место исполинским соснам. Стук копыт животных заглушала хвоя, устилавшая землю толстым ковром, и тишину нарушал лишь посвист ветра среди ветвей высоко над головой. Наконец, выйдя на поляну, они обнаружили, что дальнейший путь им преграждает вооруженный всадник.

О’Хиггинс осадил лошадь и хотел было схватиться за винтовку, но тут же одумался. Это не случайная встреча. За ними наверняка следили, взяли в кольцо и отрезали путь назад. Всадник не притронулся к винтовке, висевшей у него за плечами, но трепет листвы по обе стороны от тропы недвусмысленно говорил, что он здесь не одинок. Черные глаза этого обладателя бесстрастного индейского лица холодно взирали на О’Хиггинса из-под широких полей сомбреро. Едва завидев незнакомца, Мигель остановил ослов. О’Хиггинс медленно спешился, старательно избегая даже подносить руки к оружию. Передал поводья Мигелю и неспешно зашагал к всаднику.

— Ближе не подходи, — распорядился тот. — Нечасто мы видим незнакомцев в этих горах. Что тебе надо?

— Меня зовут Амбросио О’Хиггинс, я прибыл сюда по делу. Я хочу видеть Порфирио Диаса.

— Что тебе надо? — повторяя это, всадник сделал короткий жест ладонью, и из подлеска по обе стороны тропы появилась группа людей, поголовно вооруженных винтовками. О’Хиггинс даже не поглядел на них, обращаясь только к всаднику.

— Я могу открыться только Диасу, и уверяю вас, это дело величайшей важности. Могу лишь

сказать, что он сочтет его крайне насущным, когда узнает, зачем я искал встречи с ним. Он наверняка пожелает побеседовать со мной, когда поймет, почему я пришел в его горы.

— С какой стати мы должны верить тебе? Не проще ли расстрелять вас обоих на месте?

Мигель так затрясся от ужаса, что вынужден был ухватиться за седло, чтобы не упасть. Однако О'Хигинс не выказал даже тени эмоций; взгляд его был так же холоден, как взгляд собеседника.

— Если вы просто бандиты, я ничем не смогу вам помешать. Но если вы воины и хуаристы, то отведете меня к своему предводителю. Я сражаюсь за свободу Мексики — как и вы.

— Откуда вы прибыли?

— Мы сегодня вышли из Веракруса.

— А до того?

— Я с радостью поведаю это Порфирио Диасу.

— С какой стати я должен верить твоим словам?

— Тут уж вам придется рискнуть. Да и подумайте сами, какая еще причина могла заставить меня отправиться в ваши горы? Если бы у меня не было законных оснований для разговора с Диасом, это было бы сущим самоубийством.

Пораскинув умом над всем сказанным, всад-

ник принял решение. Снова махнул рукой, и его приспешники опустили винтовки. Мигель тут же исторг вздох облегчения, перекрестившись дрожащей рукой. О'Хиггинс снова вскочил в седло и проехал вперед, поравнявшись с собеседником.

— Что слыхать о войне? — спросил гверильеро.

— Скверные дела. Французы одерживают победы повсюду. Хуареса разбили, но он сумел бежать в Техас. Французы держат все города. Последним пал Монтеррей. Но сама Мексика не побеждена — и никогда не будет побеждена. Воины вроде вас удерживают горы, куда французы не осмеливаются даже носа сунуть. Регулес укрепился с вооруженными сторонниками в Мичоакане, Альварес следует его примеру в Гверьеро. И ни в одном из этих мест французы даже не показываются. А есть и другие.

Тропа сузилась, и всадник поехал впереди. Они не торопили лошадей, чтобы пешие спутники поспевали за ними. Тропа петляла между деревьев, порой раздваиваясь, а порой исчезая напрочь. Миновав каменистую осыпь, они снова вошли в сосновый лес; копыта лошадей беззвучно погружались в толстый ковер хвои, источавший пьянящее благоухание. Затем сквозь аромат смолы пробился запах костра. Вскоре они вышли на

поляну, по которой там и тут были разбросаны шалаши из хвороста. А перед самым большим из них сидел на бревне молодой человек в мундире с генеральскими звездами на погонах.

«Как он молод!» — удивился О'Хиггинс, спрыгивая на землю. Двадцать три года — по большей части отданных борьбе за свободу Мексики. Трижды он попадал в плен и трижды бежал. Этот молодой адвокат из Оахаки ступил на трудную стезю и прошел по ней долгий путь.

— Дон Амбросио О'Хиггинс к вашим услугам, генерал.

Холодно кивнув, Диас смерил пришельца взглядом с головы до ног.

— Не очень-то мексиканское имя.

— Это потому, что я не мексиканец. Я из Чили. Мой дед прибыл из Ирландии.

— Слыхал я о вашем деде. Он был великим бойцом за освобождение от гнета Испании. И еще более великим политиком, как и ваш отец. Итак, что же одному из О'Хиггинсов могло понадобиться от меня настолько сильно, что он решился рискнуть жизнью в этих горах?

— Я хочу помочь вам. И надеюсь, что в ответ вы поможете мне.

— И каким же это образом вы рассчитыва-

ете мне помочь? Хотите стать одним из моих guerrilleros?

— Помощь, которую я вам принес, стоит куда большего, чем всего лишь один человек, сражающийся на вашей стороне. Я хочу помочь вам тем, что принес из Америки. — Он начал разворачивать брезент. — Я видел ружья ваших людей — гладкоствольные мушкеты, заряжающиеся со ствола.

— Они убивают французов, — холодно отозвался Диас.

— А с такими ружьями ваши люди смогут убивать их куда лучше. — Он извлек из брезента винтовку и приподнял ее, чтобы продемонстрировать. — Это спенсеровская винтовка. Заряжается с казенной части, вот так.

Взяв металлическую трубку, он сунул ее в отверстие в деревянном ложе и щелкнул рычагом взвода.

— Теперь она заряжена. В этой трубке двадцать патронов. Скорость стрельбы зависит только от того, насколько быстро они поступают в патронник, а стрелок нажимает на спусковой крючок. — Он передал винтовку Диасу, и тот принялся вертеть ее так и эдак.

— Слыхал я о таких. Значит, так вы ее заря-

жаете?

Он дернул за рукоятку, и выброшенный патрон упал на землю.

— Так. Затем, после выстрела, надо снова проделать то же самое. Пустая гильза будет выброшена, а вместо нее будет заряжен новый патрон.

Оглядевшись, Диас указал на высохшее дерево ярдах в десяти от себя и жестом приказал всем отойти подальше. Потом вскинул винтовку и нажал на спусковой крючок; от дерева во все стороны полетели щепки. Он перезаряжал и стрелял, перезаряжал и стрелял, пока магазин не опустел. На дереве остался ощетинившийся щепками круг, над землей облаком стелился пороховой дым. Потом тишину прервал одобрительный рев гверильеро. Еще раз оглядев винтовку, Диас впервые улыбнулся.

— Чудесное оружие. Но мне не выиграть сражение при помощи одной-единственной винтовки.

— В Соединенных Штатах сейчас грузится корабль, который привезет еще тысячу таких, да боеприпасы в придачу. Он отплывает в Мексику со дня на день. — Вынув из свертка тяжелый кожаный кошель, О'Хиггинс передал Диасу и его. — Тут серебряные доллары, которые вы можете потратить на еду и припасы. С кораблем доста-

вят еще.

Аккуратно прислонив винтовку к бревну, Диас взвесил кошель на ладони.

— Соединенные Штаты весьма щедры, дон Амбросио. Но сей мир жесток и беспощаден, и лишь святые проявляют щедрость, не рассчитывая на воздаяние. Неужто ваша страна ни с того ни с сего обратилась в нацию святых? Или в обмен на эти богатые дары она рассчитывает заполучить нечто от меня? Не так уж давно я спускался с гор, дабы присоединиться к остальным в битве за мою страну — против ваших захватчиков-гринго с севера. Стереть эту войну из памяти будет трудно. Немало мексиканцев полегло от американского оружия.

— Те дни давно прошли, как и война между штатами. Ныне в Америке воцарился мир между Севером и Югом, равно как и мир между американским правительством и вашими хуаристами. Оружие и боеприпасы, подобные этим, переправляют через границу в огромных количествах. Америка ведет против Максимилиана и французов дипломатическую войну. И повела бы войну настоящую, если бы французы не согласились на ее требования. В это самое время, пока мы тут сидим, хуаристы на севере наступают на фран-

цузов, а заодно на австрийские и бельгийские войска, воюющие под их началом.

— А ваши американцы хотят поступить точно так же? Пойти маршем на Мехико?

— Нет. Они хотят, чтобы вы двинулись на юг. До вас доходили вести о тамошних плацдармах?

— Какие-то путаные донесения. Диковинные солдаты в странных мундирах. Какое-то строительство дороги. Трудновато понять, с какой стати они вдруг занялись этим здесь. Люди, с которыми я толковал, считают, что они просто безумцы.

— Это британские солдаты. И они вовсе не безумцы, как раз напротив, они разработали планы тщательно и весьма разумно. Вы позволите вам показать?

Диас жестом предложил ему продолжать, и О'Хигинс развернул карту, вынутую из седельной сумки, сел на бревно рядом с Диасом и указал на юг Мексики.

— Плацдарм устроен вот здесь, на тихоокеанском побережье, в районе рыбачьей деревушки Салина-Крус. Солдаты родом из многих стран Востока, но в основном из Индии. Командуют ими англичане, намеревающиеся выстроить дорогу через перешеек вот здесь, до атлантического

порта Веракрус.

— Зачем?

— Затем, что эти войска прибыли из многих уголков Британской империи. Из Китая и Индии. А североамериканцы по-прежнему воюют с англичанами, хоть сами и не желают этого. Они полагают, что, как только дорога будет достроена, войска британцев вторгнутся в Соединенные Штаты.

— Теперь все совершенно прояснилось, — в голосе Диаса внезапно не осталось ни единой теплой нотки. — Ваши американцы хотят загребать жар моими руками. Но я патриот, а не наемник.

— По-моему, было бы вернее сказать, что враг моего врага — мой друг. Эти британские войска вдобавок союзники французов. Их надлежит изгнать с мексиканской земли. И в подтверждение своих слов я привез вам еще кое-что. — Вынув из-за борта сюртука конверт, О'Хиггинс передал его собеседнику. — Адресовано лично вам. От Бенито Хуареса.

Взяв конверт обеими руками, Диас задумчиво воззрился на него. Хуарес — президент Мексики. Человек и страна, во имя которых Диас сражался столько долгих лет. Вскрыл конверт и приступил к чтению — неторопливо и основательно. А до-

читав, поднял глаза на О'Хиггинса.

— Ведомо ли вам, о чем тут речь?

— Нет. Я знаю лишь одно: мне было велено отдать его вам только после беседы об оружии и англичанах.

— Он сообщает, что подписал с американцами договор. Что возвращается из Техаса со множеством винтовок и боеприпасов. И ведет американских солдат с пушками. Они соединятся с гве-рильеро на севере. Атакуют Монтеррей, а затем двинутся на Мехико. Захватчиков погонят обратно за море. И просит, чтобы я и гверильеро на юге сражались, дабы помешать англичанам построить эту дорогу. Пишет, что таким путем я послужу Мексике лучше всего.

— Вы согласны?

Диас колебался, вертя письмо в руках так и эдак. Потом выразительно развел руками — и улыбнулся.

— Что ж, почему бы и нет? Как ни крути, они тоже захватчики. Да и враг моего врага, как вы говорите. Так что я сделаю все, что полагается делать для доброго друга, — сражаться. Но первым делом встает вопрос об оружии. Как он будет разрешен?

Вытащив из кармана многократно свернутую

карту, О'Хиггинс разложил ее на коленях и указал на побережье Мексиканского залива.

— Американский пароход берет на борт винтовки и амуницию вот здесь, в Новом Орлеане. Через неделю он прибудет сюда, к этой рыбачьей деревушке Салтабарранка. Чтобы встретить его, мы должны прибыть туда.

Поглядев на карту, Диас нахмурился.

— Эти места мне не знакомы. А чтобы добраться туда, мы должны пересечь главный тракт, ведущий в Веракрус. А выставлять себя на обозрение на открытой равнине крайне опасно. Мы горцы, в горах мы можем атаковать врага и постоять за себя. Если же французы обнаружат нас на открытой местности, нас попросту перебьют.

— Человек, пришедший со мной — Мигель, — прекрасно знает дорогу. Он проводит вас туда. Вам потребуется раздобыть как можно больше вьючных животных. Мигель и остальные будут постоянно следить за французами. Он говорит, что сейчас поблизости нет крупных скоплений французских войск. Мы сможем добраться до берега ночью совершенно незаметно. Как только оружие будет у вас, вы сможете дать отпор любым мелким подразделениям противника, какие встретятся нам на обратном пути. Это вполне

осуществимо.

— Да, пожалуй, этот план может удаться. Мы получим оружие и пустим его в ход против англичан. Но не ради вас или ваших друзей-гринго. Мы сражаемся за Хуареса и Мексику — да еще за тот день, когда наша страна будет свободна от иноземных захватчиков.

— Я тоже бьюсь за этот день, — откликнулся О'Хигинс. — И мы победим.

Вероломный Альбион

Бригадир Сомервилл дожидался на пристани, придерживая шляпу, чтобы ее не унесло ветром. Крепкий норд сек его лицо брызгами прибоя и дождем; май в Портсмуте больше напоминал декабрь. Стоящий на рейде флот рисовался во мгле лишь неясными силуэтами. Пелена дождя почти застилала от взора темные корпуса с нокреями. Мачт не было лишь на одном корабле, над палубой возвышалась только одинокая дымовая труба.

— «Отважный», сэр, — сказал сопровождавший его военный моряк. — Брат «Смелого», который прибудет завтра. Как я понимаю, его импровизированный круиз оказался весьма успешным. Возникли мелкие проблемы с течами в районе

орудийных портов, но с ними быстро разобрались.

— Уродина, а? Мне как-то не хватает мачт.

— А мне — нет, — с грубоватой прямотой заявил моряк. — У меня были друзья на «Воителе», затонувшем со всем экипажем. И мы уж позаботимся, чтобы такое больше не повторилось.

«Отважный» не уступит, а то и даст фору судам янки. Мы кое-чему научились с тех пор, как «Монитор» с «Виргинией» бились, пока не разошлись ни с чем. Я был свидетелем этого сражения. Мой корабль тогда стоял близ Хэмптон-Роудс как раз с этой целью. С той поры будто целый век пролетел. То была первая битва между стальными кораблями. В тот день искусство морского боя преобразилось — необратимо и навсегда. Я моряк чуть не с пеленок и люблю жизнь под парусом. Но вдобавок я еще и реалист. Нам нужен боевой флот, флот современный. А сие означает, что парусу пришел конец. Военный корабль должен стать боевой машиной, с более мощными орудиями и куда более крепкой броней. Вот в том-то и беда «Воителя». Он был ни то, ни се, ни посередке — не парусник и не пароход, а всего помаленьку. Эти новые военные корабли построены по тому же принципу, но с серьезными усовершенство-

ваниями. Теперь, когда парус и мачты приказали долго жить, а вместе с ними и такелаж, и парусные рундуки, стало больше места для угольных бункеров. А это значит, что мы можем оставаться в море гораздо дольше. Но куда важнее тот факт, что теперь мы можем сократить экипаж вдвое.

— Боюсь, я не улавливаю связи.

— Все достаточно просто. Без парусов нам не нужны и бывалые матросы, которые должны карабкаться на мачты, чтобы ставить паруса. Добавьте сюда и тот прискорбный факт, что на борту «Воителя» паруса и якорь поднимали вручную, в силу каких-то архаичных соображений адмиралтейства. Теперь паровые лебедки делают эту работу быстрее и лучше.

Кроме того — хоть это и слабое утешение для погибших на борту «Воителя», — мы изменили конструкцию цитадели, бронированного корпуса, который должен был защитить батареи. Но не защитил. С той поры мы кое-чему научились. Снаряды янки пробивали вертикальный броневой лист насквозь. Теперь броня стала толще, да вдобавок конструкция «Виргинии» тоже нам кое-что подсказала. Как вы помните, ее броня была наклонена под углом сорок пять градусов, так что болванки попросту рикошетировали от

нее. Так что теперь наша цитадель тоже имеет наклонные стенки. Кроме того, в отличие от «Воителя» мы обшили броней и нос, и корму. Это воистину лучшие боевые корабли на свете.

— Искренне надеюсь, что вы правы, капитан. Как и вы, я считаю, что мы, военные, должны изменить стиль мышления. Как говорится, приспосабливайся или погибай.

— В каком отношении?

— Ну, взять хотя бы стрелковое оружие. Во время последнего конфликта я наблюдал, как американцы расстреливают наши ряды в пух и прах снова и снова. Я уверен, что наши солдаты лучше всех на свете, уж по дисциплине-то наверняка. И все же мы проиграли сражение. Просто американцы стреляли из своих ружей, заряжающихся с казенной части, быстрее. Если... когда мы снова пойдем на войну, мы должны иметь оружие вроде того.

— Да, я слыхал о таком, — отозвался моряк, — но ставлю дисциплину куда выше. На судне без нее определенно нельзя. Только дисциплинированный и хорошо обученный орудийный расчет не дрогнет под огнем. Такие люди будут вести огонь, что бы вокруг ни творилось. Морские пехотинцы тоже. Я видел, как их обучают; я видел

их в бою. Они — как машины. Заряди, прицелься, выстрели. Заряди, прицелься, выстрели. Если им дать эти хитроумные штуковины с зарядкой с казенника, они смогут палить, когда вздумается. Никакой дисциплины. Наверняка будут растрачивать боеприпасы попусту.

— Я согласен с вашим подходом к выучке орудийных расчетов. Дисциплина видна под огнем. Но, увы, никак не могу согласиться с вашим отношением к самовзводным винтовкам. Когда солдаты выходят против солдат, побеждают те, кто успеет обрушить на противника больше свинца. Уверяю вас, сэр, я видел такое собственными глазами.

Подходя к пристани, паровой катер гудком дал сигнал дожидающимся его офицерам, чтобы приготовились подняться на борт. Спустили трап, и Сомервилл вслед за военным моряком направился в тесную каюту, смердевшую табачным перегаром, но зато хотя бы защищавшую от дождя. Катерок с пыхтением вышел в гавань и минут пять спустя причалил к дебаркадеру. Поспешно прошагав по дощатому помосту, они вскарабкались по трапу, ведущему на новый военный корабль. Окликнув одного из вахтенных матросов, капитан третьего ранга велел отвести

Сомервилла в капитанскую каюту.

Просторная, роскошная капитанская каюта на борту «Отважного» являла собой разительный контраст по сравнению с каюткой доставившего их сюда катера. Керосиновые лампы с шарнирной подвеской озаряли теплым светом темные деревянные панели и кожаные кресла. Как только сухопутный офицер вошел, моряки, изучавшие карты, обернулись к нему.

— А, Сомервилл, добро пожаловать на борт, — сказал адмирал Нейпир — высокий мужчина с роскошными бакенбардами, едва не упиравшийся макушкой в потолок. — По-моему, вы еще не знакомы с капитаном Фосбери, командующим этим судном. Бригадир Сомервилл.

Сбоку от карт стоял графинчик с портвейном, и Сомервиллу протянули бокал с вином. Адмирал постучал пальцем по карте.

— Лэндс-Энд, вот где мы будем через два дня. Это точка нашего рандеву. Некоторые грузовые суда — парусники из числа тихоходов — в настоящее время уже следуют туда. Мы отплываем завтра, по прибытии «Смелого». Моим флагманом станет он, поскольку я хочу взглянуть, как он маневрирует в открытом море.

Изучавший карту Сомервилл кивнул.

— Всем ли судам известно место назначения?

— Всем, — утвердительно склонил голову адмирал. — Каждое судно получило отдельный приказ. В скверную погоду удержать суда в строю невозможно. А эти суда тяжело нагружены артиллерийскими орудиями, так что кто-нибудь неминуемо отобьется. — Отодвинув одну карту в сторону, он перешел к следующей. — Мы встретимся вот здесь, вне поля зрения сухопутных наблюдателей и вдали от обычных торговых маршрутов. И уж наверняка подальше от штата Флорида. Шестьдесят шесть градусов западной долготы, двадцать четыре северной широты.

— В операции участвует масса судов, им известно о месте назначения... давно ли?

— Уже не меньше трех недель.

— Отлично, просто великолепно!

При этом оба улыбнулись, а адмирал Нейпир даже хмыкнул под нос. Заметивший это капитан Фосбери был озадачен этими улыбками, но тут же с пожатием плеч выбросил все это из головы. Мало ли какие причуды бывают у главнокомандования; у него хватает ума не интересоваться, что тут смешного.

— Еще портвейна, сэр? — спросил вместо этого Фосбери, заметив, что бокал сухопутного воен-

ного пуст.

— Непременно. Может, скажем тост, а, адмирал?

— От всей души поддерживаю. Так давайте выпьем за безопасное плавание — и замешательство врага.

На сей раз оба рассмеялись вслух, после чего осушили свои бокалы. А капитан Фосбери снова напомнил себе, что по своему рангу недостоин справляться у них, в чем тут юмор.

* * *

В Англии зябкий, дождливый день клонился к вечеру. Зато в Мексике, отделенной от туманного Альбиона обширными просторами Атлантического океана, утро только-только занималось — и уже стояла жара. Впрочем, стрелок Бикрам Хайдар из 2-го Гуркхского стрелкового полка жары почти и не замечал. В Непале летом бывает и пожарче. А уж в Бомбее, где полк стоял до отправки сюда, было и того хуже. Нет, донимала его отнюдь не тропическая жара, а бесконечное рытье. Ежели б он хотел остаться дома и заняться крестьянским трудом, он всю жизнь копался бы в земле эдаким-то манером — с мотыгой и лопатой. Но Бикрам никогда и не думал подаваться

в крестьяне. Чуть ли не с пеленок он знал, что будет солдатом, как отец, а до того — отец отца. Он помнил, как дед сидел по вечерам у огня, покуривая трубку, — с прямой спиной, стройный и подтянутый, как за полтора десятка лет до того. А послушать его рассказы! О дальних странах и диковинных людях. О выигранных и проигранных сражениях. О хитроумных уловках и развеселых деньках в полку. Замечательно! Бикрам ни разу, ни на кратчайший миг не усомнился, что станет солдатом королевы. Да и теперь в его душе не шевельнулся даже червячок сомнения — просто уж очень он не любил копать землю.

Так что он обрадовался, когда джемадар[46] окликнул его и трудившихся по соседству:

— Хватит копать, надо вырубить кусты и мелкую поросль, мешающие лесорубам подступиться к деревьям.

С радостью выхватив свой кукри, Бикрам вместе с остальными гуркхами трусцой припустил вдоль рядов землекопов. Пыльная дорога позади огибала склон холма, пересекая овраг по деревянному мосту, только что выстроенному командой саперов. Впереди подлесок был уже вырублен, и

---

[46] Примечания: 46
В британской армии: младший офицер-туземец.

солдаты Бомбейского стрелкового рубили деревья, преграждающие путь. А еще дальше впереди раскинулись непролазные джунгли.

Бикрам только-только начал рубить стелющуюся по земле лиану, как сзади донесся какой-то отдаленный треск.

— Джемадар, не ружейная ли это пальба? — встрепенулся он.

Джемадар, слышавший ружейную стрельбу не раз и не два, что-то буркнул в знак согласия, озираясь на дорогу и взглядом отыскивая место, где аккуратными пирамидами стояли их мушкеты. И мгновенно принял решение.

— К оружи...

Договорить он не успел. В глубине джунглей прямо перед ними прогремел нестройный залп, и джемадар рухнул, щедро орошая почву кровью из разорванного горла. Бросившись на землю, Бикрам по-пластунски пополз вперед, прячась в подлеске и держа кукри наготове. Еще один залп прошил листву у него над головой, послышался топот бегущих ног — и наступила тишина. Потом сзади поднялся крик. Мгновение Бикрам лежал неподвижно. Надо ли преследовать нападавших? В одиночку, почти без оружия — не считая острого клинка. Вряд ли подобное разумно. Но ведь он

гуркх и боец. Бикрам уже был готов устремиться вслед за сидевшими в засаде стрелками, когда позади прокричали новые команды и пропел горн.

Трубят сбор. Неохотно, по-прежнему пригибаясь, Бикрам двинулся обратно, к своей роте, — резко метнувшись в сторону, чтобы не попасть под копыта вздыбившейся офицерской лошади. За всадником, пыхтя и отдуваясь, спешили солдаты Йоркширского — 33-го пехотного — полка. По команде офицера они остановились и развернулись в боевую цепь. Направили ружья на безмолвный лес.

И в тот же миг сзади по дороге снова послышалась стрельба. Офицер громко и без запинок начал изрыгать проклятия.

Пока гуркхи вернулись к своим мушкетам и построились, огонь стих окончательно. Раненых и убитых понесли в лагерь. Потери были незначительные, однако дорожные работы были прерваны на добрый час. Но постепенно строительство возобновилось. Несмотря ни на что — ни на вооруженные нападения, ни на жару, ни на насекомых и змей, — дорога мало-помалу продвигалась все дальше и дальше.

* * *

В распоряжении Густава Фокса было вдоволь намеков и слухов, но ни единого надежного свидетельства. Да, британцы собирают какую-то военную флотилию. Об этом рапортовали многие из его оперативных работников на Британских островах. Что-то готовилось — но никто не знал, что же именно. До сегодняшнего дня. Развернув телеграмму на столе, Фокс перечитал ее, наверное, в сотый раз.

ПРИБЫЛ БАЛТИМОР ВЕЗУ ГАЗЕТУ РОБИН

«Робин» — кодовое имя одного из наиболее хитроумных агентов на Британских островах, обедневшего ирландского графа, окончившего самые престижные учебные заведения и говорившего по-английски куда лучше, чем сами англичане, да притом не стыдившегося брать деньги за работу во имя Америки. Он всегда был надежным источником, его сведения всегда подтверждались. А «газета» — кодовое обозначение документа. Что же это за документ, чтобы ради него покидать Англию в такой момент?

— Кто-то хочет видеть вас, сэр.

— Пусть войдет! — подскочил Фокс на ноги.

Вошедший выглядел худощавым, чуть ли не тощим, но пользовался репутацией великолепного фехтовальщика, и поговаривали, будто Ирландию ему пришлось покинуть при каких-то темных обстоятельствах — после дуэли, что ли.

— Рад видеть вас, Робин.

— И я вас, старина. Чертовски долгонько мы не виделись. Надеюсь, что вы наполнили свои сундуки до верху, чтобы дорого заплатить мне вот за это. — Вытащив из кармана сложенный листок, гость протянул его Фоксу. — Собственноручно переписал с оригинала, каковой, заверяю вас, был совершенно подлинным. На бланке адмиралтейства и все такое прочее.

— Замечательно, — пробормотал Фокс, пробегая документ взглядом. — Замечательно. Подождите здесь, я сейчас, — и выскочил за дверь, не дожидаясь ответа.

Заседание кабинета министров было в самом разгаре, когда в дверь, постучав, протиснулся первый секретарь Линкольна — Джон Николай, тут же смутившийся, потому что в комнате воцарилось молчание и все головы обернулись к нему.

— Джентльмены, господин президент, прошу прощения за вторжение, но пришел мистер Фокс. Говорит, дело весьма спешное.

— Если Гус говорит, что дело спешное, пожалуй, так оно и есть, — кивнул Линкольн. — Пригласите его.

Не успел президент договорить, как Фокс — должно быть, стоявший за спиной секретаря — переступил порог. Таким угрюмым и решительным Линкольн не видел его еще ни разу.

— Что-то спешное, Гус? — осведомился президент, как только дверь закрылась.

— Да, сэр, иначе я не посмел бы являться сюда в такое время и мешать вашему совещанию.

— Тогда не тяните, покончим с ним разом, как сказал пациент дантисту.

— Ко мне только что поступило донесение от человека в Англии, пользующегося моим безоговорочным доверием. В прошлом его сведения всегда оказывались точными и надежными. Донесение подтверждает кое-какие другие сведения, полученные на прошлой неделе, но весьма смутные и неоднозначные. На сей раз никаких сомнений быть не может.

— Наши друзья англичане?

— Так точно, сэр. Из Англии отплыл конвой. Грузовые и военно-транспортные суда под охраной как минимум двух броненосцев. Мне известно об этом уже относительно давно, но только сейчас я

узнал место их назначения. — Он извлек копию британского приказа по военному флоту. — Судя по всему, они направляются в Вест-Индию.

— Океан широк, и островов там хватает, — заметил министр военного флота Гидеон Уэллс. — Откуда у вас такая уверенность?

— Это нельзя сбрасывать со счетов, господин министр. Но природа груза, судя по всему, говорит о месте назначения. Это пушки, джентльмены. Все эти корабли загружены тяжелыми орудиями, которые можно установить только на суше, для обороны...

— Багамы! — воскликнул Уэллс, вскакивая со стула. — Британцы хотят отбить базы, которые мы у них отобрали. Для предполагаемых боевых действий в Мексиканском заливе Багамы понадобятся им в качестве угольных портов.

— Я тоже так считаю, — кивнул Фокс. — И следует добавить, причем сказанное должно остаться строго между нами, что я располагаю и реальными доказательствами. Скажем так, что некоторые английские капитаны менее щепетильны, нежели остальные. Один из моих представителей собственными глазами видел приказ, отданный кораблю, и переписал его. Копия при мне. Место сбора назначено неподалеку

от Багамских островов.

— Какими силами мы там располагаем? — осведомился Линкольн. Все взоры обратились к военному министру.

— Острова почти не обороняются, — сообщил Стэнтон. — Захватив их у врага, мы уничтожили практически все оборонительные сооружения.

— «Мститель»! — встрепенулся Уэллс. — Он стоит на якоре у крепости Монро. Может, мне следует связаться с ним?

— Непременно. Отправьте его в Вест-Индию сейчас же, послав копию приказа о месте сбора англичан, — распорядился Линкольн. — А мы тем временем решим, как защититься от новой угрозы. Вот уж действительно мрачные вести. Не будет ли кто-нибудь любезен найти карту этого региона?

Отыскав нужную карту, министр военного флота развернул ее на столе. Все сгрудились вокруг, глядя поверх его плеча, пока Уэллс давал объяснения.

— Пушки были убраны с огневых позиций и из фортов на островах, вот здесь и здесь. Британские войска ушли, и мы заменили их небольшими гарнизонами. У нас и в мыслях не было, что они вернутся...

— А что будет, если они снова захватят острова? — спросил Линкольн.

— Плацдарм в Америке, — угрюмо проронил Уэллс. — Если они хорошо окопаются, в такое время выбить их будет не так-то просто. Сейчас они знают, чего ждать. Если их орудия достаточно велики, нам достанется чертовски трудная работенка. А угольные порты дадут им возможность без труда добираться до Мексики. И угля в бункерах будет оставаться более чем достаточно для вторжения на наше побережье Мексиканского залива.

— Постарайтесь довести до «Мстителя» важность этой миссии, — подытожил Линкольн. — Пусть идет на всех парах, держа заряженные пушки наготове. Одному богу ведомо, что его ждет, когда он туда доберется.

Гром перед бурей

После долгих раздумий Иуда П. Бенджамин наконец решил, что должен все сделать сам. Еще не покончив с завтраком, велел оседлать коня. Но направился не в свой кабинет в Вашингтоне, а свернул на Лонг-Бридж и поехал в Виргинию. Он мысленно взвесил все возможности, все открытые пути. Легче всего было бы написать письмо.

Легче, но отнюдь не эффективнее. А можно было отправить одного из своих клерков — или даже кого-нибудь из Фридменовского бюро. Но хватит ли у них красноречия, чтобы добиться помощи, в которой он так отчаянно нуждается? Сомнительно. Эту работу он должен сделать лично. Годы трудов в деловом мире, а потом в политике научили его умению убеждать людей в час нужды. И сейчас как раз такой час и настал.

День выдался приятный, а до Фоллз-Черч было рукой подать. По обе стороны от дороги раскинулись пышно зеленеющие поля, луга, на которых паслись тучные, здоровые коровы. Уже показались первые побеги кукурузы. И хотя он приехал в город довольно рано, перед лавкой уже сидели седобородые старцы, покуривая трубки.

— Доброе утро, — приблизившись к ним, сказал Бенджамин и прикоснулся к полям шляпы.

Старики кивнули, и ближайший отозвался:

— Здрась, — после чего выплюнул струю табачной жвачки на пыльную улицу.

— Я ищу стоянку Техасской бригады и буду искренне благодарен, если вы подскажете мне дорогу.

Старики молча переглянулись, будто взвешивая важность вопроса. Наконец один, самый

старый с виду из троицы, извлек трубку изо рта и указал чубуком:

— Держитесь той дороги, что допреж. Потом, как минуете рощицу осокорей, высматривайте ихние палатки. Малек правее. Навряд вы их прозеваете.

Снова коснувшись полей шляпы, Бенджамин поехал дальше. Примерно четверть мили подальше по дороге он миновал осокори. И действительно увидел палатки, аккуратными рядами выстроившиеся на поле. Перед самым большим шатром высилось два флагштока. На одном развевался флаг Союза, а на другом — флаг Конфедерации. Страна уже воссоединилась, но с символами прошлого распроститься пока не сумела.

Часовые отправили его к дежурному офицеру, а тот догадался отсалютовать, как только услышал имя посетителя.

— Чрезвычайно рад чести познакомиться с вами, сар. Не сомневаюсь, что генерал Брэгг с радостью переговорит с вами.

С радостью или нет, но Брэгг — крупный мужчина, загорелый дочерна, как и большинство техасцев, — пригласил его в свою палатку, с кряхтением поднялся на ноги и протянул гостю руку.

Он уже обул сапоги и надел форменные галифе, но сверху на нем была только красная нижняя сорочка с длинными рукавами. Усаживаясь, он так и не снял свою широкополую шляпу.

— Составьте мне компанию за чашечкой свежесваренного кофе, мистер Бенджамин, и поведайте, как нынче идут дела в Вашингтоне.

— Хорошо, почти как и следовало ожидать. Южане помаленьку возвращаются, и там куда оживленнее, чем сразу по окончании войны. Проводятся всяческие вечеринки, балы и все такое чуть ли не каждый день. Весьма увлекательно, если вам по душе подобное.

— Нам всем по душе подобное, и навряд ли вы не согласитесь со мной.

— Совершенно верно. Если у вас выпадет свободная минутка, не пожелаете ли вы посетить одно из подобных мероприятий? Мой дом открыт для гостей как раз на этой неделе. Конечно, по большей части они политики, но я с радостью увидел бы в их числе военных, чтобы они напомнили всем, что спасла эту нацию армия, а не разглагольствования политиканов.

— Вы весьма добры, сочту себя обязанным. Приду и буду держаться весьма по-военному. А раз уж буду в городе, я бы хотел сам повидать, какой

ущерб нанес этот британский рейд.

— От него почти не осталось и следа. Капитолий, подожженный британцами, отремонтирован, и сейчас об их вторжении почти ничего не напоминает.

Они еще немного поболтали в неспешной южной манере. Бенджамин выпил уже полчашки кофе, прежде чем исподволь подошел к цели своего визита.

— Вы и ваш личный состав хорошо тут устроились?

— Блаженствуем, как майский жук на клумбе. Разве что малек заскучали. Некоторые поговаривают, что вступили в армию, чтобы воевать, а не просиживать штаны.

— А-а, это чудесно... чудесно. Когда у них кончается контракт?

— Большинству осталось служить еще с полгода. С тех пор как война закончилась, они вроде как рвутся снова повидать Техас. Тут я их вполне понимаю.

— Еще бы, их вполне можно понять. Но они могли бы сделать еще кое-что. В таком случае мне хотелось бы знать, не хотят ли ваши люди, и вы в том числе, снова послужить родной стране?

— Воевать? — в голосе генерала Брэгга внезап-

но прозвучали ледяные нотки. — А я-то думал, война закончилась.

— Закончилась, конечно, закончилась. Но теперь надо позаботиться, чтобы она не разгорелась снова. Мы должны поберечь мир. Вам известно о Фридменовском бюро?

— Сомневаюсь.

— Это бюро, занимающееся бывшими рабами, выплачивающее их владельцам компенсацию за освобождение, а также помогающее бывшим рабам найти свое место в новой жизни. Получить работу, землю для возделывания и все такое.

— Пожалуй, недурная мысль. Наверно, вы имеете к ним какое-то отношение.

— Рад слышать, потому что, как вы без труда догадаетесь, некоторым людям подобная работа не по вкусу. Людям, которые не согласны с тем, что неграм надо давать образование.

— Ну, могу честно сказать, что я и сам двоякого мнения на сей счет. Не то чтобы у меня когда-нибудь были свои рабы, учтите. Но, видите ли, они могут зазнаться не в меру.

Бенджамин добыл из кармана платок, чтобы утереть лицо. Солнце раскалило брезент, в палатке стало жарко.

— Ну, можно сказать, на этот счет есть закон.

Но, к несчастью, некоторые люди ставят себя выше закона. Рабы свободны, их бывшим владельцам заплатили за их свободу, значит, должно быть посему.

— Но это не так, — подхватил генерал Брэгг. — И я это понимаю. Человек всю жизнь смотрел на цветных как на предмет собственности, так с какой стати он должен менять свое отношение лишь потому, что получил маленько деньжат? За одну ночь мир не обустроишь заново, это уж наверняка.

— Вы весьма и весьма правы. Но закон есть закон, и его надо выполнять. Так или иначе, уже возникла угроза вспышки насилия, и дошло до того, что некоторые из Фридменовских бюро сожжены. Мы не желаем, чтобы ситуация усугубилась. Поэтому мы хотим прикрепить к Фридменовским бюро солдат, чтобы сохранить мир на Юге. Вот почему я приехал поговорить с вами, попросить вас о помощи в сохранении мира.

— Но разве это не входит в обязанности местных блюстителей порядка?

— Должно входить, но они нередко оказываются несговорчивыми.

— Я их не виню.

— Я тоже, но закон есть закон. Вдобавок и мне, и вам ясно, что есть вещь, которую мы не можем допустить, — чтобы подобную работу сюда приехали выполнять солдаты с Севера. Охранять мир.

Громко фыркнув, генерал крикнул, чтобы принесли еще кофе, после чего поглядел на Бенджамина, склонив голову к плечу.

— По-моему, это верный способ затеять войну снова. И даже быстрей, если вы пустите в ход черные войска янки.

— Но мы можем прибегнуть к помощи солдат-южан, предпочтительно техасцев. Люди вашей бригады бились за Юг отважно и умело, и в их лояльности никто не усомнится. Но в вашем штате очень мало рабов, а уж хлопковых плантаций и того меньше. Я надеюсь, что техасцы будут более, скажем так, непредвзятыми блюстителями закона. И уж наверняка никто на Юге не станет роптать по поводу их присутствия.

— Да, это мысль. Но я предвижу массу попутных проблем, уймищу проблем. Пожалуй, мне сперва надо переговорить со своими офицерами, прежде чем я приду к какому-либо решению. Может быть, даже поговорить с рядовыми.

— Конечно. Людей нельзя посылать на такое дело против их воли. А когда будете говорить с

ними, пожалуйста, скажите им, что, кроме армейского жалованья, будет отдельная доплата и от бюро. Этим людям скоро возвращаться домой, и они наверняка будут не против привезти с собой как можно больше серебряных долларов.

— А вот это весьма веский аргумент.

— Рад слышать, генерал. Вы не против, если я пошлю вам завтра телеграмму, дабы осведомиться о вашем решении?

— Так и поступайте. К тому времени я уже сориентируюсь.

На пути в столицу Иуду Бенджамина окрыляла надежда.

* * *

Джефферсон Дэвис, в отличие от Бенджамина, не был оптимистом. Он благородно потратил немало усилий, чтобы положить конец войне между штатами. Кровопролитие было прекращено — хотя бы это удалось, — но его сменил как минимум шаткий мир. В такой ситуации Дэвис не мог сидеть сложа руки.

Рана заживала хорошо, но левая рука оставалась довольно слабой: хирургу пришлось вырезать изрядную часть мышечной ткани, чтобы достать пистолетную пулю и материю. Но

лихорадка осталась в прошлом, и силы с каждым днем прибавлялись. Но все-таки дорога поездом в Арлингтон была крайне утомительна. Однако Роберт Э. Ли лично встретил Дэвиса на станции, сидя на козлах пролетки. Правительство Соединенных Штатов, отнявшее у Ли дом за неуплату налогов, вернуло его законному владельцу, хотя и немного потрепанным, в конце войны. Теперь дом был отремонтирован и стал ничуть не хуже, чем прежде.

Джефферсон Дэвис отдыхал три дня, прежде чем снова почувствовал тягу к верховой езде. Он всегда был страстным наездником и во время болезни больше всего жалел о невозможности совершать ежедневные прогулки верхом. Теперь же он смог сесть на лошадь снова. Хозяева радовались, видя, как он идет на поправку, и он чувствовал это. Но не хотел злоупотреблять гостеприимством. Тут наконец-то он почувствовал, что стал достаточно крепок, чтобы доехать от Арлингтона до Белого дома. Он как раз завтракал, когда вошел Ли.

— Я велел оседлать серую кобылу, — сообщил Ли. — Это спокойное, разумное животное, и поездка на ней смахивает на отдых в кресле-качалке.

— Сердечно вас благодарю, я еще недостаточно

оправился, дабы ехать на горячем коне вроде вашего Трейвелера. Пожалуй, тронусь-ка я в путь, пока не жарко.

Погода была отличной, солнце теплым, и, несмотря на волны боли, время от времени идущие от раны, его силы умножало осознание важности собственной миссии. Да и аллюр кобылы был неспешным и ровным. Дэвис пересек Потомак и свернул на Пенсильвания-авеню. Очевидно, его заметили, когда он сворачивал к подъезду, потому что, когда он подъезжал к особняку администрации, Линкольн лично вышел на крыльцо, чтобы приветствовать его.

— Вы глядите молодцом, Джефферсон. Видеть вас таким — лучшая на свете новость.

— Я поправляюсь с каждым днем, с каждым днем.

Повинуясь взмаху руки Линкольна, один из часовых поспешил помочь Джефферсону Дэвису спешиться.

— Пойдемте в Зеленую комнату, и таким образом избежим необходимости подниматься по лестнице, — предложил Линкольн. — Не желаете ли чего-нибудь освежающего?

— По-моему, в это время суток я бы получил огромное удовольствие от чашки чая.

— Вы слыхали, Николай? — окликнул Линкольн секретаря, дожидавшегося в холле. — И позаботьтесь, чтобы после этого нас никто не беспокоил.

Напившись чаю, Джефферсон Дэвис перешел к делу.

— Как идет это британское вторжение в Мексику? Я читал сообщения в газетах, но там сплошь домыслы и никаких фактов. Бумагомараки заворачиваются во флаг и принимаются вещать о доктрине Монро и прорицать. Но на факты света почти не проливают.

— Это лишь потому, что фактами они и не располагают. Враг притаился в сердце джунглей, и новости затерялись где-то в чаще. Но в общем и целом я бы сказал, что пока что все идет не так уж плохо. Публика еще не знает об этом, но орудия и боеприпасы мексиканской армии и их нерегулярным войсковым формированиям уже доставлены. На дипломатическом фронте дела идут куда медленнее. Император Наполеон упорно твердит, что его войска находятся в Мексике по приглашению народа, то и дело упоминая о деньгах, которые Мексика задолжала. Он хочет, чтобы весь мир поверил, будто император Максимилиан приглашен на трон народом Мексики.

Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь, кроме самого Максимилиана, верит в подобный вздор.

— А как идут дела здесь, дома? Как строительство мира? — бесстрастно осведомился гость, но за напускной небрежностью тона сквозил напряженный интерес.

Отставив чашку, Линкольн на мгновение замялся, прежде чем ответить:

— Хотелось бы мне сказать, что все идет отлично, но это не так. Хотя достигнут немалый прогресс по всей стране и особенно на Юге. Экономика расцветает благодаря новым заводам и фабрикам, восстановлению железных дорог, прибытию нового подвижного состава в железнодорожные депо. Спущены на воду только что построенные военные корабли, строятся новые. Но, как всегда, провести билль об ассигнованиях через конгресс крайне трудно. Громко звучат голоса в пользу отправки войск в Мексику, чтобы вышвырнуть британцев оттуда. А британцы, похоже, взялись за старое — отправили войска в Вест-Индию, планируя отбить острова.

— Это все политика. Я говорю не об этом. Я говорю о черномазых и Юге.

— Так я и думал, — вздохнул Линкольн.

— Люди приходят повидать меня. Рассказывают

вещи, которые мне не по душе. Освобожденные рабы чересчур зазнались. Они теперь в своих церквях устраивают школы, а учителя с Севера учат их читать и писать.

— Это не противоречит закону.

— А должно бы. Кто же будет работать на полях, если они все в своих школах толкутся и вещают друг другу, какие они замечательные? А когда негритос не в школе, то отправляется возделывать пару собственных акров. А хлопок тем временем гниет на полях.

— Для этого и нужны Фридменовские бюро. Они могут помочь не только неграм, но и плантаторам, могут подыскать им батраков.

— Что-то я не видел, чтобы кто-нибудь из приличных южан ходил в эти заведения, выклянчивая милости у оборванцев-янки и черномазых.

— Все обстоит не совсем так. Вы могли бы помочь, Джефферсон. Поговорить с ними, они знают и уважают вас. Написать в газеты, пойти во главе других. Мы ведь и не думали, что добиться мира будет легко. Но мы его все-таки добились. И теперь должны еще крепче прижимать его к груди и не отбрасывать эту золотую возможность из-за древних раздоров... — Линкольн осекся, потому что Дэвис медленно встал.

— Это не для меня. Это вы с мистером Миллом должны найти выход из ситуации, которую вы же и породили. И найти его как можно скорее, в этом я решительно уверен.

На это Линкольн ответа не нашел. Проговорил пару вежливых слов, дойдя с бывшим президентом Конфедерации до порога и молча проводив его взглядом.

* * *

Генерал Эскобедо обычно не испытывал судьбу. Полководцы, ведущие малую войну, не могут позволить себе оставлять на произвол судьбы хоть что-нибудь. Врагов в десять раз больше, вооружены они в сто раз лучше. Потому-то и приходится избегать позиционной войны и планировать свои вылазки в малейших деталях. Остается только прибегать к кинжальным атакам, совершая набеги из своих оплотов в горах, нанося противнику удар и снова скрываясь.

Теперь Эскобедо рисковал, но у него просто не было выбора. Ослов, без труда одолевающих любое бездорожье, и почти таких же ценных, как оружие и припасы, которые они возят, всегда не хватало. Без их помощи жизнь в горах была бы попросту невозможна. Они возят продукты и

воду, раненых и убитых. Но теперь Эскобеде пришлось делать то, чего он предпочел бы избежать, будь такое возможно. Он собрал всех имеющихся *burros*[47] и теперь вел их прочь от безопасных гор через равнину на север.

Шли они лишь по ночам, окольными путями, избегая торных троп, ведущих от Монтеррея к границе. Тропы регулярно патрулируются французами. Теперь же гверильеро спешили изо всех сил, пока люди и животные не начали шататься от усталости, то и дело спотыкаясь. И все равно шли вперед, опасаясь французских войск, и прибыли перед самым рассветом к броду через Рио-Гранде-дель-Норте, реки к югу от Ларедо. Дальше вперед пошли только лазутчики, а остальные задержались в сухом арройо[48]. Здесь ослы подкрепились сеном, которое сами же и везли. А люди уснули. Бодрствовали только часовые и генерал, глядевший на север.

— Я его вижу, генерал, — негромко сообщил один из часовых. — Это Викториано.

Появившийся на дальнем берегу разведчик помахал шляпой.

---

[47] Примечания: 47
Ослов *(исп.)*.

[48] Примечания: 48
Пересохшее русло реки.

Эскобедо жестом подозвал его. Тот вброд пересек лениво струящуюся воду, спотыкаясь от усталости.

— Там они, — выдохнул он. — Множество фургонов, запряженных громадными мулами. И множество солдат gringo.

— Переправимся, как только вернутся лазутчики. На-ка, возьми, — генерал передал разведчику бутылочку саса — огненного спирта из сахарного тростника. Пробормотав слова благодарности, Викториано поднес ее к губам.

Вернувшиеся разведчики сообщили, что дорога чиста. Усталые животные громким ревом выражали свой протест, когда их тычками подымали на ноги. Считанные минуты спустя гверильеро переправились через реку и изо всех сил поспешили под защиту солдат-янки. Оружие и боеприпасы ждали их по ту сторону мексикано-американской границы в Ларедо, как и было обещано. Теперь генерал Эскобедо сидел перед pulque ria, держа в руке кружку с pulque, смешанной с апельсиновым соком, и прямо-таки лучился от радости, пока винтовки и боеприпасы перекладывали из фургонов во вьюки. Один из кавалеристов, капитан Роулингс, сопровождавший фургоны, был техасцем и довольно сносно

говорил на техмексе. Как и большинство гринго, он на дух не переносил амбре перебродившей пульки, так что пил вместо нее дистиллированную версию напитка — mezcal.

— Ну что, генерал, заполучив все это оружие, вы двинетесь на Монтеррей? — поинтересовался Роулингс.

— Не сразу. Зато теперь мы сможем останавливать их обозы и истреблять тех, кто будет достаточно глуп, чтобы покинуть город. Теперь, когда у нас есть винтовки и боеприпасы к ним, нам легко будет устраивать засады на их патрули. И мы с огромным удовольствием убьем всякого глупца, который высунет голову за городские ворота. После этого они будут отсиживаться за толстыми стенами, думая, будто находятся в безопасности. Пока мы не ударим. — Он похлопал себя по карману: — В своем письме президент Хуарес пишет, что тяжелые орудия уже в пути. С их помощью мы разобьем стены и истребим этих паразитов.

Залпом осушив кружку, Роулингс надолго закашлялся.

— Ну и злое пойло, — проговорил он, когда голос наконец-то вернулся к нему. — Желаю вам удачи. Французам давно пора преподать урок.

— Да и австриякам тоже, тем, что в гарнизоне Монтеррея. А вы останетесь здесь, капитан?

— Смахивает на то. Мне и моему эскадрону приказано конвоировать пушки, когда они прибудут сюда и будут пересекать границу.

— Это хорошо. Вы можете поговорить с ними, потому что никто из моих солдат не говорит по-английски. Я оставлю двух своих людей в качестве провожатых.

— Это здорово.

Прошло целых две недели, прежде чем прибыла тяжелая артиллерия, с плеском пересекшая Рио-Гранде-дель-Норте через брод. Напоив лошадей, солдаты начали долгий жаркий поход через сухие равнины Нуэве-Лиона. Лошади из последних сил тащили тяжелые орудия и боеприпасы; продвижение шло медленно. Но проводники знали, где отыскать редкие деревушки, в которых можно напоить животных и накормить их сеном, так что обоз двигался хотя и медленно, но верно. Им оставался один дневной переход до Монтеррея, когда к ним присоединился генерал Эскобедо со своими гверильеро.

Дождавшись наступления ночи, они приблизились к городу. Стрелки пошли первыми, чтобы предотвратить любые возможные вылазки врага,

затаившегося за городскими стенами; изредка вспыхивавшие перестрелки продолжались до самого утра. И до самого утра солдаты и гверильеро трудились не покладая рук. Так что на рассвете из города увидели лишь жерла орудий, а все остальное было скрыто за земляными валами, защитившими огневые позиции.

При первых лучах солнца был сделан пристрелочный выстрел, пробивший в городской стене громадную брешь. Гверильеро встретили этот выстрел громовым «ура!».

Осада Монтеррея началась.

Катастрофа!

Видавший виды колесный пароход «Паватук» — ветеран каботажного флота, частенько ходил вдоль побережья Мексиканского залива Соединенных Штатов и Мексики. За многие годы копоть напрочь перекрасила его трубу и оставила свои следы на палубе. Крыло одного из его колес было сильно помято о какой-то причал и отрихтовано на скорую руку. По большей части его груз состоял из горнорудных машин, доставляемых в порт Веракрус. Обычно он возвращался обратно с балластом, хотя порой удавалось найти фрахт в виде металлических чушек. Мексиканские

таможенники редко заглядывали в его грузовой трюм, а уж в машинное отделение не наведывались и подавно. Им было куда уютнее в каюте капитана попивать виски и рассовывать по карманам серебряные монетки _mordida_ — «малые крохи», взятки, без которых в Мексике все дела застопорились бы.

Но если бы они спустились по захламленному трапу и открыли люк, ведущий в машинное отделение, то наверняка удивились бы царящим там чистоте и порядку. И определенно были бы потрясены видом современной мощной паровой машины. Но они были бы огорошены сверх всякой меры, если бы открыли, что капитан корабля Уивер — выпускник Аннаполиса и лейтенант. Потому что это нарочито затрапезное судно на самом деле было кораблем ВМФ США, а весь его экипаж составляли офицеры и матросы военного флота.

Экипаж устал, офицеры были изможденны. Никто из них за последние сутки почти не сомкнул глаз. Корабль только-только вернулся с ночной встречи с войсками гверильеро в Салтабар-ранке, где они выгрузили боеприпасы и очередную партию винтовок, заряжающихся с казенника. А воды у берега изобиловали коварными отмелями,

и киль судна задевал за них не раз и не два. Но их уже дожидался караван ослов и множество крепких мужчин, быстро разгрузивших боеприпасы. Отлив начался еще до окончания разгрузки, и отплыть, не сев на мель, «Паватук» сумел только благодаря тому, что судно стало легче и осадка уменьшилась.

Теперь пароход с пыхтением неторопливо шлепал к причалу в гавани Веракруса, и вахтенный офицер поднес к глазам бинокль, чтобы взглянуть на человека, сидящего на кнехте там, куда пароход должен был причалить.

— Капитан, это ирландец с забавным именем, тот самый, которого мы уже возили.

— Амбросио О'Хиггинс. Но мы ведь его не ждем, не так ли?

— Приказа не было, сэр.

Пока корабль подходил к причалу, О'Хиггинс нетерпеливо расхаживал взад и вперед и даже подхватил брошенный конец и обернул его вокруг кнехта. Едва сходни коснулись причала, он взбежал по ним и быстро вскарабкался на мостик.

— Капитан, — сказал он, — вы не могли бы как можно скорее отплыть к югу?

— Возможно, но маловероятно. Нам нужен

уголь.

— Я не могу сообщить вам, насколько это важно, я получил весть от войск _guerrillero_ о каком-то строительстве дальше по берегу. Я толком не знаю, что происходит, но в послании сказано, что это крайне опасно. Что я должен отправиться туда не мешкая и увидеть все собственными глазами. Вы не позволите взглянуть на вашу карту побережья?

Капитан Уивер пересек штурманскую рубку и указал на карту, разложенную на столе. О'Хиггинс поспешно бросился к ней, ткнул пальцем в Веракрус и повел им на юг вдоль берега.

— Здесь! Рыбачья деревушка, как мне сообщили, под названием Коатсакоалькос. — Он забарабанил пальцами по карте. — Мы не могли бы отправиться туда и выяснить, что там происходит?

Взяв циркуль, капитан Уивер осторожно раздвинул его, чтобы измерить расстояние, потом пересчитал результат на масштаб карты.

— Да, это возможно. Всего около 125 морских миль. Даже при скорости в шесть узлов мы поспеем туда к утру. У нас достаточно угля, чтобы сходить туда и обратно. Но я бы предпочел идти тихим ходом.

— Как угодно, только бы попасть туда. Так вы согласны?

Капитан задумчиво потер подбородок.

— Ну, если это настолько важно...

— Важно, уверяю вас, важно. Крайне важно для тех, на кого я работаю, а ведь это именно они отправили сюда доставленный вами груз.

— Тогда ладно. Поищем эту деревню с непроизносимым названием.

— Коатсакоалькос.

— Как скажете.

Они отчалили. Кочегары бросали на горящий уголь листы смолы, чтобы побыстрей поднять давление. Огромные гребные колеса молотили по воде, унося корабль курсом на юго-восток. О'Хиггинс оставался на палубе, пока солнце не скрылось за погруженными во мрак горами, после чего спустился в кают-компанию. На обед, как всегда, подали свинину и галеты, которых он терпеть не мог, хотя и приучил себя к ним. Море за бортом изобилует рыбой, а эти янки все равно пичкают себя жирной дрянью. Единственное доброе слово, какое он мог сказать об этой пище, — она хотя бы сытная.

Попозже он пытался уснуть на койке вахтенного офицера, но не мог сомкнуть глаз. Желудок

громким урчанием выражал протест против неудобоваримой трапезы. В конце концов он уснул, но в ту же секунду, как ему показалось, чья-то рука тряхнула его за плечо.

— Капитан говорит, что до рассвета двадцать минут.

— Иду.

О'Хиггинс поплескал воды на лицо из тазика, утерся насухо и поспешил на палубу.

Над морем впереди разливался призрачный свет. Звезды, усыпавшие безлунное небо со всех сторон, спускались к горизонту. Лицо капитана едва угадывалось в призрачном свете нактоуза. Он указал вперед, где на фоне звезд темным силуэтом обрисовался горный хребет.

— Здесь, насколько я понимаю. Как только станет чуть посветлее, свернем к берегу. Посмотрим, насколько близко нам удастся подойти к этой деревне.

Рассвет наступил стремительно, как всегда в тропиках, небо посветлело, звезды исчезли. Верхушки гор заалели, затем солнце оторвалось от горизонта, и стали видны поросшие джунглями зеленые склоны. Капитан сквозь бинокль вглядывался в сторону берега.

— Два корабля на рейде, едва-едва видны, но

крупные, это я вижу.

Уже совсем рассвело, и стали видны побеленные домики деревни, все отчетливей и резче, а вместе с ними и холмы позади. У самого берега на якоре стояла целая группа парусников.

— Это военные корабли, я уже различаю их пушки. А на берегу позади деревни... Боже милостивый!

— Что там? Скажите! — взмолился О'Хиггинс.

Но капитан Уивер лишь покачал головой и передал ему бинокль.

— Взгляните сами. Позади деревни и по обе стороны от нее.

Воздух был прозрачен, как хрусталь. Взяв бинокль, О'Хиггинс посмотрел в указанном направлении.

— Не понимаю. Сырая земля. Отвалы...

— Поглядите повнимательнее и увидите жерла. Это артиллерийские позиции, хорошо укрепленные. Да и пушки крупнокалиберные. Береговые укрепления. При таком количестве орудий здесь никто не сможет высадиться да берег.

— Капитан, сэр, — крикнул впередсмотрящий с носа. — Один из этих кораблей разводит пары! Я вижу дым. Это броненосец!

— Крутой разворот! — гаркнул капитан. — Два-

дцать пять узлов. Обратно в Веракрус.

О'Хиггинс разглядывал огневые позиции в разгорающемся свете солнца. Тщательно подсчитал их. Потом перевел бинокль на холмы позади деревни. Мастерски ругаясь по-испански и по-английски одновременно, вернул капитану бинокль и бросился в штурманскую рубку. Провел пальцем по карте и выругался еще витиеватее.

Пару минут спустя капитан присоединился к нему.

— Корабль повернул обратно. Наверное, удовлетворился, что отпугнул нас, я так думаю. И слава богу. Судя по виду, он может развить скорость вдвое больше нашей.

— Они нас обвели вокруг пальца! — воскликнул О'Хиггинс, припечатав карту кулаком. — Провели нас по-королевски. Мне и в голову не приходило, что англичане способны на такое хитроумие.

— Что вы имеете в виду?

— Дорога... вам известно о дороге?

— Конечно. Для того мы и выгрузили все это оружие и боеприпасы. Для вооруженных банд мексиканцев, которые должны атаковать ее.

— Британские войска сперва высадились здесь, в Салина-Крус, — указал О'Хиггинс кружок на

карте, — чтобы начать прокладывать дорогу через перешеек. К прибрежной равнине Атлантики. Чтобы британцы смогли промаршировать от Тихого океана до порта Веракрус на Атлантике. Я собственными ушами слышал, как они это говорят. Тупоумные британские офицеры. Они не могли притворяться, это было ясно по их тону, они искренне верили в то, что говорят. А вот их хозяева — нет. С самого начала они намеревались проложить дорогу именно сюда! Этот путь короче и проще.

Вернувшись на мостик, он устремил взгляд на деревню и укрепления, мало-помалу исчезающие позади.

— Очень скоро враг сможет двинуть войска через перешеек в этот основательно укрепленный порт. На суше будут батареи, а в гавани броненосцы. Пришедшие туда войска смогут погрузиться на свои транспорты, не понеся ни малейшего урона. И вторгнуться в американские порты на побережье Мексиканского залива. Хуже новости и не придумаешь.

* * *

Восходящее солнце озаряло деревню Коатсакоалькос, а заодно и новые артиллерийские

позиции, окружающие ее. Когда оно поднялось повыше, его лучи упали на тракт, проложенный сквозь джунгли, которому вскоре суждено стать военной дорогой. Солдаты уже двигались по незаконченному тракту. Не расширяя и не выравнивая его — пока. Вместо этого они строили редуты. Пока только взводы и роты стрелков; траншеи и редуты ощетинились винтовками и пушками. Дальше к западу солнце осветило законченную часть дороги — и тамошние укрепления.

В военном деле лейтенант Кальес был новичком. Его семья входила в правящую элиту — _corregidores_, с помощью церкви заправлявшую Мексикой с непреклонной строгостью и суровостью в течение веков. Он никогда не задумывался об этом положении дел, просто принимая его как должное. Есть правители и есть подданные. Он, облагодетельствованный благородным происхождением, просто принял как факт, что мир устроен именно так. Он не протестовал против жестокого обращения с индейцами, пока не отправился учиться в Испанию. Но затем, получив образование в университете Саламанки, заодно усвоил новые веяния либерализма, начавшего победное шествие по планете.

Лишь вернувшись в семейное имение в Оахаке, он начал подвергать сомнению устои, которые всегда считал незыблемыми. Теперь, получив образование историка, он взирал на свою родную страну глазами летописца — и это зрелище отнюдь не доставляло ему удовольствия. Но вторжение в штат Оахака британцев не оставило у него даже тени сомнений. Свою страну надо защитить любой ценой. Отыскав путь в горы, он присоединился к _guerrilleros_.

Теперь, став лейтенантом, он привык к тяготам партизанской войны. И то, что он до сих пор не погиб, доказывало, что он не только умен, но и отважен, и наделен сильным инстинктом выживания. Чувствуя это, темные крестьяне, ставшие солдатами, уважали его. Но главное — они шли за ним в бой.

Теперь они следовали за ним по почти невидимой тропе сквозь джунгли. Возглавлял отряд индеец-проводник, отыскивавший дорогу с безошибочным чутьем. Лейтенант Кальес сказал ему, куда хочет попасть, и не сомневался, что приказ будет выполнен с безупречной точностью. Они двигались параллельно укреплениям, вытянувшимся вдоль британской дороги, высматривая места, где ее можно атаковать.

День выдался изнурительным — и огорчительным. В последний раз, когда они ходили этой дорогой, здесь строился мост, и работающие солдаты были прекрасными мишенями, пока поспешно призванная охрана англичан не прогнала отряд гверильеро прочь. Теперь, подойдя к оврагу, они обнаружили, что деревянный мост скрыт мощным земляным валом. Любая попытка штурмовать его была бы самоубийственной.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли своей цели — глубокой долины, лежащей между холмами. Склоны ее настолько круты, что перекинуть через нее мост попросту невозможно. Здесь дорога спускалась к стене долины, проходила по ее дну и снова взбиралась на холмы с другой стороны. Тут для гверильеро открывалась масса возможностей проскользнуть сквозь джунгли и нанести внезапный удар. Раньше — но не теперь.

— Бастионы... — проронил он вполголоса.

— *Mande?*[49] — переспросил проводник.

— Ничего. Я говорил сам с собой. Погляди вперед. Видишь?

— Британцы очень постарались. Должно быть,

---

[49] Примечания: 49
Чего изволите? *(исп.)*

они отчаянно хотят построить эту дорогу.

— Да. И они не боятся учиться на уроках своей собственной истории.

Проникнуть к врагу в тыл через долину больше невозможно. Ее заполнили щебнем, валунами, землей, целыми деревьями, выкорчеванными с корнями и поваленными на дно долины. Их наваливали все больше и больше, пока не заполнили всю долину, сделав ее непроходимой.

— Был такой великий британский генерал, — сказал Каль-ес, — сражавшийся против Наполеона во Франции и Португалии. Он построил укрепления в Торрес-Ведрас, остановившие французов и заставившие их обратиться в бегство. Им это не понравилось. Кто-то изучил историю генерала Веллингтона и применил эти знания на практике, чтобы построить укрепления здесь.

— Пойдем дальше, — предложил проводник. — Должна же быть какая-нибудь лазейка на ту сторону.

— Надеюсь... Но сомневаюсь. Как и Наполеон, боюсь, что путь нам отрезан.

* * *

Прибыв в бухту, которую ему указали как место встречи британской эскадры, корабль ВМФ США

«Мститель» не обнаружил ни единого корабля. Время и место были правильными. Единственное, чего недоставало, — это кораблей. И ни малейшего признака присутствия оккупационных войск в Вест-Индии. Они пробыли на этом месте целый день, но горизонт оставался девственно-чистым. Утром пароход отправился к Ямайке и обнаружил там только американские и нейтральные суда. Прежде чем вернуться к месту встречи, крейсер обошел ближайшие острова. В полдень командор Голдсборо лично измерил координаты. Штурман не ошибся. Именно та широта и долгота, о которых сообщали шпионы из Англии. Голдсборо охватило тревожное ощущение, что дела складываются очень-очень неладно. Он обернулся к первому помощнику:

— Не нравится мне это, совсем не нравится. Мы находимся в нужном месте в нужное время, так ведь?

— Совершенно верно, сэр.

— Ну, и видите вы какой-нибудь грандиозный захватнический флот? Разрази меня гром, если я его вижу.

— Никакого, сэр.

— Не рискнете ли предположить, в чем же дело?

— Ну, все теперь кажется очевидным, сэр. Нашу разведку обвели вокруг пальца, по каким-то неизвестным мне причинам. Нас послали гоняться за призраками.

— Совершенно с вами согласен. Проложите курс к Флориде. Вашингтон должен знать, что мы выяснили.

«Мститель» развернулся и на всех парах устремился к Флориде. К ближайшей телеграфной станции.

* * *

— Значит, вас представят королеве? — спросил лорд Пальмерстон и тут же замычал от боли, когда карета заскакала по грубой булыжной мостовой. Приступ подагры почти прошел, но нога все-таки давала о себе знать.

— Я удостоен этого удовольствия, — ответил бригадир Сомервилл, немного покривив душой. Ему были не по душе ни двор, ни царедворцы. Он скорее предпочел бы стоять во весь рост на поле боя, среди свистящих со всех сторон пуль и картечи, чем пройти через сегодняшнее испытание.

— Вы умный человек, — с ноткой снисхождения в голосе сказал Пальмерстон. — Вы сможете объяснить ей все технические детали.

— А разве там не будет герцога Кембриджского? Уж наверняка главнокомандующий армии может прояснить эти материи куда лучше, чем я.

— Пожалуй, что так. Но это будет ни рыба ни мясо. Мы с герцогом обсудили этот вопрос в клубе вчера вечером. И пришли к полнейшему согласию.

«Да уж еще бы», — подумал Сомервилл, но не стал высказывать подозрения вслух. Ему оставалось только надеяться, что расстрелять гонца, принесшего дурные вести, теперь не так-то просто.

Слишком уж скоро колеса кареты затарахтели по двору Букингемского дворца, и лакей распахнул дверь, едва она остановилась. Войдя во дворец, они встретили герцога Кембриджского, уже прибывшего туда и с наслаждением покуривавшего трубку в передней.

— А, вот и вы, — проговорил он, вставая. — Во всеоружии, дабы поведать Ее Величеству интересные подробности о нашей великой победе.

— Как прикажете, сэр, хотя я не жажду славы. Если вы желаете высказаться...

— Глупости, Сомервилл. Шила в мешке не утаишь. В конце концов, идея целиком и полностью принадлежит вам. Надо воздать по заслугам тем,

кто заслужил, и все такое.

Сомервилл, смирившись с неминуемым, вошел в аудиенц-залу, высоко подняв голову и развернув плечи, будто шел на эшафот.

Виктория была настроена плаксиво.

— Ну, что там с этими событиями в Мексике? Нас проинформировали, что флот был откомандирован в Вест-Индию. Но до нас доходят странные донесения...

— Не следует слушать досужие домыслы людей, сплетничающих только для того, чтобы помолоть языком, дорогая кузина. Давайте почерпнем из кладезя мудрости самого победоносного стратега. Бригадир Сомервилл просветит всех нас.

Она с подозрительным прищуром уставилась на неуклюже поклонившегося офицера.

— Мэм, я с огромным удовольствием поведаю вам о великом и победоносном британском подвиге в Мексике.

— Эй, а что насчет Вест-Индии?

— Там все прошло в точности согласно плану, мэм. Тамошний успех зависит от успеха в Мексике. Вашему Величеству, конечно, известно о дороге, ныне прокладываемой через перешеек Теуантепек, дабы войска Вашего Величества, прибывшие из Индии, могли пересечь Мексику

от одного океана до другого без малейших помех. Поначалу мы намеревались проложить дорогу до крупного порта Веракрус. Путь от Тихого океана до него лежит неблизкий. Посему по тщательном размышлении было решено, что маленькая рыбачья деревушка куда более отвечает нашим нуждам. Дорога будет короче и, таким образом, оборонять ее куда легче. Но деревня Коатсакоалькос...

— Что вы сказали? — раздраженно возвысила она голос. — Мы не поспеваем за вами.

— Прошу прощения, мэм. — Сомервилл вдруг ощутил, что воротник душит его, и весь покрылся испариной. — Я выразился чересчур неловко. Позвольте мне лишь добавить, что наш военно-морской флот застал врага совершенно врасплох. Мы сумели выгрузить все тяжелые орудия конвоя, а враг даже не знал. Окопав их, мы сделали порт неприступным.

— Не тот ли это военный флот, о котором нам сообщили, что он атакует Вест-Индию?

— Так точно, мэм.

— Значит, лгали! — заверещала она, оборачиваясь к герцогу Кембриджскому. — Вы лично сказали нам о Вест-Индии. Разве это не ложь?!

Сомервилл, испытав немалое облегчение, от-

ступил на пару шагов назад.

— Это не ложь, дорогая кузина, а то, что можно назвать *ruse de guerre*[50]. Шпионы янки роятся здесь в Лондоне на каждом шагу, как тараканы. Разве мы не обнаружили одного прямо в сердце Уайтхолла?

— В нашем дворе нет шпионов! — голос королевы звучал настолько пронзительно, что ранил слух. Но герцог даже бровью не повел.

— Шпионов нет. Но болтливые языки есть. Мелют, не думая, даже когда их слышат слуги. И эти сплетни идут на продажу газетенкам самого низкого пошиба, а то и, пожалуй, кое-кому из шпионов. Присутствующий здесь бригадный генерал предложил, чтобы эта деревушка — как там бишь ее — была нашим портом с самого начала. — Царственный взор обдал бригадира таким холодом, что он съежился. — Но в приказах в качестве порта назначения всегда упоминался Веракрус, чтобы отвлечь внимание от нашей настоящей цели. Я лично одобрил это. Настоящий же пункт назначения был известен очень немногим. Этот отвлекающий маневр сработал настолько великолепно, что уловка с конвоем

---

[50] Примечания: 50
Военной хитростью *(фр.)*.

напрашивалась сама собой, в его продолжение. Все эти корабли получили приказ встретиться в определенном пункте. Они считали, что приказ достоверен. Мы уверены, что у шпионов янки имелась не одна возможность взглянуть на копии этих приказов. Вероятно, военные корабли бдительно охраняли свои приказы, но торговцы наверняка пренебрегали подобными предосторожностями. Затем, перед самым отплытием, каждый капитан получил запечатанный пакет, каковой следовало распечатать только далеко в открытом море. Секретные приказы были вскрыты лишь тогда, когда корабли совершенно утратили связь с землей.

— Благодаря ruse de guerre были спасены многие британские жизни, мэм, — подхватил Пальмерстон. — Меня и самого известили лишь после того, как флот отплыл. — Что было неправдой, но для политика правда — всего лишь инструмент, которым он манипулирует по собственному усмотрению.

— То была великая победа в войне, дабы наказать тех, кто повлек смерть вашего супруга, — встрял герцог в откровенной попытке увести разговор в сторону.

Никогда не отличавшаяся умом и легко отвле-

кавшаяся Виктория попалась на крючок.

— Да, и что насчет этой войны? Что насчет ваших обещаний?

— Скоро будут выполнены. Десантные плацдармы подготовлены, порты обороняются, вторжение планируется. А янки удалось обвести вокруг пальца. Уверяю вас, вся страна на вашей стороне. Память об Альберте будет увековечена, а злодеи наказаны. Гнев империи поразит их.

— Как? — осведомилась Виктория, все еще толком не понимая, что произошло, окончательно запутавшись во всех этих изменениях во изменение. — Как мы поразим врага?

— Мы ударим прямо в беззащитное побережье Мексиканского залива. Армии империи собираются в Мексике. Они маршируют от побережья до побережья. Торговые корабли, доставившие пушки в Мексику, ожидают под защитой тех же самых орудий, чтобы принять на борт войска для вторжения. Когда прибудут наши линейные корабли, они будут охранять транспортные суда. Сопроводят их в целости и сохранности к американскому побережью. Единственным неудержимым ударом мы погоним врага прочь и двинемся к Вашингтону. Вскоре после того мы закуем Линкольна в кандалы, и Америка снова

станет частью империи. Альберт будет отмщен!

Нация в затруднении

Соединенные Штаты были вовлечены в противостояние с Британией на таком количестве фронтов — и на суше, и на море, — что требовались постоянные консультации на самом высоком уровне. После ряда жарких дискуссий между армией и флотом по поводу приоритетов было принято решение, что армия уже по самой своей численности составляет основу вооруженных сил, и посему дискуссии проходили в военном министерстве. В здании наспех были сделаны необходимые перестройки по соседству с комнатой 313, и теперь ежедневные совещания проходили в только что открывшемся зале военного совета. Его круглосуточно охраняли вооруженные солдаты, поскольку находящиеся внутри папки и карты на стенах по новой классификации считались совершенно секретными.

Собравшиеся в зале офицеры и правительственные чиновники негромко переговаривались между собой, пока ровно в девять не вошел президент Линкольн. Как только дверь за ним заперли, он уселся, поставив локти на длинный стол и сложив пальцы домиком перед собой, после чего

крайне мрачно кивнул собравшимся.

— Джентльмены, полагаю, наша страна пребывает в крайне затруднительном положении. Быть может, кое-кто из вас не видел последние донесения, поэтому я попрошу военного министра вкратце изложить их вам.

Кивнув, Стэнтон отхлебнул воды из стакана, стоявшего у его локтя, и похлопал по толстой стопке бумаг перед собой.

— В Мексике дела идут с переменным успехом. Есть удачи, есть провалы. Как всем прекрасно известно, к великому сожалению, мексиканскую регулярную армию разгромили французы и их союзники. Президент Бентон Хуарес ради спасения был вынужден бежать в нашу страну. Поскольку мексиканская армия разбита и рассеяна, нам оставалось надеяться только на различные группы сопротивления, разбросанные по всей стране. Мы снабжали эти нерегулярные войска стрелковым оружием и боеприпасами. А по возможности и пушками. В графу успехов можно отнести тот факт, что Монтеррей, Сан-Луис-Потоси и Гвадалахара пали под напором мексиканских войск севера и запада. На юге взята Пуэбла. Сейчас стальное кольцо смыкается вокруг Мехико. Французы впадают в отчаяние и через Максими-

лиана запросили о переговорах. Хуарес не внял их просьбам, потому что предпочел бы стереть французов с лица земли. Но поскольку мы снабжаем его армии изрядной частью оружия и всеми боеприпасами, он вынужден прислушиваться к нам. Поэтому переговоры с французами скоро начнутся.

В графу неприятностей следует внести тот факт, что через перешеек Теуантепек ныне строится дорога для войск агрессоров. Британцы возвели оборонительные укрепления вдоль всей ее длины и оказывают отчаянное сопротивление. Моральный дух мексиканцев на этом фронте крайне низок, потому что генерал Диас и его люди считают, что сражаются за наше дело, а не за свое собственное, и жаждут прекратить действия против британцев, чтобы присоединиться к наступлению на столицу. Их чувства можно понять — и в ближайшее время в этом отношении следует что-либо предпринять. Далее генерал Шерман поведает вам о предложении высадить наши войска в Веракрусе и атаковать дорогу в надежде перерезать ее. Ныне же контр-адмирал Портер сообщит вам последние новости о военно-морском аспекте мексиканского театра военных действий.

Контр-адмирал Дэвид Диксон Портер беспокойно заерзал в кресле. Ему было бы куда уютнее на мостике судна, чем один на один с политиками и офицерами, собравшимися вокруг этого стола.

— Все довольно просто, — начал он. — Британцам удалось всерьез провести нас. К нам поступило немалое число донесений, представлявшихся точными и достоверными, что крупный военный конвой с войсками и крупнокалиберными орудиями отплыл из Англии в Вест-Индию. Теперь же выяснилось, что это была лишь уловка, ставившая целью ввести нас в заблуждение. Вынужден сказать, что в этом они весьма и весьма преуспели. Они высадили оккупационный десант в Мексике, в пункте, являющемся, как нам теперь известно, атлантической оконечностью дороги. Деревня называется Коатсакоалькос. Они выгрузили на берег чудовищное количество войск и орудий и утвердили на берегу надежную цитадель. Согласно первым донесениям, взять ее с моря невозможно. Ныне отдан приказ о проведении более тщательной разведки, результаты которой будут изложены здесь сразу по поступлении. Кроме того, британские корабли по-прежнему останавливают наши суда в море, отбирая грузы, якобы являющиеся кон-

трабандой.

— 1812 год сызнова, — проронил Гидеон Уэллс. Будучи министром военного флота, он воспринимал это как личное оскорбление. — Они пропускают наши протесты мимо ушей и не выказывают ни малейшего интереса к тому факту, пребываем ли мы в состоянии мира или войны с ними.

— Они предпочитают войну, — заметил Шерман. Сидевший рядом с ним Роберт Э. Ли угрюмо склонил голову в знак согласия. — С момента высадки в Мексике они пребывают в состоянии войны с Мексикой и явно имеют намерения расширить границы конфликта, дабы перенести его на нашу территорию. Тропические джунгли перешейка не представляют для них ни малейшего интереса — кроме возможности построить дорогу, чтобы атаковать нас. В конечном итоге мы не могли не понять истинного назначения этих плацдармов — вторжения в нашу страну. Не объявляя войны, они ввели нас в заблуждение, что дало возможность укрепить и вооружить восточную оконечность дороги. Я настоятельно предлагаю, чтобы — с объявлением войны или без оного — мы послали армию перерезать эту дорогу. Я телеграфировал генералу Гранту, чтобы

он незамедлительно прибыл в Вашингтон. Я предлагаю поручить ему возглавить армию, которая должна атаковать и перерезать эту дорогу, прежде чем войска смогут пройти по ней маршем до Атлантики.

— Поддерживаю, — сказал Ли. — Существует множество способов вести военные действия, и способ генерала Гранта — самый подходящий для грядущей битвы. Он бульдожьей хваткой вцепляется в противника и не выпускает его, добиваясь победы, как бы ничтожны ни были шансы на успех и как бы надежны ни были бастионы противника.

— Предстоит долгая, изнурительная позиционная война, и Грант самый подходящий человек для этого, — добавил Шерман. Бесстрастно оглядел сидящих за столом, и взгляд его светлых глаз был холоден, как взор орла. — Грант удержит их войска, может быть, и не разобьет, но удержит уж наверняка. Британцы дорого заплатят за свое решение пересечь Мексику.

— Вы подразумеваете, что Грант лишь может разгромить врага, — заметил Линкольн. — Не могу поверить, что вы столь легко поддаетесь пораженческим настроениям, потому что знаю, это не в вашем характере.

— В этом вы совершенно правы, господин президент. Мы должны воспринимать мексиканское вторжение и посягательства на наши суда как помехи, призванные отвлечь нас от главной цели.

— То есть? — осведомился Стэнтон.

— Выиграть войну. Все упирается в войну, и британцы наверняка уже поняли это. Мы должны экспортировать войну к ним и диктовать им нашу волю. Они должны проиграть — и проиграть настолько безоглядно, чтобы им больше и в голову не приходило предпринимать военные авантюры подобного рода против нашей суверенной нации. Силой оружия их надо вынудить отбросить малейшее упование на грядущие завоевания.

Многие из сидящих за столом невольно охнули, осознав значение заявления Шермана. Общее мнение выразил Линкольн:

— Генерал Шерман, не предлагаете ли вы, чтобы мы экспортировали войну к врагу — то есть захватили Британию?

— Я не предлагаю этого, сэр, хотя такая возможность не исключена. На самом же деле я имел в виду, что мы должны перестать плясать под их дудку. Они уже вторгались в наше суверенное государство, и мы дали им отпор. Теперь они

возобновят эту войну, угрожая вторжением во второй раз. И их надо остановить.

— Но как?

— Вот это мы и должны решить здесь, в зале военного совета. Здесь собрались лучшие стратеги нашей страны. Мы должны отыскать выход из этого тупика. Но пока решение не принято, я хотел бы переговорить с генералом Ли. Сегодня он присутствует здесь по моему личному приглашению. Думаю, я не погрешу против истины, сказав, что все мы признаем, что он умеет выигрывать сражения против превосходящих сил противника. Он знает, как перехитрить вражеских генералов, нанести удар там, где этого меньше всего ожидают, на несколько ходов опережая противника и разя в самые уязвимые места. Именно он может отыскать способ переправить войну к нашему врагу.

— Вы возьметесь за такое, генерал? — спросил Линкольн.

Ли выдержал — и выиграл — так много сражений, что утратил им счет. И до сих пор еще не оправился от серьезной болезни; морщины на лице и бледность были свидетельством тому. И, несмотря на это, он не колебался ни мгновения. И ответил президенту, как только вопрос

прозвучал:

— Полагаю это своим долгом, господин президент.

— Хорошо. Вы творили чудеса, выигрывая сражения во время Конфедерации. Мы будем весьма обязаны вам, если вы приложите те же таланты, дабы ныне повергнуть в замешательство и разбить нашего общего врага.

* * *

Томас Мигер испытывал весьма смешанные чувства. Прошло уже больше двух десятков лет с той поры, когда он в последний раз глядел на зеленые холмы Ирландии. И вот теперь перед ним на фоне ослепительно-голубого неба впереди поднимались Дублинские горы. Уже два десятка лет назад он покинул Дублин на военном транспорте, скованный кандалами по рукам и ногам, как дикий зверь. Приговор ему был смягчен до пожизненной каторги в Тасмании, на другом конце света. Он и не думал, что ему доведется вернуться в Ирландию снова, даже когда бежал с каторги, покинув Тасманию, и добрался до Америки. Теперь он стал солдатом, генералом, командиром Ирландской бригады в американской армии. Недурная карьера для приговоренного

революционера. Америка была добра к нему, но его ирландская кровь и земля предков все еще взывали к нему. И то, что он вернулся в страну праотцов, казалось ему восстановлением справедливости. Ирландия! Глядя через океанский простор на землю, где был рожден, он вдруг ощутил странное удовольствие, утолившее жажду души, которую он прежде даже не осознавал. Он вернулся. Он дома.

— Дивный вид, а, генерал? — заметил сержант Уильям Г. Тайрелл, стоявший рядом с ним у фальшборта пакетбота.

— Воистину. И, кроме того, для вас и вам подобных я мистер ОТрэйди, если не хотите увидеть меня на каторжном судне снова. — Он не осмелился вернуться под своим именем, поскольку — даже после стольких лет — оно могло пробудить в памяти властей нежелательные воспоминания. Вместо этого имевшиеся при нем письма и документы удостоверяли его как У. Л. Д. ОТрэйди, его сослуживца по Ирландской бригаде. Кроме того, в свое время ОТрэйди служил морским пехотинцем в Королевском флоте и имел безупречный послужной список.

Корабль издал гудок, проходя мимо бастиона и входя в Кингстонскую гавань. Им пришлось сде-

лать сперва порядочный крюк, из Нью-Йорка они отравились в Гавр во Франции, где их встретил американский агент с билетами — билетами от Франции до самой Ирландии.

— Для нас нежелательно, чтобы кто-нибудь услышал ваш акцент, — сказал он. — Просто покажите билеты, буркните что-нибудь, не раскрывайте рта и платите всем подряд непомерные чаевые. Тогда все рядовые британцы будут стремиться услужить вам — и не будут задавать никаких вопросов.

Их безымянный провожатый оказался прав. Паром доставил их через Ла-Манш в Саутгемптон на южном побережье Англии, где они сели на поезд. По пути пришлось проскользнуть в массу лазеек, и множество серебряных шиллингов сменили хозяев. То же самое произошло, когда они поднялись на борт пакетбота в Холихеде. Этот окольный путь был необходим, поскольку всякий прибывший прямо из Соединенных Штатов в Ирландию пробудил бы подозрение, был бы допрошен, а то и обыскан.

— Еще раз доложите мне, где и когда мы встретимся, — потребовал Мигер.

— Через неделю в четверг, прямо вон там в зале ожидания первого класса на вокзале. Вокзале

Кингстона. А перед этим... О, я буду дома с семьей. Я прямо как наяву чувствую вкус бекона с капустой. Свежеиспеченного пресного хлеба. Моя тетушка завсегда была чародейкой у плиты.

Тайрелла выбрали в спутники генералу во время первой поездки потому, что тот был дублинцем — причем подлинным; его послушать, так у него в Рингсенде столько родственников, что они населяют всю округу.

— Ешьте все, что пожелаете, — ответил Мигер, — но ни капли в рот, по крайней мере на публике, смотрите, с кем беседуете. Слишком уж часто фениев предавали прежде.

— Со мной такого не случится, присягаю, сэр. Мои дядюшки, родные и двоюродные братья — единственные, с кем я собираюсь поговорить.

Они разошлись, как только паром причалил, разлучившись, прежде чем влиться в поток пассажиров, сходящих по трапу. Мигер проигнорировал двух солдат у входа на верфь; после стольких лет ему вовсе незачем было опасаться, что власти все еще энергично разыскивают его. Покинув порт, он перешел через дорогу, к вокзалу. Издали донесся паровозный гудок, и вскоре на станцию с пыхтением вполз коротенький поезд. Генерал купил билет — уж тут-то его ак-

цент определенно не помешает! — и сел в поезд. Поездка была короткой, поезд останавливался только в Сендикоув и Гленейджери, прежде чем подкатить к станции Далки. Подхватив саквояж, Мигер вместе с двумя другими пассажирами сошел на платформу. Тщательно изучал расписание поездов, вывешенное перед станцией, пока остальные пассажиры не скрылись из виду, затем огляделся и — да, вот он, всего в нескольких шагах вниз по холму — тот самый паб, о котором ему говорили. С саквояжем в руке он решительно приблизился к пабу и толчком распахнул дверь. Трактирщик в полосатом синем фартуке продавал бакалею покупательнице в лавчонке в дальнем конце стойки.

— Присаживайтесь! — крикнул он. — Я буду к вашенским услугам, как только окончу обслуживать миссис Рили.

Мигер оглядел сумрачный интерьер паба, керосиновые лампы и пивные краны, рассыпанные по полу опилки и улыбнулся: боже, сколько воды утекло!

— Были в отлучке, аюшки? — осведомился трактирщик, поднося кружку портера. — Ни разу не видел таковского покрою в Дублине.

— Разводил овец. В Новой Зеландии.

— Вы подумайте! Экое расстояние отмахали!

— Два месяца по морю, ежели ветер попутный.

— Вы не с Далки, — утверждение, а не вопрос. Ирландия, как всегда, так и осталась большой деревней, где все и всякий знают друг друга как облупленных.

— Нет. Зато мой двоюродный братец тутошний.

— Да бросьте вы!

— Правда. Зовут Фрэнсис Кирнан.

— Который женатый на Бриджит?

— Он самый. Он сюда заходит?

— Завсегда. Но сейчас вы его сыщете дома. Вниз по холму, первый поворот направо. Дом, который уже пора перекрывать.

— Благодарствуйте.

Еще немного поболтав о погоде, последнем урожае картофеля и прискорбных политических делах, трактирщик отправился обслуживать очередного покупателя в бакалею. Осушив кружку, Мигер отправился искать двоюродного брата.

Своего настоящего двоюродного брата по материнской линии. Когда кружок фениев принял решение перестроить революционное движение в Ирландии, все единодушно постановили, что в ближайшее время можно общаться только с

родственниками. Самый верный способ избежать предательства. Политика — дело одно, зато семья связывает людей куда более прочными узами.

Отыскав нужный дом, он постучал и отступил на шаг. Изнутри послышались шаркающие шаги, и дверь распахнулась.

— Это ты, Фрэнсис? — спросил Мигер. Близоруко мигая, мужчина среднего возраста кивнул. Но сквозь морщины и седые волосы Мигер явственно разглядел черты мальчишки, которого знал как себя самого. — Все еще ходишь на баркасе, а?

— Чего? Вы кто будете?

Улица была пуста, но генерал все равно прошептал, подавшись вперед:

— Из рода Мигеров.

— Матерь божья! Томми, ты?!

— Он самый. Ну, долго ты собираешься держать меня на пороге?

Оба обрадовались встрече несказанно. Бриджит куда-то отлучилась, поэтому Кирнан приготовил чай сам, пошарил в шкафчике и отыскал бутылку славного ирландского виски, чтобы сдобрить напиток. Они потолковали о семье и прошедших годах, и Фрэнсис не раз наполнял чашки, прежде чем Мигер перешел к цели своего визита.

— Американские газеты пишут, что фении пре-

даны, вожди арестованы...

— Их продали всех скопом! В уме не укладывается, как может человек, ирландец, предать своих соседей? Всякий, кто на такое способен, — просто дерьма кусок нижайшего пошиба, куда более мерзкого, чем англичане, которые его покупают.

— Тут я согласен. Но народ Ирландии не остановить. Освободительное движение восстанет из пепла, как феникс. Я прибыл, чтобы лично позаботиться об этом, — и если я не ошибаюсь в тебе, ты поможешь мне. — Он выудил стопку десяти шиллинговых и фунтовых банкнот и швырнул на стол. Увидев вытаращенные глаза Фрэнсиса, улыбнулся. — Я скажу тебе, что именно нужно сделать с ними.

— Иисусе, так это не мне?

— Но ты можешь потратить, сколько потребуется, на дело, к которому я хочу тебя приставить.

— Это будет опасно?

— Нет, если будешь держать свое ирландское хлебало закрытым, а не молоть языком направо и налево, с чего это ты вдруг разжился деньгами. Эти суммы для людей, которым ты доверяешь, — членов нашей семьи или семьи Бриджит. Ну, дай-ка я тебе расскажу, что надо делать.

Новый способ организовать движение фени-

ев растолковал ему Гус Фокс. Офицеры кружка фениев будут навещать Ирландию поодиночке. Беседовать только с ближайшими родственниками, вербуя их в движение. Никаких контактов с чужаками и никаких старых друзей, как бы близки они ни были. Причиной краха фениев в прошлом послужила именно массовая вербовка, когда в организацию мог вступить всякий. Новая организация будет состоять из отдельных ячеек, втолковывал Фокс. Члены одной ячейки будут знать только друг друга — и офицера, завербовавшего их. Ни один из членов одной ячейки не будет знать никого из членов другой, даже в своем родном городе. Всех руководителей ячеек будет знать только Мигер. Он будет снабжать их деньгами, а они будут снабжать его сведениями. Опытных рабочих надо уговаривать — и помогать им деньгами, — чтобы они пересекали Ирландское море и получали работу в Британии. На верфях, железных дорогах, металлургических заводах. Они будут доносить обо всем, что сумеют узнать. Перемещение войск, судов, любую кроху информации, которая может принести Фоксу хоть какую-то пользу. Собрав вместе все крохи, он сумеет увидеть общую картину, которая им не видна. На ее основе он будет писать разведы-

вательные сводки, играющие жизненно важную роль для военных, добывать данные военной разведки, играющие решающую роль в современной войне. А заодно — уже одно то, что он одновременно оживляет ирландское революционное движение, только поможет. Любая мелочь, способная выбить британцев из колеи, внесет свой вклад в победу.

Враг моего врага — сызнова...

Наступление начинается

Джон Эрикссон ни на миг не усомнился в надежности каждого из построенных им кораблей. В новых конструкциях не избежать мелких проблем — как, к примеру, с рулевыми тягами на его «Мониторе». Он заранее ожидал этого, и опыт доказывал, что будет довольно лишь краткого испытательного плавания. «Виргиния» не составила исключения. Она отплыла из новой верфи в Ньюпорт-Ньюс, вспенив спокойные воды Хэмптон-Роудз, и вышла на просторы Атлантики. Судно оправдало упования Эрикссона: были обнаружены лишь мелкие проблемы, но их быстро решили. Потребовалось усилить теплоизоляцию паропровода в том месте, где он проходил через отсеки под орудийными башнями. Местами изо-

ляция лопнула, обнажив раскаленные трубы. Теперь на нее наложили заплаты и покрыли их толстыми досками. Эрикссон надеялся, что ему не придется вести пар из машинного отделения, расположенного в трюме, но, увы, ему еще не удалось завершить конструкцию своего двигателя Карно.

А пока устранялись эти мелкие недоработки, на борт были погружены запасы провианта для людей, порох и снаряды для орудий.

Эрикссон находился на мостике, бросив пальто в сторону, чтобы не мешало последней регулировке очередной машины его собственного изобретения — механического телеграфа, который будет передавать инструкции капитана в машинное отделение.

— Мистер Эрикссон, позвольте вас побеспокоить.

В ответ инженер, натягивая тонкую цепь на зубчатое колесо, подключенное к телеграфному механизму судна, лишь пробурчал какое-то ругательство. И только когда все заработало как надлежит, Эрикссон прикрутил крышку и поднялся на ноги, вытирая испачканные смазкой руки ветошью. Его распорядитель работ Гаррет Дэвис дожидался в стороне, нервничая, как все-

гда, а рядом с ним стоял военный моряк — весьма рослый, щеголявший элегантными усами.

— Это капитан Рафаэль Семмс, — сообщил Дэвис.

— Фамилия знакомая, — отозвался Эрикссон. Протянул было руку, но тут же отдернул ее, заметив, что она перепачкана в смазке.

— В пору вражды я имел честь командовать судном военного флота Конфедерации «Алабама». Быть может, это...

— Да, конечно. Помню. Отличное судно, и вы очень дельно воспользовались им во время последней войны. Как там его обзывали в газетах? *Ja*[51] — «Акула Конфедерации».

Во время войны между штатами этот рейдер британской постройки взял изрядную дань с торгового флота Союза.

— И где ж она теперь, ваша «акула»?

— Затаилась в логове, сэр. На нее ставят новую машину, дополнительные орудия, броню и все такое, полагаю. Но при всей моей любви к ней я куда более заинтересован новым броненосцем вашей постройки. Должен признаться, я нажал кое-какие рычаги, вплоть до Джефферсона Дэ-

---

[51] Примечания: 51
Да *(шведск.).*

виса. Упирал на то, что в новом военном флоте должны служить офицеры не только с Севера, но и с Юга.

— Сильный аргумент, — одобрил Эрикссон, оглядывая свои руки и отбрасывая грязную ветошь. — Ну и как, ваши старания увенчались успехом?

— Думаю, да. Мне поручено командовать кораблем ВМФ США «Виргиния».

— Воистину добрая весть! Позвольте поздравить вас с новым назначением — на самый могущественный броненосец на свете. Пойдемте со мной. Как только я помою руки, я смогу пожать вашу. А потом проведу вас по кораблю.

Эрикссон сдержал обещание, первым направившись в трюм, в машинное отделение, почти целиком заполненное громадной паровой машиной.

— Самый большой и самый мощный двигатель из сконструированных доныне, — с гордостью поведал Эрикссон. — Моей собственной конструкции, конечно. Четыре цилиндра — еще ни в одной машине не делали четырех цилиндров. Вы также должны отметить, что пар выпускается при более низком давлении. Моя конструкция; такого еще никогда не делали. А чего стоят ору-

дийные башни! Вы должны их увидеть.

Они забрались в носовую башню через бронированный люк позади. Семмс с благоговением воззрился на орудия. Вот это размер! Прямо не верится, что они установлены на корабле!

— Задача была непроста, но я справился с ней. Это двенадцатидюймовые орудия, отправляющие разрывной снаряд за пять миль. Заряжаются с казенника, как видите. Заодно обратите внимание на пневматические амортизаторы у основания. Разумеется, тоже мое изобретение, — Эрикссон указал на цилиндры по обе стороны орудия. — При выстреле отдача орудия толкает эти поршни внутри этих цилиндров. Они сжимают воздух, замедляющий орудие, а сжатый воздух вырывается через вот эти отверстия. А теперь самое остроумное. Едва орудие дойдет до упора, вот эти клапаны закрываются, как только выйдет весь сжатый воздух, — и в цилиндры впускается пар. В каком-то смысле вы получаете вертикальную паровую машину. Так что пушка с чрезвычайной легкостью, без человеческих усилий, снова выталкивается вперед, в боевое положение.

Добрый час спустя Эрикссон и Семмс снова поднялись на палубу. Оба с головы до ног перемазались копотью и смазкой во время своей

экскурсии по кораблю, но пребывали в блаженном неведении о своем состоянии. Семмс схватил руку шведа обеими руками.

— Сэр, вы гений, клянусь! Этот корабль — произведение искусства, невероятно чудесной конструкции, военный корабль неукротимой мощи, и я чувствую себя счастливейшим человеком на свете, потому что мне позволено стать его первым командиром. Спасибо вам, сэр, спасибо!

— Весьма рад, что вам он понравился, — проговорил Эрикссон с едва уловимым намеком на скромность. Но его смирения хватило ненадолго. — Вы правы, это творение великого гения, которое мог построить только я.

* * *

Менее двух недель спустя «Виргиния» бросила якорь в гавани Веракруса. Выйдя на летучий мостик, капитан Семмс вдохнул жаркий сырой воздух. Дымный и прелый. Смесь города и джунглей. Гавань буквально забита судами, на первый взгляд не меньше двадцати. И трехмачтовые, и пароходы. В самой гавани два бронированных колесных парохода, неподалеку от судов, пришвартовавшихся у верфи. Подальше в море на якоре еще группа судов. Услышав шаги позади,

капитан обернулся и увидел, что на мостик поднимается госсекретарь.

— Доброе утро, мистер Сьюард.

— И вам доброе утро, капитан. Должен снова поблагодарить вас за то, что задержали это чудесное судно в порту, пока я не поднялся на борт. Я не только прибыл к месту назначения быстро и с комфортом, но и лично познакомился с нашим военным флотом. И теперь чрезвычайно горжусь этим.

— Ваше присутствие на борту — большая честь для меня, сэр.

— Для меня тоже. Теперь, повидав жизнь на борту броненосца, я еще больше ценю моряков, защищающих нашу страну. С вашим кораблем не сравнится ни один из тех, на которых я плавал прежде. Это скорее двигатель или мореходная машина, весьма несхожая с деревянными парусниками, которым она пришла на смену.

— Вам было неуютно?

— Отнюдь нет. Я пребываю под сильным впечатлением, ибо верю, что путешествие на этом корабле подобно путешествию в будущее. Признаюсь, поначалу рокот двигателя тревожил меня, но скоро я к нему привык. Это ничтожная цена за скорость и удобство путешествия. А в мир-

ное время? Будут ли стальные корабли, подобные этому, в мирное время? Несущие пассажиров через океаны всего света?

— Непременно будут! — с энтузиазмом отозвался капитан. — Корабли, более неподвластные произволу стихий, быстрые — и даже роскошные. Скорее подобные гостиницам в море, нежели тихоходным скрипучим парусникам. Будущее за пароходами, уж вы мне поверьте.

— Искренне верю, — обернувшись к перилам, Сьюард увидел, что нос большого корабля огибает паровой катер, направляющийся к ним. На корме его развевался звездно-полосатый флаг, а на носу человек с двумя флажками передавал семафором какое-то сообщение.

— Прочтите, — распорядился Семмс. Сигнальщик на мостике стремительно набрасывал что-то на грифельной доске. Покончив с этим, он передал доску капитану, тот быстро просмотрел сообщение и передал его вахтенному офицеру.

— Мистер Сьюард, на борт прибывает генерал Улисс С. Грант.

— Весьма удачная встреча, ибо кому, как не ему, знать, что происходит у мексиканцев и французов.

— Спустить трап, — приказал капитан. — И

приготовиться к церемонии встречи, подобающей рангу генерала. Мы встретим его здесь, на мостике. — Теперь, когда судно уже не двигалось, воздухозаборники на палубе больше не несли прохладу вниз, и капитанская каюта напоминала металлическую душегубку. Семмс мысленно отметил, что надо бы посмотреть в уставе, как подобает встречать на борту судна генерала. Он превратился в командира рейдера прямиком из владельцев торгового судна. К счастью, его первый офицер был выпускником Аннаполиса.

Они смотрели, как на палубу поднимается Грант — плотный бородатый мужчина в синем мундире рядового с единственным знаком ранга — звездами на погонах. Быстро взбежав на мостик, он приветливо кивнул госсекретарю.

— Очень рад вас видеть здесь, господин секретарь. Здешние политические махинации выходят далеко за рамки моего понимания. — Обернувшись, он протянул руку Семмсу. — Капитан, увидеть вас и ваш корабль воистину приятно.

— Так что ж тут происходит, генерал Грант? — поглядел в сторону берега Сьюард.

— Ну, сэр, вообще-то политики толковали не одну неделю, но сегодня наконец-то пришли к соглашению. Французы сдались. Их войска

будут разоружены, после чего им позволят отбыть. Вон там их корабли, видите, — те, что стоят у причалов. Мексиканцы хотели расстрелять Максимилиана, но наша делегация вроде как отговорила их от этого. Но его и всех офицеров будут держать здесь под неусыпной охраной, пока не будут выполнены все условия сдачи. Похоже на то, что когда французы затевали эту войну, они отправили все разбитые мексиканские войска прямиком во Францию. Когда эти солдаты вернутся — ну, тогда и остальные французы смогут уехать.

Глядя на массивную башню с двумя орудиями перед мостиком и пушки помельче вдоль борта броненосца, Грант радостно кивнул.

— Я рад видеть эти орудия. Уж больно долго мои войска просидели на этих кораблях, стоящих на якоре. Я не хотел высаживать их без прикрытия на случай, если что-нибудь пойдет не так. Это местечко похоже на пороховой склад, поблизости от которого полыхает пожар. Если вы будете добры направить свои орудия в сторону берега, чтобы прикрыть высадку, буду вам весьма признателен.

— Почту за честь, генерал Грант. Заодно постараюсь подвести этот корабль как можно ближе

к берегу. Позвольте предложить вам поставить сигнальщика на берегу в таком месте, где мы сможем его видеть. Тогда мы сможем поддерживать связь.

— Непременно так и сделаю. Господин секретарь, не желаете ли отправиться со мной?

— Непременно. Консул Хэнкок введет меня в курс дел с переговорами.

Как только паровой катер с пыхтением добрался до берега, высадка американских войск началась — в северной оконечности гавани, как можно дальше от французских кораблей, где стояли американские войсковые транспорты. Первым делом на берег высадили стрелковый полк. Быстро построившись, полк зашагал через порт к дальней верфи. Выйдя на позицию, он развернулся в линию лицом к французским судам. В то же самое время была выгружена батарея легких орудий Пэррота, поднятых лебедками из трюмов. Каждое орудие весит всего 899 фунтов, так что канониры и пехотинцы смогли вручную доставить их на позиции. В бою эти нарезные скорострельные орудия способны сеять смерть направо и налево.

На пехотинцах, высадившихся из соседнего транспорта, были серые мундиры. Даже в этой

армии, объединившейся против британских захватчиков, полки трепетно берегли свою индивидуальность и командовали ими старые командиры.

Затем в городе пропели трубы, и послышался приглушенный рокот барабанов. Он становился все громче и громче, и наконец в порту показались первые шеренги французов. Они даже не пытались идти в ногу, а просто брели, олицетворяя собой картину поражения. Безоружные, растерявшие остатки боевого духа. Пока они грузились на собственные суда, американская армия продолжала высадку со своих.

— Да, такого зрелища вам больше не увидеть, — заметил Семмс, и вахтенный офицер закивал в знак согласия. — Для полноты картины не хватает только, чтобы пара-тройка мексиканцев размахивала своими новыми флагами.

— Да вон же они, сэр, — указал вахтенный офицер. — Вон те вооруженные конвоиры, марширующие позади французов, наверняка мексиканцы.

— Полагаю, вы правы, — подтвердил Семмс, поглядев через бинокль. — Ну, если это не исторический момент, то я и не знаю.

На балконе *ayuntamiento*[52] стояла небольшая группа чиновников. Именно здесь происходили переговоры, определившие условия капитуляции и мира. В их числе находился и госсекретарь Сьюард вместе с Джонсоном Хэнкоком, американским консулом в Веракрусе, — массивным (кое-кто назвал бы его толстым) человеком, совершенно взмокшим от пота. Он не лучший из консулов, зато его семья торговала в Мексике не один год, и его знание испанского давало ему немалые преимущества. Он высился над миниатюрным президентом Мексики Бенито Хуаресом, как башня.

— Сплошь убийцы, ускользнувшие от наказания, — с горечью проронил Хуарес.

— Это всего лишь рядовые солдаты, ваше превосходительство. Они здесь против своей воли, они пешки, подвластные воле тирана Наполеона. Не забывайте, их офицеры остаются здесь, равно как и узурпатор Максимилиан, в роли заложников до возвращения ваших мексиканских войск.

— Их следовало бы поставить к стенке и расстрелять.

Хуарес устремил полный мрачного негодо-

---

[52] Примечания: 52
Муниципалитета *(исп.).*

вания взгляд на соседний балкон, где стояли французские офицеры, окружившие низложенного императора. Зрители на обоих балконах смотрели на шагающую внизу вереницу разгромленных солдат, совершенно игнорируя друг друга. Одобрительно кивнув, Сьюард обернулся к Хэнкоку.

— Будьте добры, скажите президенту, что это великий момент в истории Мексики. Узурпатор лишен власти, и страной снова правит законно избранное правительство.

Хэнкок перевел, после чего снова повернулся к Сьюарду.

— Его превосходительство благодарит вас за добрые пожелания. И за щедрую помощь, сделавшую эту победу возможной.

— Хорошо. Значит, самое время напомнить ему, что в стране еще находятся захватчики — англичане. Мир не сможет воцариться в ней окончательно, пока и они не будут изгнаны с этих берегов.

Напоминание об англичанах отнюдь не обрадовало Хуареса. Они хорошо окопались и вооружены до зубов, а его войска отнюдь не рвутся в бой. Какое им дело до англичан? Пусть себе построят дорогу, воспользуются ею и уйдут.

Пробормотав толстому янки какие-то смутные заверения, Хуарес снова устремил взгляд на уходящие войска. Это великий момент, и он желал насладиться каждой секундой унижения врага.

Войска шли все утро. Незадолго до полудня генерал Улисс С. Грант вновь поднялся на борт «Виргинии».

— Все идет гладко, как и надлежит, — сказал он, озирая гавань с высоты мостика. — Я хочу, чтобы мои войска побыли здесь, пока все французы не уйдут. Кроме того, им нужна передышка на берегу, после того как они парились на борту этих кораблей. А для этого мне потребуется ваша помощь, капитан.

— Все, что попросите, генерал.

— Пока я буду в отлучке, за делами может присмотреть генерал Джо Джонстон.

— Джозеф Э. Джонстон?

— Он самый. Мой заместитель. И я чрезвычайно рад, что он бьется бок о бок со мной — а не против меня. Но прежде чем повести людей на штурм британской дороги, я бы хотел разузнать о ней побольше. Особенно о порте, находящемся в ее противоположном конце. В том местечке Коатса-как-то-там.

— Мне бы и самому было весьма любопытно

взглянуть на него.

— А взглянуть на него с вашего корабля, капитан Семмс, судя по всему, самый безопасный способ выполнить эту задачу.

* * *

Слуга разбудил капитана Фосбери, командира корабля Ее Величества «Отважный», вскоре после рассвета. «Отважный» и его близнец «Смелый» стояли на якоре в Мексиканском заливе у самого берега.

— Впередсмотрящий докладывает о дыме на горизонте, сэр. Направление восток — северо-восток.

— Принесите мне кофе, — капитан зевнул во весь рот, натягивая брюки. Спал-то всего пару часов. Но оставил приказ доложить, если что-нибудь покажется в море.

— Вон там, сэр, — доложил вахтенный офицер, как только капитан поднялся на мостик, передавая свой бинокль капитану.

— Броненосец, — отметил Фосбери. — Судя по обводам, определенно не наш. Известите «Смелого», если там его еще не заметили. И разведите пары.

Они подошли к берегу предельно близко, на-

сколько удалось без риска сесть на мель; теперь под килем «Отважного» было не больше двух саженей, зато он находился под надежным прикрытием сухопутных батарей. Но все-таки на войне исход битвы заранее не угадаешь. Возможность, что враг втянет его в бой, когда судно не может даже толком развернуться, пришлась Фосбери отнюдь не по душе.

Тем временем на борту «Виргинии» генерал Грант неторопливо осматривал оборонительные сооружения через бинокль. Небольшая флотилия транспортов на якоре, два военных корабля разводят пары. Он не проронил ни слова, лишь сжал зубы, сурово нахмурившись.

— Самый малый вперед, — приказал капитан Семмс. Он не опасался более мелких броненосцев, но с большим уважением относился к батареям, затаившимся на холмах.

Их еще отделяли от берега добрых четыре тысячи ярдов, когда береговые батареи внезапно трижды полыхнули огнем и тотчас же скрылись за тучами черного дыма. Не далее двухсот ярдов от борта в воздух взмыли два фонтана воды, а еще один — чуть ли не прямо по носу.

— Руль круто на левый борт, — приказал Семмс. — Полный ход!

— Довольно хорошая стрельба, — заметил Грант.

— Слишком хорошая, — отозвался Семмс, когда фонтан взмыл возле носа по штирборту, на том самом месте, где был бы корабль, не измени они курс. — А мы не в состоянии вступить в единоборство с этими батареями, не получив серьезных повреждений, даже несмотря на броню.

— А нельзя ли атаковать порт с моря большими силами?

— Сомневаюсь. Может, броненосцы и уцелеют под огнем, но у деревянных транспортов нет ни единого шанса.

— Именно так я и думал. Поэтому, пожалуй, придется посмотреть, как все это выглядит с суши.

Судя по полученным донесениям, немногим лучше. «Что ж, — подумал Грант, — посмотрим, посмотрим».

Фронт расширяется

Густав Фокс был чересчур занят, чтобы предаваться утехам светской жизни. Да и обедал впопыхах, а то и вовсе не обедал, если вдуматься. Он всегда плотно завтракал, потому что не раз и не два случалось, что эта трапеза оказывалась

для него единственной за день. Чаще всего ему приходилось ограничиваться бутербродами с сыром в комнате 313 или, в лучшем случае, холодной жареной курицей. Но отказаться от этого приглашения было свыше его сил, учитывая личность человека, от которого оно исходило.

Фокс еще ни разу не бывал в ресторане Уормли, хотя тот пользовался репутацией наилучшего ресторана в Капитолии, где отличных ресторанов и так не счесть. Фокс помедлил перед входом, глядя сквозь хрустальные стекла двери на ярко освещенный зал и хорошо одетых посетителей. Может быть, следовало надеть флотский мундир? Вообще-то на это просто не было времени. И вот он здесь, застенчивый, как юнец на первом свидании. Усмехнувшись собственной нерешительности, Фокс толкнул дверь.

— Чем могу служить, сэр? — осведомился метрдотель, облаченный в элегантный фрак, с набриолиненными усами, кончики которых загибались кверху почти согласно моде Старого Света. Однако акцент сводил все впечатление на нет.

— Пожалуйста, я приглашен на обед в шестой кабинет.

— Разумеется, сэр. Будьте любезны следовать

за мной.

Они прошагали по коридору вдоль главного обеденного зала к неброской двери, наполовину скрытой бисерными занавесками. Тихонько постучав, провожатый Фокса отступил в сторону и распахнул дверь. Фокс вошел. Сидевший за столом седобородый мужчина встал, протягивая руку.

— Мистер Фокс, я чрезвычайно рад, что вы нашли возможным присоединиться ко мне, хотя я известил вас в последнюю минуту.

— Мне ваше приглашение доставило неподдельное удовольствие, генерал.

Несмотря на черный костюм и щегольской фуляровый галстук, спутать этого человека со штатским было почти невозможно. Строгая выправка, зоркий взгляд, да, пожалуй, кавалерийские сапоги. В погонах или без них — генерал Роберт Э. Ли не мог не внушать уважение.

— Мне сказывали, — начал Ли, — что лучшего мятного джулепа, чем у Уормли, во всем Вашингтоне не сыскать. Будучи виргинцем, я отношусь к этому напитку чрезвычайно патриотично. Составите ли вы мне компанию?

— С удовольствием, сэр.

Вообще-то особого выбора у Фокса не было;

наполненные бокалы уже дожидались их на буфетном столике. Фокс поднял свой:

— За ваше доброе здоровье, генерал!

— Что ж, спасибо, и за ваше тоже.

С бокалами в руках они перешли к накрытому столу, сверкавшему хрусталем и серебром.

— Думаю, мне сказали истинную правду, — заметил Ли, когда оба уселись. — Это действительно замечательный мятный джулеп. Полагаю, что черепаховый суп великолепен, просто великолепен. Я взял на себя вольность заказать на нас обоих. — Откинувшись на спинку стула, он решительно дернул за шнурок звонка.

Считаные секунды спустя дверь распахнулась. Официант-негр в форменной куртке внес большую супницу, исходящую паром. Поставил перед гостями тарелки, наполнил их супом. Обслуживая их, он не проронил ни слова. После чего ушел, закрыв за собой дверь.

— Славно, — одобрил Ли, отведав суп. — На второе нырок, тоже традиционное местное блюдо.

Пробормотав что-то в знак согласия, Фокс принялся есть. Суп в самом деле весьма и весьма недурен. Попутно Фокса терзал вопрос, зачем это Ли пригласил его сюда, но он не мог отыскать способ спросить об этом.

За едой они немного поболтали — о рано наступившем лете и прочих несущественных предметах, никак не связанных между собой. Лишь после того, как со стола убрали, а бокалы наполнили портвейном, Ли перешел к сути дела. Запер дверь за официантом, сел, отхлебнул портвейна и поглядел на Фокса в упор.

— Я мог бы повидаться с вами и у вас в кабинете, но хотел, чтобы все осталось между нами, — потому что я хочу с вами обсудить вопрос величайшей важности.

— Это вполне можно понять, генерал.

— Знакомы ли вы с решениями военного совета?

— Отнюдь. Я просто передаю сведения наверх, своему начальству. Но почти ничего не получаю в ответ.

— Когда я спросил у военного министра, с кем мне следует переговорить по поводу всех дел, имеющих отношение к военной информации, а также к секретности, он без колебаний однозначно рекомендовал вас. А также сказал, что вы можете знать обо мне больше, чем я сам.

— Не больше, — улыбнулся в ответ Фокс, — но надеюсь, что достаточно. Позвольте вас заверить, что уследить за вами во время войны между шта-

тами было чрезвычайно трудно.

— Что ж, к счастью, это дело прошлое, — улыбнулся Ли. —

Теперь мы объединились ради другой войны. И вот об этом я бы и хотел с вами потолковать. Об англичанах.

— Вы читали мои рапорты?

— Да. Они весьма детальны, но вы ни разу не указали источники своей информации.

— Это делается только для защиты моих агентов. Если у вас есть основания подвергать сомнению какие-либо факты или умозаключения, я могу удостоверить их точность.

— Ни в коем случае, — отмахнулся Ли. — Я уверен, что ваши источники надежны. На самом деле мне нужна информация более общего характера. Пожалуй, более стратегической природы. Скажем, наподобие дороги, которую прокладывают британцы в Мексике. Уверены ли вы, что она будет использована для вторжения в нашу страну?

— Не испытываю ни малейших сомнений. Просто она годится только для одного — позволить войскам промаршировать от Тихого океана до Атлантического. А эти войска могут преследовать только одну цель — погрузиться на суда, чтобы

принять участие в агрессии на нашу страну. Побережье Мексиканского залива — наше самое уязвимое место. Если они закрепятся там, то выжать их будет отчаянно трудно. Поэтому мы должны попытаться остановить вторжение еще до того, как оно начнется. Буде таковое возможно, их корабли не должны выйти в море.

— Совершенно с вами согласен. В настоящее время генерал Грант ведет свои войска на юг из Веракруса, чтобы атаковать оборонительные укрепления дороги. Как нам обоим известно, он офицер даровитый. Если есть на свете хоть один человек, у которого хватит решимости и таланта перерезать дорогу, — что ж, это он.

— Мой профессиональный опыт по сравнению с вашим ничтожен, генерал, но уверяю вас, что в этом вопросе мы полностью разделяем ваше мнение.

— Тогда давайте рассмотрим другой вопрос. Можем ли мы что-нибудь сделать с портом на другом конце дороги? Вы моряк. Нет ли способа провести массированную атаку на тихоокеанский конец?

Отодвинувшись от стола, Фокс сделал изрядный глоток портвейна, прежде чем ответить.

— Вы не единственный, кому в голову пришла

эта мысль. Как раз сейчас я готовлю рапорт на эту тему по запросу министра военного флота. Теоретически это возможно. Но на практике это потребует значительных усилий. Это не просто кинжальный удар, необходимо создание двух океанских флотов. Что, в свою очередь, означает удвоение выпуска судов. И если бы только это! Даже добраться туда будет очень трудно. На атлантическом побережье Южной Америки очень мало портов, где суда могут дозаправиться углем, а на тихоокеанском и вовсе ни одного. Значит, в тамошних морских портах придется разместить сухогрузы с углем. Затем атакующий флот должен будет совершить тяжелый поход на юг до оконечности Южной Америки и обогнуть мыс Горн. У британцев же уже имеется солидный азиатский флот, и к тому времени, когда наши суда доберутся до тихоокеанского побережья Мексики, враг уже будет нас там поджидать. Словом, дело это возможное, но трудное и дорогостоящее, и нет никакой гарантии, что в конечном итоге оно увенчается успехом.

— Понятно. А теперь давайте взглянем пошире, если можно. Если мы не будем атаковать этот тихоокеанский порт, нет ли каких-либо других частей Британской империи, где наши войска

могли бы нанести удар настолько серьезный, чтобы отвлечь внимание англичан от мексиканской авантюры?

— Почти никаких. Со времени мятежа в Индии и заварушки в Китае они разместили в Азии значительные силы. Настолько значительные, что без труда могут забрать из них столько полков, сколько потребуется для скорого вторжения в Мексику.

Ли недовольно потер челюсть. Осушил и снова наполнил бокал.

— Как вы могли догадаться по тону моих вопросов, я получил боевой приказ. Разумеется, вы не будете об этом распространяться.

— Разумеется, генерал.

— Боюсь, моя репутация в конце концов подвела меня. Я известен тем, что давал сражения там, где меня не ожидали, и выигрывал их вопреки теории вероятностей. Теперь я должен отыскать способ сделать это снова — но против англичан. А эта задача чертовски трудна. У англичан наверняка должны быть враги. Не можем ли мы заключить союз с кем-либо из них?

— Боюсь, что нет. Они тесно сотрудничают с французами, и Виктория в восторге от французского императора. Ее любимый дядюшка

— король Бельгии. Пруссаки, а фактически говоря, большинство немецких аристократов — ее родственники. Конечно, остается Россия, все еще таящая на них злобу по поводу Крыма, но военный флот у нее аховый, а армия ужасно далеко от Британских островов.

— А как насчет самой Англии? Мы совершали рейды на ее берега во время войны 1812 года — да и во время последней войны тоже; нельзя ли сделать это снова?

— Это возможно, но это будет булавочный укол. За последние годы возведена масса береговых укреплений. Это племя островитян, господствующее в Мировом океане. Если нападать на них, то нападать придется с моря. Посему на протяжении столетий они выстроили такие береговые укрепления, каких нет ни у одной другой страны.

— Вот проклятье! Если не рейды, то почему бы нам не врезать им покрепче по той точке, где они этого меньше всего ждут? Высадить войска в огромных количествах и вторгнуться на их остров? Уж такого-то они не смогут не заметить!

— Это было бы кошмаром, — горестно покачал головой Фокс, — я бы сказал, такое почти невозможно. Пришлось бы пересечь три тысячи миль по морю, прежде чем высаживать десант — на

враждебный и хорошо укрепленный берег. Если бы, скажем, мы заключили союз с Францией, группировку войск можно было бы скопить там, подготовить транспорты и дозаправить наши боевые корабли, чтобы нанести внезапный удар через Английский канал. Но это чересчур призрачная перспектива. Франция никогда на такое не пойдет.

— И никаких других возможностей?

— Ничего не приходит в голову...

Еще не договорив, Фокс широко распахнул глаза, оттолкнул стул, вскочил на ноги и заходил из угла в угол. Ли затаил дыхание. Подойдя к двери, Фокс отпер ее, выглянул в пустой коридор, снова запер и обернулся.

— Есть! Дайте-ка подумать... Есть одна возможность. Я назову ее вам только раз. В данный момент никто не должен даже догадываться, что мы придумали. Я не сгущаю краски, таково реальное положение дел. — Он пересек комнату, сложил ладони рупором, наклонился к генералу и едва слышно выдохнул: — Ирландия.

— Я слышал, что вы сказали, но не постигаю значения ваших слов. Вы должны поосновательнее растолковать мне значение сего именно острова, название которого мы должны поми-

нать только шепотом.

— Непременно! Вы наверняка слышали о недавних тамошних мятежах, о мятежниках, схваченных и брошенных за решетку, об их повешенных вождях. А далее вам следует учесть, что в нашей армии служит множество верных сынов этого острова. Под моим руководством они сейчас формируют новую организацию на старой родине, такую, в которую не смогли бы проникнуть шпионы и осведомители. Организацию, которая будет снабжать меня разведывательными данными о событиях на Британских островах. Я уверен, что вам известно о некой бригаде, имеющейся в нашей армии. Из той самой страны. Все они сейчас лояльные американцы и готовы отдать жизнь, если потребуется, за свою новую родину. И хотя они теперь американцы, это не мешает им все еще испытывать сильную привязанность к старой родине. Чувства эти у них весьма сильны, это национальное самосознание, если поверите. Я не знаю других, подобных им. Немецкие американцы все еще говорят о старой родине, испытывают ностальгию по ней, когда малость захмелеют. Но они даже не думают о прусской политике и не имеют ни малейшего желания возвращаться в Фатерлянд. Но люди, о которых

мы говорим, не таковы. Их волнует покинутая родина, они думают о своих друзьях и родственниках, оставшихся там. — Фокс понизил голос до шепота: — Движение фениев, националистическое движение, в Ирландии пользуется серьезной поддержкой, и в каждом полку бригады есть его ячейки. Пожалуй, мы могли бы воспользоваться этим во время войны против англичан. С нашей помощью революционная организация быстро разрастется. Затем мы можем снабдить ее оружием, и очередной мятеж вполне может стать успешным.

Ли угрюмо тряхнул головой.

— Хотя я не специалист в политических материях, я хорошо разбираюсь в тактике и военном искусстве. Неужели англичане не расквартировали собственных солдат в этой стране?

— Да. У них там несколько гарнизонов.

— Тогда гражданское восстание обречено на крах. Особенно учитывая близость Англии и Шотландии.

— Да, — печально кивнул Фокс, — вижу, вы правы.

Взяв графин, Фокс принялся наполнять свой бокал. С головой уйдя в это занятие, он не заметил ни выражения сосредоточенного размышления

на лице Ли, ни его внезапной улыбки.

— Не спешите признавать собственное поражение, мистер Фокс. Я никогда этого не делал вплоть до самого конца.

— Я что-то не улавливаю, о чем вы, генерал.

— Все очень просто. Восстание не может быть успешным. Но под руководством и при участии бывалых людей на местах, что ж, полагаю, весьма реальная возможность, что вторжение на этот остров, чье имя мы не осмеливаемся упоминать чересчур громко, дабы не быть услышанными, может оказаться вполне успешным, — увидев ошеломленное выражение лица Фокса, он улыбнулся. — Да, воистину так. Американское вторжение, оккупация данного острова наверняка отвлекут внимание противника от его мексиканской авантюры. При тщательном планировании это вполне может осуществиться. Вы говорите, местное население будет приветствовать наш приход?

— С распростертыми объятиями, генерал, с распростертыми объятиями.

— Тогда мы изучим возможность подобного вторжения. Я уверен, что если британцы, проснувшись однажды утром, увидят развевающийся у них под носом звездно-полосатый флаг по ту

сторону узенького моря, не сомневаюсь, что они будут чудовищно огорчены. Пожалуй, настолько огорчены, что забудут о мексиканской авантюре, чтобы заняться защитой своей родины.

Заговор молчания

Генерал Улисс С. Грант вышел из своей палатки, попыхивая первой за день сигарой. Только-только рассвело, и туман все еще стелился по земле между деревьями; на траве блестели бусинки росы. Было довольно прохладно, но генерал знал, что стоит солнцу подняться, как жара возьмет свое. Здесь похуже, чем на Миссисипи летом, — если только такое возможно. Допив чашку утреннего кофе, он поглядел на этого странного латиноамериканца с ирландской фамилией. Вместо того чтобы спать в палатке, тот переночевал на голой земле, завернувшись в одеяло. Уже проснувшись, он беседовал со смуглым мужчиной в национальном костюме, сидя на корточках. Грант подошел к ним.

— Не предстоит ли нам сегодня небольшая прогулка по солнышку? — поинтересовался Грант.

— Непременно, генерал.

— А собираемся ли мы встретиться с кем-нибудь из местных бойцов — как там вы их называете?

— *Guerrilleros*, — подсказал Амбросио О'Хиггинс. — Они с энтузиазмом дожидаются возможности поработать с нами. По-испански это означает тех, кто ведет маленькую войну — guerrilla. Они присоединятся к нам сегодня, только попозже. Они ведут эту войну в джунглях уже много лет. Нападают на врага там, где он этого не ждет, потом исчезают снова, прежде чем он успевает опомниться и дать отпор. Они весьма поднаторели в этом. Теперь, когда французы разбиты, большинство воинов вернулись на свои фермы, поскольку враг изгнан, основные силы этих

бойцов больше не заинтересованы в уничтожении англичан ради нас. Они думают, что выиграли свою собственную войну, и не видят смысла умирать за нас. Но денег в Мексике всегда недостает, и эти молодые люди с радостью подзаработают, помогая нам. У нас на службе осталась только молодежь, сыновья, любящие приключения и не желающие гнуть спину с мачете или _awdon_ — мотыгой. Вдобавок им нужны деньги, поскольку крестьяне в этой стране очень бедны. Идея получить плату американской монетой их восхитила.

— Еще бы! Вы сказали им, что я хочу взглянуть на вражеские укрепления вблизи, прежде чем

приведу остаток своих войск?

— Да. Кроме того, я как раз беседовал с Игнасио, — он указал на молодого индейца, сидевшего на корточках, точа свой мачете напильником, — он говорит, что обнаружил отряд лазутчиков по нашу сторону сооружений, и хочет знать, не сможем ли мы их истребить по пути к вражеским позициям?

— Дельная идея. Но мне нужны и пленники — офицеры. Они смогут отличить офицеров от рядовых?

— Конечно.

— Плачу по пять долларов за каждого офицера, которого они захватят.

— Вы воистину щедрый человек, генерал Грант.

— Не забывайте об этом. Пошли.

Армия, вставшая лагерем на прибрежной равнине под вулканами-близнецами — Окотал-Чико и Окотал-Гранде, — осталась позади. Кроме отряда индейцев, с которым им предстояло встретиться, Грант взял с собой стрелковое отделение под командованием лейтенанта. Все они вызвались на эту миссию добровольцами, так что в команду попали солдаты и в серых, и в синих мундирах. А то и в двухцветных, поскольку

новое обмундирование мало-помалу сменяло старое, истрепанное на войне. Не прошли они и пары миль, когда Игнасио рысцой припустил к густой рощице. Сложив ладони рупором, он издал весьма натуральный крик попугая. Безмолвная группа людей, вышедшая из-за деревьев, остановилась, поджидая их. О'Хиггинс растолковал им, чего от них хотят. Когда же он упомянул о вознаграждении, которое они получат за захват вражеских офицеров, на смуглых лицах заиграли улыбки.

Потом гверильеро рассыпались и скрылись из виду. А солдаты зашагали следом, вытянувшись в колонну вдоль неровной, петляющей тропки. Из-за зноя они шагали не спеша, опаляемые лучами солнца, почти физически ощутимыми в жарком воздухе.

Шли уже около часа, когда в джунглях впереди вдруг затрещали выстрелы.

— Шире шаг! — скомандовал лейтенант. Солдаты, взяв ружья на изготовку, поспешно затрусили вперед. Грант и О'Хиггинс вслед за ними выбежали на лужайку. Перестрелка уже закончилась. Там и тут на земле распростерлись темнокожие солдаты в окровавленных красно-коричневых мундирах. Английский офицер в таком же мун-

дире, но с лейтенантскими нашивками, сидел на земле, поддерживая раненую руку. Позади него стоял улыбающийся мексиканец, занеся над ним окровавленный мачете.

— Лейтенант, — распорядился Грант, — пусть этого человека перевяжут. Назовите мне свое имя и звание.

— Катитесь вы ко всем чертям, — буркнул офицер, пытаясь встать на ноги, но стоявший позади индеец толкнул его на землю и прижал мачете к его горлу. — И вы позволите этому дикарю перерезать мне горло?

— Не исключено, — холодно отозвался Грант. — Имя и звание?

Несмотря на загар, офицер явственно побледнел, в тревоге воззрившись на острый как бритва клинок.

— Лейтенант Фиппс, 22-й Бомбейский.

— Вот так-то лучше, лейтенант Фиппс. Ладно, перевяжите его и отрядите двоих солдат с ним обратно в лагерь. И чтобы никаких инцидентов по пути! Я хочу потолковать с ним сегодня вечером. Ну, давайте посмотрим эту дорогу.

Но самой дороги они так и не увидели. Подойдя к опушке, они узрели стофутовую просеку, заваленную гниющей растительностью, а по ту

сторону просеки высился земляной вал с редутами наверху. И стрелками, как выяснилось, когда сквозь листву над их головами просвистела пуля. Не сдержавшись, Грант недовольно замычал.

— И так везде? — поинтересовался он. — Вся дорога?

— Боюсь, что так, генерал, — совершенно по-латиноамерикански развел руками О'Хиггинс. — Сам-то я не видел, но толковал с людьми, прошедшими вдоль всех укреплений. Это весьма отважные люди, но они говорят, что не стали бы пытаться атаковать укрепления. Может быть, ночью, но при свете дня — ни в коем случае.

— Что ж, я хотел бы немного пройтись вдоль них сам, прежде чем мы повернем обратно.

Глядя на свежие земляные укрепления и жерла пушек, Грант понял, что, если атаковать врага здесь, сражение будет долгим и трудным. Нужны пушки, много пушек, чтобы пробить в этой стене брешь. И множество солдат, изрядное множество солдат.

Но как бы хорошо он ни спланировал атаку, когда бы ни решил двинуться в наступление — множество отличных американских парней наверняка уже никогда не покинет эти мексиканские джунгли. Эта мысль повергла Гранта в

уныние. Но раз надо — значит, надо.

И все-таки как-то странно сражаться за Америку в чужом краю, так далеко от родины.

* * *

В кабинете президента Линкольна собралась небольшая, но весьма избранная компания. Кроме президента, присутствовали Густав Фокс, организовавший встречу, генерал Ли, а также госсекретарь Сьюард и военный министр Стэнтон. Они ожидали, озадаченно храня молчание, пока наконец Николай не распахнул дверь, впустив министра военного флота. Извинившись за опоздание, Гидеон Уэллс занял свое место за столом. Фокс поставил галочку на листке, который держал в руке.

— Вы последний по списку, министр Уэллс. Пожалуйста, заприте за собой дверь, когда уйдете, Джон, — обернулся Фокс к секретарю президента. — Я поставил у двери двух солдат, чтобы они не пускали сюда никого и даже близко не подпускали к двери.

Он подождал, пока не услышал лязг ключа, поворачивающегося в замке, после чего взял со стола стопку бумаг и передал ее генералу Ли. Приняв их, генерал заговорил:

— Нижайше прошу простить нас, джентльмены, за обстановку секретности, каковую вы можете счесть излишней. Но для этого имеются основания, и сейчас я их объясню. — Ли обошел вокруг стола, положив по листу бумаги перед каждым из присутствующих. — Я даю каждому из вас список присутствующих на этой встрече сегодня. Пожалуйста, держите этот список постоянно при себе, поскольку вопрос, поднимаемый сегодня, не должен упоминаться в разговоре ни с одним из лиц, не включенных в этот список. Исключений быть не может. Ради успеха наших планов мы должны поступить точно так же, как это сделал враг. Сохранить секрет.

— Какой секрет? — спросил Линкольн.

— Вот он. Вы наверняка припоминаете, что недавно ко мне поступила просьба разработать план потрепать противника, отыскать способ нанести ему удар. Завтра в зале военного совета я изложу подробности плана, как перенести боевые действия на территорию врага. После чего с одобрения всех присутствующих, членов кабинета и военных, мы перейдем к наступательной операции. Весьма важно, чтобы все ныне присутствующие поддержали предлагаемый мной план и не допустили, чтобы хоть что-нибудь вста-

ло на пути его осуществления. Хочу, чтобы вы помнили: это главный удар по англичанам, тот самый, который вы просили меня подготовить. — Помедлив, Ли одного за другим оглядел собравшихся, после чего продолжал: — Проще говоря, мы намерены атаковать тихоокеанский конец британской военной дороги в порту Салина-Крус. — Он спокойно подождал, пока утихнет ропот голосов. — Для этого нам потребуется как минимум половина ныне строящихся броненосцев. Далее, вдоль всей протяженности Южной Америки должны быть организованы пункты загрузки угля, а также оставлены угольные сухогрузы вдоль тихоокеанского берега Южной Америки, поскольку в данный момент угля там нет. Вдобавок потребуется порядочный транспортный флот для атакующих войск.

— Изложенное вами обойдется крайне дорого, — перебил его Гидеон Уэллс. — Мы должны удвоить наш флот, чтобы создать флоты на оба океана, а когда это будет сделано — ценой неимоверных затрат, должен добавить, — наш атлантический флот будет все того же размера, что и прежде.

— Если вы немного потерпите, мистер Уэллс, то скоро поймете, почему необходимо, чтобы сей план поддержали все присутствующие. При доб-

ровольной поддержке всех представленных здесь мы сумеем побороть противников плана, а то и разгромить их, если потребуется. Приготовления к этой атаке пойдут именно так, как я описал.

Этим людям, отвечающим за войну с врагом, подобный план пришелся совсем не по вкусу. Но прежде чем они смогли выразить свой протест, Ли поднял ладонь и улыбнулся чуть ли не лукаво.

— План, который я вам только что описал, будет выполняться и будет осуществлен, — он оглядел озадаченные лица собравшихся и добавил: — Но никто, кроме присутствующих здесь, не будет знать, что предлагаемая атака на британцев в Тихом океане только прикрытие, дабы убедить врага, что мы действительно будем атаковать тихоокеанский берег. Наша решимость должна быть очень убедительной. — Он снова оглядел озадаченных собравшихся. — Весьма убедительной, потому что на самом деле план атаки вовсе не таков, но это будет известно только тем из вас, кто ныне присутствует в этой комнате.

Он подождал, пока умолкнут недоуменные и вопросительные возгласы.

— Не забывайте, британцы поступили точно так же с нами — держали в секрете свои истин-

ные планы вторжения от собственного флота и всей Великобритании. Даже капитаны кораблей, участвовавшие в британской операции, думали, что отправляются в Вест-Индию. И лишь выйдя в открытое море, потеряв всякую связь с землей, они вскрыли свои запечатанные приказы и узнали, что вместо этого направляются в Мексику. Точно так же все замешанные в запланированную атаку будут верить, что мы отправляемся в Тихий океан. По примеру англичан приказы будут вскрыты только после того, как экспедиционный корпус выйдет в море.

— Но, черт возьми, — гневно воскликнул Стэнтон, — если не на вражеский порт в Мексике, то куда же мы идем?!

Ли оглядел сидящих за столом, намеренно затягивая паузу. Затем подался вперед, опершись обеими ладонями о стол, и произнес одно-единственное слово:

— Ирландия. — Ли лучезарно улыбнулся ошеломленным слушателям. — Мы намерены вторгнуться в Ирландию и освободить эту страну от британского ига. Полагаю, англичане очень быстро забудут о Мексике, когда увидят, что наши пушки направлены на них через Ирландское море.

Наконец голос Линкольна нарушил воцарившееся в зале молчание:

— Теперь вы должны признать, как сказала девушка исповеднику, что о некоторых вещах ни в коем случае не стоить говорить вслух. Когда генерал Ли впервые изложил мне этот план, я чувствовал себя точно так же, как вы сейчас. Я был ошеломлен. Но чем пристальнее его изучаешь, тем этот план выглядит убедительнее. Он весьма дерзок. Но дабы он удался, даже шепоток о его существовании не должен покинуть стены этой комнаты. Я уверен, что вы, джентльмены, понимаете почему. Под предлогом одной атаки мы должны подготовить другую. Англичане скоро наверняка узнают о нашем предполагаемом мексиканском вторжении — уж угольные-то суда и прочие приготовления будут замечены. И чем больше они будут готовиться к этому сражению, тем менее будут готовы к вторжению в Ирландию. Секретность — наш девиз, дерзость — наш способ. Это осуществимо — это будет осуществлено. Генерал Ли с радостью поведает вам, как именно.

Секретный план

Генерал Томас Мигер устал до невозможности. Плавание из Франции через Атлантику выдалось очень неспокойным, а потом он всю ночь трясся без всяких удобств на поезде от Нью-Йорка до Вашингтона. Войдя в свою палатку, он рухнул в кресло и начал устало стаскивать сапоги. Рассудок его занимала одна-единственная проблема: стоит ли снимать штатское платье, прежде чем отправиться на боковую. Или, может, просто повалиться на койку и заснуть всласть. Однако от необходимости принимать решение его избавил капитан Госсен, просунувший голову сквозь клапаны входа.

— На твоем месте я бы не слишком предавался неге. У меня уже неделю лежит на столе депеша. Ты должен доложиться генералу Роберту Э. Ли в военном министерстве, как только покажешься. Или раньше.

Мигер застонал, потом крикнул, чтобы ему оседлали лошадь, вздохнул — и снова натянул сапоги. А чтобы получше приготовиться к визиту — да, пожалуй, и сбросить усталость хотя бы отчасти, — опрокинул полстопки кукурузной, прежде чем выйти из палатки.

В военном министерстве его действительно ждали и тут же вызвали к нему провожатого. Солдат довел его до комнаты 313. Последовала небольшая задержка с допуском, пока не вышел Фокс, чтобы лично удостовериться, что это именно он.

— Генерал Мигер! Вас-то я и хотел видеть. Входите же!

Генерал Роберт Э. Ли сидел за письменным столом, разбирая груду бумаг. Поглядев на вошедших снизу вверх, он встал и обменялся с ирландцем рукопожатием.

— Рад познакомиться, генерал Мигер. Входите, устраивайтесь на диване со всеми удобствами. Как ваша поездка в Ирландию, будет ли из нее толк?

Прежде чем ответить, Мигер поглядел на Фокса; тот кивнул:

— Генералу Ли известно все о работе кружка фениев в Ирландской бригаде. Кроме того, он знает все о ваших нынешних попытках возродить фенийское движение в Ирландии.

— В таком случае я могу сообщить вам, сэр, что все прошло великолепно. Еще двенадцать моих офицеров как раз сейчас направляются в Дублин. Очень скоро они будут там, и у нас появится сеть

ячеек, раскинутая по всей стране. Да притом надежная и безопасная, без единого осведомителя.

— Очень рад слышать, — отозвался Ли. — В ближайшем будущем мне потребуется ваше тесное сотрудничество. Я с громадным удовольствием сделал бы вас членом моего штаба, но это привлекло бы к вам нежелательное внимание.

Мигер озадаченно потер челюсть, ощутив, как щетина хрустит под пальцами.

— Боюсь, я чего-то не улавливаю, о чем вы, генерал.

— Позвольте объяснить. В данный момент генерал Грант возглавляет экспедиционный корпус в Мексике, атакующий британцев, которые строят дорогу, внушающую нам серьезные опасения. Согласно его первым сообщениям враг основательно окопался и штурм его укреплений будет тяжелой и кровопролитной работой. Тем не менее мы должны увеличить давление на англичан. Вскоре вы получите приказы и официальные рапорты о планируемом наступлении с целью изгнать их из Мексики. Что будет осуществлено путем массированной атаки на тихоокеанский конец их дороги через перешеек.

— Это уж конечно, идея вроде бы хороша. Отрежьте пути подхода войск, и на вторжении

можно ставить крест.

— Рад, что вы так думаете. Так и продолжайте говорить своим офицерам и рядовым. Но никогда не говорите на людях — и даже в частной беседе — о том, что я скажу вам сейчас, какое бы сильное искушение вы ни испытывали. Ясно?

— Я что-то не понимаю...

— Тогда я должен ввести вас в курс. Вы будете одним из немногих, кому известно, что мексиканская атака никогда не состоится. Такова военная хитрость, уловка, чтобы заставить врага смотреть именно туда, куда мы хотим. Конечно, будут осуществляться и реальные действия, переброска кораблей и сухопутных войск и тому подобное. Но мы планируем совершенно иное вторжение. Даете ли вы слово, что не станете разглашать ничего из услышанного в стенах этой комнаты?

— Даю, сэр. Я бы присягнул на Святой Библии, если бы она у вас тут была. Клянусь благословенной Девой Марией, кровавыми ранами Христа, и пусть дикие псы Брайяна Бору[53] перегрызут мне горло, если я произнесу хотя бы звук.

— Ну, будет довольно и вашего офицерского слова. Мистер Фокс, будьте любезны.

---

[53] Примечания: 53

Брайян Бору — ирландский король, правивший в начале XI века, почти всю жизнь сражавшийся с датчанами и норвежцами.

Встав, Фокс извлек из жилетного кармана ключ и пересек комнату, приблизившись к висевшему на стене шкафчику не меньше ярда шириной, но всего пару дюймов глубиной. Отперев висящий на нем замок, Фокс распахнул дверцы, открыв взорам скрытую внутри карту.

— Вот наша истинная мишень, — произнес Ли.

Мигер подскочил, вытаращив глаза, не в силах поверить увиденному.

— Святая Матерь Божия, — прошептал он. — Это Ирландия! Мы вторгнемся в Ирландию?

— Совершенно верно. Мы освободим этот край от оккупационных войск и принесем в Ирландию демократию, точь-в-точь как мы поступили в Канаде.

Впервые в жизни Мигер просто онемел. Это дело, ради которого он трудился всю свою сознательную жизнь, которое всегда ему казалось проигранным заранее. Неужели мечтания патриотов на протяжении веков... Неужели они сбудутся еще при его жизни?! Это просто невероятно, но он должен поверить в это. Ведь это сказал генерал, а перед его взором сверкал Изумрудный остров.

Голос Ли доносился до Мигера будто издалека, он тряхнул головой, внезапно ощутив, что глаза

его полны слез, и смахнул их тыльной стороной ладони.

— Извините, генерал Ли, но это похоже на сбывшийся сон. Сон, который видел каждый ирландец на протяжении многих и многих сотен лет. Естественно, мое сердце разрывается от радости, и эти слезы — слезы благодарности. Благодарю вас за то, что вы делаете, благодарю от имени сотен тысяч мучеников, принесших жизнь в жертву родине, — и от лица всех ирландцев, ныне живущих под игом британской тирании. Это... это так неожиданно. Вам не понять...

— Пожалуй, я вас понимаю. Мы сражались за американскую независимость. Если, осуществив это, мы исполним мечты, которые ирландцы лелеяли веками, для нас это будет великая честь и повод для гордости. Ваша отчизна подарила Америке множество своих сынов. И нам приятно думать, что, защищая собственную страну, мы можем помочь преданному союзнику, подарившему нам так много солдат, отстаивавших суверенность этого края. Вы и ваши люди должны быть нашими глазами и ушами в Ирландии. И все-таки никто не должен даже заподозрить, что разведывательные данные, которые они собирают, потребуются армии Соединенных Штатов.

Осуществимо ли это?

Слова генерала Ли были столь значительны, что Мигер не мог усидеть. Подскочив, он начал расхаживать по комнате. Мысли его неслись галопом. Он снова и снова ударял кулаком о ладонь, будто хотел вышибить ответ из собственной плоти. Да, да, это действительно возможно.

— Это осуществимо. В конце концов, организация фениев и существует для того, чтобы планировать восстания. Только эта надежда на успех когда-нибудь в будущем не дает движению заглохнуть. Люди, работающие ныне в Ирландии во имя дела фениев, — наши глаза и уши. Все они верят, что собранные сведения будут храниться до того счастливого дня, когда восстание будет возможно, когда можно будет подняться против поработителей. Но, как вы сказали, только я буду знать, что собранные сведения предназначены для более важного и куда более оперативного использования. Это более чем возможно, и по сути именно так мы и поступили бы в любом случае.

— Восхитительно! Мне надо знать очень многое, прежде чем я смогу запланировать нападение. Помните, это наступление ни в коем случае не должно провалиться. Вы должны понимать, насколько шатко наше положение столь дале-

ко от этих берегов — и столь близко к Англии. Посему появление наших войск должно быть невидимым, об их существовании не должно быть известно — вплоть до момента, когда наступление начнется. Мы должны нанести удар быстро, точно — и своевременно. Если возможно, мы должны добиться победы до того, как о нашем присутствии станет известно в Англии. Ибо как только мы атакуем — и победим, — мы должны быть готовы к немедленной контратаке врага. Мы подвергаем себя грандиозному риску. Но если... когда мы добьемся успеха, это будет великая, историческая победа.

— Именно так, генерал. И каждый воин нашей Ирландской бригады с готовностью прольет свою кровь, дабы приблизить этот славный день.

— Если мы разработаем план достаточно хорошо, то проливаться будет только английская кровь. А теперь поведайте мне о своей стране. Все, что я вижу, это лишь карта острова передо мной. Я прошу населить эту карту людьми, рассказать об их городах и их истории. Мне же известно лишь то, что история эта была весьма бурной.

— Насилие! Нашествия! Откуда же мне начать, ведь вся история Ирландии — это история убийств и предательств. И прежде всего существо-

вания омерзительных плантаций в настоящем. Англичане всегда были бичом Ирландии, но это чудовище Кромвель обрушился на нашу страну, как вырвавшийся из ада дьявол. Ирландцев обчищали до нитки. Отбирали даже их собственные жилища. Срывали с домов соломенные кровли, его круглоголовые выгоняли женщин и детей на большую дорогу. В Ирландии нет цыган, но есть собственные бродячие жестянщики. Это наследники тех, кого Кромвель лишил крова, — ирландцы, обреченные скитаться по грязным проселкам до скончания веков. И не находить пристанища.

Кивая, Ли делал какие-то пометки в бумагах, лежащих перед ним.

— Вы упомянули о плантациях. Конечно, речь идет не о сахарных или хлопковых плантациях?

— Вовсе нет. Я имел в виду изгнание ирландцев-католиков из их домов в Ольстере и передаче опустевших жилищ протестантам из Шотландии. Это вражеское племя столь жестоко насаждено посреди нас. Посему и назвали сие плантациями. Можете перечесть по именам! В каждом городе Ирландии есть часть, район, которые называются ирландскими. Там живут истинные ирландцы, изгнанные из своих жилищ.

— Значит, запланированное вами восстание носит религиозный характер. Ирландские католики против англичан и их союзников-протестантов?

— Ничуть не бывало. Протестанты были в Ирландии всегда. Некоторые из ее величайших патриотов и сами были протестантами. Но вообще-то да, вот здесь, на севере, живут несгибаемые, упрямые люди — здесь, в Ольстере. Помню одну фразу, которую заставили нас заучить священники в школе. Это сказал англичанин, знаменитый сочинитель. «Ни разу не видел я более богатой страны или, откровенно говоря, более чудесного народа». Вот что он сказал. Но он продолжал: «И худшее в них — это горькая и ядовитая неприязнь, испытываемая ими друг к другу. Их клики испытывают столь давнюю ненависть, но притом сражаются на таком клочке суши, что напоминают людей, бьющихся на шпагах в бочке». Это сказал сэр Вальтер Скотт еще в 1825 году.

Подойдя к карте, Мигер притронулся в Белфасту и обвел вокруг него пальцем кружок.

— Они великие доки по части ненависти, вот так. Они ненавидят римского папу, но столь же сильно обожают толстую коротышку, сидящую на троне. Эта рознь тянется столетиями. Но не спрашивайте меня — сам я никогда не был на

севере. С кем вам следует поговорить, так это с доктором из нашей Ирландской бригады — военврачом Фрэнсисом Рейнольдсом. Он родом из Портстюарта в Дерри, на самом северном побережье. Но он изучал медицину в Белфасте, а потом практиковал там несколько лет. Если вам хочется узнать побольше о делах в Ольстере, он как раз тот самый, кто вам нужен.

— А он надежен? — поинтересовался Ли.

— Это самый непоколебимый фений среди нас!

— Значит, надо уделить особое внимание Белфасту и северу, — проговорил Ли, быстро набрасывая что-то на бумаге. — Подумать о консультации с врачом Рейнольдсом. Итак, что вы можете сказать о британском военном присутствии в Ирландии?

— Обычно в стране находится от двадцати до тридцати тысяч британских солдат. Наиболее массированное скопление вот здесь, в Каррике, на высокогорье к югу от Дублина. Оккупационные войска стоят там испокон веков, а теперь они расквартированы в кирпичных зданиях и постоянно готовы перейти к действию.

— А в других местах?

— Конечно, в Белфасте. И в Дублине, и Касле, и

в Корке на юге, а еще вот здесь и здесь.

Ли подошел к Мигеру, стоящему перед картой.

— А что вы можете сказать о дорогах и поездах?

— Почти все они идут из Дублина на север к Белфасту. Затем еще поезда на юг из Дублина вдоль побережья до Корка. На запад из Дублина через Шэннон до Голуэя и Керри. Ах, какое там замечательное побережье — цветущие заводи и синие реки!

Приглядевшись к карте поближе, Ли провел пальцем вдоль железнодорожных линий.

— Вы имеете в виду вот эту линию? Она не доходит до Дублина.

— Вообще-то нет. Это местная ветка, связывающая Лимерик с Корком. Точно такие же идут на севере между Дерри, Колрейном и Белфастом.

Мигер улыбнулся, полуприкрыв глаза; он видел не карту, а страну, из которой его изгнали столь жестоко.

Неужели мечта о свободе, на которую уповали ирландцы веками, наконец-то сбудется?

* * *

Бригадир Сомервилл пустил лошадь рысцой посреди дороги. Шкура животного лоснилась

от пота, хотя оно почти всю дорогу шло шагом, лишь иногда переходя на рысь на ровных, утрамбованных участках. Черт бы побрал эту вечную жару! Бригадир миновая роту сипаев, копавших дренажную канаву вдоль дороги. Эти люди куда лучше приспособлены к подобному климату, чем он. Впереди показалась группа офицеров, сгрудившихся вокруг стола на козлах. Заслышав его приближение, они обернулись, и Сомервилл узнал их командира.

— Все идет по плану, Уолсли? — спросил он, спешившись. И козырнул, отвечая на приветствие офицера.

— Во время вашего отсутствия все было в порядке, генерал! — отрапортовал полковник Гарнет Уолсли из королевских инженерных войск, командующий постройкой дороги. — Выравниваем по миле в день с тех самых пор, когда сняли часть людей с укреплений, — указал он на груду свежевырытой земли и гладкую поверхность дороги позади нее. — Постройка бастионов заняла больше времени, чем мы рассчитывали. Теперь укрепления — лучше и не придумаешь. Кроме того, для их обороны нужно куда меньше солдат, чем для постройки. Располагая хорошей дорогой, мы можем быстро перебросить войска к

обороняемым пунктам, подвергшимся атаке.

— Вот уж, право, воодушевляющая новость.

— Искренне надеюсь, что я не слишком много на себя возьму, если поинтересуюсь, как продвигается более обширный план? Я по уши зарылся в землю и почти ничего не знаю о том, что происходит в окружающем мире.

— Тогда радуйтесь — все идет, как задумано. Транспорты ныне собираются в портах вдоль побережья Британских островов. А из Индии уже отплывают последние войска. Когда все будет готово, мы нанесем удар... — Заслышав дальний рокот канонады, он замолк и наклонил голову, прислушиваясь. — Атака?

— Сомневаюсь, что крупная, — покачал головой Уолсли. — Судя по звуку, они снова нас прощупывают. Хотят посмотреть, хорошо ли мы обороняем определенный отрезок дороги.

Пропели трубы, и полк гуркхов рысцой побежал на звук перестрелки. Сомервилл пришпорил коня, направляя его следом за солдатами. Грохот орудий непрерывно нарастал, пока к нему не присоединился визг снарядов над головами. Сомервилл придержал коня рядом с ротой солдат в красных мундирах, стоявших по стойке «вольно». Капитан, командовавший ими, приказал одному

из солдат подержать его лошадь под узцы, пока бригадир спешивался, и отдал ему честь.

— Пока что только одна пушка. Мы отвечаем на их огонь. Это уже не в первый раз. Но если они бросят на штурм войска, мы здесь. Этот генерал — упрямец. Пытается истерзать нас постоянными обстрелами. А если почувствует, что есть хоть малейшая возможность, бросит вперед войска.

— Ваш противник — настоящий бульдог. Американские газеты только об этом и трубят. Улисс С. Грант, не знающий поражений.

— Ну, здесь-то его ждет поражение, если это лучшее, на что он способен.

— Искренне надеюсь, что вы правы, капитан. Пожалуй, я бы хотел взглянуть лично, как развивается атака.

Капитан повел его по крутой дорожке к гребню укреплений. Пушки грохотали совсем близко по обе стороны.

— Лучше не высовываться, — заметил капитан. — Их снайперы знают свое дело. Но вы вполне можете все рассмотреть сквозь амбразуру.

Пушка в соседнем редуте выстрелила, и потные артиллеристы, обнаженные до пояса, откатили ее, чтобы перезарядить.

— Прекратить огонь, — приказал Сомервилл,

проходя мимо пушки, чтобы выглянуть через щель между бревнами, сквозь которую она стреляла. Внизу почти ничего не было видно. Только кучка бурой мертвой растительности, а дальше джунгли. Пушка стреляла из укрытия, хотя облако дыма и выдавало ее позицию. Ядро, отскочив от наклонного земляного вала, с визгом пролетело над головой.

Сомервилл довольно улыбнулся. Все идет в точности по плану.

В тылу врага

До начала гражданской войны Аллистер Пейсли чересчур часто пребывал на грани голода. Он сошел на берег с эмигрантского корабля из Англии в 1855 году, меньше десяти лет назад, почувствовав громадное облегчение, как только вступил на американскую почву. Не то чтобы ему в самом деле нравилась новая родина — правду говоря, он скорее презирал ее. Он уж наверняка никогда бы добровольно не пересек океан, чтобы поселиться в этом голом и грязном краю. К незапланированной эмиграции из Британии его вынудили бейлифы, шедшие за ним по пятам. Примерно то же самое произошло несколькими годами ранее в Шотландии, которую его выну-

дили поспешно покинуть практически такие же обстоятельства, какие погнали его из Англии. Обвинения были известны только ему — да еще властям и полиции. У него не было друзей, которым он мог бы открыться, — да он и не хотел заводить друзей. Он был просто отчаявшимся, одиноким человеком, мелким воришкой и мошенником, не преуспевшим даже в этом неприглядном ремесле.

Первая удача в Америке ждала его, как только он сошел с корабля. Выкарабкавшись из каютки третьего класса в трюме навстречу холодному свету дня, он впервые почувствовал, что почти ничем не связан со столь же жалкими и зловонными попутчиками. В сутолоке на палубе он умудрился затесаться среди хорошо одетых пассажиров и даже подобраться к одному из них настолько близко, чтобы стащить его карманные часы. Позади раздался крик: «Вор!» — но к тому времени он уже давным-давно был на берегу. Повинуясь инстинкту, он пробрался в трущобы Манхэттена и отыскал там ломбард. Процентщик надул его при расчете, и все же он получил достаточно скомканных банкнот и диковинно выглядевших монет, чтобы упиться до бесчувствия; выпивка в то время была его единственной

отрадой и пороком.

И снова благосклонное провидение улыбнулось ему. Прежде чем напиться до потери сознания, он сообразил, что мужчина, сидевший рядом с ним в баре, вышел через заднюю дверь, чтобы справить нужду. Пейсли смутно помнилось, что незнакомец засунул что-то под лавку, когда садился. Поерзав на сиденье, Пейсли сдвинулся и пощупал. Да, какой-то чемоданчик. Так уж получилось, что никто в этот момент в его сторону не смотрел. Он ухватил чемоданчик за ручку, поднялся и незамеченным выскользнул через переднюю дверь. Обогнув достаточное количество углов и удалившись от питейного заведения на приличное расстояние, он остановился на заваленном мусором пустыре и открыл чемоданчик.

Фортуна и вправду улыбнулась ему. Это оказался чемоданчик коммивояжера с образцами патентованных снадобий. Основным снадобьем была «Флетчеровская кастория» — универсальное лекарство от детских болезней и прочих недугов. Гордый девиз на каждой этикетке гласил: «Дети умоляют о ней». Вполне вероятно, поскольку внутри оказался алкоголь, сдобренный изрядным количеством опиума. Пейсли тут же пристрастился к снадобью, но у него хватило

здравого смысла не выпивать все, поскольку этот чемоданчик должен был стать его пропуском в новую жизнь.

Путешествовать по этой дикой стране было легко и недорого, а личина разъездного фармацевта была идеальным прикрытием для его мелких преступлений. Он обворовывал коллег-коммивояжеров в дешевых гостиницах, что еще больше облегчалось американской практикой селить вместе по четыре-пять человек. Он всегда вставал до рассвета, забирая с собой все ценное. Эти мелкие кражи в магазинах и мелкие грабежи обеспечивали его средствами к существованию — пока приближение войны не дало ему идеальный шанс приложить свои исключительные дарования.

Все сводилось исключительно к деньгам и не имело ни малейшего отношения к рабству или правам южан. Так уж получилось, что он в тот момент был в Ричмонде, штат Виргиния, когда прочел об обстреле Форт-Самтера. Гражданская война в Америке началась 12 апреля, после того как Форт-Самтер на острове Чарлстон был обстрелян войсками генерала Борегара. Будь Пейсли в Нью-Йорке, он бы начал работать на правительство янки. Но при сложившихся обстоятельствах

он отправился искать ближайшее военное учреждение конфедератов. Посреди неразберихи и замешательства первых дней войны ему потребовалось некоторое время обивать пороги, прежде чем удалось найти человека, готового его выслушать. Но он не сдавался и в конце концов нашел офицера, прислушавшегося к нему и распознавшего уникальную возможность, которую означал этот чужестранец, говоривший с сильным заморским акцентом.

С этого момента Аллистер Пейсли стал чуть ли не первым шпионом на службе южан.

Война была благосклонна к нему, он челноком мотался туда-сюда между воюющими сторонами. Его шотландский акцент и пузырьки с лекарствами служили идеальным прикрытием, никто ни разу не заподозрил его истинной специальности. Он выставлял свои образчики на обозрение маркитантов, сопровождавших каждый полк и военный лагерь. Вскоре он обнаружил, что солдаты-северяне разделяют его пристрастие к алкогольным напиткам. Поскольку денег у них было маловато, а то и вовсе не было, они были вынуждены пускаться на ухищрения, выделывая брагу и перегоняя ее в самогон низкого пошиба. Как только Пейсли узнал об этом, дрожжи, изюм

и прочие сушеные фрукты стали непременным атрибутом его багажа. Деньгами ему платили редко; но выпивкой — всегда. За собранные сведения ему всегда приходилось расплачиваться головной болью, трясущимися руками и мучительной рвотой. Названия и номера полков, количество орудий и боевой распорядок — все эти военные сведения он терпеливо запоминал и записывал. Узенькие полоски бумаги в полнейшей безопасности путешествовали в запечатанной пробирке, скрытой внутри большой темной бутылки «Флетчеровской кастории». Его темный секрет так никогда и не был раскрыт.

Сверх того в пробирке находился пропуск, подписанный самим генералом Робертом Э. Ли. Когда Пейсли возвращался в тыл южан, пропуск обеспечивал ему быструю доставку к работодателям в Ричмонд. Получив плату, он пил более пристойные алкогольные напитки, пока бедность или военная надобность не отправляли его в дорогу снова.

А когда в газетах напечатали об афере «Трента» и ультиматуме Британии, Пейсли увидел шанс расширить диапазон своей деятельности. Он знал англичан просто великолепно, а еще знал, как выудить у них деньги. Добравшись

до Вашингтона, он без труда отыскал резиденцию лорда Лайонса — британского посланника в американской столице. В соответствующий момент, когда его светлость наверняка был дома, Пейсли добился возможности повидаться с ним. Лайонс признал факт, что в случае войны весьма небесполезен будет шпион вроде Маклеода — под этим именем представился ему шотландец на тот случай, если он все еще числится в розыске.

К счастью для Пейсли, война пришла, и он без труда сменил привязанности и хозяев. Именно на этой новой службе он снова оказался в филадельфийском порту, возобновив старое знакомство.

Хорст Кречманн, как и его шотландский работодатель, не испытывал любви к своей новой родине. Он был владельцем весьма затрапезной пивной неподалеку от филадельфийской военно-морской верфи. Здесь он варил собственное пиво — очень крепкое и совершенно омерзительное на вкус. Но поскольку оно было весьма дешево, посетители не жаловались. Зато они толковали между собой, быстро пьянея от гадостного пойла. Хорст внимательно прислушивался к их словам, каждую ночь записывая услышанное в своем замусоленном дневнике в кожаном переплете. Записи он делал крохотными витиеватыми бу-

ковками на своем родном баварском диалекте. Теперь, когда гражданская война подошла к концу, он решил, что уже никогда не свидится со своим работодателем. И потому он весьма обрадовался, увидев _Schotte_, явившегося однажды утром, когда Кречманн надраивал полы в пивной.

— Не ждал тебя видеть тута, раз война кончилася.

Пейсли не ответил, пока владелец пивной не запер дверь за ним на засов.

— Мы все еще воюем, разве нет?

— Правда? — Кречманн принес бутылку шнапса и поставил ее на стол; ни тот ни другой не пили тошнотворного пива. — Разве мы не погнали британцев прочь с поджатыми хвостами?

— Пожалуй, что так, но они настырное племя. И хорошо платят за новости.

— Это очень приятно слышать. Prosit.

Облизнувшись, Хорст наполнил стаканы снова. Осушив свой, Пейсли громко рыгнул; немец одобрительно кивнул.

— Что поговаривают моряки? — осведомился Пейсли.

— Да мало чего. Со времени конца войны корабли плавают мало. Но они жалуются, моряки

вечно жалуются. Теперь насчет угольной пыли на борту «Диктатора». Его бункеры набиты до отказа, да еще мешки в коридорах.

— Значит, долгое путешествие, — заинтересовался Пейсли. — Не знаешь куда?

— Да вроде бы никто из них не знает. Но сейчас в доках загружаются углем три корабля. *Schwwarzen*[54], которые грузят, они выпивают тута.

— Им что-нибудь известно?

— Да, но понять их трудновато. Один все ж поминал Южную Америку.

Кивнув, Пейсли выудил из кармана стопку засаленных долларов, свернутых в рулончик. С этими сведениями и сведениями о перемещениях войск, которые он уже записал, у него вполне довольно, чтобы рапортовать. Как раз вовремя, поскольку «Примавера» через три дня отплывает в Бельгию. Как раз столько ему понадобится, чтобы зашифровать послание, за неимением лучшего пользуясь в качестве шифровальной книги Библией.

---

[54] Примечания: 54
Черные *(нем.)*.

* * *

Визит на родину для Патрика Джозефа Кондона был совершенно неожиданным. Он бежал из Дублина в 1848 году, преследуемый по пятам королевскими ирландскими констеблями и солдатами. Мятеж, затеянный Юными Островитянами, не удался. О'Брайен, как и Мигер, и Макманус, был схвачен и приговорен к пожизненной каторге на Тасмании. Но Кондона предупредили вовремя, он бежал через заднее окно в том, в чем был. С тех пор ему довелось немало пережить. Теперь он капитан армии Соединенных Штатов и прибыл с совершенно иным заданием.

Дублин не изменился. Направляясь в город из Кингстонского порта, он будто возвращался в прошлое. Сквозь трущобы Ирландского квартала, мимо Тринити-колледжа. Он там учился, но был вынужден оставить учебу, чтобы присоединиться к мятежу. Проходя по Нассау-стрит, он смотрел сквозь решетку ограды: все осталось точь-в-точь таким, как ему запомнилось. Они пересекли мост Ха'Пинни, уплатив причитающийся сбор, затем зашагали по набережной вдоль Лиффи. Память, память...

Но для Джеймса Галлахера, шагавшего рядом с

ним, все это было в новинку. Он вырос в крохотной деревушке в Голуэе и помнил только голод и холодные зимние ветры, дующие с Атлантики. Ему было пятнадцать лет, когда семья эмигрировала в Америку, воспользовавшись билетами, присланными старшим братом, устроившимся в Бостоне. Теперь, когда ему едва-едва исполнилось двадцать, он был рядовым американской армии и никак не мог взять в толк, что же он делает здесь, в Ирландии. Он только и знал, что всех поголовно в Ирландской бригаде попросили написать, из какого места в Ирландии они приехали. Из Голуэя было добрых два десятка человек, но по каким-то неведомым ему причинам выбрали его. Хотя среди них хватало куда более сообразительных, чем он, даже более храбрых и желающих снова повидать Ирландию, вполне подходящих кандидатов. Но только у него есть дядя, работающий машинистом на железной дороге. Выбор его не обрадовал, даже напугал, и Джеймс старался не дрожать, когда они проходили мимо человека в мундире.

— Далеко еще, сэр? Иисусе, ну и дьявольский путь...

— Мы совсем рядом, Джимми. Впереди набережная Арран. Найти магазин будет довольно

легко.

Над затрапезным заведением не было никакой вывески, но висевшая снаружи поношенная одежда вполне заменяла ее. Их элегантное платье не привлекло бы внимания в Дублине, но стоит им покинуть город — и на них начнут обращать внимание, запомнят — чего они не хотели ни в коем случае. Поднырнув под веревку с раскачивающимися на ней одеяниями, они вошли во тьму лавки. А выйдя несколько минут спустя, оба были одеты в потрепанную серую одежду, точь-в-точь такую же, как у прочих обнищавших граждан этого края. Кондон нес старый картонный чемодан, перевязанный веревкой. Галлахер уложил все свои пожитки в грязный картофельный мешок.

Они дошли до станции Кингсбридж, где Кондон купил билеты третьего класса до Голуэя. И хотя их вид не привлек особого внимания, оба испытали немалое облегчение, когда паровоз дал гудок и поезд медленно, постукивая на стыках, двинулся на восток.

Кондон читал грошовый бульварный листок, купленный на станции в Холихеде; а Галлахер поглядывал из окна на зеленые ирландские пейзажи, проплывающие мимо, от всей души желая снова оказаться в армии. Конечно, он жаловался

на службу и ныл вместе с остальными солдатами, но теперь он присягнул в душе, что никогда-никогда в жизни больше не будет жаловаться, если вернется в целости и невредимости после этой ужасающей миссии.

Когда они въехали на станцию Голуэй, фонари только-только зажгли. Вслед за остальными пассажирами они сошли с поезда, радуясь анонимности, предоставленной сумерками.

— А ты уверен, что сможешь найти дорогу до деревни?

— Может быть, но не уверен. Мы никогда не ходили в город, не считая того раза, как уезжали.

— Ладно, тогда тебе придется спросить у кого-нибудь, — сказал Кондон, когда они вышли на улицу. Булочная перед ними как раз закрывалась, и пекарь собственноручно навешивал ставни. — Попробуй-ка выяснить у того человека, пока он не зашел.

— Я не уверен, капитан... сэр. Может быть, вы могли бы...

— Чушь, Галлахер, ты вполне справишься. Как только он услышит мой дублинский акцент, это пробудит его любопытство. Может быть, он даже запомнит нас. А ты местный парнишка с отличным голуэйским говорком. Так что действуй.

Благодарение господу за темноту, никто не увидит, как он дрожит.

— Извините, сэр, — промямлил Джеймс, когда пекарь уже хотел зайти. Тот обернулся, устало буркнув что-то. — Я ищу... своего кузена. То бишь не здесь, а в Дуалле.

Снова буркнув что-то себе под нос, пекарь очень строго посмотрел на парнишку и отвернулся.

— Пожалуйста, сэр! — безысходно проговорил он. Пекарь зашел в магазин, закрывая за собой дверь. В отчаянии Галлахер ухватился за край двери.

— Ну-ка отпусти, олух, или так съезжу тебе по уху, что полетишь до самого Керри, — Галлахер отпустил дверь, и пекарь немножко обмяк. — Прямо, потом сверни под мост, мили две.

Дверь с грохотом захлопнулась, и в замке лязгнул ключ.

Джеймс поспешил к капитану, чувствуя, как холодный пот заливает глаза.

— Вон туда, сэр, под мост.

— Отличная работа, парень. Ну, пошли искать твоего дядюшку Пэдди. А ты уверен, что он тебя узнает?

— Никаких сомнений, он узнает даже мою задницу. Он завсегда шлепал меня, когда папаши не

было на месте, чтоб заняться этим. Перебрался к нам, когда тетушка Мари померла. Имел постоянную работу и все такое, так что еда на столе не переводилась.

Ночь выдалась безлунная, но при свете звезд они видели темную тропу достаточно четко. Чуть ли не час спустя они разглядели острые силуэты крыш Дуаллы на фоне звезд.

— Сможешь найти дом? — поинтересовался Кондон.

— С закрытыми глазами. Я родился там, никогда нигде не бывал больше, пока мы не сели на корабль.

— Хорошо. Слушай, я подожду здесь, пока ты не найдешь своего дядюшку и не поймешь, что все в порядке. Спрячусь в этой рощице у дороги. Приходи за мной, если он один. И помни: моя фамилия Келли. Тебе ясно?

— Да, сэр, — пробормотал Галлахер. Он слышал этот вопрос уже раз десять, если не больше. — Сперва повидаю дядю.

Он затрусил через деревню, угадывая дорогу инстинктивно и гадая, какой прием его ждет. Но когда он проходил мимо темной двери деревенской лавки, из тени донесся голос:

— И кто бы это мог разгуливать в этакое время

ночи?

Заслонка фонаря с рефлектором открылась, и Галлахер оцепенел в луче света. Внезапная вспышка позволила ему различить ужасно знакомую фуражку королевского ирландского констебля. Джимми ощутил, как сердце уходит в пятки, и решил, что помрет на месте.

— Ну-ка выкладывай, парниша, — довольно добродушно произнес констебль. Джимми собрался с духом и сумел выдавить из себя несколько слов:

— Мой дядюшка, здесь, Патрик Галлахер...

— А-а, ты племяш Пэдди! Охотно верю, ты — вылитый он. Работал в чужих краях?

— Да, сэр.

— Ну, тогда ступай. Он тебя ждет не дождется.

Поворачиваясь, Джимми изо всех сил старался не споткнуться. Силком заставил себя идти, а не бежать от этого пугающего собеседника. А вон и его дом, чуть дальше по улице, и свет падает из щели у окна. Заперта ли дверь? На его памяти она никогда не запиралась. Подняв щеколду, он распахнул дверь.

— Уффф, — проговорил мужчина, сидевший в кресле перед камином. Он дремал, но скрип двери разбудил его. — Кто там?

— Это я, дядя! Джимми.

Тут Галлахер проснулся окончательно и разинул рот от изумления.

— Да хранят нас святые угодники, неужто это и вправду ты, малыш Джимми?! Видит бог, так оно и есть, эвон как вырос и поправился! Но ты ж в Америке, за океаном...

— Это долгий рассказ, дядя Пэдди, я щас тебе все расскажу. Но со мной друг, можно его привести?

— Конечно, парень.

— Я встретил тут по пути констебля, он меня остановил...

— Наверно, старина Берт. Завсегда дергает ручки дверей в этот поздний час.

— А как по-твоему, он еще там?

— Нет, теперь он, наверно, отправился на боковую, — Пэдди нахмурился. — У тебя что, нелады с законом, а?

— Нет, вовсе нет. Дай-ка я схожу за кап... мистером Келли. Он растолкует все куда лучше, чем я.

Джимми вышел чуть ли не насвистывая. Он дома и в полной безопасности. Все будет отлично.

Все в деревне отходили ко сну рано, потому что свет стоит денег, а их как раз вечно не хватает. Джимми не встретил никого, шагая между темными безмолвными коттеджами. И отыскал

рощицу без особого труда.

— Капитан, — прошептал он, и Кондон тут же появился чуть ли не у самого его бока.

— Постарайся забыть о моем звании, Джимми, будь так добр. Ты должен забыть об армии, пока мы в Ирландии. Если не можешь звать меня Патриком — что ж, сгодится и «сэр». Ты нашел дядю?

— Да. Я сказал ему, что схожу за вами. Больше ничего.

— Молодец!

Когда они вернулись, дядя Джимми успел заварить чай и наливал его в толстостенные глиняные кружки. Они обменялись рукопожатием, и Пэдди с любознательным видом склонил голову к плечу.

— Значится, вы друг Джимми, а, мистер Келли?

— С радостью признаю, что это так.

— Оно верно, но вы порядком постарше его будете.

— Так оно и есть. Но все легко объяснить. Впервые я с ним познакомился в организации, к которой мы оба принадлежим, — патриотической группе, собирающей деньги во имя Ирландии.

— Пожалуй, они ей не повредят, — с чувством заметил Пэдди. — Это край бедных и голодных.

— Так и есть. И мы знаем, кто в этом повинен.

Пэдди резко вскинул голову; на лице его залегли угрюмые тени.

— Значится, деньги вы пускаете не против голода, а на политику. И скажу я вам, политика не по моей части.

— Политика по части каждого из нас, — угрюмо возразил Кондон, — когда речь заходит о свободе Ирландии.

— Я не приглашал вас в свой дом, мистер Келли, — холодно проронил Пэдди. — И могу попросить вас удалиться.

— Можете — и я подчинюсь. Но сперва выслушайте меня. Я член кружка фениев. Цель наша — освободить Ирландию. И чтобы осуществить это когда-нибудь, мы должны знать о враге все, что можно. Где стоят войска, сколько их, насколько они боеготовны. Но еще нам надо знать все об их железных дорогах, потому что войска ездят на поездах. Мы не ищем бойцов — пока, но нам нужны добрые ирландцы, которые могут поставлять нам столь необходимые сведения. Станете ли вы одним из них?

— Я ничего не знаю про военные дела, — отмахнулся Пэдди. — Я машинист паровоза, и только.

Подавшись вперед, Кондон навалился на стол

и негромко, вкрадчиво проговорил:

— Мы живем в новое время, и военное искусство сейчас новое. Как я сказал, войска ездят на поездах. И чем больше мы будем знать, тем лучше подготовимся.

— Так вот оно что, а? Вы хотите, чтоб я шпионил на вас.

— Нам не нужны шпионы. Нам нужны верные ирландцы, которые могут записывать, что видят. Вам могут платить...

— Умолкни, человече! — вскинулся Галлахер. — Деньги нужны осведомителям, шпионам и доносчикам. Ежели я что и сделаю для вас, то во благо Ирландии, а не мое собственное.

— Значит, сделаете?

Машинист обернулся к племяннику.

— А ты работаешь на этих фениев, Джимми?

— Ага.

— Это опасно?

— Не знаю, — пожал плечами Джимми. — Может, и так. Но, вступамши, я ведал, на что иду. И я буду сражаться, — имел ли он в виду армию — или фениев? Или и то и другое сразу? Да, пожалуй, что так. Пэдди с улыбкой откинулся на спинку стула.

— Ну, ежели крохотному парнишке по плечу

такое, то уж человек моих лет не может сказать «нет». Я никогда не путался в политику. Но ежели уж дело дошло до этого, я верный ирландец и с радостью умру за свободу Ирландии. Это вы хотели услышать, мистер Келли?

— Совершенно верно, и я не могу не преклоняться перед человеком, который ставит родину превыше собственных здоровья и благополучия.

Лед был сломлен. Пэдди заварил свежий чайник чаю, и они попивали чаек в полном согласии. Кондон растолковал все, что им необходимо знать, и просил запоминать все сведения, не доверяя их бумаге. А в конце извлек пятифунтовую банкноту и улыбнулся, заметив, как нахмурился Пэдди.

— Это не для вас, мой друг, а чтобы узнать еще кое-кого, кто тоже наш друг. — Разорвав купюру пополам, он передал железнодорожнику одну половину. — Тот, кто покажет вторую половину, — один из нас. Расскажите ему все, что знаете. Договорились?

— Договорились. Хотя поступать так с пятеркой — жуткое злодеяние.

— Очень скоро эти два куска воссоединятся, и купюра будет как новенькая. А теперь скажите-ка мне, когда мы сможем сесть на поезд обратно в

Дублин?

— В семь есть поезд. Но ежели вы хотите пораньше, я веду товарняк в четыре. Вы можете поехать на площадке, ежели не будете путаться под ногами.

— Ваш кочегар увидит меня и запомнит.

— Старина Симус? — рассмеялся Пэдди. — Да ни в жисть! Он глух как колода, а любопытства у него не больше, чем у телеграфного столба. И потом, вы будете не первый, инспектора и навроде их ездют в будке. Симус не станет мараться, позабудет все напрочь.

— А где поедет Джимми?

— А он не поедет этим поездом. Констебль видал его вчера ночью и будет ломать голову, кудай-то он запропастился, ежели не увидит его. Пускай побудет тут денек-другой, а я уж позабочусь доставить его в Дублин. Да и воды уж немало утекло. Нам с парнишкой есть о чем потолковать.

— Меня это вполне устроит. Значит, даю тебе три дня, Джимми, до четверга. А в четверг езжай первым утренним поездом, я буду ждать тебя на станции в Дублине.

Ответный удар

Капитан Грин очень гордился собой, своим кораблем и своим экипажем. Корабль ВМФ США «Хартфорд» во время войны был порядком потрепан, крейсировал между Форт-Джексоном и фортом Святого Филиппа на Миссисипи. Однажды он сел на мель, но сумел с нее сняться и вернуться в реку, потом пережил пожар, но все равно возглавлял флот, захвативший Новый Орлеан. После битвы адмирал Фаррагут перенес свой флаг на другой корабль, сделав флагманом его, а «Хартфорд» вперевалку заковылял в вашингтонскую военно-морскую верфь для ремонта. Починка шла ни шатко ни валко, прежде всего потому, что большинство боеприпасов и орудий предназначались для новых броненосцев. И хотя у «Хартфорда» корпус был деревянный, он был прекрасно вооружен пушками, а поскольку ходил и на парусах, и на пару, то мог отправиться, куда только пожелает его капитан. Через два дня по окончании ремонта капитан находился в своей каюте, изучая свежие списки доставленных грузов, когда его первый помощник Лэзерс постучал в дверь.

— На борт поднимается офицер, сэр, мне только

что доложили. Густав Фокс, заместитель министра военного флота.

— Какая честь! Как только он поднимется, ведите его ко мне.

Гус Фокс надел свой морской мундир, не так бросающийся в глаза на военной верфи. Капитан и первый помощник дожидались его, пытаясь скрыть любопытство по поводу причины его визита.

— Я доставил боевой приказ, капитан, — Фокс вручил Грину конверт с сургучной печатью. — И буду искренне благодарен, если вы прочтете его сию же минуту.

Вскрыв конверт, капитан Грин быстро пробежал глазами лежавшие в нем листки. Приказ был лаконичен и деловит. Капитан передал листок Лэзерсу. Прочитав, тот озадаченно тряхнул головой.

— Салина-Крус в Мексике? Ну... никогда не слыхал об этом месте!

Улыбнувшись, капитан Грин постучал пальцем по карте, развернутой на столе перед ним.

— Вы не следите за новостями. Раньше это был мелкий рыбачий порт в Мексике на берегу залива Теуантепек...

— Ну конечно! Это тихоокеанский порт, где

британцы высадили все эти войска.

— Вот именно.

Оба моряка обернулись к Фоксу.

— Полагаю, вы доставили этот приказ лично не без причины, — заметил капитан.

— Определенно. Я хотел вам сказать, что надо сделать, когда вы доберетесь до этого порта. Вас посылают, чтобы вы напомнили там о нас, и из всех американских кораблей этой чести ваш корабль удостоен первым. Мы хотим, что вы осуществили это по собственному усмотрению. Там стоят британские корабли, и мы хотим, чтобы вы их уничтожили. Вы отправляетесь в Мексику, как только ваши угольные бункеры будут полны, а припасы погружены.

Оба офицера с улыбкой переглянулись. Лейтенант Лэзерс провел пальцем вдоль атлантического побережья Южной Америки до Огненной Земли и через пролив Дрейка, мимо мыса Горн.

— Чертовски длинный путь. И сплошь на юг, а потом обратно вдоль тихоокеанского побережья.

— Но нам это по силам, — заметил Грин. — Мы пойдем под парами только до Монтевидео. Затем наполним там угольные бункеры — и на всех парусах к Мысу. Пройдем через пролив Дрейка под парами, чтобы не торчать там неделями.

Придется идти порядком медленнее, чем обычно, но мы справимся. А потом, как только достигнем Мексики... — Он припечатал карту кулаком: — Кошка окажется среди воробьев! — Он обернулся к Фоксу. — Вы хоть сколько-нибудь представляете, что ждет нас там?

— Согласно последним донесениям, — радостно ухмыльнулся Фокс, — там только транспортники. Некоторые из них вооружены, тут уж я не сомневаюсь. Но, согласно донесениям, ни одного линейного корабля. Определенно ни одного броненосца. Если малость повезет...

Ему не требовалось договаривать. Все они знали, какую огневую мощь может продемонстрировать этот корабль.

— Вы должны затопить все корабли в порту без исключения. Если сможете обстрелять огневые позиции, не подвергая опасности собственный корабль, — что ж, сделайте заодно и это. Когда покончите с этим, отправляйтесь в Сан-Франциско, где вас будет дожидаться новый приказ. Есть вопросы?

— Ни единого, сэр. Но я хочу поблагодарить вас за назначение. Все будет сделано в точности, как вы сказали.

Два дня спустя, в грозу, они отдали швартовы и

на всех парах устремились на юг. После загрузки углем в Аргентине они даже близко не подойдут к земле, пока не достигнут тихоокеанского побережья.

У мыса Горн они столкнулись с обычными штормами, а на подходе к Огненной Земле их приветствовали западные ветры. Но вместо того чтобы торчать на месте в ожидании попутных ветров, они развели пары и устремились через пролив Дрейка вокруг Мыса. Затем, потушив топки, на всех парусах шли на север, пока не добрались до Эль-Сальвадора и высадились на берег в Акахутле. Там они вылили из бочек зловонную зеленую воду и наполнили их свежей родниковой, а кок купил свежих овощей и фруктов. После чего легли на курс на запад — северо-запад, ведущий их к заливу Теуантепек.

На рассвете по штирборту показалась узкая зеленая полоска джунглей на фоне зубчатых силуэтов гор Сьерра-Мадре. Западные ветры стремительно несли их вперед, и теперь не было нужды расходовать невосполнимый запас угля. Машина молчала, котел остыл, поскольку им не пользовались с тех самых пор, когда пробивались на запад вокруг мыса Горн против ветра. И лишь когда впереди показались горы Оахака, а

на берегу белыми точками запестрели дома деревни, капитан приказал машинному отделению поднять пары. Он не знал, что ждет их впереди, — и предпочитал на всякий случай перестраховаться. Уже не в первый раз он благословил в душе паровую машину, способную вытащить парусник из беды.

— Паруса прямо по курсу! — крикнул впередсмотрящий.

— Три, четыре... может, пять, — прикинул капитан Грин, направив подзорную трубу в сторону берега. — Какое роскошное зрелище!

Спустив паруса и исторгая в воздух клубы черного дыма, «Хартфорд» устремился к вражеским кораблям. Его наверняка заметили, потому что на голых мачтах британских кораблей внезапно расцвели белые паруса. Но поздно, слишком поздно, потому что военный корабль уже мчался к ним на скорости в добрых одиннадцать узлов. А эти толстые индийцы, все до единого, не слишком-то привыкли поднимать паруса с такой поспешностью. Первые два судна стояли на якорях не более чем в ста футах друг от друга.

— Рулевой, — распорядился Грин, — пройти между ними! Канониры, стреляйте, как только прицелитесь. — И приказал машинному отделе-

нию сбавить ход.

«Хартфорд» скользил по зеленой прозрачной воде. На орудийных палубах пушки подкатили к амбразурам, и канониры схватили тлеющие фитили.

Первая пушка выстрелила, и корпус корабля содрогнулся. Потом следующие, одна за другой, пока «Хартфорд» проходил между кораблями.

Индиец по левому борту выпустил облачко желтого дыма — единственный знак сопротивления, но ядро с воем пролетело над палубой «Хартфорда», не нанеся ни малейшего ущерба.

Зато пушки американского крейсера даром боеприпасов не расходовали, с ревом стреляя в упор. Ядра крушили корпуса британских кораблей, раздирая переборки, сметая мачты, разжигая пожары. Когда «Хартфорд» устремился дальше, два исковерканных корпуса понемногу погружались в воду, пылая и дрейфуя в сторону берега. А нападающий снова поднял пары и повернул к остальным кораблям.

Через полчаса мирный пейзаж со стоявшими на якоре судами изменился до неузнаваемости. Одно изувеченное судно пылало, сев на мель. Три других, безжалостно изрешеченных снарядами, тонули, охваченные пожаром. Один из капита-

нов в отчаянии выбросил корабль на берег, но и это не спасло его. «Хартфорд» подошел как можно ближе, чуть ли не в полосу прибоя, и изрешетил его насквозь.

— Пушка на берегу, сэр, — доложил первый помощник. И тут капитан в первый раз осознал, что их обстреливают. Как минимум шесть орудий на берегу стреляли в них. Но стреляли ужасно неточно, всего пара снарядов подняла фонтаны воды неподалеку от «Хартфорда».

— Ладно, мы сделали, что могли, — с удовлетворением сказал капитан. — Поднять паруса! Остановим машину, как только ляжем на запад — северо-западный курс, чтобы обогнуть этот мыс. Потом на север к Калифорнии. Будем надеяться, что там для нас припасли угля. — Оглянувшись на уничтоженные корабли, он улыбнулся. — Ну, по крайней мере, мы сможем телеграфировать в Вашингтон добрые вести. Отличная работа, парни, просто великолепная.

* * *

Генерал Уильям Тикамси Шерман и генерал Роберт Э. Ли находились в комнате 313 вдвоем, строго-настрого приказав, чтобы их не беспокоили. Теперь у Шермана имелся собственный

ключ от шкафчика с картой. Задвинув засов на двери комнаты, он отпер шкафчик и распахнул дверцы.

— Вот она, Роберт. Эту страну мы должны освободить.

Оба генерала стали не просто союзниками, работая на общее дело, их связали тесные узы дружбы. Оба имели одинаковый склад ума, оба были тактиками, безжалостно и решительно устремленными к победе. Оборона не доставляла удовольствия ни тому ни другому, оба предпочитали атаку. А теперь они работали ради общей цели.

— У тебя уже сложился какой-нибудь план? — поинтересовался Ли.

— Есть наметки. Потому-то я и позвал тебя сегодня сюда. Во-первых, давай взглянем на вражескую оборону. Британцев давно тревожила возможность нападения французов на этот остров, и потому они строили форты и береговые укрепления годами. Большинство расположено вдоль восточного побережья, в районе крупнейших населенных пунктов. Они идут от Лондондерри на северном побережье, прямиком до Белфаста и вниз к Ньюри, мимо Дублина, до Уотерфорда и Корка. Повсюду форты и бастионы,

так что берег очень негостеприимный. Не вижу причины пытаться прошибить эту стену лбом.

— Совершенно согласен, Камп. Есть и еще одна важная причина — народ.

— Согласен. На юге у нас есть друзья, но все наши донесения уверяют нас, что северные протестанты возьмут сторону англичан. Знающие люди утверждают, что тамошнее население может восстать против любого вторжения.

— Искренне верю. Север будет для нас крепким орешком. — Шерман поглядел на стенные часы. — Я просил генерала Мигера привести сюда военврача Рейнольдса к трем часам. Это северный католик, который может поведать нам все, что необходимо знать о ситуации в Ольстере. Я всерьез подумываю о том, чтобы открыть ему наши планы. Возможно, это единственный способ получить необходимую информацию.

— Более чем разумное предложение, — кивнул Ли. — И вполне в духе кое-каких идей, которые я вертел в голове так и эдак. Думаю, мы сходимся в том, что атаку на юге Ирландии должна возглавить Ирландская бригада. Она нас просто съест живьем, если мы не позволим ей этого сделать. Но я не сомневаюсь, что ты согласишься и с тем, что к северу их подпускать нельзя. Это вернее

верного приведет к мятежам гражданского населения.

— Ты прямо с языка у меня это похитил, — отозвался Шерман.

— Ну, тогда, если ты считаешь, что я гожусь для этого, я бы предпочел командовать на севере. Вести в бой свои южные полки. Все солдаты в них до единого — тоже протестанты!

— Что ж, если хочешь, работа твоя. Не представляю другого офицера, который бы справился с тамошними проблемами так же хорошо, как ты. Ну, пока Мигер со своим костоправом не пришел, давай-ка посмотрим, как у нас обстоят дела в общем. Каким способом лучше всего охватить юг? Давай мыслить в категории всей этой карты. Солдаты и оборонительные сооружения на востоке, меньше людей и меньше укреплений на западе. Там высадиться гораздо легче.

— Да, но нам придется пересечь всю страну, прежде чем мы сможем добраться до значительных скоплений противника.

Шерман упорно постукивал пальцем по западному побережью страны, центральной ее части вокруг Голуэя, затем провел им на восток. Затем обратно, снова и снова. Попутно его палец проходил через условные обозначения на карте.

Заметив это, Ли сосредоточился, раздумывая над чем-то, и улыбнулся.

— Не знаю, что ты думаешь, — сказал Ли, — но у меня складывается впечатление, что мы думаем об одном...

— Железные дороги.

— Верно, железные дороги, — Ли тоже подошел к карте, взмахнув рукой от побережья до побережья. — Высаживаемся здесь, в Лимерике, а потом поездом прямиком до Корка.

— А здесь в Голуэе прямиком до Дублина. Но ситуация на севере отнюдь не ясна. Там стоит по возможности уклоняться от Лондондерри. Судя по всему, этот город крепко обороняется. Надо сперва спросить совета у ирландцев. Но в поездах наша сила. Во время последнего конфликта мы недурно воспользовались железными дорогами.

Ли кивнул с напускным недовольством.

— Железные дороги всегда тревожили меня. Я понукал свои войска изо всех сил, а ты все равно при помощи поездов успевал забросить свои ко мне во фланг.

— Ну, так давай применим этот опыт в добром деле. В Ирландии отлично развитая сеть железных дорог. У меня складывается впечатление, что мы должны строить план вторжения, учи-

тывая их.

— Полностью согласен, — кивнул Ли. — В этом плане атаки есть одно серьезное преимущество. Мы высаживаемся там, где рассчитываем на минимальное сопротивление. Укрепив плацдарм, продвигаемся вперед на поезде. Откуда следует, что мы прибудем к этим бастионам на восточном побережье с суши, — в то время как все их укрепления ориентированы на море. Но мы должны воспользоваться преимуществами внезапной атаки. Мы не только должны захватить железные дороги и использовать их для своих нужд, но и перерезать линии связи, чтобы враг не знал о нашем появлении.

— И не просто перерезать, — встрепенулся Шерман; глаза его сияли от восторга перед вырисовывающимся планом. — Население здесь, на юге, будет на нашей стороне. Вместо того чтобы перерезать линии связи, что наверняка возбудит подозрения, — мы должны обратить их себе на пользу.

Ли устремил на карту невидящий взгляд, в задумчивости поглаживая свою седую бороду.

— Ты понимаешь, что мы говорим о совершенно новой войне?

— Понимаю. Мы просто используем на прак-

тике уроки, полученные во время нашей войны. Нанеси сильнейший удар там, где тебя не ожидают. Молниеносный удар по позициям неподготовленного противника. Плюс фальшивые донесения, не информация, а — как бы это назвать? — дезинформация. Донесения будут запутанными и противоречащими друг другу, связь между вражескими подразделениями будет разорвана, так что они не смогут узнать правду из рапортов, которые получат.

— Мы должны привлечь флот при первом же удобном случае. Он поможет нам при высадке десанта...

— ...и предпримет отвлекающие атаки там, где мы не собираемся высаживаться! — воскликнул Шерман, окончив предложение Ли, настолько в унисон они мыслили.

— Сплошной дым, тучи пыли и замешательство, — подхватил Ли. — Но когда дым рассеется, враг будет разбит. По-моему, костяк плана готов. Теперь надо нарастить на нем плоть.

К трем часам пополудни они договорились об общем плане вторжения окончательно. Бумаги были уже отложены в сторону, карта заперта, чтобы никто ее не увидел, когда в дверь деликатно постучали. Открыв, Ли пригласил внутрь двух

пришедших офицеров. Прежде чем все уселись, Мигер представил всех друг другу. Рейнольдс принял присутствие всего этого генералитета с вальяжным ирландским апломбом.

— Вот генерал Мигер поговаривает, что вы всерьез интересуетесь движением фениев, в каковом, уверяю вас, я дока.

— Вы смотрите в самую суть дела, военврач Рейнольдс, — согласился генерал Шерман. — Но дело обстоит куда серьезнее. Можете ли вы заверить меня, что ничего из услышанного в этой комнате сегодня не прозвучит за ее стенами?

— Даю вам слово офицера и врача. А клятва эскулапа нерушима.

— Искренне верю. Итак, полагаю, слухи о грядущем ударе по врагу дошли и до вас.

— Разумеется, судя по всему, это секрет полишинеля. Собираемся атаковать британскую рокаду с тихоокеанского конца, пока генерал Грант треплет ее на суше. Похоже, план стоящий.

— А что, если я вам скажу, что слухи распущены намеренно, а на деле осуществляется совершенно иной план?

— Что ж, если сказанное вами правда, то это мастерски разыгранное надувательство. Нипочем бы не поверил, что главнокомандование настоль-

ко коварно. Если мы атакуем не Мексику, то что же? Прорвемся в Темзу и выпустим несколько снарядов по Букингемскому дворцу? — при этой мысли он улыбнулся, и Шерман улыбнулся ему в ответ.

— Не совсем. Но мы намерены атаковать Ирландию и вышвырнуть англичан.

Стул с грохотом повалился — Рейнольдс вскочил на ноги, разинув рот и выпучив глаза.

— Иисус, Мария и Иосиф! Скажите мне, что это не шутка!

— Я не могу быть серьезнее. Именно поэтому мы и обратились к вашей помощи.

Пальцы хирурга, всегда крепко сжимающие скальпель и не выходящие из-под его контроля ни при каких обстоятельствах, сейчас тряслись, пока он поднимал и устанавливал на место упавший стул, после чего тяжело плюхнулся на него. От переполнявших его душу чувств горло у врача перехватило, так что, когда он заговорил, слова прозвучали едва слышно:

— Мечта каждого ирландца, передаваемая из поколения в поколение, сбывается при моей жизни... Сердце у меня колотится так, что вот-вот вырвется из груди.

— Это правда, Фрэнсис, — заверил его Мигер. —

Мы двинемся на Ирландию и дадим ей свободу.

— Просите у меня чего пожелаете. Чего угодно!

Сказано это было с такой убежденностью, что никто не посмел усомниться в его искренности.

— Мы хотим, чтобы вы поведали нам об Ольстере и северных провинциях, — сказал Ли.

— Конечно. Теперь я понимаю, зачем меня пригласили. Первым делом суровое предупреждение, — он поглядел прямиком на генерала Мигера. — Берите своих отважных парней Ирландской бригады и маршируйте в Ирландию, чтобы освободить ее. Но не позволяйте ни одному ирландцу-католику вступить в провинцию Ольстер, ибо иначе по улицам потекут реки крови. — Он обернулся к Шерману, от взгляда его веяло могильным холодом. — Там живут два племени, живут бок о бок на улицах и в деревнях провинции. Натравите их друг на друга, и последует жесточайшая, кровавейшая бойня.

— Мы уже решили этот вопрос, — спокойно отозвался Ли. — Атаку на север возглавлю я, и в бой пойдут мои южные войска. Сплошь протестанты.

— Мудрое, замечательное решение. Тогда американские войска будут сражаться только против британских войск. Это будет война между

солдатами, и я сомневаюсь, что оранжевые[55] примут чью-либо сторону. По крайней мере, поначалу. По духу своему это высоконравственные люди, выросшие в атмосфере пресвитерианства. Но плантации на севере Ирландии возникли в 1605 году, когда сэр Артур Чичестер предложил поселить туда англичан и шотландцев, чтобы укрепить королевскую власть в провинции. Местных ирландских католиков изгнали из городов, заставив жить за воротами. С семнадцатого века обстановка ничуть не переменилась. Каждому в Ольстере с точностью до дюйма известно, где кончается земля его племени. Все эти века там господствовала весьма гнетущая атмосфера. Правили мифы, а не история. То, что ведомо обеим сторонам об их прошлом, было подправлено, дабы удовлетворить их нужды.

— И как же мне с этим быть? — поинтересовался Ли. — Что будет, когда мои войска войдут в Белфаст и разобьют врага?

— Очень хороший вопрос, — Рейнольдс в задумчивости ухватился за подбородок. — Прежде

---

[55] Примечания: 55

Ирландцы протестантского вероисповедания. Первоначально так называли членов секретного общества, основанного в Северной Ирландии в 1795 году с целью поддержания политического и религиозного господства протестантизма.

всего, вы не должны делать между ними никаких различий. Обращайтесь с протестантами и католиками на равных. Объявите военное положение и комендантский час и следите, чтобы все им подчинялись. Вы должны мерить всех единой меркой, — он потер лоб в напряженных раздумьях. — Скажите-ка, нет ли среди южан полков из Луизианы, Нового Орлеана?

— Совершенно верно, есть, — подтвердил Ли.

— Французские полки? Католики?

— Да.

— Вы должны включить в ударную группировку хотя бы один из этих полков. Вы должны показать, что вы выше религиозной розни. Крайне важно продемонстрировать это, когда вы встретитесь с гражданскими вождями — разумеется, порознь. Они откажутся находиться вместе в одной и той же комнате.

— По-моему, я улавливаю, что вы имеете в виду, — жестом отчаяния взмахнул ладонью Ли, — хотя и не могу этого толком уяснить. Во всем этом мне будет нужен совет, руководство. Во-первых, мы должны найти правильную точку для десанта. На юге, где есть дороги и железнодорожные линии от Голуэя до Дублина, путь довольно очевиден — как и от Лимерика до Корка. Но как быть с

севером? Как, по-вашему, нам следует начать наступление с Лондондерри? — Ли стремительно пересек комнату, чтобы отпереть шкафчик с картой и распахнуть дверцы.

— Не рекомендую, — встав, врач подошел, чтобы взглянуть на карту. — Если вы отправитесь этой дорогой, ваши корабли должны будут пройти через Лох-Фойл и войти в устье реки Фойл. И только тут вас будут ждать бастионы и орудия. Если подымется тревога, сражение будет трудным. Но даже когда вы выиграете его и захватите поезда — они вынуждены будут делать крюк по единственному пути вдоль побережья. Нет, то, что нужно вам, находится здесь. Я вырос там, в Колрейне, и прекрасно знаю весь этот район. Я не бывал там с той поры, как отправился изучать медицину в Королевский колледж в Белфасте, но там ничего не переменилось. — Он постучал пальцем по карте. — В Портраше, вот где вы должны ударить. Там отличная гавань с железнодорожной веткой до Колрейна — дальше соединяющейся с линией Лондондерри, по которой ходит больше поездов.

— А как насчет дорог? — поинтересовался Ли.

— Там отличные дороги. Вернее, отличные, если сравнивать их с остальными ирландскими.

Ли пригляделся к карте повнимательней.

— Значит, у нас будут поезда и хорошие дороги, а до Белфаста, судя по всему, не больше пятидесяти миль. Хорошие войска пройдут этот путь за день, за полтора от силы. Мы отнесемся к вашему совету весьма внимательно. — Ли указал пальцем на хирурга. — С одобрения генерала Мигера вы сейчас получаете новое назначение. У военврача моего штаба возникли семейные проблемы, и он отправляется на побывку домой. Я бы хотел, чтобы до его возвращения вы заняли этот пост. А это очень надолго. Мне потребуется все ваше медицинское искусство, но заодно и ваша политическая осведомленность. Вы будете не только военным врачом, но и политическим советником. По силам ли вам это?

— С огромным удовольствием, генерал Ли.

— Берите его, — поддержал Мигер. — Держите у себя и верните в целости и сохранности по окончании войны.

Схватка

Лондон представлял собой жалкое зрелище уже больше недели. Нежданные для этого времени года штормы и крепкие ветра хлестали столицу, вымачивая ее жителей до нитки. Все это время

Уильям Гладстон, ненавидевший сырость, не отходил от камина в собственном кабинете. Приказы Пальмерстона были весьма конкретными: армии нужны деньги — необходимо повысить налоги. Из камня, который представляет собой британский народ, снова нужно выжать соки. Выжать деньги, а не кровь.

В понедельник утром Гладстон проснулся с ощущением ужаса. День совещания кабинета министров. Премьер-министр наверняка будет недоволен новыми налогами. Ничего странного: он вечно недоволен. Но ужасало его не только совещание кабинета, но и визит к Ее Величеству после того. Последние дни она невероятно докучлива. Либо уходит в себя и горюет о своем дорогом Альберте, но это еще сносно, хотя и невероятно скучно, однако куда лучше, чем другая крайность: налившееся кровью лицо и пронзительный визг. Уже не в первый раз он припомнил, что, как ни крути, она дочь безумного Георга III.

И все-таки когда лакей распахнул шторы, дух Гладстона если и не воспарил, то порядком приподнялся. В комнату падали золотые лучи солнца; вдали распевал дрозд. А завтрак улучшил его настроение еще более того. Он оставит карету дома и отправится на встречу пешком, вот как

он поступит. От его жилища на Бонд-стрит до Уайтхолла можно очень приятно прогуляться. Налив себе еще чашку чая, он отправил слугу за личным секретарем.

— А-а, Эдуард, у меня для вас небольшое дельце, — Гладстон кивнул секретарю, застывшему в безмолвном ожидании. — Насчет тех бюджетных бумаг, над которыми вы работали. Соберите их и отнесите в зал кабинета для меня. Оставьте у секретаря лорда Пальмерстона.

— Вы хотите, чтобы я прихватил и военно-морские предложения?

— Да, непременно. Соберите все.

Солнце лучезарно сияло сквозь полукруглое окно над парадной дверью. Надев шляпу, Гладстон подровнял ее, подхватил трость и вышел. День выдался и вправду великолепный. На улицах было полно народу, особенно на Пикадилли, но толпа была настроена дружелюбно, солнце развеселило всех и вся. Чуть подальше, близ Пикадилли-Серкас, какой-то человек взывал к прохожим. Судя по одежде, квакер — один из этой непокорной секты. Гладстону пришлось помимо воли слушать проповедника, поскольку люди на запруженной улице едва двигались.

— ...нарушают Господню волю. Чума падет на

человечество, живущее неправедно, но чумы не избежать актом воли, ибо она не делает различия между классами и титулами. Говорю я вам, война есть мерзость и грех. Неужели же это лучшее, к чему мы можем приложить разум, данный нам Богом, деньги, заработанные в поте лица своего? Вместо того чтобы тратить их на пропитание и мир, мы растрачиваем свое достояние на пушки и войну. Граждане Америки — наши братья, наши друзья, плоды того же лона, каковое породило нас. Однако же те, кто мнит себя нашими хозяевами, понукают нас проливать кровь, нападая на них. Непристойные листки, которые мы называем газетами, брызжут ненавистью и клеветой, вещая голосами кривды и злодеяния. Посему призываю вас: отступитесь от зла, скажите своим хозяевам, что война — не выход. Неужели вы и вправду хотите видеть, как наши сыновья проливают кровь и умирают на далеких берегах? Воскликните же в один голос...

Что именно должен сказать этот голос, никто так и не узнал. Крепкие руки двух дюжих солдат стащили человека с ящика и под присмотром сержанта потащили прочь. Толпа добродушно разразилась приветственными возгласами и разошлась по своим делам. Встревоженный

увиденным, Гладстон свернул в боковую улицу, прочь от толпы.

Неужели это действительно антивоенное движение? Уж насчет поднятых налогов недовольство наверняка возрастает. Но толпа любит цирк и с удовольствием читает о блистательной — хоть и преувеличенной — доблести британского оружия. Многие все еще не забыли поражения в Америке и жаждут победы силой оружия, чтобы избавиться от дурного привкуса поражения. Порой настроение толпы понять бывает трудновато. Уже поворачивая на Даунинг-стрит, он догнал лорда Джона Рассела, шагавшего в том же направлении.

— Готовы войти в клетку льва, а? — осведомился Гладстон.

— Поговаривают, что рявканье Пальмерстона похуже, чем укус кобры, — ответил министр иностранных дел, вальяжно взмахнув ладонью.

— Я бы сказал, что рявканье и укусы мучительны в равной степени. Кстати, по пути сюда я слышал, как уличный оратор возглашал о порочности нашей военной политики. И как вы думаете, он был одиночкой или в массах зреет тяга к миру?

— Весьма сомневаюсь. Парламент по-преж-

нему поддерживает военную партию, а газеты прямо-таки криком кричат, требуя побед. Может быть, отдельные индивидуумы думают иначе, но, клянусь святым Георгием, страна на нашей стороне.

— Хотелось бы мне разделить вашу уверенность, лорд Джон. И все же я нахожу это тревожным, весьма тревожным.

— *Vox populi* не всегда _vox dei_ [56] чтобы там ни говорили. На самом деле надо прислушиваться только к голосу Пальмерстона. Пока его партия у власти, последнее слово остается за ним.

Действительно, этот голос требовал уважения. Как только кабинет собрался вокруг длинного стола, лорд Пальмерстон хмуро оглядел министров и потер ладони. Он привык тиранить свой кабинет. В конце концов, он премьер-министр, это он назначил их всех до единого. Так что они должны хранить верность ему и только ему одному. С парламентом порой бывает трудновато, но его боевой дух высок, так что обычно парламентариев удается улестить, чтобы они поддержали его предложение. Но еще, конечно, всегда остается королева. Когда принц Альберт был жив,

---

[56] Примечания: 56
Глас народа... глас божий *(лат.).*

случались бурные сцены и трудности, если Пальмерстон принимал односторонние решения, не проконсультировавшись с королевской четой, как он поступил в деле дона Пасифико. Давид Пасифико был португальским евреем, рожденным в Гибралтаре. В Афинах он стал негоциантом. Во время атнисемитских мятежей его тамошний дом сожгли. Под весьма сомнительным предлогом он подал иск на греческое правительство, но практически безрезультатно. Не проконсультировавшись с королевой или ее супругом, Пальмерстон организовал нападение на Грецию во имя дона Пасифико. Сказать, что королева была раздосадована, было бы сильным преуменьшением. Но, к счастью, это дело прошлое. После смерти Альберта она все больше и больше уходит в себя. Хотя порой с ней все-таки приходится консультироваться, иначе она может выйти из себя из-за какого-нибудь вымышленного оскорбления или, что более реально, из-за серьезного решения, принятого без ее ведома. Но сейчас не тот случай. Проконсультироваться с ней надо до начала планируемой экспансии.

Встреча проходила как и большинство встреч кабинета министров в последнее время. Пальмерстон говорил министрам, каких дел он от них

ждет. После чего следовала дискуссия о том, как это следует сделать, — и никогда никаких дискуссий о том, а делать ли это вообще. Сегодняшний день не стал исключением.

— Итак, как я заключаю, мы все пришли к полному согласию? — раздраженно осведомился Пальмерстон у своего кабинета, дав понять, что малейшее несогласие было бы воспринято им как личное оскорбление. И в семьдесят девять лет голос его ничуть не утратил язвительности, а глаза были так же холодны, как глаза змеи.

— Мне потребуется солидное финансирование, — чуть ли не с обидой заявил канцлер казначейства. Но Пальмерстон отмахнулся даже от этого незначительного возражения.

— Разумеется, — безапелляционным тоном отрезал Пальмерстон. — Вы ведь и есть тот индивидуум, который всегда добывает деньги. Именно поэтому вы мне нужны на сегодняшнем tete-a-tete, — добавил он, совершенно не по назначению употребив термин, разумеется, означающий встречу двух людей лицом к лицу. Гладстон предпочел не поправлять его, зная, что премьер-министр гордится своим невежеством во всех языках, кроме английского. Но мысль о визите к королеве темным облаком заволокла

для Гладстона солнце.

— Вы же знаете мое мнение, — сказал он. — Я полагаю, Ее Величество одна из величайших живущих ура-патриоток. А если мы упомянем Альберта и американцев, то можем растянуть войну на столетия. Но вообще-то ее вмешательства в государственные дела достаточно, чтобы прикончить любого.

Пальмерстон не мог не улыбнуться, выслушав тираду Гладстона, потому что ненависть эта была взаимной. Однажды королева назвала его полубезумной головешкой. Оба друг друга стоили, оба были поглощены собой и невероятно упрямы.

— Пожалуй, вы правы, но мы должны хотя бы явиться, чтобы проконсультироваться с ней. Нам нужны деньги. И пока вы будете оперировать цифрами, присутствующий здесь адмирал Сойер введет ее в курс относящихся к делу военно-морских соображений.

Адмирала пригласили на заседание кабинета, чтобы он представил точку зрения королевского военного флота. Конечно, нужно больше кораблей и больше моряков для их экипажей. Новые броненосцы докажут, что они непобедимы, и посеют ужас в сердцах американцев. Теперь адмирал величественно кивнул, признавая свою

ответственность, и кончик его мясистого носа качнулся вверх-вниз.

— Я с удовольствием проинформирую Ее Величество касательно всех военно-морских вопросов, дабы заверить ее, что этот род войск пребывает в добрых и умелых руках.

— Вот и хорошо, вот и договорились. Во дворец!

Когда их ввели в аудиенц-залу в Букингемском дворце, королева позировала для портрета, а ее фрейлины смотрели за продвижением работы, тихо переговариваясь между собой. Как только члены кабинета вошли, королева отослала художника, и тот поспешно удалился, всю дорогу пятясь и кланяясь.

— Это полотно для нашей дражайшей Викки, которой так одиноко в прусском дворе, — растолковала королева, объясняясь скорее с собой, чем с остальными присутствующими. — Малыш Вилли такой болезненный ребенок, и его больная рука — вечная докука. Она будет так счастлива получить это. — Едва уловимый намек на улыбку исчез с монаршего лица, когда она поглядела на трех пришедших мужчин. И тут же обиженно надула губы. — Это вторжение нам не по душе.

— Иначе и быть не могло, мэм, — произнес лорд

Пальмерстон, изображая едва уловимый намек на поклон. — Военные нужды.

— Когда мы беседовали в последний раз, вы уверяли меня, что все хорошо.

— Так оно и есть. Когда войска будут стоять наготове в Мексике, флот отплывет. Но там враг оказался достаточно наглым, чтобы атаковать наш торговый флот, мирно стоявший в порту в Мексике, причинив серьезный ущерб.

— Пострадали торговые корабли?! Где же был наш военный флот?!

— Уместный вопрос, мэм. Как всегда, ваш проницательный ум смотрит в самую суть дела. У нас всего пара линейных кораблей в Тихом океане. Главным образом из-за того, что у врага вообще ни единого. Но теперь есть, и поэтому мы должны предусмотрительно принять меры, чтобы ситуация не усугубилась.

— О чем вы таком толкуете? Все это крайне невнятно.

Пальмерстон быстро кивнул, и адмирал выступил вперед.

— Позвольте мне объяснить, мэм. Нынешние обстоятельства вынуждают нас к формированию более мощного тихоокеанского флота. Мы получили информацию, что американцы не только

наращивают свой флот, но и готовят пункты заправки углем, которые должны позволить им атаковать нас в Тихом океане.

— Вы повергли нас в полнейшее замешательство. Угольные порты, это что еще такое, в каком это смысле?!

— Это означает, мэм, что американцы расширяют линию фронта. Надо немедленно отрядить крупные корабли, дабы отразить эту атаку, — произнес Гладстон, неохотно выступая вперед. — Мы должны нарастить свой флот, чтобы ответить на их вызов. Больше кораблей — значит, больше денег. Каковые надо собрать незамедлительно. Я хочу представить вашему вниманию определенные предложения по поводу налогов...

— Снова! — заверещала она; лицо ее внезапно покрылось багровыми пятнами. — Я только и слышу, эти постоянные требования денег, денег, снова денег. Будет ли этому конец?!

— Когда враг будет разбит, — ответил Пальмерстон. — Люди поддерживают вас в этом, Ваше Величество, они последуют туда, куда вы их поведете, пожертвуют тем, чем вы скажете. А с победой придут и репарации — богатства Америки снова потекут в наши сундуки.

Но Виктория уже не слушала его, тяжело отки-

нувшись в кресле. Фрейлины ринулись к ней, а делегация безмолвно попятилась. Проект новых налогов пройдет.

* * *

В Мексике бои шли не очень хорошо. Генерал Улисс С. Грант стоял перед своей палаткой, глядя на войска, медленно шагающие в первых лучах рассвета. Он жевал сигару, почти не замечая, что она погасла. Это добрые воины, ветераны, они сделают все, что потребуется. Даже здесь, в этих вонючих джунглях. Лихорадка уже косит людей, но это лишь первые жертвы. Перед его отъездом из Вашингтона Шерман отвел его в сторонку, чтобы растолковать, насколько важен мексиканский фронт. Давление его атак в сочетании с тихоокеанскими военно-морскими операциями заставит британцев сосредоточиться на этом театре военных действий. Но все это было Гранту по-прежнему не по нутру — бросать хороших солдат в мясорубку войны, выиграть которую невозможно. Он выплюнул размокшую сигару, закурил свежую и пошел к своему штабу.

Вскоре после рассвета три американских полка собрались неподалеку от опушки джунглей, скрытые пышной зеленью. Взмокшие изнурен-

ные солдаты выдвинули пушки на позиции еще вчера, вручную. Ясный, чистый звук трубы дал им сигнал, что пора открыть огонь. Артиллерийский огонь был очень плотным, пушки стояли почти колесом к колесу. Фугас за фугасом разрывались на бастионах вверху. От пламенных разрывов поднимались черные облака дыма. Когда плотность огня достигла предела, солдаты ринулись в атаку. Они пересекли полоску мертвой растительности и начали взбираться по крутому склону к укреплениям. Как только они двинулись вверх, барражирование ослабло, а затем и вовсе прекратилось, когда атакующие поднялись повыше.

Генерал Улисс С. Грант стоял впереди, посылая войска в атаку взмахами сабли. Проходя мимо, солдаты оглашали воздух громким «ура», но вскоре смолкали, карабкаясь вверх по крутому склону в нескончаемой жаре. Вот они начали падать, потому что обороняющиеся, несмотря на град пушечных снарядов, выползали вперед, чтобы стрелять в атакующих. Когда первые ряды были на полпути вверх по склону, американские артиллеристы совсем прекратили огонь из страха попасть по своим. Теперь огонь британцев усилился, смешиваясь с рявканьем пушек, скрытых

за земляными валами.

Люди падали со всех сторон — и все-таки шли вперед. Несмотря на то что губительный огонь проредил его цепи, 23-й Миссисипский полк ворвался на вершину с громовым «ура», началась рукопашная — штыки против кукри, потому что этот отрезок укреплений защищали отряды гуркхов — невысоких, яростных бойцов из Непала, никогда не просивших о жалости — и не знавших ее. Но к атакующим присоединялось все больше и больше американцев, и гуркхи вынуждены были отступить. Когда третья волна перевалила через внешнюю линию укреплений, генерал Грант был среди солдат. Он и его адъютант вынуждены были откатывать в сторону трупы атакующих, чтобы добраться до вершины.

— Проклятье, — сквозь зубы процедил Грант, яростно закусив свою дорогую сигару. — Дальше пути нет.

Точнее не скажешь. Внизу протянулась дорога — грунтовый тракт через джунгли, за обладание которым сейчас сражались две армии. И хотя на уходящем вниз склоне не было ни одного живого врага, с дальней стороной дороги все обстояло в точности наоборот. Скрытые в окопах англичане и пушки сеяли урон в рядах американцев. А вни-

зу, по дороге, с обеих сторон галопом мчались лошади, везущие пушки. Да и с нынешней позиции американцы не могли двинуться ни вправо, ни влево, потому что оттуда их продолжали осыпать огнем обороняющиеся, с грехом пополам удержавшиеся на гребне благодаря хорошо укрепленным позициям.

Выплюнув сигару, Грант встал, хотя град свинца усилился.

— Тут мы долго не продержимся. Как только эти пушки выйдут на позиции, они сметут нас первым же залпом. Оставаться здесь равноценно самоубийству. А идти больше некуда — разве что назад. — Он обернулся к адъютанту. — Выводите миссисипцев первыми, им и так чертовски крепко досталось для одного дня. Когда они выйдут из-под огня, сигнальте отход, и пусть остальные бегут во весь дух.

Он не покидал позиций, пока первые солдаты не скрылись под защитой джунглей. Лишь после этого он неохотно присоединился к отступающим с боем войскам.

Что ж, сегодня они вкусили первой крови. Но зато он взглянул на вражескую работу и столкнулся лицом к лицу с их войсками. Сплошь цветные, но настоящие воины. Кроме того, он прорвал

британские линии однажды, а что сделано однажды, можно повторить, если придется. Но в следующий раз они пробьют настоящую брешь, а потом расширят ее и рассекут дорогу надвое. Надо переговорить с инженерами. Быть может, удастся проложить тоннель под бастионами, чтобы заминировать их. Если мина будет достаточно крупной, она сможет разорвать и дорогу, и укрепления одним махом. А если удастся еще и удержать эту брешь, то уж с наплывом вражеских войск вниз по дороге он как-нибудь справится.

Но сделать это будет адски трудно.

Мексиканская папка

Густав Фокс уселся в приемной комнаты 313 за полчаса до полудня — запланированного времени начала встречи. Он уже отметил две фамилии в списке присутствующих. Генерала Шермана и генерала Ли, потребовавших провести это совещание. Когда он пришел в восемь утра, чтобы отпереть дверь, они уже дожидались его. Ли принес потрепанную кожаную седельную сумку и с тех пор не выпускал ее из рук. Фокс не интересовался ее содержимым — оно и так станет известно достаточно скоро. Но любопытство его было столь велико, что он не мог отвести от

сумки глаза. Заметив это, Ли улыбнулся.

— Уже скоро, Гус, скоро. Потерпите.

Фокс как раз и пытался терпеть, но все равно то и дело бросал взгляды на часы. Без четверти двенадцать в дверь дробно постучали, и Фокс встал, чтобы отпереть. Двое часовых по бокам двери вытянулись по стойке «смирно»; Фокс и сам вытянулся, когда порог переступил долговязый, нескладный президент. Подождав, когда дверь снова запрут, Линкольн проговорил:

— Наконец-то мы заглянем внутрь, как сказал мальчик, вскрывая рождественский подарок.

— Искренне надеюсь, сэр. Генералы Шерман и Ли провели здесь все утро, а генерал Ли принес набитую до отказа седельную сумку.

— Что ж, мы уделим ему самое пристальное внимание, уверяю вас. Как идет наша вторая операция?

— Чрезвычайно хорошо. Все меры по поводу угля уже приняты. А мои агенты из Англии доносят, что наши приготовления не только замечены, но и подготовлен план контрмер. Шпионы противника очень быстро попались на крючок. Их агент в нашей стране действует очень результативно. Я с радостью узнаю, кто это.

— Но не сейчас.

— Ни в коем случае! Кто бы он — или она — ни был, сейчас он работает на меня.

— А платят ему англичане. Замечательное соглашение! А, вот и вы, Сьюард, — обернулся президент к вошедшему госсекретарю.

Члены избранного круга прибывали один за другим. Уэллс и Стэнтон прибыли вместе, на чем список был исчерпан.

— Не пора ли нам войти? — Линкольн указал на запертую внутреннюю дверь.

— Секундочку, джентльмены, — отозвался Фокс, и в этот момент во входную дверь постучали. Линкольн приподнял брови в невысказанном вопросе. — Со времени последней встречи нас стало на одного больше, — пояснил Фокс, отпирая.

Вошел подтянутый седовласый мужчина в мундире моряка. Заперев дверь, Фокс обернулся.

— Джентльмены, это адмирал Фаррагут, уже помогающий нам. Не войти ли нам внутрь? Прошу, джентльмены, — Фокс отпер дверь во внутреннюю комнату. Сам же вошел последним и запер за собой.

Шерман и Ли уже сидели за столом совещаний, положив седельную сумку на стол между собой. Как только все расселись, Ли открыл сумку, вытащил толстую стопку бумаг и передал ее Шерману.

Легонько притронувшись к ней кончиками пальцев, тот оглядел присутствующих холодным, отстраненным взором своих прозрачных глаз.

— Я вижу, все вы знакомы с адмиралом Фаррагутом, оказавшим нам исключительно большую помощь при разработке планов, — сказал Шерман. — Его познания в военно-морском деле сыграли неоценимую роль в подготовке документа, названного нами «Мексиканской папкой». Так что если название операции будет случайно подслушано, оно наведет на мысль, что речь идет о нашей тихоокеанской операции. «Мексиканская папка» состоит из двух частей. — Он приподнял верхнюю стопку, перевязанную красной лентой. — Эти приказы относятся к предполагаемому нападению, о котором британцам уже известно. После этого совещания мы хотели бы проконсультироваться с министром военного флота, чтобы от общих передвижений флотов перейти к конкретным приказам для кораблей. Эта операция начнется, когда группа военных судов, включающая в себя четыре наших новых броненосца, проследует на юг вплоть до Ресифи в Бразилии. Там они пополнят запасы угля, после чего покинут порт и отплывут в южном направлении. Капитаны кораблей имеют при-

каз снова дозаправиться углем в порту Роусон в Аргентине. Аргентинцы извещены об их прибытии. У капитанов также имеются приказы следовать в Салина-Крус, дабы уничтожить все британские корабли, находящиеся там. — Открыв папку, он разгладил страницы. — Следующий этап наступает через две недели после отплытия броненосцев. К этому времени будет собрана флотилия военных транспортов. Они отплывут из ряда портов восточного побережья, чтобы собраться близ Джексонвилля, во Флориде. Там же к ним присоединятся броненосцы. В полдень первого сентября они построятся в походные порядки и отплывут на юг.

В тот же вечер, в девять часов, все они вскроют свои запечатанные приказы — направляющие их на новый курс.

Он кивнул Фоксу. Тот встал и подошел к шкафчику, отпер и распахнул его. К дверце изнутри была прикреплена карта Атлантического океана, а в самом шкафчике хранилась карта Ирландии. Провожаемый взглядами всех присутствующих Шерман пересек комнату и прикоснулся к карте Атлантики к западу от Иберийского полуострова.

— Вот место их встречи. Сомневаюсь, что вы

можете разглядеть эту группу островов со своих мест, но уверяю вас, они здесь. Это Азоры. На самом северном из этих островов — Грасиозе — находится порт Санта-Круж-де-Грасиоза. Там корабли из Португалии и Испании заправляются углем по пути в Южную Америку. Здесь и будет новое место сбора наступательного флота. В тот же день туда прибудут и броненосцы, по мнению всего света направлявшиеся к мысу Горн. Как только земля скроется из виду, они тоже распечатают приказы, направляющие их в тот же порт. Адмирал Фаррагут, не будете ли вы любезны.

Он сел, а адмирал Фаррагут, приблизившись к карте, очертил пальцем кружок вокруг Азорских островов.

— Время в пути тщательно просчитано, внесены допуски на непредвиденные обстоятельства, наподобие штормов или несчастных случаев. Как только оба флота потеряют землю из виду, новые приказы направят их к этой секретной точке сбора на Азо-рах. Изменение курса не вызовет подозрений, потому что они должны быть в море вне пределов видимости с земли именно в течение этого тщательно рассчитанного периода. По прибытии на остров Грасиоза они получают двадцать четыре часа на дозаправку топливом

— после чего снова отплывают. Прежде чем я перейду к описанию последнего этапа — есть ли вопросы?

— Когда в море выходит так много кораблей, — с сомнением посмотрел на него министр военного флота Гидеон Уэллс, — у них наверняка велик шанс встретиться с другими судами.

— Несомненно, сэр, — твердо ответил Фаррагут. — Но мы находимся в состоянии войны, нам грозит вторжение, и наши контрмеры по поводу этого планируемого вторжения — чистая самооборона. Встреченные британские корабли будут захвачены в качестве трофеев. Корабли прочих наций будут взяты под контроль и последуют за нашим флотом до Грасиозы. Там они будут оставаться еще трое суток по отплытии флота. Лишь после этого им будет позволено следовать дальше. Даже если один из них отправится прямиком в Испанию, где расположен ближайший телеграф, будет уже слишком поздно. Наше вторжение уже начнется.

Но Уэллс все еще не удовлетворился ответом.

— Так много кораблей, так много изменений планов, доза-правка топливом — может возникнуть масса неурядиц...

— В таком случае это будет не из-за недосмотров

в наших планах. Все расстояния строго выверены, каждая тонна угля учтена. Случайности, без них маневры подобного масштаба не обходятся, но тут уж ничего не поделаешь. Это не изменит общий план и не помешает ему.

— Какой же это? — негромко спросил президент.

— Передаю слово генералу Шерману, — адмирал вернулся на свое место.

Встав рядом с картой Ирландии, Шерман указал на нее:

— Вот где мы высадимся. Вот где будет театр военных действий — и где будет поставлен крест на угрозе вторжения в нашу страну. Британия не посмеет отослать такое множество войск на заморскую авантюру, когда враг будет у ворот, угрожая самому сердцу ее империи.

А теперь я поведаю вам, как мы это осуществим.

* * *

Аллистер Пейсли был любопытен — и весьма подозрителен при этом. Он всегда был готов ухватиться за удобный случай, большинство своих мелких преступлений он совершил, повинуясь мгновенному импульсу. Порой ценные

вещи оставались без присмотра или дверь была зазывно распахнута. А подозрительность заставляла его видеть в каждом человеке своего врага. Пожалуй, в этом он почти не заблуждался. Уже отправив через Бельгию свой рапорт о деятельности американцев в Англии, он все еще стремился собрать дополнительную информацию. Ему платят за то, что он доставляет, и чем больше он доставит, тем больше денег у него будет. В эти дни не столько на алкоголь, сколько на куда более приятный опиум. Сейчас Пейсли сидел в захламленной меблированной комнатенке в Александрии, штат Виргиния, разогревая черный шарик в дырчатой металлической чашечке своей трубки. Когда тот хорошенько забулькал, Пейсли глубоко затянулся через длинный чубук и улыбнулся, что доводилось видеть очень немногим. Возможно, будучи ребенком, он и улыбался, но все видевшие это давным-давно на том свете. Теперь же сладостный дым развеял все его заботы. Пока у него есть деньги, он может улыбаться; это чудесно, просто чудесно!

Но не таким было следующее утро, напоенное промозглой рассветной сыростью. Сквозь полураскрытое окно врывался дождь. Вскочив, чтобы захлопнуть окно, Пейсли наступил на лужу. Весь

дым ночных удовольствий теперь развеялся. Сквозь пелену дождя Пейсли с трудом разглядел здания Вашингтона за рекой. Дрожа от холода, натянул рубашку и хлебнул виски, чтобы малость согреться.

К полудню дождь перестал и жиденький свет солнца время от времени прорывался из-за туч. В пять пополудни Пейсли перешел через реку в столицу и теперь стоял, облокотившись о стену на Пенсильвания-авеню, наблюдая за толпой клерков, выходящих из военного министерства. Глубоко затягиваясь своей дешевой сигаркой, он высматривал в толпе нужное лицо. Да, вот он. Серенький человечек в серой одежонке, суетливый, как крыса. Отделившись от стены, Аллистер пристроился бок о бок с ним и успел пройти шагов пять, прежде чем тот заметил его — и испуганно съежился.

— Привет, Джорджи! — бросил Пейсли.

— Мистер Маклеод, я вас не заметил, — настоящее имя Пейсли знали очень немногие, а то и вовсе никто.

— Как идет работа, Джорджи?

— Вы же знаете, нам не дают сидеть сложа руки. — Сын эмигрантов из Италии, Джорджио Весселла был несчастным человеком. Его родите-

ли, безграмотные крестьяне из Меццоджи-орно, гордились сыном — образованным, работающим в правительстве. Да, он образованный человек, работающий в правительстве, но кому, как не ему, знать, как мало он зарабатывает, насколько шатко его положение. Только в военное время могли нанять на работу иностранца, которым он останется с точки зрения англосаксонских властей до скончания веков; и от подозрений ему не избавиться никогда. Теперь, и уже не в первый раз, он пожалел, что вообще встретился с этим шотландцем.

— Давай-ка зайдем сюда, выпьем по маленькой.

— Я же говорил вам, мистер Маклеод, я не пью. Разве что изредка винца.

— Все свиньи пьют, — огрызнулся Пейсли, внезапно охваченный расовой нетерпимостью. — Если не хочешь, я выпью за тебя.

Они зашли в убогую маленькую пивную, в другие Пейсли и не хаживал, и уселись за столик в углу, вдали от остальных немногочисленных посетителей. Выпив добрую порцию неразбавленного скверного виски, Пейсли утер рот тыльной стороной ладони, одновременно другой рукой постукивая по заляпанному столу серебря-

ным долларом. Джорджио старался не смотреть на монету, но просто не мог отвести от нее глаз.

— Значит, не дают сидеть без дела?

— Как всегда.

— Я ждал пару раз. Ты не выходил.

— Мы уже не первую неделю работаем допоздна. У военно-морского ведомства не хватает клерков для переписывания приказов. Оно рассылает массу приказов по кораблям, и мы переписываем их для него.

— Об этом я знаю, — Пейсли широко зевнул. — Корабли в Мексику.

— Совершенно верно. Огромное множество.

— Это старые новости. А я плачу только за новые. Есть у тебя такие?

— Нет, сэр. Я просто переписываю, что мне говорят. Все то же, что и всегда. Вот мистер Андертон и мистер Фойл, вот у них другая работа в запертой комнате.

— Что это за другая работа? — небрежно, чуть ли не скучающим тоном поинтересовался Пейсли, допивая виски. Похоже, наклевывается нечто важное.

— Еще какие-то военно-морские приказы, я слышал, как они разговаривали. Оба были в восторге. Потом поглядели на меня, засмеялись и

больше ничего не сказали.

«Всем военным писарям доверяют, — подумал Пейсли. —

Но некоторым доверяют больше, чем другим. Писарям, работающим в запертой комнате внутри запертой комнаты. И с чего бы это они смеялись? Секрет внутри секрета? Чувство превосходства? Им известно что-то такое, чего не знают остальные клерки».

— Я бы хотел знать, над чем работают Андертон и Фойл. И ты можешь выяснить это для меня.

— Нет, пожалуйста, не просите об этом! — побледнел Джорджио. Его оливковое лицо приобрело землистый оттенок.

— Я не прошу, Джорджи, я велю.

— Я не могу, правда, вы не знаете...

— Нет, знаю, — Пейсли подался вперед, глядя собеседнику прямо в глаза, и в голосе его зарокотала угроза. — Я написал письмо, перечисляющее ряд любопытных фактов, о которых ты мне поведал. Не пора ли мне его отправить? Для тебя это будет означать тюрьму, унижение, а то и повешение. Разве не к повешению приговаривают за предательство в военное время?

Онемев от ужаса, Джорджио только ловил воздух, широко разевая рот, как выброшенная на

берег рыба.

— Но я щедрый человек, — сложив десятидолларовую купюру пополам, Пейсли передал ее собеседнику. — И в следующий раз, когда узнаешь, тебя будет ждать еще столько же. Ну, недурно, а?

Пейсли широко ухмыльнулся, когда коротышка сграбастал купюру и, пошатываясь, вышел из пивной. А Пейсли постучал по столу, заказав еще выпивки. Денек, судя по всему, выдался удачный.

Схватка на море

Матрос Уэбб широко зевнул, потом описал полный круг, топая по металлической палубе. Выстоять ночную вахту, не засыпая, очень нелегко. Два часа на посту, четыре часа отдыха. Эти четыре часа пролетели, как единый миг, потому что он спал, — зато другие два на вахте тянутся целую вечность. Звезды над головой мерцали крохотными светлячками на фоне бездонной черноты небес, луна висела узеньким серпиком над западным горизонтом. А что это на востоке, уже посветлело? Он поднес к глазам ночной бинокль. Да, там уже светает. В тропиках рассвет настает быстро. Уэбб снова с прищуром всмот-

релся через бинокль, потом оглядел горизонт в разгорающемся свете утра, повернувшись на юг вплоть до четких очертаний гор, встречающихся с морем. И вдруг замер... Что это за крохотное темное пятнышко? Непонятно. Он протер глаза, поглядел снова — да, определенно.

— Мостик! Вижу судно — юг — юго-восток!

Услышал, как крик его повторили, и вахтенный офицер вышел на летучий мостик. Подождал, пока небо посветлеет и изображение станет четче.

— Доложите капитану.

Корабль ВМФ США «Мститель» стоял на рейде порта Коат-сакоалькос именно по этой причине, чтобы перехватывать любые корабли, пытающиеся приблизиться к оккупированному врагом порту. Всегда остается шанс, что этот корабль может оказаться американским, но внезапное появление судна на рассвете у самого берега сводит такую вероятность практически на нет. Дружественный корабль пришел бы с востока при ярком свете дня. Зато британец мог подойти к земле южнее вчера ночью и проскользнуть на север вдоль берега, чтобы внезапно появиться на рассвете. Такое случалось уже не раз. В машинном отделении уже развели пары, и броненосец рассекал воду, когда капитан появился

на палубе.

Новоприбывшего заметили не только они. Два британских броненосца «Завоеватель» и «Смелый», стоявшие на рейде перед самой гаванью, тоже сдвинулись с места. Теперь все три корабля устремились на юг параллельными курсами. Вернее, не совсем параллельными.

— Ближайший, — сказал вахтенный офицер капитану Голдсборо, появившемуся на палубе, — это «Завоеватель». Судя по всему, он идет нам наперерез.

— Пускай пытается. Я с радостью взгляну на него через орудийный прицел.

Они простояли на этом посту уже не одну неделю, не сделав ни единого выстрела. Всякий раз, когда Голдсборо приближался к двум британским сторожевикам, те отступали под защиту береговой артиллерии.

Уже окончательно рассвело, и приближающийся корабль стал ясно виден. Из-за его парусов вырывались тучи дыма.

— Брони нет! — с явным вожделением проговорил Голдсборо. — Один бы залп, больше я ни о чем не прошу!

На приближающемся британском броненосце тоже осознавали эту опасность. Так что он под-

ходил все ближе и ближе, вклиниваясь между американским кораблем и пришедшим парусником, явно из английских.

— Он дорого заплатит за это, — яростно бросил Голдсборо, отрезанный от жертвы. — Рулевой, приготовиться, я хочу изменить курс, как только мы дадим залп.

Чудовищные семисотфунтовые орудия обеих башен выпалили почти в тот же миг. Несколько секунд спустя вражеский броненосец выстрелил в ответ. «Мститель», вздыбившийся от отдачи своих орудий, вздрогнул от раскатистого лязга, когда британские ядра врезались в его броню.

— Руль круто на штирборт! — рявкнул капитан. И корабль вздыбился снова, разворачивась прочь от противника — тоже поворачивавшего. Похоже, ни один из кораблей в стычке не пострадал.

— Проклятье! — крикнул капитан Голдсборо, когда дым рассеялся. Их жертва ускользнула, и сейчас второй броненосец прикрывал ее от врага. «Завоеватель» тоже повернул прочь от них и направлялся в порт. «Мститель» устремился за ними следом, но замедлил ход, как только первые снаряды береговых орудий подняли воду фонтаном неподалеку от его носа.

— Ладно, один корабль особой роли не сыграет,

— проворчал Голдсборо. — Вернуться на исходную позицию.

На борту вновь прибывшего корабля майор в форме королевской гвардии нетерпеливо выхаживал взад-вперед по палубе, пока корабль медленно выруливал к берегу. Когда шлюпку с кормовых шлюпбалок спускали на воду, он дожидался у веревочной лестницы. Матросы спустились до него и только успели установить весла в уключины, как он уже скатился следом, чуть ли не рухнув посреди них.

— Ну-ка, дружно! — скомандовал рулевой, как только весла погрузились в гладкие воды бухты.

Их приближение заметили, и ожидавший на берегу дежурный офицер отдал майору честь, когда тот спрыгнул с носа шлюпки на песок.

— Где ваш командир?

— Еще спит, сэр.

— Тогда лучше разбудите его. Приказ. — Майор приподнял завернутый в брезент пакет, шагая вместе с офицером в здание. Поглядев на пакет, тот не мог сдержать любопытства.

— Вам известно?..

— Конечно, известно, — ответил майор. — Американцы готовят атаку на Салина-Крус, наш порт на другом конце дороги. Их ударная группиров-

ка уже вышла в море. Приказ подписан лично главнокомандующим. Он хочет, чтобы каждая третья пушка отсюда была отправлена на усиление Салина-Крус. И не только эти, но и каждая третья пушка, обороняющая дорогу, должна быть отправлена на усиление обороны гавани.

— Это просто-таки адская работа.

— Совершенно верно. Но у нас ведь нет выбора, не так ли? А теперь пойдем и поднимем вашего командира на ноги.

* * *

Джорджио Весселла проклял тот день, когда впервые встретил шотландца. Тот наплел ему, будто он газетчик, и поначалу Джорджио ему поверил. Якобы один из множества репортеров, работающих на Ричарда Гардинга Дэвиса, рыскающих по стране в поисках информации. Они поговорили о работе Джорджио в качестве военного писаря в министерстве, и шотландец проникся к нему уважением. Таким уважением, что купил обоим выпить, хотя Джорджио отказался от крепкого пойла и предпочел вместо него стаканчик вина. Затем все пошло еще лучше: Джорджио пересказал кое-какие безвредные служебные сплетни, и новый друг проникся к нему

еще большим уважением, даже кое-что записал. Да еще и дал Джорджио серебряный доллар, всучив его чуть ли не силком, да сказал, что его сведения заслуживают внимания.

Так это все и началось. Пара стаканов вина, затем пара долларов за несущественные слухи. И все шло очень хорошо, пока шотландец не сбросил личину.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я пошел к твоему боссу, так ведь? Что будет, если я скажу ему, что ты продал правительственные секреты? Потеряешь работу и отправишься в тюрьму, вот что. Вместо этого можешь заработать еще пару монет. А после тебе будет не о чем беспокоиться.

Не о чем! Да теперь Джорджио приходится беспокоиться обо всем. Назад пути нет. Эта трясина засасывает Джорджио все глубже с каждой новой встречей. Теперь, с этим требованием увидеть секретные приказы, она накрыла его с головой. К счастью, его работа настолько рутинна, что он может заниматься ею без напряжения, как бы встревожен ни был. Он переписывал письма, почти не осознавая, что делает, настолько был поглощен собственными несчастьями. Сегодня утром он поднял голову от стола и с удивлением обнаружил, что остался в комнате совершенно

один. Дело уже шло к полудню, и все остальные пошли перекусить. Джорджио вытер перо, убрал его в ящик стола, закрыл пузырек с чернилами и натянул сюртук. А по пути к выходу миновал дверь внутренней комнаты, всегда стоявшую запертой.

Ключ торчал в скважине.

Джорджио оглянулся через плечо; он и в самом деле совершенно один. Сердце его бешено заколотилось о ребра. Может, не надо бы? Надо. Придется. Громко всхлипнув, он повернул ключ и открыл дверь. Конверты лежали ровными рядами на центральном столе. Наметанным взглядом Джорджио автоматически прикинул их число. Больше ста. На каждом название корабля, и на некоторых название тех самых кораблей, для которых он переписывал приказы. Он все еще был один...

На подгибающихся коленях Джорджио двинулся вперед, схватил конверт с центра стола, после чего передвинул остальные так, чтобы нехватку конверта не заметили. Спрятал документ в карман и вышел из комнаты. Запер дверь. Обернулся и увидел, как в комнату входит мистер Андертон.

— Джорджио, — вскинулся тот, — что это ты

тут делаешь?!

— Дверь запираю. Вы же сказали, что она всегда должна быть заперта. Я направлялся на ленч и увидел, что она не заперта. — Затем в порыве вдохновения добавил: — Вы же не хотите попасть в беду, если кто-нибудь еще увидит ее открытой и доложит об этом? Вот, — он положил ключ в ладонь старшего клерка. — А я пошел.

Проскользнув мимо Андертона, он удалился. Андертон смотрел ему вслед, задумчиво поглаживая подбородок. Не побывал ли маленький проходимец в комнате? Конечно, он не видел, как тот заходит внутрь, просто застал его перед дверью, когда вошел из коридора. Но, может быть, тот все-таки побывал внутри. Любого другого клерка он ни в чем этаком не заподозрил бы. Но этот парнишка даже не отсюда родом. Андертон проверил: дверь заперта. Но если кто-нибудь узнает, что он оставил ключ в замке, он в беде по уши. Кто-нибудь мог заметить ключ и доложить об этом. А если до этого действительно дошло, то выбора просто нет.

Убрав ключ в карман, Андертон вышел. На первом этаже у входа в здание находилась дверь с табличкой «Пинкертон». Постучав, Андертон вошел. Мужчина, читавший за столом газету,

вопросительно поднял на него глаза.

— Мистер Крейг, — начал Андертон, — помните, что вы говорили нам насчет того, что мы должны на работе держать ушки на макушке? Ну...

Прочитав письмо в туалете, Джорджио едва не сомлел от потрясения. Вытащив свои четки, он принялся перебирать их, мало-помалу осознавая масштабы содеянного. Нельзя ли пронести письмо обратно? Комната будет заперта. Что же тогда делать? Надо донести шотландцу. А что потом? План понемногу начал складываться у него в голове. Он дотянул до конца рабочего дня, почти не замечая, что делает. Внутренне он будто окоченел. Он был так поглощен собственными ужасными мыслями, что даже не заметил мужчину в кепке, увязавшегося за ним, когда Джорджио вечером покидал военное министерство. Он так и не заметил, что тот же человек вошел вслед за ним в бар, пристроившись у задней стены. Потягивая вино из стакана, Джорджио снова и снова мысленно повторял слова, которые скажет шотландцу, когда тот войдет.

— Я выяснил то, что вы хотели знать, мистер Маклеод. Это важно, как я и думал.

— Молодец, парниша. Ты получишь свои десять долларов, непременно.

— Нет, сэр. Я хочу пятьсот долларов, — он вздрогнул, сказав это, но не отвел взгляд.

— А с какой это стати мне платить такие деньжищи?

— Потому что у меня настоящий приказ кораблям, который следует распечатать лишь в открытом море. Корабли пойдут вовсе не туда, куда все думают. Первоначальные приказы — липа.

— Тогда скажи мне, куда они пойдут?

— Чтобы узнать это, вы должны выложить пять сотен, — расправив плечи, Джорджио уставился шпиону прямо в глаза.

«Наклевывается что-то крупное», — понял Пейсли. Если писарь говорит правду, дело стоит пять сотен и даже сверх того.

— Лады, парниша, — встав, Пейсли похлопал его по спине. — Но я не ношу с собой такие деньги. Вернусь через полчаса. А ты жди здесь.

Человек в кепке проводил новоприбывшего взглядом, когда тот встал и вышел. Подождал еще четверть часа, увидел, как Джорджио заказывает еще стакан вина. В желудке у Крейга заурчало, и он понял, что пропустил обеденный час. Допил свой бокал с пивом и вышел. Агентство Пинкертона платит ему за дневную работу и пусть

не рассчитывает, что он будет пропускать из-за этого обед. Не более пяти минут спустя после его ухода вернулся Пейсли. Опасливо оглядевшись, он передал Джорджио конверт.

— Только поосторожнее пересчитывай, тут уйма народу, готового трахнуть тебя по башке за половину того, что внутри.

Сгорбившись над деньгами, Джорджио пересчитал их: двадцатидолларовые купюры, двадцать пять штук. Убрав деньги в карман сюртука, он извлек приказ и подвинул его через стол. Взяв листок бумаги, Пейсли поднес его к свету. Вытаращив глаза, забормотал под нос проклятья, когда понял всю значимость приказа. Спрятал его в карман и поспешно удалился без единого слова.

Проводив его взглядом, писарь почувствовал грандиозное облегчение. Все кончилось, наконец-то кончилось. Прошло и забыто. Покончено с работой, покончено с трудами — и с этой страной. Он просил эту невероятно большую сумму, потому что после содеянного конец и ему, и Америке. Теперь он может заплатить за билет на пароход до Италии — да притом денег останется довольно, чтобы купить себе в Неаполе небольшое дельце. Писарь — уважаемый человек среди без-

грамотных рабочих на юге. А уж тот, кто может писать еще и по-английски, — ну, такой-то уж непременно заработает себе на хлеб с маслом! Он даже начал подумывать о том, чтобы жениться. Вот будет здорово! Поскольку родители умерли, тревожиться ему не о ком. Он с радостью покинет свою меблированную комнатенку. А все его пожитки уместятся в одном чемодане.

Наконец-то свободен! Вечером, надо уехать сегодня же вечером. Его и след простынет, когда обнаружится, что письма недостает. Он доедет вечерним поездом до Нью-Йорка, а там будет скрываться в Маленькой Италии, пока не отойдет следующий корабль в Неаполь, этот грандиозный эмигрантский порт, где наверняка с распростертыми объятиями встретят итальянца, путешествующего в обратном направлении.

В какой-то сотне футов от доходного дома, где он снимал комнату, был переулок, тьму в котором дальний уличный фонарь разогнать был не в силах. Когда Джорджио уже шагал по переулку, послышался внезапный топот ног. Начав оборачиваться, он ощутил ужасную боль в груди. Попытался крикнуть, но сумел лишь негромко просипеть. Упал, и куда более бездонный мрак поглотил его.

Пейсли затащил труп в переулок. Вытер свой большой складной нож об одежду покойника, сложил и спрятал его в карман. Потом обшарил карманы убитого, пока не нащупал конверт; сжал его в кулаке и улыбнулся в темноте, после чего поспешил прочь, задержавшись лишь на момент под уличным фонарем, чтобы проверить содержимое конверта. И удовлетворенно хмыкнул.

— Это чересчур большие деньжищи для тебя, коротышка. Ты бы лишь истратил их впустую.

Шаги его стихли вдали, и на улице снова воцарилось безмолвие.

Реформация юга

Солнце уже клонилось к закату, когда все фрагменты головоломки встали для Густава Фокса на места. Пинкертоновский агент, приписанный к министерству, подал рапорт, согласно которому один из клерков был замечен при подозрительных обстоятельствах. В конце концов этот рапорт лег Фоксу на стол. Агент следовал за подозреваемым до пивной, где тот встретился с посторонним. На этом рапорт заканчивался. Рапорт был зарегистрирован и почти забыт, когда прибыли утренние выпуски газет, а архивариус привлек внимание Фокса к заголовку.

— Один из писарей военного министерства, Джорджио Вес-селла, найден мертвым при подозрительных обстоятельствах. Подозревают, что он убит, поскольку умер от ножевой раны, а оружия не нашли.

— Как его зовут? — внезапно насторожился Фокс. — И дайте-ка мне последний рапорт агента Крейга.

Имена совпадали. Клерк и жертва убийства. Фокс поспешно вызвал Крейга, чтобы тот дополнил свой рапорт.

— Да, сэр, я следовал за ним, потому что другой клерк питал на его счет подозрения. Как я и указал в рапорте, он встретился с посторонним — седовласым, массивного сложения незнакомцем.

— Видели ли вы его прежде?

— Ни разу, мистер Фокс. Но я могу сказать вам еще кое-что. Я проходил мимо и слышал, как они беседовали, а позже потолковал с барменом. Я был прав, у него сильный шотландский акцент.

До сих пор сплошные подозрения. Чересчур много подозрений, и Фоксу это пришлось не по душе. Убит клерк канцелярии переписки, имеющий дело с жизненно важными военными документами. При мысли об этом кровь в жилах у Фокса заледенела. Покинув кабинет, он попросил

о неотложном разговоре с военным министром Стэнтоном. Ожидание было недолгим. Он все еще расхаживал из угла в угол, как зверь в клетке, когда его пригласили внутрь.

— Один из ваших писарей убит, зарезан.

— Это ужасно. Уже выяснили, кто это сделал?

— Есть подозреваемый, но мне потребуется ваша помощь, чтобы узнать больше. Я мог бы действовать в надлежащем порядке, но на это уйдет слишком много времени. Никто в канцелярии переписки не знает, кто я такой. А это расследование надо провести незамедлительно. Не соблаговолите ли вы пойти со мной сейчас же, чтобы мы выяснили, в чем дело?

— Конечно же, конечно.

Присутствие Стэнтона открыло все запертые двери, и в конце концов они проникли в самое сердце канцелярии переписки. Послали за клерком Андертоном, первым подавшим жалобу. Тот был явно расстроен.

— Это пинкертоновские агенты однажды приходили и толковали с нами. Велели быть бдительными и дать им знать, если мы заметим что-то подозрительное. Я сказал им насчет Джорджио — и теперь он покойник. Вы думаете, его убили, потому что я обратился к агенту?

— Пока не знаем. Но если у вас возникли подозрения, то вы поступили совершенно правильно, к чему бы это ни привело. Итак, что же вы заметили?

— Это было в комнате, где мы переписываем только приказы особой важности. Я пришел с ленча и застал Джорджио у двери: он держался за ключ. Сказал, что заметил, что дверь не заперта, и просто запер ее вместо меня. Но, как я сказал, я просто входил из коридора. Ну, и не исключено, что он был в комнате и выходил, когда я его застал.

Фокс заметил, что Андертон взмок, и это ему очень не понравилось.

— Кто отвечает за то, чтобы дверь была заперта?

— Я, но...

— Может быть, Джорджио говорил правду? Возможно, дверь не была заперта?

— Такая возможность не исключается, — проронил Андертон чуть слышно.

— Тогда давайте-ка пойдем и посмотрим, не пропало ли из комнаты что-нибудь.

— Я не уполномочен...

— Зато я уполномочен, молодой человек, — сурово отрезал Стэнтон. — Открывайте.

Их подозрения подтвердились самым ужасающим образом, когда тщательный подсчет выявил факт, что один из конвертов с секретными приказами в самом деле пропал из запертой комнаты. Цифры никак не сходились. Названия кораблей на всех конвертах сравнивали с основным списком, пока не отыскали похищенный.

— Это военный транспорт, мистер Фокс, — сообщил Андертон. — «Аргус».

— Сделайте еще один экземпляр приказа «Аргусу» и положите его к остальным, — распорядился Стэнтон. — Когда они должны быть доставлены?

— Через три дня.

Стэнтон и Фокс переглянулись в ошеломленном молчании. Неужели план вторжения провален, даже до того, как оно началось? После этого все завертелось, как в калейдоскопе. Послали за газетным художником, к услугам которого Фокс уже прибегал прежде, и тот нарисовал портрет таинственного шотландца по описанию Крейга. Быстро напечатали его копии и разослали пинкертоновцам, полиции и прочим агентствам. Собственные агенты Фокса следили за железнодорожными вокзалами, а остальные отправились на пристани Балтимора, а также прочих окрестных портов, откуда корабли отплывают в Европу.

Министру военного флота Фокс доложил о случившемся лично.

— Это ужасно, просто трагедия, — сказал Гидеон Уэллс. — Приказы надо сейчас же отозвать.

— Нет, — возразил Фокс. — Слишком поздно. Даже планы вторжения менять слишком поздно. А если бы мы и поменяли их, уже один тот факт, что враг знает о вторжении, помешал бы нам осуществить его. Вторжение должно идти как запланировано. А мы должны бросить все силы на то, чтобы разыскать и остановить этого человека.

— А если это не удастся?

— Тогда мы должны молиться, — собрав волю в кулак, безгранично угрюмо проронил Фокс, — чтобы вторжение уже началось, прежде чем враг раскроет наш обман. Добраться до Британии нелегко, а у этого шпиона мало времени, чтобы доложиться своим хозяевам.

— Молиться, мистер Фокс?! Меня всегда тревожит, когда успех или провал дела зависит от вмешательства Всемогущего. Вы должны отыскать этого человека — и остановить его. Вот что вы должны сделать.

* * *

Поезд въехал на станцию Джексон, штат Миссисипи, почти без опоздания. Во время войны опоздания поездов доходили до двенадцати часов из-за нехватки подвижного состава и жалкого состояния железнодорожных путей. Наступление мира поменяло ситуацию. Только что сданный в эксплуатацию вагоностроительный завод в Меридиане начал выпускать пассажирские и товарные вагоны взамен старых, потрепанных войной. Но, что важнее, федеральные ссуды железным дорогам на Юге обеспечили столь необходимое трудоустройство только что освобожденным рабам. Рабочие бригады выровняли пути, подправили полотно свежим балластом, расписание поездов стало более реалистичным, поездки почти комфортабельными.

Спрыгнув из последнего вагона поезда, Л. Д. Льюис — рослый человек, одетый в аккуратно залатанные брюки и такой же выцветший голубой китель без знаков различия, — аккуратно поправил на плече узел с вещами. Раньше его китель был сержантским: более темные полоски, некогда скрытые от солнца нашивками, четко выделялись на фоне поблекшей ткани. Очень

многие в это время носили армейское обмундирование — оно долго не снашивается и достаточно дешево. Льюис не стремился упоминать, что это его собственный мундир, тот самый, в котором он провоевал всю войну. На левом бедре была залатанная прореха, где британская пуля прошила его во время боя в долине Гудзона, приходившаяся в точности напротив шрама на его коже. Свою широкополую, помятую шляпу Л. Д. надвинул на глаза. Бездонные черные глаза. Такие же черные, как и его кожа. Льюис подождал, пока остальные пассажиры — сплошь белые — разойдутся, и только после этого пошел на станцию. Белый кассир беседовал с белой четой через зарешеченное окошко. Пройдя через здание вокзала, Л. Д. вышел на улицу, где негр преклонных лет лениво подметал тротуар.

— Здрассь, — сказал Л. Д. Тот перестал мести и вопросительно поглядел на него.

— Вы не тутошний?

— Одно слово, и вы все про меня поняли, — улыбнулся Льюис. — Верно, старичок?

— Вы с янки?

— В точности.

— Ни разу допрежь не видал черного янки, — старик широ

ко осклабился беззубым ртом. — Правду сказать, я ваще не встречал допрежь янки. Чем-нить помочь?

— Непременно. Не скажете, где здесь Фридменовское бюро?

Улыбка старика угасла, он опасливо огляделся по сторонам, прежде чем сказать:

— Да ступайте, как шагали. Два-три квартала, а опосля сверните направо. — Он демонстративно отвернулся и снова принялся мести улицу.

Льюис поблагодарил его, но слова благодарности повисли в воздухе, не вызвав отклика. Ничего удивительного: старшее поколение на Юге видит в янки только источник бед и не хочет иметь ничего общего ни с ними, ни с законами. Пожав плечами, Л.Д. зашагал дальше.

Вход во Фридменовское бюро обнаружился сбоку от обветшалой церкви, далеко вниз от центра города по пыльной немощеной улице. Л. Д. толчком распахнул дверь и вошел. После ослепительного сверкания улицы ему показалось, что внутри царит мрак. За столом, уставленным картонными коробками, доверху наполненными бумагами, сидели две негритянки. Обе подняли на него глаза; та, что помоложе, улыбнулась и вернулась к работе. Из задней двери в комнату

вошел человек в белом пасторском воротничке, кивнувший ему.

— Могу ли я помочь вам, сын мой?

— Еще бы, если вы преподобный Ломакс.

— Он самый и есть.

— Получили ли вы письмо, извещающее о моем приезде? Меня зовут Л.Д. Льюис.

— Разумеется, мистер Льюис, весьма рад вас видеть, — пастор с улыбкой двинулся вперед, протягивая руку для пожатия. — Леди, это мистер Льюис из Фридменовского бюро в Вашингтоне.

Как только знакомство состоялось, Л.Д. опустил свой узел и плюхнулся в кресло.

— Могу я предложить вам что-нибудь освежающее? — осведомился Ломакс.

— Просто стакан воды, если вам не трудно.

Он поболтал с женщинами, пока преподобный ходил за водой. Поблагодарив его, Л.Д. осушил сразу полстакана.

— Я хотел спросить, пришла ли посылка для меня?

— Всенепременно. Поначалу я думал, что она для меня, потому как написано: «Библии». Но она была адресована вам с просьбой не открывать. Все едино это было бы нелегко, поскольку она запечатана проклепанными кожаными ремнями.

Она в задней комнате.

— Можно взглянуть? — встав, Льюис подхватил свой узел. Ломакс повел его из главной комнаты в церковь, а потом ввел в маленькую комнатку в глубине.

— Убрал сюда для безопасности, — пояснил он.

Ткнув длинную коробку носком сапога, Л.Д. извлек из узла длинный охотничий нож и перерезал ремни. Потом принялся вскрывать крышку ящика.

— Нас тут никто не услышит?

— Нет. Сегодня здесь только мы и дамы.

— Письмо, что вы написали во Фридменовское бюро, в конце концов попало ко мне.

Нахмурившись, Ломакс опустился на стул и рассеянно хрустнул костяшками пальцев.

— Значит, вам ведомо, что у нас тут беда. Налетчики подожгли церковь. К счастью, я увидел это и погасил огонь вовремя.

— А угрозы были?

— Не без того. Подсовывали записки под дверь. Безграмотные. Велели нам или закрываться, или нам достанется по заслугам.

— В некоторые бюро уже вламывались. Два из них сожгли. Один человек погиб.

— Я видел это в газетах. Вы можете нам по-

мочь?

— Для того-то я и здесь, преподобный.

Снова обернувшись к ящику, Льюис принялся выламывать запечатавшие его доски.

— А могут ли помочь Библии? — поинтересовался Ломакс, глядя на Библии в красных переплетах, заполнившие ящик.

— Эта Библия может, — ответил Л.Д., извлекая верхний ряд книг и вытаскивая сверток в промасленной бумаге. Развернув бумагу, он вынул винтовку. — Это двадцатизарядная, заряжающаяся с казенника спенсеровская винтовка. Я не мог ехать сюда с ней на плече, поэтому послал ее вперед себя. — Он вынул из ящика коробку с патронами.

Сдвинув брови, Ломакс покачал головой.

— Я человек мирный, мистер Льюис, и чуждаюсь насилия.

— Как и я, сэр. Но мы должны защищаться против этих налетчиков. Они наглеют с каждым днем. Они смелые, когда избивают стариков, женщин и детей. В Южной Каролине они даже выпороли кнутами стотрехлетнюю старуху. Мы просто защища

емся против людей, стремящихся загнать нас обратно в рабство. Разве в Библии не сказано:

«Око за око»?

— В Библии сказано еще и о мире, и о том, что надо подставить другую щеку.

— Это не для меня, — тряхнул головой Л.Д. — Я сражался на войне. Люди думают, что я купил или украл этот старый китель, но его дал мне дядюшка Сэм. Я сражался за Союз, а теперь сражаюсь за свободу, ради которой умирали мои друзья. Так что скажите людям, чтобы не тревожились о церкви, скажите, что теперь они могут спать по ночам спокойно. Пожалуй, я поночую здесь пару дней, просто чтобы эти бандиты не заварили какую-нибудь кашу. Еще одно: как дела в вашей школе?

Понурившись, преподобный ссутулил плечи.

— Вообще никак, с прискорбием сообщаю. У нас была миссис Бернхардт, вдова из Бостона. Она трудилась не покладая рук, весь день с детьми, а по вечерам учила взрослых, желавших узнать грамоту. Но, видите ли, окрестным жителям не по вкусу, чтобы мы учились читать и писать. Сначала ей пришлось съехать из меблированных комнат, затем ей не позволили жить в гостинице, даже в той, что у вокзала. В конце концов с ней поговорили. Я так и не узнал, что ей сказали, но она проплакала всю ночь. А на следующий день села

на поезд. Нам тут недостает миссис Бернхардт.

— Ну, может, с виду этого и не скажешь, но до начала войны я был учителем. Проработал в школе пару месяцев, прежде чем пошел в армию. Пожалуй, чтобы научить людей грамоте, сгожусь.

— Вы воистину дар божий! — чистосердечно воскликнул преподобный. — Если мы сумеем одолеть безграмотность среди нашего народа, то сможем сделать все на свете, все на свете!

— Надеюсь, что вы правы, — Л.Д. изо всех сил старался скрыть горечь своих слов. Слишком уж хорошо он знал мир белого человека, чтобы рассчитывать на внезапные чудеса.

Поездка по железной дороге была долгой и утомительной. Сиденье было слишком неудобным, чтобы толком поспать. Но одной из вещей, которым Л.Д. Льюис выучился в армии, была способность спать где угодно и когда угодно. Деревянный пол кладовки с узлом вместо подушки — вполне удобная постель.

Проснулся он несколько часов спустя под звуки гимнов, распеваемых в церкви, — притом чрезвычайно приятные. Льюис немного помычал в лад. Потом встал, вышел в тесную церковку,

чтобы принять участие в службе. Преподобный

Ломакс увидел, как он вошел, и счел уместным упомянуть о нем после проповеди.

— Прежде чем я скажу «аминь», я хочу, чтобы все вы познакомились с мистером Л.Д. Льюисом, прибывшим сюда из Вашингтона по поручению Фридменовского бюро. Он учитель, именно так, и он научит всех вас читать и писать.

Паства встретила его аплодисментами и теплыми улыбками. После окончания службы Льюис получил далеко не одно приглашение на ужин и с радостью их принял. Позже, уже в сумерках, чувствуя в желудке приятную тяжесть овсянки, салата из одуванчиков, свиного рубца и красного соуса, он вернулся в церковь. Преподобный Ломакс дожидался его.

— На передней и задней двери есть засовы, так что вы можете запереть их изнутри. Ежели я понадоблюсь вам, мой дом чуть дальше по тропинке.

— Спите спокойно. Я вполне управлюсь.

Ночь выдалась очень тихая — и очень располагающая ко сну. Ее безмолвие нарушали только басовитые стоны паровозных гудков вдали да уханье совы, охотившейся среди деревьев у церкви. Когда веки его начали слипаться, Л. Д. беззвучно обошел церковь в темноте, держа

спенсеровскую винтовку на плече. Выглянул по очереди из каждого окна. Но покой ночи не нарушался ни единым звуком. Настал рассвет, а церковь и Фридменовское бюро так никто и не потревожил.

Утром в школу пришли двенадцать только что вымытых и причесанных детей. Л. Д. отыскал хрестоматии Гаффи, к которым со времени отъезда миссис Бернхардт никто не прикасался. Сдув с них пыль, провел первый урок. После этого проспал от полудня до заката, пообедал в другой семье и провел еще ночь на часах. Но третья ночь, субботняя, была совершенно иной. Вскоре после полуночи раздался дробный топот копыт вниз по дороге, все ближе и ближе. Лошади остановились перед церковью. Л. Д., выглядывавший из окна в глубине церкви, быстро и беззвучно перебрался к окну в конторе. Притаившись в тени, он видел — и слышал — сквозь полуоткрытое окно все, что разыгрывалось на улице. Увидев при свете фонарей, что все всадники, кроме одного, в белых колпаках с прорезями для глаз, скрывающих их черты, Льюис загнал патрон в ствол спенсеровской винтовки.

Человек без маски был привязан к седлу — черный. Лицо его было искажено ужасом.

— Что-то ты сдрейфил, парнишка, — сказал один из всадников, наклонившись и ткнув того винтовкой в ребра. — А теперь наверняка думаешь, что, наверно, неправильно вел себя со своим массой.

— Я ничего не сделавши... — Ствол внезапно вонзился ему в живот, и негр застонал от боли.

— Вот тут ты говоришь правду. Ты ничего не сделал, это правда. Хлопок твоего массы гниет на полях, а ты и прочие ниггеры посиживаете в теньке...

— Нет, сар. Мы готовы работать. Но он хочет платить нам так, что нам не прожить. Мы оголодавши, нашим детям неча есть, сар.

— Может, вам следовало остаться рабами, — ответил всадник с невеселым, резким смешком, — по крайней мере, тогда вы ели от пуза. Но насчет этого не беспокойся, слышишь. Ты донесешь весть прочим черномазым. Ты скажешь им, чтобы они живо принимались за работу или кончат, как ты. Ну-ка, перекиньте веревку через брус!

Один из людей в масках дал лошади шенкеля, чтобы она прошла вперед, и перекинул веревку через стропила церковного портика.

А затем завязал на ее конце петлю.

— Ну-ка, плесните керосина на церковь — она

осветит этому парнишке дорогу в ад.

Кто-то из всадников отвязал от луки запечатанный кувшин и передал его вперед. Петлю накинули на шею перепуганному мальчишке.

— А ну-ка прекратить! — крикнул Л. Д. Льюис из темноты церкви. — Здесь дюжина человек с винтовками. Отпустите этого человека и дуйте отсюда, слышите!

Один из всадников — судя по реакции, старый солдат — вскинул винтовку и выстрелил в церковь. Как и другой, а за ним и третий. Л. Д. ответил выстрелом на выстрел; первый стрелок вывалился из седла. Л. Д. загонял в ствол патрон за патроном, стреляя с такой скоростью, что его противники наверняка подумали, что в церкви и в самом деле не протолкнуться от стрелков.

Кувшин с керосином упал на землю и разбился. Один из фонарей тоже упал, стекло разбилось, но фонарь не погас. Всадники орали друг на друга; их лошади вздыбились от звуков стрельбы и едкого запаха пороха. А потом все скрылись, умчавшись галопом прочь. Двое всадников поддерживали раненого в седле.

Но один из людей в масках остался лежать на земле, все еще цепляясь за поводья своего коня. На плененном негре не было

ни царапины, но он сгорбился в седле, почти лишившись сознания от ужаса.

Бандиты скрылись. Льюис осторожно выскользнул из дверей, потом открыл складной нож и перерезал веревки на руках и ногах пленника. И подхватил его, не дав рухнуть на землю. Послышался топот бегущих ног, и Л. Д. стремительно обернулся. Это бежал преподобный, белая ночная сорочка с хлопаньем билась о его ноги. Он нес античное кремневое ружье.

— Я услышал выстрелы...

— Они собирались повесить этого человека и сжечь церковь. Я не мог позволить им сделать это.

— Вы застрелили одного из них! Он умер?

— Честно говоря, не знаю, — подойдя к распростертому телу, Л. Д. сдернул с его головы колпак. Остекленевшие глаза покойника уставились на него сквозь очки. — Смахивает на то, что он свое получил.

Подойдя к нему, преподобный Ломакс поглядел на покойника и застонал. Покачнулся и едва не упал.

— Вы это сделали... — с трудом выдавил он. — Вы выстрелили и убили его. Это мистер Джефферсон Дэвис. Вы застрелили его. Вы застрелили

его насмерть.

Опасная погоня

Пинкертоновский агент Крейг был жутко недоволен собой. Да, время было позднее, он пропустил обед, но Аллан Пинкертон всегда говорит, что быть одним из его агентов — значит находиться на работе двадцать четыре часа в сутки. И Крейг всегда соглашался с этим. Но на этот раз подвел босса. О промахе не знает больше никто, но он-то сам знает! Если бы он только подождал капельку подольше, проследил бы за писарем... Может быть, даже предотвратил бы убийство. Что ж, нет смысла упрекать себя в том, что не сделано. Пора сделать нечто положительное. Например, найти убийцу. Он снова поглядел на рисунок; шотландец вышел довольно похоже. Крутнул барабан своего «кольта» 44-го калибра; все патроны на местах. Сунув его за пояс возле пряжки, Крейг натянул пиджак и вышел. Никаких конкретных приказов он не получал. Но сидя в четырех стенах, шотландца не найдешь. А его надо найти — и Крейг довольно хорошо представлял, где тот может находиться.

На железнодорожном вокзале Крейг узнал двух пинкертоновских агентов, но они проигнори-

ровали его, как и он их. Высматривают беглеца, если тот еще в городе. С этой станции ему поездом не уехать. Агенты увидят его, узнают и схватят.

Но что, если он уже скрылся? Он может быть и в Нью-Йорке, но Крейг не сомневался, что это не так. К чему тратить время на дорогу туда, если он собирается покинуть страну, когда Балтиморский порт совсем под рукой? Балтиморские причалы, вот где его следует искать, догадывался Крейг. Если разыскиваемый в самом деле иностранный агент, он не добьется ровным счетом ничего, оставшись в столице. Если он получил от покойного клерка важную информацию, а все вроде бы идет к тому, то он наверняка везет ее или отправляет своим работодателям. Кораблем. Значит, Балтимор. Агент Крейг сел на поезд, когда тот уже трогался.

Добравшись до порта, он первым делом заглянул в контору начальника порта. Показал свой значок и вызвал клерка.

— Ни разу не видал такой, — сказал тот, вытаращившись на посеребренную бляху.

— Тогда взгляни на нее повнимательней и запомни. Всегда будешь знать, если беседуешь с пинкертоновским агентом. Я хочу показать тебе кое-что. — Развернув рисунок, он положил его на

стол. — Ты видел этого человека?

— Навряд ли. Но я почти не выглядываю из конторы. На причалах, вот где вам надо поискать. А что он натворил?

— Я просто хочу потолковать с ним. Отплывает сегодня какой-нибудь корабль?

— С полуночи не отплывал ни один, насколько мне известно, — клерк перелистал стопку бумаг. — Нынче вечером два отбывают. Один, «Град Натчез», отправляется в Новый Орлеан, но он мог уже и уйти, по-моему.

Крейг подумал было, что надо бы дать телеграмму, чтобы корабль обыскали по прибытии, но тут же передумал. Это было не просто наитие: с бесценной информацией беглец должен направляться в противоположном направлении.

— А что за другой корабль? — спросил он.

Клерк провел пальцем по странице гроссбуха.

— Ага, вот он. Должен отплыть через пару часов. Испанский корабль под названием «Ксавьер Маргейс». Причал восемнадцать.

— Отплывает в Испанию?

— Наверно. Через Роттердам. Везет груз в этот порт.

Обернувшись, Крейг почесал подбородок и снова обернулся.

— Пассажирский?

— Нет, просто старый грузовик. Пришел под парусом для ремонта машины.

— А еще какие-нибудь корабли отплывают сегодня вечером?

— Только эти.

— Спасибо.

Не слишком-то многообещающе. Но Крейг хотел проверить пристани в любом случае. Проверить торговые корабли, потом пассажирские. Он зашагал к причалам, заметив, что у главных ворот стоит еще один агент. Остановившись, он прислонился к стене позади коллеги, кашлянул и проговорил в кулак:

— Есть что-нибудь?

— Ничего. Но я здесь всего час. Сменил Энди.

— А во сколько пришел он?

— Чуть позже полудня.

А клерка убили вчера ночью. А раз порт не охранялся, беглец вполне мог проскользнуть на один из здешних кораблей.

— Ладно. Я порыскаю по порту.

«Ксавьер Маргейс» с виду был не очень презентабелен, его давно следовало перекрасить, а то и переоснастить. На трубе было больше ржавчины, чем краски; его зарифленные паруса висели, как

узлы с грязным бельем. Сходни были спущены на берег. Крейг нерешительно постоял возле них, потом заметил, что кто-то вышел на палубу. Почему бы и нет? Попытка не пытка. Крейг зашагал вверх по сходням. Услышав его приближение, матрос обернулся к нему.

— Я хочу задать вам пару вопросов.

— *No hablo ingles*[57].

Вид этого небритого матроса с бегающими глазами пришелся Крейгу не по душе.

— Позови капитана, — повелительным тоном распорядился он, и матрос юркнул прочь. Послышался крикливый обмен репликами, и минуту спустя на палубу вышел офицер в грязной фуражке с длинным козырьком.

— Чего вы хотите? — буркнул он.

— Задать вам пару вопросов...

— Капитана сейчас тут нет. Вы приходить обратно. — Офицер был так же небрит, как и матрос с бегающими глазами. Крейг решил надавить на него.

— Вам известно, что это? — он извлек бляху и сунул офицеру под нос. Да, видит бог, тот съежился!

---

[57] Примечания: 57
Я не говорю по-английски *(исп.).*

— Вы должны говорить капитан...

— А я сейчас говорю с тобой. Сколько пассажиров на этой посудине?

— Нет пассажиры... Не можно.

Сплошная фальшивка. С какой это стати его расстраивают простенькие вопросы? Ну, если им не позволено возить пассажиров, а у них один есть... Крейг очень неторопливо убрал бляху и, не сводя глаз с лица офицера, извлек и развернул рисунок, а потом поднял его.

— Ты видел этого человека?

— Нет, нет видеть!

— Тогда с какой стати ты так напуган, друг мой? Грязные секреты?

Пора немножко надавить. Крейг извлек револьвер и проговорил негромким, напряженным голосом:

— Ты не в беде — пока. Отведи меня к нему.

— Я не знаю, я нет при чем. Спросить капитан...

Все еще глядя перепуганному моряку прямо в глаза, Крейг с громким щелчком взвел курок револьвера. От этого звука офицер вздрогнул

— Ну, веди меня к нему, — прошептал Крейг. — И ни слова, делай, как я скажу.

Моряк был в ужасе, чему Крейг был чрезвы-

чайно рад. Тот в отчаянии озирался, но не видел выхода. Затем поспешно кивнул и указал на люк. Крейг последовал за ним в трюм. По обе стороны коридора были двери. Указав на одну из них, моряк отпрянул, как только Крейг постучал.

— Чего еще? — прозвучал изнутри голос с гнусавым шотландским акцентом.

— Записка вам, мэстейр, от капитано, — ответил Крейг, как он надеялся, с испанским акцентом. Очевидно, его имитация была достаточно хороша, чтобы обмануть человека в каюте. Послышались шаги в сторону двери, лязгнул замок. Едва дверь приоткрылась на дюйм, Крейг мощным пинком распахнул ее.

Тот самый!

При виде пистолета подозреваемый отвернулся — и вновь обернулся мгновение спустя с раскрытым складным ножом.

Крейг ненавидел ножи. Однажды при аресте подозреваемого он был сильно изрезан. Выйдя из больницы, он поклялся, что подобное с ним больше никогда не повторится. Одного раза достаточно. И выстрелил не задумываясь.

Единственный выстрел прямо в сердце, наверняка смертельный. Шотландец рухнул на пол; Крейг пинком выбил нож из его обмякшей ладо-

ни. Потом потыкал лежащего носком ботинка, но тот не шевельнулся. Крейг улыбнулся: ну, по крайней мере, он расквитался за предыдущий промах. Склонившись над трупом, он быстро обшарил тело ладонями. В заднем кармане брюк что-то топорщилось. Грубо перевернув покойника, Крейг извлек нечто обернутое в клеенку.

— Ты, — бросил он через плечо, — бегом в контору. Вели прислать сюда полицию.

Как только шаги моряка стихли, Крейг осторожно развернул клеенку и обнаружил смятый конверт с синим штампом военно-морского флота Соединенных Штатов. И, не заглядывая внутрь, снова завернул его.

Неприятностей из-за убийства не предвидится, поскольку это была явная самооборона. А если властям нужен именно этот конверт, то он вообще на коне. Дожидаясь прибытия полиции, Крейг обшарил покойного более тщательно, а потом обыскал каюту.

* * *

А в противоположном конце Балтиморского порта личный состав Ирландской бригады садился на корабль. Пока солдаты 69-го полка взбирались по трапу, над ними подтрунивали

солдаты в серой форме, стоявшие вдоль перил на палубе, — солдаты двух Миссисипских полков, поднявшиеся на судно еще утром.

— Ребята, там, куда вы едете, жуткая жарища!

— Вам бы скинуть свои шерстяные кафтаны, как змея сбрасывает кожу!

На суше молва прямо-таки гудела о цели их путешествия. Все были абсолютно уверены, что направляются в Мексику. Сбоку, глядя, как солдаты, увешанные ранцами и винтовками, взбираются по сходням на корабль, стоял генерал Мигер со своим штабом. Он изо всех сил крепился, дабы хранить на своем лице суровое выражение, подобающее происходящему; бригада, отплывающая на войну, — это вам не шуточки. Но если бы он дал себе волю, то ухмылялся бы, как деревенский дурачок. Потому что только он один из всех присутствующих знал об истинной цели путешествия. Работа с генералами Шерманом и Ли над планом вторжения была изнурительной и трудной, но доставляла ему массу удовольствия. Теперь с планами покончено, секретные приказы написаны, но как он хотел бы взглянуть на лица своих подчиненных, когда откроет им, что истинной их целью является Ирландия. Ему требовалось прикладывать немалые усилия,

чтобы не расплыться в широкой ухмылке. С этим удовольствием придется обождать, пока корабль не выйдет в открытое море.

Вдоль всего атлантического побережья корабли готовились к отплытию. Более тихоходные еще вчера отправились в путь к точке сбора у побережья Флориды. Транспорты с войсками южан тоже выходили в путь из портов Мексиканского залива. В море вышла самая большая оккупационная армия из всех, какие видел свет, готовясь доставить войну к вражескому порогу.

А еще дальше к югу флот броненосцев в последний раз загрузил уголь в Южной Америке и вышел в море. Курс его лежал на юг, вдали от земли. Флот двигался этим курсом до полуночи, когда были вскрыты секретные приказы. И на каждом корабле разыгралась точь-в-точь такая же сцена, как на борту «Мстителя». Капитан, рядом с которым стоял его первый помощник, аккуратно взрезал конверт, извлек тоненькую стопку бумаг и развернул ее. Зачитал первую страницу только до половины, и челюсть у него отвисла.

— Ну, черт меня подери! Мы все-таки не будем огибать Горн.

— А что же тогда, капитан?

— Да мы пересекаем Атлантику для встречи с остальным ударным флотом.

— А по кому мы ударим, сэр? — умоляющим тоном спросил офицер.

— Мы вторгнемся в Ирландию, вот что! Мы отправимся туда и высадимся, пока британцы будут ловить ворон. Боже, с каким удовольствием я бы увидел их лица, когда они узнают, что мы сделали!

— А можно мне сказать экипажу?

— Несомненно! Теперь они все равно ничего никому не расскажут.

Недолгое ошеломленное молчание взорвалось криками радости и воинственными кличами.

Вахтенные, спавшие в матросском кубрике, проснувшись от крика, перепугались.

— Что случилось?!

— По нас попали?!

Тут дверь распахнулась, и матрос, просунув в нее голову, крикнул:

— Мы идем в Ирландию, ребята, Мексика была просто для отвода глаз! Мы врежем этим бриттам прямо у них на задворках!

Штурвалы повернулись, и корабли вздыбились, описывая в воде пенные дуги, сворачивая к востоку.

* * *

Но в Джексоне, штат Миссисипи, не думали о дальней войне между другими нациями. Здесь находились жертвы вековой расовой розни, все еще делившей эту нацию надвое. Три человека на крыльце церкви были все еще ошеломлены внезапностью происшедшего. Они подняли покойника с дороги и положили на голые, потрескавшиеся доски крыльца.

— Не понимаю, как такое могло случиться? — спросил преподобный Ломакс.

— Они выволокши меня из постели, — объяснил Брэдфорд. — Хотевши меня линчевать, потому как я не рвал хлопок. Накинули петлю, а опосля стрельба...

— Я услышал, как они подъезжают, — подхватил Л. Д. Льюис. — Они не таились. Думаю, хотели, чтобы вся округа знала, чем они занимаются. Ставят зарвавшихся негров на свое место — прямиком на самое дно. Если бы они только покричали или, скажем, сожгли крест, я бы и пальцем не шелохнул. Но они собирались повесить этого человека прямо перед церковью. А потом сжечь церковь и Фридменовское бюро. А когда я крикнул предостережение, они просто

начали стрелять. Мне только и оставалось, что отстреливаться. Я опорожнил весь магазин. Должно быть, по такому количеству пуль они решили, что здесь целый взвод. Припустили отсюда так, что только пятки засверкали. Одно дело нападать на беззащитных, прячась под колпаками, — и совсем другое стоять под пулями. Теперь надо как-то разбираться с этим бардаком. Вы уверены насчет личности этого убитого бандита?

— Это он, никаких сомнений. Это мистер Джефферсон Дэвис. Тот, что был президентом Конфедерации. Пожалуй, надо бы отнести его в церковь, а не бросать здесь.

Не ощутив к покойному ни малейшего почтения, Л. Д. подхватил его под мышки и поволок внутрь. Потом вышел на улицу, отыскал белый колпак, приподнял голову трупа и натянул колпак на нее.

— Таким мы его нашли, таким он пусть и будет. Теперь он всего лишь безымянный покойник, и по праву, сам заслужил. И мы отправимся вслед за ним, если не поторопимся. Есть ли тут поблизости болото или река?

— Ручей в полумиле отсюда, впадает в реку Пирл.

— Брэдфорд, ты знаешь туда дорогу? Сможешь

найти ее в темноте?

— Как не найтить, — пробормотал тот, все еще ошеломленный событиями этой ночи.

— Хорошо. Тогда мы с тобой отправимся туда, утопим эту винтовку и все боеприпасы в самом глубоком месте. У тебя большая семья здесь, Брэдфорд?

— Только я да папаня, с тех пор...

— Извини, ему придется обойтись пока без тебя. Это лучше, чем если бы тебя повесили. Преподобный простится с ним от твоего имени. Позже, может быть, ты сможешь послать за ним.

— Я чегой-то не пойму...

— Мы с тобой уходим сейчас же — и обратно ты не вернешься. В этом городе ты отправишься на тот свет в ту же секунду, как тебя увидят. Мы избавимся от ружья и патронов, а потом двинем дальше. Когда я шел с поезда, я видел сортировочную станцию за окраиной — там масса путей и поездов. Ты сможешь найти ее?

— Непременно.

— Тогда пошли. Дело за вами, преподобный, вы должны донести об этом в полицию. Вот что вам надо сказать. Вы услышали стрельбу у церкви, проснулись, взяли свое ружье и пришли посмотреть, что случилось. Все уже скрылись. Но

вы нашли на дороге покойника. Это достаточно близко к истине, чтобы не слишком тревожить вашу совесть. Вы не солжете, а просто умолчите кое о чем, чтобы спасти Брэдфорду жизнь. Затем, увидев покойника, вы вошли внутрь и написали записку об убийстве. Пошли в ближайший дом, разбудили их, послали мальчика с запиской в город. Разве не так вы поступили бы?

— Да, именно так. Но...

— Никаких но, это все, что вам известно и что вы скажете. Но дайте нам хотя бы полчаса, прежде чем посылать записку. Я хочу успеть сесть на товарный поезд и убраться как можно дальше отсюда к восходу. Я сожалею о случившемся. Я не хотел, чтобы все так кончилось. Я прибыл сюда, чтобы защитить вас, но, боюсь, навлек еще худшие бедствия, нежели прежде. В этом я искренне раскаиваюсь. Но я предпочитаю видеть покойным этого бандита, кем бы он ни был, а не Брэдфорда. А теперь — пошли.

Топот бегущих ног скоро стих во тьме. Ломакс порывисто перевел дыхание. Грядут большие, огромные беды. Он помолился, чтобы убийства на этом закончились, помолился вслух, как будто звук его голоса мог заставить желание осуществиться.

Часы остались в доме, поэтому он не знал, который час. Когда прошло не менее получаса, он пошел по тропе до дома Бродериков и стучал в дверь, пока кто-то не крикнул изнутри:

— Кто там?

— Это я, преподобный Ломакс. Открой дверь, будь любезен, Франклин!

Он написал записку для шерифа, попутно рассказав Бродерику, что случилось. Но не сказал, кем был бандит. Дело и без того обстоит достаточно скверно. Потом подросток, сын Бродерика, убежал в город с запиской.

— Ступайте в постель, — сказал Ломакс. — И поспите. Скоро здесь будет довольно шумно.

Он медленно шагал обратно в церковь, погрузившись в раздумья. Ничего доброго из этого не выйдет, и он тревожился о своих прихожанах. Подходя, он увидел, что дверь церкви распахнута, хотя не сомневался, что закрыл ее. Когда он уже поднялся на крыльцо, из церкви вышел Л. Д. Льюис. По-прежнему с винтовкой.

— Не тревожьтесь за Брэдфорда, — сказал он. — Я посадил его на поезд, и он уже далеко. Я велел ему отправиться в ближайший крупный город и обратиться во Фридменовское бюро. Рассказать обо всем, что случилось. Там о нем позаботятся,

тут сомневаться нечего.

— Но вы... вы вернулись!

— Верное дело, вернулся, — отозвался Л. Д. со смешком. — Никто не говорил, что я чересчур смекалист, но я не могу позволить вам испить горькую чашу в одиночку. И потом, мне было не по себе от того, что я просил вас лгать. У меня винтовка и все такое. Я отдам ее шерифу.

— Они убьют вас!

— Может, и нет. В этой стране вроде бы есть закон. Вот давайте подождем и посмотрим, как этот закон работает.

Ждать пришлось долго. Солнце поднялось уже довольно высоко, а шериф все не шел.

— Похоже, здесь не слишком-то тревожатся, когда людей убивают, — заметил Л. Д.

— О, господь всемилостивый! — встрепенулся преподобный Ломакс. — Это я виноват. В записке я просто написал, что был разбужен оружейной стрельбой у церкви, а потом нашел убитого. Я не написал, что он белый.

— Вот и хорошо, а то бы, наверное, сюда прибежала толпа линчевателей. Нельзя ли выпить кофе, пока мы ждем?

— Да, конечно. Я ужасно негостеприимен.

Обе женщины, работающие во Фридменовском

бюро, пришли в восемь. Рассказав им о случившемся, преподобный отправил их по домам. Шериф Бубба Бойс пришел лишь после девяти. Л. Д. вынес из конторы стул и сидел на крыльце.

— Кто ты, парень? — спросил шериф, хмуро разглядывая его и его синий китель.

— Я сержант Льюис, 29-й Коннектикутский. Сейчас работаю во Фридменовском бюро.

— Я слыхал, тут у вас вчера ночью стреляли. Куда это Ломакс запропастился? — шериф с пыхтением выбрался из седла. Его крупный живот выпячивался, нависая над портупеей.

Услышав голоса, Ломакс вышел из церкви.

— Где этот труп? — осведомился шериф.

— Внутри. Я не хотел оставлять его на улице.

— Неглупо. Ты знаешь, кто это?

Но прежде чем преподобный успел ответить, его перебил Л. Д.

— Трудно узнать, кто это, шериф, когда он в колпаке.

— Негр в колпаке... — озадаченно буркнул шериф. И тут глаза его сузились, когда смысл сказанного дошел до сознания. Он протопал, склонился над трупом и сдернул колпак. — Ну, черт меня подери со всеми потрохами!

Секунду спустя он выскочил из церкви, расте-

гивая кобуру и вопя:

— Да вы знаете, кто там лежит на полу?! Это не кто иной, как мистер Джефферсон Дэвис собственной персоной, вот кто! Ну, черт возьми, что тут случилось вчера ночью?!

— Я услышал стрельбу... — начал Ломакс. Но Льюис остановил его, подняв ладонь.

— Я расскажу шерифу, преподобный, поскольку я был в церкви в это самое время. После полуночи я услышал топот лошадей. Шесть всадников остановились у церкви, все были в колпаках, вроде того, что лежит там. Они вели еще одну лошадь с негром в седле. Он был связан. Они сказали, что собираются повесить его и сжечь церковь. И уже приступили к этому, когда я крикнул, чтобы они перестали. Тогда они начали стрелять в меня. Я ответил на огонь для самозащиты. Этот упал с коня. Еще один всадник был ранен, но скрылся вместе с остальными. Негр убежал, я никогда не видел его прежде. Вот как все случилось, шериф.

Не снимая ладони с револьвера, шериф Бойс спросил:

— Где энто ружье, парень? — В тоне его не было даже намека на тепло.

— Внутри. Принести?

— Нет. Просто покажи его мне.

Он пропустил Л. Д. вперед и последовал за ним в заднюю комнатку. Льюис указал на винтовку, и Бойс поспешно сграбастал ее. Убедился, что она заряжена, и нацелил ее на Л. Д.

— Ступай со мной. В тюрьму.

— Вы не будете любезны пройти с нами, преподобный? — обернулся Л. Д. к Ломаксу. — После того как мы придем в тюрьму, я был бы очень благодарен, если бы вы послали телеграмму во Фридменовское бюро обо всем, что здесь случилось.

Они зашагали бок о бок по пыльной улице, а шериф следовал за ними верхом, нацелив на них винтовку.

Секрет раскрыт

Морской порт был окружен укреплениями со всех сторон. Дон Амбросио О'Хигинс знал это в точности, потому что последние несколько недель упорно прокладывал путь вокруг Салина-Крус. Когда он и его проводник-индеец Игнасио обследовали артиллерийские стрелковые позиции к северу от рыбачьей деревушки, они не обнаружили в броне не единой бреши, ни единого слабого местечка, которое можно было бы атаковать. В отчаянии они отправились в индей-

скую рыбачью деревню на тихоокеанском берегу и заплатили серебром янки за одну из долбленок. Затем темной ночью выгребли в море подальше от устья гавани, в любую минуту рискуя перевернуться на громадных тихоокеанских валах. Им удалось успешно высадиться на берег к югу от порта, и ночная разведка показала, что здесь оборонительные сооружения ничуть не уступают — если не превосходят — бастионы к северу от порта. Усталый, подавленный О'Хиггинс замкнул кольцо, вернувшись к начальной точке пути. Они уже вытаскивали каноэ на берег, когда Игнасио прижал палец к губам О'Хиггинса и безмолвно повлек его в подлесок. И только там едва слышно прошептал:

— Враги за деревьями. Я их чую.

Теперь, чувствуя себя в безопасности, британцы совсем обнаглели и начали высылать по ночам патрули.

— Гуркхи? — в ответ выдохнул О'Хиггинс. И он, и его индейцы питали огромное уважение к этим малышам из Непала, чувствовавшим себя в джунглях ничуть не хуже, а то и лучше, чем они сами.

— Нет. Другие. Не *blancos*[58].

Значит, они из сипаев или еще какого-нибудь индийского полка.

— Что нам делать?

— Следуйте за мной. Мы их обогнем, опередим — и устроим засаду, когда они пойдут назад по тропе.

Оба они были вооружены скорострельными спенсеровскими винтовками. Двадцать выстрелов из темноты прикончат идущих во главе колонны. А остальные в панике убегут в джунгли. Им уже приходилось совершать подобное.

Джунгли были для Игнасио домом. Он вел О'Хиггинса по невидимым тропинкам, время от времени хватая его за руку, чтобы положить его ладонь на ветку, которую он отвел, чтобы можно было пройти.

— Тут хорошо, — наконец сказал он, вгоняя патрон в патронник, и положил винтовку в развилку дерева, толстый ствол которого защитит его тело от пуль. — Скоро они выйдут вон оттуда, — взмахнул он рукой, но О'Хиггинс во тьме не разглядел этого движения.

В темном воздухе стоял звон насекомых, и

---

[58] Примечания: 58
Белые *(исп.)*.

О’Хиггинс изо всех сил крепился, чтобы сохранять неподвижность под их неустанными атаками. Когда он уже было совсем отчаялся, решив, что засада не удалась, послышался приближающийся шум, издаваемый вражескими солдатами. Сломалась ветка; с шелестом раздвинули листву. О’Хиггинс не открывал огня, дожидаясь, чтобы Игнасио выстрелил первым. А потом и сам разглядел врагов по движущимся во тьме силуэтам со смутно белеющими обшлагами и лацканами.

Винтовка Игнасио прогремела у самого его уха, и О’Хиггинс открыл огонь, стараясь не делать ни малейших пауз. Перезарядить и выстрелить, перезарядить и выстрелить. Послышались крики боли, вопли ужаса. В ответ раздался только один выстрел, после чего враг шумно отступил через джунгли. Игнасио отдал О’Хиггинсу свою раскаленную винтовку, выхватил мачете и скользнул вперед. Пленников они не брали.

Через минуту он вернулся, неся эполет одного из солдат. Вытер свой мачете о него и отдал эполет О’Хиггинсу; по нему можно будет узнать, из какого солдаты полка.

— Пять убитых. Остальные скрылись, — с гордостью ремесленника, хорошо сделавшего свое дело, сказал индеец, после чего развернулся, и

О’Хигинс последовал за ним к стоянке у ручья. Солнце уже взошло, когда они подходили к ней; Игнасио остановился и вскинул голову, принюхиваясь к воздуху:

— Лошади. И мой народ.

Он быстро двинулся вперед, крича что-то на диалекте своей деревни. Ему дружелюбно откликнулись, и Игнасио прошел вперед, присоединившись к кружку мужчин, сидевших вокруг костра. Как и они, он присел на корточки и стал прихлебывать из тыквы *aguardiente*[59], которую они ему протянули. Оседланная лошадь спокойно пощипывала зелень, а всадник сидел на бревне неподалеку. Это был не кто иной, как Порфирио Диас.

— Все еще работаете на gringos, дон Амбросио?

— Да, небольшая разведка.

— Уж лучше вы, чем я. Я не слишком преуспел и потерял хороших людей, пытая здешних британцев на крепость. Я очень рад, что эта маленькая война для моих солдат окончена. Пусть янки с холодного севера и захватчики из-за моря сражаются между собой. Это уже не моя битва.

— Но они же вторглись в вашу страну и окку-

---

[59] Примечания: 59
Спиртное *(исп.).*

пируют мексиканскую землю?

— Меня это не тревожит. Мы должны позволить gringos сражаться за нас здесь, в джунглях. У них большие пушки и множество солдат. Я поощряю их энтузиазм. Но, по-моему, дела у них не очень-то идут. Разве не правда?

Правда это или нет, позволить себе согласиться О'Хиггинс не мог.

— Генерал Грант — великий воин. У него есть и пушки, и солдаты. Он еще не разу не потерпел поражения.

Небрежно пожав плечами, Диас сунул прутик в огонь и прикурил от него свою черную орисавскую сигару, прежде чем продолжать.

— Меня вызвали в *Distrito Federal*[60]. Президент Хуарес созывает новый кабинет и оказал мне честь, попросив помогать в этом великом предприятии. Мы должны отстроить эту разоренную войной страну. У него такие грандиозные планы! Скоро будут выборы, настоящие, а не порочное очковтирательство, которым занимались французы, когда выбирали Максимилиана.

— Да сбудутся ваши слова, — искренне отозвался О'Хиггинс. — От всей души молюсь об

---

[60] Примечания: 60
Федеральный округ *(исп.)*.

этом. — Он не стал упоминать о жестоких людях, которые наверняка снова захотят узурпировать власть, о могуществе землевладельцев и церкви, тяжким грузом висящих на усталой шее Мексики веками. Быть может, на этот раз все удастся начать с чистого листа. Только бы это произошло действительно так!

— Я отправляюсь, чтобы присоединиться к президенту Хуаресу, — сообщил Диас, вскакивая в седло. — Почему бы вам не отправиться со мной?

— Может быть, позже. Я бы с радостью принял участие в строительстве новой Мексики. Но покамест мне надо отнести рапорт к генералу.

Они собирались отправиться дальше еще утром, но сперва непременно надо передохнуть. Утром О'Хиггинс расплатился с Игнасио обещанным американским серебром и в последний раз проводил взглядом индейца, скрывшегося в джунглях вместе с соплеменниками. Больше нет смысла вести разведку, и он скажет Гранту об этом. Укрепления повсюду, и с практической точки зрения они неприступны. На какие теперь американцы пустятся ухищрения, даже представить трудно.

В полдень он дошел до первого из армейских лагерей и попросил встречи с командиром — од-

ноглазым ветераном, полковником Рикером.

— Рассматривали их позиции, а, О'Хиггинс?

— Именно так, сэр, они весьма впечатляют.

— Вот уж действительно, — вздохнул Рикер. — Я велел рассыльному отвести вас к генералу.

На Мексиканской равнине встала могучая армия, палатки ряд за рядом и пушечные батареи. Непрекращающийся поток фургонов доставлял припасы, а в огромном лагере роились солдаты в синей и серой форме. Казалось бы, ни одно дело рук человеческих не может выстоять перед этими могучими воинами.

Но О'Хиггинс видел бастионы, на которые они идут. Даже самые решительные солдаты, самые мощные снаряды множества пушек не смогут возобладать над британскими твердынями. Такова прискорбная, огорчительная истина, но долг обязывает сказать об этом генералу Гранту. Однако до того, как О'Хиггинс успел подойти к большому штабному шатру, его остановил офицер.

— У генерала сейчас совещание штаба. Вам придется подождать.

— Но вы можете хотя бы сказать ему, что я здесь? Я доставил ему чрезвычайно важный рапорт.

Лейтенант задумчиво поскреб челюсть.

— Ну, можно и так.

— Я должен передать донесение его штабу.

— Я скажу, что вы здесь.

— Буду благодарен за помощь.

Долго ждать О'Хиггинсу не пришлось. Пару секунд спустя сержант высунул голову из палатки, огляделся — и махнул ему рукой.

— Сейчас генерал не может с вами поговорить. Но он хочет, чтобы вы были на совете. В глубине есть стул. Просто садитесь и не раскрывайте рта.

Усаживаясь на стул, О'Хиггинс понял, что в палатке царит полнейшая тишина. На столе перед генералом Грантом лежали его карманные часы, и он с прищуром смотрел на них из-за облака сигарного дыма.

— Без пяти, — сказал он, и эхом ему отозвался шепоток. О'Хиггинс хотел было спросить сидевшего рядом офицера, что происходит, но одумался. Очевидно, что-то важное.

Наконец генерал Грант раздавил свою сигару в металлической пепельнице, встал и взял часы.

— Вот оно! Час настал! — Эту весть встретил только ропот озадаченных голосов, и О'Хиггинс понял, что все остальные пребывают в таком же неведении о происходящем, как и он.

Кроме Гранта. Убирая часы в карман, он улы-

бался во весь рот, а потом радостно грохнул кулаком по столу.

— С этой минуты мы снимаем нашу осаду британских позиций. Больше не будет никаких атак, и больше ни один из наших солдат не должен будет умирать здесь, в богом забытом уголке Мексики. Но мы по-прежнему будем обстреливать укрепления, чтобы о нас не забывали. И хранить бдительность. Если они будут совершать какие-нибудь вылазки, их надо стирать в порошок, как только начнут. Но во всех остальных отношениях война на этом фронте окончилась.

— Почему... генерал?! Почему?! — крикнул один из офицеров, не в силах сдержать любопытство.

— А я вам скажу почему. Потому что в эту самую минуту открылся новый фронт, на котором нанесен удар по врагу. Я не могу сказать вам, где это происходит, — пока, но уверяю вас, что этот массированный, смертоносный удар наносят сию секунду. Чрезвычайно мощный и крепкий, это я вам могу сказать как человек знающий, так же уверенно, как и то, что здесь, в Мексике, война закончилась. Нам остается только ждать, когда британцы отступят и смотают удочки.

О'Хиггинс догадывался, что же могло произойти, но у него хватило ума не высказывать свои

догадки вслух. Пришли в движение могучие силы. Грядут великие свершения. Соединенные Штаты Америки платят врагу его же монетой.

* * *

В штате Миссисипи, в городе Джексон, Л. Д. Льюис сидел в своей камере, прислушиваясь к шуму разрастающейся толпы на улице. Преподобный Ломакс всю долгую дорогу до тюрьмы оставался с ним и подождал, пока его зарегистрируют. Шериф отправил двух помощников в фургоне забрать тело Джефферсона Дэвиса, велев Ломаксу отправляться с ними в церковь. Тот не мог отказаться и потому неохотно сел в фургон.

Вот тут-то шериф и вошел в камеру к Л. Д. и избил его до потери сознания.

— Ни одному ниггеру-янки не дозволительно приезжать на юг и стрелять в людей вроде мистера Дэвиса! Ежели тебя сперва не линчуют, то тебя ждет справедливый суд и петля, уж в этом-то я тебе ручаюсь.

Возможность линчевания тревожила шерифа, но только потому, что при этом могли сжечь тюрьму и кого-нибудь убить. Когда фургон вернулся, шериф благоговейно уложил труп в лучшей камере и потребовал от помощников

клятвы, что они будут держать язык за зубами. И лишь после этого отправился к судье Рейду и рассказал ему обо всем.

— Ежели народ прослышит про это, то спалит весь город, — высказал судья свой ученый вердикт. — Надобно быстренько его засудить и повесить. А покамест пошлю-ка я за этими техасскими солдатами, чей лагерь возле города. Пускай постоят на страже. Они не в меру чванливы, так что недурно было бы малость сбить с них спесь.

А Л. Д. Льюис сидел в камере. От жары кровь на его кителе высохла, один глаз совсем заплыл, да и другим он видел с трудом. Ну, по крайней мере, все еще жив.

Вот только надолго ли?

Могучая армада

Еще ни разу крохотный островов Грасиоза, входящий в Азорский архипелаг, не видел подобного зрелища. В прошлом в его гавани одновременно брали уголь два, от силы три корабля. Но на этот раз... Просто невозможно поверить. Черные стальные боевые корабли запрудили весь океан за крохотным портом, угрожающе нацелив орудия на город и море. На якоре у самого берега

стоял парусник и два маленьких пароходика. Трехмачтовик, на котором развивался «Юнион Джек»[61], стал военным трофеем. Капитаны двух других кораблей — одного французского, а другого немецкого — бурно протестовали, когда американские морские пехотинцы взяли их на абордаж. Им вежливо, но твердо пообещали освободить после того, как флот уйдет.

Но в данный момент он не только не уходил, а все прибывал. Казалось, все население острова собралось на берегу, глазея с раскрытыми ртами на горизонт, где появлялось судно за судном, пока они не заслонили собой все море.

Но во всей этой толкотне и замешательстве наблюдалась четкая логика. Сигнальщики передавали приказы, два броненосца прошли сквозь стоящий на якоре флот и пристали к угольному причалу. В то же самое время паровой катер пробирался среди кораблей, останавливаясь у каждого ровно на такое время, сколько требовалось, чтобы капитан корабля перешел на катер. Наконец катер вернулся к крейсеру «Диктатор» — самому могучему из боевых кораблей, когда-либо бороздивших океаны. На нем адмирал Фаррагут

---

[61] Примечания: 61
Флаг Соединенного Королевства Великобритании.

поднял свой флаг. Оживленно переговариваясь, капитаны заполнили кают-компанию. Но гул голосов мгновенно стих, когда вошел адмирал, а за ним по пятам адъютант, несший целую стопку конвертов с сургучными печатями.

— Джентльмены, — провозгласил адмирал, — это наша последняя встреча. Завтра на рассвете мы отплываем в Ирландию. — Он с улыбкой подождал, пока стихнет взволнованный ропот. — Я знаю, что до сей поры до вас доходили лишь слухи о вторжении. Вам была известна лишь цель нашего следования. Поговаривали, что мы идем в Шотландию, атаковать саму Англию и, конечно, Мексику. Насколько мы можем судить, британцы заглотили наживку полностью, и их войска готовятся встречать нас в Мексике. Но это вовсе не означает, что ни одного боевого английского корабля сейчас в море не встретишь. Флаг империи сейчас наверняка на боевом посту. Это единственное, чего нам следует опасаться, — чтобы нас не заметили, пока наши войска не высадятся в Ирландии. Поэтому я хочу, чтобы вы шли заставами вокруг конвоя. Ни один другой корабль, ни дружественный, ни нейтральный, не должен проникнуть сквозь этот щит, дабы увидеть конвой, который вы охраняете. Нейтралов

следует брать под контроль, а вражеские суда захватывать. Итак, вот каким курсом мы пойдем...

Началась небольшая суматоха, потому что капитаны встрепенулись и начали передвигаться так, чтобы увидеть карту, прикрепленную к переборке. Фаррагут остановился рядом с ней.

— Наш путь будет состоять из двух отрезков. Сначала мы будем следовать от Азоров в направлении на север — северо-запад, чтобы держаться вдали от суши, а также подальше от торговых маршрутов Испании и Франции. Но вы должны отметить, что это также означает, что мы при этом пересекаем их трансатлантические морские пути. Посему мы должны удвоить вахты, и впередсмотрящие должны быть начеку в любую секунду. Затем вот здесь, — он прикоснулся к карте, — когда мы пройдем Бискайский залив и выйдем на северную широту сорок восемь градусов шестьдесят минут, ту же широту, что и Брест во Франции, меняем курс на север — северо-восток. Вот тогда-то две десантные группы разделяются. Группа А идет западнее, заходя с атлантического побережья Ирландии, а группа Б направляется в Ирландское море. В самое сердце Британских островов. Это знаменательный момент, джентльмены, ибо мы наконец переносим

военные действия на вражескую территорию...

В этот момент раздался отдаленный гул, который присутствующие не услышали, а скорее ощутили через стальную палубу.

— Что это? — насторожился адмирал.

— Выяснить, — приказал капитан Джонс своему первому помощнику, поспешившему прочь из кают-компании. Офицеры — сплошь командиры паровых судов — примолкли, понимая, что случилось нечто скверное.

Меньше чем через минуту лейтенант вернулся с матросом в перепачканной смазкой робе, явно одним из механиков машинного отделения.

— Этот старшина направлялся сюда, — доложил лейтенант.

— Говорите, — распорядился капитан.

— Взорвался главный котел, сэр. Два человека погибли.

— Сколько времени уйдет на ремонт?

— Главный инженер говорит, как минимум день. Это подающие трубы...

— Вы свободны, — сказал капитан Джонс. Теперь взгляды всех присутствующих были устремлены на адмирала Фаррагута. Он бросил взгляд на карту и снова обернулся к офицерам.

— Ничего не изменишь. Операция должна

идти, как запланировано. «Диктатор» останется здесь, в порту, до окончания ремонта. Я переношу свой флаг на «Виргинию». Теперь мы должны пересмотреть боевые порядки, чтобы отсутствие «Диктатора» не сказалось на начальной стадии операции.

Офицеры в гробовом молчании вернулись к полученным бумагам. Моряки — народ суеверный. И никому из них это дурное предзнаменование в самом начале операции не пришлось по душе.

* * *

Совещание в зале кабинета министров в Белом доме шло не гладко — почти каждый член кабинета твердил, что его проблемы важнее прочих. Однако министр Сэмон П. Чейз просто-таки знал, что его проблемы являются первоочередными. Он редко возвышал голос, более полагаясь на силу аргументов и собственную мудрость, нежели на голосовые связки. Но сегодня он почти утратил невозмутимость.

— Джентльмены, я настаиваю, чтобы вы прекратили эту перепалку и взглянули фактам в лицо. Вы, мистер Стэнтон, не получите ни одной из новых пушек, которые, по вашим словам, так нужны армии, без фондов для их приобретения.

Прежде всего мы должны обсудить необходимые налоги на покрытие расходов по этой войне.

— Я попрошу вас на минутку отвлечься, — произнес Иуда Б. Бенджамин, растягивая слова на луизианский манер. — Вопросы войны и налогообложения в этой стране следует на время отложить, пока мы не решим, единая у нас страна или нет. Вы должны посмотреть в лицо тому факту, что эти бандиты — враги Союза, враги Фридменовских бюро, враги хрупкого мира, воцарившегося ныне между Севером и Югом, совершенно распоясались. Я привез вам трагические вести и ждал лишь прибытия мистера Линкольна, дабы переложить это бремя на ваши плечи. Господин президент, — он встал и кивком указал на место во главе стола вошедшему Линкольну, после чего снова опустился на стул. Остальные голоса стихли, а Бенджамин устроился поудобнее и заговорил: — Вопреки нашим усилиям по укреплению мира, на Юге по-прежнему весьма неспокойно. Несмотря на наши выплаты за освобождение рабов, несмотря на создание фабрик, металлургических и даже оружейных заводов, все еще существуют элементы, не желающие принять новый Юг. Они истязают освобожденных рабов, осыпают

угрозами и даже сжигают Фридме-новские бюро и выступают против образования негров. Уже начались суды Линча и поджоги, а теперь еще и вот это, — Бенджамин приподнял сложенный листок бумаги. — Я получил эту телеграмму по пути сюда. Я был ошеломлен — даже повергнут в ужас — и не знаю, чем это все закончится. Судя по всему, негры начали давать бандитам отпор, и винить их за это нельзя. Но результаты ужасны, трагичны сверх всякой меры, — голос его упал до шепота, кулаки сжались, смяв телеграмму. Но Бенджамин, тряхнув головой, тотчас же взял себя в руки. Выпрямившись, он оглядел членов кабинета. — В городе Джексон, Миссисипи, убит налетчик. Человек, известный всем нам. Бывший президент Конфедерации. Джефферсон Дэвис.

Эта ужасающая новость была встречена гробовым молчанием. Линкольн в отчаянии покачал головой и сказал, вернее, прошелестел смертельно усталым голосом:

— Он был великим государственным мужем, благодаря ему появилась возможность окончить гражданскую войну. И он пытался предупредить меня...

— Господин президент, — подал голос министр юстиции Эдуард Бэйтс, человек сугубо

практичный, — вы должны ввести в Миссисипи чрезвычайное положение, пока страсти не разгорелись и не начались массовые убийства.

— Да, конечно, именно так мы и должны поступить, — кивнул Линкольн. — Известите губернатора незамедлительно. Выясните, какие войска там расквартированы, и телеграфируйте их командиру сию же минуту. Какое ужасное событие!.. Но вы же сказали... был убит налетчик?

Иуда Бенджамин кивнул и с безмерной горечью произнес:

— Мистер Дэвис был в числе налетчиков. Вероятно, он считал, что, участвуя в мероприятиях протеста, сумеет остудить горячие головы, сможет воззвать к их разуму. Но я не знаю...

Зато Сэмон Чейз знал, он часто беседовал с Джефферсоном Дэвисом, насколько твердо тот в глубине души был убежден, что негры — люди второго сорта и такими всегда и останутся. Но говорить об этом вслух Чейз не стал. О мертвых или хорошо, или ничего. Да к тому же Дэвис заплатил за свой фанатизм высшую цену. И вовсе незачем развенчивать его именно теперь. Старые раны надо врачевать, а не разъярять.

— Известно, кто стрелял? — вместо этого поинтересовался он.

Бенджамин снова заглянул в телеграмму.

— Молодой человек, ветеран войны, по имени Л. Д. Льюис, — вскинув глаза, он тяжело вздохнул. — Сейчас он арестован, и... он негр.

— В каком он служил подразделении? — осведомился военный министр Эдвин М. Стэнтон.

— Тут не сказано.

— Пожалуйста, приложите все усилия, чтобы выяснить это. Он ветеран, солдат, и военное министерство весьма озабочено его судьбой.

Все они единогласно сошлись во мнении, что необходимо ввести чрезвычайное положение, дабы воспрепятствовать распространению насилия. Стэнтон написал приказ, и тот был отправлен с нарочным. Теперь их дебаты лишились горячности, министры переговаривались вполголоса, пытаясь отыскать способ сохранить мир. Только Гидеон Уэллс, военно-морской министр, имевший другие неотложные дела, то и дело бросал взгляды на затейливо изукрашенные стенные часы и даже извлекал из жилетного кармана свои собственные, чтобы проверить их точность. В конце концов он кивнул, отложил часы и встал.

— Джентльмены, позвольте привлечь ваше внимание. Некоторые из ныне присутствующих

уже знают, о чем я собираюсь вам поведать, перед остальными же я должен извиниться за то, что держал вас в неведении. Но единственный способ сохранить нечто в секрете — это никому не говорить. Однако мы полагали, что должны выступить не хуже британцев, а то и получше, если удастся. Вы наверняка припоминаете, как они высадились и захватили мексиканский морской порт, когда мы считали, что они на пути в Вест-Индию. Факт, поставивший всех нас в крайне затруднительное положение. Но теперь положение переменилось. В эту самую минуту, могу вам признаться, наш могучий флот наносит удар почти в самое сердце Британской империи. Флот, по мнению всего мира направляющийся к тихоокеанскому побережью Мексики, но на самом деле пришедший вовсе не туда. Это была военная хитрость, грандиозная попытка заставить врага ожидать нас в одном месте, когда на самом деле мы наносим удар совершенно в другом. Мы больше не собираемся сражаться с ними в Мексике, потому что они вскоре будут вынуждены отвести оттуда все свои войска. — Он улыбнулся при виде озадаченных лиц окружающих и кивков согласия тех членов кабинета, кому было известно о настоящем десанте. — Крейсеры и военные

транспорты, отплывшие на юг несколько дней назад, проследовали вовсе не туда. Как только земля скрылась из виду, они поменяли курс и отправились к точке сбора в Северной Атлантике. Приняли топливо и сплоченным строем отплыли навстречу верной победе.

Снова оглядев озадаченных коллег, Уэллс не удержался от кривой усмешки.

— Ибо в эту самую минуту наши войска занимают остров Ирландия. Первые десанты были высажены сегодня в шесть часов утра по гринвичскому времени. Сейчас в Ирландии пять часов пополудни. Наступление идет полным ходом и с божьей помощью не может не увенчаться успехом. Вы только вообразите выражение лица королевы Виктории, когда кто-нибудь поведает ей эти новости!

— Только бы этот момент наступил попозже, — подхватил Авраам Линкольн. — До сей поры все наши усилия были направлены на то, чтобы держать эту царственную особу и ее вооруженные силы в полном неведении. Если все пойдет по плану, Ирландия будет взята под контроль задолго до того, как новости о завоевании долетят до Англии. Когда же они узнают о случившемся, будет слишком поздно что-либо предпринимать.

Если они только не предпримут массированное контрнаступление, им почти не остается выбора.

— Да глаголет вашими устами истина, господин президент, — произнес Иуда П. Бенджамин. — Да осуществятся планы наших офицеров, да увенчаются эти труды армии успехом во всех отношениях. Да будет победа на нашей стороне.

Он не стал добавлять, что победа в войне никогда не гарантирована. Правду говоря, как раз напротив. Ну, что сделано, то сделано. Он не стал говорить вслух о своих предубеждениях и опасениях, не желая портить эти минуты торжества. Но заметил, что Линкольн смотрит на него с тем же сумрачным выражением глубокой озабоченности на лице. Дело сделано. Теперь остается только молиться, чтобы успех был на их стороне.

Воскресенье, 8 октября 1863 года, полночь

Над Ирландией простерла крылья холодная, ясная ночь. Только на западе в районе Мейо и Голуэя и на юге вплоть до Беррена бушевали шквалы. Впрочем, на западе всегда дождливо, и никто не обращал на это особого внимания. Страна спала. Не спали лишь военные, постовые на часах во множестве британских оккупационных воинских частей. Солдаты вышагивали

перед кирпичными бараками Керра чуть южнее Дублина. Стояла стража и перед Дублинским замком, расхаживала по крепостным стенам башни Белвелли — одной из пяти, обороняющих гавань Корка. Выглядывали из амбразур сторожевых башен, охраняющих вход в залив Голуэй. Военные не дремали в этот темный полночный час.

Впрочем, только ли они? К востоку от Белфаста, где Белфастский Лох сливается с Ирландским морем, расположена крохотная рыбачья деревушка Грумспорт. Почти не отличающаяся от всякой другой деревни на берегах Ирландии, не считая разве что знаков на берегу к востоку от гавани. «ЯКОРЬ БРОСАТЬ ЗАПРЕЩЕНО», — гласили они громадными буквами; два человека, вынырнувшие из тьмы, прекрасно знали, что там написано.

— Подальше, Симус, малек подальше.

— Да здесь это, говорю тебе, я тащил его клещами как раз туточки...

Не договорив, он споткнулся обо что-то и с кряхтением повалился на песок.

— Ты прав, Симус, и больше я никогда не буду сомневаться в твоих словах.

— Споткнулся прямо об эту чертову штуковину. — Пошарив под ногами, он с трудом поднял на

пару дюймов в воздух шестидюймовый телеграфный кабель. — Вот он. Никогда не забуду день, когда мы вытащили его на берег. Перережем тута?

— Нет. Подсунь трос под него. Перережем его в воде, а потом оттащим морской конец как можно дальше.

Обмотав кабель веревкой, каждый взялся за один из ее концов. Пыхтя от напряжения, они подняли кабель и, скользя веревкой вдоль него, заковыляли все глубже в море, пока холодная вода не поднялась выше колен.

— Достаточно... Божечки, я уже задубел.

— Ты можешь его придержать? Просто положи его на колено, чтобы не держать на весу.

— Сейчас, ага. Режь, пока я не дал дуба.

Симус вытащил из сумки, висевшей на его поясе, ножовку. Трудолюбиво перепилил наружную оболочку, потом изоляцию и медные провода. Перерезать стальной трос посередке было потруднее, и его компаньон кряхтел от натуги.

— Готово! — воскликнул он, когда последняя жила разорвалась и концы кабеля скрылись в темной воде. — Найди его, найди конец.

Промокнув до нитки, лязгая зубами от холода, они наконец-то отыскали отрезанный конец

кабеля, уходившего в море. И снова сумели привязать к нему веревку. Но теперь не подняли, а поволокли его вдоль берега до тех пор, пока не могли идти дальше, погрузившись в воду по шею.

— Бросай, пока мы сами не утопли. В ближайшее время им будет не до ремонта проводов.

Они с плеском выбрались на берег и под покровом тьмы добрались до лодки, чтобы пересечь Лох. И всю дорогу боялись, что их могут увидеть и узнать. Лишь оказавшись на знакомых улицах района Католик-Паунд, ощутили себя поспокойнее. Там они разделились; Симус сквозь приоткрытую дверь проскользнул домой и запер ее за собой на засов. Нуала еще не спала, сидя в кухне у огня.

— Ну и видок у тебя, ты мокрый, как курица. Простудишься...

— Дай теплую одежду, женщина, — отозвался он, стаскивая мокрые вещи. — А эту брось в яму, что я вырыл в огороде среди картофельных грядок. Помоги бог всякому в Белфасте, у кого завтра утром найдут одежду, мокрую от морской воды. Шон не забегал?

— Забегал. Велел сказать тебе одно слово. Сделано. Сказал, ты знаешь, о чем это.

— Знаю.

— А я думала, что он живет со своей сестрой в Олдпарке с тех пор, как ушел из телеграфной компании, чтоб меньше тратить и все такое.

— А он и носу не высовывал из Олдпарка сегодня вечером, и ты его никогда не видела. Одно только слово о нем или об одежде — и мы все покойники.

— Не говори так, еще накличешь!

Муж похлопал ее по руке, сожалея, что напугал.

— Завари-ка чаю. Вот милашка! Просто забудь все насчет сегодняшней ночи, и все будет отлично, — а про себя безмолвно вознес молитву: «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы это было правдой!»

Не один он вышел из дому в этот час, были и другие. От Дублина до Корка, от Голуэя до Лимерика. Некоторые из них сами были телеграфистами, работавшими на своих аппаратах в этот самый день. Но перед тем как закрыться на ночь, они отправили запросы насчет предыдущих сообщений, которые получили. Просили повторить некоторые из них. А теперь, покончив с работой, с громадным наслаждением перерезали провода. Они знали места, где провод можно перерезать

так, что никто и не заметит. А где не удалось привлечь к этому делу телеграфистов, люди просто карабкались на столбы и деревья, перерезая провода, срезая их целыми ярдами. Работали они быстро, хорошо зная, что надо делать. К половине двенадцатого все линии телеграфной связи в Ирландии были перерезаны. Телеграммы нельзя было ни послать, ни получить на всем острове. А поскольку и подводный кабель до Порт-Логана в Шотландии был тоже перерезан — остров Ирландия оказался в полной изоляции.

* * *

Никто во всем огромном флоте не рассчитывал, что удастся добраться до Ирландии незамеченными. Чуть западнее островов Бласкет у Манстерского побережья британское таможенное судно «Оса» напоролось на головную заставу броненосцев. Капитан катера видел их дым уже в течение некоторого времени, но ему даже в голову не пришло, что это могут быть еще чьи-то военные корабли, а не британские. И лишь когда крейсеры свернули в его направлении, он переменил мнение. Свернул обратно к земле, но чересчур поздно. Выстрел перед носом, вид звездно-полосатого флага да плюс угроза громадных

орудий заставили его остановиться, покачиваясь в воде. Катер быстро взяли на абордаж и захватили. Экипаж заперли в трюме под охраной, крейсеры развернулись и поспешили за атакующим флотом, а «Оса» медленно пошла следом. Ближе к вечеру атакующий флот разделился, образовав две ударные группировки. Первая перешла на малый ход невдалеке, но вне пределов видимости от мыса Керри и устья реки Шеннон, а вторая группировка поспешила на север.

К рассвету второй флот прибыл к месту назначения. Где-то рядом за линией горизонта скрывался берег округа Клэр, где они должны высадить десант на рассвете. Третий флот скрылся из виду уже несколько часов назад, потому что ему нужно было обогнуть Ирландию с севера и прийти к месту назначения в Лох-Фойл.

Все три главных города Ирландии расположены на восточном побережье. Белфаст на севере, почти в пределах видимости из Шотландии, отделенной от Ирландии всего лишь Северным проливом Ирландского моря. Дублин — в центре, через Ирландское море от Уэльса. А Корк — на юге, через Кельтское море от Уэльса. Это благоустроенный и густонаселенный восточный берег острова.

Но красивее всего дикий западный берег страны — и наименее населенный. На его кремнистой почве не так-то просто отыскать клочок земли, пригодной для обработки, или поймать рыбу в штормящем море. А поскольку все главные города находятся на востоке, это вроде бы самое подходящее место, чтобы начать вторжение.

Но генерал Уильям Тикамси Шерман и генерал Роберт Э. Ли никогда не шли легкими и очевидными путями. В прошлом, во время войны, они перевозили армии на поездах, снабжали их с помощью поездов. Они пользовались железными дорогами в боевых действиях, как никто до них. Поэтому, поглядев на карту Ирландии, они увидели замечательную, современную сеть железных дорог, будто специально сконструированную для военных нужд, — и не могли упустить такую возможность.

От Портраша на северном побережье всего шестьдесят миль железной дорогой до Белфаста. Примерно такое же расстояние на юге отделяет Лимерик от Корка.

А в центре страны Мидлендская великая железная дорога идет прямиком от Голуэя до вокзала Кингсбридж в Дублине. Несколько древних сторожевых башен в Голуэйском заливе, выстроенных

во времена, когда сильно опасались французского вторжения, были единственным препятствием на пути американских войск, прибывающих с моря.

Три ударные группировки — три боевых генерала. Дублин — столица Ирландии, так что тут будто самой судьбой решено, чтобы генерал Шерман высадился со своими войсками в Голуэе, чтобы нанести удар на восток и взять этот город. Поскольку Грант все еще воюет с британцами в Мексике, для атаки на юге от Лимерика до Корка был выбран человек его калибра — генерал Томас Дж. Джексон, Твердыня Джексон, побеждавший в сражениях. Генералу Ли выпал кратчайший, а возможно, и самый легкий путь вторжения от Портраша до Белфаста. Но он же может оказаться и самым трудным, потому что наступающим войскам придется пробиваться сквозь самое сердце края протестантских лоялистов. Эти суровые люди не встретят американцев с распростертыми объятиями, как католические ирландцы на юге. Ольстер олицетворяет большой знак вопроса, вот почему Ли добровольно вызвался возглавить вторжение здесь. Будучи блестящим тактиком, он мог манипулировать целыми армиями и так и эдак. И если придется подавлять сопротивление

и менять планы прямо на лету — он как раз тот человек, кто способен на это.

В общем и целом план весьма деликатный, и оставалось только надеяться, что он достаточно прост, чтобы привести к победе. Три молниеносных удара, чтобы захватить страну.

Но как быть с грандиозной морской мощью американского флота? Какова его роль в войне нового типа?

Во-первых, он должен позаботиться, чтобы транспорты в целости и сохранности пересекли океан. Как только эта задача будет выполнена, его роль меняется. Теперь корабли начинают блокаду — и превращаются в плавучие батареи. Выгрузка и переброска артиллерии стала бы серьезной помехой в планах молниеносной войны, выработанных Шерманом и Ли. Тяжелые орудия должна заменить скорость. Пулеметы Гатлинга заменят пушки во время десантов и атак на западе, потому что способны поспевать за пехотой. Если повезет, стремительность и натиск станут гарантией победы. Что будет, если быстро движущиеся атакующие войска натолкнутся на сильно укрепленные позиции, сдерживаемые пехотой при поддержке артиллерии? Следовало предусмотреть и подобную возможность. Теперь

дело шло к тому, что этот новый род войны можно выиграть.

Во втором флоте машины на время остановили, пока сигнальщики не передали приказы на отдельные корабли семафором. На рассвете дюжина кораблей — и военных, и транспортных — направилась на восток, к ирландскому берегу.

В то же самое время Патрик Риордан столкнул свою лодку в воду залива Голуэй. Барна — крохотная рыбачья деревушка, расположенная в каких-то пяти милях к западу от города Голуэй. И все же она так патриархальна, что с равным успехом могла бы находиться и в пяти сотнях миль от него. Дюжина домишек сгрудилась вокруг единственного проселка, петляющего через поля. Брат Патрика Риордана Доминик, принесший охапку ловушек для омаров, вывалил их в лодку и молча забрался следом.

— Пожалуй, пора, — сказал Патрик.

Доминик поглядел на темные облака на западном горизонте и кивнул. При помощи рулевого весла оттолкнул лодку от берега и начал выгребать вперед, а его брат поднял парус на единственной мачте, и легкий ветерок наполнил его — дующий, как всегда, с запада. Они в молчании галсами заскользили вдоль залива.

— Ты взял фонари? — спросил Патрик. Доминик ткнул сумку носком ботинка. — Один тот самый?

— Пэдди, ты же знаешь все это и так, вовсе незачем спрашивать об этом то и дело. Мы ходили на мессу сегодня утром, значит, сегодня воскресенье, восьмой день октября, день, к которому мы готовились все эти долгие месяцы. Об этом нам сказал Шон, а своему собственному кузену ты не можешь не верить. И он же дал нам денег, чтоб мы купили лампы и все прочее. День тот самый, не волнуйся, и тебе следовало бы ликовать! — Он снова крепко налег на рулевое весло, и оба пригнули головы: лодка легла на противоположный галс, и гик прошел над ними.

С океана натянуло тучи, и сумерки сменились темной, беззвездной ночью. Ни один из братьев не обратил на это особого внимания, снова меняя галс. Всю жизнь прорыбачив в этих водах, они знали их как свои пять пальцев. Холмы Беррена по штирборту высились еще более темной массой на фоне затянутого тучами неба. На следующем галсе они мимоходом заметили, что обогнули мыс Финварра; волны, пенящиеся на камнях, были едва заметны сквозь тьму. Когда они достигли устья залива и островов Аран, было уже около полуночи. Время от времени мимо

проплывали огоньки в редких фермерских домах, а лодка все скользила к самому внешнему острову и песчаному берегу мимо деревни Огхил. Патрик выпрыгнул и вытащил крохотную лодку на берег; песок захрустел под днищем; спустив парус, Доминик вытащил мешок с фонарями.

— Зажечь?

— Ага. Самое время.

Он достал фонарь и вытащил из кармана завернутые в вощеную бумагу спички, затем чиркнул спичкой о металлический хомут на мачте. Та вспыхнула, и фитиль фонаря занялся. Задув спичку, Доминик поправил фитиль. Снова зажег от него спичку, чтобы зажечь второй фонарь. Как и было велено, фонари повесили на мачту один под другим. Привязав веревку, тянущуюся от носа лодки, к стволу растущего на берегу дерева, Патрик выудил из-под кормовой скамьи каменный кувшин. Доминик присел рядом с ним на песок. Вытащил пробку и сделал изрядный глоток виски. Патрик последовал его примеру, удовлетворенно крякнув.

— Итак, теперь ждем, — подытожил он.

Прошло не больше часа, когда до их слуха из темноты залива Голуэй донеслось дальнее тарахтение паровой машины. Звук прервался, и они

встали, пытаясь вглядеться в угольную тьму.

— Я что-то слышу...

— Весла — и скрипучие уключины!

Из тьмы показалась корабельная шлюпка, скользнувшая в круг света, отбрасываемого фонарями. Матросы подняли весла в воздух, с носа на берег спрыгнул человек в синем мундире.

— Шон, — приподнял брови Доминик, — значит, ты теперь солдат?!

— Да я всегда им и был. Но не думаю, чтобы было умно приезжать к вам погостить в мундире. — Увидев на земле кувшин, он мгновенно сграбастал его. — Живо в шлюпку, а об этом я позабочусь, — он сделал громаднейший глоток и восхищенно вздохнул.

— Но наша лодка?! — запротестовал Патрик. — Не можем же мы ее тут бросить!

— Почему бы и нет? Добрые люди Огхила побережут ее. Ну, полезли. Война начинается сегодня же.

Братьям Риордан оставалось лишь слабо протестовать, когда их затолкали в шлюпку, быстро отвалившую от берега и вернувшуюся к транспорту. Потайной фонарь показал веревочную лестницу, свисающую у него с борта. Как только они поднялись, Шон направил их к корабельному

офицеру, а тот отвел их на мостик в штурманскую рубку. Потайной фонарь отбрасывал слабый круг света на карту. Изучавший ее высокий мужчина выпрямился.

— Я капитан Траштон, командующий этой операцией. Добро пожаловать на борт.

Оба ирландца что-то смущенно забормотали в ответ; Пэдди сумел изобразить что-то вроде воинского приветствия. Им не часто доводилось общаться с джентри, а уж с капитаном корабля они говорили и вовсе впервые.

— Поглядите сюда, — тот постучал по карте, — насколько я могу судить, я нахожусь в проливе вот здесь, сориентировавшись по вашим огням на остров.

— Не совсем, ваша честь. Идет прилив, и вас снесло, так что корабль примерно туточки.

— А где первая сторожевая башня?

— Здесь, башня Россавил в бухте Кашула. Только одна пушка.

— Далеко ли до Голуэя?

— Миль двадцать.

— Хорошо. О ней позаботится рота с первого судна. А другие две башни?

— На южной стороне залива, вот здесь, на острове Огиниш, а вторая на мысе Финварра у

Беррена. Шестнадцать миль от города. По три пушки в каждой.

— Отлично. Искренне надеюсь, что вы, джентльмены, будете в первых шлюпках, когда мы двинемся в атаку.

— Я человек мирный! — ужаснулся Доминик.

— Разумеется. Да я и не хочу, чтобы вы путались под ногами у морской и сухопутной пехоты, когда мы двинемся в атаку. Вы просто укажете нам места, где высадиться, а потом останетесь у шлюпок. Ваш кузен, рядовой Риордан, сделал очень точные карты района вокруг башен. А много ли других укреплений обороняет город? Не было ли за последний месяц передвижений войск?

— Ежели и были, так мы их не видели. Солдаты вот тут и вот тут. Вот тут казармы и вокруг гавани.

— О них мы знаем, и о них позаботятся. Мне поручено захватить эти башни, и я приложу к этому все силы.

Из трех башен взять стоявшую у залива Кашула оказалось легче всего. Морские пехотинцы дошли от пляжа, где высадились, до башни, где скрылись в крохотной рощице у массивной каменной стены перед рассветом. При первых лучах солнца единственная деревянная дверь в

основании башни отворилась, и солдат в исподнем, с болтающимися подтяжками вышел, чтобы справить малую нужду. Сержант взмахом руки послал подчиненных вперед, и те молниеносным броском захватили вышедшего. Остальные все еще спали. Пушка была захвачена.

Взять мощные гранитные стены двух других башен оказалось потруднее. Атакующие ирландские войска в темноте отыскали укрытия вокруг них и залегли, держа винтовки наготове, в разгорающемся свете утра. Атаку на башню на мысе Финварра первый лейтенант Джеймс Бернс возглавил лично. Под покровом тьмы он подобрался к утопленной в каменной стене двери. Как только стало достаточно светло, чтобы не пришлось работать на ощупь, он уложил у стальной двери заряд черного пороха и завалил его камнями. Самолично отмерил бикфордов шнур, чтобы тот горел ровно две минуты. Зажег и подождал, пока не убедился, что шнур горит ровно. Потом покинул проем двери и, прижимаясь к стене, огибал круглое подножие башни, пока не отошел от взрывчатки на приличное расстояние.

Оглушительный грохот и туча черного дыма послужили сигналом к атаке.

Снайперы в кустах обрушили шквальный

огонь на амбразуры. Атакующие отделения расшвыряли в стороны обломки двери и бросились внутрь, примкнув штыки.

Послышались вопли и выстрелы. Через три минуты башню отобрали у ее совершенно неподготовленных защитников. У британцев было трое раненых, один убитый. Рядовой Кэссиди получил ранение навылет в руку — ее прошила пистолетная пуля, выпущенная командиром, державшим оружие у постели.

Лейтенант Бернс вскарабкался на вершину башни, то и дело отступая в сторонку, чтобы дать дорогу закованным в кандалы пленным, которых выводили на улицу. Взбудораженные солдаты Ирландской бригады перекликались между собой, с ликованием обсуждая быстрые и успешные действия. Бернс поднялся на орудийную платформу и положил ладонь на безмолвную черную махину четырехсотфунтовой пушки.

Над заливом Голуэй разгорался рассвет. Золотистые облачка сияли на фоне чистого голубого неба. И перед ним ясно и четко прорисовывались черные грозные силуэты броненосцев, движущихся прямо посреди залива. А дальше виднелись белые паруса американских военных транспортов, везущих солдат и в синей, и в серой

форме. Они шли не скрываясь, готовые силой оружия принести Ирландии освобождение. Бернс больше не мог сдерживаться.

— О, что за славный день для ирландцев! — крикнул он во весь голос.

Ликующие крики его людей поведали, что он задел за живые струны в их душах. Вторжение в Ирландию началось.

У причалов города Голуэй стояло несколько рыбачьих судов, а также пароход таможни — гроза контрабандистов, — вооруженный единственной поворотной пушкой на носу, совершенно бесполезной против броненосца «Защитник», подошедшего к нему вплотную. Да и только что проснувшийся экипаж парохода не смог бы противостоять закаленным в боях американским морским пехотинцам, соскользнувшим по веревкам на его палубу. Солнце только-только поднялось. Пароход таможни теперь отвалил от причала и вышел в гавань, как и рыбачьи суда, поспешно выведенные в море своими ликующими экипажами. А на их место причалили транспорты, и американские солдаты хлынули на берег. Немногочисленные оплоты британцев были уже атакованы десантами ирландских войск, высадившимися близ гавани под покро-

вом тьмы. Они продержались недолго. Прекрасно справившись с этой задачей, десантники присоединились к атакующим, когда свежие войска хлынули вперед через их позиции.

Некоторые бастионы упорно противостояли атакам пехоты. Но командиры не тратили солдатские жизни попусту в самоубийственных атаках; ирландско-американские войска просто залегли, обстреливая противника, чтобы тот не высовывался.

Потому что с новоприбывших кораблей в гавани выкатили оружие, вытащив его из трюмов и спустив его на берег. Но это были не легкие орудия.

Это были пулеметы Гатлинга 23-го Миссисипского полка.

Генерал Уильям Тикамси Шерман со штабом высадился вслед за первой волной атакующих. Как только пришли первые донесения, он распределил остальные войска. Едва пулеметы Гатлинга были выгружены, он направил их в те немногие места, где враг оказывал сопротивление. Лошадей, чтобы вести тяжелое оружие, пока не было. Но от гавани до линии фронта было всего несколько ярдов. Взмокшие, подбадривающие себя криками солдаты обвязали веревками пу-

леметы и патронные ящики и бегом ринулись в бой. Установили их, поставили патронные лотки и обрушили на британские цепи ливень свинца, разорвавший их и отбросивший назад, сделав легкой добычей для атакующей пехоты. К девяти часам утра битва за Голуэй завершилась. Все враги погибли или были взяты в плен. Захваченных британцев отправили на опустевшие корабли, а солдаты потащили пулеметы на сортировочную станцию железной дороги, впрягшись в них и подталкивая сзади. На станции, казалось, были собраны все пассажирские и товарные вагоны всей железной дороги без исключения. Машинисты находились в будках своих паровозов, кочегары неутомимо подбрасывали в топки уголь.

Генерал Шерман одобрительно кивнул — прямо-таки образцово-показательная операция. Враг захвачен врасплох, дезорганизован, ошеломлен и разбит. Подбежавший офицер штаба отдал ему честь.

— Первый поезд погружен. И готов отправляться.

Позади них граждане Голуэя, вышедшие из домов, как только перестрелки прекратились, почти онемели от изумления.

— Ну же, что вы! — кричал на них обливающийся потом сержант, толкая колесо пулемета, который затаскивали на платформу. — Поприветствуйте нас! Вы что, не видите, это ж бриттам дали по шапке! Мы прибыли, чтобы освободить старушку Ирландию!

И тут они разразились громким «ура!». О, как они ликовали, кричали до хрипоты, с надеждой и верой, что новый день наконец-то настал.

Теперь вся деятельность сосредоточилась вокруг железнодорожной станции. Как только бои закончились, улицы заполнило восторженное население. Многие были настолько ошарашены, что даже не понимали, что же произошло. Но для остальных этот день олицетворял Рождество и день святого Патрика одновременно. Теперь величайшую важность приобрели помощники, завербованные фенийским кружком. Это именно они подготовили карты британских позиций и пересчитали численность их войск. Другие работали на железных дорогах и внесли малые и большие изменения в расписание пассажирских и товарных поездов. В результате почти весь подвижной состав железной дороги теперь скопился в депо Голуэя. Если прежде они работали в глубокой тайне, то теперь вышли на свет

дневной, для опознания повязав на руки зеленые повязки. Они действовали в качестве проводников, направляя солдат к предназначенным им вагонам. А один из них, седовласый и хорошо одетый, подошел к группе офицеров, остановился, вытянулся в струнку и отдал довольно-таки приемлемый салют, ладонью наружу.

— Ричард Мур, отставной Ее Величества ирландский стрелок, сэр, — опустив руку, он стал «вольно». — А теперь здешний начальник станции. Добро пожаловать в Ирландию и Голуэй, генерал.

— Согласно рапортам вы прекрасно поработали, мистер Мур.

— Спасибо, сэр. Первый поезд уже готов к отправлению. Для вашего удобства я прицепил государственный вагон-салон. Как только вы сядете на поезд, завтрак будет подан.

— Отлично. В каком состоянии ваш телеграф?

— Не работает. Как, полагаю, и вся телеграфная сеть в Ирландии. Но я посадил на первый поезд инженеров, которые будут восстанавливать связь на каждой станции. У вас связь будет работать все время.

— Искренне благодарен, мистер Мур.

Паровоз дал гудок.

— Платформа один, — сообщил Мур. — Все уже погрузились. Счастливого пути!

Они сели в поезд под приветственные возгласы солдат 69-го Нью-йоркского полка. Завтрак действительно дожидался их, а после утренних трудов они были голодны как волки. Лишь позже, покончив с чаем, яйцами, колбасками, беконом, черным пудингом и пресным хлебом, они приступили к работе. Официанты убрали посуду, и полковник Робертс, адъютант Шермана, развернул на столе карту. Шерман склонился над ней.

— Вероятно, мы доберемся быстро, — он постучал по карте. — До Атлона идем без остановок. Там расположены казармы Королевской Ирландской полиции. Там сойдет одна рота и нейтрализует их. То же самое в Маллингаре, где находится лагерь кавалеристов. После этого прямиком до Дублина.

— Который к тому времени будет пребывать в состоянии шока, — подхватил Робертс. — Наши морские пехотинцы должны были высадиться на рассвете.

— Совершенно верно. При первом свете утра они бомбардируют укрепления гавани. А также сторожевые башни в Кингстоне, здесь, на острове Далки, и все остальные вдоль побережья. Это

привлечет внимание британских войск к морю. Без телеграфной связи они отрезаны от остальной страны, так что не будут знать об остальных военных действиях. Все эти оборонительные позиции, обращенные к морю, мы возьмем с тылу, когда наши войска прибудут. Хорошо. А наши проводники?

— Будут ждать на станции Кингсбридж — вот здесь, рядом с рекой Лиффи. Все они дублинцы, и каждому из них выделен свой участок. В Дублинском замке мощное скопление войск, также в казармах Королевской полиции, вот тут.

Напоследок они еще раз прошлись по знакомым планам, а затем Шерман отодвинул карты и достал сигару. Официант появился рядом с ним будто из-под земли, чтобы поднести огонь.

— Еще чаю, сэр? Может быть, крохотный стаканчик виски за здоровье?

Шерман попыхивал своей сигарой и прихлебывал крепкий черный чай. А за окном проносились зеленые ирландские пейзажи.

— Знаете, джентльмены, — сказал он, — пожалуй, лучшего дня для войны и не придумаешь.

* * *

А на юге корабли генерала Твердыни Джексона тоже подошли к берегу на рассвете. Пушки бастионов в эстуарии реки Шеннон были направлены на реку, а батареи Дунаха и мыса Килкре-дон были давным-давно покинуты. Самой западной из них теперь была батарея мыса Килкерин, в полных двадцати пяти милях от Лимерика. Она не могла дать предупреждение о вторжении, потому что тянущийся к ней телеграфный провод был ночью перерезан. Она пала от атаки с тыла вскоре после высадки американского десанта. Местные ирландские добровольцы приветствовали солдат Ирландской бригады счастливыми криками, но и Миссисипским войскам, шедшим следом, был оказан не менее радушный прием.

Твердыня Джексон прославился своими яростными и неожиданными атаками, своими фланговыми маневрами, нанося их противнику там, где тот меньше всего ожидал. Теперь же на его стороне был элемент внезапности, и его солдаты атаковали с угрюмой решимостью. В Лимерике завязался яростный бой, но последние очаги сопротивления были подавлены, как только в ход пустили пулеметы Гатлинга. Победа была крова-

вой, но стремительной, и к десяти утра город уже был в руках Джексона.

В городе им оказали самый теплый прием. Настолько теплый, что генералу Джексону пришлось приказать сержантам собрать все крепкие напитки, которые сунули в руки солдатам, иначе те были бы просто выведены из строя. Его войска сели в поезда ради короткого путешествия до Корка, где, если все идет согласно плану, флот как раз бомбардирует береговые укрепления. Укрепления против вторжения с моря там крепки, вероятно, это неприступнейший ирландский порт. О высадке под огнем там не может быть и речи, поэтому брать их надо с тыла. Именно это он и должен сделать — и чем раньше, тем лучше.

Здесь, как и в Голуэе, лояльные ирландские железнодорожники собрали большинство поездов ветки Лимерик — Корк на сортировочной станции Колберт. Войска быстро сели в вагоны, когда уже первый поезд готов был тронуться, к нему подбежал солдат, размахивая листком бумаги.

— Депеша, генерал! Только что пришла!

К северу от Лимерика не было ни британских войск, ни полиции, равно как между Эннисом и Голуэем. Разорванные телеграфные линии между двумя западными портами были быстро

восстановлены, так что по крайней мере две из атакующих армий теперь могли поддерживать контакт.

— Голуэй взят, — прочитал он офицерам. — Шерман идет на Дублин. — Он опустил телеграмму. — Молюсь, чтобы генерал Ли на севере так же наслаждался плодами своих дел. А теперь следующая битва за нами. С божьей помощью и под его твердым руководством мы должны атаковать и захватить последний вражеский бастион.

Корк.

Вперед, на Белфаст!

— Уже почти рассвет, — сказал генерал Ли. В призрачном свете нактоуза его белая борода агрессивно ощетинилась, а на черты лица легла угрюмая тень.

— Боюсь, что так, — отозвался капитан Смит.

Его броненосец «Быстрый» шел во главе конвоя, сейчас совершенно невидимого во тьме. На корабле не было ходовых огней, только одинокая лампа на корме. У каждого следующего корабля был точно такой же огонь, каждый следовал за впереди идущим. Только разгорающийся свет утра покажет, удачным ли было такое построение. Ночь выдалась темная, время от времени

налетали шквалы с дождем, и лишь изредка аб-рис следующего корабля можно было разглядеть на фоне чуть более светлой воды.

— Но ведь мы должны быть к этому времени куда ближе к месту назначения? — в голосе Ли прозвучали жесткие, безжалостные нотки. В ответ Смит пожал плечами, но этот жест не был виден во мраке.

— Пожалуй. Не забывайте, мы почти всю ночь шли против северного ветра. Но вы поглядите, это огонь Инишоуэн-Хед остался почти позади. А по штирборту виден маяк мыса Магилли-ган, отмечающий устье Лох-Фойла.

— Да, но мы направляемся не туда, а в Портраш. Далеко это?

— Не больше десяти миль. Почти прямиком на восток.

— Да, — подтвердил Ли, сверившись с компа-сом. — Я и так вижу это по посветлевшему небу. В это время нам следовало быть ближе к цели.

По мере приближения рассвета темный берег Лондондерри вырисовывался все четче и яснее. Низко стелющийся туман скрывал детали, но он уже рассеивался. Обернувшись, Ли с прищуром вгляделся во тьму позади и увидел белую пену в кильватере корабля, уже заметную в рассеи-

вающемся мраке. Разгорающийся рассвет гасил звезды одну за другой, корабли конвоя уже стали видны. Ли пересчитал их — все до единого здесь!

Восемь транспортных пароходов и, замыкающим, броненосец «Верный» под командой капитана Ившоу, один из первых кораблей усовершенствованного класса «Монитора», но уже не идущего ни в какое сравнение с более новыми. Кроме конвоя, в море не было больше никого. Ли слегка успокоился: по крайней мере, десанту с моря никто не помешает. А если донесения насчет берега верны, то и там не будет британских войск, способных воспрепятствовать высадке.

— Портстюарт прямо по штирборту, — доложил впередсмотрящий. — Вон те два огня рядом. Это бакены в устье реки Банн.

Ли поднес к глазам бинокль, отыскал огни и темную полоску земли.

— Значит, пляж, как он там называется, Портстюарт-стрэнд, он между бакенами и городом?

— Так точно, сэр.

— Поднять сигнальные огни, — приказал Ли. Два желтых фонаря зажгли заранее и теперь сразу же подняли на задний салинг. Считаные мгновения спустя сигнал был замечен, передан, и последующие суда одно за другим повторили

его. Увидев огни, «Верный» повернул налево, и четыре последних транспорта, один за другим поменяв курс, последовали за ним к берегу.

Генералу Роберту Э. Ли уже доводилось дробить свое войско в прошлом, когда возникала необходимость атаки с разных направлений. Он верил в своих заместителей, а генерал Джеймс Лонгстрит был лучшим из них. Он вполне успешно высадит десант на пляж. Сам Ли возглавит другую половину разделенного войска.

«Быстрый» — броненосец, несущий Ли и его штаб, — уже входил в гавань Портраша, вклиниваясь между гранитными челюстями стен гавани. Гавань была пуста, не считая одинокой рыбачьей лодки, поднимавшей парус. «Быстрый» повернул прочь от входа в гавань, чтобы позволить четырем транспортам пройти мимо, а потом бросил якорь; его башни с рокотом развернулись, направив орудия на сушу. Через считаные минуты транспортные корабли уже стояли у причалов и первые солдаты спрыгивали на берег. Пока никаких признаков сопротивления; судя по всему, о вторжении известно пока только ошеломленному рыбаку.

Ли знал, что Лонгстрит высадит своих людей на Портстюарт-стрэнд, доставив их на берег в

шлюпках. Треск перестрелки с той стороны пока не доносился — должно быть, пляж тоже не охраняется. Высадка десанта со шлюпок займет немного больше времени, чем в гавани. Но зато пляж ближе к перекрестку у Колрейна, где обе атакующих группировки должны воссоединиться. Увидев, что высадка в гавани идет по плану, Ли последовал за своим штабом в ожидавшую шлюпку. Сигнальщик с корабля на носу был готов передать броненосцу любые приказы, если потребуется поддержать пехоту артиллерийским огнем.

Когда Лонгстрит увидел, что высадка на пляж идет гладко, как и предполагалось, он приказал, чтобы две шлюпки с морскими пехотинцами тоже высаживались. Они не присоединятся к армии на пляже, а вместо этого на веслах пройдут через устье реки Банн, чтобы высадиться в деревушке Каслрок по ту сторону. Немногие жители, вставшие до зари, смотрели на марширующее войско, вытаращив глаза, после чего поспешно закрывали и запирали двери на засовы. Констебль в форме вышел, чтобы поглядеть на причину такого топота, и тут же был схвачен.

— В участок вместе с ним, — приказал командир десанта лейтенант Бойк. — Заберите все

оружие, какое найдете. Если там есть камеры, заприте его. — Он улыбнулся ошеломленному, вытаращившемуся констеблю. — Эта только что начавшаяся война уже закончилась для вас, сар.

— Какая война?! — выдохнул тот.

— Ну-у, вопрос серьезный. Насколько мне известно, названия у нее пока нет.

Вдали послышался гудок, и Бойк вместе с подчиненными трусцой припустил к станции. Там уже стоял товарный поезд, готовый к отправлению.

— Куда идет этот поезд? — спросил Бойк у ошарашенного дежурного.

— Это утренний товарный поезд Лондондерри — Белфаст...

— Идет на юг к Белфасту, — Бойк махнул своим людям рукой. — Забирайтесь, ребята! Этот идет в нужном направлении.

Морские пехотинцы быстро забрались в поезд, а лейтенант с «кольтом» 44-го калибра в руке поехал на площадке позади насмерть перепуганного машиниста.

В то же самое время в гавани Портраша генерал Ли с удовольствием следил за организованной высадкой своих войск. Образцово-показательная операция. Подошедший начальник штаба отдал

честь.

— Сэр, на станции в Портраше мы нашли два поезда. Наши поездные бригады уже разводят пары. В числе первых с войсками высадились опытные железнодорожники.

— Были трудности?

— Нет, сэр. Они говорят, что если ты видел один паровоз, то видел их все.

— А в составе поезда есть платформы?

— Более чем достаточно для пулеметов Гатлинга, генерал.

— Отлично. Грузите их. Посадите на поезда как можно больше личного состава. Остальные пусть движутся пешим порядком до Колрейна. Это около четырех миль. Встретимся там. В каком состоянии телеграф?

— Неисправен. Где-то на пути к Белфасту линия оборвана.

Телеграфист только что пришел. Говорит, вчера, когда он уходил, все было в порядке.

— Что ж, а теперь наверняка не в порядке. И нас это вполне устраивает. Вероятно, о нем позаботились агенты со стороны Белфаста. Пока что все идет по плану. — Написав коротенькую записку, он отдал ее гонцу. — Капитану, командующему транспортами.

Как только армия высадилась и ситуация была взята под контроль, транспорты ушли, чтобы собраться в Лимерике для дозаправки топливом. Таков приказ. Два броненосца тоже отправились на юг — но только их путь лежал в Белфаст. В общий план входило восстановление телеграфной связи по мере наступления, но до той поры атакующим армиям придется пользоваться иными средствами связи. Его рапорт, доставленный транспортами в Лимерик, уверит Шермана, что пока все идет как задумано. Пешком и на поездах солдаты двинутся на юг, чтобы снова объединить силы близ Колрейна. Так как телеграфные провода перерезаны, об их присутствии в Ирландии известно только здесь. Теперь они выступают к Белфасту в полной уверенности, что противника удастся захватить врасплох.

Уже не в первый раз генерал Роберт Э. Ли, отрываясь от основных сил, вел свои войска против врага.

Ему это было по душе. На рассвете пешком и по железной дороге они вошли в Балимани, где Ли приказал остановиться. Выставили пикеты — и впереди, и позади, а также на обоих флангах. Его армия привыкла добывать пропитание прямо на месте — только на этот раз за эту привилегию они

платили добрые американские зеленые в обмен на окорока, кур и прочую живность. Покупали и лошадей; хозяева уступали неохотно, но выбора у них не было. Теперь уже весь штаб ехал верхом, а сам Ли оседлал великолепного охотничьего жеребца. У него была лишь минутка, чтобы слегка перекусить, прежде чем офицеры снова собрались вокруг него.

— Мы здесь, а Белфаст здесь. Если мы продолжим марш теми же темпами, то доберемся до города около девяти часов утра... — Он поглядел на майора Крейка, спешившего к нему с рапортом.

— Наткнулись еще на один поезд на запасном пути, сэр. Если и дальше пойдет в том же духе, то все мы сможем шикарно доехать в вагонах.

Как и в большей части сельскохозяйственной Ирландии, на юг от северного побережья шла только одна колея. Когда поезд покидал побережье и сходил на одноколейный путь, он получал бронзовый «ключ» на металлическом кольце у начальника станции. Только поезду с ключом позволено было ехать по одноколейному отрезку дороги. На другом конце отрезка поезд входил в тупик, а ключ передавали поезду, дожидавшемуся на другом пути, пока южный пройдет. То

есть он мог воспользоваться этой веткой в уверенности, что не будет столкновения с поездом, идущим в противоположном направлении.

Но не сегодня. Встречая дожидающиеся поезда, наступающие войска захватывали их, мобилизуя во имя Америки. Теперь за первым поездом, захваченным в Каслроке, неспешно следовали задним ходом еще три, загруженных войсками.

— Вот уж действительно добрые вести, — сказал Ли. — Чем свежее будет личный состав, тем легче достанется победа. — Он оглянулся на карту. — Сделаем еще одну остановку в Антриме. Похоже, оттуда до Белфаста миль десять. Отдохнем там, а потом снова в путь. Мы ударим по ним, и ударим крепко. Всем вам указаны объекты атаки, так что все вы знаете, что делать. Тем не менее пройдемся еще раз по подробностям атаки.

При первых лучах солнца поезд с лязгом въехал на железнодорожный вокзал столицы Северных Графств. Первые маршевые роты уже оцепили район вокруг станции, а солдаты тем временем с энтузиазмом скатывали пулеметы Гатлинга с платформ на улицы. Вдоль всей линии марша солдаты захватывали встреченных лошадей. За них расплачивались на месте, и теперь лошади дожидались, когда их впрягут в пулеметы.

В городе время от времени вспыхивали перестрелки, но они быстро смолкали, пока действия не сосредоточились на казармах пехоты на Норт-Квин-стрит, где был расквартирован 83-й пехотный полк, оказавшийся в окружении, и артиллерийских казармах по соседству.

Битва за Белфаст началась.

* * *

А дальше к югу битва за Корк уже закончилась. Поезда из Голуэя доставили американские войска на станцию Корк. Войска Твердыни Джексона рассыпались веером, пока разгружались пулеметы Гатлинга. Атакующие растянулись вдоль Нижней Глэнморской дороги, по полям и вдоль территории больницы. Они пересекли Старую Югалскую дорогу и предприняли яростную атаку на располагавшиеся там казармы — окончившуюся чуть ли не до того, как первые хриплые сигналы горна протрубили тревогу. Солдаты еще спали, когда атака началась. Их мушкеты все еще были заперты в оружейной комнате.

Непоколебимые форты, охраняющие вход в гавань, были захвачены с тылу — в то самое время, когда артиллеристы только пристреливались по громадному черному силуэту броненосца,

вынырнувшего из ночной тьмы. Атакующий корабль дал два залпа, прежде чем выйти из сектора обстрела. Артиллеристы поняли, что их атакуют с суши лишь тогда, когда им к горлу приставили штыки.

Вот уж воистину новая, молниеносная война.

Ирландия в осаде

Генерал Артур Тарбет был разбужен громогласным стуком в дверь спальни. Протерев глаза, он увидел, что сквозь шторы просачиваются бледные лучи рассвета.

— Что такое?! — крикнул он.

— Корабли, сэр! Военные корабли в Лохе!

Не успели эти слова прозвучать, как донесся отдаленный рокот артиллерийской стрельбы.

— Три тысячи чертей! — выругался он, отбрасывая одеяло и натягивая сапоги. Накинул плотный шерстяной халат и поспешно заковылял через комнату. Ему уже исполнилось семьдесят пять лет, он страдает от артрита, он старый, усталый человек, и командование войсками Ее Величества в Белфасте было вверено ему как синекура — необременительная служба в ожидании пенсии. Необременительная, как же! Его дожидался капитан Отфрид, дежурный офицер.

— Что случилось, капитан?

— Какая-то неразбериха, сэр. Что-то произошло с телеграфной линией, связывающей нас с артиллерийскими батареями в Лохе. Она не работает. Прислали гонца с рапортом. В Белфастском Лохе стоят два броненосца. Полагаю, мы слышим их стрельбу.

— Опознать удалось?

— Пока нет. Но мы можем предположить, не рискуя слишком ошибиться...

— Янки. Чертовы янки! Я об этом и сам догадался. Телеграфируйте в Дублин незамедлительно.

— Боюсь, эта линия тоже не функционирует.

— Мм, — Тарбет рухнул в кресло за письменным столом. — Это не случайное совпадение. Вы пробовали международный кабель до Шотландии?

— Нет, сэр.

— Сделайте это незамедлительно. Хотя, держу пари, это пустая трата времени. Тот, кто перерезал провода, не сделал бы исключения и здесь. Осмелюсь предположить, что в Белфаст пришла война.

— Разумное предположение, генерал.

— Прикажите подать мне кофе, — поставив локти на стол, он сложил пальцы домиком, обдумывая возможный курс действий. Он был разумным офицером, да притом боевым, и возраст

не притупил его способностей. — Атака с моря... Не имеет никакого смысла, если не последует высадка десанта. Или он уже высадился? А почему Белфаст? Большинство наших войск на юге, именно там следует начать и выиграть сражение. Или Дублин тоже атакован? А, спасибо.

Отфрид открыл окно, и они расслышали треск отдаленной перестрелки. Отдельные выстрелы, потом дробная россыпь пальбы, будто одновременно палила целая рота.

— Полагаю, атака ведется и по суше, сэр.

— Полагаю, вы правы, — Тарбет с наслаждением отхлебнул горячего кофе и пристально взглянул на капитана Отфрида. — Вы любите верховую езду, а, Отфрид?

— Пожалуй. Дома я член охотничьего общества.

— Хорошо. Тогда велите седлать. Я уверен, что Ирландия в осаде, а уж атакована наверняка. Если это так, тогда пакетбот из Кингстона наверняка захвачен, чтобы новости об атаке на Дублин не попали в Лондон. Паром из Ларна в Шотландию тоже захвачен, бьюсь об заклад. Значит, отправлять вести этим путем безнадежно. Не сомневаюсь, что этот порт перекрыт и канонерской лодкой. Заблокировать ирландские порты на

юге несложно. Здесь дело другое, нас отделяет от Шотландии лишь крохотная полоска моря. Если и посылать известие, то отсюда. Я уверен, что за маленьким рыбачьим портом в паре миль к северу от Ларна не следят... Как он там называется?

— Баллигалли.

— Он самый, — говоря это, генерал что-то писал. — Мчитесь, как сам дьявол, и доберитесь туда. Раздобудьте лодку, которая доставит вас в Шотландию. Я дам вам денег на случай, если воззвание к патриотизму моряков не сработает. Возьмите эту депешу, найдите телеграф, телеграфная контора есть в порту Логан, передайте это в Уайтхолл. Ступайте, мой мальчик, и да пребудет с вами удача!

За спиной капитана Отфрида, галопом выехавшего из Белфаста на прибрежную дорогу на север, грохотала артиллерийская стрельба. Проезжая через Ларн, он увидел, что догадка генерала верна. Пакетбот по-прежнему стоял там, а рядом с ним броненосец. Капитан поскакал дальше.

Его взмыленная лошадь уже спотыкалась от усталости, когда он галопом промчался по улицам Баллигалли к берегу. Рыбачий баркас только что спустил парус, и седовласый рыбак привязывал его к пристани. Соскочив с коня, Отфрид

окликнул рыбаков.

— Эй, кто тут главный?

Седовласый, привязывавший веревку, поднял взгляд на него.

— Угу.

— Мне надо переправиться в Шотландию сейчас же.

— Ступайте в Ларн. Я не паром.

— Ларн перекрыт, я видел там вражескую канонерку.

— Да бросьте вы! И что ж там за враг?

— Американцы.

— Ну, это не мое дело, — рыбак наклонился и принял ящик с рыбой у матроса на палубе.

— Пожалуйста, я хорошо заплачу.

Опустив ящик, рыбак поднял голову.

— А хорошо — это сколько?

— Пятьдесят фунтов.

Рыбак задумчиво поскреб бороду.

— По рукам. Но нельзя ли мне сперва выгрузить улов?

— Нет. Нет времени. Кроме того, вы сейчас же вернетесь.

Поразмыслив над его словами, рыбак кивнул.

— Привязывайте свою лошадь и ступайте на борт, — он наклонился, чтобы отвязать швар-

товы. Налетел шквал, и дождь забарабанил по палубе в тот самый момент, когда парус наполнился и баркас вышел в море.

С запада налетали все новые шквалы, скрывая от глаз берег, когда они проносились над баркасом. В море не было ни единого корабля, и Отфрид искренне надеялся, что так пойдет и дальше.

Но удача изменила ему. По словам рыбака, они прошли уже полпути до Шотландии, когда тот показал на черную точку у горизонта.

— Вы видели, как раз перед тем, как начался дождь? В нашу сторону идет большой пароход.

— Нет. Вы уверены?

Рыбак кивнул.

— Через минуту сами увидите.

Что делать? Как избежать плена? И тут на Отфрида снизошло вдохновение.

— Разворачивайтесь, — распорядился он. — Направляйтесь обратно в Ирландию.

— Как?

— Делайте, как я сказал, поторапливайтесь!

Мгновение поколебавшись, рыбак повернул штурвал. А капитан Отфрид внезапно сообразил, что на нем мундир.

— Я спущусь в трюм. Если это корабль американцев, скажите, что вы из Шотландии и

собираетесь продать свою рыбу в Ирландии. Ясно?!

Как только пелена дождя скрылась, показался военный корабль — с развевающимся на мачте американским флагом. Отфрид закрыл дверь и замер, напряженно прислушиваясь, у щели между дверью и притолокой.

— Лечь в дрейф! — крикнул кто-то. Рыбачий баркас привелся к ветру и закачался на волнах. — Куда направляетесь?

— В Каррикфергюс. Продавать рыбу.

Рыбак сказал это с сильным североирландским акцентом. Могут ли американцы отличить его от шотландского? Молчание затягивалось, затем прежний голос крикнул снова:

— Не сегодня, скотти! Разворачивайся и возвращайся в Шотландию.

Отфрид сдержал вопль радости, молотя кулаком в ладонь. Сработало! Простейшая уловка; американцы отрезают Ирландию от внешнего мира. Он почувствовал, как баркас снова разворачивается, но оставался внизу, пережидая опасность.

— Можете подняться на палубу! — крикнул рыбак. — Они ушли. Теперь самое время вам рассказать, что тут творится с янки и прочим.

— Мы воюем с Соединенными Штатами, война еще не кончилась, как вам наверняка известно. Полагаю, теперь она охватила и Ирландию.

— Ну, черт меня побери! А с какой это радости им понадобилось?

— Боюсь, я не принадлежу к числу их доверенных лиц. Но думаю, что они стремятся изгнать британцев.

Поглядев на парус, капитан судна подправил курс. Не сказав, лоялист он или республиканец. Отфрид хотел было спросить его, но передумал. Это не его дело. Ему надо позаботиться об одном — чтобы предупреждение дошло. Надо добраться до телеграфа. Надо уведомить Уайтхолл о вторжении.

* * *

В Джексоне, штат Миссисипи, никто и не догадывался, что в тысячах миль от них, по ту сторону Атлантического океана, началась новая война. Но даже если бы они и знали, весьма вероятно, что эта новость отошла бы на второй план перед драматическими событиями, разворачивающимися ныне в Джексоне. Вскоре после рассвета перед тюрьмой начала скапливаться толпа. По большей части молчаливая, хотя время

от времени слышались насмешки в адрес солдат Техасской бригады, выстроившихся перед тюрьмой. Солдаты чувствовали себя неуютно, но встали по стойке «смирно», когда капитан и первый сержант вышли из здания. Пропуская вопросы и выкрики толпы мимо ушей, офицеры проложили свой путь к временным квартирам в соседней гостинице. Толпа начала волноваться.

Остановив пролетку на изрядном расстоянии от толпы, майор Комптон расплатился с возницей. Джексон ему был совершенно незнаком, поэтому на станции он нанял пролетку. Бреясь в поезде, он порезался и теперь то и дело потирал зудящий подбородок. Поправив галстук, смахнул со своего рыжевато-коричневого пиджака копоть, чувствуя себя в штатском одеянии как-то неуютно. Но нужно быть просто безумцем, чтобы заявиться сюда в синем мундире. Подхватив саквояж, он начал проталкиваться сквозь толпу к гостинице.

В набитом народом вестибюле царили шум и суматоха. Мальчонка с ворохом газет расторговался на славу: люди буквально лезли друг на друга, чтобы купить свежий номер. Зашедший с улицы армейский капитан в сером полевом мундире пробирался сквозь толпу к коридору в дальнем

конце вестибюля. Комптон увязался за ним; в коридоре было куда тише и спокойнее. В конце коридора двое солдат в серой форме, охранявших дверь с табличкой «Бальный зал», с подозрением уставились на подошедшего Комптона.

— Я майор Комптон. Прибыл, чтобы повидаться с генералом Брэггом.

Один из солдат открыл дверь и окликнул кого-то внутри. Пару секунд спустя оттуда вышел капрал.

— Чем могу служить, сэр?

— Я майор Комптон из армии Соединенных Штатов. Прибыл к генералу Брэггу. Ему должны были телеграфировать о моем прибытии.

— Вон там есть стул, майор, — с сомнением поглядел на его галстук и пиджак капрал. — Посидите, пожалуйста, пока я попробую выяснить.

Комптон сел, поставив саквояж на пол рядом со стулом. Часовые смотрели в пространство. С улицы доносился гул толпы, будто прибой, разбивающийся о берег. Через пару минут капрал вернулся.

— Будьте любезны пройти со мной.

Генерал Брэгг чувствовал себя совсем несчастным. Жестом пригласив Комптона садиться, он принялся рыться в бумагах, пока не отыскал

нужную. Извлек ее из груды и зачитал вслух:

— Из военного министерства... представится вам... офицер 29-го Коннектикутского полка. — Опустив листок, он поглядел на Комптона, склонив голову к плечу. — А я думал, 29-й Коннектикутский, э-э...

— Негритянский полк?

— Так мне говорили.

— Так и есть. Но все старшие офицеры вроде меня.

— А-а, тогда да, понимаю. Чем могу помочь, майор?

— Может быть, я смогу помочь вам, генерал. Вашему положению здесь не позавидуешь...

— Да уж, и не говорите, тут вы чертовски правы. Мы все в бригаде до единого — добрые техасские парни и бились за Юг. Но здешний народ глядит на нас, будто мы хуже енотового дерьма.

— Это можно понять. Они расстроены.

— Дьявольщина, да это мы расстроены! Надо ж, чтоб такое случилось со стариной Джеффом Дэвисом! Чтобы его застрелил какой-то ниггер...

— Когда он под колпаком, скрывающим его черты, участвовал в линчевании.

— Да, ну, так-то оно так. В его годы следовало быть умнее. Но, кстати, вы так и не сказали, зачем

приехали.

— Я бы хотел, чтобы вы организовали мне свидание с заключенным в тюрьме.

— Тут я ничего не могу сделать. Насчет этого надо повидать судью, шерифа. Нас прислали сюда просто для поддержания мира, вот и все.

— Я повидаю шерифа, но на самом деле все решения насчет заключенного находятся в вашем ведении. Вы офицер армии, а это вопрос военный. Сержант Льюис военнослужащий...

— Ну, ни черта себе!

— Я вам говорю, и вы можете телеграфировать в военное министерство, если не верите мне. Он находился на гражданской службе, работая во Фридменовском бюро. Но когда он был арестован, он был в форме и подлежит военному суду.

— Я не ослышался? — У генерала отвисла челюсть. — Вы говорите, что он нужен армии?

— Да. Если он должен отвечать за эту смерть, его будет судить военный трибунал. По закону, миссисипский гражданский суд его судить не может.

Генерал Брэгг с шумом выдохнул и рассмеялся.

— Мне нравится ваша хватка, майор. Одинокий офицер-янки приехал сюда и пытается вывести из тюряги заключенного, которого весь Юг до

смерти хочет линчевать.

— Я не одинок, генерал. За мной могущество всей армии. У меня есть вы и ваши подчиненные, которые помогут мне позаботиться, чтобы не допустить беззакония.

Поднявшись из кресла, генерал Брэгг начал молча расхаживать из угла в угол. Остановился, чтобы закурить черную сигару, и выдохнул облако едкого дыма. Нацелил сигару на Комптона, как пистолет.

— Вы знаете, о чем просите?

— Знаю. Мне было сказано, что, если у вас возникнут сомнения по поводу того, как вам следует поступить в данном случае, вы должны телеграфировать военному министру.

— Именно так я и поступлю. Ординарец!— последнее слово он выкрикнул, после чего схватил блокнот, как только из соседней комнаты вошел капрал. — Отправьте это в военное министерство. Ждите в телеграфной конторе и принесите мне ответ сразу же.

Генерал Брэгг рухнул обратно в кресло, выпустил облако дыма и уставился вдаль, погрузившись в раздумья. И наконец кивнул.

— Пожалуй, это выход из сложившейся ситуации. Если не сделать что-нибудь, беда грянет

очень скоро. Может, так оно и надо. Забирайте этого человека отсюда, пока еще никого не убили. Хотите сигару?

— Спасибо, не сейчас.

— Виски?

— Рановато, но, черт меня подери, я с удовольствием выпью.

— Хорошо. Я составлю вам компанию.

В военном министерстве ждали телеграмму Брэгга. Ответ пришел незамедлительно, причем за подписью военного министра.

— Быть посему, — Брэгг сложил телеграмму и спрятал ее в карман кителя. — Возьмите свои вещи, майор, потому что сюда вы уже не вернетесь. — И крикнул: — Первый сержант!

Из гостиницы они вышли в сопровождении первого сержанта и взвода вооруженных солдат. На пути к тюрьме толпа встретила их свистом и улюлюканьем, разразившись еще более громкими криками, когда сержант постучал в дверь.

— Здесь генерал Брэгг. Он хочет видеть шерифа.

После долгой паузы дверь чуточку приоткрылась. Кто-то изнутри хотел что-то проговорить в щелку, но сержант толчком распахнул дверь, чтобы они могли войти. Толпа рвалась вперед и

вопила, пока захлопнувшаяся дверь не скрыла вошедших.

— Что вам надо? — осведомился небритый шериф. Похоже, он был в подпитии.

— Мне нужен ваш заключенный, — генерал извлек сложенную телеграмму. — Вот удостоверение моих полномочий из военного министерства.

— У вас тут нет никаких прав! Я шериф и подчиняюсь судье и мэру, а не вам.

— Шериф, сейчас в этом штате объявлено чрезвычайное положение, так что, боюсь, вы будете вынуждены делать, как я скажу. Ваш заключенный — военнослужащий, демобилизованный офицер армии Соединенных Штатов и посему подлежит суду военного трибунала. Отведите нас к нему.

Шериф Бойк неловко выхватил пистолет, но сержант выбил оружие у него из руки.

— Не делайте глупостей, — предупредил генерал. — Сержант, заберите ключ. Разоружите этого человека и всех остальных, кто попытается оказывать сопротивление.

Но вид вооруженных солдат подействовал на стражников и помощников шерифа отрезвляюще. Майор Комптон и четверо вооруженных

солдат последовали за тюремщиком через перегороженный железной решеткой коридор к камерам. Услышав их шаги, Л. Д. Льюис поднялся на ноги. Один глаз у него совсем заплыл, под ним налился громадный синяк; Л. Д. пришлось склонить голову, чтобы посмотреть на пришедших другим глазом.

— Майор Комптон... как?

— Открыть камеру, — приказал Комптон. — Мы забираем вас отсюда, сержант. В Вашингтон, где следственная комиссия рассмотрит это дело. Пошли.

Ноги у Л. Д. немного заплетались, и майор поддержал его за локоть, но тот стряхнул его руку.

— Я в порядке, сэр. Я могу выйти отсюда на своих двоих.

Генерал организовал все по-военному четко. Его войска перекрыли переулок, проходивший позади тюрьмы. У двери ждал фургон бакалейщика. Четверо верховых офицеров его бригады загородили от глаз толпы Льюиса и Комптона, пока те забирались в фургон, подталкиваемые первым сержантом, присоединившимся к ним. Солдат, правивший фургоном, тряхнул вожжами, и повозка покатила вперед. Когда они подъезжали к улице, началась суета и сутолока, но солдаты

быстро расчистили им дорогу сквозь толпу. Еще мгновение, и фургон в сопровождении всадников на полной скорости покатил к железнодорожной станции.

— Генерал сформировал военный поезд, — доложил первый сержант. — Паровоз и два вагона. Для солдат, едущих на побывку. Он на запасном пути, дожидается вас. — Поглядев на Л. Д., он нахмурился. — Не валяй дурака, сержант. Держись подальше от Юга. У нас и без тебя бед хватает.

— Передайте мою благодарность генералу, — попросил майор Комптон. — Я позабочусь, чтобы обо всем этом было подробно доложено в военном министерстве.

— Мы просто выполняем свой долг, сэр, просто выполняем свой долг...

Битва за Дублин

— Нас вроде как встречает депутация, генерал, — сообщил полковник Сэм Робертс, высунувшись из окна поезда.

— Не британская, я надеюсь, — отозвался генерал Шерман, вставая и затягивая портупею.

— Не совсем, сэр. — Под шипение пара и визг тормозов поезд из Голуэя остановился на станции Кингсбридж. Через открытое окно доносился

шум ликующих толп, ставший еще громче, когда Шерман ступил на платформу. Там их дожидалось не меньше сотни человек, все с зелеными повязками на рукавах. Крупный мужчина с окладистой белой бородой протолкался сквозь толпу и сделал жест, который можно было, вероятно, счесть за воинский салют.

— Добро пожаловать, ваше превосходительство, добро пожаловать в Дублин! — Толпа примолкла, прислушиваясь. — До нас доходили лишь слухи, ничего более. Не могли бы вы нам сказать...

— Я генерал Шерман из армии Соединенных Штатов. Солдаты, находящиеся в этом поезде, высадились сегодня утром и захватили город Голуэй. Британские войска, расквартированные там, ныне наши пленники. Операция по освобождению Ирландии началась. Теперь мы по плану должны совершить то же самое здесь, в Дублине. С вашей помощью.

Молчание взорвалось криками радости, вырвавшимися из легких слушателей. Некоторые рыдали от счастья, молотя друг друга кулаками по спинам. Бородатому пришлось податься вперед и кричать, чтобы его расслышали:

— Меня звать О'Брайен, генерал, я командир

этих добровольцев.

— Тогда я попрошу завести ваших людей в здание вокзала, мистер О'Брайен, чтобы мои войска могли сойти с поезда.

Солдаты посыпались из вагонов, понукаемые окриками сержантов. Для выгрузки пулеметов Гатлинга с платформ спустили крепкие доски. Шерман и его штаб последовали за О'Брайеном в относительно тихий кабинет начальника станции. На столе была разложена карта Дублина. Шерман указал на нее.

— Ваши люди знают город?

— Иисусе, да им ли не знать? Все до единого — дублинцы до мозга костей, они здесь родились и выросли и знают старый грязный Дублин как свои пять пальцев.

— Хорошо. А лошади?

— Они у нас есть, сэр, вправду есть! Выпрошенные, одолженные или, прошу прощения, украденные. Полные две конюшни, — он ткнул большим пальцем куда-то через плечо. — Люди только и ждут, чтоб отвести вас туда.

— Возьмите роту и следуйте за проводниками, — сделал Шерман жест одному из помощников. Офицер поспешил прочь, а генерал вновь повернулся к карте. — Итак, где находится Дуб-

линский замок? — спросил он, и О'Брайен ткнул толстым пальцем в карту. Затем по очереди указал казармы в Феникс-парке, таможню, штаб Королевской Ирландской полиции. Один за другим офицеры уходили, получив приказы. Атака была запланирована давным-давно, войска были распределены, каждому подразделению было указано, какое укрепление следует взять.

Битва за Дублин началась. Войска в серых и синих мундирах хлынули со станции в тот самый миг, когда второй поезд уже подкатил к следующей платформе. Каждый ударный отряд вел доброволец с зеленой повязкой. Взмокшие солдаты вручную скатывали тяжелые пулеметы Гатлинга с платформ. Вдали слышалось громкое ржание и цокот копыт.

— Боже милостивый! — вытаращился один ошарашенный офицер. — Ирландская кавалерия!

На станцию на рысях входил самый пестрый табун на свете. Большинство лошадей вели в поводу, но на некоторых ехали верхом без седел солдаты, недавние фермеры. Тут можно было отыскать лошадей всех мастей и пород. Тяжеловозы, косматые маленькие пони, статные хантеры, мул с бельмами на глазах, все время

пытавшийся лягнуть незнакомцев, — и даже небольшая группка крохотных осликов. Всех их быстро пристроили к службе. Связали обрывки кожаных ремней и веревок, сделав грубую, но пригодную для работы упряжь. Очень быстро впрягли лошадей в пулеметы Гатлинга и повозки с боеприпасами, и четвероногие последовали за войсками в бой.

У целого ряда вражеских бастионов вокруг города слышался треск ружейных выстрелов — атакующие войска вошли в контакт с противником. Шерман и его штаб оставались в кабинете начальника станции, нетерпеливо дожидаясь прибытия первых рапортов.

— Нам оказывают сопротивление в казармах — вот здесь, прямо напротив памятника Веллингтону через реку Лиффи, — доложил офицер штаба.

— Гатлинги? — лаконично осведомился Шерман.

— Уже в пути.

— Еще есть проблемы?

— Дублинский замок. Он всегда будет оставаться центром мощного сопротивления. Крупнокалиберные орудия и гранитные стены. Мы пытались захватить их врасплох, но слишком

поздно, ворота закрыли. Мы окружили их, но из-за огня наши войска не могут поднять головы.

— Вы там уже организовали наблюдательный пост?

— Да, сэр. На куполе церкви Христа, вот здесь. Полный обзор двора.

— Хорошо. Не снимайте окружения, но пусть солдаты держатся подальше от стен. Нам незачем терять добрых парней в головоломном штурме.

Рапорты все поступали. В общем и целом, для начала все шло очень даже недурно. Ничуть не хуже, чем любой уличный бой. Британские оплоты держались, их приходилось атаковать один за другим. Из верхних окон Тринити-колледжа стрелял снайпер, и надо было его выкурить. Как только все войска вступили в бой, Шерман сменил местонахождение штаба, в точности согласно плану перенеся его в здание таможни на берегу Лиффи. Отыскали седло, оседлали великолепного гнедого, которого какой-то джентльмен со средствами неумышленно пожертвовал на благо Ирландии, и Шерман проехал на нем через пустые улицы города. Вдали слышался шум перестрелки: треск отдельных винтовок, а затем стрекот пулемета Гатлинга.

Галопом проезжая вдоль набережной Эден,

генерал миновал группу саперов. Они реквизировали повозку вместе со слепым мулом, тянувшим ее. Теперь крепко запряженное животное стало куда более покладистым, чем прежде. Саперы тянули к зданиям провода от катушки, лежащей на повозке. Когда Шерман спрыгивал с лошади у здания таможни на берегу Лиффи, он увидел в устье реки темный силуэт, все еще за пределами гавани, и кивнул, радуясь виду броненосца, медленно движущегося в его сторону.

На мостике корабля ВМФ США «Мститель» его капитан командор Голдсборо стоял сбоку, угрюмо глядя на невысокого, одетого в затрапезные одежды человека в измятой кепке. Тот посасывал глиняную трубку, давным-давно погасшую, но все равно крепко разившую табачным перегаром.

— Вот так, паренек, — сказал чужак рулевому. — Жутко медленно. Держись Пулбегского маяка по левому борту, Норт-Булл по штирборту и войдешь прямиком в середку канала.

Едва удерживаясь в фарватере, стальной корабль входил в гавань Дублина и устье Лиффи.

— Какая глубина? — не удержался Голдсборо от вопроса.

— Чертовски мелко, капитан, чертовски мелко, — покачал головой лоцман. — Но я доведу вас

только до здания таможни. Вы можете причалить у Северной стены. Держись вот этого маяка по штирборту, вот молодец!

Мало-помалу чудовищный крейсер полз вперед.

А в здании таможни, как только начались атаки, восстановленный телеграф начал выстукивать свою дробь.

— От генерала Хукера, сэр, — доложил офицер, вручая сложенный листок Шерману. Это был жизненно важный рапорт, которого ожидали давным-давно. Генерал открыл его спокойно и без спешки. Прочел и кивнул.

— Бригада Хукера сошла с поезда в сборном пункте под Мон-стривином. Добровольцы с лошадьми ожидали их. Сейчас он идет на казармы в Кьюрра. Его разведчики доносят, что никакой вражеской активности не наблюдается и он надеется вступить в непосредственное соприкосновение с противником до рассвета.

Эти упования могли бы сбыться, если бы не лейтенант Найт из роты королевских гусаров. Он выезжал своего коня на дороге Килдейр, когда увидел, что подъехавший поезд остановился прямо в чистом поле. Лейтенант и не обратил бы на это внимания, если бы не увидел высаживаю-

щихся из него солдат в синей форме. Синяя? Что это за полк? Привязав коня к дереву у дороги, он перелез через изгородь, чтобы рассмотреть их получше. И тут его челюсть отвисла от изумления, но он взял себя в руки и снова юркнул за изгородь. Это не британские войска — это чертовы американцы! Он прекрасно изучил их во время долгого отступления из долины Гудзона.

Американцы?! Здесь?! Причина может быть только одна.

— Вторжение, — скрипнул он зубами, забираясь в седло. Чертовская наглость. Прямо под носом у Британии.

Он тронул с места трусцой, но как только скрылся из виду, пришпорил лошадь, погнав ее галопом. Надо сообщить генералу, надо предупредить солдат, поднять их в ружье. Во время последнего смотра в Кьюрра было почти десять тысяч человек — более чем достаточно, чтобы задать янки трепку, которую они давным-давно заслужили.

* * *

С высокой колокольни церкви Христа лейтенанту Бухнеру открывался отличный вид на город: весь Дублин лежал перед ним как на ла-

дони. Слева поблескивала полоска воды — река Лиффи, едва проглядывающая между зданиями. Позади зелень Феникс-парка, а впереди ясно виднелись здания и квадрат двора Тринити-колледжа. Со всех сторон церковь окружали башни и крыши домов. И дым горящих зданий. Там люди сражаются и умирают. А он тут торчит на вершине колокольни за много миль от своих орудий и подчиненных 32-го Пенсильванского полка. Но ему еще предстоит работа.

— Ну что? — крикнул он солдату, скрючившемуся за стеной и старательно стучавшему телеграфным ключом.

— Почти, сэр, получил ответ, но тут связь опять оборвалась. Уже недолго... Погодите! Вот он.

— Спроси, причалил ли уже корабль и где.

Лейтенант Бухнер снова поглядел на карту, пришпиленную к доске. В который раз проверил показания компаса и азимуты. Во время репетиций все удавалось отлично. Но в пылу боя может случиться что угодно.

А на борту «Мстителя» командор Голдсборо испытал громадное облегчение, когда винт наконец остановился и корабль замер у гранитной набережной реки. На мостике рядом с командором сигнальщик вглядывался через бинокль на

верхний этаж здания таможни.

— Вижу его, сэр! — доложил он. — Сигнальщик Поттер. — Он смотрел на движущиеся флаги. — Пошло сообщение — вы готовы принимать?

— Несомненно. Что он говорит?

— Дистанция... приблизительно девятьсот шестьдесят ярдов. Азимут...

Сведения передали первой орудийной башне, и она с рокотом развернулась налево, одновременно поднимая одну из пушек.

— Стрелять по азимуту, — приказал капитан.

Из пушки с грохотом вырвался столб огня и дыма; отдача всколыхнула корабль, и крепкие канаты, удерживающие его у берега, скрипнули.

— Перелет! — крикнул Бухнер, как только снаряд разорвался внизу на одной из улиц. — Ближе к нам, чем к замку. Передай, что перелет двести ярдов. Снизить прицел. Поменять азимут вправо на один градус. Передай, что они могут стрелять снова, но только одиночными, чтобы я видел, куда упадет снаряд.

Телеграфист передал сообщение по только что протянутому проводу в таможню. Как только оно было записано, его вручили сигнальщику «Мстителя», и тот быстро передал его семафором на корабль. Считаные секунды спустя взорвался

второй снаряд.

— Намного лучше, — Бухнер с улыбкой потер ладони. Значит, дело таки пойдет на лад. — Скажи, что есть попадание и они могут стрелять по собственному произволу.

Пару минут спустя в Дублинском замке начал разрываться снаряд за снарядом. У генерала Шермана была артиллерия, хотя и установленная на борту броненосца. Такой войны свет еще не знал.

* * *

Генерал Нейпир проводил совещание штаба в Дюрране, когда к нему прорвался лейтенант Найт.

— Генерал, сэр, по-моему, американцы вторглись в страну! Я видел поезд, набитый американскими солдатами. Они высаживались. Направляются в эту сторону.

— В самом деле? — осведомился Нейпир, хороший полевой офицер, но не любивший, когда его дергают. — Покажите где. -Он сделал жест в сторону висящей на стене карты.

— Здесь, сэр, чертовски длинный эшелон. Синие мундиры, я помню их по долине Гудзона.

— Это объясняет, почему ни одна телеграфная

линия не работает, — кивнул Нейпир. — Если это действительно вторжение, то не так уж сложно нанять кого-нибудь из местных, чтобы они провернули такой саботаж. Я уверен, что те получили громадное удовольствие, испортив нам связь. — Он оглядел собравшихся офицеров. — Джентльмены! Выступаем на войну.

Разведчики генерала Хукера доложили о контакте с противником. Массированная группировка — кавалерия. Половина его войска в это время пересекала вспаханные поля, а это никуда не годилось.

— Отступить к последнему ряду изгородей. И выкатить вперед Гатлинги. Они нам понадобятся.

Как только две армии сблизились, огонь стал яростнее. Британцы прятались от скорострельных американских винтовок. Генерал Нейпир, увидев, что наступление замедлилось вплоть до полной остановки, приказал кавалеристам обогнуть американцев с фланга. Ударить им в тыл и пригвоздить к месту. А потом двинуться вперед, истребляя одного за другим. Кавалеристы галопом понеслись вперед, перескакивая заборы по пути через зеленые поля. Американцы застряли на единственной дороге между высо-

кими изгородями. Есть где разгуляться тяжелым кавалерийским шашкам. С грозным ревом они ринулись в атаку.

Пулеметы Гатлинга, поспешно выдвинутые вперед, ответили им оглушительным грохотом. Лошади с пронзительным ржанием валились друг на друга, увлекая за собой мертвых всадников, осыпаемых свинцовым ливнем. Через считаные секунды атака захлебнулась, а кавалеристы были поголовно изувечены и перебиты.

Генерал Нейпир еще не знал, что сражение в Кьюрра можно считать проигранным. Под его началом служили отважные солдаты, добрые рубаки. Но они просто не могли выстоять перед этим новым орудием смерти. Когда атака захлебнулась, люди генерала Джо Хукера снова двинулись вперед, и пулеметы Гатлинга были готовы сокрушить любую преграду, вставшую у них на пути.

Крайне шокирующая весть

Выбежавший из дверей конной гвардии офицер помчался через двор. Двое хорошо вымуштрованных кавалеристов, верхом несших вахту перед своими сторожевыми будками, даже не шелохнулись, как их учили. Но все-таки покосились на

офицера уголками глаз, когда его сапоги зацокали по брусчатке в их сторону.

— Ты! — крикнул он. — Кавалерист Браун. Бери!

Он сунул в затянутую в перчатку ладонь часового листок бумаги.

— Доставь это в Букингемский дворец — премьер-министру. Он встречается с королевой. Убери эту чертову саблю, и ходу!

Приказ был чрезвычайно ясен, и не повиноваться Браун не мог. Схватив листок, он вогнал саблю в ножны, пришпорил коня и галопом помчался в Уайтхолл. Пешеходы оборачивались и долго глазели ему вслед при виде столь удивительного зрелища.

Часовой, неподвижно стоявший перед казармами конной гвардии, в стальном шлеме с плюмажем и сверкающих латах мчится прочь бешеным галопом. Пропетляв между кебами, он свернул на Молл. Скача по улице, всадник ухитрился мельком заглянуть в бумагу, которую вез, громко охнул и пришпорил коня еще крепче.

Пронесся сквозь дворцовые ворота и под дробную россыпь копыт проскакал через мощенный булыжником двор. Резко натянул поводья, отчего конь встал на дыбы, и спрыгнул на землю.

— Премьер-министру! — крикнул он, неуклюже пробегая в своих высоких ботфортах мимо ошеломленного привратника.

Лорд Пальмерстон был уверен, что королева не воспринимает почти ничего из того, что сейчас слышит. И все же она хотела лично видеть каждый приказ и выслушать каждое правительственное решение. Уже не в первый раз ему довелось пожалеть, что рядом нет принца Альберта, человека разумного и решительного. «Не то что эта пучеглазая, бестолковая толстушка», — с недобрым чувством подумал он. Вряд ли она понимает хотя бы одно слово из десяти. Лорд Рассел все долдонил об утомительных и скучных административных подробностях последнего повышения налогов. Но осекся, когда после короткого стука дверь широко распахнулась и в комнату вошел кавалерист, цокая подкованными сапогами.

— Экстренная телеграмма лорду Пальмерстону! — выкрикнул конюший.

Нарочный остановился, щелкнув каблуками и зазвенев шпорами. Королева Виктория только рот разинула. Пальмерстон поспешно протянул руку, схватил листок, прочел первые три слова и, не удержавшись, вслух выдохнул:

— Боже милостивый!

— И что все это означает?! — заверещала Виктория, начиная выходить из себя.

— Американцы... — только и сумел выдавить Пальмерстон. — Американцы... они вторглись в Ирландию.

Кавалерист неуклюже попятился из комнаты в наступившей тишине, шаркая подошвами и звеня шпорами.

— Что вы сказали?! — крикнул лорд Рассел. — От кого это?

— Генерал Тарбет, — вслух прочитал Пальмерстон подпись. — Он командует гарнизоном в Белфасте.

Пальмерстон побелел как смерть, руки у него тряслись.

— Стул лорду Пальмерстону! — крикнул Рассел лакеям, забирая телеграмму из обмякших пальцев премьер-министра. И прочел ее вслух:

— «Вынужден довести до вашего сведения, что американцы ныне предприняли попытку вторжения в Ирландию. В Белфастском Лохе находится военный корабль, обстреливающий наши оборонительные сооружения. Вся телеграфная связь нарушена. Я не могу связаться ни с Дублином, ни с Лондондерри. Телеграфная связь

с Шотландией разорвана. По всему городу слышен звук ружейной стрельбы. Если вы получили это послание, сие указывает, что подчиненный мне капитан Отфрид успешно переправился в Шотландию. Запросите у него дальнейшие сведения в телеграфном пункте, отправившем это сообщение».

— Послать за моей каретой! — рявкнул немного оправившийся лорд Пальмерстон, с трудом поднимаясь на ноги. — Известите военное министерство, Королевский военный флот и мой кабинет. Экстренное совещание кабинета — незамедлительно!

— Что все это означает?! — визжала королева Виктория. — Что происходит?!

Пальмерстон уже взял себя в руки, хотя его бледное лицо покрылось пятнами и лоснилось от пота.

— Похоже, мэм, что американцы поймали нас на нашу же удочку. Очевидно, их атака на Мексику под стать нашей атаке на Багамы. Сиречь — мистификация. Их флот вовсе не отправлялся в Тихий океан, как докладывали нам с такой уверенностью. Вместо этого он отправился сюда и вторгся на Британские острова. Они атаковали Ирландию, а нам об этом ничего не известно!

Только эти несколько слов!

Он поклонился и, запинаясь нога за ногу, попятился из комнаты. Услышал оклик королевы, но не отозвался.

Когда премьер-министр открыл дверь зала заседаний кабинета, его встретило возбужденное жужжание голосов. Политики, сухопутные и морские офицеры окликали друг друга в попытке узнать хоть что-нибудь, но не получали ответов.

— Молчать! — рявкнул Пальмерстон. — Я требую тишины!

— Что там за чушь насчет вторжения? — громогласно спросил герцог Кембриджский, распахивая дверь и входя с бригадиром Сомервиллом, следовавшим за ним по пятам.

— Вот это самое, — ответил Пальмерстон, передавая ему телеграмму. — Прочтите сами. Надо выяснить побольше. И сейчас же.

— Корабль Ее Величества «Завоеватель» находится в Портсмуте, — сообщил адмирал Сойер.

-- Сейчас же телеграфируйте в Портсмут, — распорядился Пальмерстон. — Сообщите им, что нам известно. Прикажите капитану сейчас же отплывать в Ирландию. Нам нужно выяснить, что там происходит.

Бригадир Сомервилл что-то негромко говорил

герцогу Кембриджскому, и тот внимательно слушал, кивая головой.

— Нам нужно узнать побольше о враге, — говорил Сомервилл. — Местонахождение, численность...

— Нам нужно куда больше, черт побери! — лицо герцога стало совсем пунцовым от гнева. — Нам надо стереть их с лица земли!

— Но, ваша милость, не располагая сведениями, мы не будем знать, куда нанести удар. Я предлагаю разведку боем. Собственные Ее Величества Камеронские Горцы находятся в казармах в Глазго. Следует поднять в ружье как минимум роту. В Клайде есть переправа. Корабль можно реквизировать без промедления и переправить эти войска в Северную Ирландию. Рыбачий порт Карнлох в бухте Карнлох, пожалуй, подходящее место для высадки. Оно не видно из Ларна, где замечен вражеский крейсер. Но до Белфаста оттуда не более тридцати миль. Они могут выяснить...

— К черту выяснения! Я хочу, чтобы их остановили, истребили, стерли в порошок!

Герцог кричал так громко, что все в комнате примолкли, прислушиваясь. Герцог обернулся лицом к ним, сгорбившись, раздувая ноздри, как рвущийся в схватку бык.

— Они хотят войны? Они получат войну! Я хочу, чтобы все войска в гарнизоне Глазго отправились в Ирландию незамедлительно. После чего я требую полной мобилизации по всей стране. Всех под ружье! Воззвать к йоменам. А тот крейсер, что мы посылаем на разведку, — как там он называется?

— «Завоеватель», — ответил адмирал.

— Он не должен ограничиваться простым разнюхиванием. После того как он выяснит, что происходит в Ирландии и доложит нам, прикажите кораблю идти на север, в этот залив Карнлох. Американский флот находится в море. Я хочу, чтобы у наших войск была защита. Что бы там американцы ни навоображали себе насчет Ирландии, что бы они там ни делали, их надо остановить! — Он обернулся к Сомервиллу, нацелив в него палец, как шпагу. — Подготовьте приказы!

Выбора у Сомервилла не было.

— Есть, сэр, — вытянувшись в струнку, отчеканил он. Развернулся кругом и отправился в телеграфную контору лично, на ходу составляя в уме послание. Мобилизация всего гарнизона в Глазго. Оба полка. Раздать боеприпасы перед выходом из казарм. Полные фляги, паек на неде-

лю. Полевые орудия? Нет, с ними слишком много возни, они задержат войска. Пойдут следующими кораблями. Первое подразделение отправляется на разведку боем. Тут важнее скорость. Написав приказы, он отдал их телеграфисту, после чего пододвинул к себе толстый справочник военных телеграфных станций. Составил список основных казарм и полков. Конная гвардия, Королевский полк фузилеров, Грин-Говардс, всех без исключения. Затем написал приказ о всеобщей мобилизации.

— Отправьте этот приказ указанным подразделениям незамедлительно, — он передал список главному телеграфисту. — Запросите подтверждение получения приказов от каждого.

В залитом дождем Глазго звонко пропели трубы, и тут же послышалось рявканье сержантов, топот бегущих ног. Командовал ими бывалый служака подполковник Мактэвиш, а подчиненные его были не менее опытными и профессиональными. Они привыкли действовать быстро, а соображать даже быстрее. Считаные минуты спустя послышался цокот копыт по булыжнику мостовой у казарм — офицер штаба галопом помчался к судовым конторам на берегах Клайда. Только благодаря своему профессионализму к

сумеркам полностью вооруженные и экипированные солдаты строем вышли из бараков под завывание волынок и зашагали к порту. Поднимаясь на реквизированные пароходы, они слышали сердитые вопли насильно изгнанных пассажиров, пытавшихся отыскать свой багаж.

Два корабля начали долгую переправу в Ирландию через пролив Клайд и Ирландский канал. Долгую преднамеренно, поскольку, пока войска поднимались на борт, капитаны кораблей посоветовались и сошлись в том, что надо добраться до ирландского берега к рассвету. Ночной десант попросту невозможен. На рассвете, когда они вползли в залив Карнлох и бросили якорь, море было спокойным, никаких других кораблей поблизости не наблюдалось. Спущенные на воду шлюпки начали утомительную работу по перевозке солдат на сушу.

Первые солдаты в полощущихся на ходу килтах зашагали по прибрежной дороге на юг задолго до того, как последние добрались до берега.

— Вышлите вперед разведчиков, — приказал майор Белл, шагавший во главе колонны. Ему вовсе не хотелось напороться на какой-нибудь сюрприз. Главный сержант отправил вперед заставу почти бегом.

Неподалеку от деревни Сент-Каннинг марширующая колонна миновала крестьянина, копавшего в поле картошку. Двое солдат отконвоировали его к майору Беллу.

— Имя?

— О'Ридон, ваша честь.

— Были ли здесь военные стычки?

— Не здесь, сэр. Но была слышна стрельба с Белфаста, а потом с Ларна. Началось на рассвете. Мы ясно слышали, вот оно как. Я послал парнишку Брайена бегом поглядеть, что стряслось. Он добрался только до Бэллирутера ниже по дороге. Но как шел через деревню, двое солдат вышли из лавки и схватили его. Напугали его до чертиков.

— Английские солдаты?

— Совсем нет, сказал он. Какие-то иноземцы. В каких-то коричневых мундирах, а уж говорили так чудно, что он, почитай, ничего и не мог разобрать по-ихнему. Они развернули его назад, не побив, ничего этакого. У него даже хватило духу спросить их, чего стряслось. Они посмеялись над этим, и один из них сказал, вот как Брайен мне сказал, — мы пришли вас освободить.

— Действительно. — Нацарапав записку в блокноте, майор Белл взмахом руки подозвал ординарца. — Для полковника.

Начертив новый маршрут на карте, он подозвал главного сержанта.

— Основные силы обойдут эту деревню. Но я хочу взять роту, чтобы выяснить, много ли здесь солдат противника. Попробовать взять пленных.

— Есть, сэр, — улыбнулся главный сержант. Они засиделись в казармах слишком долго. Пора бы и подраться.

Долго ждать им не пришлось. Как только они зашагали по дороге к деревне, из окон каменных зданий затрещали винтовочные выстрелы. Шотландцы бросились на землю, отыскивая убежище, и в этот самый момент последовал чудовищный шквал огня, пули срывали листья с деревьев, рикошетили от камней, поднимали пыль фонтанчиками.

— Отойти! — приказал майор. — Залечь вон за той каменной оградой!

Судя по звуку, ему противостояла целая рота.

Как и многие офицеры британской армии, он еще никогда не слыхал пулеметной стрельбы.

Тревога!

Капитан Фредерик Дарнфорд вкушал на берегу второй завтрак в компании адмирала Казинса, командовавшего Плимутской военно-морской

верфью. Трапеза выдалась крайне приятная, и завершил ее выдержанный портвейн. Капитан Дарнфорд только-только налил себе добрую меру вина, когда в дверь постучали и вошедший офицер вручил адмиралу бланк телеграммы.

— Что? Что? — сказал адмирал, разворачивая листок; эта привычка и послужила источником его прозвища, известного всем до последнего матроса на флоте, кроме него самого. Он быстро прочел телеграмму, затем обернулся к Дарнфорду с совершенно очумевшим видом. — Они там что, сдурели в адмиралтействе, или это правда?

— Не представляю, сэр. А что там сказано?

— В общем, сказано, что американцы вторглись в Ирландию, — с трудом подбирая слова, сообщил Казинс. — Что они атакуют Белфаст. Все линии связи с Ирландией разорваны. Пакетботы не прибыли. Последняя часть адресована вам. Вам приказано взять «Завоеватель» и выяснить, что там происходит.

Дарнфорд подскочил на ноги, даже не заметив, что стул с грохотом повалился на пол.

— С вашего позволения, адмирал, и чем скорее...

— Да ступайте вы, ступайте. Доставьте нам рапорт как можно быстрее. Но чутье мне подска-

зывает, что все это какая-то жуткая ошибка.

Но капитан Дарнфорд не согласился. Сделать подобную ошибку адмиралтейство, несмотря на все свои недостатки, попросту не могло. В Ирландии стряслось что-то очень-очень серьезное, тут уж сомневаться нечего. Вернувшись, он обнаружил, что более подробный приказ был телеграфирован на корабль. Капитан прочел его весьма тщательно. Велел офицерам собраться на мостике, пока в машинном отделении разводили пары, затем раскатал карту и указал на пункт назначения:

— Вот. Мы обогнем Лизард и Лэндс-Энд после наступления сумерек. Держать курс на Ирландию с высадкой вот здесь, на Олд-Хед в Кинсейле. Вы должны понимать, что в данный момент никто в правительстве даже смутно не представляет, что происходит в Ирландии. Не считая этого единственного донесения из Белфаста, мы действуем совершенно в потемках. Как вы прекрасно представляете, в верхах царит грандиозный переполох. Однако кое-какие действия все-таки предприняты. Войска высадились в заливе Карнлох к северу от Белфаста. После проведения разведки мы должны доложить о том, что удастся выяснить, по телеграфу. Затем отплыть на север,

чтобы помочь тамошнему десанту. — Он постучал по карте Ирландии в районе береговой линии к югу от Корка. — Далее, я хочу, чтобы там высадились морские пехотинцы под командованием хорошего офицера — вашим, Страттен. — Он кивнул первому помощнику. — Вы поведете их в глубь территории, в Кинсейл. Там есть казармы Королевской полиции. Выясните, не знает ли кто-нибудь, какого черта там творится. Подходите к делу с умом, потому что у вас будет только час после рассвета, чтобы вернуться на берег. — Он угрюмо смотрел в неведомое будущее. — Корабль будет у Корка на рассвете. Не представляю, что мы обнаружим. Но я знаю, что не поведу этот корабль в бой, какое бы искушение ни испытывал. Уайтхоллу нужна информация, а не стычки. То же самое относится и к вам, лейтенант. Это абсолютно ясно?

— Так точно, сэр.

— Постарайтесь довести эту мысль до всех членов своего десанта без исключения. Конечно, в случае атаки они должны обороняться. Предоставляю вам позаботиться, чтобы они не оказались в подобном положении. Мне нужны сведения, а не героизм.

— Приложу все силы, сэр.

Они направились на север в темноте. Если война в Ирландии и шла — судя по всему, на морской торговле она не сказалась. Маяк на Олд-Хед в Кинсейле исправно мигал. «Завоеватель» подошел к нему и замедлил ход в глубоких водах у мыса. Спустили катер — новейшей конструкции, с собственной паровой машиной. Приняв на борт два взвода Королевских морских пехотинцев, он с пыхтением устремился во тьму, к берегу. А броненосец, сдав назад, снова вышел в море, подгадывая время прибытия в устье к рассвету.

При первых лучах солнца громадный корабль медленно двинулся вперед, а находившиеся на мостике офицеры пристально вглядывались в сторону берега через бинокли и подзорные трубы.

— Вон там, по штирборту, сэр. Это Форт-Чарльз.

— И Форт-Джеймс, по ту сторону залива от него.

Оба форта четко обрисовывались на фоне западного неба отчетливыми черными силуэтами, пока солнце не поднялось над восточным горизонтом. Капитан Дарнфорд подкрутил фокусировочное колесико бинокля, разглядывая верхушку форта в тот самый миг, когда солнце

озарило ее. Там висел флаг, развернувшийся, как только рассветный бриз тронул его.

— Разрази меня гром! — охнул один из офицеров. — Над фортом развевается звездно-полосатый флаг!

— Полагаю, все ясно, — Дарнфорд опустил бинокль. — Стоп, машина!

Корабль продолжал по инерции двигаться. Позади фортов река резко сворачивала налево. По мере продвижения корабля к ней в поле зрения начал понемногу вплывать массивный силуэт броненосца, стоявшего там на якоре.

— Полный назад! — приказал капитан, пристально вглядываясь в незнакомый черный силуэт. — Могу уверенно заявить, что это судно не входит в Королевский флот.

Завертевшийся винт вспенил воду за кормой, и через мгновение корабль двинулся прочь от грозного черного силуэта. Если гам их и заметили — что наверняка, — крейсер не тронулся в их направлении. Его якорная цепь была четко видна, а из трубы поднималась струйка дыма. Но его чудовищная двухпушечная башня на носу с рокотом развернулась в сторону «Завоевателя», доказывая, что он замечен. Затем поле зрения перекрыла полоска суши, и грозный вражеский

корабль снова скрылся из виду.

— Капитан, — подал голос второй помощник. — Я определенно знаю этот корабль. Видел его у мексиканского побережья. Это корабль ВМФ США «Виргиния», две башни, в каждой по два орудия. Спущен на воду летом.

— Полагаю, вы правы, он был описан в недавних рапортах адмиралтейства. Проложите курс к Олд-Хеду у Кинсейла.

На мостике воцарилось молчание, но на палубе и в офицерской кают-компании все обстояло в точности наоборот.

— Корабль янки здесь, в ирландских водах. Что это может значить?

— Это значит, что чертовы янки вторглись сюда! Ты же видел их флаги. Они наверняка высадили десант, да небось еще и ирландцы восстали. Но они определенно здесь, да причем с войсками, раз они смогли штурмовать и взять эти форты.

— Страттен выяснит что-нибудь, он-то узнает, что стряслось.

Уже совсем рассвело, когда они вышли из устья и корабль свернул на юго-запад, направляясь к точке встречи у Кинсейла. Когда они подходили к мысу, впереди уже виднелся дожидающийся катер. С броненосца сбросили веревочную лест-

ницу, и лейтенант Страттен вскочил на нее еще до того, как ее прицепили к катеру. Ничего не сказав ожидающим офицерам, он поспешил в каюту капитана.

— В устье стоит на якоре американский крейсер, — сообщил капитан. — Оба форта тоже захвачены.

— Все обстоит куда хуже, — едва слышным от переполнявших его чувств голосом сказал лейтенант. — Я говорил с капитаном полиции в Кинсейле. Казармы осаждала толпа, но, увидев наши ружья, атакующие бежали. Он был в Корке, говорил с людьми, бежавшими из города, потому что там был жаркий бой. Никаких подробностей, только бой и все такое, но он видел войска и флаги. Город взят. Войска повсюду, и проклятые американские флаги над воротами. Но десанта не было, он уверен. Говорит, пришли поезда от узловой в Лимерике в Дублин. Телеграфные линии перерезаны, так что надежных сведений у них нет, только домыслы и слухи.

— И факты. Мы знаем, что враг в Белфасте, а теперь и в Корке. Вполне логично предположить, что Дублин тоже атакован. Нападение, трусливое нападение исподтишка! Нашей суверенной нации нанесли удар ножом в спину! — В серд-

цах капитан Дарнфорд грохнул кулаком о раму иллюминатора, чтобы дать выход своему гневу. — Страна должна знать об этом. Ближайший порт с телеграфом — Милфорд-Хейвен в Уэльсе. Проложите курс, полный ход, как только катер будет поднят на борт. Англия должна знать о масштабах катастрофы! — Он угрюмо поглядел на север вдоль ирландского побережья. — А покончив с этим, мы отправимся посмотреть, что происходит с нашими войсками в бухте Карнлох.

Беда на севере

Во время атаки на Белфаст 83-й пехотный полк оказал сильное сопротивление, обороняя свои казармы на Норт-Квин-стрит — массивные, крепкие здания. И хотя генерал Роберт Э. Ли понимал, что пулеметы Гатлинга не знают себе равных при сражении в поле против пешего противника, он уже не в первый раз пожалел, что не может воспользоваться поддержкой артиллерии. Лишь после того как 33-й Миссисипский штурмовал артиллерийские казармы к северу от казарм пехоты, чаша весов начала склоняться в пользу американцев. Там обнаружился артиллерийский склад — старые гладкоствольные 12-фунтовые орудия, стрелявшие стальными ядрами. Генерал

Лонгстрит приказал выкатить их на плац еще до того, как последние обороняющиеся сдались. Привели лошадей из конюшен и запрягли их в орудия, а тем временем солдаты с топорами взломали дверь порохового склада. Заглянув внутрь, Лонгстрит взмахом руки отослал своих людей подальше.

— Тут сплошь черный порох и каменные плиты. Снимайте сапоги, внутрь заходить только босиком. Если хотя бы один гвоздик сапога высечет искру на камне, все мы отправимся в лучший мир.

Бочки с порохом осторожно погрузили на орудийные повозки вместе с запасом ядер, запрягли лошадей, после чего Лонгстрит и его подчиненные последовали за орудиями к казармам пехоты. Стрельба позади них стихла — последние защитники казарм сдались; но впереди перестрелка была такой же ожесточенной, как и прежде. Прибытие трех пушек резко переменило ситуацию. Казармы были выстроены основательно, но на роль форта не тянули. Деревянные двери и кладка вокруг них были разбиты ядрами. Ли приказал идти в штыковую. Солдаты, с воинственным ревом ворвавшиеся в казармы, быстро одолели их немногочисленных защитников. Как только

пленных увели, генерал Ли перенес свой штаб в эти казармы.

Рапорты прибывали один за другим, и он позволил себе едва заметно улыбнуться. Замок Керрикфергюс подвергся артиллерийскому обстрелу с моря и сдался.

— Последние обороняющиеся на Ольстерской железнодорожной станции окружены, генерал, — доложил капитан Грин. — Судя по всему, это последний оплот врага.

— Потери?

— Бывает и похуже, — Грин передал ему список. Но едва только Ли взял листок, как прибыл вестовой с донесением; Ли быстро просмотрел его.

— Проблемы на севере, — он склонился над картой. — Патруль, который мы направили на север вдоль прибрежной дороги мимо Ларна, был обстрелян, оказано сильное сопротивление в деревне под названием Бэллирутер. Говорят, шотландские войска, солдаты в килтах. Полковник Клебурн отправил донесение. Пишет, что ведет остаток своей дивизии вперед из Керрикфер-гюса им на подмогу.

Сдвинув брови, Ли разглядывал карту, выпущенную британским картографическим управлением.

— Насколько нам известно, на севере вражеских войск нет. И ни одного крупного города. Только эта дорога между берегом и горами в глубине территории. Вдоль побережья мелкие деревушки, никаких казарм или военных лагерей, о которых нам было бы известно.

— Тогда откуда же могли взяться шотландцы? — озадаченно поинтересовался майор Говард.

— Отсюда, — Ли указал на берег. — Мелкие порты, гавани, а до Шотландии рукой подать. Полагаю, мы можем уверенно предположить, что британцы уже знают, что мы здесь. Пошлите к Клебурну подкрепление — и эти гладкоствольные пушки в том числе. У них есть Гатлинги?

— Один, сэр.

— Придайте им в подкрепление еще четыре. Мы еще не наладили связь с югом?

— Связисты отправлены. Нашли один обрыв и доложили. Они движутся на юг вдоль линии. Говорят, наверняка есть еще разрывы.

— Дайте мне знать, как только будет налажена связь с Дублином. А как насчет «Верного»? Он все еще в гавани в Ларне?

— Да, сэр. Он захватил пакетбот, отправлявшийся в Шотландию, и запер его там.

— Для него есть дела поважнее. Там в гавани

есть телеграф?

— Да, сэр. Там работает наш телеграфист.

— Тогда отправьте депешу на «Верный». Они должны вывести паром из строя, чтобы он не мог покинуть порт. Затем прикажите им отправляться на север вдоль побережья, чтобы выяснить, где высадились эти войска. Затем приготовьте моего коня и своего тоже, Грин. Я хочу лично посмотреть, что там происходит. Лонгстрит, до моего возвращения вы остаетесь за командира.

* * *

Генералу Шерману в Дублине телеграмму доставил полковник Робертсон.

— Генерал Джексон рапортует об окончании военных действий в Корке, — провозгласил он, держа только что прибывшую телеграмму. — Британцам известно, что в Ирландии что-то случилось. Один из их броненосцев заглянул туда, но «Виргиния» видела, как они отплывают.

Взяв телеграмму, Шерман прочел ее.

— Здесь мы справились, как и запланировано, а теперь и в Корке. Образцово-показательная кампания, победа на всех фронтах, но... Что происходит на севере? Я должен знать, как дела у генерала Ли.

Последние обрывы были ликвидированы, и телеграфная связь между Белфастом и Дублином под вечер заработала. Первое донесение спешно доставили Шерману, и тот быстро прочел принесенные листки, пока члены штаба выжидательно смотрели на него в молчании.

— Десант прошел отлично. Никакого сопротивления на северном побережье. Наша информация была верна. Там никаких войск. Прибыли в Белфаст по графику. Встретили сильное сопротивление, но наши войска одержали верх. Однако теперь их атакуют шотландские войска к северу от города. Ли придерживается мнения, что британцы высадили войска на берег севернее

Белфаста. Он отправил корабль нашего флота «Верный» расследовать этот вопрос, а сам следует к месту боевых действий. — Шерман бросил донесение на стол. Генерал Мигер взял его и прочитал, затем передал остальным офицерам штаба. Шерман устремил холодный, отсутствующий взгляд за окно, словно сквозь стены Дублина видел Ольстер и бьющиеся там войска.

— Не нравится мне все это. Север всегда был неизвестной величиной, что теперь и подтвердилось. На юге мы добились успеха. Все прибрежные укрепления захвачены и заняты нашими вой-

сками, как запланировано. А раз береговые укрепления в наших руках, а в каждом крупном порту стоит по броненосцу, следовательно, британским войскам будет трудно высадить крупный десант вдоль восточного побережья. В море в данный момент господствует наш флот. Здесь мы сможем дать врагу отпор. — Развернув свой стул обратно, он обратился к офицерам штаба: — Мы должны действовать напрямую. Отправьте телеграмму генералу Джексону в Корк. Пусть он отправит не менее половины своих войск, чтобы они присоединились к нам здесь, в Дублине. Пусть заодно привезут все захваченные им пушки. Генерал Мигер, вы и личный состав Ирландской бригады должны держать оборону на укреплениях, которые мы заняли. Я отправляю 15-й Пенсильванский и 10-й Нью-йоркский полки в подкрепление Ли. — Он снова поглядел на карту. — Как только прибудут войска генерала Джексона, я их отправлю в Белфаст. Генерал Ли должен продержаться. — Он обернулся к капитану Грину. — Отправьте сообщение командору Голдсборо на «Мститель», введите его в курс. Сообщите, что он должен оставаться в Дублине, поскольку его орудия жизненно важны для нашей обороны. Но если я выясню, что его броненосец нужен на

севере, он должен быть готов отплыть без промедления.

Воспользоваться же железнодорожной линией от Дублина до Белфаста для боевых действий предстояло впервые. Личный состав 15-го Пенсильванского медленно шагал через Дублин к станции. Солдаты не спали больше тридцати шести часов, причем половину этого времени сражались и были изнурены, но все еще готовы ринуться в бой. Квартирмейстер позаботился, чтобы их патронные сумки были полны. Перед тем как люди погрузились на поезд, им раздали горячую еду. Не прошло и пяти минут, как большинство солдат спало. «Они отличные солдаты, — думал генерал Шерман, шагая вдоль поезда и глядя через окошки на спящих. — Им нужен отдых».

Отдых нужен был и ему, но времени на это просто не осталось. Он сможет поспать лишь после того, как подкрепление будет отправлено на север. Дублинские докеры уже понесли пушки из Дублинского замка на станцию, за ними последуют порох, снаряды и пулеметы Гатлинга, а затем боеприпасы придется пополнять еще и еще. Поезда, которыми наступающие войска прибыли сюда из Голуэя, должны вернуться, чтобы

взять боеприпасы, выгруженные с транспортных кораблей. Обо всем этом позаботится штаб. Это хорошие, опытные офицеры. Может быть, ему все-таки удастся отдохнуть.

* * *

Генералу Роберту Э. Ли достался крепкий длинноногий жеребец. С Трейвелером, конечно, ни в какое сравнение не идет, но вполне годится. Ровным галопом генерал обогнал запряженные лошадьми повозки с пулеметами Гатлинга, потом марширующих солдат. Капитан Грин на более медлительной лошади едва поспевал за ним.

— Поприветствуем славного старину Бобби Ли! — крикнул один из солдат, когда генерал проезжал мимо, и остальные ответили громовым «ура!». Помахав им шляпой, генерал направил коня на звук боя. Тот становился все громче и ближе, и когда послышался свист пуль, щелкающих по листве деревьев над головой, генерал спешился, и Грин последовал его примеру. Оба двинулись вперед, ведя лошадей под уздцы. За поворотом они увидели могучий дуб, под которым лежало двое солдат в серых мундирах. У одного, лежавшего без сознания, была забинтована голова. У второго, с сержантскими нашивками, рука

висела на перевязи. Он коснулся полей шляпы здоровой левой рукой.

— Полковник отправил меня назад вместе с Калебом, генерал. Раз уж я не могу стрелять ни из винтовки, ни из чего. А Калеб...

— Что вам известно о ситуации?

— Было довольно скверно, пока он не подоспел со своими людьми. Мы залегли за каменной стеной, но эти скотти обходят нас с флангов. Их все больше и больше.

Ли медленно обернулся, взором окидывая ландшафт. Потом вытащил карту и подозвал Грина.

— Насколько я могу судить, бой идет примерно здесь. Теперь я хочу, чтобы была организована новая линия обороны здесь, у этих деревень Коркермейн и Карнкасл. От холмов до берега. Воспользуйтесь естественными укрытиями. — Вытащив из седельной сумки блокнот, он быстро набросал записку и передал ее капитану. — Подкрепление идет за нами по пятам. Передайте им этот приказ. Я хочу, чтобы они закрепились вот в этих полях, слева и справа, воспользовавшись теми каменными стенами, что мы миновали. Устройте на дороге баррикаду из поваленных деревьев и установите позади них Гатлинги. Я хочу, чтобы, как только это будет сделано, вперед

отправили ординарца сообщить, что можно отступить на подготовленные позиции.

Адъютант галопом поскакал прочь, а Ли вверил своего коня сержанту, после чего пошел на звук боя.

Полковник Клебурн устроил штаб в полуразвалившемся амбаре, изрешеченном пулями.

— Вы их сдерживаете, Пэт? — спросил Ли, входя.

— Рад вас видеть, генерал. Едва-едва. Но боеприпасов уже в обрез, и навряд ли мы сможем остановить следующую штыковую атаку вроде последней.

Обороняющиеся растянулись редкой цепью вправо и влево. Большинство солдат нашло укрытие за изгородями или в низинках. Перестрелка была нерегулярной и хаотичной, пока не раздался горловой рев вражеских солдат, скрытых за холмом. Началась очередная атака. Грохот выстрелов теперь почти не смолкал.

— Сдерживайте их, сколько сможете, Пэт, подкрепление идет. Я разворачиваю линию обороны прямо у вас в тылу. Как только они займут позиции, вы сможете отвести своих людей.

Пулемет Гатлинга смолк: кончились боеприпасы, и пулеметчики вытащили затвор, выведя

таким образом пулемет из строя. При отступлении взять его с собой они попросту не смогут. Теперь у обороняющихся остались только спенсеровские винтовки — да и у тех патроны были на исходе. Достаточно — едва-едва, — чтобы отбить атаку. А дюжина солдат в килтах прорвалась к обороняющимся, спрятавшимся за стеной. Началась рукопашная, но в конце концов их удалось отбросить. Генерал Ли как раз перезаряжал пистолет, когда прибежал ординарец.

— Майор велел сказать вам, сэр, что позиции готовы.

— Хорошо. Пэт, начинайте отводить своих людей.

Самое время. Атакующие хлынули на позиции в тот самый миг, когда солдаты в серых мундирах начали отступление. Но это было боевое отступление ко второму эшелону обороны. С неба заморосил дождик. Британское наступление было остановлено.

Покамест.

Смертельный поединок

Капитан Ившоу отрядил одного из морских пехотинцев, приписанных к кораблю, в телеграфную контору в порту Ларна. Как только

армейский телеграфист записал телеграмму из Белфаста, пехотинец с ней в руках пронесся через порт, взбежал по сходням на корабль и поспешил на мостик. Ившоу быстро прочел написанное.

— Развести пары, — приказал капитан. — Отдать швартовы!

Как только они захватили паром Ларн — Стрэнрир, механики приняли меры, сняв на корабельной машине клапан безопасности, а также реверс. До возвращения «Верного» корабль никуда не денется. Из трубы боевого корабля, отходившего от причала, валил черный дым.

Никто не назвал бы этот корабль красавцем. Один из первых кораблей модифицированного класса «Монитор», построенный после успеха настоящего «Монитора», он был куда более пригоден для мореплавания, нежели предшественник. Оригинал, имевший очень низкую осадку, не мог выйти в море даже при небольшом волнении. А «Верный», изрядная часть бронированного корпуса которого находилась выше ватерлинии, больше смахивал на сырную коробку на толстой доске.

Однако, несмотря на уродство судна, его поворотная башня была вооружена двумя громадными орудиями, способными потопить практически

любой корабль. Изрыгая тучи дыма, пеня воду носом, он направился на север вдоль побережья. Стоявший на мостике капитан Ившоу пристально разглядывал берег в бинокль.

— Если вражеские войска прибыли с севера, чтобы атаковать наши позиции, то наверняка высадились здесь с кораблей. Они могли добраться ночью из Шотландии, а мы их даже не видели. Не будь мы на привязи в гавани, они настолько далеко к югу не пробрались бы.

Они миновали мыс Баллигалли и двигались вдоль изрезанной береговой линии, когда впередсмотрящий заметил впереди дым.

— Вон там, сэр, пассажирское судно, только что обогнуло мыс! На северном курсе.

Поглядев по карте, капитан кивнул.

— Бухта Гленарм, к западу от мыса. Тут отмечена гавань.

— А как быть с кораблем, сэр? — спросил первый помощник. — Следовать ли нам за ним, остановить его?

— Это все равно что пытаться запереть дверь конюшни, когда лошадь уже украли. По-моему, раз уж это не военное судно, пусть себе мирно плывет своей дорогой. Давайте-ка посмотрим, где оно побывало.

Как только они обогнули Парк-Хед, показалась небольшая бухта. Там стояло на якоре еще одно пассажирское судно, и сквозь бинокли они разглядели войска, марширующие вверх по холму.

— Вот вам и ответ, — сказал капитан Ившоу. — Проложите курс обратно до Ларна, чтобы мы могли рапортовать об этом.

Пассажирский корабль, замеченный ими ранее, теперь почти скрылся за горизонтом, виднелась только труба. Затем впередсмотрящий начал оглядывать остальную часть горизонта. И вдруг еще корабль прямо по курсу. Подождав, пока удастся рассмотреть корабль ясно, он крикнул на мостик.

— С юга приближается судно! — сообщил лейтенант. — Под парусом, трехмачтовое, судя по всему, с машиной, поскольку от него валит дым.

— Вот это совсем другое дело, — повернув бинокль в указанном направлении, заметил Ившоу. — Вероятно, везет подкрепление. И не из Шотландии, а из Англии. Вероятно, при таком курсе со стороны Ливерпуля. Давайте-ка выясним.

— Если он везет войска, — встревожился лейтенант, — мы должны, ну, стрелять в него?

— Это придется решать, когда мы выясним, какой он везет груз, — с мрачной решимостью

ответил капитан. — Если это подкрепление, мы определенно не можем позволить бросить его против наших войск.

Нос «Верного» был нацелен прямо на судно. Скорость нарастала. На том корабле их явно заметили, потому что несколько секунд спустя его изображение стало шире и вместо одного паруса стали видны три — корабль разворачивался.

— Поворачивает от нас, — отметил капитан. — Поворот оверштаг.

— Он не уйдет, — радостно отозвался лейтенант. — При таком оснащении не ему тягаться с нами в скорости.

И хотя следуя этим курсом убегающий корабль шел по ветру, несмотря на помощь его машины, уйти ему бы не удалось. Каждый оборот винта «Верного» сокращал разделяющее их расстояние. Все взгляды были устремлены на преследуемый корабль, пока впередсмотрящий не крикнул:

— Дым на горизонте! Десять румбов вправо по курсу.

Молчание затягивалось. Второе судно на всех парах шло вперед, уже показался его корпус.

— Броненосец! — сказал лейтенант. — Один из наших.

— Вряд ли, — отозвался Ившоу, разглядывая

в бинокль растущий корабль. — К нам поступали донесения о нем. Броня десять дюймов. Четырнадцать орудий. Корабль Ее Величества «Завоеватель». Британец. Меняйте курс на Ларн, мы должны сообщить о его появлении нашим войскам в Белфасте. Прикажите канонирам заряжать фугасные снаряды и приготовить орудия.

— У него превосходство в огневой силе, сэр...

— Совершенно верно, лейтенант, совершенно верно. И тем не менее мы дадим бой.

На мостике «Завоевателя» все взгляды были устремлены на странное черное судно с единственной трубой, шедшее поперек их курса.

— Он поворачивает, сэр, — доложил первый помощник. — Идет на Ларн.

— Этого мы позволить не можем, — ответил капитан Дарнфорд. — Это американский корабль, клянусь Юпитером. Одна башня, два орудия. Свистать всех наверх!

Гонка шла на равных. Когда «Верный» вошел в гавань Ларна, его гигантский противник отставал на каких-то тысячу ярдов. Американский броненосец дал полный назад, но все-таки крепко врезался в причал. Стоявший наготове морской пехотинец схватил депешу капитана и спрыгнул, как только корабль столкнулся с причалом,

прокатился по растрескавшимся доскам и растянулся во весь рост. Тут же вскочил и побежал к телеграфной станции. У него за спиной задраивали иллюминаторы — корабль готовился к бою.

«Верный» выстрелил первым, как только прицелы заполнил корпус «Завоевателя», входящего в устье Ларнского Лоха. Оба снаряда взорвались, врезавшись в борт британского корабля. Как только дым унесло ветром, стали видны две громадных вмятины в броне. Но, несмотря на силу удара и взрывов, снаряды не смогли пробить толстые слои стали и дерева. Потом семь орудийных портов «Завоевателя» дали полный бортовой залп, почти в унисон.

«Верный» развернул башню, как только был произведен выстрел, так что единственный снаряд, попавший по ней, отскочил от броневого тыла башни. Четыре вражеских орудия взяли прицел слишком высоко, и их снаряды пролетели над низкой палубой американца, разбив зал ожидания парома, находившийся позади него. Еще два снаряда ударили по палубе «Верного». Один из них с визгом отскочил от брони, но второй попал в стык брони и корпуса, проделав в борту рваную пробоину.

То была горькая, неравная, односторонняя

битва. Местные жители и солдаты на берегу разбегались от пылающего зала ожидания. Пока «Верный» перезаряжал орудия, «Завоеватель» развернулся, и его батарея по штирборту с ревом изрыгнула пламя и снаряды. Американцы тотчас же отреагировали ответным огнем, не причинившим громадному кораблю видимого вреда.

Следующий бортовой залп расширил пробоину в корпусе американского корабля. Он начал оседать глубже. Его орудия выстрелили в последний раз, а потом башня скрылась под волнами. Вырывающийся из судна воздух забурлил, вспенив поверхность воды. Вскоре бурление прекратилось, воды успокоились... И ни малейшее движение не нарушало водной глади.

Ни одна живая душа не смогла спастись с затонувшего судна.

Матрос в развалинах телеграфной конторы обернулся к армейскому телеграфисту:

— Лучше допиши-ка к этому сообщению: «Верный» уничтожен вражеским огнем. Затонул со всем экипажем.

* * *

Герцог Кембриджский готов был изрыгать пламя. Чем больше он думал о наглости аме-

риканцев, посмевших напасть на Британские острова, тем больше распалялся. Хотя рапорты пока не поступали — ни об успехе, ни о провале, — он требовал все новых и новых войск.

— Сомервилл! — ревел он. — Нет ли в Клайде еще кораблей, которыми мы могли бы воспользоваться?

— Возможно, сэр. Но поскольку Шотландские гвардейцы и Королевские Шотландские Серые погрузились на поезда и отправились туда, в данный момент у нас под рукой больше нет доступных войск. Однако я отправил приказ, запрещающий каким-либо кораблям выходить из Ливерпуля. Офицеры на месте решат, какие из них пригодны для доставки войск. — Он поднял глаза на настенные часы. — Грин-Говарды отбыли несколько часов назад и должны вот-вот прибыть в Ливерпуль. Королевский полк фузилеров следует за ними. Мы также собрали все имеющиеся в распоряжении батареи полевой артиллерии, так что они тоже в пути.

— Отличная работа, — признал герцог, хотя и ворчливо. — Теперь или никогда. Следует предположить, что наши десанты прошли хорошо и наши войска сейчас теснят врага в поле. Им следует послать подкрепление! Мы должны

продолжать напор. Если сейчас мы не сможем возобладать над ними, вернуться и нанести удар в будущем будет дьявольски трудно.

— Вы совершенно правы, ваша милость. Враг бросил свои войска на завоевание Ирландии. Сражения ведут к потерям, нам неизвестно, в каком состоянии находится их связь. Но мы знаем, что у них недостаточно времени, чтобы наладить снабжение своих войск или послать подкрепление. Мы не можем потерпеть поражение на этот раз.

* * *

Отправив своих подчиненных по железной дороге на север из Корка, генерал Джексон по телеграфу попросил у генерала Шермана разрешения выступить во главе их. Шерман не колебался. Укрепления в Корке хорошо вооружены, людей на них предостаточно. Для успешной обороны вовсе не нужен боевой генерал ранга Джексона. Ответ Шермана был быстрым и лаконичным: «Командуйте своими войсками».

Когда войска Джексона прибыли в Дублин, их уже дожидались провожатые, чтобы провести через город на поезд до Белфаста. Сидевший верхом майор, держа под уздцы вторую оседланную лошадь, поприветствовал Джексона.

— Генерал Шерман желает вам здравствовать, сэр. Он хотел бы посовещаться с вами, пока ваши войска будут размещаться по вагонам.

Оседлав коня, Джексон последовал за адъютантом в штаб, расположенный в здании почтамта. Едва он вошел, Шерман взял его под руку.

— Поздравляю с успехом в сражении.

— Такова была господня воля. Итак, поведайте мне, что произошло на севере.

— Враг произвел массированный десант на побережье к северу отсюда. Мы должны первым делом остановить его на суше, а затем позаботиться, чтобы флот помешал высадке подкреплений, — генерал Шерман указал на карту Ирландии, приколотую к стене штаба. — На нашем северном фронте — Ли рапортует — мы держимся, но едва-едва. Вы должны поддержать его. Он бросил на оборону все свои резервы. Но фронт невелик и почти не пригоден к обороне. Дошло до рукопашной. Дальше так продолжаться не может. Сейчас генерал Ли организовал мощную линию обороны, чуть севернее Ларна. Как только стемнеет, войска отойдут на эти позиции, и вы усилите его. Там мы удержимся, но на море дело обстоит очень скверно. «Верный» потоплен.

— Об этом я не слыхал, — мрачно проронил

Джексон.

— Просто у противника было превосходство в огневой мощи. Но он успел донести, что контратакующие британцы получили подкрепление в виде дополнительных кораблей с войсками.

С этим мы ничего не можем поделать — пока. Его противник «Завоеватель» сейчас защищает военные транспорты, продолжающие прибывать из Шотландии, а возможно, и из Англии.

— А как насчет «Мстителя»? Он наверняка может добраться до вражеских транспортов, но все еще стоит тут на приколе.

— По моему приказу. Как вам известно, «Виргиния» направляется сюда из Корка, как только она прибудет, они отплывут вместе. Тогда «Завоеватель» будет не в состоянии защищать себя и охранять военные транспорты в одно и то же время. Несомненно, следует ожидать прибытия дополнительных британских крейсеров. Мы должны воспользоваться случаем до того, как они прибудут.

— Нет ли вестей от «Диктатора»? — Остальные офицеры не решались произнести вслух этот вопрос, вертевшийся у всех на языке, но к Джексону это не относилось. Самый могучий броненосец не участвует в кампании из-за взорвавшегося котла.

— От него вестей не было?

— Никаких. Я отправил один из транспортов на Азоры с указаниями, чтобы он направлялся в Белфаст, как только с ремонтом будет покончено. Нам остается лишь надеяться, что он уже отремонтирован. Мы должны помешать прибытию вражеского подкрепления. Как только наши войска прибудут на фронт, мы должны сделать все, что в наших силах. Как вам известно, мы удерживаем Дублин и Корк с абсолютным минимумом личного состава. Ваши полки — последние резервы, которые я могу отправить генералу Ли. Все остальные уже распределены. Если хоть один человек в силах удержать позиции, то это он.

— С милосердной помощью Господа, — твердо добавил Джексон, человек весьма набожный. — Мы пойдем туда, куда он велит нам идти, и в этом залог нашей победы.

Ва-банк

Главный механик корабля ВМФ США «Диктатор» стоял на судовом мостике, настолько изможденный, что покачивался от усталости. Его одежда почернела от смазки, как и его кожа. Сколько он ни пытался вытереть руки ветошью, все было тщетно. И только его налитые кровью

глаза сохранили свой первоначальный цвет.

— Вопрос прост, — негромко произнес капитан Джонс. — И, полагаю, заслуживает простого ответа. Котел отремонтирован?

Скрутив ветошь жгутом, главный механик выпалил:

— Да, но...

— Никаких «но». Дотянет ли он нас до Ирландии?

С той самой поры, как корабль доставил послание от генерала Шермана сегодня днем, капитан метался на мостике из угла в угол. Уже стемнело, а его судно по-прежнему на приколе. В конце концов, больше не в силах сдерживать свое нетерпение, он послал за главным механиком. И теперь ждал его ответа.

— Он будет держать давление...

— Никаких «но», не забывайте. Дотянет он нас туда?

— Мне бы еще немного времени...

— У вас его нет. Мы отплываем сейчас же.

— Мне нужно хотя бы полчасика.

— Хорошо. После этого отплываем.

* * *

Капитан Фосбери сидел на корме катера, пересекавшего волнующиеся воды устья реки Мерси. Корабль флота Ее Величества «Смелый» неподвижно застыл впереди серым силуэтом на фоне серых небес под серым дождем. Похожи как две капли воды, подумал он. Как и должно быть. Корабли-близнецы. Сам Фосбери командует «Отважным», оставшимся позади. Конечно, его наметанный глаз не мог не заметить кое-какие отличия, но несущественные. Оба корабля построены в Клайде, спущены на воду в одном месяце и по-клайдовски сильны. Катер подвалил к борту броненосца, и послышался свисток боцмана.

— Фосбери, рад вас видеть, — сказал капитан Кокхэм, когда его коллега-капитан вскарабкался на палубу. — Пойдемте вниз, там суше и теплей. — Он утробно кашлянул. — Малость простудился, только ромом и спасаюсь. Составите мне компанию?

Усевшись в каюте капитана, они подняли бокалы в тосте.

— За посрамление врага! — провозгласил Кокхэм.

— И скорую победу. Что вы слышали?

— Да, наверно, то же, что и вы. Американцы вторглись в Ирландию — похоже, вполне успешно, хотя пока ни один из рапортов не заявляет об этом напрямую. Так или эдак, мы высадили войска на берег к северу от Белфаста, но они нуждаются в подкреплении. Мне приказано встретить вас здесь, затем оставаться на месте, пока мы не встретим корабли конвоя, идущего в Ирландию. Сегодня утром они пойдут вниз по реке из Ливерпуля.

— Именно это мне и говорили, — кивнул Фосбери. — С не большим добавлением, что «Завоеватель» опередил нас и уже затопил американский броненосец.

— Да неужто Юпитер-громовержец?! Отлично. Это научит янки не разевать рот на то, что им не по зубам.

Тут первый помощник негромко постучал в дверь и вошел.

— Вверх по реке видны три корабля, сэр. Все идут на пару и под парусом. Один похож на пакетбот.

— Пора мне на свой корабль, — встал Фосбери. — Насколько я помню, вы почти на год старше меня, так что подчиняюсь вашим приказаниям.

— Все просто, старина. Мы встаем между нашими подопечными и противником и заботимся, чтобы их не потопили.

* * *

«Мститель» вышел из Лиффи и встал на якоре в море с подветренной стороны от Минчского маяка. Идущая на всех парах на север «Виргиния» начала передавать сигналы, как только на ней смогли разглядеть сигнальщика на мостике второго корабля. Командор Голдсборо передал скорбную новость об утрате «Верного» вместе со всем экипажем. Обменявшись быстрыми репликами семафором, корабли развернулись и на всех парах устремились на север к Белфасту.

* * *

Миссисипский полк удерживал оборону всю долгую ночь. В часы тьмы ему пришлось отбить не одну вылазку противника. Они стреляли над самой землей, видя противника только во вспышках выстрелов. Потом схлестнулись штык к штыку и сабля к сабле, потому что многие шотландские офицеры были вооружены саблями — грозным оружием в рукопашной схватке

под покровом темноты. В плен и той и другой стороной были захвачены очень немногие. Уже перед самым рассветом пришел приказ отступать. Пулеметы Гатлинга отводили последними, потому что их очереди не давали противнику поднять головы и напоминали, что американцы все еще здесь. Но в конце концов потащили прочь и их — по одному; солдаты толкали их колеса, налегали на веревки, пока не добрались до ждавших лошадей. К рассвету линия фронта была брошена, и обороняющиеся укрылись за новыми укреплениями.

Генерал Роберт Э. Ли стоял на высшей точке линии укреплений, где окопы подходили к подножию холмов. Его правый фланг вгрызся в берег залива Дрейне. Оттуда линия окопов тянулась через холмистую местность до основания холма Робин-Янгс. Солдаты окопались на совесть; этот урок обе стороны прекрасно усвоили во время войны между штатами. Пулеметы Гатлинга были установлены в пулеметных гнездах на линии обороны, а те несколько пушек, которые удалось привезти, расположили на склонах холма позади так, что они могли стрелять поверх окопов. Ли сделал все, что мог. Он предпочитал атаковать, но прекрасно умел строить и крепкую оборону.

Он сделал все возможное, чтобы подготовить позиции. Теперь оставалось только ждать атаки. Генерал спустился к подножию холма, где его дожидались помощники. Должно быть, они допрашивали пленного, потому что он заметил, как двое солдат уводят прочь человека в алом мундире.

— Вы узнали что-нибудь, Эндрюс?

— Так точно, сэр. Теперь там не только шотландские войска. Этот человек из королевского полка из Ливерпуля. Говорит, они приплыли оттуда.

— То есть не из Шотландии?

— Нет, сэр, это в Англии. Это означает, что после первых кораблей, высадивших шотландские войска, прибывали и другие.

Ли угрюмо поглядел в сторону моря.

— По ту сторону целая страна, битком набитая войсками, которые спят и видят, как бы пересечь это море, чтобы дать нам бой. Мы не можем оставаться в оборонительной позиции вечно. Мы должны контратаковать войска, которые уже здесь. Сбросить их в океан, пока к ним не прибыли свежие силы.

— У нас есть флот, сэр, — заметил капитан Эндрюс. — Уж он-то сможет не дать новым войскам

высадиться.

— Я никогда не полагался на флот, отправляясь в бой, — холодно возразил Ли. — Сражения выигрывают сухопутные армии.

Со стороны врага, собравшегося вне досягаемости для американского оружия, донеслись отдаленные сигналы горнов. Британские орудия открыли барражирующий огонь, чтобы прикрыть пехоту, и вражеские цепи под барабанный бой двинулись вперед. Сражение началось. Британский командир не скупился на солдатские жизни. Волны атакующих накатывались одна за другой, угрожая захлестнуть узенькую полоску окопов. Но пулеметы Гатлинга и спенсеровские винтовки сеяли в рядах атакующих смерть и разрушение. Даже отважнейший солдат не может идти в атаку, зная, что в конце его ждет неминуемая смерть. Сперва один, затем другой подались назад, а потом атакующие батальоны в панике обратились в бегство.

Генерал Ли угрюмо смотрел вперед, а затем обернулся, услышав, как кто-то окликнул его по имени.

Генерал Твердыня Джексон соскочил с лошади. Обменявшись с ним рукопожатием, Ли взял его под руку.

— Моя крепкая десница! Мне очень вас не хватало.

— Я уже здесь, и мои полки идут следом за мной.

— Они понадобятся нам все до единого. Потому что мы должны атаковать и уничтожить британцев, пока у нас не кончились боеприпасы. С каждой атакой наши запасы тают. По-моему, это намеренно. Вражеский командир наверняка знает, что мы отрезаны от снабжения. Он обменивает жизни своих солдат на наши пули. Давайте-ка я покажу, что надо сделать.

На карте ситуация выглядела абсолютно ясной. Высокий холм, в который упирался их левый фланг, позади кончался скалистым обрывом. Под скалами находилась долина, охватывающая холм по кругу. Джексон сможет незаметно провести свои войска вокруг основания холма — и напасть на противника с тыла.

— Ударьте покрепче вот здесь, — сказал Ли. — Отрежьте их линии снабжения. Как только вы сделаете это, мы атакуем с фронта.

— Они будут зажаты между нами, и бежать им будет некуда. Бог даровал нам силу и волю. И во имя него мы добьемся успеха.

Полки Джексона даже близко не подошли к око-

пам. Вместо этого, не останавливаясь, они начали форсированный марш вокруг холма Робин-Янгс, чтобы атаковать противника с тыла. Успех или провал всей войны зависел от их выносливости. Джексону уже доводилось быть разящей десницей Ли, одерживающей верх. Теперь ему нужно было проделать это снова.

Победа — или поражение?

Капитан Джонс совершенно не сомневался, что его корабль сможет одолеть любое вражеское судно, встретившееся в море. Броня его не знает равных, с его орудиями не может сравниться ни одно из когда-либо установленных на кораблях. Обе его башни — одна на носу, а одна на корме, несут по две громаднейших пушки Пэррота. Стреляют они новыми закаленными остроконечными стальными болванками, на испытательном полигоне прекрасно пробивавшими любую броню. Капитан не сомневался, что они не подведут и в море. И теперь, вместо того чтобы избрать маршрут от Азорских островов до Ирландского моря, где он мог бы избежать встречи с прочими кораблями, он двигался напрямую к месту назначения.

Со скоростью двенадцать узлов. Он то и дело

колотил кулаком по поручням мостика от отчаяния. Но главный механик не ручался за котлы, если еще поднять давление. Ну, по крайней мере корабль идет, а больше не стоит на якоре. Из штурманской рубки вышел первый помощник, и капитан жестом подозвал его.

— Как мы продвигаемся?

— Медленно, но верно, сэр. Поскольку мы идем к Белфасту по прямой, побережье Ирландии мы увидем лишь за островом Мэн. Сейчас мы, наверное, миновали Дублин...

— Дым на горизонте, прямо по курсу, — крикнул впередсмотрящий. — Несколько судов.

Как ни медлителен был «Диктатор», конвой впереди шел даже медленнее, равняясь на скорость самого тихоходного корабля — колесного пакетбота. На борту «Отважного» капитан Фосбери с трудом сдерживал гнев, глядя вперед на три воинских транспорта, плетущихся следом за «Смелым». Скоро покажется остров Мэн, потом Ирландия.

Эти воды бороздит немало судов, они уже разминулись с двумя кораблями сегодня, так что дыму на горизонте за кормой никто не придал значения. До тех пор, пока первый помощник, следивший за его продвижением, не опустил

бинокль.

— Стальной корабль, сэр, мачт нету. По-моему, порядочных размеров.

Теперь за ним следил и Фосбери, чувствуя, как в душе растет ужас при виде его стремительного приближения.

— Я не узнаю его, сэр, — сказал первый помощник.

— Да вы и не можете. Он не из наших. Проклятье, вы поглядите на размеры орудий в передней башне!

«Смелый» прибавил ходу, обогнал транспортные корабли, оказавшись на расстоянии прямой видимости с «Отважным». Они обменялись сообщениями. Затем сбавили ход, пропуская конвой вперед. Они должны стоять стеной между подопечными и врагом. Они должны дать бой, что бы ни сулил его исход.

А на борту американского крейсера все взоры были устремлены на идущий впереди конвой.

— Боевого класса, — с громадным удовлетворением отметил капитан Джонс. — Броня и на носу, и на корме, а цитадель защищает наклонная броня. — Он видел рапорты, присланные из военного министерства: ирландские рабочие с верфей весьма детально сообщали об этих кораблях

Фоксу в своих донесениях. —

Ну, посмотрим, как они выстоят против двенадцатидюймовых снарядов. Расстояние?

— Тысяча триста ярдов, — доложил наводчик.

— В пределах радиуса. Одиночным огонь!

Пару секунд спустя раздался оглушительный грохот, и стальной корабль содрогнулся от отдачи. Стоя прямо позади башни, Джонс отчетливо разглядел черную полоску снаряда, поднимающуюся на фоне синевы небес, чтобы затем устремиться вниз, к вражеским кораблям. Из моря поднялся громадный фонтан воды, почти окативший оба броненосца.

— Недолет! — крикнул капитан. — Следующий ляжет прямо в цель!

Следующий взрыв был слабее, глуше. Но орудия не стреляли. Капитан Джонс с ужасом ощутил, что корабль замедляет ход, теряя скорость, — винт остановился.

Снова котел...

Два британских броненосца, собиравшиеся биться насмерть в надежде, что смогут не подпустить этого монстра к своим подопечным, просто не могли поверить своей удаче. Американский голиаф потерял ход и остановился, покачиваясь на волнах. «Отважный» выпустил белый плюмаж

пара в долгом гудке победы. Они набрали ход и поспешили за своими подопечными. А оставшийся позади «Диктатор» становился все меньше и меньше, пока окончательно не скрылся из виду.

* * *

А менее чем в сотне миль впереди «Мститель» и «Виргиния» разглядывали черную громаду британского броненосца, стоявшего неподалеку от ирландского побережья. Наверняка тот самый корабль, который потопил «Верного».

«Завоеватель» взял мористее, чтобы иметь пространство для маневра. Развернулся, нацелил пушки на несущиеся к нему американские броненосцы.

«Мститель», шедший первым, проскользнул менее чем в двадцати ярдах от британского корабля. Их залпы раздались почти одновременно; пелена, сотканная из огня и дыма, связала оба корабля. Но грохот металла о металл заглушил взрывы. Когда они разминулись, ни тот ни другой корабль не понес серьезного урона. Оба были ровней друг другу и по огневой мощи, и по броне.

Но к «Виргинии» это не относилось. Прежде чем «Завоеватель» успел перезарядить орудия по левому борту, американский броненосец настиг

его. «Завоеватель» пытался развернуться, чтобы направить на цель орудия штирборта, но у него просто не хватило времени. Две пушки передней башни выстрелили. 12-дюй-мовые пушки Пэррота, заряжающиеся с казенника, остроконечные стальные бронебойные снаряды. Впервые эти орудия выстрелили во гневе.

Оба снаряда взорвались как один. Дым тут же развеялся, и когда кормовая башня «Виргинии» поравнялась с вражеским кораблем, в борту у него зияла чудовищная пробоина. Обе кормовых пушки выстрелили в разверстую рану.

Четыре фугасных снаряда смертельно ранили «Завоевателя». Из рваной дыры повалил дым, а потом прогрохотал еще один взрыв, из пробоины вырвалось пламя. Взорвались боеприпасы. Когда американские корабли поворачивали, британец уже оседал в воде, задрав нос. А затем огромный корабль под рев вырывающихся пузырей ушел под воду.

Оба броненосца сбавили ход, чтобы собрать немногих выживших. Гордости британского флота больше не существовало.

* * *

Со склонов поросшего лесом холма генерал Твердыня Джексон видел тыл вражеских позиций. Группа офицеров держала совет, а мимо проходило отделение солдат: раненых выносили на носилках.

— Пять минут, — приказал он, и его изнуренные солдаты повалились на землю под деревьями. Дисциплина на марше соблюдалась неукоснительно, до сих пор они даже не прикасались к своим флягам. И теперь пили взахлеб, утоляя жажду. Проверили, заряжены ли винтовки, затем примкнули штыки.

— И чтобы никакого крика, пока не ударим по ним, слышите, — велел главный сержант. — А потом орите во всю глотку, будто черти в аду. Попотчуйте их холодной сталью и горячим свинцом. Дайте им жару, тигры!

Сигнал был передан по цепи, и они встали, ожидая команды. Все взгляды были устремлены на генерала Джексона, вышедшего на солнце и медленно вытащившего саблю. Он поднял ее высоко над головой, а затем наотмашь рассек воздух сверху вниз. Цепи облаченных в серые мундиры солдат безмолвно вышли из-под деревьев, шагая

вперед все быстрее и быстрее, — а затем устремились бегом вниз по склону.

Для врага это было полнейшей неожиданностью. Главный сержант протопал мимо Джексона и врезался в сбившихся в кучу офицеров — всадив штык в того, у кого было больше золоченой куриной требухи на головном уборе. Джексон не отставал от него. Его сабля разила направо и налево.

Атакующие врезались в тыл британцев, прокладывая себе путь штыками. Раздался выстрел, затем еще — и воинственный рев тысячи глоток слился в единый грозный клич.

Обороняющиеся четко расслышали гром стрельбы и пронзительные крики.

— Теперь наша очередь, — провозгласил генерал Роберт Э. Ли. — Мы сдерживались чересчур долго. Теперь давайте-ка отплатим им той же монетой!

Его солдаты, засидевшиеся в окопах, лавиной повалили через каменные и деревянные баррикады и набросились на врага.

Внезапность атаки, грубая сила штыков и ливень пуль из скорострельных спенсеровских винтовок очистили поле боя. Сбившиеся в кучи люди сражались и погибали. Британские сол-

даты пытались бежать, но бежать было некуда. Лишенные руководства — их офицеры были или захвачены в плен, или убиты, — оставшиеся без боеприпасов, цепенеющие от ужаса, они просто не видели иного выхода.

Бросив оружие, они сдались. А на море разыгрывалось последнее сражение.

Американский крейсер «Виргиния» и не отстающий от нее «Мститель» на всех парах шли к приближающемуся конвою. Стоя на мостике «Виргинии», капитан Рафаэль Семс разглядывал через бинокль два броненосца с развевающимися «Юнион Джеками» и изготовленными к бою орудиями. А позади них легли в дрейф три военных транспорта.

— Ну, судя по всему, они хотят дать нам бой, — заметил Семс, опуская бинокль и покачивая головой. — Какая самонадеянность! — Он обернулся к первому помощнику лейтенанту Сойеру. — Спустите катер. Возьмите скатерть и размахивайте ею. Скажите капитану, что, если он сложит оружие, мы пощадим его людей — и его корабль. В качестве веского аргумента можете рассказать ему, что случилось с «Завоевателем». — Те немногие, кто выжил в сражении, назвали свой корабль.

Капитан Фосбери смотрел на приближающийся катер со смешанным чувством. Он видел калибр орудий, направленных на него, и знал, что ему предложат. Жизнь — или смерть. Но есть ли у него выбор? Выслушав лейтенанта Сойера, он ужаснулся вести о «Завоевателе».

— Со всем экипажем, вы говорите?

— Выживших меньше дюжины. С одного залпа. Как по-вашему, долго ли выстоит ваш корабль?

— Я ценю вашу заботу, — Фосбери весь подобрался. — Но, видите ли, у меня нет выбора. Я никогда не смогу пережить бесчестья, если сдамся, не сделав ни единого выстрела, при первой же встрече с врагом. Бесчестье...

— Ваша смерть — смерть вашего экипажа. Есть вещи похуже бесчестья.

— Для колониста быть может, — огрызнулся Фосбери. — Но не для джентльмена. Покиньте мой корабль, сэр. Полагаю, ответ вам ясен.

— Значит, они весьма щепетильны в вопросах чести, а? — сказал капитан Семе, когда Сойер прибыл с докладом на мостик. — Дайте сигнал «Виргинии». От сдачи отказались. Стреляю высоко, чтобы вывести из строя орудия, но не затопить корабль. Удачи.

Три войсковых транспорта сдали назад, как

только два американских броненосца устремились на их защитников.

Это было не сражение, а целенаправленное избиение. Британские ядра отскакивали от крепкой американской брони.

Зато американские орудия осыпали их снарядами, превращая в исковерканные остовы. При этом стреляли они высоко. Расстрелянные и изувеченные, но все еще остающиеся на плаву, британские броненосцы в конце концов выбросили белый флаг.

Честь капитана Фосбери не пострадала. Зато сам он погиб.

«Мститель» остался у изувеченных британских броненосцев, а «Виргиния» устремилась за транспортами, обратившимися в бегство, как только начался бой. Находящиеся в них войска будут высажены на берег и отправятся прямиком в лагерь военнопленных.

Все висело на волоске, но британская контратака не удалась. Ирландия больше не входила в Великобританию. Но и не стала еще полноценной державой. Ей предстояло пройти еще долгий путь, прежде чем настанет этот счастливый день.

Победа!

Для Генри, лорда Блессингтона, было совершенно очевидно, что в Ирландии происходит нечто очень тревожное. Три долгих дня он следил и выжидал, прислушиваясь к разговорам слуг и пытаясь отделить домыслы от фактов. Сделать это было очень трудно. Из верхних окон замка Трим он видел солдат, марширующих на север. На второй день мимо проскакал эскадрон кавалеристов, и в тот же день издали докатился грохот канонады.

На третий день он отправил своего управляющего верхом в Дрохеду, чтобы тот выяснил, что удастся. Управляющий — ирландец, но вполне благонадежный человек. По крайней мере, до сей поры. А вот теперь он вернулся и стоял перед лордом, дрожа от переполняющих душу чувств. Рили никогда не отличался избытком воображения, и Блессингтон еще ни разу не видел его таким, как сейчас, — стоя посреди кабинета, тот комкал свою шляпу, не находя слов.

— Да сядь же, человече, сядь и возьми себя в руки, — не вытерпел Блессингтон. — Выпей вот это. — Он подвинул через стол бокал с бренди и сам опустился в большое кресло спиной к окну.

— А теперь поведай мне, что ты узнал.

Рили выпил залпом, поперхнулся и взахлеб закашлялся. Потом утер рот и лицо громадным платком, который извлек из рукава, после чего выудил из кармана сюртука маленькую книжечку в кожаном переплете, которую всегда носил с собой. Казалось, приступ кашля излечил его от немоты.

— Я делал записи, ваша светлость. Я пошел к секретарю городской корпорации и узнал у него. У него там были кое-какие телеграммы, и он дал мне их посмотреть. Похоже, американские солдаты захватили Дублин. Они повсюду.

— Захватили Дублин? Как... И как они сюда попали?

— Да кто знает? О, чего я только не понаслушался, разговоров хоть отбавляй. Одни говорят, что они пришли морем с огромадным флотом. Кто-то сказал, что видел собственными глазами, как они высаживались тысячами, на лодках и баржах вниз по каналу Ройял и Лиффи. Но одно наверняка, и все, что я слышал, сходится с этим: они тут, и их ужасно много. И раненые есть, и в больнице, где они находятся, говорят о большущем сражении в Кьюрра.

— Да, там без сражения не обойдется, — под-

твердил Блессингтон и едва не сказал «у нас», но вовремя прикусил язык. — Там расквартировано не меньше десяти тысяч солдат. Наверное, речь об этом!

— И вправду, сэр, я уверен, так оно и есть. А еще масса народу, кто верит, будто американцы приехали поездом, и видели, как они сходят.

— Да, конечно, именно так они должны были поступить. Искренне верю. Я бывал в Америке. Они знают толк в железных дорогах. — Встав, он постучал по карте в рамке на стене. Она изображала замки и гербы, означающие поместья знати в Ирландии, и все же из-за этих щитов и доспехов проглядывала карта. — Они высадились здесь, в Голуэе, даю гарантию. Подавили местное сопротивление, где наткнулись на него, потом доехали поездами до Дублина. А как насчет остальной Ирландии? — Он снова повернулся к Рили. — Что слышно?

— Видно, ваша светлость. На воротах почты висит большущее объявление. Я списал его сюда, только самую суть, насколько мог, народ прямо-таки дрался, чтобы подобраться поближе и прочитать. Там сказано, Корк взят и весь юг Ирландии в руках Освободителей. Это так они теперь себя называют, Освободители.

— Еще бы, как же иначе? — с горечью бросил лорд. — Но что насчет Белфаста?

— Там яростные бои, вот что там сказано. Но Белфаст одолели, Ольстер сдался, а Ирландия едина, неделима и свободна. А военное положение, комендантский час от заката до рассвета будет снят, как только подавят очаги сопротивления. Это не мои слова, я списал, что видел.

— Да, Рили, спасибо. Отличная работа. — Блессингтон отослал управляющего взмахом руки и снова обернулся к карте, пробормотав под нос: — Поезда...

Как просто, если вдуматься! О войсках на западе и говорить-то смешно. Сам Блессингтон их даже и не видел. Захватчики могли высадиться, где им вздумается, да наверняка мятежники встречали их с распростертыми объятиями. От Лимерика до Корка. От Голуэя до Дублина. От Лондондерри до Белфаста... «А вот на севере им пришлось туго, ручаюсь. Тамошний народ лоялен. Не то что юг Ирландии. Гадючье гнездо фениев». Он отвернулся от карты, и в этот момент дверь кабинета распахнулась.

— Видела, как Рили выходил, — сказала леди Сара Блессингтон. — Он что-нибудь выяснил о... проблемах?

— А то как же! Проблемы, как вы сочли уместным назвать их, это дерьмовое вторжение и дерьмовая война! — Зная, что жене не по душе вульгарные выражения, на сей раз он употребил их с каким-то извращенным удовольствием. Она англичанка по рождению, приходится очень дальней родней королеве, о чем с гордостью то и дело ему напоминает. Она распахнула глаза, но не позволила втянуть себя в перепалку.

— Война?

— Похоже, новые хозяева Ирландии — американцы. Пока наши войска валандаются в Мексике, строя планы каких-то ерундовых атак, американцы явились сюда. Сейчас.

— А наши войска? — переспросила Сара, сделав упор на слове «наши».

Генри отвернулся, стискивая кулаки, устремив невидящий взгляд за окно. Он-то родом из насажденных джентри, один из капли титулованных протестантов в море католиков. Ирландец по рождению и воспитанию, не считая пары лет учебы в Кембридже, он ни то, ни это, ни посередке. У Сары таких проблем нет. Урожденная англичанка, она носит родину в сердце. Но как быть с ним? Куда податься? Что ждет его в будущем?

Патрик Рили, управляющий имением зам-

ка Трим, подобными проблемами не терзался. Покинув замок, он зашагал мимо ряда тесно выстроившихся, стена к стене, домиков. Входная дверь его дома открывалась прямо в кухню. Там его дожидались блессингтонский дворецкий Питер и старший конюх Симус. Кивнув им, Рили взял каменный кувшин и поставил стаканы для всех троих. После чего плеснул в них по изрядной порции виски.

— За Ирландию — наконец-то дождавшуюся свободы! — провозгласил он, поднимая стакан.

— Значится, правда, — догадался Питер.

— Такая ж правда, как то, что я сижу тут перед вами и пью из этого стакана.

— Так не только слухи? — переспросил недоверчивый, как всегда, Симус.

— Да прочти это в газете сам, — Рили извлек из кармана фрака экземпляр «Айриш тайме» и припечатал газету ладонью к столу. Черные буквы заголовка прямо-таки бросались в глаза:

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИРЛАНДИИ

— Слава богу, — вполголоса проговорил Питер, погладив газету тыльной стороной ладони нежно, как щеку возлюбленной.

— Я закинул его светлости словечко-другое

насчет того, что творится. Но эта газета моя, для моих детей и ихних детей и внуков, — молвил Рили. — Это исторический день.

— И вправду, — согласился Питер, наклоняясь, чтобы прочесть благословенные слова.

* * *

Генерал Уильям Тикамси Шерман тоже любовался жирным шрифтом заголовка в «Айриш таймс». Первый выпуск газеты, напечатанный с той поры, как его армия добралась до Дублина. Сквозь открытое окно доносился шум ликующей толпы на Сэквилл-стрит. Как только телеграфные линии были восстановлены, генерал перенес свой штаб в здание почтамта; в конце концов, все линии сходятся сюда. Один из его помощников повесил полотнище его боевого знамени на шесте рядом с главным входом. Теперь на улице негде яблоку упасть от людей, пришедших поглядеть на флаг и поприветствовать армию-освободительницу.

— Вы их кумир, генерал, — сказал Фрэнсис Мигер, переступая порог.

— Вы заслужили эту честь ничуть не меньше — вы и весь личный состав Ирландской бригады. Первые в бою, первые в мирной жизни. Нам бы

следовало повесить ирландский флаг рядом со звездно-полосатым.

— Мы бы так и сделали, кабы могли. Да только у нас нет такого. Пока. По-моему, это надо решить первым делом. Ну, что-то я совсем потерял голову. Я чего пришел-то: телеграф до Лимерика снова заработал. Войсковой транспорт «Звезда Мемфиса» закончил погрузку и только ожидает пакета.

— Отлично. Вот он. Адресован президенту Линкольну. — Шерман вручил конверт ординарцу, поспешившему прочь. — «Звезда Мемфиса» — самый быстрый из наших кораблей. Везет в трюме партию британских пленных. Капитан заверил меня, что судно сможет делать двадцать один узел всю дорогу до Галифакса в Новой Шотландии — именно там заканчивается новый кабель до Соединенных Штатов. Сообщение ляжет президенту на стол, как только корабль причалит.

— Вот уж чудеса современной телеграфной связи! — покачал головой Мигер. — Мы живем в совершенно новом мире.

* * *

Хей вошел прямо посреди заседания кабинета министров с телеграммой в руке и положил ее на стол перед президентом.

— Депеша от генерала Шермана, которой вы дожидались, господин президент.

Беря очки, Линкольн заметил, что пальцы его слегка дрожат. Но голос его был тверд, когда он зачитывал текст телеграммы вслух.

— «С громадным удовольствием извещаю вас, что наши войска в Ирландии добились успеха на всех фронтах. Десанты в Лимерике и Голуэе практически не встретили сопротивления, так что атаки на Дублин и Корк прошли, как запланировано. Британские войска, оборонявшие Дублин, оказали яростное сопротивление, но их поражение было предрешено. То же самое можно сказать о Корке. Совместная операция с флотом увенчалась блестящим успехом во всех городах. Однако защитники Белфаста и контратаковавшие войска на севере оказали мощное сопротивление. Но в конце концов они были подавлены и разгромлены.

Я объявил военное положение вплоть до того времени, пока не будут нейтрализованы все гарнизоны и очаги сопротивления вражеских войск, которые мы обошли ради молниеносного нападения. Они не представляют реальной угрозы, поскольку крайне немногочисленны и дезорганизованы. И посему могу утверждать, что

мощь нашей армии возобладала. Ирландия свободна». Подписано генералом Уильямом Тикамси Шерманом.

— Насколько я понимаю, пять суток от начала до конца, — произнес военный министр. — История видела Сорокалетнюю войну, равно как и прочие конфликты — и подольше, и покороче. Но, джентльмены, не думаю, чтоб история хоть раз прежде видела войну, начавшуюся и окончившуюся менее чем за одну неделю. Это война совершенно нового рода, точь-в-точь как говорил нам генерал Шерман. Молниеносная война, во время которой противника ошеломляют натиском, кончающаяся чуть ли не до того, как он обнаружит, что его атакуют. Ирландия взята, узурпатор поражен, дело сделано.

— За что мы весьма и весьма благодарны, — утомленно проронил Линкольн. — Лично я устал от войн, как бы молниеносно они ни проводились, как бы стремительно ни выигрывались. Быть может, наши британские собратья прочтут огненную надпись на стене и начнут что-то понимать. Довольно воевать. Мы ждем от будущего только мира. Мое заветное желание, чтобы они теперь вывели свои войска из этого полушария и вместе с нами устремились в мирное будущее.

* * *

— Это невозможно! — верещала королева Виктория. Ее лицо даже под белой маской пудры от гнева стало совершенно пунцовым. — Вы стоите перед нами и говорите, что мы больше не королева Ирландии.

Лорд Пальмерстон склонил голову в горестном поклоне.

— Похоже, Ваше Величество, это именно так. К нам пришло по телеграфу донесение «Завоевателя» о разведке Корка. В Северной Ирландии шотландские войска отступили с боями и вернулись с вестью, что Белфаст тоже взят. Кроме того, прибыла телеграмма из Холихеда, что пакетбот из Кингстона прибыл по графику, впервые за неделю. На борту только британские пассажиры, экипаж судна недоукомплектован, поскольку в нем остались только британские матросы. Однако он доставил ирландскую газету, каковая, от слова до слова, передается по телеграфу сюда в то самое время, пока мы говорим. — Выпрямившись, он

протянул королеве стопку телеграфных бланков. — Вот что прибыло первым. Тут довольно подробно сказано о поражении наших войск и

ликовании местного населения по поводу того, что здесь упоминается как избавление от английского ига...

Тут Пальмерстон смолк, осознав, что королева больше не слушает. Она хныкала, едва не теряя сознания, проливала слезы в платок, который держала одна из фрейлин. Бормоча извинения, лорд Пальмерстон с поклоном удалился.

— Вот уж чертовски беспросветный день! — буркнул он, как только дверь закрылась за ним. Сунул бумаги в карман и развернулся, чтобы покинуть дворец.

— Проклятье! — рявкнул он на дрожащих королевских лакеев. — Это не конец, клянусь, а самое начало! И кончится это, лишь когда эти американцы будут уничтожены, уничтожены все до последнего! Нас застали врасплох, вот и все. Это зло не может восторжествовать.

Рождение новой Ирландии

Было воскресенье — первое воскресенье со времени краткой битвы за Ирландию, кончившейся победой американских войск. Колокола церквей звонили по всему краю, и во многих храмах возносились благодарственные молитвы, а пришедших на службу солдат ждал теплый

прием. Улыбки и рукопожатия, и, что даже лучше, в пабах напитки для них лились рекой, и не могло быть и речи о том, чтобы эти отважные люди из-за моря платили за выпивку.

Это на юге.

А на севере Ирландии, в Белфасте, в городах, через которые прошли американцы, католики шли на мессу в молчании, они шагали по мокрым от дождя тротуарам, не поднимая глаз друг на друга. И лишь когда оказывались в церкви и двери ее были заперты, они осмеливались заговорить, возглашая вопросы, на которые не было ответов.

В Портстюарте католическая церковь стояла рядом с песчаными дюнами, неподалеку от пляжа, где высадились американцы. Священник стоял в дверях, когда длинная вереница солдат в серых мундирах пришла с пляжа и миновала его церковь. Некоторые по пути махали ему. А другие — к его изумлению — даже крестились[62], проходя мимо церкви. Улыбаясь во весь рот, он осенял их крестным знамением, благословляя снова и снова. Теперь настало время поведать об этом пастве. Как только он поднялся на кафедру, разговоры стихли.

---

[62] Примечания: 62
Что выдает их католическое вероисповедание.

— Мы должны хранить молчание — и не терять надежды. Эти две вещи мы должны сделать первым делом. Молчать, ибо участь Ирландии нам неведома. Мы видели американскую армию, двинувшуюся на юг. Нам остается уповать, что там она добилась полного успеха, как и в остальной Ирландии. Заняли ли они юг? Мы не знаем. Нам остается лишь надеяться — и молиться. Молиться, чтобы эти люди из-за моря пришли сюда объединить Ирландию, даровать ей свободу, которой она еще не знала прежде. Мы можем молиться, молиться от всей души за их успех. Но мы должны молиться в молчании до той поры, пока не узнаем об участи Ирландии. Склонить головы и молиться в надежде, которую они принесли на эти многострадальные берега.

В Белфасте в протестантских конгрегациях царил холод под стать зябкому ветру и хлесткому дождю, изливающемуся с низких октябрьских небес. Генерал Роберт Э. Ли и его офицеры выехали из ратуши, где они устроили свой штаб, в пресвитерианскую церковь на Мей-стрит, куда джентри собрались на воскресную службу. Мимо на рысях проехал кавалерийский эскадрон, и Ли ответил на приветствие солдат, попутно отметив, что перед правительственными зданиями

стоят часовые. Чрезвычайного положения еще не отменяли.

Когда американские офицеры, пройдя между высокими колоннами, вошли в церковь, прихожане с шуршанием заерзали и начали негромко перешептываться. Преподобный Иан Крейг только что подошел к кафедре и, хотя был весьма велеречив во всякое другое время, в эту минуту не нашел слов. Военные спокойно прошли к переднему ряду сидений, поспешно покинутому теми немногими прихожанами, которые примостились там, и уселись. Сидя по-военному прямо, держа шляпы на коленях, офицеры выжидательно глядели на преподобного Крейга. Молчание затягивалось, но в конце концов он откашлялся и заговорил.

Он возгласил проповедь об искуплении грехов и братской любви, оказавшуюся неожиданно краткой для него. Он не встал у дверей, когда его паства выходила, как собирался, а вместо этого поспешил в ризницу.

— Как поживаете, мэм? — генерал Ли приподнял шляпу перед облаченной в черное пожилой женщиной, шедшей по проходу. Охнув, она с ужасом поглядела на него и поспешила прочь, как и остальные.

— Смахивает на то, что они считают, будто могут подцепить от нас что-нибудь этакое, — заметил Джеймс Лонгстрит.

— Может, так и есть, — Ли загадочно улыбнулся.

Когда он вернулся в штаб, дежурный офицер доложил:

— С вами просит встречи делегация местных, генерал.

— Сколько человек?

— Мэр, мистер Джон Литл, и десять членов муниципального совета Белфаста.

— Слишком много. Скажите, что я встречусь с мэром и еще одним из них, этого вполне достаточно. Но перед тем как впустить их, пошлите за военврачом Рейнольдсом.

Он просматривал скопившиеся на столе донесения, пока не вошел Рейнольдс.

— Садитесь, Фрэнсис, и глядите соколом. Местные наконец-то решились поговорить с нами.

— Что ж, весьма рад слышать. Любопытно, что они имеют сказать.

— Скорее всего жалобы, — предположил Ли и не ошибся.

— Мэр Литл, советник Мьюлан, — доложил сержант, впуская обоих.

Литл — толстяк в черном сюртуке — прямо-таки кипел от гнева.

— Я протестую, сэр, против исключения советников...

— Пожалуйста, присаживайтесь, джентльмены, — перебил его Ли. — Я генерал Ли, военный комендант этого города. А это военврач Рейнольдс, член моего штаба. В этом городе действует чрезвычайное положение, и только мне решать, каковы будут размеры всех собраний — как публичных, так и частных. Уверен, вы это понимаете. Итак, чем могу служить?

Тяжело плюхнувшись в кресло, Литл некоторое время перебирал звенья золотой часовой цепочки, прежде чем заговорить.

— Вы говорите, чрезвычайное положение, сэр? А с какой это стати и надолго ли?

— Я объявил чрезвычайное положение, потому что эта страна пребывает в состоянии войны между двумя противоборствующими военными группировками. Как только сопротивление врага будет подавлено и восстановится мир, чрезвычайное положение будет отменено.

— Я протестую. Вы стреляли по вооруженным силам нашей страны...

— Этого я не делал, сэр, — резко, ледяным тоном

отрезал Ли. — Эта страна — Ирландия, а я воевал только с британскими войсками.

— Но мы британцы, мы протестуем против вашего присутствия здесь, против вашего вторжения...

— Если вы позволите мне высказаться, — невозмутимо проронил Рейнольдс, — я бы хотел указать на ряд неопровержимых истин.

— Вы не американец, — с упреком отозвался Мьюлан, услышав ирландский акцент Рейнольдса.

— А-а, как раз напротив, мистер Мьюлан. Я рожден в Дерри и получил образование здесь, в Белфасте, но я такой же американец, как и присутствующий здесь генерал. Мы — нация эмигрантов, как и вы.

— Ничего подобного!

— Я бы хотел напомнить вам, что вы националист и протестант и ваши предки эмигрировали из Шотландии несколько веков назад. Если вы желаете вернуться в эту страну, генерал Ли проинформировал меня, что вы вольны так и поступить. Если же вы останетесь здесь, с вами будут обращаться справедливо, как со всяким другим ирландцем.

— Вы католик до мозга костей, — буркнул

Литл.

— Нет, сэр, — холодно возразил Рейнольдс. — Я ирландский католик, а ныне гражданин Америки. В нашей стране церковь полностью отделена от государства. У нас нет официальной государственной религии...

— Но вы выступите на стороне католиков против протестантов, вот что вы сделаете...

— Мистер Литл, — хлестко, как кнут, прозвучали слова Ли, заставив мэра прикусить язык, — если вы пришли сюда ради религиозных дебатов, можете удалиться прямо сейчас. Если же вы пришли как выборный представитель этого города, то назовите нам причины своего визита.

Литл тяжело дышал, не в силах говорить. Молчание нарушил советник Мьюлан.

— Генерал, протестанты на севере — народ, подвергавшийся множеству нападок и злостно оклеветанный, ныне живущий в мире и ладящий между собой. Мы народ тружеников, выстроивших Белфаст за считаные годы и сделавших его преуспевающим, растущим городом. Мы ткем лен и строим корабли. Но если мы объединимся с отсталым югом, тут уж без перемен не обойдется, я уверен. Наше прошлое было бурным, но, мне кажется, оно позади. Что же теперь будет с нами?

— С вами и всеми прочими жителями этой страны будут обращаться на равных. Я искренне надеюсь, что все вы последуете примеру народа Канады, где были проведены всенациональные выборы и демократически избрано правительство. Мы надеемся, что то же самое в ближайшем будущем произойдет и в Мексике, как только оккупационная армия будет изгнана из нее.

— Но если вы позволите им править нами, начнутся убийства на улицах...

— Мистер Литл, — негромко отозвался Рейнольдс, — больше нет никаких их. Теперь есть только демократия, при которой все люди равны. Один человек — один голос. Я-то думал, что, будучи выборным представителем, вы должны уважать этот факт. Ирландией больше не будут править сверху заморские монархи или самозваные аристократы. Вы свободный человек и должны быть благодарны за эту свободу.

— Свободу?! — крикнул тот. — Нами правят захватчики!

— Пока что, — невозмутимо молвил Ли. — Но когда у вас пройдут выборы, мы с огромной радостью удалимся. Тогда у вас будет собственная полиция для вашей защиты и собственная армия для защиты от грозящих вам иностранных

вторжений. Мы предлагаем вам свободу от иностранного правления. С вашей стороны было бы глупо отказываться от нее.

Мэр источал открытую ненависть. Всем присутствующим было ясно, что его протестантское большинство в Северной Ирландии теперь станет меньшинством в католической Ирландии, хотя никто и не высказал этого вслух.

— С чего вы это взяли, что в новой Ирландии не найдется места для вас? — мягко продолжал военврач Рейнольдс. — Раз мы сражаемся за справедливость, мы сможем забыть прошлые раздоры. Неужели эта цель не стоит усилий? Вы видите, что на мне синий мундир, а на генерале Ли — серый. Вы знаете, что это означает? Мы прошли через ужасную гражданскую войну, где брат убивал брата, а теперь оставили это в прошлом и живем в мире. Неужели вы не можете забыть свои племенные разногласия и жить в мире со своим братьями, делящими с вами этот остров? Это ли не достойная цель?

Ответом ему послужило лишь угрюмое молчание. Но, судя по выражению лиц посетителей, обоих ничуть не увлекала перспектива нового мира. Наконец Ли нарушил молчание.

— Вы можете идти, джентльмены. Пожалуйста,

обращайтесь ко мне в любой момент по вопросам, касающимся общественного блага. Мы все на одной стороне, как столь красноречиво поведал нам мистер Рейнольдс.

На стороне мира.

* * *

Несмотря на отказ генерала Шермана подпустить его хоть на пушечный выстрел к флоту, отправлявшемуся на бой, Джон Стюарт Милл все-таки ухитрился прибыть в Ирландию, как только военные действия окончились. Он обратился непосредственно к президенту Линкольну, тот переговорил с министром военного флота, который доверил дело адмиралу Фаррагуту, в свою очередь обратившемуся за помощью к командору Голдсборо. Голдсборо внес чрезвычайно практичное предложение, чтобы Милл увидел войну с палубы его корабля «Мститель». Поскольку у британцев не было броненосцев, которые могли хотя бы сравняться с «Мстителем» по силе, его безопасности совершенно ничто не угрожало. Миллу пришлись весьма по душе эти боевые действия, особенно когда громадный корабль стрелял по невидимой цели в Дублине, пользуясь самыми современными способами связи, и таким обра-

зом заставил британские войска в Дублинском замке сдаться. Сойти на берег Миллу позволили, лишь когда режим чрезвычайного положения был смягчен. И даже несмотря на это, от порта до Фиксуильям-сквайр его сопровождал эскадрон кавалеристов, а в карете с ним сидел адъютант генерала Шермана полковник Робертс.

— Это великолепный город, — сказал Милл, глядя на осененную листвой деревьев площадь и дома эпохи Георгов, обступившие ее.

— Вон там, номер десятый, — указал капитан. — Он безраздельно ваш. Мы пока не знаем, кто владелец, зато знаем, что он уехал с одним-единственным чемоданом на первом же пакетботе из Кингстона, когда боевые действия закончились. Так что дом в вашем полном распоряжении.

Когда они входили, двое солдат, стоявших перед домом на часах, отсалютовали им.

— Чудесно, чудесно, — приговаривал Милл, когда они шагали через элегантные комнаты, любуясь замечательным садом на заднем дворе. — Вполне подходящая обстановка для основания нового государства. Здесь встретятся люди, в чью задачу это и будет входить. Благодарение небесам, что у них есть такой великолепный образец перед глазами, которому еще не исполнилось

и века.

— Боюсь, я что-то не улавливаю, сэр.

— Чепуха, мой дорогой друг, вам все известно об этом Союзе, за который вы сражались. Вы должны гордиться им. У вас есть свой собственный конгресс и своя собственная конституция. Ваши отцы-основатели взяли в качестве эталона власть закона и конституционную ответственность, как указал лорд Кок. Я весьма и весьма надеюсь, что Ирландия в свою очередь будет ориентироваться на этот образец. Первым делом конгресс, а затем и конституция. Не забывайте, что на протяжении всего революционного периода американцы упирали на свои права и на то, что ущемление этих прав нарушает конституцию и потому незаконно. Однако эти требования покоились на весьма шатком законодательном фундаменте, пока права американцев не были закреплены в письменном виде. Подобная защита пришла с принятием письменных конституции и биллей о правах в Штатах, как только независимость разорвала их связь с империей. Американская армия вполне преуспела в том, что порвала узы, связывавшие Ирландию с Великобританией. Теперь вы наверняка гадаете, каким образом блюсти права, гарантированные этими действиями?

Полковник Робертс ни о чем таком и не думал. На самом деле он скорее предпочел бы оказаться в жаркой сече, чем выслушивать невразумительные восторженные сентенции Джона Стюарта Милла.

— Гарантированные права... — в конце концов пробормотал он. — Блюсти?

— Конечно, их следует защищать. И американский гений проявился в приспособлении системы сдерживания и уравновешивания. Конечно же, ответом на этот вопрос, в высшем его проявлении, служит судебное рассмотрение. Это функция Верховного суда. Ирландия весьма нуждается в этом правлении закона. Ибо британцы никогда не считали Ирландию целостной частью Соединенного Королевства наподобие Шотландии, считая ее отдаленной и определенно отдельной частью. Отсталым краем, отличающимся ретроградским стилем жизни и мышления. Все это переменится. Ставшую новой демократией, наконец-то отделившуюся страну ждет лишь блистательное будущее.

17 марта 1864 года

Вероятно, этот солнечный рассвет, осиявший море золотыми лучами, призвала одна лишь

сила молитв, возносившихся из каждой церкви всего края. Ибо более двух недель непрерывно, безжалостно, жестоко лил дождь, пока все не начали дивиться, как это Ирландию просто не смыло в океан. И уж конечно, все

без исключения молились, чтобы дождь окончился в этот важнейший из всех дней.

И все равно в среду от рассвета до заката лило ничуть не меньше, чем до того. Зато утром четверга, утром дня святого Патрика — утром рождения страны — на небе не было ни облачка.

Лучи солнца рассеяли туман, стелившийся над травой в дублинском Феникс-парке. В недвижном воздухе далеко разносился стук молотков по дереву: плотники спешно доделывали трибуны. Солдаты в новеньких, с иголочки, темно-зеленых мундирах четко печатали шаг и отдавали честь, сменяя друг друга на посту, но — ах! — в их шагах звучал новый ритм.

— Это великий день, — сказал командир старого караула.

— Да, и великий день для старушки Ирландии, — отозвался командир нового.

Город пробуждался, струйки дыма тянулись в небо из мириада труб. Слышалось цоканье копыт по булыжнику — это пекари в своих повозках объ-

езжали клиентов. Над Сэквилл-стрит, через улицу от почтамта, у открытого окна отеля «Грэшем» стоял человек, наслаждаясь свежим утренним воздухом. Он погладил длинными пальцами длинную седеющую бороду, и напряженные морщинки на лбу и у глаз слегка разгладились.

— Отойди от окна, пока не отправился на тот свет, — окликнула его Мэри, утопавшая в пышной перине.

— Да, матушка, — отозвался Авраам Линкольн, закрывая окно. — Но это славный день, как раз под стать столь славному событию.

— Ты же сказал, церемония в полдень. Наверное, у нас еще есть время...

Присев на кровать, он похлопал жену по руке.

— В нашем распоряжении целая вечность. Карета приедет в одиннадцать. Это будет памятный день, воистину так.

Теперь он был рад, что настоял на ее приезде ради этой важнейшей церемонии. Советники хотели, чтобы он воспользовался этим временем для агитации перед президентскими выборами, предстоявшими осенью. Но тяготы войны изнурили его до предела. Да вдобавок он хотел уделить какое-то время и Мэри, все больше и больше страдавшей от меланхолии. Это было мудрое

решение. Ее замкнутость, горестная задумчивость и внезапные приступы слез почти прошли. Океанский вояж сделал свое дело; она пришла в неописуемый восторг от роскошных кают на борту нового парового лайнера «Соединенные Штаты». В Дублине ее завертела вереница приемов, следовавших один за другим, — послы и сановники из десятков стран стремились перещеголять друг друга.

Побродив по номеру, Авраам Линкольн оказался в гостиной и дернул там за шнурок звонка. Казалось, он и глазом не успел моргнуть, как раздался стук в дверь; Линкольн заказал кофе. И присел, прихлебывая ароматный напиток, как только его принесли.

В своем энтузиазме по поводу новоприобретенной демократии ирландцы превзошли самих себя. Спешно созванный комитет из политиков и юристов под ненавязчивым руководством Джона Стюарта Милла сладил конституцию, основанную, как и мексиканская конституция 1823 года, на американской модели. Были избраны судьи нового Верховного суда, и вскоре подготовка к всенациональным выборам пошла полным ходом.

В то же самое время закрытые участки Коро-

левской полиции реквизировали и наводили в них лоск, чтобы там могли обосноваться первые офицеры Национальной полиции. Ну и что с того, что многие из них — ветераны американской армии? Они сильны и горят желанием работать — да к тому же они ирландцы. Не то что прежние полицейские, прислужники иноземных хозяев, которых больше боялись, чем доверяли. Конечно, не секрет, что их старшие офицеры — сплошь добровольцы из американской армии, но поскольку они никогда не показывались на публике, никто не обращал на это внимания. Общественность заверили, что это временные командиры, пока сами полицейские не наберутся опыта.

В Белфасте и на севере воцарилось неспокойное перемирие. Когда последних британских солдат схватили и вывезли из страны, режим чрезвычайного положения был смягчен. Но американские солдаты остались в казармах и моментально реагировали на любые угрозы миру. Политические митинги поощрялись; политические демонстрации категорически возбранялись. Военврача Рейнольдса освободили от медицинских обязанностей, и он вошел в ольстерский полицейский комитет, отбиравший кандидатов в новую Национальную полицию. Дискримина-

цию по религиозному признаку строго-настрого запретили: ни у кого нельзя было спрашивать, какой веры он придерживается. Да и с адресом возникли проблемы, поскольку всем и каждому на севере клановые границы были известны с точностью до дюйма. Под бдительным присмотром Рейнольдса, быстро подавлявшего малейшие разногласия, набор в полицию мало-помалу продвигался. И отнюдь не случайно половина полицейских были протестантами, а половина — католиками.

Жалованье было хорошим, форма новой, а талантливые быстро продвигались по службе.

Но увольняли при малейшем намеке на религиозную вражду. Ряды полицейских редели, потом пополнялись снова, пока в конце концов не стабилизировались. По душе это было жителям Ирландии или нет, но их страна — и на севере, и на юге — стала страной закона и равенства; и для дискриминации в ней не осталось места.

Выборы прошли куда более гладко, чем кто-либо ожидал. Конечно, в некоторых округах избирательных урн было больше, чем избирателей, но, в конце концов, дело происходило в Ирландии и чего-то подобного ожидали. А в ночь перед выборами дошло даже до беспорядков,

и кое-кого из смутьянов пришлось упрятать за решетку. Но протоколов никто не составлял, репрессии не планировались, и наутро двери камер распахнули.

Всего за пять коротких месяцев сладкий ветер свободы овеял всю страну. Суды открылись, председательствовали в них ирландские судьи. Новые суды справедливо решали давние споры, улаживали старинные претензии на землю, руководили делением гигантских английских поместий. Герцогу Лейнстерскому пришлось распроститься со своими 73 тысячами акров в Килдэре и Мите, и маркиз Дауншрский тоже потерял 115 тысяч акров. Каждый суд вершил правосудие под бдительным взором офицера из администрации американского начальника военной полиции. Американцы сражались — и умирали, — чтобы выиграть эту войну. А уж в мирное время проигрывать они вовсе не собирались. Они хотели, чтобы давние свары были забыты, старые разногласия наконец-то остались позади. И пока что все удавалось.

Через неделю новоизбранный конгресс займет здание сената в Дублине.

А сегодня первый демократически избранный президент Ирландской Республики Джеремия

О'Донован Росса примет присягу, официально вступая на пост. И присягать он будет перед лицом не архиепископа Кьюлена, а нового председателя Верховного суда, согласно закону, нерушимо связанного с новой конституцией и пользующегося мощной поддержкой армии-освободительницы. В бархатной рукавице затаился стальной кулак. Епископы, изо всех сил стремившиеся удержаться у власти, были просто-таки огорошены этим, как они выразились, пренебрежением к их авторитету.

Американцы были непреклонны. Церковь и государство должны быть отделены друг от друга. Религии не место в политике.

Новая конституция оговаривала это весьма недвусмысленно, и никто не смел бросить ей вызов. Если Джон Стюарт Милл и выступал здесь советником, то он оставался в тени за кулисами, никогда не выходя на сцену.

Ради этого великого события съехались послы со всего света. Не было лишь посла Великобритании, хотя эту страну и приглашали. Но приглашение осталось без ответа.

А в это время по ту сторону Ирландского моря, в Британии, бушевали яростные дебаты. Громче всего звучал голос партии войны. Это удар в

спину, покушение на миролюбивую державу, вещали ее члены, взывая к возмездию за гибель солдат и попранную честь. Голос рассудка звучал куда глуше: но в конце концов ирландская проблема, долгие годы вызывавшая такие разногласия, решилась раз и навсегда. Однако к голосу рассудка прислушивались очень немногие. Парламент принимал новые билли, объявлявшие дополнительный призыв в армию, полки из Мексики и с Дальнего Востока были отозваны домой. Броненосцы совершали стремительные рейды вдоль Ирландского побережья, сжигая все здания, на которых развевался новый зеленый флаг с золотой арфой. Все больше американских крейсеров появлялось в ирландских портах, чтобы патрулировать многострадальный берег.

Но все это было забыто в самый исторический из всех дней святого Патрика. При первых лучах солнца в Феникс-парк потекли толпы народу. К одиннадцати утра в нем негде было яблоку упасть, и кареты с почетными гостями смогли проехать лишь после того, как солдаты расчистили для них проход. Трибуны стремительно заполнялись. Президент Линкольн и первая леди Америки сидели на помосте рядом с новоизбранным президентом.

— Должен поздравить вас с победой подавляющим числом голосов, — сказал Линкольн. — Насколько я понимаю, вы стали народным избранником уже не в первый раз.

— Совершенно верно. Я был избран в британский парламент добрым народом Типперери, — ответил Джеремия О'Донован Росса. — Хотя британцы и не позволили мне занять свое место в парламенте, арестовав меня как раз перед тем за принадлежность к фениям. В Ирландии чересчур много фанатиков и по ту, и по другую сторону баррикад. Вот почему я настаивал, чтобы моим вице-президентом стал Айзек Багг. Он протестантский адвокат, защищавший меня в суде. Для меня он символизирует объединение всех людей этого многострадального острова. Теперь я должен поблагодарить вас, господин президент. Спасибо вам и вашим отважным солдатам и офицерам за то, что вы сделали для этой страны. Благодарность нашу просто не выразить словами...

— Ну, думаю, сказанного хватит с лихвой.

— Тогда позвольте пожать вашу руку и сказать, что это важнейший миг в моей жизни. Ирландия свободна, вот-вот состоится моя инаугурация, а я сжимаю руку великого человека, сделавшего все

это возможным. Я благословляю вас, президент Линкольн, и приношу вам благодарность и благословение всего ирландского народа.

Это был воистину памятный день. Речи были долгими и витиеватыми, но никто не сетовал. Зато церемония инаугурации была краткой, и речь президента, вступающего на пост, приняли очень тепло. На Мэри все эти треволнения сказались чересчур сильно. И Линкольн послал за каретой, но лишь после того, как отправил записку генералу Шерману с просьбой навестить его в отеле. Мэри отправилась отдыхать, а президент дожидался генерала в гостиной, просматривая кое-какие доклады и письма. Улыбнулся при виде письма юного Амбросио О'Хигинса, занявшегося в Мексике политикой, — и правильно, он просто-та-ки создан для этого. Оказывается, тот побывал на британской дороге в Мексике, теперь пустынной и заброшенной. Местным жителям она оказалась ни к чему, и джунгли начали стремительно отвоевывать свое.

Пришедший Шерман увидел, что Линкольн стоит у окна, глядя на праздничные толпы на Саквилл-стрит.

— Входите, Камп, — сказал Линкольн, поспешив через комнату, чтобы пожать ему руку.

— Для меня это первая реальная возможность поздравить вас с замечательной победой. И не только вас, но и Ли на севере, а Джексона на юге.

— Спасибо, сэр, вы очень добры. У нас отличные войска, высокий уровень морали — и самое грозное оружие на свете. Пулеметы Гатлинга решили исход сражения. Пленные говорили, что их повергал в ужас один лишь звук их стрельбы.

— Вы успешно выиграли войну.

— Мы выиграли и мир, — указал Шерман на заполненную народом улицу.

— Воистину так. Если только...

Оба поглядели вдоль улицы на реку Лиффи, но мысленным взором заглянули куда дальше, через Ирландское море, в лежащую по ту сторону державу.

— Интересно, признают ли они свое поражение? — вполголоса проронил Линкольн, раздумывая вслух.

— Их солдаты сражались отважно и умело. Но бояться мы должны не их, а политиков. Похоже, они не собираются предавать это дело забвению.

— Нам нужен мир. Не мир любой ценой, а долгий и справедливый. Берлинское совещание начинается на следующей неделе, и наши послы туда прибыли. Они уже переговорили с

представителями Франции и Германии и нашли взаимопонимание. Скоро прибудет и британская делегация. С лордом Пальмерстоном во главе. Мир будет, — в голосе Линкольна прозвучало больше надежды, нежели уверенности.

— Теперь мир будет, — согласился Шерман. — Но мы должны быть готовы к войне. Только сила нашего флота и армии способна удержать врага в узде.

— Будь кроток в речах, но позаботься, чтобы ружье, висящее над камином, было заряжено, как сказал бы старый расхититель железнодорожных шпал.

— Правильней и не скажешь, господин президент. Правильней и не скажешь.

Послесловие

Говорят, историю пишут победители. Это и вправду так. Поэтому исследователь прошлого должен всегда сохранять беспристрастность. Но некоторыми фактами не в силах жонглировать даже победители. К числу таких достоверных фактов принадлежит и тот, что во время двухдневной битвы при Шилоахе, в первом конфликте Гражданской войны в Соединенных Штатах огромные войсковые соединения схлестнулись лицом к

лицу. Север и Юг вместе потеряли 22 тысячи человек. Но тщетно, поскольку к исходу сражения их позиции оставались примерно теми же, что и до его начала. Однако худшее было еще впереди. Ко времени окончания войны в боях погибло 200 тысяч солдат. А еще 400 тысяч умерло от болезней и тягот войны. В то время население Соединенных Штатов составляло около 32 миллионов человек. Это означает, что война отняла жизнь примерно у двух процентов населения страны.

Эта война на деле была первой современной войной, во время которой крупные воинские формирования сражались между собой, достигая столь катастрофических результатов благодаря современной технике. Огромное число современных винтовок и артиллерийских орудий, железные дороги, снабжавшие армии, телеграф и наблюдательные воздушные шары для боевого управления, броненосные паровые корабли на море. 600 тысяч убитых. Гражданская война была первым механизированным конфликтом, и ужасающая цена, заплаченная за него, была лишь слабой тенью грядущих катаклизмов.

Конечно, по мере развития военной техники возрастала и кровавая дань. К началу Первой мировой войны совершенствование пулеметов,

скорострельных винтовок, создание бездымного пороха, разработка новых типов орудий, заряжающихся с казенников, и видов транспорта сделали вооруженное противостояние куда более смертоносным. Германия потеряла 400 тысяч жизней в битве при Сомме; Франция потеряла 500 тысяч человек в Вердене. В сражении при Сомме британцы потеряли 20 тысяч человек за один день — столько же солдат было убито за всю Англо-бурскую войну. Машины изменили грозный лик войны. Впрочем, генералы этого и не заметили. Не отличаясь живостью воображения, они никогда толком не знали, как обращаться с новым оружием. Они всегда готовились к новой войне, опираясь на тактику прошлых сражений.

В кровавой мясорубке Гражданской войны американцы на опыте научились пользоваться новой тактикой и новым оружием. Поскольку все воюющие стороны во время Первой мировой войны без колебаний бросали солдат в самоубийственные атаки на укрепленные пулеметные позиции, я счел вполне допустимым, чтобы в этой книге они поступали точно так же в 1863 году. Трудно забыть, как в 1939 году польская кавалерия шла в сабельную атаку на немецкие танки. Глубоко укоренившиеся предрассудки

военного ума почти не подвластны веяниям времени, логике или рассудку.

Непререкаемые факты истории говорят сами за себя. Если мое отношение к британцам в Ирландии в девятнадцатом столетии кажется предвзятым, приношу свои извинения. Я изо всех сил старался подходить ко всем с единой меркой. Вкладывал в уста персонажей исторические цитаты, когда это было возможно. Когда мог, избегал провоцирующих заявлений. Например, тот исторический факт, что католикам не позволяли покупать землю, отдавать ее в заклад или хотя бы даже наследовать по общепринятым нормам. На переломе восемнадцатого столетия католики владели какими-то пятнадцатью процентами всей территории, причем по большей части болотами и горами. И все это потому, что по британскому закону они не могли владеть своими землями безраздельно. Когда владелец умирал, его землю делили поровну между всеми сыновьями. Однако если один из сыновей обращался в протестантство, все доставалось ему. Поэтому к середине восемнадцатого столетия католики, составлявшие около 90% населения, владели лишь 7% земли. Так удивительно ли, что они умирали от голода на своих крохотных

клочках земли, а позднее поднимали бунты?

Молниеносная война — или blitzkrieg, как называли ее немцы, — естественное порождение применения военной техники. Но когда Антанта впервые применила танки на полях сражений Первой мировой войны, ее военачальники даже не представляли, к чему они пригодны. Так что танки выходили на поля сражений поштучно, в результате чего их исправно уничтожали. К моменту начала Испанской гражданской войны уже появились самоходные артиллерийские установки и бронетранспортеры. А также воздушная поддержка. Поэкспериментировав с их совместным применением, немцы изобрели искусство blitzkrieg. Ни Франция, ни Британия не придали этим достижениям особого значения и спохватились лишь тогда, когда было слишком поздно.

Мои американцы в 1863 году сделали то же самое, что немцы сделали в 1936-м. Они применили все уроки, полученные в боях, ценой солдатских жизней, чтобы изобрести новый, более успешный вид военного искусства.

В логове льва

Пролог
АВРААМ ЛИНКОЛЬН, ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Угроза войны — да и сама война — нещадно преследовала мою страну во все время моего пребывания на посту президента Соединенных Штатов Америки, с самого момента моего вступления в должность. Вместо мирной передачи полномочий и продолжения правления закона, каковым благословлена сия страна, правление ею обернулось сплошными раздорами. Распри начались чуть ли не до того, как я вступил в Белый дом: южные штаты попытались порвать с федеральными, учредив Конфедерацию. И как только этот новый альянс открыл огонь по федеральным войскам в Форт-Самтере[63], жребий был брошен. Так вспыхнула в Америке гражданская война, и брат сошелся с братом в смертельном поединке. Страшно даже помыслить, к чему бы это могло привести. Нация наверняка раскололась

[63] Примечания: 63

Гражданская война в Америке началась 12 апреля 1861 года после того, как Форт-Самтер на острове Чарлстон был обстрелян войсками генерала Борегара. — *Здесь и далее прим. пер.*

бы на два лагеря, доблестные воины погибали бы тысячами — и это в лучшем случае. А могло бы дойти и до национальной катастрофы, гибели сей страны как таковой.

Но волею рока суждено было иное. То, что началось с незначительного происшествия — захвата британского почтового пакетбота «Трент» кораблем ВМФ США «Сан-Хасинто», — британское правительство раздуло до невероятных масштабов, сделав из мухи слона. Как президент, я с радостью отпустил бы двух конфедератских посланников, захваченных на «Тренте», буде британское правительство вообще и лорд Пальмерстон с королевой Викторией в частности выказали бы хоть капельку понимания. Несмотря на все наши миротворческие усилия, они нещадно упорствовали в своих амбициях. А мое правительство не могло, не имело право уступить угрозам и хулам, на высочайшем уровне источаемым заморской державой. В то время как мы в Америке добивались мирного урегулирования наших национальных разногласий, они и думать не думали ни о чем, кроме откровенного противостояния. Мало того что мы сражались с южными отступниками, моему правительству пришлось иметь дело еще и с воинствующей

заморской державой.

Увы, добиться мира между народами нам было не суждено. Простенькое, по сути, дело послужило поводом вторжению войск могущественной Британской империи на нашу суверенную землю.

Что было дальше — ведомо всему свету. Перед лицом угрозы извне нация сплотилась, и гражданской войне, битве между янки и конфедератами пришел конец. В результате воссоединившиеся Соединенные Штаты дали отпор агрессору, ставшему их общим врагом. Война, как и всякая другая, далась тяжелой ценой, но в конце концов единство и общность цели помогли нам повернуть захватчиков и вышвырнуть их с наших берегов. Канада, вдохновленная нашей победой, тоже заставила врага отступить, провозгласив независимость и сбросив иго колониального правления.

За время той войны я научился полагаться на умение генерала Уильяма Тикамси Шермана сражаться и побеждать. Северяне не чаяли в нем души, и для нас стало вопросом величайшей важности, чтобы офицеры армии южан тоже прониклись к нему уважением. Они оценили его опыт, принципиальность и полководческое ис-

кусство. И отныне готовы были служить под его началом в войне против нашего общего врага.

В результате вторжению пришел конец и воцарился мир. Полноте, воцарился ли? К несчастью, битвам нашим не было конца. Лев британской короны уже проигрывал сражения — но еще ни разу не терпел поражения в войне. Как британцы ни тужились, но проглотить эту пилюлю так и не смогли. Несмотря ни на какие усилия с нашей стороны воззвать к их рассудку, они упорствовали в своей воинственности настолько, что предприняли новую попытку захватить нашу страну, на сей раз использовать как плацдарм истерзанную войной землю Мексики.

Мои генералы, поднаторевшие в военном искусстве, изобрели хитроумный план противодействия этой угрозе. Не позволив нашим армиям увязнуть в изнурительном конфликте на собственных границах, они решили переправить войну за океан, поближе к родным берегам противника. Так началось американское вторжение в Ирландию. И как только британцы осознали, что их войска нужнее дома, Мексиканскому походу пришел конец.

С гордостью провозглашаю, что в Ирландии наши войска не только возобладали над против-

ником, но и помогли освобождению многострадальной нации.

Я молюсь, дабы национальная рознь между двумя нашими великими державами наконец прекратилась. В последние месяцы меня занимали внутренние проблемы, а не внешняя политика. В августе прошлого, 1864 года Демократический национальный конгресс выдвинул своим кандидатом на пост президента Иуду П. Бенджамина — мужа достойного, не покладая рук трудившегося над примирением и воссоединением Севера и Юга; без него мир здесь был бы попросту невозможен. Я же с радостью встретил мое выдвижение Республиканской партией на второй срок, с Эндрю Джонстоном из Теннесси в качестве вице-президента.

Победить на выборах оказалось нелегко. С прискорбием признаю, что на Юге местами мое имя по-прежнему предано анафеме, и тамошние избиратели голосовали против меня, а не за кандидата от демократов. Однако солдаты — и недавно демобилизованные, и оставшиеся на службе — считали меня своим главнокомандующим, и их голоса решили исход дела.

Впрочем, все это дело прошлое. Мой второй срок начался в марте этого, 1865 года. Уже май, и

одетый в зеленую листву и оживленный яркими красками цветов Вашингтон прекрасен как никогда. Америка желает лишь мира во всем мире, но, пожалуй, за последние четыре года чересчур привыкла к войне. Чтобы обеспечить войска оружием, а флот — судами, возникла про-мышленость, какой мы не знали прежде, даже в мирные времена.

Я стану счастливейшим человеком на свете, буде мне позволят мирно руководить этой процветающей страной, заботясь лишь о том, чтобы перековать мечи на орала. Раз уж наш промышленный гений преуспел в годину войны, он наверняка может преуспеть и в час мира.

Но восторжествует ли мир? Наши британские родственники агрессивны по-прежнему. Они все еще оскорблены изгнанием из Ирландии после стольких веков господства, напрочь отказываясь признать, что покинули сей зеленый остров раз и навсегда.

Их политики произносят воинственные речи и бряцают оружием. Дабы воспрепятствовать этим враждебным нападкам британцев, наши дипломаты сейчас на Европейском континенте изо всех сил стремятся заключить торговые соглашения и укрепить связи Америки с другими странами.

Возобладают ли мир и здравомыслие? Можно ли предотвратить очередную военную катастрофу?

Мне остается лишь молиться всем сердцем, чтобы так оно и было.

Книга I
ПОКУШЕНИЕ

Брюссель, Бельгия

Июнь 1865 года

Высокие — от пола до потолка — окна, распахнутые навстречу теплому солнцу, заодно впускали в комнату оживленный гул бельгийской столицы. А еще — запах конского навоза, к которому так привычен всякий житель большого города. Президент Авраам Линкольн, сидя на пышно изукрашенной кушетке периода Людовика XV, читал документ, только что врученный ему послом Пирсом, но, заслышав стук в дверь, поднял голову.

— Я погляжу, кто там, господин президент, — встрепенулся Пирс, с напыщенным видом направляясь к двери; впервые получив политическое назначение, он прямо-таки лучился от гордости. Бывший коллега Линкольна, служивший в той же адвокатской конторе, был банкиром на Уолл-стрит, пока президент не назначил его на этот пост. В глубине души он

осознавал, что обязан этим назначением своему знанию французского и премудростей международной торговли, а отнюдь не политическим талантам, — и все-таки это большая честь. Широко распахнув дверь, он придержал ее, чтобы впустить двух генералов. Поглядев на них поверх очков, Линкольн кивнул в ответ на воинское приветствие вошедших.

— Как вижу, господа, вы сегодня при кушаках, шпагах и орденских лентах, да еще и аксельбантах. Вы сегодня весьма элегантны.

— Сочли таковое уместным для сегодняшнего приема при дворе, — отозвался генерал Шерман. — Нас только что уведомили о нем.

— Как и меня, — подхватил Линкольн. — Меня также известили, что он весьма важен, да вдобавок сказали, что ваше с генералом Грантом присутствие особенно желательно.

— А они не сообщили, зачем, сэр? — осведомился Грант.

— Лишь косвенно. Но присутствующий здесь Пирс, который со времени назначения обзавелся массой полезных знакомств, отвел в сторонку одного важного бельгийского сановника и сумел вынудить его на признание факта, что прием не обойдется без каких-то наград.

— Они наверняка будут смотреться просто блистательно, — заметил Пирс. — Похоже, чем мельче страна, тем больше ордена. Как меня уверял тот же чиновник, наша прошлая война с британцами на приеме поминаться не будет. Судя по всему, для королевы Виктории это весьма болезненная тема, а король Леопольд не хочет уязвить ее в этом отношении. В конце концов, он ее любимый дядюшка и регулярно с ней переписывается. Вас наградят за героические действия во время нашей недавней гражданской войны, джентльмены.

Окинув взором свой незатейливый синий пехотный мундир, Грант улыбнулся.

— Пожалуй, немного украшений ему явно не повредит.

Тут все поглядели на Густава Фокса, заместителя министра военного флота, вошедшего из смежной комнаты. Только на высшем правительственном уровне знали, что этот человек, избегающий показываться на людях, возглавляет американскую разведку. Кивнув присутствующим, он помахал в воздухе стопкой бумаг.

— Надеюсь, не помешал. Найдется ли у вас время для совещания, господин президент? Мне только что стали известны новые факты, требую-

щие безотлагательного отклика.

Посол Пирс с негромким ворчанием извлек часы из кармашка жилета, плотно облегающего его круглый животик.

— Полагаю, времени более чем достаточно. Ранее полудня кареты не подадут.

— Уповаю, что нам чуточку повезло и вы принесли мне и добрые вести тоже, Гус, — с надеждой произнес президент. — Такие никогда лишними не бывают.

— Что ж, вынужден признать, что новости подобрались разные, сэр. Во-первых, всего две ночи назад британцы совершили набег на гавань порта Кингстаун в Ирландии. Это паромная переправа совсем рядом с Дублином. Высадив войска, нападавшие сожгли ратушу заодно с кое-какими портовыми строениями, а в довершение погрома захватили и подожгли ряд судов, стоявших в гавани. Ирландцы считают, что рейд провели ради устрашения без всяких прикрас, поскольку он не дал ничего, кроме бессмысленных разрушений. Он явно призван напомнить ирландцам, что британцы никуда не денутся. При отходе они ввязались в перестрелку с ирландским таможенным судном, но отступили в открытое море до подхода войск из Дублина.

— По-моему, момент для проведения акции подгадали намеренно, — горестно покачал головой Линкольн, — и отнюдь не по случайному совпадению вылазку устроили как раз тогда, когда наша делегация прибыла в Бельгию.

— Разделяю ваше мнение, господин президент. Это немудреное послание явно адресовано нам, — подхватил Шерман, и в его ледяном взоре блеснула угроза. — Они заявляют нам, что могут нанести удар по Ирландии, когда и где им заблагорассудится, и не позволят, чтобы какая-то там международная конференция заступила им дорогу. Похоже, их потери и поражения в Америке и Ирландии не научили их ровным счетом ничему.

— Боюсь, ваше толкование верно, — задумчиво проронил Линкольн. — Однако вы сказали, что новости разные, Гус. Неужели среди них нет хороших? Неужели вы не можете извлечь из своей груды ничего такого, что возвеселило бы душу старика?

Гус с улыбкой зашелестел бумагами и, выудив пару листов, передал их президенту.

— Это доставлено на пакетботе ВМФ, пришвартовавшемся в Остенде нынче утром. Это персональный доклад мистера Джона Стюарта

Милла вашему кабинету министров. Кабинет переправил этот экземпляр вам. Вот поглядите, видите, министр финансов сделал личную приписку для вас на первой странице.

— Да, действительно, это наверняка будет небезынтересно для всех присутствующих, — кивнул Линкольн и зачитал вступление вслух: — «Господин президент! Конечно, вы пожелаете лично ознакомиться с содержанием сего крайне ценного экономического отчета. Но позвольте мне вкратце подвести общий итог. Полагаю, умозаключения мистера Милла не только весьма правильны, но и предельно однозначны. Американская экономика расцветает как никогда. Наши заводы работают что есть сил — и индустриализованный Север, и новые предприятия, возведенные на Юге. Совершенно очевидно, что без работы не остался ни один желающий работать. Реконструкция и модернизация железных дорог почти завершена. Причины и следствия вполне ясны: благодаря военным нуждам сия страна волей-неволей от сельскохозяйственной по сути экономики перешла на индустриальные рельсы. Экспорт растет, железные дороги модернизируются и расширяют свою сеть, а кораблестроение взмыло до рекордных высот. В

общем и целом, мистер Милл взирает на экономическое будущее нашей страны с грандиозным энтузиазмом.

Как и я. Искренне ваш, Сэмон П. Чейз». — Мельком проглядев остаток документа, Линкольн резюмировал: — Весьма любопытно, джентльмены. Похоже, мистер Милл сравнил производственные показатели по всему миру. Великобритания, движущая сила промышленности со времени индустриальной революции, всегда опережала прочие страны по силе и производительности. Но больше это не так! Он считает, что при подведении итогов года Америка обгонит Британию по всем позициям!

Когда одобрительный ропот утих, Фокс снова взял слово:

— Господин президент, не сможете ли вы в свете этих вдохновляющих новостей уделить пару минут для встречи с делегацией?

— Какой делегацией? Мы ни с кем не уговаривались о встрече...

— Они прибыли нынче утром на рассвете. Мне выпала честь разделить с ними завтрак. Это президент Ирландии Джеремия О'Донован Росса. С ним вице-президент Айзек Багг, а сопровождает их генерал Томас Мигер. Говорят, дело довольно

спешное, и выражают надежду, что вы найдете для них несколько минут. Они — как бы это выразиться? — чрезвычайно расстроены. Думаю, было бы благоразумнее, если бы вы смогли выкроить время для встречи с ними сейчас же.

— Как, вы говорите, что Том Мигер находится здесь?! В последний раз, когда я о нем слыхал, он нес службу в Форт-Брэгге.

— Уже нет. Несколько месяцев назад ему предоставили отпуск в Ирландию на неопределенный срок, где он стал советником в ирландской армии.

— Время поджимает, господин президент... — подал голос Пирс, снова поглядев на часы.

— Искренне надеюсь, не настолько поджимает, — ледяным тоном отрубил Шерман, — чтобы мы не смогли увидеться с всенародно избранным президентом Ирландии, а заодно и со старым товарищем, не только одерживавшим победы в Ирландии, но и долго сражавшимся за нашу страну, не жалея собственной жизни.

— Да, конечно, мы должны их повидать, — решил Линкольн. — Пожалуйста, пригласите их.

— Нам выйти? — осведомился Грант.

— Нет, раз Мигер здесь, дело наверняка связано с военными материями.

Когда трое гостей вошли, Линкольн, шагнув им навстречу, пожал руку Россе и с теплотой в голосе произнес:

— Мы не виделись с момента вашего официального вступления на пост в Дублине. Надо сказать, редкостное и достопамятное событие.

— Мне его тоже не забыть, господин президент, ибо вы говорите сущую правду — до самого смертного часа я буду вспоминать события того восхитительного дня. То был первый день весны, если припоминаете, суливший нам замечательное будущее. И эти посулы и впрямь осуществились. Но, как вам ведомо, возникло и множество проблем. Немало воды утекло со дня того благословенного события. Впрочем, приношу извинения, сэр, я несколько увлекся. Вы помните вице-президента Батта?

— Конечно. Я ни капельки не покривлю душой, мистер Батт, сказав, что на вашу долю — и на долю президента — выпал самый тяжкий и ответственный труд, — промолвил Линкольн, пожимая руку вице-президенту. — Я что ни день дивлюсь, читая блистательные отчеты о том, как вы объединяете и обновляете Ирландию.

— Задача и впрямь немалая, но она оправдывает все затраченные на нее силы без остатка,

— откликнулся Росса. Но тут же лицо его омрачилось. — Задачу сию чрезвычайно осложняют непрестанные покушения врага извне. Видит Господь, и у меня, и у народа Ирландии довольно черных воспоминаний. Наша история и впрямь была нескончаемой и мрачной с того самого дня, когда английские войска ступили на нашу бедную землю. Ныне же я совершенно уверен, что высказываюсь от имени всех и каждого жителя нашей страны, когда возглашаю: кто старое помянет — тому глаз вон! Довольно горьких воспоминаний и замшелых преступлений. Мы, ирландцы, чересчур склонны жить прошлым, и ныне самое время покончить с подобным обычаем. Прошлое ушло и не воротится. Надлежит повернуться к нему спиной, вместо того обратив лица к сияющему солнцу грядущего...

— Но они нам не дают! — перебил Айзек Батт. Эмоции переполняли его. — Недавний налет на Кингстаун — сущий булавочный укол в череде горших бед. Что ни день, что ни час — творится подобное. То и дело войска высаживаются в отдаленных ирландских портах, где невинных ирландцев убивают, а их крохотные суденышки — единственное их достояние — предают огню. Да и корабли останавливают в открытом море,

останавливают и обыскивают, а то и конфискуют грузы. Как будто нам в спину вцепился демон, сбросить которого невозможно, будто на нас пало адское проклятие, избавиться от которого нельзя. Война окончательно выиграна — и все же не кончается. Мы и вправду одержимы демоном — британцами!

Невозмутимые интонации генерала Мигера разительно контрастировали с пылким воззванием Батта — и тем убийственней звучали его слова.

— Это еще не самое худшее. Нам доносят насчет того, что в Ливерпуле похищают людей и бросают их за решетку. Подробности нам неведомы, знаем только, что там затевается нечто ужасное. Как вам должно быть известно, в центральных графствах множество ирландских жителей — прилежных тружеников, поселившихся там много лет назад. Но теперь, похоже, британцы усомнились в их верности. Во имя безопасности забирают целые семьи и уводят под вооруженным конвоем. А хуже всего то, что мы не можем ничего узнать об их дальнейшей судьбе. Они будто растворяются в ночи. До нас доходили слухи о каких-то лагерях, но никаких фактов раскопать не удалось. Не отрицаю, среди ливерпульских ирландцев есть наши агенты, но это никоим образом не оправды-

вает арест и содержание под стражей невинных граждан. Людей признают виновными только лишь за родственные связи. И что же, женщины и дети тоже виноваты? А ведь с ними обращаются точно так же. А еще к нам поступают неподтвержденные донесения, что подобные лагеря строят по всей Англии. Что, и эти тоже для ирландцев? Могу лишь сказать, господин президент, что это чудовищное преступление против гуманизма.

— Если все сказанное вами правда — а у меня нет ни малейших оснований подвергать ваши слова сомнению, — то вынужден с вами согласиться, — утомленно проронил Линкольн, возвращаясь к кушетке и снова усаживаясь. — Но, джентльмены, что же тут поделаешь? Американское правительство может резко осудить эти преступления, как мы уже поступали в прошлом и будем поступать в будущем. Но что же в наших силах помимо этого? Боюсь, я заранее могу предвосхитить ответ Британии. Это всего-навсего вопрос ее внутренней политики, и нечего другим нациям совать свой нос. — Воцарилось угрюмое молчание. Наконец Линкольн обернулся к Мигеру. — Будучи военным, вы должны осознавать, что оружие в подобной ситуации бессильно. Руки у нас связаны, тут уж ничего не сделаешь.

— Ничего? — разочарованный ответом Мигер изо всех сил старался скрыть уныние.

— Ничего, — отрезал Шерман. — Я говорю не от своего имени, а как генерал армии. Война окончена, и на планете воцарился мир. Сейчас британцы изо всех сил стараются спровоцировать нас и в самом деле преуспели в том, что пробудили у нас гнев. Им известно, что после недавней войны нас волнует судьба Ирландии, ведь мы внесли свой вклад в ее освобождение. Но означает ли это, что есть веские основания для новой войны? Честно говоря, не думаю. Британцы постарались представить это внутренним делом — и тут мы, конечно, бессильны. Не забывайте, как раз сегодня мы выступаем с важнейшей инициативой мирных переговоров. Ныне в Брюсселе собрались ведущие нации мира, и остается только пожелать их представителям всяческих успехов. Снова говорить о войне мы сможем лишь после того, как наша миссия закончится крахом. Но этого не желает никто из присутствующих. Однако, с вашего позволения, господин президент, я бы посвятил несколько минут разговору с этими джентльменами и генералом Грантом, чтобы решить, какую реальную помощь мы можем им оказать. Что касается содержания ирландцев

в лагерях в Англии — откровенно говоря, официально мы не можем сделать ровным счетом ничего. Но вот по поводу остального — налетов, задержки судов в открытом море, насколько я понимаю, тут американское присутствие могло бы снять часть проблем.

— Нам выходить через полчаса, — встревоженно вставил Пирс, сверившись с часами.

— Сожалею, что мы отняли у вас время, — вздохнул генерал Мигер. — Спасибо, что приняли нас, господин президент.

— Это я должен благодарить вас за то, что не пожалели трудов прибыть сюда и ввести нас в курс нынешних прискорбных ирландских дел. Уверяю вас, мы сделаем все, что в наших силах, для облегчения ситуации.

Сопроводив генерала Шермана и гостей в соседнюю комнату, Густав Фокс остался с ними, чтобы делать записи. Когда они ушли, Линкольн утомленно проронил:

— У меня начинает складываться ощущение, будто я тот мужичонка, что надумал ухватить радугу за хвост, но чем быстрей он бежал, тем быстрей она от него ускользала. С меня довольно войн, но все же я весьма опасаюсь за мир. Коль скоро в Британии хватает решительно настро-

енных людей с сильной волей, вопрос о мире воистину отходит на второй план.

— Вот потому-то мы и собрались в Брюсселе, господин президент, — вставил Пирс. — По мере прибытия различных делегаций я встречался с дипломатами для конфиденциальных бесед. И от всей души верю, что все они едины в своем стремлении к миру и процветанию. В последние годы Европа пережила чересчур много политических потрясений, не говоря уж о войнах, вечно терзающих этот континент. Складывается общее впечатление, что всем нам надо трудиться рука об руку во имя построения крепкого мира.

Кивнув, Линкольн обернулся к безмолвному Гранту, сидевшему на самом краешке стула, напряженно выпрямившись и сложив ладони на рукоятке стоявшей перед ним сабли.

— А военные разделяют это мнение, генерал?

— Я могу говорить лишь от своего имени, сэр. Я верю в мир во всем мире, но, боюсь, далеко не все исповедуют ту же веру. Кровавая история этого материка — немой свидетель амбиций и застарелой вражды здешних стран. Посему нам следует взвешивать ситуацию очень тщательно — и всегда быть готовыми к войне, как бы нам ни хотелось ее избежать.

— И Америка готова?

— Воистину готова — и сейчас, как никогда прежде. Вы же зачитывали нам письмо мистера Милла. Фабриканты, снабжающие и поддерживающие нашу военную мощь, явно работают в полную силу. Но надо принимать во внимание и личный состав наших войск. С приходом мира многие солдаты сочтут, что срок их службы исчерпан. Да это уже происходит. Очевидно, что искус вернуться к семьям велик. Если ничего не предпринять, мы увидим, как людские ресурсы тают прямо на глазах.

— А разве регулярная армия не выросла?

— И в самом деле выросла. Благодаря премиям за добровольную вербовку, улучшению оплаты и условий службы наша армия существенно разрослась. Но, должен признаться вам, джентльмены, в настоящее время у нас маловато дивизий для вступления в серьезный конфликт.

Пирс, более озабоченный протоколом, нежели политикой, боялся опоздать, и, пока Линкольн пребывал в глубоких раздумьях, пытаясь оценить все возможные последствия изложенной генералом Грантом ситуации, Пирс сидел как на иголках, то и дело бросая взгляд на часы. Угомонился он лишь по возвращении генерала

Шермана.

— Боюсь, нам пора, джентльмены, — с этими словами Пирс распахнул дверь в коридор, помахав ладонью в ее направлении и отступив в сторону, чтобы пропустить остальных. Как только он вышел следом, оставшийся Фокс закрыл за ними дверь.

Американская делегация вместе со всеми чиновниками, клерками и должностными лицами занимала весь второй этаж отеля «Брюссель Гран-Меркюр». Выйдя из комнаты с остальными, Ав

раам Линкольн увидел перед собой великолепную мраморную лестницу, широкие ступени которой сбегали в вестибюль, где всколыхнулся ропот взволнованных голосов, как только Линкольн с сопровождающими показался на верхней площадке.

— Нас и в самом деле уже ждут, — заметил президент, окидывая вестибюль взглядом.

От основания лестницы до самых дверей отеля по обе стороны от малиновой ковровой дорожки выстроились две шеренги вытянувшихся во фрунт воинов почетного караула в серебряных кирасах и блистательных мундирах, — сплошь офицеров бельгийской гвардии. Дальше, за стеклянными дверьми, показался только что

подкативший великолепный экипаж. Воины, стоявшие навытяжку, взяв сабли «на караул», хранили абсолютное молчание, чего нельзя сказать о толпе, заполнившей вестибюль у них за спинами. Элегантно одетые люди упорно проталкивались вперед, чтобы собственными глазами увидеть президента Соединенных Штатов, который привел страну к столь славным победам. Появление Линкольна с делегацией встретили ликованием.

Задержавшись на минутку, президент приподнял цилиндр в знак приветствия, после чего вновь надел его, слегка прихлопнув сверху для надежности, — и первым двинулся вниз по лестнице. Генералы Шерман и Грант шагали за ним по пятам, а посол Пирс замыкал шествие. Неспешно спустившись по ступеням, они двинулись через вестибюль к распахнутым дверям.

Тут ропот толпы усилился, возникло какое-то замешательство. И вдруг, к вящему изумлению публики, — видимо, от толчка в спину, — один из офицеров почетного караула с оглушительным грохотом рухнул на пол. Как только он упал, сквозь прогал, внезапно образовавшийся в воинской шеренге, протиснулся человек в черном.

— *Sic semper tyrannis!*[64] — громогласно крикнул он, одновременно подняв руку с пистолетом и выстрелив в президента, находившегося в какой-то паре шагов от него.

Покушение!

Время будто остановило свой бег. Упавший бельгийский офицер встал на четвереньки; остальные еще стояли, вытянувшись в струнку по стойке «смирно» во исполнение полученного приказа. Линкольн, ошарашенный внезапным появлением преступника из толпы, остановился и попятился на пол шага.

И в этот миг пистолет в руке чужака поймал мишень на мушку — и полыхнул выстрелом.

На войне привыкаешь ждать любых неожиданностей, а оба генерала из свиты президента хлебнули войны через край. Оба были закаленными ветеранами множества конфликтов, оба сумели выйти из них живыми. Оба отреагировали, даже не понимая того, повинуясь бессознательному импульсу и не медля ни мгновения.

Генерал Грант, находившийся ближе всех к президенту, метнулся вперед, заслоняя главно-

---

[64] Примечания: 64
Так всегда с тиранами *(лат.).*

командующего от пули своим телом. И рухнул навзничь, когда она угодила в цель.

Второго выстрела не последовало.

Генерал Шерман, схватившийся за ножны сабли левой рукой при виде пистолета, правой выхватил оружие, не прерывая плавного движения вскинул его на уровень груди и, сделав длинный скользящий шаг вперед, без колебаний вонзил блистающий клинок нападавшему в сердце. И выдернул его, как только покушавшийся повалился на пол. Наклонился над ним, держа нацеленную саблю наготове, но упавший даже не шелохнулся. Напоследок Шерман пинком вышиб из обмякших пальцев убитого револьвер, с лязгом заскакавший по мраморному полу.

Кто-то пронзительно завизжал, визг взмывал снова и снова, и застывшее было время снова потекло обычным чередом. Командир почетного караула выкрикивал приказы один за другим, воины в кирасах обступили свиту президента кольцом, обернувшись вовне и держа обнаженные клинки наготове. Линкольн, потрясенный стремительным неистовством нежданного нападения, поглядел на раненого генерала, вытянувшегося на мраморном полу, потом встряхнулся, будто стараясь уразуметь случившееся, поспеш-

но стащил сюртук, сложил его и, наклонившись, подсунул Гранту под голову. Поглядев на кровь, пропитавшую правый рукав мундира, Грант сделал усилие сесть и сморщился от боли.

— Похоже, пуля все еще там, — проговорил он, бережно баюкая правую руку левой, чтобы утишить боль. — Смахивает на то, что кость не дала ей пройти навылет.

— Да позовет ли кто-нибудь наконец врача?! — крикнул Линкольн, перекрывая возбужденный гул голосов.

Шерман, стоявший над трупом только что убитого террориста, поглядел на бурлящую толпу, отпрянувшую от кольца офицеров в кирасах, противостоявших ей с обнаженными клинками.

Уверившись, что террорист был отчаянным одиночкой, генерал вытер окровавленную саблю о полу сюртука покойного, вложил ее в ножны, а затем наклонился и перевернул труп на спину. Бледное лицо убитого, обрамленное длинными черными волосами, казалось очень знакомым. Он не отвел глаз от лица, даже когда один из офицеров вручил ему все еще взведенный револьвер террориста, только аккуратно спустил курок и спрятал оружие в карман.

Кольцо защитников разомкнулось, чтобы

пропустить пухлого коротышку с докторским саквояжем. Открыв саквояж, он извлек большущие ножницы и деловито принялся резать рукав кителя Гранта, а потом напитанную кровью ткань сорочки. Затем начал осторожно прощупывать рану металлическим зондом. Лицо Гранта побелело как плат, на челюстях заиграли желваки, но генерал ни разу не застонал. Осторожно забинтовав рану, чтобы остановить кровотечение, врач по-французски попросил помощи, а также чтобы нашли стол и какие-нибудь носилки для раненого. Линкольн шагнул в сторону, уступая дорогу слугам в ливреях, ринувшимся на помощь доктору, и обернулся к окликнувшему его генералу Шерману.

— Я знаю этого человека, — указал Шерман на простертый труп террориста. — Я глазел на него добрых три часа с первого ряда балкона в театре Форда. Это актер, игравший в пьеске «Наш американский родственник». Его зовут Джон Уилкс Бут[65].

— Мы собирались посмотреть эту постановку,

---

[65] Примечания: 65

В реальной жизни покушение на Линкольна совершил именно этот человек 14 апреля 1865 года. Во время упомянутого спектакля Бут вошел в ложу президента и выстрелил ему в затылок, после чего выскочил на сцену с криком «Sic semper tyrannis!». На следующий день Линкольн скончался.

— проронил Линкольн, внезапно ощутив безмерную усталость. — Но это еще до болезни Мэри. Вы слыхали слова, что он произнес, прежде чем выстрелить? Я ничего не понял.

— Это латынь, господин президент. Он выкрикнул «Sic semper tyrannis». Это девиз штата Виргиния. Он означает что-то вроде «так всегда бывает с тиранами».

— Так он сочувствовал южанам! Подумать только: проделать такой путь из Америки, пересечь океан — только чтобы попытаться убить меня... Просто не укладывается в голове, что душа человека может быть преисполнена такой ненавистью.

— Южане весьма и весьма уязвлены в своих чувствах, как вам известно, господин президент. Как это ни прискорбно, многие никогда не простят вам то, что вы не дали им отделиться. — Подняв глаза, Шерман увидел импровизированные носилки, сделанные из снятой с петель двери, на которые бережно укладывали Гранта, привязав его забинтованную руку поперек груди. Тут же выступив вперед, Шерман взял командование на себя и распорядился отнести раненого Гранта в их апартаменты этажом выше: делегацию сопровождал военврач, а ему Шерман

доверял куда больше, чем всяческим заморским костоправам.

Как только прислуга вышла и закрывшиеся двери заглушили гул толпы, в комнате воцарилось молчание. Грант помахал Шерману здоровой рукой с кровати, куда его осторожно уложили.

— Великолепный выпад! Впрочем, ты всегда слыл в Пойнте[66] отличным фехтовальщиком. У тебя что, парадная сабля всегда так хорошо наточена?

— Оружие — всегда оружие.

— Вот уж воистину! Мне следует запомнить твой совет. Камп, позволь заметить, я в последнее время не пил, как тебе известно. Однако я никогда не пускаюсь в путь неподготовленным, так что, если ты не против, на сей раз я хотел бы сделать исключение. Надеюсь, ты согласишься, что ситуация сложилась необычная.

— Ничего более необычного и представить себе не могу.

— Отлично. Тогда не будешь ли любезен пошарить в гардеробе в моей комнате, где найдешь кувшинчик наилучшего кукурузного...

— Считай, что сделано.

---

[66] Примечания: 66
Имеется в виду военная академия в Вест-Пойнте.

Но едва Шерман встал, раздался торопливый стук в дверь. Впустив врача — убеленного сединами майора, накопившего многолетний опыт полевой хирургии, — он отправился за виски. За время его отсутствия врач с искусством, приобретенным во время операций под аккомпанемент вражеского огня, отыскал и извлек пистолетную пулю — вместе с клочьями ткани кителя и рубашки, вогнанными пулей в рану. Он только-только успел забинтовать рану сызнова, когда Шерман вернулся с кувшинчиком и двумя стопками.

— Кость задета, но не сломана, — доложил военврач. — Рана чистая, зашивать не потребовалось, свернувшаяся кровь закроет ее сама. Осложнений не будет.

Как только доктор вышел, Шерман наполнил оба стаканчика из кувшина.

Осушив стопку, Грант перевел дух, и его землистые щеки начали быстро наливаться румянцем.

Едва он успел подкрепиться второй стопкой, в комнату вошли президент с послом Пирсом; взбудораженный Пирс прямо-таки весь взмок, но Линкольн, как обычно, сохранял спокойствие.

— Надеюсь, вы чувствуете себя так же хорошо, как выглядите, генерал Грант. Я весьма за вас опасался, — произнес он.

— Я отнюдь не в восторге, господин президент, но у меня бывали раны куда похуже этой. Да и доктор говорит, что все быстро заживет. Сожалею, что испортил прием.

— Зато спасли мою жизнь, — голос Линкольна чуть подрагивал от волнения, — за что я буду благодарен вам во веки веков.

— Любой солдат на моем месте поступил бы точно так же, сэр. Таков наш долг.

Внезапно ощутив безмерную усталость, Линкольн тяжело сел на скамеечку у кровати.

— Вы передали эту весточку? — обернулся он к Пирсу.

— Да, сэр. На вашем официальном бланке. С объяснением королю Леопольду о том, что тут стряслось. Курьер забрал ее. Но я вот тут думал, господин президент: не пошлете ли вы еще одно письмо с извещением, что не сможете сегодня присутствовать на приеме в Пале-дю-Руа?

— Вздор! Может, генерал Грант и нездоров, но и он, и генерал Шерман позаботятся, чтобы я был как огурчик. Сие прискорбное происшествие должно завершиться благополучно. Мы обязаны продемонстрировать, что американцы не слабы в коленках. Нельзя допустить, чтобы это покушение сбило нас с намеченного пути, помешало

осуществить нашу миссию.

— Раз уж мы идем на прием, могу я вас просить об одолжении, сэр? — поинтересовался Шерман. — Поскольку генерал Грант присутствовать не сможет, я бы хотел просить соизволения, чтобы вместо него пошел генерал Мигер. В Ирландию ему надо возвращаться только завтра.

— Великолепная мысль! Уверен, во дворец террористам не проскользнуть, но с нынешнего утра, признаюсь, буду чувствовать себя куда спокойнее, если рядом будете вы, офицеры в синих мундирах.

После ухода остальных Шерман остался с Грантом, на пару с ним попивая кукурузное. Грант, предававшийся беспробудному пьянству не один год и покончивший с этой пагубной привычкой, как только вернулся к армейской службе, успел отвыкнуть от крепких напитков. Вскоре он уснул. Шерман вышел, и капитан пехоты, стоявший в коридоре у двери на часах, вытянулся во фрунт в знак приветствия.

— Насчет генерала Гранта, сэр... Разрешите осведомиться, как он там?

— Хорошо, очень даже хорошо. Простое проникающее ранение, пулю уже извлекли. Разве не было официального сообщения?

— Конечно, было, генерал. Мистер Фокс зачитал его нам, и я отправил одного из своих подчиненных доставить один экземпляр во дворец. Но оно было совсем кратким, там говорится только, что предпринято покушение на жизнь президента и что генерал Грант при этом ранен. Покушавшийся убит до того, как успел выстрелить снова. Вот и все. — Полагаю, этого и довольно.

Собравшись с духом, капитан огляделся и лишь после этого продолжал вполголоса:

— Ходят слухи, что вы разделались с ним, генерал. Один удар в сердце...

Шерману следовало бы рассердиться, но вместо этого он улыбнулся.

— На сей раз слухи не врут, капитан.

— Отличная работа, сэр, отличная работа!

Шерман лишь отмахнулся от чистосердечной похвалы офицера, развернулся и отправился в свою комнату. После боя у него всегда пересыхало в горле, и генерал пил воду стакан за стаканом, наполняя его из графина, стоявшего на прикроватном столике. Все висело буквально на волоске. До самой смерти будет стоять у него перед глазами видение, как Бут проталкивается вперед, как поднимает револьвер... Впрочем, все уже позади. Угроза ликвидирована, все потери ограничились

серьезно раненной рукой Гранта. Могло быть и не в пример хуже.

В тот вечер за американской делегацией прислали карету, а не открытый экипаж, и приглашенные забрались внутрь сразу по ее прибытии. И вовсе не случайно на пути через Гран-плас мимо Отель-де-Виль ее окружал кавалерийский отряд. Остановилась карета перед Пале-дю-Руа. Выйдя первыми, оба генерала не отступали от президента ни на шаг, подымаясь по ступеням, покрытым красной ковровой дорожкой; Пирс шел замыкающим. Но едва они преступили порог дворца, как Пирс вырвался вперед американской делегации, вступавшей в аудиенц-залу, и что-то торопливо нашептал мажордому, собиравшемуся провозгласить их приход. Как только прозвучало имя Линкольна, воцарилось молчание; взгляды всех собравшихся в переполненном зале были прикованы к нему. Молчание сменилось вскользнувшимися аплодисментами, после чего гул разговоров возобновился. К делегации, вступившей в просторный зал, приблизился официант с подносом, уставленным бокалами шампанского. Чуть ли не каждый из остальных разодетых в пух и прах гостей держал в руке бокал, и американцы последовали их примеру.

— Слабовато будет, — проворчал генерал Мигер, осушив свой бокал и высматривая официанта, чтобы взять другой.

Линкольн лишь улыбнулся, чуть пригубив свой бокал и озираясь по сторонам.

— А ну-ка, видите того крупного мужчину в окружении офицеров? По-моему, мы уже встречались, — он движением головы указал в направлении импозантного краснолицего человека, облаченного в пышный розовый[67] мундир, проталкивающегося сквозь толпу в их сторону. За ним по пятам следовали еще трое офицеров. — Сдается мне, это русский адмирал, вот только имя его я запамятовал.

— Вы президент, мы уже одиножды встретившись в вашем Вашингтон-городе, — выпалил адмирал, остановившись перед Линкольном и сграбастав его ладонь своей грандиозной лапищей. — Я адмирал Павел Нахимов, вы помните. Ваши люди, они топят массу британских кораблей, потом они убивают британских солдат... очень хорошо! Эти вот мои офицеры.

Трое сопровождавших его офицеров поклонились, как один, щелкнув каблуками. Линкольн с

[67] Примечания: 67

Далеко не единственное заблуждение автора в вопросах, касающихся России и русских.

улыбкой не без труда сумел высвободить ладонь из тисков адмиральской руки.

— Однако та война завершилась, адмирал. Как и русские, американцы сейчас дружат со всем миром.

Едва президент заговорил, один из русских офицеров шагнул вперед, протянув руку Шерману, и тот волей-неволей вынужден был пожать ее.

— Генерал Шерман, вас надлежит поздравить с блестящей победоносной кампанией, — проговорил тот на безупречном английском.

— Спасибо... однако, боюсь, я пропустил мимо ушей вашу фамилию.

— Капитан Александр Игоревич Корженевский[68], — представился офицер, отпуская руку Шермана и снова кланяясь. Одновременно с этим он пригнул голову и произнес вполголоса, так, что только генерал Шерман мог его расслышать:
— Мне надо переговорить с вами наедине.

Выпрямившись, он улыбнулся, и его белые зубы сверкнули.

Шерман даже не догадывался, о чем речь, но отчаянно хотел знать. Быстро обдумав ситуацию, он разгладил усы ладонью, негромко сказав, пока

---

[68] Примечания: 68

Рекомендую читателям еще раз обратить внимание на имя литературного агента Гаррисона в России.

рот его был прикрыт:

— Я занимаю номер восемнадцать в отеле «Гран-Меркюр». Завтра в восемь утра дверь не будет заперта.

Больше говорить было не о чем, и русский офицер двинулся прочь. Шерман, вернувшийся к своей группе, в этот вечер капитана уже не встречал.

Потягивая шампанское, генерал Шерман раздумывал об этом курьезном происшествии. Что заставило его столь быстро откликнуться на диковинную просьбу? Пожалуй, великолепный английский офицера. Но ради чего все затевается? Не следует ли вооружиться, прежде чем отпирать дверь? Да нет, глупости; после сегодняшнего инцидента у него одни покушения на уме. Ясно же, что русский офицер хочет что-то поведать, передать какое-то сообщение, которое невозможно отправить обычным путем, оставив окружающих в неведении касательно его содержания. Что ж, если так, русский обратился как раз по адресу.

Прием с официальными знакомствами, поклонами и реверансами затянулся до утра. Пока американцев не представили королю Леопольду, об уходе им нечего было и мечтать. К счастью,

аудиенция оказалась весьма краткой.

— Господин президент Линкольн, чрезвычайно рад наконец познакомиться с вами.

— Как и я, Ваше Величество.

— А как ваше здоровье, не жалуетесь? — Глаза короля чуть заметно блеснули.

— Лучше и быть не может. Должно быть, дело в целительном воздухе вашей чудесной страны. Я чувствую себя здесь как дома в собственной гостиной.

В ответ король лишь неопределенно кивнул. Тут его внимание привлекло что-то другое, и он отвернулся.

Как только их отпустили, президент созвал своих сопровождающих. Было уже далеко за полночь, все устали, как и бельгийский кавалерист, командовавший отрядом, сопроводившим карету обратно к отелю. Правда, по сравнению с американцами он держался молодцом. Подстегиваемые командами кавалеристы бдительно охраняли карету при проезде по улицам. Было пус

тынно, и цокот копыт по мостовой громким эхом отдавался в стенах домов; как ни странно, было в этом звуке что-то утешительное. Расставшись в отеле с остальными, генерал Шерман сразу же направился к двери Густава Фокса и

решительно постучал.

— Долг зовет, Гус! Просыпайтесь-ка!

Дверь тотчас же открылась. Гус еще даже не раздевался, разве что снял сюртук; свет ламп ярко освещал заваленный бумагами стол.

— Сон — удел злодеев, — сказал он. — Входите же и поведайте, что привело вас в столь поздний час.

— Международная тайна — и, судя по всему, как раз из вашей епархии.

В молчании выслушав описание мимолетной встречи, Гус энергично, с энтузиазмом кивнул.

— Вы дали этому офицеру прекрасный ответ, генерал. Все, что имеет отношение к русским, представляет для нас жизненный интерес сейчас — да и в любое другое время, если уж на то пошло. Они недолюбливают Британию с самой Крымской войны. Британцы вторглись на их территорию, и русские бились не жалея крови, чтобы отстоять свою землю. Однако врага они видят не только в Британии, а чуть ли не в каждой прочей европейской стране. Ради самозащиты они раскинули великолепную шпионскую сеть и, должен отметить, выжимают ее почти досуха. Теперь уж я могу сообщить вам, что несколько лет назад они похитили чертежи совершенно

секретного британского нарезного 100-фунтового орудия. Они на самом деле даже подрядили американского оружейника Пэррота сделать им копию орудия. А теперь еще и выясняется, что говорящий по-английски офицер из свиты русского адмирала хочет переговорить с вами наедине. Восхитительно!

— А мне-то теперь что делать?

— Отпереть дверь в восемь утра — и поглядеть, к чему это приведет. С вашего позволения я приму участие в этом вашем приключении.

— Об ином я и не помышлял — тем более что это ваши игры, а не мои.

— Я приду в семь, так что остались считаные часы. Пойдите пока поспите.

— Да и вы тоже. А когда придете, заодно уж прихватите кофейник побольше. День нынче выдался долгий, а завтрашний, сдается мне, будет и того длинней.

Разбудил Шермана стук в дверь. Проснулся он тотчас же; долгие годы боевых действий научили его готовности бодрствовать в любое время дня и ночи. Натянув брюки, он открыл дверь. Отступив в сторону, Гус дал знак коридорному пройти первым — и тот вкатил в комнату сервировочный столик, нагруженный кофе, горячими рогалика-

ми, маслом и вазочками с вареньем.

— Будем ждать с удобствами, — прокомментировал это Гус.

— Вот уж действительно, — с улыбкой кивнул Шерман и только тогда заметил, что на столике три чашки. Когда коридорный с поклоном удалился, постояльцы отеля первым делом убедились, что дверь не заперта, после чего уселись у окна, прихлебывая кофе и наблюдая за неспешным пробуждением Брюсселя.

В пару минут девятого дверь в коридор открылась и тут же захлопнулась. Вошедший — высокий мужчина в черном костюме — прежде всего запер за собой дверь и лишь потом огляделся. Кивнул генералу Шерману, после чего обернулся к Гусу.

— Я граф Александр Игоревич Корженевский. А вы кем будете?..

— Густав Фокс, заместитель министра военно-морского флота.

— Замечательно! Вы тот самый человек, с кем мне хотелось связаться, — заметив, что Гус вдруг нахмурился, граф со взмахом руки поспешил развеять его опасения. — Уверяю вас, о вашем существовании ведомо лишь мне одному, а уж я не выдам эти сведения ни одной живой душе.

Я сотрудничаю с русской флотской разведкой уже не первый год, и у нас есть один общий друг — капитан Шульц.

Тут Гус с улыбкой подал графу руку.

— И в самом деле друг, — и обернулся к озадаченному Шерману. — Как раз капитан Шульц доставил нам чертежи британского орудия, заряжавшегося с казенной части, о котором я вам говорил. — Тут ему в голову пришла какая-то мысль, и он снова поглядел на Корженевского. — Кстати, а вы сам не имеете ли к этому событию какого-либо касательства?

— Касательства? Мой дорогой мистер Фокс, рискуя показаться нескромным, должен признаться, что как раз я-то в первую голову и ухитрился организовать похищение чертежей. Следует вам знать, в юности я посещал Королевский военно-морской колледж в Гринвиче. Окончив сие заслуживающее всяческих похвал заведение, за годы учебы в нем я завел множество друзей. Вынужден признаться, я весьма широко известен в британских флотских кругах. Настолько, что старые однокашники по-прежнему кличут меня граф Игги. Меня считают недалеким, но очень богатым, этаким неиссякаемым источником шампанского.

— Что ж, граф Игги, — встрял Шерман. — Сейчас могу угостить вас только кофе. Пожалуйста, присаживайтесь и отведайте. После чего, наверное, просветите нас по поводу причины сей встречи *sub rosa*[69].

— Буду просто в восторге, генерал, просто в восторге!

Выбрав стул, стоявший дальше всех от окна, граф с благодарностью кивнул, когда Фокс передал ему чашку кофе. Отхлебнул пару глотков и только тогда заговорил:

— Моя величайшая прихоть в последнее время — мое суденышко «Аврора». Полагаю, уместнее назвать его яхтой, нежели кораблем. На паровом ходу, поскольку я всегда был слабоват по части всяческих шкотов, гротов, стакселей и прочих премудростей, которыми столь кичится большинство моряков. Суденышко — просто прелесть, как раз то, что нужно для повесы. Да и странствовать на нем туда-сюда и обратно очень удобно. Люди восторгаются его обводами, но редко интересуются, с какой это стати оно здесь стоит.

— Все это весьма занимательно, граф, — кивнул Шерман, — но...

---

[69] Примечания: 69
Тайной, без огласки *(лат.)*.

— Но с какой стати я вам это излагаю, недоумеваете вы? У меня есть на то причины, но сперва я прожужжу вам уши кое-какими сведениями из фамильной истории. А история сия гласит, что Корженевские были славным, но обнищавшим польским шляхетским родом, пока мой дедушка не надумал поступить на службу во флот Петра Великого в 1709 году. Он весьма доблестно служил в шведском флоте, но с огромной радостью перешел на сторону противника, когда русские побили шведов. Он все еще служил, когда Петр принялся наращивать русский флот, и, как я вычитал в нашей фамильной истории, мой предок сделал весьма выдающуюся карьеру. Мой прадед, будучи весьма недурным языкознатцем, выучил английский и даже окончил британский Королевский военно-морской колледж в Гринвиче. Будучи вдобавок ярым англофилом, он женился на представительнице английского аристократического рода невысокого пошиба, каковой, по причине своей бедности, счел его предостойнейшим женихом. С тех самых пор наш род в Санкт-Петербурге всегда отличался склонностью ко всему английскому. С младых ногтей я равно говорил на обоих языках и, как надлежит первенцу каждого поколения, посещал

Гринвичский военно-морской колледж. Вот так и получилось, что вы видите перед собой англичанина во всем, кроме имени. — Тут улыбка его угасла, лицо омрачилось, и, подавшись вперед, он едва слышно продолжал: — Но теперь я уж не тот. Когда Британия напала на мою страну, мне показалось, что меня предали, причинили непоправимое зло. С виду я все так же забавляю и развлекаю своих английских друзей, потому что роль повесы отвечает моим интересам как нельзя лучше. Но в глубине души, понимаете, я их ненавижу лютой ненавистью — и пойду на все, чтобы их уничтожить. Когда они напали на вашу страну, а вы их разгромили, мое сердце пело от счастья. Позвольте же мне теперь называть вас своими друзьями, ибо нас связывает общее дело. И, пожалуйста, верьте мне, когда я говорю, что пойду буквально на все, чтобы дело это увенчалось успехом.

Гус в глубокой задумчивости поднялся, отставив пустую чашку на стол, и наконец обернулся с теплой улыбкой.

— Весьма щедрое предложение, сэр. Как бы вы отнеслись к небольшому морскому круизу?

— А что, я не против, — улыбка Гуса в точности отразилась на лице графа. — Я подумывал

прогуляться вверх по Темзе до Гринвича; кое-кто из моих однокашников по-прежнему там квартирует. Позвольте пригласить вас составить мне компанию. Сейчас «Аврора» остановилась для заправки и ремонта в Гамбурге, и я намерен подняться на борт через неделю. Оттуда я пойду на ней в Остенде. Пожалуйста, поразмыслите об этом и, если надумаете, оставьте мне письмо у портье сегодня же, поскольку я отбываю завтра на рассвете. Довольно будет простого «да» или «нет». Надеюсь, вы скажете «да». Напоследок, простите, терпеть не могу фамильярности, но должен вам сказать, что в России почти нет рыжих. — Он встал, поставил чашку и снова повернулся к Гусу. — Простите за беспокойство, но не будете ли вы любезны выглянуть в коридор? Нельзя, чтобы нас видели вместе.

В коридоре не было ни души, и, весело помахав, граф удалился, а Гус запер за ним. Налив себе еще кофе, Шерман тряхнул головой.

— Я простой рубака, Гус, и подобные экивоки выше моего понимания. Не будете ли вы добры растолковать мне, о чем шла речь?

— О военной разведке! — от волнения Гус не мог усидеть на месте и выхаживал из угла в угол. — Открыв, что он близок с Шульцем, он дал нам

понять, что обладает познаниями и опытом — не будем миндальничать с выбором выражений — шпиона. Вдобавок он полагает, что Британия и Америка могут снова вступить в войну, и предложил нам помощь в подготовке к такой возможности.

— Так вот к чему все эти странные разговоры! Он хочет, чтобы вы отправились с ним что-то разнюхивать на Британские острова?

— И не я один. Не забывайте, обратился он именно к вам. Он хочет дать вам возможность самолично осмотреть британские оборонительные сооружения. Если нам снова навяжут войну, мы должны быть готовы ко всему. Близкое знакомство с береговыми сооружениями и главными водными маршрутами этой страны окажет неоценимую помощь в разработке планов военной кампании.

— Начинаю улавливать, куда вы клоните. Но выглядит это предприятие довольно безрассудным. Сомневаюсь, что мне придется по душе выход в море на корабле графа. В дневное время нам придется отсиживаться в трюме, показываясь оттуда лишь с приходом тьмы, будто совам.

— Отнюдь! Если мы отправимся, почему бы нам не стать русскими офицерами, которые хле-

щут шампанское на верхней палубе, говоря «Da! Da!». Конечно, вам придется перекрасить бороду в черный цвет, на сей счет граф высказался крайне однозначно. Вы сможете пойти на такое... gospodin?

Шерман в задумчивости поскреб подбородок.

— Так вот к чему он прошелся насчет рыжих! — И улыбнулся. — Da, думаю, я смогу пойти чуть ли не на что угодно, если это позволит мне бросить взгляд на британскую оборону и военные приготовления. — В порыве энтузиазма Шерман подскочил на ноги и так ахнул кулаком по столику, что тарелки и блюдца подскочили. — На том и порешим!

Ультиматум

Дождь заливал стеклянные двери вестибюля потоками воды, сквозь которые едва виднелись понурившиеся лошади, запряженные в карету, стоящую перед крыльцом. У окна Авраам Линкольн беседовал с послом Пирсом и генералом Шерманом. Расстроенный Пирс говорил извиняющимся тоном:

— Больше я ничего не знаю, господин президент. Лакей принес мне записку от мистера Фокса, сообщавшую, что он слегка задержится, ждать

его не следует и чтобы мы шли без него.

— Ну, правду говоря, я не рвусь выходить в такой ливень. Дадим ему еще минут пять в надежде, что тем временем распогодится. Я уверен, что у нас в запасе еще масса времени, чтобы попасть на ассамблею.

— А вот и он! — сообщил Шерман и, оглянувшись на ожидающую карету, поднял воротник кителя. — Ну, хотя бы дождь теплый в это время года.

— Прошу прошения, джентльмены, — выдохнул Гус, поспешно подходя к ним. — Я задержался из-за донесения, полученного от агента. Похоже, британцы все-таки будут. Сообщают, что замечена входящая во дворец солидная компания — да притом с лордом Пальмерстоном во главе!

— Что ж, сюрпризам нет конца, — заметил Линкольн, — как сказал человек, впервые увидевший слона. Полагаю, нам следует наконец-то встретиться.

— К добру или к худу, — Пирс принялся утирать взмокший лоб извлеченным из кармана платком.

— Это мы узнаем достаточно скоро, — откликнулся Линкольн. — Итак, а теперь не пойти ли нам наперекор стихии и наконец познакомиться

с лордом Пальмерстоном?

Карету по-прежнему сопровождали бельгийские кавалеристы, вымокшие до нитки и выглядевшие довольно жалко. Мокрые плюмажи на их шлемах слиплись и поникли. Должно быть, король Леопольд усмотрел личную вину в том, что на американского президента совершили покушение в его стране, и решил позаботиться, чтобы подобное не повторилось. В отеле хватало ненавязчивых стражей, по большей части переодетых служащими, а другие ждали вдоль маршрута следования кареты. Король счел, что на карту поставлена честь Бельгии.

До дворца было рукой подать, но когда они подъехали, им пришлось подождать, когда выберутся пассажиры двух карет, прибывших чуточку раньше. Чтобы попасть в здание, гостям приходилось бросаться навстречу ливню, а лакеи с зонтиками изо всех сил старались защитить их от стихии. Кавалеристам задержка пришлась не по душе, их беспокойство передалось коням, и те принялись бить копытами, натягивая поводья. И животные, и всадники испытали немалое облегчение, когда передние кареты уехали, уступив им место у основания лестницы.

Во дворце американцев сопроводили в боль-

шую палату, где должна была состояться конференция. Даже в этот хмурый день сквозь высокие, доходящие до потолка окна вливались потоки света, а позолоченные газовые рожки рассеивали мрак без остатка, заодно освещая богато расписанный потолок, где кентавры гарцевали вокруг полуодетых дебелых женщин.

Но Авраам Линкольн даже не глядел на все это. В противоположном конце комнаты, как раз напротив их стола с каллиграфически выписанной табличкой «Etats-Unis»[70] находился стол «Grande-Bretagne»[71]. Один из сидящих явно выделялся из прочих. Оперев ногу на поставленную перед ним скамеечку, сцепив ладони на набалдашнике трости, он исподлобья озирал всю ассамблею.

— Лорд Пальмерстон, как я понимаю? — вполголоса осведомился Линкольн.

— Никто иной, — кивнул Гус. — Похоже, он нынче не в духе.

— Судя по общему тону его переписки с нами, желчь переполняет его постоянно.

Как только бельгийский министр иностранных

---

[70] Примечания: 70
Соединенные Штаты *(фр.).*

[71] Примечания: 71
Великобритания *(фр.).*

дел барон Сюрле де Шокье встал и обратился к ассамблее по-французски, ропот разговоров стих.

— Он просто зачитывает официальное, ни к чему не обязывающее приветствие всем представленным здесь делегациям, — шепотом сообщил Фокс на ухо президенту. — И выражает искреннюю надежду, что плодотворным итогом этих крайне знаменательных и чрезвычайно важных переговоров станет процветание всех стран.

— Вы не устаете изумлять меня, Гус, — кивнул Линкольн.

Фокс с улыбкой очень по-галльски пожал плечами.

Закончив, барон взмахом руки дал знак секретарю, и тот принялся зачитывать повестку дня ассамблеи. Но лорд Пальмерстон решил, что с него довольно. С урчанием, смахивающим на отдаленный гул извержения вулкана, он поднялся на ноги.

— Прежде чем все это продолжится, я должен решительно опротестовать характер и персональный состав этого сборища...

— Прошу, ваша светлость, сперва выслушать повестку! — взмолился де Шокье, но Пальмерстон и слушать ничего не хотел.

— Протестую, сэр, против самой сути происходящего. Мы здесь собрались на форум величайших наций Европы, дабы обсудить проблемы, имеющие самое непосредственное к ним отношение. Посему я категорически возражаю против присутствия представителей нации выскочек, обретающихся по ту сторону Атлантики. Они не имеют права находиться здесь и не имеют отношения к обсуждаемым здесь вопросам. Один лишь их вид омерзителен всем честным людям, какой бы национальности они ни были. И особенно оскорбительно присутствие в их гуще офицера, каковой чуть ли не вчера был решительно причастен к безжалостному избиению верных британских войск. Они преступили законы совести, сэр, и надлежит не мешкая выставить их за дверь.

Публичные дебаты были Аврааму Линкольну не в диковинку. Он медленно выпрямился во весь рост, с небрежным видом держась за лацканы, но те, кто знал его получше, сразу поняли, что этот потупленный взор не сулит оппоненту ничего хорошего. Едва Пальмерстон примолк, чтобы перевести дыхание, как высокий, пронзительный голос Линкольна эхом раскатился по залу:

— Полагаю, британский представитель дей-

ствует под влиянием вбитых себе в голову ложных представлений, за что я и прошу прощения у всех собравшихся. Следовало бы ему знать, что все представленные нации собрались здесь по официальному приглашению самого короля Леопольда Бельгийского. Мы стали участниками чрезвычайно серьезного и важного события, ибо это не провинциальная европейская сходка, а форум держав, сошедшихся, дабы вместе обсудить вопросы всемирной важности. Как Британия представляет всепланетную империю, так и мы говорим от лица Нового Света и его стран из-за Атлантического океана...

— Ваши аналогии одиозны, сэр! — взревел Пальмерстон. — Да как смеете вы сравнивать просторы Британской империи, мощь нашего союза, движущего миром, со своими ублюдочными так называемыми демократиями?!

— Да как смели вы возводить клевету на этого доблестного воина, генерала Шермана, когда я вижу военные мундиры во множестве по всему залу? И не будете ли вы так добры поведать мне, не генерал ли прямо у вас за спиной?

Пальмерстон, побагровевший от гнева, совсем забылся:

— Вы слишком много на себя берете, говоря со

мной в подобном тоне...

— Я много на себя беру, сэр? Да я вообще ничего на себя не беру. На самом деле я прекрасно владею собой, говоря с человеком, который был столь нагл, столь опрометчив, что осмелился послать войска для нападения на нашу миролюбивую Родину. И этот воинственный акт не сошел ему с рук безнаказанно. Однако я от всей души уповаю, что народы, собравшиеся здесь, забудут прошлое и войны. Вместо этого мы должны устремить взоры к миру и мирному сосуществованию.

Пальмерстон, вне себя от ярости, молотил своей тростью по столу до тех пор, пока протестующие голоса шокированных делегатов не смолкли.

— Посланцы Ее Величества прибыли сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления. Мыс радостью обсудим вопросы взаимного сотрудничества с посланниками европейских держав как-нибудь в другой раз. Но не здесь, не сегодня, пока эти совершенно омерзительные заморские агрессоры находятся в этом зале. Посему вынужден пожелать вам всем счастливо оставаться.

И заковылял прочь из залы. Распухшая нога сдерживала его прихрамывающий аллюр, ослабив эффект демонстративного ухода. Большинство остальных членов делегации поспешили за

ним. Дверь с грохотом захлопнулась, Линкольн глубокомысленно кивнул и без спешки уселся, проронив:

— Полагаю, теперь секретарь может продолжать.

Секретарь начал было снова зачитывать повестку дрожащим голосом, но тут его перебил барон де Шокье:

— Мне кажется, мы сможем вернуться к повестке дня после краткого перерыва. С вашего позволения, господа, встретимся через час.

— Чрезвычайно свирепый нрав для старика, — заметил Линкольн. — Просто удивительно, как он не лопнул много лет назад.

— Должно быть, все было подстроено заранее. — Фокс встревожился не на шутку. — Король Леопольд — любимый дядюшка королевы Виктории, и она то и дело обращается к нему за советом и помощью. Зная это, премьер-министр не мог запросто отмахнуться от приглашения. Но прибыть сюда для Пальмерстона одно дело, а вот остаться и говорить о мире с янки — совсем другое. Зато теперь они подняли боевые знамена...

— И отступили после первой же стычки, — подхватил Линкольн. — Можем ли мы продолжать без них?

— Можем, — откликнулся Пирс. — Впрочем, сомневаюсь, что добьемся многого. Британский королевский род повязан родственными узами с половиной коронованных особ Европы и пользуется заметным влиянием. Пальмерстон наверняка доложит обо всем королеве, возложив вину за все случившееся сегодня на нас. Маловероятно, что этот форум сможет продолжаться после того, как королева Виктория выразит свое недовольство прочим коронованным особам. Политиков, уполномоченных принимать решения, отзовут, а тут останутся только посредственности и марионетки, каковые наверняка будут блокировать любое реальное соглашение и только разведут волокиту. Боюсь, этот форум, представлявшийся столь многообещающим, обернется отрепетированным представлением, которое окончится практически безрезультатно.

— Что ж, — кивнул Линкольн, — нам нужно сыграть свою роль в представлении, а не отступать при первых же раскатах пушечной пальбы. Будь оно хоть трижды представление, мы высидим его до конца. Британия не сможет обвинить нас, что мы угрожаем миру в Европе, или воспрепятствовать заключению торговых соглашений.

Предсказание Пирса сбылось до йоты. По-

следовали обсуждения повестки дня, но в них участвовали только мелкие сошки, а главы делегаций сбегали один за другим. К исходу первой недели их примеру последовал и Линкольн.

— Слишком много болтовни, слишком мало дела, — пояснил он. — Посол Пирс, оставляю вас во главе делегации, поскольку в Вашингтоне меня ждут неотложные дела.

— Понимаю, господин президент, — угрюмо кивнул Пирс. — Генерал Шерман, могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Увы, нет. Я сопровождаю президента в Остенде, где по сей день стоит на якоре крейсер ВМФ США «Диктатор». Мы знаем, что вы сделаете все возможное.

Пирс с тяжким вздохом кивнул. Конференция, сулившая такие большие перспективы, обернулась фарсом. Послу же осталось лишь проводить отбывающую президентскую команду мрачным взглядом.

— А вы двое так и не надумали открыть мне, что вы там затеваете? Что за таинственные дела влекут вас за мной в Остенде? — поинтересовался Линкольн у Фокса и Шермана, как только все трое оказались в карете. Их упорное молчание только разжигало его любопытство.

— Не смеем, — просто ответил Фокс. — Если о том, что мы делаем, просочится хотя бы шепоток — боюсь, международные последствия могут быть просто катастрофическими.

— Вот теперь вы меня заинтересовали по-настоящему. Но... — Линкольн упреждающим жестом поднял ладонь, — расспрашивать больше не буду. Однако обещайте мне, пожалуйста, доложить обо всем, как только ваша миссия завершится.

— Вы узнаете обо всем первым, уж это-то я вам обещаю.

Вернувшись в гостиничный номер, генерал Шерман вытащил из комода и гардероба всю свою одежду и разложил на кровати, после чего отпер чемодан. Внутри обнаружился лист бумаги, которого не было, когда Шерман запирал чемодан много дней назад. Поднеся лист к свету, льющемуся из окна, он прочел:

За вами пристально следят британские агенты. Подымайтесь с президентом на борт судна ВМФ США «Диктатор». Дальнейшие инструкции получите у мистера Фокса.

Подписи не было.

Приготовления были сделаны с большим упреждением, и для президентской команды — а также для немалого отряда вооруженных офице-

ров бельгийской гвардии — был забронирован целый вагон. Король Леопольд испытает громадное облегчение, когда американцы в целости и сохранности подымутся на борт военного корабля в Остенде, но до того их будут неусыпно охранять. Путешествие было совсем недолгим, сперва поездом, потом в экипаже. Едва Шерман успел ступить на палубу, как моряк попросил его пройти в офицерскую кают-компанию. Там его ждал Гус Фокс вместе с озадаченным офицером флота.

— Генерал Шерман, это старший помощник капитан третьего ранга Уильям Уилсон, — представил Фокс. — До поступления в Аннаполис, давшего начало его флотской карьере, капитан был топографом на правительственной службе.

— Рад познакомиться, капитан, — произнес Шерман, прекрасно догадываясь, что замышляет Фокс. И как только Фокс заговорил, его догадка подтвердилась.

— Я поведал капитану Уилсону лишь тот простой факт, что мы с вами предпринимаем миссию, имеющую величайшее значение для нашей страны. А также то, что она может оказаться крайне опасной. Конечно, будучи военным, он может просто получить приказ сопровождать нас. Одна-

ко, принимая во внимание опасность — не говоря уж о деликатности — этого поручения, я счел, что решение должно оставаться за ним. Посему я спросил его, поможет ли он нам, не получив пока более никаких сведений. С радостью сообщаю, что он идет добровольцем.

— Рад слышать, капитан, — откликнулся Шерман. — Хорошо, что мы можем рассчитывать на вас.

— Наоборот, это я рад. Буду откровенен, генерал. Все это кажется мне чересчур таинственным, и при других обстоятельствах я мог бы пересмотреть свое решение. Однако не могу не ухватиться за шанс послужить под вашим началом. Наша страна обязана своим существованием вашей доблести, и я полагаю ваше предложение за великую честь.

— Спасибо, капитан. Я уверен, что Гус откроет вам все при первой же возможности. А пока нам придется получать инструкции от него.

— Давайте начнем с этого, — с этими словами Фокс выудил из-под стола шляпную картонку и открыл ее, чтобы извлечь три шелковых цилиндра. — Это самое непохожее на форменные головные уборы, что мне удалось раздобыть впопыхах. Надеюсь, я купил подходящие размеры.

Все трое принялись обмениваться шляпами, с улыбками примеряя их, пока каждый не удовлетворился выбором.

— Вполне подойдет. — Поглядев в зеркало, Фокс залихватски сдвинул шляпу набекрень. — Далее. Пусть каждый уложит чемоданчик с личными предметами первой необходимости. Пожалуйста, никакой одежды, о ней позаботятся позже. Встречаемся здесь же в полночь. И пожалуйста, наденьте брюки без лампасов. Шинели для вас я приготовлю, тоже без знаков отличия. Капитан обещал, что перед тем, как мы покинем корабль, он отправит в порт достаточно много вооруженных матросских патрулей, чтобы они прочесали территорию и устранили всех незваных гостей. Это крайне важно, поскольку мы должны уйти незамеченными.

— И куда же мы направимся? — осведомился Шерман.

На это Фокс лишь с улыбкой прижал палец к губам.

— Скоро узнаете.

Палубу не озарял ни единый лучик света, когда они, вскоре после полуночи, нырнули во тьму. Да и в порту не видно было ни души. Путь вниз по трапу пришлось отыскивать ощупью: в эту без-

лунную ночь путь им указывали только звезды. На пристани смутно виднелся какой-то черный силуэт, и только ржание лошади подсказало, что их ожидает экипаж.

— *Entre, si vous plais*[72] — прошептал кучер, открывая перед ними дверцу. Не успели все трое усесться, как экипаж дернулся, приходя в движение. Окна были задернуты плотными шторами. Они не могли озирать окрестности — зато никто не мог заглянуть внутрь. Все трое хранили молчание, без сетований снося толчки экипажа, подскакивающего на ухабах, но вскоре он выехал на ровную дорогу и набрал скорость.

Повозка стремительно катила по темному городу, но путь казался нескончаемым. Один раз экипаж остановился, снаружи послышались приглушенные голоса. После этого лошади наддали ходу до быстрой рыси, потом снова остановились. На сей раз дверцу открыл человек с потайным фонарем, заслонка которого была приоткрыта ровно настолько, чтобы стала видна подножка экипажа.

— Пожалуйста, идемте со мной.

До слуха приехавших донесся плеск воды — они

---

[72] Примечания: 72
Входите, пожалуйста *{фр.)*.

прибыли на какой-то другой причал. От причала к воде, где ждала их шлюпка, вели гранитные ступени. Шестеро безмолвных гребцов держали весла вертикально. Провожатый помог американцам вскарабкаться на корму, после чего присоединился к ним. Едва усевшись на банку, гортанно проговорил нечто на иностранном языке. Матросы проворно опустили весла в воду, и шлюпка плавно заскользила по воде. Впереди виднелись огни стоявшего на якоре суденышка, у основания трапа которого дожидался офицер, чтобы помочь прибывшим подняться на борт. Провожатый выбрался первым.

— Джентльмены, будьте добры следовать за мной.

И повел их на нижнюю палубу, в просторное помещение, ярко освещенное свечами и лампами.

— Добро пожаловать на борт «Авроры», — возгласил провожатый. — Я граф Александр Корженевский. — Обернувшись к недоумевающему капитану третьего ранга, он протянул руку: — С остальными джентльменами я знаком, но и вас, сэр, приму на борт с радостью. Рад с вами познакомиться. А вы?..

— Уилсон, сэр. Капитан третьего ранга Уильям Уилсон.

— Добро пожаловать на борт, капитан. Итак, джентльмены, милости прошу. Раздевайтесь и выпейте со мной шампанского.

Как по команде, тут же явился матрос в белой робе с пенными бокалами на подносе. Выпив, американцы принялись оглядывать роскошно обставленный салон. Иллюминаторы в бронзовых рамах были задернуты плотными алыми занавесами. Стены украшали полотна, изображающие морские баталии; мягкие кресла располагали к отдыху. Тут дверь открылась, и вошедший — молодой русский офицер с курчавой светло-русой бородой — взял бокал шампанского, кивая и улыбаясь.

— Джентльмены, — объявил граф, — позвольте представить лейтенанта Сименова, нашего старшего механика.

— Чертовски хорошо! — Сименов принялся усердно трясти руку Фокса.

— Э-э... значит, вы говорите по-английски?

— Чертовски хорошо!

— Боюсь, этим весь его английский исчерпывается без остатка, — пояснил Корженевский. — Но зато он чертовски хороший инженер.

— А теперь, если можно, — встрепенулся капитан Уилсон, — не будет ли кто-нибудь так добр

растолковать мне, что к чему? Признаюсь, я пребываю в полном неведении.

— Конечно, — отозвался Фокс. — Сдается мне, граф настолько добр, что предоставил эту паровую яхту в полное наше распоряжение. Мы намерены выйти на ней в море и посетить столько британских береговых укреплений, сколько удастся. Вот почему я просил о вашем добровольном участии. Полагаю, ваш опыт картографа поможет запечатлеть эти позиции на бумаге.

— Боже милостивый! Мы будем шпионить! Да нас арестуют, едва мы там покажемся...

— Да нет, — возразил граф. — Меня прекрасно знают в штабе флота, и к моему присутствию относятся вполне терпимо. Что же до вас, джентльмены, то я пригласил вас в гости, как... русских офицеров.

На лице Уилсона было написано искреннее удивление. Только утром он был офицером флота на американском боевом корабле. А теперь, спустя каких-то несколько мимолетных часов, обратился в русского офицера, рыскающего вдоль английских берегов. Рискованно это все — да и порядком опасно. Впрочем, поскольку остальных эта уловка вполне устраивала, он не стал высказывать сомнений вслух, лишь пожал плечами,

осушил бокал и поднес его для добавки.

— Вы, должно быть, устали, — заметил Корженевский. — Но, боюсь, вынужден просить вас задержаться еще малость. — И отдал по-русски какой-то приказ одному из матросов. Тот козырнул и покинул салон, но немного погодя вернулся с двумя мужчинами, вооруженными мерными лентами и блокнотами — по-видимому, портными. Быстро сняв мерки с троих американцев, они с поклоном удалились.

— Вот и все на сегодня, джентльмены, — подытожил Корженевский. — Как только пожелаете, вас проводят в ваши каюты. Но сперва, пожалуй, надеюсь, не откажетесь угоститься со мной рюмочкой коньяка в ознаменование событий сего памятного дня.

Отказавшихся не нашлось.

Опасное странствие

Негромкий стук в дверь каюты пробудил генерала Шермана вскоре после рассвета. Мгновение спустя дверь открылась, и вошедший юнга поставил чашку исходящего паром кофе на при

кроватную тумбочку. По пятам за ним шагал матрос с ослепительно-белым мундиром в руках. С улыбкой сказал что-то по-русски и осторожно

положил форму на стул, поверх нее поместив широкую белоснежную фуражку.

— Уверен, что вы правы, — проговорил Шерман, усаживаясь в постели и с наслаждением прихлебывая кофе.

— _Da, da!_ — откликнулся матрос, покидая каюту.

Форма с шикарными, расшитыми золотом погонами и двумя рядами весьма впечатляющих медалей на груди выглядела просто великолепно, да и сидела как влитая. Встретившись с коллегами в кают-компании, Шерман убедился, что Фокс одет в столь же импозантный мундир, как и смущенный Уилсон.

Вошедший граф в восторге всплеснул руками.

— Превосходно! Добро пожаловать, джентльмены, в российский флот. Быть в вашем обществе — великая честь для нас. Позже, когда мы разговеемся, я растолкую вам некоторые отличия между вашей и нашей службой во флоте. Вы откроете для себя, что мы отдаем честь иным манером, не в меру щелкая каблуками, что вам в диковинку. Но сначала, генерал Шерман, позвольте просить вас снять китель. Восхитительно! — Он хлопнул в ладоши, и матрос ввел двух человек с большим тазом воды, кувшинами и тазиками поменьше.

Шерман сидел прямо, будто аршин проглотил, пока они обертывали его полотенцами, увлажняли его бороду и голову, даже брови, после чего втерли в них угольно-черную краску. Бормоча извинения, один из них подкрасил даже его ресницы. Все было проделано очень быстро, и цирюльники закончили в то самое время, когда стюарды внесли завтрак: к тому времени даже бороду Шермана подстригли на русский манер. Пока он любовался собой в зеркале, цирюльники отвесили низкий поклон и, пятясь, вышли.

— Вы смотритесь сущим щеголем, — прокомментировал Фокс. — Настоящий сердцеед.

Шерман заметил, что и в самом деле выглядит куда моложе, потому что краска не только изменила цвет его волос с рыжего на черный, но и скрыла пробивающуюся в них седину.

— Парикмахеры и портные являются по первому зову, — отметил он. — Какие сюрпризы вы заготовили нам еще, граф Корженевский?

— Ну, найдутся еще коновалы, кузнецы, хирурги, адвокаты — все, что прикажете, — не смутился граф. — В России мы ко всему готовимся загодя. Как у нас говорят, готовим сани летом. Кое-кто мог бы назвать наших людей шпионами — пожалуй, шпионы они и есть. Но это истинные

патриоты, которым хорошо заплатили за то, чтобы они эмигрировали и поселились в чужой стране. Теперь они нормальные члены общины — и здесь, и в других странах, — но всегда готовы явиться на зов родины, когда понадобится.

— А в Англии у вас тоже есть агенты? — поинтересовался Шерман.

— Ну конечно! В каждой стране, представляющей интерес для нашей отчизны.

— И в Соединенных Штатах тоже? — негромко спросил Гус.

— Вы ведь не хотите и вправду знать ответ на этот вопрос, а? Довольно сказать, что сейчас обе наши великие державы заодно.

Вошедший матрос отдал честь и что-то сказал графу. Тот кивнул, и матрос вышел.

— Все посетители сошли на берег. Итак, с богом! — не успел он договорить, как паровой гудок возвестил об отправлении, и палуба задрожала от работы машины. — Прошу прощения, но до выхода в открытое море на верхнюю палубу выходить вам не следует. А пока — приятного аппетита!

И новоиспеченные русские офицеры воистину усладили свой аппетит, воздав завтраку должное. Гус причастил Шермана к лукулловым радостям белужьей икры, — причем, как положено, запи-

вая ее водкой со льдом, несмотря на ранний час. Так начался первый день опасного вояжа.

Когда они наконец поднялись на верхнюю палубу, плоское бельгийское побережье казалось тоненькой черточкой на горизонте за кормой.

— Немного пройдем на север, — пояснил граф. — При приближении к Британским островам важно зайти с северо-востока, якобы мы идем из России. Сперва осмотрим Шотландию, затем медленно двинемся на юг к Англии. А теперь, с вашего позволения, я покажу вам, как надо ходить и отдавать честь на русский манер.

Они надорвали животики от смеха, печатая шаг по палубе, как на плацу, пока их выправка не удовлетворила Корженевского. Правда, пришлось изрядно попотеть, и все несказанно обрадовались ледяному шампанскому, поданному вслед за тем.

— Дальше мы немного поучимся русскому, — уведомил граф. — Чтобы вы могли воспользоваться им при встрече с англичанами. «Da» означает «да», «nyet» —«нет», а «spaseba» — «спасибо». Поупражняйтесь с этими словами, а вскоре я научу вас говорить «Я не говорю по-английски». То есть «Prostite, po ya ne govoriu po-angliyski». Но это мы отложим на потом. Тем не менее, когда вы

освоите все это, ваших познаний в русском с лихвой хватит на время нашего визита. Британцы никогда не отличались способностями к иностранным языкам, так что вам нечего опасаться разоблачения с их стороны.

Когда граф удалился, чтобы заняться вопросами судовождения, Уилсон уже во второй раз высказал свои опасения:

— Скажите, а это плавание, эта разведка британского побережья — для нее есть какие-то основания? Мы ищем что-то определенное?

— Не улавливаю, куда вы клоните, — отрезал Фокс, хотя прекрасно понял, что именно тревожит моряка.

— Я не имел в виду ничего этакого... но следует признать, что в настоящее время наша страна живет в мире с Англией. Не будет ли то, что мы сейчас предпринимаем, ну, как минимум... провокацией? А уж если нас поймают на горячем, то уж тогда не обойтись без международного скандала.

— Вы правы от слова до слова. Но в более широком смысле военная разведка не может позволить себе бездействовать. Мы никогда не знаем своих потенциальных врагов достаточно хорошо — и даже друзей. По-моему, граф выра-

зился очень точно, сказав, что Россия заглядывает далеко в будущее в вопросах отношений с другими странами. У них за плечами многовековой опыт конфликтов, когда державы, еще вчера числившиеся в друзьях, сегодня переходят в стан врагов. У Америки нет такого опыта международных конфликтов, так что нам предстоит многому научиться.

Шерман отхлебнул шампанского и отставил полупустой бокал на столик. Взгляд у него был отсутствующий, будто он прозревал будущее, пока скрытое от взоров.

— Позвольте мне поведать вам кое-что о британцах, — негромко проронил он. — Полевой командир должен знать своего врага. И за годы сражений с ними я в самом деле изучил их. Могу вас уверить, боевые успехи никогда не давались нам легкой ценой. Их солдаты опытны и цепки и привыкли к победам. Если они и выказывают слабость в бою, то лишь потому, что офицеры добиваются повышения не своими дарованиями, а подкупом. Кто побогаче, тот и купит патент на более высокий офицерский чин. Посему добрых, опытных офицеров отодвигают в стороны, а их место занимают другие, лишенные всякого опыта — помимо расшвыривания денег направо и

налево. Этот идиотский порядок не раз и не два обходился Британии дорогой ценой. И все же, несмотря на эти серьезные упущения, англичане привыкли к победам, потому что, хотя и проиграли множество сражений, ни разу не проиграли в войне. И если в итоге они стали несколько самонадеянны, это вполне можно понять. У них есть карты мира — я сам их видел, — где все страны, входящие в их империю, окрашены в алый цвет. Они говорят, что над Британской империей никогда не заходит солнце, — и это действительно так. Они привыкли к победам. Это островная нация, и война не касалась их берегов очень давно. Случались, конечно, краткие набеги — так, голландцы однажды высадились и захватили город в Корнуолле. Да и наш собственный Джон Пол Джонс, опустошивший Уайтхейвен во время войны 1812 года. Но это исключения. По сути, ни одно вторжение в эту страну после 1066 года[73] не удалось. Они рассчитывают лишь на победу — и история оправдывала их упования... До последнего времени.

— Согласен самым категорическим образом, — подхватил Гус. — Победы американцев на суше

---

[73] Примечания: 73
Имеется в виду поход Вильгельма Завоевателя.

и на море вызвали у них немалый гнев. Порой исход битвы буквально висел на волоске. Много раз все решало лишь наше превосходство в современной военной технике и оружии. И не следует забывать, что вплоть до последней стычки они правили морями планеты. Отныне это не так. Веками они владычествовали над Ирландией — и это тоже отныне уже не так. Они негодуют по поводу сложившегося положения и не хотят признать его.

— Вот почему мы предпринимаем эту рекогносцировку, — мрачно продолжил Шерман. — Война — сущий ад, и мне известно это как никому. Но, по-моему, те, кто стоит в Британии у руля, даже не догадываются об этом. Они правят не без самонадеянности, потому что привыкли к неизменному успеху. Помните, это не настоящая демократия. Здешние власти правят сверху вниз. Правящие классы и аристократия по-прежнему не признают поражения от нашей выскочки-республики. В Америке мы должны стремиться к миру, но быть готовыми и к войне.

— Вы подумайте вот о чем, Уильям, — более спокойно вставил Гус, — мы не причиним Великобритании вреда, если снимем план ее укреплений, ибо не собираемся затевать войну.

Но мы должны приготовиться к любой крайности. Вот затем и организован этот поход в Гринвич. Нас не интересует их Военно-морская академия, но она расположена на реке Темзе под самым Лондоном. Это путь в самое сердце Англии, Британии... самой империи. Путь наступления, которым впервые воспользовались римляне две тысячи лет назад. Я вовсе не утверждаю, что мы собираемся тут наступать, но должны знать, что нас ждет в случае чего. Пока британский бульдог смирен, мы можем крепко спать в своих постелях. Но если он вдруг вскинется... — Гус замолчал, оставив предложение недосказанным.

Уилсон не отзывался, погрузившись в раздумья об услышанном. Потом вдруг улыбнулся и дал знак принести еще шампанского.

— Аргументы сильные. Просто то, что мы делаем, настолько необычно... Будучи моряком, я привык к иному укладу жизни, к дисциплине и опасности...

— Чтобы наше путешествие завершилось успешно, вам придется с лихвой хлебнуть и того, и другого, — заметил Шерман.

— Конечно, вы правы, генерал. Отброшу сомнения и буду выполнять свой долг. Для чего мне понадобятся чертежные принадлежности и

материалы.

— Насколько я знаю нашего друга графа, — сказал на это Фокс, — у него наверняка заготовлен изрядный запасец. Однако никто не должен видеть, что вы занимаетесь черчением.

— Я прекрасно понял. Я должен смотреть и запоминать, а уж после делать планы по памяти. Мне такое не в новинку: работая топографом, я частенько поступал подобным образом, так что проблем не вижу.

Теплая июньская погода все держалась, хотя яхта уже покинула Английский канал и вошла в Северное море. Мелкая, юркая «Аврора» ухитрялась избегать встреч с другими судами даже в этих оживленных водах. Американцы сидели на палубе без кителей, наслаждаясь солнышком, будто отправились в круиз ради отдыха, а Уилсон тем временем оттачивал свои художественные навыки, делая наброски сценок корабельного быта и портретов коллег-офицеров. Граф и в самом деле заготовил чертежные принадлежности в избытке.

Когда судно поднялось до пятьдесят шестого градуса северной широты, Корженевский решил, что они достаточно уклонились к северу, и проложил курс на запад, к Шотландии. На корме

подняли русский флаг, матросы до блеска надраили палубу и бронзовые детали, а офицеры тем временем наслаждались ленчем. На верхнюю палубу они вышли уже при полном параде, где четко козыряли друг другу, раз за разом твердя «Da, da» и щелкая каблуками.

Уже под вечер впереди показалось шотландское побережье близ Данди. Судно изменило курс, неспешно двинувшись на юг, а Корженевский принялся озирать берег через бронзовую подзорную трубу.

— Вот там вы видите устье Фирт-оф-Форта, а Эдинбург находится выше по течению. В свое время я порядком повеселился в этом городе с шотландскими друзьями, чересчур перебрав их великолепного виски. — Он навел трубу на нестройную вереницу белых парусов, потянувшихся из Фирта. — Смахивает на регату... просто превосходно! — Он отдал несколько коротких команд, и яхта подошла ближе к берегу.

— И вовсе это не гонки, — объявил он, как только парусные суденышки стали видны получше. — Просто отправились поразвлечься в вёдро — разве можно их за это винить?

Стоило «Авроре» поравняться с каким-нибудь из парусников, как оттуда дружелюбно махали, а

то и кричали «Ура!». «Аврора» отвечала короткими гудками. Затем одна яхта отбилась от прочих, устремившись в море наперерез пароходу. Наведя трубу на суденышко, граф вскоре опустил ее и расхохотался.

— Клянусь Юпитером, нам несказанно повезло! Ею правит мой однокашник по Гринвичу, почтенный Ричард Мактэвиш.

«Аврора» замедлила ход и легла в дрейф, слегка покачиваясь на волнах. Яхта подошла поближе, и человек у румпеля сперва энергично замахал, после чего крикнул:

— Увидев твой флаг с двуглавым орлом, я просто не поверил своим глазам*. Неужто это и вправду сам граф Игги?

— Собственной персоной, мой дражайший шотландец! Подымайся на борт и глотни пенного, для пищеварения лучше не придумаешь!

За борт сбросили шторм-трап и приняли с яхты буксирный конец. Не прошло и минуты, как перепрыгнувший через фальшборт Мактэвиш хлопнул графа по спине.

— Ты просто радуешь взор, Игги. Что поделываешь в последние годы?

— А, да просто слоняюсь туда-сюда... ну, все такое, — скучающим, чуточку придурковатым

тоном обронил Корженевский. — Слушай, а чего б тебе не зазвать сюда и своих друзей?

* Честно говоря, я бы тоже не поверил. Куда естественней был бы хотя бы триколор, если уж не Андреевский флаг.

— Правду говоря, это не друзья, — отмахнулся Мактэвиш. — Просто местные, которых я соизволил взять в команду.

— Ладно, тогда непременно познакомься с моими приятелями — русскими офицерами, составившими мне компанию в этом небольшом круизе.

Мактэвиш взял бокал шампанского, в то время как трое американцев синхронно щелкнули каблуками и попрочнее встали на полубаке. Граф с улыбкой тоже отпил шампанского.

— Слева направо: лейтенант Чихачев, лейтенант Тыртов и капитан третьего ранга Макаров — это тот, что с черной бородой. К сожалению, английским ни один из них не владеет. Просто улыбнись им, и все в порядке. Видишь, как они рады.

Мактэвишу принялись энергично трясти руку под аккомпанемент множества «Da».

— Как видишь, по-английски они ни бум-бум, — вальяжно процедил граф. — Но ребята славные.

Просто скажи «Da» в ответ... вот умница! Дай-ка я тебе еще налью.

Мактэвиш еще не успел опорожнить второй бокал шампанского, когда над палубой показалась голова.

— Слушай, Дики, — послышался сердитый голос, — это уж чересчур!

— Уже иду. — Шотландец поспешно осушил бокал, после чего, выкрикивая слова прощания и велеречивые заверения в дружбе до гроба, спустился на яхту. Граф помахал ему вослед и усмехнулся, когда суденышко устремилось к берегу.

— Славный субъект, хоть умом и не блещет. Был в классе последним, насколько я помню. Джентльмены, вы держались просто великолепно!

— Da! — отозвался Уилсон, и все дружно рассмеялись.

Машина снова заработала, и труба пыхнула дымом. «Аврора» взяла курс вдоль берега на юг, направляясь в Англию.

А заметно дальше от берега, вдоль которого они шли, и южнее, всего в двух с половиной милях от Бирмингема, вырос палаточный городок на зеленых пастбищах вокруг аристократического

поместья Эстон-Холл. Лагерь раскинулся на территории в добрый десяток акров вымешанной в грязь земли, еще напоенной влагой весенних ливней, но теперь понемногу подсыхающей на солнце. Между палатками настелили дощатые мостки, но проку от них было чуть из-за грязи, просачивающейся в щели между досками. Население лагеря по большей части составляли женщины, апатично помешивавшие варево в котлах, висящих над кострами, или развешивавшие белье для просушки на веревки, протянутые между палатками; эту унылую картину оживляли только дети, с криками носившиеся по мосткам. Мужчин можно было перечесть по пальцам.

Одним из этих немногих был Томас Макграт, как раз в это время сидевший на ящике перед откинутым пологом шатра, неспешно попыхивая трубкой. До ареста этот крупный мужчина с могучими ручищами, едва начавший седеть, был десятником бирмингемской сыромятни. Он окинул горестным взором палатки и грязь. Оно и сейчас скверно, но каково будет осенью, когда зарядят настоящие дожди? Неужто их продержат здесь до той поры? Никто ему ничего не объяснял, даже когда пришли, чтобы арестовать его самого и всю семью заодно. Приказ, буркнули солдаты.

Чей приказ — и с чего это вдруг, — никто так и не сказал. Не считая того, что они ирландцы, как и все остальные, угодившие в этот концентрационный лагерь. Вот так окрестили эти лагеря. В них концентрируют ирландцев, чтобы приглядывать за ними. Услышав звук шагов, он поднял голову и увидел направляющегося в его сторону Патрика Макдермотта.

— Как ты, Том? — поинтересовался тот.

— Да все так же, Пэдди, все так же, — отозвался Макграт.

Макдермотт работал с ним на сыромятне. Славный мужик. Пришедший осторожно присел на корточки.

— Я тут кой-какие новостишки принес. Так оно вышло, что я стоял у самых у главных ворот, когда пришли продуктовые телеги. На каждой двое солдат — возница да охранник, точь-в-точь как завсегда. Да токмо на них была совсем другая форма, нежели у стражи, выставленной у ворот. Ясное дело, сказал я себе, значится, приглядывать за нами пришел новый полк.

— Правда ли оно, что говоришь? — вытащив трубку изо рта, Макграт выбил недокуренный табак, постучав трубкой о стенку ящика, и встал.

— Видал собственными глазами.

— Что ж, тогда лучшего времени не сыскать. Давай-ка сделаем в точности, как задумали. Ты готовый?

— Как никогда.

— Как придут, позаботься о вознице. Я сперва закину словцо жене. А уж она опосля поговорит с Роуз.

Телеги прибывали каждый день-два для раздачи пайков. По большей части картофеля, потому что англичане считали, будто ничего другого ирландцы и не едят. Оба ирландца были уже наготове, когда телега въехала между рядами палаток, остановившись там, где ждала продукты небольшая толпа женщин. Макграт выбрал это место за то, что палатки заслоняли телегу от взглядов солдат, охраняющих ворота. Видна была только одна эта телега. Стоя на ее задке, один из узников лагеря раздавал картошку. Макграт встречался с этим человеком в пабе, но не помнил по имени.

— Давай-ка подсоблю. — Макграт забрался на телегу.

Охранник сидел рядом с возницей лицом назад, держа мушкет между коленей. Уголком глаза Макграт заметил Пэдди, остановившегося рядом с лошадью.

— Эй, ты, слезай! — окликнул охранник, размахивая оружием.

— Он болел, ваша честь, он очень слабый. Я только пособлю ему.

Схватив мешок картошки, Макграт увидел, как Пэдди шагнул вперед, и без промедления взмахнул мешком, выбив винтовку у солдата из рук. Тот лишь разинул рот, но не успел опамятоваться, как удар Макграта под дых согнул его пополам. Второй кулак Макграта довершил дело мощным ударом в челюсть, и солдат рухнул ничком, даже не охнув.

В тот самый миг, когда Макграт взмахнул мешком, Пэдди сдернул изумленного возницу на землю, пнув в висок, как только тот упал в грязь.

Все произошло в считаные мгновения. Человек, выгружавший картофель, ошарашенно замер с мешком в руках. Женщины не шелохнулись, молча наблюдая за происходящим; заплакавший было ребенок смолк, как только ладонь матери зажала ему рот.

— Вываливай почти всю картошку, — велел Макграт стоявшему рядом. — Присмотри, чтоб ее раздали всем. Ты ничего не знаешь.

Тем временем на земле Пэдди раздел лежавшего без памяти солдата до белья и принялся

натягивать мундир, обтерев грязь шейным платком несчастного.

— Раздобудьте-ка веревку, — сказал он глазевшим женщинам. — Я хочу, чтоб его связали и забили ему пасть кляпом. Ну и другому тож.

Макграт же пытался втиснуться в китель охранника, трещавший на нем по всем швам да вдобавок незастегивавшийся. Подхватив винтовку, уселся на место охранника, сунув скомканную одежду — свою и Пэдди — под сиденье рядом с собой. Все это заняло не более пары минут. Женщины отнесли связанных, все еще не очнувшихся солдат в пустующую палатку, опустили полог и завязали тесемки. Ирландец, разгружавший картофель, скрылся. Цокнув языком, Пэдди тряхнул поводья, и лошадь тронулась. Оставшиеся позади женщины и дети рассеялись. Макдермотт испустил довольный вздох.

— Отлично сработано, старикашечка.

— Божечки, я думал, ты ему башку снесешь, уж оченно ты его оглоушил.

— Зато результат что надо. Так, ворота... и держи свою пасть на запоре, ежели им вздумается потолковать с тобой.

— Угу.

Лошадь, понурив голову, медленно брела к

воротам. На страже стояли четверо из Зеленых Френчей, в том числе сержант с солидным брюхом. Он дал знак, и двое солдат двинулись открывать ворота. Пэдди придержал лошадь, дожидаясь, когда они распахнутся пошире.

— Что-то вы закруглились чертовски быстро, — сержант с подозрением оглядел телегу.

— Да спихнули чертов хлам, и всего делов, — ответил Пэдди, весьма приемлемо имитируя говор кокни, потому что много лет проработал в Лондоне. — Напослед было вовсе гнилье.

— Застегнись, а то заработаешь взыскание, — бросил сержант.

Макграт принялся возиться с пуговицами, а сержант, что-то невразумительно буркнув, ткнул большим пальцем в сторону ворот, дав знак проезжать, после чего отвернулся, потеряв к ним всякий интерес.

Пэдди неспешно доехал до поворота, где небольшая рощица скрыла их от лагеря, после чего щелкнул поводьями, погнав лошадь рысью.

— Я думал, помру, когда тот сержант заговорил с тобой вот эдак.

— Тупые свиньи! — внезапно разъярился Макграт — на жизнь, на концентрационный лагерь, на людей, схвативших его и притащивших вместе

с семьей в это жуткое место. — Ага, вон заросли. Заезжай-ка туда, сбросим эти мундиры. Проверь, нет ли в карманах денег. Нам занадобится пара монет на поезд, ежели мы хотим оторваться на несколько миль, пока там не забили тревогу.

В львином логове

«Аврора» неспешно повернула направо, и низменный английский берег оказался прямо по курсу. Под негромкий рокот паровой машины она устремилась к Дангнессу близ устья реки

Темзы, где крейсировал катер Тринити-хаус[74] таким образом, чтобы перехватывать все суда, направляющиеся в Лондон. Граф Корженевский, разложив на установленном на баке столе навигационную карту прибрежных вод, постучал по ней пальцем, и трое американцев пристально посмотрели на нее.

— Здесь, близ Дангнесса, мы должны остановиться, чтобы принять на борт лоцмана. Каждое утро и каждый вечер подрядчик из Дувра привозит сюда такое количество лоцманов, чтобы наготове всегда было человек десять. Когда мы ляжем в дрейф и поднимем сигнал, к нам пришлют

---

[74] Примечания: 74
Маячно-лоцманская корпорация.

одного из них. Лоцман сейчас играет первостепенную роль, потому что фарватер представляет собой сложный лабиринт из подвижных песчаных банок. Но прежде чем лоцман поднимется на борт, я попрошу вас, джентльмены, спуститься в кают-компанию и оставаться там до тех пор, пока он не сойдет на берег. Впрочем, когда он поднимется на мостик, настанет время для капитана Уилсона явиться в роли вахтенного офицера, чтобы присмотреть за отходом от дебаркадера. Команде приказано вести себя так, будто матросы подчиняются его распоряжениям. Когда же мы пойдем дальше, Уилсон останется на носу в роли впередсмотрящего, пока мы не подойдем к _этой_ точке, где река делает резкий поворот направо. Перед излучиной он перейдет на штирборт, встав у самого мостика. На этом месте он будет вне поля зрения лоцмана и сможет сосредоточить внимание на береговых укреплениях. Пресса писала, что несколько лет назад премьер-министр Пальмерстон приказал энергично строить крепости из-за опасения перед вторжением французов. Новые крепости есть здесь, у Слау-Пойнт, выше по течению у Клифф-Крик, а также у Шорнмида. Но всерьез присмотреться вам придется вот здесь, — граф снова постучал кончиком пальца, и все

склонились, чтобы взглянуть на указанную точку на берегу реки. — Вот здесь у воды находится небольшой пункт обороны под названием Коулхаус-форт. В последний раз, когда я там проходил, там не было ни пушек, ни личного состава, но ситуация могла перемениться. Но важнее всего для нас то, что находится за следующей излучиной, где Темза резко сворачивает налево. Тут река заметно сужается, и прямо в излучине, возвышаясь над рекой, расположен опасный Тилбери-форт. Там масса орудийных позиций, а также мощные стены, рвы и прочие укрепления. На другом берегу, как раз напротив Тилбери, возведен новый форт с артиллерийскими позициями у Грейвсенда. Сразу за этими фортами Темза очень сужается, по обоим берегам идут обрывы, так что здесь она военного интереса не представляет. Посему, как только мы минуем этот форт, капитан вернется в кают-компанию к своим товарищам и опишет, какие видел береговые укрепления. Занавески будут задернуты, потому что вскоре после того мы причалим в Гринвиче. Все ли ясно?

— Весьма, — отозвался Шерман. — Неясно лишь, что последует, когда мы прибудем в Гринвич.

— Это уж в руках Всевышнего, мой дражайший генерал. Там преподает мой однокашник капи-

тан Марк Джонстон, и перед выходом из Остенде я телеграфировал ему о своем скором прибытии. Надеюсь, наш постой будет недолгим, но там посмотрим. Во время предыдущего визита я устроил ему небольшой банкет на борту с несколькими бутылками шампанского. Поглядим, что будет на сей раз. Но, как ни крути, а остановиться в Гринвиче мы просто-таки обязаны. В конце концов, мы идем вверх по реке якобы ради визита в Военно-морскую академию, так что выбора у нас нет.

Как и было уговорено, Шерман и Фокс оставались на нижней палубе, подальше от чужих глаз. Вскоре после того, как «Аврора» причалила к дебаркадеру и подала сигнал, от ожидавшего катера отвалила шлюпка, направившаяся в ее сторону. Они мельком заметили человека в бушлате, сидящего на корме, но стюард почти тотчас же задернул занавеси, скрыв от их взоров приближающуюся шлюпку. На палубе послышались голоса и топот ног: граф проводил лоцмана на мостик и остался с ним там.

От седого лоцмана с жидкой бороденкой сильно разило рыбой; к сожалению, на тесном мостике Корженевскому никак не удавалось держаться от него подальше, поэтому он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Лоцман выудил из

кармана сложенную газету и протянул графу:

— Только что пришла. Всего пара монет — и она ваша.

Кивнув, Корженевский уплатил непомерную цену в два шиллинга за газету, зная безобидную привычку лоцманов спекулировать на этом. Моряки, не один месяц оторванные от земли, жадны до новостей. Спрятав монеты в карман, лоцман поглядел вперед и повернулся к рулевому.

— Не разгоняй судно больше пяти узлов.

Тот даже ухом не повел.

— А чего, рулевой не говорит по-английски? — с подозрением осведомился лоцман.

— Не больше, чем вы по-русски, — граф с трудом заставил себя не обращать внимания на глупость собеседника. — Я переведу.

— Малый ход. Максимальная скорость — пять узлов. Впереди бакен Восточного Маргейта. Проведи его по левому борту, чтобы попасть в пролив Принсес, иначе мы сядем на Маргейтскую банку.

Граф окликнул матросов; те пропустили линь через ушко буя и аккуратно провели его вдоль борта. Уилсон старательно разыгрывал роль вахтенного офицера, указывая им рукой на то и се и делая вид, будто командует. Набирая скорость,

«Аврора» неспешно покинула якорную стоянку и направилась вдоль протоки к устью Темзы.

Из-за отлива встречное течение было очень сильным. Берега реки медленно проплывали мимо — раскинувшиеся по обе стороны зеленые поля да изредка деревушки. Заметив впереди излучину, Уилсон небрежной походкой пересек палубу, остановившись там, где его не было видно с мостика.

Граф заблуждался: Коулхаус-форт вовсе не был заброшен — как раз напротив, ощетинился батареей новых крупнокалиберных орудий. Пересчитав их, Уилсон сделал мысленную пометку.

Когда же судно дошло до Тилбери-форта, он даже охнул, изумившись размерам крепости, возведенной на косе в месте сужения реки. Доминируя над местностью, звездообразный форт с высоко возносящимися над водой угрюмыми бастионами мог держать на прицеле любое судно, идущее вверх по течению. Стены бастионов повсеместно зияли жерлами пушек; а за валами у воды виднелось еще больше орудий. Уилсон глазел на форт, пока тот не скрылся позади, после чего поспешно спустился в кают-компанию и открыл блокнот для эскизов. Опустив бинокль, генерал Шерман отвернулся от иллюминатора.

— Впечатляющее зрелище.

— Гибельное, — отозвался Уилсон, стремительно набрасывая абрисы форта. — Ни один корабль, хоть какой бронированный, не проскользнет без пробоин. Могу искренне заявить, что пока этот форт на месте, Лондон может не опасаться вторжения с моря.

— Может, форт удастся захватить с суши.

— Вряд ли. Он окружен внутренним и наружным рвами, с артиллерийскими позициями между ними, да еще реданом, не говоря уж о каменных бастионах самого форта. Вероятно, защитники форта могут затопить болотистую низину позади, если придется. Я бы сказал, что эту крепость не взять — во всяком случае, без долгой осады...

— О которой, конечно, не может быть и речи, — подхватил Шерман, наблюдая, как контуры крепости проступают на бумаге. Потом коснулся кончиком пальца западной батареи на берегу. — Тут двенадцать тяжелых орудий, я посчитал. Судя по размерам жерл, могут потянуть на стофунтовые.

Уилсон еще трудился над чертежами в поте лица, когда двигатель яхты сбавил обороты, а там и вовсе стал. «Аврора» легонько ткнулась в кранцы

дамбы и пришвартовалась. На палубе прозвучали команды и топот бегущих ног. Вошедший граф приблизился к Уилсону, чтобы бросить взгляд на чертежи.

— Превосходнейше! Путешествие начинается весьма благоприятно. К сожалению, к остальному миру это не относится. — Вытащив из кармана газету, он развернул ее на столе. — Лоцман продал мне этот экземпляр «Таймс» по спекулятивной цене. Вот эта тема любопытна для всех нас.

> «ОБЩИНЫ ОСУЖДАЮТ АМЕРИКАНСКУЮ ТОРГОВУЮ ПОЛИТИКУ.
>
> СОСТОЯЛОСЬ РАССМОТРЕНИЕ УГРОЗЫ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛЕ ХЛОПКОМ».

— Это о чем? — осведомился Шерман, глядя на длиннющую статью.

— Я прочел ее с величайшим вниманием, пока мы шли вверх по реке. Похоже на то, что премьер-министр Пальмерстон обвинил ваших соотечественников в том, что они завалили европейский рынок американским хлопком по бросовым ценам, тем самым подорвав британскую хлопковую торговлю.

— В этом нет ничего нового, — возразил Фокс. — Британия вывозит хлопок из колоний с само-

го начала войны между штатами. По большей части из Египта и Индии. Но качество их хлопка ниже американского, а производство обходится дороже. Поэтому торговцы-янки продают хлопок французским и немецким мануфактурам. Британцам это не по нутру. Это мы уже проходили.

— Надеюсь, вы правы. Но в своей речи Пальмерстон расточает угрозы американской торговле, если ничего не изменится.

— Конкретные угрозы? — уточнил Шерман.

— Вообще-то нет. Но за ним нужен глаз да глаз.

— Вот уж действительно, — согласился Фокс, усаживаясь с газетой и углубляясь в статью.

Корженевский пересек помещение, взял с серванта лист бумаги, украшенный фамильным гербом, что-то написал и запечатал его сургучной печатью.

— Сименов уже бывал здесь со мной, так что дорогу до колледжа отыщет. Доставит эту записку Джонстону и дождется ответа. Я приглашаю его на обед нынче вечером. Если он примет приглашение, мы сможем благополучно отбыть завтра же. План действий составим, как только Джонстон уйдет. Для пущей надежности я посылаю с Сименовым матроса, который отнесет бутылку шампанского — этакий залог грядущих удоволь-

ствий! Позвольте предложить вам, капитан, продолжить свои топографические изыскания в своей каюте? Спасибо.

Фокс был куда более увлечен газетой, нежели шампанским, прочитав от строчки до строчки не только статью, которая заинтересовала графа, но и все остальные. У Шермана вид был отсутствующий, что не ускользнуло от внимания Корженевского.

— Вас что-то тревожит, генерал?

— Что-то, тут вы правы. В самом ли деле необходимо брать лоцмана, чтобы подняться вверх по Темзе?

— Не обязательно — но весьма желательно. Здешние песчаные отмели очень непостоянны, и чтобы выбрать нужный рукав, не обойтись без лоцмана, хорошо знающего местные воды.

— Каждому ли судну нужен лоцман?

— Нет. В ясный день небольшая флотилия может следовать в кильватере за судном с лоцманом. — Отхлебнув шампанского, граф без труда проследил ход мыслей Шермана. — Вы правы, это весьма серьезные соображения. Предлагаю вам покамест предоставить мне тревожиться об этом. Я уверен, что это дело поправимое.

Сперва послышался стук в дверь каюты Уилсо-

на, потом голос графа, и Шерман, заглядывавший в чертежи из-за спин Уилсона и Фокса, поднял голову.

— Минуточку, — после чего подошел к двери и отпер.

— Похвальное усердие, — заметил Корженевский, увидев растущую стопку чертежей. — Но теперь я буду искренне признателен, если получу все планы и чертежные принадлежности заодно.

— У вас есть на то причины? — нахмурился Шерман.

— Весьма веские, мой дражайший генерал. Ныне мы пребываем в самом центре страны, каковая хоть и не враждебна, но все же возражает против присутствия иностранных наблюдателей в пределах ее военных учреждений. Я уверен, что мистер Фокс поддержит меня, когда я скажу, что власти вряд ли поприветствуют появление в самом что ни на есть сердце страны тех, кого они наверняка сочтут шпионами. Капитан Джонстон скоро подымется на борт, а наша посудина должна быть русской до самого нутра. В моей каюте есть и английские, и русские книги, но в этом не увидят ничего из ряда вон выходящего. Мистер Фокс, могу я вас просить о небольшом одолжении деликатного свойства?

— То есть?

— Не возьметесь ли вы — не решаюсь сказать «обыскать» — проверить, чтобы ни у одного из вас не нашлось никаких английских документов? Равно как чего другого — наподобие бирок на белье, — что может выдать в вас американцев.

— Чрезвычайно разумное требование, и я согласен его осуществить.

Увидев, насколько Фокс серьезен, Шерман угрюмо кивнул в знак согласия. Если их разоблачат — сокрушительные, катастрофические последствия неминуемы.

Обед превратился для них в суровое испытание. Капитан Джонстон — не какой-нибудь пустоголовый аристократ вроде достопочтенного Мактэвиша. Этот профессор навигации, назубок знающий астрономию и математику, очень проницательно взглянул на троих переодетых офицеров при знакомстве. Едва пригубив шампанского, он углубился в техническую дискуссию с графом о достоинствах и недостатках русского и британского флотов. Когда с едой было наконец покончено и подали портвейн, граф наконец принес им долгожданное избавление.

— Боюсь, что Чихачев должен сменить Сименова на вахте, а Тыртова и Макарова ждут

служебные обязанности.

— Рад был познакомиться, джентльмены, — произнес Джон-стон; в ответ ему защелкали каблуки. Как только они потянулись прочь, Джонстон обернулся к графу: — Запиши мне их имена для приглашений. Вы прибыли очень удачно. Завтра в колледже состоится официальный обед в честь дня рождения королевы. Ты — и они — будете нашими почетными гостями.

Шерман, слышавший слова английского офицера, закрыл дверь и проворчал под нос яростное проклятье. Фокс кивнул, шагая с ним по коридору, и мрачно проронил:

— Опасно. Вот уж действительно очень опасно.

Как только гость отбыл, граф Корженевский вызвал их в кают-компанию.

— В этой ситуации нам необходимо проявить предельный такт.

— А выкрутиться как-нибудь нельзя? — спросил Шерман.

— Боюсь, нет. Зато мы можем повысить свои шансы на успех. Капитан Уилсон по целому ряду причин вынужден будет остаться на борту. Лейтенанту Сименову придется расстаться с машинным отделением и занять его место. Мистер Фокс искушен в подобных делах и сыграет свою

роль без сучка без задоринки. Так что только вам, генерал Шерман, придется быть актером в театре, весьма удаленном от театра военных действий.

— Я что-то не понял.

— Позвольте растолковать. Если я не ошибаюсь, когда вы участвуете в бою как офицер, вы получаете донесения, принимаете решения и действуете на их основании. Ходят легенды, что в самой гуще сражения вы остаетесь самым хладнокровным, самым отважным из воинов. Теперь же вам надлежит собрать всю свою волю, весь свой разум для участия в битве совершенно иного рода. Вам надлежит стать русским военным моряком среднего возраста — который, вполне возможно, встречался с иными из сотрапезников в бою. Они вам не по душе; быть может, вы питаете некие подозрения касательно истинных причин приглашения. Мы, русские, бываем очень мрачными и подозрительными — именно это вы и должны чувствовать. Не выставлять эти чувства напоказ поминутно, но проникнуться ими. Вы меня поняли?

— Пожалуй, да. Что-то сродни роли в пьесе.

— Отлично сказано, — обрадовался Фокс. — По-моему, завтра вы справитесь отлично, просто великолепно.

Трапеза проходила довольно благополучно, хоть и в натянутой обстановке. Их усадили в кругу младших офицеров, вдали от стола знати, где сидели адмиралы и генералы морской пехоты. Поднимали тосты за королеву, вызывавшие у американцев смешанные чувства. Было шумно и душно, так что немудрено было выпить лишнего и приходилось проявлять осмотрительность. Шермана усадили напротив закаленного в морских сражениях ветерана в расшитом золотом мундире, грудь которого украшало множество боевых наград. Едва кивнув головой в знак приветствия, этот капитан потерял к русским всякий интерес, налегая на еду и выпивку. Теперь же, порядком набравшись, начал проявлять сильную неприязнь к Шерману.

— Ты говоришь по-английски, рюсски? Знаешь, что я говорю? — он возвысил голос, будто громкость могла способствовать взаимопониманию.

— Nyet, nyet,— отрезал Шерман, отворачиваясь, и пригубил вина.

— Держу пари, что понимаешь. Сидишь тут и подслушиваешь за милую душу.

Фокс, заметивший, что назревает скандал, попытался разрядить обстановку:

— *Pardon, monsieur. Mon compagnon ne parle pas*

anglais. Parlez-vous franfais?[75]

— Еще лягушатников тут не хватало! Вам тут не место. Мы надрали вам задницу в Крыму, так теперь вы лезете сюда шпионить...

Корженевский, сидевший дальше вдоль стола, поспешно встал и рявкнул вроде бы по-русски какой-то приказ. Лейтенант Сименов, оттолкнув стул от стола, подскочил на ноги; Фокс и Шерман, увидев это, последовали его примеру.

— Боюсь, наше присутствие здесь нежелательно, и мы должны удалиться, — бросил граф.

— Уйдете, когда вам будет сказано, черт вас побери! — гаркнул капитан и тоже встал, пошатываясь.

Внезапно появившийся на сцене капитан Джонстон попытался загладить неловкость.

— Сейчас не время и не место для подобных...

— Согласен, Марк, — перебил его Корженевский, ткнув большим пальцем в сторону двери. — Однако будет разумнее, если я и мои офицеры удалимся. Спасибо за любезность.

Они поспешно ретировались, стремясь поскорее выпутаться из сложного положения, испытав немалое облегчение, когда дверь захлопнулась

---

[75] Примечания: 75

Простите, мсье. Мой спутник не говорит по-английски. Говорите ли вы по-французски? *(фр.).*

за ними, приглушив пьяные вопли британского капитана.

— Скверно, — сказал Корженевский, как только они покинули здание. — Они все еще держат на нас зуб из-за Крыма, и подобное только бередит старые раны. Как бы мне ни хотелось, отплыть нынче же вечером мы не осмелимся — слишком уж подозрительно. Но утром непременно отплывем вниз по течению, как только я раздобуду лоцмана.

В ту ночь они почти не сомкнули глаз и на рассвете один за другим собрались в кают-компании, где стюард поставил кофейник, источающий аромат свежезаваренного кофе.

— Я вернусь с лоцманом при первой же возможности, — сообщил граф, отставив чашку и хлопнув себя по карману, отозвавшемуся звоном монет. — Я готов пойти на подкуп, если придется. Этот континентальный обычай еще не прижился в этой стране. Впрочем, при виде золота здешний народ учится очень быстро. Вахтенный офицер — лейтенант Сименов, из чего следует, что остальные могут не показываться.

Менее часа спустя, когда Фокс только-только покончил с бритьем и натягивал китель, на сходнях послышались какие-то крики. Поспешив на

палубу, он стал свидетелем стычки: английский пехотный офицер поднимался по сходням, а за ним по пятам следовали пятеро вооруженных солдат. Преграждавший им путь Сименов что-то гневно кричал по-русски.

— Da! — окликнул его Фокс, не придумав с ходу ничего лучшего. Обернувшись, Сименов что-то крикнул ему. Глубокомысленно кивнув, Фокс обернулся к сердитому офицеру.

— M"excuser — mais nous ne parions pas anglais. Est-ce que vous comprenezfran fats?[76]

— Ни дерьмовой лягушатины — ни дерьмового русского. Вы сейчас в Англии, и если не говорите по-английски, вам тут не место. Вот мои полномочия! — Он помахал под носом у Фокса какой-то бумагой; тот проворно выхватил ее, чтобы рассмотреть. — Английский офицер подал жалобу на офицеров этого судна. Он утверждает, что вы шпионы. Хочу вас уведомить, что это военное учреждение, и к обвинениям подобного рода здесь относятся очень серьезно. Это ордер на обыск данного судна.

Пожав плечами, Фокс покачал головой, будто ничего не понял, и вернул ордер.

---

[76] Примечания: 76

Извините, но мы не говорим по-английски. Понимаете ли вы французский? *{фр.)*

— За мной! — скомандовал офицер, и солдаты зашагали по сходням. Сименов преградил им путь.

— Nyet! — крикнул Фокс, махнув рукой русскому офицеру, чтобы тот уступил дорогу. Сименов было запротестовал, но тут же понял тщетность — да и опасность своих действий — и неохотно отступил.

— Обыскать судно, — распорядился офицер, направляя солдат на нижнюю палубу. Фокс шел за ним по пятам. Первой, всего в футе от трапа, была дверь каюты генерала Шермана. Дверь была не заперта. Распахнув ее, англичанин шагнул внутрь. Шерман сидел в кресле, покуривая сигару и... читал книгу!

— Дайте-ка мне, — английский офицер выхватил книгу у него из рук.

Фокс подался вперед. Напасть? Поможет ли экипаж схватить солдат? Можно ли сделать еще что-нибудь?

Офицер поднял книгу, и стали видны тисненные золотом кириллические буквы на обложке. Перелистав страницы, заполненные русским текстом, офицер вернул книгу Шерману. Тот угрюмо кивнул, затянувшись сигарой.

— Мы кое-что нашли, капитан, — доложил

один из солдат, заглянув из коридора.

Фоксу показалось, что отчаянно бьющееся сердце вот-вот пробьет грудную клетку. Нетвердой походкой он последовал за солдатом, направившим командира в каюту Корженевского и указавшего на полку с книгами на стене. Подавшись вперед, офицер вслух зачитал:

— «Навигация» Боудитча. Дизраэли. Киплинг[77]. — И отвернулся. — Мне сказали, что граф говорит по-английски, значит, и читает тоже. Продолжайте обыск.

Как ни тщателен был обыск, много времени не понадобилось. Пехотный капитан как раз вел солдат на палубу, когда по сходням поднялся Корженевский, а за ним тот самый лоцман, который сопровождал их вверх по реке. Голос графа дрожал от гнева.

— Что все это значит?! — вопросил он с таким напором, что офицер попятился, заслонившись выставленным вперед ордером.

— У меня приказ. Подана жалоба...

Граф рывком выхватил ордер, пробежал его взглядом — и швырнул на палубу.

— Вон с моего корабля сейчас же! Я здесь по при-

---

[77] Примечания: 77

Явный анахронизм. В 1865 году Киплинг никак не мог публиковаться, так как только что родился.

глашению офицеров Военно-морской академии. У меня есть друзья при вашем английском дворе. Это дело разрешится к моему удовольствию, а не к вашему. Вон!

Офицер поспешно ретировался, подчиненные за ним. Кор-женевский выкрикнул краткий приказ Сименову; тот кивнул и прокричал команду в свою очередь. Тотчас же по трапу взбежала на палубу вереница матросов. Швартовы отдали, как только заработала машина. Граф остался на мостике с лоцманом. «Аврора» стремительно понеслась вниз по реке, подгоняемая отливом.

Лишь когда лоцман благополучно покинул судно в Грейвсенде, Корженевский присоединился к американцам в кают-компании.

— Все висело буквально на волоске, — резюмировал он, когда Фокс вкратце изложил происшествие. — Удача была на нашей стороне.

— По-моему, большую роль сыграла ваша дальновидность, нежели удача, — возразил Шерман. — Если бы они нашли хоть одну улику, подтверждающую их подозрения, нам бы не удалось уйти столь же благополучно.

— Спасибо, генерал, вы очень добры.

Граф подошел к переборке, где на панели красного дерева висели барометр и компас,

пробежался пальцами вдоль ее нижнего края и что-то нажал. Панель откинулась, обнаружив вместительный тайник. Сунув туда руку, Корженевский извлек стопку чертежей и вручил их Уилсону.

— Вы наверняка захотите поработать над ними в открытом море, но лишь после того, как примете со мной толику коньячку в медицинских целях. Я знаю, час еще ранний, но, мне кажется, лечебная доза будет нелишней.

Возмутительный акт

Переход занял совсем немного времени, и капитан Джеймс Д. Баллок был весьма доволен. Теперь, при попутном западном ветре, наполнившем паруса, судно шло вдоль голландского побережья, оставив Фризские острова по правому борту. Скоро они придут в Немецкую бухту, отсюда следует, что «Паркер Кук» сможет пришвартоваться в Вильгельмсхейвене еще до сумерек. Трюмы набиты наилучшим миссисипским хлопком, за который можно взять очень недурную цену.

Движение в этом уголке Атлантики довольнотаки оживленное. Подальше к северу виднелись паруса еще двух кораблей, ближе к берегу — целая флотилия рыбацких скорлупок, а почти

прямо по курсу столб дыма какого-то парохода. По мере при

ближения он все рос, и вскоре стали видны черные палубные надстройки военного корабля.

— Немецкий? — справился капитан.

— Пока непонятно, сэр, — старший помощник Прайс пристально вглядывался в подзорную трубу. — Погодите-ка... у меня перед глазами мелькнул кормовой флаг... нет, не немецкий, ага, по-моему, это британец.

— Далековато от дома его занесло. Что ему понадобилось в этих водах?

Ответ он получил довольно скоро. Сделав широкий разворот, военный корабль лег на тот же курс, что и «Паркер Кук», уравнял с ним скорость и подошел вплотную. Затем на мостике появился офицер с мегафоном.

— Лечь в дрейф! Мы хотим проверить ваши документы.

— Чтоб им повылазило! — буркнул капитан Баллок. — Дайте мне мегафон. — Подойдя к фальшборту, он сердито прокричал: — Это судно Соединенных Штатов «Паркер Кук», идущее в нейтральных водах. Тут вы распоряжаться не можете...

Ответ не заставил себя долго ждать. Не успел

он договорить, как носовое орудие полыхнуло пламенем, и в нескольких ярдах перед носом парусника взмыл высокий фонтан.

— Лечь в дрейф!

Выбора не было. Как только паруса убрали, парусник потерял ход и закачался на волнах. С военного судна проворно и умело спустили шлюпку. Британец подошел настолько близко, что капитан Баллок без труда прочел его название.

— Корабль флота Ее Величества «Опустошение». Дурацкое название.

Американцам оставалось лишь в оцепенении смотреть на приближающуюся шлюпку. Офицер вместе с шестеркой вооруженных морских пехотинцев вскарабкался на палубу и оказался лицом к лицу с разгневанным капитаном.

— Это пиратство! По какому праву?..

— По праву сильного, — высокомерно бросил офицер, махнув рукой в сторону тяжело вооруженного корабля. — А теперь я проверю документы на ваш корабль.

- Нет!

— Что везете? — Офицер небрежно чуть выдвинул шпагу из ножен; смысл этого жеста не ускользнул от капитана.

— Хлопок. Американский хлопок направляется в Германию, и вас это не касается.

— Не согласен. Если вы следите за мировыми событиями, то знаете, что из-за непорядочной торговой практики Великобритания запретила продажу американского хлопка Германии и Франции. Посему ваш груз объявляется контрабандой, на него налагается арест. Он будет доставлен в британский порт.

— Я протестую!..

— Отмечено. А теперь велите свистать всех наверх. Корабль займет призовая команда и отведет его в порт.

Капитан Баллок лишь бессильно чертыхнулся.

Чем дальше к северу, тем хуже становилась погода; неустанные ливни тупо барабанили по листве и кровлям, и Шотландия не стала исключением. Но Томас Макграт и Пэдди Макдермотт шагали по многолюдным улицам Глазго с чувством грандиозного облегчения. Поездка из Бирмингема по железной дороге выдалась долгой, медленной, издергав им нервы до предела. Макграт со своим акцентом кокни купил два билета в третий класс, и они сели в поезд перед самым отправлением. За всю дорогу до Шотландии оба не проронили ни слова из опасения, что

ирландский говор вызовет подозрения. В эти дни на ирландцев в Великобритании смотрят косо.

— Говоришь, уже бывал тут, Пэдди? — уточнил Макграт.

— Ага, с год, после того как приехал с Белфасту.

— Много тут ирландцев?

— Хватает. Но не нашего роду.

— Продди?[78]

— Все до единого.

— А ты за такого сойдешь?

— Иисусе! С чего бы это мне?

— Ну, по-моему, ты смахиваешь на одного из них, тютелька в тютельку.

— Это по-твоему. Но едва они заслышат мое имя да где я жил, как враз смекнут, что я тейг[79].

— А если назовешься другим именем, дашь другой адрес?

— Ну... может сработать. Но ненадолго.

— Да надолго-то и не надобно. Надо только сыскать ирландский бар поблизости от рыбачьих шхун. Они пойдут в море, будут рыбачить в тех же местах, что и ирландцы. Нам надо исхитриться использовать это, чтоб переправить тебя

---

[78] Примечания: 78

П р о д — презрительное прозвище протестантов в Ирландии.

[79] Примечания: 79

Т е й г — презрительное прозвище ирландцев-католиков.

или весточку на ту сторону. Сказать что-нибудь насчет помершего родственника, что тебе надо поспеть на похороны, да что угодно. Предложи им деньги.

— И где ж я наскребу медяков? Мы на мели. Мож, кого оглоушить?

— Почему бы и нет, если дойдет до этого? — угрюмо проронил Макграт. — Весть о концентрационных лагерях должна дойти до Ирландии.

Несмотря на непрекращающийся ливень, впереди, близ Клайда, замаячили огни паба. Понурив головы, оба двинулись к нему. Пэдди бросил взгляд на вывеску над входом.

— «У Маккатчина». Я здесь бывал. Самое что ни на есть ирландское заведение.

— Надеюсь. — Макграт никак не мог отделаться от подозрений. — Дай мне потолковать с ними, пока не уверимся окончательно.

Подозрения его оказались весьма оправданными. Они молча потягивали свое пиво, прислушиваясь к окружающему гомону все более озабоченно. Потом быстро допили, оставив муть на дне кружек, и вышли обратно в дождливую ночь.

— Ни единого ирландца промеж них, — подвел итог Пэдди. — Все до одного шотландцы.

— Это англичане, — мрачно отозвался Макграт. — Протестанты или католики — их разве разберешь? Пэдди для них просто Пэдди[80].

— И что же делать?

— Раздобыть деньжат и двинуть к берегу. На рыбной ловле сильно не разживешься. Надо только найти рыбака, что не откажется от пары монет за то, чтоб взять пассажира-другого. Вот что надо делать.

Шло заседание парламента — весьма бурное, как оказалось. На повестке дня был отчет премьер-министра, и глава оппозиции Бенджамин Дизраэли взывал к вниманию спикера наряду с многими другими. Как только ему дали слово, он поднялся, горестно поглядел на лорда Пальмерстона и покачал головой.

— Разделяет ли палата недоверие, разбуженное в моей груди словами премьер-министра? Неужто мы и вправду служим Британии, останавливая корабли в открытом море, обыскивая и захватывая их? Неужто память о тысяча восемьсот двенадцатом не будит у нас неприятные воспоминания? Бесполезная война, развязанная

[80] Примечания: 80

П э д д и — уменьшительное от имени Патрик, нарицательного имени ирландцев вообще; точно так же все русские — Иваны, а все немцы — Фрицы.

тогда, подвергла нашу страну огромной опасности. Началась она, если память мне не изменяет, с того, что британские военные останавливали американские корабли в море и заставляли их моряков перейти к нам на службу. Тогда Америка не смирилась с подобной практикой, и я сомневаюсь, что смирится теперь. Безрассудная политика премьер-министра вовлекла нашу страну в две гибельных войны. Следует ли нам искать третьей?

Из зала послышались возгласы одобрения — вперемежку с улюлюканьем и гневными воплями. Пальмерстон медленно поднялся на ноги и, дождавшись, когда гомон стихнет, заговорил:

— Было ли сие восклицание достопочтенного джентльмена вопросом — или попросту упражнением в демагогии? Международная торговля — кровь в жилах империи. Пока она течет, все мы процветаем и живем в гармонии. Хлопок так же нужен плантациям Индии, как и мануфактурам Манчестера. Я буду не на своем месте, если не предприму действий против тех, кто угрожает нашей торговле, — а ведь американцы заняты как раз этим. Монеты в ваших карманах и облекающее вас платье — плоды международной торговли. Поставьте ее под удар — и вы поставите

под удар империю, вы поставите под удар само ее существование как мировой державы. Британия будет править морями и ныне, и в обозримом будущем, как правила ими в прошлом. Морские пути планеты не должны стать тропами американской экспансии. Враг у порога, и лично я не пропущу его. Опасные времена нуждаются в позитивной политике.

— Вроде политики ареста и заключения под стражу определенных слоев нашего общества? — парировал Дизраэли.

— Я уже говорил прежде, — разъярился Пальмерстон, — и повторю снова: вопросы военной политики не будут обсуждаться в этой палате, на публике, в присутствии прессы. Если достопочтенный лидер оппозиции имеет законный вопрос касательно политики правительства — что ж, дверь за номером десять всегда открыта для него. Но чего я не могу допустить — и не допущу — это упоминания об этих вещах на публике. Ясно ли я выразился?

Дизраэли лишь отмахнулся. Вопросом об ирландцах Пальмерстона не поколебать. О происходящем известно даже прессе, не рискующей опубликовать сведения из страха перед гневом премьер-министра. Но надо продолжать тыкать

всем в глаза опасной политикой противников. Пусть о ней узнают избиратели, пусть-ка поволнуются. Скорые выборы могут запросто привести к смене правительства.

Именно на этот день Бенджамин Дизраэли и уповал.

Искушение судьбы

Генерал Шерман поднялся на палубу «Авроры» вскоре после пересадки лоцмана на катер у Данг-несса, когда яхта на всех парах покинула мелкие воды устья Темзы. Внизу было жарко и тесно, и теперь он с наслаждением вдыхал свежий морской воздух. Чуть позже к нему присоединились и Фокс с Корженевским.

— Такие испытания не по мне, — посетовал Фокс. — Я думал, что повидал всякое и страх мне не в диковинку, но вынужден сознаться, что до сих пор внутри весь дрожу. Наверно, это от ощущения полнейшей беззащитности в окружении врагов. Теперь я прекрасно понимаю, что одно дело раздавать приказы полевым агентам и совсем другое — выполнять их работу самолично. Крайне унизительное испытание. Я и прежде уважал агентов, но теперь буду откровенно восхищаться теми, кто сталкивается с подобной

опасностью повседневно.

Граф кивнул в знак согласия, но Шерман лишь пожал плечами.

— Что было — то прошло. Сражение заново не переиграешь.

— Завидую вашей невозмутимости, генерал, — улыбнулся Корженевский. — Должно быть, для закаленного бойца приключение в Гринвиче — не более нежели забавный инцидент.

— Как раз напротив. Оно привело меня в крайнее замешательство. Пожалуй, я бы предпочел встретиться с ними на поле боя.

— Искренне сожалею, что подверг вас подобной опасности, — вздохнул граф. — Впредь буду продумывать планы более тщательно и прикладывать все силы, дабы избежать подобных стычек.

— И что же вы запланировали для нас дальше? — осведомился Шерман.

— А это как раз зависит от вас. Но, следует вам знать, ныне мы приближаемся к весьма опасным районам Британии. Не так уж далеко отсюда, на южном побережье Англии, находятся главные военно-морские порты Саутгемптон и Плимут. Почти весь британский флот базируется либо там, либо там. Я уверен, что там найдется масса интересного.

— А стоит ли нам подвергаться риску разоблачения, входя в военные порты? — встревоженно спросил Фокс. — Боюсь, опасной близости к недавнему врагу вчера вечером для меня покамест более чем достаточно.

— Испытываю искушение поддержать вас, Гус, — сказал Шерман. — Не вижу повода снова совать наши головы в пасть льва.

Поклонившись, граф щелкнул каблуками.

— Признавая, что у вас больше здравого смысла, нежели у меня, снимаю все предложения посетить какой-либо из этих портов. Факты таковы, что у меня в Англии есть другие агенты, пребывающие вне подозрений, которые могут осмотреть порты, составить их планы и проследить за передвижениями судов, буде получат такой приказ. Пожалуйста, выбросьте все это из головы.

— Будучи офицерами флота, — кивнул Шерман, — вы, джентльмены, вполне естественно, рассматриваете все с точки зрения моря и судовождения. Но для меня важнее всего суша и ландшафт. Я был бы признателен, если бы мы могли учесть это обстоятельство. Я хотел бы знать куда больше об английских крепостях, ландшафтах и железных дорогах...

— Ну конечно! — Граф даже всплеснул руками

от удовольствия. — У меня внизу есть русские карты, но они начинаются от побережья и почти не показывают внутренних территорий страны. Мой генерал, мы должны раздобыть вам экземпляр «Брэдшоу».

— Боюсь, не понял...

— Зато я понял, — встрял Фокс. — У меня есть эта книга в библиотеке в Вашингтоне, но тут, конечно, от этого толку мало. «Брэдшоу» — английская публикация с расписанием всех поездов, ходящих на Британских островах.

— Я бы с радостью такой обзавелся.

— И обзаведетесь, — ответил граф. — Я намеревался остановиться в Дувре, чтобы пополнить припасы у тамошних портовых торговцев. Заодно навещу и местную книжную лавку. Поскольку Дувр — главные ворота для прибывших с материка, сей бесценный справочник наверняка будет выставлен там на продажу.

Хорошая погода все еще держалась, так что Корженевский приказал накрыть стол для ленча на верхней палубе. Уилсона, с головой ушедшего в свои чертежи и карты, ждать не стали. Подали холодный свекольный суп, который граф назы-

вал «borscht»[81], пришедшийся всем по вкусу. Вместе с неиссякаемым потоком шампанского. Ко времени, когда с едой было покончено, «Аврора» уже бросила якорь на рейде Дуврской гавани. Извинившись, граф отправился в шлюпке на берег, чтобы позаботиться о припасах. В ожидании его возвращения Шерман и Фокс наслаждались на палубе сигарами.

— Я бы не хотел больше встречаться с британскими военными, — признался Шерман. — Уж слишком велик риск.

— Согласен всем сердцем.

— Но это не означает, что мы не можем сойти на берег. Пока мы будем держать рты на запоре, риск минимален. Я бы хотел повидать много чего, пока этот визит не завершился.

— Совершенно согласен, — кивнул Фокс. — Второй такой возможности не будет.

Когда шлюпка вернулась, граф вскарабкался на палубу, размахивая толстым томом в красном переплете.

— «Брэдшоу»! — с триумфом провозгласил он.

---

[81] Примечания: 81

По-видимому, автор не видит ни малейшей разницы между «борщтом», подаваемым в горячем виде, и свекольником, иначе он не упустил бы случая щегольнуть шикарным словцом «okroshka». Но это сущие пустяки по сравнению с тем, что запивают его... шампанским.

В другой руке у него был толстый конверт. — А также подробные карты Британии.

— Примите мою благодарность, — сказал Шерман, взвешивая книгу на ладони. — Если бы вы заодно предоставили мне свои британские карты, я бы удалился в свою каюту.

Под вечер «Аврора» уже шла вдоль Английского канала. В это время суток русские, как и британцы, пили чай. Американцы с радостью поддержали этот приятный обычай.

— Я почти покончил с чертежами, — сообщил капитан Уилсон, размешивая сахар в чашке[82].

— Хорошая новость, — одобрил Фокс. — Надо найти вам еще какую-нибудь работу.

— Уж постарайтесь избежать очередного обыска судна, если возможно. Я до сих пор весь трясусь после недавнего приключения. Уж лучше встретиться с врагом лицом к лицу в море, чем пройти через это снова.

Все повернулись, чтобы поприветствовать вошедшего генерала Шермана, который просидел взаперти в своей каюте большую часть дня. Тот рассеянно кивнул и принял чашку у слуги, стояв-

---

[82] Примечания: 82

Просто даже странно, что подают чай не в стаканах с подстаканниками и без лимона — ведь, по мнению американцев, это самые колоритные детали русского чаепития, не считая самовара.

шего у самовара. Даже не присев, потягивал чай в молчании, устремив взор в неведомые дали. Когда же чашка опустела, отставил ее и обернулся к остальным. От прежней рассеянности не осталось и следа, ее сменила улыбка довольства.

— Джентльмены! Должен вас уведомить, что, если война придет в эти края, у меня есть план. Некоторые детали еще требуют уточнения, но в целом замысел для меня предельно ясен.

— Так откройте его нам! — взволнованно попросил Фокс.

— В свое время, мистер Фокс, в свое время.

Обида на несправедливость, на заточение женщин и малых чад не давала утихнуть гневу, бурлившему в душе Томаса Макграта. Он ничего не просил у мира, кроме возможности заработать на жизнь честным трудом. Именно так он и жил, работал не покладая рук и зарабатывал довольно, чтобы поднять семью. А ради чего? Чтобы всех их загнали в вонючий лагерь. И что дальше? Он не сделал никому ничего такого, чтобы навлечь на себя эту омерзительную участь. Будь честным и трудолюбивым — и погляди, куда это тебя заведет. Он еще ни разу прежде не испытывал искушения встать на путь насилия или преступления, ибо таковые были чужды его

природе. Но теперь, кипя от гнева, он всерьез подумывал и о том, и о другом. Итог того стоит, каков бы он ни был. Ирландия должна узнать о концентрационных лагерях.

Сочихолл-стрит была ярко освещена фонарями, стоящими перед шикарными магазинами и ресторанами. Что делать? Он уже углядел пару архаровцев — ну хотя бы до того, как те заметили его. Дождь стих до легкой мороси, но Томас все равно промок до нитки.

Тротуар внезапно осветился, и он отпрянул в дверной проем. По ступеням ресторана спускался мужчина в вечернем туалете. Подошел к бордюру и взмахом подозвал один из проезжавших мимо экипажей. Неужто возможность? Пока непонятно. Макграт прошел мимо кеба, когда гуляка сел в него, сказав что-то кучеру. Тот причмокнул, тряхнул вожжами, и кеб медленно покатил прочь.

Вокруг хватало других кебов — и пешеходов, переходящих улицу. Не слишком убыстряя шаг, Макграт держался почти за кебом и вскоре увидел, как тот сворачивает в темный переулок. Свернув за угол, Томас сорвался на бег.

Старая лошадь не торопилась, а кнут кучер пускать в ход не хотел. Наконец кеб остановился, не слишком опередив преследователя. Макграт

был всего в футе от него, когда седок расплатился и поднялся по ступенькам крыльца приличного особняка.

— Деньги! — выдохнул Макграт, хватая кучера за руку. — Давай мне все деньги, что у тебя есть.

— А этого не хочешь?! — крикнул тот, с маху приложив ирландца палкой по голове сбоку. Кучер был молод и силен, из раны сразу пошла кровь, — но и ему самому не поздоровилось. Крепкий удар кулаком в грудь вышиб весь воздух из его легких, повергнув кучера на мокрый тротуар.

Быстро обшарив упавшего, Макграт нашел бумажник во внутреннем кармане куртки. Все заняло считаные секунды; никто его не видел. Кеб свернул за угол и скрылся из виду, а Макграт быстро зашагал в противоположном направлении.

Он припозднился на встречу, Пэдди Макдермотт уже ждал его в темной подворотне. Заслышав шаги Макграта, он вышел навстречу.

— Я думал, ты не придешь...

— Как видишь, тут я весь. Как оно прошло?

— Не совсем, как ты сказал. Никаких ирландцев не было ни в одном из баров, что я навестил, вообще ни единого. Бритты загребли их всех — и

продов, и тейгов.

— Иисусе, они что, не знают, кто такие лоялисты?

— Смахивает на то. Но я сходил в гавань, как ты сказал, и шотландские рыбаки очень сердитые насчет всего этого. Гадают, не придет ли следом ихний черед. Как услыхали мой акцент, спросили, не в бегах ли я. Я сказал «ага», и они мне поверили. Смахивает на то, что здешние рыболовы и те, что с Ольстера, все рыбачат на одних отмелях. По-моему, они маленько занимаются контрабандой друг для дружки, но я не хотел расспрашивать сверх меры. Они захватят меня поутру, чтоб я поспел на похороны, про которые говорил им. Но обойдется дороговато. Десятка туда, потом еще десять фунтов другим, которые довезут меня на берег. У нас таких деньжищ нету.

— Ну, скажем, у некоторых есть, — с этими словами Макграт выудил из кармана пачку банкнот. — Доберись туда, Пэдди. Доберись до Ирландии и скажи им про то, что тут творится. Дублин должен знать.

Ирландия в ярости

Президент Авраам Линкольн поднял голову от бумаг, которые подписывал, и поглядел на

вошедшего секретаря Джона Николая.

— Дайте мне покончить с этим, Джон, потом я весь внимание. Похоже, бумаги с каждым днем все прибывают.

Промокнув подпись, он положил стопку документов в ящик стола, откинулся на спинку кресла и вздохнул с облегчением.

— Итак, чем могу служить?

— Пришел военный министр Стэнтон. Хочет поговорить с вами о каких-то срочных делах. А с ним генерал Мигер.

— Ирландия, — устало покачал головой Линкольн. — Эта несчастная страна все еще страдает после всех перенесенных бедствий. — Он встал и потянулся. — Хватит мне сидеть за столом на сегодня. Не будете ли вы добры сказать им, чтобы ждали меня в комнате кабинета министров?

Президент вытер кончик пера и закрыл чернильницу. Бумажной работы на сегодня достаточно. Пройдя по коридору, он вошел в комнату кабинета. При его появлении двое мужчин, стоявших у окна, обернулись к нему.

— Джентльмены, пожалуйста, присаживайтесь.

— Спасибо, что согласились увидеться с нами, — сказал Мигер.

— Опять Ирландия?

— К сожалению, сэр. Я получил чрезвычайно тревожное донесение.

— Как и я, — столь же угрюмо подхватил Стэнтон. — В нейтральных водах захвачен еще один корабль. Хлопковое судно на пути в Германию вместе с грузом. Доставлено в Англию, где владельца и офицеров отпустили. Но ее несчастный экипаж силком завербовали в британский военный флот. Офицеры возвращались через Францию, вот почему мы узнали об инциденте только теперь.

— Значит, 1812 год сызнова?

— Вот уж действительно.

Будет ли война снова — и по той же самой причине? Президент тяжко вздохнул, даже не заметив этого, и прижал ладонь к разболевшейся голове.

— Я тоже получил донесения, — вставил Мигер. — Нам было известно, что англичане уже несколько месяцев собирают и куда-то увозят ирландцев, но мы и понятия не имели, что с ними происходит. От них не было никаких вестей, будто они бесследно пропадали. Но теперь мы знаем. Весть дошла до нас, и за ее подлинность ручаются. Власти устроили лагеря, концентраци-

онные лагеря, как они их окрестили. Два человека бежали из лагеря близ Бирмингема, и один из них добрался до Белфаста. Они говорят, в этих жутких местах держат не только мужчин, но и женщин, и даже детей. Условия жизни в лагерях просто ужасные. Никого ни в чем не обвиняют, просто держат в заключении против их воли. Это не просто преступление против личностей — это преступление против целой нации!

Линкольн слушал в молчании, глядя на сгущающийся за окном мрак и чувствуя, что такой же мрак сгущается в его душе.

— Мы должны что-то предпринять, но ничего не могу придумать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Надо созвать заседание кабинета. Завтра утром. Может, более холодные и трезвые головы найдут какие-нибудь ответы. Полагаю, надлежит подать официальный протест...

— Они проигнорируют его так же, как игнорировали все остальные, — покачал головой Стэнтон. Затем, по какой-то своей ассоциации, осведомился: — От генерала Шермана еще никаких вестей?

— Никаких. Как же я их жду! За годы войны я привык надеяться на него. Наша страна в неоплатном долгу перед ним. Вне всяких сомне-

ний, на этого человека можно положиться в случае национальной катастрофы. Меня тревожит его безопасность, потому что я уверен: он участвует в каком-то отчаянном предприятии. Хотел бы я знать, где он сейчас...

А за океаном, на берегах страны, подвергшей их столь суровому испытанию, Шерман смотрел в подзорную трубу на полуостров, далеко выдающийся в море.

— Он называется Ящерицей, — поведал граф Корженевский. — Странное название — да при том старинное. Никто не знает, с чего это полуостров назвали именно так. Но на современных картах он выглядит как ящерица — о чем не могли ведать люди, давшие ему такое название. Такая вот загадка. А самый кончик называется Краем Земли — и вполне справедливо. Это самая западная точка Британии. Вот там и располагается городок Пензанс.

Шерман повернул трубу, чтобы навести ее на город.

— Здесь оканчивается Великая Западная железная дорога.

— В самом деле.

— Я бы хотел сойти на берег, чтобы посетить город. Или это слишком рискованно?

— Проще пареной репы, старина, как сказал бы граф Игги. Это не то что посещение военного объекта — так сказать, визит в логово льва. Это тихое, сонное местечко с приемлемой бухточкой, где мы можем причалить среди прочих яхт. Очень не помешает прогуляться по берегу, выпить теплого британского пива и все такое. Пока говорить с местными буду только я, никакой опасности нет.

— Так и сделаем, — решительно заявил Шерман.

Жаркое солнце рассыпалось бликами по сланцевым крышам Пензанса. Когда они подходили к гавани, оттуда как раз вышел паровой паром, направляющийся на острова Силли. Граф и трое американских офицеров в костюмах яхтсменов отправились в весельной шлюпке на берег. Корженевский был прав: на их прибытие не обратил внимания ровным счетом никто. Рыбак, чинивший сети на берегу, поглядел на проходящих, почесал нос и вернулся к работе. Было воскресенье, и на берегу хватало нарядно одетой публики. В такой день приятно пройтись на свежем воздухе.

Впереди высилось здание железнодорожного вокзала. Оглядевшись, чтобы увериться, что никто их не услышит, Шерман вполголоса обра-

тился к графу:

— Препятствует ли нам что-нибудь зайти туда?

— Ничего. Я наведу кое-какие справки в билетной кассе, пока вы, джентльмены, подождете меня в сторонке.

— И оглядимся, — с улыбкой подхватил капитан Уилсон. Как только они ступили на берег, он только и делал, что окидывал все вокруг пристальным взглядом топографа.

Поднявшись по невысокой лестнице, они вошли в здание вокзала. Поезд как раз отправлялся, и они, подобно многим другим, поглядели, как двери вагонов захлопнулись и кондуктор дал свисток. Начальник станции в мундире, с золотой часовой цепочкой поверх жилета, махнул машинисту флажком. Паровоз загудел, выпустив в небо столб пара, и, изрыгая тучи дыма, потащил поезд со станции.

— Джентльмены, — громко сказал граф, — по-моему, вон там бар. День нынче жаркий, и, думаю, никому из нас не помешает освежающий стаканчик эля.

Они в молчании уселись вокруг стола. Напитки принесли почти тотчас же. Все четверо неспешно потягивали эль, озирая вокзальную сутолоку.

Затем, покончив с напитками, той же ленивой походкой двинулись обратно к ожидающей шлюпке.

— Я должен заняться черчением сразу по возвращении, — сказал Уилсон. — Просто торопливые наброски, пока воспоминания еще свежи.

— Несомненно, — поддержал Корженевский. — Времени убрать бумаги в сейф будет предостаточно, если к нам приблизится какое-нибудь другое судно. Прогулка была весьма полезной, не так ли, джентльмены?

— Совершенно верно, — подтвердил Шерман. — Но я хотел бы увидеть кое-что еще.

— И что же?

— Совершить небольшое путешествие по железной дороге, граф. И я бы хотел, чтобы вы составили мне компанию при поездке в Плимут.

Поймав себя на том, что челюсть у него отвисла, Корженевский резко захлопнул рот. Вслух же запротестовал Фокс:

— Генерал Шерман, в своем ли вы уме? Плимут — крупная военно-морская база, притом бдительно охраняемая. Пытаться проникнуть туда — чистейшее безрассудство.

— Я прекрасно это осознаю, но вовсе не намерен даже близко подходить к военным. Позвольте

растолковать, что у меня на уме. Граф, если вы будете добры достать карты из своего сейфа, я с радостью объясню вам свои задумки.

Шерман разложил карты на столе, и остальные подались вперед, чтобы лучше видеть. Даже Уилсон оставил свои чертежи, чтобы поглядеть, что затевается. Генерал провел пальцем вдоль корнуолльского побережья, где он начертил карандашом линию, ведущую в глубь суши.

— Это линия Великой Западной железной дороги, произведение строительного искусства великого инженера Изамбара Кингдома Брюнеля. До строительства железной дороги в этом гористом краю не было вообще никаких дорог. Откуда следует, что все сообщения проходили только морем. Брюнель не только провел железную дорогу через эту пересеченную местность, но и выстроил здесь, у Солташа, большой мост, перекинувшийся через реку Тамар. Всего шесть лет назад — помню, тогда я читал об этом с большим интересом. Многим казалось трюизмом, что река чересчур широка и мост через нее перекинуть невозможно. Обычными строительными способами — наверняка. Но этот великий инженер стал провозвестником совершенно нового метода строительства, вытеснившего паромную пере-

праву и впервые связавшего Корнуолл железной дорогой с остальной Британией. А здесь, по ту сторону реки, находится город Плимут. Я хочу доехать поездом до Плимута и ближайшим же поездом вернуться в Пензанс. Я вовсе не намерен даже близко подходить к военно-морской базе.

— Не имеет ли эта поездка какого-либо отношения к планам, которые вы упоминали пару дней назад? — пристально взглянул на него Фокс.

— Не исключено. Скажем так: мне нужно побольше сведений об этой стране, прежде чем я смогу окончательно определиться. Но мне потребуется ваша помощь, граф.

— И вы ее получите, непременно получите. — Погрузившись в раздумья, граф принялся вышагивать из угла в угол. — Но мы должны тщательно подготовиться, чтобы этот план — или вернее будет назвать его авантюрой? — удался. Ваши волосы и бороду нужно покрасить заново, чтобы они не вызвали подозрений. Утром я съезжу на берег, чтобы купить подходящую одежду, хотя бог ведает, что за платье для джентльмена можно там отыскать. Далее я должен купить билеты — притом в первый класс... И, полагаю, вы внимательно изучили «Брэдшоу» и выработали график?

— Да. — Добыв из кармана полоску бумаги, Шерман передал ее графу: — Вот поезда, на которых мы поедем. Мне кажется, при надлежащих приготовлениях эта поездка будет успешной.

— Итак, решено! — граф радостно хлопнул в ладоши. — Надо выпить шампанского за удачное путешествие.

Секрет раскрыт

Генерал Рамси, глава департамента артиллерийско-технического и вещевого снабжения армии Соединенных Штатов, совершил поездку из Вашингтона в Ньюпорт-Ньюс, штат Виргиния, вчера под вечер. После этого он насладился доброй трапезой и трубочкой табака в баре, а затем провел приятную ночь в отеле. Он был просто счастлив избавиться от нескончаемых трудов в военном министерстве хотя бы на несколько часов. Сейчасже, пребывая в благодушном настроении, он попивал кофе в привокзальном кафе, когда заметил толстяка, замершего на пороге и озиравшегося по сторонам. Рамси встал, чтобы пришедший увидел его мундир. Тот поспешно кинулся к нему.

— Вы генерал Рамси, сэр? Я получил вашу записку и очень сожалею о промедлении.

— Ничего страшного, мистер Дэвис, — вынув часы из кармана, Рамси бросил взгляд на циферблат. — Меня известили, что поезд опаздывает, так что у нас масса времени. Пожалуйста, составьте мне компанию. Кофе здесь хоть и не восхитителен, но вполне терпим. Как я понимаю, вы распорядитель работ Джона Эрикссона?

— Имею такое удовольствие.

— Тогда, надеюсь, вы просветите меня на предмет послания своего работодателя. Он просто просил меня явиться сюда сегодня, оговорив, что я должен привезти с собой хоть одного генерала, бывавшего в боях. Вот почему я связался с генералом Грантом, который прибудет следующим поездом. Но это приглашение раздразнило мое любопытство. Не можете ли вы меня просветить?

Дэвис утер взмокший лоб большим красным платком.

— Хотелось бы мне, генерал. Но никому из нас не дозволено говорить ни слова о работе за пределами мастерских. Надеюсь, вы понимаете...

Нахмурившись, Рамси неохотно кивнул.

— Боюсь, что да. Изрядная часть моей работы тоже секретна. Послушайте, это гудок паровоза?

— По-моему, да.

— Что ж, тогда давайте встретим генерала Гранта на платформе.

Грант сошел с поезда первым. Кондуктор было протянул руку, чтобы помочь ему, но генерал лишь отмахнулся. Спускался он медленно, придерживаясь за поручень левой рукой, а правая висела на черной шелковой перевязи. Рамси шагнул вперед, чтобы поприветствовать его.

— Надеюсь, я не дал маху, пригласив тебя сюда, Улисс. Меня уверяли, что ты идешь на поправку.

— Весьма и весьма, и изнываю от безделья. От этой небольшой поездки мне стало несказанно лучше. Если хочешь знать, твоя телеграмма была для меня просто даром небес. Но, сдается мне, от твоей просьбы веет какой-то тайной?

— Совершенно верно, генерал, совершенно верно. Но для меня это такая же загадка. Это Гаррет Дэвис, распорядитель работ мистера Эрикссона. Он тоже о деле ни гугу.

— Весьма сожалею, джентльмены, — блекло улыбнулся Дэвис, — но мне дали совершенно определенные указания. Будьте любезны, пожалуйста, идемте сюда, там нас ждет экипаж.

От станции до верфи Эрикссона было рукой подать. Верфь окружал высокий забор, а у ворот на часах стоял вооруженный солдат. Узнав Дэ-

виса, он отдал честь офицерам и крикнул, чтобы ворота открыли. Все трое выбрались из экипажа перед зданием управления. Дэвис сдерживал шаг, чтобы держаться вровень с Грантом. Эрикссон вышел встретить их лично.

— Генерал Рамси, с вами мы уже встречались, а познакомиться со знаменитым генералом Грантом для меня великая честь.

— Простите, что не подаю руки, сэр. А теперь, простите за прямолинейность, я хотел бы знать, зачем нас вызвали сюда.

— Открою вам это с превеликим моим удовольствием — то бишь, покажу. Будьте добры пройти за мистером Дэвисом... — тараторил шведский инженер на ходу. — Полагаю, оба вы, джентльмены, знакомы с паровой машиной? Конечно, вам ездилось на поездах, бывали много раз на пароходах. Значит, вам известно, какими большими должны быть паровые двигатели. Этот грандиозный размер тревожил меня в конструкции новых броненосцев. Эти новые корабли куда больше моего первого «Монитора», откуда следует, что для снабжения паром машин, каковые вертят орудийные башни, я должен прогонять по кораблю паропроводы. Трубы их очень горячие и опасные и посему требуют толстой изоляции. И

не только это, но еще их легко сломать, и вообще это неконструктивно. Но если ставить паровой двигатель для каждой орудийной башни, я создам механическое чудище, с двигателями и котлами по всему кораблю. Я уверен, вы поняли мою проблему. Нет, думал я, должно быть решение и получше.

— Более миниатюрные, более независимые двигатели для поворота башен? — догадался Рамси.

— Истинная правда! Я вижу, вы инженер, а не только военный, генерал. Это и вправду то, что мне надобно. Поскольку двигатели такого типа не существуют, я, по нужде, должен изобрести их сам. Сюда, пожалуйста.

Дэвис провел их в просторную мастерскую, освещенную громадным потолочным окном. Эрикссон указал на приземистый черный силуэт машины размером с большой кофр и горделиво провозгласил:

— Мой двигатель Карно. Уверен, что вы, джентльмены, знакомы с циклом Карно? Нет? Жалко. Но ничего, я расскажу. Идеальный цикл состоит из четырех обратимых изменений физического состояния вещества, что весьма полезно в термодинамической теории. Мы должны начать

с определенных значений переменных температуры, определенного объема и давления, каковые субстанция претерпевает в процессе...

— Простите, мистер Эрикссон, — перебил генерал Грант. — Вы говорите по-шведски?

— *Svensk? Nep*[83]. Я говорю по-английски.

— Ну, что до меня, то это с равным успехом может быть по-шведски. Не понимаю ни слова из того, что вы сказали.

— Пожалуй, если бы поменьше технических терминов... — вставил Рамси. — На уровне простачков.

Эрикссон весь подобрался, меча взглядом молнии и бормоча что-то под нос, и с усилием заговорил:

— Ладно, это самое наипростейшее. Некое количество тепла берется от источника нагрева и частью передается в место попрохладнее, а разница преобразуется в механическую работу. Вот так работает паровой двигатель. Но цикл Карно можно приложить и к другим машинам. Вот такую машину вы тут видите. Мой двигатель Карно имеет два цилиндра и куда компактнее, чем любой паровой двигатель, полагающийся

---

[83] Примечания: 83
По-шведски? Нет. (шв.).

для работы на внешний источник пара. Вот, используя эту очень летучую жидкость, что я перегнал из керосина, я преуспел в воспламенении прямо в самих цилиндрах.

Грант даже не догадывался, о чем идет речь, но Рамси одобрительно кивал. Эрикссон дал знак механику, смазывавшему двигатель масленкой с длинным носиком. Отставив масленку, тот взялся за рукоятку, торчащую из машины спереди. Повернул ее раз, еще, быстрее и быстрее, потом дернул за рычаг. Двигатель с оглушительным ревом ожил, выдохнув облако ядовитого дыма. Эрикссон отогнал его ладонью от лица и указал на заднюю часть машины, где стремительно вращался торчащий вал.

— Мощность, джентльмены! — прокричал он поверх грохота. — Мощности хватит, чтобы крутить тяжелейшую башню величайшего корабля. И конец убийственным паропроводам. — Он дернул за рычаг, и рев стих.

— Весьма убедительно, — произнес Рамси. Гранта это ничуть не впечатлило, но он счел за лучшее помалкивать. Дэвис, покинувший мастерскую перед началом демонстрации, вернулся в сопровождении невысокого полного человека в элегантном костюме.

— А, мистер Пэррот, — широко улыбнулся генерал Рамси, — как приятно видеть вас снова! Генерал Грант, это Роберт Паркер Пэррот, выдающийся оружейник.

Это генералу Гранту было куда понятнее.

— Мистер Пэррот, как я рад вас видеть! Я считаю ваше оружие лучшим в мире. Видит бог, с ним я выиграл массу сражений.

— Для меня такие слова дороже золота, генерал, — Пэррот прямо засветился от восторга. — А теперь позвольте показать, почему я просил мистера Эрикссона пригласить вас и генерала Рамси. А вернее, почему мы с мистером Эрикссоном вместе работали над изобретением. Все началось, когда мистер Эрикссон посетил мой кабинет некоторое время назад и увидел на стене британскую заявку на патент совершенно невозможного изобретения.

— Невозможного в том виде, — встрял Эрикссон. — Но усовершенствовать оригинал отнюдь не невозможно для гениев, каковыми являемся Пэррот и я. — Избытком скромности Эрикссон никогда не страдал. — Когда я закончил свой двигатель Карно, я враз подумал о патенте на непрактичный паровой экипаж. Ну, сказал я себе, теперь его можно построить. И на пару мы

это и сделали. — Он провел их через комнату к громоздкому объекту, накрытому брезентом. И картинным жестом сдернул покров. — Вот, джентльмены, практичный моторный экипаж.

Машина была настолько новаторской, настолько непривычной для глаза, что окинуть ее единым взором было попросту невозможно. Она представляла собой подобие треугольной платформы с шипастыми колесами на передних углах и единственным колесом сзади. Массивный черный двигатель сидел немного сбоку. На ось двигателя было насажено зубчатое колесо, приводившее в движение устройство наподобие цепи, в свою очередь крутившее шестерню, насаженную на ту же ось, что и два передних колеса. Позади мотора располагалось небольшое сиденье перед рулем, соединенным с поворачивающимся задним колесом. Еще позади двигателя виднелись какие-то циферблаты. Механик завел мотор и отступил в сторону. Пэррот с гордым видом забрался на сиденье, поманипулировал рычагами — и машина медленно покатила вперед. Поворачивая заднее колесо при помощи руля, он медленно прокатился по мастерской, совершив полный круг и вернувшись на место старта, после чего выключил двигатель. Эта демонстрация

произвела впечатление даже на Гранта.

— Замечательно! — воскликнул Рамси. — Она достаточно сильна, чтобы буксировать тяжелое орудие по пересеченной местности.

— Да, она способна и на это, — усмехнулся Эрикссон. — Но может даже больше. — Он махнул рукой в сторону двери, где ждали два работника. Они вышли и вернулись с колесным пулеметом Гатлинга. С профессиональной сноровкой поставили перед машиной мостки и вкатили пулемет на платформу между передними колесами.

— Как видите, джентльмены, с небольшим дополнением моторный экипаж становится передвижной батареей.

Грант все еще ломал голову над значением этой новой машины, когда Рамси, повседневно имевший дело с материальным обеспечением артиллерии, охнул от изумления:

— Передвижная батарея — нет, не одна, а целый дивизион! Они подавят противника прямо в логове, истребят его. Ваша машина быстро доставит орудия в бой. Это огневая мощь, которой не сможет противостоять никакая армия. Что ж... по-моему, это изобретение навечно изменит военную историю.

— Посадка заканчивается, садитесь, будьте любезны, — объявил кондуктор, кивая двум хорошо одетым джентльменам. На обоих были черные шелковые шляпы, дорогие костюмы, в манжетах рубашек — золотые запонки; джентри видно с первого взгляда.

— И где тут первый класс? — осведомился граф.

— Весь этот вагон, сэр, благодарствуйте.

Первым пройдя по коридору, Корженевский откатил в сторону дверь пустого купе. Они сели у окна лицом друг к другу.

— Хрустальные зеркала и бронзовые светильники. Англичане знают толк в удобствах, — генерал Шерман похлопал ладонью по мягким сиденьям.

— Они обожают роскошь и любят потакать маленьким слабостям, — кивнул Корженевский. — Но, боюсь, только сливки общества. Если бы вы заглянули в третий класс этого же поезда, то вряд ли пришли бы в восторг. Правду говоря, мне зачастую кажется, что эта страна очень похожа на матушку-Россию. На вершине аристократы и богатеи, под ними горстка представителей среднего

сословия, заправляющих делами, а в самом низу крепостные — то бишь здесь их кличут рабочим классом — бедствующие, бесправные, больные.

— Граф, да вас послушать — вы сущий республиканец!

— Может, так оно и есть, — криво усмехнулся Корженевский. — Если в моей стране и грядут перемены, то наверняка спущенные сверху. Буржуазия и *mushiks*[84] не хотят перемен, а крепостные бессильны.

Шерман глядел в окно, уйдя в собственные мысли, а поезд все набирал ход, прогрохотав несколько миль вдоль берега, после чего колея свернула в глубь суши. Хоть поезд и не был курьерским, поездка через зеленые поля, перемежаемые фермами и лесочками, с нечастыми остановками на полустанках все равно доставляла удовольствие. Шерман извлек небольшой блокнот в кожаном переплете и делал в нем детальные пометки, почти не отводя глаз от окрестных пейзажей. Наконец поезд сделал оста-

---

[84] Примечания: 84

Мужики. Не совсем ясно, какой смысл вкладывает в это слово автор. Хотя крепостное право было отменено в 1861 году, то есть за пять лет до описываемых событий, сословие зажиточных крестьян к тому времени еще не представляло собой заметной общественной силы. К тому же отношение крестьян, в том числе крепостных, к этой «свободе» было далеко не столь однозначным, как ему кажется.

новку на станции на холме, расположенной над уютным городком, раскинувшимся у океана.

— Фолмут, — сообщил граф. — Тут очень хорошая гавань — вон, видите ее краешек там, над крышами?

Шерман поглядел сквозь окно двери купе. Там вдруг показался офицер в форме военного моряка, ухватившийся за ручку двери и распахнувший ее. Шерман отвел взгляд, одновременно спрятав блокнот во внутренний карман сюртука. Граф смотрел прямо перед собой, разглядывая пришедшего самым уголком глаза. Разумеется, они не говорили друг с другом, поскольку не были представлены. Когда поезд отъехал от станции, Корженевский указал на строения за окном и что-то сказал Шерману по-русски.

— Da, — отозвался тот, продолжая глазеть в окно. Потянулись долгие минуты молчания. Наконец новоприбывший поднес кулак к губам и деликатно кашлянул. Ни один из глядевших в окно не оглянулся. Кашлянув погромче, офицер подался вперед.

— Дело такое, надеюсь, я не выставляю себя в дураках, но готов присягнуть, то есть мне кажется, я слышал, будто вы говорили по-русски...

Граф обратил ледяной взор на незнакомца, ко-

торому хватило воспитания покраснеть до ушей.

— Если я заблуждаюсь, сэр, приношу свои извинения. Но мне кажется, мы знакомы по Гринвичу, вы поступили на несколько лет раньше меня, вы были знаменитостью. Граф, а имя, боюсь, запамятовал. Прошу прощения, что заговорил вот так, с ходу...

— Граф Корженевский. У вас хорошая память. Но, боюсь, не припоминаю...

— Дело такое, не надо извиняться. По-моему, нас даже не знакомили официально. Лейтенант Арчибальд Фаулер, к вашим услугам.

— Какой приятный сюрприз, Арчи. Я вижу, ты все еще на службе.

— В общем. Приписан к старичку «Защитнику» в Плимуте. Просто заглянул в Фолмут на пару дней, чтобы навестить кузин.

— Как приятно! Это мой друг Борис Макаров. Увы, он не говорит по-английски.

— Рад познакомиться.

— Do svedanya, — склонил голову Шерман.

— Буду упиваться этим годами! — с восторгом прощебетал Фаулер. — Как же мы завидовали вам и вашим друзьям... Вечеринки, шампанское — но все же вы по понедельникам всегда трудились в поте лица.

— Мы были молоды и полны энтузиазма. И, должен сказать, весьма крепки телом, чтобы позволить себе подобное.

— Чудненько мы пожили, а? А что же вас привело в Корнуолл на сей раз?

Совершенно невинный вопрос... а может, и нет. Корженевский лихорадочно подыскивал ответ, стремясь выиграть время.

— Мне всегда приятно посетить вашу очаровательную страну, повидать старых друзей.

— Вот уж правда!

— Но на сей раз... — граф ощутил внезапный прилив вдохновения. — Макаров — профессор-путеец Московской инженерной академии. Поскольку мы направлялись в эту сторону, он упросил меня сопровождать его, в одиночку эту экскурсию он бы совершить не смог.

— Экскурсию? — озадаченно переспросил Фаулер.

— Да. Чтобы увидеть всемирно известный Солташский мост, выстроенный вашим мистером Брюнелем.

— Чудо! Легко могу понять его энтузиазм. Пока его возводили, мы частенько ездили в экипажах туда, устраивая пикники на скалах над ним, чтобы полюбоваться строительством. Даже бились

об заклад, что это невыполнимо. Я сам даже сорвал куш в пару соверенов, знаете ли. Говорили, через такую реку мост не перекинуть. Но старина Брюнель построил этакие чертовски громадные быки из крепкого камня. Потом секции моста, собранные на земле и доставленные на баржах, поднимали на устои. Вот сами посмотрите, скоро мы будем его проезжать — сразу после Солташа.

Поезд тихим ходом въехал на мост, под циклопические трубчатые своды.

— Вот, полюбуйтесь-ка! — воскликнул Арчи, захлебываясь от энтузиазма. — Стянутые арки, а следом тросы-подвески, тоже натянутые. Они построены так, что на концах секций силы взаимно компенсируются, так что вся тяжесть приходится прямиком на устои. Они сконструированы так, что каждый пролет можно поднимать целиком. Чудо света.

— Действительно.

— Da, da! — поддержал Шерман, захваченный зрелищем.

Минут пять спустя поезд прибыл в Плимут, пассажиры сошли.

— Вы позволите пригласить вас на экскурсию по кораблю? Это доставит мне огромное удовольствие, — предложил Арчи, но граф лишь покачал

головой.

— Если бы мы только могли! Однако нам надо вернуться следующим поездом, так что в нашем распоряжении лишь часок.

— Значит, в следующий раз. Ну, вам известно, где меня найти. И знайте, что для старых друзей из Гринвича моя дверь всегда открыта.

Обменявшись рукопожатием, они расстались, и лейтенант покинул станцию.

— Вот же буржуазный зануда, — граф с отвращением бросил взгляд вслед удаляющемуся военному моряку. — Тоже мне, старый друг! О, как же этот выскочка, должно быть, завидовал тем, кто старше и состоятельнее его.

Шерману и графу надо было еще найти свой поезд. Спускаясь по лестнице, чтобы перейти на другой путь, граф утер лоб платком.

— Боюсь, мне не дано держаться под огнем так же хладнокровно, как умеете вы, генерал. Надеюсь, эта поездка оправдала перенесенные мучения.

— Куда более, нежели вы представляете. Когда мы вернемся на судно, я хочу просить вас еще об одном, последнем одолжении, если можно.

— Я весь к вашим услугам.

— Тогда... не могли бы мы навестить реку Мер-

си?

— Могли бы. Ливерпуль?

— Именно Ливерпуль. А после этого — вы наверняка рады будете это услышать — наше маленькое приключение подойдет к концу.

— Boshe moi! — шумно вздохнул граф. — Что означает что-то вроде «Господь, благослови»[85]. Так русские говорят в очень тяжелую минуту или в минуту величайшего облегчения. Пойдем, не опоздать бы на поезд.

Президент Авраам Линкольн был расстроен. Заседание кабинета министров не только не выдало решения проблем страны, но и стремительно перерастало в банальную перебранку.

— Есть пределы, которые мы не смеем переступить — и не переступим, — заявил министр финансов Сэмон П. Чейз твердо и решительно. — Во время войны — да, народ облагался более высокими налогами и при том шел на некоторые лишения и на жертвы. Но война давно кончилась, и люди вправе ожидать какой-то отдачи за свои мучения, каких-то элементарных удобств. Я не могу согласиться снова подымать налоги — и не буду.

---

[85] Примечания: 85
У автора — God bless.

— По-моему, вы меня не расслышали, мистер Чейз, — в холодной ярости процедил Гидеон Уэллс. — Как министр военного флота, я обязан следовать предписаниям конгресса. Конгресс же мудро приказал наращивать флот, дабы следовать мировым тенденциям. Когда другие страны вооружаются, мы должны следовать их примеру, дабы обеспечить передний рубеж обороны нашей страны. Мощь современного флота опирается на броненосцы. Они стали больше, быстрее, сильнее, лучше вооружены, а броня стала крепче. И все это стоит денег. Я достаточно ясно выразился?

Не успел взбешенный Чейз раскрыть рот, как в разговор встрял военный министр Эдвин М. Стэнтон:

— А вот тут я должен напомнить вам всем, что содержание в поле двухсот тысяч хорошо обученных солдат обходится в полтора миллиона долларов в день. Как и военный флот, я получил наказ конгресса наращивать и содержать эту армию...

— Джентльмены, джентльмены, — возвысил голос Линкольн, чтобы утихомирить разгорающуюся свару, — мне кажется, что мы тут спорим о взаимоисключающих предметах. Ничуть не сомневаюсь, что у каждого из вас имеется свое

мнение. Но я созвал сегодня совещание, чтобы просить у вас совета и чтобы вы объединили умы в поиске решения актуальной и серьезной проблемы — непримиримости британцев и попрания ими международного права в массовых масштабах против нашей страны. Вот какой совет мне сейчас отчаянно нужен. Умоляю, забудьте свои разногласия и высказывайтесь только на эту тему, будьте любезны.

Сидящие вокруг длинного стола погрузились в молчание. Наступившую тишину нарушало лишь гудение шмеля, влетевшего в распахнутое окно. Сердито потыкавшись в стекло, он наконец отыскал путь на свободу, и стало еще тише. В этом безмолвии негромкий голос Уильяма Г. Сьюарда прозвучал очень отчетливо.

— Будучи государственным секретарем, я обязан откликнуться на просьбу президента. Мое ведомство не сидело сложа руки. За границей послы и государственные служащие пытались уговорить другие страны присоединиться к нам в протесте против британского беззакония. Вынужден признать, тут мы потерпели крах. Многие европейские страны, достаточно крупные и достаточно сильные, чтобы Британия прислушалась к их мнению, связаны с британ-

ской королевской династией родственными узами, а более мелкие страны попросту не станут слушать. К сожалению, больше мы почти ничего не можем предпринять.

— Я могу лишь посоветовать вашим представителям приложить побольше сил, — сказал Иуда П. Бенджамин. Потерпев поражение на президентских выборах, он великодушно согласился вернуться на свой пост министра по делам Юга. — С каждым днем я получаю все больше и больше жалоб от хлопковых плантаторов. Они не могут полагаться исключительно на внутренний рынок и ради прибылей должны искать сбыт за океаном. Захват британцами такого множества хлопковых кораблей доведет их до банкротства.

Это безрадостное заявление встретили кивками понимания. Затем, прежде чем еще кто-нибудь успел что-то сказать, дверь приоткрылась, и в нее проскользнул секретарь президента Джон Хей. Что-то негромко сообщил Линкольну, и тот кивнул.

— Понимаю. Подождите секундочку, Джон, пока я изложу это кабинету. Джентльмены, до моего сведения доводят, что внизу дожидается президент Ирландии вместе с ирландским послом. Он связался со мной вчера вечером, вскоре

по прибытии, и просил о встрече. Я же уведомил его о заседании кабинета и просил присоединиться к нам. Надеюсь, вы согласитесь, что за явление, которое он собирается сделать, имеет величайшее значение для всех собравшихся.

— Несомненно, — поддержал Сьюард. — Надо позвать его.

Хей вышел. Министры ждали в молчании. Вернулся он в сопровождении двух мужчин в черных костюмах. Выражения их лиц были под стать цвету их платья — на них читалось уныние на грани отчаяния.

— Президент Росса, — объявил Джон Хей, и тот кивнул. — А с ним посол О'Брин.

— Очень рад, — сказал Линкольн. — Джон, поднесите-ка эти стулья. Джеремия, последний раз мы виделись в годину тяжких испытаний.

— К несчастью, Авраам, испытания не кончились — скорее уж усугубились, и я начинаю опасаться, что моя бедная страна отдана на милость некой библейской чумы.

— И я могу назвать источник этой чумы, — подхватил ирландский посол. — Прошу вас, простите за такие речи, но слова эти рвутся из моей души. Британцы — вот чума, опустошающая нашу бедную страну.

— Именно, — кивнул Росса. — С каким теплом я вспоминаю те безмятежные дни осуществления мечты, когда президент Линкольн присутствовал при моей инаугурации. Какими чаяниями был напоен воздух! Мы только что прошли через муки войны, но никто не сожалел об испытанных лишениях. Ирландия стала свободной, свободной после стольких веков ига! Сам воздух благоухал ароматом свободы, глас ее слышался в церковном благовесте. Мы наконец-то стали единой страной, от Белфаста на севере до Корка на юге. Единой и вольной самостоятельно определять свое будущее.

Росса окинул заслушавшихся членов кабинета министров взором ввалившихся глаз, под которыми залегли черные тени тревоги.

— И как же быстро это подошло к концу! Вместо того чтобы отстроить заново и воссоединить Ирландию, мы вынуждены снова встать на ее защиту. Лодки наших рыбаков сжигают у них на глазах. Наши приморские города и селения подвергаются набегам и грабежам. В то время как ирландских мужчин и женщин — и даже детей! — в Англии хватают прямо в их жилищах и сгоняют в отвратительные концентрационные лагеря. Что делать? Что делать?!

— Президент Росса, мы задаемся тем же самым вопросом, — подал голос Сьюард. — Мне кажется, мой государственный департамент не оправдывает ожиданий американского народа. Несмотря на наши старания отыскать мирный выход, наши хлопковые суда по-прежнему захватывают в открытом море.

— Наверное, есть только один ответ, — голос Россы был полон безысходности. — Наверное, мирного решения действительно нет. Наверное, мы должны противостоять ужасу и угрозе. Не вижу иного выхода, учитывая известные нам факты. — Он весь подобрался и оглядел сидящих. — Наверное, мы должны поступить, как поступали — как поступали и вы — прежде. В последний раз призвать британцев покончить с мародерством. Напомнить им о долге перед историей. Потребовать, чтобы они немедленно прекратили бесчинства. Ибо если не прекратят, мы придем к единственному выводу — что они объявили нам войну. А если уж они так решили — быть посему. Наша страна меньше и слабее. Но во всей нашей земле не найдется ни единого человека, не согласного с тем, что раз уж нас вынуждают принять решение, то республика Ирландия объявляет Великобритании войну.

И если мы поступим так — поддержите ли нас вы, страна демократии и свободы, в сем благородном предприятии?

Присоединитесь ли вы к нам в войне против Великобритании?

Западня!

Плавучий маяк заметили с «Авроры», как только она вошла в Ливерпульский залив. После полудня судно пробивалось через водовороты и стремнины взбудораженных приливом вод у входа в устье Мерси. Летний шторм надвигался с самого утра. Принесенный с Атлантики, над Ирландией он набрал силу и сейчас вспенил Ирландское море. Граф Корженевский с генералом Шерманом стояли на палубе, кутаясь в клеенчатые плащи, хоть как-то защищавшие от проливного дождя. Низменные берега реки по обе стороны лишь смутно маячили сквозь пелену тумана и дождевую завесу.

— Может, бросить якорь и переждать шторм? — предложил граф.

— Только если вы видите такую необходимость. Я бы не хотел задерживаться в этом районе надолго. Я просто хочу увидеть подступы к Ливерпулю и их расположение по отношению к реке.

— Это достаточно просто, хоть в дождь, хоть в вёдро. Мы уже добрались сюда и подходим к завершению миссии. Да, давайте проделаем это — и покинем здешние воды. Уверен, все мы испытаем грандиозное облегчение, как только покончим со всем этим.

— Совершенно согласен. Будем пробиваться дальше.

Когда они из открытого моря вошли в более мелкие воды дельты, ветер немного поутих, но ливень продолжал неустанно хлестать. Несмотря на это, найти дорогу было нетрудно. Фарватер был размечен бакенами, и подгоняемая приливом яхта двигалась очень ходко. По пути то и дело встречались рыбачьи баркасы, шедшие на всех парусах, а один раз они разминулись с колесным сухогрузом, с пыхтением пробивавшимся против приливного течения к морю. Под вечер впереди замаячили главы церквей Ливерпуля. Как только за пеленой ливня показались первые причалы, «Аврора» свернула ближе к берегу. В кают-компании под палубой, до блеска надраенной ливнем, капитан Уилсон старательно зарисовывал абрис береговой линии, глядя в иллюминатор и бормоча под нос ругательства по адресу дурной погоды.

Река сузилась, и суденышко легло в дрейф в середке фарватера, позволив приливу нести себя вверх по реке.

— По-моему, причал, который мы миновали, был последним, — заметил Шерман.

— Я в этом уверен. Любое судно с большей осадкой, чем наше, уже село бы на мель.

— Хорошо. Думаю, мы видели достаточно — и не хочу подвергать «Аврору» дальнейшей опасности. Если хотите, мы можем лечь на обратный курс.

— Хочу?! Да просто жажду! — граф прокричал приказ на мостик, и «Аврора» начала разворот. Вопреки противодействию приливного течения, она упорно шла вниз по реке и набрала уже хороший ход, когда Шерман с графом спустились на нижнюю палубу. Как только они сбросили плащи, граф вызвал стюарда. Мгновение спустя тот явился с бутылкой коньяка и пузатыми рюмками на подносе. Разлив коньяк, граф вручил одну генералу.

— Не выпить ли нам за успешное завершение миссии?

— Прекрасная мысль! А потом можно переодеться в сухое.

Тут дверь распахнулась, впустив дождевые

брызги и вахтенного офицера лейтенанта Сименова, торопливо проговорившего что-то по-русски. Вслух чертыхнувшись, граф принялся натягивать плащ.

— Впереди большой корабль, идет вверх, нам навстречу.

— Нам попадались и другие, — заметил Шерман.

— Но не такие. Этот с пушками. Военный.

Поспешно одевшись, Шерман тоже поднялся на палубу. Дождь утих, и броненосец, идущий вверх по реке к Ливерпулю, был виден как на ладони. Жерла спаренных орудий носовой артиллерийской башни зловеще смотрели прямо на них.

Граф выкрикнул команду по-русски и пояснил:

— Я приказал подойти поближе к берегу. Хочу убраться с их пути подальше.

— Я уверен, что это случайная встреча, — высказался Шерман.

Но едва успел он это произнести, как башня медленно развернулась в их направлении, и они впервые смогли четко разглядеть название корабля.

— «Защитник»! — нахмурился Шерман. — Не так ли назывался корабль в Плимуте — тот, к которому приписан офицер с поезда?

Отвечать графу было некогда, но команды, которые он выкрикивал, послужили красноречивым ответом сами по себе. Из трубы повалили облака дыма, машина заработала на полную мощь. Одновременно судно резко накренилось на борт, развернувшись буквально на пятачке. Показав броненосцу корму, «Аврора» на всех парах устремилась вверх по реке.

— Все этот чертов свиненыш Арчи Фаулер, — сердито прорычал Корженевский. — Надо было прикончить его, пока мы были с ним в поезде один на один.

— Боюсь, не улавливаю причины.

— Задним числом я все прекрасно понимаю. Расставшись с нами, он вернулся на корабль — и не мог не похвастаться встречей со мной; слепому видно, что он жуткий сноб. Там оказался кто-то из участников приема в Гринвиче — или наслышанный о нем. Как бы то ни было, нам известно, что британцы недолюбливают русских и наверняка возмущены тем, что мы что-то разнюхиваем на их берегах. А уж как только они прониклись подозрениями, проследить «Аврору» наверняка не составляло труда, ведь мы не делали секрета из своего присутствия в здешних водах... — тут он осекся, потому что одна из пушек передней

башни броненосца полыхнула выстрелом. Мгновение спустя по штирборту от носа вырос столб воды. Тут же громыхнуло второе орудие, и его снаряд поднял фонтан по левому борту.

— Берут в вилку! — крикнул Шерман. — Хорошо, что у них нет третьего орудия.

Расстояние между кораблями возрастало, потому что более мелкое судно набирало ход куда быстрее. Но машины «Защитника» скоро вышли на полную мощность, и он больше не отставал, хотя и не мог настичь «Аврору».

— Они прекратили огонь, — констатировал Шерман.

— Им незачем стрелять. Нам от них не уйти. Мы в бутылке, а они — пробка.

— И что же нам делать?

— Пока что остается лишь держаться от них подальше, — граф поднял глаза к потемневшим небесам, струящим потоки воды. — Прилив достигнет пика через час.

— И тогда...

— Мы будем в руках Всевышнего, — промолвил граф с угрюмым русским фатализмом.

Они стремительно неслись вверх по реке, а их черная стальная Немезида упорно шла за ними на всех парах. По левому борту вынырнул из ливня

Ливерпуль и стремительно пронесся мимо. Они миновали последний причал, и река сузилась.

— Они сбрасывают ход, они отстают! — вскрикнул Шерман.

— У них нет другого выхода, они не могут рисковать идти дальше. И прекрасно знают, что мы в западне.

Корабль Ее Величества «Защитник» рывком остановился посреди реки. Они провожали глазами его уменьшающийся силуэт, пока излучина Мерси не скрыла его от взглядов.

— Мы тоже остановимся? — поинтересовался Шерман.

— Нет. Пойдем вперед. Они могут отправить за нами катера. А могут и связаться с берегом, чтобы армия устроила нам ловушку. Собственно, это и есть ловушка. — Граф бросил взгляд на небо, затем на часы. — До сумерек еще не один час. Черт бы побрал эти долгие летние дни. — Он сердито побарабанил пальцами по перилам. — Мы должны что-то предпринять, а не стоять, дрожа, как кролик в силках. — Поглядев на взбаламученную речную воду, он снова бросил взгляд на часы. — Дождемся отлива, и только. Осталось уже недолго. А после перейдем к действию.

— И что же мы можем сделать?

— Ну, — широкая улыбка графа смахивала чуть ли не на оскал, — тогда, дорогой мой генерал, мы на всех парах устремимся вниз по течению. Подгоняемые отливом, мы будем находиться в зоне обстрела кратчайшее время. Если повезет, проскочим мимо вражеского корабля и покажем ему хвост. После этого нам остается уповать на случай, и, хочется надеяться, нам выпадет небывалая удача. Если вы верующий, можете помолиться о заступничестве свыше. Видит Бог, мы в нем нуждаемся.

«Аврора» тихим ходом шла вверх по реке, пока графа не начала тревожить глубина Мерси, и тогда бросили якорь.

К тому времени Фокс и Уилсон тоже поднялись на палубу, не обращая внимания на дождь, и Шерман объяснил, что происходит. Не было сказано почти ни слова — да и что тут скажешь... Покамест им ничего не угрожало. Пройдя на нос, граф стоял там, глядя на реку, на плавающий на поверхности хлам.

— До отлива время еще есть. Давайте уйдем с дождя и переоденемся в сухое.

В своей каюте генерал Шерман стащил мокрую одежду, вытерся насухо и снова оделся, погрузившись в глубокие раздумья и не замечая почти

ничего вокруг. Ситуация опасная. Когда он присоединился к остальным в кают-компании, граф раздавал всем стаканы с бренди. Взяв один, Шерман отхлебнул.

— По-видимому, нам остается только ждать отлива, а больше ничего не поделать.

— Ничего, — мрачно бросил граф, осушив стакан сразу наполовину. — Если бы кто-нибудь, кроме меня, мог сойти за англичанина, я бы высадил его на берег со всеми картами и чертежами, чтобы он доставил их в нейтральную страну. Но таких тут нет, а я не решусь покинуть судно на произвол судьбы.

— Может, уничтожить карты? — предложил Шерман, но граф отрицательно тряхнул головой.

— Не стоит. Если корабль пойдет ко дну — они утонут вместе с ним. А если нам удастся вырваться — они с лихвой окупят все наши терзания. — Граф допил стакан одним духом; хмель будто и не брал его вовсе.

— Стоит ли игра свеч? — уныло спросил Уилсон.

— Стоит! — непререкаемым тоном заявил Фокс. — Могу вас уверить: когда мы доставим эти сведения домой, им просто не будет цены. Современное военное искусство все больше зависит от

разведки. Это во времена Наполеона армия могла просто идти вперед, пока не наткнется на противника, а уж после давать бой. Сейчас такое уже не пройдет, генерал Шерман вам скажет. Телеграф молниеносно доставляет сведения полководцам прямо на поле боя. Поезда везут боеприпасы и снабжение. Без квалифицированной разведки воюющая армия слепа.

— Мистер Фокс прав, — поддержал граф. — Игра, дорогой мой Уилсон, стоит свеч. — Он бросил взгляд на часы, висящие на переборке. — Скоро отлив.

Чувствуя себя неуютно в четырех стенах, американцы поднялись за ним на палубу. Ливень стих, сменившись моросящим дождичком. Подойдя к фальшборту, граф поглядел на воду. Большая часть плавучего сора просто покачивалась на месте. Затем мало-помалу все пришло в движение. Едва заметно поначалу, но с каждой минутой все быстрей и быстрей листья и ветки устремились вниз по реке. Удовлетворенно кивнув, граф выкрикнул приказ на мостик. Якорь подняли, машина ожила, и винт вспенил воду за кормой.

— Джентльмены, жребий брошен. Теперь один лишь Бог ведает, что с нами будет.

Вовсю дымя трубой, суденышко набирало ход,

разогнавшись настолько, что, огибая излучину реки, даже накренилось. Все быстрее и быстрее «Аврора» неслась вниз по течению навстречу своей участи.

Вот она, подняв высокий бурун, обогнула очередной поворот...

И тут, заслонив собой горизонт, впереди выросла громада «Защитника».

Конвой в опасности

— Простите, капитан, но они на мои сигналы не отвечают.

У капитана Рафаэля Семмза на языке вертелась добрая дюжина едких отповедей, но он лишь кивнул в ответ. Нечего взваливать вину за этот бардак вместо конвоя на сигнальщика. С самого выхода из залива Мобил одна проблема за другой. А с сигналами, пожалуй, хуже всего; транспорты с хлопком то недопонимают сигналы, а то и вовсе игнорируют. Или просят повторять их снова и снова. Не то чтобы на их долю выпало такое уж сложное задание. Семмз просто хотел, чтобы они держались вместе, не рассыпаясь и не отставая.

И что ни утро, все та же история — они раскиданы по всей Атлантике, а иные так замешкались, что из-за горизонта видны только мачты. Так

что ему приходилось раз за разом сбивать их в кучу, подавая паровым гудком корабля ВМФ США «Виргиния» сердитые сигналы, чтобы привлечь их внимание. Загонять на места в строю, как овчарка — отбившихся от стада глупых овец.

И снова эта «Дикси Белль», сплошное недоразумение. Плетется в хвосте, игнорируя все его попытки связаться с ней. Но хуже всего то, что этот пароход — единственный в конвое из пяти судов. Уж судно-то с собственным двигателем могло бы держаться в строю. В то время как хлопковые клипера с белыми парусами легко идут, оседлав западный ветер, пароход день за днем отстает. С этой «Дикси Белль» вечно забот полон рот.

— Лево руля, малый вперед, — приказал Семмз рулевому. — Пойдем за ней.

Оставив в море широкий пенный след, «Виргиния» легла на обратный курс и направилась к сбившемуся с курса кораблю. Самое неподходящее место, чтобы распускать конвой. До французского побережья меньше сотни миль, и британские крейсеры так и рыщут здесь в поисках добычи. Здесь захватили слишком много американских хлопковых судов, откуда и возникла нужда в организации конвоя, — да только

сила его определяется по слабейшему звену. Броненосец может обеспечить ему защиту лишь в том случае, если конвой будет держаться вместе.

«Виргиния» снова развернулась на курс, параллельный курсу второго судна, замедлила ход и остановилась вровень с ним. Как только оно оказалось в пределах слышимости, Семмз поднес к губам рупор — не без труда отделавшись от искушения распечь капитана за то, что тот игнорировал сигналы; это стало бы лишь сотрясением воздуха и тратой сил попусту.

— Почему вы замедлили ход? — крикнул он вместо этого. Ему пришлось повторить вопрос, когда второй капитан наконец показался на палубе.

— Подшипник вала раскалился. Придется остановить машину, чтобы заменить его.

С чего бы это он перегрелся? Из-за лени и некомпетентности смазчика, вот с чего. Семмзу пришлось собрать волю в кулак, чтобы не обругать капитана за слишком мягкое отношение к экипажу; все равно это ничего не даст.

— Сколько займет ремонт?

Там наскоро посовещались, потом его визави снова поднес рупор ко рту:

— Два, от силы три часа.

— Тогда приступайте.

Капитан Семмз швырнул рупор на палубу, ругаясь на чем свет стоит. Рулевой и сигнальщик понимающе переглянулись у капитана за спиной. Они вполне разделяли его чувства к конвоируемым торговцам — ничегошеньки, кроме презрения. Уж лучше быстрый поход — или даже морской бой, только бы не эта бодяга.

Семмз пребывал в затруднительном положении. Может, отвести четыре других судна в порт, покинув жалкую «Дикси Белль» на произвол судьбы? Искус велик. Мысль о том, что ту захватит британский крейсер, прямо-таки согрела ему душу. Но он здесь не для этого. Его задание — защищать их всех. Если же остановить другие корабли, чтобы подождать паршивую овцу, не будет конца жалобам на потерянное время в море, опоздание в порт, а то и дойдет до служебного расследования.

И все же иного выхода нет. Как только «Виргиния» снова нагнала вверенные ее попечению суда, Семмз обернулся к сигнальщику.

— Просигнальте, чтобы легли в дрейф.

Конечно же, с первого раза дело не пошло: последовали сердитые запросы, а некоторые и вовсе проигнорировали сигнал. Семмз передал

сигнал снова, а затем обошел всех на полном ходу, едва не подрезав им носы. Это заставило их внять приказу, но одно судно — «Билокси», чей капитан отличался самым строптивым норовом, — так и не остановилось. «Виргиния» ринулась вдогонку, вереща гудком. Семмз лишь мимоходом оглянулся на «Дикси Белль», отставшую уже мили на три.

Капитан «Билокси» нипочем не хотел ложиться в дрейф, вознамерившись продолжать путь в одиночку. Семмз, которому быстро прискучила перебранка с непокорным капитаном через рупор, передал приказ носовой башне пальнуть фугасом перед носом упрямца. Как всегда, это сотворило просто чудо, и паруса клипера, начавшего разворот, вяло заполоскались на ветру.

— Капитан, — крикнул впередсмотрящий, — дым на горизонте, слева по носу.

— Проклятье! — буркнул Семмз, поднося к глазам бинокль. Да, вот он, корабль движется в сторону парализованной «Дикси Белль». — Полный вперед! — И «Виргиния» на всех парах понеслась к стоящему торговцу.

Оба парохода стремительно сближались под углом друг к другу. Наклонные столбы дыма из их труб говорили о скорости. Второй пароход

уже вынырнул из-за горизонта, явив взору свой черный корпус и — да-да, это орудийные башни. Наверняка британец, никакой другой военный корабль не рыскал бы здесь так нахально.

«Виргиния» подоспела в последний момент, вклинившись между «Дикси Белль» и противником, и застопорила машины.

— На нем британский военно-морской флаг, сэр! — доложил впередсмотрящий.

— Действительно, — радостно ухмыльнулся Семмз. Корабли в море, противники в море — вот такая жизнь ему по душе, вот это настоящее счастье. Во время войны, возя хлопок с Юга в Англию, он упивался каждой минутой каждого перехода. За ним много гонялись, когда он проскальзывал сквозь морскую блокаду с фрахтами хлопка, но ни разу не поймали.

— А вот теперь поглядим, что ты будешь делать, мой чудесный английский друг. Это тебе не безоружный торгаш, запугать которого раз плюнуть. Тут ты столкнулся с гордостью американского флота. Валяй, выпусти-ка снаряд! Дай мне повод!

Башни противостоящего броненосца поворачивались в его сторону. С лица Семмза все еще не сходила улыбка — но она уже обратилась в холодный оскал человека, готового на все.

А севернее противостоящих броненосцев, неподалеку от места впадения реки Мерси в Ирландское море, разыгрывалось противоборство совершенно иного рода. Оно нисколько не напоминало битву гигантов, хотя стороннему наблюдателю и могло показаться, будто крохотное суденышко атакует Голиафа морей. «Аврора» выскочила из-за поворота реки, разогнав свою машину до предела. Потные, закопченные кочегары подбрасывали в раскаленную топку уголь лопата за лопатой. Лейтенант Сименов в машинном отделении то и дело бросал взгляд на манометр — и тут же отводил глаза. Стрелка неуклонно приближалась к красной зоне: такого давления в котле он не поднимал еще ни разу, но граф просил о максимальной скорости — и он ее получит.

А на мостике Корженевский сохранял хладнокровие, надлежащее всякому военному моряку.

— Смотрите, — сказал он. — Его нос все еще направлен вверх по реке. Чтобы преследовать нас, он должен развернуться.

— Если нам удастся проскользнуть мимо него, — угрюмо возразил Шерман. — Разве его пушки не будут нацелены на нас, когда мы пойдем мимо?

— Будут, если я допущу ошибку, — согласился граф и по-русски проговорил в переговорную трубу, связывающую мостик с машинным отделением: — Малый ход.

Шерман широко распахнул глаза, но не обмолвился ни словом, полностью положившись на профессионализм русских. Мельком бросив на него взгляд, Корженевский усмехнулся.

— Я не сошел с ума, генерал, во всяком случае, пока. Я слежу за его носом, дожидаясь разворота — да, уже началось. Так держать. Он поворачивает на правый борт, так что мы обойдем его с этого боку. — Он по-русски отдал рулевому лаконичную команду. — Будем держаться как можно ближе к его носу. Тогда он не сможет опустить носовые пушки, чтобы достать до нас, — а остальные не смогут взять нас на прицел, пока мы не пройдем.

Маневр был непрост, и провести его надо было с предельной точностью. Чуть промешкай, чуть поспеши — и орудия смогут открыть огонь.

— Ну, самый полный вперед!

Длина судна Ее Величества «Защитник» здесь почти совпадала с шириной реки. Нос его мог в любую секунду врезаться в берег. «Авроре» же требовалось проскочить сквозь стремительно сужающийся просвет. За кормой «Защитника»

высоко вздымался фонтан пены от винтов. Граф радостно расхохотался.

— Его капитан соображает чересчур туго. Ему бы следовало коснуться берега носом, перекрыть нам лазейку. От этого его корабль не очень пострадал бы, зато мы расшиблись бы о нос броненосца в лепешку... Вот! Проскочили. Теперь самый полный вперед.

Маленькая яхта понеслась вниз по реке. Британский линкор тем временем едва не застрял поперек реки, затем возобновил разворот, но очень медленно. «Аврора» же мчалась все дальше — и в сектор обстрела орудий британца.

Пушки стреляли одна за другой, как только успевали прицелиться. Впереди и далеко позади яхты в небо взмывали фонтаны воды.

— Покамест они не могут опустить орудия настолько, чтобы попасть по нас. Им бы следовало чуток выждать. А теперь им придется перезаряжать.

Граф ликовал; Шерман, как всегда под огнем, сохранял спокойствие. Дым валил столбом из трубы «Авроры», летевшей вниз по течению на всех парах. Пушки снова открыли огонь, но все время мазали, потому что расстояние быстро увеличивалось, а юркое суденышко вдобавок

петляло.

Внезапно в задней части нижней палубы прогрохотал чудовищный взрыв, полыхнуло пламя и повалил дым. Кто-то взвыл, пронзительно и протяжно. Везение кончилось.

— Я позабочусь об этом, — бросил на ходу Шерман, устремляясь к трапу.

Снаряд попал в заднюю часть кают-компании, проделав в стене огромную дыру. Один из стюардов лежал на полу в луже собственной крови и вопил без передышки. Фокс склонился над ним со скатертью, сорванной со стола, пытаясь перевязать раны. Вбежавший с ведром воды матрос выплеснул его на чадящее пламя. Сквозь дыру виднелись все новые взрывы посреди реки.

Наконец артобстрел прекратился.

Пришедший граф окинул всю сцену единым взором.

— Обошлось без серьезных повреждений корпуса. Бедняга Дмитрий — наша единственная жертва. А мы скрылись за излучиной реки. «Защитник» скоро ринется следом, и тогда начнется гонка на выживание. Думаю, мы проворнее. «Аврора» рассчитана на скорость, а наш преследователь — на стойкость в бою. Теперь все в руках Господа.

Фокс встал, горестно покачав головой:

— Боюсь, он умер.

Граф перекрестился на православный манер.

— Какое несчастье — умереть так далеко от России. Он был добрым человеком — и умер за правое дело. — Он отдал по-русски какие-то распоряжения. — Побуду на палубе, пока здесь при

берут. Потом остается только ждать. В конце мы либо выпьем коньячку за благополучный переход — либо станем узниками британцев.

— И каковы же шансы? — поинтересовался Шерман.

— Весьма недурны — если мы сумеем обставить преследователя. А уж если сумеем, дальше нам прямая дорога через море в Ирландию.

Они стояли бок о бок на мостике, сквозь пелену ливня глядя назад, на могучего преследователя. Впереди небосклон явственно потемнел.

— Ну как, мы быстрее его? — спросил Шерман.

— Полагаю, да.

Близился закат, а расстояние между кораблями все возрастало, и капитан корабля флота Ее Величества «Защитник» неохотно пошел ва-банк. Силуэт броненосца внезапно удлинился: судно изменило курс, развернувшись к яхте бортом. Орудия открыли огонь, как только поймали пре-

следуемое суденышко в прицел. Снова началась бомбардировка, но ни один снаряд не упал даже близко от цели.

Крохотная мишень постоянно маневрировала, меняя курс и уклоняясь от выстрелов. Ливень стоял стеной, сгущались сумерки, и вскоре после последнего залпа «Аврора» скрылась от глаз преследователей за черной завесой ненастной ночи.

— А теперь коньячку! — со смехом гаркнул во все горло Корженевский, хлопнул Шермана ладонью по спине, затем схватил его руку и энергично ее затряс. Шерман лишь улыбнулся, прекрасно понимая энтузиазм русского.

Они-таки вышли сухими из воды.

Катастрофическая стычка

Приближающийся британский броненосец сбросил ход, и буруны перед его носом улеглись. Капитан Семмз холодно смотрел, как противник по инерции скользит к кораблю ВМФ США «Виргиния». Название корабля, выписанное огромными белыми буквами, виднелось совершенно отчетливо: «Разрушитель». Может быть, всего лишь может быть, британский капитан надумает прибегнуть к агрессии. Ах, если бы! Семмз просто-таки знал, что его кораблю нет рав-

ных во всем белом свете — три башни с паровым приводом, да в каждой по два орудия, заряжающихся с казенной части. И хотя у противника пушек больше — навряд ли он сумеет превзойти «Виргинию». С пушками, заряжающимися через дуло, скорострельность не в пример ниже.

Семмз сразу распознал тип судна — один из недавно спущенных на воду броненосцев класса «Воитель». Не уступая в огневой мощи оригиналу — двадцать шесть 68-фунтовых орудий и десять 100-фунтовых, — оно способно дать сокрушительный бортовой залп. Кроме того, согласно виденным капитаном донесениям разведки, кораблестроители ликвидировали уязвимые места «Воителя», защитив броней корму и устранив паруса и мачты. Но даже эти нововведения не произвели на Семмза должного впечатления. Величайший в мире военно-морской инженер Джон Эрикссон сконструировал его корабль от носа до кормы, и это самое совершенное судно на планете.

Тут на мостик явился сигнальщик, чтобы доложить:

— Они передают сообщение, капитан. Оно гласит...

— Довольно! — оборвал его Семмз. — У меня

нет охоты общаться с этим судном. Мы останемся здесь на посту, пока оно не уйдет.

Капитан «Разрушителя» рвал и метал.

— Он что, не понимает наших сигналов?! Передайте сообщение снова. Мы в полном праве проверять декларации судов, подозреваемых в нарушении международных законов. Черт меня подери, по-прежнему ни полслова в ответ, хоть я вижу, как они там на мостике нагло пялятся на нас. Боцман, выстрелите из салютной пушки — уж это-то должно привлечь их внимание.

Пушчонку быстро зарядили — только порох, никаких ядер, — и она хлестко бабахнула.

А на борту «Виргинии» капитан Семмз как раз передавал сигнал «Дикси Белль», запрашивая о ходе ремонта, когда до его слуха докатился взрыв. Обернувшись как ужаленный, он увидел облачко белого дыма чуть ниже мостика второго броненосца.

— Это что, выстрел?

— Так точно, сэр. Судя по звуку, салютная пушка.

Семмз застыл в неподвижности на долгую минуту, пока дым не рассеялся. Ему предстояло принять решение — решение, которое может положить конец изнурительным месяцам хож-

дения конвоем.

— Боцман, британец открыл артиллерийский огонь?

— Так точно, сэр. Но я думаю...

— Не думайте. Отвечайте. Вы видели дым, слышали звук артиллерийского выстрела на борту этого британского корабля?

— Так точно, сэр!

— Хорошо. Мы тоже ответим огнем. Пусть канониры целят в его палубные надстройки.

Шесть орудий выстрелили как одно. Град стальных осколков вымел палубу второго линкора начисто, снес обе трубы, а заодно мостик вместе с командирами, рулевым и прочими. Нападение оказалось внезапным, уничтожение — тотальным. На борту изувеченного судна никто не отдал приказа открыть огонь, и орудийные расчеты, привыкшие бездумно подчиняться, не шевельнули даже пальцем.

Семмз знал корабль, с которым только что вступил в бой, как свои пять пальцев. Он знал, что все орудия находятся за толстой броней цитадели — стальной коробки, отделяющей их от остального корабля. Они нацелены в стороны от левого и правого борта, и только одна 100-фунтовая поворотная пушка на корме направлена назад.

«Виргиния» прошла вдоль кормы «Разрушителя», и все ее орудия, стреляя снова и снова, осыпали снарядами эту единственную мишень.

Под таким артиллерийским ураганом не выстоял бы ни один корабль, как бы хорошо он ни был выстроен и как бы крепка ни была его броня. Поворотная пушка выпустила один снаряд, срикошетивший о броню «Виргинии» и без малейшего вреда для нее разорвавшийся в море. Снаряд за снарядом разрывался в недрах корпуса броненосца, потроша его, пробивая в броне зияющие дыры... И воспламенив крюйт-камеру.

Оглушительный взрыв снес чуть ли не всю корму броненосца, и океанские воды хлынули в образовавшийся пролом. Лишившееся плавучести судно вскинуло нос к небесам. Последовали новые взрывы в недрах корпуса, сопровождаемые громадными тучами пара из затопленных котлов. Нос поднялся еще выше, нацелившись в зенит. Затем, под оглушительное бульканье и скрежет, броненосец ушел в пучину, скрывшись из виду. На поверхности воды не осталось даже обломков, отмечающих место трагедии.

— Спустить шлюпку, — распорядился Семмз. — Собрать всех уцелевших. — Ему пришлось повторить приказ — выкрикнуть его во весь голос,

прежде чем ошеломленные матросы кинулись его исполнять.

Из шестисот с лишним членов команды выжили только трое. Один был так изранен, что скончался еще до того, как его подняли на борт. То была славная победа американского флота.

А заварил конфликт корабль флота Ее Величества «Разрушитель», выстрелив из пушки. У капитана Семмза с лихвой хватит свидетелей данного факта. Хотя вряд ли будут проводить серьезное дознание, стычка уже стала *fait accompli*[86]. Дело сделано.

Обратного пути нет. Свершилось.

Как только «Аврора» покинула Ливерпульский залив, скрывшись под покровом тьмы и дождя, секущего бурные воды Ирландского моря, она сбросила ход, избавив котлы от запредельного давления. Выставили дополнительных вахтенных на случай, если преследователь еще не отказался от погони, а матросы убрали из кают-компании обломки и закрыли пробоину брезентом. Как только с этим было покончено, офицеры уселись за поздний обед, сопровождавшийся, как всегда, разливанным морем шампанского из об-

---

[86] Примечания: 86
Свершившимся фактом *(фр.)*.

ширных запасов графа. Поскольку огня в камбузе все еще не разводили, ограничились холодной закуской из черной икры и селедки[87], но никто не сетовал.

— Как же они нас нашли? — полюбопытствовал Уилсон, с наслаждением потягивая шампанское. — Никак в толк не возьму.

— Этот грех целиком на моей совести, — признался Корженевский. — После этого недоразумения в Гринвиче мне следовало бы быть начеку. Как только подозрения возникли, нас без труда отследили до Пензанса. Масса народу видела, как мы оттуда двинулись на север. Я был столь же глуп, остановившись для пополнения припасов на Энглези. Там я купил в лавке карты залива. А раз уж им было это известно, они знали, где нас искать. Остальное, как говорится, дело истории.

— Которую пишут победители, — генерал Шерман поднял свой бокал. — И я хочу выпить за графа — победителя. Какие бы преступные, по вашему мнению, оплошности, натравившие британцев на нас, вы ни совершили — вы же с лихвой искупили их своим невероятно искусным судовождением, по моему мнению неискушенно-

[87] Примечания: 87

О превратных представлениях автора о гастрономических пристрастиях русских уже говорилось.

го сухопутного человека.

— Точно! Точно! — Фокс тоже поднял свой бокал.

— Благодарю, джентльмены, — граф улыбнулся и со вздохом откинулся на спинку стула.

— А что дальше? — осведомился Шерман.

— Ирландия. Мы сейчас взяли курс на северо-запад, чтобы держаться подальше от Энглези и побережья Уэльса. Через пару часов мы свернем прямо на запад, в сторону Ирландии и Дублинской гавани. Прибудем на рассвете. И тогда... дальнейшее зависит от вас, генерал. Моя роль в оном любопытном исследовательском турне подошла к концу. В Ирландии я позабочусь о ремонте «Авроры», после чего пойду на север, в Россию, поскольку здешние воды уже не дружественны для меня, как некогда.

— О чем я сожалею, — сказал Шерман. — Конец вашей дружбе с англичанами...

— Пожалуйста, не стоит! Со времен Крымской войны моя дружба была не более как притворством. Я по-своему рад, что можно более не ломать комедию. Теперь они такие же враги для меня, как и для вас, — в голосе его проскользнули мрачные нотки. — Будет ли война?

— Сие мне неведомо, — отозвался Шерман.

— Ведомо лишь одно: если война придет, мы подготовились к ней на славу. Исключительно благодаря вам.

— И оно того стоило, если вы получили все разведывательные данные, в которых нуждались.

— Целиком и полностью.

— Отлично! Тогда... можно просить о единственном одолжении? Если дойдет до военных действий — дадите ли вы мне рекомендацию на пост в вашем военно-морском флоте?

— Всем сердцем...

— И я тоже! — вскричал капитан Уилсон. — Будь вы моим командиром, я почел бы за честь служить под вашим началом когда угодно, сэр!

— Весьма признателен...

Общего восторга не разделял только Фокс.

— Мне было бы жаль лишиться вас.

— Понимаю. Но я сыт по горло таинственностью и возней в потемках. Однако я позабочусь, чтобы вам оказывали всяческую посильную помощь. Надеюсь, в следующий раз, отправляясь на войну, я буду находиться на борту одного из ваших великолепных боевых кораблей. Вот на что я уповаю.

— Сообщите, как с вами снестись, — попросил Шерман. — Если повезет, мы покинем Ирландию,

даже не ступив на сушу. Из-за британских рейдов в Дублине постоянно стоит корабль-другой американского военного флота. Они-то нас и доставят.

— Каблограмма в российский департамент военного флота быстро меня отыщет. А теперь — Бог в помощь!

Ночью дождь стих, и мокрые крыши Дублина сверкали золотом в лучах восходящего солнца, когда «Аврора» миновала маяк Пиджин-Куп и вошла в устье Лиффи.

— У причала таможни стоит броненосец, — сообщил Корженевский, глядя в бинокль.

— Позвольте взглянуть, сэр, умоляю! — Уилсон явно разволновался. Взяв бинокль, он бросил на судно лишь мимолетнейший взгляд. — Да, действительно, так я и думал. Это мой корабль, «Диктатор». Вот уж доброе предзнаменование!

— Вы совершенно правы, капитан, — кивнул Шерман. — Наилучшее из предзнаменований. Президент Линкольн, когда мы расставались, настаивал, чтобы я доложился ему, как только наша миссия завершится. Полагаю, ваш командир последует приказу главнокомандующего и обеспечит меня транспортом.

Попрощавшись с графом, они сели в шлюпку;

багаж погрузили на нее заранее. Помахали графу и суденышку, сослужившему такую добрую службу. По команде все матросы на его борту вытянулись во фрунт и отдали честь.

— Мне будет ее недоставать, — проронил Уилсон. — «Аврора» — великолепная скорлупка с отважным сердцем.

— И прекрасным капитаном, — поддержал Шерман. — Мы перед графом в великом долгу.

Поднявшись на борт «Диктатора», они обнаружили, что судно готовится к выходу в море. Причину им изложил в офицерской кают-компании сам капитан Толивер.

— Конечно же, вы еще не слыхали, меня и самого уведомили только что. По пути домой «Виргиния» остановилась в Корке. Дали мне сюда телеграмму. Она выдержала бой. Очевидно, ее атаковал британский броненосец.

— И что случилось? — слова Шермана прозвучали в наступившей тишине очень громко.

— Затопили его, разумеется. Как и следовало поступить.

— Тогда это означает...

— Это означает, что президент и правительство должны решить, как быть дальше, — заявил Шерман. Капитан Толивер утвердительно кивнул.

— Все мы получим новые приказы. Надеюсь, вы отплывете с нами, генерал, равно как и вы, мистер Фокс. Не сомневаюсь, Вашингтон найдет новые задания для каждого из нас.

Сказать, что Британия была взбудоражена уничтожением броненосца — значило бы чудовищно преуменьшить. Грошовые газетенки брызгали слюной; Громовержец метал громы, парламент выступал за немедленное объявление войны. Премьер-министра лорда Пальмерстона призвали к королеве, и он провел в высочайшем присутствии два изнурительных часа. Лорд Джон Рассел терпеливо дожидался его возвращения в комнате номер 10. И поднял голову от бумаг, когда за дверью сперва поднялась суматоха, потом дверь приоткрылась, и в комнату ступил один из швейцаров, чтобы распахнуть створки до предела. Первой на пороге показалась забинтованная нога, а за ней осторожно последовали прочие части тела лорда Пальмерстона, сидевшего в кресле на колесах, которое толкал второй швейцар. Он на миг зазевался, и колесо кресла задело того, что держал дверь открытой. Громко охнув, Пальмерстон огрел помощника тростью с золотым набалдашником — правда, довольно слабо, швейцар лишь чуть съежился. Отложив

стопку бумаг, изучением которых занимался, Рассел поднялся навстречу Пальмерстону.

— Я прочел все предложения по вооружению. Все они весьма разумны и весьма уместны.

— Как им и следует — я их сам готовил.

Кряхтя от напряжения, Пальмерстон выбрался из инвалидной коляски и плюхнулся в кресло за своим массивным письменным столом, после чего взмахом руки отослал швейцаров, извлек из рукава платок и утер лицо. Он не раскрывал рта, пока дверь не закрылась и они остались наедине.

— Ее Величество нынче безрассудна до неразумия. Считает, что мы должны вступить в войну самое позднее завтра утром. Глупая женщина. Я до посинения толковал о приготовлениях, организации, проверке войск. В конце концов переупрямил ее. Вызвала своих фрейлин и умчалась.

Обычно такой напористый и самоуверенный, Пальмерстон говорил совершенно несвойственным ему тоненьким голоском, и лорд Рассел встревожился, но был не настолько глуп, чтобы высказать свои опасения вслух. В конце концов, Пальмерстону уже за восемьдесят, да вдобавок ко всем мытарствам преклонного возраста его

терзает подагра.

— В последнее время она частенько позволяет себе подобное, — заметил Рассел.

— Немецкая наследственность всегда имела свои недостатки, не говоря уж о безумии. Но в последнее время я просто отчаялся добиться от нее если не взаимодействия, то хотя бы толку. Да, она презирает янки и желает, чтобы они расплатились за вероломство дорогой ценой. Как и все мы. Но когда я призываю ее одобрить то или иное действие, она просто ударяется в амбиции.

— Нам надлежит воспринимать ее желания как приказ и действовать соответственно, — предельно дипломатично произнес Рассел, воздержавшись от упоминания, что вспыльчивый премьер-министр и сам не чужд ослиного упрямства и иррациональных амбиций. — Йоменов призывают на действительную службу, как и надлежит в пору национального бедствия. В Индию и к антиподам ушли приказы как можно быстрее переправить полки сюда. Уже почти два года корабельные верфи на Клайде и Тайне строят прекраснейшие броненосцы. Делается почти все, что можно, для подготовки к любым испытаниям. А на дипломатическом фронте наши послы неутомимо бьются, чтобы лишить американцев

всех преимуществ...

— Да знаю я это все! — раздраженно отмахнулся Пальмерстон. — Да, приготовления, да, этого добра у нас хватает. Но приготовления к чему? Есть ли какая-то всеобщая стратегия, способная сплотить воедино все это и нацию в целом? Если есть — я ее не вижу. Уж королева-то определенно не может обеспечить нам в этом вопросе ни помощи, ни поддержки.

— Но на герцога Кембриджского, командующего войсками, можно определенно положиться...

— В чем? В нерешительности? В пьянстве? Во времяпрепровождении с дамочками? Это не выход. У него под началом служат кое-какие славные люди, но чаще всего последнее слово остается за ним.

— Значит, увы, это бремя по-прежнему на ваших плечах.

— И действительно, — утомленно кивнул Пальмерстон. — Но года уже дают себя знать. Мне давным-давно следовало отпустить себя на все четыре стороны, но вечно одно и то же: очередной кризис, надо принять еще одно решение — и так без конца и краю.

Он совсем сгорбился в кресле. Лицо его, несмотря на полноту, стало дряблым и обвисшим, кожа

приобрела неприглядный землистый оттенок. Рассел, за все годы знакомства еще ни разу не видевший его настолько больным, хотел было сказать об этом, но пока воздержался, прибегнув к компромиссу:

— В последнее время вы перетрудились, взвалили на себя непосильную ношу. Может, вам побывать за городом, хорошенько отдохнуть...

— Не может быть и речи, — огрызнулся лорд Пальмерстон. — Страна летит в тартарары, и я не собираюсь ее подталкивать к пропасти. Надо сделать еще так много, так много...

Но он не успел даже договорить, когда голос его пресекся, выродившись в бессвязное бормотание. Рассел в ужасе смотрел, как глаза лорда Пальмерстона закатились и он упал вперед, ударившись головой о столешницу. Рассел подскочил, с грохотом уронив стул, но едва успел ринуться вперед, как Пальмерстон тяжело соскользнул на ковер, скрывшись из виду.

Радикальное решение

Генерал Шерман встретился с президентом Линкольном в Белом доме, а оттуда оба прогулялись до военного министерства пешком. Немного поболтали о жаре, почти две недели безжалостно

сжимающей город в своих тисках. Потом Шерман поинтересовался здоровьем миссис Линкольн, пошедшей на поправку. Линкольн сообщил, что все очень рады быстрому исцелению раненой руки генерала Гранта. Говорили обо всем — кроме того, что волновало обоих более всего. Но на сей предмет Гус Фокс был абсолютно непреклонен: никаких разговоров о подробностях путешествия на борту «Авроры» за стенами комнаты 313. Куда они сейчас и направлялись.

Как только они ступили в коридор, двое часовых у дверей вытянулись по стойке «смирно».

Шерман отдал им честь и постучал в дверь. Фокс отпер ее изнутри и отступил в сторону, чтобы впустить их, после чего снова запер дверь, пересек тесную прихожую и отпер внутреннюю комнату. Войдя туда, они обнаружили, что шторы задернуты и в комнате царит удушающая жара.

— Минуточку. — Фокс поспешно отдернул шторы и распахнул оба окна. Толстая решетка преграждала путь извне, но хотя бы пропускала прохладное дуновение свежего воздуха.

Вытащив платок, Линкольн утер лицо и шею, после чего рухнул в кресло, перекинув длинные ноги через подлокотник.

— Неужели я наконец узнаю подробности ва-

шей таинственной миссии?

— Да, — подтвердил Шерман. — Она была опасной, может быть, даже безрассудной, но раз уж она завершилась успехом, пожалуй, риск можно считать оправданным. Предлагаю вам рассказать президенту о нашем русском друге, Гус.

— Всенепременно. Все началось еще в Брюсселе, когда мы познакомились с графом Корженевским, весьма высокопоставленным лицом в их военном флоте, а также в их разведке. Могу ручаться за его благонадежность, потому что уже имел дело с его организацией в прошлом. Он безупречно говорит по-английски, получил образование в Англии — фактически говоря, он окончил Гринвичский военно-морской колледж. Однако со времени

Крымской войны у него развилась ненависть к британцам, вторгшимся в его страну. Зная о наших неурядицах с Британией, он счел наши страны прирожденными союзниками. Вот тогда-то он и сделал чрезвычайно великодушное предложение, сказав, что хотел бы предоставить свою яхту в наше распоряжение. И отвезти нас, куда пожелаем.

— Очень любезно со стороны графа, — улыбнулся Линкольн. — Вам следовало бы попросить

его отвезти вас в Англию.

— Туда-то мы и отправились.

Президента трудно было застать врасплох, но на сей раз он попался. Он лишь переводил взгляд с одного на другого в полнейшем замешательстве.

— Вы серьезно? Вы... отправились туда?

— Совершенно верно, — подтвердил Фокс. — Под видом русских офицеров.

— Слыхал я байки в свое время, но эта все их за пояс заткнет. Умоляю, поведайте мне с мельчайшими подробностями, где вы побывали и что делали.

Откинувшись на спинку кресла, Шерман в молчании слушал, как Гус излагает разнообразные аспекты их рискованного путешествия. Пока что, похоже, президента интересовали не их открытия, а сюрпризы и рискованные авантюры, пережитые при исследовании английских территорий.

— ...мы плыли всю ночь и прибыли в Дублин к утру, — окончил Гус. — Тогда-то мы и услыхали о морском поединке двух броненосцев. Конечно, нам пришлось вернуться сюда, так что на этом наша небольшая экспедиция завершилась.

Линкольн откинулся на спинку кресла с тяжелым вздохом — и тут же с энтузиазмом хлопнул

себя по колену.

— Услышь я эту историю от кого другого, Гус, кроме вас, — я объявил бы его вруном года — да где там, столетия! Вы были правы, что не уведомили меня о своих планах перед отправлением. Я бы тут же наложил на них строжайшее вето. Но теперь, когда вы вернулись, мне остается лишь сказать: отличная работа!

— Спасибо, господин президент, — сказал Шерман. — Задним числом наша небольшая экспедиция представляется чуток безрассудной. Но она сошла нам с рук. Мы изучили английские порты, города и ландшафты. И оценили их обороноспособность. Эти сведения дались нелегкой ценой — к несчастью, ценой человеческой жизни. Один из русских матросов погиб, когда броненосец стрелял по нас. Но путешествие себя оправдало, уверяю вас.

— И каковы же ваши выводы?..

— В военном смысле мы знаем о британской обороне куда больше, нежели когда-либо раньше. Куда приложить эти знания, конечно, зависит от международных отношений. В газетах полнейший сумбур и больше сплетен, нежели новостей. Прежде чем я продолжу, я хотел бы услышать об официальной реакции Британии на утрату

корабля.

Между бровями Линкольна снова залегла глубокая борозда обеспокоенности. Слушая рассказ о головоломных приключениях, он напрочь позабыл о своих бедах. Теперь же они нахлынули на него.

— Они вне себя от ярости, непримиримы, призывают к оружию, готовятся к войне. Требуют немедленной выплаты в размере десяти миллионов фунтов в качестве компенсации за утрату броненосца.

— Можно ли предотвратить войну? — спросил Шерман.

— Если мы уплатим затребованные миллионы и прекратим поставки хлопка на мировой рынок, заодно позволив их линкорам беспрепятственно обыскивать все наши корабли в открытом море — и кое-что еще сверх того. Они выдвигают бесконечные требования и сыплют угрозами. Ситуация весьма напряженная.

— А как же дошло до стычки на море?

— Сомневаюсь, что нам дано об этом узнать. Капитан Семмз твердит, что по его кораблю стреляли. Офицеры и команда поддерживают его. Так они утверждают, и я искренне сомневаюсь, что они лгут. И все равно остается загадкой, почему

британское судно открыло огонь. Двое уцелевших англичан не знают ничего, кроме того, что началась пальба и взрывы и их сбросило в воду. По мнению тех, кто их допрашивал, оба умом не блещут. Очевидно, оба работали на камбузе и вышли на палубу выбросить мусор, что их и спасло. Конечно, когда их вернули на родину, они свои показания изменили — или это сделали за них, — якобы «Виргиния» открыла неспровоцированный огонь. Но это не играет почти никакой роли. За шквалом политических выпадов первоначальная причина как-то позабылась.

— Война будет? — чуть слышно, едва ли не шепотом спросил Гус.

Линкольн как-то съежился в кресле, с самым горестным видом покачав головой.

— Не знаю, не могу сказать... Даже не представляю, куда все это заведет.

— Если война придет, — с ледяной решимостью произнес Шерман, — мы будем к этому готовы. А теперь я даже знаю, как в ней победить.

Оба других глядели на него в ожидании продолжения. А он с застывшим лицом глядел в окно, но видел не небосвод, выцветший от зноя до белизны, а иную страну далеко за океаном.

— Есть много способов атаковать такую страну,

и я твердо убежден, что знаю, как добиться при этом успеха. Но куда важнее сперва решить, что мы должны совершить, нежели как этого добиться. Начнем с того, что, если мы не хотим увязнуть в затяжной опустошительной войне, мы должны быть готовы вести молниеносную войну нового рода, как в битве за Ирландию. Дабы преуспеть, мы должны во всех подробностях оценить сильные — и слабые — стороны противника. На это, вместе с приготовлениями к войне, уйдет как минимум два-три месяца. Так что, я бы сказал, мы будем готовы к любым передрягам самое раннее к весне. Можем ли мы потянуть время до весны?

— Политик запросто может потянуть время, — неспешно кивнул Линкольн. — Только в этом мы и сильны — в волоките да растрачивании времени попусту. Переговоры пойдут своим чередом. Мы пойдем на кое-какие уступки, потом заставим их думать, будто готовы и дальше идти на попятный. Король Леопольд Бельгийский предложил нам обсудить разногласия на нейтральной почве. Мы воспользуемся его предложением и снова пустим в ход тихоходную машину международных переговоров.

— А не могут ли они нанести удар до того, как мы будем готовы? — с тревогой поинтересовался

Гус. Шерман поразмыслил над его вопросом.

— Не так-то просто нанести удар через океан. И уж наверняка ваши агентурные источники будут держать вас в курсе всех приготовлений?

— Все наши в Великобритании — ирландцы, — покачал головой Гус. — А теперь все они или схвачены, или скрываются. Но мы порядком потолковали с графом Корженевским, и он с радостью будет снабжать нас сведениями, поступающими от его тамошней сети. Сейчас мы как раз налаживаем рабочие взаимоотношения.

— Держите меня в курсе, — сказал Шерман.

— Непременно. Как и вас, господин президент.

Вернувшись в военное министерство, Шерман написал ряд телеграфных депеш. На необходимые приготовления ушел всего один день. Когда с ними было покончено, он послал за Улиссом С. Грантом.

— Генерал Грант, сэр, — доложил капитан, открывая дверь и отступая в сторону.

— Да ты просто отрада моих очей! — довольно улыбаясь, генерал Шерман обогнул стол и протянул было руку для пожатия, но тут же опустил ее. — Как твое плечо?

— Спасибо, Камп, зажило как на собаке. — В доказательство Грант сграбастал ладонь Шермана

и крепко ее тряхнул, после чего перевел взгляд на чертежи, разложенные по столу, и кивнул. — Я прислал их, потому что не сомневался: ты заинтересуешься ими не меньше моего.

— И не просто заинтересуюсь. Да эта самоходная огневая точка — просто-таки ответ на невысказанные молитвы! В последнее время я то и дело обращаюсь мыслями к возможностям молниеносных атак и быстрых побед. Это изобретение Пэррота и Эрикссона идеально вписывается в мой план.

— Мы планируем выступить на войну? — на черты Гранта легла мрачная тень.

— Солдат должен быть всегда готов к войне. Если не сейчас, то к весне уж наверняка. Но садись же, садись, пожалуйста. — Шерман и сам сел и постучал пальцем по чертежам. — Мне нужна эта адская машина. Британия твердит о войне и настроена чрезвычайно агрессивно. Мы непременно должны иметь такую возможность в виду. Вот почему я пригласил инженера Эрикссона присоединиться к нам нынче утром. — Вытащив часы, он бросил взгляд на циферблат. — Он будет с минуты на минуту. А перед его приходом я должен поведать о небольшой разведывательной вылазке на берега Англии, из которой я только

что вернулся.

— Не может быть! — откинувшись на спинку стула, Грант расхохотался. — Клянусь, в тебе больше пороху, чем во всем арсенале!

— Время я действительно провел интересно. Но, помимо людей, ходивших со мной, об этом визите ведают только ты и президент — и надо, чтобы так оно было и дальше. Экспедиция прошла весьма плодотворно, ибо я обнаружил, как вторжение в эту страну может увенчаться успехом.

— Ну, я весь внимание.

Шерман вкратце изложил, что наметил сделать, в том числе упомянув о роли Гранта, жизненно важной для успеха вторжения. Когда объявили о приходе Эрикссона, они отложили бумаги, над которыми работали, и снова сосредоточили внимание на чертежах самоходной батареи.

— У меня масса дел, и я не в восторге от пустой траты времени на поездку в город Вашингтон, — раздраженно буркнул Эрикссон, едва его ввели.

— Рад видеть вас снова, — Шерман пропустил колкость инженера мимо ушей. — С генералом Грантом вы, конечно, знакомы.

Эрикссон резко кивнул.

— Зачем меня сюда вызвали?

— Ну, по одной причине, — Шерман выдвинул ящик стола. — Насколько я понимаю, военный флот не торопится заплатить вам за новые броненосцы, находящиеся на стапелях.

— Вечно тянут! У меня большой штат рабочих, а еще надо покупать железо и сталь...

— Прекрасно понимаю. — Шерман пододвинул ему по столу конверт. — Полагаю, иметь дело с армией вам будет куда приятнее. Это чек первого платежа за разработку самоходной батареи.

Эрикссон улыбнулся — впервые на памяти обоих генералов. Вскрыл конверт и с дальнозорким прищуром изучил чек.

— Весьма удовлетворительно.

— Хорошо, тогда мы можем приступить к работе. — Шерман указал на чертежи, разложенные по столу. — Я изучал их чрезвычайно тщательно с тех самых пор, как получил от генерала Гранта. У меня возникли кое-какие предложения.

— Вы не инженер... — холодно отозвался Эрикссон.

— Нет, но зато командую армиями, которым предстоит пользоваться этой машиной. Подумайте вот о чем: водитель и канонир будут находиться под интенсивным вражеским ог-

нем. Можем ли мы защитить их какой-нибудь броней?

— Это не проблема. Я уже подумал об этом. — Выудив из кармана сюртука карандаш, Эрикссон пододвинул чертежи и быстрыми, точными штрихами набросал стальной щит.

— Если мы попытаемся защитить экипаж со всех сторон, он будет настолько тяжел, что не сдвинется с места. Но поскольку он будет атаковать врага, то щит спереди обеспечит всю защиту, потребную при выступлении в бой. Стрелять «гатлинг»[88] будет через отверстие в броне.

— Выглядит весьма многообещающе, — довольно улыбнулся Шерман. — А сколько времени займет постройка прототипа?

— Одну неделю, — ответил Эрикссон без тени сомнения. — Если вы посетите мои мастерские ровно через неделю, то увидите новую машину в действии.

— Это будет и вправду весьма славно, — в глубокой задумчивости Шерман подергал себя за бороду. — Но надо ведь как-нибудь назвать это новое изобретение.

— У меня была одна идея. Название должно

---

[88] Примечания: 88

Имеется в виду крупнокалиберный пулемет конструкции Гатлинга.

быть героическое. Поэтому я предлагаю «Фафнир» — это дракон из норвежских легенд, изрыгающий пламя и уничтожающий всех, кто ему противостоит.

— Не подходит. Нам нужно невинное название, не имеющее ни малейшего отношения к военной технике, не пробуждающее ни малейших подозрений, если оно будет подслушано или упомянуто в письме. Его существование надо сохранить в тайне любой ценой.

— Невинное?! — Эрикссон снова пришел в дурное расположение духа. — Какая нелепость! Если вам нужно что-то невинное, почему бы вам не назвать его стогом сена или... или... водокачкой, цистерной, танком высокого давления!

— Превосходное предложение, — кивнул Шерман. — Танком высокого давления, стальным танком — или просто танком. Итак, решено. Но есть еще один вопрос, по поводу которого я хотел с вами проконсультироваться. Военный.

— Да?

Вынув ключ из жилетного кармана, Шерман отпер верхний ящик стола, вытащил стопку чертежей и двинул ее через стол к Эрикссону.

— Это ряд профилей и схем форта, обороняющего излучину реки.

Взяв их, Эрикссон кивнул.

— Очевидно. Типичная конструкция, встречающаяся по всей Европе. Эти надолбы преграждают подступы к форту, а здесь, напротив, видите выступы, стены приобретают форму звезды. Этот равелин играет важную роль в обороне главных ворот. Конструкция поистрепана временем, да и давно отжила свое. Он не выстоит перед современной артиллерией. Как я заключаю, вы хотите сровнять эту крепость с землей?

— Да.

— Это не так уж сложно. Приведите осадный парк в пределы досягаемости, и через три-четыре дня от стен останется лишь куча щебня.

— Это невозможно. Крепость окружена водой и болотами. Да вдобавок три дня — срок слишком большой.

— Слишком большой?! Значит, вам нужно чудо.

— Мне нужно не чудо, мне нужно, чтобы обстрел уничтожил его не за дни, а за часы. Сам форт меня не интересует, его в любом случае обойдут.

— Любопытно, — пробормотал инженер, подхватывая план форта сверху. — Река, конечно, здесь. Если пушки умолкнут, во

енные корабли смогут пройти. Вы обратились

ко мне, потому что я военный кораблестроитель, а здесь требуется решение корабельщика. Можно забрать чертежи с собой?

— Нельзя. Изучайте их сколько угодно, но только в стенах этой комнаты.

Насупившись из-за этого запрета, Эрикссон задумчиво потер подбородок.

— Ладно, могу и так. Но еще один вопрос: флот, что поплывет вверх по этой реке, — он будет речной?

— Нет, ему придется пересечь океан, чтобы добраться до устья реки.

— Тогда ладно. — Эрикссон встал. — Я покажу вам, как это можно сделать, через неделю, когда буду демонстрировать свой новый стог сена.

— Танк.

— Стог ли, танк ли — все это чушь. — Он двинулся к двери, но на полпути обернулся: — К тому времени я смогу показать вам, как подавить эти орудия. Над идеей я уже начинал работать. — И вышел, с шумом захлопнув за собой дверь.

— По-твоему, он справится? — поинтересовался Грант.

— Если не справится, то уже во всем мире не сыскать такого, кому это по плечу. Он мыслит по-новаторски. Не забывай, именно его «Монитор»

навсегда преобразил искусство морского боя.

А по ту сторону Атлантики разыгрывались куда более заурядные события. В Дуврский порт только что прибыл паровой пакетбот из Кале, без каких-либо приключений пришедший через Английский канал из Франции. Альберт Нуаро — всего лишь один из множества пассажиров — сошел по трапу и ступил на английскую почву.

Большинство пассажиров спешили сесть на поезд до Лондона. Но у некоторых, как у мсье Нуаро, имелись дела в здешнем порту. Судя по всему, он приехал ненадолго, потому что не взял с собой никакого багажа. А заодно он вроде бы и никуда не торопился, в прогулочном темпе шагая вдоль причалов. Время от времени он останавливался поглазеть на корабли, а иногда рассматривал склады и здания, обращенные фасадами к порту. Одно из них заинтересовало его в особенности. Рассмотрев гравированную табличку на двери, он двинулся дальше. У следующего поворота остановился и огляделся. Насколько он мог судить, его никто не замечал. Улучив момент, он бросил взгляд на клочок

бумаги, добытый из кармана, и неспешно кивнул. Действительно, то самое название, что ему велели искать. «Тринити-хаус». Вернувшись, он

вошел в паб, расположенный в смежном здании. «Бочонок и подзорная труба». *Tres naval*[89].

Пришелец заказал пинту пива на хорошем английском — хотя и с сильным французским акцентом. Его французский был абсолютно безупречен, он прожил во Франции много лет и давным-давно похоронил Михаила Шевчука под новой личиной — но никогда не забывал, кто его господа.

Завести разговор в баре было совсем нетрудно. Особенно благодаря необычайной щедрости, когда подходила его очередь заказывать на всех. К вечеру он успел переговорить с рядом лоцманов из Тринити-хаус и узнать все, что хотел. Им он представлялся любезным агентом французских торговцев корабельными снастями и провиантом с туго набитым кошельком.

Лоцманы дружелюбно покричали ему вслед, когда он поспешил на вечерний пакетбот, чтобы вернуться во Францию.

---

[89] Примечания: 89
Очень по-морскому *(фр.).*

Книга II
ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ

Морской громовержец

Год 1865-й окончился пренеприятнейшей зимой. Столь холодного декабря — с бесконечными метелями и морозами — не выдавалось уже много лет. Замерз даже Потомак. Неустанные юридические и дипломатические нападки британского правительства на американцев малость поутихли, когда лорд Пальмерстон, так и не оправившийся после удара и переваливший уже за восьмой десяток, простудился и после непродолжительной болезни скончался в октябре. Лорд Джон Рассел покинул пост министра иностранных дел, чтобы сесть в кресло премьер-министра вместо него. Политика правительства осталась прежней, и хотя во время формирования нового правительства Соединенные Штаты получили кратковременную передышку, давление на них оставалось неизменным до весны 1866 года.

Вторая отсрочка возникла в декабре 1865 года, когда скончался король Леопольд Бельгийский. Его посредничество немало способствовало труд-

ным переговорам между обеими странами. Его сын унаследовал трон как Леопольд II, но никогда не отличался дипломатическими дарованиями отца. Разногласия и противостояние не ослабевали, но прямого военного конфликта все еще удавалось избежать.

Линкольн сдержал обещание, выиграв время, испрошенное генералом Шерманом. Угодить взыскательному и педантичному Шерману было трудновато, но к марту 1866 года он счел, что сделал все возможное для подготовки страны к войне. Не просто участия, а для победы в ней. В сырой и ненастный день он встретился с генералом Грантом и адмиралом Дэвидом Глазго Фаррагутом в сталелитейных и кораблестроительных мастерских Эрикссона в Ньюпорт-Ньюс.

— Вы еще не видели новые морские батареи? — поинтересовался адмирал Фаррагут, отхлебнув бренди. Они ждали Эрикссона в его кабинете, но инженера, как обычно, задерживали дела где-то на огромном заводе.

— Нет еще, — ответил Шерман, — и жду их с большим нетерпением. От этих батарей зависит исход сражения. Зато я осмотрел в гавани новые транспорты и более чем доволен ими.

— Мне внушают опасения эти аппарели в бор-

тах, — хмуро сдвинул брови Фаррагут, — да еще и выходящие на разных уровнях. Они нарушают целостность корпуса.

— Без них нам успеха попросту не добиться, адмирал. В предполагаемом пункте назначения тщательно измерили уровни приливов и отливов, чтобы сконструировать двери аппарелей в точности такой высоты, как надо. — При этом он воздержался от упоминания о том, как именно были проделаны эти замеры: в этом вопросе Фокс тесно сотрудничал с русскими.

— Но нельзя же сбрасывать со счетов напор волн в открытом море, особенно в шторм, — не унимался Фаррагут.

— Пожалуй, нельзя. Но Эрикссон уверяет меня: водоупорные уплотнители дверей выдержат даже самую сильную бурю.

— Искренне надеюсь, что он прав.

Прикинув на глазок уровень шерри в бокале, наполненном еще на добрый дюйм, генерал Грант решил больше не доливать.

— Я всем сердцем верю в нашего шведского инженера. Покамест он доказывал свою правоту во всем, что делал. Вы осматривали танки, вооруженные пулеметами, адмирал?

— Осматривал. Зрелище действительно впечат-

ляющее. Я в восторге перед таким нововведением, но исключительно отвлеченно, потому что даже вообразить не могу, как применять их в боевых условиях. Мне куда уютнее в море, нежели на суше.

— Уж поверьте мне, — заявил Шерман с угрюмой уверенностью, — изобретение не просто важно для моей стратегии; ее успех зависит только от него. Оно раз и навсегда преобразит облик полей сражений.

— Уж лучше вы сами воюйте на этих колымагах, — Фаррагут не скрывал своего скепсиса. — Новые бронированные корабли с поворотными орудийными башнями и пушками, заряжающимися с казенника, куда больше подходят для работы, интересующей меня.

— Британия тоже обзавелась новыми кораблями, — заметил Грант.

— Обзавелась, и я изучал рапорты о них. И уверен, что в сражении превосходство и по огневой мощи, и по маневренности будет за нашими собственными кораблями.

— Отлично, — Шерман обернулся к распахнувшейся двери. — А вот и сам хозяин!

Пробормотав нечто невразумительное, Эриксон ринулся к своему верстаку и принялся

лихорадочно рыться в стопке чертежей. Руки его были перепачканы смазкой, но он не обращал внимания на черные пятна, которые оставлял на чертежах.

— Вот, — он с торжеством выудил один чертеж и поднял его для осмотра. — Вот это может объяснить, как сконструированы морские батареи, куда лучше, чем слова. Видите?

Он провел пальцем вдоль нижней части чертежа, указав на мощную стальную конструкцию.

— Заметьте, что мортиры расположены вдоль центральной оси судна, прямо над этим стальным килем. Когда они стреляют — вынужден настаивать, по очереди, — отдачу поглощает киль. Прежде мортиры подобного калибра еще ни разу не устанавливали на кораблях. Не без основания опасаюсь, что если все они дадут залп разом, то вышибут судну дно. Ясно ли это, адмирал, вы в точности понимаете, что я говорил?

— Я все прекрасно понял. — Фаррагут даже не пытался скрыть гнев, вызванный высокомерием инженера. — Все судовые офицеры уведомлены обо всех подробностях. Они будут стрелять лишь в том случае, если ваш электрический телеграф подаст сигнал.

— Телеграф — всего лишь машина и в бою

может запросто отказать. Главный артиллерийский командир посылает электрический сигнал, включающий соленоид орудийной позиции, поднимающий красный флажок, дающий расчету приказ стрелять. Но если машина сломается, сигналы придется передавать вручную. Вот тут-то и не должно быть путаницы. По одному орудию за раз, вот что важнее всего.

— Надлежащие распоряжения отданы. Все офицеры ознакомлены с ситуацией и обучены действовать соответственно.

— Гммм... — проворчал Эрикссон и громко фыркнул носом. Очевидно, он верил в безотказность машин — но не людей. Дурное расположение духа покинуло его, только когда он снова обратил взгляд на чертеж.

— Вам следовало бы заметить сходство этой конструкции с римским боевым построением «черепаха», когда внешние ряды атакующих держали свои щиты со всех сторон, чтобы защититься от вражеских метательных снарядов, в то время как центральные ряды держали свои щиты над головами наподобие черепашьего панциря. Точно так же и наши морские батареи. Шестидюймовая стальная броня корпуса, усиленная дубом, поднимается выше, чем орудия.

Расположенные сверху стальные щитовые секции защищают палубу. По бокам они подвешены на петлях и открываются паровыми поршнями, но только когда мортиры готовы стрелять.

Хотя описание средств защиты было довольно невнятным, все было прекрасно понятно по чертежу.

— Пойдем, — сказал Эрикссон, — осмотрим судно ВМФ США «Тор», первое из построенных. Это бог грома — тот, кто размахивает молотом, сокрушающим врага.

После многолетних настояний изобретателя дать одному из кораблей такое название министерство военно-морского флота неохотно уступило. Однако вдобавок к «Тору» в ВМФ США числились «Громовержец», «Нападающий» и «Разрушитель». Весьма уместные названия для этих могучих кораблей.

Покинув контору и направившись к причалу, они впервые смогли оценить грубую мощь плавучего дивизиона мортир. Сами орудия предназначались для осады, и никому даже в голову не приходило возить их по морю. В просторное жерло такой пушки без труда влез бы человек, а посланный ею фугасный снаряд посеял бы чудовищные разрушения на любой артиллерий-

ской батарее, какие бы надежные стены ее ни защищали.

— Восхитительно, — кивнул Шерман, взирая на мрачную мощь мореходной батареи. — Восхитительно. Этот ключик и отопрет нам дверь к победе. Вернее, это один из двух ключиков. В атаке на переднем крае окажутся танки с пушками.

— Сейчас я вам покажу их новую защиту.

— Тогда искренне прошу простить, но вынужден откланяться, — заявил адмирал Фаррагут. — Они на вашей совести, генерал Шерман, а не на моей. У меня нет ни малейшего желания видеть их снова.

Ни Шерман, ни Грант его чувств не разделяли. Глядя на грозные машины, они видели победу в сражении, а не вороненую сталь и угловатые обводы.

— Это новейшее усовершенствование. — Эриксон похлопал по выпуклому стальному щиту, ограждающему стрелка. Наружу выступали только стволы пулемета Гатлинга. — Щит, конечно, вы и сами видите, это очевидно всякому, но внутри самой конструкции вы найдете плоды трудов гения механики. — Он поднял дверцу и указал внутрь машины. — Вон там, позади мотора, видите тот короб?

Оба генерала кивками подтвердили, что видят, но не стали высказывать вслух, что это им ровным счетом ничего не говорит.

— Рассмотрим передачу энергии, — провозгласил Эрикссон, и Шерман мысленно застонал, осознав, что грядет очередная невразумительная лекция. — Двигатель вращает приводной вал. Затем он должен вращать второй вал, на котором закреплены колеса. Но они не движутся. Как передать им энергию вращения? — Эрикссон, увлеченный своей страстью к изобретательству, пребывал в блаженном неведении по поводу полнейшего недоумения, написанного на лицах слушателей. — Сие таково мое изобретение — коробка передач. К концу крутящегося вала прикреплена шероховатая стальная пластина. К ней обращена вторая стальная пластина, связанная шпоночным соединением с осью колес. Рычаг, вот этот, толкает вторую пластину вперед, так что обе пластины смыкаются и энергия передается, колеса крутятся, экипаж движется вперед.

— Вот уж действительно, плоды трудов гения, — произнес Шерман. Если в его словах и была тень иронии, она совершенно ускользнула от шведского инженера, ухмыльнувшегося и заки-

вавшего в знак согласия.

— Ваши машины готовы к бою, генерал, куда бы вас ни занесло.

Тень войны

Теперь планы сражения были совсем готовы, и было уже невозможно ничего к ним добавить. Бесчисленные папки и ящики с подробнейшими документами покоились в комнате 313 военного министерства. Генерал Шерман определенно знал, что должно быть сделано. Знал с точностью до человека размеры войсковых подразделений, которыми будет командовать, число и силу кораблей, которые задействует. Теперь в сильно разросшейся комнате 313 трудились офицеры, а не клерки, облекая эти приказы плотью конкретных цифр численности личного состава, офицеров, материального обеспечения и снабжения. Они не обладали ни сноровкой, ни проворством вышколенных клерков, зато отличались одним неоспоримым преимуществом: умением хранить секреты. Воспоминания о едва не разыгравшейся катастрофе в министерстве военного флота из-за кражи боевых приказов еще были чересчур свежи и не изгладились из памяти. Лейтенанты и капитаны, ворча, что их

заставляют заниматься школьными прописями, все-таки исправно строчили сотни дубликатов, необходимых для ведения современной войны. А поскольку для успеха грядущей операции требовалась мощь флота, адмирал Фаррагут стал неизменным напарником Шермана. Без его рекомендаций нельзя было ступить и шагу, и потому оба командующих совместно решали, какие силы понадобятся, а затем формировали флот из разнообразнейших кораблей, потребных для поддержки десанта и обеспечения победы. С дотошностью, доводившей его офицеров до безумия, Шерман снова и снова пересматривал организационные планы, пока они не пришли в полнейшее соответствие с его замыслами.

— Это война нового рода, — втолковывал он генералу Гранту. Наступил первый день апреля, и Вашингтон нежился в теплых объятьях ранней весны. — Я порядком раздумывал об этом и пришел к заключению — признаться, неохотно, — что сейчас все решают машины, а не люди.

— Без солдат войну не выиграешь.

— Разумеется. Должен же кто-то управлять машинами. Сперва вспомним о магазинной винтовке, заряжающейся с казенника, и как она преобразила ведение боя. Достаточно подумать,

что один человек может выпустить столько же пуль, сколько раньше — целое отделение. Теперь перейдем к пулемету Гатлинга. Сейчас в руках одного человека огневая мощь почти целой роты. Поставь ряд пулеметов Гатлинга на надежно укрепленной закрытой позиции, и вражеским солдатам ее нипочем не взять, как бы отважны они ни были. А теперь поместим пулеметы Гатлинга на самоходные транспортеры — и получим новый вид грозной кавалерии, способной смести с лица земли любого противника на своем пути.

— Эта война нового рода больше смахивает на бойню, нежели на сражение, — поморщился Грант.

— Как же ты прав! Если такая армия нового типа осуществит массированное наступление, она сокрушит всех на своем пути. И че стремительней наступление, раньше окончится конфликт — вот почему я называю такую войну молниеносной. Война переносится на территорию врага и уничтожает его. Как ты говоришь, бойня вместо сражения. И верная победа. Вот как надлежит вести наши грядущие войны. Тигр «механизированной» войны выпущен на свободу, и мы должны оседлать его — или погибнуть. Старые времена миновали, им на смену пришли

новые. Надеюсь, что враг осознает это слишком поздно и будет уничтожен. В прошлом сражения выигрывали отвага и сила духа. В сражении при Шайло Север и Юг были настолько равными противниками, что чаша весов могла склониться в любую сторону.

— Но не склонилась, — возразил Грант. — Ты не позволил.

Ты в тот день возглавил атаку, вдохновив солдат своим примером. Исход сражения решила твоя отвага.

— Возможно. Пожалуйста, поверь, я не принижаю энтузиазм и отвагу наших войск. Американские солдаты лучше всех на свете. Но я хочу наделить их оружием и организацией, помогающими выигрывать сражения. Я хочу, чтобы они вышли из грядущего конфликта живыми и невредимыми. Мне больше не хочется видеть двадцать тысяч сложивших головы на поле боя за один день, как при Шайло. Если уж без погибших не обойтись, пусть они будут из вражеских рядов. А в конце я хочу, чтобы все воины моей армии-мстительницы триумфальным маршем вернулись на родину, к своим семьям.

— Дело это непростое, Камп.

— Но осуществимое. И я этого добьюсь. Оста-

лось лишь утрясти пару деталей, и я уверен, что могу спокойно переложить их на тебя.

— Не бойся, все будет сделано задолго до твоего возвращения.

— Особенно если учесть, что я никуда не уезжаю.

— Это верно. Официально ты вместе с адмиралом Фаррагутом будешь проводить инспекцию флота. Так пишут в газетах, а все мы знаем, что они никогда не лгут. Когда ты отбываешь?

— Нынче вечером, с наступлением сумерек. Генерал Роберт Э. Ли будет ждать меня на корабле.

— Несмотря на то что он как раз проводит отпуск на родине?

— Всегда верь тому, что читаешь в газетах. Я знаю, что гонять могучий корабль наподобие «Диктатора» до самой Ирландии и обратно ради собственной прихоти — наглость с моей стороны, но это путешествие играет кардинальную роль. Я должен присутствовать при встрече Ли с Мигером. Мы должны быть единодушны в отношении того, что делать.

— Согласен целиком и полностью и знаю, что это правда от слова до слова. Засвидетельствуй генералу Мигеру мое почтение. Он великолепный офицер.

— Согласен. Знаю, он нас не подведет — ни он, ни его ирландские войска. Но я должен внушить ему, насколько кардинальную роль он играет и что точный расчет времени архиважен. Не сомневаюсь, что он все поймет, когда я изложу ему план всей операции. Просто чудо, какую изумительную организационную работу он проделал, опираясь лишь на горстку фактов о предстоящей операции, которые мы могли ему сообщить.

— Это потому, что он верит в тебя, Камп, как и все мы. Это военное искусство нового рода — твое и только твое детище. Да, большинство видов оружия и машин было на виду у всякого. Но ты узрел больше, чем мы. Твой дар предвидения и, осмелюсь сказать, гениальность объединили все это в радикально новый боевой порядок. Мы победим, мы просто-таки обязаны одержать решительную победу, уладить британский вопрос раз и навсегда. Может быть, тогда политики спохватятся и поймут, что войны чересчур ужасны и более недопустимы.

— Я бы не слишком на это рассчитывал, — криво усмехнулся Шерман. — Как тебе известно, сам я считаю войну сущим адом, но большинство людей этого мнения не разделяют. Я твердо убежден, что политики всегда отыщут повод, чтобы

затеять очередную войну.

— Боюсь, ты прав. Что ж, желаю приятного и скорого путешествия. Увидимся по возвращении.

В Ирландии день выдался сырой, как почти всегда в апреле, но генерал Томас Фрэнсис Мигер почти не обращал внимания на выхлестанные дождем луга Баррена и промокшие палатки. Его воинство — сплошь новобранцы, зеленые и не нюхавшие пороху, зато это люди с львиными сердцами. Они сошлись под трехцветный флаг со всех концов страны, когда был брошен клич о добровольцах — ведь их самой юной нации в мире угрожает одна из старейших. Ирландия пробыла республикой недолго, но вполне довольно, чтобы вкусить сладость свободы, — и когда ее но-воприобретенная независимость оказалась в опасности, весь народ, как один, выступил на ее защиту.

Год назад, когда Мигер инспектировал своих первых добровольцев, у него прямо-таки сердце оборвалось. Да нет, энтузиаз-ма-то у них хватало, а вот недоедание на протяжении многих поколений, видит бог, взяло свою дань. Руки у них были как спички, а лица мертвенно-бледные и дряблые. У некоторых — ноги колесом: класси-

ческий признак скверного питания и рахита. Все сержанты новой армии были выходцами из Ирландской бригады, сплошь американцы ирландского происхождения, эмигрировавшие со старой родины всего одно-два поколения назад. Но какую же разницу составила эти пара поколений! Благодаря заводам и неустанному труду они поправили свою участь, а приличное питание заодно поправило их конституцию. Большинство американцев были на голову выше своих ирландских собратьев, а иные еще и вдвое массивнее.

Генералу Мигеру пришлось обратиться за советом к американским военврачам, накопившим многолетний опыт заботы о больших группах людей, заботы не только об их боевых ранениях, но и здоровье, и благополучии.

— Откормите их, — распорядился генерал медицинской службы, срочно примчавшийся в Ирландию на зов докторов Ирландской бригады. Увиденное прямо-таки шокировало его, и он в самом спешном порядке организовал совещание с генералом Мигером и его штабом.

— Я только диву даюсь, что они все вообще дожили до половой зрелости! Вы знаете, что составляет диету жителей этой страны? Картошка, практически одна картошка! Несомненно, цен-

ный источник питательных веществ, но не сам же по себе! А если картошку перед приготовлением чистят, это изрядно снижает ее пищевую ценность. Ее тут едят, макая в соленую воду для вкуса, запивая черным несладким чаем. Это не то что нездоровая диета, это смертный приговор!

— Но они к ней привыкли, — возразил Мигер. — Они активно противятся питанию сборными блюдами и тому, что зовут сборной солянкой...

— Здесь армия! — рявкнул генерал медслужбы. — Вот и пусть подчиняются приказам. Каша по утрам, а если соленая им не по вкусу, пусть сластят сахаром хоть до приторности. Знаю, они талдычат, что овес хорош только для лошадей, но пусть берут пример со своих шотландских родственников и едят овсяную кашу ежедневно. И никакого чаю до ужина! Если их мучает жажда — выставляйте им жбаны с молоком. И позаботьтесь, чтобы у них было мясо, хоть раз в день, и овощи вроде репы и капусты. Да, и лук-порей. Есть такое самое вкусное ирландское блюдо под названием колканнон, готовящееся из капусты и картошки. Проследите, чтобы они его получали. Далее, нужны упражнения, поначалу не слишком изнурительные, но мало-помалу все более энергичные. От этого они нарастят мышцы и

вообще наберут форму.

Доктора оказались абсолютно правы — перемены менее чем за год произошли разительные. А с улучшением здоровья возросла и воинская доблесть личного состава. Обстрелянных солдат из американской Ирландской бригады равномерно распределили по новой ирландской армии. Тех, у кого имелся необходимый опыт и хватало ума, произвели в сержанты, остальные же играли роль обученного ядра армии, подавая пример деревенщине и городским трущобникам. Те учились с азартом, страстно желая внести свой вклад в оборону родной страны. Все это невероятно радовало Мигера, хотя порой продвижение шло мучительно медленно. Но эти по большей части неграмотные парни обладали несокрушимой волей к победе — и побеждали. Им говорили, что надо делать, и они брались за все с энтузиазмом. И теперь стали армией, которая может и одолеть марш-бросок, и пройти парадным маршем, да притом все лучше показывает себя на стрельбище. У них хватит мужества пойти на врага, и на поле боя они будут являть внушительную силу.

Вышколить артиллеристов было не так легко. Правда, зато среди добровольцев хватало деревенских парней, умеющих управляться с

лошадьми и разбирающихся в упряжи, и они пополнили расчеты, а основу составили канониры из числа американских ирландцев, обладающие необходимым опытом и познаниями, чтобы образовать действенные артиллерийские расчеты.

С этим покончено. Прежде чем выйти принимать парад, генерал Мигер постоял во входном проеме палатки, глядя, как идет муштра под нескончаемым дождем. Люди держатся стойко. По соседству рота ставила новые палатки; одна из них, потяжелевшая от пропитавшей брезент воды, обрушилась на солдат, хлопотавших внутри. Они выбрались промокшие насквозь, смеясь над своим невезением. Боевой дух на высоте. Скоро им предстоит испытать себя в бою. Генерал Шерман, командующий, прислал еженедельным пакетботом в Голуэй весточку, что они с генералом Робертом Э. Ли весьма скоро прибудут в Ирландию военным кораблем прямиком в Дублин. Шерман объяснит, что потребуется делать. Мигер ясно помнил его слова, сказанные при встрече в военном министерстве в Вашингтоне несколько месяцев назад:

— Ты должен сколотить мне боеспособную армию, Фрэнсис, да такую, что пойдет за тобой повсюду. Если война придет, тебе выпадет сыграть

важнейшую роль в обеспечении нашей победы. К тебе подключатся и американские войска, но и твои люди должны быть готовы сражаться. Ты понесешь потери, этого не избежать, но я хочу, чтобы перед вступлением в бой каждый воин в твоих рядах знал, что сражается за свободу Ирландии. Победа в бою будет означать независимость их родины во веки веков.

«Они готовы, — думал Мигер, кивая собственным мыслям, — они готовы».

Гроза отгремела, по небу стремительно неслись черные тучи. На юге проглянуло солнце, внезапно озарив пейзаж золотыми лучами. «Знамение, — встрепенулся Мигер. — Воистину добрый знак».

Гроза, хлеставшая Ирландию и пронесенная через Англию доминирующими западными ветрами, долетела до Английского канала. Пассажиры, покидавшие борт пакетбота из Кале, пригибали головы и придерживали шляпы, чтобы хоть как-то уберечься от ливня. И только крупный мужчина с длинными волосами и окладистой бородой, не обращая внимания на дождь, неспешно, флегматично шагал вдоль берега. Дойдя до паба, он помедлил, по слогам читая вывеску «Бочонок и подзорная труба», затем кивнул и толчком распахнул дверь.

Кое-кто из посетителей заведения искоса взглянул на него, но без особого интереса. Чужаки в порту — дело самое заурядное.

— Пиво, — сказал он трактирщику, когда тот подошел, чтобы обслужить его.

— Пинту? Полпинты?

— Болшой.

— Значит, пинту.

Иностранные моряки тут не в диковинку. Трактирщик поставил бокал и выбрал несколько пенни из горсти мелочи, высыпанной пришельцем на стойку. Тот отпил сразу полбокала одним крупным глотком, громогласно рыгнул, со стуком поставил бокал на стойку и гортанно, с сильным акцентом произнес по-английски:

— Я искать лоцман.

— Ты пришел куда надо, старичок, — отозвался трактирщик, надраивая бокал до блеска. — До Тринити-хаус тут рукой подать. Все нужные тебе лоцманы там.

— Лоцманы тут?

— Мои лучшие клиенты. Вон за тем столиком у стены — все лоцманы до единого.

Не проронив больше ни слова, пришелец взял свой бокал и вразвалочку направился к указанному столу. Сидевшие за ним испуганно подняли

головы, когда он подтянул стул и тяжело плюхнулся на него, спросив:

— Лоцманы?

— Не твое собачье дело, — огрызнулся Фред Суит, пивший с самого утра и успевший порядком набраться. Начал было вставать, но сидевший рядом потянул его на место, примирительно сказав:

— Попробуй по соседству. Тринити-хаус. Все, кто тебе нужен, там.

— Хочу лоцман имя Ларс Нильсен, — обернулся к нему пришелец. — Он мой, как это по-вашему... племянник.

— Клянусь святым Георгием, смахивает на то, что наш друг — родня старине Ларсу! А я-то всегда считал, что он чересчур убогий, чтобы иметь семью.

— Повел вчера угольный сухогруз в Лондон, — вставил другой выпивоха. — Смотря чего подцепил на обратную дорогу, может подоспеть уже с минуты на минуту.

— Ларс — он здесь? — переспросил великан.

Повторив то же самое много раз так и эдак, чужаку таки растолковали, что к чему.

— Я ждать, — отодвинувшись от стола, он вернулся к стойке, что не слишком огорчило

лоцманов.

К вечеру горсть мелочи на стойке порядком убыла после множества пинт. Дядюшка Ларса пил неспешно, с толком и расстановкой, поднимая голову только для того, чтобы взглянуть на вошедшего, когда дверь с улицы отворялась. Уже смеркалось, когда в бар ввалился седобородый мужчина, гулко тюпая деревянным протезом по доскам пола. Сидевшие в пабе лоцманы встретили его нестройным хором приветствий.

— Принимай компанию, Ларс! — крикнул кто-то.

— Твое семейство хочет получить обратно деньжата, что ты украл, когда сбежал из Дании!

— Он такая же образина, как ты, вы наверняка родственники!

Громко, неистово обложив всех в три этажа, Ларс заковылял к стойке. Бородатый обернулся, чтобы взглянуть на него.

— Чего пялишься? — рявкнул на него Ларс.

— Jeg er deres onkel, Lars[90], — невозмутимо отозвался тот.

— Не видал тебя ни разу в жизни, — заорал Ларс по-датски, смерив собеседника взглядом

---

[90] Примечания: 90
Я твой дядя, Ларс *(датск.).*

с головы до ног. — И говоришь, как уроженец Kobenhavn[91], а не Jylland[92]. Вся моя родня — Jysk[93].

— Я хочу потолковать с тобой, Ларс. О деньгах. О куче денег, которые могут быть твоими.

— Ты кто таков? — подозрительно осведомился Ларс. — Откуда меня знаешь?

— Я знаю о тебе. Ты датский моряк, прослуживший тут лоцманом десять лет. Это верно?

— *Ja*[94], — пробормотал Ларс, окидывая взглядом помещение, но никто не обращал на них ни малейшего внимания, потому что говорили они по-датски.

— Добро. Теперь я куплю тебе пива и мы _snakke_[95], как старые друзья. Куча денег, Ларс, а заодно и возвращение в Аарус.

После этого они толковали вполголоса, сблизив головы над липким от пролитого пива столом.

---

[91] Примечания: 91
Копенгаген *(датск.).*

[92] Примечания: 92
Ютландия *(датск.).*

[93] Примечания: 93
Ютландцы *(датск.).*

[94] Примечания: 94
Да *(датск.).*

[95] Примечания: 95
Поболтаем *(датск.).*

Что бы там ни было сказано, но это так обрадовало Ларса, что его губы растянула столь непривычная для них улыбка. Собеседники заказали ужин — массу котлет с хлебом — и умяли их без остатка. Покончив с едой, они удалились вдвоем.

Назавтра Ларс Нильсен не явился на дежурство в Тринити-хаус. Потом разнесся слух, будто он сказал хозяину паба, что получил наследство и возвращается в Данию.

О его исчезновении никто ни капельки не пожалел.

Да будет бой!

Поодиночке и парами большие корабли шли из Америки в Ирландию, конвоируемые всю дорогу броненосцами Соединенных Штатов. Многочисленные транспорты очень разнились по классу; попадались даже деревянные парусники, оборудованные паровыми двигателями. У некоторых из этих переделанных судов бункеры вместительностью не отличались, так что все конвои делали остановки в Сент-Джонсе, на Ньюфаундленде. Теперь в тамошнем порту не осталось ни одного британского корабля; американцев же местные жители встречали очень гостеприимно. После этого визита на берег конвои шли дальше на

север в надежде уклониться от встречи с британскими дозорами. Почти дойдя до Исландии, они сворачивали на юг в сторону Голуэя. Как только прибывшие суда избавились от доставленных грузов — по большей части, боеприпасов, — те поездом отправляли в Дублин, а пустые суда бросали якорь на рейде Голуэйской бухты. К исходу весны бухта почернела от кораблей, мирно стоявших на якоре в ожидании приказов; такого их множества здесь не видели ни разу.

Долго ждать приказов не пришлось. Последние распоряжения доставил сам крейсер ВМФ США«Мститель», победитель сражения на Потомаке. Однажды утром он величественно вошел в гавань, чтобы причалить в порту Голуэя. Теперь «Мстителем» командовал закаленный в боях капитан Скофилд, поскольку постаревший командир Голдсборо наконец получил заслуженную отставку. Старший помощник тоже пришел новый — как ни странно, русский, граф Корженевский, ко всему еще и окончивший британскую Военно-морскую академию. Первоначальные сомнения Скофилда по поводу этого странного назначения вскоре уступили место уважению, ибо граф оказался старательным и способным офицером.

Приказы, доставленные «Мстителем», тут же разослали на ожидающие корабли, а полковник сухопутных войск с вооруженной охраной отправился курьерским поездом в Дублин с приказами для генерала Мигера и генерала Ли.

Приготовления шли без суеты и спешки, с достоинством бесповоротной решимости. На рассвете 15 мая 1866 года корабли подняли якоря и один за другим вышли в открытое море. Миновали Аранские острова, двигаясь на северо-запад вдоль побережья Коннемара, затем свернули на север — их путь лежал в Северный пролив между Ирландией и Шотландией. Задолго до того, как они вошли в пролив близ Донегальской бухты, тучи дыма на горизонте выдали присутствие стоящих в ожидании американских броненосцев.

Такого огромного военного флота мир еще не видел даже во время недавнего вторжения в Ирландию. Ни один британский флот, как бы силен он ни был, не осмелился бы встать на пути этой могучей армады.

Впрочем, врага не было и в помине — маневр американского флота застал британцев врасплох. Корабли шли на юг через Северный пролив, где их легко было заметить из Шотландии. Их и в самом деле обнаружили, когда они миновали

Малл-оф-Кин-тир, и телеграмма из Кэмпбелтауна стремительно понесла эту весть на юг. Но пока там успели хоть что-то предпринять, транспортные суда уже благополучно стояли в Дублинском порту и порту Дан-Лэри.

Броненосцы же остались в море, чтобы перехватывать все суда, у которых хватит опрометчивости приблизиться к побережью Ирландии. Пару-тройку решившихся на это быстренько от правили восвояси. Тем временем на берегу войска поднимались на борт ожидавших кораблей, а артиллерийские батареи направлялись на новые транспорты, построенные специально для надвигающегося вторжения, — корабли с железными корпусами, у причала открывающие огромные люки в бортах, из которых паровые цилиндры выдвигали стальные аппарели. К ним прилаживали дощатые мостки, чтобы лошади без труда смогли втащить в трюм орудия и лафеты. Кавалерия, как и конюхи с офицерскими конями, грузились тем же манером. С посадкой и погрузкой было покончено с наступлением сумерек вечером 19 мая.

Вскоре после полуночи 20 мая корабли заняли свои места в походных порядках и вышли в море. Им предстояло пройти по прямой менее ста

сорока миль через Ирландское море к берегам Британии. Рассвет застал их уже в Ливерпульской бухте, а первые боевые корабли уже шли на всех парах вверх по Мерси.

Нападение оказалось полнейшей неожиданностью для ошарашенных ливерпульцев. Грохот тяжелых орудий стал первым знаком того, что их страна снова вступила в войну. Каждая крепость, артиллерийская батарея и военный объект были тщательно нанесены на карты американцев. Разведка дала свои плоды. Каждому из броненосцев были указаны собственные специфические цели. Солнце едва успело подняться над горизонтом, когда прогремели первые выстрелы.

Мощные фугасы разорвались на закрытых позициях, расшвыривая пушки, кладку и клочья человеческой плоти во все стороны от всесокрушающего огненного урагана, вздымаемого крупнокалиберными снарядами. Поддерживая раненую руку, одинокий кавалерист, пустив коня в галоп, пронесся по пустынным улицам к центральной телеграфной конторе и стучал в запертую дверь эфесом сабли, пока не взломал. Вскоре явился перепуганный телеграфист и прямо в ночной сорочке уселся за аппарат, чтобы передать в Лондон весть о вторжении.

Впервые за восемь веков с лишком в Британию вторгся враг. Волна возмущения — а за ним и ужаса — прокатилась по острову.

Варвары у порога!

Свой штаб генерал Шерман устроил в здании таможни города Корк — очаровательном особняке белого камня, возведенном на самой оконечности острова. Из высоких окон открывался прекрасный вид на реку Ли. Северный и южный рукава реки, голубые и безмятежные, смыкались прямо под окнами, чтобы влиться в Корк-Лох. Но теперь их гладь покрывали разношерстные суда южных военно-морских сил вторжения. Транспорты поближе, многие у причалов, а ниже по течению, в гавани, — броненосные крейсеры, да еще дозорные дальше к востоку, где воды реки вливаются в море. Вражеские корабли пробовали было сунуться в эту сторону, но их отогнали задолго до того, как они успели разглядеть хоть что-нибудь. Все передвижения судов старались держать в тайне, не считая неизбежной вероятности, что они будут замечены случайно. Американцы публично провозгласили, что защищают ирландский флот от покушений зарубежных держав, а протесты Британии по поводу вторжения в ее территориальные воды демонстративно игнорировали.

Войдя в комнату, генерал Грант поглядел на листок календаря с крупной надписью «20 МАЯ», после чего уселся за стол напротив генерала Шермана и задумчиво причесал пятерней свою густую бороду.

— Двадцатое мая. Дублин телеграфировал, как только отчалили последние корабли. Если не было никаких поломок в открытом море, город Ливерпуль подвергся нападению нынче утром.

— В оперативном приказе предусмотрен допустимый процент потерянных судов, — отозвался генерал Шерман. — Так что штурм прошел, как запланировано.

— Когда же нам станет что-нибудь известно?

— Не раньше чем через несколько часов. Только после падения всех оплотов и захвата поездов самое быстроходное судно доставит депешу в Дублин, и только после этого новости телеграфируют нам. — Шерман подбородком указал на распахнутую дверь комнаты через коридор напротив, где работали телеграфисты. Провода, гирляндами свисавшие с потолка, уходили в окно, связывая комнату с почтамтом и флотом.

— Ждать да догонять — хуже нет, — заметил Грант, выуживая черную сигару из нагрудного кармана, после чего чиркнул серной спичкой и

закурил.

— Уж как водится, — согласился Шерман. — Но спокойствие — наш девиз. Не сомневаться можно лишь в одном: весть о нападении наверняка уже телеграфирована в Лондон. Несомненно, тотчас же будет отдан приказ о тотальной мобилизации. Дадим им хотя бы денек, чтобы сориентироваться в случившемся, а затем решить, что предпринимать.

— То бишь завтра, двадцать первого.

— Так точно. И еще я накинул бы денек на замешательство. Правительству придется заседать, планировать, бегать к королеве и обратно.

— Ты считаешь, что этаким манером они потеряют целый день, прежде чем перейдут к решительным действиям?

— Да.

Выдохнув облако дыма, Грант устремил невидящий взгляд за окно.

— Ты твердокаменный человек, Камп. Не хотелось бы мне оказаться на твоем месте и отвечать за развитие боевых действий в этой войне. Я бы ринулся в наступление тотчас же.

— Вполне может быть, что и нет, окажись ты на моем месте. Это основополагающее решение — и если оно принято, изменить его уже невозможно.

В Лондоне тоже должны прикинуть, что к чему, написать и передать приказы. Стиль их мышления должен претерпеть радикальные перемены, а это никогда не дается малой ценой, потому что им еще ни разу не доводилось оказаться в подобном положении. Впервые их армии будут не наступать, а обороняться. Конечно, нельзя исключить шанс, что они учли в своих планах и такую возможность. Но даже если у них имеются подобные планы, их необходимо раскопать, рассмотреть и переработать. Если я и проявляю чрезмерную консервативность, то лишь в том, что отвожу на замешательство один-единственный день. Но тут уж поздно что-либо менять. Я уверен, что завтра всем вражеским войскам по всей стране выпадет спокойный денек. Я не сомневаюсь, что явных передвижений войск не следует ожидать ранее двадцать второго.

— И тогда они выступят в глубь территории, чтобы противостоять вторжению.

— Несомненно, — в улыбке Шермана не было даже намека на тепло. — Так что тебе и твоим людям предстоит плавание двадцать третьего.

— Жду не дождусь этого мгновения, как и мои войска. К тому времени нас наверняка известят, как продвигается штурм Ливерпуля.

— Я рассчитываю, что ты нанесешь удар прямо в цель.

— Я тебя не подведу, — твердо, пожалуй, даже резковато ответил Грант. И он сделает свое дело.

Шерман знал, что если кто-то из генералов всей планеты и способен добиться успеха, то лишь Улисс С. Грант.

Как только ливерпульские укрепления сровняли с землей, а корабельная артиллерия заставила пушки умолкнуть, транспорты армии вторжения начали один за другим причаливать в порту. У стоявших же там кораблей бесцеремонно перерезали перлини и буксировали их к биркенхедскому берегу, сажая там на мель. Даже до того, как с этим было покончено, с ирландских кораблей спустили сходни. Первыми на берег вышли ирландские стрелки, рассыпавшиеся веером, чтобы занять оборону на случай контратаки. Едва они успели найти укрытия, как специальные транспорты выдвинули аппарели, и американская конница галопом вылетела навстречу утру.

Через час район порта был захвачен полностью, а наступающие войска рассыпались по городу. Встречавшиеся очаги сопротивления быстро подавляли — ведь, как только кавалерия покинула транспорты и ринулась в бой, началась

выгрузка пушек. Вытолкнув их из трюма, им не давали скатываться по аппарелям чересчур быстро. Сдерживая продвижение пушек тросами, идущими к палубным лебедкам, их медленно и осторожно спускали на пристань. Тягловые лошади последовали за ними через счита-ные минуты. Куда более легкие пулеметы Гатлинга скатывали вручную на причал, где уже стояли наготове запряженные лошади. Так что орудия на лафетах, полностью укомплектованные боеприпасами, вскоре готовы были вступить в бой. Волна наступления медленно и неукротимо катилась по городу.

Свой штаб генерал Роберт Э. Ли разместил неподалеку от Мерси. Рапорты ему доставляли вестовые, а порой и кавалеристы.

— Встречен очаг упорного сопротивления в казармах, вот здесь, — полковник Кили ткнул пальцем в карту города, разложенную по столу.

— Чего и следовало ожидать, — кивнул Ли. — Их обошли?

— Так точно, генерал, как вы и приказывали. Оставили только роту, чтобы держать их под огнем, а также два пулемета Гатлинга.

— Отлично. Отправьте туда артиллерийскую батарею, чтобы она их убрала.

Но если наступление на Ливерпуль вели медленно и методично, то передовые отряды, брошенные на станцию Лайм-стрит, подобной скрупулезностью не отличались. Конница мчалась впереди, саблями прокладывая путь сквозь пункты обороны противника, — и неслась дальше. Очаги решительного сопротивления обходили стороной, предоставляя зачистку на долю пехоты. Мобильные пулеметы Гатлинга обрушивали свинцовый ураган на войска, осмелившиеся встать у них на пути. Станцию, поезда и сортировочные узлы следовало захватить в целости и сохранности любой ценой. Ли позволил себе расслабиться хотя бы самую малость лишь после того, как поступили первые донесения о захвате важнейших целей.

— Я переношу штаб на станцию, как намечено. Отправьте посыльных, да проследите, чтобы известили все подразделения. — Он сделал шаг назад, чтобы дать место офицерам, принявшимся поспешно скатывать карты в рулон. — Операция переходит во вторую и окончательную стадию. Генерал Мигер с ирландскими войсками начнет отправку при первой же возможности. — Взмахом руки подозвав кавалериста, Ли отдал ему только что написанное послание. — Доставьте

это капитану «Стремительного». Пускай отправляется в Дублин сию же минуту.

Козырнув, офицер одним махом взлетел в седло и галопом понесся к кораблю. Ли только кивнул ему вслед.

Все идет, как запланировано.

Меч вынут из ножен

Все это смахивало на попытку расколоть орех паровым молотом — мощь, пущенная в ход, была несоизмерима с ничтожностью цели. И все же успех всего вторжения зависел от заурядненшего действия: необходимости доставить одного человека — вооруженного единственным, но необычайно важным орудием — на берег Корнуолла в нужном месте. Для этой миссии избрали корабли ВМФ США «Миссисипи» и «Пенсильвания» — только что спущенные на воду усовершенствованные броненосцы класса «Монитор» с двумя башнями. Как и предшественник — «Виргиния», они были названы в честь американских штатов. Из политических соображений военно-морское ведомство именовало суда поочередно то в честь северных, то в честь южных штатов.

После выхода из гавани Корка эти два броненосца опередили армаду. На всех парах устремив-

шись строго на юг, они не сворачивали к востоку, пока не пересекли пятидесятую параллель, оказавшись в устье Английского канала. После этого они взяли курс намного южнее островов Силл и, так что сами острова казались крохотными точками на горизонте по левому борту. Солнце уже клонилось к закату, и они сбросили ход до наступления сумерек. Наступило время величайшей опасности: от Плимута — второй по величине военно-морской базы Британских островов — их отделяло менее сорока миль. Число дозорных удвоили, и они неустанно осматривали горизонт. Неподалеку от берега виднелись рыбачьи баркасы, но на них внимание можно было не обращать; тревожил американцев только британский военный флот, и не без причины — ставка делалась только на внезапность.

Уже почти совсем стемнело, когда «Пенсильвания» приняла сигнал «Миссисипи», шедшего мористее и намного опередившего близнеца. Такая диспозиция была избрана намеренно — и чрезвычайно обоснованно, как следовало из короткого сообщения: «Впереди неопознанное военное судно. Иду на перехват».

Сигнальщик еще не кончил передачу, когда «Миссисипи», изрыгая тучи черного дыма, начал

набирать ход, устремляясь на юго-восток. Если британцы и ринутся в погоню, заметив судно, то все события разыграются далеко за пределами видимости «Пенсильвании».

План удался. Наступила ночь. Теперь американский крейсер под покровом тьмы, запустив машину на самые малые обороты, тихим ходом направился к корнуолльскому берегу.

— Должно быть, это маяк мыса Зоун, — сказал старший помощник, когда впереди показался берег. — Он находится у входа в Фолмутскую бухту — значит, подальше впереди огни самого Фолмута.

— Так держать! — распорядился капитан.

Вскоре после полуночи они проскользнули мимо Сент-Остелла в Сент-Остеллскую бухту. Когда газовые фонари городка остались позади, машину застопорили, и броненосец по инерции заскользил вперед, стал слышен спокойный плеск волн, лизавших его стальные бока.

— Десантный отряд к высадке!

Раздался топот бегущих ног по палубе, а мгновения спустя послышался негромкий скрип хорошо смазанных блоков шлюпбалок; две шлюпки пошли вниз. Первыми в них спустились по шторм-трапам матросы, чтобы в случае чего

помочь более неуклюжим солдатам слезть. За ними шли телеграфисты, а уж после остаток отряда. Винтовки у всех были разряжены, а боеприпасы лежали в застегнутых подсумках. Встретив отпор, они должны будут обойтись без лишнего шума прикладами и штыками.

Впрочем, стоит надеяться, сопротивления не будет. Эта часть побережья выбрана по двум важным причинам: во-первых, изрядная часть прилегающей территории занята частными лесными владениями, изобилующими оленями, разгуливающими на свободе. Ночью там должно быть безлюдно, потому что поблизости нет ни фермерских хозяйств, ни других жилищ — только железная дорога, проложенная между берегом и крутыми холмами. Вот ради этой-то железной дороги они сюда и высадились.

Корнуолл — скалистая гряда, протянувшаяся вдоль всего полуострова. Когда Великая Западная железная дорога покидает западную его оконечность в Пензансе, рельсы сворачивают в глубь суши, прочь от моря. Идут через Редрут и Труро, далее к Сент-Остеллу, где железная дорога снова выходит к морю, одолев больше половины пути от Пензанса до Плимута. Огибая болота Блэкмура, рельсовый путь сколько-то миль бежит вдоль

берега, после чего сворачивает в глубь суши окончательно. Как раз этот отрезок пути и был целью десанта.

Шлюпки с хрустом врезались в гальку берега. Повинуясь приказам, отданным шепотом, матросы спрыгнули в воду, погрузившись по колено, и выволокли шлюпки еще дальше на пляж. Света ущербного месяца хватало, чтобы высаживающиеся солдаты не теряли ориентации. Один из них упал под громкий лязг винтовки, ударившейся о гальку, и тут же негромко вскрикнул, когда кто-то наступил ему на руку. Его рывком подняли на ноги, и все замерли, повинуясь команде, которую прошипел офицер. Ночь была тиха настолько, что слышалось уханье сов среди деревьев по ту сторону одноколейного пути. Рельсы сверкали в лунном свете, словно серебряные.

А вдоль пути шагали столбы, несущие телеграфные провода.

— Сержант, расставьте посты слева и справа, на расстоянии двадцати ярдов. И чтобы тихо на сей раз! Телеграфное отделение, вам известно, что делать.

Дойдя до рельсов, телеграфисты разбились на две группы. Одна зашагала по шпалам на восток. Не успела тьма поглотить ее, как солдаты второй

уже надели «кошки» и полезли вверх по столбам, уверенно и проворно, с тупым стуком вгрызаясь стальными шипами «кошек» в дерево. Звонко лязгнули кусачки, и телеграфные провода с легким шорохом упали на землю.

— Собрать провода, — вполголоса приказал сержант. — Срежьте их и бросьте в океан.

Сотню, а то и две сотни ярдов проводов срезали со столбов и зашвырнули подальше в воду. Покончив с заданием, солдаты вернулись к шлюпкам задолго до возвращения второй группы и суетливо ерзали от волнения, пока сержанты не осадили их. Лейтенант выхаживал взад-вперед, беспокойно барабаня пальцами по кобуре, но не говорил ни слова. Группе диверсантов, резавших провода, было приказано идти вдоль путей пятнадцать ми

нут или около того, срезать там провода еще на одном участке и вернуться. Похоже, отведенное им время давным-давно прошло, но лейтенант этого вроде бы не осознавал.

Рядовой О'Рейли, один из часовых, расставленных вдоль путей, заметил приближение темного силуэта и уже хотел было окликнуть, когда понял, что тот идет с запада, — а вторая группа ушла на восток. Подавшись вперед, О'Рейли потянул

капрала за рукав, одновременно прижав палец к губам, и указал в сторону рельсов. Оба солдата пригнулись, стараясь слиться с землей.

Неизвестный, невероятно широкий в плечах, все приближался, негромко насвистывая.

И вдруг замер, углядев темные фигуры впереди, обок путей. Не мешкая ни секунды, чужак развернулся и тяжело побежал прочь.

— Схватить его! — бросил капрал, первым ринувшись в погоню.

Услышав громкий хруст гравия под ногами преследователей, беглец приостановился, сбросил что-то на рельсы и налегке помчался вперед — но недостаточно быстро. Сделав выпад винтовкой, капрал попал ему между ног, и неизвестный рухнул на землю. Не успел он встать хотя бы на четвереньки, как О'Рейли уже навалился на него, пригвоздив его запястья к земле.

— Не убивайте, пожалуйста, не убивайте! — пискляво взмолился тот. Только теперь солдаты разглядели его спутанные седые волосы.

— Эгей, с чего бы нам пускаться на такие жестокости, дедуля?

— Это не я! Я не ставил силков, я вроде как наткнулся на них, просто случайно.

— Господи, да это браконьер! — О'Рейли при-

поднял оленя за рога.

— Не-е-ет!.. — заверещал пойманный, и капрал тряс его, пока крик не захлебнулся.

— Вот и умница! Не шуми, и ничего тебе не будет. Тащи оленя, — шепнул капрал О'Рейли. — Побалуемся свежим мясцом...

— В чем дело? — спросил лейтенант, когда они приволокли перепуганного старика на пляж. Капрал доложил.

— Отлично. Свяжите ему руки и посадите в шлюпку. Заберем его с собой, будет нашим первым пленным. — И холодно добавил: — Если подымет шум, пристрелите его.

— Есть, сэр!

— О'Рейли, ступайте с ним. И принесите оленя. Генерал наверняка порадуется оленине.

— Группа приближается, — донесся приглушенный голос из темноты.

Расслышав хруст гравия под подошвами, очень многие вздохнули с облегчением.

— Шлюпки на воду! Все на борт, как только они отчалят!

Провода перерезаны. Никто их не видел.

При первых лучах солнца начнется высадка десанта.

Для браконьера война закончилась даже до

того, как началась. А он, наконец-то сообразив, что с ним приключилось, испытал громадное облегчение. Как ни поверни, это вам не лесники сэра Перси, и в Фолмутский суд его не потянут, как он опасался. Куда лучше быть военнопленным у американцев, чем получить бесплатный проезд на тот свет.

Свет в Букингемском дворце не гас далеко за полночь, вплоть до самого утра. Курьеры то и дело входили и выходили, а порой подкатывали и кареты. Средоточием всей этой активности был зал совещаний, где проходило важнейшее заседание. Перед дверью стоял полковник, перехватывавший депеши, а другой полковник в зале передавал совещавшимся послания, казавшиеся достаточно важными, чтобы оправдать вмешательство в ход заседания.

— Мы не позволим нарушать священные пределы нашей страны! Ясно ли мы выразились?

— Да, мэм, чрезвычайно ясно. Но вы должны понимать, что ее пределы уже нарушены, высадка десанта стала делом прошлого. Вражеские войска захватили в Ливерпуле плацдарм, город в их руках, согласно последнему донесению, всякое сопротивление прекратилось.

— Мои дорогие солдаты никогда не сдаются!

— чуть слышно прошептала Виктория; голос ее осип от многих часов, а то и суток бурных переживаний. А лицо так побагровело, что все присутствующие встревожились.

— Разумеется, не сдаются, мэм, — терпеливо произнес лорд Джон Рассел. — Но они вполне могли сложить головы. Что могла сделать горстка защитников против многочисленных и безжалостных нападающих? И, судя по всему, Ливерпуль — не единственная их цель. Из Бирмингема доносят об интенсивных боях.

— Бирмингем... но как?! — Виктория лишь рот разинула, в замешательстве пытаясь освоиться с этой новой, пугающей вестью.

— По железной дороге, мэм. Наши собственные поезда захвачены и были вынуждены доставить вражеские войска на юг. Американцы — ярые приверженцы железных дорог и широко пользовались ими в разнообразнейших войнах.

— Американцы? Мне сказали, что захватчики — ирландцы...

— Что янки, что пэдди — разница невелика! — буркнул герцог Кембриджский. Многочасовые пререкания действовали ему на нервы; он предпочел бы им поле боя. Куда лучше дать врагу сражение, перебить этих ублюдков.

— А с какой стати ирландцам вздумалось вторгнуться к нам? — с искренним недоумением поинтересовалась Виктория. Для нее ирландцы всегда были этакими непослушными детишками, которых надо наставить на путь истинный и вернуть под благословенное британское правление.

— С какой стати?! — проворчал герцог Кембриджский. — Да с такой, что их, видите ли, разобидело, когда их родственничков загнали в концентрационные лагеря. А разве у нас был выбор?! Выносили змею на собственной груди. Похоже, Сэфтон-Парк, лагерь к востоку от Ливерпуля, уже захвачен. А Эстон-Холл близ Бирмингема наверняка на очереди.

Говоря это, он услышал деликатный стук в дверь, а теперь она приоткрылась самую малость, последовал краткий разговор шепотом, и дверь опять закрылась. Собравшиеся вокруг стола для заседаний поглядели на полковника, приблизившегося с полоской бумаги.

— Телеграмма из Уайтхолла...

Герцог вырвал ее из рук офицера в тот самый миг, когда за ней потянулся лорд Рассел.

— Чтоб у них глаза повылазили! — герцог просто-таки бурлил от гнева. Отшвырнув телеграмму, он протопал через комнату к большой

карте Британских островов, висящей на стене.

— Рапорт «Защитника», телеграфированный из Милфорд-Хейвена... вот здесь. — Он ткнул пальцем в карту западного Уэльса близ пролива Святого Георгия. — Смахивает на то, что несколько часов назад замечен крупный конвой, шедший по проливу на юг.

— На юг... почему на юг? — Лорд Рассел тщетно пытался разобраться в ситуации.

— Ну, не для того же, чтоб вторгнуться во Францию, могу вас уверить, — разъярился герцог, взмахом руки обведя Английский канал и южное побережье Британии. — Вот куда они нацелились — в теплое и мягкое брюхо Англии!

С первыми лучами солнца атакующая армада подошла к корнуолльскому берегу. Опоясанная скалами гавань Пензанса была крайне мала и годилась только для прогулочных судов и рыбачьих лодчонок. Паром до островов Силли, причаливая на ночь, занимал ее чуть ли не целиком. Организуя десант, это приняли во внимание, и паровой полубаркас с «Виргинии» был единственным американским судном, попытавшимся войти в гавань. Он был битком набит солдатами, так что его фальшборта возвышались над водой едва ли на пару дюймов. Военные хлынули на причал

черным потоком, бегом устремляясь в атаку, и не мешкая взяли таможню и спасательную станцию.

А в это время вдоль всего побережья Пензанса причаливали мелкие суденышки, высаживая десант на берег между гаванью и железнодорожной станцией и на просторные пустынные пляжи, дугой уходящие от гавани на запад. Первые же высадившиеся солдаты двинулись по дороге к станции, а оттуда в депо. Генерал Грант шел во главе: поезда — ключ к успеху всей кампании. Прошагав через станцию, он вошел в телеграфную контору, где двое солдат держали перепуганного дежурного телеграфиста за руки.

— Дрых в обнимку с ключом, генерал, — доложил сержант. — Мы схватили его до того, как он передал предупреждение.

— Я не мог сделать этого, ваша честь! — запротестовал тот. — Просто не мог, потому что связи с Плимутом нет.

— Я спросил его про прибывающие поезда, — сообщил майор Сэндисон, служивший начальником станции до того, как созвал роту добровольцев в Сент-Луисе и повел их на войну. Его солдаты, по большей части бывшие железнодорожники, захватили станцию и прилегающую

территорию. — Только товарные поезда из Сент-Остелла в Труро, больше на линии никого.

Разложив на столе карту, Сэндисон указал на станцию:

— Должно быть, они встанут на запасной путь, прежде чем мы попадем туда.

— «Должно быть» меня не устраивает, — отрезал Грант.

— Согласен, генерал. Перед нашим первым поездом я пошлю локомотив с товарными вагонами, плюс вагон с солдатами, вооруженными кувалдами и костылями на случай, если рельсы не в порядке. Они позаботятся, чтобы путь был свободен и открыт.

— Генерал, первые «гатлинги» уже на берегу, — отрапортовал солдат.

— Хорошо. Пусть выгружают остальные — и сейчас же сюда.

Шерман и Грант потратили не один час, организуя войска для этой атаки на Корнуолл.

— Гавань невероятно мала, — говорил Шерман. — Я видел это собственными глазами, потому что наша яхта стояла в ней. Но за волноломом достаточно глубоко. По моей просьбе команда «Авроры» сделала промеры глубины лотом, когда мы уходили. Грузовые суда с малой осадкой

смогут причалить со стороны моря и лебедками спустить тяжелое снаряжение на берег.

— А орудия?

— Они слишком тяжелы, — покачал головой Шерман, — да и выгрузка займет чересчур много времени. Вдобавок у нас нет тягловых животных для их перевозки. И даже если мы как-то исхитримся доставить их на станцию, с их погрузкой придется порядком повозиться. Никаких орудий. Надо обернуться очень быстро.

— Значит, пулеметы Гатлинга.

— Вот именно. Они достаточно легки, чтобы люди справились с ними вручную.

— А как быть с боеприпасами? В бою пулеметы расходуют их в невероятных количествах.

— Опять же солдаты. Отбери самых крупных и сильных. Сформируй специальные пулеметные роты. Вооружи их револьверами вместо винтовок. Носить их легче, а в рукопашной толку от них ничуть не меньше. Придай к каждому пулемету Гатлинга специальное отделение. Пусть одни тащат пулемет, а остальные несут боеприпасы. Тогда каждый «гатлинг» всегда будет сохранять самостоятельность.

— Такого еще никто никогда не делал. — Грант в глубокой задумчивости принялся причесывать

свою бороду пятерней.

— И молниеносных войн вроде этой не вел еще никто и никогда, — улыбнулся Шерман.

— Боже мой, Камп, ты прав! — расхохотался Грант. — Мы ворвемся к ним, как волк в овчарню. Не успеют они и глазом моргнуть, как окажутся в плену — или на том свете!

Так и пошло. Первый сухогруз вывесил кранцы и причалил со стороны моря к волнолому. Черный корпус покачивался на волнах вверх-вниз, кранцы угрожающе скрипели, но ничего страшного не произошло. Залязгали паровые лебедки, длинные грузовые стрелы подняли стоявшие на палубе пулеметы Гатлинга в воздух и перенесли на широкий волнолом. Как только матросы развязали канаты, дожидавшиеся солдаты покатили пулеметы на берег, где пулеметные роты строились на дороге. Как только пулеметная рота была укомплектована боеприпасами и подносящими, она рысцой устремлялась по дороге к станции, где уже сформировали первый поезд. Сам генерал Грант ехал на площадке паровоза рядом с машинистом, когда поезд с пыхтением покинул станцию и устремился вдоль берега на восток.

Второе американское вторжение на британскую территорию началось.

Стычка в парламенте

— Наша страна столкнулась ныне с величайшей опасностью за всю свою историю. — Члены парламента слушали лорда Джона Рассела в напряженном молчании. — Из-за океана, из далекой Америки на наши суверенные берега прибыло могучее войско, чтобы развязать войну. Некоторые из вас скажут, что различными своими мероприятиями предыдущее правительство не покладая рук разжигало ярость американцев. Я этого не отрицаю. Я был членом правительства лорда Пальмерстона и в этом качестве не слагаю с себя определенной ответственности в связи с нынешними событиями. Но все это в прошлом, а прошлое изменить нельзя. Могу также сказать, определенные ошибки сделаны и в управлении Ирландией. Но взаимоотношения между Британией и Ирландией всегда складывались очень непросто. Однако я здесь не для того, чтобы обращаться к истории. Что сделано, того не поправишь. Я обращаюсь к настоящему, к трусливому и вероломному нападению на нашу страну. Вопреки международному праву и даже простым приличиям, нам нанесли подлый удар в спину, трусливо повторяя выпады снова и снова.

Ирландские и американские войска высадились на наших берегах. Нашу землю разоряют, наших сограждан убивают. Так что ныне я призываю вас поддержать меня и правительство единства, которое сплотит нашу бедствующую страну и сбросит захватчиков обратно в море.

Располагающей внешностью Рассел не отличался. Мелкий, хрупкий и какой-то расхлябанный, он извивался во время речи всем телом, не зная, куда девать руки и ноги. Его тонкий голос звучал настолько тихо, что пять сотен парламентариев изо всех сил напрягали слух, чтобы разобрать слова. Он говорил продуманно и рассудительно, с душевным подъемом, но впечатление сумел произвести отнюдь не на всех. Стоило Расселу на миг умолкнуть, чтобы заглянуть в тезисы, как Бенджамин Дизраэли тотчас же вскочил:

— А не будет ли премьер-министр любезен проинформировать нас о масштабах опустошений со стороны захватчиков-янки? Газеты только брызжут слюной — и ничего более, так что факты в их разглагольствованиях крайне трудно отделить от эмоций.

— Интерес достопочтенного джентльмена вполне понятен. Посему мой прискорбный долг посвятить вас в подробности, которых требует

лидер оппозиции палаты, — заглянув в бумаги, Рассел вздохнул. — Пару дней назад, двадцать первого мая, в Ливерпуле произошла высадка иностранных войск — очевидно, по большей части ирландских, однако нам известно, под чью дудку они пляшут. Город взят. Наши доблестные воины сражались отважно, но не выстояли перед подавляющим численным превосходством противника. Далее нападающие проследовали в Бирмингем, где после вероломного яростного штурма захватили город и окрестности.

Преисполненный праведным гневом Дизраэли снова величаво выпрямился во весь рост:

— А разве не правда, что атакующие войска направились прямиком в Сэфтон-Парк в Ливерпуле, где вступили в бой с нашими солдатами и разбили их? Как вам, несомненно, известно, там находится лагерь для ирландских изменников. И разве не правда также и то, что в это самое время другие захватчики овладели поездами и проследовали в Бирмингем? Похоже, из-за того, что телеграфные провода были перерезаны, тамошние войска были захвачены врасплох в Эстон-Холле, атакованы и безжалостно перебиты. Правда ли это?

— Как ни прискорбно, это правда. По крайней

мере, эти факты газеты изложили верно.

— Тогда поведайте нам: не правда ли и то, что в этих местах находятся лагеря, где сосредотачивали граждан ирландского происхождения — не только мужчин, но также женщин и детей? Людей, которых схватили и заключили под стражу, даже не удосужившись предъявить им обвинений в каких-либо преступлениях?

— Все упомянутое будет освещено в самое ближайшее время. Если мне позволят продолжить, позднее я отвечу на любые вопросы самым детальным образом.

Члены парламента одобрительно зароптали. Поклоном выразив согласие с их решением, Дизраэли снова сел на место.

— Как только мы узнали о нападении, военные нашей страны как один выступили на ее защиту. Согласно приказу герцога Кембриджского, шотландские войска из Глазго и Эдинбурга ныне следуют в центральные графства. Кавалерия и йомены, равно как и прочие войска, ныне пребывают на полях сражений, и мы ждем скорых вестей о победе. Следующим полкам приказано... — тут голос Рассела осекся, потому что по залу прокатился ропот голосов. Подняв голову, он увидел, что один из клерков парламента спустился в

проход и трусцой припустил к передним рядам, сжимая в руке единственный листок бумаги. И молча протянул его Расселу.

Взяв записку, премьер-министр охнул и пошатнулся, будто от удара.

— Атакованы... — выдохнул. — Снова нападение — на сей раз на военно-морскую базу в Плимуте!

Настал решающий момент. Локомотив первого воинского состава остановился на станции Солташ. Из трубы еще тянулась к небесам струйка дыма, а раскаленный стальной котел негромко потрескивал, остывая. Спрыгнув с подножки локомотива, генерал Грант прошел вперед, к паровозу, остановившемуся перед мостом Альберт-бридж через реку Тамар. При его приближении из окон двух вагонов начали выглядывать солдаты; молодой капитан, спрыгнув с локомотива, лихо козырнул.

— Вы позаботились о телеграфных проводах? — с ходу спросил Грант.

— Как вы и приказали, генерал. Мы высаживали по отделению на каждой станции, чтобы арестовать телеграфиста, буде таковой имелся. А покидая каждую станцию, мы при помощи поезда валили с полдюжины столбов, после чего срывали провода. В товарном вагоне их скопи-

лась целая бухта.

— Отлично. Значит, насколько вы можете судить, никаких предупреждений вперед не отправляли?

— Ни единого, сэр! Мы двигались чересчур быстро. Ни один из телеграфистов даже близко к ключу не подходил, когда мы вламывались.

— Отличная работа.

Грант окинул долгим взглядом тот конец моста: пока что никаких признаков активности. Руководство железной дороги уже наверняка в курсе, что телеграфная связь с Корнуоллом прервана. Сочли ли необходимым известить об этом факте военных? Есть только один способ выяснить.

— Следуйте через мост — потихоньку, пока не окажетесь на той стороне. А дальше на всех парах до самой плимутской станции. Там остановитесь, но так, чтобы оставить место для воинских эшелонов, следующих за вами. Держите оружие наготове, но отвечайте огнем, только если по вас будут стрелять первыми. Желаю вам удачи.

— Всем нам удачи, генерал!

Офицер бегом припустил к паровозу, тронувшемуся в путь, когда он еще взбирался на площадку. Фут за футом он преодолевал длиннейший, невероятный мост. Воинский эшелон следовал за

ним в сотне ярдов позади. Пока он вполз на мост, первый состав уже скрылся из виду. Как только мост благополучно остался позади, они начали набирать ход, все быстрее и быстрее проносясь через местные станции: Сент-Бьюдо, Манадон и Кроун-хилл. Три следующих поезда останавливались на этих станциях, захватывая их, а там и города, охватывая их кольцом или сваливаясь на них с окрестных холмов.

Ошарашенные пассажиры на платформе отшатнулись, когда поезд пронесся через станцию, затормозив только после въезда на плимутский вокзал. Солдаты выпрыгнули из вагонов и рассыпались веером, не обращая внимания на штатских. Последовала короткая потасовка, в результате которой полицейские были подавлены, связаны и посажены под замок в телеграфной конторе вкупе с телеграфистом, в момент захвата пытавшимся послать сообщение в Лондон. Впрочем, в этом он не преуспел, поскольку авангард сделал свое дело, перерезав провода за пределами станции.

Построившись, войска из эшелона маршем двинулись со станции, и генерал Грант с ними. Перед вокзалом обнаружилась вереница стоявших в ожидании кебов.

— Конфисковать лошадей, — приказал генерал Грант адъютанту. — Их можно запрячь в повозки с «гатлингами».

— Что тут происходит?! Я требую объяснений! — перед Грантом, потрясая в его сторону тростью с золотым набалдашником, встал хорошо одетый разгневанный джентльмен.

— Война, сэр. Вы вступили в войну, — не успел Грант договорить, как двое военнослужащих схватили господинчика и повлекли прочь.

Американцы на улицах Плимута почти не встречали сопротивления. Судя по всему, в самом городе воинских подразделений не было; встречные матросы, которых можно было счесть по пальцам, были безоружны и пускались наутек при виде воинственно настроенных солдат. Впрочем, они подняли тревогу, и на подходах к военно-морской базе американцы попали под обстрел.

— Вывести «гатлинги»! — распорядился Грант. — Отделениям авангарда обходить все опорные пункты, а пулеметы Гатлинга пусть следуют за ними, подавляя сопротивление.

Солдаты Королевской морской пехоты, укрывшись в казармах, дали наступающим энергичный отпор, но пулеметы смели их, пробивая тонкие

деревянные стены навылет. С победным ревом американские войска ворвались в здания, и горстка уцелевших быстро сдалась. Немногочисленных матросов, поднявшихся в ружье, срезали «гатлингами» и снайперской стрельбой ветеранов американской армии.

По атакующим не выстрелило ни одно орудие береговой батареи, потому что все они были направлены в сторону моря. Штурма порта со стороны суши попросту не ожидали.

Американцы катились вперед неудержимой волной. В Де-вонпорте они захватили военные суда, стоявшие там. В Плимутском порту, более крупном и запутанном, сориентироваться было потруднее, и атака американцев замедлилась — но все так же неуклонно катилась вперед.

Судьбе было угодно, чтобы корабль флота Ее Величества «Защитник», прибывший только утром, стоял у понтона. Капитан, вызванный вахтенным офицером при первых выстрелах, донесшихся из города, находился на палубе.

— В чем дело, командир? — осведомился он, вскарабкавшись на мостик.

— Стреляют, сэр, больше мне ничего не известно.

— И что же вы предприняли?

— Послал на берег гичку с лейтенантом Осборном. Решил, что уж артиллерист-то разберется, что творится.

— Отличная работа! Смахивает на дерьмовую революцию...

— Вот они, сэр, как раз подгребают.

— Не нравится мне все это. Дайте знак в машинное отделение, пусть разведут пары.

— Есть, сэр!

Взбираясь на мостик, запыхавшийся лейтенант Осборн отдувался, но лицо его покрывала бледность, несмотря на тропический загар.

— Все пошло к чертям, сэр, — сообщил он, вяло козырнув. — Войска повсюду, стрельба, я видел трупы...

— Да возьмите же себя в руки! Докладывайте.

— Есть, сэр! — развернув плечи, Осборн вытянулся во

фрунт. — Я велел гичке подождать у причала на случай, если придется срочно ретироваться, и пошел в одиночку. Чуть не наткнулся на группу солдат. Они толкали троих матросов, захваченных в плен. Орали и смеялись, меня не заметили.

— Какого рода войск? — осадил его капитан. — Поконкретнее.

— Синие мундиры с сержантскими нашивками вверх ногами. А по акценту... американцы.

— Американцы? Здесь?! Но откуда?..

Злополучный артиллерист только руками развел.

— Я видел и другие их отряды, сэр. В зданиях. Они даже поднимались на корабли. Перестрелки всяческого рода. Огонь приближался ко мне, даже опередил по флангу. Вот тогда-то я и решил, что лучше вернусь-ка и доложу об увиденном.

Капитан лихорадочно старался привести мысли в порядок. Предстоит тяжелое решение. Может, подвести судно поближе к причалам и открыть огонь по агрессорам? Но как их засечь? Если они захватили какие-либо из британских военных кораблей, не придется ли стрелять по своим же морякам? Если штурм был действительно настолько успешным, как расписывает артиллерист, то весь порт мог уже оказаться в руках противника. Если телеграфная связь прервана, тогда никто даже не узнает о случившемся. Его долг — уведомить Уайтхолл об этом погроме.

После нескончаемо долгих секунд, ушедших на принятие этого решения, он вдруг осознал, что все на мостике хранят гробовое молчание, ожидая его приказов.

— Передайте в машинное: малый вперед. Причальный конец рубить. Тут мы ничем не поможем, зато можем связаться с Лондоном и доложить о случившемся. Как только выйдем из гавани, взять курс на Дартмут. На всех парах. Там есть телеграфная станция. Я должен рапортовать о случившемся.

Дымя вовсю, броненосец устремился в открытое море.

Могучий удар

Едва операция в Пензансе успешно завершилась, как крейсер ВМФ США «Пенсильвания» развел пары. Когда же прибыло донесение, что генерал Грант с войсками отбыл в Плимут по железной дороге, корабль вышел в море. Двух других броненосцев, оставшихся на рейде, будет более чем достаточно, чтобы отстоять город, буде каким-либо вражеским кораблям хватит глупости пойти на штурм. Капитан Сэнборн получил от генерала Гранта очень конкретные распоряжения. Ему надлежало проследовать до участка побережья, уже знакомого по действиям вчерашней ночи. «Пенсильвания» неспешно шла на восток, пока не приблизилась к Сент-Остеллу, где бросила якорь на глубине, подальше от

берега. Ночной десант стал неплохим уроком для младших офицеров, но теперь Сэнборн хотел увидеть вражеский край лично.

— Командовать десантом буду я, — сказал он вахтенному офицеру. — Потушите котлы и проследите, чтобы вахта поспала — некоторые матросы не смыкали глаз уже двое суток. Пошлите на топ двух дозорных с биноклями, чтобы докладывали о любой посудине крупнее рыбачьего баркаса. Если заметят какие-нибудь корабли, вам следует дать три длинных гудка и развести пары. Ясно?

— Так точно, сэр!

Все четыре шлюпки уже свисали со шлюпбалок, не защищенные броней. Если бы их разбили в сражении, заменить их проще простого, а вот «Пенсильвании» замену подыскать трудновато. Теперь их спустили на воду, после чего десант быстро занял в них свои места, и шлюпки пошли на веслах к берегу. Первыми высадились морские пехотинцы, приписанные к судну, и бегом промчались через пляж в сторону улицы городка. За ними последовал Сэнборн с матросами, уже более ленивой походкой, ухмыляясь при виде ошарашенных лиц прохожих. Прошагав вдоль рельсов до крохотного полустанка, он ответил на привет-

ствие сержанта, вышедшего ему навстречу.

— Станция в наших руках, сэр, телеграфные провода перерезаны. Я велел запереть там кое-каких пленных, в том числе двоих местных полицейских.

— Трудности были?

— Не стоящие упоминания, сэр. Генерал Грант сообщил, что вы должны подойти.

Ждать пришлось долго, почти до вечера. Капитан Сэнборн перекусил с солдатами, поделившимися с ним своими пайками, выслушал рассказы о захвате Пензанса и победоносной поездке по железной дороге через Корнуолл, сопровождавшейся захватом каждой попутной станции и ликвидацией всякой телеграфной связи.

Окружающий городок затаился в ошеломленном молчании. Большинство жителей предпочитали отсиживаться по-домам. Здесь явно не было нужды в крупных оккупационных силах, так что матросов отправили обратно на судно; остались только морские пехотинцы. Сэнборн уже начал задремывать, когда вдруг услышал гудок паровоза со стороны Плимута. Он подошел к солдатам, собравшимся на платформе, как раз когда к ней подкатил локомотив, толкая перед собой единственный вагон. Не успел он остановиться,

как спрыгнувший с него пехотный офицер отдал честь командиру корабля.

— Не вы ли капитан Сэнборн?

— Я.

Вытащив из кармана конверт, офицер передал его капитану.

— От генерала Гранта, сэр.

— Как дела в Плимуте?

— Я бы сказал, без сучка без задоринки, сэр. Еще до моего отъезда стало ясно, что все береговые укрепления и причалы Плимута взяты нашими. Большинство вражеских кораблей уже в наших руках. Не обошлось, конечно, без кое-какого сопротивления, но перед «гатлингами» никто устоять не мог.

— Похоже, работа сделана на совесть. — Но тут же капитану на ум пришел вопрос, занимавший его мысли более всего. — Сумел ли какой-нибудь из вражеских кораблей ускользнуть?

— По меньшей мере, один, сэр. Броненосец. С железнодорожной станции я видел, как он выходит в море. Но только один.

— Довольно и одного. Мои поздравления генералу.

Конверт не был запечатан, так что послание явно предназначалось для прочтения Сэнборном.

Впрочем, это может и обождать до возвращения на корабль, он и так в отлучке слишком давно, а генерал Шерман ждет этого донесения. Капитан знал, насколько важную роль оно играет. От содержимого конверта зависит успех всей кампании.

Ждать было труднее всего.

Сидя в своем кабинете в Корке, генерал Шерман невидящим взором глазел в окно. Уже знакомая река Ли не могла привлечь его внимания. Он глядел куда-то мимо, в сторону Англии, пытаясь зримо представить развитие ситуации в этой стране, опираясь на одни лишь донесения, разбросанные по столу перед ним. Ливерпульский десант обернулся блестящим успехом. Тамошний концентрационный лагерь — и другой, под Бирмингемом, — были захвачены. Последние рапорты из обоих говорят, что они подвергались контратакам, но нерегулярным и дезорганизованным, и хорошо вооруженные защитники успешно отстояли свои позиции. Однако все может запросто перемениться. Как только могучая британская военная машина выйдет на полные оборо

ты, остановить ее на родной земле будет невозможно. Тяжелые орудия искрошат ирландские и

американские войска: когда их боеприпасы подойдут к концу, их возьмут не уменьем, а числом. Такая опасность сохранялась с самого начала операции. Их заранее списали в расход, и они знают об этом, но без боя свои жизни не отдадут.

Но такой исход вовсе не обязателен. Британских командиров наверняка ошарашит захват их военно-морской базы в Плимуте. Со времени штурма прошло более двадцати четырех часов — и лондонские власти давным-давно узнали об этом. Войска могли уже выехать — а то и прибыть к нынешнему моменту.

Но прошло уже почти четыре дня с тех пор, как лагеря были атакованы и захвачены. Схватка предстоит отчаянная. Увенчается ли игра ва-банк успехом? Отвлечет ли нападение на Плимут британские войска от двух городов в глубине территории? Осознают ли британские генералы, что попусту тратят время и силы на тактически несущественные объекты? Или британские вояки чересчур тупоумны, чтобы прийти к подобным выводам? А если и да — что ж, тогда пострадают только войска, оккупирующие концентрационные лагеря. Это никак не скажется на вторжении, и наступление будет развиваться, как намечено.

Хуже всего то, что генералам Ли и Мигеру из-

вестно об опасности — равно как и солдатам, захватившим лагеря. Они знали обо всем заранее — и все же рвались на задание, которое можно счесть самоубийственным. И все до единого пошли бы добровольцами.

Вот почему генералу так трудно было ждать в бездействии, пока его подчиненные сражались и умирали. И все-таки именно на этом плане все сошлись, именно этот образ действий решили избрать, и Шерман должен позаботиться о его осуществлении. Тут, постучав, адъютант приоткрыл дверь.

— Здесь адмирал Фаррагут и капитан Додж, генерал.

— С фронта больше донесений не поступало?

— Никак нет, сэр.

— Ладно, пригласите их.

Додж командовал судном ВМФ США «Громовержец», возглавляющим флотилию плавучих батарей. Фаррагут же, закаленный в боях командир, а ныне командующий флотом, для начального периода операции избрал его своим флагманом, желая вступить в бой первым. Но едва Шерман открыл было рот, как послышался торопливый стук в дверь, и в комнату ввалился адъютант с целой охапкой газет.

— Капитан Скофилд на «Мстителе» затеял рейд на берег в Фишгарде, и десант захватил эти газеты, только что прибывшие поездом из Лондона.

Взяв у него «Таймс», Шерман уставился на крикливый заголовок:

«ВТОРЖЕНИЕ
НА ЮГЕ. ПЛИМУТ ЗАХВАЧЕН».

Хватало и других заглавий в том же духе. Шерман бегло пролистал страницы в поисках сведений о передвижениях войск. Да, хватает, добровольцы собираются под знамена, поезда конфискуются под воинские нужды, объявлено военное положение. Тишину в комнате нарушал только шелест газет: все читали первые надежные донесения о действиях противника. В конце концов Шерман швырнул последнюю газету на стол, заметив:

— Мы разворошили осиное гнездо.

— Определенно, — подхватил Фаррагут. — Похоже, все идет по плану.

— Все, — согласился Шерман. — Мне только хотелось бы побольше подробностей о событиях в Ливерпуле и Бирмингеме.

— Атакованы, яростные бои, согласно этой газете, — вставил Скофилд.

— Да, но ни слова о переброске войск, — покачал головой Шерман. — Полагаю, большего от публичных заявлений их правительства нечего и ждать. Военным вовсе незачем посвящать газеты во все подробности своих операций. Скорее как раз наоборот. Что ж, тогда перейдем к насущным проблемам. В своем последнем рапорте, адмирал, вы сообщаете, что флот готов выйти в море.

— Так оно и есть. Угольные бункеры полны, провиант и пресная вода на борту. Войска закончили посадку часа два назад.

— Значит, отплываем, как запланировано?

— Совершенно верно.

— Вы понимаете, что эта последняя атака будет предпринята почти ровно двое суток спустя после десанта в Пензансе?

Оба моряка кивнули, улавливая ход мыслей Шермана и, подобно ему, не желая высказывать сомнения вслух. Двухдневная отсрочка была намеренной. Двое суток отвели британцам, чтобы те осознали, что же происходит на западе, — да еще двое суток, чтобы они перешли к решительным действиям против вторжения на юге. Двое суток для сбора и отправки войск на захваченные территории. Но заодно и лишних двое суток — подчиненным генерала Гранта, чтобы подго-

товиться и дать отпор англичанам.

И вкупе целых четыре дня для генералов Ли и Мигера, — а также их войск, — чтобы отстоять захваченные концентрационные лагеря. Все идет по плану. Но этот же план может с равным успехом отправить множество солдат навстречу погибели.

— Что ж... — Шерман встал, выпрямившись во весь рост. — Тогда операция начинается.

Возвращаясь на баркасе на судно, капитан Додж увидел другую лодку, отчаливающую от борта «Громовержца». Вскарабкавшись по штормтрапу в открытый люк, он обнаружил на палубе поджидавшего его заместителя министра военно-морского флота Густава Фокса.

— Какой приятный сюрприз, мистер Фокс!

— Рад вас видеть, капитан. Сожалею о промедлении, но возникли непредвиденные трудности с привлечением вашего речного лоцмана перед отплытием. Теперь он здесь, — Фокс указал на угрюмого седобородого человека, которого держали под локти двое морских пехотинцев. Не совсем подходящее время объяснять, что Ларс Нильсен, благополучно вернувшись в родную Ютландию и пропив полученные деньги, отнюдь не горел желанием покинуть Данию сызнова.

Пришлось экстренным порядком созвать небольшой отряд; ночной десант и внезапная потасовка разрешили проблему.

— Я очень рад, мистер Фокс. Не могу не признаться, что питал немалые опасения.

— Как и все мы, сэр. Я рад, что сумел вам услужить.

Отплыли при свете дня. В силу необходимости держаться подальше от английских берегов избрали весьма окольный путь, сделав изрядный крюк в Атлантику. Конвой, вынужденный равняться по самому тихоходному судну, тащился черепашьим шагом. Некоторым из реконструированных парусников недоставало ни мощности, ни маневренности — равно как и новоявленным морским батареям. Несомненно, маленькими их машины назвать было нельзя, но тонны брони, да вдобавок чудовищная масса самих циклопических мортир складывались в необычайно внушительный вес.

Один за другим представая в устье реки Ли, чтобы присоединиться к уже выстроившейся там веренице, корабли являли собой весьма внушительное зрелище; оставалось лишь надеяться, что враг остался в неведении о нем. По ходу развертывания караван мало-помалу перестраивался:

транспортные суда вместе со своим людским грузом уходили в середку конвоя. С ними же шли и плавучие дивизионы мортир, при закрытых броневых щитах попросту неспособные сражаться в открытом море. Но их час скоро пробьет.

В авангарде, арьергарде и боковом охранении двигались броненосцы. Некоторые ушли далеко вперед, образовав походную заставу между конвоем и невидимым британским берегом. В этом уголке Атлантики движение весьма оживленное, и курс конвоя пересекали и другие корабли. Сторожевые броненосцы отгоняли их в стороны, удерживая далеко за горизонтом, чтобы они даже мельком не увидели абрис конвоя.

Таким образом корабли следовали до сумерек, после чего перестроились в ночные порядки, чтобы каждое судно могло следовать за потайными огнями предыдущего. Пасмурный, дождливый рассвет застал их входящими в устье Английского канала. Франция с одной стороны, Англия с другой, но обе скрыты за пеленой тумана. Тщательно проложенный курс своевременно привел их в нужное место. Броненосцы, шедшие дозором на левом фланге, увидели английский берег, уверившись в правильности позиции.

Стоя на мостике судна ВМФ США «Громовер-

жец», генерал Шерман увидел, как мореходные батареи опережают остальной конвой согласно плану. «Громовержец» с войсками и машинами подойдет к британскому берегу первым. Дождь уже кончился, и слева сквозь туман проглянула серая полоска берега.

Англия.

Если расчеты Шермана верны, войска переходят к последней, решающей фазе комбинированной атаки. Все, что было сделано до сих пор, служило лишь подготовкой этой минуты. Если британцы захвачены врасплох, как он надеялся, их войска и вооружение будут целиком брошены на подавление двух предыдущих атак.

Но если они прозрели его планы — то нынешняя атака очень опасна. Усиленная оборона может выдержать натиск американцев, а корабли, затопленные в фарватере, попросту заставят наступление захлебнуться. Если ему дадут решительный отпор, то солдат Ли и Гранта можно считать покойниками. Без подкрепления и боеприпасов они обречены. И вот, накануне решительных

действий, его осаждали сомнения, но он отгонял их прочь. Обратного пути нет.

Могли ли британские генералы просчитать его

ходы наперед? Может, они как-то разгадали замысел грядущей атаки? Может, им откуда-нибудь известно, где он нанесет следующий удар?

Лондон.

Сердце Британской империи, столп власти, обитель венценосцев.

Способны ли американские выскочки штурмовать и захватить сей исторический город, сокрушив империю, подчинившую себе всю планету?

«Да, — ответил себе Шерман, пересекая мостик, чтобы увидеть устье Темзы, открывшееся впереди. — Да, — мысленно повторил он, сжав зубы. — Это может быть и будет сделано».

В пылу сражения

Рассвет выдался туманный, и сквозь запотевшие иллюминаторы катера «Патрисия», принадлежавшего Тринити-хаус и стоявшего сейчас у Дангнесса, разглядеть что-либо было трудновато. Поднявшись затемно, Калеб Полуил — начальник первой вахты лоцманов, готовых с рассветом вести дожидающиеся суда вверх по Темзе, — отправился на камбуз и при свете фонаря заварил чай. Потом, прихватив кружку с чаем, распахнул дверь и вышел на палубу. В море, едва

различимые в предрассветных сумерках, виднелись темные силуэты кораблей, появившихся после недавно отшумевшего шквала. Все прибывают и прибывают; денек предстоит хлопотный.

И военные здесь же, легко отличимые по грозным пушкам. Калеба не предупреждали о каких-либо маневрах флота, но это и не в диковинку. Военные любят разводить секретность. Дождь перестал, небо очистилось; спустившись в кают-компанию, Калеб постучал по стеклу висящего на стене барометра. Поднимается, суля ясный день. Вернувшись на палубу, лоцман увидел приближающиеся корабли ближе и отчетливей. И даже не заметил, как кружка выпала из его вдруг ослабевших пальцев и разбилась о палубу.

Что это за корабли впереди — массивные, с высокими бортами, обшитыми черной броней? На носу высоко вознесенный бронированный мостик, а на корме две трубы бок о бок. Калеб назубок знал обводы всех британских кораблей без исключения, но подобных в военном флоте еще не встречал. Да и броненосцы, идущие за ними в кильватере — на каждом по две двухпушечных башни, — тоже совершенно незнакомые. В британском флоте нет ничего, даже отдаленно смахивающего на них. А если корабли не британ-

ские, то, вполне возможно, это...

Вторжение!

Протиснувшись в дверь, он ввалился в кубрик, криком перебудив ошарашенных лоцманов.

— Вставайте, вставайте! Бегом в лоцманскую лодку. Надо добраться до береговой телеграфной станции и тотчас же связаться с Тринити-хаус в Лондоне. Там должны узнать, что здесь творится!

Как только новости о флоте захватчиков дошли до Тринити-хаус, их быстро переправили в Уайтхолл и военное министерство. Менее часа спустя после того, как корабли были замечены, депеша легла на стол бригадного генерала Соммервилла. Он не покидал пост всю ночь, координируя переброску полков и дивизий, устремившихся в битву за Плимут. После нескольких часов чтения фронтовых донесений стало очевидно — по крайней мере, для него, — что атаки на концентрационные лагеря в центральных графствах были всего-навсего отвлекающим маневром. Там врагам деваться некуда, так что можно не обращать на них внимания. В конце концов их можно будет взять в плен или перебить — но не сейчас. Настоящая угроза сосредоточилась

на юге. Поезда, отправляющиеся на север, надо останавливать, поворачивать и давать им новые пункты назначения. Соммервилл не смыкал глаз уже двое суток и едва держался на ногах от недосыпания. Герцог Кембриджский вытерпел немногим меньше — пошел отдохнуть незадолго до полуночи и с тех пор не показывался, что Соммервилла вполне устраивало: больше не требовалось растолковывать каждое действие главнокомандующему, порой попросту не способному угнаться за стремительным и витиеватым ходом мыслей бригадного генерала. Выхватив у посыльного телеграфный бланк, Соммервилл быстро прочел его.

В эстуарий Темзы входит военный флот!

«Конечно, — осенило его, — в этом и состоял замысел с самого начала. Остальные атаки были просто отвлекающими...» Мысли понеслись лихорадочным галопом. Он принялся поспешно набрасывать послание, царапая бумагу и разбрызгивая чернила пером во все стороны. Отодвинул листок в сторону, собрался с мыслями и написал еще одну записку. Ткнул обе, даже не дав чернилам просохнуть, в руки вестового, явившегося по вызову.

— Сейчас же доставьте на телеграф. Это пред-

назначено начальнику Саутгемптонской военно-морской базы. Второе немедленно отправьте командиру форта Тилбери.

— Что это за форт, сэр?

— Телеграфисты знают, идиот! Дай сюда, я напишу. А теперь бегом!

Не успел вестовой переступить порог, как Соммервилл напрочь позабыл о нем, принявшись набрасывать послания командирам войск, сейчас раскиданным там и сям по всей Англии, радикально меняя отданные им приказания. Боже, как же его одурачили! Тут он одернул себя, остановился и сделал глубокий вдох. Сейчас надо думать, а не пороть горячку.

Вытер кончик пера и достал перочинный ножик. Он всегда предпочитал гусиные перья этим новомодным стальным. Аккуратно срезал кончик пера, заточил и расщепил его; рутинная работа помогла привести мысли в порядок. Атака вверх по Темзе наверняка нацелена на Лондон. Значит, первым делом надо позаботиться об обороне столицы. Поднять по тревоге гвардейские полки. Седьмая рота Колдстримской гвардии находится в своих казармах в Челси; ее и надлежит первой отправить на защиту Букингемского дворца. В Вулвичском арсенале тоже есть войска,

за ними надо послать не мешкая. Отправить специальные поезда в Уилтшир, за войсками, стоящими там лагерем на Солсбери-Плейн. Разбудить и уведомить премьер-министра. Хвала небу, уведомить Букингемский дворец придется премьеру, а не ему.

Пододвинув стопку чистой бумаги, Соммервилл принялся четко и неспешно записывать свои приказания. А разбудить герцога Кембриджского надо лишь после того, как депеши отправятся по назначению. Когда надлежащие указания будут отданы, времени на его желчные вспышки гнева будет предостаточно.

Едва прочитав телеграмму, адмирал Спенсер уже в точности знал, что следует предпринять. «Вражеский флот с крейсерами в составе входит вТемзу». На ум ему пришла только одна подходящая мишень — Лондон. Удар в самое сердце империи принесет чудовищные результаты, если дойдет до цели. Теперь-то ясно, что всякие прочие десанты и стычки по всей стране были лишь отвлекающими маневрами. Со времени нападения на Плимут все вверенные ему корабли без изъятия укомплектованы личным составом и переведены на полную боевую готовность.

И вот наконец понятно, куда их следует напра-

вить. Дальше Лондонского моста врагу по реке не подняться. Несомненно, там-то их войска и высадятся. Уж гвардейские-то полки позаботятся о них на славу! Конечно, американцев будут прикрывать крейсеры, это яснее ясного. Но им придется иметь дело с орудиями его собственных броненосцев. Враг окажется в бутылочном горлышке, отступать будет некуда, — а он заткнет пробку. Противнику на долю выпало только одно: полная погибель.

Приказав сержанту, доставившему телеграмму, отдернуть шторы, генерал Бэгнелл с прищуром уставился на листок бумаги, озаренный первыми лучами солнца. Он еще толком не оправился от сна, так что смысл послания дошел до его сознания отнюдь не сразу.

Нападение.

И в тот самый миг, когда смысл случившегося дошел до него, из-за открытого окна донесся звук горна, трубящего сбор. Стоящий в наряде офицер, наверно, прочел депешу, и ему хватило ума объявить тревогу. Денщик генерала, впустивший вестового, уже внес мундир. Множество деталей, составляющих военную машину, пришли в движение, и — когда атака обрушится — люди будут на своих местах. Натягивая брюки и сапоги,

Бэгнелл думал о покойном лорде Пальмерстоне. Только благодаря его вмешательству и инициативе форт Тилбери был перевооружен и расширен — как и многие другие крепости, защищающие Англию. И только прозорливость этого великого человека может сызнова спасти Англию.

В ясный, чудесный день генерал Бэгнелл стоял под флагом на стене шлюза, глядя вниз по течению безмятежной Темзы. Куртины форта Тилбери между восточным и западным бастионами опираются на арочные контрфорсы, прочно выстроенные из портлендского камня. Могучие стены и брустверы сложены из кирпича и усилены земляными валами, достаточно крепкими, чтобы противостоять осадному обстрелу врага. А орудия крупного калибра, укрытые за стенами, будут отвечать на огонь. Но имеются и другие оборонительные сооружения: артиллерийские позиции вне стен форта, укрытые за собственными брустверами, раскинувшиеся к востоку и к западу от шлюза. Сплошь шести дюймовые, двенадцатифунтовые пушки. С полностью укомплектованными расчетами, готовые к бою.

Ниже по течению загрохотали тяжелые орудия. Должно быть, батареи Коулхаус-форта. Канонада все нарастала — и вдруг смолкла. А пару минут

спустя показался враг, вышедший из-за излучины Темзы между Восточным Тилбери и Клиффом — броненосцы диковинной формы вроде черных жуков, ползущих по воде, с высокими отлогими бортами, прикрытые сверху броневыми плитами. Но ни единого орудийного порта Бэгнелл не углядел.

— Приготовиться открыть огонь, как только они войдут в сектор обстрела, — приказал он ординарцу, передавшему приказание ожидающим артиллеристам.

Четверка кораблей подошла ближе — но разделилась. Один из них двинулся прочь от остальных, к артиллерийским позициям Грейвсенда на другом берегу реки. Вот и славно, артиллеристы быстро с ним разделаются, а Бэгнелл сможет сосредоточить огонь на трех оставшихся.

Артиллерийский офицер крикнул: «Огонь!», и пушки Тилбери-форта дружно рявкнули. Покойную гладь Темзы внезапно вспенили столбы воды от снарядов, прошедших мимо цели. Но были и попадания — да притом множество. Цельные ядра забарабанили по стальной броне противника.

И отскочили. Бэгнелл увидел смазанные скоростью очертания ядер, рикошетом взмывших в воздух.

С такого расстояния казалось, что на броненосцах не осталось ни вмятинки. Но с самими кораблями происходило нечто странное. Они отдали якоря, тяжелые цепи с лязгом заскользили сквозь носовые и кормовые клюзы одновременно. Развернулись боком к форту, а их броневая кровля пришла в движение, видимо поднимаясь. Нет, не поднимаясь, а распахиваясь — стальные плиты откидывались, открывая зияющие недра кораблей.

Пушки форта снова дали залп, но поднятые плиты отразили ядра ничуть не хуже, чем броня. Затем первый корабль как-то содрогнулся и глубже ушел в воду, вздымая пенные волны, разбежавшиеся во все стороны. Трюм выдохнул тучу черного дыма, и перед глазами генерала мелькнул громадный снаряд, взмывший высоко в воздух. Прочертил в небе черную параболу и окончил путь на бастионе по ту сторону шлюза. Раздался чудовищный взрыв, а когда дым рассеялся, генерал, к своему ужасу, увидел, что три орудия разбиты, а от их расчетов после ужасающего взрыва не осталось и следа. И всю эту бойню учинил единственный снаряд!

А громадные фугасы все рушились и рушились, пока грохот мощной взрывчатки не слился в

почти непрерывный рев. В отличие от обычных орудий, стреляющих прямо в цель, эти мортиры посылали громадные снаряды навесом высоко в воздух, и те обрушивались на мишень почти вертикально. Против такой бомбардировки брустверы и стены, обращенные к врагу, защитить не способны.

Но генерал Бэгнелл о своем поражении не узнал. И его самого, и всех его офицеров разнес в клочья взрыв третьего снаряда, обрушившегося на форт. Генералу уже не довелось увидеть ни разрушения своего форта, ни уничтожения артиллерийских позиций по ту сторону реки четвертой плавучей батареей. За тридцать погибельных, напряженных минут все речные оборонительные сооружения у Тилбери были уничтожены. Не успело последнее орудие смолкнуть, как первые из длинной вереницы кораблей уже выплыли из-за излучины и без задержки взяли курс на Лондон.

Десантный корабль ВМФ США «Атлас» уже перевел машину на холостой ход, чтобы не выскакивать вперед со своего места в строю из-за приливного течения. Когда мортиры прекратили огонь, капитан «Атласа» увидел, что ял, прежде прикрытый от обстрела громадой «Громоверж-

ца», теперь отваливает от его борта. Отлично. Адмирал Фаррагут переносит свой флаг на «Миссисипи» — и берет речного лоцмана с собой. Все идет, как задумано. Как только ял подошел к броненосцу, капитан Кортен приказал машинному отделению дать малый вперед. Трижды рявкнув, паровой гудок крейсера просигналил ожидающим судам следовать за ним вверх по течению. Как только тронулись в путь, линейный корабль ВМФ США «Миссисипи» ускорился, обгоняя тихоходные транспортники, и занял свое место во главе процессии. После успешного десанта в Пензансе он проследовал к устью Темзы, чтобы присоединиться к атакующей эскадре, и теперь с заряженными пушками пошел впереди, чтобы выявлять встречные береговые укрепления.

Стоя на мостике «Атласа» рядом с Кортеном, генерал Шерман глядел на дымящиеся руины Тилбери, медленно проплывающие мимо.

— Стерт с лица земли менее чем за полчаса, — проронил Шерман. — Ни разу не видел ничего подобного.

— Это потому, что вы солдат и считаете, что войны надо вести на суше, — понимающе кивнул Кортен. — Но вам наверняка памятен успех плавучих мортир генерала Гранта на Миссисипи

под Виксбургом. Ни одна пушка, пригодная для перевозки по железной дороге, не сравнится по калибру с любой из этих мортир морской батареи — и никакая упряжка даже не стронет ее с места. Но поставьте ее на корабль — и сможете пересечь с ней океаны. Как мы и сделали. Но чтобы сконструировать их, да еще и построить, нужен был гений кораблестроения.

— Согласен целиком и полностью. Мистер Эрикссон — бесценное достояние нашей страны и залог победы в этой войне. Довольны ли вы кораблем, вверенным в ваше командование, капитан? Это тоже его конструкция.

— Не то что доволен, я просто в экстазе, буде мне позволительно употребить сие весьма многозначительное словцо. Полагаю, «Атлас» — самое могучее судно из всех, какими я когда-либо командовал. Со своей парой машин и парой винтов он не знает себе равных. И хотя не может нести на своих плечах весь земной шар, подобно Атласу, в честь коего назван, но не дотягивает до этого лишь на волосок.

Они все продвигались вверх по течению, огибая плавные изгибы петляющей Темзы. На подходе к Дартфорду пушки шедшего впереди броненосца «Миссисипи» вдруг полыхнули огнем.

— Должно быть, арсенал в Вулвиче, — отметил Шерман. — Там есть батареи, обращенные к реке, но о них даже и говорить не стоит. Тилбери-форт — главный рубеж обороны на Темзе, и никто даже не думал, что вражеский флот сумеет прорваться мимо или взять его измором.

— Пожалуй, в войнах вчерашнего дня так оно и было, — заметил Кортен. — Но сегодня все переменилось.

Когда они миновали Вулвич, «Миссисипи» уже готов был скрыться за следующим поворотом. Об укреплениях же напоминали лишь несколько разбитых, полыхающих огневых позиций.

Дальше Темза по большой дуге обогнула Собачий остров, и перед американцами как на ладони открылось все деловое сердце Лондона.

Впереди нарастала канонада — это «Миссисипи» обменивался выстрелами с батареями Тауэра. Но и здесь, как в Вулвиче, оборона оставляла желать лучшего. Одна из башен знаменитого замка рухнула.

Одна за другой пушки «Миссисипи» умолкали, сделав свое дело и превратив береговые укрепления в груду развалин. Осколки изрешетили трубы броненосца, ядра разбили шлюпки в щепу, но более серьезного урона крейсер не понес. Тучи

дыма повалили из дырявых труб, корабль тяжеловесно тронулся с места, направляясь к берегу, чтобы уступить фарватер «Атласу».

Впереди открылась гладь реки. Шерман без труда узнавал эти места по множеству гравюр и карт, над которыми провел в раздумьях не час и не два. Справа — дорога вдоль набережной с выстроившимися по ту сторону прекрасными зданиями. Подальше — готические башенки парламента; главная башня с громадными циферблатами видна издали. Стрелки часов сошлись на двенадцати. Выйдя на крыло мостика, Шерман расслышал мелодичный перезвон Биг-Бена. В Британской империи наступил полдень.

Машина «Атласа» застопорилась. Судно по инерции заскользило к набережной, понемногу теряя ход. На дороге виднелись кэбы и телеги, кареты и пешеходы, ударившиеся в бегство, как только черный борт громадного корабля заскрежетал о гранит парапета.

Но еще раньше матросы перепрыгнули полоску воды, отделяющую судно от берега, поймали брошенные им причальные концы и обмотали ими каменные тумбы причала. Вдруг затрещали ружейные выстрелы, двое матросов дернулись и упали. Пули забарабанили по металлу мо-

стика, выбив одно из стекол. Цепочка солдат в алых мундирах наступала со стороны площади Парламента. Передняя шеренга остановилась для выстрела — в тот самый миг, когда носовая батарея «Атласа» пальнула картечью. В рядах наступающих красномундирников вдруг образовались прогалы. Затем на «Атлас» упала черная тень, и подошедший к нему «Миссисипи» открыл огонь из всех орудий, как только успел их навести.

Капитан Кортен выскочил на крыло мостика, не обращая внимания на пальбу с берега, выкрикивая команды. Как только его корабль надежно пришвартовался, капитан приказал выдвинуть верхнюю аппарель. Наружный люк медленно распахнулся, и послышался натужный скрежет паровых поршней, выталкивающих вперед-вниз тонны металла. Сведения, переданные русскими агентами, подтвердились. В это время суток, в этот день года, в этом самом месте, где перепад уровня реки от прилива до отлива составляет дюжину футов, аппарель оказалась ровно в двух футах над гранитной стеной набережной. Она с лязгом опустилась на мостовую, и металл душераздирающе заскрежетал, пока поршни неумолимо выталкивали стальной помост в ра-

бочую позицию.

В трюме «Атласа» ровными рядами, протянувшимися от носа до кормы, стояли транспортеры «гатлингов». Как только исполинский корабль вошел в Темзу, экипажи танков начали снимать металлические хомуты и скобы, удерживавшие машины на месте во время морского перехода. Тусклые керосиновые лампы, развешанные по переборкам, давали ровно столько света, чтобы танкистам не приходилось делать это на ощупь.

Механик-водитель головной машины сержант Корбетт яростно ругнулся, ссадив костяшки пальцев о последний приржавевший к палубе хомут, выдрал его из пазов и в сердцах отшвырнул прочь. И в тот же самый миг на потолке вспыхнула зеленая электрическая лампочка[96], включенная с мостика.

— Завести моторы! — рявкнул сержант. Механики и наводчики всей длинной шеренги бросились выполнять приказ. Стрелок-наводчик Корбетта рядовой Гублер подбежал к передку их машины, ухватился за заводную ручку и крик-

---

[96] Примечания: 96

Еще один анахронизм: самую первую «электрическую свечу» — электролампочку — запатентовал Павел Николаевич Яблочков в 1876 году; разве что тот же самый Эрикссон опередил в своих открытиях Эдисона лет на двадцать.

нул:

— Отключить батарею!

— Отключена! — откликнулся Корбетт.

Собравшись с силами, Гублер провернул ручку предписанные четыре раза, кряхтя от усилия, чтобы закачать масло в подшипники двигателя и топливо в цилиндры; в стрелки брали не только за меткий глаз, но и за сильные руки.

— Включить батарею, — пропыхтел рядовой.

— Включена! — откликнулся сержант, толкнув рычажок ножевого выключателя на приборной доске. Ему пришлось возвысить голос, чтобы перекричать тарахтение и лязг множества ожив-ших двигателей Карно. Гублер могучим рывком провернул рукоятку, но вместо того чтобы завестись, двигатель вдруг дал обратную вспышку. Рукоятка дернулась назад, перебив стрелку пред-плечье, и он вскрикнул от боли.

В тот же миг носовой люк распахнулся, и яркие лучи солнца залили рядового, усевшегося на палубу и бережно поддерживающего больную руку. Ругаясь на чем свет стоит, сержант Корбетт спрыгнул с сиденья и склонился над раненым; согнутое под противоестественным углом пред-плечье говорило о случившемся яснее слов.

Танковая палуба смахивала на преисподнюю —

грохот выхлопов, струи едкого дыма. Как только аппарель опустилась, солдаты ринулись вперед, отпихнув сержанта и его раненого стрелка в сторону, а заодно и отодвинув их застывшую машину. Мгновение спустя второй транспортер «гатлинга» с урчанием прополз мимо них на аппарель, возглавив железный поток атакующих. Шипастые колеса набирающей ход машины впивались в доски аппарели, выдирая из нее щепки. Кашляя от ядовитых выхлопов, Корбетт рывком распахнул китель Гублера, срывая пуговицы, и сунул в него сломанную руку подчиненного для поддержки; солдата стошнило от боли. За их спинами танки устремлялись в атаку, а Корбетт тем временем распахнул люк на верхнюю палубу и чуть ли не волоком вытащил раненого солдата на свет дневной. Устроив его у переборки, он тотчас же развернулся и рявкнул:

— Мне нужен стрелок!

Его слова потонули в грохоте орудия, выстрелившего совсем рядом. Сержант ринулся к орудию, увернувшись от пустой гильзы, покатившейся в его сторону. И снова крикнул то же самое, когда затвор пушки со щелчком встал на место и орудие громыхнуло снова. Один из двух подносящих крикнул в ответ:

— Я стрелял из этих «гатлингов» в учебке!

Схватившись за вытяжной шнур, командир расчета гаркнул:

— Одного человека я могу отпустить!

Сержант Корбетт бегом ринулся обратно. Артиллерист не отставал от него ни на шаг.

— Забирайся! — приказал Корбетт, проверил положение выключателя и одним могучим рывком провернул вал двигателя. Тот завелся с пол-оборота, взревев и загрохотав в тот самый миг, когда сержант запрыгнул на свое сиденье. Оглянулся через плечо на вереницу танков, тарахтевших мимо. Верхний ярус уже очистился, и прежде чем машины из недр трюма успели выкатить на эту палубу, Корбетт наддал газу, включил передачу мощности на колеса и рывком стронулся с места. И выкатил на свет дневной, вниз по аппарели, навстречу бою.

Тарахтение его двигателя слилось с хором остальных, эхом отдаваясь в гулких недрах корабля. На берег хлынул неубывающий поток танков — транспортеров пулеметов Гатлинга. Машины все прибывали и прибывали. А на носу и корме судна спустили сходни, по которым на английскую землю потекла целая река солдат в синих мундирах.

— Огонь! — надсаживая горло, прокричал Корбетт, как только колеса машины, скатившейся с аппарели, загромыхали по брусчатке. Новоиспеченный стрелок-наводчик склонился к прицелу и взвел рычаг пулемета. Пули веером полились на ряды солдат в красном, когда он повел пулемет из стороны в сторону.

Огонь пулеметов Гатлинга косил обороняющихся, как траву. Некоторые отстреливались, но их пули лишь безвредно отлетали от броневых щитов танков.

А на мостике «Атласа», возвышаясь над битвой, генерал Шерман смотрел на продвижение войск. Вражеские линии сломались, обороняющиеся либо погибли, либо бежали перед войсками в синих мундирах, уже опередившими тихоходные транспортеры пулеметов.

— Кавалерия! — крикнул кто-то, и Шерман, подняв глаза, увидел всадников, хлынувших из улиц, ведущих к Уайтхоллу и плац-параду конной гвардии. Бригадный генерал Соммервилл постарался на совесть, поднимая войска на оборону. Американские солдаты развернулись, чтобы встретить новую угрозу с фланга, но транспортеры «гатлингов» рванулись вперед, мимо них. И устремились навстречу кавалерии, ревя

моторами, изрыгающими облака едкого дыма. А всадники, подняв шашки, сверкая на солнце шлемами и кирасами, погнали коней в галоп.

И полегли — точь-в-точь как Легкая бригада, ринувшаяся на позиции русских в Крыму. Но здесь они наткнулись на огонь пулеметов, куда более губительный при стрельбе в упор, чем огонь любой пушки. Под вопли и истошное ржание люди и кони на полном скаку валились поперек дороги, покрасневшей от крови.

Не уцелел ни один.

Генерал Шерман сошел с мостика, чтобы присоединиться к офицерам своего штаба, ждавшим его на берегу.

Атаку возглавил крейсер Ее Величества «Ехидный», гордость британского флота. Взяв на бот лоцмана у Дангнесса, он величаво пошел на скорости в пять узлов по главному фарватеру Темзы. Остальные броненосцы, вереницей вытянувшиеся позади, повторяли его маневры. Заряженные орудия «Ехидного» могли открыть огонь в любую секунду; крейсер готов был встретить вызов любого броненосца янки и воздать ему по заслугам. Со своего места на крыле мостика капитан первым увидел поджидающего врага, как только судно обогнуло последнюю излучину реки перед

Тилбери-фортом, — четверку американских кораблей, четыре черных неуклюжих громадины, цепью выстроившиеся поперек реки.

— Открыть огонь, как только наведете орудия на цель, — приказал капитан, глядя на врага в бинокль. Подобных кораблей ему до сих пор видеть не доводилось. Куда ни посмотри, сплошная броня, ни единого орудийного порта. Раздался оглушительный грохот выстрела носовой артиллерийской башни, заставивший содрогнуться все могучее судно.

Отличный выстрел! Капитан видел, как фугасы разорвались, врезавшись в броню одного из кораблей в середке цепи. Но когда дым рассеялся, на броне не осталось даже выщербинки — и вдруг из-за нее поднялась струя черного дыма. Мелькнул в поле зрения чудовищный снаряд, взмывающий по высокой дуге; в верхней точке он будто завис на мгновение — и обрушился вниз. Слева по носу вырос громадный фонтан воды, окатив весь бак.

Но не успел еще первый снаряд упасть, как следом устремился второй, угодивший прямо посередке «Ехидного». Чудовищный взрыв разломил корабль надвое.

Прочно встав на якоря, батареи мортир были

не менее губительны для тихоходного врага, чем для сухопутных крепостей. Не прошло и минуты, как смертельно раненный стальной корабль опустился на дно реки. Остатки атакующего флота поспешно ретировались в окружении мощных столбов воды, вздымаемых снарядами.

Тылы Шермана были надежно прикрыты. Пока плавучие батареи на месте, ему нечего опасаться нападения с реки.

Штурм Букингемского дворца

Все больше и больше транспортеров пулеметов Гатлинга выныривало из недр «Атласа», с рокотом скатываясь на набережную. Те, что стояли в самой глубине трюма, подымались с яруса на ярус по внутренним аппарелям, связывающим палубы между собой.

Теперь на приколе остался один лишь «Атлас». Броненосцы заняли позицию посреди реки, а транспорты у причалов высаживали на берег солдат. Пока первую пушку спускали на набережную, стрелковые полки уже построились в боевые порядки. Конюхи подвели Шерману и его штабу лошадей; вспрыгнув в седло, генерал почувствовал себя куда уверенней.

— Мы послали подразделения на эти улицы,

ведущие к Уайтхоллу, — доложил адъютант, указывая положение войск на карте. — Наши люди займут оборонительные позиции в зданиях по обе стороны. Внезапных атак кавалерии с этого направления больше не будет.

Шерман одобрительно кивнул.

— Эти войска на площади Парламента следует нейтрализовать, — указал он на карте. — Затем «гатлинги» могут занять вот эти оборонительные позиции в тамошних зданиях.

— Нас обстреливают из Вестминстерского аббатства, — доложил офицер.

— Отвечайте тем же, — холодно бросил Шерман. — Раз уж они так решили, то мне жизни наших людей дороже древнего памятника. Я хочу, чтобы все пункты обороны были подавлены до того, как мы двинемся на Пэлл-Мэлл. Атака пойдет по двум направлениям — здесь и вдоль этой дороги... ее в самом деле называют аллеей Птичьих Клеток?

— Так точно, сэр, Бердкейдж-Уок.

— Ладно. Штаб присоединится к колонне там, дайте об этом знать атакующим подразделениям. Доложите, когда будете готовы.

Грохот пушек и неистовый треск винтовочной стрельбы были прекрасно слышны в Букингем-

ском дворце. По ту сторону Сент-Джеймс-парка, над деревьями, к облакам вздымались клубы дыма. Бледная как плат королева Виктория стояла на балконе, недоверчиво качая головой. Это все понарошку, этого просто не может быть. Снизу доносился цокот копыт и перестук колес по брусчатке двора. Она слышала молящие призывы фрейлин, но не тронулась с места, даже когда одна из них набралась наглости притронуться к ее рукаву.

Тут от двери позади нее донесся мужской голос, заглушивший визгливые причитания.

— Пойдемте, Ваше Величество. Кареты прибыли.

В голосе герцога Кембриджского сквозили нотки нетерпения. Будучи кузеном Виктории, он был близок с ней настолько, что мог взять ее за руку.

— Дети уже отправились. Мы должны последовать за ними.

Дети! Упоминание о них заставило королеву прийти в себя и ощутить необходимость перейти к каким-то действиям. Отвернувшись от окна, она позволила герцогу вывести себя из комнаты. Он ушел вперед, оставив Викторию на попечение фрейлин.

Сделать ему предстояло многое, а времени

было в обрез. Когда лакей деликатно растолкал его нынче утром, мысли у него все еще путались от усталости, и он не сразу взял в толк, что стряслось. Военные корабли? На Темзе? Но бригадный генерал Соммервилл мигом все разложил по полочкам.

— Атаки в центральных графствах — и даже захват Плимута — были проведены только для отвода глаз. И янки своего добились. Сейчас они идут вверх по Темзе, целя в Лондон.

— Тилбери. Форт их остановит.

— Искренне надеюсь, но полагаться лишь на упования нельзя. Покамест все вторжение шло, как запланировали они. Боюсь, у них имеется способ нейтрализации форта. Лондон надлежит оборонять, и я приложил к этому все усилия. Гвардия поднята по тревоге, и я послал за подкреплением. Теперь же нам следует позаботиться о спасении правительства — и королевы. Вы обязаны убедить ее, что ради своей же собственной безопасности она должна уехать.

— Уехать? Куда?

Нынче с утра герцог соображал еще медленнее, чем обычно, и Соммервиллу стоило немалых трудов удержаться от гневных ноток.

— Покамест в Виндзорский замок. Премьер-ми-

нистр со своим кабинетом может присоединиться к ней там. Так мы сможем избежать непосредственной угрозы и разработать дальнейшие планы, когда королева будет в безопасности. Вас она послушает. Вы обязаны убедить ее, что сие — надлежащий образ действий. Нас атакуют превосходящие силы противника. Если ее схватят в Букингемском дворце, война будет проиграна, даже толком не начавшись.

— Да, конечно, — герцог потер подбородок, и под пальцами захрустела щетина. — Но как быть с обороной города?

— Здесь сделано все, что только возможно. Под вопросом только безопасность королевы.

— Да, — согласился герцог, не без труда поднимаясь на ноги. — Вызовите мою карету. Я возьму это дело в свои руки.

В Букингемском дворце часы пролетели, как минуты. Герцог поднял гвардейскую кавалерию, отдав приказ не покидать седел и быть наготове. И вот настало время уезжать. Канонада звучит все громче и ближе. Да, пора, уже захлопнулась дверца последнего экипажа. Под щелканье кнутов и цокот копыт они прокатили по двору, выехали через Букингемские ворота и устремились на запад, подальше от опасности.

Сопротивление британских войск в окрестностях площади Парламента почти прекратилось. Существам из плоти и крови было просто невозможно устоять перед наступающими машинами, пулеметами Гатлинга и сокрушительными залпами скорострельных винтовок американских войск. Принимая поступающие донесения к сведению, генерал Шерман отдавал лаконичные приказы. Эти ветераны знают, что делать. Не прошло и часа, как противника оттеснили в Сент-Джеймс-парк, и все было готово к последнему приступу. Написав приказ, Шерман отдал его дожидавшемуся всаднику.

— Полковнику Фостеру у Арки Адмиралтейства. Пусть выступает, как только увидит, что мы тронулись.

За время короткой передышки к транспортерам «гатлингов» поспешно принялись доставлять боеприпасы. Заодно лошади подвезли телегу, нагруженную бочками с жидким топливом для наполнения их опустевших баков. Дочитав последний рапорт, Шерман кивнул.

— Трубите атаку.

Эхо горнов, отдавшееся от стен, потонуло в реве двигателей заводящихся транспортеров «гатлинга». От переклички их выхлопов по пло-

щади потянулись облака синеватого дыма — и наступление началось.

Для обороняющихся это означало лишь муки и гибель. Бронированные спереди, сеющие свинцовую смерть транспортеры покатили к возведенным впопыхах баррикадам, безжалостно истребляя укрывшиеся за ними войска, пока бесполезная ответная стрельба не стихла. Пехотинцы с энтузиазмом растащили баррикады, открыв проходы, и самоходная техника двинулась вперед. Когда впереди показался Букингемский дворец, последовала еще одна кавалерийская атака с Бердкейдж-Уок, не более успешная, нежели предыдущая; отступить удалось лишь горстке изрядно потрепанных защитников дворца.

Транспортеры «гатлингов» шли впереди пехоты, задержавшись лишь перед самым дворцом. Гвардейский полк держал героическую оборону, но остановить американские пули тонкие стальные кирасы не могли. Атакующие хлынули в дворцовые ворота; обороняющиеся внутри самого дворца задержали их лишь на минуту. Губительный огонь «гатлингов» сокрушил окна нижнего этажа, сея смерть направо и налево, и начал взбираться все выше, отыскивая защитников, засевших на верхних этажах. И с громовым

«Ура!» пехота ворвалась во дворец.

Когда генерал Шерман со своим штабом минут через пять въехал на дворцовый двор, битва уж подошла к концу. Мощенная булыжником площадь была завалена трупами. Тут и там санитары оказывали медицинскую помощь немногочисленным защитникам дворца, оставшимся в живых. Двое американских солдат, закинув винтовки за плечи, вышли через парадное крыльцо, ведя между собой элегантно одетого человека с белой тряпкой в руках.

— Вышел прямиком на нас, генерал, размахивая этой вот скатеркой, — доложил капрал. — И заявил, что оченно хочет поговорить с начальством.

— Кто вы? — холодно осведомился Шерман.

— Конюший Ее Величества королевы Виктории.

— Отлично. Отведите меня к ней.

Тот подтянулся, стараясь совладать со своими трясущимися конечностями, стоя лицом к лицу с вооруженным врагом.

— Сие невозможно. Ее здесь нет. Пожалуйста, прекратите штурм и бессмысленные убийства.

— Где она?

Конюший окостенел, поджав губы. Шерман хо-

тел было начать допрос, но раздумал и обернулся к начальнику штаба.

— Допустим на время, что он говорит правду. Обыщите дворец, поговорите со слугами, выясните, куда отправилась королева. А покамест я размещу свой штаб здесь.

— Смотрите, генерал, вон туда! — крикнул один из офицеров, указывая на крышу Букингемского дворца. Все услышавшие обернулись в указанном направлении.

Выбравшийся на крышу американский солдат спускал развевавшееся там знамя. Полотнище порхнуло вниз вдоль фасада и смятой тряпкой легло на камни. А его место занял звездно-полосатый флаг. Из глоток видевших это солдат вырвались оглушительные вопли ликования, и даже Шерман с улыбкой кивнул.

— Великий миг, великий день, сэр! — воскликнул начальник штаба.

— Действительно, Энди, воистину так.

Дерзкий побег

Из своего окна, выходящего на Уайтхолл, бригадный генерал Соммервилл видел битву за Лондон как на ладони. Известив о надвигающейся угрозе гвардейскую кавалерию и пехоту, все

войска, обороняющие город, он утратил контроль над дальнейшим развитием событий. Со стороны набережной постоянно долетал треск выстрелов, от площади Парламента слышалась канонада. Он проводил взглядом лихих кавалеристов, рысью проехавших мимо, сверкая шлемами и кирасами. Уже во второй раз он видел кавалерийскую атаку на врага; из первой волны не вернулся никто.

Теперь Соммервилл смотрел на жалкие остатки войска, возвращающиеся из боя. Зрелище жуткое, но он не мог отвести глаз. Уж если перед врагом не могут устоять наилучшие солдаты страны — есть ли вообще хоть какая-нибудь надежда? Он узрел кровавую катастрофу, погибель и разрушение. Это конец. Из этих мрачных раздумий его вырвал стук в дверь. Обернувшись, он увидел, как вошедший старший сержант Браун вытянулся и отдал честь.

— Что такое, сержант? — собственный голос донесся до Соммервилла будто издалека; рассудок его был все еще подавлен только что увиденными ужасами.

— Разрешите присоединиться к обороняющимся, сэр.

— Нет. Вы понадобитесь мне, — Соммервилл произносил слова механически. С трудом взяв

себя в руки, он начал думать о том, как быть дальше. В Лондоне ему делать больше нечего. Однако — да-да — он еще может принести пользу в этой войне, в обороне страны. Смутное представление о том, что надлежит сделать, уже возникло — пока лишенное конкретных деталей, но сулящее надежду. Главное, ясно, что следует сделать для начала: бежать. Тут до него дошло, что сержант все еще стоит навытяжку, дожидаясь окончания реплики.

— Вольно! Нам с вами надо выбраться из города и присоединиться к войскам Ее Величества, где мы можем принести больше пользы. — Тут его взгляд упал на алый китель бравого вояки с целым иконостасом медалей. В таком виде покидать надежные стены здания нельзя. — Вы тут не держите какого-нибудь другого платья?

Вопрос огорошил солдата, но он все-таки кивнул в ответ.

— Да кой-чего из штатского, сэр. Одеваюсь в него, когда не на службе.

— Тогда надевайте его и возвращайтесь, — бригадный генерал оглядел собственный мундир. — Мне тоже понадобится какое-нибудь платье. — Вытащив из кармана несколько фунтов, протянул их сержанту. — Мне нужны брюки, сюртук,

плащ. Поищите что-нибудь моего размера у клерков. И обязательно заплатите им за одежду. А после принесите мне.

Старший сержант Браун козырнул, напустив на себя молодцеватый вид. Соммервилл автоматически ответил на приветствие, но тут же окликнул Брауна:

— Покамест покончим с воинскими приветствиями. Мы станем рядовыми обывателями. Не забывайте об этом.

Отдав Брауну деньги, он понял, что в бумажнике их осталось всего ничего. А ведь деньги понадобятся, чтобы организовать побег из города, — небось еще и немалые. Ну, это дело легко поправимое. Пройдя по коридору и поднявшись на один лестничный пролет, он вошел в кабинет главного казначея.

В коридорах и кабинетах царило запустение; все либо глазели из окон, либо бежали от греха подальше. Поставив на место опрокинутый стул, он через всю комнату прошел к большому сейфу. Ключ от сейфа, привешенный к кольцу, лежал в кармане; генерал без труда отпер и распахнул дверцу. Лучше всего золотые гинеи — монеты, встречающие радушный прием повсюду. Он взял тяжелый мешочек, глухо звякнувший, когда

Соммервилл бросил его на стол. Нужно еще что-нибудь, чтобы нести деньги. Распахнув гардероб, обнаружил там за зонтиками саквояж. Лучше не придумаешь. Бросил в него два мешочка с монетами, закрыл было — но тут же открыл снова, чтобы взять из одного мешочка пригоршню монет и сунуть в карман.

В свой кабинет он успел вернуться еще до прихода Брауна, одетого в штатское, с охапкой вещей в руках.

— Не высшего качества, сэр, но чего другого этого размера я не сыскал.

— Это вполне подойдет, старший... Браун. Понесете саквояж. Осторожно, там золотые монеты.

— Есть, сэр... — Частый треск выстрелов, донесшийся из открытого окна, не дал ему договорить. За ним последовал какой-то оглушительный рев; такого им еще слышать не доводилось. Соммервилл с Брауном пересекли комнату, чтобы осторожно выглянуть на улицу. И молча воззрились на диковинные повозки, проезжавшие внизу.

Колеса-то у них имелись — но тащили их не лошади, они двигались сами собой, при помощи каких-то внутренних штуковин, оставляя за собой шлейфы густого дыма. Они-то и были ис-

точником странного тарахтения. В задней части каждой повозки ехал солдат в синем мундире, каким-то образом направляя ее.

А впереди, сгорбившись за броневым щитом, ехал канонир. Ближайший дернул за рукоятку своего скорострельного оружия, разразившегося свинцовым градом.

Пули разбили стекло прямо у генерала над головой, и он поспешно отпрянул от окна, лишь мельком увидев атакующие войска, следующие за пулеметами Гатлинга.

— Идут в сторону Пэлл-Мэлл, — угрюмо проронил Браун. — Будут штурмовать дворец.

— Несомненно. Нам надо выждать, пока пройдут отставшие, а после увязаться за ними. Мы идем на Стрэнд.

— Как прикажете, сэр.

— Затем надо найти кеб. На улицах наверняка они еще есть.

Соммервилл и Браун стояли в дверном проеме, пока не прошли последние солдаты. На улице хватало трупов в мундирах; неподалеку лежал мертвый кавалерист рядом со своим конем. Немногочисленные прохожие жались к стенам, торопясь поскорее убраться в безопасное место. Быстро шагавшие генерал и сержант укрылись

в подворотне, когда мимо проскакал эскадрон американских кавалеристов. Потом совершили поспешный бросок к Стрэнду и дальше, мимо вокзала Черинг-Кросс. Увидели людей, сгрудившихся в здании вокзала, но не остановились. На привокзальной площади ни одного кэба не осталось, пришлось дойти до отеля «Савой», где наконец отыскался кэб, стоявший в ожидании пассажиров перед входом. Перепуганный, бледный как мел извозчик стоял, держа лошадь под уздцы.

— Мне нужен ваш кеб, — бросил Соммервилл. Онемевший от страха кэбмен лишь молча тряхнул головой в знак несогласия. Браун шагнул вперед, замахиваясь громадным кулачищем, но Соммервилл остановил его, положив руку на плечо.

— Нам нужно в порт... — он мысленно прикинул, что и как. — Езжайте через Сити, прочь от реки, пока Тауэр не останется совсем сзади. В Ист-Энде вам ничего не грозит. — И, выудив из кармана одну гинею, вложил ее извозчику в руку.

Вид монеты подействовал на того куда лучше слов. Схватив ее, он повернулся и распахнул дверцу.

— Ист-Энд, сэр. Я поеду через Олдгейт, затем через Шадуэлл в Уоппинг. Может, в Шадуэлльскую бухту.

— Как скажете. Ну, поехали!

Когда они выехали на Кингсуэй, звук стрельбы уже отдалился. Людей, торопливо шагавших по улицам, здесь оказалось больше, обнаружилось и еще несколько кебов. В лондонском Сити жизнь шла и вовсе как обычно — разве что перед Английским банком стояла вооруженная охрана. До Шадуэлльской бухты добрались без каких-либо происшествий, и там бригадный генерал увидел как раз то, что искал.

В дальнем конце бухты стоял речной лихтер с вяло повисшим бурым парусом. На палубе крепкого суденышка сидело трое мужчин. Старший — седобородый старик — встал навстречу подошедшим.

— Мне нужно ваше судно, — без каких-либо предисловий заявил Соммервилл. Рассмеявшись, старик чубуком трубки указал в сторону реки. Над крышами домов, выстроившихся террасами, виднелась черная громадина проходящего броненосца.

— Пушки и пальба. Нынче старину Томаса на реку не заманишь.

— По такой скорлупке они стрелять не станут, — возразил Соммервилл.

— Прошу пардону, ваша честь, но тута я никому на слово не поверю.

Пошарив в кармане, бригадный генерал выудил несколько золотых монет.

— Пять гиней, если доставите нас вниз по реке. Еще пять, когда прибудем на место.

Томас ответил настороженным взглядом. Ему не заработать пяти гиней за месяц — да что там, за два! — тяжкого труда на реке. Алчность боролась в его душе со страхом.

— Ладноть, эти я беру, — в конце концов решился он. — Но на месте еще десять.

— По рукам! Отплываем тотчас же.

Как только суденышко покинуло бухту, его большой парус наполнился ветром, и оно стремительно заскользило по мутной воде. Огибая Собачий остров, они оглянулись и увидели приближающийся крейсер, шедший вниз по течению следом за ними. Томас принялся выкрикивать команды; парус спустили, и судно по инерции подошло поближе к причалам на берегу. Корабль плавно прошел мимо; матросы на палубе броненосца не обратили на них ни малейшего внимания. Как только он прошел, лихтер тронул-

ся дальше. Шли быстро и без приключений, пока впереди не замаячил Тилбери.

— Матерь Божья... — проговорил рулевой, приложив ладонь ко лбу козырьком. В ошеломленном молчании все смотрели на дымящиеся руины крепости. Разбитые стены и башни, стволы опрокинутых орудий торчат к небесам. И нигде ничто даже не шелохнется. При виде четырех громадных черных кораблей, стоявших на якоре поперек реки, Томас непроизвольно свернул поближе к берегу. На корме ближайшего корабля развевался звездно-полосатый американский флаг. А подальше, прямо посреди фарватера, возвышались над водой мачты, труба и кое-какие палубные надстройки затонувшего корабля.

— Это... один из наших? — приглушенным, хрипловатым голосом спросил Томас.

— Вероятно, — ответил Соммервилл. — Это неважно. Следуйте вниз по течению.

— Но там ведь корабли!

— Подобному судну они вреда не причинят.

— Это вы так говорите, ваша честь, но кто его знает...

Соммервилл испытывал искушение урезонить моряка крутыми мерами, но вместо этого полез в карман.

— Пять гиней прямо сейчас — и еще десять, когда окажемся по ту сторону.

В конце концов жадность победила. Лихтер двинулся вдоль берега, едва-едва тащась вдоль разрушенного форта. Стоящие посреди реки военные корабли игнорировали его. Как только захватчики остались позади, суденышко пошло быстрей, обогнув излучину на всех парусах.

И тут же впереди вырос другой броненосец, ощетинившийся пушками, бросивший якорь рядом с фарватером.

— Спустить парус!

— Да не надо, дурачина ты этакий, — рявкнул бригадный генерал. — Погляди на этот флаг!

На корме крейсера развевался белый британский вымпел.

Монарший удел

Генерал Шерман выждал тридцать минут, чтобы окончательно увериться: сражение за Лондон выиграно на самом деле. Внимательно просмотрел донесения, сверяясь с картой города, разложенной на богато изукрашенном столе. Из открытого окна у него за спиной доносились отголоски затихающего сражения. Вдали громыхнула пушка — судя по звуку, одного из броненосцев.

Корабли оказали неоценимую помощь в подавлении береговых батарей. Затем трескуче затараторил пулемет Гатлинга.

— Пожалуй, Энди, нам это удалось, — проговорил Шерман, откидываясь на спинку стула.

— Мы все еще натыкаемся на очаги сопротивления, — кивнул в знак согласия начальник штаба, — но основные подразделения вражеских войск разбиты. Я уверен, что остальных мы сметем еще до сумерек.

— Отлично. Проследите, чтобы перед тем, как люди лягут спать, выставили посты. Не нужны нам внезапные ночные атаки.

Теперь, когда в городе все было улажено, мысли генерала вернулись к следующей первоочередной проблеме.

— Вы делали запросы. Удалось выяснить, куда отправилась королева?

— Да это не секрет. Похоже, в Лондоне об этом известно всем и каждому — те, кто был около дворца, видели, как она проезжала. Все сходятся на том, что в Виндзорский замок.

— Покажите мне по карте.

Развернув крупномасштабную карту, полковник Соммерс положил ее поверх карты Лондона.

— Совсем рядом, — заметил Шерман. — Нас-

колько я помню, туда из Лондона идут две железнодорожных линии. — Увидев выражение лица адъютанта, он улыбнулся. — Никакой черной магии, Энди. Я просто тщательно изучил своего «Брэдшоу» — солидный том, содержащий расписание всех железных дорог Британии. Пошлите эскадрон кавалерии на Пэддингтонскую станцию. Захватите станцию и поезда.

Опять начали поступать донесения и запросы на подкрепление, и какое-то время Шерман был занят, направляя атаки. Затем, подняв голову, увидел вернувшегося Соммерса.

— Поездом нам в ближайшее время никуда не выбраться, генерал. Локомотивы и пути в Пэддингтоне выведены из строя.

— И на других станциях тоже, бьюсь об заклад, — угрюмо кивнул Шерман. — Они уже начали соображать, что мы пользуемся их подвижным составом с большим толком. Но до Виндзора можно добраться и другим путем. — Он опустил взгляд к карте. — Вот замок, выше по течению Темзы. Река порядком петляет по пути, зато по дороге туда можно попасть почти прямиком. Через Ричмонд и Стейне, а оттуда в Виндзор-Грейт-парк, — Шерман сверился с масштабом карты, — миль двадцать пять—тридцать.

— По меньшей мере.

— У солдат позади день тяжелых боев, и я не хотел бы, чтобы после всего этого им пришлось сносить еще и тяготы форсированного марша. Мы можем обойтись без кавалерии?

— Теперь, когда город взят, — определенно. Вдобавок кавалеристы не устали.

— А нельзя ли собрать еще лошадей?

— В городе их хватает, по большей части ломовых.

— Хорошо. Пусть этим займется целый эскадрон. Соберите всех лошадей, сколько понадобится, и запрягите их в пулеметы Гатлинга. Когда пулеметы будут на позиции, мы их уведем прочь.

Командование операцией я беру на себя. Позаботьтесь, чтобы в городе все было спокойно.

— А как насчет реки, генерал?

— Об этом я как раз и думаю. На Темзе хватает мелких судов, которые мы можем реквизировать. Отрядите на каждое наших матросов, чтобы их экипажи не вздумали ослушаться приказов. Направьте этим путем вверх по реке кавалерийскую роту. Командует генерал Гроувз. Если он доберется первым, пусть его люди окружат замок, но не атакуют, пока от меня не поступит приказ.

Я хочу, чтобы те, кто находится в замке, там и остались, когда мы его захватим.

— Ясно.

Кавалерия тронулась на запад легкой рысью с генералом Шерманом и его штабом во главе. Как только они проехали Челси, где разыгралась жаркая битва при захвате тамошних казарм, все следы войны остались позади. Время от времени докатывались отголоски далекой канонады, но их нетрудно было спутать с раскатами грома. На улицах царило запустение, необычное в это время суток, однако солдаты чувствовали взгляды, устремленные на них из окон домов, обступивших улицы. Единственный неприятный инцидент произошел, когда проезжали через Путни.

Грохнул выстрел, и пуля просвистела совсем рядом с генералом Шерманом.

— Там, наверху! — крикнул один из солдат, указывая на облачко дыма в окне жилого дома. Один за другим кавалеристы открыли огонь, от их пуль стекло окна со звоном разбилось, от рамы во все стороны полетели щепки.

— Прекратить огонь! — скомандовал Шерман, пуская коня галопом.

Солнце уже клонилось к закату, когда они

проехали по Виндзор-Грейт-парк и впереди замаячили зубчатые башни замка. Проезжая через лес, они увидели американских стрелков, занявших позиции за деревьями опушки перед просторным зеленым лугом, покато поднимающимся к замку. Как только Шерман соскользнул с коня, вперед выступил майор Кентуккийских стрелков, отдав ему честь.

— Все люди на позициях, прямиком вокруг замка, сэр.

— Сопротивление было?

— Пытались стрелять наобум из окон, но оставили это дело, когда мы ответили огнем. Мы не высовывались, как вы и приказали. Ворота прочно заперты, но мы знаем, что внутрях куча народу.

— А королева среди них?

— Толком не ведаем, но подергали кой-кого из горожан. Все твердят одно и то же, и, сдается мне, они слишком напуганы, чтобы врать. Нынче приехала масса карет — и королевская промеж них. С тех пор никто не уезжал.

— Отличная работа, майор. Теперь я беру все в свои руки.

Ответив на приветствие офицера, Шерман обернулся, чтобы поглядеть на мрачные гранит-

ные стены замка. Надо ли дожидаться пушек, которые смогут пробить в них брешь? Дверей и окон хватает, и при внезапном нападении можно взять замок штурмом. Но если его защитники окажут отчаянное сопротивление, поляжет много добрых людей. Но в следующее мгновение инициативу у него перехватили.

— Генерал, главные ворота открываются! — крикнул солдат.

— Не прекращать огонь! — приказал Шерман.

Ворота широко распахнулись, и из замка донеслась барабанная дробь. В проеме показался военный барабанщик в сопровождении офицера с белым флагом.

— Привести его ко мне, — распорядился Шерман, испытав огромное облегчение. Навстречу двум воинам выбежало отделение пехотинцев и повело их вперед, непроизвольно подладив шаг под барабанный бой. Офицер, оказавшийся полковником, остановился перед Шерманом и четко отдал честь. Шерман ответил тем же.

— Я хочу переговорить с вашим командиром, — заявил британский полковник.

— Я генерал Шерман, командующий американской армией.

Офицер извлек из-за кушака сложенный лист

бумаги.

— Это послание от его милости герцога Кембриджского. Он пишет: «Командующему американскими войсками. Здесь находятся женщины и дети, и я опасаюсь за их безопасность, если данный конфликт продолжится. Посему я требую, чтобы вы выслали эмиссара для обсуждения условий сдачи».

Шерман испытал грандиозное облегчение, но не выдал этого даже взглядом.

— Я отправлюсь лично. Сержант, откомандируйте мне в сопровождение небольшое отделение.

Их ввели в просторную, элегантно меблированную комнату, залитую светом из высоких, достигающих потолка окон. В огромном кресле сидела миниатюрная женщина, одетая в черное, с пухлыми щеками, постоянно приоткрытым ртом и выпученными из-за базедовой болезни глазами. Горностаевая мантия на плечах, на голове — белый вдовий чепчик с длинной вуалью, а также диадема, украшенная бриллиантами и сапфирами. Окружавшие ее фрейлины не находили себе места от страха. По обеим сторонам от королевы стояли хрупкий от старости лорд Джон Рассел и герцог Кембриджский в партикулярном

платье, сохранивший своеобычный самоуверенный настрой.

Генерал Шерман с сопровождающими остановился перед этой живописной группой; никто не проронил ни слова. Наконец, после паузы, Шерман, отвернувшись от королевы, обратился к герцогу Кембриджскому:

— Мы уже встречались.

— Да уж, — герцог изо всех сил старался сдерживаться. — Это лорд Джон Рассел, премьер-министр.

Кивнув, Шерман повернулся к Расселу — оказавшись к королеве спиной. Фрейлины в ужасе заохали, но он не обратил на это ни малейшего внимания.

— Вы глава правительства, а герцог возглавляет армию. Единого ли мнения вы придерживаетесь касательно прекращения военных действий?

— Необходимо кое-что обсудить... — начал было Рассел, но Шерман лишь покачал головой:

— Об этом не может быть и речи. Президент Линкольн дал мне четкие указания, согласно которым война может окончиться лишь безоговорочной капитуляцией.

— Сэр, вы берете на себя слишком много! Вот так вот запросто употребить слово «капитуля-

ция»... — разъярился герцог, но Шерман прервал его резким взмахом руки.

— Других слов я употреблять не буду. — Он обернулся к королеве: — Поскольку вам якобы принадлежит верховная власть в этой стране, я должен сообщить вам, что война вами проиграна. На вашу долю осталась только безоговорочная капитуляция.

Виктория разинула рот еще шире; с ней не говорили в таком тоне с тех пор, как она была ребенком.

— Я не могу... не буду, — в конце концов выдохнула она.

— Боже мой, это и так зашло чересчур далеко! — Герцог в запале шагнул вперед, схватившись за шпагу. Но не успел выхватить ее из ножен, как двое солдат крепко схватили его за руки.

— Возмутительно... — пискнул Рассел, но Шерман, игнорируя и того, и другого, снова обернулся к королеве.

— Как только вы согласитесь на капитуляцию, я немедленно прекращаю все военные операции. Не забывайте, это ведь вы отправили ко мне парламентера с белым флагом. Так скажите же теперь, что пора прекратить убийства.

Взгляды всех присутствующих были устрем-

лены на крохотную фигурку в огромном кресле. Лицо королевы стало белее белого, она прижала к губам черный платок. Оглянулась на лорда Рассела, взглядом прося о помощи. Он выпрямился во весь рост, но не проронил ни слова. Снова обернувшись к генералу Шерману, она не встретила сострадания в его мрачном взоре. В конце концов просто кивнула и тяжело откинулась на спинку кресла.

— Хорошо, — Шерман повернулся к герцогу Кембриджскому. — Я прикажу подготовить акт о капитуляции, чтобы вы его подписали как главнокомандующий всех родов войск. Премьер-министр тоже должен подписаться. Останетесь здесь, пока с этим не будет покончено. — И снова обратился к королеве: — Насколько мне известно, у вас имеется резиденция на острове Уайт под названием Осборн-Хаус. Я позабочусь, чтобы вас доставили туда с семьей и слугами. Отныне война закончена.

Озирая шикарный интерьер Виндзорского замка и безмолвных свидетелей, Шерман не мог удержаться от внезапно нахлынувшего ликования.

Все-таки удалось! Стычки еще будут, но после взятия Лондона и помещения королевы под до-

машний арест война наверняка закончится.

Теперь осталось лишь победить в мирное время.

Книга III
РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ

Раскол страны

Настало время замешательства, время сдержанности. Внезапные события, потрясшие самые основы, повергли народы Великобритании в оцепенение; они словно не могли толком уразуметь, какая ошеломительная трагедия их постигла. После двух дней неопределенности и волнений, едва не вызвавших беспорядки, жизнь вроде бы вернулась в нормальное русло. Людям надо питаться, так что фермеры повезли свои продукты на рынки. Вновь открылись магазины и предприятия. Местные констебли в изрядной части страны остались на своих постах символами закона и порядка. Только большие города являли собой повергающее в тревогу свидетельство того, что мир в самом деле встал с ног на голову. Солдаты в синих мундирах, вооруженные и готовые к любым эксцессам, патрулировали улицы, заполняли все крупные железнодорожные станции, квартировали в казармах и гостиницах или в опрятных белых палатках, выстроившихся ров-

ными рядами в городских парках. В Олдершоте, Вуличе, прочих армейских лагерях регулярные войска были разоружены и посажены под домашний арест в казармах; добровольцев и йоменов демобилизовали и отправили по домам.

В уже занятых Корнуолле и Плимуте высадилось подкрепление, после чего воинские эшелоны пошли на запад и на север и без лишнего шума захватили Уэльс и северные графства. В неприкосновенности осталась только Шотландия, да и ее лишили всякой связи с югом. Телеграфные провода перерезали, поезда не ходили. Шотландские войска за неимением каких-либо приказов, несмотря на обилие слухов, остались в казармах. Английские газеты не приходили, а шотландские, отрезанные от источников достоверной информации, публиковали больше несусветных домыслов, чем новостей.

По всей стране ввели военное положение, и первыми его жертвами стали национальные газеты. Теперь в каждой редакции тихо сидел американский офицер, с большим интересом читавший каждый номер от корки до корки. Цензуру не вводили, газетам было дозволено печатать все, что они сочтут уместным, однако если американцам казалось, что материалы искажа-

ют факты, могут спровоцировать население на мятеж или пошатнуть только что воцарившийся мир, — тогда на тираж просто накладывали арест. Через пару-тройку дней редакторы уразумели недвусмысленный намек, и газетные полосы прямо-таки лучились духом умиротворения и гармонии.

— А вы уверены, что не заходите с цензурой чересчур далеко, Гус? — осведомился генерал Шерман, вызвавший Густава Фокса в свой кабинет в Букингемском дворце, неспешно листая страницы «Таймс». Тот с улыбкой покачал головой.

— Когда война стучится в дверь, правда вылетает в окно. Вспомните, как президент Линкольн закрывал радикальные раскольнические северные газеты во время войны между штатами. Полагаю, теперь мы можем применить капельку больше хитроумия. Люди верят тому, что читают в газетах. Если население Британии читает только о мире и процветании — и не видит доказательств обратного, — что ж, тогда в стране и воцарится мир. Но не тревожьтесь, генерал. Уверяю вас, это лишь временная мера. Не сомневаюсь, что вы предпочитаете действовать в атмосфере мирной немоты, нежели в условиях дезорганизации и

волнений, пока не подействуют ваши — как бы их получше назвать? — умиротворяющие мероприятия.

— Правда, истинная правда, — Шерман потеребил бороду, словно это помогало собраться с мыслями. Победить в мирное время оказалось куда труднее, чем победить в войне. Чтобы организовать мирную оккупацию, приходится все более и более полагаться на чиновников и клерков — и даже политиков. Слава богу, военное положение еще действует. Он выслушивает советы — даже сам просит о них, — но когда дело доходит до решений, последнее слово всегда остается за ним.

— Ладно, давайте покамест отложим этот вопрос. Я послал за вами, потому что у меня тут в приемной все утро просиживает штаны целая делегация. Я хочу, чтобы вы были рядом, когда я ее приму. Мне доставили послание президента Линкольна, — он приподнял письмо. — Он поздравляет нас с победой, выражая огромную гордость за наши вооруженные силы. Я хочу, чтобы его слова услышал каждый солдат и матрос, внесший свой вклад в нашу победу. Заодно опубликуйте текст и в газетах, если они захотят его напечатать. В него входит также обращение

к бри

танскому народу, так что газеты наверняка заинтересуются. Но сперва я хочу, чтобы вы зачитали его этим политиканам. Посмотрим, что они скажут.

— С удовольствием, генерал, — взяв письмо, Фокс быстро пробежал его глазами. — Замечательно! Это как раз то, что всем придется по душе.

— Хорошо. Тогда пригласим их.

Делегацию возглавлял премьер-министр лорд Джон Рассел, знакомый Шерману по встрече у королевы. Он же представил остальных — по большей части членов кабинета министров. Единственным, кто произвел на Шермана благоприятное впечатление, оказался Бенджамин Дизраэли — лидер парламентской оппозиции. Его стройную, худощавую фигуру облегал изящно скроенный костюм, пальцы унизывали массивные перстни.

— Стульев хватит на всех, — сказал Шерман. — Присаживайтесь, пожалуйста.

— Генерал Шерман, — провозгласил лорд Рассел, — мы пришли сюда как представители правительства Ее Величества и, как таковые, должны изложить определенные претензии...

— Каковые я выслушаю в надлежащее время. Но начнем с послания Авраама Линкольна, президента Соединенных Штатов, которое зачитает вам мистер Фокс, заместитель министра военно-морского флота. Прошу, мистер Фокс.

— Спасибо, — Фокс оглядел обращенные к нему сердитые лица и насупленные брови. Слушать настроился один только Дизраэли, чувствовавший себя вполне в своей тарелке. — Это послание адресовано народу Великобритании. Будучи его законно избранными представителями, вы имеете полное право услышать его первыми. Мистер Линкольн пишет: «Всем народам Британских островов. Великая война наконец завершилась. Годы розни между нашими странами подошли к концу. Отныне провозглашен мир, и я всем сердцем желаю, чтобы он был долгим и благополучным. И в стремлении к этому, уверяю вас, мы хотим подружиться со всеми вами.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне сообщили, что в Вашингтоне собирают делегацию и очень скоро она присоединится к вам в Лондоне. Ей надлежит встретиться с вашими лидерами, дабы позаботиться о наискорейшем восстановлении в Британии демократического правления. Мы протягиваем руку дружбы с самыми добрыми

намерениями и от всей души надеемся, что вы примете ее во имя нашего общего процветания». Подписано Авраамом Линкольном.

Добрую минуту британские политики хранили молчание, осознавая важность этого заявления. Только Дизраэли понял все тотчас же, улыбнувшись самыми уголками рта и чуть поджав губы над руками, сложенными домиком.

— Мистер Фокс, генерал Шерман, позвольте задать небольшой вопрос, просто для ясности? — Шерман кивнул в знак согласия. — Спасибо. Все присутствующие согласны с вашим президентом, ибо все мы сторонники демократии. Фактически говоря, мы наслаждаемся ею под благожелательным правлением королевы Виктории. Так почему же монархия в этом письме не упомянута ни словом? Является ли это умолчание намеренным?

— А уж об этом вам судить самим, — резко отозвался Шерман, не желая ввязываться в дискуссии в подобный момент. — Вам следует обсудить это с делегацией, которая прибудет завтра.

— Протестую! — внезапно взъярился лорд Рассел. — Вы не смеете попирать наш образ жизни, наши традиции...

— Ваш протест принят к сведению, — холодно бросил Шерман.

— Вы проповедуете демократию, — невозмутимо обронил Дизраэли, — но все-таки правите силой оружия. Вы заняли этот дворец, а королеву изгнали на остров Уайт. Двери нашего парламента заперты на замок. Это ли ваша демократия?

— Это продиктовано крайней необходимостью, — вступил Фокс. — Позволит ли мистер Дизраэли напомнить, что как раз его страна первой вторглась в нашу. Теперь развязанная вами война окончена. Наши войска не задержатся в этой стране ни на день дольше, нежели необходимо. Написанное мистером Линкольном совершенно недвусмысленно. Как только в Британии установится демократия, мы радушно примем вас как партнера по мирному сосуществованию. Надеюсь, с этим все вы согласны.

— Мы определенно не согласны... — начал лорд Рассел, но генерал Шерман не дал ему договорить:

— На сегодня достаточно. Спасибо за посещение.

Политики разразились бессвязными протестами. Спокойно отреагировал только Дизраэли: отвесив Шерману легкий полупоклон, повер-

нулся и вышел. Как только все ушли, начальник штаба Шермана полковник Соммерс внес стопку документов, срочно требующих его внимания.

— Тут есть что-нибудь важное, Энди? — поинтересовался Шерман, уныло взирая на солидную груду бумаг.

— Все, генерал, — ответил полковник Соммерс. — Но некоторые важнее прочих. — Он выудил из стопки листок. — Генерал

Ли доносит, что в центральных графствах все враждебные действия прекратились. Боевой дух на высоте, но провизия на исходе не только у войск, но и выделенная для пропитания штатских ирландцев.

— Вы с этим разобрались?

— Так точно, сэр. Связался с корпусом квартирмейстеров, как только заработал телеграф. Поезд с провизией уже отходит из Лондона.

— Отличная работа. А это? — Шерман помахал телеграммой, которую Соммерс вручил ему только что.

— Это от наших постов на демаркационной линии, расквартированных под Карлайслом. Судя по всему, они остановили поезд, — правду говоря, всего лишь локомотив с единственным вагоном, — шедший из Шотландии на юг. Пассажирами

оказались генерал Макгрегор, утверждающий, что он командующий вооруженными силами Шотландии, а также политик, некий Кэмпбелл, якобы председатель Шотландского совета. Я связался с редакцией «Таймс», и там их личности подтвердили.

— Доставьте их сюда как можно скорее.

— Я так и подумал, что вы этого пожелаете. Велел отправить их сюда с почетным эскортом специальным поездом. Наверное, он уже в пути.

— Славно сработано. От генерала Гранта вести были?

— Он докладывает, что оккупация Саутгемптона прошла без жертв. Возникли проблемы с флотом, но они не стоят даже упоминания. Генерал прибудет в Лондон в течение часа.

— Я хочу увидеться с ним, как только он появится. Есть еще что-нибудь важное?

— Надо подписать кое-какие приказы.

— Давайте. Чем скорее я покончу с бумажной работой, тем лучше.

Конституционный конгресс

Джон Стюарт Милл прямо не находил себе места. Перелистал груду бумаг, лежавших перед ним на столе, потом сбил их в аккуратную

стопку и отодвинул прочь. Стены просторной, шикарной комнаты были сплошь увешаны портретами давно почивших английских королей. За высокими окнами раскинулся безукоризненно подстриженный парк Букингемского дворца. Сидящий с противоположного конца стола для совещаний генерал Шерман подписал последние приказы, захлопнул папку и бросил взгляд на стенные часы.

— Что ж, я вижу, наши гости не столь пунктуальны, как следовало бы ожидать. Но они придут, можете не сомневаться, — беззаботно проговорил он в надежде рассеять беспокойство экономиста. В ответ Милл блекло улыбнулся.

— Да, конечно, они не могут не понимать, насколько важна эта встреча.

— А если и не понимают, вы их наверняка просветите на сей счет.

— Приложу все силы, генерал, но вам надлежит уразуметь, что человеком действия меня не назовешь. Мне куда уютнее за письменным столом, нежели на словесном ристалище.

— Вы недооцениваете собственные способности, мистер Милл. В Дублине вы заставили политиков плясать под свою дудку. Когда вы говорите, они умолкают, чтобы не упустить и кру-

пицы вашей мудрости. Вы отлично справитесь.

— Ах да, но то было в Дублине, — в голосе Милла звучало отчаяние, на лбу выступили бисеринки испарины. — В Ирландии я говорил то, что слушатели мечтали услышать всю свою жизнь. Я показал им, как они наконец-то могут править собственной страной. Этот предмет не мог не увлечь их. — Тут Милл сдвинул брови; на лицо его набежала мрачная тень воспоминаний о более свежих событиях. — Однако моих соотечественников чрезвычайно оскорбило мое прибытие в Дублин. «Таймс» дошла до того, что назвала меня предателем родины и собственного сословия. Остальные газеты — как бы это сказать? — негодовали сверх всякой меры, фактически призывая на мою голову проклятья...

— Мой дорогой мистер Милл, — спокойно увещевал его Шерман, — газеты существуют для того, чтобы распространять тиражи, а не распространять правду или взвешивать аргументы обеих сторон. Знаете, несколько лет назад, прежде чем я вернулся к прерванной воинской карьере, я какое-то не слишком долгое время был банкиром в Калифорнии. Когда же мой банк развалился в трудные времена, начали раздаваться возгласы, что меня надо вымазать дегтем и обвалять в

перьях, а еще лучше — сжечь на костре живьем. Не обращайте внимания на газеты, сэр. Их зловонные миазмы подымутся из клоаки и будут развеяны свежим ветром правды.

— В вас дремлет поэт, генерал, — слабо усмехнулся Милл.

— Только, пожалуйста, больше никому не говорите; пусть это будет нашим с вами секретом.

Деликатно постучав, полковник Соммерс проскользнул в комнату.

— Вы с этим покончили, генерал? — указал он на папку.

— Все подписано. Позаботьтесь об остальном, Энди.

— Тут двое английских джентльменов хотят видеть вас, сэр, — сообщил начальник штаба, забирая бумаги.

— Конечно же, пригласите их.

Когда дверь открылась снова, Джон Стюарт Милл подскочил на ноги, и генерал Шерман неспешно последовал его примеру.

— Лорд Джон Рассел, мистер Дизраэли, — доложил полковник и тихо прикрыл за собой дверь.

Двое политиков, являя полнейшую противоположность друг другу, пересекли комнату. Старомодный черный костюм тонкого сукна был

затянут на аристократичном Расселе так, что едва не трещал по швам. Дизраэли же — прославленный романист, ветеран в политике, светский повеса, изящный и стройный, — и одет был весьма изысканно. Потрогав свою остроконечную бородку, он вежливо кивнул Шерману.

— Джентльмены, знакомы ли вы с мистером Джоном Стюартом Миллом? — справился Шерман.

— Исключительно заочно, — отозвался Дизраэли, отвесив Миллу легкий полупоклон. При этом лицо искушенного политика хранило совершенно бесстрастное выражение.

— Я знаком с мистером Миллом, следил за его публичной деятельностью и не испытываю ни малейшего желания пребывать в его обществе, — ледяным тоном обронил Рассел, избегая встречаться взглядом с объектом своих высказываний. Лицо Милла вдруг осунулось и побледнело.

— Мистер Рассел, я бы посоветовал вам проявлять побольше любезности. Мы собрались здесь по вопросу, играющему немаловажную роль и для вас, и для вашей страны, и посему ваша брюзгливость не делает вам чести, сэр, — отрубил Шерман, будто отдавая воинский приказ.

Рассел побагровел, оскорбленный и резким

тоном, и обращением, достойным лишь простолюдина. Поджав губы, он устремил взгляд в окно, возмутившись нагоняем, полученным от этого выскочки-янки. Сев, Шерман жестом пригласил остальных последовать его примеру.

— Пожалуйста, джентльмены, присаживайтесь, и начнем наше собрание. — Выждав пару секунд, он продолжал: — Я пригласил вас сюда как официальных лиц — премьер-министра правительства и лидера оппозиции. Я хочу, чтобы, как таковые, вы созвали в парламенте заседание палаты общин.

Лорд Рассел с трудом совладал со своим настроением, и, когда заговорил, слова его были холодны и бесстрастны — насколько ему это удалось:

— Позвольте напомнить вам, генерал, что палаты парламента заперты — согласно вашим же приказам, сэр.

— Совершенно верно, — голос Шермана прошелестел так же бесцветно, как и остальные. — Когда время придет, двери отопрут.

— Обе палаты? — осведомился Дизраэли. В его тоне не было даже намека на то, имеет ли данный вопрос хоть какое-то значение.

— Нет, — отрезал Шерман. Теперь в его словах прозвучали царственные нотки приказа. — Па-

лата лордов распущена и больше созываться не будет. В демократическом обществе нет места наследственным титулам.

— Господи, сэр, вы не можете!.. — вскинулся Рассел.

— Господи, сэр, могу. Вы проиграли войну и теперь расплачиваетесь.

Дизраэли деликатно кашлянул в наступившей тишине и подал реплику:

— Позвольте поинтересоваться: все ли приготовления сделаны, чтобы королева открыла парламент? — И снова в его тоне не было ни намека на грандиозную значимость вопроса.

— А она и не будет его открывать. Гражданка Виктория Сакс-Кобург пока что не собирается покидать свою резиденцию на острове Уайт. Это новая Британия, более свободная, и вам, джентльмены, надлежит приспособиться к ее реалиям.

— Но это все еще конституционная Британия, — встрял Рассел. — Это королевский парламент, и она должна присутствовать, дабы открыть его заседание. Таков закон этой страны.

— Был, — возразил генерал Шерман. — Повторяю: ваша война проиграна, ваша страна оккупирована. Королева не будет открывать заседание парламента.

— Как я понимаю, — неспешно качнул головой Дизраэли, — у вас имеются основания для созыва упомянутой сессии парламента.

— Совершенно верно, — кивнул Шерман. — Мистер Милл с радостью просветит вас на сей счет в своем обращении к вашей ассамблее. Есть еще вопросы? Нет? Хорошо. Парламент соберется через два дня.

— Это невозможно! — лорд Рассел безуспешно пытался совладать со своим голосом. — Члены парламента разбросаны по всей стране, рассеяны...

— Не вижу ни малейших проблем. Все телеграфные линии уже восстановлены, а поезда ходят согласно расписанию. Собрать этих джентльменов будет совсем не трудно. — Шерман встал. — Желаю здравствовать.

Рассел широкими шагами устремился прочь, но Дизраэли задержался на пороге.

— Чего вы надеетесь добиться, генерал?

— Я? Ровным счетом ничего, мистер Дизраэли. Мое дело сделано. Война окончена. Это мистер Милл будет говорить с вами о будущем.

— В таком случае, сэр, — с улыбкой обернулся к экономисту Дизраэли, — не будете ли вы любезны составить мне компанию? Моя карета у крыльца,

до моих лондонских апартаментов рукой подать. Я с благодарностью выслушаю все, что вы намереваетесь провозгласить.

— Вы очень добры, сэр, — Милл явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Вам наверняка известно, что обитатели этих островов относятся к моему присутствию неблагосклонно.

— Что ж, не будем придавать этому значения, мистер Милл. Ваши труды доставили мне огромное наслаждение — даже вдохновение, — и я почту за исключительную честь, если вы примете мое приглашение.

Шерман раскрыл было рот, но тут же одернул себя. В этом вопросе Милл должен принять собственное решение.

— Весьма охотно, сэр, — Милл выпрямился во весь рост. — С огромным удовольствием.

Лишь после отъезда Милла с Дизраэли полковник Соммерс принес генералу Шерману послание.

— Прибыло пару минут назад, — сообщил он, вручая конверт. — Посыльный еще здесь, ждет ответа. Он так боялся, что увидят, как он говорит с нами, так что мы отправили его в последнюю комнату по коридору.

— Какая секретность!

— И отнюдь не без причины, как вы поймете, прочитав послание.

Кивнув, Шерман прочел коротенькую записку.

— Это касается эмиссаров, только что прибывших из Шотландии?

— Совершенно верно. Генерала Макгрегора и мистера Макларена из Шотландского совета. С ними приехал еще третий, но он свое имя открыть не пожелал.

— Что ни час, то все таинственней. Они хотят, чтобы я после наступления сумерек принял участие в собрании в доме некоего шотландского дворянина. О нем-то нам что-нибудь известно?

— Только его имя — граф Эглинтон, да еще то, что он член палаты лордов.

— Пожалуй, подобные дела скорее по части Гуса Фокса.

— Посыльный настаивал, что мы сперва должны неофициально переговорить с вами. Я поинтересовался у него, кем он уполномочен. И только тогда — крайне неохотно — он открыл тот факт, что он и есть тот самый граф Эглинтон.

— Чем дальше, тем интереснее. Пригласите-ка его сюда.

Граф Эглинтон оказался высоким седовласым мужчиной в незатейливом черном костюме,

никак не вязавшимся с его военной выправкой. Он даже рта не раскрыл, пока сопровождавший его солдат не удалился.

— Очень любезно с вашей стороны принять меня, генерал. — Он головой указал на Соммерса: — Полагаю, полковник поведал вам о необходимости секретности.

— Да, хотя и не привел никаких оснований.

Неуютно поежившись, граф поколебался, прежде чем заговорить.

— Это, как бы получше сформулировать, дело весьма щепетильное. Честно говоря, я бы предпочел отложить всяческие дискуссии до встречи с моими компаньонами у меня дома. Полное объяснение даст мистер Макларен. Я же пришел сюда в качестве хозяина, предоставившего им кров, — а заодно, чтобы заверить в добросовестности их намерений. Тем не менее я могу открыть, что это вопрос национальной значимости.

— Следует ли это понимать так, — Шерман пристально взглянул на графа, — что Шотландия каким-то боком замешана в этом?

— Даю вам слово, сэр, так оно и есть. У меня в распоряжении экипаж с проверенным кучером, который скоро прибудет. Составите ли вы мне компанию, когда я отбуду?

— Возможно. Если я поеду, со мной отправится и мой помощник, полковник Соммерс.

— Да, конечно.

— Меня заботит лишь одно, — Соммерс внимательно вглядывался в шотландского дворянина. — А именно, безопасность генерала Шермана. В конце концов, он главнокомандующий наших оккупационных войск.

Лицо графа Эглинтона побледнело.

— Даю вам слово, что ему не угрожает ни малейшая опасность или даже тень опасности.

— Я верю слову джентльмена, Энди, — негромко проронил Шерман. — Думаю, нам лучше отправиться с ним и выяснить, что к чему.

Ждать пришлось недолго. Вскоре после наступления сумерек часовой доложил, что экипаж джентльмена дожидается у крыльца. И Шерман, и Соммерс были вооружены саблями — в общем-то, они не снимали их с портупей с самого начала войны. Теперь же полковник повесил на пояс еще и кавалерийский револьвер в кобуре. Экипаж остановился подальше от фонарей, так что они смогли сесть в него незамеченными. Повозка тронулась, как только дверцы захлопнулись. Дорога через Мэйфер заняла всего несколько минут. Едва экипаж остановился, дверца распахнулась,

и заглянувший в нее мужчина кивнул графу.

— За вами не следили, — сообщил он с сильным шотландским акцентом. — Ангус говорит, улица пуста.

Они высадились прямо в конюшне дома. Граф Эглинтон пошел впереди, проводив их через ворота в дом. При их приближении двери распахнулись, и они ощупью вошли в дом. Лишь когда двери были надежно заперты, слуга снял заслонку с принесенного фонаря. Следом за ним пришедшие поднялись по лестнице в ярко освещенную комнату. Навстречу им поднялись трое мужчин. Дождавшись, когда дверь закроется, граф представил присутствующих.

— Джентльмены, это генерал Шерман и его помощник полковник Соммерс. Генерал Макгрегор командует вооруженными силами Ее Величества в Шотландии. Джентльмен рядом с ним — мистер Макларен из Шотландского совета. А это мистер Роберт Далглиш, председатель... — не закончив фразы, граф Эглинтон осекся с потерянным видом. Потом взял себя в руки и твердым голосом закончил: — Председатель Национальной партии Шотландии.

По реакции троих остальных Шерман понял, что это откровение величайшей важности.

— Сожалею, мистер Долглиш, но с этой организацией я не знаком.

— Да я на это и не рассчитывал, генерал, — криво усмехнувшись, кивнул Долглиш. — Пожалуй, ее следовало бы назвать подпольной организацией, проповедующей шотландский национализм. Нашей предшественницей была Ассоциация защиты прав шотландцев. Сия достойная организация работала на реформированную администрацию в Шотландии. Задачи она ставила благородные, но мало чего добилась. Наша же Национальная партия поставила более высокие цели, как только начался конфликт с американцами. Почти все сходятся в том, что настало время перемен по всей Шотландии. И мы, и сочувствующие нам высокопоставленные лица работаем во имя свободы Шотландии.

Шерман кивнул, вполне уразумев причину этой тайной встречи.

— Джентльмены, прошу садиться, — сказал граф Эглинтон. — На столе графин доброго шотландского солодового виски. Позвольте вам налить?

Пока наполняли стаканы, Шерману выпала минутка на раздумья. Затем он поднял стакан и негромко промолвил:

— Джентльмены, не выпить ли нам за свободу шотландского народа?

При этих словах витавшее в воздухе напряжение рассеялось в единый миг. Присутствующих объединило общее стремление, общая цель. Но некоторые вопросы все же нуждались в разъяснении. Шерман обернулся к Макгрегору:

— Вы сказали, генерал, что вы главнокомандующий вооруженных сил Ее Величества в Шотландии.

— Таков мой титул на самом деле. Я же предпочитаю называть себя просто командующим шотландской армией. Все мои войска сейчас в казармах, где и останутся вплоть до дальнейших указаний. Вам, конечно, ведомо, что шотландские солдаты, сражавшиеся в Ливерпуле, были разоружены и вернулись на север.

— А что ваши офицеры думают об этом?

— Буду с вами совершенно искренен, сэр. К нашим полкам приписан и кое-кто из английских офицеров. Они временно находятся под арестом. Все остальные офицеры на нашей стороне.

Поразмыслив над этим, Шерман обратился к Роберту Далглишу:

— Полагаю, я догадываюсь, что должны чувствовать члены вашей Национальной партии,

раз все войска настроены одинаково. А вот как насчет остального населения Шотландии?

— Конечно, от их лица я говорить не могу, — признался Далглиш, — но если мы завтра проведем референдум, в его исходе я не сомневаюсь. Наш народ выскажется как один. За Шотландию, свободную от английского влияния. За восстановление нашего суверенного права на самоуправление, отнятого у нас сто шестьдесят лет назад, когда наш собственный парламент был распущен преступным Актом об унии. Я уверен, что это можно сделать без насилия.

— Я придерживаюсь того же мнения, мистер Далглиш. Соединенные Штаты выступают за демократию в других странах. Эта цель была достигнута в Мексике, Канаде, а совсем недавно и в Ирландии. Что вы думаете по этому поводу?

— Сейчас наши представители в Ирландской республике изучают опыт демократических преобразований, — улыбнулся Далглиш. — Ничего мы не желаем столь же страстно, как свободных выборов в свободной Шотландии.

— Тогда будьте покойны, — отозвался Шерман. — Моя страна поддержит ваши усилия.

— Хорошо бы побыстрее, — пылко проговорил Далглиш. — Я поднимаю свой стакан и благода-

рю вас, генерал. Это самый памятный момент в истории моей страны.

За ночь тучи выплакали весь дождь без остатка, и утро дня первого послевоенного заседания парламента выдалось чистым и ярким. Тарахтя колесами по мокрой мостовой, сияющей в лучах солнца, богато изукрашенная карета Бенджамина Дизраэли подкатила через Уайтхолл к площади Парламента. Она остановилась у парадного входа как раз в ту минуту, когда Биг-Бен начал отбивать одиннадцать. Подбежавший лакей опустил подножку и отступил, давая дорогу Миллу и Дизраэли. Оба прошли, не поднимая глаз на солдат в синих мундирах, стоящих на часах у входа.

Заседания парламента возобновились.

Открытие было кратким, даже чересчур, и члены парламента протестующе зароптали. Лорд Рассел, сидевший в переднем ряду, медленно поднялся и кивнул оппозиции, сидевшей напротив, напрочь игнорируя Джона Стюарта Милла, хотя тот находился всего в нескольких футах от него.

— Джентльмены, настал трагичнейший из дней, — голос его звучал глухо, потерянно, будто предвещая неминуемую беду. — Я даже не знаю, как вас уведомить, ибо со дня нашего последнего заседания разыгралось много ужасов. Наши вой-

ска разбиты, наша страна оккупирована. Наша королева — узница в Осборн-Хаусе.

При этих словах парламентарии негодующе зашумели, послышались даже гневные возгласы. Спикер заколотил своим молотком, призывая собрание к порядку. Рассел поднял руку, и протесты понемногу стихли.

— Мне поведали, что палата лордов распущена — столетия нашей истории отринуты единым росчерком пера.

Злобные вопли усилились, парламентарии в ярости затопали ногами, не утихая, несмотря ни на призывы лорда Рассела, ни на хриплые крики спикера, требующего тишины, ни на упорный грохот его молотка. Лишь немногие члены собрания осознали, что двери распахнулись и в их проемах появились американские солдаты, взяв винтовки наизготовку. Потом разомкнули ряды, чтобы впустить генерала; тот, чеканя шаг, прошел вперед, остановился перед лордом Расселом и заговорил с ним. Рассел скрепя сердце кивнул и вскинул обе руки, призывая к молчанию. Мало-помалу негодующие парламентарии нехотя стихли. Как только его голос стал снова слышен, Рассел заговорил:

— Мне снова напомнили — в который раз, — что

наша палата собрана на определенных условиях. Мы должны добиться, чтобы наши голоса были услышаны, но при том заняться насущными делами. Если мы этого не сделаем, то сами же и заткнем себе рот, даже не успев его раскрыть. Мы в долгу перед народом нашей страны, мы его представители, высказывающиеся от его лица. Разыгрались ужасающие события, и мы сумели выйти из них целыми и невредимыми. Но и эта палата должна выйти целой и невредимой, дабы мы говорили от лица нации.

Рассел сел под одобрительный гул членов парламента. Американский офицер развернулся и покинул зал, солдаты за ним. Двери закрылись. Рассел сел, и тут же ему на смену поднялся лидер оппозиции Бенджамин Дизраэли.

— Достопочтенные джентльмены, позвольте совершить небольшой экскурс в нашу историю. Забывая историю, мы рискуем повторить ее сызнова. В прошлом наша страна уже пережила кровавый раскол. Король был свергнут, парламент распущен. Человек, нарекший себя протектором[97], захватил власть над страной и правил железной рукой. Однако я вовсе не

[97] Примечания: 97
Т. е. Оливер Кромвель.

призываю Кромвеля наших дней. Я призываю лишь поддержать правление закона, провозглашенного Великой хартией вольностей и Биллем о правах. Я призываю вас выслушать, что имеет нам поведать мистер Джон Стюарт Милл.

Безмолвная ненависть почтенного собрания сгустилась настолько, что буквально обжигала кожу. Милл ощутил ее, но даже бровью не повел. Он пришел сюда, вооружившись словом истины, ставшей его опорой и защитой. Встав, он огляделся, развернув плечи и сцепив руки за спиной.

— Я хочу поговорить с вами о том, что способ правления — это вопрос выбора. Я говорю о принципах, над которыми работал изрядную часть своей жизни, и большинство этих практических рекомендаций были одобрены другими людьми — многие из которых сидят в этом зале.

В своих дебатах и либералы, и консерваторы не могли прийти к единому мнению. Но я утверждаю, что в нашем распоряжении имеется куда более удачная доктрина — не просто компромисс, но нечто более широкое, настолько всеобъемлющее, что принять эту доктрину смогут и либералы, и консерваторы, не отрекаясь от убеждений ни в чем таком, что они считают символом собственной веры.

Я прошу вас взглянуть на британскую историю, не забывая американцев, ныне пребывающих среди нас. — Милл спокойно дождался, пока возмущенное ворчание аудитории стихнет. — Не считайте их чужаками, ибо поистине они наши сыновья. Истина заключается в том, что их страна была выстроена на наших собственных доктринах. С самого начала основополагающим принципом Соединенных Штатов была британская идея свободы. Возможно, за истекшее время она ускользнула из наших рук, но ее по сей день свято блюдут по ту сторону Атлантики.

Тот факт, что американцы в качестве образца для своей демократии взяли нашу, должен льстить нам, но не служить поводом для преклонения. В их конгрессе есть верхняя и нижняя палата — точь-в-точь как у нас. Но с одним громадным отличием. Все их представители избраны. Власть исходит от народа, а не от верхушки, как принято здесь.

Я слышал множество ваших гневных криков по поводу декрета о роспуске палаты лордов. Но мысль, что власть может передаваться по праву кровного родства, показалась американцам абсурдной. Собственно говоря, так оно и есть. Как утверждал дальновидный англи-

чанин Томас Пейн, страной должны править люди, наделенные высокими дарованиями, а не высокопоставленными родственниками. Ему наследственный парламентарий представлялся такой же нелепостью, как наследственный математик или наследственный мудрец — что столь же смехотворно, как венчание поэта лаврами по праву наследия.

Эти слова были встречены злобными криками — но и призывами позволить Миллу продолжать. Воспользовавшись моментом, чтобы бросить взгляд в бумаги, добытые из кармана, Милл снова заговорил громким и ясным голосом.

— Между нашими двумя демократиями существует громадная разница. В Америке правление идет снизу вверх. Здесь же оно направлено сверху вниз. Абсолютная власть принадлежит монарху, владеющему даже землей. Королева открывает и закрывает парламент, возглавляемый ее премьер-министром. На море наши пределы охраняет Королевский флот.

В Америке же все обстоит совершенно иначе, согласно Конституции, излагающей права народа. В Британии ближе всего к Конституции подходит Билль о правах одна тысяча шестьсот восемьдесят девятого года, гласящий: «И так как

ввиду отречения упомянутого покойного короля Иакова Второго от правления и вакантности вследствие этого престола Его Высочество принц Оранский...» Тут я хочу привлечь ваше пристальное внимание к следующим словам: «...которого всемогущему Богу угодно было избрать своим достославным орудием освобождения этого королевства от папизма и произвола власти».

Смысл очевиден. Власть в этом краю исходит не от народа, а дана свыше. Наша монархиня правит своей властью, дарованной Богом. Она же, в свою очередь, вверяет свою власть правительству, но народ остается его слугой.

— Вы нас оскорбляете! — сердито выкрикнул один из членов парламента. — Вы говорите не о той власти, каковой парламент облечен согласно нашей Великой хартии вольностей!

— Благодарю, джентльмены, что привлекли наше внимание к этому документу, — кивнул Милл. — Но ни Великая хартия вольностей, ни Билль о правах не оговаривают ясно права наших граждан. На самом деле Великая хартия вольностей целиком посвящена взаимоотношениям двадцати пяти баронов с королем и церковью. А для современных граждан ее смысл невероятно невнятен. Вот послушайте: «...Все графства, сотни,

уэпентеки и трети должны отдаваться на откуп за плату, какая установлена издревле, без всякой надбавки, за исключением наших домениальных поместий». А еще вот это: «Клирик будет штрафоваться в качестве держателя своего светского держания не иначе, чем другие, названные выше». Несомненно, все присутствующие согласятся, что это не может служить практическим руководством для хорошего современного правительства. Посему я предъявляю вам документ, являющийся таковым. — Милл извлек из кармана тоненькую книжечку ин-фолио и поднял ее над головой. — Это Конституция Соединенных Штатов. Она наделяет властью народ, вверяющий часть своих полномочий правительству. Это самая радикальная декларация прав человека в истории человечества.

Я от всей души прошу данную палату всего лишь прочесть этот документ, еще раз перечитать свой Билль о правах и Великую хартию вольностей, а после рассмотреть мое предложение: созвать конституционный конгресс для разработки собственной конституции. Британского закона для британского народа. Благодарю вас.

Он сел — и тотчас же разразилась буря: полови-

на членов парламента подскочили, требуя слова. Первым спикер дал его премьер-министру.

— Я возьму на себя смелость возразить мистеру Миллу. Может, он и англичанин, но говорит он на иностранном языке — и хочет перекроить сей парламент на иноземный лад. Я возглашаю, что он тут нежеланный гость, равно как и его чуждые побрякушки. Наши законы были хороши и для наших отцов, и для праотцев. Хороши они и для нас.

Слова Рассела встретили возгласами единодушного одобрения, совершенно поглотившими голоса несогласных. Оратор за оратором эхом вторили ему — хотя находились и такие, кто признавал, что вопрос о конституционной реформе, возможно, заслуживает рассмотрения, — но их дружно зашикивали. Дождавшись, пока гам спадет, Бенджамин Дизраэли встал.

— Меня весьма встревожило, что мой высокоученый оппонент в данном вопросе забыл о собственных интересах. Не он ли сам пытался провести в тысяча восемьсот шестидесятом Новый парламентский реформирующий акт, предоставлявший более широкие избирательные права для всех графств и городов? Полагаю, акт не прошел только в силу противодействия

почившего лорда Пальмерстона.

— Я предлагал реформы, — парировал Рассел, — а не уничтожение нашего парламентского наследия.

Это заявление встретил рев всеобщего одобрения.

— Что ж, — Дизраэли не собирался сдавать позиции, — тогда давайте рассмотрим вполне разумное предложение мистера Милла...

— Давайте не будем! — крикнул лорд Рассел в ответ. — Я не желаю заседать в парламенте, рассматривающем предложение о государственной измене. Я ухожу — и призываю членов собрания, разделяющих мое мнение, последовать моему примеру.

Ответом его призыву послужили вопли ликования и нарастающий топот: парламентарии дружно вставали и покидали зал.

В конце концов остались Бенджамин Дизраэли да дюжина других членов парламента.

— Представительной эту часть палаты не назовешь, — вполголоса проронил Дизраэли.

— Не согласен, — возразил Милл. — Это ядро конгресса. Другие его поддержат.

— Искренне надеюсь, что вы правы, — без особого энтузиазма отозвался Дизраэли. — Я здесь

потому, что хочу восстановить в этой стране правление закона, а не иноземных оккупационных войск. Если кроме предлагаемого вами конгресса иного пути нет — что ж, быть посему.

Гром за горизонтом

Как только из Вашингтона прибыли члены только что учрежденного оккупационного правительства, генерал Шерман с огромной радостью уступил им занимаемые помещения Букингемского дворца. Шикарные апартаменты куда более пристали недавно назначенным политикам и чиновникам государственного департамента, а Шерман чувствовал себя куда уютнее в Веллингтонских казармах, отдаленных от дворца всего на каких-то пару сотен ярдов. Здания их стояли в запустении с тех самых пор, как был распущен квартировавший там гвардейский полк. Теперь же туда въехал новоприбывший полк Пенсильванских стрелков, и генерал охотно присоединился к ним. Когда стены кабинета и нескончаемая канцелярская работа осточертевали, Шерман велел седлать коня и ехал в Грин-парк или Сент-Джеймс-парк, расположенный как раз напротив Бердкейдж-Уок, чтобы проветрить отуманенные мозги. Квартира бывшего командира

оказалась просторной и пришлась ему очень по вкусу, но менять он ничего не стал, оставив полковые трофеи на полках, а изрешеченные пулями знамена на стенах. Когда оккупация закончится и законные владельцы вернутся, они найдут все на своих местах, а пока почетное место на бронзовом постаменте впереди гордо занял шелковый звездно-полосатый флаг.

Офицерская столовая тоже оказалась роскошной и удобной.

Шерман как раз наслаждался запоздалым ужином, когда часовой впустил Густава Фокса.

— Что вы как посторонний, Гус! Берите стул и присаживайтесь. Вы уже ели?

— Спасибо, Камп, намного раньше. — Со времени совместного вояжа на «Авроре» они стали весьма близки, несмотря на разницу в возрасте. — Но в горле у меня пересохло, и выпить я не откажусь.

— Это запросто. — Шерман дал знак официанту. — Наши отбывшие хозяева оставили по себе массу бочек чудесного эля. Я тоже выпью стаканчик за компанию. Может, даже подымем тост за пулемет Гатлинга. Вы слыхали стишок, который твердят пулеметчики к месту и не к месту?

— Наверно, нет.

— Ну, в общем, так: «На любые пакости мы найдем ответ, ведь у нас есть «гатлинги», а у них-то — нет».

— Чистейшая правда.

— Совершенно согласен. Ну, так что же вас сюда привело?

— Искренне верю, что дело важное. — Глотнув эля, Фокс радостно кивнул: — Отлично! — Дождавшись, когда официант уйдет, он вынул из кармана пачку бумаг и развернул ее веером на столе. — Я оставлю это у вас. Но подытожить смогу вполне ясно. Я велел своим клеркам проштудировать все британские военные архивы — и сухопутных войск, и флота. Изрядная часть их была уничтожена, но капитуляция была столь скоротечной, что большинство архивов просто бросили. И все же масса бумаг сгорела в каминах военного ведомства. К счастью, моряки не так дальновидны, и в их архивах нашли дубликаты уничтоженных бумаг. Здесь данные каравана судов, называемого Соединением А. Он отплыл несколько недель назад из Индии.

— Из Индии? — сдвинув брови, Шерман пододвинул бумаги к себе. — И что же он везет?

— Войска. Четырнадцать войсковых транспортов, по большей части лайнеры вроде пароходов

«Донгола» и «Кармала». В числе подразделений 51-й Раджпутский полк пионеров, а также 2-й батальон Северных ланкаширских стрелков, 25-й батальон Королевских фузильеров — и далее в том же духе. Их сопровождает ряд военных кораблей, в том числе броненосец «Голиаф».

— Мне это совсем не нравится. Войско таких размеров представляет изрядную опасность. Когда они должны сюда прибыть?

— Если не выбьются из графика — примерно через неделю.

— Как по-вашему, их уведомили о войне — и оккупации?

— Уверен, что да. Как вам известно, большинство британских военных кораблей, находившихся в море, в порты не вернулось. Далеко не один корабль скрылся из Портсмута, чтобы избежать захвата. Некоторым из них наверняка известно о конвое, и они пойдут навстречу, чтобы присоединиться к нему. Кроме того, конвой по пути останавливался в «угольных» портах, извещаемых по телеграфу о мировых событиях. Можно не сомневаться: они прекрасно осведомлены о том, что здесь произошло.

— Гус, вы военный моряк. У вас есть какие-нибудь идеи насчет того, как нам быть?

— Нет, сэр! — Фокс поднял обе руки в знак капитуляции. — Это совсем не моя епархия. Но я отправил адмиралу Фаррагуту копию этих донесений о передвижениях судов и просил его подъехать к нам сюда.

— Мудрый ход. Он отличный тактик.

Пока официант подливал им эля, Шерман прочел бумаги, полученные от Фокса. Затем велел официанту принести карандаш и набросал какие-то пометки на обороте одного из листков. И наконец угрюмо сказал:

— На нас движется изрядная пехотная армия. Сомневаюсь, чтобы у нее хватило сил отвоевать страну, но если она сумеет высадиться, ужасных сражений не миновать. И уж если сумеет, наверняка неизбежны мятежи демобилизованных британских солдат. Нам это совсем ни к чему.

Подоспевший адмирал Фаррагут вполне разделял его мнение.

— Вот уж действительно скверная новость! Я отправил всем нашим судам приказ заполнить угольные бункеры и стоять наготове.

— Что вы планируете предпринять? — осведомился Шерман.

— Ничего, пока не вычислим, куда конвой направляется. В порты приписки, названные в этих

приказах, они не пойдут, тут уж будьте покойны. Теперь им уже ведомо об оккупации, и командующий армией соответственно откорректирует свои планы. Полагаю, решение за вами, генерал, поскольку это дело сухопутных войск. Их армейское командование планирует десант — или десанты. А флот обеспечит им сопровождение и огневое прикрытие при высадке.

— Я тоже так думаю. — Допив эль, Шерман встал. — Давайте перенесем дискуссию в мой кабинет, где можно свериться с картами.

Развернув карту Британских островов на письменном столе под керосиновой лампой, генерал Шерман в глубокой задумчивости принялся ее изучать.

— Есть идеи, Гус?

— Ни единой! Разведданные о пункте назначения конвоя не поступали, а тактик из меня никудышный. Даже гадать не стану.

— Весьма мудрый подход. Так что вся ответственность ложится на меня. Первым делом давайте ограничим возможности. — Он постучал пальцем по карте. — Думаю, мы можем исключить десанты на севере и западе. Шотландия и Уэльс чересчур далеки от оплота власти, Корнуолл тоже. Остается Лондон.

— Они не рискнут пойти вверх по Темзе, как мы, — возразил Фаррагут. — Общеизвестно, что наши плавучие батареи все еще на позициях. Но здесь, к востоку, в Уоше, имеется защищенная акватория, где можно произвести высадку. Или, скажем, подальше к югу, в порту Гарвич.

— Опять же слишком далеко от центра, — отрицательно покачал головой Шерман. — Гарвич подходит лучше, от него рукой подать до Лондона. Но если они там высадятся, нас предупредят, и мы без труда сосредоточим войска, чтобы остановить их. Посему я считаю, что тревожиться надо о южном побережье. Видимо, им известно, что мы захватили Портсмут, так что там они даже близко к берегу не подойдут. Но здесь, дальше на восток вдоль южного берега, все обстоит совершенно иначе. Плоские пляжи, мелкие воды, удобные подступы с моря. Брайтон. Ньюхейвен. Гастингс, — провел он пальцем вдоль берега.

— Гастингс, тысяча шестьдесят шестой, — вставил Фокс. — Последнее успешное вторжение, не считая нашего.

— Я могу выставить заградительный барьер из кораблей поперек устья Английского канала, — предложил адмирал, — от Борнмута прямиком до полуострова Котантен. Ширина пролива там

не превышает восьмидесяти миль. Флотилию таких размеров, идущую из Индии, легко заметить там еще на подходе. Но, конечно, если они двинутся на запад, в Корнуолл или дальше, — мы их не увидим. Их войска успеют благополучно высадиться, а мы даже знать не будем.

Наступила такая тишина, что тиканье часов казалось оглушительным. Решение выпало на долю командира — а здесь командовал генерал Уильям Тикамси Шерман. Бремя ответственности легло на его плечи целиком. Главнокомандующий остался по ту сторону Атлантики, и связаться с ним по времени никак невозможно. Решать придется самому. Он бросил взгляд на часы.

— Адмирал, вы можете подойти сюда к восьми утра, чтобы мы обсудили ваши приказы?

— Буду.

— Отлично. Гус, я хочу, чтобы ваши клерки прошерстили архивы. Добудьте мне сведения о силе всех подразделений, упомянутых в приказах. Их я тоже жду самое позднее к восьми утра. А если получится, то и раньше.

— Займусь этим без промедления.

— Хорошо. По пути скажите дежурному офицеру, чтобы послал за моим штабом. Ночка предстоит долгая.

Уже занимался рассвет, когда Фокс — глаза у него ввалились и покраснели — принес папки со сведениями о силе армии, прибывающей с конвоем. Офицеры штаба расступились, когда он подошел и вручил бумаги генералу Шерману.

— Все здесь, генерал. Все подразделения, перечисленные в списке следующих с конвоем. Хотелось бы мне испытывать такую же уверенность касательно сопровождающих его военных судов. Все исходные декларации здесь, но со времени отплытия к конвою по пути могло присоединиться любое число судов. Маршрут и даты следования конвоя были прекрасно известны всему флоту. В конвое теперь могут оказаться любые — а то и все — британские суда, избежавшие захвата.

— Великолепно. А теперь я предлагаю вам пойти поспать. Вы сделали все возможное.

Сам Шерман выглядел таким же бодрым, как и вчера вечером. Закалившись в боях, он привык не смыкать глаз целыми сутками. К восьми часам, даже до прихода адмирала Фаррагута, планы были готовы. Как только приказы были написаны, офицеры штаба разошлись, чтобы как можно скорее провести их в жизнь. Когда адмирал вошел, Шерман в одиночестве смотрел

из окна на парк.

— Все сделано, — сказал Шерман. — Приказы отданы, переброска войск начнется сегодня же утром.

— А... куда?

— Сюда, — Шерман припечатал ладонью южное побережье Англии на карте. — Они попытаются высадиться здесь, другого варианта просто нет. Но наши войска скоро окопаются вдоль всего этого побережья, от Гастингса до Брайтона. Ядро нашей обороны расположится в Ньюхейвен-форте, вот здесь. Некоторые из тамошних орудий разбиты, но сейчас их все уже заменили. Скоро это побережье ощетинится американским оружием. Любые попытки высадиться здесь будут пресечены в корне. Но я надеюсь, что до катастрофы не дойдет. Ее просто-таки надо предотвратить.

— И как же вы намерены этого добиться?

— Смогу сказать, когда присоединюсь к вам. Когда, по вашим прикидкам, вероятнее всего ожидать прибытия конвоя?

— Может, он чуточку задержится, но в любом случае не доберется до Английского канала раньше, чем запланировано. Вероятнее всего, дня через три.

— Хорошо. Ставьте свои корабли в устье про-

лива, как предлагали вчера вечером. Я присоединюсь к вам через два дня. Вы подготовите для меня корабль в Портсмуте?

— «Опустошитель», только что пришедший из патруля, пополняет запасы топлива в Саутгемптоне. Я телеграфирую ему приказ ждать вас там, а после следовать на позицию. Искренне надеюсь, что вы правы в своей оценке ситуации, генерал.

— Адмирал, — криво усмехнулся Шерман, — я обязан быть прав, или мы проиграли. Если британская армия из Индии доберется до берега, начнется хаотическое, кровопролитное вторжение без каких-либо гарантий успеха для любой из сторон. Приказы я отдал, а что будет дальше — зависит от врага.

Как только всякая опасность миновала, дочь Джона Милла Хелен приехала к нему в Лондон. Нашла через агента хороший дом в Мэйфер на Брук-стрит и сняла его. Она приложила к этому все силы, зная, как важно для Милла оказаться в уютной домашней обстановке. Напряженная работа взимала свою дань, и ходил он сутулясь, будто носил тяжкую ношу — да, по сути говоря, так оно и было. Когда Хелен внесла свежий номер «Таймс», отец сидел в гостиной, все еще в ночном колпаке и халате, наслаждаясь утренним чаем.

— Я как-то даже побаиваюсь читать в последнее время, — проговорил он, осторожно притронувшись к газете кончиками пальцев. Хелен рассмеялась, когда он, дальнозорко щурясь, уставился на первую полосу.

— На самом деле все не так уж плохо. Они всерьез взвешивают все pro и contra в отношении предлагаемой конституции, вместо того чтобы бить в набат, как вначале. — Пошарив в кармане платья, она достала несколько конвертов. — Твой мистер Дизраэли приехал даже раньше утренней почты и оставил это для тебя.

— Замечательно! С удовольствием отложу газету. Он обещал мне прислать список возможных членов предлагаемого конгресса... Надеюсь, это он. — Он быстро пробежал бумаги взглядом. — А вот знакомое имя. Чарльз Брэддоу — тебе что-нибудь говорит?

— Ты должен помнить его, папа. Это учредитель газеты «Нэшнл реформер» и великий памфлетист.

— Ну да, конечно! Заядлый республиканец и вольнодумец. Так и слышу уязвленные вопли, что мы допустили в свой конгресс атеиста. В самом деле, надо бы его привлечь. Отправлю ему приглашение сегодня же. А-а, вот и Фредерик

Гаррисон. Сей джентльмен хорошо известен рабочему классу как обладатель практических познаний о том, как действуют тред-юнионы. Дизраэли настоятельно рекомендует включить его, и я только за.

С помощью Дизраэли и не без политических махинаций список членов конституционного конгресса мало-помалу пополнялся. В него вошли и ветераны-политики, и реформаторы вроде Уильяма Гладстона, и многообещающие функционеры наподобие Джозефа Чемберлена. И хотя газеты насмехались над самой идеей созыва подобного конгресса, а политические карикатуристы резвились вовсю, предполагаемый список все же понемногу складывался. Теперь осталось лишь установить дату, приемлемую для всех заинтересованных сторон. То, что поначалу казалось нелепым нововведением, начало обретать облик респектабельности.

В ожидании решения участи

Прошло уже три дня с той поры, когда крейсер ВМФ США «Опустошитель» присоединился к эскадре, вытянувшейся поперек устья Английского канала — в самом подходящем месте, чтобы перехватить любой корабль, входящий в пролив

из Атлантического океана. Большинство судов в северном конце цепи крейсировало в пределах видимости мыса Портленд-Билл. Южнее «Опустошителя», дав минимальный ход, чтобы приливное течение не сносило его с места, стоял броненосец ВМФ США «Виргиния». А дальше, почти на горизонте, едва виднелся еще один американский броненосец. Цепь боевых кораблей протянулась от самого английского побережья через пролив до мыса Аг на самой оконечности полуострова Котантен. Каждый корабль эскадры находился в пределах видимости хотя бы двух других, и, когда британцы придут — если вообще придут, — проскользнуть незамеченными им попросту не удастся.

Если придут. Это словечко снова и снова эхом отдавалось в мозгу генерала Шермана, выхаживавшего по летучему мостику

«Опустошителя». Присоединившись к эскадре, броненосец занял позицию рядом с флагманским судном адмирала Фаррагута — крейсером ВМФ США «Миссисипи» в середке цепи, по-прежнему стоящим на том же месте благодаря машине, работающей на самых малых оборотах.

Шерман снова поймал себя на том, что стоит у фальшборта, устремив взгляд на восточный гори-

зонт. Придет ли конвой? А вдруг предположение, что атака будет направлена на южное побережье Англии, ошибочно? Уже в тысячный раз он шаг за шагом проанализировал цепь рассуждений, приведшую его к неизбежному выводу о том, что иначе они поступить не могут. Шерман по-прежнему верил, что они обязаны нанести удар именно здесь, но трехдневное ожидание поставило его теорию под вопрос. Обернувшись, он заметил, что от борта «Миссисипи» отвалил ялик, и вдруг сообразил, что уже, должно быть, полдень — час, назначенный для встречи с адмиралом. Надо будет снова обсудить тактику и положение эскадры, после чего Фаррагут останется на ленч. Еще раз окинув взором пустынный горизонт, Шерман покинул мостик и спустился на палубу, чтобы встретить адмирала.

— Хорошая погода еще держится, — заметил Фаррагут во время рукопожатия. Шерман лишь кивнул и первым направился вниз, не найдя что сказать: обо всем уже было говорено, и не раз. Взяв с буфета графин, Шерман покачал им в воздухе:

— Не хотите ли выпить со мной стаканчик шерри перед едой?

— Блестящая мысль!

Но не успел Шерман наполнить бокалы, как в дверь ворвался возбужденный матрос.

— Капитан выражает свое почтение, — выпалил он. — Впередсмотрящий доносит, что на юго-востоке замечены корабли.

Ему тут же пришлось поспешно отступить, чтобы дать дорогу обоим офицерам, ринувшимся к выходу. Пока они взбегали на мостик, на горизонте уже успела обрисоваться целая вереница кораблей. При появлении командиров капитан Ван-Хорн опустил подзорную трубу.

— Впереди идет броненосец, это видно по палубным надстройкам. И масса дыма от судов, которые еще не показались из-за горизонта. Штук восемь-десять самое меньшее.

— Это он? — спросил Шерман.

— Несомненно, генерал, — решительно кивнул Ван-Хорн. — Другой флотилии таких размеров нет во всем океане.

— Следуйте приказам генерала Шермана, — распорядился адмирал Фаррагут, поворачиваясь. — Мне надо вернуться к своей команде и просигналить всей эскадре сбор.

— Я хочу, чтобы вы направили судно навстречу флотилии, как только лодка адмирала отойдет. И не гоните.

— Малый вперед, — кивнул Ван-Хорн. — Пять узлов, не больше.

— А также поднимите этот флаг на носу, — велел Шерман.

Приказ капитана передали по команде, и двое матросов бросились вперед со свертком ткани. Флаг представлял собой скатерть из офицерской столовой с пришитыми по двум углам тесемками. Быстро привязав их к фалу на носовом флагштоке, импровизированный флаг подняли повыше. Приближающиеся суда нипочем не смогут прозевать белое полотнище — как и звездно-полосатый флаг, развевающийся на мачте.

Когда расстояние между крейсером и приближающимся конвоем сократилось вдвое, капитан приказал лечь в дрейф. Пройдя с разгону еще немного, судно плавно остановилось, легонько покачиваясь на волнах. Самодельный флаг, подхваченный свежим западным ветром, заполоскался, развернувшись на всеобщее обозрение.

— А если им вздумается открыть огонь? — отрывисто поинтересовался капитан Ван-Хорн.

— Не вздумается, — отрезал Шерман. — Это не по-джентльменски. Да вдобавок они ясно видят остальные броненосцы у нас за спиной. И пони-

мают, что это означает.

Если у Шермана и оставались какие-либо сомнения в разумности подобной встречи с врагом, высказывать их вслух он не стал. Уже дважды в своей жизни он улаживал конфликты путем перемирия и всей душой верил, что сможет проделать это снова.

Теперь головные суда стали видны вполне отчетливо: вороненая броня и грозные жерла пушек. На мачты взмыли сигнальные флажки, и конвой замедлил ход, но один броненосец отделился от остальных и приблизился к американскому крейсеру.

— «Защитник», — доложил Ван-Хорн, снова поглядев в трубу. — Главный калибр — шесть стофунтовок, новый модифицированный класса «Воитель».

Британский крейсер направился прямо к ним, вовсю дымя трубами и грозно ощерившись пушками. Как только он подошел поближе, оказалось, что его орудия нацелены на американское судно. Приблизившись на расстояние двухсот ярдов, он сбросил ход и остановился, развернувшись штирбортом, — и тогда стало видно, что пушки тоже поворачиваются, не упуская «Опустошитель» из прицела.

— Лодку спустили? — осведомился Шерман.

— Уже на воде, как вы приказали.

Без единого слова Шерман покинул мостик и через счита-ные секунды уже спускался на ожидающий баркас. Восемь весел ударили по воде, как одно, и суденышко стремительно заскользило вперед. Когда оно подошло к черному борту британского крейсера, показался шторм-трап, спущенный до самой воды. Шерман принялся карабкаться по нему со всей возможной прытью. Перебираясь через планширь, он увидел дожидающегося офицера-пехотинца.

— Следуйте за мной, — буркнул тот и отвернулся. Как только они зашагали к трапу, следом пристроились два матроса с мушкетами. В офицерской кают-компании дожидались двое пехотных генералов. Вытянувшись по стойке смирно, Шерман отдал им честь. Они ответили тем же на британский манер.

— Мы уже встречались, генерал Шерман, — заметил первый.

— Да, в Канаде. Вы бригадный генерал Соммервилл.

Соммервилл неспешно кивнул.

— А это генерал сэр Уильям Армстронг, главнокомандующий войск Ее Величества в Индии.

— Зачем вы здесь? — бесцеремонно поинтересовался Армстронг, едва сдерживая гнев при встрече с человеком, завоевавшим его страну.

— Чтобы спасти человеческие жизни, генерал Армстронг. Нам известен размер и сила вашей армии по документам, захваченным в Лондоне. За моей спиной вы видите главную флотилию броненосцев, которая не позволит вам пройти без боя, если вы попытаетесь войти в Английский канал. Они по мере возможности будут уклоняться от стычек с вашими линейными кораблями, стремясь пустить ко дну ваши транспортные суда. Если же каким-то из транспортов удастся прорваться, хочу уведомить вас, что все южное побережье Англии сейчас обороняют американские войска и артиллерия. Любое судно, попытавшееся высадить десант, будет уничтожено.

— Откуда вам известны наши намерения? — с ледяным гневом бросил Армстронг.

— Так бы поступил я сам, генерал. Это единственная возможность.

— Дадите ли вы слово, что ваши войска стоят здесь? — холодно осведомился Соммервилл.

— Даю вам слово, сэр. У нас была неделя на подготовку обороны. Ньюхейвен-форт перево-

оружен. Двадцатый Техасский полк окопался на берегу с «гатлингами», при поддержке пяти артиллерийских батарей. Следует ли мне перечислить подразделения, обороняющие остальные позиции?

— Довольно, генерал. Вы дали нам свое слово, — голос Сом-мервилла дрожал; плечи его сгорбились. Он сделал все, что мог. Все сделали, что могли.

Но проиграли.

— Верните индийские войска в Индию, — сказал Шерман. — Если они придут сюда, то лишь для того, чтобы встретить смерть. Флот и артиллерия стоят наготове.

— Но моя страна! — голос Армстронга охрип от гнева. — Вы завоевали, уничтожили...

— Да, завоевали, — парировал Шерман. — Но не уничтожали. Мы хотим лишь мира и окончания этой безрассудной войны между нашими нациями. В это самое время ваши политики встречаются с новообразованным британским правительством. Когда они закончат переговоры, правление закона будет восстановлено. Мы же с нетерпением ждем возвращения домой. Мы хотим мира, а не продолжения конфликтов. Когда вы снова будете управлять своей страной, мы

уйдем. Вот и все, чего мы желаем.

— И мы должны поверить этому? — с горечью промолвил Соммервилл.

— У вас нет выбора, генерал, ни малейшего выбора.

— Выведите этого человека за дверь и не пускайте сюда, — приказал Армстронг матросам, стоявшим на часах у двери.

Шерман передернул плечами, сбросив руки, потянувшиеся к нему, развернулся и вышел; дверь за ним захлопнулась. В коридоре он холодно оглядел матросов; те переминались с ноги на ногу, не решаясь встретиться с ним взглядом. Они прекрасно слышали, что говорилось в кают-компании. Тот, что повыше, — судя по нашивкам, главный старшина — оглянулся и негромко спросил:

— А что творится на берегу, сэр? Мы, почитай, ничего и не слыхали, только всякие ужасти.

— Война окончилась, — доброжелательно ответил Шерман. — Победа осталась за нашими войсками. Потери были с обеих сторон, но теперь все в прошлом. Если ваши политики не станут противиться, нас ждет долгосрочный мир. Если мы сможем покинуть страну, заручившись гарантиями этого мира, так мы и поступим. К этому

мы стремимся, как должны стремиться и вы.

Тут Шерман услышал, что дверь позади открывается, повернулся и вошел в кают-компанию.

— Вы пришли к решению, — это было утверждение, а не вопрос.

— Да, — тяжко проронил генерал Армстронг. — Индийские войска вернутся в Индию. Вы можете гарантировать им безопасный проход?

— Могу. А как быть с британскими войсками? Они сдадутся?

— Сперва надо обсудить условия.

— Конечно. А ваши военные корабли?

— Это следует обсудить с адмиралом. Говорить от его лица я не уполномочен.

— Естественно. Полагаю, вы приняли мудрое решение.

— Не мудрое, а единственно возможное, — с безысходностью в голосе вымолвил Соммервилл, и генералу Шерману оставалось лишь кивнуть в ответ.

Наконец-то затяжная война, начавшаяся, когда конфедератских представителей арестовали на британском судне, из Америки перекинувшаяся в Мексику и Ирландию, а оттуда шагнувшая в Англию, завершилась.

— Отец, за дверью дожидается какой-то джентльмен, хочет повидаться с тобой, — сообщила Хелен. — Передал свою карточку.

Взяв карточку, Джон Стюарт Милл поднес ее к свету.

— А-а, мистер Уильям Гладстон! Значит, он получил мое письмо и отреагировал соответственно. Пожалуйста, пригласи его.

Когда Хелен ввела Гладстона, мужчины обменялись теплым рукопожатием, потому что оба ждали этой встречи с нетерпением.

— Явился, как только получил вашу записку. Увы, во время последней парламентской сессии я был за пределами страны и очень сожалею, что пропустил ее. Коллеги отзываются о ней весьма противоречиво, но все сходятся в том, что, простите за выражение, только перья летели.

— Да уж действительно! — хохотнул Милл, проникшийся к политику добрым чувством.

— Мистер Гладстон, — вставила Хелен, — не выпьете ли с нами чаю?

— С удовольствием!

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пригласил Милл. — Я давно ждал этой встречи. Я читал ваши

политические статьи с огромным интересом.

— Вы очень любезны.

— Но это чистая правда! Ведь это вы стояли за Железнодорожным биллем 1844 года, открывшим поездки в третьем классе для всех жителей Британии. Только благодаря вашим настояниям поезда теперь останавливаются на каждой станции страны. Я восхищен вашим вниманием к интересам простого народа.

— Люди мне действительно небезразличны, потому что все они граждане, в точности как вы да я.

— Да, несомненно, но такую точку зрения популярной не назовешь. Я также обратил внимание, что хоть вы всегда и отвергали идею парламентских реформ, но высказались в их пользу, когда Эдвард Бэйнс представил свой проект. Вы доказывали, что предоставлять право голоса лишь одной пятидесятой части рабочего класса — вопиющая несправедливость.

— Это действительно так. Вероятно, главным образом поэтому мои воззрения на реформы изменились.

Милл подался вперед.

— Значит, как я могу заключить, вы за всеобщее избирательное право? — голос его дрогнул:

уж больно важен был вопрос.

— Действительно, за. Я считаю, что право голоса должен иметь каждый мужчина в стране.

Тут дверь открылась: Хелен внесла поднос с чайным сервизом и невольно услышала последнюю реплику.

— Но, мистер Гладстон, чтобы право было воистину всеобщим, оно ведь должно распространяться не только на мужчин, но и на женщин?

Гладстон тут же встал и с улыбкой галантно поклонился.

— Моя дорогая мисс Милл, ваш отец писал о неоценимой помощи, оказываемой вами при написании его трудов. Ныне же, познакомившись с вами, я вполне этому верю. Да, я согласен, что в один прекрасный день право голоса распространится и на женщин. Но самый длинный путь начинается с простого шага. Мы живем в консервативной стране, и нам придется всерьез побороться, чтобы добиться всеобщего избирательного права для мужчин. Но я обещаю, что, когда подходящее время придет, избирательное право станет поистине всеобщим.

Хелен улыбнулась, ответив на поклон грациозным реверансом.

— Ловлю вас на слове, сэр. А теперь давайте на-

лью вам чаю и покину вас, джентльмены, чтобы вы могли дискутировать дальше.

Отхлебнув чаю, Гладстон кивнул в сторону закрывшейся двери.

— Ваша дочь — настоящее сокровище, мистер Милл. Надеюсь, вас не оскорбит, если я скажу, что у нее мужской ум.

— Я понимаю, о чем вы, сэр, однако Хелен могла бы счесть это оскорблением.

— У меня и в мыслях не было! Я просто хотел сказать, что понимаю, в чем ценность ее вклада в вашу работу.

— Да, и немалая. Это она убедила меня, что на всеобщих выборах голосование должно быть тайным. Это воспрепятствует работодателям и землевладельцам влиять на выбор трудящегося люда.

— Чрезвычайно обоснованное наблюдение. Об этом аспекте голосования я еще не думал, но теперь вижу, что он играет крайне важную роль.

— Но понимаете ли вы, что тайное голосование, в котором участвуют все граждане страны, может стать той самой силой, которая преобразит ее навеки?

— Каким образом?

— Ныне, как вам прекрасно известно, верхов-

ная власть в Британии принадлежит не народу, а так называемой «короне в парламенте». Этот парламент держит в своих руках всю британскую власть, откуда следует, что парламент стоит над всеми и ничто не может встать у него на пути — ни воля народа, ни даже закон. Если законодательный акт противоречит воле правительства — что ж, министры просто-напросто изменят его. Даже если этой преградой будет общепринятый закон, формировавшийся веками.

— К несчастью, это истинная правда.

— Но если власть исходит от народа и передается снизу вверх, подобное попросту невозможно. Народ должен избирать своих представителей, выражающих общую волю. Если же те будут преследовать собственные интересы, их лишат власти. Это, да еще в сочетании с контролем и уравновешивающим действием судебного права и Верховного суда, и станет силой, обеспечивающей неукоснительное соблюдение воли народа, а не лордов и монархов, получивших свою власть по наследству. И даже Господь над ними не властен.

— Так вы верите, что это отделение церкви от государства в самом деле осуществимо?

— Верю. Не должно быть никаких предписан-

ных религий, заправляемых монархами. Как в американской конституции, не должно быть вообще никакой государственной религии. На самом деле церковь надлежит радикально отделить от государства.

Гладстон отставил чашку и со вздохом кивнул.

— Для жителей этого острова такая пилюля может оказаться очень горькой.

— Порой для блага больного приходится прибегать к сильным лекарствам. Но при вашем благоволении, мистер Гладстон, и благоволении прочих членов нашего конституционного конгресса в этой стране воцарится власть народа.

— Благородное стремление — и, будем надеяться, осуществимое. Я на вашей стороне, мистер Милл. Можете рассчитывать на мою поддержку на каждом шагу этого долгого пути.

Дозорные на борту недавно спущенного на воду броненосца ВМФ США «Верный», названного в честь неустрашимого корабля, потопленного во время битвы за Ирландию, с интересом смотрели на великолепную паровую яхту, поднявшуюся по проливу Солент и медленно прошедшую мимо. В их обязанности входила охрана Портсмута и здешней огромной военно-морской базы, но они не видели ни малейшей угрозы в этом элегант-

ном судне под королевским флагом Бельгии. Озаренная закатным солнцем яхта прошла через Саутгемптон-Уотер в Коуве-Роудз. Обогнув остров Уайт, она плавно подошла к кранцам причала в Коувсе. Видимо, ее прибытия ожидали, потому что у причала уже стоял наготове экипаж.

Но прибытия аккуратного суденышка ожидал не только кучер экипажа; чуть подальше стояла у причала еще одна яхта — тоже элегантная и сверкающая, как и бельгийская королевская.

На мостике «Авроры» находились два человека, наблюдавшие за прибытием нового судна, оба одетые в шикарные костюмы из тонкого сукна, но в осанке обоих явно сквозила армейская выправка.

— Покамест, граф, ваши сведения более чем верны, — заметил Густав Фокс.

— Как и должно быть, — отозвался граф Корженевский, — поскольку я отвалил за них немало золота. Бельгия — страна маленькая, ее политики славятся тем, что бедны как церковные мыши. Однако одному-двум известно, что мой агент хорошо платит за достоверные сведения, и просто-таки выстраиваются в очередь за взятками. Вы предупредили флот?

— Как только получил вашу весточку и при-

был сюда. К этой яхте на пушечный выстрел не подойдут, чтобы обыскать или потревожить как-нибудь иначе. Прибыла беспрепятственно, а убудет еще беспрепятственней.

— Я рад, — граф снова поглядел в бинокль. — Но деликатности и здравомыслия им явно недостает. С этой телеги на судно подняли уже пятый большущий сундучище.

— Германская знать никогда не отличалась особым умом.

— Вот именно, — граф с прищуром поглядел на солнце, опускающееся за волнистую гряду холмов. — Скоро стемнеет.

— Недостаточно скоро. Чем раньше закончится эта эскапада, тем счастливее я буду.

— Не отчаивайтесь, дражайший Гус, — граф со смехом потянул его за руку, лаконично отдав какую-то команду по-русски вахтенному офицеру. — Пойдем вниз, разопьем бутылочку шампанского. Нас тотчас же позовут, как только на пирсе начнутся хоть какие-нибудь действия.

В Осборн-Хаусе начался изрядный переполох, когда ввели бельгийского министра иностранных дел барона Сюрле де Шокье. Королева, одетая в черное дорожное платье и кудахтавшая над младшими детьми, уже дожидалась его. Принц

Уэльский — для домашних просто Берти — стоял в сторонке вместе с Александрой, ходившей в его невестах уже два года. Эта пара являла разительный контраст: она хрупкая и очень привлекательная, а коренастый Берти, несмотря на младость лет, если и наделен был хоть каким-то обаянием, то давным-давно, — чернобородый, толстопузый и уже лысеющий. Со скучающим видом он уставился на барона, обратившегося к королеве:

— Все подготовлено, Ваше Величество. Король Леопольд был невероятно озабочен безопасностью вашей особы и вашего семейства и испытал воистину безмерное облегчение, когда вы приняли его предложение предоставить вам убежище. Яхта стоит у причала в ожидании лишь вашего прибытия.

— А это не опасно? — потерянным тоном поинтересовалась Виктория, напрочь растратившая былую самоуверенность.

— Позвольте уверить вас, Ваше Величество, что Бельгия станет для вас надежным прибежищем вдали от этой разоренной и раздираемой войнами страны. Ваш багаж уже погружен, и мы ожидаем лишь вашу царственную особу.

Королева поглядела на детей, укутанных в теп-

лые жакеты, затем перевела взгляд на Берти и Александру, чьи руки были обнажены до плеч, и непререкаемым тоном заявила:

— Вы простудитесь.

— Да что ты, мама! — отмахнулся Берти с лукавой улыбкой. — По-моему, нам с Александрой в Осборн-Хаусе ничего не угрожает.

— Но... мы же запланировали. Для нашей общей безопасности... — Тут Виктория охнула, широко распахнув глаза. — Так вы не едете?! — злобно взвизгнула она. — У меня за спиной удумали остаться здесь?! Договорились с монархистами, разве нет? За моей спиной!

— Конечно, нет, мама, — но голос принца прозвучал как-то неубедительно, да сквозившая на губах тонкая улыбка напрочь отрицала его слова.

— Ты только и ждешь, когда я уеду! — заверещала она. — Хочешь узурпировать трон, пока я буду в Бельгии!

— Матушка, не надо так волноваться, тебе же плохо станет. Я уверен, что в Бельгии тебе понравится.

В конце концов Берти извинился и вышел, жестом пригласив шокированную Александру следовать за ним. Далеко не сразу ошеломлен-

ным фрейлинам удалось убедить королеву, что она должна отправиться на яхту — хотя бы ради детей. Рыдая, обезумев от горя, она наконец уселась в карету, прижимая к себе плачущих детей.

На борту «Авроры» Гус с графом успели опорожнить полбутылки выдержанного шампанского, прежде чем их снова позвали на палубу. И хотя фонари в порту не горели, ущербный месяц давал достаточно света, чтобы подкатившие кареты были видны вполне отчетливо. Появляющиеся из них темные фигуры одна за другой торопливо устремлялись вверх по сходням. Едва успели пассажиры подняться на борт, как суденышко изрыгнуло из трубы тучу дыма и отошло от причала. Матросы поспешно выбрали концы, и яхта, трудолюбиво пыхтя, направилась в Солент. Минут пять спустя «Аврора» неспешно тронулась следом. Миновав стоящие на якоре корабли, она вышла в океан. Бельгийская яхта сперва удалилась от берега на пару миль и только тогда взяла курс на восток.

— Она уже покинула британские территориальные воды и держит путь в Бельгию, — радостно сказал граф. — Что ж, давайте прикончим бутылку — надо же отпраздновать это событие.

Вернувшись в кают-компанию, он наполнил

бокалы и поднял свой.

— Тут без тоста не обойтись, — провозгласил Корженевский. — В ваших американских школах проходят принца Чарли Младшего Претендента?

— Вообще-то нет. В нашей стране недолюбливают британскую историю.

— Это серьезное упущение. Своих противников надо знать. Сдается мне, в Шотландии за этого сверженного принца поднимают тосты, называя его «заморским королем».

— А что, звучит неплохо, — Гус тоже поднял бокал. — Не выпить ли нам за заморскую королеву? — Они чокнулись и выпили до дна.

— Неужто они в самом деле думали, будто мы станем ее тут удерживать? — вслух раздумывал Гус. — Король Леопольд сделал нам огромное одолжение. Какая жалость, что мы не можем его отблагодарить!

Хотя в Англии уже сгустились сумерки, в Вашингтоне еще стоял день. Президент Авраам Линкольн устало посмотрел на заваленный бумагами стол, решительно их отодвинул и нажал на кнопку электрического звонка, чтобы вызвать секретаря. Джон Николай тотчас же просунул голову в дверь.

— Джон, будьте любезны, заберите это. Я уже

видеть их не могу. Я наивно думал, что с приходом мира бумажной работы станет куда меньше. И что же? Если что и изменилось, то ее стало только больше. Прочь бумаги, прочь!

— Как прикажете. — Секретарь собрал бумаги в аккуратную стопку, после чего извлек из кармана несколько сложенных листов. — А я только-только хотел показать вам вот это. Утренний доклад военного ведомства.

— Ох, уж эти мне военные! Их представление о том, что называется утром, подкашивает меня прямо под корень. Там есть что-нибудь такое, что мне хотелось бы услышать?

— По большей части пересказ донесений из Лондона. Конституционный конгресс все еще заседает, и можно рассчитывать, что документ, пригодный, чтобы поставить его на голосование, будет готов на следующей неделе.

— Они явно не торопятся.

— Нашему континентальному конгрессу потребовалось куда больше времени, чтобы составить Конституцию.

— Совершенно верно. Я был не прав. Что-нибудь еще?

— Да. Рапорт генерала Шермана. К этому времени генерал, должно быть, добрался до Эдинбурга.

Условия сепаратного мира с Шотландией полностью выработаны, и документ, скорее всего, подписан.

— Значит, у шотландцев уже имеется собственный парламент. Англичанам это вряд ли придется по вкусу.

— Да, шотландцы своего добились, а что касается англичан — на южных границах Шотландии нелады. Английские газеты брызжут слюной и предрекают бунты и кровопролитие на улицах.

— Они вечно предрекают что-то в этом роде, но, к счастью, их пророчества не сбываются. Шерман слишком хороший солдат, чтобы допустить подобное. По нраву им это или нет, но на них снизошел мир.

— Имеется также конфиденциальное донесение от Гуса Фокса, что королеву Викторию вот-вот тайком вывезут в Бельгию.

— Господи, благослови Гуса! Не знаю, как ему это удалось, но лучшей новости и придумать нельзя. Теперь, когда она окажется за пределами страны, монархисты лишатся своего знамени. Я буду в безмерном восторге, если они наконец проголосуют за конституцию, а затем выберут правительство, чтобы я мог вернуть ребят домой.

— На сей счет проблем с солдатами не возникает, господин президент. Поскольку генерал Шерман понемногу уменьшает численность оккупационных войск, все желающие вернуться домой уже вернулись. Добровольцев оказалось не так уж много. Похоже, там жалованье у них не в пример выше. Им по вкусу тамошние пабы и женщины. Из жалоб до меня доходила только одна — на погоду.

— Ну, армия, жалующаяся на дождь, наверняка всем остальным довольна с лихвой. Что-нибудь еще?

— На сегодня все. Вот разве что миссис Линкольн передавала, чтобы хоть сегодня вы не опаздывали к ленчу.

— Пожалуй, лучше пойду, — поглядев на часы, кивнул Линкольн. — Надо же добиться мира во всем мире.

— Это вам удалось, мистер президент, — внезапно посерьезнел Николай. — Ваш первый срок на президентском посту начался с войны, как и второй. Но теперь воцарился мир, и да будет так вовеки.

— Аминь, Джон. Аминь.

Наконец-то мир, думал Шерман. Договоры подписаны и скреплены печатями. А теперь еще и

сепаратный мир с Шотландией. Великобритания против желания рассталась с частью территории. Зато в наше время это означает мир. Победа стоит того, чтобы за нее сразиться. Но в последнее время приходилось чересчур часто терпеть спертую атмосферу душных комнат, да притом в компании упертых и нудных политиканов. Подойдя к окну, он распахнул обе створки и глубоко вдохнул прохладный воздух ночи. Внизу сиял огнями Эдинбург, плавно сбегала по холму улица Роял-Майл. Но тут послышался торопливый стук в дверь, и Шерман оглянулся.

— Не заперто!

В дверь заглянул сержант охраны.

— Сэр, генерал Грант пришел.

— Отлично. Пригласите.

Грант, ухмыляясь сквозь густую черную бороду, пересек комнату и взял Шермана за локоть.

— Ну, вот и все, Камп. Ты действительно победил.

— Все мы победили. Без тебя, Ли и Мигера — не говоря уж о нашем новом флоте — я бы не сделал ничегошеньки.

— Признаю, мы действительно сделали свою часть работы, но не забывай, что стратегия была твоя: комбинированные рода войск и молние-

носная война. Порой мне даже жаль британских солдат. У них, наверно, такое чувство, будто по ним пробежало стадо обезумевших бизонов.

— Наверное. Наши американские бизоны просто втоптали их в грязь и понеслись дальше.

Грант, причесывая бороду пятерней, кивнул в знак согласия.

— Сомневаюсь, что они в восторге от этого, но о таком исходе сражения они могли только мечтать. Да, они понесли потери, но далеко не такие, как в случае затяжной войны на выживание. Теперь и Англия, как и Ирландия, живет в мире и движется к демократии. И, судя по тому, что я видел в последние недели, шотландцы прямо-таки землю роют, чтобы заполучить свою страну обратно.

— Они чудесный народ и, как и ирландцы, теперь чувствуют себя в долгу перед Соединенными Штатами. Я даже горжусь, что подобные люди на нашей стороне. А у них есть и еще кое-что — лучшее виски из всех, какое я когда-либо пробовал. У меня тут завалялась бутылочка; не хочешь ли составить мне компанию, чтобы немножко отпраздновать?

— Ну, глоточек мне не повредит. Как вспомню о тех годах, когда валился в постель пьяным в

стельку, так сразу отпадает желание возвращаться в это состояние.

— И не вернешься. За годы войн ты слишком изменился. Тот человек, который не мог прожить без выпивки ни дня, давно умер. Впрочем, ты прав. Одной порции хватит за глаза.

На буфете стояла бутылка «Глен Моранж» и стаканы. Наполнив их, Шерман поднял свой.

— Тогда давай тост. Что-нибудь подходящее к случаю.

— Мне приходит в голову только одно: за мир в этом мире — и рай в следующем.

— Аминь.

Отхлебнув чудесного виски, генерал Шерман обернулся к открытому окну, чтобы взглянуть на край, где его произвели. Подошедший к нему генерал Грант поглядел на сверкающий огнями огромный Эдинбург, а затем на темные просторы за его пределами. Какой покойный пейзаж, настраивающий на мирный лад. Но дальше, за пределами Шотландии, находится Английский канал — традиционная водная магистраль и барьер, почти тысячу лет служивший непреодолимой преградой для воинственных наций Европы. А за этим барьером — материк, раздираемый извечной враждой, все еще стремящийся

улаживать разногласия силой оружия.

— Там зреет еще много бед, — проронил Грант. Слова его прозвучали, будто эхо мыслей Шермана. — Как ты думаешь, эти народы, все эти европейцы с их извечными распрями и рознью, хранящие в памяти многовековую историю войн и революций, — как ты думаешь, они сумеют удержать свои характеры в узде?

— Искренне надеюсь, что сумеют.

— Но в прошлом это им как-то не очень удавалось, а?

— Вот уж правда. Но, может быть, в будущем они изменятся к лучшему. — Шерман осушил свой стакан и поставил его на стол возле себя. — Но все-таки за ними надо приглядывать. Президент поручил мне заботиться о свободе Америки. Чтобы добиться этой свободы, все мы прошли долгий и горький путь. Больше никто и никогда не должен угрожать нашей стране. Да и не посмеет, пока еще теплится дыхание в моей груди.

— Я буду с тобой, Камп, как и всем мы. Мир — наша цель, но наше ремесло — война. Мы ее не хотим, но, если она придет, мы сумеем стереть врага в порошок.

— Непременно. Доброй ночи, Улисс. Спокойного сна.

— Все мы будем спать спокойно — отныне.

Лето 1865 года

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов

Уильям Г. Сьюард, государственный секретарь

Эдвин М. Стэнтон, военный министр

Гидеон Уэллс, министр военно-морского флота

Сэмон П. Чейз, министр финансов

Густав Фокс, заместитель министра военного флота

Иуда П. Бенджамин, министр по делам Юга

Джон Николай, первый секретарь президента Линкольна

Джон Хей, секретарь президента Линкольна

Роберт Паркер Пэррот, оружейник

Джон Эрикссон, изобретатель корабля ВМФ США «Монитор»

АРМИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Генерал Уильям Тикамси Шерман

Генерал Улисс С. Грант

Генерал Рамси, начальник департамента

артиллерийско-технического и вещевого снабжения

Генерал Роберт Э. Ли

Генерал Томас Фрэнсис Мигер, командующий Ирландской бригадой

Полковник Энди Соммерс

ВОЕННЫЙ ФЛОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Капитан Скофилд, капитан крейсера ВМФ США «Мститель» Адмирал Дэвид Глазго Фаррагут, главнокомандующий флота Капитан Рафаэль Семмз, капитан крейсера ВМФ США «Виргиния»

Капитан Сэнборн, капитан крейсера ВМФ США «Пенсильвания» Капитан Додж, капитан монитора ВМФ США «Громовержец» Капитан Кортен, капитан монитора ВМФ США «Атлас» Капитан Ван-Хорн, капитан монитора ВМФ США «Опустошитель»

Капитан третьего ранга Уильям Уилсон, второй помощник капитана линкора ВМФ США «Диктатор»

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Виктория Регина, королева Великобритании и Ирландии

Лорд Пальмерстон, премьер-министр

Лорд Джон Рассел, министр иностранных дел / премьер-министр Уильям Гладстон, канцлер казначейства

Бенджамин Дизраэли, лидер оппозиции

Джон Стюарт Милл, ученый

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ

Герцог Кембриджский, главнокомандующий

Бригадный генерал Соммервилл, адъютант герцога

Генерал Бэгнелл

Генерал сэр Уильям Армстронг, главнокомандующий войск Ее Величества в Индии

БРИТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ

Адмирал Спенсер

Лейтенант Арчибальд Фаулер, лейтенант линкора Ее Величества

«Защитник»

БЕЛЬГИЯ

Посол Пирс, американский посол в Бельгии

Леопольд, король Бельгии

Барон Сюрле де Шокье, министр иностранных

дел

ИРЛАНДИЯ

Джеремия О'Донован Росса, президент Ирландской республики

Айзек Батт, вице-президент Ирландской республики

Посол О'Брин, ирландский посол в Соединенных Штатах Америки

Томас Макграт, ирландский узник в Бирмингеме

Патрик Макдермотт, ирландский узник в Бирмингеме

РОССИЯ

Адмирал Павел С. Нахимов, адмирал Российского флота

Граф Александр Игоревич Корженевский, капитан яхты «Аврора»

Лейтенант Сименов, главный механик «Авроры»

ШОТЛАНДИЯ

Генерал Макгрегор, главнокомандующий войск Ее Величества в Шотландии

Мистер Макларен, член Шотландского совета

Роберт Далглиш, председатель Национальной партии Шотландии